

Рәсәй фәндәр академияһы
Өфө ғилми үзәге
Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты

Российская академия наук
Уфимский научный центр
Институт истории, языка и литературы

Башкортостан Республикаһы хөкүмәте
Башкортостан Республикаһы
Фәндәр академияһы

Правительство Республики Башкортостан
Академия наук
Республики Башкортостан

РӘСӘЙ ФӘНДӘР АКАДЕМИЯҢЫ
ӨФӨ ФИЛМИ ҮЗӨГЕ
ТАРИХ, ТЕЛ ҺӘМ ӘЗӘБИӘТ
ИНСТИТУТЫ

БАШКОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҢЫ
ХӨКҮМӘТЕ
БАШКОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҢЫ
ФӘНДӘР АКАДЕМИЯҢЫ

БАШКОРТ ХАЛКЫНЫҢ ТАРИХЫ

ЕТЕ ТОМДА

I ТОМ

МӘСКӘҮ НАУКА 2009

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН

ИСТОРИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА

В СЕМИ ТОМАХ

ТОМ I

МОСКВА НАУКА 2009

УДК 94(470.57)
ББК 63.3(2 Рос. Баш)
И90

Работа подготовлена и издана в рамках Гос(контракта) № 1 – ИБН «Подготовка к изданию многотомной "Истории башкирского народа"»

Редакционная коллегия:

Сарбаев Р.С., Премьер-министр Правительства Республики Башкортостан, председатель редакционной коллегии
Илишев И.Г., заместитель Премьер-министра Правительства Республики Башкортостан – министр культуры и национальной политики Республики Башкортостан, д. полит.н., заместитель председателя редакционной коллегии
Акманов И.Г., профессор Башкирского государственного университета, д. и. н.
Алексеев В.В., директор Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, академик РАН
Ананьич Б.В., главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской академии наук, академик РАН
Асфандияров А.З., профессор Башкирского государственного университета, к. и. н.
Аюпов М.А., ректор Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, член-корреспондент АН РБ
Буканова Р.Г., заведующая кафедрой Башкирского государственного университета, д. и. н.
Гаскаров А.Р., заместитель Премьер-министра Правительства Республики Башкортостан – министр финансов Республики Башкортостан
Кульшарипов М.М., декан исторического факультета Башкирского государственного университета, главный редактор (научный руководитель) издания, д. и. н.
Лаврентьев С.Н., Государственный советник при Президенте Республики Башкортостан
Литвинский Б.А., главный научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, д. и. н.
Мажитов Н.А., вице-президент Академии наук Республики Башкортостан, академик АН РБ
Мустафин А.Г., вице-президент Академии наук Республики Башкортостан, академик АН РБ
Овсянников В.В., заведующий отделом археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, к. и. н.
Попова И.Ф., директор Института восточных рукописей Российской академии наук, д. ф. н.
Псянчин А.В., заместитель председателя президиума Уфимского научного центра Российской академии наук, д. г. н.
Пшеничнюк А.Х., старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, к. и. н.
Сахаров А.Н., директор Института российской истории Российской академии наук, член-корреспондент РАН
Сулейманова Р.Н., заведующая отделом новейшей истории Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, к. и. н.
Тишков В.А., директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, заместитель академика-секретаря ОИФН, академик РАН
Харрасов М.Х., ректор Башкирского государственного университета, д. физ.-мат. н.
Хисамитдинова Ф.Г., директор Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, д. ф. н.
Хисматуллин А.А., начальник Управления по делам архивов при Правительстве Республики Башкортостан
Чубарьян А.О., директор Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН
Шаммазов А.М., президент Академии наук Республики Башкортостан, академик АН РБ
Юсупов Р.М., заведующий отделом этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, к. и. н.
Яблонский Л.Т., заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии Российской академии наук, д. и. н.

Редакционная коллегия I тома:

В.В. Овсянников, В.К. Федоров, Ф.Г. Хисамитдинова

Рецензенты:

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
С.В. Кузьминых, старший научный сотрудник Института археологии Российской академии наук
А.П. Зыкин, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

ISBN 978-5-02-037008-1
ISBN 978-5-02-037010-4 (т. 1)

© Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2009
© Издательство «Наука», 2009

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Выход в свет многотомной «Истории башкирского народа» – событие, важное не только для Республики Башкортостан, но и в целом для России. «История башкирского народа» – это фундаментальное комплексное издание, призванное дать целостное представление об этнической истории одного из крупных народов Евразии, его материальной и духовной культуре.

Всестороннее и углубленное представление многовековой истории башкирского народа позволяет правильно определить ориентиры будущей его судьбы, дальнейшего его развития в условиях ускоренной глобализации мира в XXI веке.

В многотомном исследовании нашли отражение важные закономерности развития Евразии, Исторического Башкортостана, представлены основные этапы этногенеза башкир, воссоздано их социально-экономическое, культурно-духовное развитие с древнейших времен и до наших дней на базе широкого круга исторических источников, в том числе найденных и открытых российскими учеными в последние десятилетия. Каждый том монографического исследования посвящен отдельному, значимому периоду в истории становления и развития башкирского народа.

Сегодня Башкортостан – многонациональный край с удивительной природой, богатейшими историческими и культурными традициями, один из ведущих индустриальных и сельскохозяйственных регионов Российской Федерации. Здесь создан мощный топливно-энергетический комплекс, развиты химическая и нефтехимическая отрасли, машиностроение, приборостроение, металлургия, лесное и сельское хозяйство, связь и транспорт. Это результат кропотливого труда всех народов Республики Башкортостан и, конечно, башкирского народа, давшего республике название.

Многотомная «История башкирского народа» – первый академический труд, посвященный истории башкирского народа с древнейших времен. Он издается под грифом Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, но является результатом совместных усилий многих научных учреждений и организаций России и Башкортостана. Уже фактом своего появления это фундаментальное исследование свидетельствует о высоком уровне развития национальной науки, культуры и образования. Республика по праву может гордиться своим высоким научным потенциалом.

Надеюсь, что «История башкирского народа» станет востребованным изданием, даст возможность лучше понять историю и культуру башкирского народа и в целом Башкортостана, увидеть его перспективы и потенциальные возможности.

Президент Республики Башкортостан

М.Г. РАХИМОВ

Уважаемые друзья!

История и этнография башкирского народа всегда привлекали внимание ученых. Первые научные описания народа были предприняты членом-корреспондентом Академии наук и художеств П.И. Рычковым, участниками знаменитых академических экспедиций XVIII в. П.С. Палласом, И.И. Лепехиным, И.Г. Георги, другими исследователями.

История башкирского народа в семи томах — первая академическая работа, созданная совместными усилиями ученых не только Башкортостана, но и других субъектов Российской Федерации, а также зарубежных исследователей. Символично, что основным исполнителем такого крупного проекта выступило учреждение Российской академии наук — Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра, в течение многих десятилетий идущий в авангарде гуманитарных наук Республики Башкортостан.

Этот многотомный труд значим и актуален для всей многонациональной России, поэтому над проектом в тесном взаимодействии работали специалисты Института российской истории (Москва), Института востоковедения (Москва), Института археологии (Москва), Института языкознания (Москва), Института восточных рукописей (Санкт-Петербург), Института истории и археологии Уральского отделения (Екатеринбург) и других учреждений, объединяемых Отделением историко-филологических наук РАН.

В работе использованы новейшие открытия и достижения в области археологии, антропологии, этнографии, истории, языкознания. Многие проблемы, впервые получившие освещение в многотомнике, являются предметом научных дискуссий и требуют дальнейшего исследования. Мне, как читателю, импонирует заявленный авторами труда подход, рассматривающий этногенез башкир в широком контексте мировых и региональных процессов.

Уверен, что новейшее научное осмысление истории и культуры башкирского народа вызовет самый широкий читательский интерес и отклик.

Академик-секретарь
Отделения историко-филологических наук РАН
академик **А.П. ДЕРЕВЯНКО**

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Башкиры являются одним из древних этносов Евразии, сформировавшимся на Южном Урале в первом тысячелетии н.э. Они занимали обширную территорию, включающую Южный Урал, южные части Среднего Урала и прилегающие к ним просторы Приуралья и Зауралья. Эти земли обозначаются в башкирской историографии понятием «Исторический Башкортостан». В настоящее время на территории Исторического Башкортостана располагаются Республика Башкортостан, Оренбургская и Челябинская области, некоторые районы Курганской, Пермской, Свердловской, Самарской, Саратовской областей, а также Республики Татарстан.

Настоящее издание является первым в истории академической науки Республики Башкортостан многотомным трудом, в котором с новых теоретико-методологических позиций осмысливается многовековая история народа, изучаются основные закономерности исторических процессов на Южном Урале, где происходило формирование башкир как самостоятельного этноса, их социально-экономическое и культурно-духовное развитие.

Стремление к объективности и историзму составляет основу издания. Оно опирается на апробированные в научном плане концептуальные основы, написано с использованием новейших методологических подходов, без крайностей формационной или цивилизационной методологии. В многотомном труде сделана попытка избежать субъективных взглядов и отклонений, конъюнктурных соображений при освещении проблем, событий и явлений истории башкир. Она настолько богата, уникальна, имеет свои славные и трагические страницы, что не нуждается в искусственном приукрашивании, приписывании исторических достижений других народов.

Приступая к подготовке многотомника, авторский коллектив учитывал, что история башкирского народа на протяжении многих десятилетий подверглась фальсификации, освещалась тенденциозно, целые ее страницы преданы забвению или изучены весьма поверхностно. Безусловно, на исследовательском процессе сказалось господство в недалеком прошлом «единственно верной» методологии. Однако было бы односторонним объяснение фальсификаций и домыслов в изучении истории башкир лишь использованием учеными-историками марксистской методологии. Обилие искажений в немалой степени было обусловлено пренебрежительным, нигилистическим отношением к ней ряда историков, склонных воспринимать башкир только как отсталых кочевников, не имеющих ни исторического наследия, ни будущего. На этой основе отрицалась способность башкир создавать свою государственность. Несостоятельность подобного взгляда опровергается тем, что башкирский народ после Февральской революции 1917 г. проявил небывалую общественно-политическую активность и, опираясь на собственные вооруженные силы, добился признания Башкирской автономной республики со стороны советской власти.

Субъективистского характера искажения коснулись практически всех периодов и этапов исторического прошлого башкирского народа. Эта тенденция особенно ярко проявилась в попытках с позиций евроцентризма приписать всю разнообразную древнюю историю и культуру Южного Урала лишь этносам индоевропейского происхождения. Вопреки археологическим, фольклорным, письменным материалам, до сих пор широкое хождение имеет тезис о поздней тюркизации Южного Урала.

Невозможно согласиться с продолжающейся по настоящее время тенденцией показать башкирские восстания XVII – XVIII вв. как реакционные, феодальные движения. Выступления башкир были связаны с нарушением прав народа, гарантированных условиями его вхождения в состав Русского государства.

Грубому искажению подверглась история национально-государственного строительства в Башкортостане в 1917 – 1922 гг. Борцы за политические, экономические, социальные и культурные права народа, получившие ярлыки «реакционных буржуазных националистов», «контрреволюционеров» были преданы забвению. О видном общественно-политическом деятеле, основателе автономного Башкортостана, ставшим впоследствии всемирно известным ученым-востоковедом, Заки Валиди следовало писать только в негативном плане или вообще не упоминать его имени. Такая же участь постигла и других руководителей башкирского национального движения, в большинстве своем павших жертвами культа личности.

Наличие существенных разночтений и разногласий в освещении истории башкирского народа, отсутствие написанной на академическом уровне истории башкир обусловили исключительную значимость и актуальность создания обобщающего многотомного труда. При его подготовке, безусловно, были использованы достижения всех поколений исследователей, в работах которых нашли отражение различные аспекты истории башкирского народа.

Первые попытки изучения истории башкир были предприняты еще в XIX – XX вв. Речь идет прежде всего о работах Д.П. Никольского «Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование». [СПб., 1899], В.И. Филоненко «Башкиры» [Уфа, 1915]. Однако эти труды не являются последователь-

ным изложением всей истории башкирского народа с древнейших времен. Монография Д.П. Никольского посвящена отдельным вопросам этнографии и истории башкир преимущественно XIX в. В книге В.И. Филоненко также отражены лишь некоторые стороны истории башкир. Например, достаточно объективно показана земельная политика царизма в Башкортостане, имеются отрывочные сведения о башкирских восстаниях.

История башкир затронута в написанных еще в дореволюционный период трудах башкирских и татарских авторов. Речь идет о книгах Х. Атласи «История башкир», М. Уметбаева «Ядкарь», Г. Гумери «Вымирают ли башкиры?». В свое время эти работы, как компилятивные и ненаучные, были подвергнуты критике со стороны А.З. Валиди.

Достаточно последовательно история башкирского народа изложена выдающимся востоковедом Заки Валиди в лекциях по курсу «История колонизаторства», прочитанных в Стамбульском университете (изданы в переводе А.М. Юлдашбаева в 2005 г. в Республике Башкортостан отдельной книгой под названием «История башкир»). Лекции посвящены истории происхождения башкир, их обычаям и особенностям быта, общественно-политической жизни и национально-освободительной борьбе вплоть до начала 20-х гг. XX в.

Узловые проблемы истории башкир нашли отражение в работах крупных историков Башкортостана XX в. К их числу можно отнести монографию видного этнографа Р.Г. Кузеева «Происхождение башкирского народа» [М., 1974], где детально исследован сложный процесс этногенеза башкир (автор придерживается взгляда о поздней тюркизации Южного Урала).

Более обоснованная, на наш взгляд, точка зрения о заселении Южного Урала тюрками, о ранних этапах этногенеза и этнической истории башкир высказана в книге Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой «История Башкортостана с древнейших времен до XVI в.» [Уфа, 1994].

Вопросы добровольного вхождения башкир в состав России рассмотрены в монографии А.Н. Усманова «Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству» [Уфа, 1982]. Истории башкирских восстаний конца XVII — XVIII вв. посвящены научные изыскания И.Г. Акманова, опубликовавшего ряд монографий по этой теме.

Перевод башкир в военно-служилое сословие в конце XVIII в., введение кантонной системы управления (1798 — 1865 гг.), участие башкир в Отечественной войне стали предметом исследований А.Н. Усманова и А.З. Асфандиярова.

Социально-экономическое положение башкир в пореформенный период и в начале XX в. нашло отражение в монографиях Х.Ф. Усманова «Столыпинская аграрная реформа в Башкирии» [Уфа, 1958] и «Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период 60 — 90-е гг. XIX в.» [Уфа, 1981].

Вопросы Башкирского национального движения, национально-государственного строительства в Башкортостане стали предметом монографических исследований М.М. Кульшарипова, Б.Х. Юлдашбаева, С.Ф. Касимова.

История башкирского народа, главным образом его борьба за свободу и землю, показана в историко-краеведческих очерках А.Г. Бишшева «История башкирского народа и его борьба за свободу» [Уфа, 1993].

История башкир в определенной мере представлена на страницах таких коллективных трудов, как «Очерки по истории Башкирской АССР», «История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в.», «История Башкортостана с древнейших времен до наших дней», «История Башкортостана в XX веке». Однако в них социально-политическая и этнокультурная история башкирского народа излагается бегло, как отдельные сюжеты общей истории народов Башкортостана. Осталась вне поля зрения авторов и история башкирского населения, проживающего за пределами республики. Следует отметить, что в обобщающих работах, изданных в советское время, узловые моменты истории народа изложены в соответствии с идеологической доктриной тоталитарного большевистского режима.

Отдельные сюжеты, имеющие непосредственное отношение к истории башкир советского периода освещены в трудах З.А. Аминова (Октябрьская революция и Гражданская война), Р.А. Давлетшина (коллективизация), Ф.А. Саяхова (строительство социализма в БАССР) и т.д. Вопросы участия башкир в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. нашли отражение в книгах Р.С. Аюпова, Т.Х. Ахмадиева, М.А. Бикмева и других. Некоторые аспекты послевоенной истории народа рассмотрены в трудах Р.Г. Кузеева, М.Б. Ямалова. Современной истории башкирского народа, его движению за суверенитет посвящены книги М.А. Аюпова, З.И. Еникеева, А.М. Бускунова и других.

Этнографии, культурно-духовной жизни башкирского народа посвящены работы Р.Г. Кузеева, Н.В. Бикбулатова, С.Н. Шитовой, Г.Б. Хусаинова, Г.С. Кунафина, Р.З. Шакурова, М.Н. Фархшатов, К.К. Каримова, Ф.Г. Хисамитдиновой и др. Исследователями башкирского фольклора являются М.А. Бурангулов, А.Н. Киреев, А.И. Харисов, М.М. Сагитов, Ф.А. Надыршина, А. М. Сулейманов.

В целом следует отметить, что многотомное издание по истории башкирского народа имеет по всем направлениям солидную историографическую и источниковую базы (более глубоко вопросы историографии и источниковедения представлены в каждом томе).

В структурном отношении издание разделено на 7 томов. Деление на тома продиктовано стремлением охватить все стороны многовековой истории народа, раскрыть все ее аспекты — этнические, демографические, хозяйственные, социальные, культурно-духовные, ментальные, языковые и т.д. В его основе лежит хронологический подход к теме, позволяющий выделить крупные этапы и эпохи, определившие ход исторических событий и процессов. Первый том нацелен, главным образом, на показ этнокультурной ситуации на Южном Урале в древнейший период, на анализ направлений и этапов первичного заселения территории региона, начиная с эпохи палеолита и заканчивая IV в. н.э. На протяжении этого длительного периода на Южном Урале пребывали носители древних языков и культур — финно-угры, индо-иранцы, тюрки и т.д. Выделение этой эпохи в истории Южного Урала в отдельный том продиктовано разнообразием археологических культур и уникальностью многих памятников. В томе сделан вывод, что многие элементы материальной и духовной культуры башкир, в частности погребальные обряды, традиционный женский костюм, архаические пласты в башкирском языке, уходят своими корнями в глубокую древность.

Начало второго тома хронологически связано с эпохой Великого переселения народов, которое оказало непосредственное влияние на этногенез башкир. Заканчивается том историей пребывания башкир в составе ханств, возникших в результате распада Золотой Орды. Последние его главы позволяют выяснить причины добровольного вхождения в 1557 г. большей части Башкортостана в состав России. Выделение этого периода в отдельный том вполне оправданно, если учесть, что указанная эпоха до сих пор оставалась наименее изученной и имела много «белых пятен».

Третий том охватывает время с сер. XVI в. до конца XVIII в. Установление подобных хронологических рамок определено датой добровольного вхождения башкир в состав Русского государства и концом XVIII в., завершившимся окончательным переводом башкир в военно-служилое сословие. Этот период истории насыщен событиями, имевшими громадное значение для развития края и, естественно, башкир, оказавшихся в силу целого ряда исторических обстоятельств в составе России. В томе речь идет о социальной адаптации башкирского общества к российским порядкам. Важно и то, что конец XVII — XVIII вв. — это период грандиозных башкирских восстаний, связанных с нарушением российским правительством условий добровольного подданства, усилением колониального гнета. К сожалению, современная российская историография всячески пытается обелить самодержавное прошлое, игнорируя борьбу нерусских народов за свои права. В данном томе значительное внимание уделено борьбе башкир за свободу и землю, названной академиком М.К. Любавским «феноменальным явлением в истории». Не менее обстоятельно освещаются и другие аспекты истории башкир в указанный период, например, состояние культурно-духовной жизни народа, особенно в связи с открытием Мусульманского духовного собрания в Уфе.

Четвертый том посвящен истории башкирского народа в XIX в. Этот период отмечен большими изменениями в жизни башкирского народа, связанными с введением кантонной системы управления, что обеспечило массовое участие башкир в Отечественной войне 1812 г., и реформами второй половины XIX в. Пореформенный период был отмечен интеграцией башкир в условиях перевода из военного сословия в гражданское состояние в социально-политическое пространство Российской империи. В томе большое внимание уделяется экономическим и социальным изменениям в жизни башкирского общества, особенно в пореформенный период. Показано усиление колониационных процессов, сопровождавшихся широким расхищением башкирских вотчинных земель. Предметом пристального внимания стали вопросы демографии башкир, проведен тщательный анализ Всероссийской переписи 1897 г. Широкое отражение нашла этнография башкир, их культурно-духовная жизнь в контексте «мусульманского Ренессанса» конца XIX века.

Пятый том включает период с начала XX в. и до 1940 г. Это был переломный этап в истории башкирского народа. Начало века ознаменовалось войнами, революционными потрясениями, имевшими не только положительные, но и трагические последствия для башкирского народа. Узловым моментом в истории народа в этот период было его участие в революционном движении, которое положило начало национально-государственному строительству в крае. Этот период был трагическим в демографическом положении башкир: с 1917 по 1926 гг. их численность сократилась почти наполовину. Большие перемены произошли в жизни и быте башкир после Октябрьской революции, особенно в ходе так называемого форсированного строительства социализма — индустриализации, коллективизации и культурного строительства. Изучая последствия этих коренных преобразований для башкирского народа, авторы обращают внимание, что историю народа данного периода нельзя показывать только в негативном плане, имея в виду установление в стране тоталитарного большевистского режима. В индустриальном развитии республики, решении задач культуры

(образования, науки, искусства и литературы) было немало положительных моментов, игнорирование которых недопустимо и означало бы отход от исторической правды. В томе большое внимание уделено истории башкир, проживающих за пределами Республики Башкортостан.

В шестом томе прослежена история Великой Отечественной войны и до 1985 г., т.е. до наступления эпохи реформирования советского общества. Значительное место в нем уделено участию башкирского народа в Великой Отечественной войне, а также показу вклада БАССР в дело Победы. Подробно освещены вопросы размещения эвакуированного населения и промышленных объектов в республике, раскрыта роль в этих процессах башкирского народа. На страницах тома широко представлено участие башкирских воинов в боевых действиях против немецких оккупантов, показан боевой путь легендарной Башкавдивизии, подвиги воинов из Башкортостана, прежде всего Героев Советского Союза и кавалеров трех орденов Славы из башкир.

Изучен и переосмыслен целый ряд вопросов истории башкир послевоенного периода, связанных с общественно-политическим, социально-экономическим и культурным развитием БАССР. Показано, как экстенсивное развитие промышленности республики, особенно нефтехимической, имело не только позитивные, но и сугубо негативные последствия для башкирского народа (демографические, экологические, социальные проблемы). В томе нашли отражение вопросы культуры, духовной жизни народа с широким показом влияния на эти стороны жизни башкирского народа партийной диктатуры, застойных явлений и т.д.

В седьмом томе речь идет об истории башкирского народа в условиях коренных изменений в стране, связанных с реформированием советского общества и переходом к рыночной экономике. Авторами предпринята попытка раскрыть глубину трансформации старых и новых государственных институтов, исследовано влияние ломки советской системы хозяйствования на развитие башкирского народа. Период характеризуется появлением новых башкирских общественно-политических организаций, сыгравших важную роль в принятии Декларации о государственном суверенитете РБ, в строительстве новых институтов власти. Эти аспекты новейшей истории республики, как и раскрытие сути политики Федерального центра по отношению к республике, также нашли отражение в томе. Пристальное внимание получило изучение истории огосударствления башкирского языка, демографии башкирского народа в конце XX — начале XXI в. Изменения в идеологии общества послужили существенным моментом в деле демократизации общественно-политической жизни республики. Все эти процессы, включая культурно-духовные преобразования, особенно в области религии, рассматриваются в тесной связи с современным состоянием башкирского народа в настоящее время.

Каждый том готовится с отдельным приложением. Значительную часть приложений составляют документы и материалы по истории башкирского народа, отрывки из трудов древних и средневековых авторов, архивные документы, которые до сих пор были недоступны не только широкой массе читателей, но и специалистам-историкам.

М.М. КУЛЬШАРИПОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ К I ТОМУ

Первый том «Истории башкирского народа» посвящен периоду освоения Южного Урала человеком и характеристике этнокультурной ситуации в древнейший период. Важность изучения этого периода несомненна для реконструкции этногенетической истории башкир.

В предшествующие годы в исторической литературе большое внимание уделялось миграционным процессам. Смены культур и эпох объяснялись появлением нового населения. Исторические карты, как планы сражений, пестрят маршрутами миграций. Действительно, история знает массу примеров грандиозных передвижений древних народов. Однако массовые миграции населения – это исключительное, экстраординарное событие. С переселением, миграцией всегда связаны лишения, опасности, возможна и гибель всего народа.

Уникальность расположения Южного Урала как раз заключается в том, что он на протяжении веков давал возможность выжить людям в различных ситуациях. Расположение на стыке двух грандиозных природных зон степи и леса, давало людям шанс лавировать между этими стихиями. Такую возможность всегда предоставляла лесостепная «прослойка» и предгорья. Не случайно для различных эпох (камня, бронзы, раннего железа) является общим процесс образования на границе леса и степи человеческих сообществ с высокой степенью приспособляемости к природным условиям.

Таким образом, историческое значение южноуральского ландшафта, как колыбели башкирского народа в том, что культурная традиция в его пределах не прерывалась. Несмотря на смену эпох, материальной культуры, климатические и политические изменения здесь всегда сохранялось этническое ядро, выступающее посредником и коммуникатором для последующих поколений. Результатом развития этой традиции является формирование современного башкирского народа, культура которого несет в себе следы всех прошедших эпох.

Антропологические, этнографические и филологические исследования выявили несколько этнокультурных компонентов, участвовавших в сложении башкирского народа. Основными из них являются индоиранский, финно-угорский и тюркский.

Цель данного тома коллектив авторов видит в том, чтобы показать с помощью археологических, антропологических, фольклорных и языковых источников древность культурных традиций башкирского народа, их непосредственную связь с предшествующими культурами, получившими развитие на территории Исторического Башкортостана.

С этой целью содержание тома разбито на четыре блока. Первый блок посвящен археологическим источникам. Именно благодаря изучению археологических памятников мы можем установить связь с прошлым.

Антропологический блок призван показать процесс расо – и этногенеза предков современных башкир. Если археологический и антропологический блоки тесно взаимосвязаны и четко могут быть соотнесены хронологически, то процесс формирования языка датировать и соотнести с определенной эпохой чрезвычайно сложно. Это удается пока только в редких случаях. Тем не менее, авторы попытались в третьем блоке показать древнейший этап формирования башкирского языка со всеми возможными временными привязками.

Четвертый блок посвящен мифологическим представлениям древних башкир. Следы этих представлений рассеяны в огромном пласте устной народной культуры, которая дожила до наших дней. Истоки этих представлений уходят глубоко в прошлое. Корреляция археологических и фольклорных источников в ряде случаев позволяет с точностью до эпохи установить появление тех или иных воззрений.

Современная наука пока не обладает возможностью точно установить долю участия каждой из культур в истории башкирского народа, но подтвердить сам факт этого участия в состоянии. Именно это коллектив авторов и пытался показать в 1 томе «Истории башкирского народа». Насколько это удалось судить читателям.

В.В. ОВСЯННИКОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ БАШКОРТОСТАН

■

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЮЖНОГО УРАЛА

Используя понятие «Башкортостан» в географическом (пространственном) аспекте, необходимо иметь в виду территорию, на которой в различные этапы своей истории расселялись башкиры.

При реконструкции этапов этнической истории башкир, проведении исторических, этнографических и других научных исследований необходимо рассматривать обширное пространство Исторического Башкортостана (Историческая Башкирия)¹ – Приуралье (в том числе часть Заволжья), Южный Урал (включая Мугоджары и прилегающие степи), южные части Среднего Урала, Зауралье. Так, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона о территории расселения башкир говорится следующее: «Башкиры или башкирцы – народ тюркского племени, живут преимущественно на западных склонах и предгорьях Урала и в окрестных равнинах. Но во второй половине 16 столетия им, за небольшими исключениями, принадлежала вся земля между Камой и Волгой до Самары, Оренбурга и Орска (тогда еще не существовавших), и на восток по Миясу, Исети, Пышме, Тоболу и Иртышу до Оби» [*Брокгауз, Ефрон*, т. 3, 1891].

Отдельные исследователи четко выделяют границы Исторического Башкортостана. Так, по мнению И.Г. Акманова, южная граница Исторического Башкортостана проходила примерно от нижнего течения реки Илек, далее вверх до среднего течения Урала (Яик), затем по реке Уй до верховьев Тобола. На западе башкирские земли доходили до Волги в районе Саратова и Самары, на северо-западе – до устья реки Кинель, далее шли по среднему течению реки Сок, верховьев Кондурча, затем по рекам Шешме и Каме. Местами башкирские земли захо-

дили за Каму. Например, известно, что на правом берегу Камы в районе устьев рр. Вятка, Иж и Очер располагались части территорий башкир Булярской, Байлярской, Енейской, Уранской, Гирейской и Гайнинской волостей и во второй половине XVIII в. на этих землях существовали башкирские аулы. На севере башкирские земли доходили до устья реки Сылта и среднего течения Чусовой, далее на северо-востоке они сужались и шли по северному берегу реки Исеть – от верховьев до впадения в Тобол [*История Башкортостана...*, т. 1, 2004].

Известно, что географическая среда оказывает воздействие на этнос, проживающий в данных природных условиях. Это отмечал известный российский географ Л.С. Берг: «Под именем географического ландшафта (пейзажа) следует понимать область, в которой характер рельефа, климата, растительного покрова, животного мира, населения и, наконец, культуры человека сливаются в гармоничное целое, типически повторяющееся на протяжении известной (ландшафтной) зоны Земли. В географическом ландшафте все элементы должны воздействовать друг на друга и взаимно обуславливать друг друга» [*Берг*, 1915.; *Берг*, 1925]. Таким образом, прямая и обратная связи во взаимодействии природы и общества с наибольшей силой и в наибольшем объеме проявляются в процессе хозяйственной деятельности людей.

Территория Исторического Башкортостана, в особенности его ядро, благодаря многообразию и богатству природных условий, т.е. именно как вмещающий ландшафт², где формировался и консолидировался башкирский этнос, сыграла суще-

¹ **Исторический Башкортостан** (Тарихи Башкортостан) – термин, применяющийся для обозначения территории, на которой в различные периоды истории расселялись башкирские племена и башкирский этнос. Используется в исторических, этнографических, лингвистических и других научных исследованиях.

² **Вмещающий ландшафт** (кормящий ландшафт, вмещающая географическая среда) – термины, использованные Л.Н. Гумилевым для обозначения места проживания этносов и ландшафтов, дающих им пищу, а также для обозначения экономических возможностей, которые имеются в природных условиях территории, где проживает этнос.

ственную роль в становлении этноса, в первую очередь в развитии традиционного хозяйства башкир (лесные промыслы, скотоводство, собирательство и т.д.).

Однако физико-географические условия обитания оказывают воздействие не только на материальную, но и на духовную сферу. Например, относительно башкирского языка можно констатировать, что горно-лесные условия Башкортостана способствовали длительному сохранению у отдельных племенных групп диалектных различий и многих рудиментарных явлений, исчезнувших в других тюркских языках.

Территориальные границы Исторического Башкортостана в отдельные периоды очень существенно различались, но представляется, что ядром, где происходило становление и развитие башкирского этноса, всегда оставался Южный Урал (современная территория Республики Башкортостан с прилегающими территориями).

Первые сведения, касающиеся Южного Урала (Башкортостана), встречаются в сочинениях античных авторов V в. до н.э. – I в. н.э. В их трудах географическая информация представлена по-разному: от полумифических легенд до довольно точных описаний, по которым можно установить конкретную территорию с ее природными особенностями и условиями.

Анализ различных космологических и страноведческих описаний мира показывает, что Урало-Поволжье, в том числе и территория Башкортостана, с IX в. включалось в систему исламского восприятия ойкумены. О Башкортостане и башкирах сообщает ряд восточных средневековых авторов: Саллам ат-Тарджуман (IX в.), Ибн-Руста (X в.), ал-Балхи (X в.), Ибн-Фадлан (X в.), ал-Масуди (X в.), Махмуд ал-Кашгари (XI в.), ал-Идриси (XII в.) и др. Особый интерес представляют «Рисала» («Записки») Ибн-Фадлана (923 г.), «Диван лугат ат-турк» («Свод тюркской лексики») Махмуда ал-Кашгари (1072–1074 гг.) и «Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям») ал-Идриси (1154 г.). Ибн-Фадлан пишет о «стране башкир»; ал-Кашгари приводит сведения о языке башкир и показывает их в междуречье Иртыша и Или на круглой карте мира, приложенной к его словарю. Ал-Идриси в своем сочинении описывает Башкортостан и башкирские города Мастр и Кастр. К текстовой части ал-Идриси приложил карту «населенных областей», состоящую из 70 частей (*Charta Rogeriana*), и круглую карту мира. На карте «населенных областей» отражены

многие географические названия Урало-Поволжья, показаны Южный Урал, исток р. Итиль (Волга), ее притоки Кама, Белая, Уфа, Ай и города на территории Башкортостана.

В первой половине XIII в. Башкортостан достоверно начинает фигурировать в работах западноевропейских купцов, послов, путешественников и миссионеров. В 1235 – 1236 гг. и 1237 – 1238 гг. Башкортостан посетил венгерский монах-доминиканец Юлиан. Он привел сведения о р. Белой и других природных объектах на этой территории. О географических объектах на территории Башкортостана оставили сведения Платон Карпини (1182 – 1252), Виллем Рубрук (между 1215 и 1220 – 1293), Матвей Меховский (1457 – 1523), Сигизмунд (Зигмунд) Герберштейн (1486 – 1566), Николай (Николаас) Витсен (1641 – 1717) и др. М. Меховский в своем сочинении «Tractatus de duabus Sarmatiis...» («Трактат о двух Сарматиях...» 1517) упоминает о Башкортостане, о его географических объектах, занятиях народов, живущих здесь. Он ошибочно полагает, что Уральские горы не существуют. В 1549 г. была издана книга С. Герберштейна «Rerum Mos-covitarum commentarii...» («Записки о Московии...»), где содержатся сведения по географии Русского государства, в том числе и Башкортостана (особенно детально описаны Уральские горы). Подробно описал географию Башкортостана Н. Витсен в труде «Noord-en Oost Tartarya» («Северная и Восточная Тартария»), опубликованном в 1692 г. в Амстердаме. С различной степенью достоверности Башкортостан и его географические объекты получили отражение на западноевропейских средневековых географических картах, которые сегодня составляют самостоятельный корпус источников.

Таким образом, если в раннем средневековье европейцы имели смутное представление о Южном Урале, то с начала XVI в., благодаря работам М. Меховского, С. Герберштейна и других авторов, в Европе становятся известны достоверные сведения о Московии, в том числе и о Башкортостане.

В золотоордынский период территория Башкортостана входила в состав улуса Джучи. После распада Золотой Орды Башкортостан оказался разделенным между Казанским, Сибирским ханствами и Ногайской Ордой. Славянское название «Башкирия» утвердилось в конце XVI в. (по имени коренного народа).

Основная территория Башкортостана во второй половине XVI в. мирно и добровольно вошла в состав Русского государства и управлялась Приказом

Казанского дворца в Москве, образованным в 50 — 60-е годы XVI в., а восточные башкиры до начала XVIII в. находились в ведении Сибирского приказа. В 1586 г. был учрежден Уфимский уезд во главе с воеводой, и весь Исторический Башкортостан вошел в его состав. В 1586 — 1592 гг. внутри уезда были образованы территориально-административные области (дороги) — Казанская, Ногайская, Осинская и Сибирская. Дороги состояли из волостей: в 1730 г. Ногайскую дорогу составляли 15 волостей, Сибирскую — 17, Казанскую — 22 и Осинскую — 4. Они функционировали до введения в Башкортостане в 1798 г. кантонной системы управления. Уфимский уезд прекратил свое существование в 1708 г. в связи с образованием Уфимской провинции с центром в Уфе.

В связи с растущими потребностями формирующегося абсолютизма в России Петром I была учреждена губернская система. В 1708 — 1728 гг. Петербург управлял Уфимской провинцией через казанских воевод, в 1728 — 1733 гг. — через «Особенное ведомство» Сената.

В 1744 г. была образована Оренбургская губерния, первоначально включающая в свой состав Уфимскую и Исетскую провинции во главе с воеводами, подчиненными начальникам Оренбургской экспедиции и Комиссии башкирских дел. Исетская провинция объединяла 2 волости Ногайской дороги и 11 волостей Сибирской дороги. Остальные башкирские территории находились в составе Уфимской провинции.

В целях усиления надзора за населением после подавления Пугачевского движения была проведена новая административная реформа. 23 декабря 1781 г. вместо Оренбургской губернии образовано Уфимское наместничество с центром в Уфе, торжественное открытие которого состоялось 17 мая 1784 г. Наместничество возглавлялось генерал-губернатором (наместником) и состояло из Уфимской и Оренбургской областей. К Уфимской области относились впервые учрежденные 8 уездов: Белебеевский, Бирский, Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский, Мензелинский, Стерлитамакский и Челябинский. Село Белебей, слободы Бугульма и Бугуруслан, Челябинская крепость получили статус уездных городов.

По Указу от 12 декабря 1796 г. была восстановлена Оренбургская губерния с 10 уездами. 23 марта 1797 г. губернским центром стал Оренбург. 29 января 1802 г. административным центром губернии вновь стала Уфа, военно-политическим центром остался Оренбург.

31 мая 1865 г. Оренбургская губерния была разделена на две губернии: Оренбургскую и Уфимскую. Эти губернии просуществовали почти без изменений до 1919 — 1920 гг.

По соглашению Центральной советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономной Башкирии от 20 марта 1919 г. (опубликовано 23 марта) была образована Автономная Башкирская Советская Республика. 11 октября 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете Башкирской Советской Социалистической Республики, БАССР был преобразован в БССР. В соответствии с Законом Верховного Совета БССР от 25 февраля 1992 г. республика получила наименование Республика Башкортостан.

* * *

Башкортостан расположен на рубежах Восточно-Европейской равнины и горного Урала в его южной части. Выгодное физико-географическое положение определило многообразие его природных особенностей ландшафтов, отличающихся от соседних равнин Восточной Европы, Западной Сибири и Казахстана. Башкортостан занимает большую часть Южного Урала и прилегающие к нему предгорные равнины Предуралья и Зауралья.

Многообразие и особенности минерально-сырьевых ресурсов Башкортостана, их распределение по площади определяются главным образом физико-географическим положением республики. Находясь на стыке Европы и Азии, ее территория охватывает несколько существенно различающихся по геологическому строению зон: Восточную окраину Русской платформы, Предуральский краевой прогиб, Горный складчатый Урал и Зауралье. Каждой зоне соответствует свой богатый набор полезных ископаемых. В пределах платформенной части и краевом прогибе широко распространены месторождения нефти и газа, а в складчатой части и Зауралье — рудные полезные ископаемые. На территории Южного Урала известно более 3 тыс. месторождений шестидесяти видов минерального сырья.

По природным условиям современный Южный Урал (Башкортостан) можно разделить на три части:

Западный Башкортостан (Башкирское Предуралье), расположенный в пределах Русской равнины;

Горный Башкортостан (Башкирский Урал), охватывающий Южный Урал;

Башкирское Зауралье — узкая полоса к востоку от Уральских гор.

Увалисто-холмистые равнины Башкирского Предуралья занимают 2/3 площади республики, горный Башкортостан (Башкирский Урал) — более 1/4, а грядово-мелкосопочная полоса Башкирского Зауралья — менее 1/10. Физико-географическое положение Башкортостана определило многообразие его природных условий. Располагаясь в переходной зоне от Восточно-Европейской равнины к Уральским горам и далее к Западно-Сибирской равнине, он в своей природе сочетает черты прилегающих обширных неоднородных территорий. Лесная (смешанные и широколиственные леса) зона занимает северные части Башкортостана и по горам Южного Урала проникает далеко на юг, в западной и восточной частях расположена лесостепная, а на юге — степная зона. В горах Южного Урала проявляется высотная поясность. Растительный и животный мир представляет собой пеструю смесь волжско-камских, уральских и сибирско-казахстанских видов. Территория Республики Башкортостан, вытянутая с севера на юг, входит в пределы 4 географических зон умеренного пояса: смешанных лесов, широколиственных лесов, лесостепную и степную. Характерно, что эти зоны под влиянием рельефа отчетливо отклоняются от широтного направления, смещаясь далеко на юг, вследствие чего различия в почвенно-растительном покрове проявляются резче с запада на восток, чем с севера на юг. Большую роль в этом играют Уральские горы, протянувшиеся широкой полосой с севера до южных границ республики. Они определяют проникновение лесной зоны далеко на юг, в глубь лесостепей и степей. На Башкирском Урале климат, почвы и растительность обнаруживают ярко выраженную высотную поясность, где природные ландшафты изменяются от степей и лесостепей в полосе подножий и низких предгорий до елово-пихтовой тайги на высоте от 600 до 1000 — 1100 м и гольцового пояса на самых высоких вершинах гор (до 1600 м и более).

На увалисто-холмистых равнинах Башкирского Предуралья наблюдается проникновение на север по низменным поверхностям и широким долинам рек ландшафтов южного типа: лесостепной зоны в пределы лесной (Таныпская и Месягутовская лесостепь) и степной — в глубь лесостепной (Демско-Чермасанский степной коридор). В Башкирском Зауралье природный ландшафт имеет облик, характерный для южной полосы Западной Сибири и Северного Казахстана.

Башкортостан расположен в глубине материка, и воздушные массы, формирующиеся над Атлантикой, поступают сюда трансформированными. Республика с севера широко открыта влиянию

Ледовитого океана, с юга — засушливых регионов Казахстана и Прикаспийской низменности. Уральские горы не препятствуют проникновению зимой холодных воздушных масс Сибири. Все это предопределяет континентальность климата Республики Башкортостан.

На территории Башкортостана формируется континентальный климат с относительно теплым летом и продолжительной, умеренно холодной зимой, обуславливаемый годовым ходом солнечной радиации, изменением радиационных свойств подстилающей поверхности в течение года и циркуляционными процессами.

По Уральским горам проходит климатический рубеж Русской равнины и Западно-Сибирской низменности. На равнинах Предуралья и западном склоне Урала при более сильном влиянии западных воздушных течений климат умеренно континентальный, свойственный Русской равнине. В Зауралье, увлажненном меньше, климат типично континентальный, западносибирский. В горах климат меняется по вертикали. С высотой снижается температура воздуха, возрастают осадки и облачность, усиливаются ветры. Климат вершин много суровее и влажнее, чем внизу, у подножия гор.

Зимы в Башкортостане довольно суровы. В ноябре везде устанавливается снежный покров. Температура опускается до -40°C . Средние температуры января от -14°C до -17°C . По сравнению с Предуральем и тем более горами Урала значительно меньше снега в Зауралье. Для степей Приуралья типичны сильные зимние ветры — бураны, сдувающие снег с открытых возвышенных мест в понижения и долины.

Лето в горной полосе значительно прохладнее, чем на соседних равнинах. В таёжной зоне равнинного и предгорного Урала лето относительно теплое, а в степной — жаркое. Температура здесь поднимается до $+40^{\circ}\text{C}$. Среднеиюльские температуры колеблются между 16°C и 20°C тепла. Весной и осенью обычны заморозки.

Распределение осадков и их количество в первую очередь зависят от характера атмосферной циркуляции, при этом отчетливо проявляется влияние Уральских гор. На западных склонах Урала годовая сумма осадков достигает 640 — 700 мм, а на восточных склонах не превышает 300 — 500 мм, в западной равнинной части республики — 400 — 500 мм. Из годовой суммы осадков 60 — 70% выпадает в теплое время года (с апреля по октябрь). На летние месяцы приходится максимум суточного количества осадков (78 — 86 мм). Самая ранняя дата появления снежного покрова — 12 — 20 сентября, самая ранняя

дата образования устойчивого снежного покрова — 16-24 октября, в горных районах — 5 — 12 октября, средняя дата установления снежного покрова — 3 — 13 ноября. Средняя дата схода снежного покрова — 14 — 24 апреля. Число дней со снежным покровом составляет — 153 — 165, в горных районах — 171 — 177. Средняя и наибольшая высота снежного покрова — 36 — 55 см, максимальная высота может достигать 106 — 126 см.

Речная сеть Башкортостана относится к 3 речным системам — Волги, Урала, Оби. Система Волги охватывает 75% территории республики, Урала — 25% и Оби — менее 1%. Наиболее приподнятую часть и западный склон Башкирского (Южного) Урала дренируют Агидель (Белая) с притоками Ну-гуш, Селеук, Зилим, Сим и Уфа с притоками Ай и Юрюзань. На восточном склоне берут начало правые притоки р. Урал — Малый Кизил, Янгелька, Большой Кизил, Таналык. Южный склон дренируется Сакмарой и ее притоками Зилаиром и Б. Иком. С равнинного Башкирского Предуралья берут начало рр. Ашкадар, Уршак, Дема, Чермасан, Сюнь, Ик, Бирь, Быстрый Танып. Реки Башкортостана, имея преимущественно снеговое питание, отличаются высоким весенним половодьем, более слабым осенним подъемом от дождей и сравнительно маловодны летней и зимней меженью. На реках горного Урала половодье имеет многопиковую форму за счет прерывистого характера снеготаяния и дождевых подъемов.

Болота на территории Башкортостана сосредоточены в долинах равнинных рек с широкой поймой — Агидель, Уфа, Ик, Дема, Быстрый Танып.

В бассейне р. Агидель (Белая) насчитывается свыше 2,7 тыс. озер, прудов и водохранилищ. Половина водоемов расположена в бассейне нижнего течения Белой (ниже устья Уфы), где преобладают озера пойменного типа. Здесь же расположены самые крупные озера — Асылыкуль и Кандрыкуль.

В Башкирском Зауралье расположены оз. Ургун, Большие Учалы, Карагайлы, Узункуль, Яктыкуль, Карабалыкты, Суртанды, Чебаркуль, Атавды, Яугуль, Мулдаккуль, Талкас и др.

Формирование и развитие структуры почвенного покрова Башкортостана обусловлены геолого-геоморфологическими, климатическими и растительными условиями. В пространственном распределении они подчинены законам широтной зональности и высотной поясности.

Почвы характеризуются высоким содержанием гумуса при слабой подвижности питательных элементов, укороченностью генетического профиля,

низкой биологической активностью, тяжелым механическим составом и высокой карбонатностью.

Наиболее распространенными являются черноземы, серые лесные, горные и пойменные почвы.

Леса Башкортостана представлены преимущественно широколиственными листопадными сообществами с преобладанием дуба, липы, ильма, осины. Хвойные леса по площади уступают широколиственным и на равнине встречаются в северной части Башкирского Предуралья, где древостои формируются из пихты и ели. Основные массивы хвойных лесов связаны с горными районами. В нижней части гор леса формируются сосной, в верхней — елью, под пологом которой развивается пышный зеленомошный покров, состоящий из брусники, черники и других таежных растений. В центральных районах Башкирского Урала (хр. Крака, Зилаирское плато) и в восточных предгорьях (Крыктытау, Ирлендык) небольшими участками сохранились лиственные леса. Значительная часть сосновых лесов уничтожена рубками и заместились мелколиственными лесами из березы бородавчатой. Пойменные леса образуют тополя, ивы, липы. По заболоченным участкам поймы, вдоль коренного берега чаще встречается черная ольха. Тополевые и ивовые леса нарушены человеком полностью или частично и замещены на луговые сообщества сенокосов и пастбищ.

До начала интенсивного освоения территории Башкортостана степи занимали не менее 1/3 ее равнинной части. После освоения практически всех пахотопригодных земель площадь степей резко сократилась, на равнине в Предуралье они почти исчезли уже в начале XX в. Освоение целины в начале 50-х гг. XX столетия ликвидировало равнинные степи Башкирского Зауралья. Основные массивы степей сохранились на склонах гор и холмов в Зауралье, а также в предгорных районах Предуралья на Бугульминско-Белебеевской возвышенности и северных отрогах Общего Сырта.

На территории современного Башкортостана выявлено 120 видов одноклеточных, около 700 видов червей, 121 — моллюсков, около 5000 — членистоногих, около 50 — рыб, 10 — земноводных, 10 — пресмыкающихся, 300 — птиц, 76 — млекопитающих. Животные обитают во всех средах (воде, почве, воздушном бассейне). По количеству видов и особей беспозвоночные животные доминируют во всех средах жизни, играют важную роль в природных биоценозах. Многие виды животных имеют обширный ареал, однако ареалы некоторых европейских видов ограничены Уральскими горами.

Большинство видов животных распространено по всей территории Башкортостана. Отдельные виды приурочены к определенным эколого-географическим условиям. Открытые пространства населяют сурок, тушканчик, заяц-русак, степной хорек, серая куропатка, полевой жаворонок; леса — медведь, рысь, куница, бурундук, белка, рябчик; водоемы — бобр, выдра, ондатра, утки, чайки, поганки, болотная черепаха и др. Некоторые виды рыб обитают только в реках (хариус, подуст, стерлядь и др.) и стоячих водоемах (карась, линь и др.).

112 видов животных внесено в Красную книгу Республики Башкортостан, 51 вид — в Красную книгу Российской Федерации.

Богатая и разнообразная природа Башкортостана и народы, населяющие его территорию, с давних пор привлекали внимание исследователей. Повышенный интерес к краю был вызван как его географическим положением в центре Евразийского пространства — на границе Европы и Азии, так и богатством природных ресурсов: разнообразными полезными ископаемыми, лесами, земельными ресурсами, растительным и животным миром.

Такие уникальные природные условия и факторы способствовали развитию разнообразных традиционных занятий башкир в ходе их этнической истории, происходившей на этом обширном пространстве.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО НАРОДА

ТЕРРИТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО БАШКОРТОСТАНА В ЭПОХУ КАМНЯ

ПАЛЕОЛИТ

РАННИЙ И СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ

Южный Урал с глубокой древности был привлекателен для заселения благодаря разнообразию ландшафтов и животного мира, развитой речной сети, обилию родников, карстовых полостей и навесов, наличию практически неисчерпаемых запасов кремнистых пород.

Открытие памятников раннего палеолита на Кавказе, возраст которых превышает 1 млн. лет (Дманиси, Родники, Богатыри), говорит о вероятности заселения юга Русской равнины еще в плейстоцене [Ранний палеолит... 2008, Шелинский и др., 2007]. В Прикамье А.Ф. Мельничуком было открыто нижнепалеолитическое местонахождение Ельники II, которое обследовалось П.Ю. Павловым и Б.И. Гуслицером. Здесь были найдены кости трогонтериевого слона вместе с чоппингом и отщепом [Павлов, 1996]. Этот памятник свидетельствовал о проникновении древнего человека в лихвинское межледниковье среднего плейстоцена (ок. 300 тыс. лет назад). Ряд памятников открытого типа ашельского времени был найден в конце 1990-х годов в Мугоджарах [Деревянко и др., 2001]. Исходя из вышесказанного, логично предположить о достаточно раннем проникновении людей на Южный Урал, еще в среднем плейстоцене.

Изучение памятников нижнего палеолита на территории региона только начинается. Единственный пока памятник с фауной, имеющий надежные датировки, – это Старо-Тукмаклинское местонахождение. Оно расположено в обрыве левого берега р. Каряка (левый приток р. Кармасан) напротив устья р. Письмянки на территории д. Старые Тукмаклы Кушнаренковского района Республики Башкортостан (Рис. 1). Памятник был открыт в 1955 г. А.П. Шокуровым, в 1968 г. обследован А.П. Шоку-

ровым и А.В. Коноваловым, в 1969 г. О.Н. Бадером и В.Л. Яхимович. Костеносный горизонт находится на глубине 9,5 м под толщей красно-бурых песков и суглинков в отложениях крупного известнякового щебня, заполненного коричневой, красноватой или зеленой глиной с прослоями зеленого песка. Среди костей бизона, оленя, дикой лошади были обнаружены, по определению В.Е. Гарутт, кости *Archaeodiskodon trogon-therii*. По мнению В.Л. Яхимович, костеносный горизонт является пограничным между нижнеплейстоценовыми отложениями и лихвинским горизонтом. По остаткам древесины была получена запредельная радиоуглеродная дата – 50 тыс. лет (БашГИ – 61). Палеомагнитные исследования нижней части озерных отложений с костеносным горизонтом, проведенные Ф.И. Сулеймановым, позволили датировать их возрастом ~400 тыс. лет. Споро-пыльцевой анализ показал степную и лесостепную растительность в условиях сухого теплого климата [Итоги биостратиграфических..., 1985]. По мнению А.П. Шокурова, многие кости имеют следы дробления и огня. Кроме того, среди них были найдены уголек и проколка из грифельной кости лошади [Шокуров, 1977]. В ходе изучения части коллекции костей с местонахождения, хранящихся в Октябрьском краеведческом музее, были обнаружены орудия. Самое крупное орудие было изготовлено из расколотой вдоль метатарзальной кости лося (№ 495), у которой ретушью были выровнены поверхности скола, а на закругленном плоском конце имеются следы заглаженности и поперечных бороздок. Другое орудие было изготовлено из плечевой кости зубро-бизона (№ 500), у которой были удалены эпифизы; один обломанный край был выровнен оббивкой, другой край орудия заглажен, и от него тянется цепочка поперечных бороздок. Пяточная кость оленя (№ 504) имеет следы искусственного облома, а на поверхности – продольные борозды, возникшие от

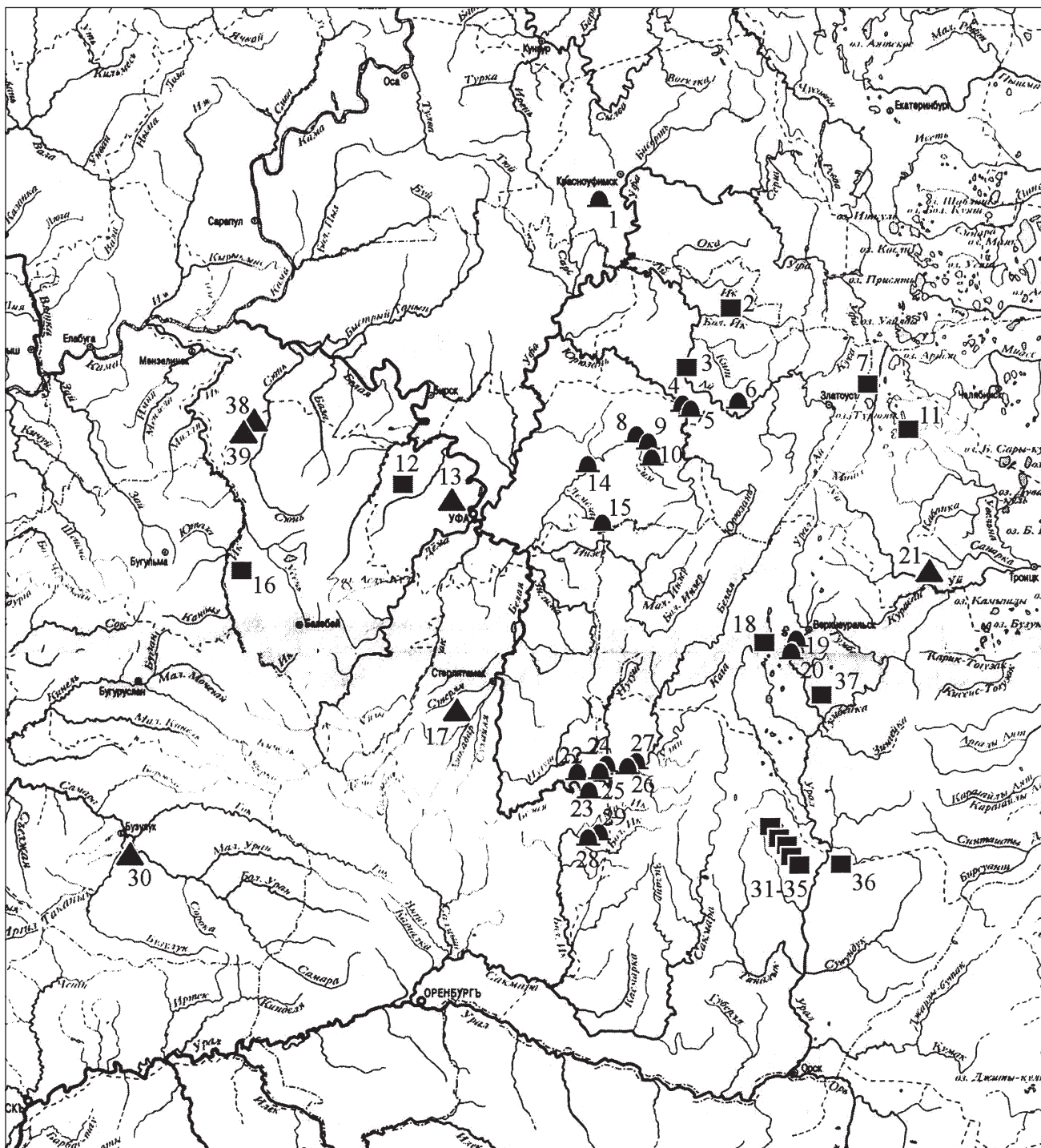

Рис. 1. Карта памятников эпохи палеолита Южного Урала

Условные обозначения: I – памятники нижнего и среднего палеолита, II – верхнего палеолита, III – пещерные памятники.
 1 – грот Бобылек, стоянка; 2 – Новобелокатайская стоянка; 3 – Айская стоянка; 4 – Бурановская пещерная стоянка; 5 – Ключевая пещерная стоянка; 6 – Сикияз-Тамак I, пещерная стоянка; 7 – Навес (Остров Веры-6), стоянка; 8 – Серпиевская 2, пещерное святилище; 9 – Игнatieвская (Ямаз-Таш), пещерное святилище; 10 – грот у Каменного Кольца, стоянка; 11 – Краснокаменское местонахождение; 12 – Старо-Тукмалинское местонахождение; 13 – Горново, местонахождение; 14 – Кислевская, пещерное святилище; 15 – Заповедная, пещерное святилище; 16 – Муллино 2, местонахождение; 17 – Табулдинское местонахождение; 18 – Мысовая (Урта-Тубе), стоянка; 19 – Смеловская 1, пещерная стоянка; 20 – Смеловская 2, пещерная стоянка; 21 – Троицкая 1, стоянка; 22 – Муйнак-Таш, пещерная стоянка; 23 – Байслан-Таш (Акбутинская), пещерная стоянка; 24 – Максютковский грот, стоянка; 25 – Балатукай (Безьянная), пещерная стоянка; 26 – Кульюрт-Тамак (космонавтов), пещерная стоянка; 27 – Шулган-Таш (Каповая), пещерное святилище и стоянка; 28 – Мурадымовская 1 (Голубиная), пещерная стоянка; 29 – Мурадымовская 2 (Копченая), пещерное святилище; 30 – Лабызы 1, стоянка; 31 – Карышкино 12, местонахождение; 32 – Сарыташ 1в, местонахождение; 33 – Долина 11, местонахождение; 34 – Кызыл Яр 2, стоянка-мастерская; 35 – Кызыл Яр 4, местонахождение; 34 – Кызыл Яр 2, стоянка-мастерская; 35 – Кызыл Яр 4, местонахождение; 36 – Богдановка, стоянка; 37 – гора Маячная, местонахождение; 38 – Сюнь 2, стоянка; 39 – Сюнь 1, стоянка

скобления поверхности кости каменным инструментом. Фрагмент ребра зубро-бизона (№ 501) имеет на обоих обломанных концах заглаженность. Все это позволяет отнести данный памятник к типу стоянок на выходах костей эпохи раннего палеолита.

Известная к этому времени стоянка Мысовая (Урга-Тубе, Карабалыкты VII) на оз. Карабалыкты в Абзелиловском районе Республики Башкортостан (Рис. 1) дала представительный материал архаических по облику орудий [Бадер, Матюшин, 1973]. Памятник был открыт Г.Н. Матюшиным в 1961 г. Раскапывался Г.Н. Матюшиным с 1961 по 1968 гг., О.Н. Бадером в 1971 г. Палеолитические изделия залегали в основании гумуса и в плейстоценовой желтой супеси, заполняющей естественную ложбину глубиной до 2 м на скальном мысу, возвышающемся на 12 м над уровнем озера. Определить возраст геологических отложений желтого суглинка удалось только предположительно, как относящихся к калининскому оледенению (75 – 50 тыс. лет) [Цейтлин, 1975]. Исследователи по характеру сохранности и технико-типологическим характеристикам разделили коллекцию на две группы: к первой отнесены рубила, рубило-чоппинг и бифасиальные рубящие орудия с естественной пяткой и с обработкой рабочих краев грубыми радиальными сколами (Рис. 2, 1, 5-9); ко второй группе – рубильца, скребла, леваллуазские нуклеусы, два мустьерских остроконечника (Рис. 2, 2 – 4). Полагая неоднородный состав коллекции, О.Н. Бадер выдвинул предположение об ашельском возрасте первой группы и мустьерском возрасте второй, которое поддержал Г.Н. Матюшин [Бадер, Матюшин, 1973; Матюшин, 1978]. Ашельский возраст первой группы орудий стоянки Мысовая до настоящего времени остается дискуссионным [Абрамова, 1984].

В последние годы в Баймакском районе Башкортостана Н.С. Савельевым, А.Ф. Яминовым и В.Г. Котовым открыты и первично исследованы десятки палеолитических памятников (Долина 1, Долина 11, Карышкино 5, 12, Улек-Хазы 6, Каменный Овраг 10, 18, 20, Калинино 4, 6, Старыташ 1в, Кызыл-Яр 2, 4, 13 и др.) (Рис. 1.1), большая часть из которых – поверхностные местонахождения.

Среди них выделяются стоянка-мастерская Кызыл-Яр 2, приуроченная к скальному обнажению яшмы длиной 35 м и высотой 4 м, и находящееся недалеко от нее местонахождение Кызыл-Яр 4 открытого типа. Памятник был открыт в 1999 г. Н.С. Савельевым и В.Л. Чемодановым. Шурфовался в 2003 г. В.Г. Котовым. Под скалой в шурфе в отложениях гумуса и суглинка были обнаружены многочисленные сколы и орудия (более 2 тыс. экз.), среди них два грубых рубящих орудия

нуклевидной формы, скребла, пикообразные орудия, кливеры и рубящие орудия на крупных удлиненных отщепах с выделенной ретушью рукояткой, похожие на современные топоры. Сколы с гладкими или естественными ударными площадками и бессистемной огранкой дорсала, нуклевидные изделия с гладкими ударными площадками и бессистемными снятиями указывают на долеваллуазскую традицию обработки камня, характерную для ашельского времени. На расположенном в 100 м от этого памятника поверхностном местонахождении Кызыл-Яр 4 были найдены рубило овальной формы (Рис. 3, 1), орудие типа пик (Рис. 3, 2) и кливер с нуклевидным оформлением поверхностей (Рис. 3, 5), а также скребла, чоппер, рубящие орудия, многочисленные отщепы (Фото. 7 – 10). Поскольку оба эти памятника представляют единый комплекс, можно констатировать, что это один из древнейших многослойных памятников эпохи ашеля на Урале, сочетающий рубила и разнообразные рубящие орудия в рамках одной традиции. Оба памятника являются фактически одной стоянкой-мастерской на выходах сырья, где производилась не только первичная обработка, но и изготавливались разнообразные орудия, в основном рубящие, которые использовались здесь же. Очевидно, этот участок долины был привлекателен, в том числе из-за мощных родников карстового происхождения, питающих р. Большая Уртазымка, берега которой всегда имели древесную растительность.

Неподалеку, на левом берегу р. Карасаз, на местонахождении Долина 11, расположенном на мысу, имеющем высоту 4 м от уровня реки, на поверхности был собран ряд архаических изделий: нуклеус плоский, параллельного скалывания, являвшийся также и рубящим орудием; чоппинг-отбойник, отщепы [Котов, 2004]. Нуклевидное рубящее орудие напоминает рубящие орудия на Мысовой и на Кызыл-Яр 2.

Интересный многослойный памятник Навес (Остров Веры ба) был выявлен в 2006 г. Н.С. Савельевым и В.Г. Котовым у скального останца в центре острова Веры на озере Тургояк Челябинской области [Григорьев и др., 2008] (Рис. 1.1). Высота останца от подножья в целом составляет 5 – 6 м, от уровня озера – 23 – 24 м, он сложен из горизонтальных плит гранодиорита. Под северной стороной останца под навесом, выступающим от уровня подножия останца на 1 м, был заложен шурф около 5 кв. м, доведенный до скального основания на глубину 1,2 м. Вблизи скалы в заполнении крупной трещины были зафиксированы последовательные отложения раннего железного века, энеолита, мезолита, верхнего палеолита, мустьерского времени. Первичная обработка в коллекции нижних горизонтов характеризуется грубо призматическими нукле-

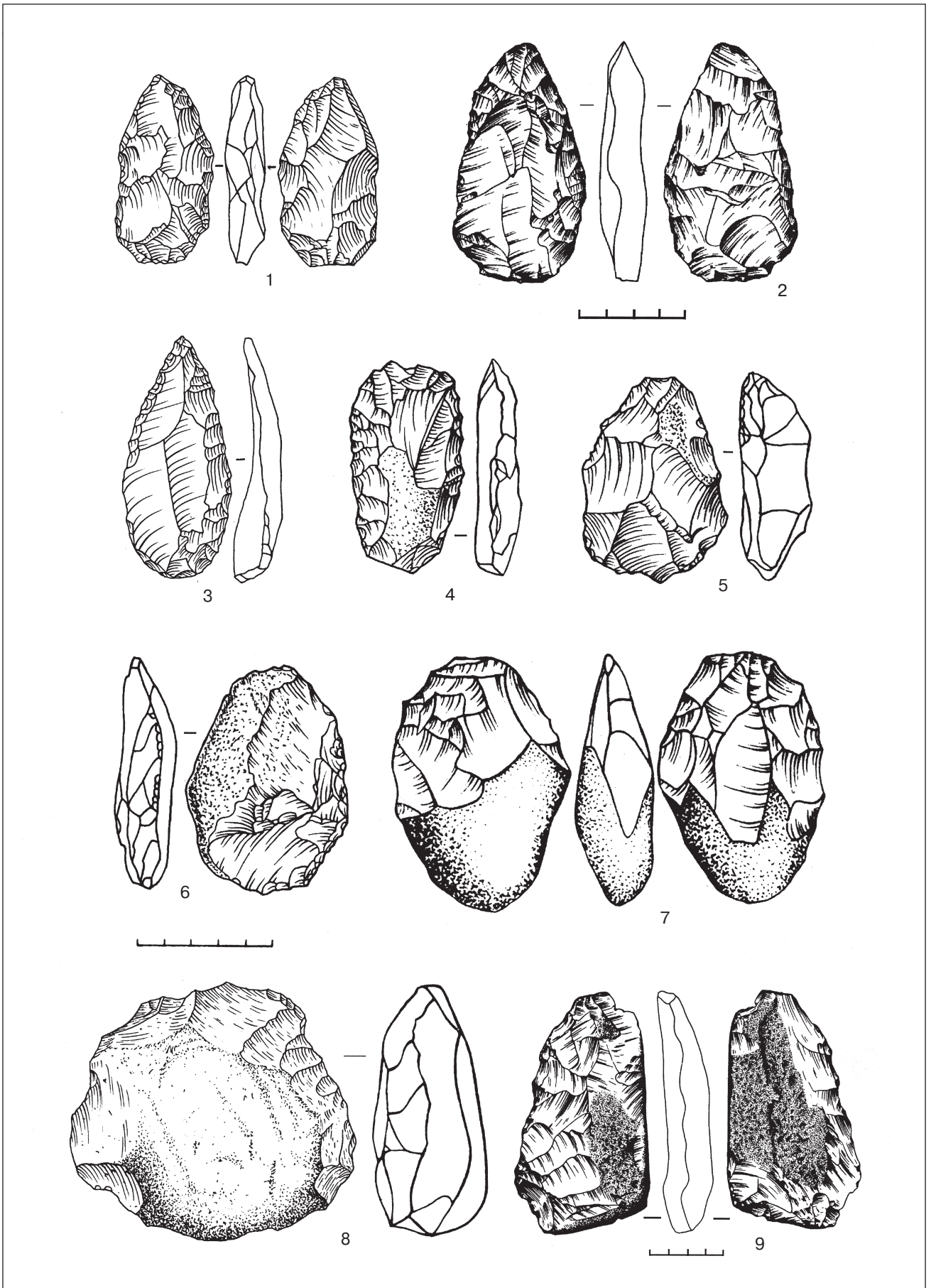

Рис. 2. Стоянка Мысовая (Урга-Тубе). Каменный инвентарь (по О.Н. Бадеру и Г.Н. Матюшину)

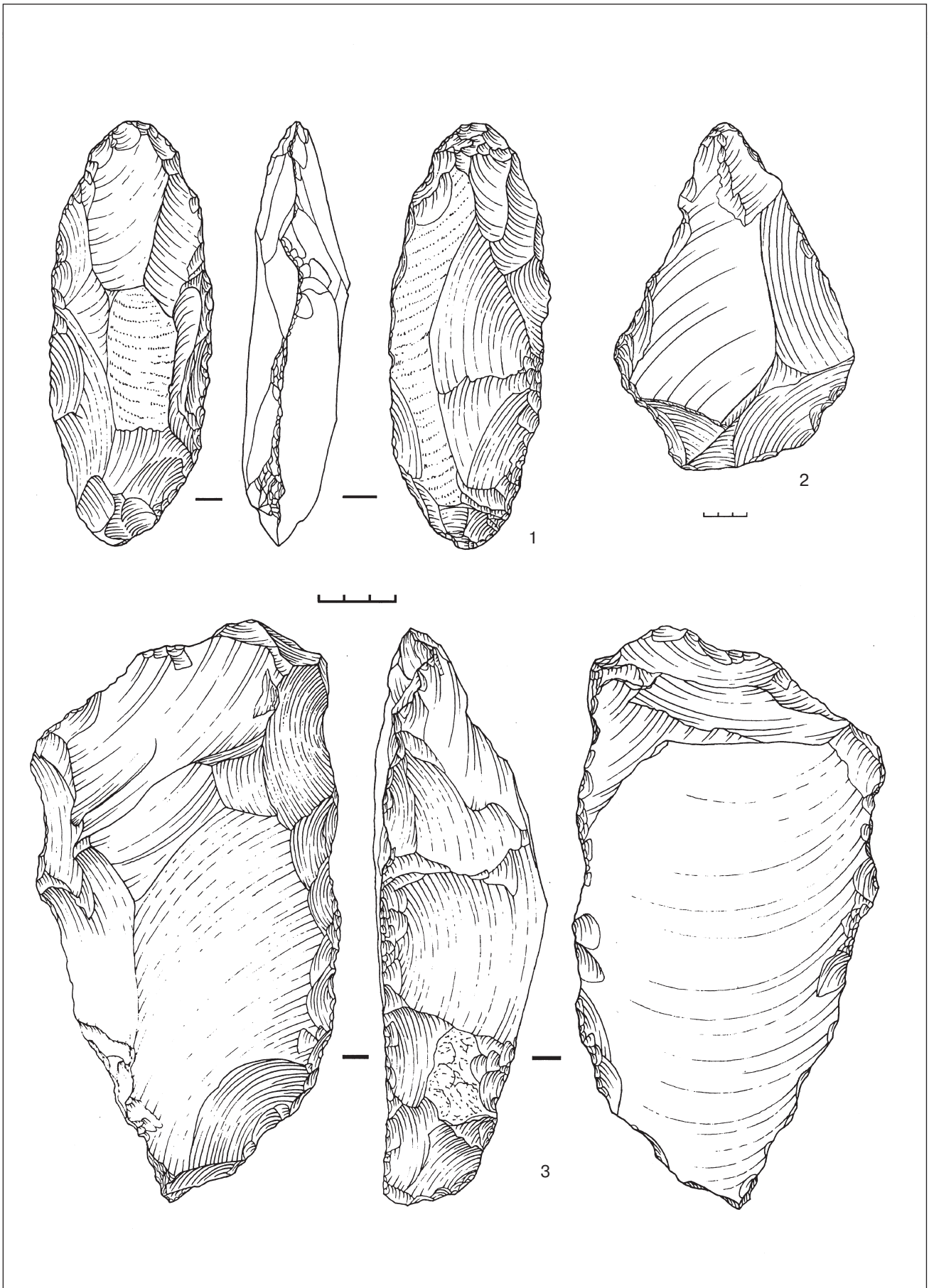

Рис. 3. Местонахождение Кызыл-Яр 4. Каменный инвентарь

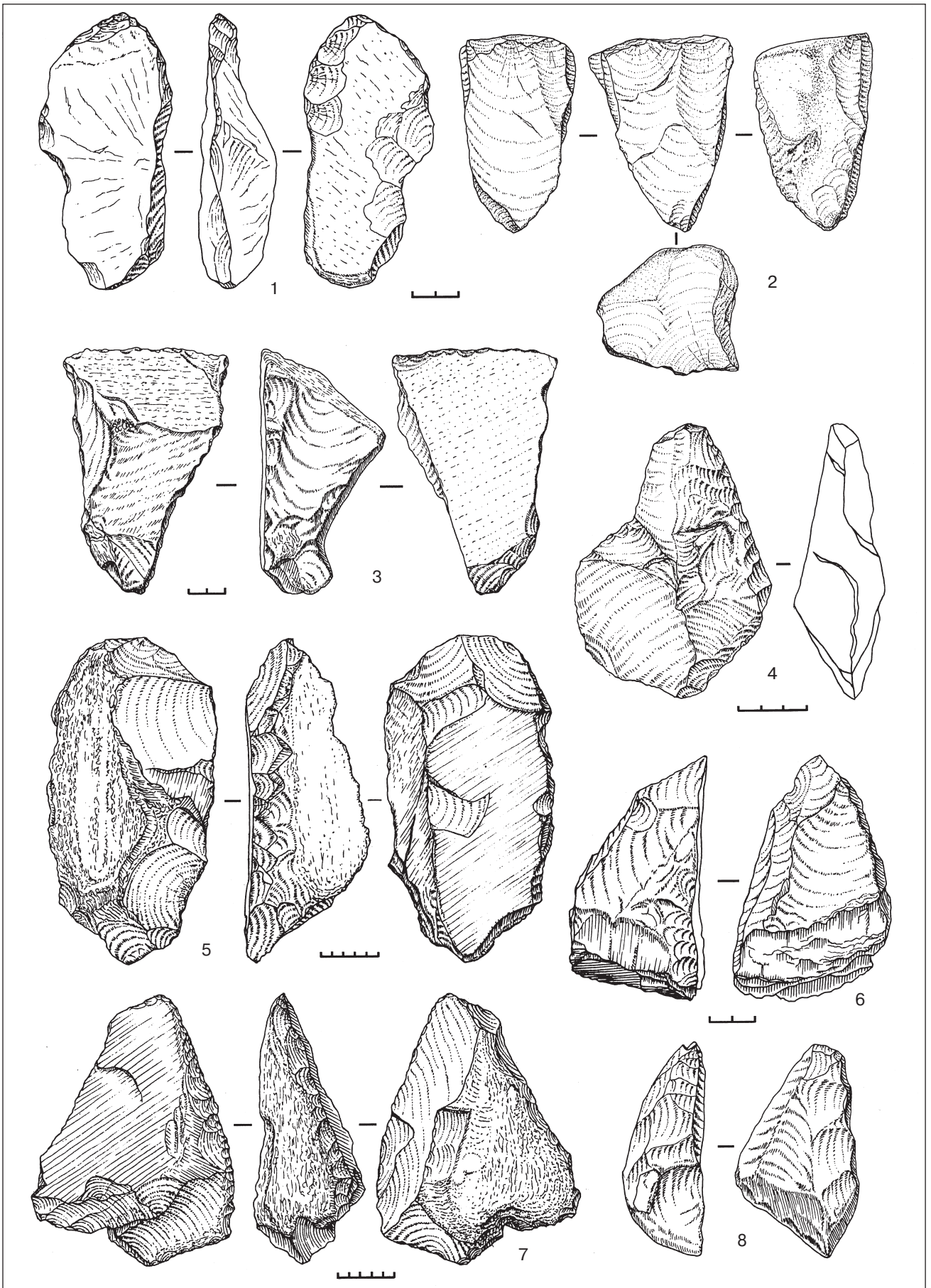

Рис. 4. Стоянка Навес (Остров Веры ба). Каменный инвентарь

усами из порфирита с гладкими ударными площадками, созданными одним сколом. Поверхность скалывания не готовилась, и снятие заготовок производилось вдоль граней, выступов или же путем продольного раскалывания нуклеуса. Большая часть сколов из порфирита (и кварцита) — это небольшие отщепы с точечной или неопределимой ударной площадкой и бессистемной огранкой. Основной категорией орудий являются скребла. Большая часть их относится к простым и изготовлена из массивных отщепов (Рис. 4, 1, 8). Почти таковы же по численности рубящие орудия. В основном они представлены пиками — остrokонечными трех- или четырехгранными формами с массивной пяткой (Рис. 4, 4, 6, 7). Два изделия являются кливерами. Они имеют поперечное лезвие и обработанные ретушью и пикетажем рукоятки (Рис. 4, 3, 5). Неожиданно много «верхнепалеолитических» форм — скребков и резцов. Учитывая слабую выраженность леваллуазской техники, грубость обработки и архаичность всех категорий изделий, данный памятник следует отнести к памятникам с преобладанием скребел, пикообразных и кливерообразных орудий на крупных сколах, имеющим незначительную примесь «верхнепалеолитических» форм. Эта коллекция находит аналогии среди позднеашельских или раннемустьерских памятников Южного Зауралья (Кызыл-яр 2 и 4, Долина 1, Сарыташ 1в и др.) [Котов, 2009].

Большое значение имеет Краснокаменная находка, обнаруженная в 1997 г. В.С. Мосиным на левом берегу р. Увелька в Челябинской области (Рис. 1). В обнажении овражка на границе гумуса и глины на уровне I надпойменной террасы был найден бифас на крупном леваллуазском сколе с параллельной огранкой спинки, у которого пологими и полукривыми сколами с обеих сторон было оформлено выпуклое лезвие и острие. По форме бифас напоминает рубило. Орудие сделано из обломочного силицита желтовато-коричневого цвета, не местного по происхождению. Автор находки находит аналогию данному орудию в мугоджарских памятниках «ашеля с бифасами» типа Мугоджары 4 — 6 и датирует эпохой среднего плейстоцена [Мосин, Никольский, 2008].

Таким образом, новые исследования подтверждают гипотезу О.Н. Бадера о первоначальном заселении Урала в ашельскую эпоху [Бадер, 1964. С. 2] и показывают своеобразие и многокомпонентный характер ашельских памятников на Южном Урале.

Памятники эпохи среднего палеолита обнаружены в Баишевском микрорайоне хребта Ирендык в Баймакском районе РБ. В основном это рассеянные стоянки-мастерские на выходах кремня и яшмы. Два местонахождения выделяются своей насы-

щенностью находками и компактностью пространства.

Одно из них — местонахождение Долина 1, расположенное в 600 м к северо-востоку от д. Баишево на низкой террасе древнего озера на правом берегу р. Карасаз [Савельев, 1997]. Размеры скопления изделий из яшмы — 70 x 70 м. Среди находок 4 грубых одноплощадочных подпризматических нуклеуса, с гладкими ударными площадками; пластинчатый скол с ретушированной ударной площадкой, 10 массивных отщепов, 2 отбойника из яшмы, 2 скребла, массивный скребок высокой формы, с негативами вентрального уплощения от правого края, отщеп с бифациальной обработкой, рубильце на массивном отщепе. Сочетание ашельских, мустьерских и верхнепалеолитических форм характеризует эту коллекцию как мустье с ашельской традицией.

Местонахождение Сарыташ 1в расположено в 4,3 км к западу — северо-западу от д. Карышкино в широкой горной долине (Рис. 1.1). По юго-западному подгорному краю долины протекает р. Карасаз. Местонахождение каменной индустрии расположено на более высоком участке террасы, примерно на высоте 1,5 — 2 м от уровня заболоченного родника. Памятник открыт экспедицией А.Ф. Яминова в 1996 г. [Там же]. Участок с каменными артефактами имеет размеры примерно 100 x 170 м. В западной его части был заложен шурф размером 2 x 2 м, в котором были обнаружены единичные отщепы архаического облика [Котов, 2004]. С поверхности было собрано более 50 предметов. Представительную серию образуют нуклеусы (9 экз.), большая часть из которых — одноплощадочные и двухплощадочные призматические для получения пластинчатых заготовок [Котов, Савельев, 2001. Рис. 2, 1, 2; 3, 1, 2; 4, 1]. Один нуклеус — плоский, радиального конвергентного скалывания подтреугольных отщепов с одной плоскости. Ударными площадками служили боковые грани, образованные крупными сколами. Данное изделие отличается сильной патиной и заглаженностью граней. Другое орудие изготовлено из крупной продолговатой яшмовой гальки, оформленной по правому краю с обеих сторон крупными сколами крутой ретуши. Дистальная часть на левом крае обработана с обеих сторон крупной ступенчатой ретушью и имеет следы сильной смятости и забитости. Данное изделие могло использоваться как рубящее или ударное орудие. Подобные рукояточные формы рубящих орудий присутствуют на соседних памятниках — стоянке-мастерской Кызыл-Яр 2 и местонахождении Кызыл-Яр 4. К архаическим изделиям можно отнести два простых поперечных скребла на полупервичных отщепках, ассиметричное сребло-нож, близкое по форме к орудию типа прондник, и два леваллуазских отщепа с ретушью. Предположительно, коллекция данного памятника

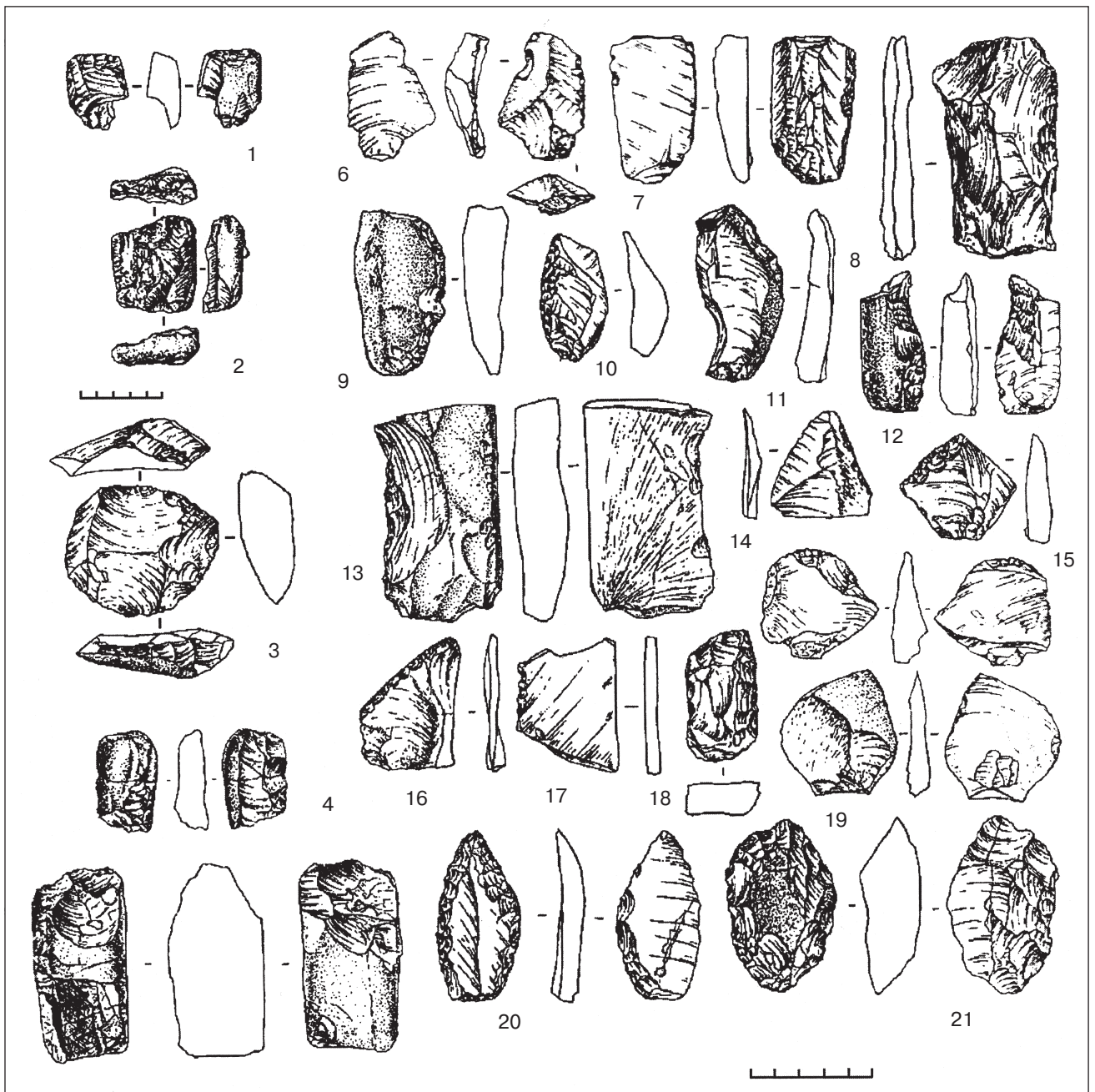

Рис. 5. Стоянка Богдановка. Каменный инвентарь (по В.Н. Широкову)

объединяет разновременные материалы от эпохи мустье с ашельской традицией до верхнего палеолита.

Один из немногих стратифицированных памятников с фауной эпохи мустье, стоянка Богдановка, был открыт в конце 1980-х гг. В.Н. Широковым. Памятник расположен в 1,5 км юго-восточнее с. Богдановка на левом берегу р. Урал на высоте 60 м от уровня реки (Рис. 1). Два костеносных горизонта с мамонтовой фауной погребены на глубине около 5 м и перекрыты двумя погребенными почвами. Фаунистические находки содержат кости мамонта, носорога, северного оленя, благородного оленя, пещерного медведя, сайги и др. В культурном слое за-

фиксированы кострища и собрана представительная коллекция изделий из яшмы – более 1500 экз. Преобладают леваллуазские ядрища для получения отщепов и пластин. Орудия представлены разнообразными скреблами, ножами, зубчатыми и выемчатыми изделиями, остроконечником и отщепами с ретушью. Бифациальные орудия отсутствуют полностью (Рис. 5). В.Н. Широков характеризует технологическую традицию памятника как мустье типичное. Возраст памятника по геологической стратиграфии определяется приблизительно более 40 – 50 тыс. лет.

Другая палеолитическая стоянка – Новобелокатская находится в центре с. Новобелокатай Бело-

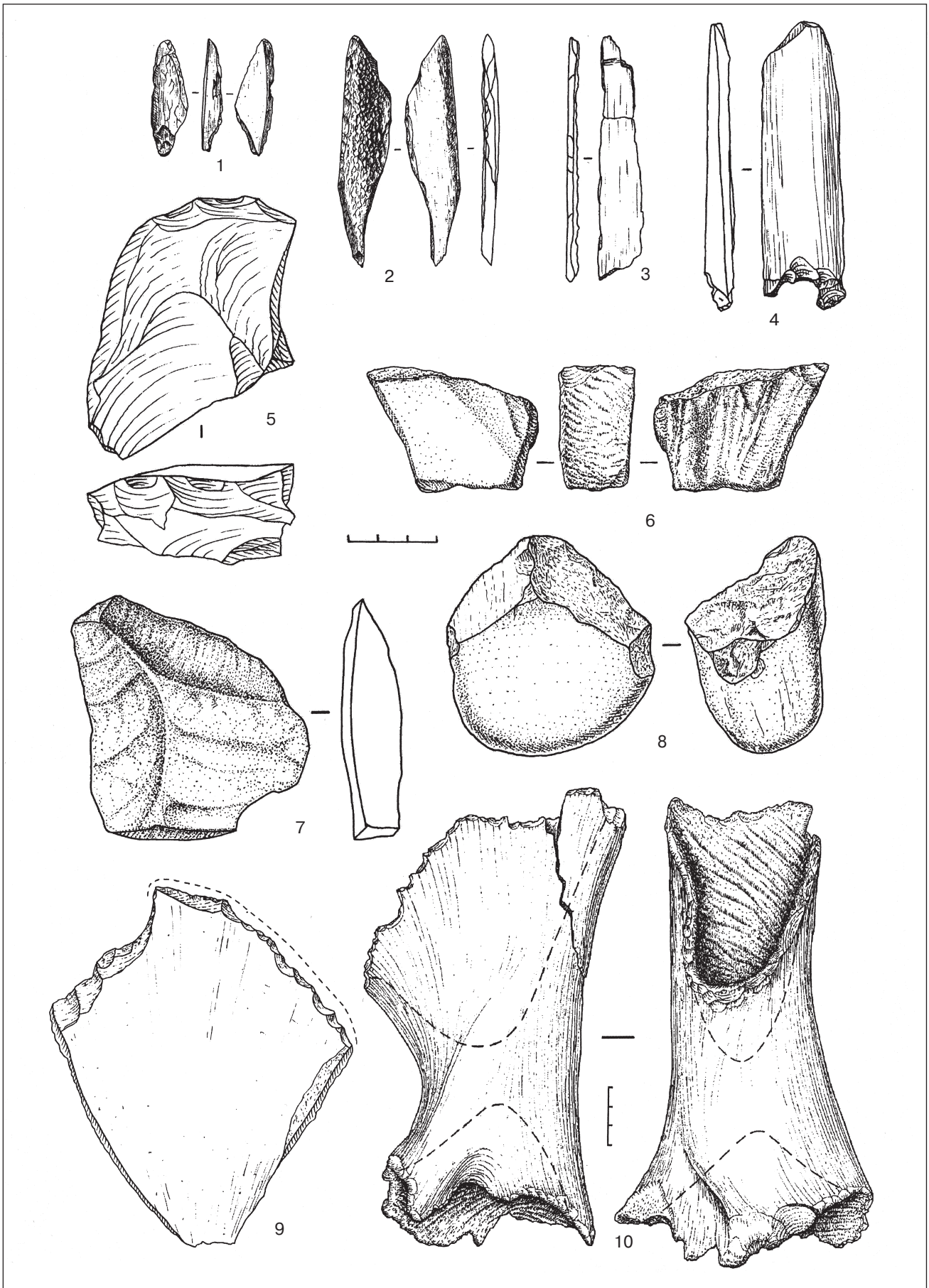

Рис. 6. Стоянка Новобелокатайская. Каменный и костяной инвентарь

каитайского района Республики Башкортостан на левом берегу р. Большой Ик (Рис. 1). Памятник раскапывался в 1964 г. К.В. Сальниковым и в 1995 – 1996 гг. В.Г. Котовым. Культурный слой приурочен к гумусированному горизонту, залегающему в покровных отложениях голубовато-серых глин ленинградского (табулдинского) времени в основании обрыва 15,5 м высотой. По гумусу была получена радиоуглеродная дата >50000 (БашГИ-60), а по углю из кострища – 41070 ± 1570 (ЛУ – 4149). В ходе раскопок было обнаружено около двух десятков каменных изделий, большая часть из них – расколотые кварцитовые галечки. Из орудий были найдены в раскопе 1996 г. два чоппера из кварцитовых галек, два леваллуазских скола из кварцита, поперечное простое скребло из доломита и два абразивных инструмента из песчаника (Рис. 6, 5 – 8). В большом количестве были представлены разнообразные изделия из кости: проколки, провертки, ножи, скребла, резчик, скобели, ретушеры (Рис. 6, 1 – 4, 9, 10). Широко использовались при обработке кости, наряду с раскалыванием и оббивкой, расщепление костей с помощью клиньев, скобление и абразивное стачивание. Хорошая сохранность костей и широкий набор приемов ее обработки дает возможность удревить время широкого использования кости – до финала эпохи мустье. Памятник является остатком кратковременных стоянок-мастерских на скоплении костей погибших животных и выходов кусков песчаника [Котов, 2008].

Еще одно местонахождение – Муллино – было открыто в 1967 г. А.П. Шокуровым в пригороде г. Октябрьский на р. Ик (Рис. 1). Палеолитические находки были сделаны на глубине 2 м в покровных отложениях голубоватой глины на контакте с перекрывающим их буровато-серым песком, содержащим находки эпохи мезолита. Каменные изделия изготовлены из темного аргилитового сланца. В коллекции присутствуют патинизированные отщепы с ретушью, поперечное скребло с вентральной обработкой края на леваллуазском отщепе, массивный скребок на леваллуазском отщепе, скребло на леваллуазском нуклеусе, мустьерский острокопчик (?), чоппер. Очевидно, памятник является остатком стоянки на поверхности размытой второй террасы ленинградского времени, подобной стоянкам Новобелокатайской и Пещерный Лог [Шокуров, Китаенко, 1978].

Кроме этого, Г.Н. Матюшин упоминает в качестве среднепалеолитического памятника стоянку Айдос на р. Уфе в Караидельском районе РБ, которая была им открыта в 1958 г., но материалы ее не были должным образом опубликованы [Матюшин, 1959. С. 22 – 24].

В отчете А.Р. Губайдуллиной за 1981 г. описывается Айская стоянка, местонахождение которой

определить сложно из-за путаницы в привязках. Здесь в обрыве берега вместе с костями мамонта, бизона, носорога, волка были расчищены две углистые прослойки и найден дисковидный нуклеус.

Определенный интерес представляет местонахождение на выходах галечного сырья вблизи г. Магнитогорска на горе Маячной (Рис. 1). Оно было открыто И.И. Корда и осмотрено в 1965 г. О.Н. Бадером и Г.Н. Матюшиным. На поверхности горы на площади 8 га находятся скопления расколотой кремневой гальки, нуклеидные формы, сколы, единичные орудия. Среди них два конвергентных скребла на первичном и полупервичном отщепе, дисковидный нуклеус в начальной стадии расщепления, подпризматический нуклеус. Очевидно, местонахождение содержит изделия различных эпох, в том числе относящиеся к эпохе среднего палеолита.

Накопленные к настоящему времени археологические данные позволяют нам уверенно говорить, что первоначальное заселение территории Южного Урала произошло на рубеже раннего и среднего плейстоцена, около 300 тыс. лет назад, в период лихвинского межледниковья. Впоследствии, в позднеашельское время, на основе неограниченного запаса сырья в Южном Зауралье сложилась самобытная технологическая традиция изготовления и использования крупных рубящих орудий типа чопперов, пик, кливеров или коленчатых топоров, причем рубила единичны. В ашеле начали систематически использоваться костяные орудия. В мустьерскую эпоху мы наблюдаем сосуществование памятников различных традиций: мустье типичного (ст. Богдановка) и мустье с ашельской традицией – сочетающих в коллекциях памятников леваллуазские формы орудий с рубильцами или чопперами. Судя по стоянке Новобелокатайской, в финале мустье широкое распространение получили разнообразные приемы обработки кости, что было связано с изобилием мамонтовых кладбищ в Южном Приуралье. Присутствие этих приемов на памятниках раннего и позднего этапов верхнего палеолита дает возможность для предположения о сохранении преемственности в южноуральском регионе от конца среднего палеолита до начала верхнего палеолита.

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ

Ранний этап верхнего палеолита по времени совпал с ленинградским (табулдинским) теплым интергляциалом и началом последнего похолодания в рамках валдайского оледенения (от 40 до 25 тыс. лет). Природная обстановка для Южного Урала реконструируется как открытые остепненные пространства с хвойными лесами по берегам водоемов.

Одним из самых ранних памятников является стоянка Лабазы I на северо-востоке Оренбургской области. Она расположена вблизи с. Лабазы на левом берегу р. Бузулук в Курманаевском районе Оренбургской области (Рис. 1). Открыт памятник в 2007 г. С.В. Богдановым, который продолжает исследования по настоящее время. Стоянка приурочена к костеносному горизонту плейстоценовой фауны, обнажившейся в русле реки. Характер залегания костей, выявленных в ходе осмотра и шурфовки, показал, что культурные отложения залегают на глубине 1,6 – 2 м в погребенных старично-торфяниковых отложениях р. Бузулук. Со дна реки и в шурфе было собрано более тысячи костей плейстоценовой сохранности. Среди них преобладают кости носорога, мамонта, бизона, лошади, гигантского оленя, благородного оленя, лося, сайгака, верблюда и др. По мнению П.А. Косинцева, этот состав характерен для ленинградского (табулдинского) горизонта. Это подтверждается и радиоуглеродной датировкой обработанной кости гигантского оленя – 40310 ± 3830 (ИГАН 3442). Небольшая коллекция каменных изделий (15 экз.) изготовлена из кремня различных цветов и оттенков, только единичные изделия – из кварцита и яшмы. Индустрия демонстрирует развитую пластинчатую индустрию: основным типом заготовок являлись правильно огранные пластины, скалывание производилось с конусовидных нуклеусов, у которых поверхность скалывания оформлялась боковыми снятиями. Пластины с точечными ударными площадками, слабоизогнутые, очевидно, были сняты с помощью мягкого посредника. Два таких посредника из рога были обнаружены среди костяных изделий (Рис. 13, 4, 8). Среди орудий имеются пластина с притупленной спинкой и пластина с вентральной ретушью, острие на пластине, скобель, концевой скребок, клин-долото и долотовидное орудие (Рис. 7, 1 – 5, 7, 10 – 16). Наиболее представительной является коллекция костяных изделий. При их изготовлении применялись различные приемы: получение заготовок производилось как скалыванием с костяных призматических нуклеусов, так и продольным расщеплением ребер, костей, рога. Заготовки обрабатывались ретушью, скоблением и абразивным стачиванием. Состав орудий разнообразен: остря, тесло-струг, проколки, посредники-ретушеры, ру-

кьяти составных инструментов, скобель по шкуре, лошила по шкуре, наковаленка и мотыга (Рис. 7, 6, 8, 9, 14, 17, 19). Два изделия относятся к предметам изобразительной деятельности. Примитивная женская статуэтка из эпифиза благородного оленя оформлена гравировкой ноги, грубой моделировкой груди и рук, насечками обозначена прическа или головной убор (Рис. 7, 19). Характер памятника пока неясен, но можно предположить, что это было сезонное поселение охотников на копытных животных, в изобилии обитавших в этом районе. Если подтвердится ранний возраст костяных и каменных изделий, то это будет один из самых ранних памятников в Европе с пластинчатой индустрией.

Другой памятник относится к местонахождениям, приуроченным к скоплению костей животных. Местонахождение Табулдинское расположено на берегу ручья Сухой Кундряк в Стерлибашевском районе Башкортостана (Рис. 1). Здесь в ходе строительства пруда на глубине 5 м в толще буровато-коричневого суглинка были обнаружены кости мамонта без анатомического порядка. В 1981 г. местонахождение было обследовано геологом В.Л. Яхимович и археологом Н.Г. Рутто, а в следующем году – археологом Т.И. Щербаковой. Основная масса костей мамонта была уложена в «штабель» размером 1,6 x 1,2 x 0,8 м. Большая часть костей расколота или имеет следы рубки на поверхности. В 0,8 м от скопления были найдены два известняковых отщепы и кусок оббитого песчаника. К востоку от основного скопления лежали бивни, расколотые позвонки и фрагменты черепа. В 10 – 15 м к юго-востоку от места находки были зафиксированы кости носорога и лошади. По кости была получена дата Ы 34900 (ЛУ– 1377А). Разрез отложений на данном памятнике был изучен геологами института геологии УНЦ РАН и стал опорным для отложений ленинградского горизонта нашего региона [*Итоги изучения...* С. 32 – 55], получив название табулдинского [Данукалова, 2007].

Еще одно местонахождение – Горново, приуроченное к скоплению костей животных, было обнаружено в Уфимском районе Башкортостана вблизи д. Горново в обрыве левого берега р. Агидель (Белой) (Рис. 1). Костеносный горизонт мощностью около 1,5 м и длиной 100 м в серо-голубом суглинке на глубине 15 м. Памятник открыт в 1959 г. А.П. Шокуровым. В 1960 – 1961 гг. он обследовался О.Н. Бадером и В.Л. Яхимович, вскрыто 90 кв. м и найден резец и отщеп с ретушью. В 1983 – 1984 гг. местонахождение изучалось Т.И. Щербаковой. На местонахождении было сделано описание геологического разреза, заложен раскоп и собран обильный костный материал: мамонта, бизона, носорога, бизона, лошади, оленя и др. Каменных изделий всего найдено 8 экз. – это два фрагмента пластин, тор-

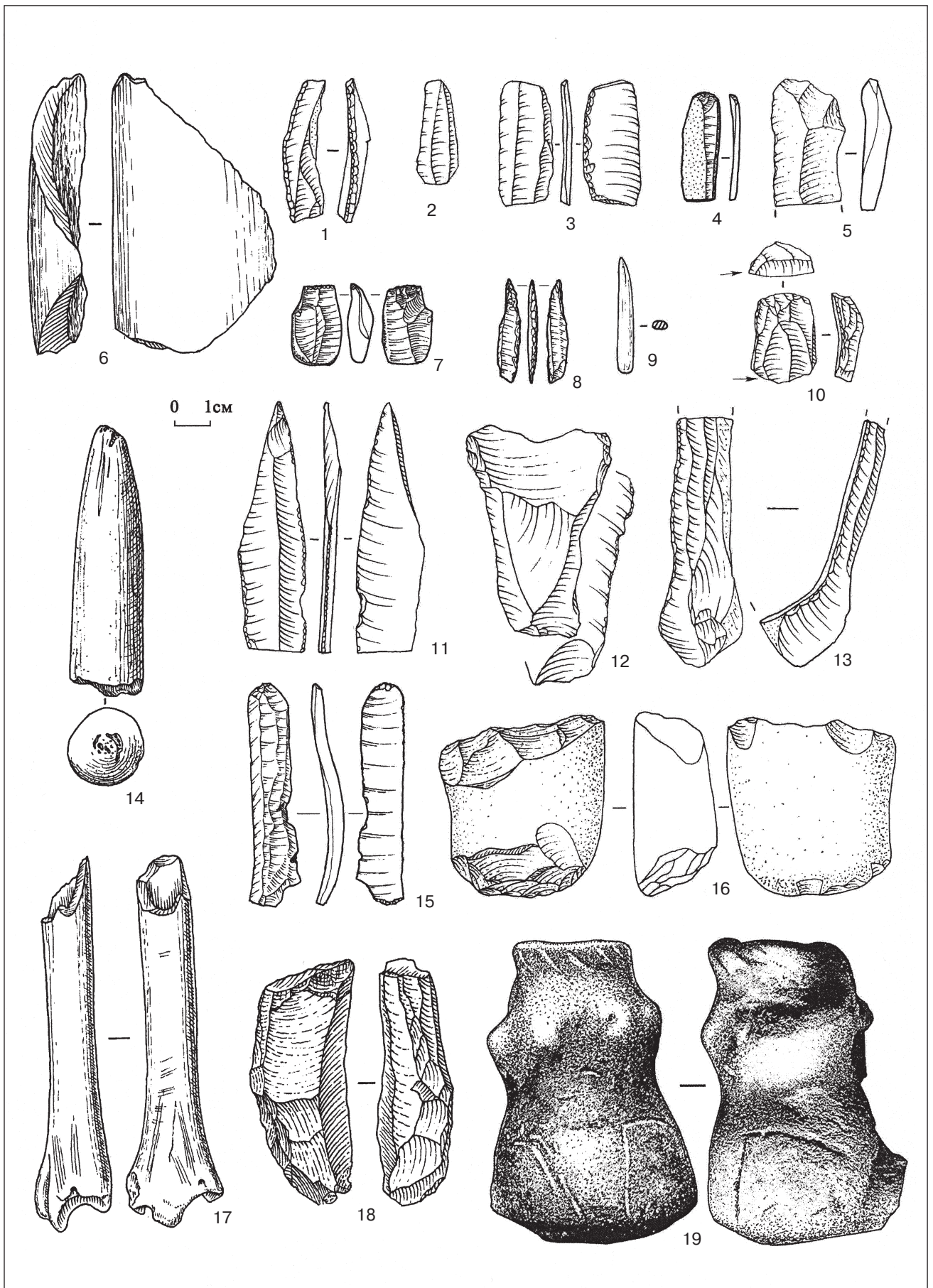

Рис. 7. Стоянка Лабызы I. Каменный и костяной инвентарь (по С.В. Богданову и В.Г. Котову)

цвое ядрище, концевой скребок, скол оживления ударной площадки, срединный резец и мустьерский остроконечник. Костяное изделие представлено обломком кости с нарезками. Только два каменных изделия были найдены в непо потревоженных отложениях, остальные собраны с поверхности берега [Шокуров, Бадер, 1960]. Коллекция содержит изделия как эпохи мустье (остроконечник), так и верхнего палеолита, что стало основанием для отнесения этого памятника к раннему этапу верхнего палеолита, а индустрию воспринимали как переходную [Там же]. Радиоуглеродные датировки были получены по древесине из слоя, который перекрывал костеносный горизонт с археологическими находками: 21280 ± 550 (Р.УЛ – 145) и 29700 ± 1250 (Н – 1856/1287) [48]. Для уточнения возраста культурного слоя и вмещающего его серого гумусированного суглинка по древесине для верха отложений была получена дата 26950 ± 560 (ЛУ-3711) и для низа – 26990 ± 150 (ЛУ – 3212), а по зубу бизона определен возраст 33670 (ЛУ – 4153). Таким образом, было обосновано, что костеносный горизонт с культурными отложениями соответствует середине ленинградского времени позднего плейстоцена, а не к шкловскому (горновскому) времени среднего плейстоцена по В.Л. Яхимович.

Два пещерных памятника – Смеловская I и II – были открыты в 1950 г. К.В. Сальниковым. Они расположены на левом берегу р. Малый Кизил, притока р. Урал (Рис. 1). Пещера Смеловская I находится на высоте 5 м над уровнем реки и разработана в скальных выходах известняка. Ее размеры – ширина 2,5 м, высота 0,7 м и длина 4,85 м. Раскапывалась она К.В. Сальниковым в 1950 – 1952 гг., раскопом изучено большая часть рыхлых отложений. Фауна по определению Ф.М. Клера представлена гигантским оленем, первобытным быком, дикой лошастью, оленем, пещерным медведем, пещерным львом, диким козлом. В отложениях желтого и серо-бурого суглинка с глубины 0,5 – 1,3 м обнаружены кости животных, угольки и скопления закопченной щебенки. Кости животных расколоты, некоторые имеют нарезки или следы обжига. На глубине 0,6 – 0,75 м встречены: отщеп, пластина, трехгранная в сечении, фрагмент ножевидной пластины с двусторонней ретушью краев. В покровных отложениях желтой глины были найдены наконечник с боковой выемкой из кремнистого сланца и костяная шлифованная поделка остроконечной формы. Судя по составу фауны, отложения сформировались в период относительного потепления, скорее всего, ленинградского времени [Сальников, 1952].

Пещера Смеловская II расположена в 250 м ниже по течению и на высоте 8 м над уровнем реки Малый Кизил. Размеры пещеры 1,9 x 0,5 x 5 м., перед входом имеется небольшая площадка. Культур-

ные отложения были выявлены шурфом в 1950 г. К.В. Сальниковым и почти полностью раскопаны в начале 60-х гг. XX в. О.Н. Бадером. Зафиксировано 3 культурных горизонта. Верхний культурный слой приурочен к низу гумуса и буровато-коричневого суглинка, в котором было 8 ножевидных пластинок, 2 отщепа и 1 осколок. Возможно, для этого горизонта была получена дата 15590 ± 150 (ЛЕ-2774). В подстилающем эти отложения желтом суглинке были обнаружены 53 изделия из черного желвачного кремня и в единичных случаях из темно-серого кремня или цветной яшмы. Из них – 23 отщепа, 6 крупных пластин с нерегулярной ретушью, 2 нукулеуса, 4 нуклеидных изделия, 5 первичных скола. Пластины и отщепы отличаются массивностью, большая часть сколов имеет фасетированные ударные площадки. Один нуклеус в начальной стадии расщепления на удлинённой гальке имеет негативы подпараллельных снятий и скошенную под углом 80° ударную площадку, созданную одним сколом и подправленную мелкими плоскими сколами. Второе нуклеидное изделие на обеих сторонах плоской гальки имеет негативы крупных, разнонаправленных сколов, причем основание изделия было подправлено с одной стороны более мелкими сколами, что может указывать также и на рубящие функции этого орудия. Скребок, ступенчатая ретушь на закругленных, выпуклых и вогнутых краях отщепов и пластин может указывать на вероятное использование этих изделий в качестве скребков или скобелей. Здесь же была также найдена 31 плоская тальковая галечка со сверлинами в центре (около 2 – 3 мм в диаметре). Галечки являлись, по мнению К.В. Сальникова и О.Н. Бадера, нашивками на одежду (пуговицами?) [Бадер, 1971. С. 200-208]. Это самые ранние находки подобного рода, получившие в последующее время широкое распространение. Такая же подвеска была обнаружена в раскопе в пещере Шульган-Таш (Каповой) [Щелинский, 1997. С. 33. Рис. 3]. Позднеплейстоценовый комплекс фауны представлен мамонтом, донским зайцем, сурком, волком, песцом, лисицей, пещерным медведем, пещерной гиеной, пещерным львом, широкопалой лошастью, плейстоценовым ослом, шерстистым носорогом, бизоном, сайгой. Этот набор тепло- и хладолюбивых животных был характерен для валдайского (табулдинского) оптимума. Преобладающим по количеству на стоянке являлись кости лошади (55,5%). находка костей жеребят, по мнению С.А. Кузьминой, свидетельствует о том, что пещера была местом кратковременных стоянок охотников на лошадей в летне-осенний период. Радиоуглеродные даты нижнего культурного горизонта укладываются в рамки от 31000 ± 1500 (ГИН-8401) до 41000 ± 1800 (ГИН-8402) [31].

Грот Максютковский расположен на правом берегу р. Белой в 2 км ниже по течению от д. Максютово Бурзянского района РБ. Вход ориентирован на юг и имеет высоту около 18 м и ширину 5 м. Глубина грота 16 м. Культурный слой эпохи палеолита глубиной 1 м был изучен на площади около 5 кв. м. В ходе раскопок были обнаружены многочисленные кости плейстоценовых животных: бизона, носорога, сурка, лошади, благородного оленя. Кроме костей, были обнаружены угольки и каменные изделия. Среди них мустьерский остроконечник из яшмы, серия отбойников и ретушеров из кварцитовых галек, многочисленные сколы из известняка и орудия из известняка – скребла, рубящие орудия, провертки и др. Часть орудий имеет вторичную обработку, но большая часть орудий выделяется по следам сработанности рабочих участков. Предположительно, возраст культурных остатков – ленинградский (табулдинский) горизонт (40 – 30 тыс. лет) [Котов, 2004]. По костям радиоуглеродным методом была получена абсолютная дата 15650 ± 150 (СОАН – 7755). Она является явно омоложенной или кости происходят из поздних отложений.

Стоянка Ильмурзино расположена на окраине с. Ильмурзино Кушнаренковского района Башкортостана, на второй надпойменной террасе р. Агидель (Белая). Памятник изучался Г.Н. Матюшиным в 1961 – 1969 гг. Верхние 3 – 5 горизонты относятся к концу плейстоцена и к началу голоцена. Они содержат материалы эпохи мезолита. Нижние 6 – 7 горизонты содержали более архаичные изделия, и по споро-пыльцевому анализу были отнесены к эпохе плейстоцена. Палеолитические слои были обнаружены на глубине около 2 м в более светлом суглинке. Подробного анализа материала Г.Н. Матюшин не делал, отметив, что «по составу находок горизонты 6 – 7 ... были несколько более архаичными, нежели находки 3 – 5 горизонтов» [Матюшин, 1976. С. 75, 313]. В его монографии на таблице, содержащей 15 каменных изделий приведены 2 дисковидных нуклеуса, полупервичный отщеп с ретушью, резец боковой на отщепе с выемкой в основании, ребристая пластина, ребристая пластина с ретушью, 8 пластин и изделий из них, в том числе 2 пластины с ретушью, пластины с выемкой и вентральной ретушью края, 2 пластины с выемкой, острие. Имеется только одна пластина правильной огранки. Остальные пластины имеют неправильную огранку и аморфные очертания. Массивный скол с ретушью, возможно, является фрагментом призматического нуклеуса или же ребристого скола. Наличие широких пластин и ребристых сколов указывает на преимущественное получение крупных пластин-

чатых заготовок с призматических или конусовидных нуклеусов. Микропластинчатая техника только обозначена на данном памятнике, поэтому эти находки нельзя воспринимать как ранний (плейстоценовый) этап романовско-ильмурзинской культуры. Наличие же дисковидных нуклеусов позволяет предположить, что данные горизонты относятся к кругу памятников раннего этапа верхнего палеолита, сочетающих верхнепалеолитические и мустьерские формы.

Поздний этап верхнего палеолита представлен большим количеством памятников. Это открытые стоянки, стоянки на выходах сырья, кратковременные стоянки в пещерах, а также разнообразные культовые памятники, связанные с почитанием гор и пещер.

Первым памятником, ставшим реперным для памятников Уральского региона этого периода является стоянка Островская им. М.В. Талицкого. Она расположена на правом берегу р. Чусовой, в ее нижнем течении. Исследовалась с 1938 г. по 1952 г. М.В. Талицким, М.П. Грязновым, В.И. Грозовым, А.А. Иессеном, О.Н. Бадером. Вскрыто около 500 кв. м площади и обнаружено более 5000 находок. Изучение стратиграфии показало, что культурные отложения сформировались за один сезон и памятник является сезонной охотничьей стоянкой. Здесь были расчищены 7 округлых очагов, слегка углубленных в землю. Фаунистические остатки указывают на преобладание в охотничьей добыче северного оленя. Также обитатели стоянки охотились на мамонта, шерстистого носорога, лошадь, песца и зайца. Для первичной обработки в основном характерно расщепление призматических нуклеусов с одним фронтом скалывания. Реже встречаются торцевые нуклеусы. Преобладающей заготовкой являлись пластина и пластинка. Орудия представлены разнообразными скребками, ретушированными пластинами и пластинками, долотовидными формами, резчиками, проколками, орудиями с выемкой, орудиями с шипом и клювовидными формами, скреблами, крупными рубящими орудиями, в том числе чоппингами, скребловидными изделиями. Единичными экземплярами представлены резцы. Среди костяных орудий имеется обломок иглы и двулезвийный наконечник с каменными вкладышами, скрепленными в пазах каким-то клеем. Украшенные нарезками фрагменты костей, три бусинки и две плитки с орнаментом, сделанным охрой, характеризуют внеутилитарную деятельность на стоянке. Радиоуглеродный возраст памятника $18\,700 \pm 200$ (ИГАН – 1907) [Шербакова, 1986; Свеженцев, Шербакова, 1997].

Наиболее близким Островской стоянке по возрасту является стоянка в пещере Шульган-Таш (Каповой). Пещера расположена в Бурзянском районе

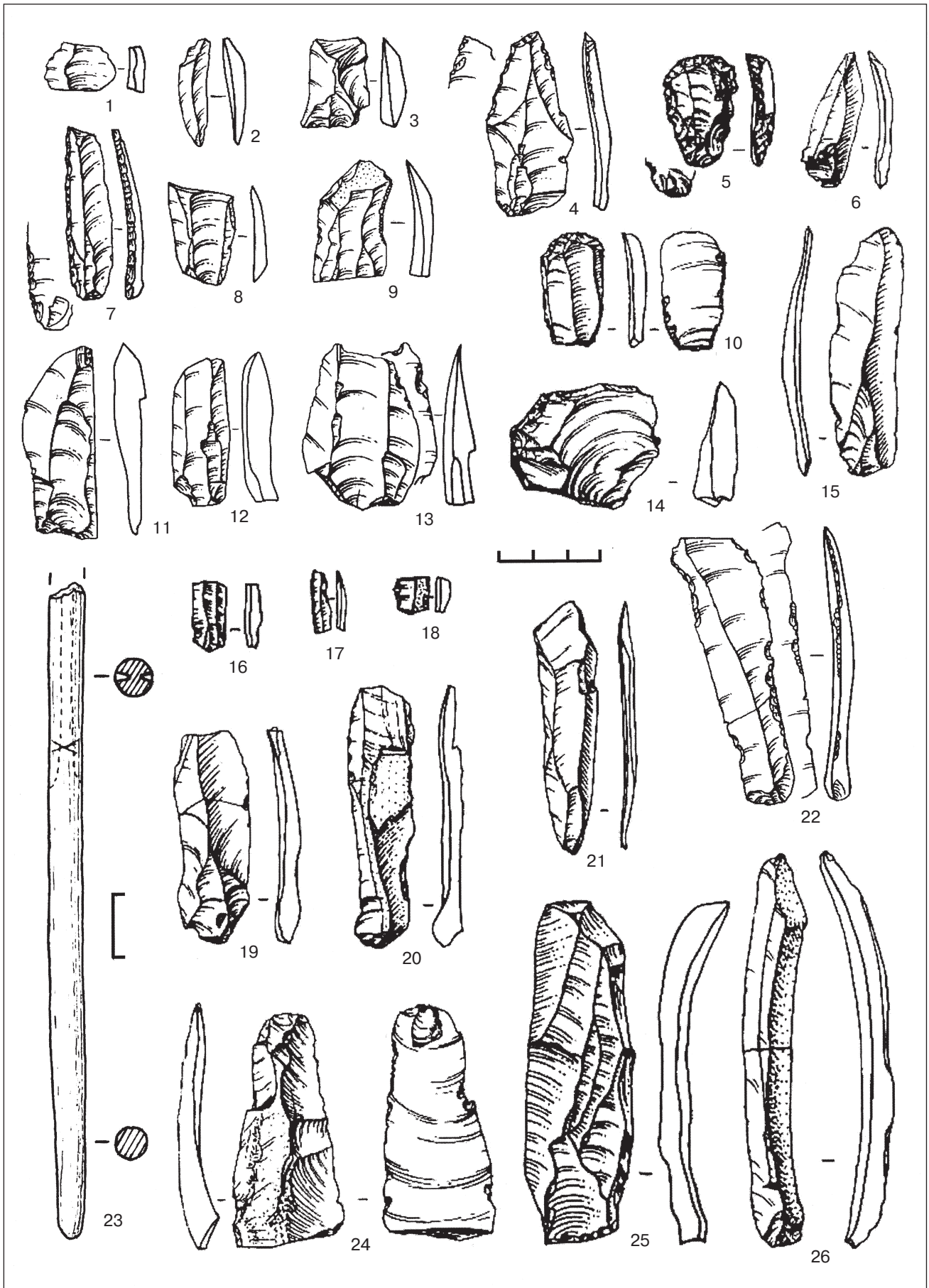

Рис. 8. Стоянка в пещере Шульган-Таш (Каповой). Каменный и костяной инвентарь (по В.Е. Щелинскому и В.Г. Котову)

Республики Башкортостан, на правом берегу р. Агидель (Белой) (Рис. 1). Мировую известность пещере принесло открытие в 1959 г. сотрудником Башкирского заповедника А.В. Рюминым многочисленных изображений эпохи палеолита. С 1961 г. по 1978 г. памятник исследовался О.Н. Бадером. Им были изучены и расчищены рисунки на среднем и верхнем этажах пещеры, вблизи них были заложены шурфы, в которых были зафиксированы следы охры, угля, но каменных изделий не было обнаружено. С 1982 г. пещера исследовалась В.Е. Щелинским. В 170 м от входа, вблизи древних рисунков зала Знаков на площади 68 м² им были изучены остатки стоянки современников этих изображений. Об этом свидетельствовали многочисленные находки охры в слое, насыщенном углями и изделиями из камня и кости. Толщина слоя имела мощность от 1 до 5 см. Здесь же была найдена глыба, которая, как считает В.Е. Щелинский, отвалилась от стены, с фрагментом реалистического рисунка какого-то животного (мамонта?). По древесному углю из культурного слоя было получено несколько дат: 14680±150 (ЛЕ 3443), 13930±300 (ГИН 4853), 15050±100 (KN-5022), 16010±100.

Здесь было обнаружено 193 каменных изделия. Из них 120 экз. – это сколы из известняка и кальцита без обработки и следов использования. Остальные изделия по большей части изготовлены на пластинах из принесенных издалека кремня и зауральской яшмы [Щелинский, 1997. С. 32]. В коллекции присутствуют пластины, микропластинки с притупленной спинкой, два концевых скребка, острие, крупное рубящее орудие с негативами сколов на расколотой кварцитовой гальке, костяной нож и костяной двухпазовый наконечник (Рис. 8, 23). Несмотря на свою малочисленность и, возможно, специфический отбор изделий, он укладывается в наши представления об уральских памятниках в финале верхнего палеолита, относящихся к так называемой, по П.Ю. Павлову, «среднеуральской» линии развития, восходящей к стоянке Талицкого [Павлов, 1996. С. 124-125; Нехорошев, Гиля, 2004. С. 34-35; Котов, 2004. С. 53]. В слое присутствовали украшения: три подвески из тонких пластинок кости, подвеска из сланцевой гальки, четыре бусины из серпентинита. Кроме них, к украшениям можно отнести и многочисленные маленькие раковины ископаемых моллюсков из Прикаспия с проткнутым отверстием. По мнению археолога В.Е. Щелинского, малочисленность костных остатков крупных животных, отсутствие рабочих площадок и следов расщепления камня и изготовления орудий, большое количество изношенных и сломанных орудий при отсутствии остатков обрабатываемых материалов, а также своеобразный состав украшений свидетельствует о том, что люди «не жили в пещере, слу-

жившей для них святилищем, а лишь периодически появлялись в ней для совершения обрядов» и приношений в течение непродолжительного времени [Щелинский, 1997. С. 34].

В 2008 г. проводились охранные археологические исследования пещерного святилища Шульган-Таш (Каповой) в 150 м от входа, на высоком (более 10 м над уровнем пола) балконе Каскадной галереи, где был обнаружен участок культурных отложений под кальцитовой коркой, содержащий 3 слоя палеолитического времени. Было обнаружено 4 десятка изделий из известняка, причем по большей части орудия.

Сходная индустрия из известняка была обнаружена поблизости от Шульган-Таша, в пещере Балатукай в 5 км ниже по течению р. Белой (Рис. 1). Пещера расположена на правом берегу реки на высоте 70 м от уровня реки вблизи урочища Балатукай. В шурфе было зафиксировано 5 культурных горизонтов и в том числе 2 верхнепалеолитических. Возраст верхнего – 11900 ± 130 (СОАН – 7271), а нижнего – 13770 ± 220 (СОАН – 7272) и 13450 ± 120 (Кі – 14960). Нижний культурный горизонт по возрасту сопоставим с датировкой культурного слоя в пещере Шульган-Таш. Для обоих горизонтов характерна пластинчатая индустрия в сочетании с отщеповой. Причем, если для нижнего горизонта характерно скалывание с конусовидного нуклеуса с гладкой ударной площадкой, то в верхнем палеолитическом горизонте был обнаружен подконусовидный нуклеус, у которого параллельно, встречными и боковыми снятиями оформлена плоская сторона, а также сколами от основания и бокового края образована выпуклая поверхность скалывания. Ударная площадка гладкая, образована одним сколом, скошена под углом 70° к поверхности скалывания. Край ударной площадки на выступах на лицевом фазе имеет следы абразивного удаления карниза. Орудия представлены отщепами с ретушью, резцами, костяной проколкой. Явно видно, что нуклеусы, заготовки и орудия сделаны опытным мастером, который явно испытывал недостаток в качественном сырье, что было причиной использования в качестве орудий не только любых крупных сколов известняка и кости, но и мелких галек кремнистых пород. В целом индустрия указывает на то, что здесь была стоянка охотников, которые периодически на короткое время посещали ее. Фауна палеолитических горизонтов представлена мамонтом, лошастью, копытным леменгом [Котов, 2004].

Еще один интересный памятник – пещера Кульюрт-Тамак. Она находится в Бурзянском районе Башкортостана на правом берегу р. Агидель (Белой), примерно в 1 км ниже по течению от Каповой пещеры (Рис. 1.1). Пещера Кульюрт-Тамак расположена в приустьевой части одноименного

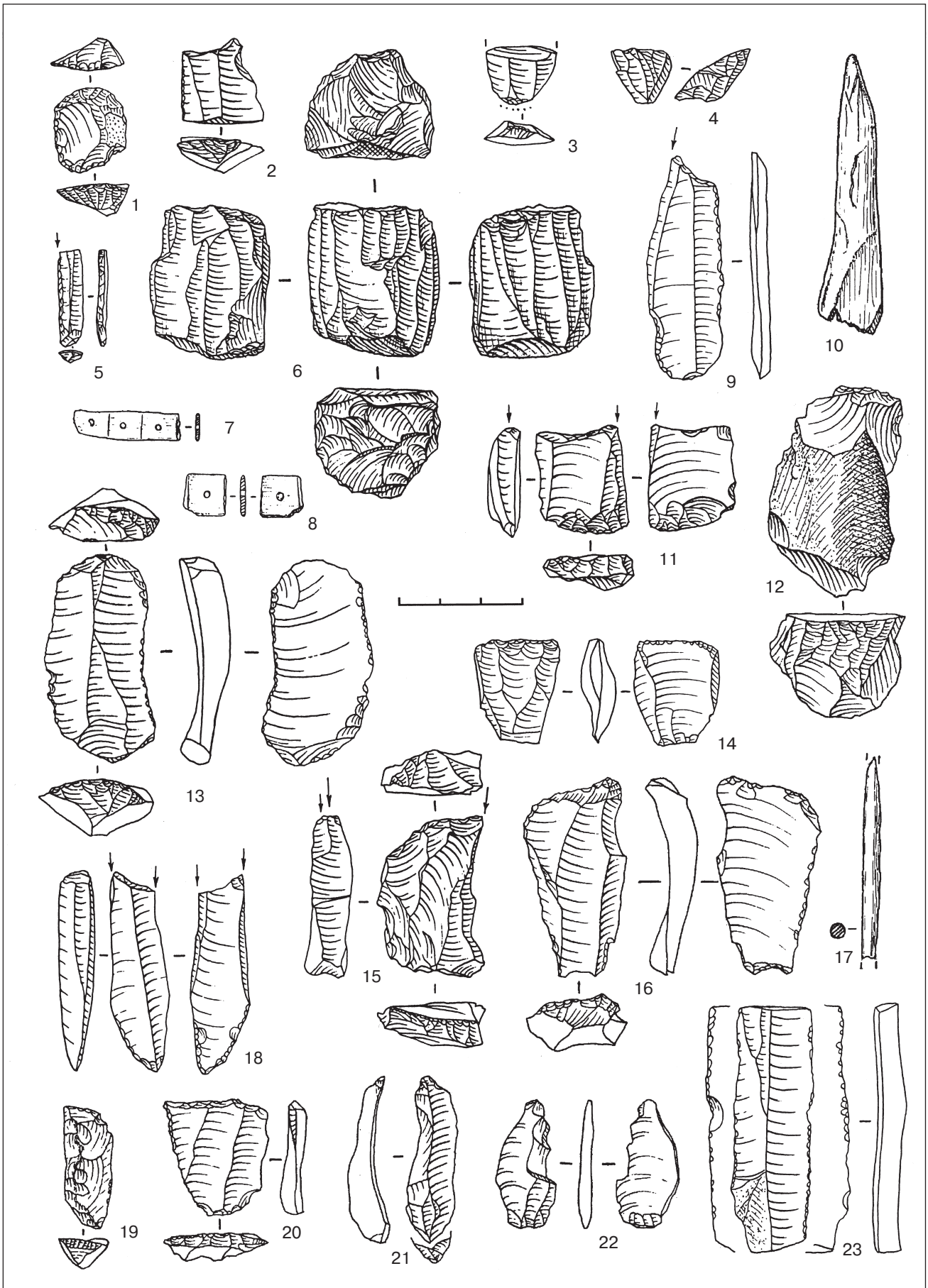

Рис. 9. Стоянка в пещере Байланташ (Акбутинской). Каменный и костяной инвентарь

ущелья, в его левом борту, на высоте 30 м от дна каньона и 40 м от уровня Белой. Изучение пещеры было начато в 1961 г. О.Н. Бадером, который заложил шурф-фовку в привходовой части пещеры. В 1965 г и 1968 г шурфовка была продолжена А.П. Шокуровым. В 1971 и 1973 гг. исследования были продолжены О.Н. Бадером. Последние раскопки проводились в 1987 – 1988 гг. П.Е. Нехорошевым [Нехорошев, Гиря, 2004]. Культурный слой имеет мощность до 0,6 м на глубине 1 – 2, 5 м от поверхности, содержит многочисленные зольные пятна, что указывает на неоднократность посещения пещеры. Получены даты по древесному углю: 14920±660 (ЛЕ 4350), 15870±390 (ЛЕ 3350). Фаунистические остатки в отложениях пещеры практически отсутствуют. Обломки костей, сильно минерализованные и очень плохой сохранности, сосредоточены, в основном, в культурном слое, из которого определены мамонт, носорог, пещерный лев, бизон, песец, лошадь(?), волк(?), барсук(?) (определение И.Е. Кузьминой, ЗИН РАН, СПб.), копытный лемминг, заяц, сурок, суслик, тушканчик, слепушонка, красная полевка, пищуха, степная пеструшка, узкочерепная полевка, полевка экономка (определение А.Г. Яковлева, ИГ УНЦ РАН, Уфа).

Коллекция каменных изделий насчитывает 345 экз. Сырье представлено кремнем, яшмовидным полупрозрачным кремнем и яшмой различного цвета и оттенков. Анализ первичной обработки показывает, что расщепление было направлено на получение пластин и микропластинок. По мнению П.Е. Нехорошева, облик индустрии определяется хорошо выраженными и многочисленными резцами, пластинами с усеченным концом, использованием заготовок в качестве долотовидных орудий, большим количеством микропластинок, среди которых хорошо представлены изделия с ретушью, с притупленным краем, с косо усеченным концом. Также характерны изделия с тем или иным выделением небольшого острия (проколка, орудие с «шипом», «клювовидное» орудие) или угла заготовки (усеченная пластина, с углом, выделенным микровыемкой и резцовым микросколом, отщеп с обработанным углом). Скребки единичны – концевой скребок и левый скребковый край «клювовидного» орудия. В целом, состав коллекции говорит о том, что памятник являлся временным охотничьим лагерем, неоднократно посещавшимся в течение длительного промежутка времени.

Как считает П.Е. Нехорошев, сходство Культюрт-Тамака с ближайшим к нему памятником – пещерой Шульган-Таш определяется только в самых общих чертах по наличию развитого пластинчатого расщепления, микропластинок с притупленным краем, клювовидного орудия, пластин с обработанным концом [Щелинский, 1997]. Больше общих черт

у этого памятника с палеолитической индустрией пещеры Байсланташ (Акбутинской) [Котов, 2004].

Пещера Байсланташ (Акбутинская) расположена в 1 км западнее хутора Акбута в Мелеузовском районе на правом берегу р. Агидель (Белой) (Рис. 1). Вход находится на высоте 18 м от уровня воды, обращен на юго-запад. Высота входа около 17 м, ширина – 7 м. Длина пещеры – 110 м, средняя высота – 4,5 м, средняя ширина – 3,6 м. Пещера относительно сухая. Пол имеет наклон в сторону выхода примерно в 10 – 20°, сложен рыхлыми отложениями бурого суглинки, поверхность в глубине пещеры завалена крупными и мелкими кусками известняка. В 1961 г пещера была обследована А.П. Шокуровым, в 1962 г Г.Н. Матюшиным. Около входа пещеры ими были заложены шурфы 2 x 2 м в 8 м от устья пещеры. Шурфы не были доведены до скального основания. Находки представлены костями птиц и домашних животных, отщепами кремня и черепками бронзового века. Стационарные раскопки были начаты В.Г. Котовым в 1999 г. и продолжают-ся по настоящее время. Вскрыта площадь около 70 кв. м глубиной 6 м.

Инвентарь стоянки в пещере Байсланташ характеризуется следующими чертами: пластинчатая техника расщепления, торцевые, конусовидные, плосковыпуклые или уплощенные, одноплощадочные, а также остаточные нуклеусы; наличие крупных пластин и микропластинок; преобладание среди орудий разнообразных резцов – на углу сломанной пластины, ретушных, латеральных, двугранных, точечных. Большую серию представляют скребки, среди которых много укороченных с полукруглым лезвием, есть с прямым лезвием, скошенные, угловатые, с шипом и двойные; много различных орудий с острями, в том числе орудия с шипом; имеются долотовидные орудия; скребла; галечное орудие; фрагменты пластин с ретушью, микропластины с ретушью, геометрические микролиты; наконечники стрел на пластинчатых сколах с двусторонним утончением основания; орудия из кости; украшения из бивня мамонта в виде квадратных пластинок с отверстием и круглого бисера, амулет из мелкой галечки с естественным отверстием. Среди орудий из кости есть 1 проколка, 1 медиальный фрагмент иглы, фрагменты костей с ретушью или же со следами заглаженности от использования (Рис. 9). Встречаются костяные отщепы. Кости крупных млекопитающих, по определению П.А. Косинцева, принадлежат лошади, бизону, мамонту (фрагменты бивня). Большое количество орудий, нуклевидных изделий, отходов производства и малое количество костей крупных млекопитающих позволяет предположить, что в данном случае мы имеем дело с охотничьей стоянкой, которая неоднократно посещалась древними людьми,

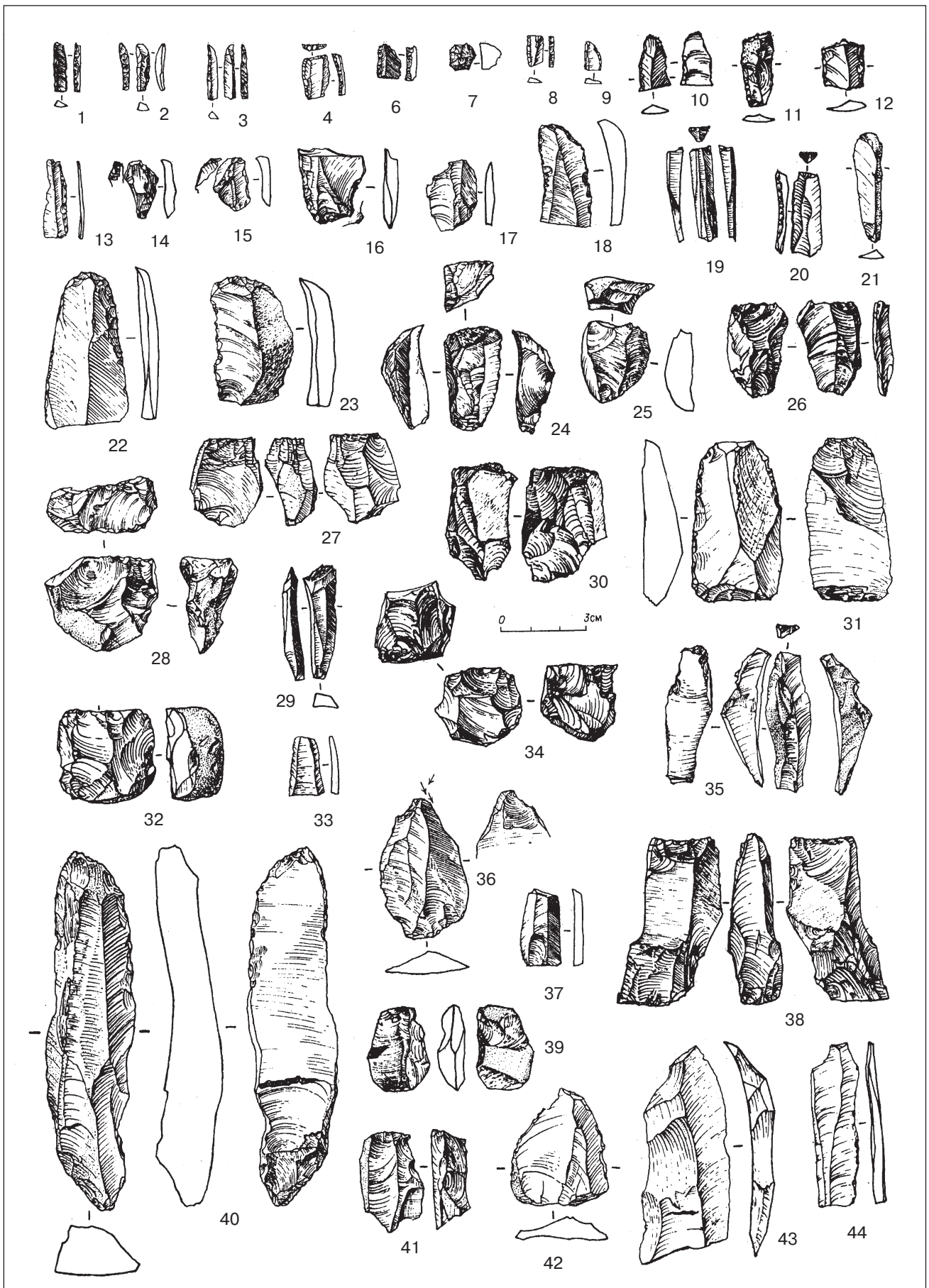

Рис. 10. Стоянка в пещере Игнatieвской (Ямазы-Таш). Каменный инвентарь (по В.Т. Петрину)

судя по мощности слоя, достаточно продолжительное время [Котов, 2004]. Наибольшее сходство палеолитической коллекции пещеры Байсланташ обнаруживается с ближайшими памятниками: пещерной стоянкой Кульюрт-Тамак и палеолитическим слоем в пещере Игнатьевской (Ямазыташ). Причем наибольшее сходство имеется с последним памятником, что может объясняться большей представительностью коллекции [Петрин, 1992].

Еще одним памятником с богатой палеолитической коллекцией является пещера Игнатьевская (Ямазыташ), которая находится в Катав-Ивановском районе Челябинской области, в 8 км ниже по течению р. Сим от д. Серпиевка (Рис. 1). Вход в пещеру округлой формы диаметром 12 м располагается на высоте 12 м над уровнем воды р. Сим и ориентирован на юго-восток. Пещера горизонтальная, коридорного типа, общая ее протяженность 626 м. Средняя высота составляет 2,42 м, средняя ширина 3,13 м. Впервые пещера была обследована и описана в 1760 г. П.С. Палассом. Первоначальное название Ямазыташ по-башкирски означает «плохая, злая пещера». В конце XIX в. в пещере жил и умер отшельник Игнатий, считавшийся среди окрестного русского населения святым. Его именем позднее названа пещера. Первые комплексные исследования, в том числе археологические, были проведены в 1913 г. С.И. Руденко, который заложил во входном гроте разведочный шурф около 10 кв. м, сделал сборы с поверхности и снял подробный план пещеры. В 1938 г. ее посетил С.Н. Бибиков. В 1951 г. в привходовой части М.А. Бадером были заложены 3 метровых шурфа. В 1960 – 1961 гг. О.Н. Бадером были исследованы привходовые отложения на площади 57 кв.м. Рисунки в пещере были открыты В.Т. Петриным, С.Е. Чаиркиным, В.Н. Широковым в марте 1980 г, с этого года по 1986 г. под руководством В.Т. Петрина продолжались комплексные исследования памятника, в ходе которых было заложено в различных частях пещеры 5 небольших рекогносцировочных раскопов.

Для коллекции каменных изделий (1350 экз.) характерны пластинчатое раскалывание призматических нуклеусов, разнообразные скребки, ретушированные пластинки, резцы, долотовидные орудия, различные клювовидные формы и орудия с выступом, зубчатым и фигурным краем, проколки и «резчики» (Рис. 10). Индустрия стоянки имеет сходство с индустрией стоянки Талицкого, пещер Шульганташ (Каповой), Байсланташ, Кульюрт-Тамак. Кроме того, в культурном слое найдены кусочки охры, украшения из зубов песка и быка, две бусины, отдельные угольки и кусочки охры. Стратиграфия находок позволяет синхронизировать культурный слой и время создания рисунков. Шесть радиоуглеродных дат по углю из слоя укладываются в проме-

жуток от 10 до 14,2 тыс. лет [Петрин, 1992]. Памятник является культовым, и к тому же большая часть каменных изделий собрана с поверхности, что усложняет культурную и хронологическую атрибуцию коллекции.

Одним из интересных памятником является стоянка Троицкая I. Она была обнаружена в Южном Зауралье на берегу р. Уй недалеко от г. Троицка Челябинской области (Рис. 1). В ходе строительных работ и раскопок здесь было найдено 126 костей мамонта от трех-четырех особей и 38 костей лошади. Каменные изделия (188 экз.) были изготовлены из местного галечного сырья, причем более половины – из хрусталя. Орудия составляют 6 скребков и 3 резца. Уникально костяное изделие из пястной кости лошади с просверленным отверстием, которое могло использоваться для обработки ремней из кожи. Радиоуглеродная дата была получена по обработанной кости мамонта – $16\ 300 \pm 300$ (ИЭРЖ – 165). Предположительно, памятник является временным стойбищем около скопления костей или туш погибших животных [Широков и др., 1996. Широков, 2005. С. 21].

На границе Среднего и Южного Урала была изучена в 1990 – 1991 гг. палеолитическая стоянка в гроте Бобылек в бассейне р. Уфы на юго-западе Свердловской области (Рис. 1.1). Кости животных принадлежали в основном северному оленю и зайцу, встречались кости лошади. В ходе раскопок была получена коллекция из 450 каменных предметов. Сырьем служил окремненный известняк, а также яшма, черный кремнь, халцедон. Основной заготовкой служили пластины. Орудия представлены следующими типами: выемчатые изделия, орудия с шипом, изделия с усеченным концом, резцы, ножи, концевой скребок, провертка, пластинка и микропластинки с притупленным краем. Большой интерес представляют костяные изделия, среди которых два вкладышевых изделия с выгравированными линиями, фрагмент кости северного оленя с гравированной изогнутой линией. В слое были найдены заготовки бус-нашивок – прямоугольные пластинки из бивня мамонта с отверстиями и без них, разделенные гравированными вертикальными линиями, и квадратные пластинки, которые имеют прямую аналогию на стоянке Байсланташ. Возраст отложений определяется приблизительно 14 тыс. лет.

Еще один памятник – пещера Заповедная – дал уникальные материалы об истоках культа медведя на Урале. Пещера находится в Белорецком районе Башкортостана на правом берегу р. Лемезы (приток р. Сим) (Рис. 1.1). В этом месте река прокладывает свое русло в глубокой долине между хребтами более 100 м высотой. Пещера расположена на высоте 70 м от уровня реки, у самой вершины. Имеет горизон-

тальное строение, общая длина ходов 180 м при средней высоте 1,2 м. Она была открыта в 1980 году уфимскими туристами-спелеологами. В 1981 г. ее осмотрел археолог Ю.А. Морозов и зафиксировал в ней следы древнего человека. В 1990 г. она была исследована археологом В.К. Федоровым, который определил ее как культовый памятник со следами почитания пещерного медведя. С 1993 г. изучением пещеры занимается В.Г. Котов.

В ходе шурфовки внутри пещеры были обнаружены, в верхнем горизонте светло-бурой супеси или суглинка отдельные угольки и на предвходовых площадках остатки кострищ. По радиоуглеродной датировке, угли из кострища во входе I имеют абсолютный возраст $12\ 800 \pm 260$ лет (ЛУ-3861). Здесь же были обнаружены кремневая пластинка с правильной огранкой, орудие на небольшом осколке кремня и кусочек охры [Котов, 2001]. В 2005 г. на границе залов IV и VII вблизи культовых объектов из черепов пещерных медведей под кальцитовый коркой было обнаружено кострище (№ 4). Абсолютные датировки, полученные по углю из него, укладываются в промежуток от $10\ 970 \pm 100$ BP (ЛЕ – 8257) до $11\ 880 \pm 100$ (СОАН – 7735), что указывает на финал палеолита [Там же; Котов, 2008].

В 2008 г. В.Г. Котовым были проведены раскопки в глубине пещеры. В раскопе 3 рядом с очагом были найдены следы многослойной стоянки с многочисленными изделиями из известняка и кальцита (130 экз.). Грубые нуклеусы и куски известняка с негативами отдельных сколов указывают на подпризматический характер скалывания. Вместе с тем пластинчатых сколов – единицы, а основной заготовкой для орудий являлись обколотые до нужной формы куски кальцита или известняка. Преобладают среди орудий угловые формы: резчики на осколках, угловатых обломках или отщепах, а также резцы. Единичными экземплярами представлены острия, долотовидные орудия, скребки. Находка отбойника из гальки, а также пластины и орудия из кремня в раскопе 1 на привходовой площадке свидетельствует о том, что посетители пещеры имели доступ к хорошему кремневому сырью, которое в изобилии имеется в пойме реки и на водоразделах. В связи с этим использование для изготовления орудий некачественного материала можно объяснить или ритуальной изоляцией, или предпочтением символического характера. Нарочитая небрежность, с которой сделаны орудия, отсутствие хороших призматических нуклеусов также указывают на отсутствие профессиональных навыков обработки камня у посетителей пещеры. То, что в регионе имеется три пещерных памятника с индустрией из известняка, причем два из них – святилища, позволяет говорить о существовании символической традиции использования этого специфического сырья.

Одним из первых на Южном Урале были исследованы С.И. Бибиковым в 30-е гг. двадцатого столетия пещеры в долине р. Юрюзань. В частности, пещера Ключевая, расположенная на левом берегу р. Юрюзань напротив пос. Лимоновка в Салаватском районе Башкортостана (Рис. 1). На глубине 1,3 м в отложениях светло-коричневой глины С.И. Бибиковым был обнаружен культурный слой мощностью 0,4 м с раздробленными костями, угольками и единичными каменными изделиями, который был доисследован В.С. Житиным в 2006 г. Всего было найдено 9 предметов, в том числе подконический нуклеус, две ножевидные пластины, острие на пластине, пластинчатый отщеп с ретушью и ретушированная пластинка. Фауна представлена костями носорога, бизона, гигантского оленя, северным оленем, косулей, пещерным медведем, песцом и др. [Бибиков, 1950. Житинев, 2007].

Пещера Бурановская расположена в том же районе, но только в 2 км выше по течению р. Юрюзань (Рис. 1). Стратиграфия пещерных отложений сходна с Ключевой. Здесь на глубине 1,8 м в слое желтой глины было расчищен очаг, обложенный камнями, заполненный угольками и пережженными косточками. Фауна аналогична фауне с Ключевой. Каменных изделий не было обнаружено [Бибиков, 1950].

В последние годы развернулись исследования на р. Ай, в Сикияз-Тамакском пещерном комплексе на границе Челябинской области и Башкортостана. Работы ведутся А.И. Юриным (Челябинский областной краеведческий музей) и В.С. Житиным (МГУ). В пещере Сикияз-Тамак I в одном из залов был обнаружен культурный слой финала верхнего палеолита с костями плейстоценовых животных, единичными каменными орудиями и костяным изделием. Возраст определен по углю $11\ 690 \pm 70$ л.н. (GrA– 18661). Возможно, к этому слою относится случайная находка черепа пещерного медведя, поверхность которого была окрашена охрой и имела искусственные нарезки. В другом раскопе этой пещеры была найдена плитка известняка, окрашенная охрой, которая, по мнению В.С. Житинова, отвалилась от стены вблизи входа [Житинев, 2007a].

В числе первых палеолит был выявлен в пещере Мурадымовской I (Голубиный грот). Пещера расположена на правом берегу р. Большой Ик на высоте 102 м над уровнем реки в 3 км выше д. Юлдыбаево 3-е (Мурадымово). Пещера коридорного типа, общая длина 69,3 м. Обращена на юго– юго-восток широким (18 м) и высоким (3 м) входом. Впервые она обследовалась геологом Н.А. Преображенским в 1942 г., который заложил здесь шурф и обнаружил в нем скребок. В 1948 г. по поручению О.Н. Бадера ее обследовал студент ПГУ И.С. Захоржевский, обнаруживший в шурфе кремневую ножевидную пластину. В 1960 г. и 1976 г. в пещере вел раскопки

О.Н. Бадер на площади 55, 5 м². В нем на глубине 1,6 м и 2 м были зафиксированы очажные линзы. Среди 17 каменных изделий, обнаруженных в ходе раскопок, две пластины с нерегулярной огранкой из серого кремня, одна пластина с ретушью из черного кремня, три отщепа с ретушью, боковой резец на первичном сколе с кремневой гальки, нуклеидное изделие – все из черного кремня. Все изделия характерны для верхнего палеолита. В частности, такие же орудия с обработанными выступами и остриями из расколотых мелких галек присутствуют в материалах пещерных стоянок Балатукай, Заповедная, Шульган-Таш. Найденные в Мурадымовской 1 пещере в годы, предшествующие раскопкам О.Н. Бадера, кости животных, по определению В.И. Громова и Э.А. Вангенгейм, дают следующий список видов: 1) *Marmota bobac* – байбак; 2) *Cricetus* sp. – хомяк; 3) *Ochotona pusilla* – сеноставец малый; 4) *Lepus* sp. – заяц; 5) *Putorius ermineus* – горноста́й; 6) *Aves* – птицы. Они характерны как для верхнего плейстоцена, так и для голоцена. Культурные отложения указывают на то, что пещера использовалась в верхнем плейстоцене как место кратковременной стоянки охотников [Бадер, 1962].

Также Г.Н. Матюшиным был открыт ряд верхнепалеолитических памятников, характеризующих переход от палеолитической индустрии к мезолитической, или ранний этап существования мезолитической романово-ильмурзинской культуры: стоянки Сюнь I и Сюнь II, стоянки в пещерах Казырбаковская и Сабакай III [Матюшин, 1976. 75 – 76, 84 – 85].

КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА

Одним из наиболее ярких проявлений палеолита на Урале, без сомнения, следует считать наличие разнообразных пещерных святилищ. Их изучение дает неоценимую информацию о духовной культуре предков башкир, позволяет приблизиться к пониманию их мифологии и содержания обрядов.

Самым важным в этом плане является крупнейшее пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая) в Бурзянском районе Башкортостана. Научное исследование пещеры началось в 20-е гг. XX в., и этот этап связан с именем башкирского геолога и краеведа Г.В. Вахрушева. Он оставил описание внутренних полостей пещеры среднего и верхнего этажей и составил подробный план пещеры. Новый этап в жизни пещеры связан с обнаружением в ней зоологом А.В. Рюминым в 1959 г. наскальной живописи. Понятно, что это сенсационное открытие поначалу вызвало недоверие ученых. И только после 1960 г. с началом работ известного ученого О.Н. Бадера сом-

нения были рассеяны. Он подтвердил достоверность рисунков, сделанных охрой, и открыл ряд новых изображений. Изучением О.Н. Бадер занимался вплоть до самой своей кончины в 1978 г. В результате многолетних исследований возглавляемой им экспедиции было открыто более 50 красочных изображений, сделанных охрой [Бадер, 1965]. Некоторые рисунки пришлось отмывать от грязи или открывать из-под кальцита. Свои исследования ученый не успел завершить, и о замечательном памятнике знали лишь по предварительным публикациям. Большая работа по фиксации красочных изображений была проведена В.Е. Щелинским. Всего им было выделено более 50 рисунков и пятен, сделанных охристыми пигментами и углем. В основном он учитывал хорошо видимые изображения. В своих работах исследователь предложил их классификацию и описание [Щелинский, 1997; Scelinskij, Sirokov, 1999]. В 90-е гг. исследования в пещере Шульган-таш были продолжены учеником В.Е. Щелинского В.Г. Котовым. В пещере проводились работы и в естественно-научном направлении, а также по поиску новых красочных изображений под руководством Ю.С. Ляхницкого [Лях-ницкий, 2008]. Фотографом А.К. Солодейниковым была применена оригинальная методика фиксации и компьютерной обработки фотографий, которая позволила увидеть на фотографии слабо различимые и размытые изображения. Всего им было зафиксировано около 200 изображений, нанесенных охристым и черным пигментом [Ляхницкий, Соло-довников, 2004]. В результате, пещера Шульган-таш (Каповая) предстала как одно из крупнейших собраний палеолитической живописи.

Рисунки размещены в 200 – 300 м от входа на среднем и верхних ярусах пещеры. На среднем этаже изображения размещены в залах Купольном, Знаков и Хаоса. На верхнем этаже есть лишь один декорированный участок – зал Рисунков. Существуют различия в характере изображений.

Большая часть рисунков среднего яруса является геометрическими знаками. Здесь имеются четыре изображения животных в сочетании со знаками, в одном случае животное изображено с человекоподобным существом. Есть знаки в виде косой решетки, короткой черты и круга, треугольника с вписанным треугольником, лесенки, трезубец и пр. Но в основном знаки представлены четырехугольниками и трапециями, у которых верхняя линия выходит слегка за пределы фигуры и загнута вниз. В одном случае линия доходит почти до основания фигуры и загибается вверх. Фигуры различаются и разным количеством вертикальных или наклонных линий – от одной до семи. Среди животных преобладает лошадь – 3 рисунка, изображен бизон и неопределимое животное в зале Знаков.

Рис. 11. Пещера Шульган-таш (Каповая). Панно «Лошадки и знак» в зале Хаоса (по В.Е. Щелинскому)

На верхнем ярусе большая часть рисунков – это животные, и есть лишь один знак в виде трапеции с «ушками», аналогичный знакам среднего этажа. В этом собрании преобладают мамонты – 11 фигур, причем один мамонт изображен в силуэтной манере, а остальные – контурные (Рис. 12). Среди животных четко изображены носорог и бык. Здесь же с помощью хорошего освещения и новейшей аппаратуры было зафиксировано 2 изображения человека.

Большая часть рисунков сделана в сходной манере: они контурные, толщина линий около 3 – 4 см, имеют одинаковые размеры, нанесены на од-

ной высоте от пола, имеют похожую стилистику – в профиль с четырьмя ногами. Небольшие отличия в цвете и характере передачи пропорций указывают на то, что некоторые рисунки могли быть сделаны в разное время или рукой разных художников. Наличие композиций и размещение части изображений в труднодоступных местах – на большой высоте, в нишах и трещинах, свидетельствуют о явно символическом характере размещения части изображений. Отсюда следует вывод, что в целом собрание рисунков было сделано в рамках одной традиции и с учетом единого замысла.

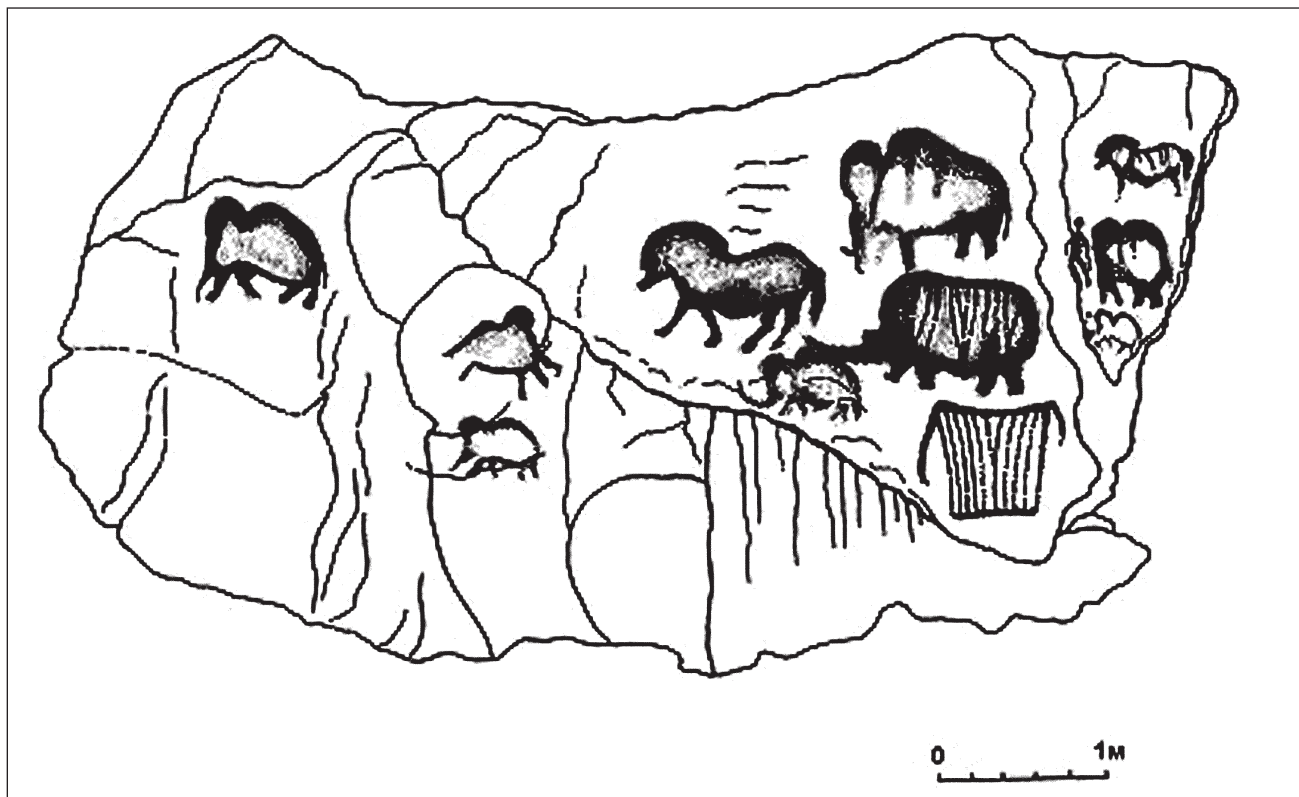

Рис. 12. Пещера Шульган-таш (Каповая). Схема восточного панно зала Рисунков (по В.Г. Котову)

Выделяются следующие композиционные скопления палеолитических изображений: на верхнем этаже в зале Рисунков (восточная и западная стена), на среднем, в зале Знаков – рисунки бизона и геометрических знаков, в зале Хаоса – панно с лошадками, лошадь и антропоморф. Они показывают структуру древнего святилища, поэтому заслуживают отдельного описания.

Первая композиция находится в зале Хаоса (Фото. 6). Это конечный зал на среднем ярусе, который представляет собой огромное нагромождение глыб с гигантской воронкой посередине (почему он и получил свое название). Панно с изображениями лошадей было расчищено в 70-е гг. XX столетия экспедицией О.Н. Бадера. Оно представляет собой рисунки двух лошадей и трапециевидного знака с «ушками» между ними (Рис. 11). Слева от этой группы расчищена еще одна трапеция меньших размеров. Обращает на себя внимание, что при достаточно реалистичной передаче пропорций «башкирских» коротконогих лошадок имеется явное искажение в изображении морд животных: они неестественно приплюснуты и похожи на утиную голову. У верхней лошади на спине изображена трапеция с горизонтальными линиями, напоминающая крыло. Нижняя лошадь имеет на теле две вертикальные линии, сделанные темным пигментом (углем?). Учитывая очевидную важность данного скопления в

структуре святилища, она могла символизировать троичность мироздания, где верхняя (крылатая) лошадь обозначала верхний, небесный мир, а нижняя – мир подземный (изображение животного в «скелетном» стиле). Сложнорасчерченная трапеция должна обозначать что-то из мира человека или быть его символом. Размещение отдельных трапеций с единичными линиями внутри показывает, что по мере приближения к наиболее священным участкам происходит усложнение этих знаков. Это может быть объяснено тем, что эти знаки были не просто символом человека, а являлись обозначением его социального статуса. По мере усложнения обрядов повышался социальный статус посвящаемых, и это находило отражение в наносимых в ходе ритуалов символических знаков.

Следующая композиция нанесена на гребень свода на высоте 3 м над скоплением камней и огромной воронкой. Для того чтобы ее нарисовать, художник должен был соорудить лестницу или помост. Одно это показывает исключительную важность этой группы. Здесь была изображена крупная лошадь и фигура человекоподобного существа. Оно нарисовано в полусогнутом состоянии. Голова крупная, очевидно, с крупным «клювом». Две руки и две ноги заканчиваются клешнями или птичьими лапами. Эту композицию следует воспринимать как

мифологическую сцену рождения или перерождения от лошади человека, или мифического героя.

Яркой иллюстрацией испытательного характера посвященных обрядов, которые проводились в пещере, является подъем на верхний этаж, представляющий несколько вертикальных уступов около 30 м высотой, среди них последний имеет высоту 14 м, и нависающие стены. Рисунки расположены в 100 м от колодца в первом, самом крупном зале на этом этаже. Он имеет диаметр около 50 м и высоту более 30 м что, очевидно, отвечало каким-то представлениям древних о сакральном пространстве.

На восточной стене последними исследованиями с применением компьютерной обработки фотографий А.К. Солодейниковым были выявлены плохо различимые глазом изображения (Фото. 5). Часть из них была обнаружена еще в 70-е гг. прошлого столетия О.Н. Бадером, но это открытие было опубликовано в научно-популярном журнале и не получило должного признания. Теперь на этой стене зафиксировано 7 мамонтов, 2 лошади, 1 трапециевидный знак, 2 антропоморфных изображения. В результате красочное панно предстает как сложная композиция, состоящая из 3 частей, границы которых приурочены к рельефу поверхности. Поскольку большая часть животных нарисована идущими влево, то логично также рассматривать их справа налево (Рис. 12).

В правой части панно, согласно последним данным, в узком треугольнике, образованном справа краем скальной поверхности, а слева — широкой трещиной, были нарисованы последовательно, друг над другом, лошадь с мохнатой гривой и характерной утиной мордочкой, под ней такого же размера мамонт, под ним еще один, но уже маленький мамонт — в два раза меньшего размера (Рис. 12). Важно, что оба мамонта как бы ужаты с боков и изображены с четырьмя ногами. Еле видимое пятно перед большим мамонтом при компьютерной обработке оказалось антропоморфом. Он изображен в линейной манере, с расставленными ногами и растопыренными руками. Туловище изогнуто в сторону мамонта, показывая разворот и придавая изображению экспрессию. В руке, обращенной в сторону мамонта, он держит за середину изогнутый предмет (лук или какое-то другое оружие). Голова обозначена круглым пятном. Перед маленьким мамонтом также заметно изображение антропоморфа гораздо худшей сохранности. От него остались голова в форме круглого пятна, линия плеч и часть туловища в форме вертикальной линии. Вся эта группа является явно одной сценой, она была нарисована одновременно и с учетом всей остальной композиции. Об этом говорит единый стиль изображения мамонтов и особенно лошадей, а также маленькие размеры и «сжатость» рисунков животных, необходимые

для того, чтобы разместить именно в этом месте всю группу. Таким образом, здесь видна какая-то мифологическая по своему содержанию сцена противостояния человека мамонтам. При этом лошадь не является противником человека и явно доминирует над всем этим действием, буквально возвышаясь над происходящим, ее размеры сопоставимы с большим мамонтом.

Вторая группа также размещена в треугольном пространстве, но гораздо большего размера, что и сказалось на величине рисунков (Рис. 12). Справа она отделена от предыдущей группы вертикальной трещиной, а слева — наклонной трещиной, идущей от левого верхнего угла к правому нижнему углу восточной стены. В центре панно и на крайнем левом фланге нарисована крупная лошадь, идущая влево (Фото. 2). Она такого же размера, что и большой мамонт, помещенный позади, справа над ней. У этой лошади также, как и у первой, нарисована густая грива, чуть приподнятый, с обозначением углового выступа, круп, утиная мордочка, отвислый живот. Под ее задними ногами изображен маленький мамонт — плохо сохранившееся изображение, выявленное О.Н. Бадером и зафиксированное компьютерной обработкой А.К. Солодейникова. Возможно, данный рисунок был тогда уже плохо различим (или же специально стерт еще в древности). По крайней мере, этим можно объяснить появление позади него изображения крупного носорога, рог которого перекрывает линию спины мамонта (Фото. 1). Ноги верхнего мамонта касаются спины носорога. Его тело расчерчено вертикальными линиями подобно тому, как заполнено внутреннее пространство трапеции. Под ним трапециевидный знак почти такого же размера, который в соответствии с формой поверхности стены помещен чуть наискось. Очевидно, необыкновенная скученность животных в правой части композиции была связана с какой-то символической значимостью, во-первых, лошади, занимающей в иерархии животных символов явно доминирующее место, во-вторых, рельефа поверхности стены, в частности, трещин, разделяющих группы изображений. Создается впечатление, что лошадь и здесь доминирует над другими животными, которые шествуют вслед за ней по направлению к наклонной трещине. О том, что данная трещина являлась не только границей между второй и третьей группами, но и имела большое символическое значение, свидетельствует моделированный обработкой известняковый натек в виде головы лошади и длинной, ниспадающей гривы, расположенный по трещине под данной группой изображений. Следы сколов видны вдоль трещины — подправка «гривы» и на конце натека, который был обломан. Нижняя часть этого сталактита была обнаружена отрядом под руководством Т.И. Щербаковой в 2004 г. здесь же под

толстой кальцитовый коркой, наряду с другими известняковыми сколами, углями и охрой.

В третьей группе поначалу было выявлено два мамонта. Крайний левый мамонт изображен контурно, в профиль с четырьмя ногами, далеко в левом верхнем углу. Вблизи трещины, головой к ней нарисован другой мамонт чуть поменьше первого. Это не только единственное изображение животного развернутого направо, но у него также не дорисованы задние конечности (Рис. 12). Важно, что это животное также изображено подчеркнуто меньше и ниже соседней с ним лошади. Под ним помещено еле видимое изображение «идушего» мамонта еще меньших размеров, повернутого влево.

Таким образом, стилистика изображений всех трех групп показывает их единство, а значит, какую-то последовательность событий. Первая группа явно представляет замкнутую на себя сцену какой-то борьбы или противостояния человека и мамонта, при которой присутствует огромная лошадь. Принимая во внимание тот факт, что она выступает, судя по композициям первого этажа, божественным символом верхней (небесной) части мироздания и божественным покровителем человека, то же самое следует видеть и здесь: лошадь покровительствует поединку человека (героя) с большим и малым мамонтами. Следующая группа животных движется вслед за огромной лошадию по направлению к трещине. Очевидно, это та же самая лошадь, что и в первой сцене, о чем говорит детальное сходство между ними. То же самое можно сказать и о мамонтах — здесь также изображены большой и малый мамонты. Изображенный через какое-то время рисунок носорога и трапедии не нарушил общего замысла сцены. Смысловым содержанием этой группы является шествие животных во главе с вожаком-лошадью по направлению к границе, которую символизировала трещина на стене. Эта граница была связана с образом коня, что было обозначено обработанным кальцитовым натеком, изображающим голову и гриву лошади. Третья группа обозначала, по нашему мнению, выход животных за пределы некоего сокрытого пространства, в котором они находились, при этом один мамонт из трех, находящийся ближе всех к символической границе, повернул назад. В то же время другой мамонт демонстративно изображен поднявшимся выше других животных. Возможно, древний художник хотел передать идею, что выход является одновременно и подъемом (из нижнего мира?).

На западном панно изображения нанесены по диагонали от правого верхнего угла к левому нижнему (Фото. 4). Все животные изображены головой влево, в профиль, с четырьмя ногами. Справа в верхнем углу нарисован мамонт и его тело полностью закрашено охрой — это единственное силуэт-

ное изображение в пещере. В центре помещены малый и большой мамонт, которые нарисованы в контурной манере. У большого мамонта на компьютерной фотографии хорошо виден фаллос. Над мамонтом, чуть позади — антропоморф. Он изображен с растопыренными руками и ногами, с наклоненным в сторону мамонта туловищем и круглой головой. Возможно, у него на ногах лыжи или снегоступы, но эта деталь не проявлена четко на рисунке. Стиль изображения антропоморфа полностью совпадает с изображением человека на восточном панно, причем также передано и его направление движения — действия на мамонта с помощью наклона туловища. Над маленьким мамонтом имеется короткая черта из охры. Несомненно, данная группа является единой сценой. И вновь здесь присутствуют те же персонажи, которые видны на восточной стене, — большой и маленький мамонты. Слева на значительном удалении (около 1,5 м) в контурной манере нарисован бык в профиль (Фото. 3).

Сходство этой композиции с первой группой восточного панно не вызывает сомнения. Различаются только детали: человек изображен не перед мамонтом, а над ним. Он как бы преследует животное. В то же время черта над маленьким мамонтом может означать, что действие направлено одновременно и на него, причем на восточной стене перед малым мамонтом также нарисовано какое-то пятно. Единственное, что различает эти композиции, — это отсутствие лошади. Очевидно, в центре внимания древними художниками была представлена заключительная сцена какого-то мифологического действия, где человек уже преследует большого и малого мамонтов. То, что человек нарисован над ним, согласно древнему мировоззрению, нашедшему отражение и в характере других изображений данного святилища, означает всевластие и полное превосходство героя над своим врагом.

Можно сделать вывод, что лошадь и мамонт являются двумя основными животными-символами в мировоззрении древних людей, оставивших рисунки на стенах. Лошадь, без сомнения, являлась центральным персонажем, выступая посредником во взаимодействии человека и животных в рамках древней тотемической мифологии. Кроме того, лошадь, судя по изображениям в зале Хаоса, являлась благожелательным существом, перерождающим человека, то есть покровителем и родоначальником в древнем мифе и в мифологической картине мира. Соответственно, конь символизировал собой светлую, верхнюю половину мироздания, то есть являлся тотемом и небесным божеством. Не случайно в зале Хаоса в символической композиции «Лошади и знаки» верхняя лошадь изображена с крылом на спине. Мамонт — это противник человека, а значит, и лошади. Обычно в мифологии всех народов про-

тивниками героя всегда выступали хтонические персонажи – хозяева потустороннего (подземного) мира, обычно чудовища, дивы, драконы или змеи, а также крупные и опасные хищники (тигр, лев, медведь, волк). Поэтому мамонт также мог символизировать нижний, подземный, темный мир.

Соответственно, в новом свете могут быть представлены все сцены в зале Рисунков. На восточном панно в первой группе видна борьба-противостояние героя с хтоническими персонажами, очевидно, в подземном мире. О том, что это мир нижний, подземный, говорит его стесненность и замкнутость. Наряду с человеком в этом подземном мире находится лошадь, которая, скорее всего, покровительствует герою, и его действия каким-то образом связаны с нею. В следующей сцене уже лошадь является главным действующим лицом. Она выводит из потустороннего мира животных, в частности опять же двух мамонтов, большого и малого, а также носорога. Последняя сцена иллюстрирует сцену преследования героем хозяина подземного мира. Допуская космический масштаб образа мамонта, можно предположить, что здесь нашла отражение сцена «космической охоты» героя за небесным копытным зверем, которая широко представлена в космогонии сибирских народов. Во многих мифологиях хозяин животных имеет звериный или полуживотный облик, покровительствует молодому охотнику, специально для него выводит из потустороннего мира диких животных, делая его удачливым охотником и выгодным женихом. В башкирской мифологии это всегда связано с образом крылатого белого коня Акбузата, который покровительствует герою, перерождает его в батыра, помогает добыть красавицу-невесту и выводит из потустороннего подводного мира, озера Шульган, лошадей и скот. Важно, что во время выхода животных герой нарушает запрет оглядываться, и тогда часть животных, не переступивших границу между мирами, возвращается обратно в глубины подводного мира. Следует обратить внимание на то, что этот сюжет присутствует в древнейших мифологических эпосах башкир: таких, как «Акбузат», «Акхак-Кола», «Заятуляк и Хыухылу». Все они восходят по закону героической циклизации к мифологическому эпосу «Урал-батыр», являющемуся собранием древнейших южноуральских космогонических мифов, возникших еще в каменном веке. В свете этого вышеупомянутые совпадения могут указывать на возможность сохранения и ретрансляции мифологических представлений древних предков башкир с конца верхнего палеолита до современности [Котов, 2006].

Игнatieвская пещера (Ямазыташ) является одной из крупнейших в этом горном районе. Она разработана в девонских известняках и имеет совокупную длину ходов более 600 м. Пещера сухая,

горизонтальная. Вход имеет овальные очертания и ширину около 12 м и высоту около 8 м и находится на высоте 8 м над уровнем р. Сим. Входной грот имеет крупные размеры (длина около 60 м), хорошо освещен. Он переходит в Основной коридор, который представляет собой туннель. Из него открывается Большой зал – самая крупная полость в пещере: местами его длина достигает более 30 м, ширина – 24 м, а высота – 8 м. В центре зала находится массивная колонна. Дальний зал соединен с Большим двумя узкими ходами длиной по 5 м. Один находится на высоте 3 м от уровня пола, а другой начинается от пола. Этот зал имеет подквадратную форму 11 x 11 м и высоту до 2,5 м.

Рисунки были открыты в 1980 г. группой археологов под руководством В.Т. Петрина. В ходе исследований внутри пещеры было зафиксировано более 50 изображений [Петрин, 1992]. Они расположены в глубине пещеры в Большом и Дальнем залах, на расстоянии более 100 м от входа. В Большом зале рисунки сделаны на вертикальных и наклонных стенах, изредка изображения встречаются в различного размера полугротах, нишах, на выступах стен или приурочены к трещинам и отверстиям в стенах. Изображения также нанесены на колонну и вокруг нее на стены зала. Рисунки выполнены охрой разных оттенков красного и черным пигментом – углем.

Первый рисунок охрой находится на границе Основного коридора и Большого зала. Это изображение мамонта плохой сохранности. Рядом с ним под кальцитом еще одно предположительное изображение мамонта, сделанное охрой, и черная изогнутая линия. На западной стене в некоторых местах обнаружены пятна охры. На высоте около 2,5 м от пола вверху естественной ниши изображен охрой знак, напоминающий птицевидную фигуру человека, у которого вместо ног нарисованы короткая юбочка или птичий хвост (Рис. 13, 1). Далее, вокруг следующей ниши, расположены рисунок мамонта удлинённых пропорций и под ним два острия, а также еще одно изображение мамонта частичной сохранности и тамгообразный знак (Рис. 13, 3).

Рисунки имеются и на колонне. На ее западной стенке невысоко над полом, над углублением (каверной), нанесены охрой 27 линий, сверху над ними рисунок лошади (Рис. 13, 6). Над ним наклонная линия и пятна охры. На северной стене открыты две группы красных изображений. В первой выявлены пять вертикальных линий и пятно охры. В другой – вертикальная волнистая линия в виде меандра, а рядом вертикально расположенные семь пятен и знаки в форме круга с тремя обрамляющими его отрезками. По мнению исследователей, эти знаки напоминают следы носорога и больше нигде в дру-

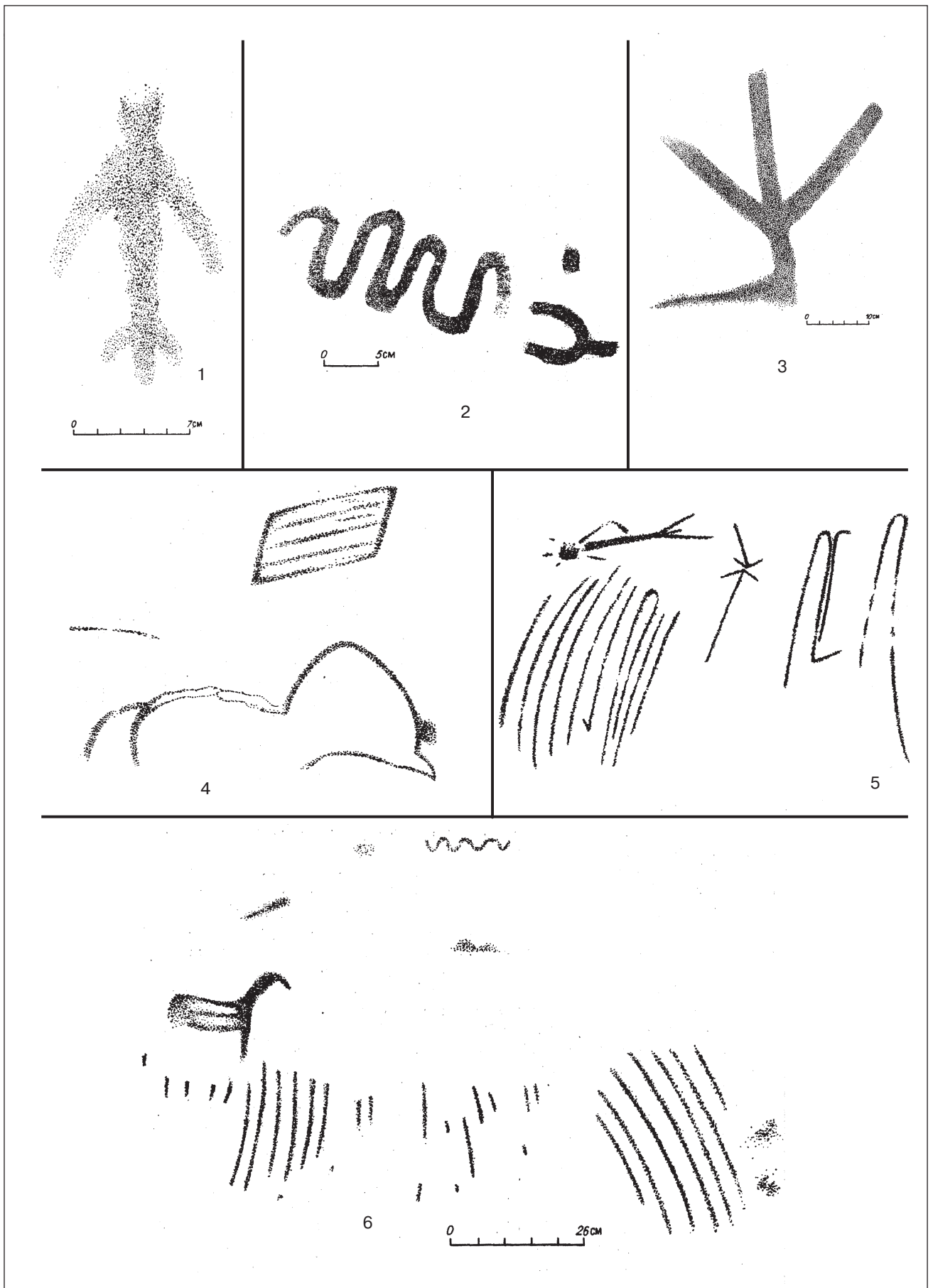

Рис. 13. Пещера Игнatieвская (Ямазы-Таш). Рисунки на стенах Большого (1 – 3, 6), Дальнего (4, 5) залов (по В.Т. Петрину)

гих пещерах не встречены. Здесь же зафиксирован рисунок змеи (Рис. 13, 2).

Рисунки Дальнего зала в основном расположены на потолке, сложенном из огромных плит. Доминирующее положение занимает Красное панно, в центре которого красные изображения зверя и женщины. Женская фигура имеет размеры более 1 м, изображена в линейной манере: голова в виде круглого пятна, туловище, руки и ноги — широкой линией. Между ногами три линии из пятен — две короткие и одна длинная, всего 28 пятен. Центральный пунктир находится на одной линии с пунктиром, выходящим из центра зверя. Он изображен перпендикулярно к рисунку женщины в 3 м от нее. Фигура зверя сделана толстой контурной линией, передающей массивное подпрямоугольное тело, с четырьмя короткими ногами и огромным рогом с отростком, напоминающим рог носорога или эламотерия. Очевидно, зверь-самец находится в состоянии эротического возбуждения, что передано треугольным выступом в паху и поднятым маленьким хвостом. Другие красные изображения представлены многочисленными пятнами, беспорядочно разбросанными по всему потолку и двумя тамгообразными знаками. Вблизи зверя зафиксированы чер-

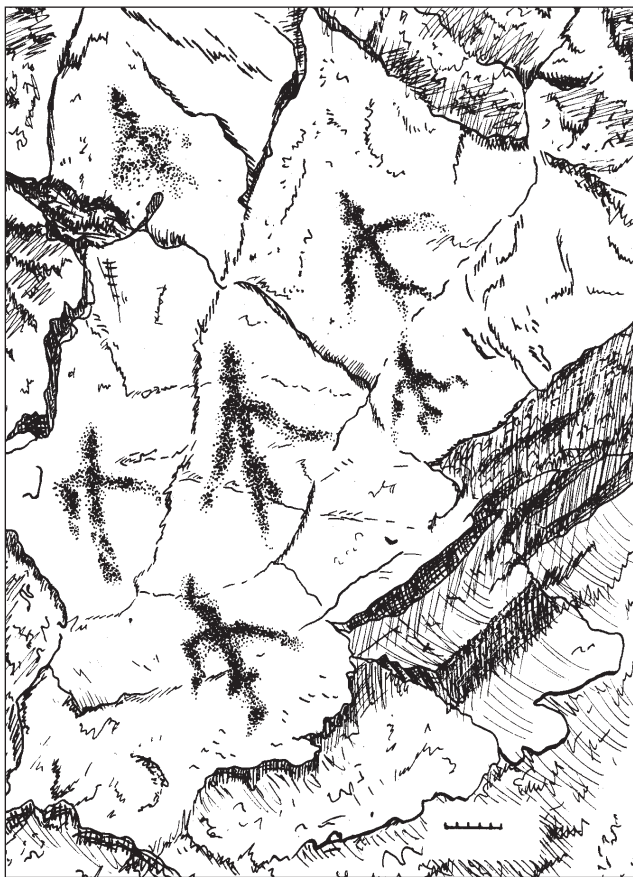

Рис. 14. Пещера Мурадымовская 2 (Копченая).
Рисунки на стенах, сделанные охрой
(по Р.Г. Кузееву и А.Х. Пшеничнюку)

ные изображения — остатки каких-то рисунков и фигура мамонта, сделанная тонкой чертой. В.Н. Широков считает, что эта сцена отражает тотемический миф о рождении мира. Возможно, зверь-самец и женщина являются образами отца-небо и матери-земли.

На плите, отделенной от красного панно уступом скалы, также под прозрачным слоем кальцита обнаружено скопление черных рисунков. Здесь на площади около 8 м² изображены контуры трех лошадей, мамонта, крупный рисунок фантастического существа со множеством ног, двугорбое существо со звериной мордой, похожее на верблюда, ниже его — контур быка; кроме того, сердечкообразная личина с тремя пятнами внутри и несколько знаков (Рис. 13, 4).

На южной стене, под кальцитом на горизонтальной поверхности узкого уступа, черным пигментом сделано изображение человека в линейной манере. У его головы нарисованы три расходящиеся линии, напоминающие лучи, а также у фигуры обозначен знак мужского пола. Рядом с ним нарисованы десять косых линий, две столкнувшиеся стрелы и вертикальный зигзаг. «Лучезарность» человеческого изображения указывает на то, что это небесное божество, и вся сцена является иллюстрацией главных его атрибутов — дождя (косые линии), грома (две столкнувшиеся стрелы) и молнии (зигзаг) (Рис. 13, 5) [Котов, 2001].

Во многих местах на стенах Большого зала были обнаружены скопления и единичные негативы сколов — следов, очевидно, ритуального обкалывания стен. Это объединяет в единую традицию культа камня Игнatieвскую (Ямазыташ) пещеру и пещеру Шульган-Таш (Каповую). Интересно отметить, что ритуальное обкалывание камня Яйташ отмечается у современных горных башкир.

В ходе раскопок в различных частях пещеры был обнаружен культурный слой с кусочками угля, охры, многочисленными каменными изделиями, украшениями и костями животных эпохи последнего оледенения. Радиоуглеродные датировки дали три даты: 10 тыс., более 13 тыс. и более 14 тыс. лет.

Пещера Игнatieвская (Ямазыташ) — это одна из самых крупных собраний пещерной живописи в мире. Вместе с пещерой Шульган-Таш (Каповой) она свидетельствует о существовании уральского очага палеолитического искусства.

Рядом с Игнatieвской пещерой на р. Сим в 15 км ниже по течению, в пещере Серпиевская 2 группой археологов — В.Т. Петриным, С.Е. Чаиркиным и В.Н. Широковым — были найдены красочные изображения. Пещера горизонтальная, коридорного типа длиной 150 м (Рис. 1). К настоящему времени зафиксировано 7 рисунков, сделанных красным пигментом. Сохранность рисунков плохая.

Среди них представлены группы линий, шалашеобразный знак, овальные пятна и изображение животного, напоминающего оленя. Под одним из рисунков был заложен шурф, в котором обнаружены угольки вместе с костями эпохи плейстоцена. Исследователи предполагают, что пещерное святилище в Серпиевской 2 пещере носило вспомогательный характер по отношению к святилищу, расположенному в пещере Игнатиевской (Ямазыташ).

На р. Сим в пещере Киселевской (им. Чебаевского) были обнаружены древние рисунки. Пещера расположена вблизи впадения р. Киселевка в р. Сим на восточной окраине пос. Аша Ашинского района Челябинской области. Карстовая полость коридорного типа, влажная, общая длина 925 м. В 200 м от входа на поперечном гребне потолка над каменным завалом Г.Н. Гарустовичем в 1983 г. был зафиксирован трапециевидный знак с тремя точками под ним [Акбулатов, Обыденнов, 1983]. В.Г. Котовым этот знак после компьютерной обработки был интерпретирован как антропоморф, стоящий на четвереньках и повернутый вправо. Вблизи этого рисунка В.Г. Котовым в 2009 г. был обнаружен знак в виде трех наклонных полос, перекрытый кальцитовым натеком. В других местах пещеры были выявлены еще пятна охры. Эти изображения находят аналогии

в соседних подобных памятниках – Игнатиевской и Серпиевской 2 пещерах. Все они, очевидно, относятся к одной изобразительной традиции.

Кроме пещер с наскальной живописью, на Южном Урале уже много лет исследуется уникальное пещерное святилище Заповедная, в котором присутствуют следы почитания ископаемого пещерного медведя. Пещера Заповедная находится в Белорецком районе Башкортостана на правом берегу р. Лемезы (приток р. Сим) (Рис. 1). В этом месте река прокладывает свое русло в глубокой долине между хребтами более 100 м высотой. Пещера расположена на высоте 70 м от уровня реки у самой вершины. Она имеет два входа, представляющих туннели овальной формы около 1 м высотой и 7 м длиной. Пещера имеет горизонтальное строение общую длину ходов в 180 м при средней высоте 1,2 м. В первые годы пещера представляла собой чрезвычайно живописное зрелище. С потолка свисали сплошным занавесом метровой длины белоснежные сосульки – сталактиты. На кальцитовом полу лес сталагмитов, и повсюду в кальците большие кости и черепа пещерного медведя. Первые исследователи говорили о более чем сотне медвежьих черепов.

Первым, обнаруженным еще туристами культовым объектом, был череп медведя на камне посере-

Рис. 15. Пещера Заповедная. Череп № 6 в кладке (вид с запада). Фото В.К. Федорова

дине зала VII. Череп был положен вдоль длинной оси камня, под него была подложена длинная кость медведя, и все это покрыто толстым слоем кальцита (комплекс «Ж»). Свидетели утверждали, что вокруг камня в беспорядке лежали около десятка медвежьих черепов. В том же зале в одной из ниш, теменем вверх у стены, утопленный в кальцитовую корку, лежал крупный череп пещерного медведя, ориентированный справа налево (комплекс «З»).

Наиболее сложный комплекс расположен в проходном зале IV, в нише правой стены. Ниша имеет полукруглую форму размером 3,5 x 1,5 м с плавно понижающимся вглубь кальцитовым полом. Примерно треть пространства ниши разделяется массивным гребнем, выделяя небольшую нишу. К этому гребню и приурочена конструкция из камней с черепом пещерного медведя. Она представляет собой кладку в 2 – 4 ряда из небольших глыб известняка 0,3 – 0,4 м высотой и протяженностью 1,8 м, которая под тупым углом поворачивает к северной стенке и соединяется с ней, отгораживая небольшую нишу. Кладка уходит под кальцитовую корку на глубину 0,2 м, ее детали крепко схвачены кальцитовым натеком. Под кальцитовой коркой были обнаружены единичные угольки от факелов, которыми пользовались древние люди, соорудившие кладку и череп медведя, положенный в первый венец кладки вместо камня. Другой череп ископаемого медведя, ориентированный справа налево, был водружен на небольшой плоский камень и буквально заклинен другим камнем из кладки, который своим выступом проникает в пролом височной кости. Со стороны гребня стены череп заклинен другим обломком известняка и подперт сверху двумя продолговатыми камнями, а снизу со стороны кладки приподнят небольшим плоским камнем таким образом, что в фас он оказался завален на левый бок. В результате, из глубины зала этот череп хорошо виден в профиль (Рис. 15). У черепа от самого основания удалены скуловые дуги, которые мешали бы его установке. В передней части черепа имеются следы от сильных ударов в виде трех глубоких неправильной формы отверстий, передних зубов нет, отсутствует правый клык. Внутри огороженного пространства на поверхности пола и под кальцитом костей нет, но их много под сводом и за пределами кладки. Создается впечатление, что это место было очищено от костей. Огороженное пространство ниши сужается к востоку и переходит в узкую щель. В этой расщелине в древности был установлен череп пещерного медведя. Он стоит на затылке, у него были обломаны передняя часть и скуловые дуги. На нем лежит правая половина неба и еще выше – скуловая кость. Эти кости покрыты толстым кальцитовым натеком.

Вблизи этого комплекса, на границе залов IV и VII, под кальцитовой коркой было обнаружено кострище (№ 4), которое горело здесь во время сооружения кладки и совершения обрядов. Абсолютные датировки, полученные по углю из него, укладываются в промежуток от $10\,970 \pm 100$ ВР (ЛЕ – 8257) до $11\,880 \pm 100$ (СОАН – 7735). Два маленьких костерка горели при входе в зал IV.

Особенности комплекса с кладкой раскрывают с одной стороны, сложное отношение древних людей к черепам и костям медведя, а также к пещерной нише и пещере в целом. С другой, особенности установки черепа указывают на экспозиционность всей конструкции. Возможно, внутрь кладки помещался инициант, который должен был пробыть там какое-то время, общаясь с душой убитого и обезвреженного медведя, заключенного в черепе. Эти предполагаемые обряды находят сходство с охотничьими представлениями сибирских и уральских народов, в том числе и башкир, о духах-хозяевах, видное место среди которых занимает культ медведя.

Таким образом, изучение палеолита Южного Урала за последние 50 лет позволило выявить полсотни памятников, характеризующих все этапы древнекаменного века: от первоначального заселения в среднем плейстоцене около 300 тыс. лет назад до финала верхнего палеолита. Высокая концентрация памятников в Южном Зауралье на выходах кремня и яшмы указывает на возможность кардинального увеличения древнейших стоянок открытого типа. Основной задачей остается поиск и изучение стратифицированных памятников раннего и среднего палеолита. Пока остается проблемой освещение переходного этапа от мустье к верхнему палеолиту, поскольку не изучены должным образом даже известные памятники раннего этапа верхнего палеолита. Больше информации о позднем этапе верхнего палеолита, для которого характерны ряд богатых и хорошо изученных памятников (Шульган-Таш, Игнatieвская, Байсланташ, Кульюрт-Тамак и др.), но еще недостаточно материалов для серьезных построений. Открытие крупных святилищ с живописью в Шульган-Таше (Каповой), Игнatieвской (Ямазы-Таш), Серпиевской 2 и др. свидетельствует о самостоятельности уральского региона в эпоху верхнего палеолита. Это подтверждается и общностью памятников позднего этапа, основанной на единой традиции обработки каменных и костяных орудий. Также не до конца ясен вопрос о переходе верхнего палеолита к мезолиту, но уже сейчас можно сказать, что в конце верхнего палеолита в коллекциях южноуральских стоянок фиксируются многие черты последующей мезолитической эпохи (геометрические микролиты, микропластинки, вкладыши, костяные наконечники, развитая обработка кости и пр.).

МЕЗОЛИТ
(8 – 7 тыс. лет до н.э.)

Мезолит, или среднекаменный век, является во всех отношениях переходной эпохой. Главным содержанием этого периода является существенное изменение климата в сторону потепления. Ледник окончательно растаял, вызвав катастрофический подъем уровня мирового океана и значительное увлажнение климата в северной части Евразии. Возможно, это событие в совокупности с охотничьей

деятельностью человека стало причиной исчезновения крупных представителей «мамонтовой фауны» в Северной Евразии. На смену степному и тундростепному ландшафту пришли леса – сначала хвойные, а затем смешанные. Это привело в лесной зоне к смене хозяйственной стратегии и к переходу от загонной охоты на стадных животных к индивидуальной охоте на лесных животных. Последствием и условием этого явилось широкое распространение лука и стрел. Человеческие коллективы стали более подвижными, что в конечном итоге привело к засе-

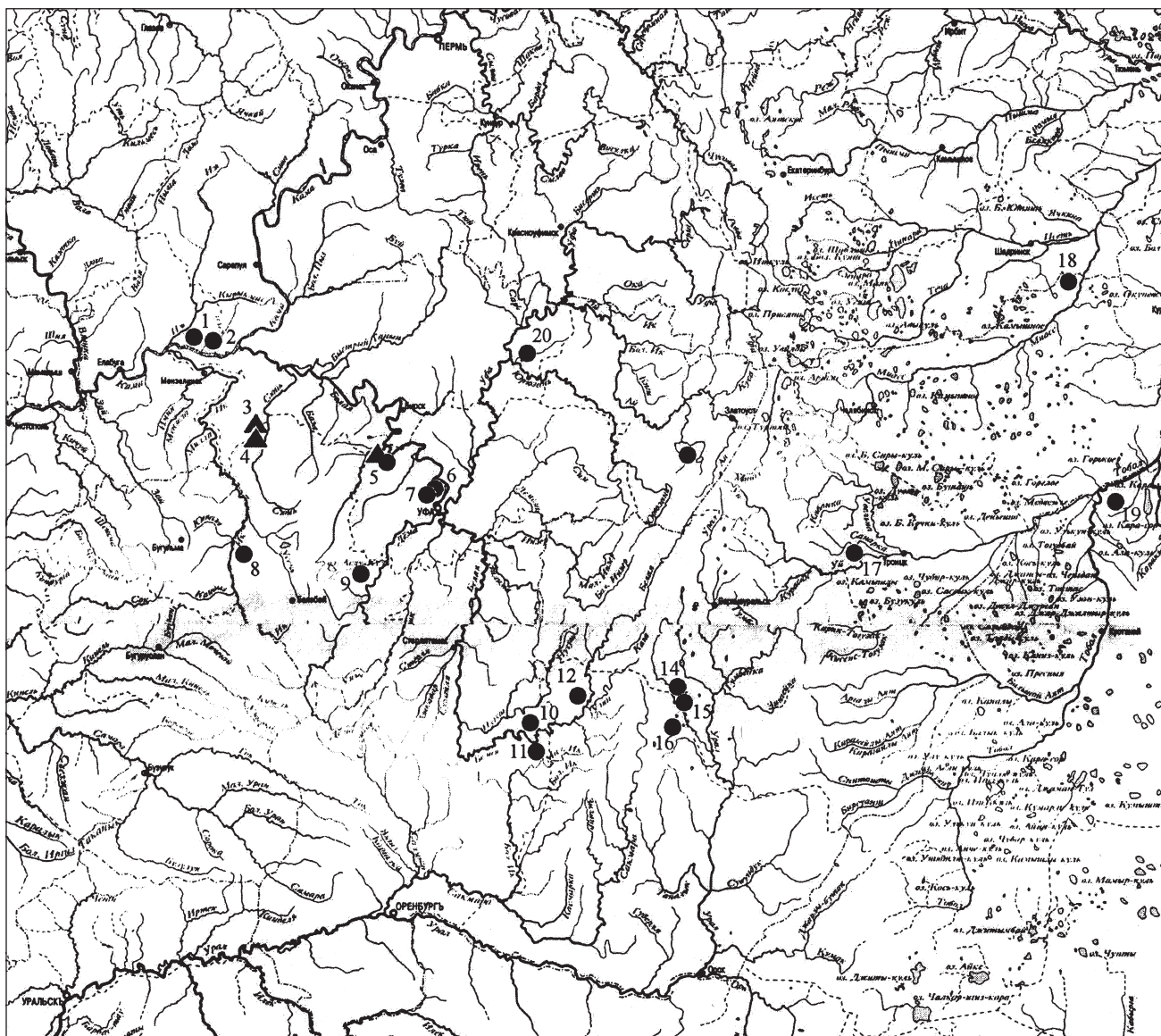

Рис. 16. Карта памятников эпохи мезолита на Южном Урале

Условные обозначения: I – стоянки верхнего палеолита, II – стоянки эпохи мезолита. Арабскими цифрами обозначены:
1 – Старая Мушта, стоянка; 2 – Старо-Каинлыково, стоянка; 3 – Сюнь 2, стоянка; 4 – Сюнь 1, стоянка;
5 – Ильмузино, стоянка; 6 – Михайловка, стоянка; 7 – Романовка I, II, VII, Миловка I-III, VIII, стоянки; 8 – Муллино 2, стоянка; 9 – Давлеканово, стоянка; 10 – Байсланташ (Акбутинская), пещерная стоянка; 11 – Акбутинская стоянка;
12 – Азопкино, стоянка; 13 – Мыс Безымянный, Долгий Ельник, стоянки; 14 – Яктыкуль (Банное V), стоянки;
15 – Янгелька, стоянка; 16 – Чебаркуль XVII, стоянка; 17 – Андреевка, стоянка; 18 – Ташково II, IV, стоянки;
19 – Евгеньевка I, стоянка; 20 – Юрюзаньская I стоянка

лению всей территории, освободившейся от ледника. Сделать это человек смог, опираясь на высокоэффективные способы обработки камня и получения стандартных заготовок – микропластинчатой технологии, основанной на отжимной технике обработки нуклеусов и широком использовании вкладышевых инструментов. Сокращение ареала распространения стадных животных и в целом оскудение животного и растительного мира заставило древнего человека активно искать новые способы добывания источников пропитания. В это время ярко проявились различия в хозяйственно-культурной адаптации к определенным экологическим условиям. На Ближнем Востоке население перешло к примитивному земледелию и разведению скота. В других местах люди освоили высокоспециализированную охоту на морских животных и собирательство в приморской зоне, охоту на лесных обитателей, рыболовство и собирательство, что в конечном итоге создало условия для перехода к производящему хозяйству неолитической эпохи. В Приморье и Прибайкалье, а также на Урале в последние годы обнаружены следы очень раннего керамического производства, относящиеся по времени к финалу верхнего палеолита и мезолиту, что еще раз указывает на проблемы неравномерности культурного развития и взаимодействия различных регионов в это время [Ветров, 2006].

В эпоху мезолита происходят серьезные изменения в сфере искусства. В Западной Европе резко сокращается количество пещерных святилищ, изображения становятся более схематическими и сюжетными. На первый план выходят орнаментальные композиции и декорирование предметов гравировкой. Наряду с этим, продолжает развиваться мелкая пластика: скульптурные изображения животных и человека из дерева, кости и камня («фигурные кремни»).

Условным рубежом для отсчета эпохи мезолита повсеместно является IX тыс. до н.э. – время окончательного таяния ледника и начала существенного потепления и уважнения климата, которое в конечном счете привело к сложению современных ландшафтных зон, фауны и климатических условий. Эпоха мезолита охватывает две стадии раннего голоцена: пребореал и бореал. Во время первого шла перестройка и разделение смешанных ландшафтов: хвойные и смешанные леса постепенно вытесняли тундру и степь, распространяясь на север. Во время бореального периода (9,5 – 7,5 тыс. до н.э.) завершается процесс сложения тундровой, лесной и растительной зон. Если для северного и среднего Урала этот период был ознаменован значительным потеплением и увлажнением климата, что отразилось в продвижении темнохвойной еловой тайги на север Урала, то для Южного Урала климат был от-

носительно засушливым и холодным. В это время наш регион покрывали сосново-березовые леса.

Окончание мезолита для разных регионов различно и во многом было связано с исчезновением присваивающего хозяйства охотников-рыболовов и собирателей. Для территории Южного Урала эпоха мезолита продолжалась до VI тыс. до н.э.

Сложение мезолитических культур в нашем регионе происходило на основе местного верхнего палеолита. Об этом свидетельствует наличие общей основы: единая технология подготовки и расщепления нуклеусов для получения пластинчатых и микропластинчатых заготовок. Преимуществом наблюдается и в типологическом наборе: продолжают широко использоваться концевые скребки, ретушированные пластины и пластинки, резцы, острия, проколки, долотовидные орудия, клювовидные формы, треугольные и трапециевидные микролиты, костяные гарпуны и вкладышевые наконечники стрел [Петрин, Смирнов, 1977. С. 75-85; Матюшин, 1976. С. 194; Мосин, 2000, С. 52; 3]. Хотя на рубеже плейстоцена и голоцена вымерли многие животные (мамонт, бизон, носорог), в лесной и лесостепной зонах остались лось, медведь, северный олень, благородный олень и многие другие животные, на которых первобытный человек продолжал охотиться. В степной зоне остались стада лошадей и быков, поэтому здесь хозяйство охотников не претерпело серьезных изменений.

Исследованиями Г.Н. Матюшина сер. 50-х – сер. 70-х гг. XX в. на Южном Урале было открыто и изучено более 200 памятников эпохи мезолита. Было установлено, что в нашем регионе сложились две мезолитические культуры, отражающие две группы племен. Одна занимала Приуралье, а другая – восточные склоны Южного Урала и примыкающие к нему территории Верхнего Притобоя.

Приуральская группа, или романово-ильмузинская культура, представлена следующими памятниками: Романовка II, Романовка III, Ильмузино, Давлеканово (нижний слой), Миловка I – II, Холодный Ключ, Михайловская (Рис. 16). Стоянки расположены по берегам р. Белой и ее притоков на высоких третьих речных террасах на значительном удалении от современного русла рек.

Стоянка Романовка II находится в Уфимском районе Башкортостана на мысу, образованном с одной стороны, обрывом второй надпойменной террасы, а с другой стороны – старицей р. Демы (Рис. 16). Высота над уровнем реки 15 – 17 м. Памятник открыт Г.Н. Матюшиным в 1959 г. и исследовался в 1960 – 1969 гг. Вскрыто раскопами 258 кв. м площади. В гумусе были обнаружены остатки средневекового поселения, ниже, под стерильной прослойкой супеси, в буровато-коричневом суглинке находились микролитические изделия. Споро-

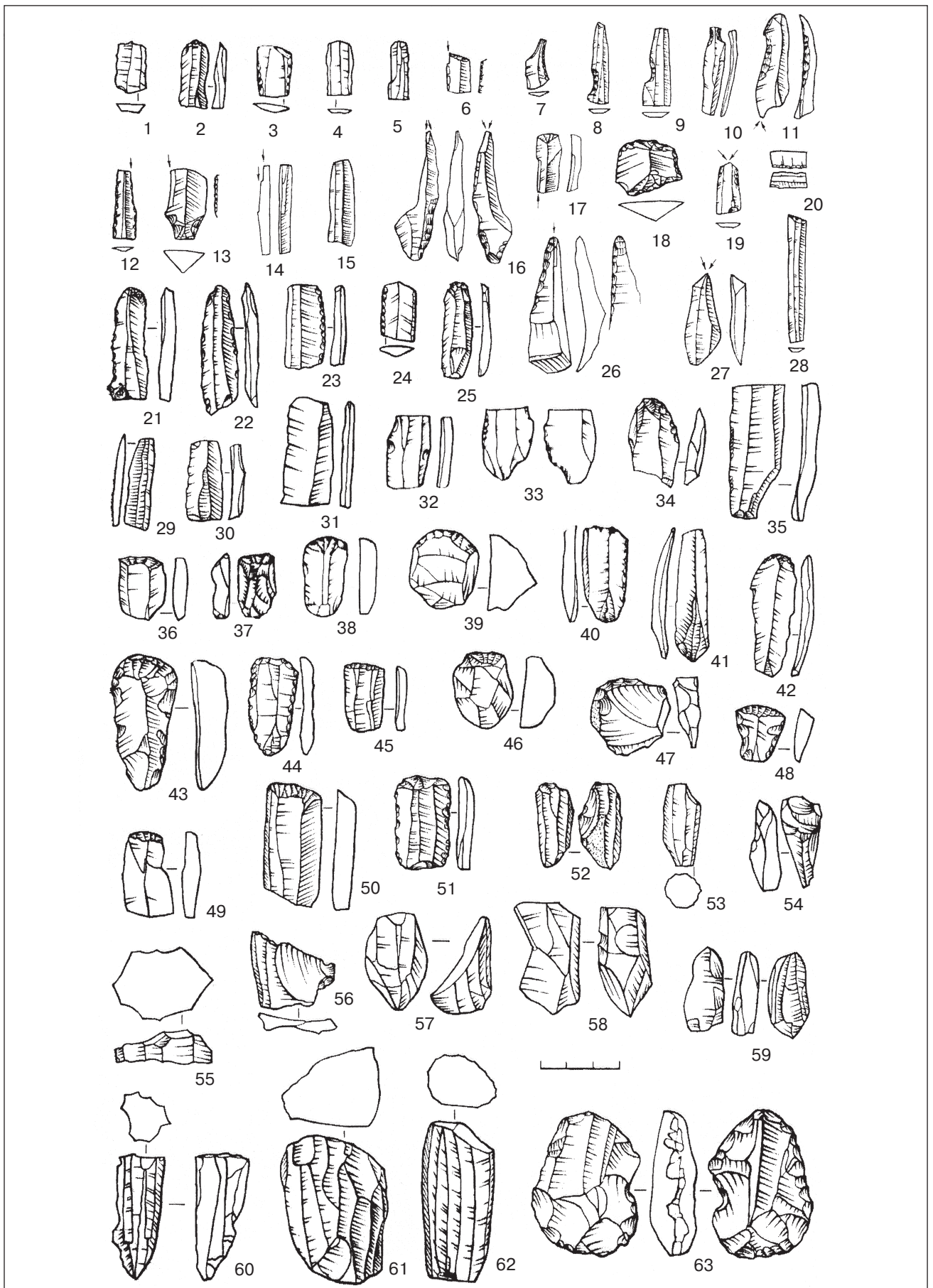

Рис. 17. Стоянка Романовка II. Каменный инвентарь (по Г.Н. Матюшину)

пыльцевой анализ этих отложений показал, что они формировались в условиях холодной степи с растительностью перигляциального типа. Коллекция каменных изделий состоит из пластинок и микропластинок, наконечников стрел на ножевидных пластинах, микрорезцов, угловых резцов, пластинок с выемками, усеченных пластин со скошенным краем и др. (Рис. 17). Сходный инвентарь присутствует на соседних памятниках Романовка III, Миловка I-III и др., имеющих такую же стратиграфическую ситуацию и расположение [Матюшин, 1976].

Другим реперным памятником является стоянка Ильмурзино, расположенная на окраине с. Ильмурзино Кушнаренковского района Башкортостана (Рис. 16). Она находится на второй надпойменной террасе р. Белая, в 7 км от реки. Памятник открыт в 1961 г. студентом БГУ Р.З. Янгузиным, ныне широко известным башкирским этнографом. Стоянка на площади 208 кв. м изучалась Г.Н. Матюшиным в 1961 – 1969 гг.. В гумусе были найдены единичные находки керамики ямного облика, под ним в буровато-коричневом суглинке зафиксированы 5 горизонтов с микролитами до глубины 2 м. Нижние 6 – 7-й горизонты содержали более архаичные изделия, по споро-пыльцевому анализу они были отнесены к эпохе плейстоцена. Верхние 3 – 5-й горизонты формировались в конце плейстоцена – начале голоцена. Инвентарь этих горизонтов полностью идентичен романовско-миловским стоянкам. В гор. 4 была обнаружена галька, расчерченная гравированными параллельными полосами [Там же. С. 75-76].

Еще один важный памятник, стоянка Давлекановская, был изучен на окраине пос. Давлеканово на останце второй террасы левого берега р. Дема в Давлекановском районе Башкортостана (Рис. 16). Памятник был открыт и исследовался Г.Н. Матюшиным с 1962 г. по 1969 г. Всего было изучено 589 кв. м. Памятник многослойный: в нем последовательно представлены в гумусе слои эпохи бронзы, энеолита; под ним, в слое темно-бурой супеси, – материалы эпохи неолита: остатки жилища с кострищами и погребение человека (Фото. 18). Мезолитические остатки были найдены в западной части памятника в слое светлого песка. Микролитический инвентарь аналогичен материалам Романовских стоянок и стоянки Ильмурзино (Рис. 18). Здесь же были найдены многочисленные костяные изделия: роговые муфты, гарпуны, шилья и пр. (Рис. 18, 32, 43, 44, 47).

Богатое многослойное поселение Муллино было открыто в 1967 г. и исследовалось до 1970 г. А.П. Шокуровым на окраине г. Октябрьского Башкортостана (Рис. 16). Памятник содержит слои эпохи бронзы, энеолита, неолита, мезолита и мустьерского времени. Наиболее богатыми являются отложения неолита и энеолита. Слой эпохи мезолита

находится на глубине 2 – 2,7 м и отделен от неолитических культурных отложений стерильной прослойкой. Здесь в большом количестве встречались костяные наконечники стрел, гарпуны, ложки и другие изделия из кости и рога. Каменный инвентарь аналогичен материалам приуральских стоянок, за исключением наличия крупных наконечников стрел на пластинах постсвидерского облика. Для этого слоя радиоуглеродным способом были получены даты: 8320 ± 110 (Баш ГИ-58), 8460 ± 130 (БашГИ-87) и 8500 ± 188 (БашГИ-59).

На р. Сюнь А.В. Коноваловым были открыты две стоянки были получены Сюнь 1 и Сюнь 2. Памятники расположены на правом берегу р. Сюнь недалеко от пос. Бакалы Бакалинского района Башкортостана (Рис. 1). Культурный слой перекрыт 3 горизонтами погребенной почвы, причем перекрывающий культурные отложения горизонт датирован 9650 ± 50 (БашГИ-77) и 9620 ± 50 (БашГИ-76). На стоянке Сюнь 1 под этой погребенной почвой для отложений суглинка, которые содержат в верхней части культурный слой, из основания горизонта были получены две даты: 17000 ± 100 (БашГИ-78) и 17200 ± 170 (БашГИ-79). По споро-пыльцевому анализу стоянка также относится к плейстоцену, к Дриасу III. На стоянке Сюнь 2 слой с микролитическим инвентарем залегал в идентичных условиях, под тремя горизонтами погребенной почвы, на глубине 3,6 м. Здесь же были найдены изделия из кости: односторонние гарпуны, фрагмент кинжала с двумя пазами, двухпазовый наконечник стрелы, который Г.Н. Матюшин считает ножом. Последний идентичен двухпазовому наконечнику стрелы из пещеры Шульган-Таш (материалы В.Г. Котова) и нескольким наконечникам из Камня Дыроватого [Калинина, 2007., Рис. 7, 4; Шокуров, Киктенко, 1978. 3, 5; Сериков, 2000. Рис. 123, 5]. Изделия из камня находят аналогии среди мезолитических памятников романовско-ильмурзинской культуры [Матюшин, 1976. С. 84 – 85]. Возможно, сюньские стоянки отмечают собой начальный этап продвижения прикамского населения в Приуралье в эпоху последнего оледенения.

Интересные материалы, характеризующие романовско-ильмурзинскую культуру, были получены на других памятниках в низовьях р. Белой (ст. Старая Мушта, Старо-Каинлыково), в среднем течении р. Белой (ст. Дудкино I, Михайловка, Романовка VIII), в верховьях р. Белой (ст. Азопкино, Акбутинская, Байсланташ) (Рис. 16) [Там же].

Инвентарь приуральских памятников имеет значительное сходство между собой по типологическому набору изделий и материалу, из которого они изготовлены. Для романовско-ильмурзинского инвентаря характерно преобладание конусовидных и карандашевидных нуклеусов, боковых резцов,

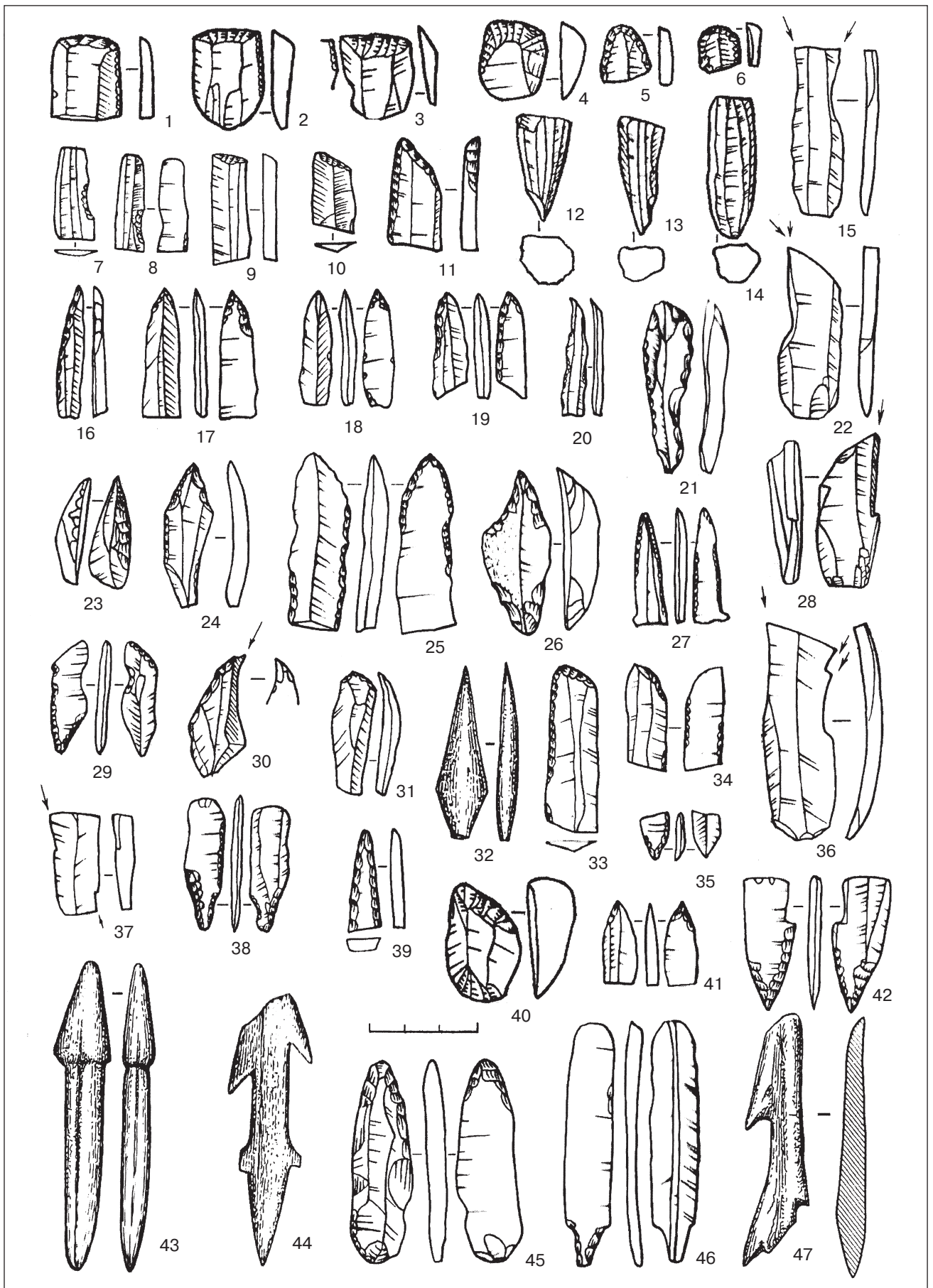

Рис. 18. Стоянка Давлеканово. Каменный инвентарь (по Г.Н. Матюшину)

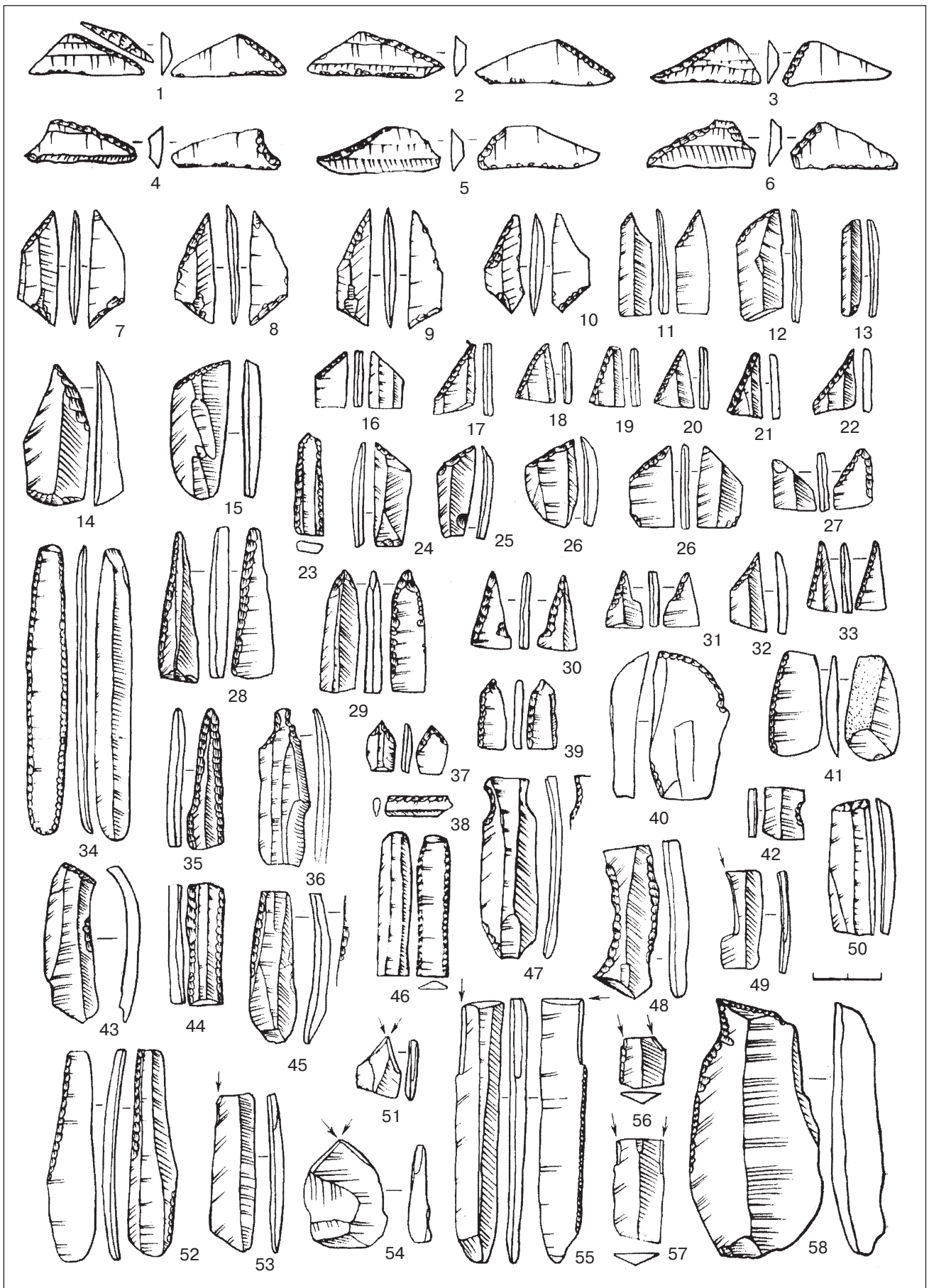

Рис. 19. Стоянка Янгелька. Каменный инвентарь (по Г.Н. Матюшину)

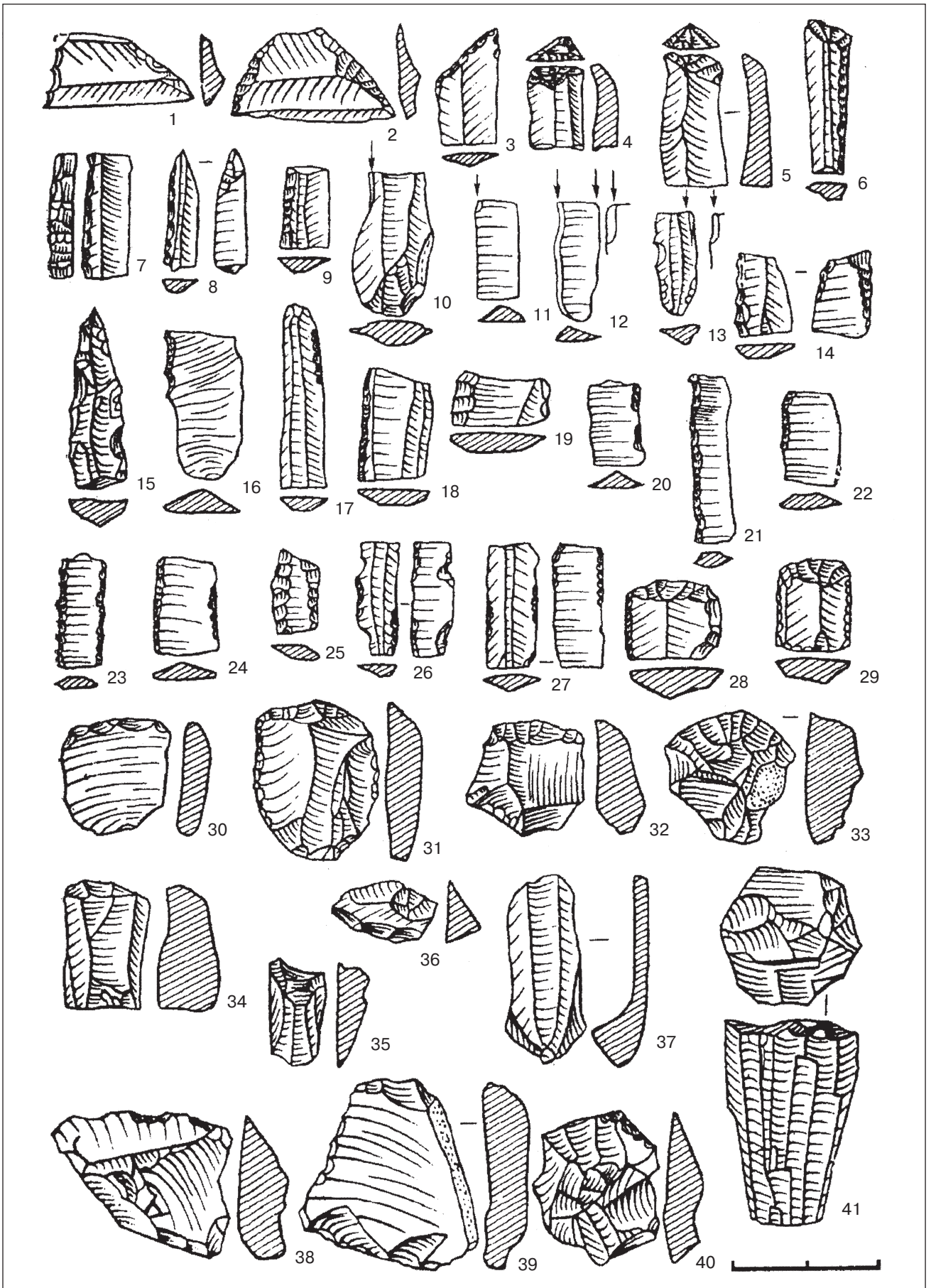

Рис. 20. Стоянка Евгеньевка I. Каменный инвентарь (по В.С. Мосину)

игловидных острий, пластин со скошенным краем, пластинок с выемками, микрорезцов, наконечников стрел на ножевидных пластинах, концевых скребков, костяных гарпунов двусторонних и одно-сторонних, костяных наконечников стрел, шильев из кости. Оригинальными изделиями являются гравированные гальки (одна была найдена на стоянке Ильмурзино). В целом, инвентарь приуральских памятников находит аналогии среди памятников Средней Волги и Прикамья.

На раннем этапе мезолита в Приуралье, в районе г. Уфы, господствовал степной ландшафт с редкими березовыми колками, а в позднем мезолите в условиях бореального похолодания далеко на юг распространились березово-сосновые леса. В связи с этим в хозяйстве усиливается роль охоты с луком и стрелами, что привело к появлению в инвентаре устойчивых типов наконечников стрел и крупных рубящих орудий.

На восточных склонах Южного Урала и в Зауралье присутствует в общем сходная микролитическая индустрия. Она представлена стоянками Янгелька, Якты-Куль, Карабалыкты VII, Мурат, Суртанды VI, Кусимовская, Большой Бугодак, Мыс Безыманный, Долгий Ельник (Абзелиловский и Учалинский районы Башкортостана, Челябинская и Курганская области) (Рис. 16). Они расположены на высоких (5 – 10 м) террасах по берегам рек и озер.

Наиболее информативным памятником в Южном Зауралье, по данным которого была выделена культура, явилась стоянка Янгелька. Она расположена на северном берегу оз. Чебаркуль в Абзелиловском районе Башкортостана, на 20-метровом обрывистом мысу (Рис. 16). Слой залегает в суглинке и перекрывается гумусом с единичными находками энеолитического времени. Основное скопление находок зафиксировано в юго-восточной части памятника и приурочено к углублению, в котором по концентрации каменных изделий, столбовым ямкам и очагам оконтуривается крупное жилище с двумя входами. Причем, только внутри этого пространства были зафиксированы геометрические микролиты. За пределами жилища находки единичны [Там же. С. 93 – 95]. На памятнике в ходе раскопок была получена представительная коллекция каменных изделий, в которой присутствуют следующие формы: конусовидные и карандашевидные нуклеусы, резцы, концевые скребки на пластинах, скошенные острия, пластины с притупленным краем, пластины с выемками, острия, микроскребки, микролитические вкладыши, геометрические микролиты ассиметричной трапецевидной и треугольной формы, проколки и др. (Рис. 19).

Также на мысу высотой 20 м на северо-западном берегу оз. Якты-Куль (Банное) расположена стоянка Якты-Куль (Банное V) (Рис. 16). Памятник был

открыт Г.Н. Матюшиным в 1961 г. и исследовался в 1972 г. и 1975 г. Здесь в трех раскопах в межскальных седловинах были зафиксированы очаги и скопления каменных изделий. Г.Н. Матюшин полагал, что это следы легких наземных сооружений. Находки несколько отличаются от материалов со стоянки Янгелька, что может быть связано, по мнению исследователя, с разным возрастом памятников. В 2004 г. автором были прошурфованы седловинки возвышенности к югу от раскопов Г.Н. Матюшина, и в одной из них был зафиксирован стратифицированный мезолитический материал до глубины 1 м.

В 0,5 км к северу от этой стоянки на этом же возвышении на мысу высотой 7,5 – 12 м от уровня озера была открыта в 1961 г. стоянка Кусимовская (Рис. 16). В одном из понижений был заложен раскоп площадью 250 м, в котором было зафиксировано скопление микролитической индустрии с геометрическими микролитами. Возможно, здесь также было наземное жилище круглой формы.

В 1980-е г. исследованиями Урало-Казахстанской и Уральской археологических экспедиций были открыты и исследованы в Южном Зауралье и Притоболье новые мезолитические памятники, расположенные в степи, лесостепи и в горной тайге: Андреевка III, Чебаркуль XVII, Юрюзанская I, Ташково Ia, Ташково IV (Рисунок 16) [Мосин, 2000]. По характеру скоплений находок вокруг кострищ здесь также были выделены следы легких наземных жилищ. Инвентарь памятников укладывается в рамки наших представлений об янгельской культуре (Рис. 20).

Для всех памятников Южного Зауралья характерен единый типологический набор каменных изделий: конусовидные и карандашевидные нуклеусы, резцы, концевые скребки на пластинах, скошенные острия, пластины с притупленным краем, пластины с выемками, острия, микроскребки, микролитические вкладыши и др. (Рис. 19; 20). Важнейшей особенностью зауральской группы является наличие геометрических микролитов: трапеций и треугольников (Рис. 19; 20). Отличительным признаком выступает использование местного сырья: различных яшм и черного или темно-серого кремня, для изготовления каменных орудий. Все это позволило Г.Н. Матюшину объединить эти памятники в единую янгельскую культуру. Наличие общей основы для мезолитических памятников Южного Зауралья, Притоболья и Среднего Зауралья позволило В.С. Мосину их объединить в зауральскую мезолитическую общность [Мосин, 2000].

Открытие на р. Тобол стоянки Шикаевка II, на которой вместе с остатками двух мамонтов были обнаружены среди изделий из южно-уральской яшмы геометрические микролиты – трапеции и треугольники, свидетельствует о палеолитических истоках

Рис. 21. Пещерное святилище Дыроватый Камень на р. Чусовой (по В.Т. Ковалевой и Ю.Г. Цапко)

мезолитической традиции Зауралья. Наличие геометрических микролитов в янгельской культуре говорит о тесных связях населения с регионом Южного Прикаспия и южными культурами с геометрическими микролитами [Матюшин, 1976].

В мезолите Южного Урала появляются небольшие, слегка углубленные в землю овальные жилища, края которых были выложены камнями, образующими грубый фундамент. Очевидно, стены делались из легких жердей и обкладывались берестой или шкурами животных. Эти жилища должны были напоминать чумы сибирских народов. То, что жилища были слегка углублены, говорит о том, что они могли быть более долговременными и строиться из деревянных плах или жердей, обложенных дерном. Для зауральских памятников характерны легкие наземные жилища с очагами округлой в плане формы. Небольшие размеры поселений на раннем этапе мезолита (400 – 500 м²) были связаны с небольшими родовыми коллективами. В позднем мезолите размеры стоянок увеличиваются почти в два раза, что свидетельствует о росте населения. Для янгель-

ской и романово-ильмурзинских культур характерно появление сезонных поселений. Основой этому было развитое комплексное хозяйство, в котором ведущую роль играло рыболовство. Не случайно все крупные памятники расположены по берегам рек, речных стариц и озер. В этом отношении показательны памятники янгельской культуры, все расположенные по берегам проточных и потому самых рыбных озер. В культурных отложениях мезолитических стоянок найдены грузила для сетей, костяные гарпуны. Судя по находкам в торфяниковых стоянках мезолитической эпохи на Урале, местное население использовало для рыбной ловли плоты, лодки, а на охоте – лыжи и сани как средство передвижения. Большое значение в это время имела охота на копытных животных: северного оленя, лошадь, кабана. Нередки находки костей медведя и волка.

В материальной культуре населения Южного Урала в конце мезолита появляются топоры и двустороннеобработанные наконечники стрел, характерные для последующей, неолитической, эпохи. В каменной и костяной индустрии на протяжении всего неолита и энеолита сохранялись традиции обработки камня и орудийные формы, характерные для эпохи мезолита [Матюшин, 1976; Мосин, 2000].

Исходя из положения, что традиция украшения в глубине пещер была свойственна исключительно эпохе палеолита, ученые предположили палеолитический возраст красочных изображений в Мурадымовской 2 (Старомурадымовская, Копченая) пещере [Широков, 1995]. Пещера находится на р. Большой Ик в Мурадымовском ущелье в 2 – 3 км от д. 3-е Алдыбаево Кугарчинского района Башкортостана на высоте около 100 м над уровнем реки, в 40 м от пещеры Мурадымовская 1. Рисунки были открыты в 1984 г спелеологом-любителем Л.Н. Федотовым, и осмотрены Р.Г. Кузеевым и А.Х. Пшеничнюком: три группы условно антропоморфных красных рисунков в количестве 11 фигур нанесены на ровную поверхность на высоте 1,5 – 2 м от пола на расстоянии около 70 м от входа (Рис. 14). По мнению исследователей, они могли соответствовать мезолитическому возрасту нижних культурных отложений соседней Мурадымовской I пещеры [Кузеев, Пшеничнюк, 1984. С. 144 – 147]. Исследования В.Г. Котова в 2009 г. позволили выявить вблизи рисунков культурный слой, содержащий изделия из камня, охру, угли, расколотые и целые кости животных. По углю из шурфа была получена в ЦИИ ВСЕГЕИ калиброванная дата 6443 – 5213 лет до н.э. Таким образом, верхний горизонт, очевидно, одновременно нанесению рисунков и соответствует финалу мезолитической эпохи. Аналогичность этих рисунков птицевидному антропоморфу из Игнatieвской пещеры свидетельствует, с одной стороны, о разновременности изображений в Игнatieвской

пещере, а с другой – о сохранении единой для населения Южного Урала традиции декорирования удаленных залов пещер с конца верхнего палеолита до конца мезолита – в течение 10 тысяч лет.

Еще одно уникальное пещерное святилище – Дыроватый Камень – было обнаружено еще в начале 1930-х г. Н.А. Прокошевым и исследовалось в 1980 – 90-е гг. Ю.Б. Сериковым [Шмидт, Прокошев, 1935. С. 182 – 185]. Пещера находится на р. Чусовой (Пригородный р-н Свердловской области на высоте 20 м от уровня реки, в скале высотой 60 м (Рис. 21). В ходе раскопок Н.А. Прокошевым и Ю.Б. Сериковым было собрано около 20 тыс. наконечников стрел различных эпох, причем к эпохе мезолита относится несколько тысяч костяных наконечников и каменных вкладышей. В нижних горизонтах были обнаружены кости плейстоценовых животных и костяные наконечники стрел, что позволило Ю.Б. Серикову утверждать, что почитание пещеры и скалы существовало непрерывно в течение 14 тыс. лет и святилище было межплеменным. Изучение памятника показало, что здесь совершался один и тот же обряд – охотники стреляли в сторону пещеры из лука, в том числе привязывая к стрелам разнообразные приношения, предназначенные, очевидно, духу-хозяину этой местности: в мезолите стреляли во внутрь пещеры, а в последующие эпохи – в некий предмет (идол?) под пещерой [Сериков, 1996. С. 136 – 139]. Таким образом, святилище Дыроватый Камень демонстрирует на своем примере непрерывную в духовной жизни преемственность уральского населения – с конца верхнего палеолита до современности.

На вершинах гор и вблизи наскальных изображений на Среднем Урале были зафиксированы мезолитические материалы, указывающие на существование и других форм святилищ в эту эпоху [Сериков, 2000, С. 208 – 209].

Пожалуй, самым ярким культовым объектом Урала является Большой Шигирский идол, обнаруженный в 1890 г. в Шигирском торфянике и опубликованный В.Я. Толмачевым [1916]. Идол был вырублен из цельного бревна длиной 5,3 м. Голова в виде объемной скульптурной личины, а туловище в виде толстой доски, покрытой со всех сторон резными орнаментальными фигурами (Рис. 22). Радиоуглеродные датировки укладываются в промежуток 7800 – 7500 лет до н.э. [Сериков, 2000 С. 213 – 214]. Интересно, что на лицевой стороне изображены три личины с выступающим носом и прямыми глазами; их туловища обозначены орнаментом из раз-

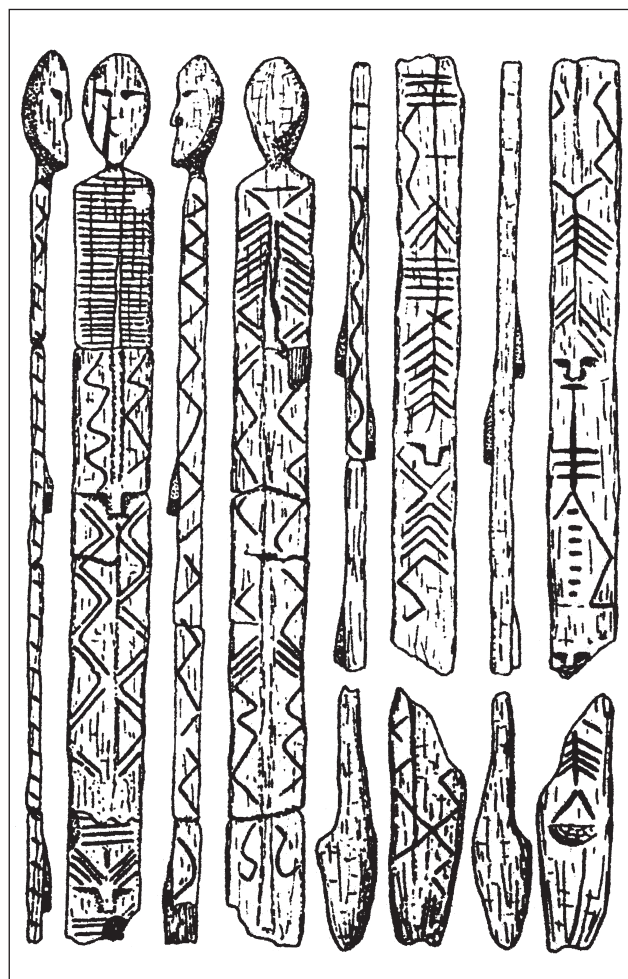

Рис. 22. Деревянный идол из Шигирского торфяника (по В.Я. Толмачеву)

личных зигзагов и елочек. На оборотной стороне имеются две антропоморфные фигуры с грубыми личинами и туловищами в виде прямых линий с поперечно прочерченными горизонтальными или наклонными (елочка) линиями, т.е. исполненные в так называемом «скелетном стиле», многочисленным изображениям на уральских писаницах. Структура идола указывает на то, что в начале эпохи мезолита существовали уже сложившиеся мифологические представления о троичности мироздания, об антропоморфном пантеоне божеств, в котором верховодило одно божество и существовала иерархия. Характер орнаментации идола находит аналогии с орнаментацией костяных наконечников стрел из святилища Камень Дыроватый [Сериков, 2000. Рис. 121, 125 – 129].

ЭПОХА НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА

Южная часть Большого Урала делится на две историко-географические структуры – Предуралье и Южный Урал. Очень важным для понимания исторического развития региона является понятие вмещающего ландшафта, которое было введено в научный оборот Л.Н. Гумилевым и широко используется в современной науке. Коллективы охотников и рыболовов четко позиционировали себя в том или ином ландшафте, который является природным географическим комплексом, где все основные компоненты: рельеф, климат, вода, почвы, растительность и животный мир – находятся в сложном взаимодействии и взаимообусловленности, образуя однородную по условиям развития, единую и неразрывную систему.

Для удобства географического изучения и описания Уральский хребет обычно разделяется на четыре части: Полярный, Северный, Средний и Южный Урал. Установившееся деление весьма условно, так как внешний облик Урала меняется незаметно и постепенно по направлению с севера на юг. Мугоджары являются южной оконечностью Уральской складчатой системы и от Уральского хребта отделены понижением широтного направления, по которому проходит долина р. Урал. Такое географическое понимание Урала в последнее время практически не учитывается, и за южную границу Урала принимается территория от широтного отрезка р. Сакмары, вдоль долины р. Кумак и далее на восток – южнее истока р. Тобол. Чтобы максимально объективно оценить исторические процессы конца каменного века, территорию Южного и Среднего Урала для нео-энеолитического времени можно рассматривать как единый историко-географический район.

Несмотря на относительно небольшую высоту Уральских гор, климат в Предуралье и Зауралье заметно отличается – поступающие с запада воздушные массы задерживаются барьером гор, что отражается и на количестве осадков: – в Предуралье – 600 – 800 мм, в Зауралье – на 200 – 300 мм меньше. Зимой горные хребты Урала препятствуют распространению холодного сибирского воздуха на запад, поэтому климат Зауралья более континентальный.

Имеющиеся палинологические данные позволяют говорить о постепенном изменении палеоландшафтов на границе между бореалом и атлантическим периодом в рассматриваемом районе. Более того, на некоторых участках Европейской части России в начале атлантического периода существовали палеоландшафты, близкие по своему типу к бореальным. Эти результаты свидетельствуют о том,

что нижний рубеж неолита для этого региона определялся, по-видимому, в рамках, близких к нижней границе атлантического периода. В это время даже в северных районах рассматриваемой территории существовали настоящие злаковые степи. Возможно, небольшие перелески из березы и ильма сохранялись только в условиях долины реки, где были развиты и пойменные луга более мезофитного характера. Близкие ландшафты существовали и в более восточном регионе по рр. Ток и Турганник. Установление степных условий отмечается и в Южном Зауралье. Следовательно, рубеж бореал – атлантика связан со становлением настоящих степей в границах современной ландшафтной зоны степей.

Атлантический период 8000 – 4800 или 8000 – 4500 лет назад отмечен наибольшей дифференциацией растительных зон Урала и максимальным расцветом темнохвойных и широколиственных лесов. Отмечается интенсивная миграция на север широколиственных пород из южных районов Урала. К концу периода вяз, дуб и орешник достигли примерно широты Нижнего Тагила, а в Предуралье – еще более северных районов. Радиоуглеродные данные свидетельствуют, что процесс продвижения на север широколиственных лесов на Урале и Русской равнине достиг кульминации в конце атлантического периода – около 4700 – 4800 лет назад.

На Южном Урале граница между лесом и степью, перемещавшаяся в предшествовавшие этапы послеледниковья к югу, достигла в атлантическом периоде положения, близкого к современному, и в дальнейшем оставалась более или менее стабильной. В самом конце атлантического периода отмечается некоторое расширение степных пространств в лесостепных районах и незначительное остепнение самой южной окраины лесной зоны [Лаврушин, Спиридонова, 1995].

«Месторазвитием», или вмещающим ландшафтом, для неолитического и энеолитического населения Центрального Урала (территории основных хребтов и Южного и Среднего Зауралья) было сочетание горно-лесной зоны и холмисто-увалистой лесостепи; для населения Предуралья – южной, типичной и северной лесостепи. Границы мезолитических общностей еще не имеют ясной территориальной выраженности, но уже некоторые намечаются: донецкая, североприкаспийская, прибалтийско-верхневолжская, средневолжско-предуральская, уральско-западносибирская и т.д. Окончательная структура общества охотников – рыболовов и соответствующая археологическая дифференциация, которая отчетливо фиксируется с появлением керамики, оформляется в начале неолита, т.е. к концу VII – началу VI тысячелетий до н.э.

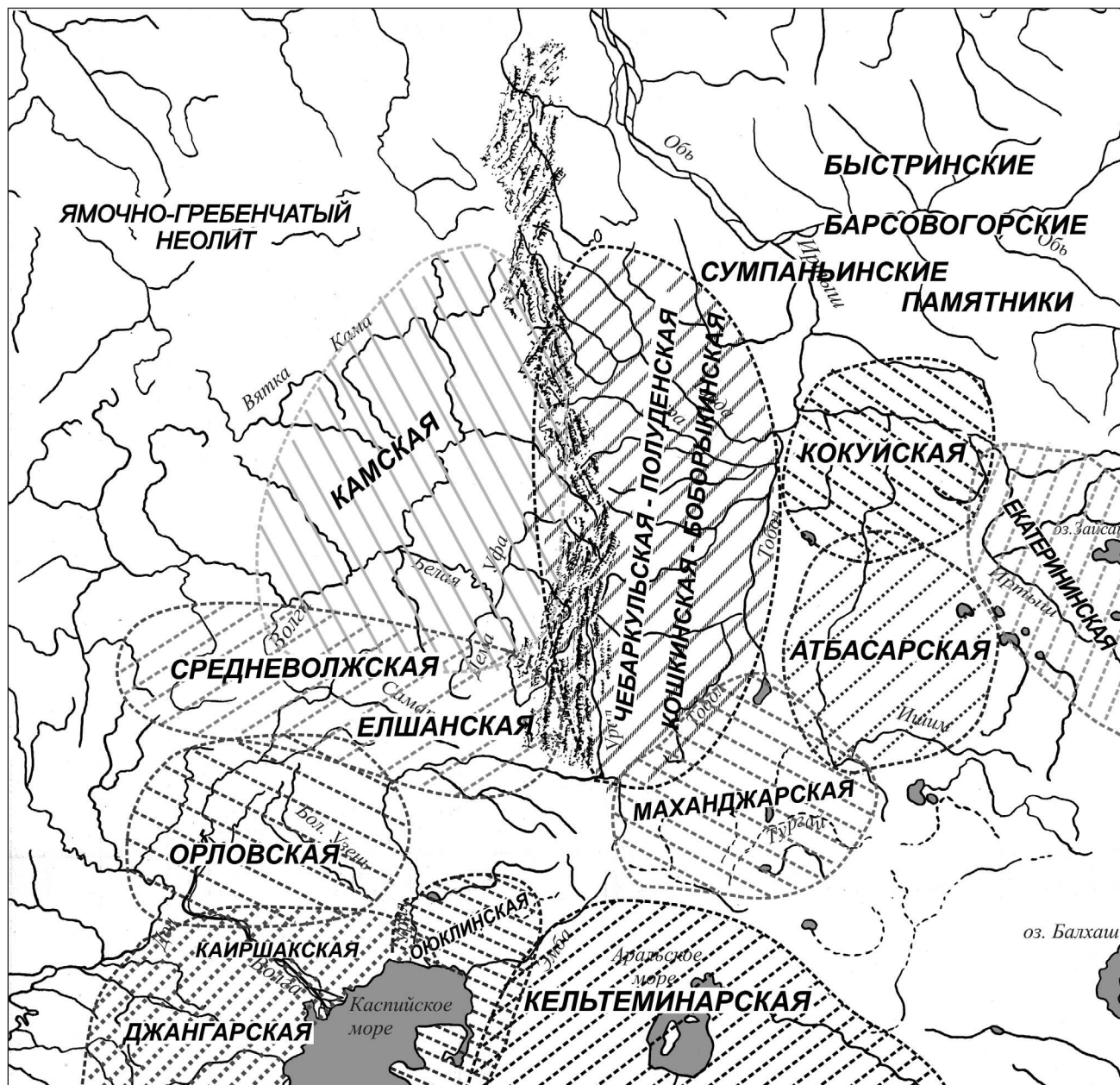

Рис. 23. Археологические культуры и историко-культурные общества

Вопрос происхождения неолитической культуры Предуралья решается с помощью сопоставления ее кремневой индустрии с комплексами более ранней, мезолитической эпохи. Здесь есть определенные трудности, поскольку исследованных мезолитических памятников, отвечающих требованиям поставленной задачи, недостаточно. Тем не менее материалы таких стоянок, как Красный Яр I, Чекалино II, Старо-Токская и некоторых других памятников, проливают свет на эту проблему. Коллекции кремня в этих памятниках обнаруживают вполне определенное сходство с раннеолитическими. Их сближают сходные характеристики сырья, широкое использование в качестве заготовок обло-

мочного материала, сочетание пластинчатой и отщеповой техники, обедненный типологический набор орудий преимущественно режуще-скоблящего назначения, некоторые специфические типы инструментов. Основываясь на сходстве индустрии этих памятников с раннеолитическими кремневыми комплексами, можно сделать вывод, что корни местной неолитической культуры необходимо искать в мезолитических традициях Волго-Камья и, возможно, некоторых смежных территориях, расположенных не к югу, а к северу или северо-западу. Такой вывод базируется на анализе особенностей первичного расщепления и вторичной обработки, наличии «кладов» сырья и готовых инструментов,

рубящих орудий и пластинчатых наконечников, скребков различных типов, в том числе и с альтернативным рабочим краем: резцов на углу пластин, а также других специфических черт других категорий кремневого инвентаря [История Самарского... 2000].

В Южном Предуралье неолитические и энеолитические материалы исследованы на более чем 30 стоянках и поселениях, расположенных в южной, типичной и северной лесостепи, на границе с лесной зоной Прикамья. В бассейне р. Самары — Ивановская, II Старо-Елшанская, Виловатовская, М. Шихан, Максимовская; на р. Деме — Давлекановская; на р. Ик — Муллино, Сасыкульская и Старо-Какрыбашевская; в низовьях р. Белой — Сауз I — III, Бачки-Тау, Кюнь II — III и др.; на р. Ай — Месягутово, Гумерово, Средняя Ока и др. Часть стоянок содержит только неолитические или только энеолитические слои, например, Зиарат, Кюнь II — III, Сасыкульская, Месягутово; большинство — и те, и другие: Ивановская, Муллино, Давлеканово и др.

Наиболее древней керамической культурой на Южном Урале является елшанская культура раннего неолита Среднего Поволжья и Предуралья. К настоящему моменту известно более полутора десятков памятников елшанской культуры, составляющих солидную источниковедческую базу для ее изучения. Наиболее известными и информативными среди них являются Ивановская, Старо-Елшанские I и II, Виловатовская, Максимовская стоянки, расположенные в долине р. Самары и ее притоков, а также памятники бассейна р. Сок: стоянки Красный городок, Нижняя Орлянка II, Чекалино IV. Все они являются памятниками поселенческого типа, хотя на нескольких из них обнаружены единичные погребения. Ареал «елшанских комплексов» распространяется в пределах современной лесостепи от Предуралья до части территории Примокшанья (Рис. 23).

Практически все памятники занимают останцы первых надпойменных террас, расположенные в пределах низкой поймы. Вторая особенность — это наличие близ памятника притока у основного русла реки или небольшой протоки. Поселения существовали недолго и носили, скорее всего, сезонный характер. Культурные отложения характеризуются сравнительной немногочисленностью артефактов, небольшой мощностью (10 — 20 см) культурных слоев, отсутствием долговременных углубленных в материк жилищ при наличии на некоторых стоянках очажных пятен, небольших хозяйственных ям, содержащих кости рыб и отходы кремневого производства. Остатки небольшого котлована, возможно, жилищного, были встречены лишь на одной стоянке — Лебяжинке IV.

Для изготовления елшанской посуды использовалась не глина с примесями искусственных добавок, а илистые или сапропелевые отложения. Конструирование, по мнению И.Н. Васильевой, велось путем лоскутного налепа с помощью форм-моделей и использованием прокладок из шкур животных. При формовке сосудов использовались тонкие лепешки размером около 5 см. Конструирование было зональным и проводилось по кольцевой траектории. Высота зон составляла 6 — 7 см. Внешние поверхности сосудов заглаживались и полировались костью или галькой, внутренние же обрабатывались менее тщательно — они шероховаты и несут на себе следы заглаживания инструментом наподобие деревянного скребка. А.А. Бобринский и И.Н. Васильева предполагают, что при использовании подобной технологии водонепроницаемость и прочность изделий достигалась не только с помощью обжига, но и путем их пропитки некими органическими растворами, что являлось реликтом догончарной эпохи. Исследователи относят гончарство елшанского населения к протогончарным производствам, основанным на использовании илистого сырья [Бобринский, Васильева, 1998].

Сосуды в основном сравнительно небольших размеров, тонкостенные; в стенках довольно часто встречаются сквозные конические отверстия, сделанные после обжига. Верхние части сосудов имеют либо прямую, либо плавную S-видную профилировку, срезы венчиков плоские, приостренные и округлые. Преобладают плоские и приостренные днища, но некоторые сосуды имеют и округлые донца. На Ивановской, II Старо-Елшанской и II Нижне-орлянской стоянках было обнаружено по одному сосуду, имеющему острое донце, завершающееся своеобразным «шипом» (Рис. 24).

Керамика неорнаментирована или украшена своеобразными орнаментами, выполненными с применением трех разновидностей техники нанесения: прочерченных линий, разреженных наколов и ямочных вдавлений правильной округлой или неправильной формы и с негативом — «жемчужиной» или без него. В единичных случаях фиксируются гладкая качалка и короткие насечки. Анализ показывает, что с применением тех или иных приемов орнаментировано, как правило, порядка 50 — 80% сосудов. Наиболее часто встречающимся орнаментальным мотивом является горизонтальный ряд ямок с выпуклыми негативами на внутренней или, в зависимости от места нанесения ямки, внешней стороне сосуда. Этот ряд приурочен к верхней части сосуда; иногда таких рядов несколько, но больше трех не зафиксировано. Другой распространенный мотив — ромбическая сетка, выполненная прочерченными линиями. Довольно часто встречается мотив «висячих» треугольников, нанесенных ямками,

Рис. 24. Неолит Предуралья

1 – елшанское погребение Чекалино IV; 2 – 3 – Бачки-Тау II; 4 – 10 – инвентарь погребения Лебяжника IV; керамика елшанской культуры: 11 – Луговое III; 12 – Большая Раковка II; 13 – Нижняя Орянка II; 14 – Красный Городок; 15 – Ивановка; 16 – Чекалино IV; 17 – Старая Елшанка II; 18 – Ивановка; 19, 22, 25, 27, 34, 39 – 40, 42, 48, 49, 67 – каменный инвентарь ст. Кюнь II; 20, 21, 23, 24, 26, 28, 29 – 33, 35 – 38, 41, 43, 44 – 47 – каменный инвентарь ст. Зиарат I; 50, 51, 53 – керамика ст. Сауз II; 52, 58, 63 – керамика ст. Мулино; 54, 55, 57, 62, 65, 66 – керамика ст. Ивановская; 56, 59 – керамика ст. Зиарат; 60, 61, 64 – керамика ст. Кюнь III

прочерченными линиями, разреженными наколами в сочетании с прочерченными линиями. Известны сосуды, на которых орнамент выглядит в виде зигзага из прочерченных линий, иногда в сочетании с разреженными наколами. В ряде случаев разреженные наколы представляют самостоятельный орнаментальный мотив. Единичные сосуды украшены гладкой качалкой либо короткими насечками, выстроенными в оригинальные композиции. Прочерченными линиями иногда выполнялись простые композиции в виде горизонтальных или наклонных линий. Значительное число елшанских сосудов имеет орнаментированные насечками либо разреженными наколами срезы венчиков. Важно отметить, что основные из перечисленных орнаментальных признаков примерно в одних и тех же соотношениях присутствуют в большинстве коллекций елшанской керамики. Это свидетельствует об их устойчивой взаимосвязи и наличии вполне определенной орнаментальной традиции.

Сырьем для изготовления орудий служил местный кремль. Для получения пластин использовались одноплощадочные нуклеусы с зауженным основанием и зоной складывания не более 2/3 окружности или с торца, а также нуклеусы для отщепов. Встречается прием встречного расщепления с двух площадок, подтеска контрфронта. В небольшом количестве в коллекциях встречаются изделия со следами пребывания в огне в виде мелких паутинообразных трещин и характерных изменений структуры и цвета породы.

В качестве заготовок применялись отщепы и пластины. Приемы вторичной обработки представлены ретушью, резцовым сколом, двусторонней обивкой. Единичные экземпляры орудий имеют следы частичной шлифовки. Пластины, как правило, удлиненных пропорций; среди них имеются как хорошо ограненные экземпляры с параллельными краями, так и пластины с нерегулярными гранями и изогнутым профилем. Весьма значителен удельный вес пластин со следами утилизации, образовавшимися в результате работы без предварительной вторичной обработки изделий.

Орудийный набор представлен различными разновидностями режущее-скоблящего инвентаря, деревообрабатывающими инструментами, перфораторами, наконечниками, выемчатыми и комбинированными орудиями. Среди скребков преобладают отщеповые формы различных типов, хотя имеются и скребки на пластинах, преимущественно концевые. Некоторые из них имеют альтернативные рабочие края.

Резцы изготавливались практически на всех видах заготовок, начиная от пластин и кончая отщепами и техносколами различных типов. Заметную роль среди изделий с резцовыми сколами играют

ретушные и трансверсальные формы. Резцы на пластинах изготовлены по методу нанесения скола на край.

Многочисленную и весьма типичную группу кремневых изделий представляют деревообрабатывающие орудия с двусторонней обивкой. Единичные экземпляры подшлифованы. На некоторых орудиях имеется легкая заполированность на обуховых частях, что связано с креплением инструмента в муфте. Формы орудий подтрапециевидно-треугольные, несколько асимметричны. Тесловидные орудия имеют слабо выпуклый рабочий край, долотовидные — хорошо выраженные спинку и брюшко. На нижней Орлянке II восемь рубящих орудий были найдены в виде «клада». Они несколько отличаются от обычных для других елшанских памятников орудий деревообработки удлиненными пропорциями и крупными размерами. Два «клада» кремневого сырья было обнаружено также на стоянке Красный Городок [Кузьмина, Ластовский, 1995. С. 27, 42].

Заметной и весьма важной категорией изделий являются наконечники стрел на пластинах, которые обнаружены на большинстве стоянок раннего неолита лесостепного Волго-Уралья. По краям изделия частично обработаны мелкой пологой ретушью, с помощью которой выделен или слегка намечен черешок и оформлено острие. В единичных экземплярах представлены комбинированные орудия типа скребка-резца, скребка-перфоратора, скобеля-резца, скребка-скобеля и т.д.; перфораторы, рабочий край которых оформлен с помощью крутой противолежащей ретуши; выемчатые орудия. На стоянках, содержащих материалы елшанской культуры, встречается и небольшое количество изделий из кости [История Самарского..., 2000].

И.Б. Васильев и А.А. Выборнов, основываясь на сходстве керамических сосудов, считают, что возникновение памятников елшанского типа — результат миграции на Среднюю Волгу инокультурного населения. В происхождении культуры, по их мнению, решающая роль принадлежит среднеазиатскому населению пещерной стоянки Джебел в прикаспийском Туркменистане, а также ряда памятников в районе Лявляканских озер и долине реки Дарьясай в Узбекистане. Н.Л. Моргунова в целом придерживается автохтонной версии возникновения неолитической культуры юга лесостепного Волго-Уралья, не исключая при этом импульса идеи гончарного производства от более южного населения, которое внедрило в местную среду идею керамического производства. Под южным населением подразумеваются те же ранненеолитические племена Арало-Каспийского водораздела. Иного взгляда на проблему придерживается А.Е. Мамонов. По его мнению, гипотеза об участии в сложении елшанской культуры населения восточно-каспийских и приаральских

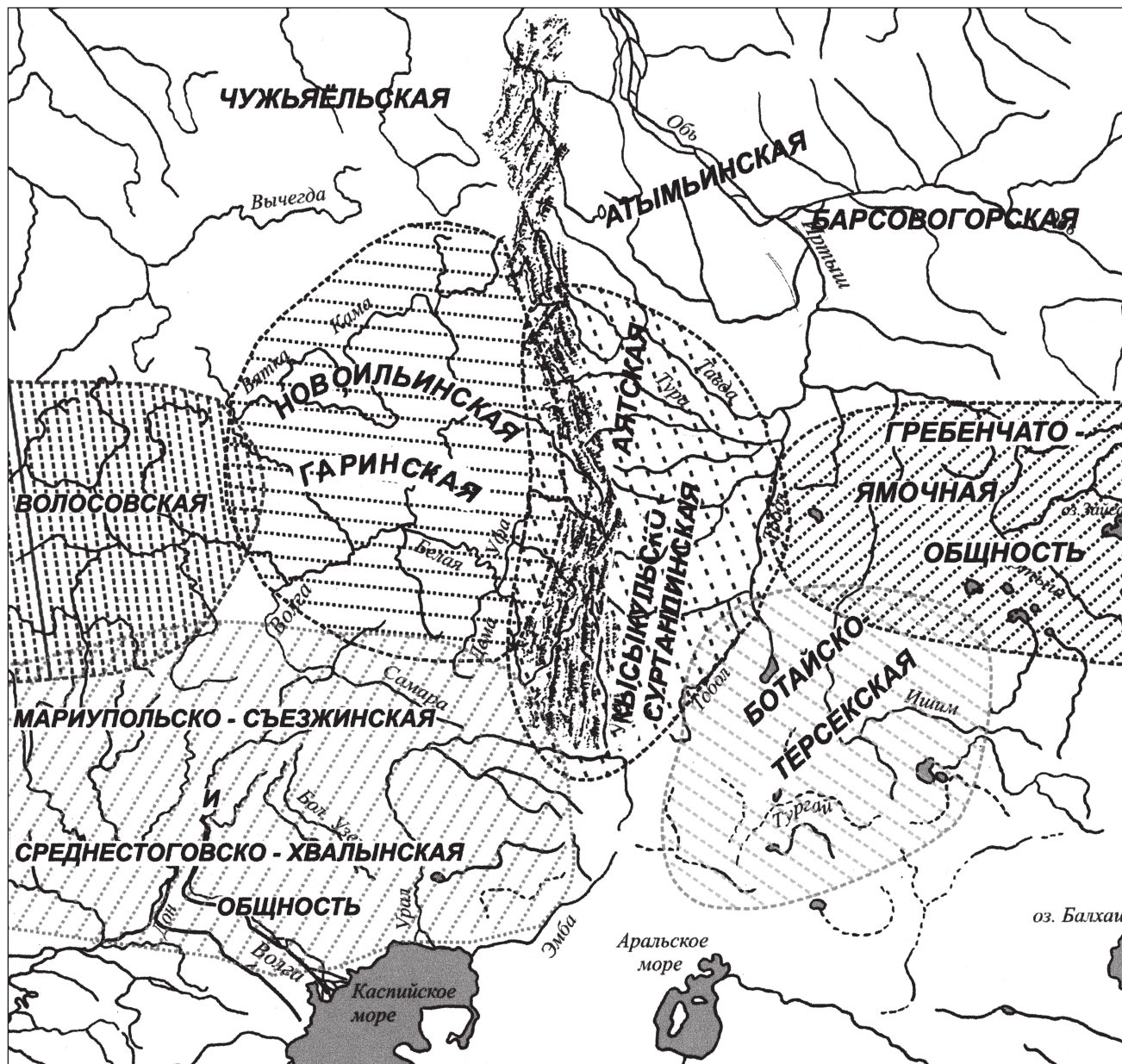

Рис. 25. Археологические культуры и историко-культурные общности энеолита

областей представляется на сегодняшний день недостаточно обоснованной.

На юге лесостепи памятники елшанской культуры сменяются ближе к середине неолитического периода средневожскими (по А.А. Выборнову) или волго-уральскими (по Н.Л. Моргуновой).

Памятники севера лесостепной зоны Южного Предуралья относятся к одному из вариантов камской неолитической культуры. Характеристики памятников камской неолитической культуры хорошо разработаны. Они отличаются по основным признакам от характеристик неолита Южного Зауралья и, как уже говорилось, четко отграничиваются по западному склону Урала и Предуралью. Каменный инвентарь представлен наконечниками

стрел как на пластинах, так и двустороннеретушированными, иволистыми и треугольничерешковой формы, концевыми скребками на пластинах и скребками различных типов на отщепках, ножами на крупных пластинах с прямым лезвием и односторонней обработкой и на кремневых плитках саблевидной формы с двусторонней ретушью, шлифованными орудиями типа долот, топоров, тесел (Рис. 24).

Керамика имеет светло-коричневый и темно-серый цвет. Внутренняя и внешняя поверхности сосудов заглажены. В глиняном тесте имеется примесь шамота, формовка сосудов производилась кольцевым налепом. Толщина стенок колеблется от 0,8 до 1,2 см с преобладанием 1,0 см. Сосуды имеют полу-

яйцевидную форму с прикрытым горлом. Днища приостренные, округлые и округло-конические. По форме среза венчики подразделяются на две основные группы: округлые и плоские. Округлый срез доминирует, составляя 62 – 72%. По характеру внутреннего оформления венчика сосуды подразделяются на две группы: с напылом на внутренней стороне и без него. Обе группы распределяются примерно одинаково, но все же преобладают сосуды без напыла. К тому же в группе с напылами толщина венчика превышает толщину стенки лишь на 0,1 – 0,2 см. Для орнаментации сосудов использовался преимущественно мелкозубчатый штамп – около 80%; среднезубый встречается значительно реже – 15%. Оттиски крупнозубчатого инструмента использовались лишь в разделительных зонах, играя подчиненную роль. Следует обратить внимание на почти полное отсутствие ямочных вдавлений. Количество основных орнаментальных композиций невелико. Можно заметить, что наиболее статистически устойчивыми являются несложные построения: наклонно и прямо поставленные ряды оттисков длинного штампа, вертикальный и горизонтальный зигзаг, заштрихованные треугольники. Более сложные узоры: плетенка, сетка, шагающая гребенка – встречаются в более ограниченном количестве. Все виды узоров идентичны узорам на посуде камской неолитической культуры.

Энеолитические стоянки Предуралья, расположенные в южной и типичной лесостепи, на раннем этапе относятся к самарской культуре, характерной чертой которой является воротничковая керамика; на позднем этапе характеризуются памятниками токского и турганикского типа лесостепного Заволжья и Предуралья [Моргунова, 1995] (Рис. 25). Это керамика как с S-видным профилем, так и с прямым горлом. Тулово сосудов раздутое, днища круглые, уплощенные, плоские. Форма венчиков плоско-срезанная, плоская утолщенная, близкая к Г-образной. Как правило, срез венчиков украшался отпечатками гребенки или насечками. В тесто всех сосудов в большом количестве добавлялась примесь толченой раковины. Поверхность керамики заглаживалась, иногда встречается штриховая зачистка штампом. Орнамент наносился по всей поверхности сосудов, иногда зонально. В роли разделителей зон гребенчатых узоров использовались ряды ямочных вдавлений. Орнаментальные узоры состоят из сочетаний горизонтальных рядов гребенчатого штампа, различной длины наклонных и вертикальных отрезков, зигзагов, елочек, заштрихованных треугольников. Турганикские памятники сложились на основе самарской культуры и частично хвалынской. Хронологически они должны соответствовать ранним подкурганам погребениям древнеямной культуры. Энеолитическое население

Предуралья взаимодействовало с зауральским кысыкульско-суртандинским населением, поскольку на памятниках токского и турганикского типа встречены фрагменты зауральской «импортной» керамики с тальком (Рис. 26).

Далее к северу энеолитические памятники Предуралья расположены несколькими группами. На реке Деме исследовались стоянки Давлеканово [Матюшин, 1982] и Кара-Якупово [Морозов, 1984. С. 43-58]. Гребенчатая керамика этих стоянок близка между собой, хотя можно отметить, что на стоянке Давлеканово наблюдается смешение нескольких типов гребенчатой керамики. В основном, энеолитическая посуда стоянок имеет полуяйцевидную форму с загнутым внутрь, прямым или отогнутым наружу венчиком, слегка раздутым туловом и округлым или приостренным дном. В тесте значительная примесь толченой раковины. В орнаментации использовались штампы различной длины. Часто встречается ряд ямочных вдавлений под венчиком. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда. Орнаментальные мотивы простые: горизонтальные полосы, ленты, зигзаг, «шагающая гребенка». В небольшом количестве присутствуют венчики с «воротничком», выделяя наиболее раннюю группу керамики. Вместе с гребенчатой в слоях поселений встречена керамика с орнаментом, выполненным наколами, ямками, гладким штампом. Другая группа энеолитических памятников расположена на р. Ик. Это стоянки Какрыбаш, Сасыкульская и Муллино [Матюшин, 1982]. В этой группе близки между собой Сасыкульская стоянка и энеолитический слой Муллино III.

В керамике из энеолитического слоя стоянки Муллино выделяется две группы, идентичные группам ивановского и токского типов юго-запада Предуралья. Воротничковая керамика Муллино характеризуется той же формой сосудов и воротничка, что и ивановская, сходным расположением орнамента и композицией, состоящей из горизонтальных линий, рядов наклонных и вертикальных отрезков, выполненных гребенчатым штампом. Довольно редко встречается «шагающая гребенка». Выделяется тип гребенчатых штампов – широкозубые, длинные или короткие, ячеистые – «жучки». Подобные штампы широко распространены в культурах хвалынско-среднепестовского этапа энеолита. Естественно, что более северное расположение памятников, их приближенность к кругу волгокамского лесного населения и более тесные контакты с ними нашли и большое отражение в керамике и других категориях находок стоянок Муллино, Давлеканово, Караякупово и др. Уже на съезжинском этапе фиксируется появление воротничковой керамики в Прикамье. Еще более весомо влияние самарской культуры на северных соседей проявилось на

ее втором этапе развития. Видимо, с этим периодом связано продвижение части южного лесостепного населения в северном направлении по всей приуральской лесостепи, о чем говорит появление таких синкретических памятников с преобладающими южными элементами в культуре, как Муллино, Давлеканово, Караякупово, Сасыкуль и др., в лесостепном Предуралье, свидетельствующих о расселении носителей самарской культуры. Что касается находок воротничковой керамики в северной части лесостепной части лесостепной зоны и даже в лесной зоне Прикамья, то представляется, что появление южных элементов на материалах волгокамских памятников облик культуры местного населения в целом не изменило, так как прослеживается преемственность от более ранних камских неолитических материалов. Верхний энеолитический слой Муллино IV представлен керамикой гаринско-борской культуры.

В энеолитическом слое Муллино доля, общее количество и ассортимент кремневого инвентаря уменьшаются в сравнении с неолитом. Существенную долю кремневого инвентаря Муллино III – IV занимают изделия с двусторонней обработкой из отщепов и кусков кремня. Любопытны наконечники стрел с двусторонней обработкой. Одно из изделий, имеющее изогнутую форму, по-видимому, служило вкладышем костяного орудия. На отщепах и продольных сколах изготовлены скребки, ножи и др. Показательна серия крупных орудий на плитках известняка, гранита и других кристаллических пород камня. Во всех слоях памятника встречены крупные грузила. Довольно многочисленны изделия из кости. В энеолитическом слое очень редки гарпуны, так типичные для нижних неолитических слоев памятника. Найдены костяные пластинки с нарезкой, типичные для самарской культуры и памятников мариупольского типа. Типичные для неолитического слоя крупные костяные кинжалы в энеолитическом слое не встречаются, но зато разнообразнее более мелкие ножи. Штампы из кости встречаются как в неолитическом, так и в энеолитическом слое, но здесь они имеют более крупные зубцы, более качественное оформление. Остальные орудия из кости представлены остриями, ложилами и другими поделками. Наиболее интересна серия украшений из кости, раковин и камня. К ним можно отнести всевозможные штампы из перламутра и камня, подвески и бусы. Крупная костяная подвеска имеет в середине небольшое круглое отверстие – очевидно, для прикрепления его к одежде. Несколько подвесок изготовлено из клыков хищника. Любопытны кремневая фигурка и многочисленные перламутровые бусы, которые по форме близки подобным изделиям со Съезжинского могильника и памятников мариупольского круга. Оригинальны совы из рако-

вины брахиопод с вставными глазами из перламутра. В целом, следует подчеркнуть, что в энеолитическом слое количество украшений возрастает, а количество орудий из кости и в особенности их ассортимент уменьшаются.

Третьей группой являются стоянки низовьев реки Белой Сауз I [*Выборнов и др.*, 1984. С. 3 – 21]; Сауз II [*Бадер, Выборнов*, 1980. С. 124 – 137], Сауз III [*Матюшин*, 1982]; Бачки-Тау II [*Выборнов и др.*, 1982. С. 195 – 209; *Обыденнов*, 1978. С. 160 – 168]. Гребенчатая керамика нижебельских памятников представлена несколькими типами. Первый представлен сосудами с прямыми венчиками. В тесте примесь шамота. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда. Использовался гребенчатый штамп различной величины с преобладанием средней длины. Встречаются оттиски овального крупнозубого штампа. Преобладают простые орнаментальные мотивы с горизонтальной зональностью; встречаются и негеометрические – ромбы, сетка. По основным технико-типологическим признакам этот тип керамики близок керамике «флажковой» новоильинской культуры Среднего Прикамья [*Бадер*, 1961 а. С. 60 – 75; *Бадер*, 1961 б. С. 202 – 226]. Второй тип керамики – с примесью органики или иногда ракушки. Внутренняя поверхность со следами расчесов гребенчатым штампом. Венчики прямые или слегка отогнуты наружу. Формы срезов венчиков Т- и Г-образные. В качестве орнамента использовался в основном короткий среднезубый штамп. Орнаментальные мотивы простые. Этот тип очень похож на керамику из гаринско-борских поселений Прикамья [*Бадер*, 1963]. Третий тип включает в себя признаки как первого, так и второго типов и, вероятно, является гибридным. Помимо гребенчатой, в Нижнем Прибелье встречена керамика с насечками (Сауз I), отступающей палочкой (накольчатая) (Сауз II). На стоянке Бачки-Тау II найдено два наконечника кельтеминарского типа, в том числе один из зеленого зауральского фтанитоида. Материалы исследованных памятников показывают, что часть гребенчатой керамики с простыми мотивами, в частности с воротничками, относится ко II этапу самарской культуры, другая часть наиболее близка новоильинской («флажковой») керамике, третья – гаринско-борской. Среди энеолитических комплексов выделяется керамика накольчатая (отступающе-накольчатая) типа керамики II Тат-Азибейского поселения [*Габяшев*, 1978. С. 40 – 55], а также керамика с ямочным орнаментом.

Особую группу энеолитических памятников Предуралья составляют стоянки на р. Ай в лесной северо-восточной части Башкирии. Это стоянки Средняя Ока, Месягутово, Гумерово [*Морозов*, 1982. С. 71 – 82]. Они расположены на контактной территории с зауральским энеолитическим населением.

Результатом видимо является наличие в коллекциях стоянок зауральской «импортной» керамики, изделий из зауральской яшмы, четырех наконечников кельтеминарского типа, «утюжка».

Интересен клад, найденный в лесостепной части Предуралья у д. Чишма на р. Уршак. Было обнаружено компактное скопление артефактов, залегающих в 35 – 40 см от поверхности. В кладе оказалось 20 целых и 13 сломанных наконечников листовидной формы, обработанных с двух сторон ретушью, а также тесло из зеленого сланца высотой 8 см, обломок песта и 10 сколов. Удивительным было то, что красно-зеленая яшма, черные и серые фтаниты и фтанитоиды, из которых были сделаны наконечники, не встречаются в естественном виде в Предуралье. Основным источником подобного сырья был Магнитогорский прогиб в Зауралье, что может служить доказательством непосредственных контактов предуральского и зауральского населения в неолитическое время. Было ли это результатом обмена или сами южноуральцы приходили сюда со своим охотничьим снаряжением – к сожалению, неизвестно.

Поиск истоков неолита Южного Зауралья не вызывает особых затруднений. Неолитическая технологическая традиция первичного расщепления камня базируется на предшествующей ей мезолитической. Основные характеристики нуклеусов, придавшие своеобразие южнозауральскому мезолиту, являются неотъемлемым свойством технологии, применяемой населением Южного Зауралья и в неолите. Именно пластина является заготовкой орудия и в мезолите, и в неолите. Из отщепов сделаны единичные орудия: скребки, ножи, некоторые типы наконечников стрел. В неолите сохраняются основные характеристики заготовки, свойственные мезолитическим комплексам. Размеры ширины пластин остаются практически теми же – 0,6 – 1,0 см. В технике вторичной обработки появляются инновации, относящиеся к способу оформления контуров таких орудий, как сверла, скобели, плитчатые ножи. Основным приемом обработки остается краевая ретушь, сплошная используется главным образом при изготовлении наконечников стрел. Ретушь наносится по самому краю, не проникая глубоко на грань. В продолжение мезолитической традиции встречаются в неолитических зауральских комплексах трапеции и скошенные остря. Элементами новой технологической традиции являются: широкое использование плиток яшмы для изготовления плоских нуклеусов; преобладание в системе вторичной обработки крутой ретуши, расположенной по одному или обоим краям пластины со спинки; ретуширование всего края, а не части, применение сплошной ретуши при изготовлении наконечников стрел, изготовление ножей из сланцевых плиток

путем двусторонней обработки. Из характеристики зауральской неолитической традиции очевидно, что развитие технологии шло по пути подражания старым традиционным образцам и создания новой технологии. Можно констатировать безусловную генетическую преемственность между южнозауральской мезолитической и чебаркульской неолитической культурами Южного Зауралья [Археология..., 2006].

В Южном Зауралье неолитические материалы представлены в 43 стоянках, причем 33 стоянки исследовались раскопками, а на 10 стоянках проведены подъемные сборы. Памятники расположены во всех природно-ландшафтных зонах, представленных в регионе: степной, лесостепной и лесной. В степной зоне исследовано 12 стоянок, расположенных как на реках, так и на озерах. В бассейне Урала это Усть-Утяганская, Карабалыкты I, Карабалыкты V, Карабалыкты X (Ташбулатово I), Карабалыкты VIIIa, Сабакты VI и другие. В бассейне Тобола – стоянки Синташта XIX, XX, XXI. В лесостепной зоне неолитические материалы представлены на 5 стоянках: три из них расположены на рр. Увелька и Уй, относящихся к бассейну р. Тобол – Путиловская заимка, Краснокаменка и Красносельская; две на озерах – Карагайлы I и Учалинская. Исследованные стоянки лесной зоны Южного Зауралья сосредоточены исключительно на озерах Южноуральского Приозерья: Чебаркуль, Большое Миассово, озеро-водохранилище Аргази, Иткуль. Это Чебаркуль I, II, X, XV, XVI, Кораблик, Няшевка IV, Абселямовская и др. [Крижевская, 1968; 1960, С. 7 – 24; Петрин и др., 1993; Древняя история..., 2000] (Рис. 23).

Энеолитическое время исследовано на 50 памятниках, представленных как однослойными стоянками, такими как Агаповка I, Суртанды VIII, Бурли II, Кысы-Куль, Уфа IV и другие, энеолитическими слоями на многослойных стоянках (Путиловская заимка, Краснокаменка, Чебаркульские стоянки и других), так и подъемными сборами (Новокумакское, Ударник, Аргазинские стоянки). Памятники также расположены во всех природно-ландшафтных зонах Южного Зауралья. Известны и немногочисленные погребения. В степной зоне исследовано 19 стоянок. Все они находятся в западной части, на реках бассейна р. Урал и на озерах зауральской Башкирии. Это Агаповка I, Суртанды VIII, III, Карабалыкты IX, Березки и др. В лесостепной зоне исследовано восемь памятников эпохи энеолита. Все памятники, за исключением поселения Ново-Байрамгулово, расположены на реках Тобольского бассейна: Увелька, Уй, Тогузак. Это Бурли II, Стрелецкие II-IV, Краснокаменка, Красносельская, Путиловская Заимка. Памятники горно-лесной зоны расположены как на озерах: Кысы-Куль, Большое Миассово, Чебаркуль, Аргази, Иткуль, так

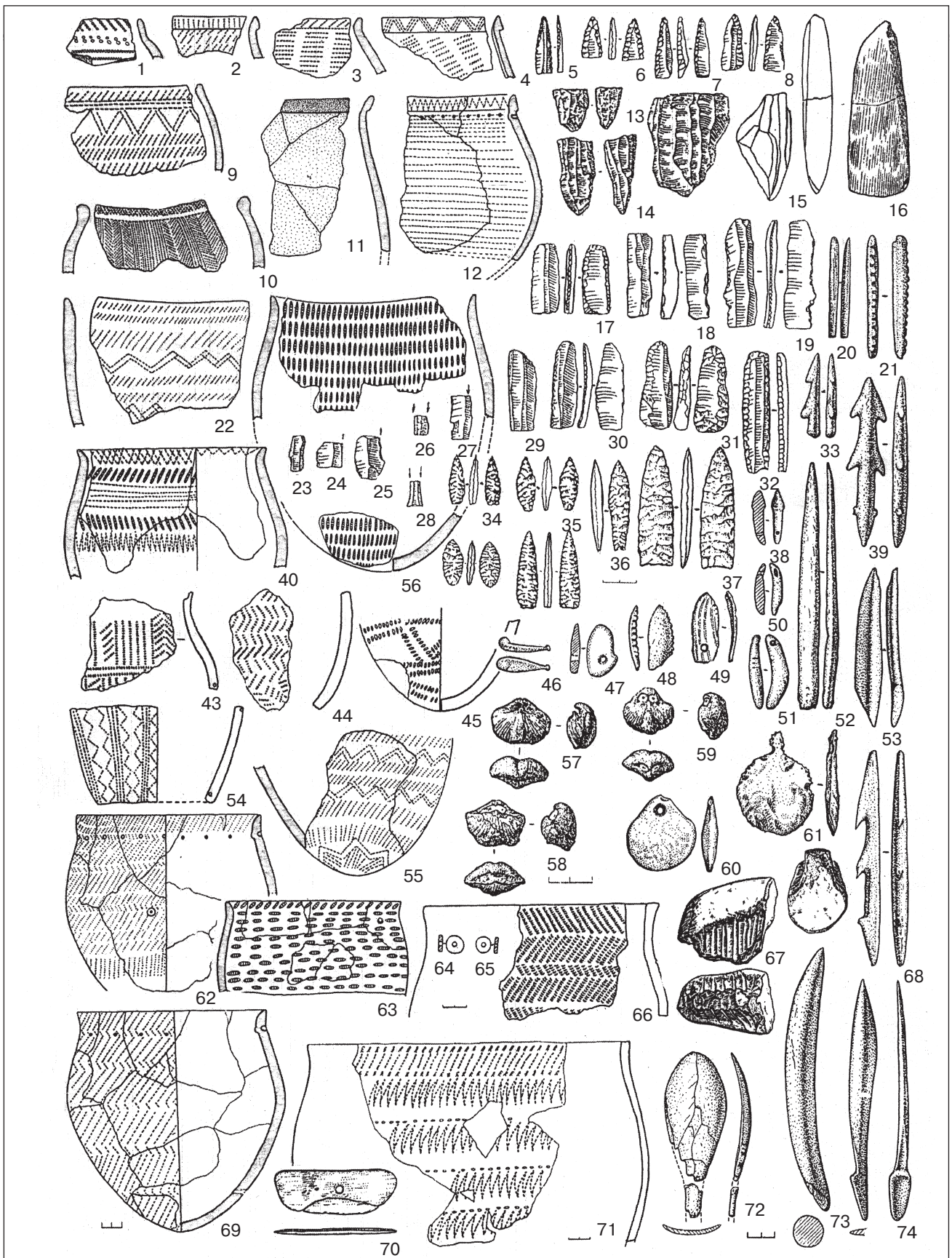

Рис. 26. Энеолит Предуралья

1 – 4, 11, 12, 62, 63, 69 – керамика пос. Давлеканово; 9, 10, 22, 40, 55 – 56 – керамика пос. Муллино; 43 – 45, 54, 66, 71 – керамика пос. Ивановское; 5 – 8, 13 – 19, 23 – 32, 34 – 37, 41 – 42 – каменный инвентарь пос. Ивановское; 20 – 21, 33, 38, 39, 46 – 53, 57 – 61, 64, 65, 68, 70, 72 – 74 – изделия из кости пос. Муллино; 67 – изделия из камня пос. Муллино

и на реках Уфа и Юрюзань. Это Кысы-Куль, Латочка, Няшевка II, Юрюзанская Пб, Пв и др.

Исследованные памятники расположены, как правило, на западных, более возвышенных, скалистых берегах озер. Топография стоянок имеет несколько вариантов. На озерах это мысы, выдающиеся в озеро; ровные площадки берега, приуроченные к протокам и речкам, соединяющим рядом расположенные озера, и прикрытые скалистыми грядами; площадки в седловинах между двумя возвышенностями. На реках — ровные участки террас или мысы при слиянии основной реки и притоков. Высотные позиции стоянок различны как на реках, так и на озерах. Памятники располагались на высоте от 2 — 3 м до 10 — 12 м от современного уреза воды.

В неолите и энеолите в качестве жилищ использовались естественные углубления в скальном основании, в которых фиксируется утолщение культурного слоя, остатки очагов, концентрацикремневого инвентаря и керамики. Остатки одного из наземных жилищ полностью исследованы нами на стоянке Шатанов 3, расположенной на одном из островов озера Иртяш, недалеко от г. Кыштым. На полностью исследованной раскопом в 160 кв. м площадке памятника были изучены остатки наземного жилища, предположительно округлой или подпрямоугольной формы, площадью около 60 кв.м, с выходом на южную сторону, фиксируемым по вытоптанности расположенного в этой части площадки материкового песка. Центральную часть жилища занимало сооружение овальной формы 2,4 x 2 м, углубленное на 0,5 м от уровня пола путем выборки расслоившихся гранитных плит. Затем эти плиты были использованы для перекрытия, которое держалось на 4 столбах. Когда вся конструкция сгорела, плиты перекрытия почти вертикально упали в углубление. На дне были зафиксированы плоский камень средних размеров и кольцевая выкладка под сосуд из мелких камней. Характер конструкции сооружения позволяет интерпретировать его функционально похожим на погреб. С северо-запада к «погребу» примыкал не убранный в процессе строительства жилища скальный останец неправильной формы с уплощенной поверхностью, размерами 2,4 x 1,8 м, который предположительно можно рассматривать как «стол». С южной стороны от «погреба» находился небольшой очаг и три кольцевые выкладки под сосуды, частично разрушенные. Рядом зафиксировано скопление небольших кварцитовых галек сходных размеров. В южной и юго-восточной частях жилища также расположены круглая и овальная неглубокие ямы хозяйственного назначения. Подавляющее большинство находок располагалось в пределах этой хозяйственной зоны жилища — у «стола», «погреба», очага и кольцевых

выкладок. За пределами жилища с северной стороны находился крупный открытый очаг овальной формы, размерами 2,5 x 2 м. Три линзы прокала, разделенные более темными прослоями и золы и расположенные под углом к западу, показывают нам направление ветров со стороны озера. Очаг, безусловно, одновременен жилищу, поскольку в нем обнаружены фрагменты сосудов, залежавших по полу жилища. Совокупность таких фактов, как легкость наземной жилищной конструкции, наличие открытого очага за пределами жилища, сооружение в полу жилища углубления в скальном основании — «погреба», незначительность мощности внутреннего очага, недостаточного для отопления всего объема жилища, позволяют говорить о функционировании стоянки в теплое время года.

Более сложную конструкцию имели полуземлянки. Одна из таких жилых построек была изучена нами на стоянке Черников брод, на р. Малый Кизил — правом притоке р. Урал в Агаповском районе Челябинской области, недалеко от пос. Смеловский. Жилище было сооружено в естественном углублении — карстовой воронке, которая была вычищена от камней для подготовки котлована. Длина котлована составила 6,6 м, ширина 3,8 м, площадь около 25 кв. м; ориентирован он по линии запад — восток, параллельно руслу реки. Основой для стен служили выходы известняка, только с одной стороны (северо-западный угол) отмечена каменная кладка. Камни здесь уложены непосредственно на скальную породу и, судя по площади развала, кладка была высотой 0,7 — 0,8 м от уровня пола жилища, что в целом соответствует высоте скальных выходов по всему периметру котлована. Таким образом, основа стен жилища находилась на одном гипсометрическом уровне. В центральной и западной частях котлована было расчищено несколько скоплений мелких камней. При зачистке по материк в пределах жилищного котлована были выявлены пять столбовых ямок диаметром 0,15 — 0,2 м и глубиной 0,1 — 0,2 м и пятно прокала. Две из столбовых ямок имели профили с таким наклоном, что столбы, вкопанные в них, стояли по диагонали вершинами к центру жилища. Пятно прокала имело округлую форму диаметром около 0,4 м, мощностью 0,03 — 0,05 м. Конструкцию перекрытия можно реконструировать как шалашеобразную. Подобный вывод был сделан исходя из расположения столбовых ямок и канавок в южной стенке. В длинной северной стенке жилища был сооружен коридорообразный выход. На стоянке Краснокаменка, где материком является не скала, а светлый суглинок, стенки жилища были укреплены каменной выкладкой. Кроме этого, остатки жилищ зафиксированы на таких памятниках, как Суртанды VIII, Березки. Стенки жилищ иногда укреплялись камнями — Березки, Мурат. Неглубокий

котлован округлой формы зафиксирован на стоянке Кысы-Куль. На большинстве стоянок к жилищным сооружениям можно отнести очаги, кольцевые каменные выкладки, как подставки под сосуды, столбовые и хозяйственные ямки. Каменный инвентарь и керамика часто концентрируются или возле очагов, или около крупных камней с ровной поверхностью. Вероятно, здесь, так же как и в мезолитических памятниках, мы имеем дело с наземными или слабо углубленными жилищами.

Сырьем для изготовления орудий являлись темный от черного к серому кремень (фтаниты и фтанитоиды) и яшма: сургучно-зеленая, сургучная. Кроме этого, применялись халцедон, кварц, горный хрусталь. В энеолите начинают широко использоваться некремнистые породы более низкого качества. В районах, пограничных с территорией Северного Казахстана, использовался микрокварцит коричневатых оттенков. Для изготовления крупных изделий использовались различные сланцы, тальк, зеленокаменная порода.

С характером сырья связаны и морфологические особенности нуклеусов. В неолите они условно делятся на две группы: изготовленные из крупных кусков сырья и представленные призматической, конической и карандашевидной формами; изготовленные из плиток яшмы — плоские нуклеусы. Все нуклеусы характеризуются небольшими размерами — высота редко превышает 6 см. Самыми распространенными являются призматические одноплощадные нуклеусы с долотовидным основанием. Далее следуют призматические цилиндрической формы, призматические с двумя противоположными площадками. Конических и карандашевидных нуклеусов заметно меньше. Почти все нуклеусы — некругового скалывания. Площадки нуклеусов преимущественно скошены к контрфронт. Характерной чертой неолита Южного Зауралья являются плоские нуклеусы на плитках яшмы. Если в мезолите плитки использовались для получения торцовых нуклеусов, то в неолите фронтом скалывания являлись одна или обе широкие грани (Рис. 27).

Нуклеусы предназначались исключительно для получения правильных тонких пластинок с параллельными гранями. Подавляющая часть пластин — до 80 % представлена проксимальными и медиальными сечениями. Комплекс носит микропластинчатый облик. Пластины правильного ограничения, тонкие, имеют одну и две грани по спинке, треугольные или трапециевидные в сечении. До 70% пластин и орудий на них относятся к микропластинам, имеют ширину до 1 см. Далее следуют пластины шириной 1,1 — 1,2 см. Преимущественная длина до 2 см. Более широкие и длинные пластины единичны.

Основной заготовкой при изготовлении орудий служила пластинка. Орудия из пластин преобладают на всех памятниках Южного Зауралья. При этом следует учитывать, что в качестве орудий использовались и неретушированные пластинки, за исключением, пожалуй, отсеченных проксимальных и дистальных частей. Основной набор орудий на пластинах сформировался еще в предшествующее мезолитическое время. Самую большую группу составляют пластинки с ретушью. Большинство ретушированных пластинок в неолитических памятниках оформлено крутой ретушью по одному или двум краям со стороны спинки. Очень часто встречаются пластинки с ретушью утилизации. Медиальные сечения использовались в качестве вкладышей.

Следующим по встречаемости типом орудия являются угловые резцы. Резцовый скол наносился, как правило, с одного края пластинки, многофасетных резцов значительно меньше. На некоторых изделиях имеется дополнительное ретуширование со стороны резцового скола или напротив него. Резчики встречаются значительно реже, хотя на некоторых памятниках представлены значительными сериями. Рабочим лезвием является оформленный мелкой ретушью край, прилегающий к углу пластинки, прямой или клювовидной формы.

Скрепки на пластинах относятся к типу концевых. Лезвия большинства из них выпуклой округлой формы. Здесь также иногда применялась дополнительная обработка боковых граней. Единичны скребки, обработанные по боковой грани пильчатой ретушью и дублированные — с двумя противоположными рабочими лезвиями. Пластины с выемкой — скобели обычно с одной небольшой выемкой или же двумя. Острия или проколки оформлены различными вариантами ретуши на конце пластинок. Сверла, как правило, имеют крутую противоположную ретушь на конце пластинки и образуют характерный для сверла разворот лезвия.

Геометрические микролиты и типологически близкие к ним скошенные острия были встречены на большинстве памятников. Среди геометрических микролитов преобладают низкие асимметричные трапеции, часто встречаются экземпляры с выемкой на короткой грани. Единичны низкие симметричные трапеции. Скошенные острия оформлены крутой ретушью со стороны спинки, часть из них, возможно, является обломками трапеций. Пластины с обработанной торцовой гранью — с прямо отретушированным и скошенным торцом, а также с небольшой торцовой выемкой.

Все описанные выше изделия составляют основной набор орудий на пластинках и регулярно встречаются в неолитических памятниках Южного Зауралья. Этот набор сформировался еще в мезолите, он характерен для данной территории и существ-

вовал на протяжении неолита, встречаясь в том или ином процентном соотношении.

Неолитическая эпоха характеризуется расширением ассортимента орудий по сравнению с мезолитом. Одним из новых типов являются пластинчатые наконечники стрел. Они немногочисленны и не составляют типологически однородных серий. Выделяются наконечники, оформленные пильчатой ретушью с брюшка. Пилки представлены пластинками с оформленными пильчатой ретушью боковыми гранями со стороны брюшка или, реже, со спинки. Близкой к пилкам является серия изделий из пластинок с зубчато-выемчатыми краями, оформленными крутой ретушью с брюшка. Открытым пока остается вопрос о времени появления в Зауралье наконечников кельтеминарского типа, поскольку они зафиксированы большей частью в смешанных нео-энеолитических слоях. В Среднем Зауралье эти изделия более четко зафиксированы в памятниках раннего энеолита. Кельтеминарские наконечники в Зауралье изготовлены из местных пород камня, в частности на Южном Урале — фтанитоидов и яшмы, что исключает прямой импорт из Арало-Каспийского региона. Мы имеем дело уже с местной традицией изготовления подобных характерных изделий. Появление столь специфичных форм и своеобразной технологии их изготовления непременно должно связываться с предшествующим временем, в данном случае — с неолитом, когда кельтеминарские наконечники имели наибольшее распространение в исходной зоне Приаралья.

Значительно увеличивается также и количество орудий на отщепе. Скребки, немногочисленные в мезолитических коллекциях, образуют теперь значительные серии. Среди них преобладают концевые с выпуклым лезвием. Формы скребков очень разнообразны — подчетыреугольные, подтреугольные, боковые, округлые и т.д. Значительную группу составляют аморфные скребки, форма которых является производной от формы отщепа. Скребла малочисленны, менее стандартизированы и отличаются от скребков большей массивностью.

Типологически очень разнообразными являются двусторонне обработанные наконечники стрел и дротиков. Большинство из них представлено обломками. Преобладают листовидные формы — иволистные, лавролистные с округлым или приостренным основанием. Встречаются также удлиненные с прямым или слегка вогнутым насадом, подтреугольные с намечающимися шипами, редки — черешковые. Ножи на отщепе малочисленны, но выразительны. Они, как правило, оформлены ретушью на выпуклом крае отщепа. Шлифованные изделия единичны, чаще встречаются сколы с них. Целые экземпляры и обломки представлены топорами, теслами, долотами. Они или полностью зашлифованы, или

пришлифовано только лезвие, обухок оформлен оббивкой.

Отбойники и ретушеры выполнены из кварцитовых галек. Из сланцевых плиток и других пород камня изготавливались грузила, оббитые по краю, округлой или овальной формы и с противоположными выемками. Тальковые «утюжки» встречаются редко. По форме они разнообразны: подромбические, овальные, подпрямоугольные, с глубоким или только намеченным поперечным желобком. В неолитических коллекциях встречаются также различные изделия из камня некремнистых пород — абразивы, «наковальни» и т.п. Описанный комплекс изделий из камня является основным для всех неолитических памятников Южного Зауралья и отражает своеобразный технологический и типологический стереотип в развитии каменной индустрии.

Каменный инвентарь энеолитических памятников Южного Зауралья генетически связан с предшествующим неолитическим и продолжает единую линию развития. На раннем этапе нуклеусы сохраняют основные формы — призматические, конические, как правило, одноплощадочные, но заметно увеличиваются в размерах. Полностью исчезают плоские нуклеусы на плитках яшмы, характерные для неолита. К концу энеолита нуклеусы единичны. В энеолите происходит изменение основных морфологических признаков пластин. Возрастает роль пластин шириной свыше 1 см. Изменяется контур пластин. Они становятся грубее, менее стандартизованы. Наряду с экземплярами с параллельными краями часто используются конвергентные. Медиальные части, преобладающие в неолите, встречаются значительно реже. Пластинки с ретушью шириной от 0,8 до 1,2 см. Ретушь регулярная, расположенная по одному или двум краям пластин. К этому же типу примыкают и пластины с ретушью утилизации. Среди этой группы пластин преобладают шириной до 1 см. Угловые резцы изготовлены на сечениях пластин преобладающей шириной до 1,1 см. Резцовые сколы расположены с одного или двух углов пластинки, многофасеточные резцы единичны. Резчики изготовлены из пластин, рабочий край представлен мелкой ретушью по углу сломанной пластинки, возможно, полученной в результате работы углом пластинки в качестве резца без резцового скола. Пластинки с выемкой оформлены одной или двумя выемками по краям. Острия представлены пластинками с обработанным острым торцевым краем. Большинство из них изготовлены на дистальных сечениях пластин. Сверла имеют рабочий край, обработанный характерной противоположащей ретушью. Стандартизация и четкое разделение по типам, как в неолите, отсутствуют, формы, как правило, неустойчивые.

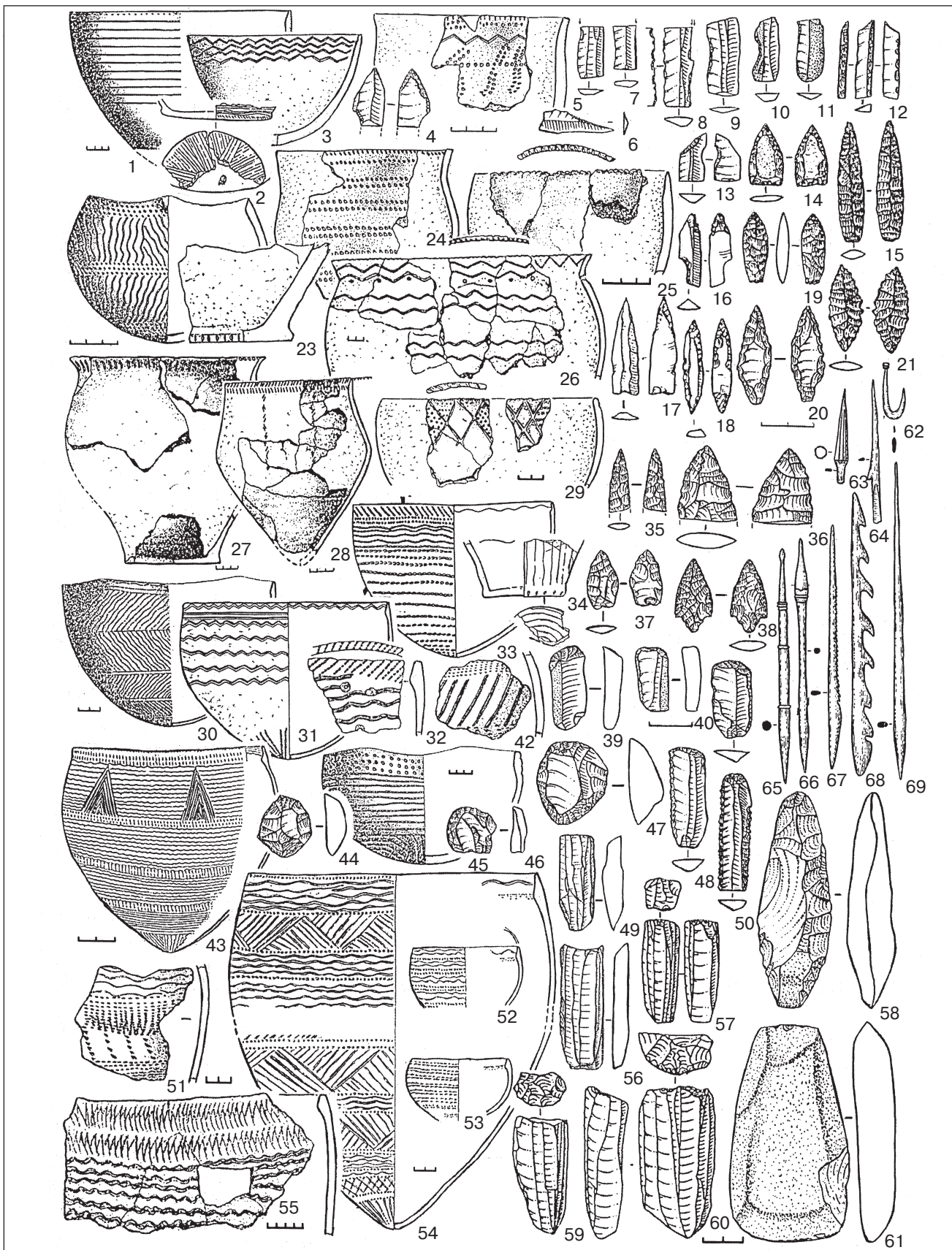

Рис. 27. Неолит Зауралья

1 – Кокшаровский холм; 2 – Ташково 3; 3, 5 – ЮАО-ХІІ; 4, 7 – 13, 20, 35 – 41, 44, 46 – 48, 57, 59, 60 – Путиловская заимка; 6, 14, 15, 19, 21 – Чебаркуль Ха; 16–18 – Чебаркуль ІІ; 22, 30, 45 – Кокшаровский холм; 23 – ЮАО-ХV; 24 – ЮАО-ХІІ; 25 – 29 – Пикушка І; 31, 33 – 34 – Ташково ІІІ; 32 – Чебаркуль І; 42, 51 – Краснокаменка; 43 – Евстюниха; 49, 56 – Линевое V; 50, 58, 61 – Чебаркуль Хб; 52 – 54 – Исетское Правобережье; 55 – Ташково І; 62 – 69 – Шигирский торфяник

Геометрические микролиты встречаются редко. В целом, трапеции в энеолитических памятниках не представляют какой-либо стандарт и имеют явно пережиточные формы. Наконечники на пластинах встречены только на стоянках Суртанды VIII – нестандартной формы и Стрелецкое II – два наконечника на пластинках, обработанные с брюшка пильчатой ретушью, более характерные для неолита.

Скребки концевые на пластинах изготовлены на сечениях различных частей пластин, как правило, шириной, превышающей 1 см. Рабочие части имеют различную конфигурацию – прямые, округлые, скошенные, приостренные. На некоторых скребках дополнительной ретушью подработаны боковые грани, прилежащие к рабочему краю. Заготовками для изготовления скребков на отщепках служили: краевые сколы с яшмовых плиток и галек, пластинчатые отщепы, отщепы различной конфигурации. Среди форм скребков встречаются концевые, боковые, округлые, приостренные, скошенные. Рабочие лезвия занимают 1/3 или 2/3 периметра заготовки, скребки с круговым лезвием единичны. Иногда скребки имеют дополнительную подработку верхнего или нижнего края плоской ретушью. Заготовки скребков, в основном, уплощенные, высоких форм практически нет.

Наконечники двусторонне обработанные, преимущественно листовидной формы. В ранних памятниках встречаются вытянутые с прямым или слегка вогнутым насадом. Единичны наконечники с намевающимся черешком. Ножи на отщепках изготовлены на крупных отщепках, рабочий край оформлен плоской приостряющей ретушью, характерной для режущих инструментов. Скребла представлены различными формами: концевыми, боковыми, округлыми. Изготовлены на крупных отщепках, рабочие края оформлены крупной краевой ретушью. Шлифованные орудия из сланца представлены, в основном, топорами и теслами, очень часто в обломках. Присутствовало как полное, так и частичное шлифование изделий. Грузила имеют характерные выемки на противоположных краях для крепления. Из орудий на плитках выделяются предметы прямоугольной или близкой к овальной формы с участками режущего края различной длины, расположенные на продольных краях плиток. Края обработаны ретушью с двух сторон, лезвия заглажены и имеют овальный профиль. Клады из таких орудий найдены на стоянках Краснокаменка и Ново-Байрамгулово. Некоторые имеют небольшие выемки на противоположных краях и могли использоваться как режуще-скоблящие орудия или грузила для сетей. «Утюжки» из талькового камня встречаются нечасто и представлены изделиями подромбической или

подпрямоугольной формы с характерным поперечным желобком.

Проблема появления керамики в Южном Зауралье окончательно еще не решена. В начале неолита технико-технологические установки изготовления керамической посуды, такие, как ручная лепка кольцевым или лоскутным налепом круглодонных, остродонных и плоскодонных сосудов, орнаментация техникой прочерчивания и отступающего накола, при использовании естественного орнамента – челюсти или кости определенного животного (иногда зубчатые оттиски этой же челюсти), приводят к формированию двух – четырех родовых традиций керамического производства, которые зафиксированы как кошkinsкая, боборыкинская, чебаркульско-полуденская (на севере региона – козловско-полуденская) орнаментальные керамические традиции. Такие выводы позволяют сделать целый ряд имеющихся археологических фактов. Радиоуглеродные датировки конкретных фрагментов керамики показывают сосуществование в промежутке 6100 – 5800 лет назад всех выделенных к настоящему моменту типов раннеолитической керамики: козловской, евстюнихской, кокшаровско-юринской, кошkinsкой, боборыкинской.

Типологические характеристики кошkinsкой и боборыкинской керамики в целом очень близки: сочетание круглодонной и плоскодонной посуды, днища с напльвом, орнаментированным насечками (наколами), использование отступающе-накольчатой (в большей степени свойственной кошkinsкой посуде), прочерченной, накольчатой техникой орнаментации, орнаментация сосудов преимущественно в верхней части и у дна, одинаковые примеси в тесте (на Урале – тальк, в Притоболье – шамот, песок и органика, что свойственно для всех типов керамики). Это позволяет относить кошkinsкий, боборыкинский и басыновский типы керамики или к одной, или к двум, но очень близким керамическим (родовым) традициям (Рис. 27).

Другая традиция представлена в археологической классификации козловским, евстюнихским, кокшаровско-юринским и чебаркульско-полуденским типами керамики. Керамика представлена полуяйцевидными сосудами с прямыми или слегка загнутыми внутрь стенками и округлыми или приостренными днищами. Типичной чертой является наличие на внутренних частях венчиков небольших напльвов – «карнизиков». В тесте – примеси песка или талька и слюды. Способы орнаментации: волнисто-прочерченный, прочерченно-гребенчатый, гребенчатый, реже – отступающе-накольчатый. Орнаментальные мотивы очень просты: горизонтальные волнистые линии, как одиночные, так и в несколько рядов; горизонтальные ряды отступающих наколов, взаимопроникающие полые или

заштрихованные треугольники, полосы «шагающей» гребенки, иногда перекрывающей волнистое прочерчивание, наклонные прочерченные полосы и т.п. Только на финальной стадии неолита на сосудах с чисто гребенчатым орнаментом появляются геометрические фигуры. Орнамент покрывал всю поверхность сосудов, располагаясь преимущественно горизонтальными зонами, включая днища сосудов. «Карнизники» с внутренних сторон орнаментированы, как правило, горизонтальными волнистыми линиями. Таков облик неолитической керамики, встреченной на всех памятниках Зауралья, независимо от того, в какой ландшафтной зоне они располагаются.

Так же, как в кошкинских и боборыкинских комплексах, уральская керамика этой традиции с примесью талька, притобольская с примесями песка или дресвы и шамота, что является, вероятно, территориальными особенностями глин и необходимых добавок при формовке посуды. Самое большое отличие козловской, евстюнихской и кокшаровско-юринской посуды от кошкинской заключается в отсутствии плоскодонных сосудов.

При всей кажущейся вначале непохожести, козловско-полуденская, кошкинская и боборыкинская традиции имеют много общих черт: орнамент нанесен одними техническими приемами — гладким прочерчиванием, отступающими наколами без отрыва орнамента от поверхности, отдельными наколами, эпизодическим использованием оттисков зубчатого орнамента. Важной общей чертой является использование в кошкинской и боборыкинской традиции «двузубого штампа», характерного для орнаментации козловско-полуденской керамики. Среди орнаментальных мотивов общими являются самые простые: горизонтальные волнистые линии, вертикальные зоны, заполненные наклонными линиями, взаимопроникающие треугольники. В коллекциях присутствуют и отдельные симбиотические сосуды: басыановские и басыановско-сосновоостровские (гребенчатые) [Шорин, 2001. С. 154 — 161; Выборнов, 2008]. В ходе полевых исследований неоднократно было зафиксировано совместное залегание керамики выше названных традиций. Одним из ярких фактов является находка на озере Увильды, где на дне озера были найдены два целых сосуда, причем один из них, меньшего размера — кошкинского облика, был вложен внутрь сосуда козловского типа.

Пользуясь калиброванными значениями имеющихся радиоуглеродных дат, можно констатировать, что с середины VI тыс. до н.э. на территории Центрального (Южного и Среднего) Урала и лесостепного Притоболья, которая являлась единым историко-культурным регионом еще с мезолита, появляются технологии изготовления керамиче-

ской посуды, представленные несколькими традициями: прочерченной, отступающе-накольчатой, накольчатой, эпизодически-зубчатой. Эти традиции сосуществовали в рамках человеческих коллективов как родовые в составе общин и семей. Появление технологий изготовления керамики в Зауралье, вероятно, можно связывать с процессом заимствования от юго-западных соседей степного Предуралья, о чем свидетельствуют близкие в исторической тенденции, но, естественно, не совсем идентичные по содержанию процессы, которые проходили параллельно по другую сторону Урала — на Средней Волге и в Предуралье [История Самарского..., 2000].

Неолитизация, выражавшаяся в процессе распространения технологии керамического производства, такого значительного по масштабам территории региона могла осуществиться очень быстро — в рамках жизни 3 — 4-х поколений, на основе дарообменных и брачно-семейных связей между отдельными общинами, осваивающими близкие, возможно, частично единые природно-хозяйственные зоны. Изначально единые технико-технологические принципы изготовления посуды получали типологическое разнообразие за счет отличий в сырьевой базе территорий и отличающихся друг от друга родовых традиций более отдаленных общин.

Коллекция энеолитической керамики с памятников Южного Зауралья представлена более чем 4 тыс. фрагментами от 250 сосудов. В подавляющем большинстве посуда орнаментирована оттисками гребенчатого штампа. Реже встречаются неорнаментированные сосуды с «веревочной» орнаментацией, сосуды с так называемыми «гусеничками» или «жучками». Керамика с «ложношнуровой» орнаментацией встречается на большинстве памятников. По реставрированным сосудам и находкам днищ форму можно восстановить как полуяйцевидную, со слегка раздутым туловом иногда прямым, а чаще всего отогнутым наружу венчиком и округлым дном. Сосуды средних пропорций — отношение высоты сосуда к наибольшему диаметру — составляет в среднем 1,25. Для изготовления керамики использовалась ожелезненная и сильноожезненная глина, в которой в качестве минеральных примесей использовался тальк или слюда — до 90 — 95%. Несколько отличается формовочная масса для изготовления «веревочной» керамики. В качестве отощителя доставлен песок и дресва, слабо окатанная и выступающая на поверхность острыми углами. Поверхность шероховатая, темно-коричневого цвета. Толщина стенок у основной массы сосудов в среднем 6 — 8 мм, с небольшими отклонениями, причем встречаются крупные сосуды (Чебаркуль IV, XV) с очень тонкими стенками — до 4 мм. Внешняя поверхность обычно гладкая или при большом

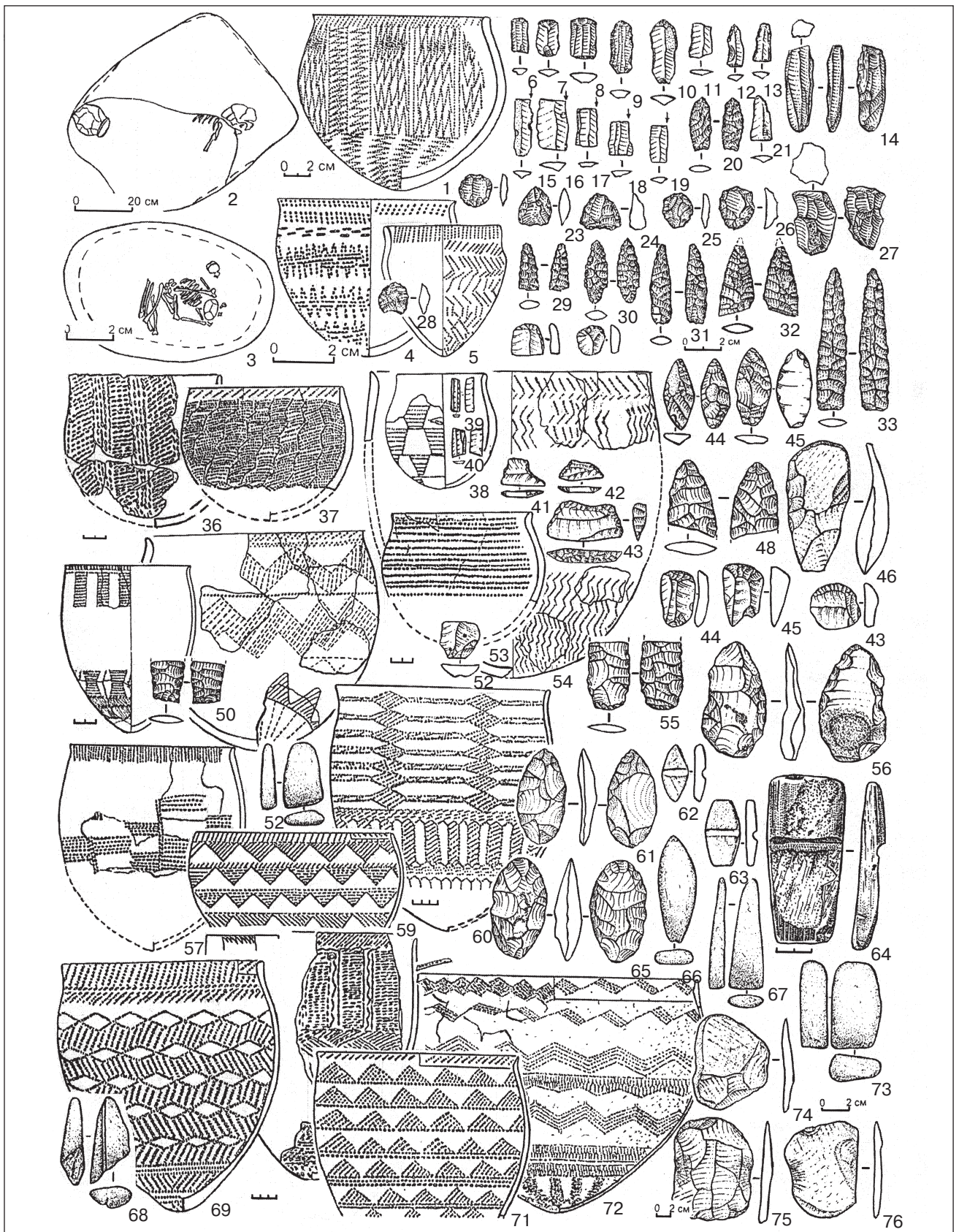

Рис. 28. Энеолит Зауралья

1 – 2 – погребение в мог. Александровский и сосуд из погребения; 3 – 4 – погребение у с. Дружный и сосуд из погребения; 5 – сосуд из погребения мог. Верхняя Алабуга; 6 – 33 – каменный инвентарь ст. Агаповка I; 34, 35, 39 – 47, 52 – каменный инвентарь ст. Уфа IV; 36, 70 – ст. Разбойничий остров; 37, 53 – ст. Чебаркуль I; 38, 49, 51, 54 – Мурат; 48, 50, 55, 56, 61, 64, 65 – ст. Путиловская заимка; 57, 58, 66 – 68 – Чебаркуль Ха; 59 – Боровая I; 60 – Чебаркуль IV; 62, 63 – Березка VIII; 69 – Уфа IV; 71 – Палкино; 72 – Шитовской исток; 73 – Чебаркуль XV; 74 – 76 – Краснокаменка

количестве талька шероховатая. Внутренняя поверхность в большинстве случаев заглажена гребенчатым штампом (Рис. 28).

Керамика, орнаментированная гребенчатым штампом, делится на два типа: с простыми (монотонными, линейными) и с геометрическими мотивами. Керамика с простыми мотивами составляет 62,5%, с геометрическими – 37,5%. Среди простых орнаментальных мотивов наиболее распространенными является горизонтальная полоса наклонных оттисков штампа, горизонтальные зоны из многорядных наклонных оттисков штампа, горизонтальные полосы из вертикально поставленного штампа, горизонтальный и вертикальный зигзаг. Геометрические мотивы разнообразны и оригинальны, но также создают несколько групп близких мотивов. Наиболее часто встречаемыми являются косая сетка, горизонтально вытянутые цепочки ромбов, мотивы из полых или заштрихованных треугольников, различные варианты «лесенок» – вертикальные, наклонные, горизонтальные, шевроны – прямоугольные, трапециевидные, многоугольные. Особо следует отметить орнамент, изображающий «уточек». Такие сосуды встречены на Путиловской заимке, Латочке, Суртанды VIII, Абселямовской, Ишкиновке I. Изображения могут быть более реалистичны или стилизованы, однако все они отражают движение плывущих слева направо птиц. Своеобразным «эталоном» южноуральского геометризма является «сотовый» орнамент, встречающийся очень редко. Веревочная керамика Южного Зауралья очень фрагментарна, реконструировать сосуды пока не удается. Она имеет некоторые особенности в морфологических характеристиках. Орнамент веревочной керамики относится к простым: горизонтальные полосы наклонных и вертикальных оттисков, горизонтальные линии, вертикальный зигзаг.

Основным критерием отнесения археологического комплекса к энеолитическому времени является присутствие свидетельств металлургии или металлообработки меди в сочетании с традиционной каменной индустрией. На территории Зауралья известно около 20 памятников, при раскопках которых обнаружены предметы из химически чистой меди или следы металлургии меди. Ножи найдены на стоянках Кысы-Куль, Няшевка II, Чебаркуль IV, Карагайлы I, Янышка, М. Липовой X. Изделия выполнены с помощью ковки. Стандартизация ножей отсутствует, они различаются по размерам, форме рабочей и рукояточной части. Медные шилья встречены на стоянках Чебаркуль Ха и Карабалыкты IX. В погребении у поселка Дружный были зафиксированы два медных колечка с несомкнутыми концами, диаметром 11 мм. Кроме готовых изделий, на стоянках Суртанды VI – VIII, Латочка, Мурат, М. Липовой X, Путиловская Заимка и др. обнаружены

остатки металлургического производства: медные пластинки, слиточки, сплески и капли меди. На стоянке Бурли II найдены кусочки медной руды. Кроме этого, встречаются фрагменты энеолитической керамики со следами металлургии в виде капелек меди или ошлакованности на внутренней поверхности. Как правило, это обломки небольших сосудов, поверхность их от воздействия высокой температуры видоизменена и имеет белесый цвет и шероховатость. Спектральный анализ образцов показывает, что медная основа составляет в подавляющем большинстве случаев 99% и 1% распределяется между естественными примесями. Эти данные отчетливо характеризуют начальный этап металлургического производства в Южном Зауралье. Особо следует обратить внимание на артефакты, связанные непосредственно с металлургическим производством. Это фрагменты керамики, на внутренней стороне которых сохранились прикипевшие капельки меди и шлак. Остатки таких сосудов были найдены на стоянках Банное I, Путиловская заимка, Осинный остров III, Аргази VII, Березки Vv. Кроме того, встречаются фрагменты сосудов, которые были использованы в металлургическом производстве, но на них не сохранились остатки меди и шлака, зато они приобрели характерный внешний вид – шероховатую выжженную поверхность и светло-серый белесый цвет. Такая керамика встречена на Банном I, Путиловской Заимке, М. Липовой X, Березках II и V, острове Шатанов на озере Иртяш. Появившиеся в энеолите зачатки металлургии и металлообработки меди не нарушают процесс эволюции каменного инвентаря и полностью вписываются в общую картину развития материальной культуры.

Погребение раннего неолита в Волго-Уралье найдено на стоянке Чекалино IV. Погребена женщина в сильно скорченном положении на правом боку с руками, подложенными под голову. Ориентировка костяка – северо-западная. Инвентаря при костяке не было, если не считать небольшой кремневой пластины у основания черепа.

Еще одно неолитическое погребение обнаружено на полу котлована стоянки Лебяжинка IV. Поза погребенного – вытянутая на спине, руки сложены на тазобедренных костях, череп повернут лицом на восток. Костяк ориентирован на север. Погребальный инвентарь представлял собой камень, лежащий у черепа, подвеску под черепом, костяной гарпун, располагавшийся у локтевого сустава, оселок, лежащий у правой ноги. У левой ноги лежали развал плоскодонного сосуда, украшенного ямочно-жемчужным пояском, обломки панциря черепахи, костяные изделия: кинжал, проколка и подвеска. Важными представляются выводы А.А. Хохлова

относительно принадлежности описанных костяков к представителям древнеуральской расы.

Давлекановское погребение обнаружено на одноименном поселении и датируется, вероятно, поздним неолитом. Оно располагалось в основании культурного слоя, могильная яма отсутствовала. Захоронение принадлежало взрослому мужчине, положенному на правый бок в скорченном состоянии головой на северо-запад, слегка присыпанного охрой. Сопровождающий инвентарь состоял из двух скребков, лежавших в области груди и головы, и двух пластинок у колен. По определению М.М. Герасимова, здесь захоронен долихокранный европеоид (с относительно высоким лицом и орбитами) с небольшой примесью монголоидных черт. Погребение на р. Сюнь располагалось на развеевной дюне. Костяк принадлежал мужчине 20 – 25 лет. Погребенный лежал на спине, головой на юго-восток, при нем находился костяной наконечник копья, 7 кремневых наконечников из пластин, обработанных краевой ретушью, скребок, клыки медведя и лисицы. Погребение отнесено к раннему неолиту [История Самарского..., 2000; Неолит..., 1996].

В Южном Зауралье было исследовано несколько погребений. На юге лесной зоны раскопано два захоронения каменного века на острове Большой Вишневый Аргазинского водохранилища. Известны четыре погребения из горно-таежной части Южного Урала: погребение в гроте у Каменного кольца и три погребения в пещерах на р. Юрюзань. На границе лесостепной и степной зон Южного Зауралья известно энеолитическое захоронение у поселка Дружный. Еще одно погребение энеолитического времени было зафиксировано при раскопках могильника эпохи бронзы Александровский IV, расположенного на р. Большая Караганка в степной зоне Южного Зауралья. Таким образом, в Южном Зауралье известно 7 погребений, относящихся к нео-энеолитическому времени. Среди этих погребений 4 – вытянуто на спине, 3 из них с инвентарем; 2 – скорченно на боку с сосудами, одно из них с металлом; одно неполное трупосожжение. Все энеолитические погребения, которые можно отнести к кысыкульско-суртандинской культуре, скорченные на боку или спине, в погребении обязательно находится сосуд и металлические изделия. Погребения, вытянутые на спине, ввиду отсутствия керамики очень трудно культурно идентифицировать. А.Ф. Шорин и Т.И. Нохрина, обобщая более 30 погребальных добронзовых комплексов Урала, констатировали те черты погребальной практики, которые свойственны энеолитическому населению Уральского и Западно-Сибирского регионов, а если рассматривать шире, то и всей северосибирской зоны. Особенно заметно сходство погребальной обрядности в комплексах лесной зоны Поволжья и

Урала. Для них характерны: 1) сочетание традиций устройства коллективных грунтовых могильников и одиночных захоронений в неглубоких ямах при явной доминанте последних; 2) периодическое использование камня в виде каменных завалов могил, каменных ящиков и колец-оград вокруг могил, отдельных камней над могилами как реперных надмогильных знаков; 3) локализация захоронений на территории поселений, в жилищах, возможно, заброшенных ко времени погребения; 4) абсолютное господство захоронений в вытянутом положении на спине; 5) использование охры в погребальном ритуале; 6) большая роль в погребальном обряде огня, в частности, полное или неполное сожжение трупов; 7) сопровождение покойника обычно личными украшениями, реже наконечниками стрел или кремневыми орудиями; 8) отсутствие в погребальном инвентаре сосудов; 9) неординарные захоронения головы или, наоборот, только одних голов, отдельные захоронения в необычных позах (вертикально, «сидя на корточках», на животе с вытянутыми ногами и т.д.) [Шорин, Нохрина, 2000] (Рис. 28).

Хронология неолитического и энеолитического времени Южного Урала основана на радиоуглеродных датах, полученных при анализе угля и костей животных из культурных слоев и сооружений исследованных стоянок, а также фрагментов керамики разных типов, которые соотносятся с теми или иными археологическими культурами. Наиболее древние даты для неолитических памятников региона были получены на юго-западе Предуралья по керамике елшанской культуры, которая открывает неолитическое время около 8 тыс. лет назад. Самая древняя дата для елшанской неорнаментированной керамики – 7930 ± 90 лет назад. Однако основная масса радиоуглеродных дат для неолита Волго-Уралья, Предуралья, Прикамья и Зауралья укладывается в промежуток от 7 до 5 тыс. лет назад. Так, накольчатая и зубчатая керамика, составляющие основу при выделении верхневолжской и волгоуральской культур, имеют даты от 6320 ± 90 до 5780 ± 100 и от 6160 ± 100 до 5360 ± 90 лет назад соответственно. В Прикамье накольчатая и гребенчатая керамика датируется от 6620 ± 90 до 5755 и от 6290 ± 80 до 5170 ± 90 лет назад соответственно. По гребенчатой керамике камского типа с поселения Муллино получено две даты: 6290 ± 80 (Ki-15638) и 6170 ± 80 (Ki-15639) лет назад [Выборнов, 2008].

В Зауралье, по имеющимся к настоящему времени радиоуглеродным датам, наиболее ранней является кошкинская керамическая традиция – 6620 Ki-15638260 (AE-2998) стоянка Исток IV. Позднее датируются козловско-полуденская – 6095 ± 80 (Ki-15644) керамика стоянки Краснокаменка и боборыкинская с поселения Ук VI – 5960 ± 80 (Ki-15063). В целом, средневолжская, волго-ураль-

ская, камская, кошкинская, боборыкинская, козловско-полуденская культуры неолита Предуралья и Зауралья значительный отрезок времени сосуществовали. Наступление энеолитического времени в Предуралье маркируется появлением воротничковой керамики. Самая ранняя дата — 5560 ± 90 (Ki-14432) получена на керамике стоянки Сауз II. В Зауралье энеолитический комплекс керамики поселения Кочегарово I датируется 5220 ± 80 (Ki-15544), хотя это и не самая ранняя дата для зауральского энеолита.

О хозяйстве неолитического и энеолитического населения Южного Урала мы можем судить по сохранившимся остеологическим материалам и данным трасологии орудий. В неолитических слоях стоянок Предуралья встречаются кости дикого тура, лося, косули, дикой лошади, медведя, сайги, благородного оленя, бобра, куницы, черепахи и рыбы. Такой пестрый состав фауны свидетельствует об эксплуатации неолитическим населением разных экологических ниш. Вместе с ресурсами, связанными с рекой и пойменными лесами, видимо, активно стала разрабатываться и зона остепненных плакоров. Кучи створок раковин, отсутствующие на мезолитических стоянках региона, дополняют картину рациона питания населения раннего неолита и говорят о возникновении на определенном этапе специфического собирательства, связанного с водоемами и характерного для многих европейских неолитических культур.

Эксплуатация различных экологических ниш вмещающего ландшафта Предуралья могла происходить только в сезонном ритме, поскольку все они функционируют строго циклично. С одной стороны, это обстоятельство предполагает наличие у населения сезонного планирования хозяйственной деятельности, с другой — в значительной мере объясняет существование особой поселенческой модели, не предусматривающей долговременного проживания на одном месте. Большое количество орудий деревообработки свидетельствует об активном изготовлении населением неких деревянных конструкций, которыми, при отсутствии долговременных жилищ, могли быть орудия охоты и рыбной ловли, транспортные средства. Появление керамической посуды говорит о принципиально иных, по сравнению с предыдущей эпохой, способах переработки и хранения пищи. Исходя из предложенных адаптационно-хозяйственных характеристик можно сделать вывод о том, что раннеэнеолитический период характеризуется отчетливыми признаками складывания хозяйства, базировавшегося на охотничье-рыболовецкой модели интенсивного типа с элементами собирательства [*История Самарского...*, 2000].

В энеолитический период истории лесостепного населения Южного Предуралья проявляются начальные этапы производящей экономики. Данные по поселенческим памятникам подтверждают вывод о развитии скотоводства у населения самарской и хвалынской культур, хотя охота и рыболовство, особенно в лесостепи, еще занимают видное место в хозяйстве населения. О том, что скотоводство являлось ведущей формой хозяйственной деятельности у племен самарской культуры, говорят и факты преимущественного использования образов домашних животных в ритуальных целях. Можно говорить о сочетании в скотоводческом хозяйстве населения Волго-Уралья двух традиций. Одна из них связана с разведением мелкого рогатого скота, видимо, заимствованного из районов Восточного Прикаспия, другая — с разведением крупного рогатого скота, широко распространенного в культурах Северного Причерноморья. Примерно равное соотношение крупного и мелкого рогатого скота в составе стада на памятниках бассейна р. Самары, вероятно, отражает высокий уровень культурных взаимодействий населения с миром евразийских степей, главным содержанием которых являлся постепенный переход от присваивающих к производящим формам хозяйства. Среди других видов хозяйства заметное место занимают обработка камня и изготовление костяных и роговых орудий труда. Камень и кость служили основным поделочным материалом на всем протяжении эпохи неолита и энеолита. Кость использовалась для производства как самостоятельных орудий, так и составных. Среди костяных предметов определены орудия для обработки земли, скотоводческие орудия типа кинжалов для закалывания скота, орудия охоты (наконечники стрел и копий) и рыболовства (гарпуны, кочедыки для плетения сетей), а также всевозможные формы шильев, шпатели для керамики, украшения и др. [*Моргунова*, 1995].

В горных районах Южного Урала и Зауралье можно предположить, существовало несколько вариантов хозяйственного освоения вмещающего ландшафта. Кратковременные стоянки в горной части, которые зафиксированы в гротах и пещерах: грот Археологов и Ташмуруновский — на р. Белой, Бурановская — на р. Юрюзань, пещера Туристов — на р. Чусовая и т.д., содержат очень немногочисленный, типологически бедный орудийный набор и, как правило, незначительное количество фрагментов керамики. Такой состав коллекций закономерен, поскольку это места, которые целевые группы охотников посещали на короткий период зимой, для охоты на пушного зверя, боровую дичь, крупных лесных животных. Набор, необходимый для одного или двух месяцев зимней охоты, очень ограничен и функционален. Здесь не изготавливали ору-

дий, в лучшем случае — ремонтировали или просто бросали испорченные. Отщепы и чешуйки — это, скорее всего, результат использования кресал для добывания огня. Кости животных из культурного слоя очень мелкие, раздробленные, поскольку мясо съедали сами охотники, а кости отдавали собакам. И если на таких стоянках встречаются более многочисленные находки, значит, это место посещали в течение очень долгих лет.

Стоянки-поселения в предгорной зоне на озерах и реках, которые заселялись на период с весны до осени, содержат многочисленный и разнообразный инвентарь, поскольку одновременно реализовывались различные направления хозяйственной деятельности — охота, рыболовство, домашние промыслы, изготовление орудий, охотничьего снаряжения, заготовка продуктов на зиму. Кроме того, на этих поселениях делался запас заготовок кремневого инвентаря на зиму — весну, если эти поселения располагались рядом с местами богатыми кремнистым сырьем: памятники на озерах Суртанды, Узункуль и т.п. Коллекции каменного инвентаря содержат полный технологический цикл — от заготовок до использованных орудий. При этом богатство сырьевых ресурсов не обязательно должно выражаться в коренном залегании кремнистых пород по соседству со стоянкой, это могли быть или базальные горизонты террас с кремневым галечником, или косовые отложения, или остаточный галечный кремль на размытой древней поверхности.

На стоянках холмисто-увалистой лесостепи, где осенью велась охота на копытных, инвентарь может быть количественно немногочисленным, но разнообразным, например, на таких стоянках, как Краснокаменка или Агаповка. Здесь практически нет сырьевой базы в изначальном виде, но присутствуют этапы технологической цепочки изготовления и использования орудий. На этих стоянках орудия делали из принесенного с собой небольшого количества плиток или галек кремня и яшмы, которые брали на соседних (10 — 40 км) территориях предгорий. В таком варианте сырьевые запасы срабатывали полностью, используя при этом экономичные технологии, в частности, на основе применения микропластин, а также используя все более-менее пригодные местные породы камня. В пределах стоянок частично производили орудия охоты и домашнюю утварь, обрабатывали шкуры и т.д. В лесостепной зоне по рекам южнее Нейвы таких памятников пока неизвестно, но вероятность их открытия велика, поскольку дикая лошадь встречается в фауне среднего голоцена в атлантический и суббореальный периоды по всему лесостепному Притоболью. Также вероятно, что в силу большей облесенности этой территории в охоте на копытных здесь преобладали косуля и лось, что и нашло свое выражение в

писаницах, хотя некоторые изображения, вероятно, можно связывать и с лошадью.

Вмещающим ландшафтом было органичное сочетание горно-лесных районов основных хребтов, лесо-лесостепных восточных предгорий и холмисто-увалистой лесостепи зауральского пенепплена и части прилегающей территории Западно-Сибирской низменности. Хозяйственное освоение этого «месторазвития» осуществлялось сезонным передвижением общин целиком или отдельных хозяйственных и целевых групп по определенному замкнутому циклу: горно-лесная зона — предгорья — лесостепь. Разнообразие ландшафтной ситуации и богатых природных ресурсов позволяло осуществлять стабильную хозяйственную деятельность, включавшую охоту на лесных животных — лося, косулю, медведя и т.д., и лесостепных — лошадь, тура; рыболовство на предгорных озерах и реках; сбор грибов, ягод и других полезных растений. Комплексное присваивающее хозяйство обеспечивало долговременное устойчивое существование человеческих коллективов и плавную эволюцию материальной культуры, по крайней мере, от позднего мезолита до энеолита включительно.

Кардинальные изменения, которые начали происходить в природе Южного Урала с окончательным отступлением ледника, коснулись не только материальной основы жизни людей, изменялись само общество и его мировоззрение. Глубокое, темное пространство пещер, где в палеолите проводили обряды инициации, теперь представляется так же, как и глубина рек и озер, — потусторонним миром, куда уходят умершие. Старые обряды заменяются новыми, связанными с отражением обновленного мира; они должны помогать охотникам в их повседневной жизни.

К началу неолита мы видим уже новое общество с мировоззрением, частично дошедшим до нас в образах писаниц, орнаментах на керамических сосудах, остатках святилищ. На Южном Урале наскальные рисунки, которых известно около 30, расположены по берегам рр. Юрюзань, Ай, Белая, Зилим, а также на озерах Большой Аллак и Аргази.

Большинство писаниц Южного Урала найдены на рр. Ай — 8 и Юрюзань — 10. Ваняшкинская I писаница находится в 3 км к северо-востоку от с. Ваняшкино на правом крутом берегу реки Ай. Светло-красной краской на скалу нанесены два рисунка копытных животных с пятнами по туловищу, сетка с точками, вертикальные зигзаги, фигуры ромбов и человеческая фигурка с хвостом или фаллосом. В километре ниже по течению реки расположена еще одна писаница — Ваняшкинская II, на которой можно видеть двойную дугу с отростками, фигуру птицы с поднятой головой, геометрические фигуры и различные пятна краски. Еще две инте-

ресные писаницы р. Ай — это Айская группа и Кульметовская. Айская группа расположена в 1 – 1,5 км вниз по реке от села на правом берегу реки. Здесь можно видеть рисунок птицы, двойные вертикальные зигзаги, фигуру копытного животного, человекообразное изображение, вертикальные отрезки, неопределенные пятна, и геометрические рисунки.

Интересны наскальные изображения р. Юрюзань возле Идрисовского урочища — Идрисовская I, II и III. Здесь выделяются три группы изображений. В первой группе нарисованы два необычных животных. У фигуры, расположенной слева, четыре ноги, одна из которых несоразмерно длинная, внутри туловища три наклонные линии, обозначающие ребра, а наверху — треугольник. Справа — похожая фигура, но с тремя ногами, корпус пересекает горизонтальная линия с наклонными отрезками, от спины уходит вверх зигзаг, пересекающий тело первого животного, — на голове — одно длинное ухо. Рядом с фигурами нанесен вертикальный зигзаг и V-образный символ. Во второй группе рисунков — фигура косули, птица с подпрямоугольным контурным туловищем, по пропорциям похожая на утку, а также вертикальные волнистые линии. Слева от косули ромбовидная фигура с вписанным внутрь маленьким ромбом. Третья группа — справа от утки, и содержит три вертикальные линии.

Широко известна Бурановская писаница, расположенная на левом берегу р. Юрюзань. Наибольшую сохранность имеют фигура копытного животного и дугообразные линии с отростками. Вторая группа рисунков расположена выше, под навесом, который хорошо закрывает от дождя площадку под ним и плоскость скалы с рисунками. На высоте 2,4 м над землей нарисована фигура косули, а ниже — птица с длинным клювом. Туловище птицы овальное, приостренное к хвосту; крылья переданы двумя короткими отрезками, направленными наклонно вверх, одним отрезком смоделированы лапки. Слева от рисунка птицы и чуть ниже него сохранились изображения прямоугольных знаков в виде решетки. В одном метре ниже фигуры птицы нарисован горизонтальный зигзаг с семью пиками. Между птицей и зигзагом расположены плохо сохранившиеся пятна краски. Наиболее яркими являются изображения копытного и птицы, все остальные бледнее. В 4,5 м от птицы видны рисунки фигуры, напоминающей ромб.

На левом берегу р. Юрюзань была найдена Усть-Катавская писаница. Лучше всего сохранились три фигурки косуль. Туловище животных передано контуром, шея и голова смоделированы одной линией, у каждой из косуль нарисовано по два уха. Выше косуль видны фрагменты краски от уже разрушенных изображений.

В.Н. Чернецов считал, что в представленных на писаницах сюжетах отражена календарность и коллективность обрядов, связанная с различными аспектами охотничьей и промысловой магии. Один из сюжетов наскальных изображений содержит изображения копытного животного: лося, оленя, косули или, возможно, лошади в сочетании с солярным знаком и изображением небосвода и часто с изображением ловчих орудий и сооружений. Такие рисунки могут быть объяснены как животное, попавшее в ловушку. Здесь же может быть изображение человека у охотничьей изгороди, которая нарисована в виде зигзагов с отростками, рядами вертикальных штрихов, решеткой или сеткой.

Другой сюжет содержит изображения водоплавающих птиц в сочетании с загородками, ловушками и иногда — с солярными и небесными знаками. Этот сюжет аналогичен первому, но ориентирован не на копытных животных, а на птицу. Основан он был на том, что в период линьки, когда птица лишена возможности летать, она тысячами стаями собиралась на озерах, где и становилась добычей охотников. Предварительно устанавливались загородки в заливах, на протоках или в удобных частях берега. Иногда применялись сети. Часть охотников на лодках, а на мелких озерах — и вброд, криками и палками сгоняла гусей и уток с озера, а другая, расположившись в укрытиях по берегам, не давала птице прорваться в стороны, направляя ее в загоны, где птица и забивалась. Описанные выше сюжеты очень близки между собой и различаются лишь объектами охоты — животные или птицы.

Основные компоненты этих изображений едины — это рисунки объектов промысла, изображения загородок и ловушек, солярные и небесные знаки, фигуры людей. При этом следует подчеркнуть единообразие композиционной схемы, по существу единой для всей территории распространения уральских наскальных изображений, чему, вероятно, и соответствовала однородность связанных с ними обрядов и представлений. Третий сюжет характеризуется почти полным отсутствием реалистических изображений животных и наличием условно антропоморфных и антропозооморфных фигур.

В целом, все уральские писаницы отражают коллективность мероприятий как в области промысла, так и культа. Магические действия должны были способствовать привлечению добычи в ловушки и удержанию ее там, а также весеннему оживанию природы и идее размножения. Обряды были связаны с календарем и проводились в определенное время. Следует лишь добавить, что сюжеты уральских писаниц, связанные с промысловой магией и культом животных, имеют параллели в обрядовых праздниках башкир «айюу туйы»

(медвежье пиршество), «карга бугкаһы» (воронья «каша») и др., направленных на удачную охоту, умилостивление тотемных животных, весеннего оживления природы, воспроизводство поголовья охотничьих животных.

То, что уральские писаницы являлись частью святилищ и связаны с проведением обрядов, подтверждается находками, обнаруженными во время раскопок на площадках около наскальных изображений. На Южном Урале археологические материалы получены у писаниц на озере Большой Аллак, Араслановской на р. Уфе, Идрисовских на р. Юрюзань и других. Наиболее богатые находки обнаружены под основной группой рисунков Аллакской писаницы, расположенной на юго-восточном берегу озера Большие Аллаки, на скальных выходах в виде «каменных палаток». В одной группе рисунков изображены антропоморфные существа, большинство из которых с раздвоенной головой, остатки сетчатых мотивов, знаки в виде гребенки и ромбов, а также неопределенные геометрические фигуры. В другой — группе изображения животных, похожие на оленей или косуль в сочетании с многочисленными зигзагообразными и сотовыми фигурами, начинающимися загородки и ловушки.

Первые раскопки на небольшой площадке в 8 кв.м у Аллакской писаницы провел в 1914 г. В.Я. Толмачев, затем в конце 60-х гг. XX века был заложен раскоп В.Т. Петриным уже площадью в 20 кв.м. Во время раскопок была получена коллекция из нескольких сотен разнообразных предметов из камня, глины, металла и кости. Только различных наконечников было собрано более 100 экземпляров. Все они находились не далее 1,5 м от скалы, причем многие из каменных наконечников сломаны или имеют характерный скол на острие, а кончики бронзовых наконечников погнуты, что является неоспоримым свидетельством того, что в скалу с рисунками стреляли из луков. Наконечники стрел из кремня и яшмы различных типов и разного времени. Так, часть стрел была сделана из пластинок в виде геометрических микролитов — трапеций и время их существования на Урале — от мезолита до энеолита. Другой тип наконечников — так называемые «кельтеминарские», основной район распространения которых от Арало-Каспия до Урала. Они,

в основном, использовались в неолите и энеолите. Наконечники из кремня, обработанные ретушью с двух сторон, бытовали также в неолите и энеолите. Бронзовые литые наконечники уже относятся к раннему железному веку, к скифскому времени от 7 до 3 вв. до н.э. Найденные фрагменты керамики относятся как к эпохе камня, так и к бронзовому веку.

В гроте у Кульметовской писаницы обнаружен комплекс находок от эпохи камня до раннего железного века. В коллекции в основном представлены фрагменты керамических сосудов, обломок бронзового копья, каплевидная подвеска из кости с нарезками. В небольшом зале за осыпью находилось погребение взрослого человека, в отложениях грота также зафиксированы остатки еще двух погребенных — ребенка с подсыпкой из охры и взрослого. Вместе с этим найдено большое количество костей животных, среди которых преобладали кости косули, так часто изображаемой на наскальных рисунках.

Раскопки под рисунками Идрисовской II писаницы позволили выявить разновременные археологические остатки: фрагменты керамики, изделий из камня, кости животных, а также кость ребенка и два фрагмента человеческого черепа. Возле Бурановской II писаницы были найдены фрагменты сосудов эпохи камня и бронзового века. Как уже говорилось, археологические остатки есть у большинства писаниц.

Все имеющиеся факты приводят к выводу, что наскальные изображения — писаницы и площадки возле них использовались как святилища для проведения обрядов охотничьего культа от эпохи камня до средневековья. В рисунках на скалах и обрядах, проводимых здесь, вероятно, отражена идея возрождения природы, воспроизводства поголовья охотничьих животных, удачной охоты, благополучия людей, и календарность обрядов. Существовавшие святилища объединяли не только людей одной общины и рода, охотившихся на этой территории, но и соседние родственные коллективы, порой достаточно удаленные, принадлежащие разным более крупным объединениям — сообществам, имевшим отличные родовые традиции, то есть святилища могли быть и межобщинными, и межродовыми.

ИСТОРИЧЕСКИЙ БАШКОРТОСТАН В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БРОНЗОВОГО ВЕКА

Археологическая периодизация имеет технологические основания, и второй крупный период именуется «эпохой бронзы», или «бронзовым веком». Однако содержание этого важнейшего хронологического отрезка истории человечества никак не может быть сведено к простой формуле «открытие металлов = новый этап». Да и по поводу хронологии периода имеются заметные разногласия. Неравномерность развития отдельных территорий, заметная уже в неолите, обретает ярко выраженные формы в эпоху бронзы [Koryakova, Epimakhov, 2007]. Отчасти это было обусловлено относительной редкостью доступных залежей медных руд, а много тысячелетий понадобилось для усвоения технологии выплавки даже в тех местах, которые благодаря своим минеральным богатствам стали крупными производящими центрами [Рындина, Дегтярева, 2002]. К их числу может быть отнесен и Урал, получивший свою металлургическую славу более пяти тысяч лет назад.

Однако до обращения к местным реалиям следует кратко обозреть Евразийское пространство. Дело в том, что уральский бронзовый век не может и не должен изучаться вне широкого культурно – исторического контекста, поскольку за редким исключением археологические культуры эпохи бронзы включены в обширнейшие системы связей – родственных, экономических или идеологических. Часть авторов говорит о сложении мир-системы [Frank, 1993], другие более осторожны в терминологии, но описывают, по сути, ее отдельные сегменты как части единого пространства, объединяющего территории от степной части Северной Евразии [Черных, 2008] до Евразийского пространства в целом [Гринин, Коротаев, 2009. С. 30].

Археология, оперирующая понятием «археологическая культура», давно уже вышла за эти рамки, предлагая для бронзового века более широкие территориальные и хронологические термины – «общность», «область», «блок культур» и пр. Эта тенденция обрела терминологическое оформление в виде концепции металлургических провинций [Черных, 1970 и др.]. В рамках каждой из провинций были объединены памятники со сходными традициями металлургии и металлообработки. В границы таких территорий входили и производящие центры, и зоны-потребители продукции. Масштабы наиболее крупных провинций, минимум две из которых имели прямое отношение к Южному Уралу, впечатляют. Ранний этап развития металлургии меди (III тыс. до н.э.) связан на нашей территории с Циркумпонтийской провинцией, включавшей степную и лесостепную часть Восточной Европы, а также пространство вокруг Черного моря. Площадь в пять миллионов квадратных километров объединяла мир оседло-земледельческих культур (в том числе и ранние государственные объединения – Шумер, Аккад, Вавилон и др.) и радикально отличающийся от него мир скотоводческих «курганых» культур [Черных, 2007. С. 36]. Несмотря на очевидную разницу в материальной культуре, уровне социального развития и облике системы жизнеобеспечения, очерченная территория характеризуется сходным набором традиций металлопроизводства и обликом изделий.

Одним из важнейших центров добычи руды и производства становится Каргалинский очаг, расположенный в Оренбуржье [Черных, Исто, 2002 и др.]. С точки зрения археологической терминологии, речь идет о носителях традиций ямной культурно-исторической общности [Богданов, 2004; Моргунова, Кравцов, 1994 и др.], ныне хорошо представленной курганными памятниками степной зоны. Именно с этой группой следует связывать широкое

распространение навыков животноводства, добычи руды, изготовления металлических орудий. Вероятно, к северу и востоку от ямной ойкумены продолжали существовать охотники и рыболовы, находившиеся на энеолитическом технологическом уровне. Процесс массового перехода к производящим формам хозяйства (с преобладанием комплексного животноводства) пришелся на следующее тысячелетие, когда ими овладели жители лесостепной и даже южно – таежной зон.

На смену Циркумпонтийской провинции пришла еще более масштабная по площади (около восьми миллионов квадратных километров) – Евразийская. Ее границы расширились к востоку вплоть до Алтая (и даже Синьцзяна) [Черных, 2007. С. 73 – 75 и др.]. Правда, на юге ее зона не выходила за пределы Предкавказья и Тянь-Шаня. Вновь Урал оказался одним из важных центров сложения и функционирования этой системы, несмотря на то, что изменились источники руды и химический состав руды. Многочисленные древние выработки обнаружены по обе стороны Уральских гор [Зайков и др., 2005; Сальников, 1967; Черных, 1970 и др.], в изобилии следы местного производства на поселениях и даже в могильниках бронзового века.

Период II – начала I тыс. до н.э. может быть разделен на ряд этапов: абашевско-синташтинский, срубно-андроновский, межовско-саргаринский. В этих наименованиях отражены ключевые культуры региона, определившие его облик. Их соотношение установлено на базе наблюдений за стратиграфией, эволюцией материальной культуры и радиоуглеродного датирования [Епимахов и др., 2005; Епимахов, 2007]. Эта периодизация согласуется со схемой, предложенной Е.Н. Черных [Черных, 1978], и в дальнейшем она модифицировалась только в части абсолютных цифр [Черных и др., 2000].

Судьбоносным для местного населения стал упомянутый выше переход к производящим формам хозяйства, импульс которого исходил из степной зоны. Усвоение навыков животноводства оказало прямое влияние на демографические параметры, высвободило часть рабочих рук для деятельности, требующей более высокой квалификации. Проблема выявления следов земледелия для бронзового века на протяжении многих лет остается предметом дискуссий. Некоторые косвенные данные не исключают такую возможность, но роль отрасли в системе жизнеобеспечения, видимо, не была высока. О включении в рацион растительных продуктов говорит анализ пригаров на сосудах, отдельные палеоботанические находки [Гайдученко, 2000; Зданович,

2002 и др.] и ряд орудий, (последние, впрочем, могли иметь разные функции).

Увеличение населения, включение в систему внешних связей усложнили и социальную практику. Это, наряду с другими факторами, привело к выделению элитной группы. Однако уровень социальной неоднородности, о котором можно судить в основном по различиям в погребальной обрядности, вряд ли был очень высоким. На протяжении бронзового века менялся не только уровень сложности социальной структуры, но также ее формы и проявления – крупные курганы, требовавшие в процессе возведения объединения усилий коллектива; укрепленные многосложные поселения, сооружение которых было невозможно без координации деятельности строителей и пр.

Эти и многие другие заключения сегодня опираются на мощный фонд источников, относящихся к южно – уральскому бронзовому веку. Огромное количество известных памятников бронзового века – почти целиком заслуга специалистов, работавших в течение последних пятидесяти лет. Хотя первые научные сведения о местных древностях начали поступать не позднее середины XIX в. (Р.Г. Игнатъев, А.Н. Зырянов и др.), раскопки, особенно профессиональные, были крайне редки (А. Гейкель, В.Я. Толмачев) [АКБ, 1976, С.5–11; Виноградов, 1993; Григорьев, 2002; Обыденнова, 2002 и др.]. Следует отметить, что деятельность статистических комитетов сводилась в основном к собиранию информации (нередко формальному), да и губернские Ученые архивные комиссии (для южной части Урала можно упомянуть Оренбургскую) и общества (например, Уральское общество любителей естествознания) не располагали серьезными средствами и кадрами для планомерных и профессиональных исследований. Сказывалась и удаленность региона от университетских центров, ближайший из которых располагался в Казани. Тем не менее, усилиями энтузиастов накопились коллекции, создавались первые музеи, систематически публиковались результаты работ.

Говорить о научных достижениях в изучении бронзового века в XIX – нач. XX вв. не приходится – наука делала лишь первые шаги к накоплению материалов. В этом нет ничего удивительного: на фоне ярких памятников раннего железного века и средневековья небольшие курганы и поселения без следов фортификации выглядели не слишком выигрышно. Мало что меняли визиты профессиональных столичных археологов Императорской археологической комиссии и Императорского археологического общества.

К числу немногочисленных исключений может быть отнесена активная деятельность чиновника переселенческой конторы Н.К. Минко в Челябинске и его окрестностях. Им было исследовано более ста курганов, в большей частью относившихся к эпохе бронзы, точнее, к выделенным позже алакульской и федоровской культурам. Дело было, естественно, не в особом пристрастии автора раскопок к эпохе бронзы, а в многочисленности именно этих памятников, подвергавшихся к тому же активному разграблению [Божье, 2005].

Годы революции и Гражданской войны мало изменили ситуацию — археологическое изучение края оставалось уделом немногих энтузиастов, несмотря на постепенное формирование исследовательских центров, таких например как Научное общество по изучению быта, культуры и истории Башкирии. За пределами национальных автономий проводились эпизодические раскопки. Так, вслед за Н.К. Минко, пропавшим без вести при возвращении с войны, к причелябинским курганам обратился С.Н. Дурылин, предпринявший попытку их сопоставления с материалами раскопок в европейской части России [Виноградов и др., 2003]. Достойна упоминания и комплексная экспедиция АН СССР под руководством С.И. Руденко, работавшая в 1926 — 1927 гг. на территории Башкирии [Обыденнова, 2002, С. 50]. Переломными во всех отношениях стали 1930-е гг. — время утверждения марксистской методологии в науке, формирования местных кадров, резкого расширения объема раскопок за счет исследований в зоне строительства железных дорог, гидроэлектростанций и т.д. Не менее важно, что в этот период начинаются полевые исследования ключевых памятников бронзового века — Алексеевского комплекса [Кривцова-Гракова, 1947], Алакульского и Федоровского могильников [Сальников, 1940; Сальников, 1952], поселения Баланбаш [АКБ, 1976, С. 7] и др.

Годы Великой Отечественной войны не остановили осмысления накопленных материалов. Более того, эвакуация столичных научных учреждений стала дополнительным стимулом в этом процессе. Однако подлинный расцвет изучения бронзового века приходится на период после I Уральского археологического совещания (1947 г.), которое подвело итоги проделанной работы и определила программу действий на ближайшие годы. Именно тогда К.В. Сальниковым впервые была сформулирована периодизация зауральских памятников бронзового века, на долгие годы определившая интерпретации материалов с территории Урала и Казахстана [Матвеев, 1998]. Столь же активно развивается и полевое

изучение памятников бронзового века, чему способствовала организация экспедиций столичных специалистов (в частности исследования А.В. Збруевой, К.Ф. Смирнова и др.). Первоочередной задачей стало сплошное обследование территорий и исследование разрушающихся памятников. Это существенно пополнило информацию о составе и характере объектов бронзового века, создало предпосылки для перехода к монографическому изучению отдельных культур, положило начало формированию собственных кадров — специалистов по бронзовому веку.

Если обратиться к тематике исследований, то окажется, что специалисты по изучению бронзового века на протяжении длительного периода (вплоть до 1990-х гг.) были сосредоточены почти исключительно на вопросах хронологии и периодизации культур, проблемах культурогенеза и этнической атрибуции [Яминова, 1999]. Только в рамках монографических работ, наиболее яркой из которых остается монография К.В. Сальникова «Очерки древней истории Южного Урала» [1967], были освещены проблемы экономики и отчасти социальных отношений. Оставались дискуссии по вопросам первичной интерпретации археологических материалов, к тому же представленных явно в недостаточном объеме, поэтому трудно было ожидать углубленного и всестороннего рассмотрения темы.

Главным организационным событием 1970-х гг. стало формирование региональных исследовательских центров, значительная часть которых оказалась ориентированной на исследование бронзового века. Однако было бы несправедливым не упомянуть о вкладе в изучение уральской древней металлургии группы под руководством Е.Н. Черных в Институте археологии АН СССР, первые работы которой пришлось на 1960-е гг. Кроме того, был предложен новый вариант периодизации [Черных, 1970; 1978] и «длинный» вариант хронологии с привлечением западной «микенской» линии привязок. Последняя получила не только широкое признание и поддержку специалистов [например, Кузьмина, 1994; 2008.], но и нашла подтверждение в результатах радиоуглеродного датирования [Епимахов и др., 2005].

Большую роль в накоплении материалов по эпохе бронзы в Башкирском Приуралье сыграли раскопки Ю.А. Морозова, В.С. Горбунова, М.Ф. Обыденнова; в Зауралье — В.Ф. Генинга, Т.М. Потемкина, Г.Б. Здановича, Н.Б. Виноградова и др. В южной части Приуралья продолжались исследования академических экспедиций (К.Ф. Смирнов, Е.Е. Кузьмина) [Смирнов, Кузьмина,

1977 и др.], параллельно с которыми работали оренбургские археологи Н.Л. Моргунова, О.И. Порохова [Яминова, 1999. С. 11 – 12]. Появляются обобщающие работы по отдельным культурам и территориям [Горбунов, 1986; 1992; 2006; Епимахов, 2005; Зданович, 1988; Обыденнов, 1986; 1998; Обыденнов, Обыденнова, 1992; Обыденнов, Шорин, 2005; Потемкина, 1985; Стоколос, 1972; Ткачев, 2007 и др.], и имеет место углубленное изучение ключевых памятников [Виноградов, 2003; Генинг и др., 1992; Горбунов, Морозов, 1991; Епимахов, 2002; Зданович, Батанина, 2007; Матвеев, 1998; Обыденнов и др., 2001; Стефанов, Корочкова, 2006; Усманова, 2005 и др.]. Расширяется и круг тем, стимулом этому послужил отход от догматической трактовки марксизма, знакомство с западной теоретической литературой и яркие археологические открытия, не укладывавшиеся в прокрустово ложе «разложения первобытнообщинного строя». В научных кругах обсуждаются вопросы социальной структуры, основ экономики, архитектуры, идеологии, лингвистической атрибуции и пр.

СИНТАШТИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Открытие синташтинских памятников на территории Южного Урала стало одним из наиболее ярких событий в отечественной археологии второй половины XX в. Материалы, ранее представленные отдельными находками и комплексами, предстали исследователям во всем блеске в 1970-е гг. благодаря работам Уральской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Генинга [Генинг и др., 1982]. Однако, вплоть до открытия укрепленного поселения Аркаим [Зданович, 1989] Синташтинский комплекс выглядел как единичный и трудно объяснимый феномен. 1980м1990 гг. стали временем не только новых находок, но и коренной переоценки места Южного Урала в системе североевразийских культур эпохи бронзы. В чем причина столь пристального интереса специалистов и широкой общественности к этим памятникам?

Первые столкнулись с абсолютно новым типом памятников (укрепленные поселения с замкнутой планировкой и плотной застройкой), не имеющим аналогов среди местных культур ни до, ни после этого периода (Рис. 30). Это не позволило ограничиться корректировкой схем культурогенеза и решением ряда традиционных вопросов интерпретации. Специалистам по бронзовому веку аридной зоны Евразии пришлось обратить взор к проблемам социальных отношений, экономики жизнеобеспе-

чения, изучению ресурсной базы, диагностированию дальних связей. К тому же синташтинский феномен стал своего рода полигоном для апробации новых идей и подходов в условиях отказа от «единственно верной» методологии. Не менее важным аспектом изучения стала традиционно сложная в силу своего междисциплинарного характера проблема лингвистической атрибуции. Синташтинские древности, благодаря находкам колесниц и другим обстоятельствам, с самого начала оказались включены в жаркие дискуссии о происхождении и исторической судьбе народов, говорящих на индоиранских языках [Смирнов, Кузьмина, 1977].

Рассматриваемая археологическая культура, точнее, один из ее памятников – Аркаим, оказался в зоне пристального внимания людей, довольно далеких от археологии и истории. Перипетии борьбы за спасение памятника [Зданович, 1995] вовлекли в этот круг разных людей, для которых Аркаим стал одним из знамен в противостоянии административной и идеологической системам в постсоветский период. В условиях поиска новых оснований для консолидации общества шел активный поиск национальной идеи, в том числе и с апелляцией к древнейшему наследию.

Несмотря на обширную историографию и огромный объем полученных сведений, среди культур эпохи бронзы Урала синташтинские памятники остаются предметом наиболее жарких споров. Объяснить это только сравнительно поздними сроками выявления нового для данной территории типа памятников или их яркостью вряд ли возможно. Дело, видимо, в том, что значение древностей начала II тыс. до н.э. не ограничивается рамками Южного Зауралья и даже Урала в целом. Являясь частью обширного мира степных и лесостепных культур, носители синташтинских традиций занимали в этой структуре особое место и сыграли важнейшую культурогенетическую роль в формировании срубной и алакульской культур эпохи поздней бронзы. Эта роль обусловлена и уровнем социальной сложности синташтинского общества, что нашло отражение в археологических материалах.

Открытие и исследование эпонимного комплекса памятников состоялось в 1970-е гг. [Генинг, 1977], однако полноценное осознание масштабов явления пришло гораздо позже. К настоящему времени, благодаря применению современных технологий поиска археологических объектов (дешифрирование аэрофотосъемки) и сравнительной легкости диагностирования синташтинских поселенческих памятников, надежно установлены границы распространения последних [Зданович, Батанина, 2007].

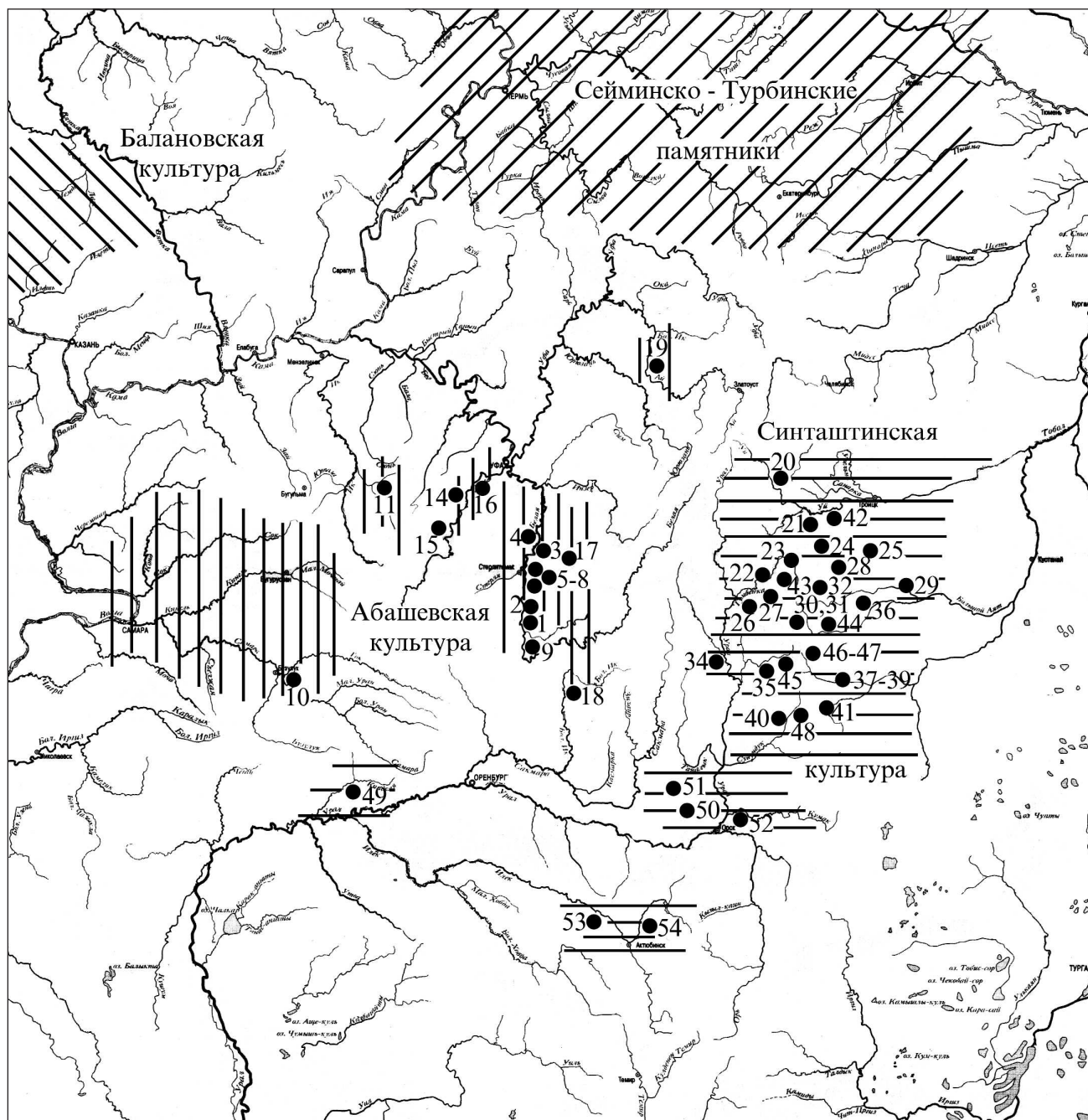

Рис.29. Карта археологических культур и памятников абашевско-синташтинского этапа эпохи бронзы.

Памятники абашевской культуры.

Поселения: 1. – I Береговское, 2. – II Береговское, 3. – Урняк, 4. – Баланбаш, 5. – I Юмаковское, 6. – II Юмаковское, 7. – III Юмаковское, 8. – IV. – Юмаковское, 9. – Тюбяк. Могильники: 10. – Никифоровское лесничество, 11. – Мечев-Тамак, 12. – Береговский, 13. – III Красногорский, 19. – Старо-Ябалаклинский, 15. – Нижне-Чуракаевский, 16. – Чукраковский, 17. – II. Ахмеровский, 18. – Русско-Тангировский, 19. – Юкалекулевский.

Памятники синташтинской культуры.

Укрепленные поселения: 20. – Стенное, 21. – Черноречье III, 22. – Бахта, 23. – Париж (Астафьевское), 24. – Устье, 25. – Чекатай, 26. – Куйгак, 27. – Сарым – Саклы, 28. – Родники, 29. – Исиней, 30. – Коноплянка, 31. – Журумбай, 32. – Каменный Амбар (Ольгино), 33. – Кизилское, 34. – Кизильское, 35. – Аркаим, 36. – Камысты, 37. – Синташта, 38. – Синташта II (Левобережное), 39. – Андреевское, 40. – Аландское, 41. – Берсуат.

Могильники: 42. – Кривое Озеро, 43. – Солнце II, 44. – Каменный Амбар – 5, 45. – Большекаранский, 46. – Синташта, 47. – Княженское, 48. – Солончанка, 49. – II Герасимовский, 50. – Ишкиновка I, 51. – Ишкиновка II, 52. – Новокумакский, 53. Танаберген II, 54. – Жаман-Каргала I.

[Зданович, Зданович, 2005. Левит, 2004]. Замкнутые системы фортификации и в степной зоне Зауралья связаны только с рассматриваемым периодом, поэтому их культурная атрибуция даже по результатам дистанционного обследования не составляет серьезной проблемы.

Система расселения, в отличие от других периодов эпохи бронзы, благодаря широкому применению различных методик, установлена сравнительно точно: выяснены границы ойкумены, количество и площадь укрепленных поселений, особенности их топографии. Все комплексы приурочены к зоне северной степи Южного Зауралья, для которой характерно высокое залегание медных руд (Зауральский пенеппен) и близость обширных лесных массивов [Зайков, 2005]. Как правило, зауральские поселения сопровождаются некрополями.

Все известные на сегодня поселенческие памятники расположены на малых реках Уральского и Тобольского бассейнов (Рис. 29). Иначе обстоит дело с погребальными памятниками, которые известны достаточно далеко за очерченными рамками — на прилегающей территории Казахстана [Ткачев, 2007] и Приуралья [Ткачев, 2006]. На этих участках поселенческие материалы не обнаружены. Исключением является небольшая коллекция посуды поселения Семиозерное II [Евдокимов, 1983] в Кустанайском Притоболье. Кроме того, часть погребений лесостепного Предуралья имеет очевидные черты сходства с синташтинскими, хотя и определяется как абашевские (или позднеабашевские) [Мочалов, 2008]). Есть отдельные находки синташтинской посуды и в лесостепном Зауралье (Царев курган, Убаган I).

Количество выявленных поселений (округло-плановая планировка и/или керамика соответствующего облика) составляет чуть более десятка [Зданович, Батанина, 2007; Нелин, 2004; Яминов, Савельев, 1999]. Стационарные работы проводились на семи поселениях, среди которых наиболее полно исследованными являются Синташта, Аркаим, Устье, Аландское, Куйсак, Каменный Амбар (Ольгино) [Генинг и др., 1992; Зданович, Батанина, 2007; Зданович и др., 2007; Зданович, 1989; Корякова и др., 2007]. Некрополей в Зауралье известно несколько меньше. Правда, для ряда поселений пока не установлены могильники, с другой стороны, известны погребальные памятники, не имеющие привязки к поселению, хотя, ни в одном из случаев нельзя исключить утраты памятников в результате действия антропогенных или иных факторов. Раскопки синташтинских погребений проводились в Зауралье на девяти могильниках (около 200 погребений)

[Зданович, 2002; Баталов и др., 1996; Виноградов, 2003; Генинг и др., 1992; Епимахов, 2004; 2007; Епимахов, Ражев, 2003а; Зданович и др., 2006; Стоколос, 1962; Сунгатов, 1995], в Приуралье — на шести (около 46 погребений) [Ткачев, 2006], в Казахстане — на одном (около 30 могил) [Ткачев, 2007]. На территории Приуралья синташтинские единичные курганы включены в состав разновременных некрополей, а погребения нередко впушены в насыпи предшествующего периода (например, Новокумакский могильник) [Смирнов, Кузьмина, 1977]).

Место синташтинских памятников в системе относительной хронологии уральского бронзового века определяется суммой стратиграфических наблюдений в некрополях Приуралья и зауральских укрепленных поселений. Захоронения по синташтинскому обряду совершались позже сооружения курганов ямной культуры, но ранее петровских и срубных. Эта ситуация отчасти дублируется на поселениях Зауралья, где строения петровского и срубно-алакульского периодов разрушили более ранние синташтинские системы укреплений и постройки. Опираясь на типологию металлического инвентаря, ученые также установили, что в нем прослеживаются традиции предшествующего периода — стереотипы Циркумпонтийской металлургической провинции.

Вместе с тем остается вопрос о синхронных культурах, в решении которого трудно опереться на типологию и стратиграфию. На помощь приходят редкие и узко датированные находки: свидетельства использования колесниц (в основном, детали упряжи — псалии) и яркие предметы вооружения, связанные с сейминско-турбинским феноменом [Дегтярева, 2006]. И то, и другое получило распространение на гигантских пространствах Северной Евразии, а колесничный комплекс хорошо представлен и в зоне великих речных цивилизаций (Рис 32). В результате можно предположить относительную одновременность ряда культур на территории Восточной Европы и Западной Сибири: памятников потаповского типа, покровско-абашевских (позднеабашевских), сейминско-турбинских. Это предположение отчасти опирается и на серии радиоуглеродных датировок, которые пока недостаточны для сравнения всех перечисленных культур [Черных, 2008]. Вся совокупность данных позволяет отнести их к XXI — XVIII вв. до н.э. в системе калиброванной радиоуглеродной хронологии [Епимахов, 2007].

Поселения локализуются в центральной части широких речных долин, нередко вблизи устья рек, ручьев и оврагов. Обычно строения занимают обширные ровные площадки первой надпойменной

террасы, естественно укрепленные участки практически не использовались. Создается впечатление, что при выборе места застройки решающее значение имели близость источника воды¹, нерасчлененность рельефа и наличие естественных границ. Некрополи часто отделены от поселений водной преградой и располагаются в северных румбах относительно жилых строений [Епимахов, 2005. С. 38-39].

Раскопки широкими площадями и применение геофизических методов позволяют детально описать архитектурные особенности синташтинских поселений [Виноградов, 2004; Генинг и др., 1992; Зданович, Батанина, 2007; Зданович, 1995]. Это округло-плановые поселения с радиально расположенными строениями, обращенными входами внутрь (Синташта, Аркаим, Аландское и др.). Для них характерно наличие замкнутых систем фортификации, (Рис. 30) Несмотря на наличие фортификации реальных следов военных действий пока не обнаружено. Общая площадь памятников в пределах линии укреплений варьирует от 0,8 до 2 га. Оборонительные конструкции представлены замкнутой системой рвов и валов, часто снабженных усложняющими элементами. Внутреннее пространство поселений практически целиком занято строениями, организованными в виде своеобразных кварталов. Для некоторых поселений зафиксировано наличие двух концентрически расположенных кругов жилищ. Центр поселения свободен от застройки [Зданович, 2007; Зданович, Батанина, 2007].

Количество строений в пределах поселения прямо связано с его размерами. Для Аркаима их число составляет примерно 60 [Зданович, 1995]. Размеры строений в пределах одного памятника близки и составляют от 100 до 200 кв.м. Форма жилищ — подпрямоугольная, трапециевидная. Короткая торцевая стена, обращенная вовне, являлась одновременно сектором линии обороны, длинные продольные стены разделяли соседние строения. Кроме входов, обращенных к центру поселения, авторами раскопок Синташты и Аркаима предполагается существование дополнительных угловых выходов для выхода на гребень оборонительной стены или крышу жилища [Генинг и др., 1992; Зданович, 1995]. Принципы строительства едины: использовались исключительно каркасно-столбовые конструкции с несколькими продольными рядами столбов, которые служили опорой для перекрытия и основой для возведения легких перегородок в пределах жилища. Предпочтение отдавалось грунтово-деревянному

конструкциям, применение камня зафиксировано лишь в двух случаях — для облицовки оборонительной стены снаружи (Каменный Амбар (Ольгино) и Аландское).

Интерьер строений стандартен — в пределах каждого жилища выявлены один или несколько (до пяти; видимо, разновременных) колодцев, рядом с которым либо в площади которых зачастую фиксируются основания печей, в том числе со следами металлургии [Генинг и др., 1992; Зданович, 2007; Зданович, 1989]. В отдельных случаях предполагается использование прямоугольных печей каминного типа. Состав коллекции поселений типичен для памятников эпохи бронзы: — в основном, это остатки жизнедеятельности — кости животных, фрагментированная керамика, прясла, костяные орудия и т.п. Из этого списка выпадает значительное число находок, связанных с производством и обработкой металла, которые сравнительно равномерно распространены по площади поселения.

Синташтинская керамика поселений демонстрирует высокую вариативность, хотя большая ее часть легко опознаваема в составе коллекций [Виноградов, 2004. С. 275; Малютина, 2004]. Диагностирующим «поселенческим» типом являются крупные баночные сосуды плавной профилировки, украшенные в верхней части одним-двумя приотсреченными налепными валиками. Столь же легко узнаваемыми являются синташтинские острорезные горшечные формы сосудов с внутренним ребром горловины. Этот тип широко встречается и в погребальной посуде (Рис. 32). Кроме того, имеется ряд менее «ярких», но столь же распространенных типов — это сосуды с вертикальной шейкой, орнаментированные по плечу треугольниками вверх и вниз и горшечно-баночные сосуды с плавной профилировкой. Технология изготовления посуды демонстрирует изменчивость в деталях исходного сырья, но близка по способам конструирования — практически все сосуды изготавливались на твердой основе (нередко с использованием перевернутого сосуда, обернутого тканью [Виноградов, Мухина, 1985]). Значительная часть керамической коллекции имеет характерные отпечатки ткани на внутренней поверхности сосудов.

Металлический инвентарь (без учета фрагментов и культурно индифферентных изделий) представлен в основном пластинчатыми формами, демонстрирующими изживание традиций предшествующей Циркумпонтийской металлургической провинции и становление стереотипов Евразийской металлургической провинции, — слабоизогнутые серповидные орудия, ножи-кинжалы, рыболовные

¹ В том числе и для очистки рва паводковыми водами [11]

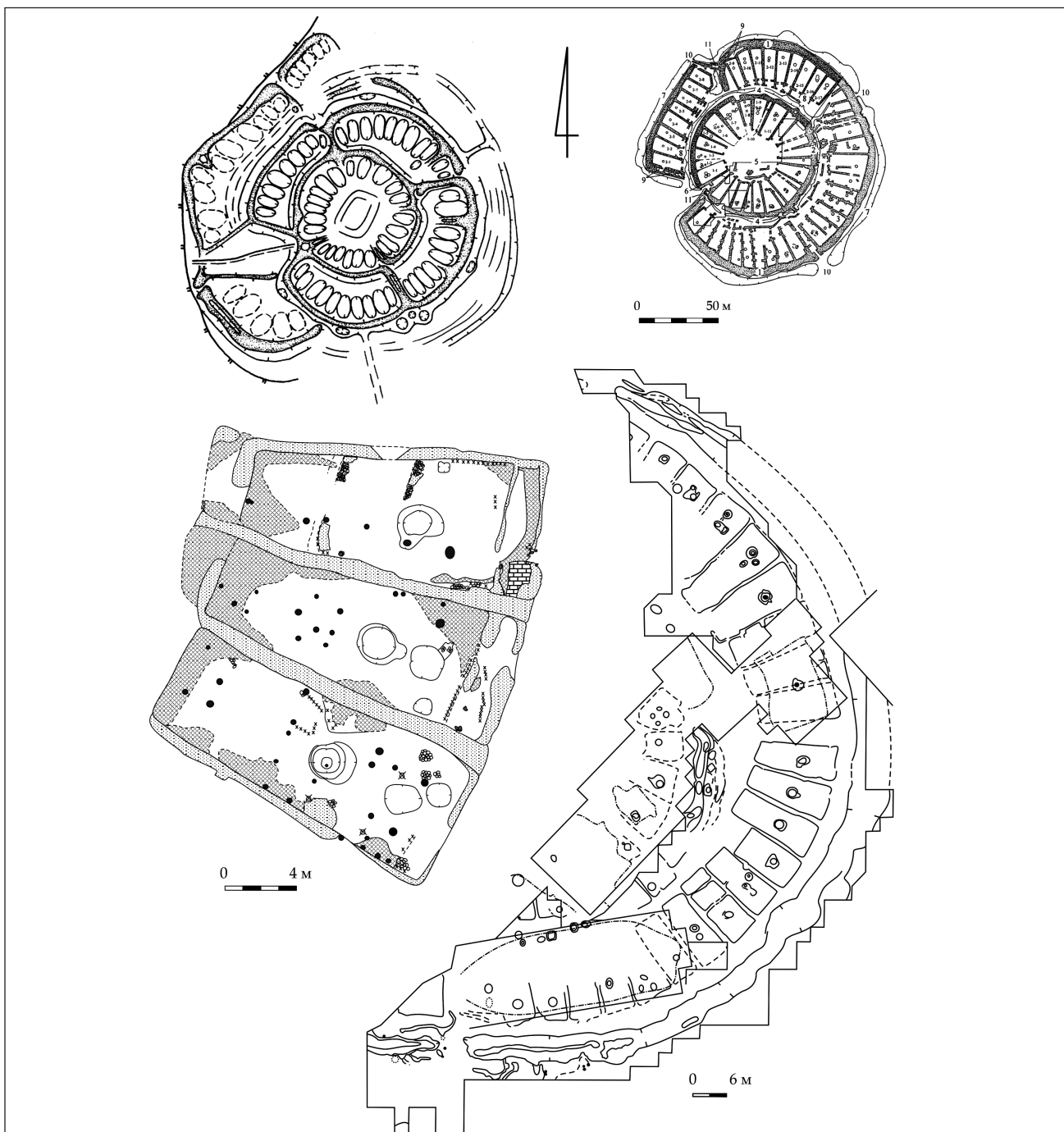

Рис.30. Синташтинская культура. Архитектура укрепленных поселений.

1 – Аркаим (результаты дешифрирования аэрофотоснимка); 2 – Аркаим (результаты раскопок и магнитосъемки) [по Зданович, 1997; Зданович, Батанина, 2007]; 3 – 4 – Синташта [по Генинг и др., 1992].

крючки, долота и др. [Григорьев, 2000; Дегтярева, 2006; Дергачев, 2002. С. 26 – 41; Черных, 2002] (Рис. 31, 3 – 6, 12 – 16). На фоне большого количества находок, связанных с производством металла (руда, шлаки, капли металла, заготовки, каменные ударные орудия и абразивы), несколько неожиданным выглядит единичность каменных литейных форм² и сопел [Зданович, 1997; Зданович, 1995].

Симптоматичен факт почти полного отсутствия в коллекциях поселений предметов вооружения и маркеров социального статуса. В пределах раскопанных участков не удается аргументировано выделить социально значимые или производственно специализированные строения и кварталы.

Некрополи в основном занимают уплощенные участки первой и второй террас. Количество погре-

бальных комплексов в пределах одного некрополя варьирует от одного до нескольких десятков (в последнем случае не исключена одновременность объектов в пределах памятника). Могильники Зауралья достаточно четко соотносятся с конкретными городищами. К настоящему времени исключения из правила «одно поселение — один некрополь» касаются только поселения Аркаим, близ которого исследованы Большекараганский и Александровский IV могильники [Зданович, 2002; Боталов и др., 1996; Зданович и др., 2006]. Различия в типе организации могильника касаются только компактности размещения сооружений друг относительно друга. Существование общегруппового святилища предполагается только авторами раскопок эпонимного памятника (СБ) [Генинг и др., 1992; Зданович и др., 2006]. Принадлежность синташтинскому времени основных конструкций последнего не бесспорна, особенно при полном отсутствии синхронных аналогов [Стефанов, 2009].

Погребальные памятники представлены курганными некрополями. Единственным исключением остается могильник Синташта, в котором комплексы СМ и СП не были снабжены выраженными надмогильными конструкциями. Однако единство планировочной структуры и наличие индивидуальных сооружений над каждой крупной могилой не позволяют рассматривать эту часть Синташтинского могильника как особый тип. Надмогильные конструкции выполнены из дерева и грунта, достоверных случаев использования камня нет [Ткачев, 2006. С. 18]. На подкурганной площадке нередко размещены жертвенные комплексы из частей жертвенных животных и сосудов.

Способы организации подкурганного пространства, количество и состав могильных ям, их локализация по секторам относительно центра, ориентировка существенно различаются. Выраженной планировочной структурой обладают 4/5 многомогильных комплексов. В пределах пространства, маркированного кольцевым ровиком (реже валиком или другими способами), в центре размещались наиболее крупные, зачастую сдвоенные могильные ямы. Их ориентировка в Зауралье — меридиональная с отклонениями; в Приуралье в силу недостаточности серии трудно говорить о тенденции. Остальные погребальные конструкции с разной степенью регулярности располагались по кругу и ориентировались короткой (реже длинной) осью к центру площадки. Многоэтапность формирования

комплекса устанавливается стратиграфически [Виноградов, 2003; Епимахов, Ражнев, 2003а]. Часть захоронений была впускной. Отклонения от планировочного «канона» довольно многочисленны: комплексы с единственной усыпальницей в центре или с тремя; в некоторых случаях трудно выделить ямы, маркирующие центр. Объяснение отклонений связано с упомянутой многоэтапностью формирования (незавершенностью строительства, возведением дополнительных могильных ям в более позднее по отношению к основным конструкциям время, впускными захоронениями).

Могильные ямы различаются размерами и конструкцией. Последнее более характерно для приуральских некрополей, где есть примеры подбоев, катакомб, заплечиков и пр. Наиболее очевидное сходство наблюдается только в форме: с небольшими оговорками все ямы могут быть определены как прямоугольные (отношение длины к ширине — 2/3). Практически все вне- и внутримогильные конструкции выполнены из дерева и грунта. Камень, как и на поселениях, использовался минимально и только во вспомогательных целях. Большая часть погребений совершалась в гробницах, т.е. основной объем камеры создавался деревянным каркасом. В пределах могильных ям, за исключением придонной части часто фиксировались следы воздействия огня; для Приуралья известны случаи посыпки дна могилы углем [Ткачев, 2006].

Погребальные камеры содержат различные сочетания умерших по полу и возрасту, зафиксированы все возрастные категории. Львиная доля крупных могил, видимо, была местом коллективного упокоения (до 8 человек). 52% усыпальниц [Епимахов, 2002] в Зауралье и 70% в Приуралье [Ткачев, 2006] были индивидуальными, в основном детскими. Признаков социального неравенства в пределах одной могилы не обнаружено. Единственным вариантом взаимообусловленного расположения погребенных являются немногочисленные парные, археологически одновременные захоронения мужчины и женщины, обращенных лицом друг к другу (часто в сопровождении детей).

Захоронения совершались по обряду ингумации, для ряда случаев авторами раскопок диагностируется вторичный характер погребения, рассечения и др. [Генинг и др., 1992; Ткачев, 1996]. Около половины всех захоронений, в том числе все центральные и большая часть крупных могил, подверглись вторжению извне. В некоторых случаях установлена краткость промежутка между совершением погребения и ограблением [Епимахов, 1996]. Покойные укладывались на дно (зачастую на орга-

² Столь же редок этот вид инвентаря в погребениях. Фактически имеются только заготовки форм в Синташтинском могильнике (С III) [69]

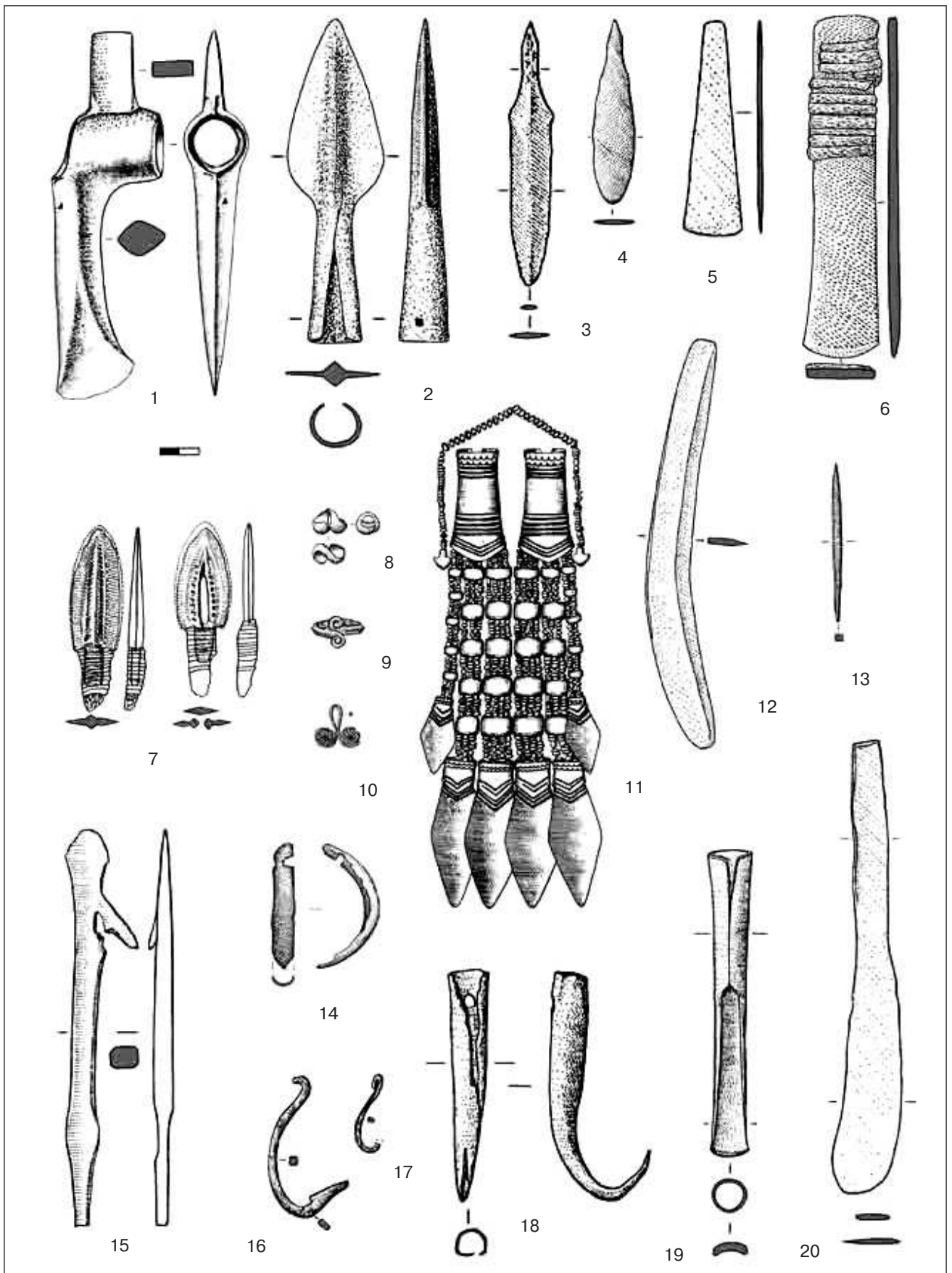

Рис.31. Синташтинская культура. Погребальный инвентарь.

1, 4, 6, 7, 9, 11, 15 – 17 – могильник Синташта; 2, 5, 12, 20 – могильник Каменный Амбар-5; 3, 18, 19 – Большекараганский могильник; 8, 9, 13, 14 – могильник Кривое Озеро. (по Генинг и др., 1992; Боталов и др., 1996; Виноградов, 2003; Епимахов, 2005).

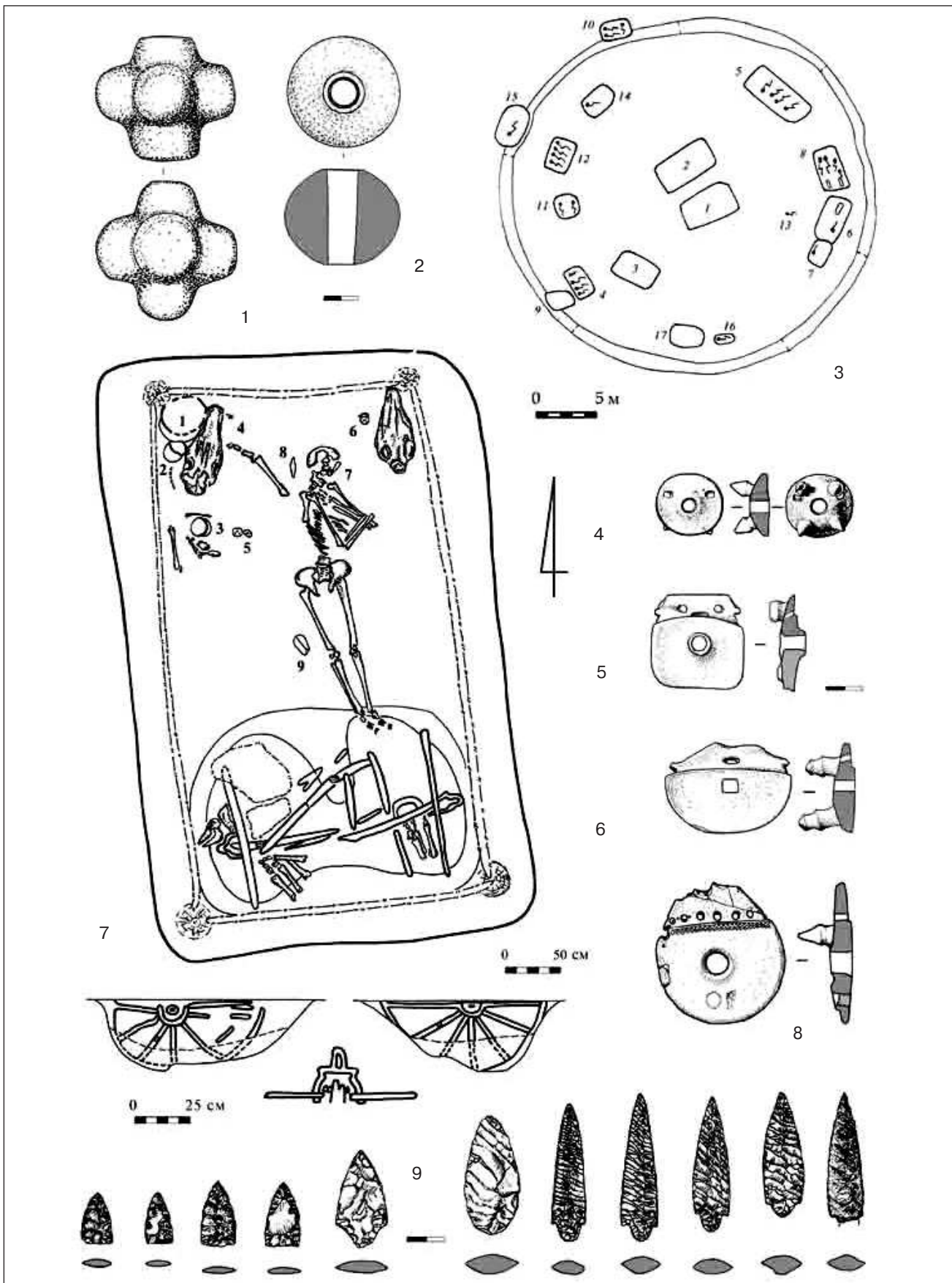

Рис.32. Синташтинская культура. Колесничный комплекс.

1–2 – каменные наконечники булав; 3 – планировка подкурганного пространства; 4–6, 8 – детали конской упряжи (псалии); 7 – погребение с колесницей; 9 – каменные наконечники стрел. 1–3, 5, 6, 8, 9 – могильник Каменный Амбар-5; 4 – могильник Синташта; 7 – могильник Кривое Озеро. (по Генинг и др., 1992; Виноградов, 2003; Епимахов, 2005).

ническую «подстилку») ямы скорченно (в разной степени) на левый (редко на правый) бок с кистями рук, приближенными к лицу. В ориентировке фиксируется некоторое преобладание северных, западных и северо-западного направлений, особенно для захоронений взрослых. Наиболее четко эта закономерность прослеживается для женских погребений Зауралья.

К числу наиболее ярких особенностей синташтинской погребальной обрядности относятся обилие и разнообразие форм жертвоприношений животных [Зданович, 2005], почти исключительно домашних (лошади, крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота, собаки). Различия касаются не частот жертвенных животных, а локализации и способа организации конкретных жертвенников. В большинстве случаев части или целые костяки не могут интерпретироваться как заупокойная пища. Наиболее очевидным образом это относится к погребениям коней (или частей туш), сочетающихся со следами вкапывания колес и находками псалиев (31.,4-6,8). Состав животных обуславливался половозрастными характеристиками индивида — лошадьми снабжались мужские погребения, в детских и захоронениях молодых женщин встречаются почти исключительно кости мелкого рогатого скота [Епимахов, 2002].

Весьма обширен корпус вещественных источников, обнаруженных в захоронениях. Наиболее многочисленную серию составляют керамические сосуды [Ткачев, Хаванский, 2006]. Керамические коллекции некрополей, несмотря на явное сходство с поселенческими, имеют ряд существенных отличий. Погребальная посуда богаче орнаментирована, есть примеры сложных нециклических орнаментов. Некоторые типы редко обнаруживаются на поселениях, например, маленькие острореберные сосудики-«светильники», близкие по облику абашевским, часть кубковидных сосудов [Мочалов, 2004].

Изделия из металла представлены следующими категориями: оружие (наконечники копий, топоры, наиболее крупные ножи-кинжалы, наконечники стрел и дротиков), орудия труда (тесла, ножи и серповидные орудия, иглы, шилья), украшения (бусы, пронизи, подвески в полтора оборота и др.). В определении соотношения категорий находок специалисты несколько расходятся: С.А. Григорьев [Григорьев, 1999. С. 71] определяет долю украшений около 20%, а А.Д. Дегтярева [Дегтярева, 2006. С. 50] — немногим более 10. Еще более сложна оценка долей оружия и орудий труда. Впрочем, нет сомнений, что погребальный инвентарь составляет

примерно 9/10 всех металлических изделий, включая наиболее металлоемкие (Рис. 31).

Наиболее яркой категорией изделий из кости и рога являются щитковые псалии, однако перечень этим не исчерпывается и включает наконечники стрел, лопаточки, детали лука, пронизи, рукояти ножей, проколки, «прясла» и т.п. В составе каменного инвентаря наряду с многочисленными наконечниками стрел различных типов встречаются песты и «наковальни», абразивы. В ряде случаев находки псалиев сочетаются с остатками двухколесных колесниц [Виноградов, 2003; Генинг и др., 1992; Епимахов, 1996]. Последние снабжались колесами со спицами и имитировали парную конную запряжку. «Колесничные» могилы (14%) на общем фоне погребений, содержащих захоронения взрослых мужчин, выделяются несколько более высокой концентрацией предметов вооружения (Рис. 32). Большинство таких могил является коллективными усыпальницами, значительная часть размещена за пределами центра подкурганной площадки.

Состав инвентаря погребений во многом определяется половозрастными характеристиками погребенного: мужскими категориями является оружие (за вычетом ножей-кинжалов), в женских захоронениях многочисленны находки украшений, шилья, иглы. Предполагается довольная ранняя (около 3 — 5 лет) гендерная идентификация. Находки, интерпретируемые как инсигнии власти или маркеры статуса (булавы, копыя, колесницы), встречаются как в центральных, так и периферийных могилах. Часто усыпальницы, содержащие эти категории ничем более не выделяются на общем фоне погребений взрослых. Отсутствуют предметы роскоши. Таким образом, на фоне культур эпохи поздней бронзы Урала синташтинская погребальная обрядность выделяется высокой степенью вариативности, однако ее характер не позволяет однозначно интерпретировать выявленные различия.

Для реконструкции облика хозяйственной деятельности накоплены разнообразные материалы, в первую очередь, остеологические остатки, ныне рассматриваемые не как «зеркало» реального состава стада, а лишь как отражение мясного рациона населения [Антипина, 2004. С. 20 — 26]. Видовой состав стада по разные стороны Уральского хребта имеет некоторые особенности, видимо, определяемые условиями обитания (кормовой базой). Объединяющим моментом для абашевских и синташтинских коллекций является резкое преобладание крупного рогатого скота (60 — 70% костей) [Сальников, 1967. С. 48; Косинцев, 2000 и др.]. С уче-

том относительно низкой плодовитости и комплексного использования доля этого вида животных в составе стада могла быть и выше. Большое число взрослых особей может быть интерпретировано как свидетельство развития наряду с мясным и молочного направления [Косинцев, 2004. С. 165]. Это заключение хорошо коррелирует с выводами Л.Л. Гайдученко по материалам анализа пищевых пригаров керамических сосудов [Гайдученко, 2000. С. 159; 2003. С. 73].

Доля мелкого рогатого скота в разных зонах имеет некоторые отличия: для степи показатели несколько выше [Косинцев, 2001. С. 364]. Относительно меньшее число костей мелкого рогатого скота в абашевской культуре «компенсируется» повышенной по сравнению с синташтинскими материалами долей крупного рогатого скота и включением свиньи. В действительности разница была, видимо, более значительной. Во первых, живой вес мелкого рогатого скота составляет в пределах 1/6 крупного рогатого скота и 1/7 веса лошади соответственно [Гайдученко, 2000; Петренко, 2004]. Следовательно, с учетом этой коррективы доля мелкого рогатого скота в мясном рационе синташтинского населения была не 28%, а лишь 3 – 4%. Использование этого вида, конечно, не ограничивалось потреблением мяса, что аргументировано не только косвенными данными (наличие в стаде животных возраста более 24 мес.), но прямыми – отпечатки ткани на внутренней поверхности синташтинских и петровских сосудов [Виноградов, Мухина, 1985; Чернай, 1985].

Существенны отличия синташтинского и абашевского стада в части использования лошади. В составе абашевских коллекций доля лошади составляет обычно несколько процентов, в синташтинских – около пятнадцати. Эксплуатация этого животного точно не сводилась к пищевому рациону. Для синташтинских памятников хорошо известны прямые аргументы транспортного использования лошадей. Не вызывает удивления в этой связи и заметная (более 50%) доля взрослых особей, что подразумевает востребованность таких качеств, как резвость и выносливость [Косинцев, 2004. С.167]. В оценке роли лошади в жизни населения данного периода следует анализировать не только ее ценность как источника мяса и транспортного средства, но уже упомянутую способность к тебеневке, что в условиях более высокого снежного покрова было особенно важно. С другой стороны, стимулы к разведению лошадей не были сугубо прагматическими, поскольку высокое место лошади в иерархии жертвенных животных трудно оспорить [Кузьмина, 1977;

Епимахов, 2002. С. 69 – 70], равно как и ее престижную ценность.

Для абашевских поселений в большинстве случаев хорошо документировано наличие свиноводства [Сальников, 1967. С. 48; Горбунов, 1986 и др.], в синташтинских памятниках оно представлено минимально [Косинцев, 2000. С. 39 – 41; Косинцев, 2004. С. 168]. Причиной таких существенных различий могла быть разница вмещающего ландшафта. Кормовой базой этой отрасли может быть либо земледелие, либо массивы широколиственных лесов. Последнему условию отвечает лесостепное Приуралье и не соответствует Зауралье, где данный тип растительности появлялся эпизодически и именно в тот период и в той зоне, где известны немногочисленные абашевские материалы (Серный Ключ, Аргазинское водохранилище) [Епимахов, 2006].

Наличие земледелия, часто фигурирующего в качестве основной или одной из основных отраслей [Зданович, 1995; Зданович, 2002; Зданович, 1989], весьма проблематично доказать. Ссылка на некоторые орудия состоятельна отнюдь не всегда. Проблематично привлечение синташтинских и абашевских каменных плит и металлических серповидных изделий, которые широко встречаются и в последующие эпохи [Дергачев, Бочкарев, 2002]. Часть экземпляров явно выполняла деревообрабатывающие функции [Горбунов, 1986. С. 53-54], другие могли быть полифункциональны [Антипина, Лебедева, 2005; Лебедева, 2005]. Привлечение естественнонаучных данных пока подтвердили наличие земледелия только для части Восточной Европы и только для периода поздней бронзы. Единичные палинологические анализы и единичные находки зерновых чешуй проса на синташтинском поселении Аландское [Зданович, Зданович, 2005; Зданович, 2002; Лебедева, 2005] как будто говорят «за» такую возможность, как и часть анализов пригаров сосудов [Гайдученко, 2003б]. Однако экологические условия для земледелия в степных районах явно экстремальные и масштабы производства вряд ли были велики. Косвенным подтверждением служат результаты изотопного анализа человеческих костей Большекараганского могильника, выполненного К. Приват, согласно которым «растительная пища не играла большой роли в... питании» [Privat, 2002. С. 171].

Свидетельства охоты, рыбной ловли и собирательства более чем скромны. Если кости диких видов часто составляют несколько процентов от общего числа находок, то остальные отрасли не имеют и этого. Рыбная ловля документирована единичными находками костей и чешуи в коллекциях поселе-

ний [Gayduchenko, 2002. P. 408] и могильников [Епимахов, 2005. С. 98], а также серией металлических крючков из погребений. Этот список может быть пополнен и наконечниками гарпунов из кости или металла [Генинг и др., 1992. С. 164.; Боталов и др., 1996. С. 81.; Епимахов, 2005. С. 71]. Выделение орудийного комплекса охотника среди предметов вооружения весьма проблематично, хотя костяные наконечники стрел иногда рассматриваются в качестве специализированных [Зданович, 2002. С. 148 – 149].

Таким образом, основой существования было многоотраслевое животноводство отгонного типа с круглогодичным содержанием на подножном корму. Интересно отметить, что ядром экономики населения этой эпохи, и по данным башкирского языка, является скотоводство отгонного типа с преобладанием коневодства. Степень подвижности несколько ограничивалась резким преобладанием крупного рогатого скота и наличием свиньи в составе стада. Впрочем, не исключены варианты раздельного содержания стад с разными пропорциями животных. Земледелие (если и имело место) явно играло вспомогательную роль [Лебедева, 2005], равно как и присваивающие отрасли.

Спектр имеющихся в распоряжении исследователей материалов по другим отраслям достаточно широк. Местному населению были хорошо известны различные способы обработки камня, кости, кожи и шерсти. Кроме них, должны быть названы обработка дерева для возведения архитектурных объектов, производства повозок, орудий труда и утвари. Значительная часть металлических изделий была изготовлена специально для работ по дереву (например, струги, стамески и тесла), другие могли быть полифункциональны (топоры, ножи, серповидные орудия и др.). О существовании некоторых орудий приходится судить по косвенным данным. В качестве примера можно привести следы использования станкового сверла на псалиях [Усачук, 2005; Усачук, 2003]. Степень специализации этих отраслей (за вычетом колесничного производства), вероятно, не выходила за рамки домашнего.

Наиболее реалистичным выглядит предположение о высокой степени специализации металлопроизводства. К сожалению, в распоряжении исследователей пока нет прямых данных, указывающих на существование горных работ в указанный период. Однако, общая приуроченность поселений и могильников к зоне рудопоявления, полнота спектра свидетельств производства на поселениях (от руды до готового изделия) убеждают, что они имели мес-

то. В качестве вероятных источников медных руд часто называются конкретные месторождения – Таш-Казган [Черных, Кузьминых, 1989], Ишкининское, Воровская яма [Зайков и др., 2005], но ни в одном случае не найдены культурно-диагностируемые материалы интересующего нас периода. Для привязки к месторождениям также используется химический состав металла, но и этот метод имеет некоторые внутренние проблемы [Григорьев, 2000].

Синташтинские металлические изделия обнаружены в основном в могильниках, значительно реже – на поселениях. Украшения (Рис. 31, 11), в отличие от абашевских или алакульских древностей, составляют небольшой процент общего числа находок; преобладают предметы вооружения и орудия. Металлургическая специализация хорошо представлена в синташтинских некрополях – каждое пятое имеет атрибуты либо металлургии, либо металлообработки [Епимахов, 2002]. В целом, сфера металлопроизводства в значительной мере определила облик синташтинской культуры [Виноградов, 2007].

Для синташтинского общества существование элиты признается большинством исследователей со ссылкой на «богатство» погребальных памятников с атрибутами статуса, а также на необходимость координации деятельности больших групп людей при сооружении фортифицированных центров [Бочкарев, 2002; Епимахов, 2002; Зданович, 1989; Массон, 2000]. К этому иногда добавляется предположение об особом статусе обитателей внутреннего круга строений поселения Аркаим и подобных ему. Последний тезис не может быть подкреплён ни особым характером архитектуры, ни соответствующими категориями находок.

Трудности исчисления трудозатрат на возведение архитектурных объектов на данном этапе кажутся трудно преодолимыми, что прямо связано с состоянием источников – трудно подсчитать даже объемы использованного грунта и дерева. Однако конструктивные особенности поселений прямо указывают на необходимость одновременного возведения больших секторов (десяток и более жилищ с участком линии обороны). С другой стороны, ничего, подобного ямным курганам многометровой высоты, среди синташтинских памятников неизвестно. Интерпретация большого синташтинского кургана в качестве «могилы Учителя» [Зданович, 2004] не кажется обоснованной, поскольку остаются нерешенными первичные вопросы, в первую очередь вопросы хронологии [Стефанов, 2009].

Многомогильные комплексы обладают чертами противопоставления центра и периферии. К сожа-

лению, полноценно сопоставить состав погребенных и инвентаря для каждой из «зон» оказывается затруднительным ввиду того, что все центральные погребения потревожены. Отдельные сохранившиеся детали позволяют говорить о коллективном характере центральных погребений, наличии разновозрастных и разнополых индивидов, совершении жертвоприношений животных и значительном числе «дорогостоящих» категорий инвентаря. Впрочем, все это встречается и за пределами центральных ям. Сложность внутримогильных конструкций связана с взрослыми покойными и нередко с коллективными усыпальницами.

Абсолютно очевидно, что упокоения в курганах удавались не все. На это указывают аномалии структуры смертности [Епимахов, Ражев, 2003а, 2003б; Епимахов, 2002; Зданович, 1997], резкое расхождение демографии поселений и могильников — 100 — 150 индивидов в отдельном некрополе против 800 — 1500 человек, одновременно живущих на поселении. Основания посмертного отбора, видимо, не имеют прямого отношения к полу и возрасту покойных. Выделяется небольшая группа отсроченных погребений, есть и другие черты, резко выделяющие некоторых покойных из общей массы. Интерпретации такого рода единичных «отклонений» всегда составляет определенную трудность, поскольку могут отражать не только социальную позицию, но и обстоятельства смерти. Анализ инвентарного комплекса демонстрирует в целом его обусловленность гендерной и возрастной структурой [Епимахов, 2002], хотя некоторые покойные характеризуются заметным своеобразием, которое не может быть, впрочем, оценено как личные сокровища.

В целом, в синташтинской обрядности нашли отражение возрастные и гендерные позиции индивидов; семейно-брачные отношения (парные погребения, в том числе в сопровождении детей); статусные; профессиональные. Последние проявлены за счет атрибутов металлургической специализации, которые могли сопровождать не только мужские, но и женские погребения. Кроме этого, среди ярких «специализированных» черт — вышеупомянутый высокий уровень милитаризации погребального инвентаря, реализованный не только в отношении мужчин, но также детей и отчасти женщин. Последнее как будто не связано с колесничным комплексом. Нет сомнений, что мы имеем дело со сложным обществом, элита которого могла формироваться наследственно. Однако четких градаций ее внутренней структуры по археологическим материалам не прослеживается. Основным затруднением остается

полная «невидимость» остального населения, в том числе и при оценке особенностей диеты, состояния здоровья, расового типа и пр.

Задача реконструкции всего комплекса представлений древнего общества по археологическим данным неразрешима, но общая структура и отдельные сюжеты могут быть воссозданы с привлечением мифологических универсалий [Элиаде, 1994]. В частности, можно попытаться уяснить базовые коллективные представления, лежащие в основе погребальных ритуалов, т.е. восстановить социальный портрет коллектива. Резонно предполагать стремление социума воплотить комплекс идей, жизненно важных для поддержания стабильного его существования.

Синташтинские некрополи дают такие шансы благодаря сохранности костного материала, работам профессиональных антропологов и большому числу хорошо исследованных комплексов [Зданович, 2002; Виноградов, 2003; Епимахов, 2002]. Семантическая насыщенность синташтинской обрядности уже привлекала к себе внимание некоторых авторов [Зданович, 2002; Епимахов, 2005; Епимахов, 2002; Зданович, 1997]. Для синташтинских поселений также имеется возможность рассмотрения их в целом или отдельных элементов как экстраутилитарных. Некоторые параллели в организации поселений и подкурганного пространства позволяют утверждать, что они были воплощением единого круга идей [Епимахов, 1995].

При всей внешней выверенности архитектурных решений фортифицированных объектов трудно избавиться от ощущения избыточности при анализе монументальных систем обороны в сочетании с отсутствием следов военных конфликтов. Сами масштабы поселений (насчитывающих многие десятки построек) плохо согласуются с возможностью концентрации населения в условиях животноводческого хозяйства. Понятно, что поселения с замкнутой планировкой и системой фортификации должны обеспечивать безопасность, другое дело, насколько реальной была внешняя угроза и была ли она сугубо военной, хотя довольно многие авторы исходят именно из этого, указывая на сейминско-турбинское соседство [Тавризян, 2001., и др.]. Рассмотрение оборонительной стены в первую очередь как средства отделения гармонически организованного средоточия культуры и космического порядка от диких неуправляемых сил первородного хаоса, а лишь во вторую — в качестве утилитарного объекта предложено в трудах М. Элиаде [Элиаде, 1994. С. 38], Ю.В. Андреева [Андреев, 1992. С. 11] и др. Одним из

вероятных объяснений возникновения этого феномена является реакция на освоение новой территории (в том числе ритуальными средствами) в сочетании с утверждением принципиально новой системы хозяйственной деятельности. Это освоение шло через преобразование ландшафта и создание участков пространства, где хаос преобразован в космос. Представления об «очеловеченном» пространстве, видимо, были уже достаточно сложными, о чем свидетельствуют выявленные закономерности взаиморасположения поселений и некрополей (локализация значительной части могильников в северных румбах и разделение частей комплекса водной преградой).

В организации могильников, которые во всех достоверных случаях были курганными [Стефанов, Епимахов, 2006], никакой системы не прослеживается. Признаки структурированности имеет подкурганное пространство с акцентированием центра и периферии, заданными границами, нередкой парностью центральных могил. Принцип парности дублирован и другими средствами — положением покойных, жертвоприношением «колесничных» лошадей. Как уже отмечено, центральные захоронения были местами коллективного упокоения разновозрастных индивидов: в составе инвентаря имеются атрибуты, традиционно трактуемые как элитные. Однако то же самое можно сказать и о многих периферийных могильных ямах, часть которых имела не менее монументальные конструкции, чем центральные. Т.е. противопоставление центра и периферии не дублировалось иными чертами погребальной ритуальности, скорее, можно обсуждать воплощенное единство сакрального центра с остальной частью площадки, организация которой подчинена той же идее, что округлоплановые поселения. Курган формировался как единый тафокомплекс в ходе совершения очередных захоронений на площадке.

До обсуждения социальных структур, определяющих портрет синташтинского общества, следует вновь подчеркнуть селективный принцип формирования тафокомплекса, подтверждаемый, в частности, высоким уровнем санитарного состояния, количеством трудозатрат на погребальные ритуалы (вычурный обряд жертвоприношения животных, сложные внутримогильные конструкции, значительное количество инвентаря). Среди наиболее наглядно воплощенных в погребальной обрядности отношений — семейно-брачные. Имеется в виду серия заведомо одновременных парных погребений разнополюх индивидов, часто сопровождаемых детьми. Вряд ли можно во всех случаях безапелля-

ционно говорить о реальности брака между покойными. В некоторых случаях очевидно, что старшие индивиды не могли быть биологическими родителями детей, подобные комплексы должны, скорее, отражать идеи «священного брака», идеальной семьи и пр. Не исключено, что многочисленность детских погребений для синташтинской и последующих андроновской семьи является отражением того же круга представлений.

Вообще, коллективность захоронений (именно в них выявлено 4/5 всех покойных) составляет одну из примечательных черт обрядности. Нами ранее выдвигалось прагматическое объяснение этой особенности — сезонность захоронений [Епимахов, 2002], которое может оказаться не исчерпывающим. Акцент на коллективный характер обряда мог подчеркивать именно эту черту в идеальном образе социума. Вряд ли стоит обсуждать полную эгалитарность идеологии, но ориентация элиты на индивидуальные интересы кажется еще менее аргументированной.

Наряду с семейно-брачными достаточно отчетливо проявлены и гендерные, и возрастные структуры [Епимахов, 2002. С. 50 — 51]. Анализ позволил выявить ряд важных различий похоронной ритуальности для мужчин и женщин (состав инвентаря, жертвенных животных, особенности ориентировки и локализации на подкурганной площадке и др.). В целом женская серия выглядит более «канонизированной», по сравнению с мужской. Вероятно, социальная позиция женщины определялась не только возрастом, но и, например, вступлением в брак, поскольку неоднородность женской обрядности совершенно очевидна.

Ранговая дифференциация, наиболее часто обсуждаемая в связи с синташтинскими и синхронными им памятниками, в пределах некрополей не проявляется, поскольку параметры надмогильных сооружений сопоставимы, а некоторая разница в размерах (и трудозатратах) обусловлена количеством погребенных. Нет следов такой дифференциации и в границах отдельного комплекса, за вычетом упомянутого разграничения центра и периферии, к которому можно добавить только колесничную атрибутику, сопровождаемую в целом большим количеством вооружения. Однако, поскольку мы имеем дело только с элитным сегментом общества, надо думать, что сами похороны по курганному обряду уже являлись свидетельством особого статуса. С другой стороны, разработанная система социальных атрибутов никак не согласована с имущественной дифференциацией, что вновь возвращает

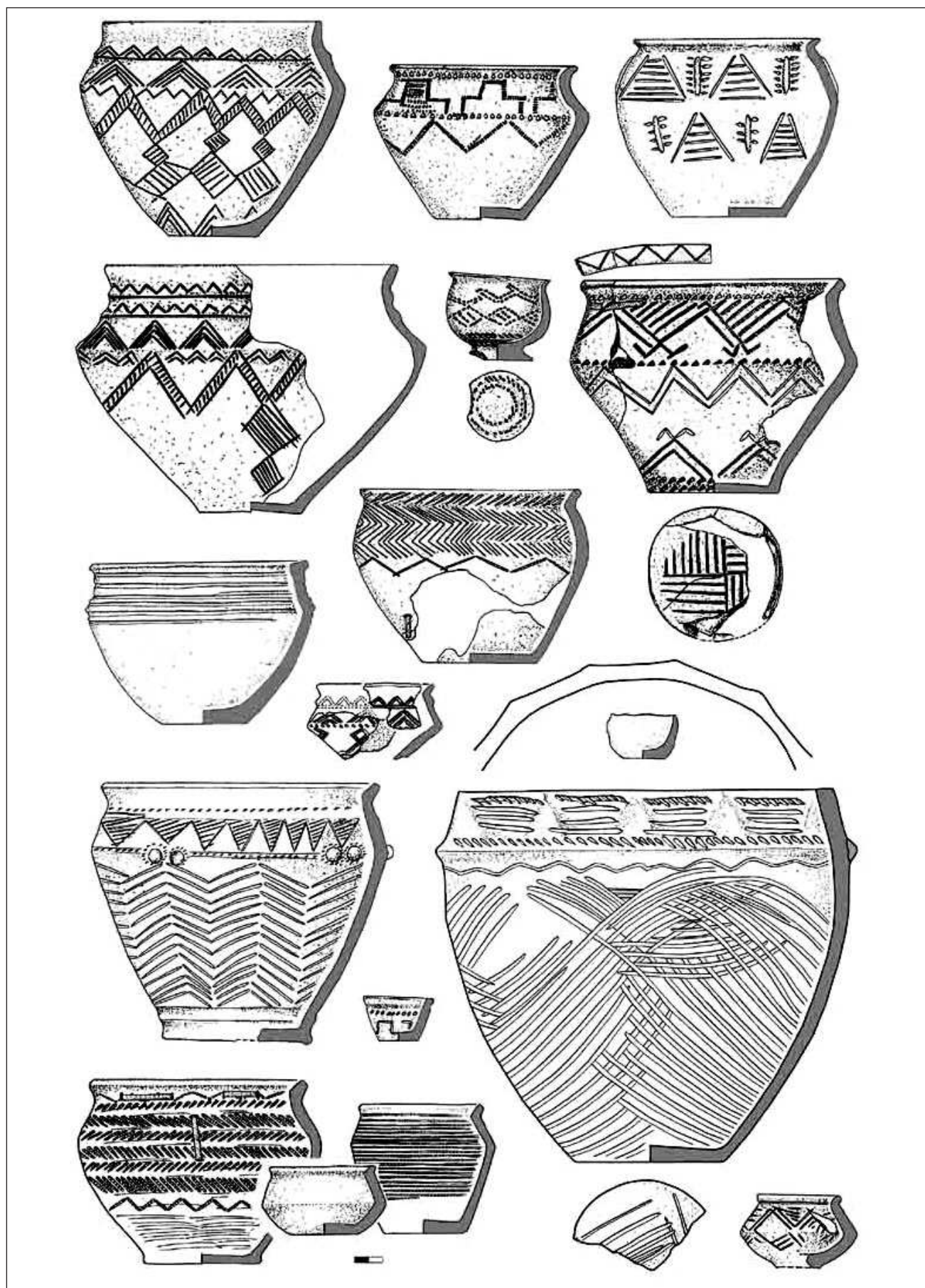

Рис.33. Синташтинская культура. Керамический комплекс могильника Каменный Амбар-5.

исследователей к тезису об элементах эгалитарной идеологии (по крайней мере, в пределах археологически фиксируемой элитной группы). Это не исключает возможности дробной «специализации» элиты. Так, некоторые категории находок могут трактоваться как атрибуты культовых функций.

Одно из наиболее очевидных воплощений имеет профессиональная дифференциация. В качестве самостоятельных отраслей могут рассматриваться металлургия и военное дело. Если второе было сугубо мужским (не известны достоверные не потревоженные погребения без соответствующего инвентаря), то следы производства и обработки металла довольно часто сопровождают не только женские, но и детские захоронения. «Особость» статуса отрасли в данном случае оказалась ассоциирована с элитным комплексом в целом даже вне разграничения по полу и возрасту, что подчеркивает ее высокую значимость в глазах социума.

Разнообразие диагностируемых социальных ипостасей немногочисленных индивидов, обнаруженных в курганах, способно привести в замешательство. Однако, кажется, перед нами яркий пример дублирования содержания основного обрядового «текста», подчеркивающего слитность основных социальных ролей. Коллективность в данном случае может рассматриваться как символ принадлежности к конкретной группе (родственной, профессиональной или иной) либо к социуму в целом. Представляется вполне вероятным, что в рамках кургана погребены люди, объединенные при жизни связями родства и свойства. Таким образом, несмотря на наличие признаков элитного комплекса (селективный принцип формирования, многочисленная соответствующая атрибутика), основным мотивом оказывается социальная солидарность.

Возможна и принципиально иная оценка этой изложенной группы фактов, признающая факт групповой солидарности элиты, противопоставленной остальной части общества. Внешне это подтверждается очевидным дублированием атрибутов элитности погребенных (включая экзотические для данной культуры способы обращения с покойным). Однако она кажется нам менее правдоподобной в свете «эгалитарной» картины поселений, отсутствия следов накопления сокровищ и т.п.

Синташтинские традиции во многом стали определяющими в формировании стереотипов последующих периодов бронзового века за счет преимуществ во владении новыми технологиями и навыками ведения производящего хозяйства. В вопросе о происхождении синташтинских стереотипов

авторы солидарны, пожалуй, только в признании ключевой роли миграционного импульса, однако направление и длительность миграции, культурный облик и состав исходных компонентов – предмет горячих споров [Виноградов, 2007; Григорьев, 1999; Зданович, 2002]. Миграционный сценарий нашел подтверждение и в антропологических данных. Согласно этим данным, облик синташтинского населения в расовом отношении неоднороден (преобладают европеоидные черты) и достаточно резко отличается от предшествующего периода [Хохлов, 2009].

Формирование синташтинского культурного феномена в самом общем виде может быть представлено следующим образом. В конце периода средней бронзы происходит деструктивный сдвиг, приведший к распаду Циркумпонтийской провинции, ранее функционировавшей в условиях широких связей и взаимовлияний. Естественно, что деструкция не имеет результатом уничтожение стереотипов культуры, если речь не идет об утрате носителей традиции. В экстремальной ситуации изменяется система приоритетов общества, актуализируются стереотипы, ранее находившиеся на периферии общественного сознания.

Несмотря на разнородность исходных компонентов, синташтинский феномен окончательно сложился именно на Южном Урале. Привнесение традиций поселенческой и погребальной архитектуры, бурное развитие металлопроизводства не должны заслонять сохранения скотоводческой направленности хозяйства, традиционного для степной зоны. Это не отрицает значительной роли металлургии. Видимо, можно предполагать синхронное появление ряда культур на фоне распада старых. Налицо скачкообразный характер развития технологии металлургии, строительства, деревообработки. Все три перечисленные культурные явления в той или иной степени связаны с южным блоком Циркумпонтийской провинции.

Синташтинский феномен становится ядром, генерирующим новые стереотипы, получившие полное воплощение в следующий период [Бочкарев, 2002]. Миграция и освоение новой территории породили не только трансформацию исходных культурных элементов, но и актуализировали черты, ранее не выступавшие в качестве системообразующих. Так, металлургическая специализация синташтинского общества, контролировавшего, возможно, не только минеральные ресурсы, но и монополию на секреты технологии, определила весь облик культуры [Виноградов, 2007]. В ходе миграции

и утверждения на новой территории естественным оказалось нарастание общей «милитаризации» общества и усиление роли военной элиты, что нашло идеологическое оформление в мифологии и погребальных ритуалах. Закрепление сильных позиций элиты могло быть связано с упомянутыми выше монополиями.

В дальнейшем факторы, инициировавшие этот процесс, утратили актуальность. Происходит расширение металлопроизводящей зоны и утрата доминирующего положения южноуральских укрепленных поселений. Постепенно угасает традиция возведения сложных фортификационных систем, в погребальной обрядности уменьшается значение военных черт, снижается общее количество находок, интерпретируемых как оружие. В условиях трансформации системы внешних связей неизбежно снижается роль военной элиты и происходит вымывание из погребальной обрядности черт, интерпретируемых исследователями как признаки стратификации общества.

Общее направление эволюции погребальной обрядности видится в постепенном изживании наиболее «дорогостоящих» его частей за счет использования миниатюрных имитаций металлических орудий, неполных или имеющих следы ремонтов сосудов, изготовления некоторых категорий инвентаря специально для погребения, замены полных туш жертвенных животных частями в соответствии с принципом *pars pro toto*. Очевидно, что вслед за своеобразным взлетом следует период стабилизации, фиксирующийся в стандартизации не только погребальной обрядности, но также и в столь чутком показателе как керамическое производство. Имеющиеся данные позволяют предполагать постепенное изживание (по меньшей мере, существенное сокращение доли) нефиксируемых археологически погребальных обрядов, альтернативных курганной ингумации. Яркость синташтинского погребального обряда хотя бы отчасти была обусловлена необходимостью закрепления в общественном сознании принципиально новой системы культурных стереотипов на стадии становления социума. Редуцирование схемы обряда происходит за счет уменьшения его вариативности. В конечном итоге сформировавшаяся на этапе освоения территории социальная система, как и высокая степень милитаризации, оказались избыточны, и естественным итогом стало упрощение. Более длительное сохранение «военных» черт, прежде всего в идеологической сфере, полностью соответствует особенностям мифологи-

ческого мышления, ориентированного на повторяемость, как средство достижения стабильности.

Традиционно крайне сложная проблема лингвистической и этнической атрибуции археологических культур для синташтинской оказывается помножена на миграционный характер формирования и разнородность прослеживаемых компонентов (местных и пришлых). Суждение о языковой принадлежности культуры, сложившейся в результате взаимодействия этих элементов, без дополнительных данных невозможно. В роли таковых используются заключения лингвистов о скорости изменения языков (глоттохронология); лингвистические заимствования как отражение контактов; сопоставление облика культуры и мифологии по данным археологии и ранних письменных источников (с привлечением информации о лексическом составе) [Кузьмина, 1994]. В некоторых случаях есть возможность обратиться к ретроспективному методу: от этнографической современности в глубь веков. Хотя ни один из перечисленных вариантов исследования не дает полной гарантии достоверности, их сопоставление часто может привести к обоснованным выводам.

В I тыс. до н.э. в степной зоне, по мнению большинства ученых, господствовали иранские языки, носители которых часто рассматриваются в качестве наследников традиций бронзового века. Еще с времен С.И. Руденко и С.Е. Малова существует гипотеза о тюркоязычности части племен степной зоны Южного Урала в сер. I тыс. до н.э. [Руденко, 2006; Малов, 1951. С. 180 – 304]. Судя по этимологическим словарям, люди, говорившие на этих языках, владели навыками животноводства, колесным транспортом, секретами выплавки меди и пр. Вместе с тем, ни те, ни другие не строили городов, не имели развитого земледелия, не создали государства. Особое место в их мифологиях занимает культ коня, а у ираноязычных и колесницы [Кузьмина, 1977], столь наглядно представленный в синташтинской погребальной обрядности.

АЛАКУЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА

Алакульская культура является одним из наиболее масштабных явлений бронзового века по числу памятников и территориальному охвату. Это обстоятельство в значительной степени предопределило разнообразие оценок и даже основных дефиниций – этап, линия развития, культура, семья культур, общность. Для периода функционирования уверенно алакульской культуры выделяется еще ряд

столь же крупных общностей, прежде всего синхронная и, видимо, родственная ей срубная.

История изучения алакульских древностей насчитывает более ста лет, хотя первые материалы были получены еще в XIX в. [Виноградов, 1993]. Первоначально они рассматривались в рамках андроновской культуры, границы которой простирались от Южного Приуралья вплоть до Минусинской котловины. Однако, благодаря характерному облику керамики, алакульские материалы довольно рано стали восприниматься в качестве западного варианта андроновской культуры [Грязнов, 1927]. В середине XX в. на территории Южного Зауралья, наряду с эпонимным Алакульским могильником и аналогичными ему памятниками, был исследован и ряд других, в том числе «типично андроновские» (Федоровский могильник), а также синкретические, сочетавшие восточные и западные черты. Таким образом, территориальное объяснение различий оказалось неудовлетворительным. В качестве альтернативы было предложено хронологическое разграничение [Сальников, 1948; Сальников, 1952], и обозначенные группы стали восприниматься как этапы развития андроновской культуры. К.В. Сальников исходил из идеи генетического родства федоровских и алакульских традиций, при этом первые воспринимались как более ранние. Следует отметить одну особенность историографии: начиная с 1940-х гг. полемика на протяжении многих лет велась по поводу периодизации культур в рамках общности, в первую очередь об относительной хронологии алакульских и федоровских материалов и, как следствие, их датировке. Иные проблемы, за исключением культурогенетических, долгое время оставались вне поля зрения исследователей либо были освещены в минимальной степени.

Круг алакульских и близких им материалов неуклонно расширялся и количественно, и территориально в последующие годы [Зданович, 1988; Кривцова-Гракова, 1947; Кузьмина, 2008; Потемкина, 1985; Ткачев, 2002а, 2002б]. В результате был сформирован обширный корпус источников, охватывающих пространства от степного Приуралья до Западной Сибири и Центрального Казахстана. Ключевыми памятниками для рассматриваемой культуры был не только эпонимный могильник, но и Алексеевское поселение, комплекс памятников Тасты-Бутак, Еленовский и Ушкатынский микрорайоны и многие другие. Постепенно накапливались противоречия, в том числе и в сопоставлении с системой периодизации соседствующих срубных памятников Поволжья, что привело к выводу о самостоятельности алакульских и федоровских традиций [Григорьев, 2002. С. 52 – 53], которые, в конечном итоге, стали определяться как самостоятельные археологические культуры. Более того, В.С. Стоколос

[Стоколос, 1972] пришел к заключению о хронологическом приоритете алакульской культуры над федоровской, которая сосуществовала на позднем этапе. Впрочем, идея синхронизации двух традиций никогда не исчезала совсем [Андроновская культура, 1966].

Новый толчок к ревизии периодизации дало открытие в 1960 – 1970-е гг. петровских памятников в Северном Казахстане [Зданович, 1988; Зданович, 1973], которые наглядно демонстрировали облик раннего этапа развития алакульской культуры. Позднее на Южном Урале были обнаружены петровские памятники, которые стали рассматриваться либо как самостоятельная культура [Григорьев, 2000; Зданович, 1988], либо как ранний этап алакульской [Виноградов, 2007; Виноградов, 2004]. На основании стратиграфических наблюдений и анализа металлического инвентаря [Аванесова, 1991] была сформулирована новая линейная схема генезиса культур: петровская – алакульская – федоровская – саргары-алексеевская [Зданович, 1984]. Порядок звеньев этой цепи, за исключением алакульско-федоровского, был хорошо аргументирован результатами раскопок. Данная схема (часто в более детализированном варианте) имеет сторонников по сей день [Матвеев, 2000], хотя многие специалисты не столь категоричны. Наиболее последовательно свою позицию отстаивает и аргументирует с привлечением широкого круга источников Е.Е. Кузьмина [Кузьмина, 2008; 2004]; есть примеры региональных обоснований [Стефанов, Корочкова, 2006; Ткачев, 2002а, 2002б].

Расхождения в интерпретации алакульских материалов – прямое отражение различий в понимании сути культурных процессов периода, включая ключевое понятие «андоновская культурно-историческая общность» [Григорьев, 2002; Корочкова, 2004; 2003; Матвеев, 1998], не говоря уже о дискуссиях по поводу форм общности и хронологического соотношения ее отдельных компонентов [Матвеев, 2000]. Отсюда проистекают и разногласия по вопросам культурогенеза, этнической атрибуции и пр. Несмотря на обозначенные проблемы, никем не оспаривается самостоятельность алакульских культурных традиций, запечатленных в разнотипных археологических памятниках и характерной материальной культуре, прежде всего в керамике и металлических украшениях.

В вопросах периодизации ранее всего консенсус был достигнут в отношении поздней позиции памятников, содержащих керамику с налепным валиком, определенных Е.Н. Черных в качестве общности [Черных, 1983]. В данном случае сказалось не только накопление новых материалов, но и обращение к полученным ранее [Евдокимов, 1975; Потемкина, 1985]. Что касается относительной хро-

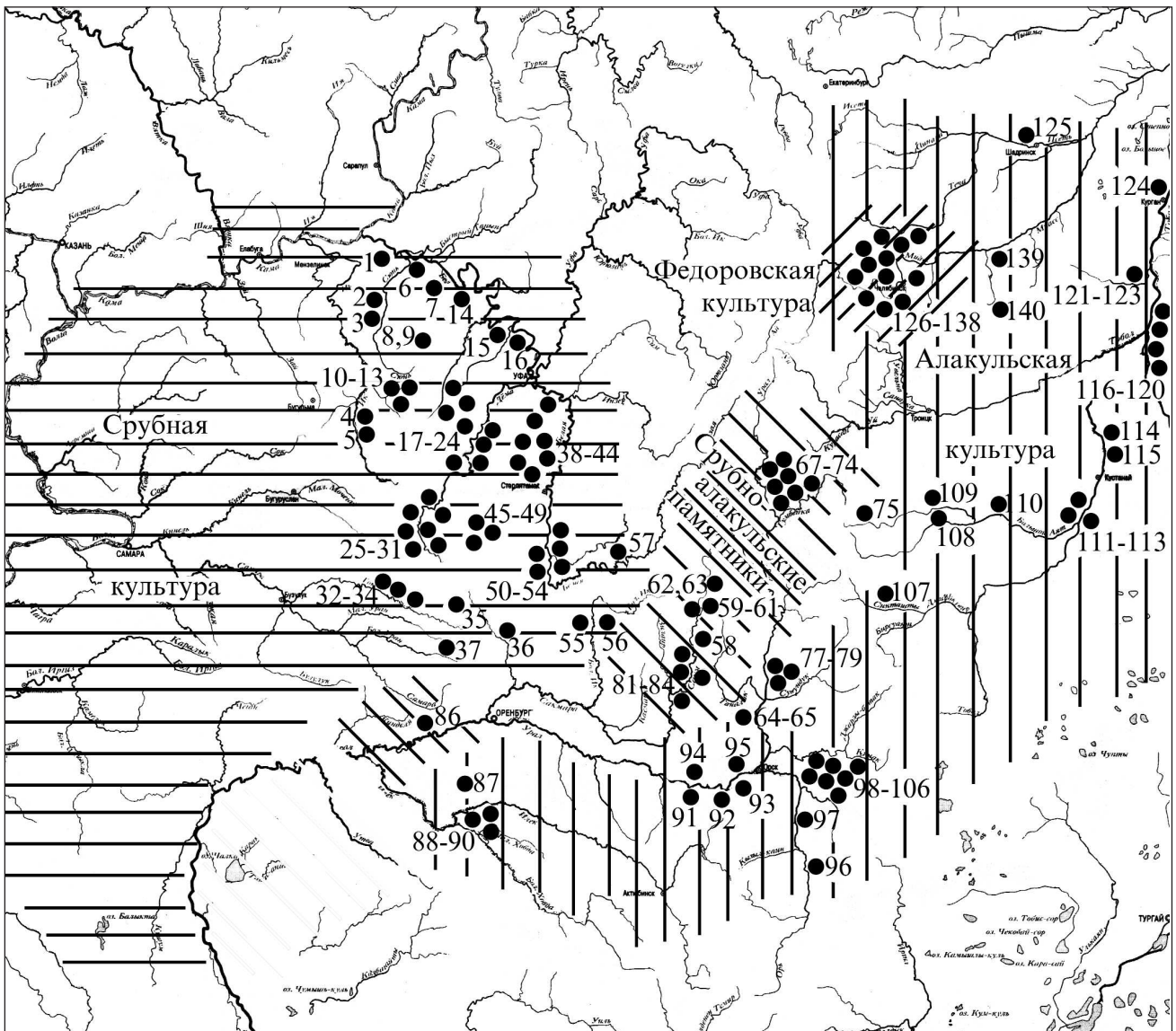

Рис.34. Карта археологических культур и памятников срубно-алакульского этапа эпохи бронзы.

Памятники срубной культуры.

Поселения: 3 – Метев-Тамак; 4 – Куштерьякское; 5 – Абдуловское; 6 – Жидемекское; 7 – Балтачевское; 11 – Бикметовское; 12 – Нугушское; 13 – Исагиловское; 15 – Старо-Туиаклинское; 18 – Ново-Баскаковское; 19 – Нижнее-Хозяттовское; 21 – Старо-Яптаровское; 22 – Казангуловское; 23 – Давлекановское; 24 – Биккуловское; 28 – Аитовское; 30 – Набережное; 32 – Токское; 33 – Сухореченское II, 34 – Ивановское; 37 – Горное; 38 – Ибрагимовское; 40 – Чиминское; 43 – Усмановское; 44 – Мурадымовское; 46 – Ново-Барятинское; 50 – Юмаковское; 51 – Береговское; 54 – Тюбяк; 59 – Бикметовское; 61 – Тавлыкаевское; 64 – Танатарское; 65 – Таналыкское; 66 – Петропавловское.

Могильники: 1 – Байсарский; 2 – Бакалинский; 8 – Верхне-Аташевский; 9 – Именлекулевский; 10 – Ново-Балтачевский; 14 – Тартышевский; 16 – Манякский; 17 – Ново-Баскаковский; 20 – Старо-Ябалаклинский; 25 – Менеузовский; 26 – Туксамбетовский; 27 – Каскыновский; 29 – Качкиновский; 31 – Аитовский; 35 – Биккуловский; 36 – Ново-Муранталовский; 39 – Петряевский; 41 – Чиминский; 42 – Казбуруновский; 45 – Гурьяновский; 47 – Николаевский; 48 – Иштаровский; 49 – Уметбаевский; 52 – Варваринский; 53 – Васильевский; 55 – Санзяповский; 56 – Русско-Тангировский; 57 – Нугушский; 58 – Мерясовский; 60 – Тавлыкаевский; 62 – Бекешевский; 63 – Ишкуловский; 67 – Чернореченский; 68 – Мало-Кизильский I; 69 – Спасское III.

Срубно-алакульские памятники.

Поселения: 70 – Нижнее-Спасское; 72 – У Спасского моста; 83 – Олаир; 86 – Покровское.

Могильники: 71 – Спасское I; 73 – Селивановский II; 74 – Агаповка II; 75 – Система 1, 2, 4, 6; 76 – Ильясский I; 78 – Чуваксай; 81 – Комсомольские III курганы; 82 – Комсомольские V курганы; 84 – Сибайский II; 85 – Ивановские I, IV курганы.

Памятники алакульской культуры.

Поселения: 103 – Шандаша; 107 – Мирный II; 111 – Алексеевское; 113 – Садчиковское; 115 – Конезавод; 117 – Убаган II; 119 – Камышино II; 121 – Язеву I; 122 – Язеву III; 123 – Кипель; 125 – Замараевское; 128 – Ново-Бурино; 134 – Черняки I.

Могильники: 77 – Березовка V; 79 – Покровка I; 80 – Макан II; 87 – Ветлянка IV; 88 – Мечет-Сай; 89 – Увак; 90 – Пятимары I; 91 – Урал-Сай; 92 – Киргильда I; 93 – Киргильда II; 94 – Хабарное I, II; 95 – Ново-Аккермановский; 96 – Тасты-Буртак I; 97 – Кожумберды; 98 – Атакен-Сай; 99 – Ушкатты I; 100 – Купухта; 101 – Турсумбай I; 102 – Турсумбай II; 104 – Еленовка II; 105 – Байту II; 106 – Байту I; 108 – Владимировка; 109 – Кулевчи VI; 110 – Николаевка II; 112 – Алексеевский; 114 – Конезавод; 116 – Убаган I; 118 – Верхняя Алабуга; 120 – Камышино I; 124 – Царев курган; 130 – Урефты I; 131 – Черняки I; 132 – Черняки II; 135 – Смолино; 136 – Синеглазово; 137 – Исаково; 139 – Алакуль; 140 – Субботино.

нологии федоровских и алакульских древностей, то приоритеты менялись неоднократно, в этом вопросе, на уровне конкурирующих гипотез, сегодня сосуществуют мнения об их параллельном функционировании [Григорьев, 2000; Кузьмина, 2008; 1994; Стефанов, 2006] и о вызревании федоровских традиций в алакульской среде [Аванесова, 1991; Зданович, 1988; Матвеев, 2000].

В трактовке вопроса о происхождении алакульских традиций также можно наметить несколько вариантов. Наряду с «петровской версией» [Виноградов, 2007; Виноградов, 2005; Зданович, 2008; Матвеев, 1998], согласно которой источником алакульского комплекса черт послужило петровское население, есть альтернативные. Так, С.А. Григорьев настаивает на прямом (без посредства петровской культуры) участии в этом процессе синташтинского и абашевского населения [Григорьев, 2000. С. 311 – 313], апеллируя к результатам раскопок могильника Ветлянка IV в Южном Приуралье [Горбунов и др., 1990], а также к некоторым чертам сходства материальной культуры и погребальной обрядности. Кроме того, требует упоминания и точка зрения Т.М. Потемкиной, согласно которой алакульские керамические традиции имеют местные корни в среде культур энеолита и ранней бронзы лесостепного Притоболья [Потемкина, 1985. С. 268]. Эта версия, пожалуй, наименее популярна среди современных специалистов. Что касается зоны происхождения, то вопрос сводится к выделению группы памятников наиболее ранней фазы развития алакульской культуры. Если в качестве таковой принимать петровские древности, ныне в изобилии представленные в степной зоне по обе стороны Урала, Северном и Центральном Казахстане (нуртайская культура по А.А. Ткачеву [Ткачев, 2002а, 2002б]), то территория культурогенеза оказывается весьма обширной. Формальных поводов для предпочтения какой-то части нет, поскольку только на Южном Урале есть данные стратиграфии [например, Григорьев, 2007]. Для территорий, расположенных к востоку и юго-востоку, петровские (нуртайские) материалы, по сути, – первые, действительно массовые памятники бронзового века.

Сходное направление эволюции материального мира в обозначенных территориальных рамках может служить аргументом не только в пользу единой генетической основы, но и поддержания стабильных связей внутри алакульской ойкумены. Это обстоятельство обретает особое значение в свете очевидной экологической неоднородности – от лесостепного Притоболья до открытых степей Казахстана. Вероятно, носители алакульских традиций обладали высокой адаптивностью, поскольку сохранили основные стереотипы культуры в прин-

ципально разных природных условиях, более того, не меняли основ системы жизнеобеспечения.

Как уже отмечалось, памятники алакульской общности занимают огромную территорию в степной и лесостепной зонах Приуралья, Северного и Центрального Казахстана. Восточная граница маркирована могильником Ермак-4 [Хабарова, 1993] и другими памятниками Западной Сибири. На западе очертить ойкумену гораздо сложнее, поскольку памятники периода поздней бронзы бассейна рр. Урал и Илек характеризуются широким сочетанием культурных черт алакульской и срубной общностей с преобладанием первой в Зауралье и степном Предуралье, а второй – в лесостепном Предуралье [Рутто, 2003; Сальников, 1967]. Носителями алакульских традиций был освоен север зауральской лесостепи вплоть до южной границы таежной зоны, что документировано материалами могильников и отчасти поселений [Матвеев и др., 2007; Матвеев 1998; Матвеев 2003; Стефанов, Корочкова, 2000]. На юге распространение алакульских памятников ограничено зоной степей (Рис.37). Несмотря на явную невозможность рассмотрения территории в целом как единой археологической культуры, на сегодняшний день отсутствует развернутая аргументация деления (с опорой на статистические процедуры) на локальные варианты, хотя варианты предложены довольно давно. Например, Е.Е. Кузьмина выделяет причелябинский, тобольский, уйско-увельский, магнитогорский, северо-казахстанский, западно-казахстанский, центрально-казахстанский варианты [Кузьмина, 2008. С. 119 – 150]. Однако со времени написания работы (конец 1970-х гг.) накоплены обширные материалы, и границы ряда перечисленных групп оказались размыты. Представляется возможным более использовать более крупные территориальные единицы – приуральская, зауральская, северо- и центрально-казахстанская группы памятников. Для последней попытка сформулировать критерии разделения групп сделана А.А. Ткачевым [Ткачев, 2002а, 2002б]. Для Зауралья контуры деления степного и лесостепного вариантов намечены И.П. Алаевой [Алаева, 2008]. Однако определение конкретных диагностирующих черт каждого из локальных вариантов – дело будущего. Впрочем, Е.Е. Кузьминой предложен и иной подход – рассматривать андроновскую общность (с ее многочисленными гибридными типами) в рамках двух основных, широко взаимодействующих на протяжении всей истории своего существования линий развития – алакульской и федоровской [Кузьмина, 2008. С. 159; Кузьмина, 1994].

Хронология культуры остается дискуссионной, поскольку опирается в основном на систему периодизации культур, а она, как отмечено выше, не вполне однозначна. Впрочем, вряд ли возможно

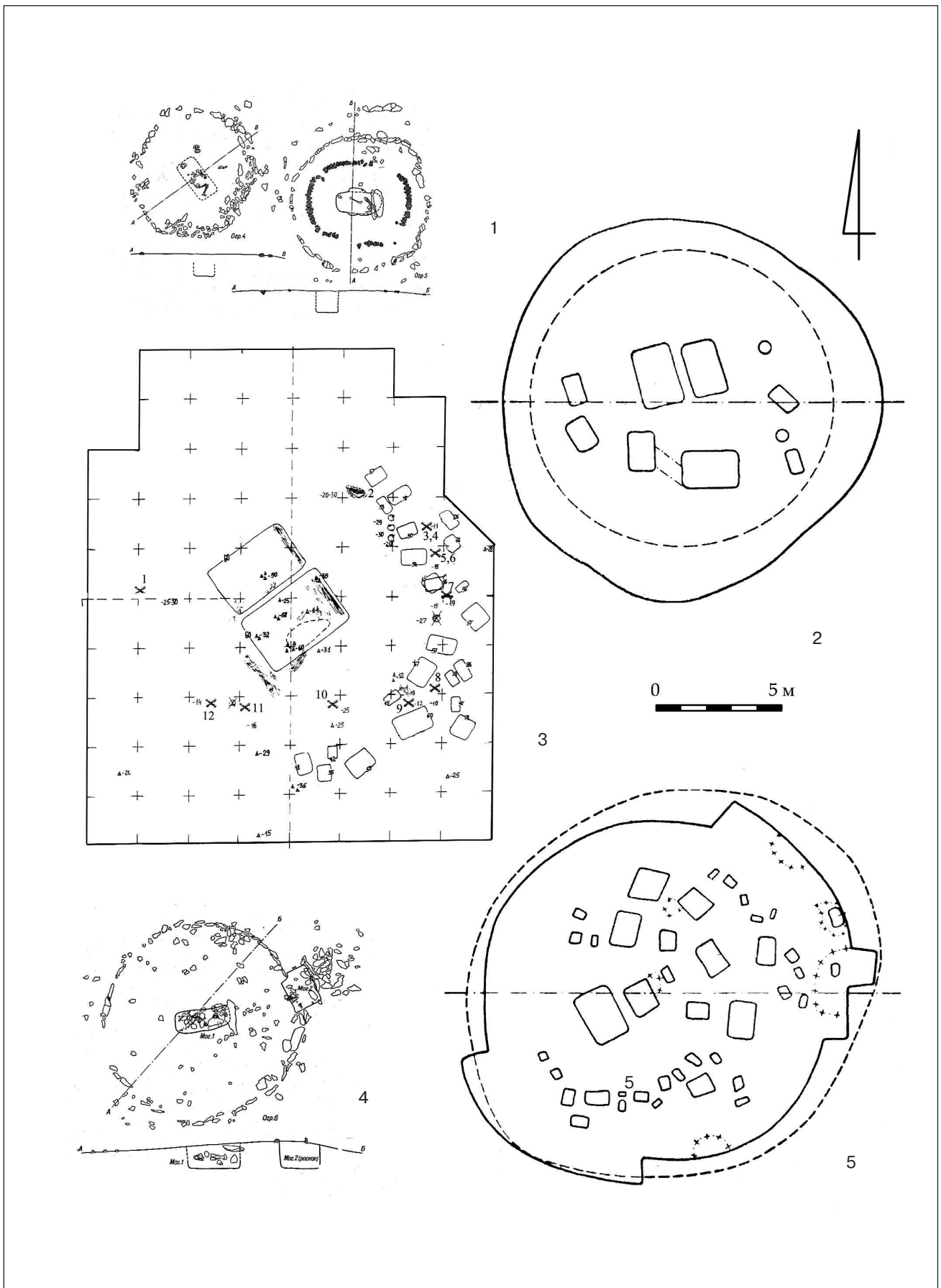

Рис.35. Алакульская культура. Планировка подкурганного пространства.
 1, 4 – могильник Тасты-Бутак; 2 – 3, 5 – могильник Алакуль. (по Сорокин, 1962; Сальников, 1952).

подвергнуть сомнению некоторые факты. Стратиграфические данные в целом ряде случаев иллюстрируют позднюю позицию алакульских материалов относительно синташтинских и петровских. Столь же надежно установлен хронологический приоритет алакульских традиций относительно культур валикового горизонта. Эти наблюдения обильно дублируются следами алакульско-срубных контактов на протяжении всех этапов существования общностей. Срубные древности надежно вписаны в восточно-европейскую систему периодизации – вторая фаза Евразийской металлургической провинции. Таким образом, место алакульской общности в системе относительной хронологии вполне определено, а вот строгому определению его в цифрах препятствует несколько причин.

Для «алакуля» сложно выявить узко датированные типы изделий и аналогий им (например, предметы импорта). Такая ситуация не редкость, и обычно специалисты обращаются к естественнонаучным методам, в первую очередь, к радиоуглеродному датированию. Правда, процесс перехода на калиброванные значения пока не завершен, поэтому есть некоторые расхождения в цифрах. Внешне солидная по количеству анализов алакульская серия (более 50 образцов) оказалась внутренне противоречивой и распалась на две группы. Почти половина алакульских значений относится к III тыс. до н.э. (2300 – 2000, 1900 – 1450 гг. до н.э.), что представляется нереальным. Более того, принятие этого варианта порождает совершенно неприемлемый пересмотр всей периодизации бронзового века Северной Евразии, согласно которой II фаза Евразийской металлургической провинции (включающая срубные и алакульские древности) относится к 1900 – 1250 лет до н.э. [Черных и др., 2002. С. 21]. Кроме того и синташтинская культура определено датируется XXI – XVIII вв. до н.э. [Епимахов, 2007], а ее более ранний возраст относительно «алакуля» надежно установлен стратиграфически. Для проверки могут быть привлечены также некоторые алакульско-федоровские памятники, сумма дат для которых 1780 – 1530 лет до н.э. В свете изложенных фактов, видимо, основной зоной согласования (без учета экстремальных значений) следует считать период XVIII – XV вв. до н.э., что достаточно близко срубному интервалу. Внутренняя периодизация алакульской общности построена почти исключительно на анализе керамики. В этом русле сформулировано несколько вариантов деления на этапы [Виноградов, 1983; Матвеев, 1998; Ткачев, 2003], иллюстрирующих плавное изживание петровских (по другой версии, синташтинских и абашевских) черт.

Алакульские древности представлены двумя типами памятников – поселениями и могильниками. Наиболее надежно документированы результа-

тами раскопок выводы об облике и материальной культуре поселений степного и лесостепного Зауралья (за исключением северной периферии) и Казахстана [Матвеев, 2002; Потемкина, 1985; Сальников, 1952; 1967; Стоколос, 1972; Стефанов, Корочкова, 2000; 2006]. Констатация двадцатилетней давности об отсутствии полностью раскопанных алакульских поселений [Зданович, 1988] сохраняет актуальность и поныне. Характерна ситуация, когда раскопкам подвергнуты одно – два строения [Епимахов, Епимахова, 2002; Стефанов, 1996], либо в распоряжении исследователей имеются результаты разведочного обследования. Поэтому характеристику поселения как архитектурного комплекса трудно назвать исчерпывающей.

Памятники локализуются на первых надпойменных террасах рек либо по берегам озер, несколько реже следы поселений обнаруживаются на возвышенных участках. Характерной особенностью размещения является близость к широким поймам. Планировочная структура большинства поселений может быть охарактеризована как линейная, в некоторых случаях фиксируются усложнения в виде второго ряда котлованов, расположенных вдоль линии берега [Потемкина, 1985; Стефанов, 1996; Стоколос, 1972]. Общая площадь большинства поселений не превышает 10 тысяч кв. м, наиболее крупные расположены на восточном фланге ойкумены. Для позднего этапа констатируется увеличение размеров до 35 тыс. кв. м [Потемкина, 1985. С. 144 – 145]. Остатки оборонительных сооружений выявлены на зауральском поселении Камышное II [Потемкина, 1985. С. 76 – 103] на периферии алакульской ойкумены. Принадлежность укреплений именно алакульскому периоду не бесспорна, поскольку на памятнике выявлены и петровские материалы.

Различия в ориентировке соседних строений, их локализация на некотором расстоянии друг от друга склоняют к заключению, что комплекс конкретного поселения формировался постепенно, путем достройки жилищ вдоль одной линии. Длинной осью строения, как правило, ориентировались перпендикулярно береговой кромке [Зданович и др., 2003]. Конструкция и технология строений различаются в деталях в каждом из локальных вариантов. Широкое использование камня в строительстве присуще памятникам степной зоны Приуралья [Алаева, 2008] и безлесных территорий Центрального Казахстана [Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Ткачев, 2002а, 2002б]. На ряде памятников Центрального Казахстана камень также не употреблялся при жилищном строительстве, в целом наблюдается нарастание числа каменных конструкций с запада на восток. Применение камня связано в основном с обкладкой стенок котлованов, стены жилищ из камня, видимо,

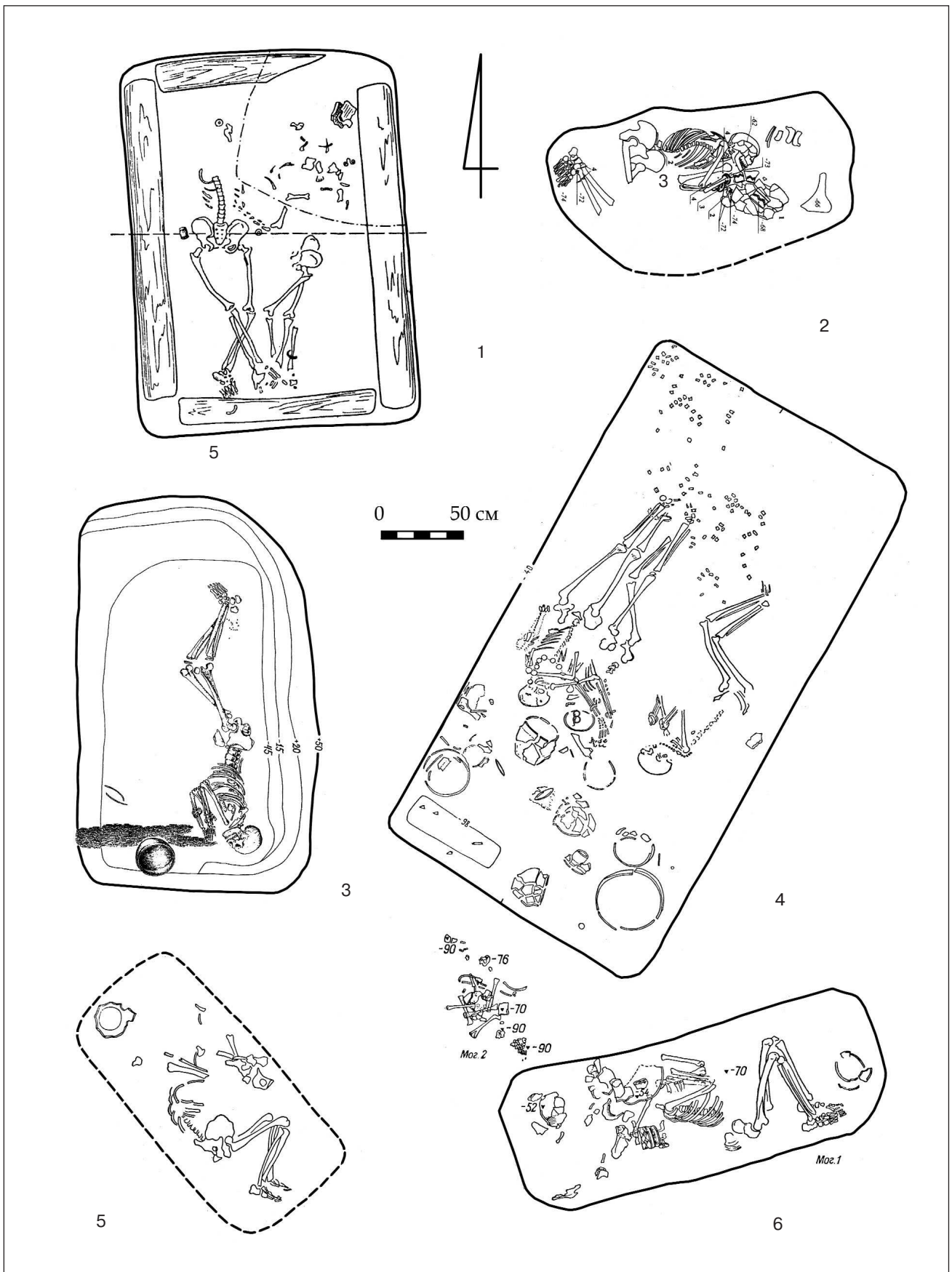

Рис.36. Алакульская культура. Планы погребений.
 1, 3 – могильник Алакуль; 2 – могильник Николаевка II; 4 – могильник Степное VII; 5 – 6 – могильник Тасты-Бутак. (по Сорокин, 1962; Курпянова, 2008; Сальников, 1952).

не возводились. В Зауралье и Северном Казахстане такой традиции нет, что не может быть объяснено сугубо утилитарными причинами, поскольку проблемы добычи камня в предгорьях Урала не существует. Обычный размер прямоугольного котлована составляет от 140 до 270 кв. м, их глубина достигает 0,7 м, хотя часть жилищ углублена минимально. Для северной периферии выявлены жилые строения гораздо меньших размеров [Корякова и др., 1991; Стефанов, Корочкова, 2000]. Входы чаще всего оформлялись в виде тамбура в углу, реже в торцевой стене. В пределах котлована обычно хорошо фиксируется наличие столбов, на которые опирались перекрытие и конструкции стен. Количество таких столбов в некоторых случаях достигает трех сотен (возможно, часть из них — следы ремонта) и прямо связано с размерами и конструкцией строения. В некоторых случаях прослеживается несколько линий столбовых ямок вдоль длинной оси строения. Надежных данных для реконструкции типа кровли нет, предполагается, что она была двускатной, пирамидальной либо плоской с уклоном в одну из сторон [Зданович, 1988]. Внутреннее пространство строения разделялось перегородками, иногда наличие отсеков документировано перепадами уровня пола.

Интерьеры представлены колодцами и хозяйственными ямами, а также очагами различных типов. Количество очагов в пределах одного котлована может составлять до 5 — 7. Среди последних выделяется группа металлургических печей, в том числе и многокамерных. В конструкции очагов, слабо углубленных в пол жилища, использовались камень и специально сформованные и обожженные кирпичики небольшого размера. Прагматическая функция кирпичиков явно не была основной, поскольку они зачастую имеют орнаментацию, а их общее количество в пределах строения слишком мало для облицовки даже одного очага. Часть теплотехнических сооружений отличалась предельной простотой и фиксировалась только по наличию прокаленных участков пола.

Набор находок традиционен для поселений эпохи бронзы — основная масса представлена остатками жизнедеятельности (костями животных, фрагментированной керамикой и т.п.). В числе массовых находок — каменные орудия для обработки металла, при довольно скромном количестве предметов, маркирующих металлургический процесс. Имеются следы функционирования и других производств, видимо, не выходящих за рамки домашних промыслов, — костяные тупики для обработки кож, трепала, проколки, шилья и др. Индивидуальные находки сравнительно редки. В числе металлических изделий ножи-кинжалы, ножи, серпы, втульчатые долота, кельт, крюки, шилья и т.п.

Группа предметов вооружения на поселениях может быть выделена с изрядной долей условности, даже при расширительном толковании эта категория инвентаря крайне немногочисленна. Обычно в список включаются наконечники стрел, отличающиеся большим количеством типов и изготовленные из бронзы, кости и камня, навершия булав. Эта картина радикально меняется при рассмотрении такого объекта, как Коркино-1 [Челякин, 2000], где в ходе военной катастрофы остались в слое поселения все основные категории вооружения: топоры, копья, металлические и костяные наконечники стрел (Рис. 40, 1 — 6). Предметы конской упряжи обнаруживаются в единичных случаях и представлены щитковыми псалями без шипов, часть из которых украшена циркульными и иными орнаментами [Матвеева и др., 2003; Сальников, 1952; Сорокин, 1962a] (Рис. 42).

Керамика является, как и для многих других культур эпохи бронзы, главной культурно диагностирующей категорией инвентаря. Во многом именно благодаря ее характерному облику и был выделен в составе андроновской культуры западный вариант, который по результатам раскопок К.В. Сальниковым Алакульского могильника [Сальников, 1952] был определен как одноименный этап, обретший позднее статус самостоятельной культуры. С точки зрения морфологии посуда может быть разделена на горшки, банки и горшечно-баночные сосуды. В пределах выделенных типов керамика существенно различается по размеру при довольно строгом соблюдении основных пропорций. Все сосуды плоскодонны и надежно вычленяются в составе разнокультурных коллекций благодаря уступчику при переходе от шейки к тулову, характерной орнаментации и тщательной обработке поверхности (Рис. 41). Алакульское гончарство унаследовало от предшествующего периода традицию использования при формовке сосудов-основ.

Более половины посуды орнаментировано. При нанесении орнамента использовались гладкий и гребенчатый штампы (в том числе, проташенная гребенка), резная техника, прочерчивание, вдавливания. Орнаментом обычно покрыты шейка и плечико, реже придонная часть. Среди наиболее распространенных мотивов — горизонтальные линии, желобки, зигзаги, пояса геометрических фигур (равнобедренные и прямоугольные заштрихованные треугольники, ромбы, «уточки»). На протяжении ряда лет считалось, что характерным признаком алакульской керамики является наличие неорнаментированной полосы в основании шейки [Рудковский, 1989], однако для поселенческих коллекций эта черта не является обязательной [Стефанов, 1996. С. 46]. Следует отметить, что образ алакульской посуды сложился в основном на мате-

риалах некрополей, коллекции которых имеют довольно ощутимую и вполне объяснимую специфику. Для алакульских поселенческих памятников это обстоятельство проявляется в численном преобладании более крупных сосудов, меньшей орнаментированности, общем упрощении системы орнаментации. Для зоны активных срубно-алакульских контактов Н.Г. Рутто предложен список черт алакульской посуды: симметричность форм, тонкостенность, тщательная обработка поверхности, примесь талька в тесте, уступчик при переходе от шейки к тулову, использование при орнаментации мелкозубчатого штампа, тщательность исполнения орнамента, зональность его расположения [Рутто, 2003. С. 32 – 33].

Погребальные памятники представлены рядом единичных детских захоронений в пределах поселений, а также курганными могильниками. Интрамуральные погребения совершены по упрощенному обряду, умершие сопровождаются минимумом инвентаря, в основном посудой. Этот вид погребений (как и в петровской обрядности), возможно, соотносится с группой верований, связанных со строительными жертвами. Нет оснований настаивать на том, что умерщвление производилось перед или в процессе строительства. Может быть, в данном случае фиксируется пережиточная форма обряда, существовавшего ранее, аналогичная тому, который зафиксирован у многих других народов Европы [Байбурун, 1983. С. 60 – 61].

Локализация некрополей не имеет принципиальных отличий от поселений, хотя можно констатировать размещение на большем удалении от воды и более высоких отметках. Алакульские могильники достаточно многочисленны, наиболее крупные включают десятки курганов [Матвеев и др., 2007; Матвеев 1998; Потемкина, 1985; Сальников, 1952; Стоколос, 1972; Стефанов, Корочкова, 2006]. Впрочем, определение «курганный» не совсем корректно в отношении алакульских (как и синташтинских) некрополей, особенно для многомогильных погребальных комплексов. Для них характерно размещение крупной могильной камеры (иногда двух) в центре площадки, нередко ограниченной неглубоким ровиком, и локализация детских погребений по кругу, в том числе и в пределах рва. Основной объем надмогильного сооружения задавался центральными конструкциями, а при совершении периферийных захоронений производилась досыпка насыпи. Таким образом, мы фиксируем постепенный характер формирования сооружения, ныне представляющего как единое целое. Количество захоронений в пределах одного кургана иногда превышает сорок погребений. Параметры конкретных надмогильных сооружений зависят от количества могил, но диаметр большинства не превышает 20 м, а высота, за ред-

ким исключением, не достигает одного метра (в среднем около 0,5 м). Наряду с многомогильными комплексами нередки и одномогильные.

Разнообразие ориентировок могильных ям во многом обусловлено системой размещения периферийных конструкций. В остальных случаях наблюдается преобладание широтной локализации, особенно четко это прослеживается для Приуралья [Сорокин, 1962б] и ряда могильников Центрального Казахстана. Все хорошо фиксируемые могильные ямы имеют прямоугольную форму, их размер целиком обусловлен возрастом и составом погребенных (Рис. 39). Глубина, как правило, незначительна. Конструкции даже наиболее крупных камер не отличаются высокой степенью сложности. В зоне лесостепи резко преобладает традиция использования дерева для облицовки стенок и перекрытия. Применение камня, как и для поселений, широко распространено в степной зоне от Приуралья до Центрального Казахстана. Для этих территорий камень использовался при строительстве оград, сооружений ящиков и цист, перекрытий ям. Этот признак в срубной погребальной обрядности признается свидетельством алакульского (андроновского) влияния [Рутто, 2003. С. 54-55]. На позднем этапе, когда в алакульских могильниках прослеживаются черты федоровской погребальной обрядности, исследователи констатируют появление каменных конструкций и в зауральских памятниках [Виноградов и др., 1996; Стефанов, Корочкова, 2006].

Погребальная обрядность алакульского населения характеризуется полным преобладанием ингумации. Кремация в форме трупосожжения на стороне с последующим помещением останков в могилу встречается спорадически, в основном в комплексах, имеющих федоровские черты [Матвеева и др., 2003. С. 42.; Усманова, 1987; Усманова, 2005]. За редчайшим исключением центральные погребения разрушены в ходе ограбления [Корочкова, Стефанов, 1999]. Большая часть могил содержала индивидуальные захоронения людей, уложенных в положении скорченно на левом боку с руками, приближенными к лицу. Имеется довольно значительная серия парных захоронений мужчин и женщин, в которых покойные уложены лицом друг к другу (мужчины на левом боку, женщины – на правом). Есть и тройные захоронения, когда погребения взрослых дополнены детскими [Рафикова, 2008]. В тех случаях, когда удается установить положение погребенных относительно сторон горизонта, выявлено преобладание западных ориентировок, хотя исключения, особенно в лесостепном Зауралье, достаточно многочисленны [Епимахов, 2004б; Епимахов, Епимахова, 2004].

Жертвоприношения, в отличие от предшествующего периода, представлены в абсолютно боль-

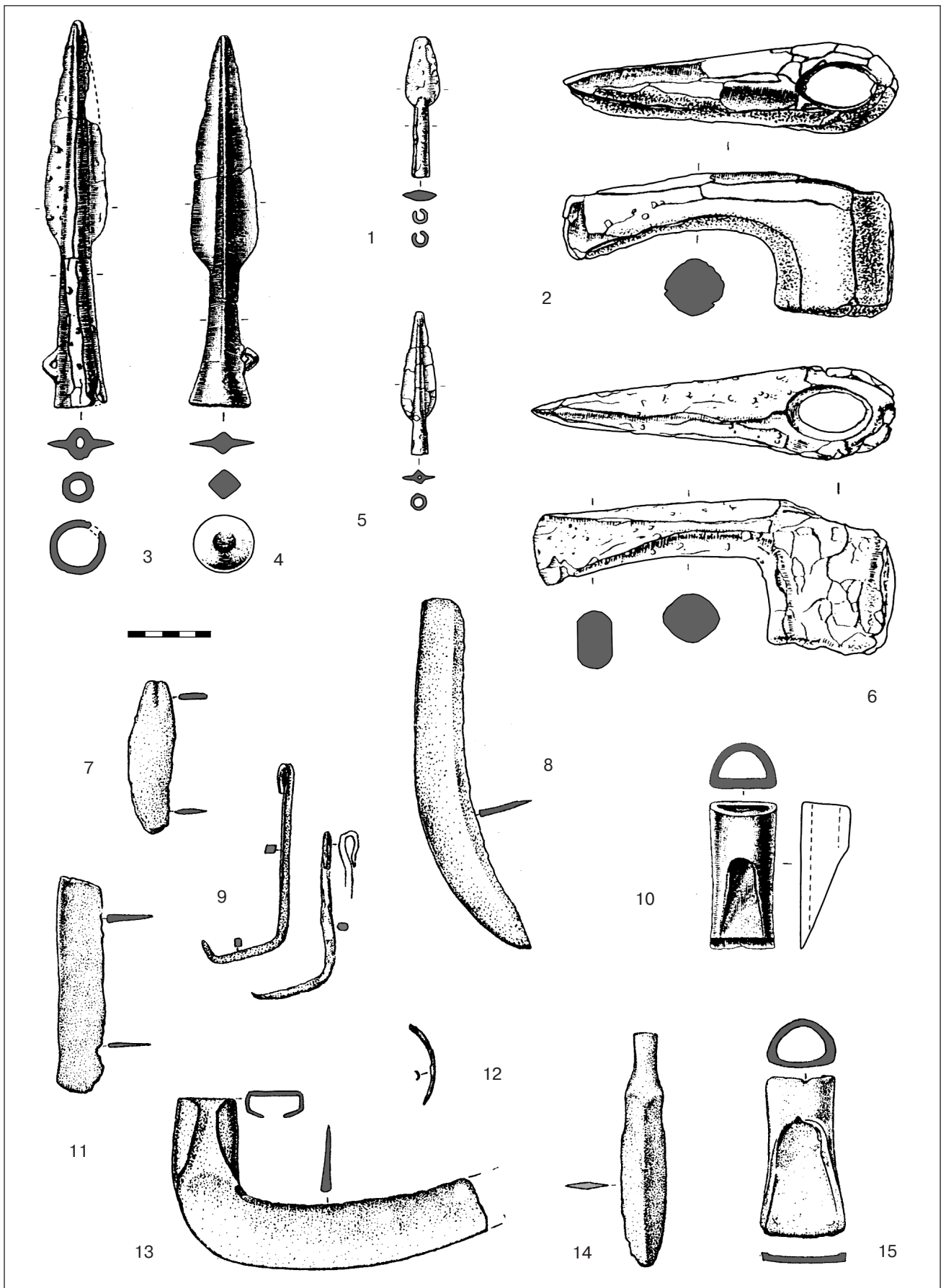

Рис.37. Алакульская культура. Металлические изделия.
 1 – 6, 10 – поселение Коркино I; 7 – 9, 11 – 15 – поселение Ук III. (по Чемякин, 2000; Стефанов, Корочкова, 2000).

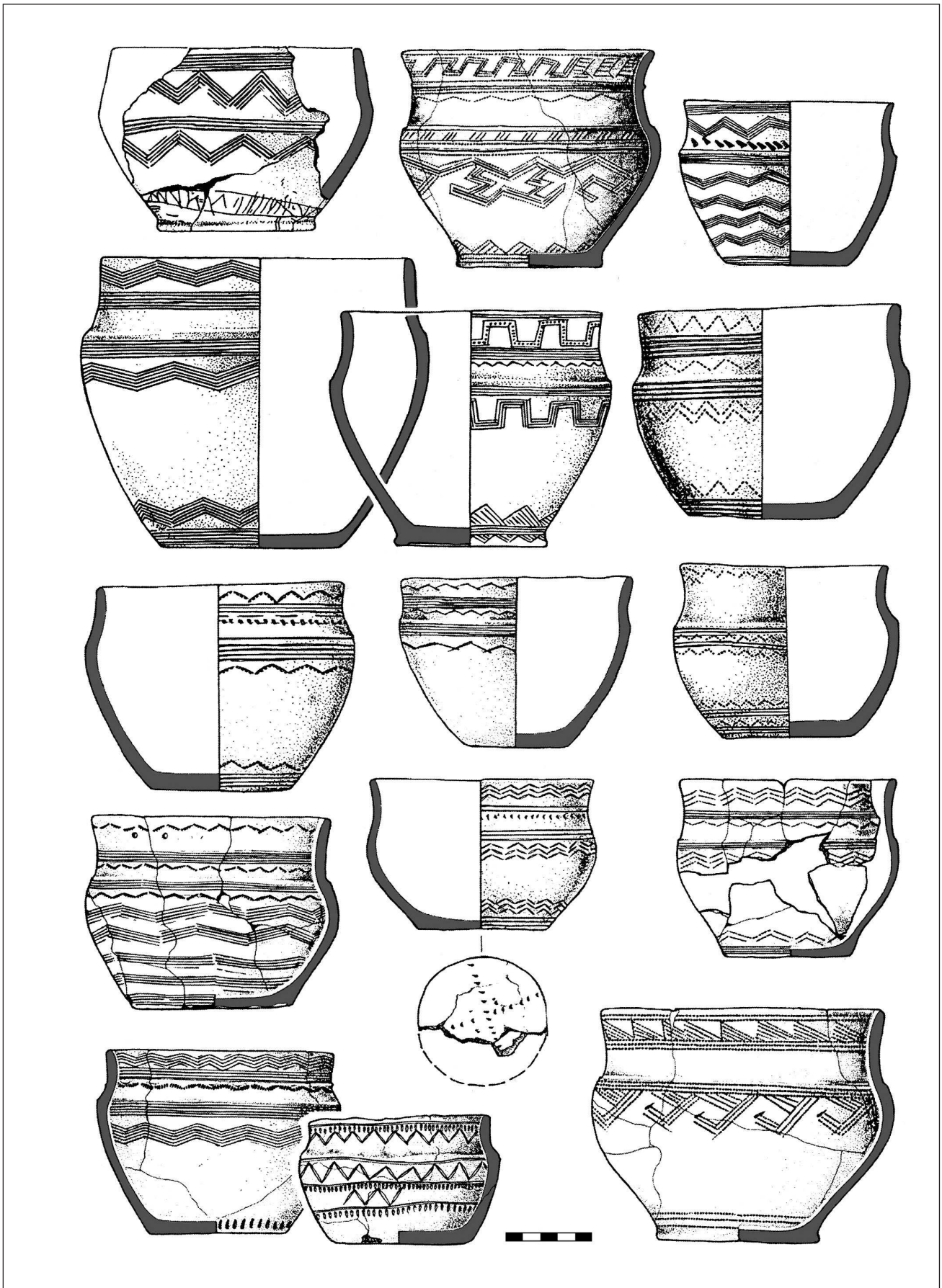

Рис.38. Алакульская культура. Керамическая посуда.
Могильник Урефты I. (по Стефанов, Корочкова, 2006).

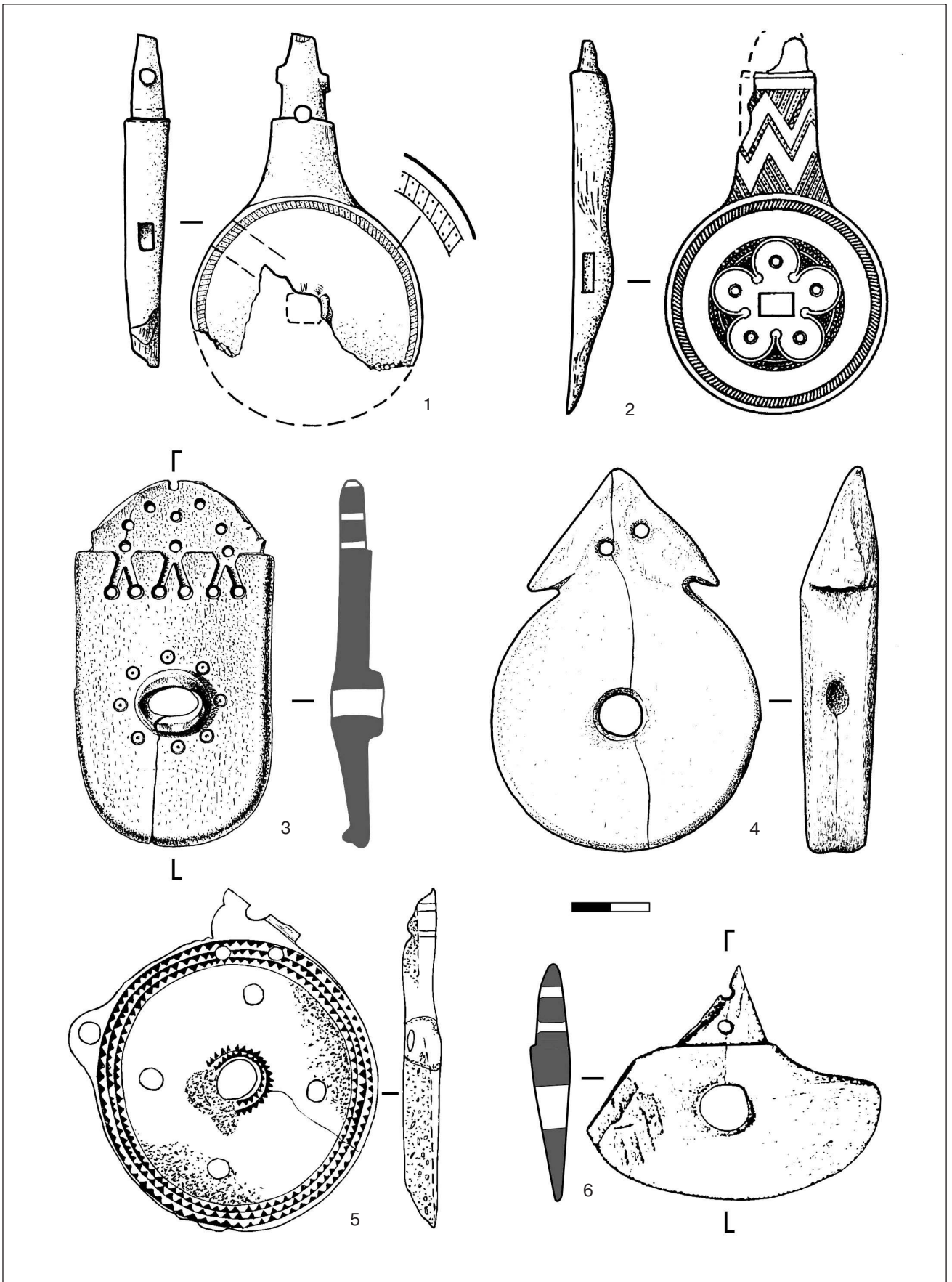

Рис.39. Алакульская культура. Псалии.

1 – могильник Алакуль; 2 – могильник Новоникольское; 3-4 – поселение Мирный IV; 5 – могильник Илекшар I; 6 – поселение Камышиное II. (по Сальников, 1952; Зданович, 1985; Чемякин Епимахов, 2004; Ткачев, 2005; Потемкина, 1985).

шинстве случаев отдельными костями животных, что иногда определяется как «деградация» [Зданович, 2005. С. 16]. Доминирует обычай замены полной туши животного только головой и ногами. Одновременно следует отметить, что не претерпевает существенных изменений состав животных, как и в петровских памятниках, фиксируется традиция совершения жертвоприношений за пределами погребальных камер — в специальных ямах либо просто у края могилы. Видовой состав жертвоприношений представлен (в порядке убывания) мелким и крупным рогатым скотом и лошадей [Косинцев, 1998; Косинцев, 2004. С. 365; 46]. Большинство жертвоприношений хорошо увязывается с конкретными, обычно наиболее крупными могилами.

В погребальной практике большую роль играют огненные ритуалы, проявления которых достаточно разнообразны и далеко не всегда связаны с конкретными погребальными сооружениями. Кроме уже упомянутых единичных фактов кремации покойных, имеют место разведение костров на подкурганной площадке и поджигание внутренних деревянных конструкций могил (почти исключительно наиболее крупных, видимо, содержавших погребения взрослых женщин). Возможно, к этому же кругу идей примыкает редкое использование охры как заменителя следов воздействия огня.

Представления о сопровождающем инвентаре существенно искажены ограблением центральных могил. Кроме многочисленных керамических сосудов, встречаются разнообразные наборы украшений — бусы, амулеты из клыков, желобчатые браслеты двух типов — с уплощенными спиралевидными окончаниями и с несомкнутыми концами, кольца, крестовидные и очковидные подвески, плоские нашивные бляхи и т.п. Особого упоминания требуют сложные женские накосники, которые служили не только этнографическим признаком алакульской культуры [Евдокимов, Усманова, 1990], но и маркировали принадлежность покойной к конкретной социальной и возрастной группе [Виноградов, 1998; Куприянова, 2008; Усманова, Логвин, 1998] (Рис. 43, 1). Кроме того, существует целый ряд редких типов инвентаря, в их числе все массивные металлические изделия — топоры, ножи-кинжалы, тесла, шилья и пр. Комплекс находок, интерпретируемых как оружие, аналогичен поселенческому и включает каменные наконечники стрел с усеченным основанием, костяные наконечники стрел, ножи-кинжалы с нервюрой и выраженным перекрестием, единичные навершия булавы, в том числе одно бронзовое, и костяные навершия. Характерным моментом является почти полное отсутствие в могилах орудий труда, в том числе связанных с производством и обработкой металла.

Традиционно внимание исследователей приковано к эволюции предметов конской упряжи, число которых резко снижается в период поздней бронзы. Облик щитковых псалиев, значительная часть которых выявлена в коллекциях поселений, претерпевает существенные изменения — исчезают (или резко уменьшаются) шипы, изменяется конструкция, имеющиеся образцы в некоторых случаях снабжены сложной орнаментацией и производят впечатление не функциональных, а ритуальных образцов [Чемякин, Епимахов, 2004]. Впрочем, следы использования ряд изделий все-таки имеет. Можно с полным основанием констатировать общий упадок колесничного комплекса, что косвенно подтверждается и уменьшением роли коня в практике жертвоприношений. Практически нет следов установки колесниц в могилы [Епимахов, 2004]. Жертвоприношения лошадей (включая парные) обнаружены в исключительных случаях [Матвеев, 1998. С. 153 — 154] и обычно вне связи с колесничной атрибутикой. Однако колесничная тематика великолепно представлена в наскальных изображениях Казахстана, которые, несмотря на трудности датирования этой категории памятников, специалисты относят обычно к бронзовому веку [Новоженков, 1994, и др.].

Зачастую единственной находкой в погребениях (особенно в детских) являются керамические сосуды. В отличие от поселенческих, керамические коллекции некрополей представлены полными формами, что делает классификационные построения более информативными. В серии собственно алакульской посуды выделяются те же три основные формы — баночные (характерные в большей степени для периферийных детских захоронений), баночно-горшечные и горшечные (Рис. 41). Вся посуда плоскодонна. На раннем этапе продолжает сохраняться значительная доля острореберной керамики с венчиком в виде воротничка, которая сочетается с типично алакульскими сосудами с уступчатым оформлением плеча. В орнаментации преобладает гладкий штамп, которым наносились в основном горизонтальные линии и заштрихованные треугольники.

Эволюция керамического комплекса большинством исследователей фиксируется за счет исчезновения воротничка как способа оформления венчика; замены острореберной посуды сосудами с уступчатым плечом, постепенного увеличения доли гребенчатого штампа [Виноградов, 1983; Матвеев, 1998]. Упомянутые выше мотивы орнамента дополняются меандрами, косыми треугольниками и другими фигурами. Тенденция нарастания геометризма в орнаментации в сочетании с широким использованием гребенчатых штампов (в том числе, и проташенной гребенки) продолжает сохраняться.

Постепенно все большая часть посуды приобретает плавную профилировку тулова.

В целом, алакульские памятники являются едва ли не самыми изученными древностями уральского бронзового века, несмотря на явную диспропорцию в соотношении количества исследованных поселений и некрополей. Как уже отмечалось, отсутствуют полностью раскопанные поселения и могильники, что всерьез осложняет любые реконструкции картины хозяйственной и социальной жизни коллектива. Исключением является могильник Черняки I [Стоколос, 1972], однако часть курганов была исследована в начале XX в., и информация о результатах раскопок утеряна в связи с несовершенством методики. Кроме того, ни на одном из памятников не было выполнено вскрытие межкурганного пространства, а визуальные границы надмогильных сооружений вовсе не обязательно надежно отражают размеры и состав погребального комплекса. Не способствует детализации построений отсутствие антропологических и прочих заключений для многих памятников, раскопанных до начала 1980-х гг., особенно в свете тотального ограбления большинства могил взрослых.

В суждениях о специфике хозяйственной деятельности алакульского (равно и срубного) населения следует подчеркнуть в первую очередь массовый характер археологических материалов в сравнении с другими периодами бронзового века. И это в условиях когда, судя по имеющимся свидетельствам, решительного изменения системы жизнеобеспечения в сравнении с предшествующим временем не происходит, животноводство остается основной отраслью в степной и лесостепной зонах. Усредненные данные по Приуралью и Зауралью оказываются достаточно близки [Косинцев, 2001], однако вариативность состава костных остатков отдельных поселений оказалась высока. Вероятная причина такого явления заключается в ландшафтной неоднородности территории [Горбунов, 1992а. С. 7], а также в производственной специализации некоторых отраслей экономики.

Переходя к отдельным составляющим системы жизнеобеспечения следует отметить, что данные о сегментах экономики представлены в разной степени. Для характеристики скотоводства фундаментом выступает обширнейшая остеологическая коллекция поселений, в меньшей степени некрополей. Видовой состав алакульского стада близок предшествующему периоду (синташтинскому и петровскому), а также синхронному срубному (последнее выделяется лишь традиционным для лесостепного Приуралья наличием свиньи). Наряду с собственно алакульскими коллекциями могут быть привлечены и синкретические (алакульско-федоровские), пропорции костных остатков которых также не имеют

принципиальных отличий [Косинцев, 2004; Нелин, 2004. С. 167.; Петрова, 2004. С. 204 – 205]. Большинство костей принадлежит крупному рогатому скоту (60%), далее по убывающей – мелкому рогатому скоту и лошадям.

Однако необходимо отметить значительные различия между памятниками (до 25% по отдельным видам) при отсутствии таковых в средних показателях степной и лесостепной зоны. Поскольку в расчет приняты только крупные выборки, то этот факт нельзя признать случайностью. Сомнительна также хронологическая природа таких различий. Таким образом, следует отметить вариативность поселений по типу животноводства, обусловленную условиями природной среды и, предположительно, наличием элементов хозяйственной специализации. Первое лучше проявляется для «контрастных» ландшафтных зон – степи и леса. Не исключается и взаимовлияние культурных традиций, позволяющее обсуждать «восточноевропейскую» и «зауральско-казахстанскую» модели животноводства. Несмотря на обозначенные различия, отгонный вариант комплексного животноводства, видимо, сохранялся в неприкосновенности. Различия могли коснуться оптимального использования возможностей животных, что повлияло на возрастной состав забоя и общее увеличение доли мелкого рогатого скота в сравнении с предшествующим периодом.

Несмотря на трудности археологического диагностирования земледелия, практически все исследователи определяют хозяйство этого периода как скотоводческо-земледельческое с акцентом на значение первого [Горбунов, 1992. С. 186 – 188.; Сальников, 1967. С. 181]. В качестве доказательств используется локализация поселений, некоторые артефакты (серпы, мотыги, «зернотерки» и песты), а также наличие в слое следов культурных растений [Горбунов, 1992. С. 187]. Работы на синхронном срубном поселении Горный таковых не выявили [Антипина, Лебедева, 2005. С. 73], но в данном случае речь идет об очень специфическом объекте. Другое дело, что для срубных памятников в целом количество находок зерен культурных растений незначительно. Видимо, земледелие с преобладанием проса (если даже и имело место) играло вспомогательную роль. Впрочем, выводы Е.Ю. Лебедевой по данному вопросу гораздо категоричнее: – «лишь для заключительных этапов позднебронзового века мы можем констатировать проникновение земледельческих традиций...» [Лебедева, 2005. С. 61]. Действительно, для алакульских и федоровских (включая, синкретические) памятников мы вообще не располагаем прямыми доказательствами существования земледелия. Большая аридность основной части территории андроновской общности в сравнении с Восточной Европой вряд ли способствовала широкому

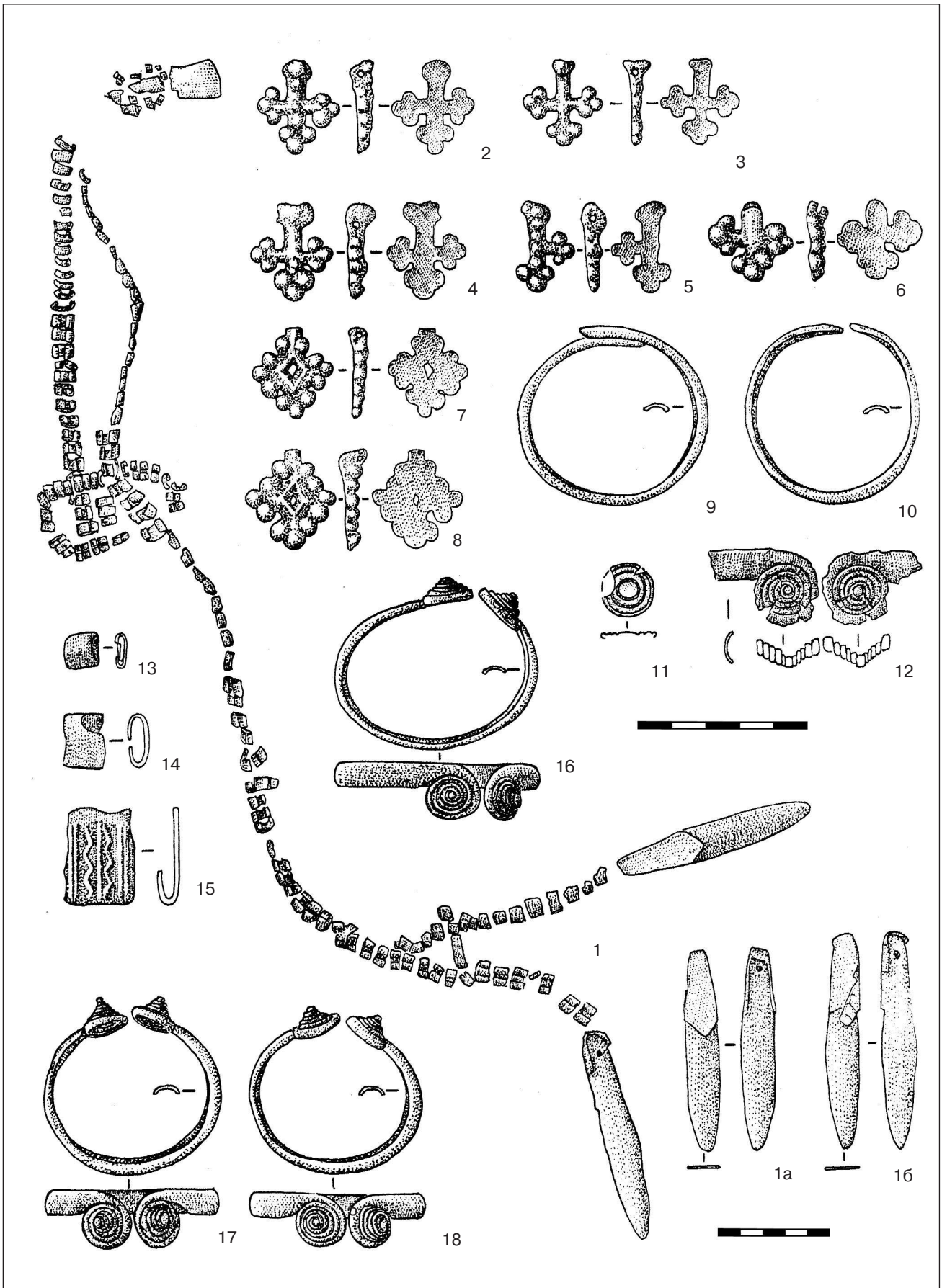

Рис. 40. Алакульская культура. Украшения.
 Могильник Кулевчи VI. (по Виноградов, 1984).

внедрению этого вида производства. Такое заключение может показаться излишне категоричным на фоне диагностируемых по пригарам следов растительной пищи [Гайдученко, 2003], однако часть продуктов могла поступать и в результате обменных операций. Сходным образом может быть объяснено и обнаружение семян пшеницы и ячменя в результате карпологического анализа керамики [Лебедева, 2005].

Наличие таких операций не вызывает сомнений по двум причинам. Первая из них – выявление серии находок, явно полученных в результате дистанционного обмена. Вторая – это элементы специализации конкретных групп населения. Наиболее яркие свидетельства в последнее десятилетие получены для сферы добычи и первичной выплавки меди на Каргалинском месторождении [Каргалы, том II, 2002; Каргалы, том III, 2004]. Однако для алакульского населения аналогичная ситуация очень вероятна [Григорьев, 2000а], хотя выделение в степном Приуралье участков, сходных с Карагалинским, начато очень давно [Кузьмина, 2008. С. 76]. Их систематическое изучение – дело многолетних комплексных исследований [Ткачев, 2007].

Предположительно большинство общин имело собственных специалистов (или семьи) по обработке кожи, дерева, кости, камня и т.д. Наряду с этим, в рамках поселений могут выделяться помещения металлургов или узко специализированные поселки (например, Олаир [Сунгатов, Бахшиев, 2008]). Такого рода специалисты или коллективы могли существовать только в условиях широких обменных операций, получая извне средства существования. В числе свидетельств функционирования металлургической отрасли упоминается также наличие кладов, часть которых содержит заготовки или серии однотипных изделий (серпов). В последние годы единичные примеры этого типа памятников появились за пределами срубной ойкумены [Петрова, 2004. С. 203].

Следует признать, что в пределах уральской части андроновской ойкумены поселения с элементами металлургической специализации выявлены только в Еленовско-Ушкаттинском районе [Андроновская культура, 1966]. Является ли это случайностью процесса накопления материала, покажет время. Наличие горных выработок, ряд из которых имеет надежную культурно-хронологическую привязку (Воровская Яма, Ишкинино и др.), вроде бы ориентирует на такой ответ. Однако не следует сбрасывать со счетов и возникновение мощных казахстанского и алтайского очагов металлургии. Конечно, следы металлопроизводства не исчезли, но выделить производящие центры пока не представляется возможным. Самостоятельность алакульских традиций металлопроизводства наиболее

наглядно демонстрирует сложный комплекс украшений, резко отличный от срубного и федоровского [Куприянова, 2008]; остальные категории находок менее выразительны.

В целом, можно предположить углубление процесса производственной специализации, которое более четко проявляется в сфере производства и обработки металла. Не исключено, что разные фазы металлопроизводства оказались разделены не только в пределах одного коллектива, проживающего на поселении, но и между коллективами, что, в свою очередь, стимулировало обменные отношения. Кроме того, явно имеют место устойчивые связи населения Урала в рамках Великого пояса степей и прилегающих территорий. Наиболее отчетливо они фиксируются благодаря типологическому сходству металлических изделий и распространению оловянистых бронз. Месторождения оловянных руд расположены на значительном удалении (Восточный Казахстан), однако это не служило серьезным препятствием для широкого использования этого материала ни в сейминско-турбинское время (близкое по хронологии синташтинским и абашевским древностям) [Черных, Кузьминых, 1989], ни в последующем. В последние годы в Среднем Зауралье получены чрезвычайно яркие материалы, связанные с коптяковской культурой [Сериков и др., 2008], которая отчасти синхронна алакульской и занимает смежную с ней территорию.

Социальные реконструкции – весьма распространенный жанр в отечественной историографии, однако в обсуждении алакульских памятников возможности исследователей долгое время были лимитированы необходимостью строгого следования формационной теории. В результате, уделом исследователей оставалась общая оценка степени разложения первобытнообщинных отношений. Это потребовало поиска признаков социальной дифференциации, надежнее всего прослеживаемой по погребальным памятникам. Сходная логика изучения была присуща большинству работ советского периода. Вместе с тем алакульские парные погребения в числе других подобных памятников породили достаточно длительную дискуссию по поводу порядка их формирования и причин, обусловивших появление таких захоронений [Итина, 1954; Рафикова, 2008; Сорокин, 1962б]. Иные вопросы оказались вне зоны интересов большинства специалистов.

В последние годы усилиями ряда ученых произошел отход от стереотипных трактовок в интерпретации срубных памятников [Горбунов, 1992а; Черных, 2007], однако этот процесс в малой степени коснулся родственных им алакульских древностей. Созданный фундамент источников тем не менее позволяет провести сравнение в синхронном и диа-

хронном плане с целью подчеркнуть особенности этой культуры и в социальном аспекте. Несомненно, алакульские памятники имеют черты сходства со срубными (что реализовано и в многочисленных синкретических комплексах). Столь же очевидны черты преемственности с петровскими (по другой версии, с синташтинскими) наряду с заметными отличиями. Однако следует отметить, что для алакульских поселений полностью отсутствует традиция возведения фортификационных сооружений, которые широко представлены в предшествующую эпоху. Размеры памятников широко варьируют – от нескольких построек до трех десятков. Впрочем, ни одно из крупных поселений не изучено с исчерпывающей полнотой, поэтому не исключена разновременность возведения жилищ. В целом масштабы поселений достаточно близки срубной традиции. Надежных дифференцирующих признаков для этого типа памятников не выявлено, хотя исключать элементы производственной специализации, видимо, не следует. Это предположение особенно актуально для зон с очевидными следами горных разработок (Ишкинино, Еленовский и пр.).

Для оценки характера социума одним из важнейших показателей является демографический. Разные методики существенно расходятся в конечных результатах, а опытов сопоставления крайне немного. Для поселений применяются «нормы жилой площади» для каждого жителя по этнографическим данным и исчисление экологической емкости территории хозяйственного освоения [Евдокимов, Поваляев, 1989], для некрополей используются различные формулы перевода количества захороненных в число одновременно живущих [Обыденнов, Домрачева, 2005]. Нередко разные типы памятников дают противоречивые результаты – сказывается неполнота археологических данных, априорные суждения, трудности уяснения срока существования конкретного памятника или комплекса памятников.

Бросается в глаза тот факт, что алакульские курганные некрополи – наиболее крупные на Южном Урале по числу покойных. Хотя этот показатель варьирует для разных локальных вариантов [Алаева, 2008], наиболее крупные могильники (например, Чистослебяжский) [Матвеев, 1998], по нашим подсчетам, могут содержать до 500 – 600 погребенных (за счет многомогильных курганов). Пока нет возможности надежно оценить длительность их функционирования за исключением единственного примера – Лисаковского, где, по дендрохронологическим данным, период существования составил не менее 120 лет [Panyushkina, 2008]. Это, в свою очередь, осложняет установление демографических параметров. Несмотря на эти трудности, возможности оценки все-таки есть для хорошо обследованных

территорий, снабженных разнотипными памятниками. По материалам наиболее полно обследованного Кизильского района Челябинской области были проведены соответствующие расчеты [Епимахов, 2009], показавшие, что средние размеры социума составляли более ста человек (103 – 137 чел.). Такого рода коллективы (особенно с учетом заметной доли детского контингента) могли функционировать без формализованных институтов принятия решений (органов власти), что не исключает разницы в статусе отдельных индивидов.

Не следует, однако, абсолютизировать данный вывод, и прежде всего потому, что каждый социум был включен в систему более высокого ранга. Он был обязан взаимодействовать с соседями по вопросам семейно-брачных связей: родовой характер организации наиболее вероятен, а вместе с ним и экзогамия. Столь же важными были функции хозяйственного регулирования. Скотоводство по своей природе экстенсивно, и предполагает периодическую смену пастбищ и, как следствие, места поселения. К этому же примыкают и обменные операции: далеко не всем были доступны необходимые минеральные ресурсы и секреты их использования. Устойчивость этой сложной разноплановой системы подтверждается единством эволюции материальной и духовной культуры на пространстве алакульской ойкумены.

Сравнивая алакульскую социальную систему с предшествующей (синташтинской и петровской), можно констатировать, что на смену иерархическим структурам и концентрации населения приходит иная, видимо, более соответствующая вмещающему ландшафту и хозяйственной специфике. Эта система отношений предполагала формирование и длительное поддержание относительно равноправных отношений между социумами, более равномерно распределенными по территории. Общая сложность такой системы, вероятно, была сопоставима с предшествующим периодом, однако характер ее изменился принципиально.

Внутренняя структура социума по имеющимся материалам диагностируется не без трудностей. Виной тому относительная унификация погребальной практики, которая позволяет выделить лишь некоторые варианты отношений. Прежде всего, именно алакульская погребальная обрядность едва ли не самым наглядным образом иллюстрирует матримонные отношения, на что давно обращено внимание в литературе [Сорокин, 1962б], к тому же парные погребения (в соответствии с принципом центральной симметрии) известны и для младшей возрастной группы. Достаточно наглядно маркированы возрастные и гендерные позиции похороненных индивидов [Виноградов, 1998; Усманова, Логвин, 1998; Усманова, 2005]. Отдельные находки (напри-

мер, навершия булав, традиционно признаваемые инсигниями власти) позволяют выделить группу лиц, видимо, имевших высокий статус.

На этом фоне неожиданным выглядит практически полное отсутствие иных предметов вооружения, составлявших одну из наиболее ярких черт обрядности предшествующего периода. Из шести найденных в алакульских комплексах наверший (Алакульский, Кулевчи VI, Алексеевское) минимум три по своим размерам не могут выполнять ударной функции. Об этом прямо свидетельствуют незначительные размеры (и масса), хрупкость материала, малые диаметры отверстий и короткая рукоять (для могильника Кулевчи VI она составляла не более 25 см). Немногочисленные наконечники стрел не составляют серий, хотя находки этой категории на поселениях имеются. О закате военного дела вряд ли стоит говорить, что ярко иллюстрирует поселение Коркино I [Чемакин, 2000] с богатейшей коллекцией разнотипного оружия, включая специализированные формы (наконечники копий, топоры и т.д.). Погребальная ритуалистика не дает ответов на вопросы о профессиональной принадлежности умерших и об их имущественном положении, что гармонирует с картиной поселений, лишенных структуры (за исключением линейного построения котлованов) и следов дифференциации.

Если суммировать способы манифестирования социальных структур, то очевидно, что большинство привычных дифференцирующих черт отсутствует. Нет монументальных культовых сооружений, не зафиксированы высокая сложность и вариативность практики жертвоприношений, достоверно не установлены особые способы обращения с покойным (если, конечно, не считать таковой практически полное разрушение центральных погребений). На первый взгляд, не был реализован и принцип посмертного отбора для похороненных в курганах. Иными словами, курганный вариант ингумации практиковался в отношении большинства умерших. Лишь локализация в пределах подкурганной площадки демонстрирует некоторое преобладание погребений взрослых индивидов в центре. Комплекс инвентаря может быть использован для выделения социальных структур, по большей части связанных с возрастной и гендерной символикой.

Проблемы исторической судьбы алакульской культуры – прямая проекция вопроса о ее хронологии и периодизации, поскольку ученые расходятся во мнении относительно возраста федоровских памятников Урала. Если мнение об их предшествовании алакульским можно считать фактом историографии, то версии параллельного существования двух традиций и хронологического приоритета «алакуля» имеют большое число сторонников. В зависимости от этого оцениваются и материалы

финала бронзового века, истоки которых одни видят в эволюции алакульских традиций, другие – федоровских. Никем, впрочем, не отрицается, что процесс не представлял собой линейную эволюцию, а осложнялся внешними факторами для каждой из территорий. Для Урала вряд ли удастся строго аргументировать вырастание традиций финала бронзового века из местных федоровских, по крайней мере, в части погребальных памятников [Енумахов, 2008] – иной характер погребальной архитектуры, полное доминирование ингумации в противовес тотальной кремации федоровских некрополей и пр. Алакульские и саргаринско-алексеевские традиции имеют больше черт сходства, хотя тоже не идентичны.

В свете изложенного не вызывает удивления тот факт, что часть исследователей не считает возможным включать древности финальной части бронзового века в состав андроновской общности, против чего решительно выступает Е.Е. Кузьмина [Кузьмина, 2008]. Этот вопрос приобретает дополнительную остроту при обращении к проблеме этнолингвистической атрибуции носителей алакульских традиций. Наиболее распространенная трактовка увязывает их с представителями одной из ветвей индоевропейской языковой семьи. В зависимости от представлений о скорости разделения этой лингвистической общности авторы по-разному определяют и алакульскую культуру как индоарийскую [Грантовский, 1998. Кузьмина, 1994] или иранскую [Григорьев, 2000а. Григорьев, 1999]. Обе версии имеют лингвистические подтверждения в виде заимствований, которые, естественно, не могут быть точно датированы. Среди аргументов ираноязычности носителей андроновских (в том числе, алакульских) традиций чаще других фигурирует ссылка только на иранскую лингвистическую принадлежность скифов и саков раннего железного века, которые считаются прямыми наследниками населения бронзового века. Между тем никем из исследователей не оспаривается тюркоязычность части скифо-сакских племен. Поэтому не потеряла своей актуальности и гипотеза С.И. Руденко о тюркоязычности части скифо-сарматских племен. Процесс перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку требует дальнейшего изучения. В степной зоне происходит трансформация всего хозяйственного уклада (переход к номадизму) и, как следствие, образа жизни, идеологии и пр. Явно имели место и крупные разнонаправленные миграции, серьезно осложнившие картину культурогенеза. В результате складывается новая глобальная по масштабам система степного пояса Евразии, объединяемая рядом культурных черт и, вероятно, близостью языка.

СРУБНАЯ КУЛЬТУРА

Во II – начале I тыс. до н.э. огромная территория Восточной Европы, от Северного Причерноморья на западе до Урала на востоке, была заселена племенами срубной культурно-исторической общности. Южный Урал представлял собой ее восточную окраину, непосредственно примыкающую к западной периферии андроновского мира. Изучение срубной общности ныне превратилось в одну из ключевых проблем археологии бронзового века не только Восточной Европы, но и всего Старого света. Активно ведется изучение срубных памятников и на Южном Урале.

Памятники срубной культуры были впервые выделены русским археологом В.А. Городцовым, который в 1901 г. по поручению Московского археологического общества развернул крупномасштабные раскопки в Изюмском уезде Харьковской губернии. Кроме вещевых находок, В.А. Городцова интересовали практически все детали погребальных памятников: форма и размеры курганов, состав их насыпей, планиграфическое и стратиграфическое положение погребений, конструкция могильных ям, поза костяков, их ориентировка и т.д.

Многие методические приемы, опробованные В.А. Городцовым в процессе раскопок Изюмских курганов, впоследствии стали общепринятыми нормами для археологов и получили широкое распространение в советской археологии. На основании полученных материалов В.А. Городцов выделил четыре группы погребений: в ямах, катакомбах, срубках, на горизонте и в насыпи, которые он отнес к бронзовому веку. Таким образом, срубная культура получила свое название по характерному погребальному обряду, где костяки лежали на боку скорчено, а могильная яма была укреплена бревенчатым срубом.

Формирование раннесрубных племен происходило, по мнению многих исследователей, в лесостепном Поволжье, а на Южном Урале они появились в середине II тыс. до н.э. в уже сложившемся виде.

Начало изучения памятников бронзового века на Южном Урале, в том числе и срубных, относится ко второй половине XVIII в., когда П.И. Рычков, служивший в администрации Оренбургской губернии, составил обстоятельное описание губернии. Исследователь упоминает о древних рудниках по рр. Каргали и Сакмара и находках вблизи их – плавильных печей, медных слитков и орудий обработки, связывая их с деятельностью древних металлургов [Рычков, 1887. С. 337, 379]. По поручению Императорского общества любителей естествознания, ант-

ропологии и этнографии в течение нескольких лет проводил в Приуралье этнографические и антропологические исследования Ф.Д. Нефедов. В 1887 г. им под Уфой и около с. Япрык Белебеевского уезда было раскопано несколько курганов. Материалы этих раскопок не изданы, но в примечании к описанию расположенные позднее у Орска курганов, где был найден костяк в скорченном положении, Ф.Д. Нефедов писал: «Точно в таком же положении найден мною один костяк при раскопках курганов в Уфимской губернии Белебеевского уезда, близ башкирского селения Япрык» [Нефедов, 1899. С. 17]. Судя по примечанию, погребения у села Япрык были оставлены, видимо, срубным населением.

Во второй половине XIX в. материалы по археологии Приуралья пополнялись за счет случайных находок. В 1872 г. в окрестностях д. Миловка около Уфы был обнаружен клад из шести бронзовых серпов, долота и топора [Игнатъев, 1883. С. 354], типологически относящихся к срубной культуре.

Упоминание о древних курганах в Приуралье связано с именем краеведа Р.Г. Игнатъева, который являлся членом Уфимского губернского статистического комитета. Работая в Уфе, Р.Г. Игнатъев занимался выявлением и описанием археологических памятников, изучал историю и этнографию Башкирского края. Являясь членом Московского археологического общества и Русского географического общества, он посылал отчеты о своих изысканиях, часто печатался и в местных изданиях. Участвуя в работе I археологического съезда в Москве от Оренбургского статистического комитета в 1869 г., Р.Г. Игнатъев упоминал о сосудах, обнаруженных в древнем погребении на р. Стерля. Позднее эти находки опубликовал Н.И. Булычев в работе «Древности из Восточной Европы», вышедшей в 1902 г., где он привел описание сосуда, найденного на р. Стерля, и погребального обряда, характерного для срубной культуры: «Сосуд грубой, ручной работы, найден в кургане при человеческом костяке, погребенном в сидячем положении (видимо, на боку в скорченном положении – *авт.*). При скелете был еще второй горшок, который был разбит и утрачен во время раскопок» [Булычев, 1902. С. 7].

Значительную работу по сбору и изданию материалов о находках, хранившихся в губернских музеях и частных коллекциях, проделал Н.И. Булычев в начале XX в. Его двухтомный труд «Древности из Восточной России» включал немало материалов о предметах с территории Урало-Поволжья [Булычев, 1902; 1904]; в том числе свидетельствующих о наличии там памятников эпохи бронзы в нашем регионе.

Начало XX века было временем сбора, накопления и частичных публикаций находок.

С конца 1920-х гг. на фоне общего развития в стране археологических исследований расширились работы по выявлению и исследованию археологических памятников и в Приуралье. Работами руководили А.В. Шмидт, М.С. Смирнов, М.Ф. Чурко, М.И. Касьянов. В 1938 г. сотрудниками краеведческого музея г. Уфы были проведены раскопки Чубук-Каранского могильника. По сохранившимся неполным дневниковым записям М.И. Касьянова, здесь было вскрыто восемь срубных погребений и поселение эпохи бронзы [Касьянов, 1938; 1939].

В те же годы важных результатов добилась Уфимская экспедиция Государственной академии истории материальной культуры под руководством П.А. Дмитриева и К.В. Сальникова. Помимо нескольких открытых поселений, ими были исследованы погребения срубной культуры у хутора Кашкара близ г. Ишимбая и в обрыве р. Белой у с. Куганак [Дмитриев, Сальников, 1941. С. 131 – 145]. Эти исследования дали возможность с уверенностью говорить о наличии в Башкирском Приуралье памятников срубной культуры.

В годы Великой Отечественной войны в Уфу была эвакуирована Украинская академия наук, в составе которой были и археологи. В 1943 г. Е.Ф. Лагодовской была защищена кандидатская диссертация «Археологические памятники Башкирии от древнейших времен до начала нашей эры», которая содержала характеристику и срубной культуры. Следует отметить, что по причине недостатка материала в работе было сделано ошибочное утверждение о характерности для срубных племен Башкирии бескурганых захоронений [Лагодовская, 1943].

За годы войны сотрудниками Башкирского краеведческого музея совместно с украинскими археологами был составлен список памятников Башкирии, который впоследствии был дополнен и уточнен Б.А. Коишевским, и стал известен как «Картотека Коишевского» [Коишевский, 1948]. Позднее эти материалы вошли в изданную в 1952 г. И.А. Талицкой археологическую карту бассейна р. Камы [Талицкая, 1952; Талицкая, 1957].

В послевоенные годы на Южном Урале начала работать археологическая экспедиция Уральского университета под руководством К.В. Сальникова. Она провела разведку рр. Ик и Белая, в результате которой были открыты десятки новых курганов и поселений эпохи бронзы. Были исследованы срубные поселения Береговское I и II, Урняк [Сальников, 1959; 1964]. Изыскания, проведенные Башкирским республиканским краеведческим музеем под руко-

водством Р.Б. Ахмерова, выявили еще ряд памятников на рр. Белой и Деме [Ахмеров, 1955. С. 81 – 90]. Среди вышедших в эти годы работ заслуживает особого упоминания статья К.В. Сальникова «Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии». В ней на основании материала селища Береговское I автор дал характеристику срубной культуры на данной территории и сделал вывод, что абашевское население древнее срубного [Сальников, 1959. С. 45].

С середины 50-х гг. начинаются планомерные исследования могильников и поселений срубной культуры в северо-западной части Башкирии. В эти годы А.В. Збруева и Б.Г. Тихонов раскопали могильники у сс. Метев-Тамак, Ново-Баскаково, Нижне-Сардыково, Старо-Тукмаклы и стоянки в бассейнах рек Чермасан и Кармасан. Подробная характеристика материалов и ряд интересных выводов по некоторым вопросам – о формах хозяйства обитавшего здесь населения, об андроновском влиянии на ряде памятников Приуралья и др. – были изложены в статье [Збруева, Тихонов, 1970].

Во второй половине 50-х гг. В.П. и В.Д. Викторowymi и А.П. Шокуровым по р. Белой и ее притокам было открыто около 200 памятников и дано их научное описание [Викторова, 1960; Шокуров, 1970].

В начале 60-х г. развернули большую работу экспедиционные отряды Башкирского государственного университета. Важные сведения, касающиеся заселения срубными племенами бассейна р. Демы, были получены Г.И. Матвеевой в ходе исследования могильника близ г. Давлеканово. В погребениях Давлекановского могильника обнаружены сосуды с характерным для керамики полтавкинской культуры, «веревочным» орнаментом, датируемые автором не позднее третьей четверти II тыс. до н.э. В этом же кургане обнаружено погребение с инвентарем, характерным для андроновской культуры: сосудами с уступчиком на плечиках и прямоугольным плоским блюдом. По мнению автора, материалы свидетельствуют в пользу раннего заселения срубными племенами бассейна р. Демы и тесного контакта с носителями андроновской культуры Зауралья [Матвеева, 1963. С. 73 – 81].

К. В. Сальниковым были исследованы Ново-Балтачевский и IV Тартышевский могильники, Н.А. Мажитовым – Верхне-Аташевский и Именлекулевский, Г.Н. Матюшиным – Нугушский, С.М. Васюткиным – Демский могильники.

Большая роль в изучении срубной проблематики на Южном Урале принадлежит К.В. Сальникову. В работе «Очерки древней истории Южного Урала» он систематизировал и обобщил все имеющиеся материалы, причем осуществил их увязку с данными

сопредельных территорий и представил стройную схему исторического развития срубных племен в Приуралье. Исследователь разделил местные материалы на три последовательных хронологических этапа — полтавкинский, покровский (срубный) и хвалынский. Самые ранние памятники (полтавкинские), по мнению автора, генетически связаны с ямной культурой: речь шла о весьма древнем передвижении определенных западных групп населения в Приуралье; приток этот наблюдался и в последующее время [Сальников, 1967. С. 210].

К общим вопросам бронзового века Восточной Европы, в частности срубной культуры, следует отнести проблему изучения ее металлургии. Обобщающей работой для своего времени явилась монография Б.Г. Тихонова «Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье» [Тихонов, 1960]. Она снабжена картографическим материалом и дает представление о географическом распространении и хронологии, технологии и отчасти о химическом составе изделий различных этапов орудий на Урале и смежных с ним территорий. Кроме того, автор приводит сведения о месторождениях медных руд и следах их разработок в древности. Значительный интерес представляют монографии Е.Н. Черных «История древнейшей металлургии Восточной Европы» и «Древнейшая металлургия Урала и Поволжья». Автор рассматривает химический состав древней бронзы на основании спектральных анализов. Подробная химическая характеристика исследованного металла, а также предварительное изучение древнейших уральских рудников позволили Е.Н. Черных определить источники древнейшей меди и пути ее распространения. Кроме того, огромный фактический материал, удобное для пользования типологическое членение и его хронология существенно дополняют сведения о древнейшей металлургии Урала [Черных, 1966; 1970].

В середине 60-х гг. — в 70-е гг. Институт истории, языка и литературы БФ АН СССР выполнял тему «Археологическая карта Южного Урала», возглавляемую вначале К.В. Сальниковым, а затем Н.А. Мажитовым. В эти годы были проведены крупномасштабные обследования территории республики. А.Х. Пшеничнюком был исследован ряд новых погребальных памятников из районов Приуралья и Башкирского Зауралья, указывающих на контакты срубного населения с андроновским (алакульским) миром [Морозов, Пшеничнюк, 1976. С. 3 — 17]. Активные археологические исследования проведены Башкирским госуниверситетом под руководством Г.И. Матвеевой. В результате исследования бассейнов рр. Демы и Уршака обнаруживаются десятки

срубных памятников, существенно дополняющих сведения о срубных племенах центральных районов Приуралья [Матвеева, Васильев, 1972. С. 244 — 258].

В эти годы наметилась тенденция к комплексному изучению памятников. Археологические разведки сопровождались стационарными раскопками наиболее интересных в научном отношении поселений и могильников. К таким памятникам можно отнести Старо-Яппаровский, Старо-Ябалаклинский и Тавлыкаевский комплексы. Больше внимания обращается на раскопки поселений, исследуются восемь селищ, (семь изучены Ю.А. Морозовым) (Чишминское, Балтачевское, Жидемекское, Казангуловское, Якутовское и др.) [Морозов, 1986; 1989].

Полученные материалы дают представление о хозяйственной деятельности населения, устройстве и планировке жилищ. При раскопках Тавлыкаевского поселения получены материалы, доказывающие существование металлургического производства. В жилище №1 обнаружена медеплавильная печь с остатками выплавленной меди, шлак, куски каменных молотов [Морозов, 1983. С. 19 — 40]. Одним из самых ярких приуральских памятников эпохи бронзы является, безусловно, Старо-Ябалаклинский могильник. Этот памятник, с одной стороны, включил в себя совершенно уникальную информацию о погребальном обряде, а с другой, — благодаря своей практически полной исследованности (исследовано 106 курганов из 120) отражает характер местной срубной культуры в широком хронологическом диапазоне [Горбунов, Морозов, 1991].

Развернувшиеся полевые исследования в Приуралье пополнили источниковедческую базу новыми погребальными комплексами. В эти годы предпринимаются раскопки крупных могильников — таких, как Новые Ябалаклы, Качкиново, Кызыл-Юлдуз, Старо-Яппарово, Сыртланово, Акназарово.

Лишь краткий перечень основных памятников, исследованных в 70-е гг., позволяет представить, насколько увеличился материал, по сравнению с изданной в 1967 г. первой обобщающей работой К.В. Сальникова «Очерки древней истории Южного Урала», где в главе по срубной культуре дается характеристика 50 погребений и 2 поселений.

Активные археологические работы, проведенные в 60 — 70-х гг. XX в., привели к необходимости систематизировать и обобщить собранный материал по срубной культуре. Расширение источниковой базы, дало возможность наиболее полно разработать вопросы заселения и освоения исследуемого региона, истории и хозяйственной деятельности, кроме того, верифицировать предложенную ранее

периодизацию срубной культуры на Южном Урале. Всесторонний анализ известных к этому времени материалов срубной культуры Южного Приуралья (300 поселений и 100 могильников) был осуществлен Ю.А. Морозовым [Морозов, 1977].

В конце 70-х гг. Ю.А. Морозовым исследуется Исмагиловское поселение в Белебеевском районе, и III Абдуловское поселение в Ермакеевском районе, которые дали новый материал по срубной культуре в западных районах Башкирии. Учеными башкирского госуниверситета исследовались срубные могильники в районе Иштугановского водохранилища: Сыртлановский, Иштугановский, Акназаровский [Обыденнов, 1979]. В 1980 г. экспедиция Башкирского государственного университета завершила исследования I Старо-Яппаровского и Казангуловского поселений и приступила к раскопкам Старо-Яппаровского и I Тартышевского курганных могильников [Горбунов, Обыденнов, 1978. С. 35 – 42; Обыденнов, Обыденнова, 1996. С. 118 – 131].

Экспедиция Башкирского пединститута под руководством В.С. Горбунова исследовала I Береговское поселение [Горбунов, 1981]. Одновременно проводились работы на Юмаковских I и II поселениях. Р.Б. Исмагиловым были исследованы Санзяповские курганы [Денисов, Исмагилов, 1989. С. 177], а Р.А. Нигматуллин – Удрякские курганные группы [Нигматуллин, 1978. С. 190] доисследованы I Ново-Ябалаклинских курганов [Морозов, Нигматуллин, 1976; 2003. С. 30 – 36].

В начале 80-х гг. была продолжена практика исследований памятников широкими площадями. Археологические экспедиции Башгоспединститута и Башгосуниверситета приступили к исследованию поселения бронзового века Тюбяк, на котором в течение 1982 – 1991 гг. было вскрыто 4151 кв. м площади и обследовано 9 построек [Обыденнов и др., 2001]. Отрядом ИИЯЛ БФАН СССР под руководством Ю.А. Морозова исследовались Чишминское поселение и могильник срубной культуры в Кармаскалинском районе на р. Уршак [Морозов, 1989. С. 41 – 54; Морозов, Рутто, 1995. С. 8 – 23]. Археологическая секция Уфимского дворца пионеров под руководством Р.А. Нигматуллина продолжила раскопки Петряевского могильника в Чишминском районе РБ [Морозов, Нигматуллин, 1998]. Этот памятник срубной культуры, судя по материалам, относился к довольно раннему периоду и датировался XVI – XIV вв. до н.э.

В эти годы экспедицией Башкирского пединститута под руководством В.С. Горбунова были проведены очередные полевые исследования I Береговского поселения. На основании полученных мате-

риалов было зафиксировано, что памятник состоит из двух горизонтов: раннего абашевского, состоящего из одного жилища, и поселения из восьми срубных строений [Горбунов, 1989а. С. 144 – 159]. Ю.А. Морозовым в 1985 г. были начаты раскопки Аитовского срубного поселения. За пятилетний срок исследований вскрыто более 2 тыс. кв. м площади и получена уникальная информация о шести жилых и хозяйственных постройках, керамической посуде и бытовых изделиях. Археологической экспедицией Башкирского госпединститута исследованы Биккуловские I и II срубные поселения в Миякинском районе и Базитатамский курганный могильник в Илишевском районе Башкортостана [Обыденнов, Обыденнова, 1996. С. 12, 29].

В 80-е гг. проводились изыскания памятников срубной культуры Волго-Бельского междуречья. Благодаря исследованиям Г.Т. Обыденновой, были открыты новые памятники и введены в научный оборот материалы ранее известных археологических объектов ([Обыденнова, 1985; Обыденнов, Обыденнова, 1992].

В 1985 г. в Куйбышевском госпединституте был подготовлен и издан сборник научных статей «Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации)», посвященный итогам изучения вопросов формирования и периодизации срубного общества на материалах территорий степного и лесостепного Поволжья, Приуралья и Подонья [Срубная КИО, 1985].

Необходимо отметить, что в 2001 г. в Куйбышевском пединституте была проведена конференция, приуроченная к столетию периодизации В.А. Городцовым бронзового века южной половины Восточной Европы. Проведение конференции было продиктовано общим стремлением археологов сравнить региональные культурно-хронологические схемы, обменяться мнениями по наиболее дискуссионным вопросам. На конференции было уделено внимание и проблемам срубной общности [Бронзовый век, 2001].

В конце 90-х гг. были исследованы многочисленные поселения, могильники, одиночные захоронения, клады срубной культуры в Поволжье, Башкортостане и Оренбургской области, материалы которых были опубликованы в сборнике «Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья», изданной в Уфе в 1989 г. [Материалы по эпохе бронзы и раннего железа...; 1989].

В связи со строительством ряда водохранилищ в Башкирском Зауралье были проведены разведочные работы и охранные раскопки на рр. Таналык,

Макан, Бузавлык, Ташла в Хайбуллинском районе РБ. Широкомасштабные стационарные раскопки были проведены в 1995 г. на поселении Таналык. В работе экспедиции принимали участие археологи ИИЯЛ УНЦ РАН, Башгосуниверситета, Башгоспединститута, а также геологи, ботаники, почвоведы. Поселение эпохи бронзы оказалось однослойным срубно-алакульским памятником, датируемым третьей четвертью II тыс. до н.э. Вскрытая площадь составила более 6 тыс. кв. м., выявлены 10 наземных каркасно-столбовых жилищ, очаги, колодцы, хозяйственные ямы [Гарустович, Котов, 2007].

В эти же годы в Баймакском районе РБ В.Н. Васильевым были раскопаны Сибайские I курганы, содержащие материалы раннесрубных захоронений [Васильев и др., 2003. С. 115 – 123]. Ю.А. Морозов вел исследование Усмановского археологического комплекса в Аургазинском районе РБ, состоящего из 3 могильников и 2 поселений срубной культуры. Раскопками 1991 – 1997 гг. на поселении было выявлено четыре жилища хозяйственного и бытового назначения с материалами срубного и срубно-алакульского облика, а также было вскрыто часть курганов могильника [Морозов, 2001б. С. 437 – 440].

В этом же районе отрядом Башгоспединститута под руководством Г.Т. Обыденновой начинаются систематические археологические работы на Мурадымовском поселении срубной культуры. На площадке памятника, расположенного на небольшой возвышенности, зафиксировано 6 жилищных впадин. Поселение с северо-востока и юго-запада окружено валом высотой 1,4 – 1,5 м [Савельев, 2004, С. 29].

Современный этап археологического изучения памятников срубной культуры восточного района Европейской части характеризуется активизацией комплексных исследований, внедрением новых методик как в полевых исследованиях, так и источниковедческом анализе полученных материалов. Комплексное изучение срубных памятников с применением естественнонаучных методов позволило реконструировать среду обитания, хозяйственную деятельность, уточнить время функционирования памятников.

В последнее десятилетие большое внимание было уделено Башкирскому Зауралью, где исследовались памятники алакульской, срубной и срубно-алакульской культур. На данной территории И.И. Бахшиевым на основе анализа полученных материалов выделено три группы памятников, располагающихся в двух природных зонах – лесостепной и степной. Выделенные группы в основном приурочены к речным бассейнам: «Сакмарская»,

«Бузовлыкская», «Таналыкская» [Бахшиев, 2009. С. 30 – 32]. Башкирское Зауралье автор представляет как зону активных культурных контактов срубного и алакульского населения, где формировались синкретические этнокультурные образования.

Исследования срубно-алакульских памятников в Зауралье предыдущего периода [Морозов, 1983; Морозов, 1984] и работы последних лет [Сунгатов, Бахшиев, 2008] говорят об отсутствии какой-либо четкой границы между срубной и алакульской культурами на данной территории. Срубно-алакульские взаимосвязи стали предметом исследований Н.Г. Рутто. На основе обширного круга источников ею предложена методика оценки подобных памятников, выделены специфические особенности в погребальном обряде и материальной культуре. Итоги этих исследований были изложены в кандидатской диссертации [Рутто, 2000], затем обобщены в монографии [Рутто, 2003]. Кроме Башкирского Зауралья, материалы раннесрубного периода отмечаются в Южном Зауралье на территории Челябинской области. Единичные сосуды срубного облика встречаются в петровских комплексах [Григорьев, 2000а].

Памятники, содержащие срубные и срубно-алакульские материалы, тяготеют к притокам Урала – району, где прежде располагались комплексы петровского типа. К ним отнесены следующие могильники: Александровский (курган 3), Ильясский I, III, группа погребений в курганах у села Спасское, Чернореченская курганная группа, могильники Мало-Кизильский I, II, Агаповка II, Наровчатский I (Рис. 34).

В археологическом плане территория бассейна верхнего течения р. Урал в эпоху поздней бронзы представляла достаточно сложную картину. В свое время еще К.В. Сальников [Сальников, 1967. С. 148] отмечал наличие следов срубного населения в Магнитогорском микрорайоне. На Агаповском, Первомайском, Спасских II–III могильниках преобладают срубные материалы, тогда как на поселении этого микрорайона (Спасский мост) преобладает алакульская посуда. В материалах Мало-Кизильских I и II могильников, напротив, чувствуется смешение срубных и алакульских черт при преобладании первых как в погребальном обряде, так и в керамике. В могильнике Спасское I, в отличие от одноименных II и III курганных групп, при наличии срубных черт в конструкции курганов (земляные насыпи), погребальном обряде (северная ориентировка), керамике преобладают алакульские черты (как в форме, так и в орнаменте).

Несмотря на это, памятники Магнитогорского микрорайона можно назвать срубно-алакульскими [Рутто, 2003. С. 102]. К настоящему времени здесь исследовано 9 могильников, содержащих 104 погребения из 22 курганов включая и ранее исследованные. Материалами раскопок последних лет позволили Я.В. Рафиковой увидеть преимущество «алакульской линии» в памятниках данного микрорайона. Анализируя имеющуюся источниковедческую базу, она приходит к выводу, что магнитогорские памятники следует рассматривать как «особый локальный вариант алакульской культуры» с отдельными элементами срубного влияния [Рафикова, 2001. С. 327 – 333]. Несмотря на преобладание на том или ином памятнике алакульских или срубных признаков, анализ всего материала показывает, что здесь существовало срубно-алакульское население, характерное для зон контактных территорий.

Еще одной зоной расселения срубных племен является южное Приуралье – территория Оренбургской области. Впервые исследования были проведены В.В. Гольмстен в 20-е гг. прошлого века. В северо-западных районах области на р. Кинель и Самара, где было выявлено несколько поселений и курганных могильников этой культуры. В 1937 г. раскопки у с. Погромное было проведено К.В. Сальниковым, который в своей монографии подвел первые итоги исследования срубных памятников в Оренбуржье [Сальников, 1967. С. 147]. Он отметил, что западные районы области до г. Оренбурга, входившие в Южное Приуралье, являлись исконно срубной территорией, где происходило сложение носителей этой культуры на ямно-полтавкинском основе. Особенность срубных памятников этого географического района заключалась в наличии андроновских (алакульских) черт в инвентаре и погребальном обряде, что явилось результатом взаимодействия двух соседних групп населения. Особенно активными эти контакты были по линии от Уфы до Оренбурга [Сальников, 1967. С. 228, 239].

Важным этапом в изучении памятников бронзового века в Оренбургской области, в частности памятников срубной культуры, явилась почти десятилетняя деятельность Оренбургской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Государственного исторического музея под руководством К.Ф. Смирнова. В 1956 – 1964 гг. в западных районах области были исследованы такие крупные раннесрубные могильники, как Новобелогорский, Герасимовские I и III. Автор раскопок Э.А. Федорова-Давыдова, признавая западные районы области срубной территорией, отметила срубно-алакульский характер этих памятников и

подчеркнула, что взаимодействие срубных и алакульских племен происходило уже на ранних этапах их развития. Центральные части области (Илекский район) она отнесла к алакульской территории, на которую распространилось срубное влияние [Федорова-Давыдова, 1964; 1969].

С 1977 г. начались планомерные археологические экспедиции Оренбургского пединститута под руководством Н.Л. Моргуновой. Первые же разведки выявили более 40 срубных поселений, на ряде из которых были проведены раскопки [Моргунова, Порохова, 1989. С. 160 – 171; Порохова, 1989. С. 60 – 70]. Исследованные поселенческие памятники в западном районе Оренбуржья на р. Ток (II Сухореченское, Токское, Ивановское), Урал (Краснохолмское), Самара (Покровское) датируются третьей четвертью II тыс. до н.э., однако комплексы поселений неоднородны. II Сухореченское поселение, судя по керамическому материалу является, более архаичным. Керамика на нем содержит примесь раковины, много остросереберных сосудов, что было характерно для развитых срубных древностей. Несколько позднее были заселены Токское и Ивановское поселения, для них больше характерны срубные традиции и незначительное алакульское влияние. В материалах Краснохолмского и Покровского поселений, расположенных в центральной части Оренбуржья, преобладают алакульские формы сосудов и орнаментальные композиции. В центральных районах области, наряду с Краснохолмским поселением и могильниками Увак и Пятимары, известны еще памятники, которые дали алакульско-срубный материал. Исследованные древности поздней бронзы центральных районов области подтверждают предположение Э.А. Федоровой-Давыдовой о том, что центр Оренбуржья является западной окраиной алакульского ареала. Алакульское население здесь испытывало на себе значительное влияние соседних срубных племен – так же, как срубные племена более западных районов воспринимали некоторые особенности алакульских традиций [Моргунова, Порохова, 1989. С. 171].

Одним из самых ярких оренбургских памятников эпохи бронзы является, безусловно, Каргалинский горно-металлургический комплекс. Он дал исследователям совершенно уникальную информацию для изучения древней металлургии на Южном Урале. Каргалинское рудное поле, исследованное в 1989 – 1995 гг. Е.Н. Черныхом, расположено в 50 – 100 км к северу-северо-западу от Оренбурга и занимает площадь медной минерализации около 500 кв. км. [Черных, 1996. С. 69 – 71]. На поверхности – огромное разнообразие следов древних и

старинных горных работ. Максимальная глубина выработок достигает 90 м от современной поверхности; выработки бронзового века опускались до 40 – 42 м. Основной тип древних горных работ – горизонтальные и слабо наклонные выработки пластов медистых песчаников с доминирующими здесь карбонатами меди – малахитом и азуритом. Крупные подземные выработки достигают в длину многих сотен метров. Совокупная протяженность этих сложных подземных выработок на Каргалах измеряется, видимо, сотнями километров. Каргалинский комплекс богат археологическими памятниками. Уже известны до двух десятков поселений и курганных групп срубной культуры. Исследованный жилищный комплекс Горного поселения представлял собой жилище-полуземлянку с хозяйственным двором, где велась плавка руды и обработка металла. Керамический материал на Горном поселении, в основном, классического срубного облика с заметной примесью сосудов черкаскульского и отчасти алакульского. Среди находок шлаки, отходы литья, литейные формы, орудия горного дела, срубные ножи, долота и др. Каргалинская медь распространялась в срубное время вплоть до бассейна р. Дунай [Черных, 1997]. Именно к этому периоду относятся многочисленные находки бронзовых орудий труда, найденные вместе со срубной керамикой на Южном Урале в составе кладов и как отдельные находки [Обыденнов, 1996. С. 105 – 123].

Как уже отмечалось, в 1991-1992 гг. исследовались курганы у с. Уранбаш (около Каргалинского рудника). Экспедиция Оренбургского пединститута под руководством Н.Л. Моргуновой вскрыла 7 из 9 курганов. Полученные материалы показали, что могильник принадлежал населению развитой срубной культуры [Моргунова, 1999. С. 40 – 64]. Срубные погребальные памятники были исследованы и в Бугурусланском районе Оренбургской области, но они были типичны для раннего периода культуры [Овчинникова, Кабанова, 1999. С. 65 – 71].

К концу XX в. в процессе планомерных исследований на территории Западного Оренбуржья, относящейся к зоне Южного Приуралья, выявлено около 50 поселенческих памятников, датируемых поздней бронзой [Халяпина, 2000. С. 84 – 91]. Подавляющее большинство поселений этой зоны относится к срубной культуре.

В Восточном Оренбуржье в районе Орского микрорайона на р. Урал исследовано 11 могильников алакульской культуры; в погребальном обряде и керамике 6 могильников отмечены срубные черты. Всего исследовано 79 погребений, из них 36 алакульских и 43 срубно-алакульских [Рутто, 1987.

С. 75 – 79]. В среднем течении р. Урал, на притоках р. Самары Большой Ик, Юшатырь и в верховьях р. Самары выделено 12 курганных могильников, в которых исследовано 47 курганов, 10 курганов содержали срубный материал, в 19 – только срубно-алакульские захоронения, а в 18 – как срубные, так и срубно-алакульские [Рутто, 1987. С. 79].

Таким образом, могильники Орского микрорайона, отличались от западных памятников как по способам оформления курганов и погребений, так и по керамическому материалу. К этой группе некрополей применимо понятие «алакульско-срубные». Возможно, из этого района алакульские племена продвигались вверх по Уралу, так как на юге Башкирского Зауралья обнаружены очаги смешения культурных традиций.

Территория бассейна среднего течения р. Урал как на рубеже средней и поздней бронзы, так и на протяжении всего позднебронзового века также была зоной активных контактов. Большая часть территории Южного Приуралья была занята срубно-алакульским населением, о чем свидетельствуют материалы поселений и могильников. Возможно, именно с этой территории срубно-алакульское население продвигалось в северном и западном направлениях в Башкирское Приуралье и растворилось здесь в срубной среде, чем объясняет незначительную степень миксации в бельском бассейне [Рутто, 1987. С. 103].

Общими усилиями исследователей разных поколений создана весьма солидная источниковедческая база, включающая материалы сотен могильников и поселений срубной культуры. Однако до сих пор не разрешены вопросы по этапам развития культуры на данной территории, хронологии, не говоря уже о реконструкции социальных и идеологических представлений срубного населения.

Как уже отмечалось, большая исследовательская работа, проведенная В.В. Гольмстен, В.А. Городцовым, А.К. Тереножкиным и П.Д. Рау, позволила определить территорию распространения срубной культуры и поставить вопрос о ее происхождении. Полученные материалы дали возможность П.С. Рыкову в конце 1920-х гг. наметить основные даты «срубно-хвалынской культуры». Более четко и последовательно все известные ранее факты были осмыслены П.Д. Рау, который выделил полтавкинскую ступень срубной культуры, следовавшую за ямной культурой.

Первой обобщающей работой, посвященной проблематике всей срубной культурно-исторической общности явилась монография О.А. Кривцовой-Граковой «Степное Поволжье и Причерномо-

рье в эпоху поздней бронзы», в которой автор выделил два периода срубной культуры: XVI – XIII вв. до н.э. и второй – XIII – VIII вв. до н.э. Для каждого периода были выявлены основные черты в материальной культуре, характерные для керамики и металлических изделий. Кроме того, О.А. Кривцова-Гракова считала, что территорией формирования срубных племен и исходной территорией их миграций было Нижнее Поволжье. При этом она подчеркивала, что передвижение носило характер постепенный, в форме медленного освоения новых территорий, а не в виде единовременных массовых передвижений. О.А. Кривцова-Гракова связывала передвижение срубных племен с развитием скотоводческого хозяйства, мотыжного земледелия, а также с демографическим взрывом. Она полагала, что в силу низких производительных сил и весьма ограниченных возможностей использования природных ресурсов население срубной культуры в условиях постоянного прироста не могло не распространяться за пределы своей первоначальной территории. При дальнейшем изучении стало возможным говорить о включении Среднего Поволжья и Среднего Дона в область формирования срубной общности [Мерперт, 1967. С. 24 – 25; Мерперт, 1958. С. 155 – 156]. Проанализировав материалы по срубной культуре Среднего Поволжья, накопленного к концу 1950-х гг, Н.Я. Мерперт считал, что освоение этой территории происходило уже в первой половине II тыс. до н.э., о чем свидетельствуют большие курганные группы с раннесрубными погребениями на рр. Сускан и Черемшан, но в этот период оно носило характер несплошного заселения. В середине II тыс. до н.э. и ближе к его третьей четверти, по Н.Я. Мерперту, начинается активное движение массы срубных племен к северу от Самарской Луки, и к концу первого этапа (XV в. до н.э.) они заселяют территорию вплоть до южных пределов Чувашии в правобережье Волги [Мерперт, 1967. С. 14 – 15].

Особого внимания заслуживает монографическая работа К.В. Сальникова «Очерки древней истории Южного Урала». Это была первая работа, дающая цельную схему исторического процесса в эпоху бронзы на Южном Урале. Хотя более 40 лет прошло со дня выхода в свет этого труда, главные положения сохраняют и сейчас свою актуальность и значение и сегодня, особенно в плане относительной хронологии. Однако, за это время археологические источники пополнились новыми материалами, в связи с этим неизбежен некоторый пересмотр мнений и взглядов на отдельные устоявшиеся положения. К.В. Сальников на материале срубных памятников Башкирии приходит к выводу, что проникновение

населения из Поволжья в Башкирское Приуралье проходило в два этапа. В первой половине II тыс. до н.э. они достигали южных районов, а к третьей четверти II тыс. до н.э. – низовьев р. Белой [Сальников, 1967. С. 234]. В 1970-е гг. эти положения были подтверждены Ю.А. Морозовым, который активное продвижение срубных племен из Поволжья также отнес к XVI – XV вв. до н.э. Он считал первоначальным районом их расселения в Приуралье бассейн р. Демы [Морозов, 1977. С. 16]. В середине 60-х г. в восточных районах Волго-Уральской лесостепи К.В. Сальников выделил срубно-андроновские памятники и предложил считать их отдельной культурной группой, границы которой он обозначил как: Бузулук-Стерлитамак-Магнитогорск-Орск [Сальников, 1967. С. 224–226].

В 90-е годы Н.Г. Рутто также занималась разработками вопроса контактов срубно-андроновского населения. В монографической работе «Срубно-алакульские связи на Южном Урале» она проанализировала срубно-алакульские древности с целью определения их места в общей системе срубной и алакульской культурно-исторических общностей на Южном Урале. На основании большой источниковой базы, включающей памятники срубной культуры бассейнов рек Белой, Урала, Самары, Н.Г. Рутто приходит к выводу, что, судя по удельному весу миксированных свидетельств и артефактов, зоной активных контактов и связей в значительно большей степени выступал бассейн р. Урал, нежели бассейн р. Белой. Зонами наибольшей концентрации отмеченных процессов являлось Урало-Сакмарское междуречье, а также территория Западного Оренбуржья. В Восточном Оренбуржье (Орском микро-районе) отмечается господство алакульского населения.

Начало культурных контактов, по всей видимости, следует отнести к раннесрубному и раннеалакульскому этапам. Максимальная активность связана с возникновением и функционированием срубной и алакульской культурно-исторических общностей. Наиболее вероятными механизмами миксации были межродовые экзогамные браки, разработка одних и тех же рудных месторождений. Особенно отчетливо это просматривается на материалах раскопок Каргалинского рудника в Оренбуржье. Вследствие всего вышеизложенного возникают ассоциации, подтверждающие высказанные ранее мысли о формировании на базе метисированного срубно-алакульского населения этнокультурного ядра, активно участвовавшего в генезисе ранних кочевников Южного Урала [Рутто, 2003. С. 18 – 19].

В конце 70-х – начале 80-х гг. проблемой хронологии и периодизации срубных памятников Приуралья занимался Ю.А. Морозов. На основании изменений в погребальном обряде, эволюции форм и орнаментики керамики, стратиграфических данных, а также сопоставления материалов сосуществующих культур им было предложена трехчленная периодизация срубной культуры Приуралья, состоящая из раннего (XVI – XV вв. до н.э.), развитого (XIV – XIII вв. до н.э.) и позднего (XII – X вв. до н.э.) хронологических этапов [Морозов, 1982; Морозов, 1993].

Периодизация и хронология приуральской группы срубных памятников строились на стратиграфических наблюдениях на ряде многослойных памятников: таких как Береговское, Старо-Яппаровское, Тавлыкаевское поселения. Использована синхронизация датирующих вещей из закрытых комплексов могильников и поселений, а также исходя из тенденций развития типологических особенностей керамики, погребального обряда, инвентаря и взаимосвязей с другими культурами. Основой для датировки ранней группы срубных памятников Приуралья выступила посуда (острореберные горшки, украшенные узорами, выполненными оттисками зубчатого штампа, или «веревочки»), аналогичная керамике средневожских срубных памятников, которая датированной Н.Я. Мерпертом XVI – XV вв. до н.э. Этап развитой срубной культуры в Приуралье укладывается в рамки третьей четверти II тыс. до н.э. Выделение позднего этапа срубной культуры на материалах погребальных памятников представляется весьма сложным, поэтому для решения этого вопроса приходится обращаться к материалам поселений, в частности, тех где срубная (валиковая) керамика залегает совместно с межовской (Куштерьяк, Балтачевское), сосуществование которых относится к последней четверти II тыс. до н.э. [Горбунов, 1985. С. 95 – 118].

Принципиальное значение для решения вопросов хронологии памятников эпохи бронзы Южного Урала имеют данные радиоуглеродного датирования, которые ведут к удревнению культур эпохи бронзы. В представленной А.В. Епимаховым шкале абсолютной хронологии раннеалакульские и раннесрубные памятники датируются концом XIX – XVIII вв. до н.э., а срубные и алакульские развитого этапа – XVII – XV вв. до н.э. [Епимахов, 2006. С. 25 – 29]. Не противоречат этим датам и результаты радиоуглеродного анализа материалов Николаевского могильника из Башкирского Приуралья (Стерлитамакский район РБ). На фоне археологического материала срубных памятников Башкир-

ского Приуралья, согласно традиционным региональным хронологическим схемам, данный могильник был отнесен к ранней группе памятников. Радиоуглеродный анализ курганов 1 и 7 дал результат в пределах конца XVII – XVI вв. до н.э., а курган 2 – XV в. до н.э. [Исмагил и др., 2009]. Аитовское поселение, согласно данным радиоуглеродного анализа, датируется XIV – XII вв. до н.э., что согласуется с ранее выдвинутой хронологической схемой.

Анализ методов периодизации и хронологизации срубных древностей показывает, что для рассматриваемой общности наиболее устойчивым оказывается период XV – XIV вв. до н.э., в то время как остальные периоды имеют довольно подвижные хронологические рамки [Обыденнова, 2007. С. 34 – 39].

Все существующие в настоящее время периодизации срубных памятников – это, по сути, различные модификации поволжской периодизации, особенности которых обусловлены историческим контекстом распространения срубной культуры с ее первоначальной территории (Волго-Уральской степь). Так как горизонтальная (да и вертикальная) стратиграфия оказывается возможной на довольно ограниченной части срубных памятников (это неоднократно отмечалось исследователями), в периодизации срубной культуры широкое распространение получил метод типологической синхронизации [Обыденнова, 2001. С. 21 – 31].

В соответствии с существующими хронологическими разработками поздний бронзовый век Восточной Европы связан, главным образом, с распространением срубной и андроновской культурно-исторических общностей, охватывавших огромные степные и лесостепные пространства. Рассматриваемая зона в начале II тыс. до н.э. входила в Волго-Уральский регион, являющийся крупнейшим очагом культурогенеза, развитию которого способствовало существование таких уникальных памятников, как Синташта, Потаповка, Утевка. Следует отметить, что в раннесрубных комплексах отмечается значительная степень близости с данными памятниками. В этот период наблюдается активное взаимодействие различных культурных образований.

Дальнейшее развитие срубной общности в Волго-Уральском регионе происходило в стабильном эволюционном направлении: покровский этап культуры переходит в развитой, а синташтинская и петровские культуры развиваются в алакульскую [История Самарского..., 2000. С. 152].

Территория распространения срубных памятников укладывается в рамки Южного Урала, выделен-

ного на основе физико-географических признаков. Рассматриваемый регион, расположенный на стыке Европы и Азии, характеризуется сложностью геологического строения, большим разнообразием почвообразующих пород, климатических условий, рельефа и растительности. По характеру строения поверхности территория разделяется на три различающихся между собой части: приуральскую – равнинно-возвышенную, относящуюся к Русской платформе, уральскую – горную, располагающуюся в области Уральской гряды, и Зауральскую – возвышенно-холмистую, примыкающую к Сибирской платформе.

На разнообразие климата исследуемого района повлияли большая протяженность территории с севера на юг и с запада на восток и Уральские горы. Которые являются препятствием на пути движения холодных воздушных масс с Атлантического океана, что способствует возникновению климатических различий на территориях, расположенных западнее и восточнее. Исследователи отмечают, что в срубное время наблюдалась наибольшая плотность населения за весь голоцен [Иванов, 1996. С. 96]. Произошел своего рода демографический взрыв. Этому способствовало увлажнение и наступление теплового климата, создавшего условия для прорастания богатой растительности [Иванов, 1996. С. 95].

Приход на данную территорию срубного населения, ведущего производящее хозяйство на протяжении всей эпохи бронзы, представляется вполне понятным: природа Южного Урала с ее разнообразием растительных зон, многочисленными водоемами и широкими речными поймами, используемыми для выпаса домашних животных, была очень удобной для расселения человека. Срубное население заселяет две природно-географические зоны – степную и лесостепную. Характерный признак лесостепи – чередования безлесных пространств со значительными массивами лесов, располагающимися не только по долинам рек, но и на водоразделах. Своеобразен здесь и травяной покров, имеющий разнотравно-злаковый характер, в отличие от ковыльно-типчакового степного разнотравья из жестких видов растений [Мильков, 1977. С. 126]. В степях леса, как правило, встречаются очень редко – только в верховьях балок и по долинам рек, а на водоразделах леса отсутствуют.

Разветвленная Бельско-Уральская водная система, раскинувшаяся на обширной территории, охватила все ландшафтные зоны. Река Урал связывала поволжские и оренбургские степи, а р. Белая – степные районы с лесостепью и окраиной горно-лесного массива. К тому же Южный Урал богат по-

лезными ископаемыми, многие из которых (кремень, яшма, охра, горный хрусталь и др.) использовались человеком с глубокой древности. На рубеже III – II тыс. до н.э. Южный Урал становится одним из крупнейших центров металлургии. Основой для возникновения и быстрого развития древней металлургии стали богатые залежи медных руд, расположенные в отрогах Урала. Только в Приуралье, в бассейнах р. Демы, Ика и др., насчитывается около 2800 месторождений песчаниковых руд, часть которых разрабатывалась в древности. Нельзя забывать и об уникальном горно-металлургическом комплексе Каргалы, расположенном в степях Оренбуржья на границе с южными районами Башкортостана, который активно использовался племенами срубной культуры.

Богаты медью месторождения в Бижбулякском и Альшеевском районах Башкортостана. Также значительные месторождения зафиксированы вдоль восточного склона Урала от северных границ Казахстана до Нижнего Тагила, куда входит и ряд рудников Башкирского Зауралья.

В пределах изучаемой территории сейчас известно около 300 поселенческих памятников и более 100 могильников срубной и срубно-алакульской культуры (Рис. 34).

Могильники срубной культуры обычно располагаются компактными группами на мысах или высоких надпойменных террасах, часто доминирующих над речной долиной, с которых открывается панорама окружающей местности. Нередко с древнего кладбища видно было поселение, к которому это кладбище, вероятно, и относилось.

Большинство могильников состоит из небольшого количества курганов: от 3 до 15, но в основном не превышает 3 – 6 насыпей. Исключением является Старо-Ябалаклинский могильник, где насчитывается около 100 курганов. Планиграфические наблюдения показали, что на ряде памятников (IV Тартышево, II Темясово, Сакмарский, Каранаво, Петряево и др.) курганы расположены цепочкой в один или два ряда с севера на юг или СВ – ЮЗ и СЗ – ЮВ, на других могильниках наблюдается сосредоточение около крупного кургана более мелких (I и II Тавлыкаево, V Бекешево, I Чумарово, Биккулово и др.). На Старо-Ябалаклинском могильнике несколько таких групп.

Наряду с погребениями под насыпью, срубные племена хоронили своих покойников и в грунтовых могилах. В настоящее время обнаружен Кызыл-Юлдузский могильник, где не отмечено насыпей. Погребения находились на пологом задернованном склоне и были обнаружены в результате их размыва

весенними водами. Кроме того, известны такие грунтовые могильники, как Нижний Сардык, Старые Ябалаклы, Ахметово I, Кулбаево. Обряд труположения аналогичен срубным курганным захоронениям. Следует заметить, что два захоронения зафиксированы на окраине Старо-Ябалаклинского срубного поселения, а детское захоронение найдено в жилище Аитовского поселения.

Погребальный обряд включает надмогильное сооружение, планиграфию погребений под насыпью, положение погребенных, ритуальные действия, погребальный материал. Совокупность этих признаков и является показателем выделения археологической культуры.

Для погребального обряда срубной культуры характерно наличие могильной ямы, перекрытой земляной насыпью. Следует заметить, что форма, а также размеры насыпей разнообразны и варьируют не только территориально, но и внутри одного могильника. В основном диаметр курганов составляет 10 – 15 метров при высоте не более 0,5 м, однако выделяются отдельные насыпи до 30 м при высоте до 1,5 м. Как правило, засыпка кургана производилась в один прием.

При характеристике насыпей следует указать еще на одну закономерность: более высокие курганы указывали на могилы, имеющие богатый набор инвентаря или мощное перекрытие, что соответствует, вероятно, социальному положению погребенного (Русско-Тангирово, курган 2; Сакмарский, курган 1; Ново-Ябалаклинский, курган 2; Старо-Ябалаклинский, курганы 28, 48; I Тавлыкаевский, курган 7; II Тавлыкаевский, курган 2; Николаевский, курган 2). Можно утверждать, что внешне размеры надмогильного сооружения находились в прямой зависимости от особого общественного положения умершего, подчеркивая его статус.

Одним из важных археологических источников при изучении древней истории являются погребальные сооружения. Конструкция погребального сооружения может зависеть от ландшафта местности, географического расположения, этнических контактов, также может отражать идеологические представления определенных групп населения.

Преобладающая часть погребальных камер грунтовые могилы, что является логическим продолжением традиций ямных и полтавкинских погребений. Незначительный процент составляют захоронения на материковом грунте или в насыпи кургана, что более характерно для поздних памятников Нижнего Поволжья [Качалова, 1985. С. 36, 54].

Форма грунтовых ям прямоугольная с закругленными углами, реже овальной формы. Квадратные камеры характерны в основном для социально выделяемых погребений и парных захоронений. Размеры могил варьируют в зависимости от возраста погребенных и социального положения, определяемого по набору сопровождающего погребального инвентаря. Преобладающая ориентировка могильных камер северная, нередко с отклонениями к западу или востоку (Рис. 41).

Курганы условно можно разделить на маломогильные (до 3-х захоронений под насыпью) и многомогильные (5 и более). На одном могильнике можно встретить различные курганы, в основном с малым числом захоронений. Размещение под насыпью, как правило, беспорядочное, но фиксируются также однорядные (Старо Ябалаклинский, курганы 89, 90) [Горбунов, Морозов, 1991. С. 147, 148], Качкиново [Морозов, Нигматуллин, 2003. С. 22]), и круговое (Николаевский могильник) [Исмагил и др., 2009]).

Для срубных памятников Башкирского Приуралья круговое размещение могил вокруг центрального захоронения нехарактерно. Исследовано всего несколько могильников, где в отдельных курганах зафиксирована кольцевая планировка: Акназаровский, курган 5 [Обыденнова и др., 1985. С. 41], Ново-Ябалаклинский II, курган 1 [Морозов, 1990. Рис. 6, 16], Старо-Ябалаклинский, курган 12 [Горбунов, Морозов, 1991. Рис. XII, 5]. В степном Приуралье в Бурдыгинском могильнике круговая планировка характерна для многомогильных курганов 4 и 6, где захоронения расположены незамкнутым кольцом вокруг центрального погребения. Круговое расположение отмечается исследователями и в некоторых срубных памятниках Среднего Поволжья [История Самарского..., 2000; Крамарев, 2003].

В Зауралье подобная кольцевая планировка, по мнению Г.Б. Здановича, появилась на среднем этапе развития памятников петровского типа и стала распространенной на раннем этапе алакульской культуры [Зданович, 1988. С. 137, 142].

Характерной деталью могильной конструкции является перекрытие деревом, оно составляет около 30% всех погребений. Однако можно не сомневаться, что подобное перекрытие могил было более распространено, но его следы не сохранились до наших дней. Накатник обычно расположен поперек, реже вдоль могил. Концы, как правило, опирались на края ямы (Рис. 41, 4).

Довольно сложное сооружение открыто в кургане 1 Николаевского могильника [Морозов, Чаплыгин, 2007. С. 12, Рис. 3, 5], погребальной камере

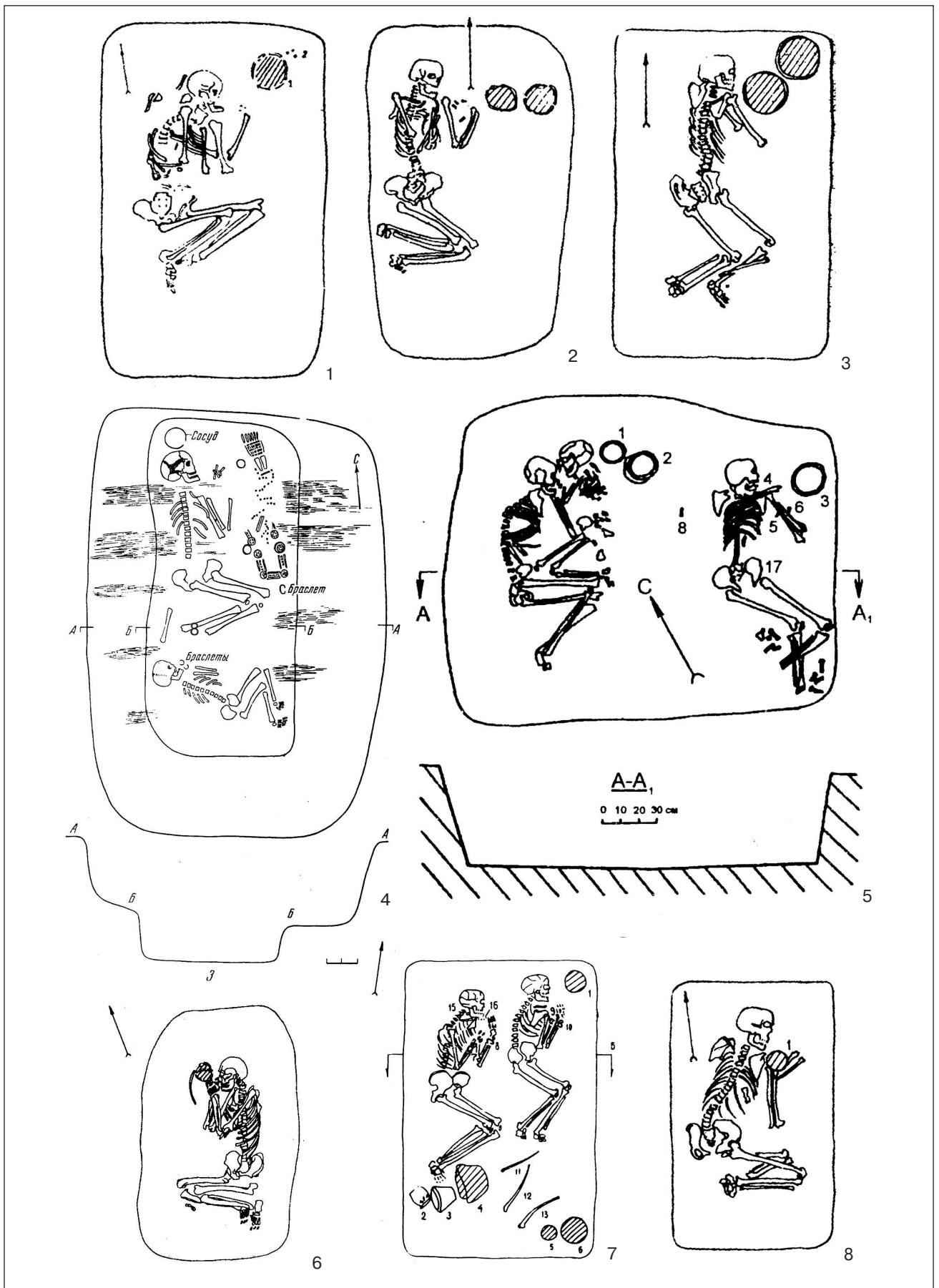

Рис. 41. Срубная культура. Погребальный обряд.

1 – 3, 7, 8 – Старо-Ябалаклинский могильник; 4, 5 – I Ново-Ябалаклинский могильник; 6 – Петряевский могильник.

могильников Казбурун I – III [*Стоколос, 1969. Рис. 9, 2;*] и курганах 2 и 3 Базитамакского могильника [*Обыденнов, Обыденнова, 1996. С. 29 – 33, рис. 40, 46, 47, 49*], где отмечены столбовые конструкции как по углам могил, так и вокруг костяков в виде частоколов из кольев. Подобные конструкции отмечены в Оренбуржье в погребениях V Свердловского [*Халыпин, 1998. С. 62 – 63*] и II Пролетарского [*Халыпин, Богданов, 1999. С. 80 – 81*] могильников. Отдельные погребения, сопровождающиеся столбовой конструкцией, нередко имеют богатый инвентарь, характеризующий социальный статус погребенного. Сооружение столбовой конструкции, подобной Казбуруновским и Николаевским курганам, хорошо известно по материалам абашевских памятников, однако появление этой черты погребального ритуала у срубных племен, вероятно, связано с памятниками переходного от среднего к позднему бронзовому веку периода. В степном Приуралье Оренбуржья хорошо известен такого рода памятник – Ветлянка IV, отражающий процесс культурогенеза в самом начале позднего бронзового века. В могильнике отмечено интересное сочетание абашевских, раннесрубных и раннеалакульских черт в погребальном обряде. В частности, к абашевской традиции относится возведение круговых столбовых ограждений вокруг могил. Алакульские черты проявляются в расположении сосудов над черепом и за черепом, наличии парных захоронений и круговом размещении периферийных погребений вокруг центрального захоронения. Среди керамического инвентаря встречены сосуды раннесрубного, раннеалакульского типов [*Горбунов, 1992. С. 2 – 9*]. Синкретичность черт погребального обряда, столь ярко проявившаяся в комплексах Ветлянки IV, отражается хотя и в меньшей степени, и в Казбурун I и Николаевском могильниках, подтверждая высказанную ранее мысль о том, что срубно-алакульские памятники Приуралья являются не результатом механического смешения срубных и алакульских черт, а результатом общих генетических процессов, происходящих на рубеже СБВ и ПБВ в зоне приуральских степей [*Федорова-Давыдова, 1973а. С. 152; Халыпин, Богданов, 1999. С. 84*].

Особого внимания заслуживает вопрос о происхождении традиции перекрытия могил каменными плитами. На территории Башкирского Приуралья учтено 26 подобных погребений (2,5%) от всех срубных захоронений, зафиксированных в 7 могильниках (Петряево, Качкиново, Старые Ябалаклы, I Казбурун, Санзяпово, Чубук-Каран, Николаевский). На фоне приведенных выше данных очень контрастно воспринимаются материалы срубных могиль-

ников степного Приуралья, где из 380 учтенных нами погребений в 80 случаях зафиксировано каменное перекрытие, т.е. 21% от общего числа. Но следует учесть и тот факт, что такой высокий процент достигается за счет материалов двух могильников – Уранбашского и Новобелогорского, где учтено 20 и 45 погребений с каменными плитами соответственно [*Моргунова, 1999. С. 40 – 64; Федорова-Давыдова, 1964. С. 87; 1973. С. 171; 1973б; Памятники срубной..., 1993. С. 58 – 63*].

Вероятно, отмеченные особенности оренбургских памятников связаны с несколькими факторами, а именно более тесным взаимодействием срубных и алакульских племен на данной территории, а также с географическими условиями района, где камень был более доступен, чем дерево. Еще один вид погребального сооружения отмечен в кургане 7 Николаевского (Башкортостан) и кургане 11 I Кинзельского (Оренбург) могильников. В обоих случаях на уровне погребенной почвы в центре курганов сооружены овальные глиняные валы диаметром 8,2 x 3,2 и 8 x 7,25 м соответственно, широкой до 2 м при высоте 25 – 50 см. В центре первого находились кремнированные останки взрослого мужчины, во втором – прослойка золы с кальцинированными костями мощностью 4 – 7 см, которая затем была прорезана основным погребением и перекрыта мощным бревенчатым накатом [*Халыпин, Богданов, 1999. С. 78, 94; Морозов, Чаплыгин, 2006*]. Ранее отмечалось еще о четырех глиняных обваловках, выявленных в погребальных памятниках срубной культуры [*Крамарев, 2003. С. 294 – 295*]. Подобные сооружения интерпретируются исследователями как принадлежность к высокому рангу в срубном обществе.

Обряд захоронения в срубных погребениях сравнительно однообразен. Умерших укладывали на левый бок скорченно, руки согнуты в локтях, кисти рук у лица. В настоящее время в Башкирском Приуралье зафиксировано 654 срубных захоронения, в Зауралье – 115, в Оренбуржье – 319. Среди срубных захоронений выделяется способ труположения на правом боку, и парные захоронения, где костяки лежат на разных боках лицом друг к другу или на одном боку (рис.41, 5, 7).

Внимание данному вопросу уделялось в работах В.С. Сорокина на материалах могильника Тасты-Бутак [*Сорокин, 1962б. С. 90*], М.А. Итиной на материалах могильника Кокча 3 [*Итина, 1977. С. 213*] и др. Одна из последних работ, посвященных срубным захоронениям на правом боку, опубликована М.С. Чаплыгиным [*Чаплыгин, 2004. С. 72 – 78*]. На материале около трех тысяч срубных захоронений Волго-Уральского региона выделено 105 одиночных

погребений на правом боку. Анализ погребального инвентаря и ряда ведущих признаков погребального обряда не дает оснований связывать рассматриваемый способ положения с воздействием алакульского населения на срубные погребальные традиции. Захоронения на правом боку чаще встречаются в памятниках раннего этапа срубной культуры, что, вероятно, связано с традициями предшествующих культур, участвующих в процессе сложения срубной культуры.

При рассмотрении погребального обряда в археологической литературе особое внимание уделено взрослым парным погребениям, лежащим лицом друг к другу – обряд, наиболее характерный для скотоводческо-земледельческих племен. Исследователи неоднократно делали попытки объяснить феномен парных захоронений. В одних случаях причину появления парных погребений связывали с процессом перехода от матриархата к патриархату и с изменениями института брачных отношений [Итина, 1977], в других – указывали на существование наложниц.

На территории Башкирского Приуралья зафиксировано 43 двойных погребения в 17 срубных могильниках, что составляет 6% от общего числа учтенных срубных захоронений. Анализ полученных материалов показал, что парные (лицом к друг другу) погребения составляют всего 11% (4 случая) от общего числа сохранившихся двойных погребений (Аташево, 3/1, Именлекулево, 1/8, Санзяново, 1/6, Иштуганово, 10/3). Чаще всего встречаются погребения, в которых оба костяка уложены скорченно на левом боку и ориентированы головой в северный сектор. Половозрастной состав разнородный, но часто встречаются двойные детские, подростковые и детско-подростковые захоронения, а также женско-детские и женские. Полученные данные хорошо коррелируются с результатами специального исследования совместных погребений на Южном Урале в эпоху бронзы. Я.В. Рафикова отмечает, что двойные парные погребения наиболее характерны для алакульских племен Южного Урала, тогда как в срубной среде более распространен стандарт расположения погребенных в совместных погребениях на одном боку [Рафикова, 2008. С. 20 – 21]. Данная традиция, по всей видимости, отражает особенности семейной и общественной организации срубных и алакульских племен Южного Урала.

Предположительно, у срубного населения на рубеже полтавкинского и покровского этапов усиливается значение малой семьи. Отклонением от стандартного труположения в погребальном обряде является посмертная кремация. На территории

Башкирского Приуралья трупосожжение отмечено в 4 могильниках (Юматовском, Русско-Тангировском, Николаевском, II Ялчикаевском), что составляет 0,7% от общего числа погребений данного региона.

Несколько иная ситуация наблюдается в срубно-алакульских могильниках Западного Оренбуржья, для которых характерно значительное число кремаций на стороне; в отдельных могильниках и курганах – 5% от общего числа погребений (Бурдыгинский, I Герасимовский, IV Свердловский). В большинстве курганов кремированные погребения не выделялись богатством инвентаря и представляли собой рядовые захоронения. А на территории Саратовского и Самарского Поволжья срубные крупные курганы, наоборот, нередко возводились над погребением с трупосожжением. Эти курганы занимали центральное место и содержали богатый инвентарь, маркирующий высокий ранг погребенного.

Помимо региональных отличий памятников с трупосожжением, существует, вероятно, и хронологическая закономерность проявления огненных ритуалов. В частности, отмечается, что сожжение на стороне характерно прежде всего для раннесрубных комплексов, тогда как в памятниках развитого этапа кремации становятся редким явлением [Багаутдинов, 1984; История Самарского..., 2000. С. 173].

Жертвенные комплексы состоящие из голов крупного или мелкого рогатого скота и конечностей этих животных, размещались на подкурганной площадке или в непосредственной близости от могилы. Жертвенные комплексы обнаружены в I Чумаровском, Нугушском, V Комсомольском, Николаевском могильниках.

Наконец, следует упомянуть о находках в насыпи отдельных сосудов и костей животных, что встречается не столь уж редко. В настоящее время нет возможности восстановить порядок поминальных тризн, но, возможно, они совершались по прошествии определенного времени, т.е. на поминальном или завершающем этапе погребального обряда. Глубина расположения сосудов неустойчива, но чаще всего они располагаются выше материкового слоя, не прорезая его. Обычай жертвоприношения в сосуде был довольно распространен в эпоху бронзы.

Как уже отмечалось, в погребальном обряде срубной культуры значительную роль играл культ огня. Об этом свидетельствует не только наличие отдельных признаков трупосожжения. Возможно, весь обряд начиная от подготовки покойника к погребению и кончая поминальной тризной проводился с огнем, используемым как символ очищения

при переходе в другой мир. Это проявилось и в подготовке места для погребения, когда проводился обжиг площадки перед захоронением (курган I Биккуловского могильника) или в засыпке центральной части кургана слоем белой глины (курган 2 Петраевского могильника). После захоронения на перекрытии могилы вновь разводился огонь. Следы огня на перекрытии зафиксированы в кургане 3 (погреб. 2) II Тавлыкаевского могильника; кургане 2 I Петраевского могильника и др. На прилегающей территории Оренбургской области разведение огня отмечено в древнеямных и срубных погребениях. Разведенный костер был иногда настолько мощным, что деревянное перекрытие прогорало и рушилось в могилу, обжигая костяк (Старо-Куручево – курган 3, погребение 2; Варваринский могильник, курган 1, погребение I).

Более редкий случай отмечен в кургане 2 II Тавлыкаевского могильника, где после сооружения земляной насыпи диаметром 22 x 19,5 м и высотой 1,6 м был разведен мощный костер, прослойка от которого в 10 – 12 см сохранилась до наших дней.

Приведенные выше примеры позволяют судить о некоторых представлениях срубного населения, которые нашли отражение в ритуальных действиях. Наиболее ярко они проявлялись в погребальном обряде и выражались в почитании и заботе об умерших соплеменниках. Кроме того, принесение поминальной пищи на могилу, духам предков, несомненно, связано с религиозными представлениями о жизни и смерти и «взаимоотношениях» живых и мертвых.

Исследование поселений имеет первостепенное значение для реконструкции истории древнего общества. Полученные материалы отражают основные формы производства определенных человеческих групп, а жилища и поселения служат важнейшим источником для изучения поселенческой архитектуры и общественных структур древности.

В период II тыс. до н.э. с развитием скотоводства меняется характер расположения поселений, значительно увеличивается их количество. Поселения размещаются по берегам рек вблизи широких пойм, где богатые лугами низины и сочные пастбища давали возможность заниматься скотоводством.

Небольшое расстояние между поселениями свидетельствует о значительной плотности населения в эпоху бронзы. Разведочные работы в 1970-е годы во время подготовки археологической карты Башкирии и ранее существующая информация о срубных памятниках позволили получить сведения о 300 поселениях и местонахождениях срубной керамики.

В настоящее время только на территории Башкортостана насчитывается около 400 поселений и местонахождений срубных и срубно-алакульских памятников, включая и отдельные местонахождения керамики. Более чем на 80 памятниках, содержащих срубную керамику, проведены частичные или полные раскопки. Полученный материал дает определенное представление о стратиграфии и характере культурного слоя, устройстве и планировке жилищ.

Выбор места для поселений определялся хозяйственными интересами. Поэтому обычно поселения располагались на низких первых надпойменных террасах небольших рек или старичных озер, некоторые – на высоких мысах или берегах рек (Исмагиловское, Казангуловское, Якуповское, Мурадымовское).

Поселения на территории Приуралья не имели оборонительных сооружений, что говорит о мирном периоде сосуществования населения. Исключение представляет только Мурадымовское поселение, которое с северо-востока и юго-запада окружено широким валом шириной до 3,2 м и высотой до 1,5 м [Савельев, 2004. С. 29].

Срубные поселения, как показали исследования, имеют различные площади и мощность культурного слоя. Поселения, имеющие значительные культурные отложения и большую площадь, как правило, являются долговременными поселениями со стационарными постройками, используемыми в течение длительного времени. Поселения с меньшей площадью, вероятно, имели сезонный характер, связанный, с отгонным скотоводческим хозяйством. Имелись и стоянки, на которых керамический материал представлен всего несколькими десятками фрагментов.

На поселениях, где имелись жилища, не просматривается какая-либо планиграфия. В основном они располагались вдоль террасы на некотором удалении, если позволяла территория (Аитово, Тавлыкаево). Но в отдельных случаях находились довольно близко (I Усмановское) друг от друга. К примеру, на I Береговском поселении зафиксировано 8 построек, из которых 6 являлись жилищами, 1 представляло специализированную мастерскую. В одной из построек не было ни очагов, ни хозяйственных ям, в силу чего автор раскопок отнес ее к разряду вспомогательных [Горбунов, 1989. С. 157]. Постройки располагались вдоль берега. Котлованы имели подпрямоугольную форму. Площадь жилых помещений колебалась от 35 до 129,2 кв.м. Семь строений наземного характера, а одна постройка, оказавшаяся мастерской со следами медеплавильного производ-

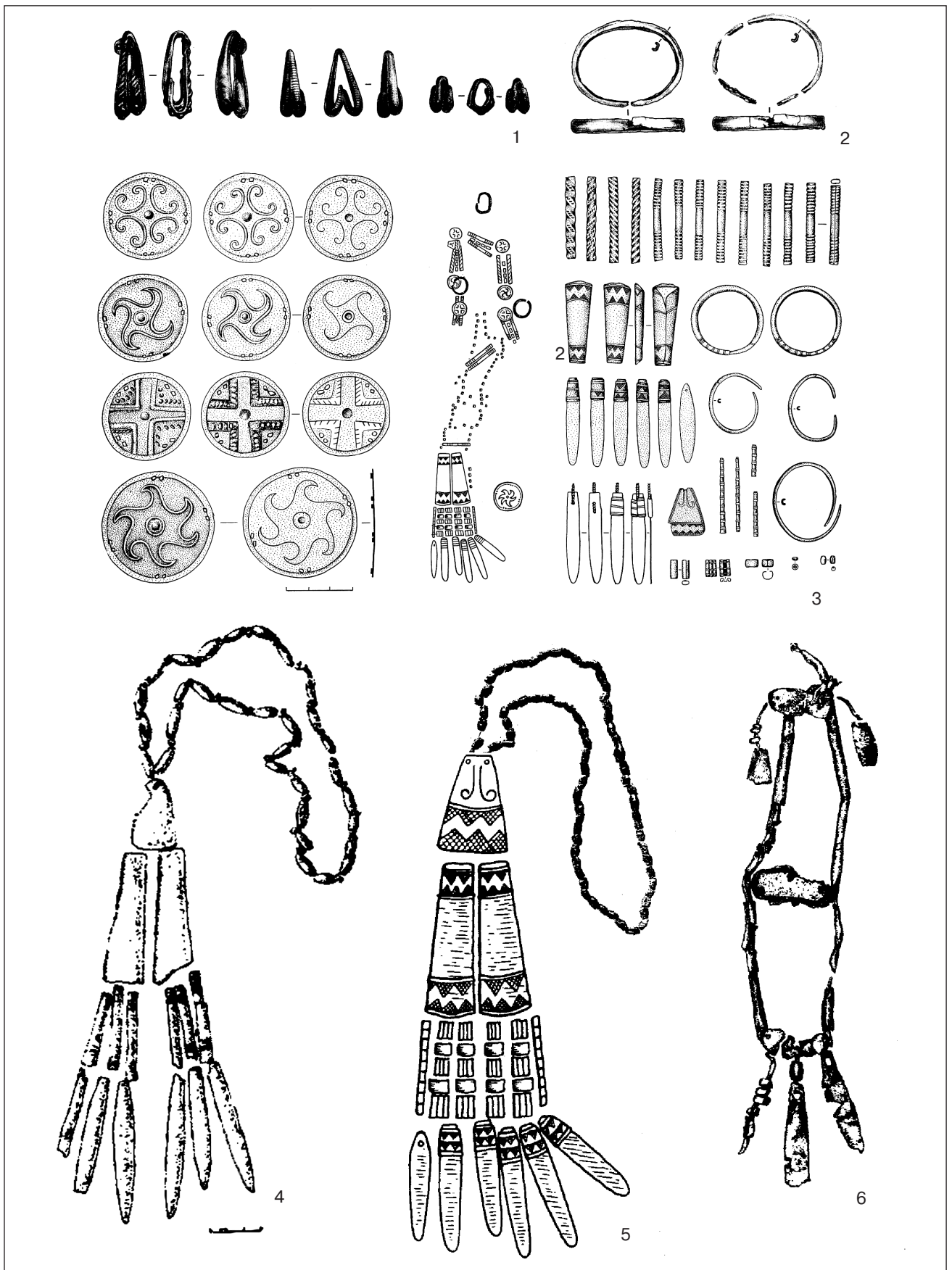

Рис. 42. Срубная культура. Металлические украшения.

1 – височные подвески; 2 – желобчатые браслеты; 3 – назрудник-накосник (I Ново-Ябалаклинский могильник); 4 – накосник (Старо-Ябалаклинский могильник); 5 – накосник (реконструкция, I Ново-Ябалаклинский могильник); 6 – накосник (II Тавлыкаевский могильник).

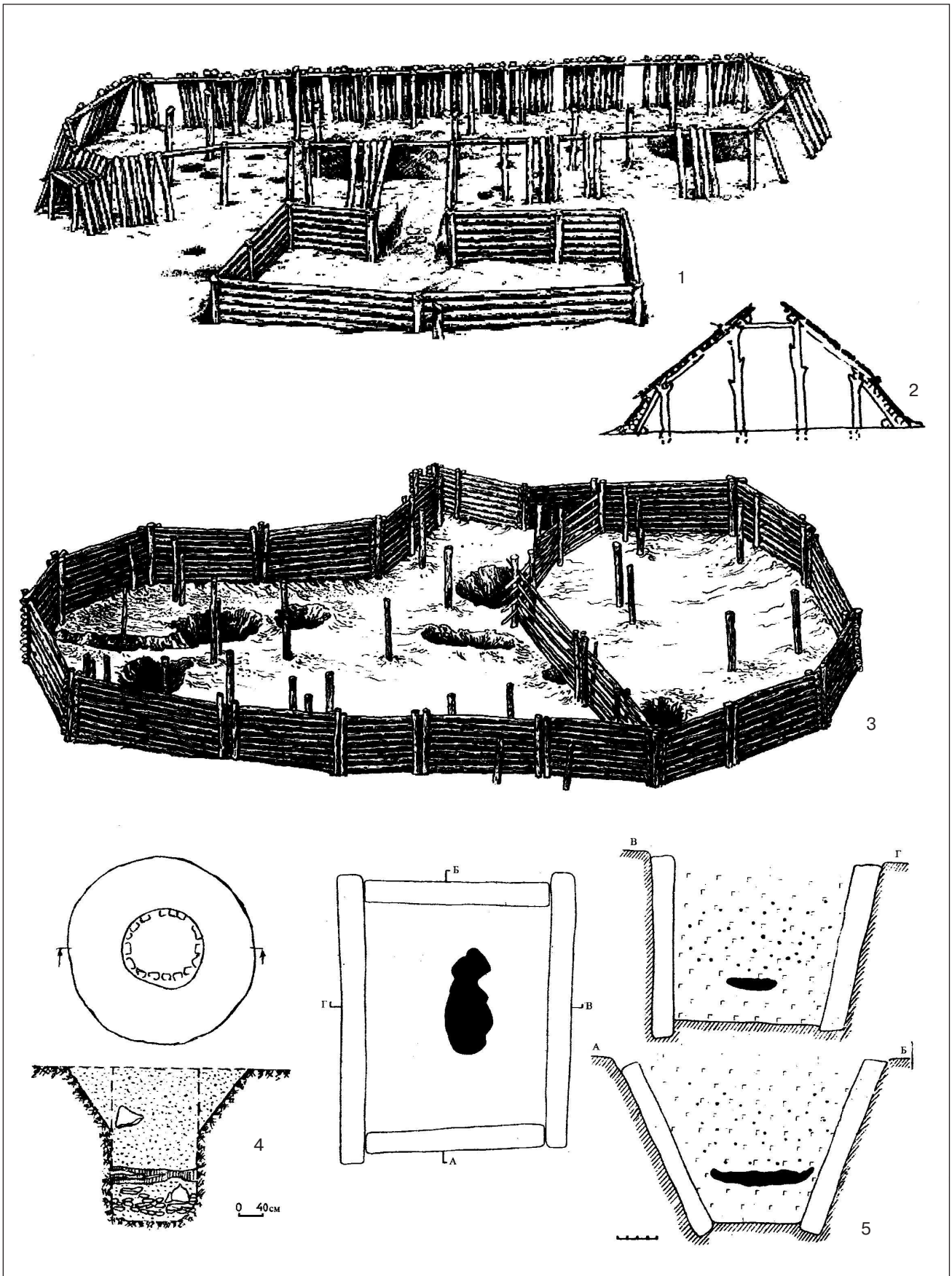

Рис. 43. Срубная культура. Реконструкция жилищ и хозяйственных объектов.
 1 – ; 2 – ; 3 – реконструкция жилища 2 Тавлыкаевского поселения; 4 – ; 5 – медеплавильная печь из жилища 1 Тавлыкаевского поселения.

ства, являлась полуземлянкой. Пять строений были сооружены с применением каркасной (столбовой) конструкции. Подобную картину можно наблюдать на Аитовском поселении, где одна из построек полуземляночного типа также являлась медеплавильной мастерской. Остальные пять строений имели столбовую конструкцию [Морозов, 1990. С. 81 – 82].

На поселениях срубной культуры Приуралья и Зауралья были изучены жилые и хозяйственные постройки. К сожалению, многие из них происходят с многослойных памятников, содержащих как срубный, так и более поздний материал и не имеющих четкой стратиграфии. К таким поселениям относятся Казангуловское, Тавлыкаевское, Жуковское и др.

Постройки срубной культуры как жилого, так и хозяйственного назначения довольно разнообразны по типам. Тип жилища зависел от ряда причин. Это прежде всего его хозяйственно-культурный тип, природные условия, имеющийся в распоряжении материал для строительства. Формирование типа жилища шло опытным путем на протяжении довольно длительного времени. В позднем бронзовом веке сформировался тип постройки, основные детали которой были изготовлены из дерева. Население срубной культуры к моменту своего культурного формирования владело навыками сооружения стационарных поселений с прочными жилищами, которые подразделяются на два типа – полуземлянки и наземные, которые отличаются друг от друга уровнем пола по отношению к древней поверхности. Наземные постройки не углублялись в почву, а для строительства полуземлянок рылись котлованы глубиной от 20 до 150 см (Рис. 43).

«Срубники» в достаточной степени владели приемами обработки дерева, о чем свидетельствуют сложные деревянные конструкции в погребальных комплексах лесостепного Поволжья. Известны погребения, перекрытые накатниками из бревен, плах, срубы с креплением «внахлест», «в лапу», «в чашу», «в ласточкин хвост» [Аганов, 1976. С. 70]. В кургане 23 у с Кайбелы был исследован сруб с подтесанными концами. Со всех четырех сторон имелись вырезы для скрепления «в обло», на концах – квадратные вырезы для деревянных шипов [Мерперт, 1958. С. 95]. Сложное погребальное сооружение в виде дома было исследовано в кургане 11 этого же могильника. Площадь его около 130 кв.м.; сооружение имело три ряда столбов, на которые опиралась крыша, плоская в центре и имевшая два ската по бокам. Видимо, первоначально этот дом был сооружен на древней поверхности, а затем после образования вокруг него кладбища засыпан землей [Мерперт, 1958. С. 91 – 92].

Жилища, исследованные на Аитовском поселении Ю.А. Морозовым, представлены тремя типами. К первому относятся незначительные по площади помещения (60 – 87 кв. м) прямоугольной формы наземного типа. Количество столбов невелико, расположены они по периметру. Стены сооружались, видимо, из бревен, образующих сруб примитивной вязки или из плетневых секций. Крыша, исходя из размеров жилища, могла быть односкатной или плоской. Отсутствие в этих небольших строениях костровых ям и определенных комплексов орудий позволяют считать, что они могли использоваться как хозяйственные хранилища.

Ко второму типу относятся три постройки прямоугольной формы с закругленными углами, площадью 108 – 150 кв. м. Основу жилища составляют столбовые конструкции, которые располагались в три – четыре ряда. Несущими являлись продольные балки, которые закреплялись на столбах, а на них укладывалась основа крыши. При трех-четырёх продольных рядах столбов конструкция крыши могла быть двускатной. Наиболее сложной деталью являются стены. Совершенно очевидно, что крайние ряды столбов не являлись основой стен, так как за ними нередко обнаруживались находки в виде целых сосудов. Эти ниши были образованы бревнами, поставленными наклонно, которые опирались на продольные балки и грунт. Вход располагался с торцевой стороны или угла жилища и был обращен в сторону реки. Он представлял собой тамбур шириной до 1 м, длиной до 1,5 м, понижавшийся к полу жилища в виде пандуса, иногда с несколькими ступеньками высотой 0,1 – 0,5 м. В жилище № 4 ступеньки были выложены известняковыми плитками. В ряде жилищ вдоль стен зафиксированы возвышения, предназначенные для отдыха. В жилище 4 находился колодец, глубина которого достигала 3 м, на дне которого стены были укреплены камнями. Жилища отапливались и освещались при помощи очагов нескольких видов. Среди них открытые очаги на полу жилища и несколько углубленные в материк; очаги, обложенные камнем или расположенные в неглубокой длинной канавке, проходящей вдоль стены. В двух жилищах около очагов зафиксированы глиняные возвышения в виде «столика». Подобные типы жилищ могли служить местом обитания большой патриархальной семьи, ведущей коллективное хозяйство.

Третий тип постройки представлен одним жилищем подквадратной формы размером 14 x 16 м. Из жилища в сторону реки вел широкий выход. Столбовая конструкция прослеживалась по краям жилищ и в центре. По всей вероятности, подобный

тип жилищ имел пирамидально-ступенчатый свод, чем и отличался от остальных построек.

В жилищах хорошо фиксируются хозяйственные ямы, колодцы, очаги, ниши для хранения продуктов, производственные места, связанные с металлургией, костерезным и гончарным производством. Такое строго дифференцированное использование жилой площади могло быть при большой оседлости населения и стабильности хозяйственной деятельности обитателей поселка.

В связи со сложностью возведения деревянных конструкций как для поселений, так и погребальных сооружений необходим был достаточно разнообразный набор деревообрабатывающих инструментов. Бронзовые орудия, обнаруженные на Южном Урале, такие как, плоские тесла с цапфами, вислообушные топоры, серпы, секачи, вполне могли использоваться для обработки дерева и заготовки камыша и веток для укладки перекрытий жилищ (Обыденнов, 1996. С. 105 – 123).

Реконструировать наземные конструкции жилищ довольно сложно. Их можно воспроизвести только по остаткам столбовых ямок. Впервые подобную реконструкцию на материале срубного I Береговского поселения предпринял К.В. Сальников. Поселение было открыто в 1953 г. В.П. Викторовым в Мелеузовском районе Башкортостана на широком мысу старицы р. Нугуш. Им же в 1954 г. был заложен первый раскоп и исследовано первое жилище площадью 100 кв. м. В 1955 г. К.В. Сальниковым были заложены еще два раскопа, которые вскрыли постройку 2 и 3.

В землянке № 1 ямки от столбов располагались продольно, в несколько рядов через середину жилища и у стен, возле которых сохранились следы сгоревшего дерева, по-видимому, от обрамления земляных границ котлована. Наличие ямок от столбов у стен заставляет думать, что кровля опиралась на столбы. Впрочем, не исключено, что крайние столбы придерживали крепления земляных стенок, и тогда кровля должна была опираться на края котлована.

В Мелеузовском районе РБ на первой надпойменной террасе правого берега р. Белой у подножия холмистых отрогов Уральских гор расположено поселение Тюбяк. Памятник был открыт В.Д. Викторовой в 1955 г., в 1962 г. К.В. Сальников заложил разведочный раскоп. С 1982 г. на памятнике вел раскопки М.Ф. Обыденнов, с 1986 г. — В.С. Горбунов [Горбунов и др., 2001]. На памятнике исследовано девять построек. Все они, несмотря на различия в размерах и некоторых деталях, выполнялись по сходному архитектурно-строительному решению.

Постройки представляют собой наземные каркасные сооружения со слабо углубленным в землю котлованом. В центральной части постройки выкапывался колодец, несколько хозяйственных ям, а также один или несколько очагов кострового типа. Строения в большинстве своем имели универсальное назначение и использовались и как жилье, и как хозяйственные помещения. Постройки, по всей видимости, были возведены постепенно и существовали не одновременно.

Анализ результатов исследований интерьера жилищ срубных поселений на Южном Урале выявил определенные закономерности их устройства. Основная часть долговременных жилищ имели хозяйственные ямы, колодцы, один — два очага. В некоторых находились земляные нары или возвышения, которые могли использоваться в хозяйственных целях. Очаги могли подразделяться на кухонные, для обогрева или освещения. Можно выделить несколько основных типов очагов. Наиболее распространены простые очаги-кострища, они имеются практически на всех поселениях срубной культуры, как в постройках, так и рядом с ними, на хозяйственных площадках. Были очаги кухонные, характеризующиеся крупными размерами, мощным слоем прокала и большим количеством кухонных отбросов. Иногда дно или окружность таких очагов было выложено слоем камней. Такие очаги с камнями известны на I Береговском поселении, Давлекановском IV, I Биккуловском, Аитовском.

Даже небольшой обзор срубных поселений показывает, что площадь их различна, характер построек разнообразен. Конструкция жилища и его размеры, несомненно, зависели от хозяйственных нужд, потребностей повседневной жизни населения и от природных условий.

Разумеется, приведенные типы сооружений не исчерпывают всего разнообразия строительной архитектуры. Перечисленные постройки, вероятно, служили только в зимнее время. В качестве летних жилищ использовались более легкие постройки, следы которых не сохранились в культурных слоях.

Хозяйство срубных племен имело тот же характер, что и хозяйство других племен на сопредельной территории степных и лесостепных районов, где основной отраслью являлось скотоводство. Только оно могло полностью удовлетворить потребность обитателей поселения в продуктах питания, основу которых составляли мясо и молоко домашнего скота. Скотоводство в евразийских степях и в лесостепи имело давние традиции, уходящие корнями в V тыс. до н.э. В начале развития срубной культуры оно носило, видимо, еще придомный характер, хотя не ис-

ключено существование отгонных форм, когда стада перегонялись на отдаленные от основных поселков пастбища. Связано это было с сезонным истощением кормовой базы. Возможно, этими сезонными передвижениями можно объяснить наличие небольших селищ с тонким культурным слоем, на которых не обнаружены жилища.

О наличии обширного стада свидетельствуют многочисленные находки костей домашних животных, которые употреблялись в пищу. Остеологический материал, полученный в ходе раскопок, позволяет восстановить существовавший состав стада и его видовое соотношение, судить о формах хозяйства обитателей того или иного поселения.

Анализ костных остатков проводился на многих поселениях срубной культуры по всей ее территории. На памятниках Южного Приуралья костные остатки определялись в основном А.Г. Петренко [Петренко, 2003. С. 5 – 60]. О количественной характеристике стада срубных племен по результатам полученных определений можно говорить с достаточной степенью осторожности: не все кости животных остаются на поселениях, а кроме того, многослойные памятники были заселены и другим населением в эпоху бронзы.

Определяя хозяйственное значение отдельных домашних животных по числу особей, полученных из «кухонных» остатков, установлено, что крупный рогатый скот, несомненно, играл главную роль в питании населения, что было характерно для всех хозяйств средневожжского и предуральского древнего населения эпохи поздней бронзы. По частоте находок первое место принадлежит костям крупного рогатого скота, второе – костям овец и коз.

Особь лошадей и свиней занимают третье место, что свидетельствует о численности поголовья этих видов. В удельном потреблении мяса наблюдалась большая разница. Учитывая коэффициенты веса, плодовитости животных, следует считать, что после крупного рогатого скота большую часть употребляемого в пищу мяса составляла конина, затем баранина.

Остеологический материал по возрастным признакам в момент убоя скота свидетельствует, что крупный рогатый скот в «кухонных» остатках представлен взрослыми животными, т.е. старше 4 лет, (45,7%), почти взрослыми, т.е. до 3,5 лет, (46,7%). Остатки от годовалых особей (8,6%) – в меньшинстве. Преобладание остатков от взрослых животных крупного рогатого скота является свидетельством того, что такое ведение хозяйства обеспечивало сохранение поголовья и его прирост [Петренко, 2003. С. 49].

Возрастной анализ костей овец и коз, проведенный А.Г. Петренко, показал, что в кухонных остатках 42% составляли особи до года, 67,9% – 2 года и старше. Это позволяет считать, что в хозяйстве овцы и козы использовались для получения шерсти и пуха. На материалах срубных памятников Мурадымово, Покровское, Чишминское в остатках особей лошадей было проведено возрастное распределение, которое дало следующие показатели: особи до 2 – 3 лет составляли около 40,0%, 5 – 7 лет – 40% и около 10 лет – 20%. Эти результаты свидетельствуют о достаточно разнообразном использовании лошадей срубным южно уральским населением – на мясо, для верховой езды, для работы и воспроизводства поголовья [Петренко, 2003. С. 50].

Костные остатки от диких охотничье-промысловых животных как по числу особей, так и по числу костей представлены в сравнительном меньшинстве и составляют на перечисленных выше памятниках 6,6% (I Береговское), 3,1% (Покровское), 2,1% (Чишминское), 0,2% (Мурадымовское). В их числе преобладают остатки от таких животных, как лось, олень, кабан, сайгак, добыча которых велась для пополнения мясных продуктов питания. Меньшим числом представлены особи бобра, лисы и волка.

Таким образом, состав стада позволяет считать скотоводческое хозяйство срубного населения придомным или пастушеским, т.е. крупный рогатый скот не приспособлен к длительным перекочевкам, а наличие в стаде свиньи подтверждает это мнение. Кроме того, на поселениях исследуемого региона отмечены остатки загонных сооружений для скота и стойла в жилищах, используемых в зимнее время года. Расположение поселений на надпойменных террасах около обширных пойменных лугов позволяло скотоводам использовать кустарник и луговые травы не только для выпаса, но и для заготовки, что также позволяет реконструировать скотоводство этого периода как придомное.

Свидетельством развития молочного направления в хозяйстве являются находки костяных трубочек для раздаивания коров (Рис. 44, 10) и сосуды с отверстиями в придонной части сосуда для отжимания творога, встреченные на срубных памятниках Балтачево, Аитово, Тавлыкаево, Береговское I и др. В поселенческих материалах срубной культуры найдены костяные псалии (Рис. 44, 1 – 4), которые свидетельствуют об использовании лошади в качестве транспортного средства, что объясняло мобильность и способность перемещаться на большие расстояния. Отдельно детали конской узды найдены на

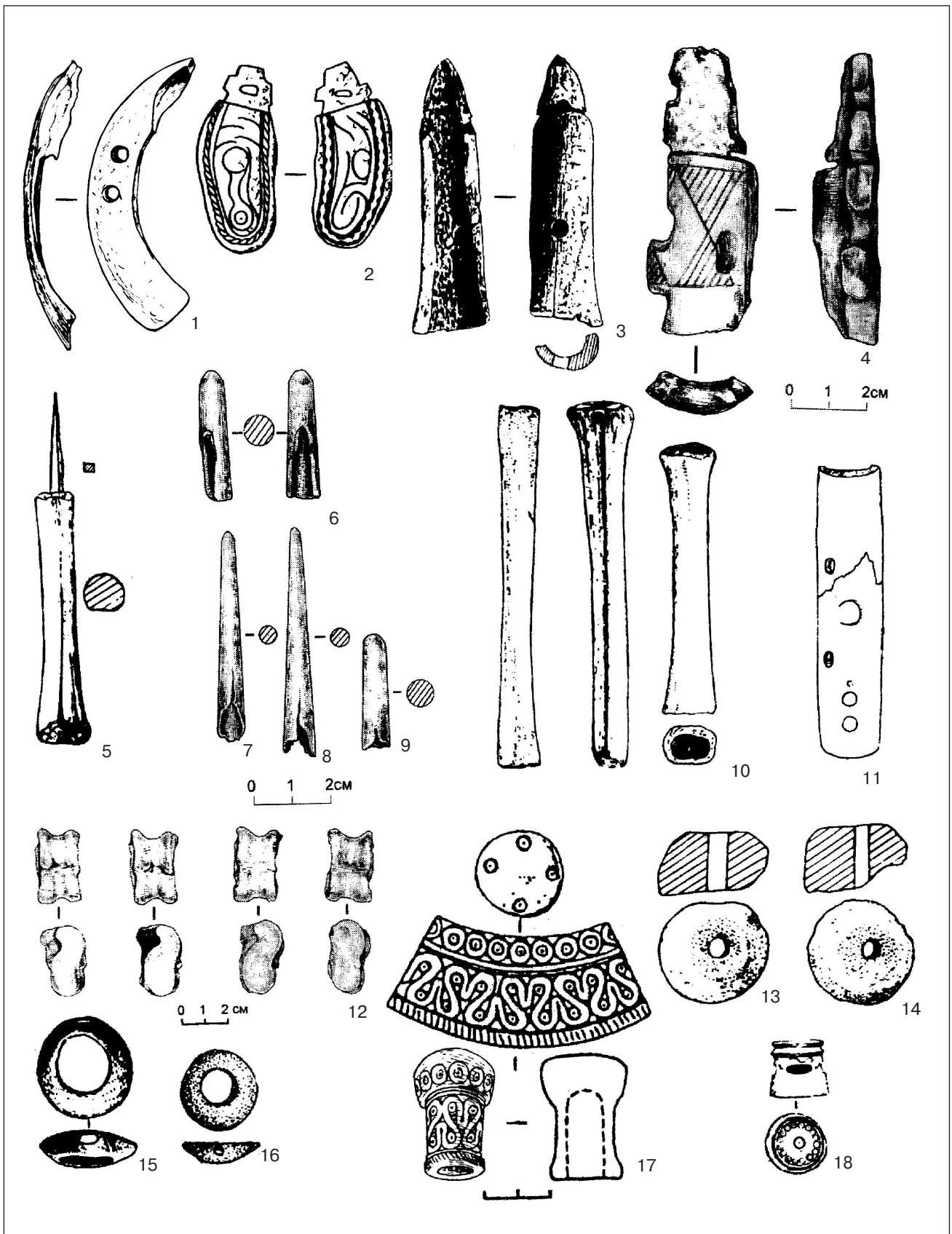

Рис. 44. Срубная культура. Костяные изделия.

1 – 4, 11 – псалицы; 5 – шило; 6 – 9 – наконечники стрел; 10 – трубочки; 12 – лоцила из альчиков животных; 13, 14 – пряслица; 15, 16 – пряжки; 17 – навершие; 18 – распределитель ремней.

Чишминском, Казангуловском, Аитовском, Таналыкском поселениях.

Отдельные исследователи склоняются в пользу тезиса о знакомстве срубного населения с земледелием, ссылаясь на косвенные данные к которым относят наличие бронзовых серпов, «зернотерок», курантов и др. Однако, как уже отмечалось, большинство данных, приведенных в пользу земледелия, являются спорными из-за отсутствия их четкой привязки к культурным и хозяйственным комплексам.

Что касается оценки земледелия, то на этот счет имеется заключение экспедиции ИА РАН под руководством Е.Н. Черных. Осуществляя в 1990-е гг. исследование следов пыльцы культурных растений на нескольких поселениях Южного Урала, в том числе и на Тюбякском, сотрудники экспедиции, взяв пробы на разных участках и глубинах, выявили их полное отсутствие. Подобная картина имеет место и на других памятниках бронзового века Приуралья. Это, в свою очередь, подтверждает высказываемую ранее многими исследователями оценку хозяйства абашевских и срубных племен как преимущественно скотоводческого [Обыденнов и др., 2001. С. 131].

Немалый интерес представляют и другие стороны хозяйственной деятельности срубных племен. Прежде всего, следует отметить развитую металлообработку. Основой для возникновения, а в дальнейшем быстрого развития древней металлургии явились богатые залежи медных руд, расположенные в отрогах Урала.

К развитому этапу срубные племена уже имели большой опыт обработки меди. Находки орудий из меди происходят из памятников ямной и полтавкинской культур. В настоящее время не вызывают сомнения генетические связи ямной-полтавкинской и срубной культур, которые были, по существу, одними и теми же племенами на разных этапах их развития.

Население ямной культуры Приуралья создает и развивает собственную металлургию на базе рудников Каргалинских месторождений. Аналогичный состав, основанный на чистой меди, имеют медные предметы, обнаруженные в ямно-полтавкинских памятниках сопредельных территорий.

Рудная база Приуралья характеризуется разбросанными месторождениями медистых песчаников (МП), которые связаны с Оренбургско-Уфимской областью, где имеются наиболее богатые выходы руд, в том числе Каргалинское месторождение. К месторождениям, эксплуатировавшимся в древности, относятся также Курсак, Бакр-Тау, Уманка и

др., расположенные в западном Башкортостане [Черных, 1966. С. 180].

О местном изготовлении медных и бронзовых орудий свидетельствуют остатки медеплавильных печей, обнаруженные в жилищах некоторых срубных поселений, например, на Тавлыкаевском [Морозов, 1983. С. 20] и I Береговском.

Следует отметить, что нахождение следов металлопроизводства на срубных поселениях происходит довольно часто. Это шлаки, сплески, фрагменты ошлакованной керамики, фрагменты литейных форм. Сами вещи на поселениях встречаются довольно редко в виду того, что металлом дорожили и сломанные предметы шли на переплавку. Целые вещи до нас доходят, в основном, при исследовании срубных могильников, например: бронзовые украшения (браслеты, бусы, подвески, наконечники и нагрудные гарнитуры), реже орудия труда (ножи, проколки, серпы) и клады бронзовых орудий.

Важное место в хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы принадлежало керамическому производству. Появление сосудов и использование их в повседневном быту сыграли большую роль в жизни человека. Сосуды изготавливались внутри каждой культурно-племенной группы, где вырабатывались свойственные только ей формы и элементы орнамента, потому керамика служит достаточно четким критерием при определении культурной принадлежности того или иного памятника.

Керамика составляет основу вещевого комплекса всех срубных памятников. Она имеет ряд устойчивых признаков. Лепилась керамика без гончарного круга. В глиняном тесте имеют место такие примеси, как песок, шамот, органика, реже толченая раковина. Обжиг производился на огне открытым способом, в результате чего цвет сосудов варьирует от светло-серого до коричневого. Перед обжигом на сосуд наносился орнамент в виде гребенчатых отпечатков, треугольников, ломаных линий, косых отпечатков. Отпечатки наносились и гладким штампом или насечками и наколами; в ранний период – витой веревочкой, наколами полой трубочкой или пером птицы.

Срубные сосуды представлены в основном двумя формами – банками и приземистыми горшками. Горшковидные сосуды имеют характерный переход от стенки к верхнему срезу в виде суженой шейки. Стенки горшков слабо профилированные или остороберные. Баночные сосуды имеют прямые стенки (Рис. 45).

Поселенческую керамику по функциональному назначению можно разделить на бытовую (столо-

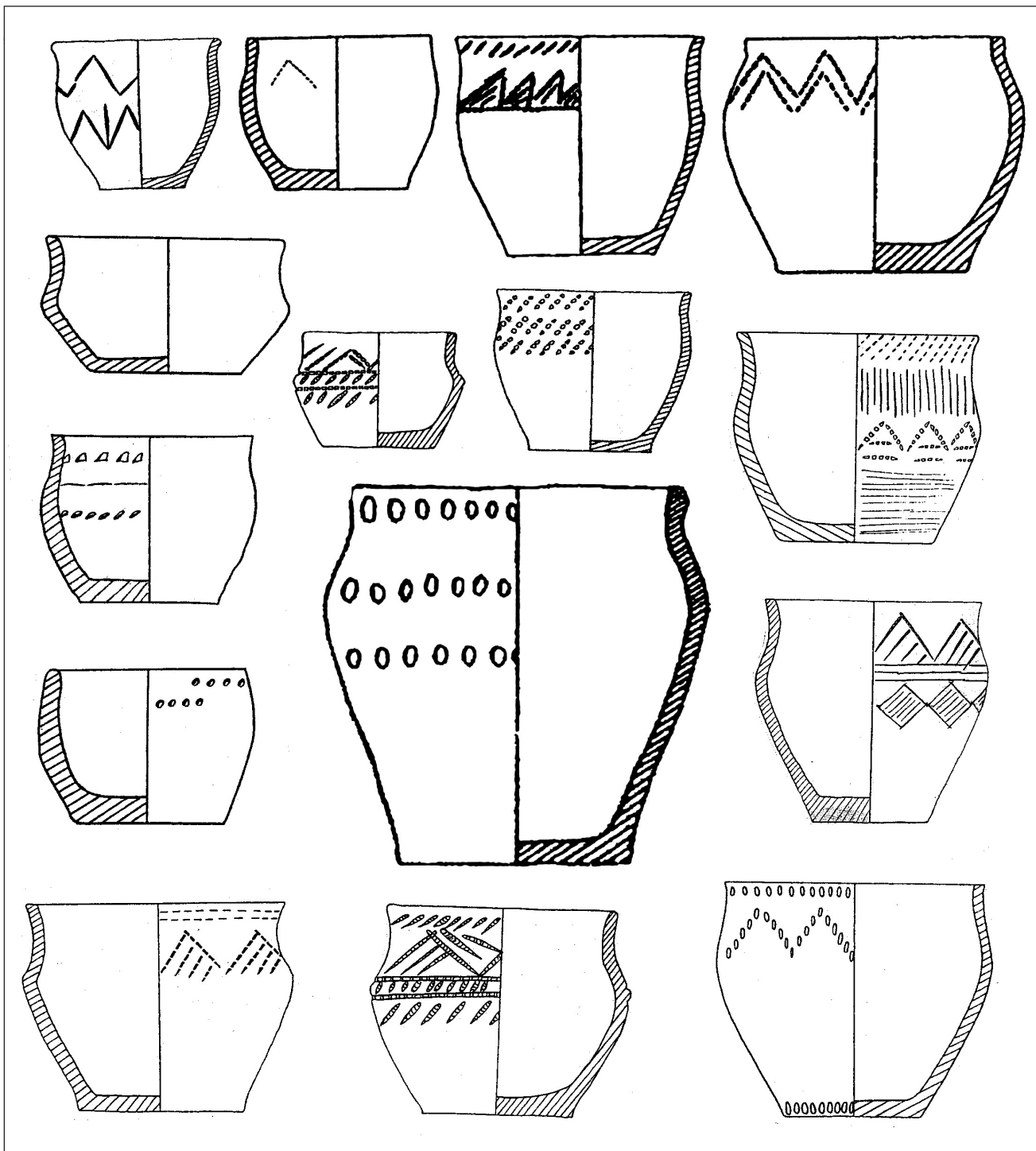

Рис. 45. Срубная культура. Керамика.

вую) кухонную, тарную для хранения продуктов, специальную и ритуальную. Изготовление глиняной посуды происходило в каждом жилище и являлось домашним производством.

Для изготовления орудий труда, предметов быта и вооружения применялись кость и рог. Много предметов из этих материалов найдено на Аитовском, Тавлыкаевском и Казангуловском поселениях. Костяные орудия применялись в кожевенном и

гончарном производстве; кость шла на поделки для конской сбруи и украшений, широко использовалась для изготовления различных державок и рукояток бронзовых орудий (Рис. 44).

Наиболее простые рукоятки представляют собой хорошо залощенные отрезки трубчатых костей с зашлифованными краями. Они встречаются на поселениях и в погребальном материале: в кургане 48 Старо-Ябалаклинского могильника, Казангулов-

ском, Аитовском, Исмагиловском поселениях. На Ново-Баскаковском поселении найдена костяная рукоятка с орнаментом, на Чишминском поселении найдены три рукоятки. На Покровском поселении в рукоятке находилось бронзовое шило [Лорохова, 1989. С. 64].

Развитие скотоводческого хозяйства обеспечивало экономическую базу для появления различных промыслов, связанных с обработкой шкур, шерсти, кожевенного производства; зарождались зачатки ремесленного производства.

Для обработки шкур использовали «тупики» — скребла, изготовлявшиеся из подвздошной кости лошади или челюстей животных. Эти орудия довольно распространены. В настоящее время, целые или в обломках, они зафиксированы почти на всех срубных поселениях. На Казангуловском поселении обнаружены 12 «тупиков», ручки для бронзовых орудий, струги. На переработку продуктов животноводства указывает ряд других находок. К ним относятся проколки — обычно небольшие кости, округлые или граненые и заостренные с одного конца; костяные «лопаточки»; струги, используемые, вероятно, при снятии шкуры. Подобные находки довольно характерны для многих срубных поселений.

В могильниках костяной инвентарь представлен украшениями из просверленных клыков животных, позвонками рыб, колечками, втулками, костяными наворачиями. На поверхности наворачия, найденного в Петряевском могильнике, вырезан микенский орнамент в виде волны (Рис. 44, 17).

Желобчатые и пластинчатые псалии встречены на поселениях Казангулово, Аитово, Чишминское, Тавлыкаево, Таналыкское. Один из желобчатых псалий обнаружен в погребении Николаевского могильника (Рис. 44, 4).

Пряжки из кости и раковины найдены на Аитовском поселении и в нескольких могильниках срубной культуры (Новые и Старые-Ябалаклы, Акназаровском, Петряевском, Биш-Уба, Кара-Тал и др.).

О прядении свидетельствуют многочисленные находки глиняных, каменных и костяных пряслиц, служивших для утяжеления веретен во время пряде-

ния нити из шерсти (Рис. 44, 13 — 14). Остатки шерстяной ткани были найдены во II Тавлыкаевском могильнике.

Все перечисленные занятия велись, как правило, в рамках семьи. Этот уровень развития специализации принято определять в рамках домашнего производства [Массон, 1976. С. 62].

Судьба позднесрубного населения, оставившего саргаринские памятники и памятники с валиковой керамикой, остается неизвестной. Вероятно, они, как и многие другие племена позднего бронзового века, вынуждены были покинуть традиционные места обитания вследствие аридизации климата в конце II тыс. до н.э. Этот фактор, возможно, способствовал переходу позднесрубного населения от полукочевого хозяйства к кочевому. В связи с тем, что приуральская зона стала непригодна для скотоводства, новые угодья можно было искать только на юге, что и определило направление миграций.

Не только археологический, но и антропологический материал поздних погребальных памятников из могильников Санзяпово, Качкиново, Кызыл-Юлдуз указывает на то, что в конце II тыс. до н.э. существовали связи срубного населения с южными районами, вплоть до Приаралья [Юсупов, 1989а. С. 18 — 20].

Сопоставляя краниологические данные срубников Башкортостана с краниологическими сериями из могильников эпохи бронзы близлежащих регионов, Р.М. Юсупов приходит к следующим выводам. Во-первых, срубное население юга и юго-запада Башкирии из Санзяпово и Качкиново является одной из поздних групп, во-вторых, антропологически оно представлено средиземноморским комплексом признаков и очень близко к смешанному срубно-андроновскому населению Западного Казахстана (Тасты-Бутак I), Южного Приаралья (Кокча 3) [Юсупов, 1989б. С. 133 — 134].

Переходное время от бронзового века к железному веку на Южном Урале остается сравнительно слабо изученным. Можно предположить, что в результате упадка срубной культуры в конце II тыс. до н.э. ее носители участвовали в сложении ряда культур раннего железного века.

КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО И ФИНАЛЬНОГО
БРОНЗОВОГО ВЕКА

Более чем 120-летнее накопление археологических источников по позднему бронзовому веку (ПБВ) региона с острейшей необходимостью ставит задачу осмысления и обобщения всех имеющихся материалов по отдельным хронологическим периодам. Обобщающие работы по поздней бронзе Южного Урала К.В. Сальникова [Сальников, 1967], по Зауралью и Западной Сибири М.Ф. Косарева [Косарев, 1981; 1976; 1991], по Притоболью Т.М. Потемкиной [Потемкина, 1979], по Прикамью О.Н. Бадера [Бадер, 1963], Среднему Поволжью А.Х. Халикова [Халиков, 1969] частью не согласовываются между собой, а в отдельных случаях и вовсе противоречат. Эти противоречия нашли отражение в фундаментальных работах по региону. В то же время за последние десятилетия получены многочисленные новые материалы, позволяющие пересмотреть традиционные представления о развитии археологических культур региона.

Бытовало традиционное представление об Урале как горном массиве, разделяющем европейские и сибиро-азиатские народы и культуры. Однако западная и восточная части Урала, разделенные низкими залесенными горами, не изолировали человеческие коллективы, а скорее наоборот, связывали их в единое хозяйственно-культурное целое. С этих позиций и рассматриваются археологические культуры позднего бронзового века Урало-Прикамья.

Южнолесные и лесостепные районы Урала и Прикамья, пограничные между евразийскими степями и лесами, соединяя европейскую и азиатскую части континента, издревле являлись зоной контактов различных хозяйственно-бытовых укладов, культурных традиций и этнических образований.

В эпоху бронзового века здесь мощно расцветает бронзолитейное производство, создаются предпосылки для формирования и расцвета культуры и искусства раннего железного века.

ЧЕРКАСКУЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА

Памятники черкаскульской культуры сосредоточены в южнолесных районах Зауралья, откуда культура распространилась на другие территории — в Притоболье, Казахстан, Алтай, Прикамье и лесостепные районы Урала (Рис. 46). В Зауралье поселения располагаются по берегам озер (до 85%), в других районах — по берегам рек, занимая края невысоких террас или их мысы. Преобладают поселения площадью до 7 тыс. кв.м. Эталонными памятника-

ми являются поселения Черкаскуль II, Березки V, Липовая Курья, Юкаликулевское. Большинство поселения многослойные, но черкаскульская керамика хорошо диагностируется. Изучено свыше десятка черкаскульских жилищ, представляющих собой изолированные полужемлянки или наземные постройки площадью 20 — 40 кв.м и 160 — 180 кв.м.

Погребальный обряд представлен чисто черкаскульскими (Березки Vг, Перевозный Ia) и черкаскульско-федоровскими (Ново-Буринский, Большая Караболка, Туктубаевский, Кинзерский, Приплодный Лог) могильниками. Наиболее ранними могильниками являются Березки Vг и Перевозный Ia. Погребения совершены в простых могилах, окруженных оградками из камней. Костяки уложены на правый бок в среднескорченном положении, кисти рук перед черепом или на линии таза. Преобладает восточная и юго-восточная ориентировка. Инвентарь представлен сосудами и височными подвесками.

В лесостепных районах Зауралья захоронения совершались под курганами со сложными входами в погребальные сооружения (Приплодный Лог I), которые известны и в чисто черкаскульских могильниках лесной зоны. Черкаскульско-федоровский погребальный обряд характеризуется трупосожжением на стороне с последующим захоронением остатков в могиле (Туктубаевский, Большая Караболка, Кинзерский и др.). В могилах или около них — ребра мелкого рогатого скота, лошади, режы крупного рогатого скота. Кости диких животных (косули, лося и др.) встречены как исключение.

Керамика черкаскульской культуры преимущественно горшечной формы с округлой шейкой и небольшим дном. В качестве примеси использовался тальк. По технологии изготовления сосуды близки к федоровским. Геометрический орнамент занимает две трети поверхности, но встречаются неорнаментированные сосуды. В технике орнаментации преобладают желобчатые прочерчивания (до 42%), меандры (до 15%) и треугольники (до 10%); валики, воротнички, елочки, ромбы редки (Рис. 47, 2 — 6).

Керамические комплексы черкаскульской культуры образуют две хронологические группы. Радиоуглеродные даты поселений Липовая Курья (3050±40 л.н.), Туктубаево (1230±40 л.н.), Кокшаровско-Юрынское (3280±40 л.н.), Боборыкинское (3420±65 л.н.) дают значительный разброс, но с привлечением данных синхронных культур и вещевого комплекса позволяют датировать черкаскульскую культуру XIV — XII вв. до н.э.

Вещевой комплекс немногочислен. Кроме случайных находок на черкаскульской территории

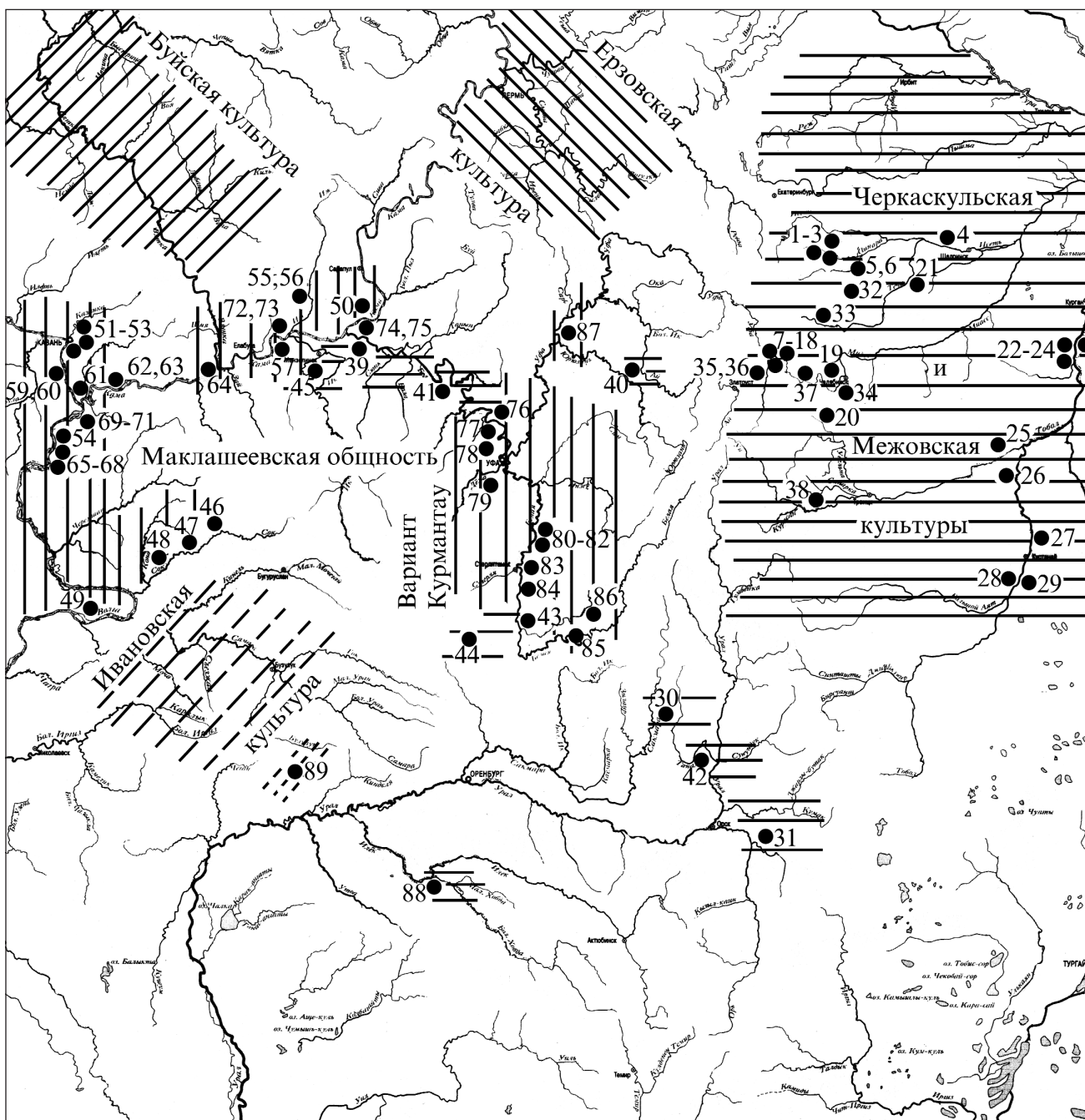

Рис. 46. Карта археологических культур и памятников позднего и финального бронзового века.

(ножи, топор, копья, серпы), в комплексах встречаются литейные формы (Кокшарово I, Липовая Курья), иглы, шилья, подвески из бронзы и набор вещей на поселениях Явленка I, Коркино I (Рис. 48).

Черкасульские памятники компактно расположены в Среднем и Южном Зауралье и образуют два локальных варианта: тагильско-кокшаровский и невяно-миасский.

Происхождение черкасульской культуры связано с коптяковскими, федоровскими комплексами и комплексами нерасчлененного облика. А.Ф. Шорин считает, что оформившаяся около XV в. до н.э. черкасульская культура, уходящая истоками в аятскую, стала, «подавив» коптяковскую орнаментальную традицию, господствующей в Среднем Зауралье.

Коптяковский тип керамики, по А.Ф. Шорину, сформировался несколько раньше, так как на ряде поселений, уже оформившись, он сосуществовал с нерасчлененным типом керамики, сочетающим черкаскульские и федоровские черты. Эта родственность федоровского и черкаскульского населения облегчала контакты между ними, привела к быстрому внедрению черкаскульцев в среду федоровского населения лесостепного Зауралья и Северного Казахстана и к совместному с ними образованию черкаскульско-федоровских коллективов.

Черкаскульцы наряду с федоровцами-башкульцами принимали участие в формировании саргаринской и бегазы-дандыбаевской культур эпохи поздней бронзы. Время сложения черкаскульского типа керамики А.Ф. Шорин определяет XV в. до н.э. Первоначально временем около середины II тыс. до н.э. датировал начало этой культуры К.В. Сальников.

А.Ф. Шорин выделил в черкаскульской культуре два этапа развития: ранний (XV – XIV вв. до н.э.) и поздний (XII – II вв. до н.э.). Он обосновывает выделение в Среднем Зауралье в рамках черкаскульской и межовской культур двух локальных вариантов: кокшаровского и невьяно-миасского (*Шорин*, 1988). Кокшаровский вариант локализуется им в районе г. Нижний Тагил и чуть севернее него, невьяно-миасский расположен южнее.

Черкаскульская культура была детально рассмотрена в коллективной монографии М.Ф. Обыденнова и А.Ф. Шорина «Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев» (*Обыденнов, Шорин*, 1995) и в монографии М.Ф. Обыденнова «У истоков уральских народов» (*Обыденнов*, 1997). М.Ф. Обыденнов рассматривал черкаскульскую культуру в качестве основы формирования древних уральских праугров.

Отдельные вопросы контактов населения черкаскульской культуры с федоровской были рассмотрены Т.С. Малютиной (*Малютина*, 1994). В.А. Зах опубликовал материалы поселения бронзового века на р. Тобол, содержащее черкаскульские материалы (*Зах*, 1995).

В исследовании «Древняя история Южного Зауралья» С.А. Григорьевым дана характеристика черкаскульской культуры в Южном Зауралье и приведено новое обоснование происхождения черкаскульской культуры на основе федоровской культуры эпохи бронзы (*Григорьев*, 2002).

Близкую позицию по вопросу о происхождении черкаскульской культуры на федоровской основе высказывает и А.В. Матвеев. По его мнению, эта культура является не андроновидной, а собственно

андроновской. Прародиной населения черкаскульской культуры он определяет лесостепные и сопредельные с ними области Зауралья, прежде всего к востоку от хребта, ранее обжитые федоровскими группами населения. Формирование самих черкаскульцев он рассматривает как результат дивергентного развития более древней федоровской общности в период XIII – XI вв. до н.э.; появления черкаскульского населения в горно-таежных районах Зауралья есть результат вытеснения их из обозначенных выше районов лесостепи Зауралья и прилегающей к ней южной тайги Западной Сибири носителями андроновидной пахомовской культуры.

МЕЖОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Памятники межовского типа (этапа) выделены К.В. Сальниковым (1964), затем М.Ф. Косаревым (1976, 1981), М.Ф. Обыденновым (1981), А.Ф. Шориным (1988). В период своего наибольшего распространения памятники этой культуры занимали территорию южно-лесной и лесостепной зон Урала (Рис. 46). На востоке межовская культура смыкается с типологически весьма близкой бархатовской культурой, на западе – с луговской на ее позднем этапе. Эталонными поселениями являются Лужки I, Межовское, Юкаликулевское (верхний горизонт), Ново-Кизгановское II, Инзелга.

Известно свыше 200 памятников межовской культуры, большая часть которых расположена в Зауралье. Поселения и стоянки занимают края террас (40,2%) или мысы (43,9%), образованные речными террасами. На высоких мысах расположены 9,7% известных памятников, впоследствии на их месте возникли городища раннего железного века.

Долговременные поселения, которых известно 29, или 17,2% от всех поселенческих памятников, характеризуются значительной мощностью культурного слоя и наличием жилых построек. Это поселения Замараевское, Юкаликулевское, Лужки I и Черкаскуль II в Зауралье и Ахметовское I, Старо-Кабаковское II, Тюбьяк, Юмагузинское I в Приуралье. В лесной зоне площади отдельных поселений составляют в среднем от 1 до 5 тыс. кв.м. с количеством построек от 1 до 4 тыс., редко больше. В лесостепи площади, занимаемые поселениями, достигают 10 – 35 тыс. кв. м. с 10 – 15 постройками, прослеживаемыми по котлованным впадинам. Кратковременные стоянки (Ново-Кизганово II, Инзелга и др.) составляют 25,5% известных памятников. Площади стоянок небольшие – 500 – 2000 кв. м. Почти половина памятников является местонахождением кера-

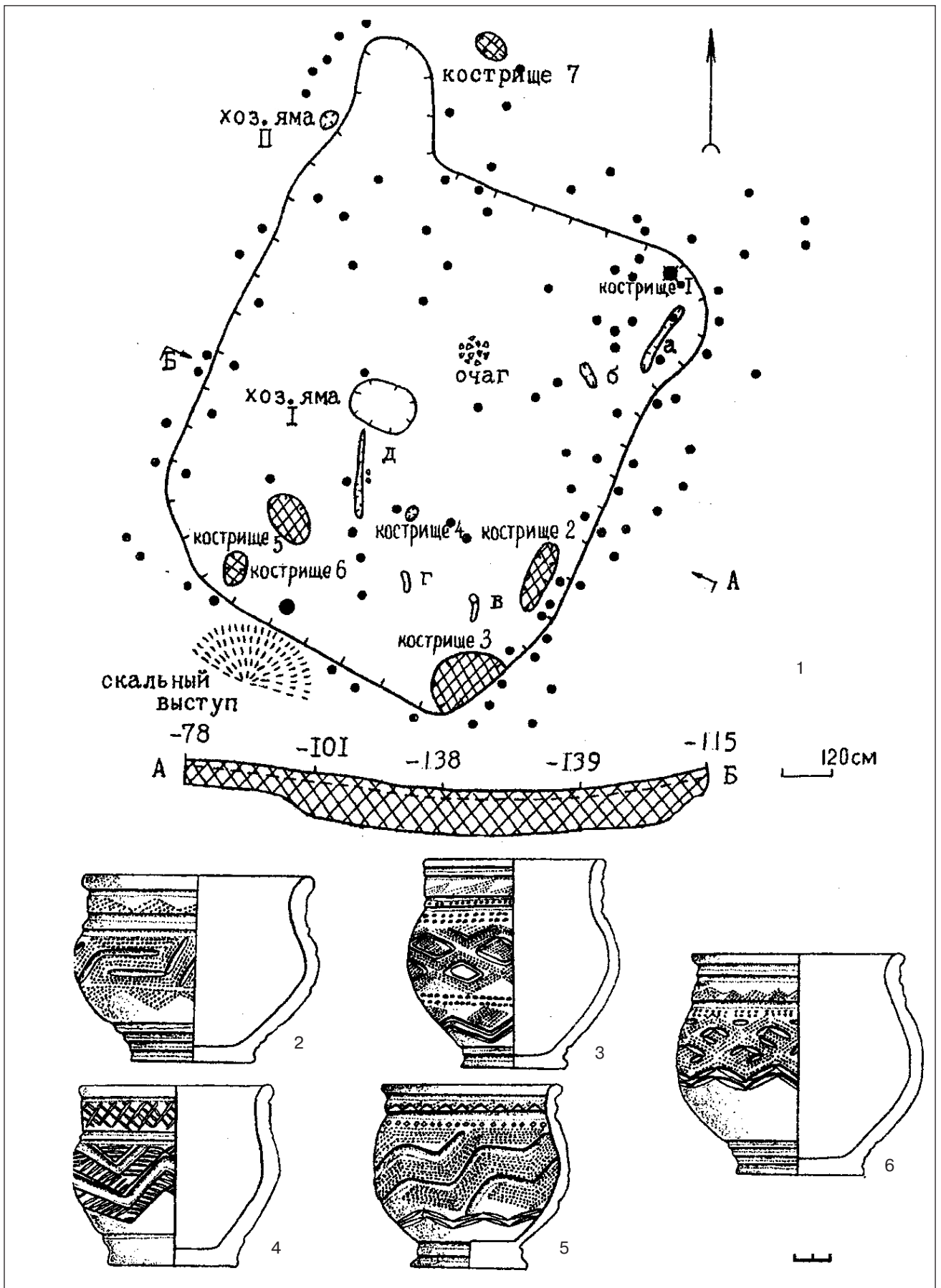

Рис. 47. Черкасульская культура.

1 – план и разрез жилища поселения Шукубай II; 2 – 6 – керамика могильника Березки V г.

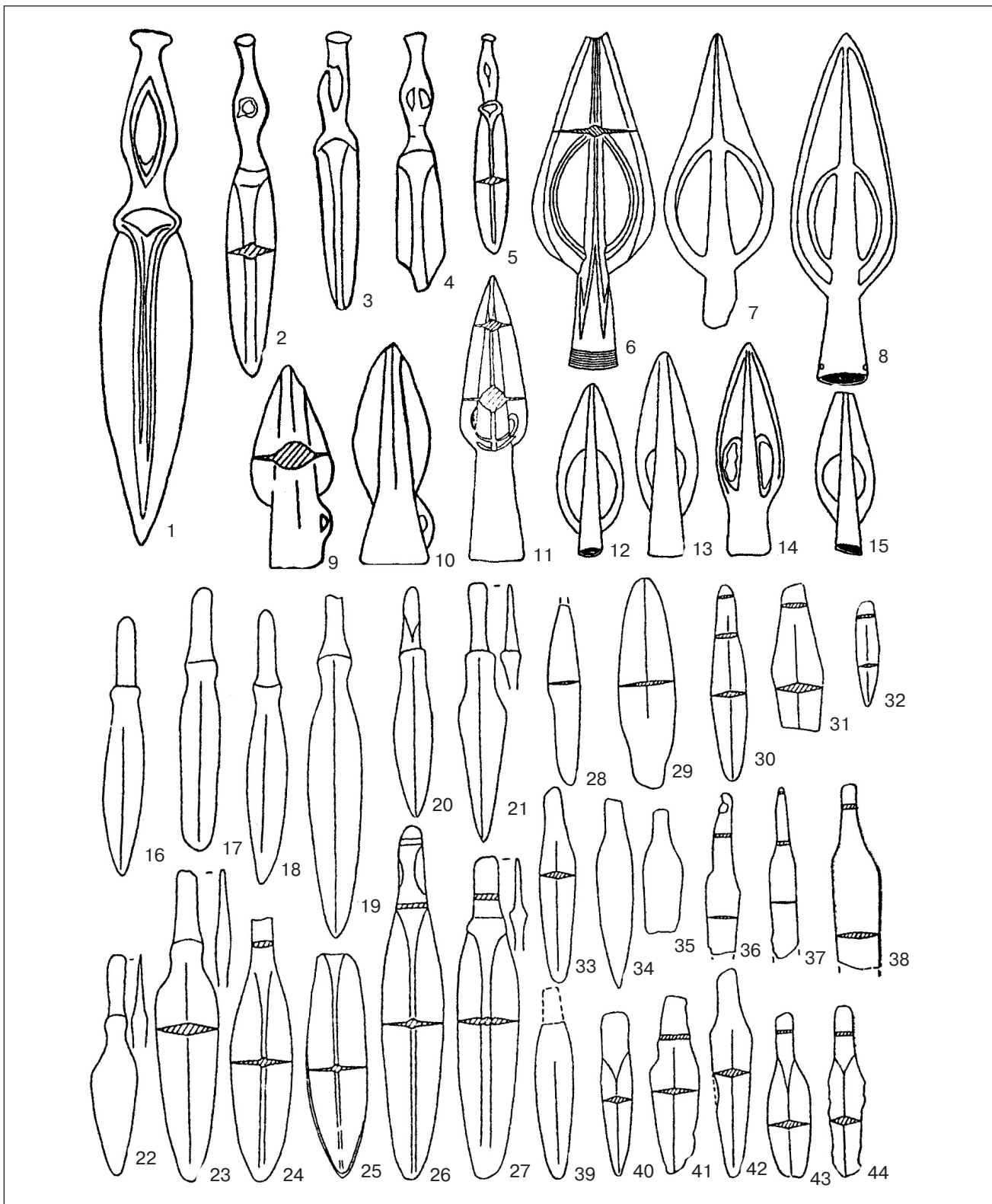

Рис. 48. Черкасульская и межовская культуры. Металлические изделия.

1 – 5 – кинжалы; 6 – 15 – наконечники копий; 16 – 27 – ножи-кинжалы; 28 – 44 – ножи. 1 – территория бывшей Уфимской губернии; 2 – с. Зирган; 3 – оз. Аргазы; 4 – г. Елабуга; 5 – с. Грахово; 6, 22, 23 – Кармановский клад; 7 – с. Тимашево; 8 – р. Миасс; 9 – с. Красный Яр; 10 – д. Бочкаревка; 11 – д. Сулем; 12 – с. Окольниково; 13, 21 – Красногорский I могильник; 14 – Юмаковский могильник; 15 – оз. Ирбитское; 16 – с. Троицкое; 17 – с. Куксянское; 18 – с. Кочневское; 19 – оз. Малый Касаргуль; 20 – с. Катайское; 24 – Стерлибашевский краеведческий музей; 25 – поселение Бирское, 26 – поселение Кузметово; 27 – стоянка Ново-Кизгановская II; 28 – поселение Зириковское; 29 – поселение Старо-Янзигитовское; 33 – стоянка Березовогривская I, 34 – поселение Чишминское; 35 – поселение Бальмское; 36 – поселение Волостниковское; 37 – поселение Тавлыкаевское; 38 – стоянка Инзелга; 39 – Екатеринбургский историко-краеведческий музей; 40 – поселение Шаблинское; 41 – стоянка Старо-Кабановская; 42 – Такталачукский могильник; 43, 44 – поселение Юкаликулево.

мики. Постройки на поселениях, вероятно, жилого назначения, учтены в количестве 28, из них 71,5% – полуземлянки. Конструкции большинства построек состояли из столбов, от которых сохранились до 400 ямок в одном жилище. Глубокие полуземлянки имели, очевидно, бревенчатую верхнюю часть. Внутренняя часть помещений была разделена столбами, которые поддерживали коническую крышу. Очаги кострового типа располагались в центре постройки. Выходы в виде нешироких коридоров выводили в сторону реки; при наличии второго выхода, как правило, он был обращен в противоположную сторону.

Могилики (Красногорский I, Подгорно-Байларский, Тартышевский I) дают представление о погребальном обряде межовского населения. Основным видом захоронений являлись подкурганые в количестве от 1 до 7 под одной насыпью, но обычно 1 – 3. Погребения большей частью представлены труположениями в неглубоких могилах, размеры которых зависели от возраста и позы погребенных. Некоторые могилы были оборудованы в насыпи курганов деревянными срубами в один венец или перекрыты деревом. Сверху над могилой сооружалась песчаная площадка. Можно предположить, что ноги покойника крепко связывались. Костяки в могилах размещаются в вытянутом, реже в скорченном положении. Ориентировка погребенных в основном восточная и частично западная, последняя преобладает в поздних погребениях.

Вторичные захоронения костей производились в могилах и на уровне горизонта под курганными насыпями. Угли в могилах редки. Сожжения и кострища известны на Красногорском I и Подгорно-Байларском могиликах, но удельный вес этого обряда невысок.

Инвентарь, сопровождающий умерших, представлен 1 – 2 сосудами и единичными вещами. В погребении встречаются испорченные вещи: сломанные ножи, разбитые сосуды. Покойника снабжали заупокойной пищей: найдены кости мелкого и крупного рогатого скота, реже лошади, кости рыб.

Керамика межовской культуры характеризуется особой технологией изготовления, формами, степенью орнаментированности и характером орнаментации посуды. Примеси в глиняном тесте нестабильны. Это тальк или раковина, реже песок, слюда, шамот, растительные добавки, выгоревшие при обжиге. Примеси в глине четко привязываются к определенным районам: в бассейне Белой – раковина, в Прикамье – раковина и песок, растительные, в Восточном Зауралье – тальк. Кстати, раковина и тальк имеют обратную зависимость – с уменьшением тальковой примеси возрастает раковина.

Характерны горшки с прямой отогнутой шейкой с закрытым устьем. Редко встречаются банки, чаши. Количественно преобладают горшки с отогнутой шейкой (Рис. 50). 14 основных типов шеек сосудов при коррелировании их с памятниками из различных районов Урала показывают локальные различия форм сосудов. Для зауральских поселений (Коптяки II, Березовское) наиболее характерны сосуды с низкими по высоте вертикальными или сильно наклоненными наружу шейками. Для нижнебельских памятников (Старо-Кабановское II, Ново-Кизгановское II) характерны близкие формы, а также сосуды со средней высотой шейки, отогнутой наружу; на среднебельских поселениях (Затонское II, Жуковское, Ибрагимовское II, Максютоское II) распространены сосуды с низкими и средними по высоте вертикальными и отогнутыми наружу шейками.

Выявленная на основе статистических методов дифференциация форм керамики позволила установить распространение одинаковых форм сосудов на зауральских и приуральских поселениях.

По территориальному распространению валиковой керамики наблюдается следующая тенденция. Камские памятники содержат ее больше, чем нижнебельские. Но больше всего она фиксируется на зауральских поселениях. Воротничковая посуда распространена на камских и отдельных бельских поселениях. Для Зауралья такая керамика не характерна.

Почти вся посуда орнаментирована по шейке и плечикам (Рис. 50). Наиболее типичная техника нанесения узора – резная. Зубчатая орнаментация не является преобладающей на каком-либо памятнике и характерна больше для ранних комплексов.

Статистической обработкой керамики 39 поселений выявлено 16 основных элементов геометрических узоров, из которых наиболее употребляемыми были следующие: горизонтальная «елочка», линии, решетка, зигзаги, штрихованные ленты и каплевидные насечки (Рис. 50, 1, 4 – 7, 9). Выявлены элементы орнамента, характерные для отдельных памятников и различных районов Урала. Елочная орнаментация является наиболее типичной, хотя по удельному весу среди 16 элементов занимает не первое место, уступая горизонтальным прорезанным линиям и насечкам. Елочный мотив занимает ведущее место в орнаментике керамики памятников Южного Приуралья и части памятников Зауралья. Обычно шейки сосудов украшались орнаментальным мотивом, состоящим из решетки, горизонтальных линий, каплевидных вдавлений, наклонных насечек, а стенки – мотивом ромбов, штрихованных лент, наклонных линий с бахромой (Рис. 50).

Исходя из анализа керамики, определены хронологические позиции признаков и ряда комплексов, которые корректируются и по вещевому инвентарю. Ранними признаками являются наличие баночных форм сосудов, более полное заполнение орнаментом поверхности сосудов, высокий удельный вес зубчатых и уголковых вдавлений, гладкое оформление шейки. К поздним признакам относятся такие, как высокий удельный вес чашевидных форм, наличие валиковой и воротничковой посуды, резная упрощенная орнаментация, появление ямок и шнурковых оттисков. Так, например, на южном Юкаликулевском поселении удельный вес сосудов с гладкими шейками возрастает с 53% до 92%, валиковой посуды сокращается с 42% до 8%. Уголковые оттиски также увеличиваются с 2,8% до 18%.

Другой инвентарь составляют разнообразные орудия из бронзы — кельты, долота, серпы, шилья, иглы, рыболовные крючки, наконечники стрел, копий, дротиков, бритвы (Рис. 50). Встречаются украшения: браслеты, подвески, серьги, бляшки. Имеются также изделия из железа — ножи, мотыги, шилья. Много изделий из кости — ложила, проколки, ножи, штампы, рукояти ножей, кочедыки, тесла, молотки, наконечники стрел, гарпуны, а также детали одежды и быта — пуговицы, пряжки, амулеты, ложечки. Немногочисленны детали конской сбруи — псалии.

Каменный инвентарь представлен изделиями из кремня — наконечниками стрел, дротиков; из других пород камня изготовлены песты, топоры, молоты, тесла, терочники и терочные плиты, наковальни, оселки, диски, шары, булава. Найдены многочисленные орудия для обработки металла — литейные формы из камня и глины.

Глиняный инвентарь составляют изделия для ткачества (пряслица — лепные и изготовленные из стенок сосудов), ложила, орудия литейного производства (литейные формы, тигли чашевидные и рюмкообразные, льячки, поделки и скульптурные изображения рыбы, уточки, вюрфели).

В развитии межовской культуры выделяется два этапа — собственно межовский, к которому относится большинство поселений и могильников Зауралья и Приуралья, и березовский, характеризующий заключительный этап межовских древностей. Березовских памятников немного, и они локализованы в предгорьях Зауралья.

Межовская культура синхронизируется с культурами валиковой керамики Евразии. Начальные этапы этих культур принято относить ко времени не ранее XIII — XII вв. до н.э., к тому же нижняя дата Межово определяется верхней границей черкаскульских памятников. Таким образом, начало межовской культуры датируется XII — XI вв. до н.э.,

а ее поздние памятники, очевидно, доживают до VII в. до н.э.

Межовская культура генетически связана с черкаскульской, является ее продолжением. Об этом свидетельствует как эволюционное развитие керамики (В.С. Стоколос), так и антропологический тип населения (А.В. Шевченко). В то же время следует иметь в виду другие компоненты, главным образом андроновский, а в Приуралье — луговской, которые оказали влияние на формирование межовской культуры.

Межовские памятники на Урале можно разделить на две подрегиона — зауральский и приуральский и рассматривать их в качестве локальных вариантов. Зауральский вариант межовской культуры смыкается с территорией бархатовской культуры (А.В. и Н.П. Матвеевы, В.И. Стефанов, О.Н. Корочкова), которая, видимо, входит в родственную ей ирменско-бархатовско-межовско-луговскую культурно-хозяйственную область, обусловленную андроновской основой. При участии межовской культуры зауральского варианта складываются три родственные культуры: иткульская, гороховская и гафурийская. Несколько ранее межовцы приняли участие в формировании курмантауского варианта маклашеевской культуры бассейна р. Белой.

МАКЛАШЕЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

Возросший в последние десятилетия интерес к переходным эпохам, в частности от бронзы к железу, обусловил активизацию исследований памятников поздней бронзы и раннего железа Прикамья. Это было связано, с одной стороны, с поисками истоков ананьинской культуры, с другой — с разработкой тем по отдельным культурам как бронзового, так и железного веков, составлением археологических карт и написанием истории республик Поволжья и Приуралья.

Переходный период в Приуралье — это время сложения крупнейшей историко-культурной общности Восточной Европы раннего железного века — ананьинской. Несмотря на большое количество полевых источников по данной эпохе, проблема сложения вариантов ананьинской общности остается не полностью разрешенной. В связи с этим большое значение приобретает исследование памятников предананьинского времени, которые знаменуют переходную эпоху в данном регионе.

Переход от одной эпохи к другой не мог быть единовременным актом, а изменения в материальной культуре накапливались постепенно, реализуя предпосылки перехода от одной эпохи к другой. В эти периоды особенно ярко проявляется возмож-

ность ускоренного развития исторического процесса. Переходное производственно-экономическое состояние представляет собой период наивысшей активности, поиск новых форм хозяйственной адаптации; его содержание определяется увеличением производственно-технических возможностей общества, нарастанием темпов развития производительных сил [Косарев, 1991. С. 80].

В лесном Среднем Поволжье В.С. Патрушев отмечает такую черту переходного периода, как развитие хозяйства, археологически прослеживаемое в наборе орудий труда и их качественных изменениях, а также количественном соотношении категорий. Качественные изменения в общественных отношениях проявляются в появлении городищ и имущественного расслоения, фиксируемого по материалам могильников. Следствием дальнейшего разделения труда, появления имущественного неравенства является активный обмен между племенами и установление обширных культурных связей с удаленными районами. В свою очередь, это ведет к дальнейшему разложению первобытнообщинных отношений.

В лесной зоне Западной Сибири М.Ф. Косарев указал такие черты переходного периода: нестандартность поселений, зачатки железодельного производства при широком бытовании каменных орудий, а также смешение разных групп населения и нивелировка разнокультурных признаков [Косарев, 1981].

Формирование локальных вариантов ананьинской культуры, впервые намеченное А.В. Збруевой [Збруева, 1952], было разработано А.Х. Халиковым, считавшим, что ее формирование шло на всей территории на базе позднеприказанских-макляшевских групп населения [Халиков, 1980. С. 53]. Эта связь позволяет А.Х. Халикову относить население ананьинской и приказанской культур к восточной группе финноязычного населения, сыгравшего ведущую роль в формировании предков волжских (мари, мордва) и пермских (удмурты, коми) финноязычных народов.

В настоящее время древности поздней бронзы Волго-Камья уже нельзя рассматривать в рамках одной, поэтапно развивающейся приказанской культуры, единство и прямое генетическое родство этапов которой весьма сомнительны. Совершенно очевидно, что памятники макляшевского этапа знаменуют образование иной культуры с локальными вариантами. Называть ее возможно макляшевской. К выделению памятников макляшевского типа в самостоятельную, отличную от приказанской, культуру склоняются и другие исследователи [Генинг, Совцова, 1967; Кузьминых, 1981; Членова, 1981]. С.В. Кузьминых отмечал, что было бы ошибочно и слишком прямолинейно рассматривать это

единство как последующую ступень атабаевского этапа.

Макляшевские памятники, а также близкие и, очевидно, однокультурные с ними, распространены в Среднем Поволжье от устья Ветлуги до устья р. Черемшан, на Каме — от устья до г. Перми, в бассейнах рр. Белой, Ика, Вятки (Рис. 46). Охватывая огромный Волго-Камский лесной массив, эта культура, совершенно очевидно, имела локальные различия, разные источники своего формирования и самостоятельные судьбы. В литературе намечены районы выделения локальных вариантов. В обобщенном виде возможно рассматривать макляшевскую культуру в составе пяти вариантов: макляшевского, кокшайского, быргындинского, курмантауского и ерзовского. Именно в плане локальных вариантов осмысливали макляшевские древности многие исследователи [Генинг, Совцова, 1967. С. 58; Халиков, 1980. С. 53]. Л.И. Ашихмина, выделившая для предананьинского времени быргындинскую культуру, в целом также стоит на близких позициях, рассматривая предананьинскую общность с «несколькими четко выраженными вариантами» и только «во избежание путаницы» считает, что «лучше говорить не о вариантах, а о родственных культурах, составляющих предананьинскую культурно-историческую общность» [Ашихмина, 1985. С. 4].

Памятники макляшевского варианта локализованы в прилегающих к устью Камы районах Среднего Поволжья и в Нижнем Прикамье до устья р. Вятки. Для более позднего времени А.Х. Халиков выделяет на этой территории два локальных варианта ананьинской культуры — Кама I и Волга II [Халиков, 1969]. Детальная характеристика макляшевских древностей (памятников макляшевского этапа приказанской культуры) была дана во многих работах А.Х. Халикова [Халиков, 1969; Халиков, 1980].

Макляшевские поселения располагаются в основном на надпойменных надлуговых террасах, иногда на дюнных возвышениях поймы. Одновременно появляются поселения на высоких мысах, ограниченных руслами небольших рек, ручьев, оврагов. Поселений-городищ немного, не более 5 — 6%. В раннеананьинское время часть макляшевских поселений, которые продолжали функционировать, обносится укреплениями. А.Х. Халиков [Халиков, 1980. С. 15] предполагает, что уже в макляшевское время появляются земляные валы и рвы (городища-поселения Казанка II, Курган и др.).

Керамика курмантау была выделена еще в довоенное время на Касьяновском поселении у горы и городища раннего железного века Курмантау в Гафурийском районе Башкортостана. Термин «курмантау» закрепился в работах А.А. Шмидта, П.П. Ефименко, А.В. Збруевой, К.В. Сальникова, Н.Л. Членовой, В.А. Иванова, И.Б. Васильева и др.,

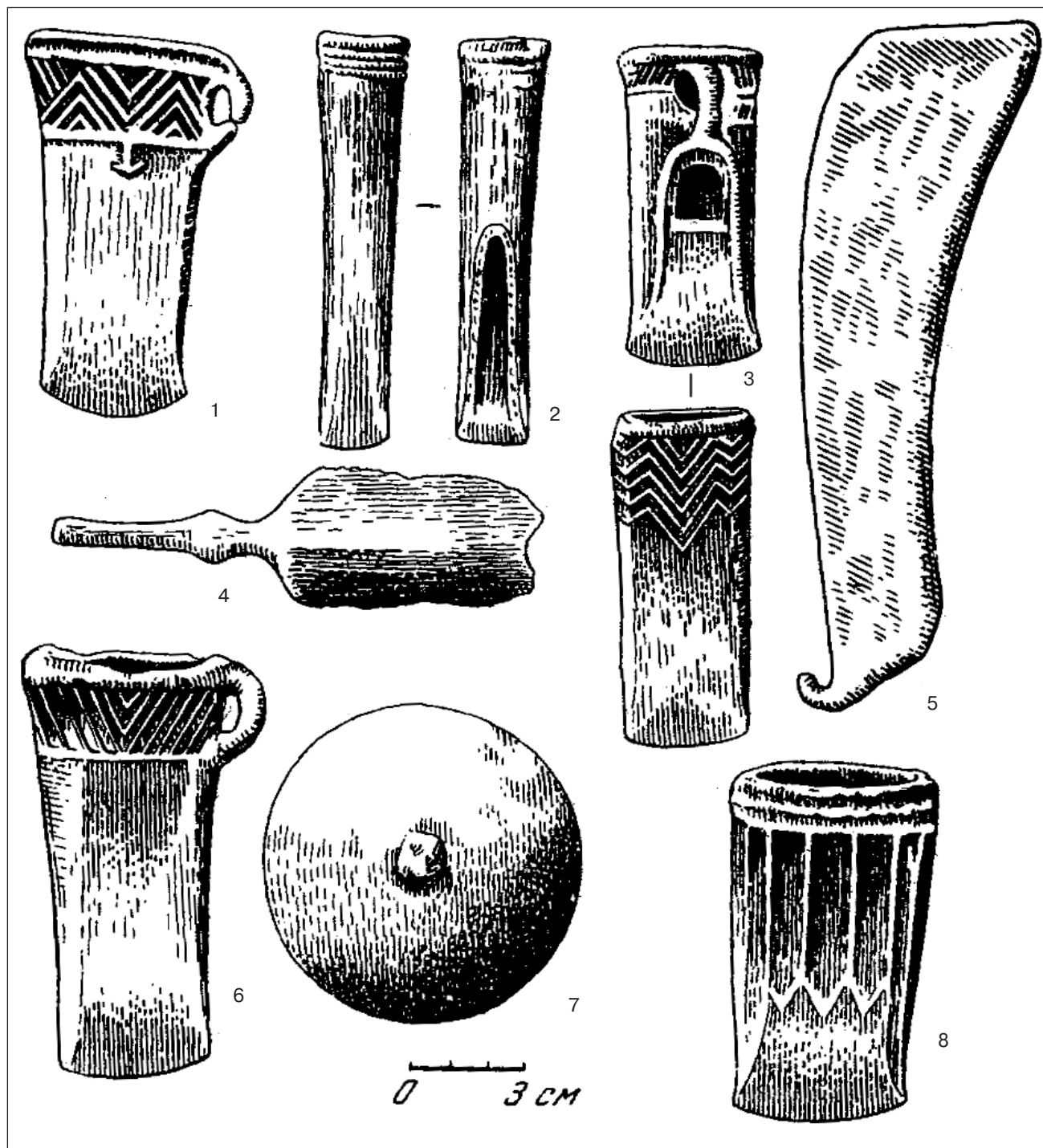

Рис. 49. Межовская культура. Дербеневский клад.
1, 3, 5, 7 – топоры-кельты; 2 – бляха; 4 – нож-кинжал; 8 – 11 – серпы.

при этом разными исследователями вкладывалось в него разное понимание. В специальной работе, посвященной культуре курмантау, написанной В.А. Ивановым [Иванов, 1982. С. 76], автор отрицает выделение особой культуры (в археологическом понимании). Присоединяясь к этому выводу, считаю возможным сохранить этот термин для бельского

варианта маклашеевской культуры. К.В. Сальников отводил для курмантауской культуры также бассейн р. Белой [Сальников, 1967. С. 376].

Большинство памятников с керамикой курмантау обнаружено на берегах р. Белой, они занимают все ее течение, кроме истоков, расположенных в горах. На притоках Белой – Деме, Кармасане, Чер-

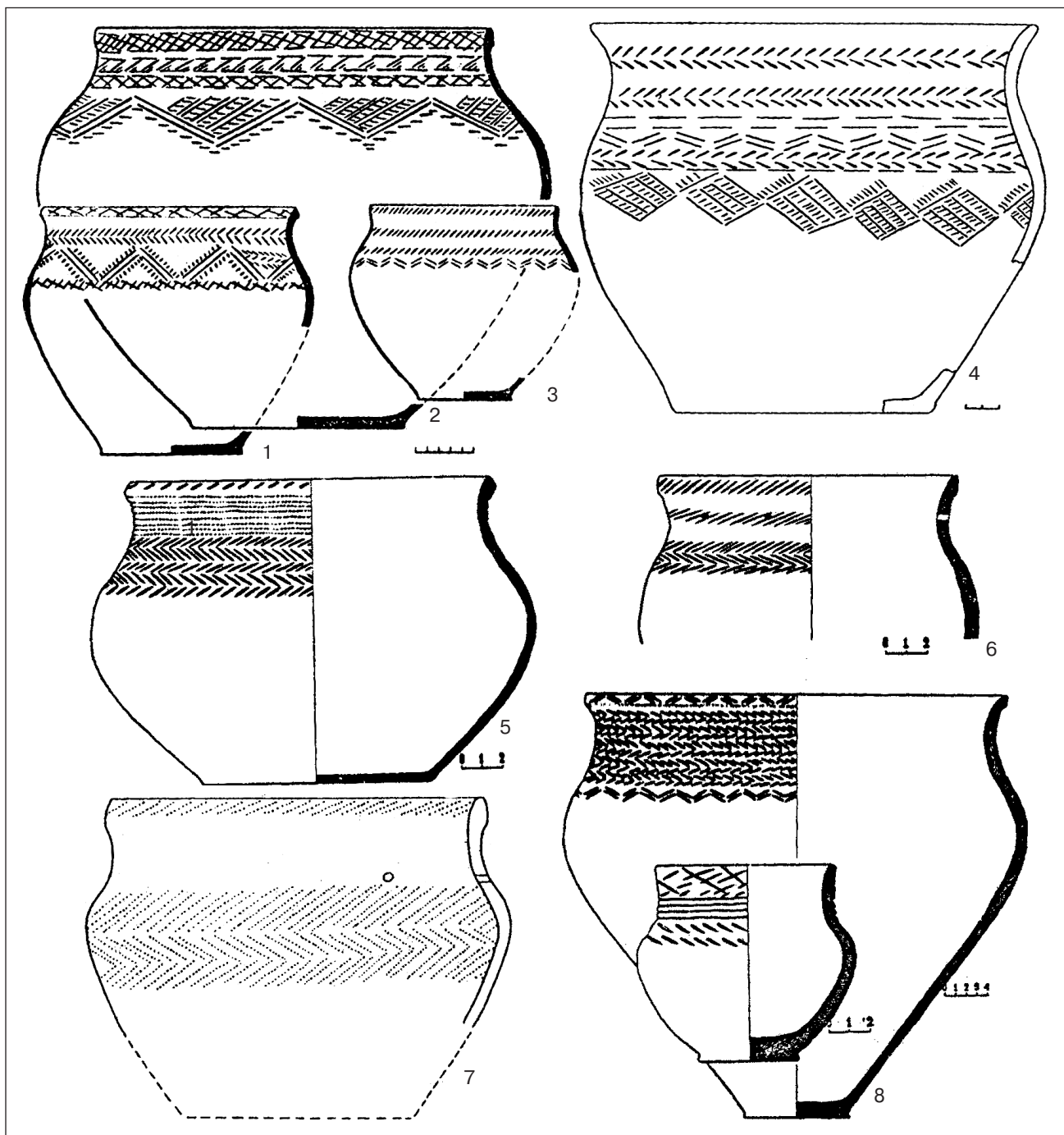

Рис. 50. Межовская культура. Керамика.

1 – 3 – Красногорский I могильник; 4 – Балачевская стоянка; 5, 6, 8, 9 – Ново-Кизгановская II стоянка;
7 – Сасыкульская стоянка.

масане, Уршаке и др. – памятники расположены лишь в приустьевой части, выше встречаются только единичные находки керамики. Отчетливо проявляется тяготение курмантауского населения к берегам больших рек (Белой и Ика). На северо-востоке крайними находками являются фрагменты на р. Ай и обломки с чертами курмантау на Усть-Юрюзанском поселении. В горной части верховий Белой ряд

местонахождений расположен у с. Акбута, пещеры Муйнакташ, одно поселение раскопано у хутора Максютово.

Закономерности в топографии поселений не прослеживаются. Они расположены на краю первой надпойменной террасы (Старо-Кабаново III, Романовка VIII, Касьяновское), на невысокой стрелкемысу террасы (Кюнь II, Кумлекуль), на обрывистом

коренном берегу (Дуваней) или на низком пойменном берегу (Какры-куль, Старо-Кабаново II).

Строительных остатков на памятниках обнаружено очень мало. Одно жилище (курмантауское или межовское) вскрыто К.В.Сальниковым на поселении Кумлекуль, к северу от Уфы. Жилище имело квадратную форму размером 12 x 12 м. В южной стенке был выход-коридор шириной 1,25 м и длиной более 3 м. Ясно выраженного очага не зафиксировано. В заполнении жилища собрано 56 курмантауских, 48 межовских и 10 срубных сосудов в обломках [Сальников, 1967. С. 87].

Второе жилище обнаружено И.Б.Васильевым при раскопках поселения Какры-куль. Оно имело форму прямоугольника с закругленными углами, размером 18 x 11 м и глубиной до 0,5 м от уровня материка. В сторону озера вел углубленный выход шириной 1,5 м, который затем расширился и выводил на поверхность. В южной части на дне располагался открытый грунтовый очаг округлой формы диаметром 0,8 м.

Остатки жилища были изучены нами на Касьяновском поселении в 1977 г. [Васильев и др., 1985а]. Здесь в центральной части раскопа выявлена каменная вымостка, состоящая из крупного гольша и гальки. Расчистка вымостки позволила заключить, что она окаймляла околоселищное пространство, а свободная площадь (12 x 6 м) являлась полом наземного жилища. Площадка пола ровная, вытянута по линии СЗ – ЮВ вдоль по ложбине между подошвами холмов. Планиграфия находок показала, что именно площадка между вымостками была наименее насыщена культурными остатками, тогда как к востоку и западу от нее, на вымостке и особенно за ее пределами, концентрация находок больше. Кроме того, в юго-восточной части площадки, почти по ее продольной оси, выявлено три скопления крупных камней, образующих круглые или овальные очажные площадки. Может показаться странным размещение жилища на краю и в глубине ложбины, где ему во время дождей и таянья снега неминуемо грозило затопление. С целью предотвращения подобного явления обитатели поселения прорыли водоотводную канаву, часть которой была обнаружена в северном углу раскопа. При этом вода не только стекала по канаве, но и собиралась в яме-водосборнике, откуда ее могли брать для хозяйственных нужд, чтобы не спускаться по крутому берегу к реке. Для добычи воды в яме имелась ступенька. Рядом находилась вторая яма для тех же целей. За водоотводной канавой располагалась часть очагов и хозяйственные ямы. По конструктивным особенностям касьяновское жилище, возможно, напоминало длинные узкие дома типа кокшайского или курганских.

На поселении Кюнь II раскопками в 1972 г. и 1981 г. частично выявлены две углубленные в грунт постройки, расположенные рядом. Возможно, они могли быть связаны переходами. Западное жилище было углублено на 1,1 м от современной поверхности, восточное – на 0,7 – 0,9 м. Коридорообразный выход выводил к склону мыса. Размеры одного прямоугольного котлована предположительно составляли 15,2 x 16,2 м. В котловане имелся один очаг открытого типа. Столбовых ям мало; очевидно, стены имели бревенчатую конструкцию.

На Дуванейском поселении экспедицией БГУ в 1984 г. выявлен край разрушенного рекой полуземляночного жилища шириной 6,5 м, ряд столбовых ям и две хозяйственные ямы.

К сожалению, за последние десятилетия число погребальных памятников не увеличилось, и по-прежнему в бассейне Белой известен только Урнякский могильник, близ г. Стерлитамака раскопанный К.В. Сальниковым в 1953 году. Судя по плохо сохранившимся костям, погребенные лежали на левом боку, головой на восток и на запад. Рядом с погребенными найдены круглодонные сосуды с маленькими отогнутыми наружу шейками, с примесью толченой раковины в глине. Орнамент одного сосуда состоит из редких парных насечек под венчиком, второго – горизонтальных елочек на шейке и плечиках. Кроме сосудов, у костей обнаружено несколько бронзовых украшений: два височных кольца и медная бляшка-обоймица. Курганные насыпи на могильнике не прослежены, возможно, они были разрушены более поздними постройками [Сальников, 1967. С. 382].

Керамика курмантауского варианта – это в основном круглодонные сосуды (плоскодонные буквально единичны, кроме раннего, старо-янзигитовского типа) с прямой или отогнутой наружу шейкой, резко переходящей в сильно раздутое тулово. В глиняном тесте примесь толченой раковины, редко шамота или растительных остатков. При переходе шейки в тулово или чуть выше, по середине шейки большинство сосудов украшено пояском из ямок, часто группирующихся по 2 – 4 или расположенных треугольником. На плечики орнамент почти не спускался. Основные мотивы составляют горизонтальная и вертикальная елочка, сетка, флажок, реже встречаются геометрические узоры – заштрихованные треугольники, ромбы. Характерным элементом курмантауской керамики является воротничок, сохранившийся в башкирском орнаментальном искусстве до наших дней (Рис. 53, 11 – 16).

Бронзовые изделия на поселениях курмантауского варианта сравнительно редки. На Старо-Янзигитовском и Демском поселениях найдены плоские ножи. Значительный вещевой комплекс

происходит только с Касьяновского поселения. Здесь бронзовые предметы представлены четырехгранным шилом, тонким браслетом из узкой полоски бронзы с заходящими друг за друга концами, лавролистным и втульчатым наконечниками стрел, обломком прорезного наконечника копья, прорезным бубенчиком с ушком, гвоздевидной серьгой с заостренным концом, плоским височным кольцом, или подвеской, с заходящими друг за друга, слегка приостренными концами, круглой бляшкой и бритвой с овальным лезвием (Рис. 52).

Изделия из железа состоят из двух ножей. Нож, найденный А.В. Збруевой, длинный, узкий, с массивным плоским черешком. Второй нож, обнаруженный в 1976 г., черешковый, с прямой спинкой, у основания лезвия — небольшой уступчик.

На курмантауских памятниках имеются многочисленные свидетельства металлургии бронзы. В культурном слое Дуванейского поселения найдены две половинки литейной формы из глины с примесью шамота и растительных остатков. Форма применялась для изготовления продолговатого предмета типа клина. Здесь же найден обломок другой формы из талька для отливки круглых бляшек (с ушком?) и долота(?). С Касьяновского поселения происходит обломок тальковой литейной формы для отливки игл с ушком.

На Бирском поселении найдены обломок маленькой глиняной льячки и 10 плоских кусков песчаника с зашлифованными сторонами. Эти камни могли использоваться для заточки отливаемых здесь же бронзовых изделий. Несколько толстостенных тиглей, подобных найденному на Бирском поселении, выявлено на поселении Какры-куль. Этим же временем можно датировать обнаруженные там продолговатый слиток бронзы, кусочки медной руды и капли меди.

Костяные орудия курмантауских памятников представлены тупиком для обработки кож (Старо-Янзигитовское поселение), костяной проколкой, двумя привесками из когтей зайца (Касьяновское поселение), обломком шлифованного тесла, шильями (Дуванейское поселение), наконечником стрелы и их обломками (Демское, Дуванейское поселения).

Более представительна коллекция кремневых наконечников стрел и скребков, полученная при раскопках поселений Максютовское II, Куштау Западное и Касьяновское (Рис. 53, 1 — 3). На последнем памятнике кремневый материал состоит из 10 наконечников стрел листовидной формы, наконечника дротика и многочисленных отщепов со следами обработки. Наконечники стрел по форме делятся на ромбические и листовидные. Массивный, грубо обработанный наконечник дротика также имеет листовидную форму [Васильев и др., 1985а.

С. 30, рис. 6]. Несколько десятков орудий собрано в маленьком раскопе поселения Куштау Западное. Это, главным образом, концевые скребки на отщепе и четыре наконечника стрел, один из которых вытянуто-ромбической формы. Характерно, что два последних поселения содержат исключительно курмантауские слои и не включают остатки других культур.

С.А. Семенов после исследования серии кремневых орудий и отщепов с Касьяновского поселения отметил, что основным орудием, которое человек стремился получить из этого кремня, был скребок [Збруева, Тихонов, 1970. С. 106]. То же самое наблюдается и на Старо-Кабановском III поселении, где количество скребков резко преобладает над всеми остальными видами орудий: 62 скребка, 1 раз-вертка, 1 отбойник, 1 обломок нуклеуса, 4 наконечника стрел и обломок шлифованного тесла.

Кремневые орудия найдены и на других поселениях: Демском [Сальников, 1967. С. 381], Какры-куль, хотя на последнем кремневый инвентарь не может быть вычленен из инвентаря эпохи энеолита.

Изделия из других пород камня на поселениях редки. На поселении Кюнь II в котлованах построек найдены обломки двух каменных булав. Одна булава представляла собой приплюснутый шар диаметром 4,8 см и высотой 3,5 см с отверстием диаметром 1,8 см. Вторая булава конусообразной формы размером 4 x 4 см с отверстием. Подобные булавы найдены на Старо-Кабановском поселении, расположенном в том же районе, и на Заосиновском VI поселении в Среднем Прикамье, относящемся к ерзовскому варианту маклашеевской культуры. Из камня изготовлен обломок алтаря-жертвенника, найденный в жилище поселения Кюнь II [Выборнов, Обьденнов, 1983. С. 40 — 56].

Памятники маклашеевской культуры в бассейне Белой образуют три территориальные группы — нижнебельскую, бирскую и касьяновскую [Иванов, 1978. С. 10].

Поселений с керамическими комплексами, близкими Касьяновскому, в бассейне Белой выявлено в настоящее время семь. Это Касьяновское, Михайловское, Курмантауское, Куштау Западное, Максютовское II, Муйнакташ, Саказка и несколько местонахождений керамики. Они занимают сравнительно небольшой участок правобережья Средней Белой, ограниченный с востока Уральскими горами, с запада и юга — р. Белой, за которой начинаются степные и лесостепные пространства, с севера — болотистой Бельско-Симско-Инзерской поймой (Рис. 46).

Из общей совокупности признаков, определяющих облик курмантауской группы, необходимо выделить главные. Это круглодонные, широкогорлые и низкогорлые слабопрофилированные сосуды

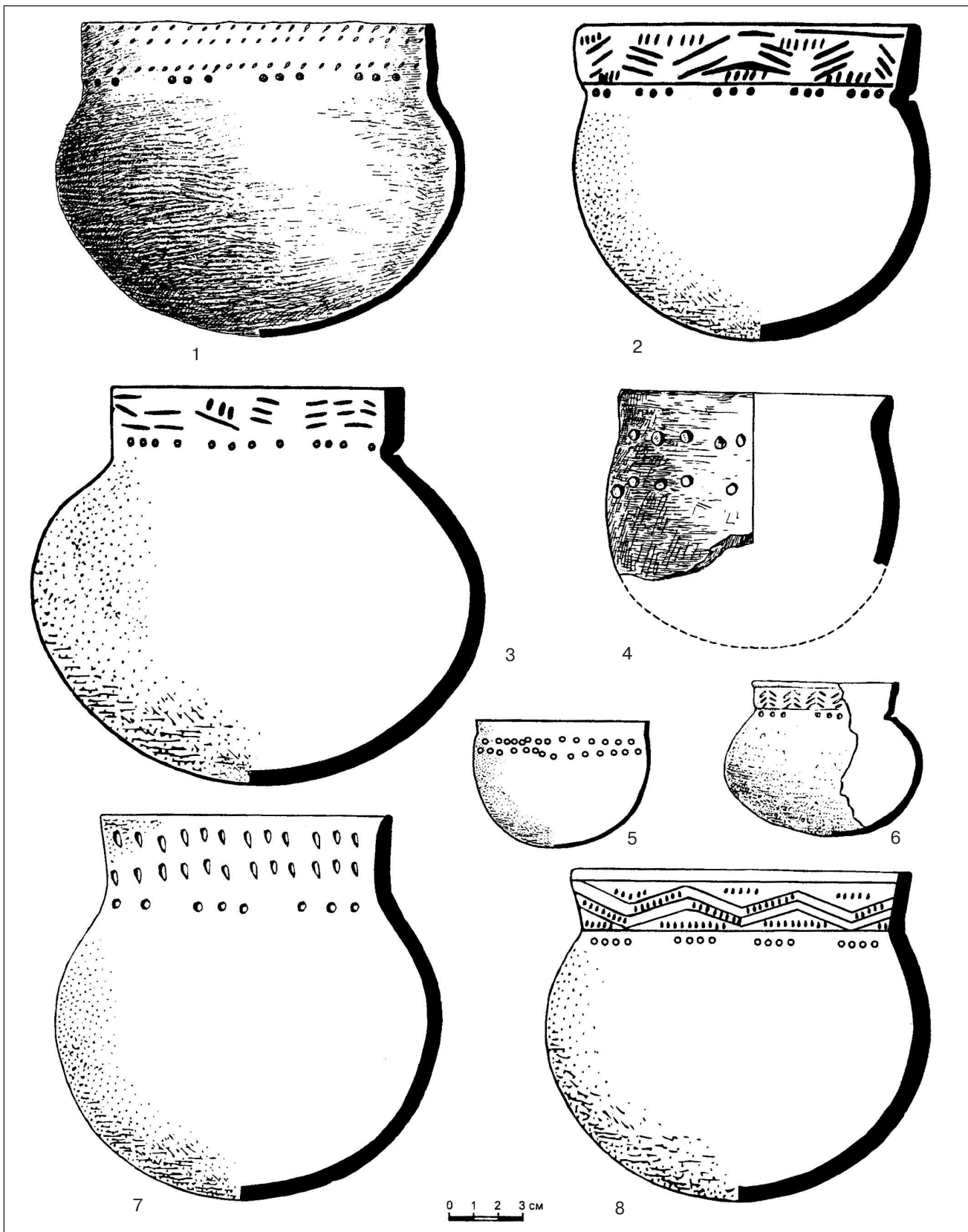

Рис. 51. Маклашевская культура. Маклашевский вариант. Керамика из погребений (по А.А. Чижевскому, 2008).
 1 – Мурзахинский II могильник; 2, 3 – Кумысский могильник; 4 – Ново-Мордовский могильник; 5 – Полянский II могильник;
 6 – Тетюшский II могильник, 7, 8 – Маклашевский II могильник.

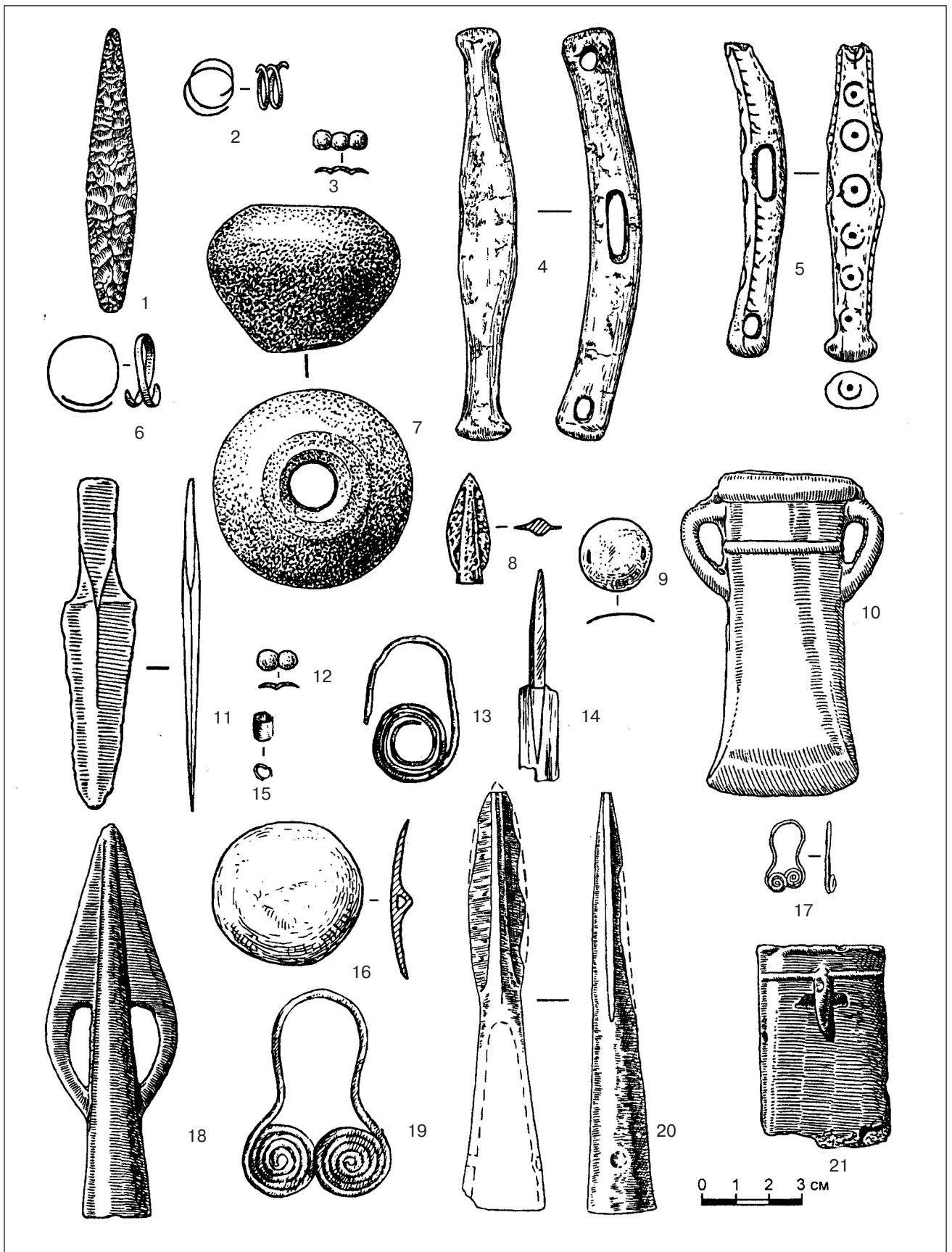

Рис. 52. Маклашеевская культура. Маклашеевский вариант. Инвентарь погребений (по А.А. Чижевскому, 2008).
 1, 7 – камень; 2, 3, 6, 8 – 21 – бронза; 4, 5 – кость. 1, 2, 9, 10, 16 – Маклашеевский II могильник, 12 – Полянский II могильник; 4, 5, 7, 8, 11, 17, 18, 20, 21 – Мурзихинский II могильник; 6, 13 – 15, 19 – Новомордовский V могильник.

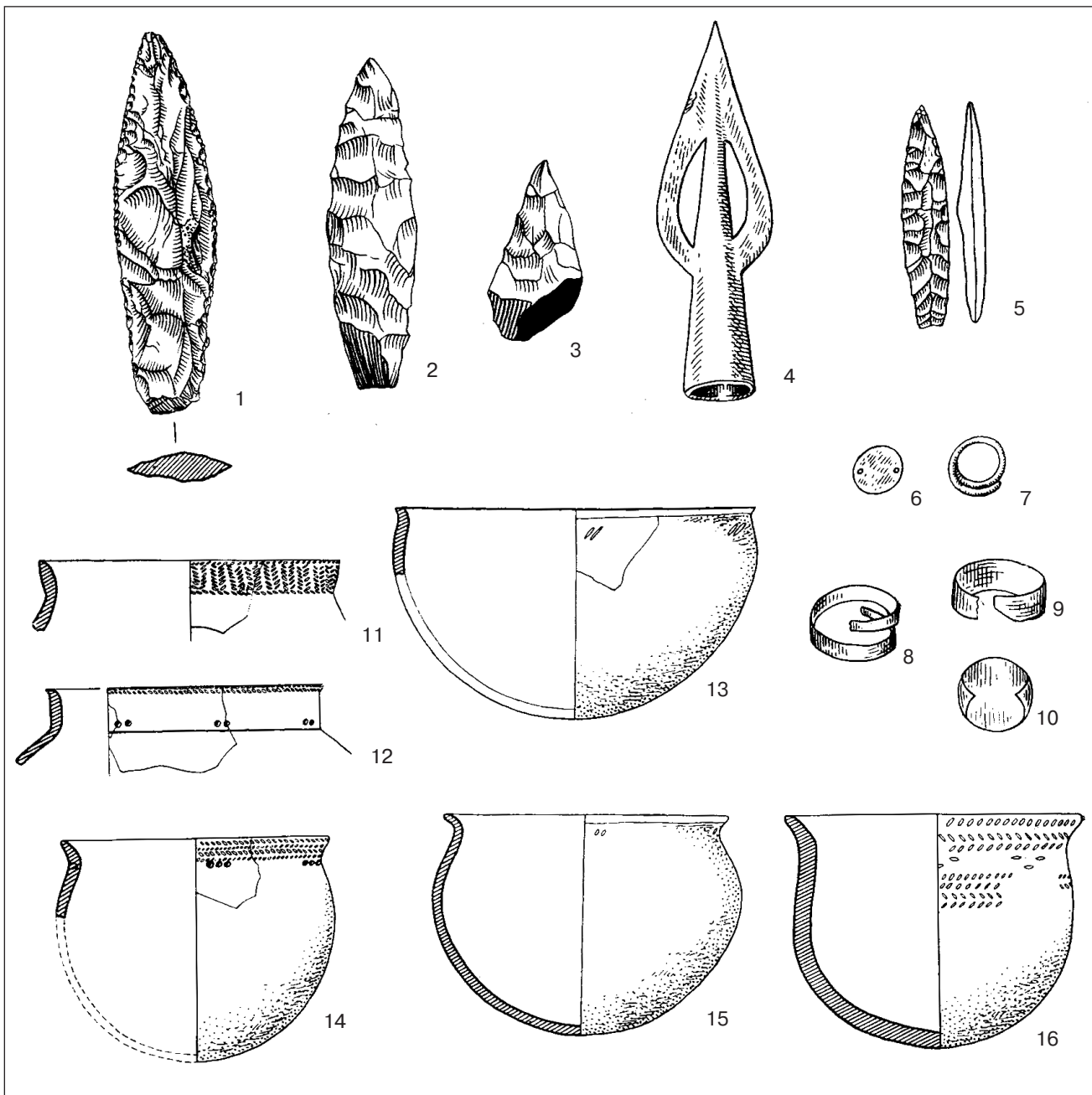

Рис. 53. Маклашеевская культура. Вариант курмантау. Материалы поселенческих и погребальных памятников. 1 – 3, 5 – камень; 4, 6 – 10 – бронза; 11 – 16 – керамика. 1 – Кумлекуль; 2, 3, 11 – 14 – Куштау Западное; 4 – 7 – Маклашеевский II могильник; 8 – 10, 15, 16 – Урьянский могильник.

трех типов: с шейкой прямой вертикальной, наклоненной вовнутрь или наружу. Вся керамика изготовлена из глины с примесью раковины.

Большая часть сосудов (90%) орнаментирована по шейке разнообразными мотивами. Это горизонтальный ряд ямок с «жемчужинами» на внутренней стороне в месте перехода тулова к шейке, сочетающийся со всеми видами орнамента. Другими наиболее популярными мотивами являются горизонтальные ряды резных флажков (29,4%), многорядовый широкий зигзаг, образующий треугольники, заполненные насечками (17,6%), и каплевидные или клиновидные насечки в виде горизонтальной елочки

(11,2%), только круглые ямки (9,5%), многорядовый зигзаг (2,6%) и др.

Наиболее полное представление о керамике касьяновской группы дает материал Касьяновского поселения, где керамический комплекс представлен 16 тыс. фрагментов, из которых по шейкам выделено 4029 сосудов. Поверхность их тщательно заглажена как снаружи, так и изнутри. Обжиг костровый, не всегда ровный. Преобладающий цвет фрагментов – темно-серый, почти черный. Судя по отсутствию в коллекции плоских днищ, сосуды были круглодонные, хотя из раскопок А.В. Збруевой изве-

стен один плоскодонный горшок [Васильев и др., 1985а. С. 35. Рис. 9].

Чтобы составить представление об ассортименте керамических форм, была проведена обработка керамики по разработанной В.Ф. Генингом программе. Было отобрано 300 крупных фрагментов, расчеты по которым дали приведенные ниже результаты. В целом для памятника характерны (83%) низкогорлые сосуды с указателем высоты горловины $\Phi Б = 0,8 - 1$, хотя имеются сосуды (17%) со средней высотой горловины $\Phi Б = 1,6 - 2$. Абсолютно все сосуды широкогорлые, с указателем $0,7 - 1$. По оформлению горловины выделяются три группы сосудов: с прямой или вертикальной шейкой, где указатель профилировки шейки $\Phi Г = 0$, составляют 1% обработанных сосудов; с шейкой, отогнутой наружу ($\Phi Г$ больше 0) – 36%, с шейкой, наклоненной вовнутрь ($\Phi Г$ меньше 0) – 12%. Последние употреблялись исключительно для варки пищи, так как на внутренней стороне их обнаружен густой черный нагар. Степень профилировки плечиков самая различная. Встречаются (9%) сосуды с очень слабо выпуклыми плечиками ($\Phi Ж = 0,1 - 0,2$), 27% – сосуды со слабовыпуклыми плечиками ($\Phi Ж = 0,3 - 0,5$). Основную массу, 53% обработанных сосудов, составляют экземпляры со средневыпуклыми ($\Phi Ж = 0,6 - 1$) и 11% с сильновыпуклыми ($\Phi Ж = 1,2 - 1,5$) плечиками.

Орнамент весьма разнообразен и размещается на шейке (76%), венчике и шейке (15%) или венчике, шейке и плечиках (9%). Преобладающее большинство всех рассматриваемых сосудов (29,4%) украшено горизонтальным пояском резных флажков в сочетании с круглыми ямками. Орнамент в виде резной горизонтальной елочкой украшает 17,9% всех сосудов памятника, а резной парный горизонтальный зигзаг с насечками и пояском круглых ямок – 17,6% сосудов. 11,2% сосудов украшены каплевидными насечками в виде горизонтальной елочкой. 9,9% сосудов – только круглыми ямками в виде горизонтального пояса или гроздей. Ряды клиновидных насечек представлены на сосудах, составляющих 7,6% керамического комплекса. 3% сосудов украшены резными горизонтальными линиями в сочетании с вертикальной или горизонтальной елочкой и круглыми ямками. Оттисками шнура в виде косой сетки или косых отрезков украшены 1,3% сосудов, глубоким резным горизонтальным зигзагом – 0,8%, косой сеткой – 0,3%. Поясок круглых ямок встречен в сочетании с каждым перечисленным мотивом орнамента. Коррелирование мотивов орнамента и форм сосудов никакой закономерности в их сочетании не выявляет. На всех трех формах встречены все виды орнамента [Васильев и др., 1985а. С. 36, табл. 2].

Сходство керамики других курмантауских поселений правобережья Средней Белой (Западное Куштау, Максютювское II и др.) с посудой Касьяновского поселения дает основание считать их синхронными. Этому не противоречит и инвентарь единственного здесь погребального памятника – могильника Урняк.

Керамика касьяновской группы поселений несколько отличается от посуды нижнебельской группы поселений. Эти отличия были отмечены И.Б. Васильевым и В.А. Ивановым [Иванов, 1982]. Различия проявляются в примесях в глине: на касьяновском поселении это раковина, на поселении Какры-куль на Нижней Белой – растительные остатки. Прослеживаются различия и в форме сосудов. Если на поселении Какры-куль преобладают сосуды с высокими прямыми шейками, резко переходящими в сильно раздутое тулово, то на Касьяновском поселении более характерны отогнутые наружу шейки, невысокие, плавно переходящие в раздутое тулово.

По ведущим мотивам орнамента для комплексов касьяновской группы, в отличие от нижнебельских (Какры-куль) и икских (Куштиряк, Русский Шуган II), характерны флажки (29,4%), горизонтальная елочка (11,2%), парный зигзаг (17,6%), в то время как на последних эти элементы единичны или не встречены вовсе. Наоборот, вертикальная елочка (62%), резная широкая сетка, горизонтальные ряды клиновидных насечек характерны для сосудов поселений Какры-куль и Куштиряк, но очень редки на керамике касьяновской группы.

Бирская группа памятников (поселения Бирское, Дуванейское), выделенная В.А. Ивановым [Иванов, 1982], характеризуется круглодонной керамикой с примесью раковины в глине. Преобладают широкогорлые горшки с прямыми вертикальными (60%) или отогнутыми наружу (30%) шейками. Орнамент, расположенный на шейке сосуда, состоит из горизонтальной елочкой, каплевидных вдавлений, рядов таких же вдавлений, расположенных в шахматном порядке, резной вертикальной елочкой, кося сетки и рядов ямок по шейке.

В.Ф. Генинг, проанализировав парные коэффициенты сходства, вычисленные В.А. Ивановым для нижнебельской, бирской и касьяновской групп (нижнебельская-бирская – 43,1%, нижнебельская-касьяновская – 30,6%, бирская-касьяновская – 45,9%), полагал, что связи на уровне 43,1 – 45,9 и даже 30,6% не позволяют культурно отделять нижнебельские поселения от касьяновских [Генинг, 1988. С. 59], с чем следует согласиться. Впоследствии и сам В.А.Иванов пришел к выводу, что касьяновская группа не составляет особой культуры [Иванов, 1982. С. 76].

Исследователи усматривали различные корни курмантауского населения. К.В. Сальников [Сальников, 1967. С. 384] выводил культуру курмантау, локализованную им на территории Башкирии, из «северных или западных районов», прямо указывая на могильник Маклашеевка II как на однокультурный аналог [Сальников, 1967. С. 383]. К такому же выводу пришел В.А. Иванов (Иванов, 1978. С. 12). В совместной работе Б.Г. Тихонов и А.В. Збруева предполагают связь культуры курмантау с какими-то зауральскими племенами, не приводя, однако, никаких доказательств или аналогий [Збруева, Тихонов, 1970. С. 125]. В то же время К.В. Сальников находил аналогии курмантауской орнаментации в «жемчужно» – флажковой керамике Зауралья, ныне выделяемой в бархатовскую культуру. Н.Л. Членова, объединяя курмантауские, ерзовские и маклашеевские памятники, выводит их носителей из Западной Сибири, связывая их происхождение с иртышским вариантом ирменской культуры [Членова, 1981. С. 27]. Отмеченные Н.Л. Членовой черты сходства носят, главным образом, стадийный характер, а также могут быть объяснены общим андроновским и черкаскульско-межовским субстратом в материалах бархатовской культуры Притоболья и розановских памятниках Прииртышья. Межовский компонент прослеживается и в курмантауских древностях. Не исключая отдельных миграций по кромке южнотаежной зоны с востока в Восточную Европу, необходимо отметить, что археологический материал пока не позволяет говорить о значительных передвижениях масс населения, а скорее указывает на местные корни происхождения культур и внутренние локальные перемещения населения в границах этнокультурных общностей.

В.А. Ивановым [Иванов, 1978] был подтвержден тезис К.В. Сальникова о появлении культуры курмантауского населения в бассейне Белой в сложившемся виде из Прикамья, включая смежные районы Прибелья. Им же были указаны комплексы, на основе которых шло формирование курмантауской керамики. Это комплексы типа Старо-Янзигитовского поселения, весьма близкие ранним быргындинским. Орнаментация сосудов Старо-Янзигитовского поселения отличается богатством мотивов и их сочетаний, присущих не только курмантауской, но также и межовской керамике. Интересно отметить, что многие мотивы орнаментов курмантауского населения встречаются в изделиях декоративно-прикладного искусства башкир.

На Старо-Янзигитовском поселении выделено около 100 сосудов. Это горшки с прямыми или слабо отогнутыми наружу шейками, плавно переходящими в сильно раздутое тулово. Большинство горшков, вероятно, были плоскодонными, т.к. встречено 33 плоских днища, из них 26 с закраина-

ми. 65% сосудов имеют небольшие валики или воротнички на шейках. Шейки 10% сосудов оформлены в виде воротничков ананьинского типа. Три сосуда на шейке имеют валики, украшенные резьбой или насечками в виде елочки и сетки. 18% сосудов по шейке имеют поясок ямок, иногда группирующихся по три – четыре. На внутренней стороне этих сосудов образуются выпуклины – «жемчужины». Орнаментировалась вся верхняя половина сосуда. В орнаментации староянзигитовской посуды преобладает резной парный горизонтальный зигзаг (24,3%), горизонтальные линии (13,3%), горизонтальные ряды косых насечек (11,3%), частая горизонтальная резная елочка (11,3%), резные заштрихованные треугольники, флажки, насечки, косая резная сетка. Шнуром украшено 6% сосудов.

Для выявления степени сходства между межовскими и курмантаускими комплексами керамики было учтено 27 признаков, несущих основную информацию о форме сосудов и элементах орнамента. Анализ этих признаков показывает, что межовские поселения (Ново-Кизгановское II) вместе с поселениями переходного типа (Старо-Янзигитовское) очень близки. К последнему памятнику примыкает Касьяновское поселение, что позволяет предполагать наличие генетических связей между рассматриваемыми группами памятников. Устойчивые связи между Старо-Янзигитово, бирской (Бирское и Дуванейское поселения) и касьяновской группами дают основания полагать смешанный, переходный характер бирской группы, что подтверждается и ее территориальным расположением, занимающим срединное положение между двумя группами.

До раскопок 1976 – 1977 г. вопрос о датировке курмантауских памятников не выходил за рамки предположений. Благодаря находкам серии металлических предметов на Касьяновском поселении стало возможным уверенно решать вопросы хронологии. Были найдены бубенчик, обломок копья, наконечники стрел, серьги-подвески, железный нож, имеющие многочисленные аналогии в датированных памятниках раннеананьинской, савроматской и карасукской культур [Васильев и др., 1985а. С. 27, рис. 4]. Эти аналогии позволили датировать вещевой комплекс Касьяновского поселения раннеананьинским временем – VII – VI вв. до н.э. [Иванов, 1977. С. 96, 99, 100; Васильев и др., 1985а. С. 37 – 38]. Этим же временем датирует памятник и Н.Л. Членова [Членова, 1977. С. 17].

Думается, что эту дату можно распространить и на другие курмантауские памятники бассейна Белой, по крайней мере, самые поздние. В пользу такой датировки можно привести находку ножики каменного жертвенника вместе с курмантауской керамикой (среди нее есть орнаментированная

шнуром) в котловане жилища № 2 поселения Кюнь II на Нижней Белой [Выборнов, Обыденнов, 1983. С. 40 – 56]. На куске серого песчаника вырезаны округлые глаза и округлые уши и смоделирована голова какого-то животного (медведя?).

Сходные изображения имеются у ножек жертвенника из кургана I могильника Кумис-сай, описанного М.К. Кадырбаевым [Кадырбаев, 1977. С. 206, рис. 2]. Судя по стилю, оба изображения выполнены в обобщенно-натуралистической манере раннего периода скифо-сибирского стиля [Обыденнов, Миннигулова, 1985. С. 40 – 57]. Типология каменных жертвенников была разработана К.Ф. Смирновым, затем дополнена материалами из северо-западного Казахстана М.К. Кадырбаевым [Кадырбаев, 1977. С. 204 и др.]. Жертвенник из Кумис-сай по погребальному комплексу М.К. Кадырбаев датирует VI – V вв. до н.э. Обломки ножек жертвенников в Приуралье не единичны: в Южной Башкирии у с. Дарьино была случайно найдена ножка со стилистически близким изображением, на Юкаликулевском поселении был подобран с поверхности камень без изображений, являющийся ножкой столика-жертвенника. В савроматских курганах Южного Урала такие жертвенники являются обычной находкой [Пшеничнюк, 1983. С. 99]. Кюньский обломок алтаря-жертвенника стилистически связан с Орско-Илекским междуречьем и попал в центральные районы Башкирского Приуралья, очевидно, в результате сезонных миграций ранних кочевников. О том, что они достигали этих мест, свидетельствуют их погребения на северо-западе Башкирии в 30 км южнее поселения Кюнь II [Васильев, 1973. С. 249 – 251].

На Ибрагимовском I поселении вместе с курмантауской керамикой авторы раскопок отмечали находку обломка бронзовой пряжки раннеананьинского типа.

Прочие находки на курмантауских памятниках не дают оснований для установления надежных дат. На Дуванейском поселении найдены две половинки глиняной литейной формы для отливки прямоугольного клина, обломок второй литейной формы из талька служил для изготовления округлых бляшек и, возможно, долота(?). Со Старо-Кабановского поселения происходит бронзовый нож с черешком, но там найдена и более ранняя, луговская, керамика. Листовидный нож Старо-Янзигитовского поселения не имеет четкой даты; подобные ножи представлены в широком хронологическом диапазоне в памятниках поздней бронзы.

Относительная хронология курмантауских комплексов может быть подтверждена стратиграфическими данными. В 1975 г. была опубликована стратиграфия Бирского поселения [Васильев, Горбунов, 1975]. В 1978 г. нами были завершены раскопки это-

го памятника, но ничего принципиально нового они не внесли – курмантауская керамика залегала в средней части культурного слоя вместе с раннеананьинской, но выше слоя с межовской керамикой.

Учитывая схожесть курмантауских резных и гребенчатых и раннеананьинских композиций, поздний возраст ряда категорий инвентаря, стратиграфическую нерасчлененность курмантауской и раннеананьинской групп керамики (Бирское, Ибрагимовское и др.), а также то, что на многих курмантауских памятниках имеется значительный процент шнуровой керамики (т.е. по орнаментации раннеананьинской), можно согласиться с мнениями В.А. Иванова [Иванов, 1978. С. 14] и В.Н. Маркова [Марков, 1988. С. 12] о раннеананьинском (VIII – VI вв. до н.э.) возрасте восточных памятников маклашеевской общности.

Относительно дальнейшей судьбы курмантауского населения в бассейне Белой в литературе имеется несколько точек зрения. Согласно одной, оно послужило основой формирования бельского варианта ананьинской культуры [Сальников, 1954. С. 22; Пшеничнюк, 1973. С. 225; Генинг, 1988. С. 59 – 60]. Согласно другой – курмантауское население ввиду своей малочисленности и ограниченного экологического потенциала не могло дать начало «скольнибудь заметному этническому образованию» [Иванов, 1982. С. 74]. Думается, что последняя точка зрения вряд ли верна ввиду того, что курмантауское население не было таким уж малочисленным, а по количеству памятников, культура не сильно отличается от других культур эпохи поздней бронзы, кроме, пожалуй, срубной. Тезис об ограниченности экологического потенциала вряд ли состоятелен, так как в этих же условиях и на той же территории развивалось население культур бронзового и раннего железного веков. Другое дело, если учитывать увлажнение и некоторое похолодание климата в самом начале железного века, примерно в VIII – VII вв. до н.э., с одной стороны, и отчетливо фиксируемую возросшую роль охотничьих промыслов, с другой. Продвижение северных охотничьих коллективов к югу в это время фиксируется на многочисленных материалах Западной Сибири [Косарев, 1981. С. 84 и др.]. Поэтому нет ничего удивительного в движении из Прикамья в южном направлении по долине р. Агидель (Белой) к ее верховьям (по реке около 700 – 900 км) и по р. Ик (поселение Гривка на р. Большой Кинель сравнительно недалеко от верховий Ика [Васильев, Иванов, 1979. С. 128 – 132]). Подобных передвижений (можно назвать их локальными миграциями в рамках одной или родственной этнокультурной среды) можно отметить несколько: межовцев в Южное Приуралье, курмантауского и раннеананьинского населения в бассейн

Средней Белой, затем гафурийского населения с северо-востока.

В бассейне р. Агидель (Белой) известно несколько поселений с керамикой раннеананьинского типа: Андреевское [Генинг, 1988. С. 58, рис. 12, 1 – 6], Новобиктовское [Иванов, 1982. С. 68, рис. 6, 3 – 5, 7], Тартышевское I, Бирское [Васильев, Горбунов, 1975. С. 153, рис. 3]. Небольшие коллекции шнуровой керамики на курмантауских поселениях уже отмечались. Прослеживается закономерность: чем южнее, тем количество шнуровой керамики в составе курмантауских комплексов возрастает, но исчезают чисто раннеананьинские памятники.

Наиболее полной характеристике подвергнута раннеананьинская керамика Бирского поселения [Васильев, Горбунов, 1975. С. 152 – 154; Иванов, 1982. С. 72 – 73]. Все раннеананьинские сосуды круглодонные, венчики закруглены, в глине – примесь раковины. Выделяются горшки трех типов, из которых преобладают (65%) сосуды с отогнутой шейкой, затем – горшки с закрытыми (17,5%) и прямыми, вертикальными (7,5%), шейками. Преобладают широкогорлые горшки со средней высотой горловины, остальные – низкогорлые. Профилированность сосудов очень слабая. 47% горшков с очень слабо выпуклыми плечиками. 42,5% сосудов имеют слегка выраженный профиль. Кроме горшков, среди раннеананьинской керамики Бирского поселения имеются широкие чаши с отогнутым венчиком и прямыми стенками (7,5%) и широкие и глубокие миски (2,5%). 75% всех сосудов орнаментированы по шейке, 25% – по шейке и плечикам. Орнамент состоит из пояса ямок по шейке и горизонтальных линий из оттисков шнура, а также косой сетки, заштрихованных треугольников, парных косых оттисков, выполненных также оттисками шнура.

По форме сосудов, сюжетам орнамента, технике его исполнения бирская раннеананьинская керамика близка посуде раннеананьинских поселений Прикамья (Еловское II, Каракулинское и др.). Очевидно, сформировавшись в Прикамье, культура раннеананьинского населения продвинулась несколько к югу, и на Средней Белой это население контактировало с курмантауским населением.

Сопоставление курмантауской керамики и посуды бельского варианта ананьино (на поселении и городище Воронки, Касьяновском-Курмантау, Михайловском) показывает их существенное различие. На последних памятниках распространена керамика с примесью песка и шамота, в то время как среди курмантауской посуды такая примесь не выявлена. Различен у них и ассортимент форм посуды. Пожалуй, общее, что объединяет две культурные группы, это поясок ямок на шейке, одинаково характерный для обеих групп. Поселения бель-

ского ананьино В.А. Иванов справедливо датировал среднеананьинским временем (V – IV вв. до н.э.) и справедливо полагал о пришлое характере этого населения [Иванов, 1978. С. 13 – 15].

Ландшафтно-климатические условия уральских лесостепей способствовали становлению скотоводческого хозяйства, начиная с неолита, а в эпоху позднего бронзового века фиксируется прочное комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство. Характеризуя структуру хозяйства, следует подчеркнуть преобладание производящих форм хозяйства над присваивающими и придомный характер скотоводства с дополнительной заготовкой кормов на зиму. В скотоводческом хозяйстве черкаскульцев и межовцев заметная роль принадлежала свиноводству.

В маклашеевское время наблюдается некоторое снижение роли скотоводческого хозяйства и возрастание охотничьих промыслов, что объясняется смещением лесных ландшафтных зон к югу и появлением северного населения.

Мы располагаем ограниченными свидетельствами о распространении земледелия у населения культур финала позднего бронзового века. Бронзовые серпы (Рис. 49, 5) и каменные орудия для обработки продуктов земледелия предполагают его наличие. Соотношение производящих и присваивающих отраслей (охоты, рыболовства и др.) не было одинаковым на всех памятниках, даже в рамках одной археологической культуры позднего бронзового века.

Судя по костным остаткам, охота играла значительную, если не основную роль, у населения лесных районов и значительно меньшую в лесостепи. Если на поселении Юкаликулево фиксируется значительное число и видовой ассортимент костей диких животных, то на более южных памятниках их в 12 – 15 раз меньше. Очевидно, южнее охота становилась экономически не выгодной.

Мясное направление охоты сосредотачивалось на промысле лося, косули; пушное – бобра, лисы, куницы. Промышлялись и хищные животные – волк, медведь. На черкаскульско-межовских поселениях полностью отсутствует степная охотничья фауна. В конце позднего бронзового века наблюдается возрастание роли охоты. Рыболовство засвидетельствовано находками орудий для ловли рыбы – крючки, грузила сетей, гарпуны. Характерной чертой сезонного интенсивного рыболовства была его избирательность. Добывали крупные экземпляры определенных пород рыб семейства карповых в весенне-летний период. В позднем бронзовом веке производящее хозяйство упрочилось, и население, эффективно используя преимущества северной лесостепи и юг лесной зоны, формирует много-

отраслевую экономику, которая на данном историческом отрезке времени оказалась наиболее оптимальной и результативной.

На Урале в условиях формирования производящей экономики начинается более углубленная специализация как самих общин, так и отдельных групп внутри них. Особая роль в развитии специализированного труда и увеличении общего технико-экономического потенциала в экономической организации производства отводится металлообработывающему производству. Значительное расширение металлообработки в позднем бронзовом веке ведет к заметным изменениям в организации труда. Углубление специализации различных работ сопровождается интеграционными процессами, что прослеживается в распространении бронзовых изделий на огромных территориях Северной Евразии. Процесс специализации имеет сложную структурную организацию, дифференцируется на разные уровни и формы проявления, в числе главных показателей которых выступают качественные характеристики изделий. Судя по количеству произведенного металла и разнообразию форм изделий, Урало-Прикамские очаги металлообработки заметно уступали Гумельницкому в Карпатах и очагу Юго-Запада, причем в постсейминское время отмечается заметное снижение интенсивности уральской металлургии. В связи с переориентацией восточных связей на западные, заводово-лобойковский и другие очаги, наблюдается расцвет приказанского очага металлообработки (Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых), который был связан с приказанским и луговским населением.

Если металл доминирует в луговских и межовских памятниках, то изделия маклашеевского населения изготовлены только из металла химико-технологической группы Волго-Камья. Причем производство базируется на привозном сырье. Снижается доля песчаниковой меди (С.В. Кузьминых, С.А. Агапов).

Печи для плавки медной руды известны в Приуралье на срубных поселениях (Береговское, Тюбяк, Тавлыкаево), а оформление металлургических комплексов в специализированных постройках с каменными печами-горнами произошло в среде донских срубных и центрально-казахстанских племен.

У черкаскульско-межовского населения неизвестно значительных металлургических комплексов, но наблюдается специализация в рамках общин-поселков и жилищ (Липовая Курья, Тюбяк).

На Урале и в Прикамье в поздний бронзовый век разделение труда едва ли поднималось выше второго ранга (по Е.Н. Черных), состоящего из двух ячеек: горняк-металлург и кузнец-литейщик. На Урале обработка металлов была отделена от горного дела, хотя продолжали существовать коллективы с мастерами-универсалами, характерными для первого ранга. Очевидно, специализация проявлялась в выделении коллективов занятых добычей руды и выплавкой меди, что не исключало их скотоводческой деятельности.

Отсутствие в культурах постсейминского горизонта позднего бронзового века Урала захоронений литейщиков наводит на мысль, что ремесленная специализация здесь не зашла далеко, продукция мастера принадлежала общине и не могла индивидуализироваться.

В материалах поздних памятников межовской культуры и маклашеевской общности встречаются шлаки и изделия из железа: ножи, мотыга. Присутствие железных вещей у населения маклашеевской общности объясняет широкое распространение орудий труда из железа в раннеананьинских и ахмыловских могильниках. Переход к начальной стадии использования орудий из железа объясняется использованием медно-серых руд с включением дополнительной фазы обжига руды для удаления серы, а это создавало возможность для перехода к получению железа, технологические процессы которых близки. Сопоставление использования железа на Урале с другими центрами железоделательного производства приводит к выводу о практически одновременном начале металлургии на Урале, Европейском юге и Северном Кавказе. В этом процессе Урал не был отсталой провинцией, как это представлялось ранее. В археологических находках имеются материалы по керамическому, прядильно-ткацкому, кожевенному, кремнеобработывающему производству. Эти виды деятельности требовали определенной внутриобщинной и внутрисемейной специализации, хотя можно говорить о профессиональной подготовке работников в этих отраслях — уровень специализации принято определять в рамках неразделенного или домашнего производства.

* * *

В целом этногенетические процессы эпохи бронзы на Южном Урале можно охарактеризовать следующим образом. В начале эпохи с появлением в степи многочисленного скотоводческого населения формируются родственные этнические общности, оставившие памятники синташтинского (Зауралья) и абашевского (Предуралья) типов. Населением этих культур были освоены огромные степные пространства, положено начало культурным традициям степного скотоводства, разведаны рудные базы цветных металлов на Южном Урале, создан мощный металлургический очаг.

Потомки синташтинского и абашевского населения формируют две крупные культурно-исторические общности: алакульскую и срубную. Этот период явился расцветом культур эпохи бронзы на Южном Урале. Плотность населения в регионе в это время достигал уровня, характерного для современного сельского населения Башкортостана.

Расцвет культуры и рост населения был обеспечен сложением в регионе комплексного хозяйства на основе придомного скотоводства с элементами земледелия, охоты, рыболовства и ремесел. Большинство исследователей связывает население срубно-алакульской общности с индоарийским населением и последующими культурами ранних кочевников.

Существование в башкирском фольклоре мифов, связанных общими истоками с индо-иранским эпосом, указывает на эпоху бронзы как на период активного взаимодействия предков башкирского народа с индоарийским миром.

В конце своего существования срубно-алакульская общность переживает сильнейший кризис, вызванный климатическими изменениями. Основная масса населения уходит на юг, в Среднюю Азию, где постепенно переходит к кочевому образу жизни. Одновременно лесное и лесостепное население Южного Урала (носители уральского

расового типа), оставившие межовскую и маклашеевскую культуры, испытывает сильнейшее культурное влияние со стороны южных срубно-алакульских элементов. Это, в первую очередь, отражается на орнаментике глиняной посуды, элементы которой продолжают встречаться и в башкирском прикладном искусстве. Данное явление можно объяснить лишь исходом части степного населения Южного Урала на север к границе лесной зоны.

С этим связан значительный скачок в развитии экономики, наблюдаемый к концу эпохи бронзы в среде лесного и лесостепного населения Предуралья. Основой хозяйства, помимо охоты и рыболовства, стало скотоводство, широкое распространение получает цветная металлургия.

Таким образом, культурная традиция, культивируемая на протяжении нескольких столетий в среде степных скотоводов, получила дальнейшее развитие уже на основе автохтонного южно-уральского населения. Это подтверждается также и сюжетом в эпосе «Урал-батыр», связанным с ханом Катилем (см. раздел «Башкирский героический эпос «Урал-батыр»).

Итогом этнокультурных и этногенетических процессов эпохи бронзы на Южном Урале стало внедрение производящего хозяйства (скотоводства и земледелия) и металлургии в среду автохтонного уральского населения. Не случайно ряд терминов башкирского языка, относящихся к скотоводству и металлургии, имеет индоиранскую основу [Дыбо, 2007].

В свою очередь, в последующую эпоху развитие этих традиций не было прервано. Взаимодействие между южным (степным) и северным (лесным и лесостепным) населением перешло на качественно иной уровень. На границе степи и лесостепи на основе потомков автохтонного населения эпохи бронзы и пришлого южного населения сложились новые культурные образования, положившие начало этногенезу башкирского народа.

ИСТОРИЧЕСКИЙ БАШКОРТОСТАН В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Эпоха железа, или железный век, — третья из технологических макроэпох в истории человечества (вслед за каменным веком и эпохой энеолита и бронзы). Термином «ранний железный век» принято обозначать первый период эпохи железа.

Первым ученым, научно обосновавшим систему трех веков, или трех эпох (камень — бронза — железо), был датский археолог Кристиан Юргенсен Томсен, выпустивший в 1836 г. книгу под названием «Путеводитель по северным древностям». Однако возникла проблема хронологических рамок эпохи железа и ее внутреннего деления, о чем ученые долго дискутировали. Шведский археолог О. Монтелиус поставил окончательную точку в этом споре, указав, что, во-первых, не может быть единой начальной даты для эпохи железа на всей территории ойкумены, во-вторых, начало железного века для каждого региона должно отсчитываться с момента преобладания железа в производстве оружия и орудий труда.

Действительно, наступлению железного века предшествует длительный подготовительный период в освоении железа, относящийся еще к предшествующим эпохам, главным образом, к эпохе бронзы. К этому времени относится освоение метеоритного железа и выработка из него первых железных изделий до открытия рудного железа и сыродутного процесса. Теоретически можно было использовать и земное самородное железо, но оно встречалось крайне редко, причем в мельчайших зернах. Метеоритного железа было значительно больше. В связи с высоким содержанием никеля метеоритное сырье обрабатывалось преимущественно холодной ковкой.

По последним данным, наиболее ранние железные изделия появились на Ближнем Востоке и датируются еще V тыс. до н.э. Существенно больше изделий относится к периоду раннего бронзового века. Изделия из метеоритного железа, датируемые концом IV — началом III тыс. до н.э., происходят из Египта, а также из Месопотамии. На Южном Урале самые ранние железные изделия были найдены в ямном кургане №1 Болдыревского I могильника в Оренбургской области: вогнутый диск, изготовленный из тонкой железной пластины, железное долото с остатками деревянной цилиндрической рукояти, железное тесло с медной колодкой, узкий железный кинжал (или бритва?), сломанный на несколько частей [Богданов, 2004. С. 188 — 189]. По мнению Н.Н. Тереховой, они изготовлены из метеоритного железа [Терехова и др., 1997. С. 33 — 39]. Датируются эти находки серединой III тысячелетия до н.э.

Важнейшая стадия в процессе освоения железа — это открытие и совершенствование сыродутного процесса, позволявшего восстанавливать железо из руд. Этот процесс осуществлялся в специальных печах, куда загружались железная руда (гематит или магнетит) и древесный уголь, разжигавшийся при подаче воздуха, имеющего атмосферную температуру (отсюда название «сыродутный»). Первоначально сыродутный процесс осуществлялся в ямах, обложенных огнеупорной глиной, или в каменном очаге, затем стали строить шахтные печи из камня или кирпича с использованием глины или земли.

Открытие сыродутного процесса — важнейший шаг в освоении железа, так как его руда, в отличие от медной и оловянной, встречается повсюду, но получить из руды железо значительно сложнее, чем медь. Железные вещи еще долгое время уступали бронзовым в твердости: железо почти не содержало углерода, поэтому предметы из него получались не-

достаточно твердыми, крепкими, долговечными. Лишь после появления технологии цементации, т.е. намеренного науглероживания железа, а также навыков закалки и термического отпуска происходит действительное наступление эпохи железа, начало которой в истории человечества определяется использованием рудного железа для производства основных форм орудий труда и оружия и широким распространением железной металлургии и кузнечного дела.

Естественно, что в разных регионах начало эпохи железа было разновременным. Передовым регионом в освоении железа, где железный век начался уже в последней четверти II тыс. до н.э., была Малая Азия (район Хеттского царства). Под влиянием Малой Азии и Восточного Средиземноморья в конце II — начале I тыс. до н.э. железный век наступает в Месопотамии и Иране. Из Ирана черная металлургия распространяется в Индию, где эпоха железа отсчитывается с начала I тыс. до н.э. Под влиянием Ирана и Индии эпоха железа наступает в Средней Азии в VIII в. до н.э., а севернее, в степях Азии, железный век начинается не ранее VI — V вв. до н.э.

На Южном Урале единичные предметы из железа появляются в материалах финала бронзовой эпохи. В Маканском кургане (Хайбуллинский район Республики Башкортостан) вместе с саргаринским сосудом найден железный нож [Гарустович, 2000. С. 123 — 126, рис. 1, 9]. Дата его — X — VIII вв. до н.э. — знаменует зарю эпохи железа на территории Исторического Башкортостана. Широкое использование железа начинается здесь в VI в. до н.э., и лишь с этого времени можно говорить о наступлении эпохи железа на Южном Урале.

Наступление железного века вызвало ряд глобальных перемен в историко-культурной ситуации. Совершенствуется земледелие, так как использование железных орудий облегчает обработку земли, позволяет расчищать большие лесные территории под посевы, развивать оросительную систему. Развивается оружейное дело, улучшается обработка дерева, камня; облегчается добыча медной руды. Все это, в свою очередь, ведет к развитию военной техники, транспорта и строительства. Расширяются торговые связи, возникает монетное дело. Происходят серьезные социальные сдвиги в доклассовых обществах, вследствие чего возникают новые раннеклассовые общества с четко прослеживаемой государственностью.

Бронзолитейные центры утрачивают монополию на производство металла, и многие ранее отсталые территории, бедные медными рудами, используя железо (руды которого встречаются гораздо ши-

ре), догоняют по своему технологическому и социально-экономическому уровню традиционные очаги цивилизации. Соответственно несколько меняется районирование ойкумены. Вместо культуурообразующей для энеолита (бронзового века) дифференциации по металлургическим зонам (провинциям), имеющим центр и периферию, более важным становится деление ойкумены на такие культурно-исторические области и общности, в формировании которых решающую роль играют этнополитические и хозяйственно-культурные факторы. В рамках названных объединений народы имеют близкие черты хозяйства, быта, материальной культуры и группируются вокруг определенного доминирующего этноса (или нескольких близкородственных этносов).

На Южном Урале расположение основных культурно-исторических областей раннего железного века четко соответствует природной зональности. В степном поясе доминирует кочевническо-скотоводческая общность, исторически связанная со скифами Северного Причерноморья, саками Казахстана и Средней Азии. Здесь последовательно выделяются савроматская, ранне-, средне- и позднесарматская культуры. Для них характерна выраженная социальная дифференциация, хорошо прослеживаемая по материалам погребений. Для раннесарматской культуры также характерны гигантские курганы с богатейшими находками и скромные захоронения рядовых воинов.

Особенностью культуры ранних кочевников Южного Урала является обилие предметов вооружения. Можно говорить о тотальной военизованности общества в этот период, не исключая и женщин. Социальное расслоение, военизованность, подвижный характер хозяйства способствовали развитию контактов с окружающим миром. Среди находок из раннекочевнических курганов имеется немало материалов, попавших на Южный Урал издалека — из Северного Причерноморья, Ахеменидского Ирана, Индии, раннеземледельческих государств Средней Азии, Китая. Какие-то из этих предметов попали в южноуральские степи путем обмена и торговли, некоторые, вероятно, являются военной добычей или дипломатическими дарами восточных владык.

К греческим импортам из района Северного Причерноморья относятся находки зеркал т.н. ольвийского типа [Кузнецова, 2002. С. 143, 155. Табл. 83], гераклейская амфора III в. до н.э. из Ново-Мусинского кургана в Куяргазинском районе Республики Башкортостан [Васильев, Сиротин, 2004. Рис. 2, 3], понтийские монеты времен Митридата IV Евпатора (107 — 63 гг. до н.э.) из Иштуганов-

ского могильника в Мелеузовском районе Республики Башкортостан [Акбулатов, Обыденнов, 1984. Рис. 5], бусы. Среди богатейших находок драгоценных предметов, поступивших в степи Южного Урала из Ахеменидского Ирана, — золотые и серебряные ритоны, сосуды, гривны [Савельева, Смирнов, 1972; Мошкова, 1981; Золотые олени..., 2001; Сокровища сарматских..., 2008]. Из эллинистических государств Средней Азии попали на Южный Урал железные тораксы — кирасы, серебряные фиалы-фалары с надписями, каменные сосуды-алабастры, красноглиняная гончарная керамика, пряности (кориандр) [Ростовцев, 1918; Моргунова, Мещеряков, 1999; Федоров, Васильев, 1998; Ишбирдин, 1998; Schmitt, 2001; Сокровища сарматских..., 2008]. Зеркало со сценой из Рамаины (?), найденное в Мечетсайском кургане (Оренбургская область), по всей вероятности, было изготовлено в Индии [Смирнов, 1975. Рис. 57]. Кораллы и раковины каури, встречающиеся в раннесарматских погребениях, попали на Южный Урал с берегов Индийского океана. В позднесарматский период на Южном Урале появляются импорты из Китая — зеркала, колокольчик с украшением в виде человеческих лиц из Темясовских курганов [Пишеничнюк, Рязанов, 1976; Пишеничнюк, 1983].

Для оседлого населения скотоводческо-охотничьих и скотоводческо-земледельческих обществ лесной зоны не характерна столь резкая смена культурно-политических эпох. Здесь не наблюдается социального расслоения, общество остается в целом эгалитарным. Медленно проникают в быт изделия из железа. Однако оседлое скотоводческо-земледельческое население лесостепной зоны, занимая промежуточное положение, находясь в тесном контакте как с лесными, так и со степными племенами, составляя единое культурное сообщество с населением лесной зоны, в культурно-политическом отношении было очень близко к степному «скифо-сибирскому миру». На территории Южного Урала носители пьяноборской и кара-абызской культур, а также население Месягутовской лесостепи были неразрывно связаны со степным миром.

Через степи сюда проникали южные, восточные и западные товары — эллинистические бусы из Северного Причерноморья, красноглиняная гончарная керамика из Средней Азии.

Железный век на территории Исторического Башкортостана ознаменовался становлением двух хозяйственно-культурных типов — кочевого скотоводческого в степной полосе и оседлого скотоводческо-земледельческого в лесной и лесостепной. Начиная с эпохи раннего железа, заметную роль, по-

мимо природных и хозяйственно — культурных факторов, играет в истории человеческих обществ на Южном Урале этнический фактор. В раннем железном веке впервые появляются сведения о народах Южного Урала в письменных источниках.

ИСТОРИЧЕСКИЙ БАШКОРТОСТАН В СВЕТЕ АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ (VII В. ДО Н.Э. — IV В. Н.Э.)

Античные авторы, чье наследие позднее было воспринято и продолжено в IV — VI вв. Византией, оставили о регионе Южного Урала достаточно обширные, хотя тематически порой и неравноценные сведения начиная с рубежа VII — VI вв. до н.э.

Именно к этому времени относят бытие загадочного по образу жизни жреца, врача и путешественника Аристея из Проконнеса на Мраморном море. Повинуясь воле Аполлона, этот анатолийский грек в конце VII в. до н.э. совершил достаточно длительное путешествие в район Рифеев, на северных отрогах которых находилось тогда святилище Аполлона Гиперборейского. По возвращении на родину Аристей изложил впечатления об увиденном в трех книгах своей поэмы «Аримаспея» [Аристей, 1989. С. 94 — 96; Bolton, 1962; Иванчик, 1989. С. 54 — 55]. Три обстоятельства — полубогатые гипербореи, спорные по локализации Рифеи и свирепые «одноглазые» аримаспы (южные соседи гипербореев, «даввшие» название поэме) — стали основой для стойкого скепсиса в современной науке по части историчности путешествия Аристея на Урал и достоверности им тут увиденного [Запорожченко, Черемисин, 1997. С. 83 — 90; Пьянков, 2005. С. 15 сл.].

Между тем еще сакральная традиция древних ариев донесла до нас сообщения о тех же Рипеях, что и Рифеи греческого мира на страницах Ригведы (III, 5) и Авесты (Vd. II, 8-26): под неподвижными звездами «7 Риш» (т.е. Большой Медведицы) выпали и не таяли три года большие снега, что вынудило ариев покинуть эти края и отправиться на юг [Кузьмина, 2000. С. 17 — 19; Иванов, Круглов, 2003. С. 43 — 56]. В благодарность за своевременное спасение ежегодно арии готовили для статуи богини Ардвисуры-Анахиты шубу из 300 шкурок бобрех (Jast. V. 120 — 129), для чего ежегодно отправляли делегацию на прародину, на берега морозной реки, где водились бобры, т.к. на местах переселений (Иран, Индия) их нет и поныне [Лавров, 1981. С. 252 — 254; Гиришман, 1981. С. 143]. Эти два фактора — неподвижная Большая Медведица и бобры — достаточно убедительно для идентификации с Рифеями — Рипеями оставляют из горных цепей Евразии (Ал-

тай, Тянь-Шань, Памир) именно Урал в его северной части [Хёнинг, 1961. С. 94 – 199; Bolton, 1962. P. 103 – 104; Круглов, 2005. С. 40 – 44; ср.: Куклина, 1985. С. 80]. Видимо, оттуда уходили некогда арии, там на языках хантов и манси слово «гора» звучит как «рип» или «реп», так что именно до этих регионов в конце VII в. до н.э. мог дойти Аристей. Сохранившиеся до нас фрагменты его поэмы «Аримаспея» доносят сообщения о ряде обитавших возле «благочестивых» гипербореев диких по нравам и обычаям этносов древнего Урала, о шквалистых зимних ветрах, непрерывно дующих с севера, «от Борей», на юг неделями и заставляющих аримаспов и исседонов кутаться в одежды из теплых шкур.

Более века спустя после путешествия к Рифеям загадочного жреца и поэта Аристея новую информацию по региону Южного Урала донес до нас Геродот (485 – 425 гг.). «Отец истории» в 438 – 437 гг. побывал вместе с Периклом на Боспоре. Если лидера Афин больше интересовали крымские эллины, то любознательного «отца истории» – их соседи, номады степей. И не только крымских. Подробно описав уклад жизни и обычаи быта, особенности религии и военного дела скифов, Геродот повествует в 4-й главе «Истории» о наличии торгового пути из Крыма на восток по Степи «через 7 переводчиков» [Членова, 1983. С. 47 – 66]. Так, со слов собеседников Геродот «воссоздает» подробное описание цепи самих этих 7 народов – торговых контрагентов Боспора, а также их соседей вплоть до Южного Урала. И к известным по Аристею 3 – 4 народам Рифеев теперь добавляются «новые»: тиссагеты, аргиппеи и иирки, каждый со своими характерными чертами и особенностями быта, занятий, нравов и верований.

Верный своему принципу «передать все, что ему сообщили», при этом изредка подвергая сомнению услышанное [Геродот, 1972. С. 196 = IV, 36; Панченко, 1986. С. 110 – 115; Фролов, 1991. С. 369 – 371], Геродот оставил потомкам обширный круг свидетельств нового уровня, являющихся важнейшим и весьма подробным блоком информации для современных этнографов, лингвистов и археологов [Нейхардт, 1982; Доватур и др., 1982; Исмагилов, 1996. С. 32 сл.].

В частности, от наблюдательного взора Геродота не ускользнул факт этнокультурной пестроты внутри так называемого «скифского мира» как Крыма, так и сопредельных земель на восток от Тавриды. Потому, наряду с собирательным понятием «скифы», Геродот выделял внутри их мира отдельные субэтнические единицы – миргеты и матикены, эды и исены. Применительно к Южному Уралу речь в этом случае шла о саках, которые кочевали от Рифе-

ев на севере до Яксарта на юге, были частью скифского мира и назывались «саки» со стороны персов, в армии которых были лучшими конными стрелками [Дандамаев, 1977. С. 30 – 39; 1985]. В 6 – 8 книгах своей «Истории» Геродот не раз отмечал успешное участие саков в армии Дария в ходе греко-персидских войн. Одеты они были, как сообщал «отец истории», в свои традиционные узкие штаны и остроконечные шапки (отсюда и название: саки-тиграхауда...).

Своеобразие саков как по языку, так и по одежде внутри «скифского мира», подмеченное Геродотом, подтверждали античные авторы последующих эпох, грекоязычные историки имперского Рима Страбон и Арриан. Первый из упомянутых, малоазиатский эллин Страбон (64 г. до н.э. – 23 г. н.э.), проживший почти 90 лет, много путешествовал и хорошо знал различные регионы древней ойкумены [Арский, 1974]. Дошедший до нас огромный его труд «География» в 17 книгах с самым подробным описанием не только географических, но и историко-этнографических реалий и деталей этносов от Иберии (Испании) на западе до Инда на востоке принес автору славу «отца географии». Не без удовольствия он на страницах своего труда поправлял Геродота, иронизируя над его принципом «передать все, что слышал» как слишком доверчивым и наивным. При этом сам «отец географии» исповедовал не менее уязвимый метод: описание только того, что интересно ему как автору «и читателю!» Известно, что вкусы и интересы читательской аудитории очень часто могут не совпадать с пристрастиями автора, в данном случае – Страбона. Хорошо еще, что пристрастия Страбона не отразились на информации о номадах Южного Урала, хотя сам Страбон здесь не бывал и следовал во многом в описании Степи своему предшественнику, Марину Тирскому [Дитмар, 1973. С. 56, 108; Магидович, Магидович, 1982. С. 118 – 119].

Именно Марин Тирский, а за ним Страбон и Арриан отмечали, что саки, именуемые так персами, живут от Рифеев на севере до Бактрии и Инда на юго-востоке, делятся на тиграхауда, хаумварга и амиргиев, а себя называют сэрика, т.е. относят себя не к скифам, а скорее, говоря современным языком, к сиракам сарматского мира Волго-Уралья [Исмагилов, 1996; Виноградов и др., 1997. С. 93 – 103].

Как отмечал Страбон в 11-й книге «Географии» (а вслед за ним и Арриан в 3-й книге «Похода Александра»), обширный мир сако-массагетов на рубеже V – IV вв. в силу объективных причин раскололся на 3 подгруппы племен, одна из которых (дахи-даи) дошла с Александром до Индии. Вторая (сака-раука,

т.е. «саки царские»), пройдя с боями через Закавказье, во II в. до н.э. завоевали Бактрию, а третья часть распавшейся суперобшности в IV в. до н.э. откочевала с берегов Яксарта на север, в район Южного Приуралья (стык Оренбуржья и Башкирии), где вступили в длительное взаимодействие с потомками геродотовых тиссагетов, иирков и исседонов [Геннинг, 1971. С. 44 – 54; Иванов, 1996. С. 119]. Интересно отметить, что геродотовых тиссагетов, и иирков С. И. Руденко связывал с башкирами [Руденко, 2006. С. 304]

Среди потомков вышеуказанного взаимодействия, видимо, следует полагать и позднесарматских аланов, с которыми вплотную довелось общаться уже не Страбону, а Арриану. Уроженец Северной Анатолии, Вифинии, Арриан (95 – 175 гг. н.э.) отличился на государственной службе Риму, за что и получил от Империи назначение на должность консула, а затем – проконсула, т.е. наместника, в соседней с родной Вифинией Каппадокии. Отражая постоянные нападения на эту территорию аланов, Арриан заинтересовался историей и истоками происхождения этих воинственных племен. Пытливый ум и размышления постепенно привели его в сармато-сакский мир [Габуев, 1999; 2000. С. 50 – 62], часть которого некогда воевала против Александра Македонского, а затем, влившись в ряды его армии, дошла до Индии. Небольшой первоначально сюжет стал позднее для Арриана основой для серьезных исследований, а репутация в науке Арриана как исключительно объективного и непредвзятого автора [Соболевский, 1960. С. 189 – 194; Крюгер, 1993. С. 11 – 13, 24 – 30] позволяет исследователям и в XXI в. внимательно перечитывать и анализировать наследие автора II в. н.э., в т.ч. и «восточные пассажи» дошедшего целиком «Похода Александра», а также фрагментарно сохранившиеся его «Аланские войны» и «Парфянские войны».

Парфянские сюжеты Арриана сохранились очень скудно, однако тема частично восполняется в литературном наследии последнего из великих историков поздней античности – Аммиана Марцеллина (330 – 400 гг. н.э.).

Знатный грек из сирийской Антиохии провел не один десяток лет на военной службе в гвардии императорского Рима, прошел с легионами Галлию и Фракию, южную Грецию, Египет и часть Персии (в походе Юлиана Отступника в 363 г. н.э.). Выйдя в отставку и оставаясь преданным Риму монархистом, Марцеллин, в отличие от своих греческих предше-

ственников, оказался поразительным барбарофобом. Поэтому на страницах своего объемного (и очень качественного с военной точки зрения) труда – «Деяния» (в 31 книге) – он раскрыл почти три века последних времен Рима в его непрерывных войнах с соседями – «варварами» как севера, так и с востока, которых он описал с постоянно присутствующим у него чувством презрения и оправданием их ликвидации легионами Рима [Удальцова, 1968. С. 38 – 42; Немировский, 1986. С. 265 – 287]. Отсюда – негативные оценки в книге XV – XXV аламанов Германии и народов Понта, персов и парфян, а равно и гуннов и входивших в состав этой коалиции кочевников (поздних сарматов-протоосетин) и антов (протославян). Но при этом Марцеллин, считая себя продолжателем и подражателем Тацита старался соответствовать и главному кредо любого историка: описывать явление целиком, т.к. «умолчание – не меньший обман, чем сочинение вымышленного» (XXIX, 1, 15). Поэтому негативное отношение к варварам Востока у него соседствует с очень четкими описаниями особенностей вооружения (катафракта), построения и боя парфян (знаменитые своей невероятной пробивной силой парфянские стрелы). «Дикость и свирепость» гуннов соседствует на страницах труда Аммиана с почти этнографическими описаниями особенностей быта, верований, обычаев и хозяйственного уклада этнических составляющих этой коалиции – готов, антов, аланов и собственно гуннов.

Следует заметить, что информация Марцеллина о парфянах и аланах имеет непосредственное отношение к Южному Уралу, т.к. парны и дахи (ядро Парфии) восходили в своих истоках к сакскому миру южной Башкирии и Оренбуржья, равно как не теряли связей с савроматской прародиной и поздние сарматы, аланы, смешавшиеся с тюрками и финно-уграми Урала в составе коалиции гуннов в эпоху Великого переселения народов.

Тенденциозность и снобизм Рима в описании народов Востока, в т.ч. Южного Урала, были преодолены через 2 века после Аммиана, когда у готского историка Иордана и его современников из Византии VI в. (Феофан Византиец, Агафий, Прокопий Кесарийский, Менандр и т.д.) [Кучма, 1979. С. 49 сл.], подчеркнута продолжавших традиции Геродота, вновь возобладало более объективное восприятие соседей Римской державы и, соответственно их отражение на страницах многочисленных трудов.

КУЛЬТУРА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ

В VIII – VII вв. до н.э. большинство племен Евразийского материка вступило в эпоху раннего железа, длившуюся более тысячи лет, вплоть до III – IV вв. н.э. Освоение металлургии железа повлекло за собой большие изменения во всех областях жизни населения. Нарушаются прежние экономические и этнокультурные связи. Племенные объединения эпохи бронзы распадаются, происходит перегруппировка племен, формирование новых этнокультурных объединений. Ранний железный век – это время расцвета и падения античных рабовладельческих государств – Греции и Рима, период создания на Кавказе и в Средней Азии первых государственных образований. В то же время для подавляющего большинства населения Европы и Азии, в том числе и Южного Урала, это была эпоха первобытнообщинного строя, его разложения, имущественной и социальной дифференциации.

Освоение металлургии железа совпало по времени с другим крупнейшим событием в жизни евразийских племен – переходом значительной части населения степной и частично лесостепной полосы к кочевому скотоводству. Начиная с рубежа II – I тыс. до н.э. на протяжении более полутора тысячелетий хозяйственно-экономическая, политическая и этнокультурная ситуация Евразии зависела от расстановки сил среди кочевых объединений Великого пояса степей, за которыми закрепилось общее название – ранние (древние) кочевники.

Письменные источники древних авторов, главным образом греческих и римских, называют множество племен, обитавших в эпоху раннего железа в степях Евразии. Наиболее известными и многочисленными среди них были киммерийцы, скифы и меты в Северном Причерноморье, массагеты, саки и усунь в степях Казахстана и Средней Азии. Одним из крупных объединений кочевников того периода, неоднократно упоминаемых античными авторами, являлись племена савроматов и их потомков – сарматов, кочевавших в степях Южного Урала и Нижнего Поволжья. Древнегреческий историк и путешественник Геродот, говоря о соседях скифов, писал: «За рекою Танаисом (р. Дон) – уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу начиная от впадины Меотийского озера (Азовское море), на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженых деревьев». Однако, как далеко на восток на самом деле простиралась территория савромато-сарматских племен, письменные источники не дают однозначного ответа. Не вносит полную ясность в эту проблему и богатый археоло-

гический материал. Поэтому вопрос отождествления археологических памятников Урало-Поволжья с савромато-сарматами и иными племенами, упоминаемыми античными авторами, остается дискуссионным. Большинство исследователей считает, что территория собственно савромат (савромат Геродота) ограничивалась междуречьем Дона и Волги и Заволжьем. Восточнее, в южноуральских степях, в этот период кочевали дахо-массагетские племена. Материальная культура и погребальный обряд памятников Урало-Поволжья этого периода настолько близки, что вполне обоснованно рассматриваются в рамках единой савроматской и ранне-сарматской археологических культур.

Раскопки савромато-сарматских памятников на Южном Урале были начаты еще в конце XIX – начале XX вв. [Ростовцев, 1918]. Особенно широко-масштабные полевые исследования проведены в 1950 – 1960-х гг. В этот период были раскопаны такие известные курганные могильники, как Пятимары, Тара-Бутак, Мечетсай, Новый Кумак в Приуралье, Старые Кишки в Центральной Башкирии и др. [Смирнов, 1964; 1975; Мошкова, 1962; Садыкова, 1962аб]. Позднее раскопана целая серия больших курганов: Бес-Оба, Сынтас, Лебедевка на западе Казахстана [Кадырбаев, Крманкулов, 1976, 1977; Железчиков и др., 1986], Альмухаметово, Сибай, Переволочан на юго-востоке Башкортостана [Пшеничнюк, 1983], Филипповка, Сара в Оренбургской области [Пшеничнюк, 1989; Васильев, Федоров, 1994]. К настоящему времени на территории Южного Урала исследованы сотни памятников, курганных могильников и отдельных курганов, выявлены тысячи погребений. Вместе с письменными свидетельствами античных авторов богатые и разнообразные материалы археологических раскопок являются надежным источником для освещения истории и культуры сарматских племен.

Основой хозяйственных занятий сарматских племен являлось кочевое скотоводство. Остатков поселений на территории расселения сармат не обнаружено. Предположительно можно говорить лишь о сезонной оседлости. Сарматское стадо состояло в основном из овец, коз и лошадей, наиболее приспособленных для круглогодичного содержания на подножном корму. Важное место в жизни сарматских племен занимали войны и военная организация. Их воинственность и походы неоднократно упоминаются в античных источниках. Сарматы участвовали на стороне скифов в войне с персидским царем Дарием. Сарматы начиная с IV в. до н.э. совершали далекие походы на запад, покорили скифов Северного Причерноморья, проникали в Крым

и на Кавказ. Воинственность сармат наглядно видна и на археологическом материале. Предметы вооружения и конского снаряжения занимают основное место среди сопровождающего инвентаря мужских сарматских могил.

Хронология и периодизация савромато-сарматских памятников разработаны достаточно подробно и убедительно как в целом для всей сарматской культуры, так и для каждого крупного периода в отдельности. Внутри савроматской культуры К.Ф. Смирновым выделено четыре хронологические группы [Смирнов, 1964. С. 24 – 74]; погребения прохоровской культуры разделены М.Г. Мошковой на три группы [Мошкова, 1963. С. 8]; четыре хронологические группы выделяет А. С. Скрипкин для позднесарматской культуры Нижнего Поволжья [Скрипкин, 1976. С. 9].

САВРОМАТСКАЯ КУЛЬТУРА (VII – IV вв. ДО Н.Э.).

Наиболее ранними являются Елбулак-Тамакские курганы, расположенные в Юго-западном Башкортостане (Рис. 54). Погребения обоих исследованных курганов, безусловно, одновременны. Оба основных погребения принадлежат населению срубной культуры (скорченное положение костяка, керамика). К этой культуре относится и одно впускное погребение. Остальные погребения относятся к эпохе железа. Вещевой материал впускных погребений эпохи железа очень беден. Относительно уверенно можно датировать лишь одно погребение – погребение 1 кургана 2. Здесь найден бронзовый наконечник стрелы: двухлопастной, втульчатый, головка ромбической формы, средняя часть втулки орнаментирована поперечными каннелюрами (Рис. 57, 5). Ближайшей аналогией ему является наконечник стрелы из погребения 38 кургана 2 у с. Новая Белогорка, датируемого К. Ф. Смирновым VII – VI вв. до н. э. [Смирнов, 1964. С. 39. Рис. 8, 1]. Подобные двухлопастные втульчатые стрелы широко представлены в комплексах VII – VI вв. Нижнего Поволжья [Смирнов, 1966. Рис. 11, 3] и Казахстана [Акишев, Кушаев, 1963. С. 116 – 119], в скифских памятниках [Мелюкова, 1964. С. 10 – 11. Табл. 6]. Положение костяка в рассматриваемом погребении – слегка повернуто на правый бок – типичное для погребального обряда ранних савроматских захоронений VII – VI вв. до н. э. [Смирнов, 1964. С. 30, 39]. Рядом с покойником были положены куски мяса лошади, что также характерно для савромат.

Для савроматской культуры Южной Башкирии характерны одиночные курганы или могильники, состоящие из 2 – 3 насыпей. Подавляющее большинство курганов насыпано из чернозема, лишь в некоторых случаях при возведении земляных насыпей использовался камень: или в виде наброски над могилой, или обкладки всей насыпи либо только ее верхней части (Альмухаметово, Булатово), или забутовки входа в погребальную камеру (III Ивановка). Размеры курганов различны. В Приуралье почти все курганы небольших размеров, лишь изредка высота насыпи превышает 1 м. Размеры зауральских курганов более разнообразны. На ряде памятников отдельные курганы имеют сравнительно большие размеры, достигающие высоты 2 – 3 м и более при диаметре 30 – 40 м.

Большинство погребений совершено в могильных ямах. Размеры и глубина могил различны, но преобладают ямы больших размеров, что особенно заметно при сравнении их с размерами сарматских могил более поздних периодов. Форма могил в основном прямоугольная, чаще с закругленными углами. Встречаются подбойные, катакомбные и дромосные могилы. Часть погребений совершена на уровне древней поверхности. Над большинством из них сохранились остатки деревянных сооружений. Конструкции их были, очевидно, различными – шатровые, в виде прямоугольных срубов.

Довольно распространенными у савроматских племен являются коллективные захоронения. В кургане 7 II Сибайского могильника покойники захоронены, по всей вероятности, одновременно. Три костяка взрослых мужчин лежат параллельно друг другу совершенно nepотревоженно, на одной подстилке, в одинаковой позе, общей для них являлась и жертвенная пища в виде одной кучи костей животных. Судя по богатому вооружению, это погребение знатных воинов, убитых в каком-то военном столкновении (Рис. 56, 1). Эту мысль подтверждает находка в грудной клетке одного из костяков бронзового наконечника стрелы.

Одной из характерных черт погребального обряда савроматских могильников является сопровождение умерших заупокойной пищей в виде кусков мяса лошади или мелкого рогатого скота. Иногда мясная пища ставилась в могилах в глиняных сосудах, например, оба больших горшка из погребения кургана 17 Альмухаметовского могильника были наполовину заполнены костями животных.

Вещевой материал савроматских погребений представлен прежде всего предметами вооружения – мечами, кинжалами, наконечниками стрел и копий. Все мечи и кинжалы двулезвийные. Длина

мечей различна, но в целом они не велики по размерам. Большинство кинжалов имеет длину 32 – 40 см. По форме навершия мечи можно разделить на два отдела: 1) мечи с коротким брусковидным или грибовидным навершием (Рис. 57, 1 – 2); 2) мечи с антенным навершием. По форме перекрестья они подразделяются на два типа: 1) мечи с бабочковидным перекрестьем (Рис. 57, 1); 2) мечи с изогнутым под тупым углом или дуговидным перекрестьем (Рис. 57, 2).

К числу редких предметов вооружения у савроматских племен относятся копья. Наконечники железные массивные, длиной до 43 см (Рис. 57, 3 – 4).

Наконечники стрел составляют самую многочисленную группу находок. Подавляющее большинство из них происходит из мужских погребений, сопровождавшихся мечами, кинжалами и другими «сугубо мужскими» предметами. В ряде случаев наконечники стрел найдены в женских погребениях с зеркалами или украшениями. В некоторых

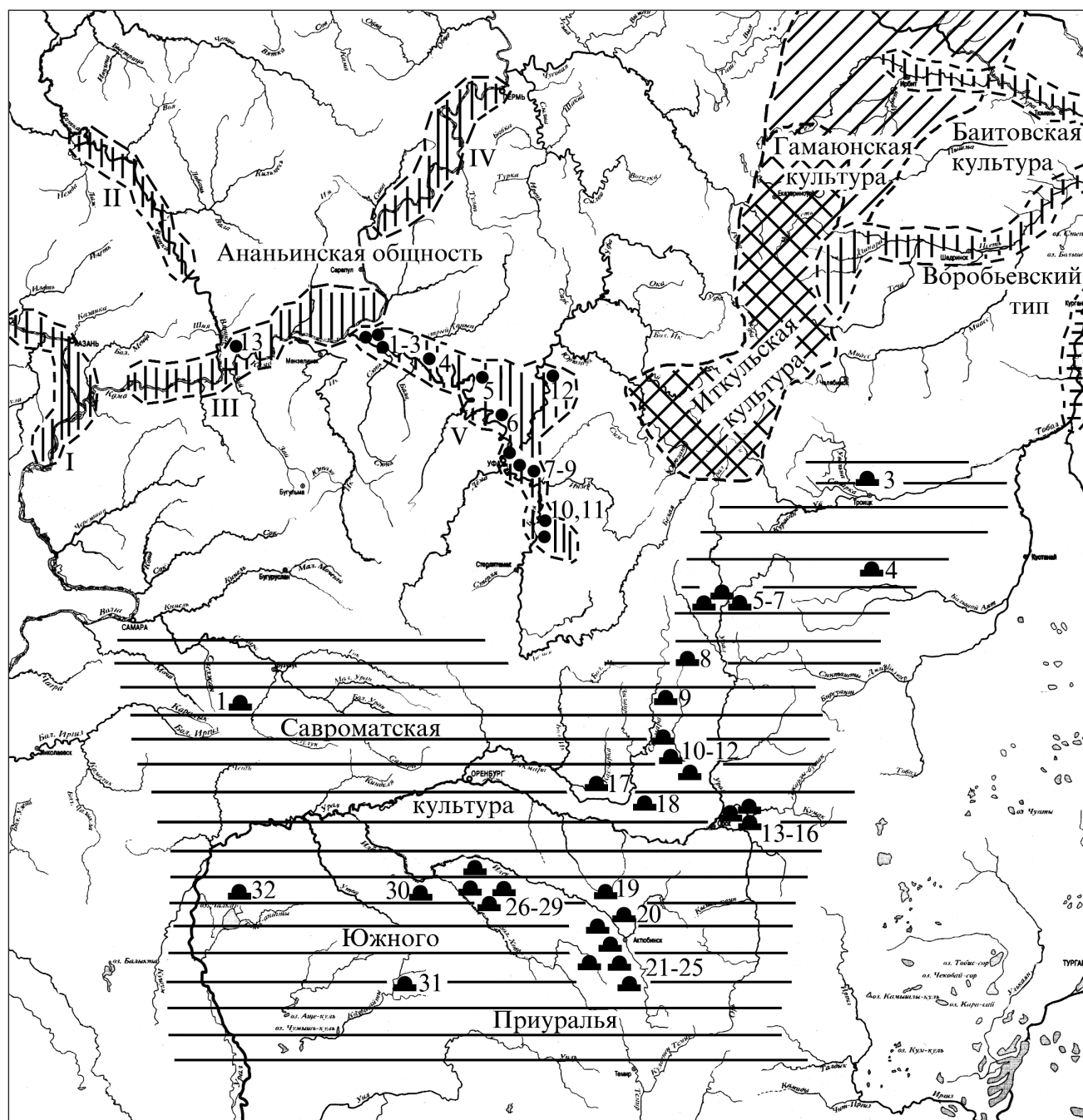

Рис. 54. Карта археологических культур и памятников савроматского периода.

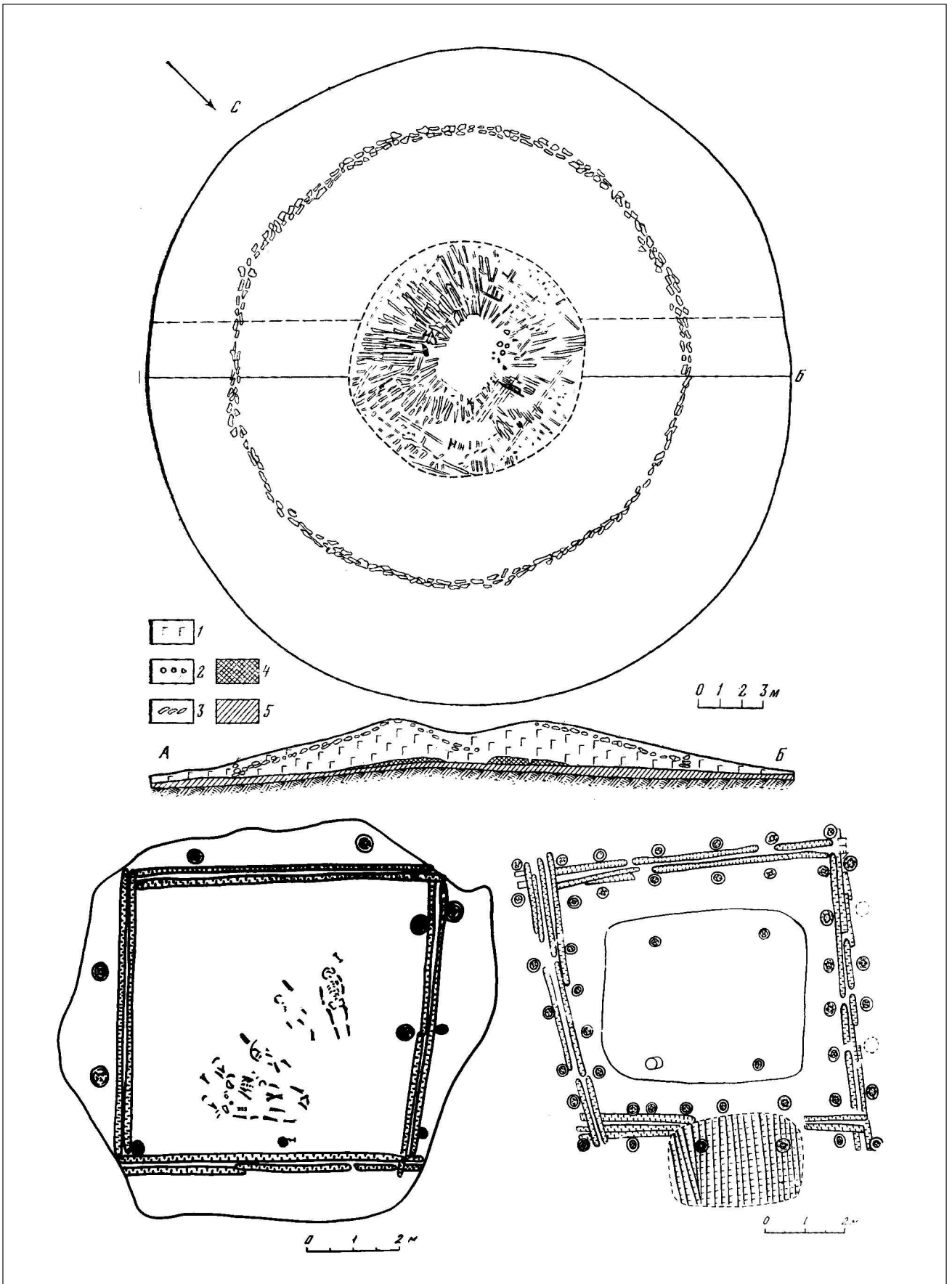

Рис. 55. Савроматская культура. Погребальный обряд.

1 – Курган с каменной крепидой и деревянным шатровым сооружением в центре (Альмухаметово, Абзелиловский р-н); 2 – деревянные могильные сооружения (Ивановка III, Хайбуллинский р-н).

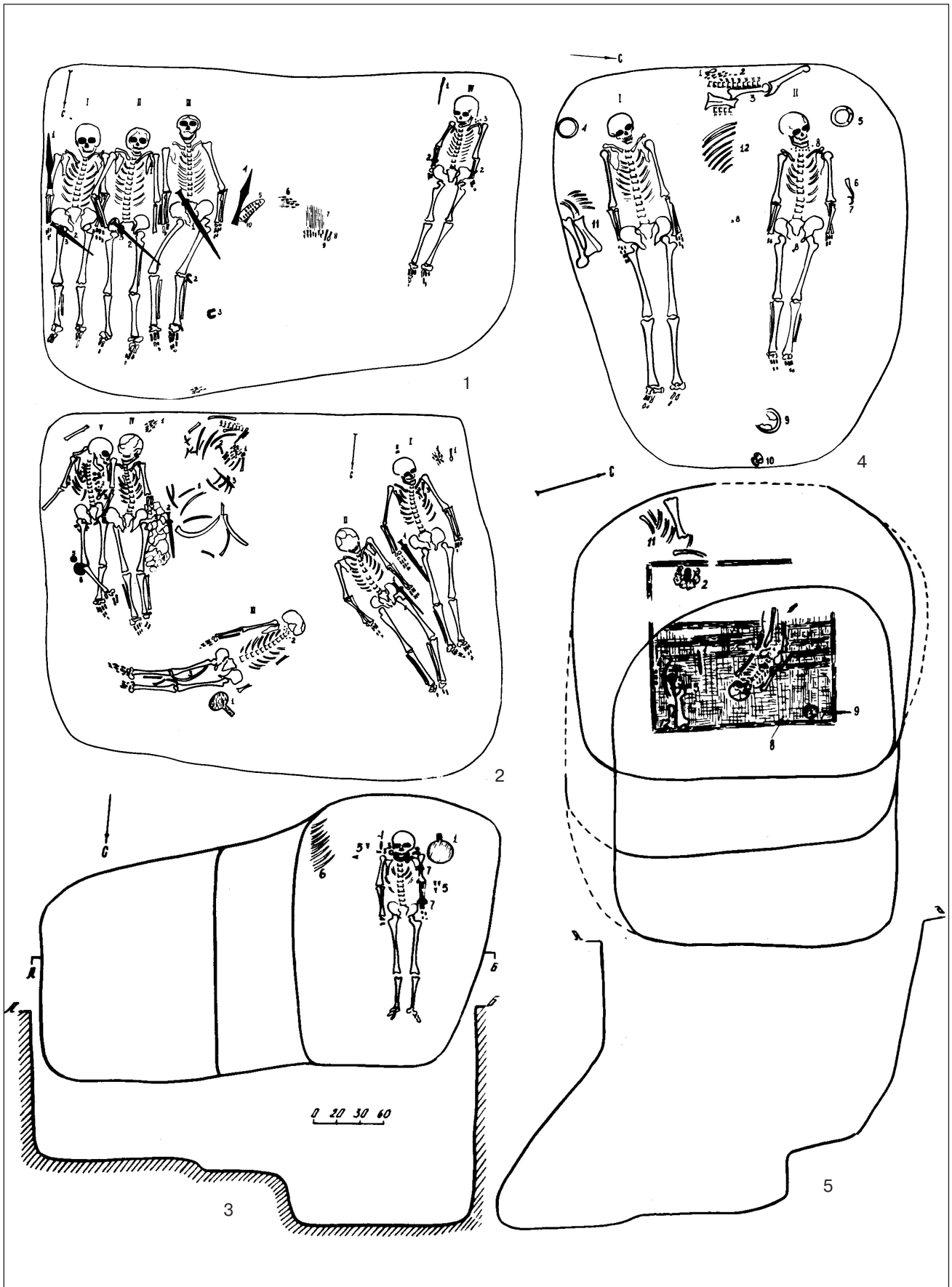

Рис. 56. Савроматская культура. Погребальный обряд.

1 – 2 – коллективные погребения (Сибай II, Баймакский р-н); 3 – парное погребение; 4 – 5 – подбойные погребения (Альмухаметово, Абзелиловский р-н).

непотревоженных могилах прослежены остатки кожаных колчанов. В одном колчане могло находиться до 100 и более наконечников.

Непосредственное отношение к колчанам имеют костяные ложечки. Все они, за исключением двух, найдены в погребениях вместе с наконечниками стрел. Ложечки разные. Так, ложечка из коллективного погребения кургана 3 II Сибайского могильника очень тщательно отделана и отполирована, на лицевой стороне широкой плоской ручки вырезана фигура лося или сайгака (Рис. 57, 6). Вторая ложечка из этого погребения также тщательно отделана, ручка ее тонкая, круглая, конец оформлен в виде головки птицы (Рис. 57, 7). Ручки большинства ложек не орнаментированы, часть из них вырезана из плотной костяной заготовки, а часть — из тонкой необработанной пластины, по-видимому, из лопатки мелкого животного (Рис. 57, 8). Наибольшее распространение они получили уже в прохоровское время.

К числу предметов туалета и украшений относятся зеркала, бусы, височные кольца, гривны, раковины. Зеркала представляют собой круглые диски диаметром от 10 до 22 см. В зависимости от оформления краев диска их можно сгруппировать в три типа.

I тип. Основной отличительный признак — отогнутая закраина-бортик. Среди них выделяется зеркало из кургана 2 у пос. Целинный. Зеркало массивное, диаметр его 15 см, закраина отогнута четко под прямым углом, в центре диска — петелька, в которой сохранился кусочек ремешка (Рис. 57, 10).

II тип. Плоские круглые зеркала с ручками, как правило, больших размеров, диаметром до 15 — 18 см. В большинстве случаев ручка отлита вместе с диском. Оригинально исполнено зеркало из кургана 8 Альмухаметовского могильника. Диск имеет овальную форму размером 22 x 18,5 см. К нему двумя штифтами прикреплена бронзовая ручка, представляющая собой фигуру женщины в полный рост (Фото 24. Рис. 57, 11).

III тип. Зеркала с утолщением-валиком по краю и длинной плоской ручкой, отлитой вместе с диском. В отличие от более поздних раннесарматских зеркал валик у них не полуовальный, а треугольный. Размеры зеркал этого типа большие: диаметр 16,5 — 18 см, длина ручки 10 — 12 см.

Бусы сравнительно редки в савроматских погребениях. Большинство из них составляли, очевидно, ожерелья. В коллективном погребении кургана 7 II Сибайского могильника бусы найдены возле мужских костяков у рукоятей кинжалов: ими были украшены, по-видимому, ножны кинжалов.

Гривна найдена в подбойном погребении кургана 6 Альмухаметовского могильника. Она изготовлена из круглого в сечении бронзового прута, согнутого полтора оборота и обложенного сверху золотой фольгой. В этой же могиле находилось одно височное колечко в полтора оборота, также покрытое золотой фольгой. Браслеты встречены в пяти погребениях: в двух — проволочные железные, очень плохо сохранившиеся, в двух других — бронзовые проволочные с приостренными концами и в одном — массивный золотой браслет с заходящими концами. В нескольких могилах найдены раковины — grifea. Изредка возле погребенных встречаются бронзовые бляшки различных форм, использовавшиеся, очевидно, как накладки или подвески. В коллективном погребении кургана 1 у пос. Целинный найдена плохо сохранившаяся костяная пластина с солярным орнаментом. В погребении кургана 2 этого же могильника на левом тазобедренном суставе лежала изящная костяная булавка.

Одним из характерных атрибутов савроматских женских захоронений Южного Урала являются каменные жертвенники-алтари. Типология савроматских жертвенников и аналогии им достаточно подробно рассмотрены К.Ф. Смирновым [Смирнов, 1964. С. 162 — 170]. Специальную статью жертвенникам Северо-западного Казахстана посвятил М.К. Кадырбаев [Кадырбаев, 1977]. Форма их различна. К раннему типу относится жертвенник из погребения кургана 2 у пос. Целинный ладьевидной формы с прямым низким бортиком на четырех низеньких, круглых в сечении ножках (Рис. 57, 12). В других могилах найдены наиболее типичные для савроматских памятников массивные жертвенники на трех ножках. Они изготовлены из целого камня; верхняя часть жертвенников — блюдо, округлое, с низкими бортиками и плоским дном. Один из них (курган 8, Альмухаметово) украшен по наружной кромке бортика рельефным дельфинообразным орнаментом; ножки толстые, округлые в сечении (Рис. 57, 13). Еще один жертвенник (курган 13, II Сибай) орнаментирован по бортику продольным желобком, ножки выполнены в виде головы животного (Рис. 57, 14. Фото 29).

Остальные жертвенники небольших размеров, без ножек. Жертвенник из погребения 2 кургана 10 Альмухаметовского могильника изготовлен из серого крупнозернистого камня, имеет четырехугольную форму с округленными углами, толстые низкие стенки. В кургане 17 этого же могильника найден маленький жертвенник правильной прямоугольной формы, изготовленный из темно-вишневого туф-

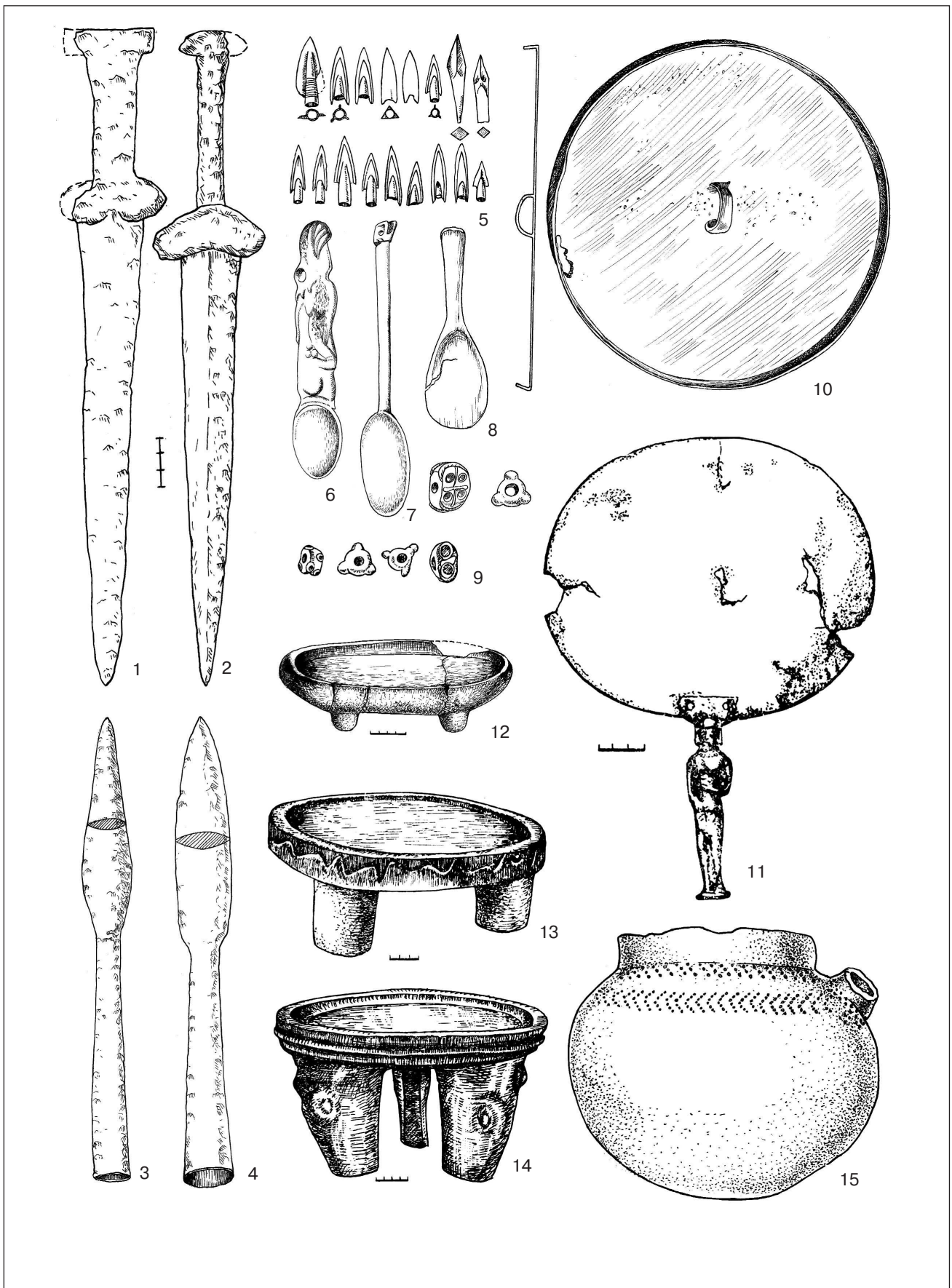

Рис. 57. Савроматская культура. Погребальный инвентарь.
 1 – 2 кинжалы; 3 – 4 – наконечники копий; 5 – наконечники стрел; 6 – 8 костяные ложечки; 9 – бусы; 10 – 11 – зеркала;
 12 – 14 – каменные жертвенники; 15 – керамический сосуд.

фита полосчатой структуры; чаша жертвенника мелкая, округлая, стенки тщательно отполированы.

Все вышеперечисленные жертвенники найдены в памятниках зауральской группы. В Приуралье в двух погребениях (Уметбаево, Юрматы) встречены обломки каменных плиток небольших размеров. На дне одной из них обнаружены следы желтоватой охры и маленький костяной терочник, а в другой — остатки мела. По всей вероятности, они являлись принадлежностью женского туалета и служили для растирания румян или белил.

Из орудий труда, найденных в савроматских памятниках, можно назвать лишь глиняные пряслица и железные ножи. Пряслица встречены вместе с предметами женских украшений и принадлежностями туалета.

Самыми распространенными находками в савроматских погребениях Башкортостана являются глиняные сосуды. Среди них выделяется один обломок горла маленького сосуда (III Ивановка, курган 1), изготовленного на гончарном круге, положенный в могилу, видимо, с какой-то ритуальной целью. Все остальные сосуды лепные, изготовлены без гончарного круга. Из них три сосуда очень маленьких размеров и, очевидно, имели ритуальное назначение. Все три имеют разную форму: сосудик из кургана I Ивановского могильника круглодонной чашевидной формы, из Бурийского кургана — в виде маленького плоскодонного стаканчика, третий сосудик (Альмухаметово, курган 17) горшковидной формы, плоскодонный, вытянутых пропорций, высотой 8,5 см. Остальные сосуды можно разделить на две группы.

I группа. Плоскодонные сосуды, как правило, грубо обработанные, без орнамента или с бедной орнаментацией. Выделяются два типа.

1-й тип. Сосуды высоких пропорций с широким горлом, слабо раздутым туловом, без орнамента или орнаментированные пояском ямок, резным зигзагом.

2-й тип. Сосуды низких пропорций (приземистые) с четко выраженной шейкой, раздутым туловом, без орнамента или орнаментированные неправильными вдавлениями и продольными желобками, оттисками зубчатого штампа. Один сосуд этого типа имел в верхней части носик-слив (III Сагитово). Сосуд из погребения 1 кургана 2 Ивановской группы, имеющий боковую ручку, — кувшин.

II группа. Круглодонные, изредка плоскодонные, с примесью талька в тесте, как правило, с хорошо заглаженной поверхностью, украшенные резным, реже гребенчатым орнаментом по плечикам, иногда по горлу. Выделяются два типа.

1-й тип. Круглодонные сосуды небольших размеров (высота 15 — 20 см) с невысоким, четко выраженным горлом и раздутым туловом. По плечикам орнаментированы зигзагами, горизонтальной или вертикальной «елочкой», треугольниками, насечками, нанесенными острой палочкой. Два сосуда имеют боковой носик-слив. Один из них (Сибай, курган 3) орнаментирован по плечикам оттисками мелкозубчатого штампа (Рис. 57, 15), второй (I Ивановка, курган 3) украшен по плечикам пояском сосцевидных налепов.

2-й тип. Круглодонные, изредка плоскодонные сосуды с утолщенной шейкой, богато орнаментированные по плечикам резными линиями, насечками, образующими треугольники, зигзаги или сетку.

РАННЕСАРМАТСКАЯ (ПРОХОРОВСКАЯ) КУЛЬТУРА (IV — II ВВ. ДО Н.Э.)

На территории Южной Башкирии в той или иной степени исследованы десятки курганных могильников и одиночных курганов прохоровской культуры, в которых выявлено в общей сложности несколько сотен погребений (Рис. 58). Как и в савроматское время, курганы сооружались на высоких речных террасах или на гребнях междуречий. В сравнительно низких местах расположены лишь I Якуповские и Старокиишкинские курганы — на первой надпойменной террасе высотой около 5 — 6 м. Почти все прохоровские могильники состоят из небольшого количества насыпей. Самым большим среди них является Бишунгаровский курганный могильник. В начале 1960-х гг. во время обследования памятника А.П. Шокуров насчитал более 30 курганов. Ежегодной распашкой насыпи сильно нивелированы, и уже в 1971 г. прослеживалось только 23 кургана, расположенных неровной цепочкой по гребню верхней террасы левого берега р. Карламанки. Примерно такое же количество курганов насчитывал в свое время и Старокиишкинский могильник, расположенный в нескольких километрах севернее Бишунгаровского на левом берегу р. Белой, на территории д. Старые Кишки. Экспедицией М.Х. Садыковой выявлено здесь 20 насыпей [Садыкова, 1962а, рис. 1]: видимо, значительная часть курганов была разрушена при строительстве домов и других хозяйственных построек. Из 13 курганных насыпей состоит I Сибайский могильник. Более трети всех прохоровских могильников представлены одиночными курганами, как правило, небольших размеров с малым количеством погребений, в

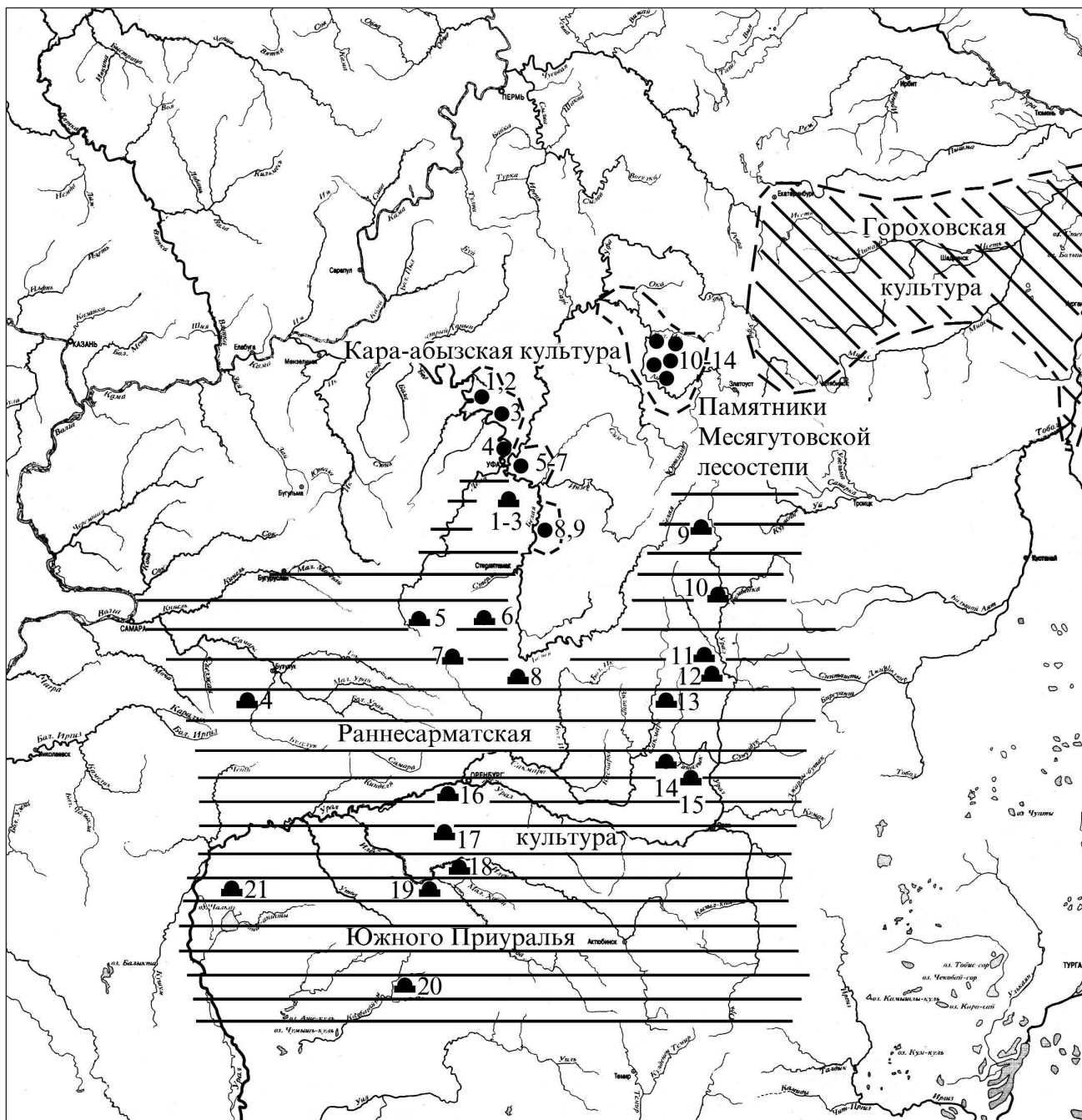

Рис. 58. Карта археологических культур и памятников раннесарматского периода.

остальных по 2 – 4 кургана, редко 5 – 9. Все курганы земляные, средних размеров, диаметром 10 – 18 м, высотой до 1 м. Лишь несколько курганов в зауральских районах превышают высоту 1 м и диаметр 20 м (IV Тавлыкаевские курганы).

Количество погребений под одной насыпью различно – от 1 до 35. В половине всех исследованных курганов находилось по одному погребению. Курганы, содержащие 6 и более погребений, встречаются в двух могильниках – Бишунгаровском и Ста-

рокиштинском. В 15 исследованных курганах этих памятников выявлено 184 погребения. Могилы в этих курганах расположены по кругу. В центре кургана находится одно или два, как правило, ограбленных погребения, а остальные концентрируются вокруг них в виде одного или двух колец (Рис. 59, 2 – 3).

В большинстве случаев прохоровские погребения являются основными в курганах. Лишь в семи памятниках встречаются погребения, впущенные в

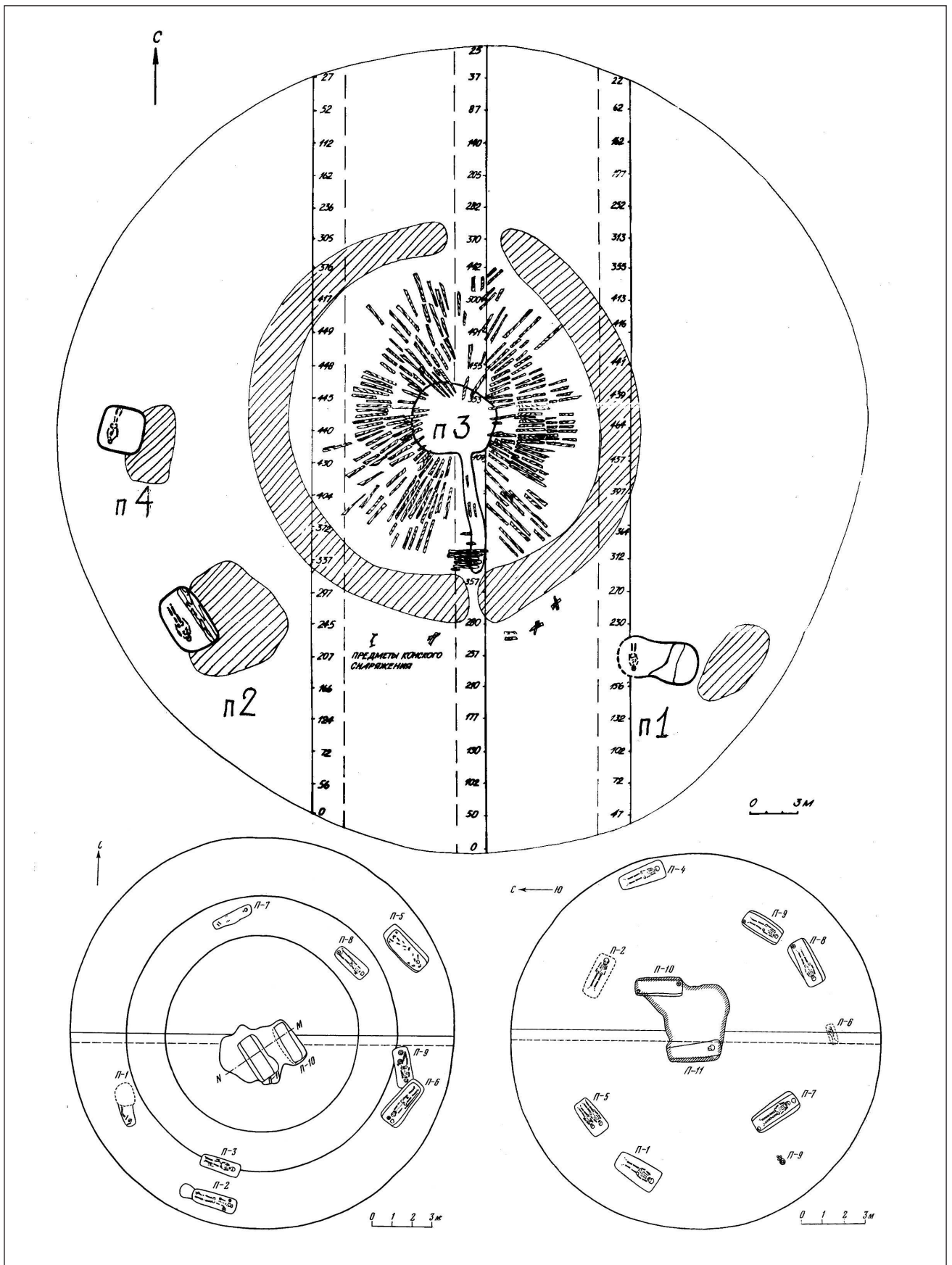

Рис. 59. Раннесарматская (прохоровская) культура. Погребальный обряд.
 1 – курган с деревянным шатровым сооружением, дромосной могилой в центре и впускными подбойными могилами (Переволочан, Хайбуллинский р-н); 2 – 3 – курганы-кладбища с кольцевым расположением погребений (Бишунгарово, Кармаскалинский р-н).

курганы эпохи бронзы или савроматской культуры. Для прохоровской культуры характерны захоронения в ямах, вырытых в материковом грунте. Исключение составляет Старокиишкинский могильник, в котором 43% могил были в слое чернозема. Пять могил (10%) обнаружено в черноземе и на Бишунгаровском могильнике. Это можно объяснить, очевидно, тем, что в каждом кургане этих памятников совершено по несколько погребений и значительная часть из них являются впускными. Несколько погребений в черноземе встречено и на других памятниках, и во всех случаях они являлись впускными в курганы более раннего времени. Основной формой могилы на протяжении всей прохоровской культуры являлась вытянутая прямоугольная яма со слегка закругленными углами простой конструкции. Размеры и глубина таких могил различны. Это зависело от возраста и, по-видимому, социального положения погребенного. Большинство детских погребений совершено в маленьких и мелких могилах; основные и богатые, как правило, разграбленные, могилы глубокие (в среднем 125 – 200 см от уровня древней поверхности) и относительно больших размеров. В ряде случаев довольно глубокими являются и детские захоронения. Например, трехъярусное центральное погребение 3 Боголюбовского кургана. Здесь в обширной грунтовой яме размером 240 x 160 см и глубиной около 90 см на дне находилось два детских костяка; во втором ярусе, на глубине 70 см, также был захоронен ребенок. Захоронения сопровождались ожерельями бус, зеркалами, височными подвесками, обложенными золотым листом, глиняными сосудами и большим количеством ритуальной пищи (кости барана), что, очевидно, свидетельствует о принадлежности погребенных детей к привилегированной части населения. В глубокой могиле (190 см) сложной конструкции был захоронен ребенок 5 – 7 лет в Бишунгаровском кургане I (погребение 3).

Незначительная часть могил, как правило, глубоких, имеет неширокие (15 – 25 см) ступеньки по продольным стенкам, вырытые на высоте 50 – 60 см от дна могилы. Почти во всех случаях на ступеньках сохранились следы поперечного деревянного перекрытия. Такие могилы в основном обнаружены в Бишунгаровском могильнике (11 случаев), два – в Старых Кишках и лишь одна – в Зауралье, в Михайловском кургане. Примерно такое же количество захоронений совершено в могилах с подбоями, вырытыми в продольных стенках – чаще в западной, реже в восточной (Рис. 60, 2). Входная яма имела форму обычной вытянутой могилы, подбой, как правило, рылся на всю длину входа на 20 – 30 см

глубже входной ямы. В одной могиле (I Сибай, погребение 4) небольшой подбой был вырыт в узкой стенке. Лишь в одном случае встречена могила катакомбного типа – это погребение 4 кургана 15 Старокиишкинского могильника. В узкой южной стенке был вырыт подбой-катакомба на 25 см глубже дна входной ямы. В катакомбе была похоронена девочка, положенная по продольной оси входной ямы ногами к входу. Несколько необычную форму имела могильная яма двухъярусного погребения 2 кургана 3 могильника Леканды. Могила расширялась ко дну, образуя неглубокие полуподбои по обеим длинным сторонам. Это объясняется, по-видимому, тем, что сверху материк был очень жестким, глина с гравием, у дна, наоборот, мягкий сырой песок, который легко поддавался рытью. В кургане Кара-Тал II погребение было совершено на уровне древней поверхности. Возможно, это связано с тем, что курган был сооружен на каменистой возвышенности, где рытье могилы очень затруднено.

В некоторых могилах в засыпке встречены остатки дерева, по-видимому, от перекрытия. Как уже упоминалось, хорошо прослеживались остатки деревянных перекрытий в могилах с заплечиками. Над центральными могилами I Сибайского кургана сохранились перекрытия из бревен, сооруженные на уровне древней поверхности. Остатки необычной деревянной конструкции прослежены в погребении 29 кургана 18 Старокиишкинского могильника: на дне могилы по обеим длинным стенкам было врыто по три деревянных столба. Вероятно, они служили опорой для перекрытия.

Довольно часто в погребальном обряде использовался огонь, о чем свидетельствуют часто встречающиеся мелкие в могильной засыпке. В трех курганах Бишунгаровского могильника зафиксированы следы мощного костра на уровне древней поверхности в виде крупных углей и сильной прокаленности погребенного чернозема и даже материка над центральными погребениями.

В большинстве могил костяки лежат прямо на земляном полу. В нескольких могилах под костяком прослеживались остатки какой-то органической подстилки в виде темно-коричневого гумуса, а еще в нескольких – остатки деревянной подстилки, по-видимому, из досок или плах: волокна, где это удавалось проследить, шли вдоль могилы. Лишь в одном случае (2-й ярус центрального погребения 3 Боголюбовского кургана) прослежены остатки гроба или, скорее, деревянного ящика без крышки.

Покойников клали в могилу в одежде, на спине с вытянутыми руками и ногами. Изредка встречаются костяки с согнутыми в локтях одной или обеими

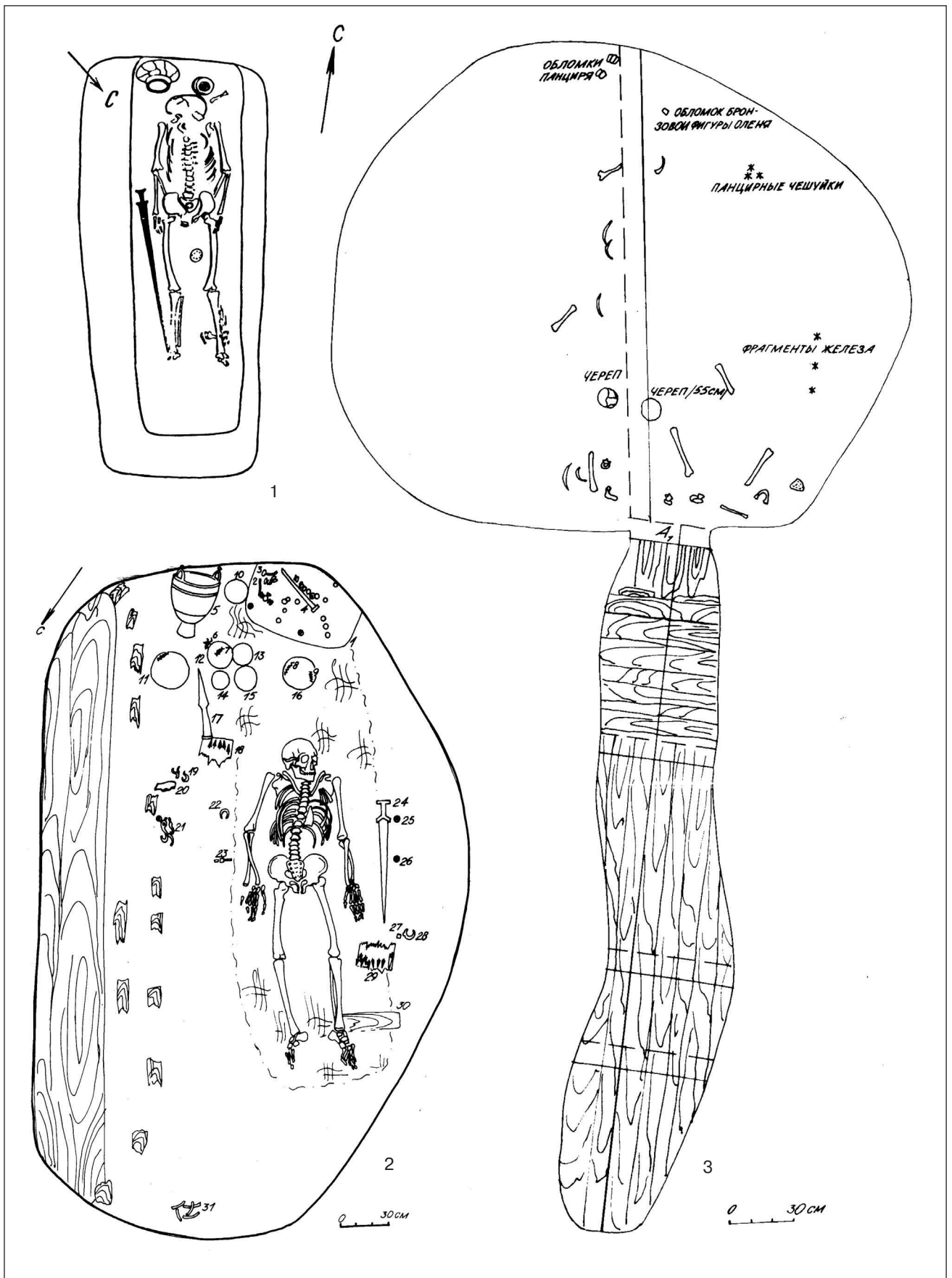

Рис. 60. Раннесарматская (прохоровская) культура. Погребальный обряд.
 1 – погребение в простой могильной яме (Бишунгарово, Кармаскалинский р-н); 2 – подбойное погребение, 3 – дромосная могила (Переволочан, Хайбуллинский р-н).

руками в виде ромба, иногда кисти рук, чаще одной руки, находятся на тазовых костях или под ними, иногда одна рука, обычно левая, слегка откинута в сторону. Примерно такая же картина наблюдается и в положении ног. В нескольких погребениях костяки лежали с раздвинутыми в коленях ногами в виде ромба («поза всадника»), еще у нескольких костяков была согнута лишь одна нога — «танцующая поза», в редких случаях ноги костяков согнуты в коленях в одну сторону — «полускорченное положение», ноги бывают иногда перекрещены в голених, и в одном случае левая нога костяка была согнутой в коленном суставе во внутреннюю сторону.

Каких-либо четких закономерностей в отклонениях положения рук и ног по отношению к полу и возрасту захороненных не наблюдается. Такие отклонения есть как у мужских, так и у женских костяков, чаще у взрослых, но встречаются и у детских. Можно отметить, следующее: «танцующая поза» и «поза всадника» характерны для взрослых мужских погребений, а «полускорченность» и перекрещенность ног типичны для бедных погребений, пол которых по инвентарю не определяется.

В прохоровских погребениях полностью преобладает южная ориентировка. Из 202 погребений, для которых определена ориентировка, 106 костяков лежали головой на юг, 64 — на юго-восток и юго-запад, (84% всех погребений). Причем необходимо добавить, что основная часть погребений, ориентированных на юго-запад и юго-восток, а также на восток и запад, приходится на два могильника — Старые Киишки и Бишунгарово, для которых характерно расположение погребений по кольцу вокруг центральной могилы, что и вносило отклонения в ориентировке. Центральные могилы, как правило, ориентированы по линии север — юг, костяки лежат головами на юг. В остальных памятниках, за очень редким исключением погребенные лежали также головами на юг. В целом для прохоровской культуры характерны индивидуальные захоронения, лишь несколько исследованных погребений оказались коллективными, главным образом это парные захоронения. Среди них встречаются захоронение мужчины и женщины, двух мужчин, двух женщин, женщины с ребенком, двух детей. В парных захоронениях костяки лежат всегда параллельно друг другу, головами в одну сторону. Подавляющее большинство парных погребений приходится на Старокиишкинский могильник. В трех могилах встречено по три костяка. Одна такая могила выявлена в Старых Киишках и две — в Бишунгарово. В погребении 32 кургана 18 Старокиишкинского мо-

гильника два взрослых костяка лежали головами на юг, а костяк ребенка — в противоположную сторону.

Во всех коллективных погребениях, судя по всему, захоронения совершались одновременно. В двух памятниках встречены ярусные захоронения. В погребении 2 кургана 3 Лекандинского могильника на дне могилы в обычной позе лежал скелет взрослого мужчины, а над ним, на 10 см выше, в такой же позе — скелет взрослой женщины. В центральной могиле 3 Боголюбовского кургана было трехъярусное погребение. Захоронения верхнего яруса полностью разрушены, вещей не сохранилось, и культурная принадлежность их не ясна. На дне могилы было захоронено два ребенка (девочки?), уложенные рядом, головами на юг, а над ними, на 20 см выше, погребена также, видимо, девочка в обычной позе. В обоих случаях промежутки времени между захоронением нижнего и верхнего ярусов был, очевидно, очень незначителен. Во всяком случае, по инвентарю хронологическая разница не улавливается.

Одной из характерных особенностей погребального обряда прохоровских племен является обычай класть рядом с покойником куски мяса домашних животных, обычно мелкого рогатого скота, реже — лошади или коровы. Кости барана обнаружены в большинстве погребений. Как правило, это кости передней ноги, иногда двух, трех ног, а в нижнем ярусе парного погребения 3 Боголюбовского кургана в трех местах лежали кости восьми передних ног мелкого рогатого скота. Очень редко в могилу клали боковую часть тушки барана, во всех случаях без черепа. По-видимому, это сохранившаяся традиция еще савроматского времени. Кости лошади встречены в немногих могилах, обычно это одно или два — три ребра, редко кости передней ноги. В двух памятниках найдены захоронения целой лошади. В кургане 11 Старокиишкинского могильника над женским погребением 2 в яме размером 245 x 125 см и глубиной около 150 см (на 63 см выше костяка женщины) лежал целый скелет лошади на левом боку, с подогнутыми ногами, ориентированный головой на восток, в поперечном направлении по отношению к женской могиле.

В кургане 2 группы Юрматы I лошадь была захоронена на уровне древней поверхности рядом с центральной и единственной мужской могилкой. В обоих случаях возле костяков лошади никаких вещей не обнаружено. В трех погребениях встречены ребра коровы. В большинстве мяса клали в ногах покойника, реже — возле головы и лишь иногда — у туловища. Обычно рядом с мясом клали железный ножичек. Иногда, обычно в детских могилах, встречаются также бараньи астрагалы, вероятно, как

игрушки. В погребении кургана 4 могильника Леканды возле туловища женщины (девушки) лежали кости восьми голеней собаки без всяких следов обработки. Вероятно, они играли какую-то ритуальную роль. Распространенным у ранних сарматов был обычай класть в могилу куски мела или речные гальки, камешки, которые, по представлениям древнего населения, выполняли очистительную функцию.

Инвентарь раннесарматских погребений довольно богат и разнообразен. Он представлен глиняной посудой различных форм и назначений, предметами вооружения, украшениями и принадлежностями туалета, очень редко — орудиями труда.

Вооружение состояло из мечей, кинжалов и луков со стрелами. Мечи подразделяются на два основных типа.

I тип. Двулезвийные мечи с серповидным навершием и прямым брусковидным перекрестием. Длина их колеблется в пределах 85 — 105 см, в основном около 1 м, клинок неширокий, ромбовидной или линзовидной формы, постепенно сужается к концу; рукоять короткая, тонкая, ромбическая или круглая в сечении (Рис. 61, 1).

II тип. Двулезвийные мечи со слабо изогнутым серповидным навершием и дуговидным или тупоугольным перекрестием. Клинок у них, как правило, широкий по всей длине (за исключением меча из погребения 2 кургана 3 могильника Леканды, ширина клинка которого составляет всего 3 см); рукоять массивная, овальной формы.

В двух погребениях Старокиишкинского могильника найдены мечи очень своеобразных форм. Меч из погребения 4 кургана 13 по форме напоминает узкую саблю, но лезвие у него находится на внутренней вогнутой стороне, рукоять откована вместе с клинком в виде узкой пластины, на которой сохранились шпеньки [Садыкова, 1962б. С. 99]. Второй меч из погребения 3 кургана 20 двулезвийный, с широким клинком длиной 75 см; рукоять тонкая, ромбовидная в сечении без навершия; перекрестие выполнено в виде двух изогнутых лепестков, напоминающих по форме бабочковидное перекрестие; рядом с рукоятью сохранились заклепки для крепления деревянной обкладки [Садыкова, 1962б. С. 109].

Кинжалы также подразделяются на два основных типа.

I тип. Двулезвийные кинжалы с серповидным навершием и прямым брусковидным перекрестием. За исключением длины клинка, они полностью повторяют мечи I типа. Клинки мечей чаще узкие, изредка клиновидной формы (Рис. 61, 2 — 3; Фото 30).

II тип. Двулезвийные кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестием, обычные для среднесарматского периода (Фото 30).

В трех погребениях встречены кинжалы других форм. В погребении 5 кургана 5 Муракаевского могильника найден двулезвийный кинжал с так называемым когтевидным навершием и бабочковидным перекрестием [Мажитов, Пшеничнюк, 1977. С. 60. Рис. 5, 12], характерный для позднесарматского или раннепрохоровского периодов. Из этого же памятника (курган 4, погребение 3) происходит кинжал с двулезвийным широким клинком без перекрестия и навершия. Рядом с рукоятью лежала выпукло-вогнутая железная бляшка с отверстием в центре, которая, по-видимому, крепилась в верхней части рукояти [Мажитов, Пшеничнюк, 1977. С. 59. Рис. 5, 11]. Короткий двулезвийный кинжал без перекрестия найден в подбойке могиле 2 кургана 1 IV Тавлыкаевской группы. Навершие его выполнено в виде прямого бруска.

По памятникам мечи и кинжалы распределяются неравномерно. Подавляющее большинство их встречено в Старокиишкинском (12 мечей и 32 кинжала) и Бишунгаровском (3 меча и 7 кинжалов) могильниках. Из всех 67 обнаруженных мечей и кинжалов 54, т.е. более 80%, происходят из этих двух памятников. Полностью преобладает здесь и единая форма мечей и кинжалов, характерная для периода развитой прохоровской культуры III — II вв. до н.э.: с прямым перекрестием и серповидным навершием.

Чаще всего погребенный сопровождался или мечом, или только кинжалом. Возле восьми костяков находились одновременно меч и кинжал (7 в Старых Киишках и 1 в Бишунгарово), в двух случаях — 2 кинжала и меч (Старые Киишки, курган 15, погребение 5; Бишунгарово, курган 19, погребение 2), в одном погребении встречено 2 кинжала (Старые Киишки, курган 14, погребение 6).

В могилах мечи и кинжалы, как правило, лежат справа у пояса, в пяти погребениях — с левой стороны, по одному случаю — на груди костяка, на поясе поперек туловища, в одном погребении (Бишунгарово, курган 2, погребение 5) меч был вертикально воткнут в могильную засыпку над костяком, а кинжал лежал на обычном месте — справа у пояса погребенного.

Мечи и кинжалы клались в могилу в ножнах, во многих случаях хорошо сохранились остатки дерева, иногда на мечах или возле них встречаются по 1 — 3 бронзовых бляшки-ворворки, в одном случае найдена золотая. Этими бляшками-ворворками, по-видимому, украшались ножны.

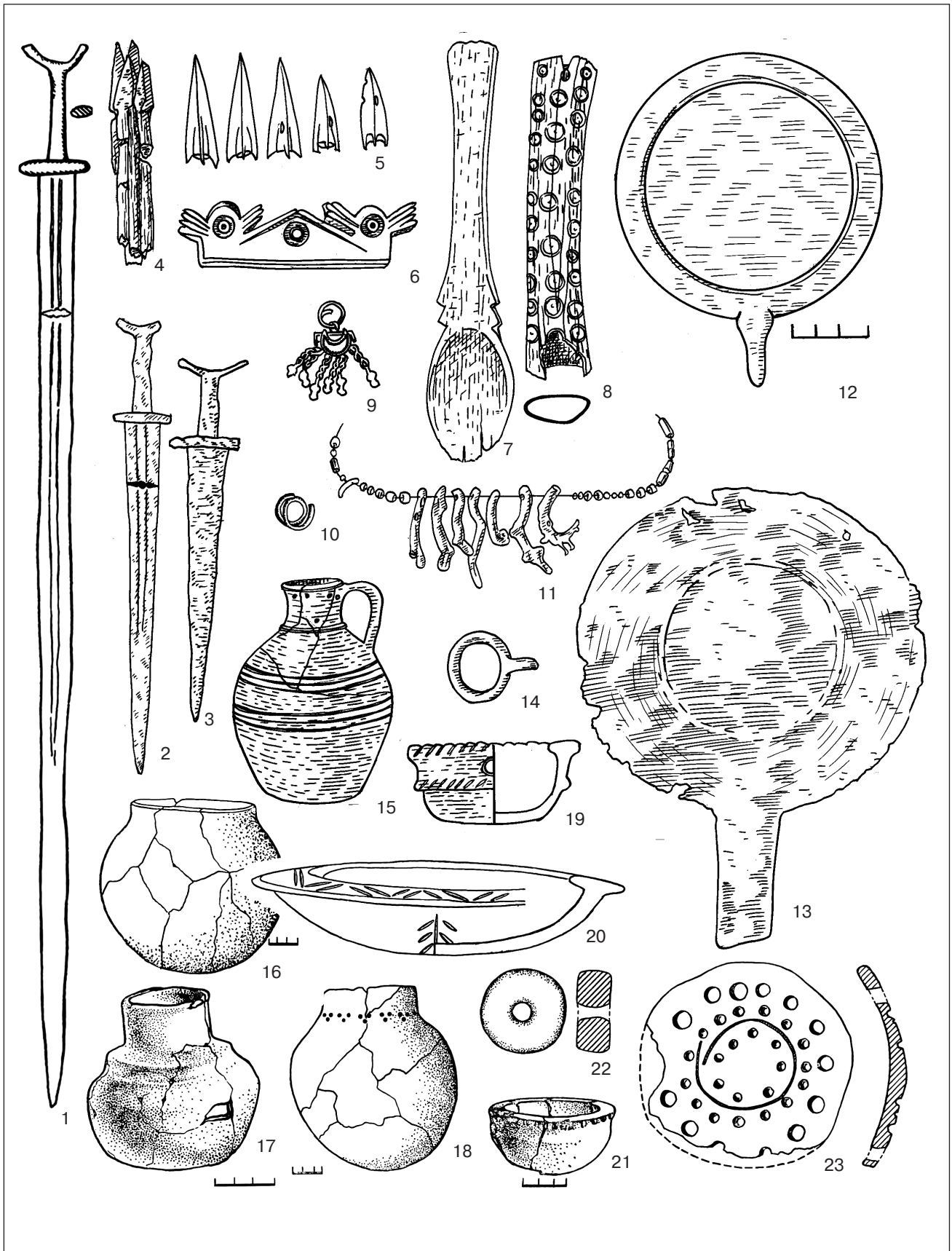

Рис. 61. Раннесарматская (прохоровская) культура. Погребальный инвентарь.

1 – меч; 2 – 3 – кинжалы; 4 – 5 – железные и бронзовые наконечники стрел; 6 – костяное навершие гребня; 7 – костяная ложечка; 8 – костяной игольник; 9 – золотая серьга; 10 – золотое височное кольцо; 11 – коралловые бусы; 12 – 13 – зеркала; 14 – бронзовая пряжка; 15 – гончарный кувшин; 16–18 – лепные керамические сосуды; 19 – 21 – керамические курильницы; 22 – каменное пряслице; 23 – костяная пластина с орнаментом.

Самым распространенным оружием у раннесарматских племен являлся лук со стрелами. Остатков луков ни разу не найдено. Почти каждое мужское взрослое захоронение сопровождалось стрелами. Во всех рассматриваемых прохоровских погребениях обнаружено несколько тысяч наконечников стрел (часть железных наконечников сохранилась очень плохо, и точное их количество не всегда возможно учесть). Количество стрел в погребениях различно. Наибольшее число их (195 экз.) встречено возле костяка 2 коллективного погребения 5 кургана 5 Муракаевского могильника. В некоторых погребениях найдено всего по одному наконечнику. Следует учитывать, что многие погребения оказались ограбленными, количество стрел в них, видимо, было больше, чем дошло до нас. В непотревоженных могилах Старых Киишков и Бишунгарово часто в колчанах находилось по 25 – 40 стрел. В среднем на каждое погребение, в котором встречены стрелы, приходится по 14 – 15 наконечников.

Все наконечники стрел подразделяются на две основные группы: бронзовые и железные (Рис. 61, 4 – 5). В одном случае (Старые Киишки, курган 13, погребение 13) вместе с бронзовыми и железными лежали два костных черешковых наконечника стрел округлой в сечении формы [Садыкова, 1962б. С. 105].

Бронзовые наконечники стрел – трехлопастные с выступающей или внутренней втулкой, повторяют те же, широко распространенные в раннесарматских могильниках типы. В таких памятниках позднепрохоровского времени (III – II вв. до н.э.), как Старые Киишки, Бишунгарово, наконечники стрел имеют, как правило, вытянутую треугольную форму, часто сочетаются с железными наконечниками. В раннепрохоровских курганах IV – III вв. до н.э. (Муракаево, Леканды, VII Ново-Мурапталово, III Бекешево) головки наконечников стрел несколько массивнее, грани слегка изогнутые (дуговидные). Железные наконечники однотипны – черешковые с маленькой трехлопастной головкой.

Сочетание бронзовых и железных стрел в одном колчане встречено в 32 погребениях (24 – в Старых Киишках, 6 – в Бишунгарово и по одному случаю – в VII Ново-Мурапталово и Уметбаево). В подавляющем большинстве стрелы находились в мужских захоронениях. Известно также несколько погребений с сугубо женским инвентарем (бусами, зеркалом, височными кольцами), в которых найдены наконечники стрел. Количество стрел в этих погребениях обычно невелико (от 1 до 10), и встречаются они в разбросанном виде в заполнении могилы, у черепа, в ногах. В мужских непотревоженных погребениях

стрелы, как правило, лежали в кучке у левой голени, остриями к ступням и находились в колчанах, по-видимому, в кожаных. Остатки такого колчана прослежены в коллективном погребении кургана 4 IV Тавлыкаевской группы позднесарматского времени. Хорошо сохранились остатки днища кожаного колчана в погребении IV – III вв. до н.э. Октябрьского кургана в Оренбургской области, раскопанного в 1974 г. Н.А. Мажитовым.

В нескольких погребениях вместе со стрелами найдены железные крючки, на которых, видимо, подвешивался колчан. Почти все крючки однотипны – простой формы, округлые или уплощенные в сечении, иногда с отверстием у основания.

В Муракаевском могильнике (курган 4, погребение 1) найден один железный наконечник копья. Обломок такого наконечника упоминается К.В. Сальниковым при описании могилы 8 кургана 9 Старокиишкинского могильника [Садыкова, 1962а. С. 244]. В целом для прохоровской культуры, как и для савроматской всего Урало-Поволжья, наконечники копий не характерны.

Чрезвычайно редки в прохоровских могильниках Башкирии и находки удил. Одни железные удила с двудырчатыми псалями происходят из Загребаловского кургана [Мажитов, Пиеничнюк, 1977. С. 60. Рис. 6, 7]. Очень плохо сохранившиеся железные удила зафиксированы в Муракаево (курган 4, погребение 3) [Мажитов, Пиеничнюк, 1977. С. 59].

Еще одни удила с крестовидными псалями найдены М.Х. Садыковой в насыпи кургана 13 Старокиишкинского могильника [Садыкова, 1962б. С. 99 Табл. VI, 2]. В прохоровских памятниках других территорий находки удил также очень редки и встречены в основном в ранних комплексах – IV – III вв. до н.э. [Мошкова, 1963. С. 36 – 37]. В погребениях савроматского времени остатки конского снаряжения присутствуют довольно часто [Смирнов, 1966. С. 82 – 98].

К числу сравнительно редких предметов, встречаемых в мужских погребениях, относятся точильные камни – оселки. Все они однотипны – небольших размеров, округлой или уплощенной формы, с отверстием в верхней расширенной части.

В 28 мужских погребениях Старокиишкинского и Бишунгаровского могильников встречено по одной пряжке. Всех их объединяет единый принцип застежки – неподвижный язычок (Рис. 61, 14). 26 из них железные, круглой формы; две пряжки бронзовые – одна 8-образной формы (Старые Киишки, курган 20, погребение 7), вторая кольцевая (Бишунгарово, курган 19, погребение 2). В подавляющем большинстве пряжки лежали в области пояса костя-

ков и являлись, очевидно, принадлежностью поясных ремней.

Инвентарь женских погребений состоит главным образом из предметов украшения и туалета. Самым распространенным украшением являются бусы. Подавляющее большинство из них происходит из Старокиишкинского и Бишунгаровского могильников (5463 бусины из 61 погребения). Бусы из Старых Киишков и Бишунгарово представлены более 20 типами. Основную их массу составляют бусы четырех типов. Преобладают мелкие гешировые (лигнитовые) бусы дисковидной, реже цилиндрической формы – 2199 экз. в 37 погребениях. Второе место по количеству (1450 экз. в 11 погребениях) занимает разноцветный мелкий бисер. Многочисленную группу составляют разноцветные мелкие рубленные бусы (522 экз. в 14 погребениях): они крупнее бисера, часто неправильной формы, матовые. Несколько меньше встречено стеклянных светлых бус с внутренней позолотой или серебрением (406 экз. в 28 погребениях): все они округлой формы, величиной с горошину. В девяти погребениях найдены бусы из светло-розового коралла вытянутой овальной формы (51 экз.) или ветвистые (27 экз.) (Рис. 61, 11); они часто сочетаются в одном ожерелье. Изредка в состав ожерелий входят сердечковидные бусы округлой формы, бусы-подвески – большие глазчатые темно-синего цвета и крупные лигнитовые цилиндрической формы. В одном погребении (Бишунгарово, курган 19, погребение 4) вместе с коралловыми бусами находился мелкий жемчуг. В могилах бусы располагались чаще всего в области шеи и грудной клетки погребенных и являлись, безусловно, ожерельями. Изредка бусы находились у запястий, как правило, по 10 – 15 экз. и часто одного типа. Ими, вероятно, обшивался низ рукава одежды, или же они надевались на руку как браслеты. Сочетания бусин в одной могиле самые различные. В ряде случаев они представлены только одним типом, но чаще в одном ожерелье были различные типы при полном преобладании какого-либо одного. Наиболее характерно для этих двух могильников сочетание гешировых дисковидной формы бусин со стеклянными с внутренней позолотой. В остальных прохоровских памятниках бусы очень редки. Оригинальная бусина найдена в III Бекешевском могильнике (курган 2, погребение 1). Она изготовлена из темно-синего стекла, имеет овальную уплощенную форму, обе плоскости выполнены в виде лица мужчины. Изображение реалистичное, хорошо подчеркнуты пышные волосы, усы, борода.

Одним из характерных для раннесарматских племен украшений являлись височные кольца. В целом все они однотипны – проволочное колечко в полтора оборота (Рис. 61, 10). Большинство височных колец изготовлены из бронзовой проволоки и сверху обложены тонкой золотой фольгой (20 экз.). Девять колец сделаны из золотой проволоки, остальные – из бронзы без золотой обкладки. Оба кольца из Загребаловского кургана выполнены из серебряной проволоки, а такие же кольца из Лекандов (курган 4, погребение 1) – бронзовые, покрытые тонкой серебряной фольгой.

В двух погребениях (Старые Киишки, курган 20, погребение 11; Бишунгарово, курган 11, погребение 8) найдено по паре височных колец с шумящими подвесками. К обычному бронзовому колечку в полтора оборота, обложенному золотой фольгой, с помощью тонкой петельки прикреплена золотая полулунница, орнаментированная рельефными треугольниками. К основанию полулунниц с обеих сторон прикреплено по четыре тонких золотых цепочки, на концах которых подвешены маленькие полые шарики [Садыкова, 1962б. С. 114. Табл. XII, 11]. Височные кольца с золотой подвеской в виде цепочки сложного плетения с бляшкой на конце найдены в одном из погребений кургана 18 Старокиишкинского могильника (Рис. 61, 9). Размеры височных колец неодинаковы. Все колечки из позднепрохоровских погребений (Старые Киишки, Бишунгарово, Боголюбовка) небольших размеров, диаметром 1 – 1,5 см. Кольца из ранних могил крупнее, диаметры их от 2,5 до 3,6 см, по размерам и форме они аналогичны савроматским.

К числу характерных для раннесарматских могильников предметов женского туалета относятся бронзовые зеркала. Как и в других раннесарматских памятниках, все зеркала по форме подразделяются на две группы или отдела – плоские и с валиком по краю, среди которых, в свою очередь, выделяется несколько типов.

Плоские зеркала.

I тип. Плоские круглые диски диаметром от 11 до 14,5 см, без ручек. На нескольких зеркалах на оборотной стороне прочерчены концентрические круги.

II тип. Зеркала с ручкой, отлитой вместе с диском. Диаметры их колеблются в пределах 9 – 15 см, ручки длинные, прямоугольные или короткие, треугольной формы, в виде штыря.

III тип. Зеркала с приклепанной ручкой. В одном случае – ручка железная, прямоугольной формы (IV Тавлыкаево, курган 1, погребение 1), на другом зеркале (Муракаево, курган 2, погребение 5) у

края проделано два отверстия, видимо, для крепления деревянной ручки [Мажитов, Пишеничнюк, 1977. Рис. 4, 1].

Зеркала с валиком также по наличию ручек и форме валика подразделяются на типы.

I тип. Зеркала диаметром 10 – 12 см с полуовальным валиком без ручек.

II тип. Такие же зеркала с ручкой, отлитой вместе с диском. Ручки трех форм: длинные прямоугольные, одно зеркало такого типа (II Качкиново, курган 1) имеет в центре диска небольшое умбоновидное утолщение-выпуклину и два прочерченных концентрических круга; короткие прямоугольные в виде выступа; треугольные короткие в виде штыря (Рис. 61, 12 – 13).

III тип представлен одним зеркалом (Бишунгарово, курган 11, погребение 8). Диск диаметром 14,7 см отлит вместе с плоской прямоугольной ручкой. Края диска слабо утолщены в виде широкого плоского ободка.

Положение зеркал в могилах различно. Около половины из них находилось возле черепа, в нескольких случаях – под грудной клеткой, иногда – возле туловища или у ног костяка. Иногда зеркала намеренно изломаны, что вообще характерно для раннесарматских захоронений. В нескольких погребениях возле зеркал сохранились кусочки кожи, являющиеся, по-видимому, остатками кожаных чехлов. Интересный фрагмент чехла сохранился на зеркале из погребения 2 кургана I IV Тавлыкаевской группы. Чехол был сшит из кусочков кожи разного цвета в виде аппликации. На сохранившейся части чехла изображена стилизованная фигура какого-то животного (лиса, косуля?) с повернутой назад головой. Кусочек кожи, изображающий фигуру животного – красноватого цвета, а фон – серая кожа. В прохоровских памятниках редко встречаются такие украшения, как гривны, браслеты, перстни.

Изредка в женских погребениях встречаются морские раковины небольших размеров, являвшиеся, видимо, туалетной принадлежностью. Характерными предметами для раннесарматских, как и савроматских, захоронений являются маленькие костяные ложечки. В савроматской культуре, как было отмечено выше, они встречаются в основном в мужских погребениях, чаще вместе со стрелами. В двух прохоровских погребениях в комплексах IV – III вв. до н.э. ложечки также найдены в мужских погребениях вместе со стрелами. В погребении VII Ново-Мурапталовского могильника две ложечки встречены вместе с захоронением подростка – судя по находкам пряслица и браслетов, девочки. Все остальные ложечки (11 экз.) найдены в погребениях

Старокиишкинского и Бишунгаровского могильников. Лишь в одном случае ложечка обнаружена в мужском погребении (Бишунгарово, курган 19, погребение 2), где она лежала рядом со стрелами. Остальные 10 происходят из женских захоронений и являлись, по-видимому, принадлежностью женского туалета. Большинство изделий изготовлено из тонкой, слегка обработанной костяной пластинки, которой придана форма ложечки. У оснований ручек двух из них вырезаны по две пары «усиков» (Рис. 61, 7). Две ложечки из Старых Киишковых тщательно вырезаны из толстой костяной пластины, хорошо отполированы и по своей отделке напоминают ложечки из савроматских погребений.

Из костяных предметов встречены также два игольника в виде полых трубочки, орнаментированной резными кружочками с остатками железа внутри (Рис. 61, 8). Изредка встречаются костяные подвески, навершия гребней. Интересная костяная бляха найдена в женском погребении 6 кургана 3 Бишунгаровского могильника. Бляха имеет круглую, выпукло-вогнутую форму диаметром 7 см, вырезана из черепной коробки (человека?). Лицевая выпуклая поверхность бляхи орнаментирована неглубокими ямками-сверлинами, расположенными по кругу (Рис. 61, 23). Назначение бляхи непонятно: она лежала между бедренными костями погребенной. Обломок аналогичной костяной бляхи найден в I Сибайском могильнике.

Орудия труда в прохоровских могильниках, как и в других раннекочевнических памятниках, редки. Среди рассматриваемых раннесарматских материалов необходимо отметить находки в мужской могиле Старокиишкинского могильника долота, стамески и пещни [Садыкова, 1962б. С. 96. Табл. III, 17 – 19]. Предметы эти являются уникальными для всего раннекочевнического мира и свидетельствуют, как справедливо отмечает М. Г. Мошкова, о сравнительно развитых традициях деревообработки у раннесарматских племен южного Приуралья [Мошкова, 1963. С. 3]. Только в Старокиишкинском и Бишунгаровском могильниках встречены железные тесловидные орудия маленьких размеров – так называемые корнекопалки. Они найдены в мужских погребениях, в области пояса костяков. К числу наиболее распространенных орудий труда относятся железные ножи, встреченные в большинстве женских и мужских погребений.

В женских могилах сравнительно часто встречаются пряслица. По материалу, из которого они изготовлены, пряслица делятся на глиняные и каменные. Большинство глиняных пряслиц изготовлено из обломков стенок сосудов (Старые Киишки).

Несколько пряслиц аналогичной формы в виде плоского кружочка специально вылеплено из глины. Два пряслица имеют биконическую форму (Старые Киишки, VII Ново-Мурапталово). Каменные пряслица встречаются реже. По форме и размерам они аналогичны глиняным плоским пряслицам (Рис. 61, 22). Два из них (Старые Киишки) украшены с обеих сторон резным геометрическим орнаментом. В могилах пряслица обычно лежат возле ступней ног или у туловища, реже – у черепа костяка.

Характерными находками в позднепрохоровских комплексах, связанными с какими-то религиозными представлениями, являются так называемые каменные молоточки. Они вырезаны из талькового камня и представляют собой уплощенные или овальные в сечении стержни длиной 5 см, сужающиеся к концам. В середине просверлено круглое отверстие. Молоточки встречены в 10 погребениях Старокиишкинского и Бишунгаровского могильников – по 1 – 4 экз. в каждом. Обычно они лежат у ног костяка, иногда в глиняном сосуде. На некоторых экземплярах заметны следы сажи.

Глиняная посуда является одним из наиболее распространенных и показательных предметов погребального инвентаря раннесарматских могильников. В рассматриваемых прохоровских памятниках Башкирии обнаружено несколько сотен глиняных сосудов. По технике изготовления они делятся на две группы: лепные местного изготовления и гончарные, импортного происхождения.

Лепная керамика, в свою очередь, подразделяется на бытовую, применявшуюся для хозяйственных нужд (хранение продуктов, приготовление пищи и т. д.), и ритуальную. В бытовой керамике по примеси к тесту и орнаментации выделяются два типа.

I тип. Так называемая тальковая керамика. Сосуды горшковидной формы, как правило, с узким, низким, часто воронкообразным горлом, раздутым туловом и плоским или округлым дном. Орнамент нанесен по плечикам острым предметом и представляет собой многорядный зигзаг, треугольники, елочку, расположенные горизонтальными зонами, ограниченными резными линиями или желобками. Изредка встречается орнамент из перекрещивающихся резных линий в виде сетки, иногда волнистых, образующих гирлянды, часто треугольники дополняются косыми насечками. Один сосуд (Старые Киишки, курган 13, погребение 12) орнаментирован резными мягкими линиями, расположенными вертикально, группами – «полотенцами». Подавляющее большинство сосудов этого типа имеет в тесте примесь талька (потому керамика и названа «тальковой»).

II тип. Горшковидные сосуды небольших размеров, тулово средней раздутости, в тесте – примеси песка, толченой раковины или без заметной примеси, дно чаще округлое, но встречаются уплощенное и плоское. Эти сосуды объединяет некоторая небрежность отделки, приземистость, почти полное отсутствие орнамента, маловыразительность (Рис. 61, 16, 18). Подобные сосуды можно встретить на широкой территории в памятниках различных культур.

Ритуальная керамика представлена разнообразными формами. В эту категорию включены так называемые курильницы или светильники и маленькие сосудики, по-видимому, специально изготовленные для погребального обряда и не имеющие утилитарного назначения. По форме они подразделяются на четыре типа.

I тип. Маленькие (высотой 6 – 8 см), как правило, плохо сформованные круглодонные горшочки (Рис. 61, 21). Подавляющее большинство из них не орнаментировано, лишь изредка встречаются сосудики, бедно украшенные насечками или резными линиями.

II тип. Круглодонные маленькие чашечки без орнамента, со слабой примесью толченых раковин.

III тип. Низенькие толстостенные чашечки-плошки с плоским, реже уплощенным дном. Большинство из них имеет в стенке одно сквозное круглое отверстие, пять плошек снабжены коротенькой боковой ручкой-петелькой. Три плошки имеют посередине тулова ребро-поясок. Большая часть плошек украшена по верхнему срезу венчика резными зигзагами или насечками, редко подобный орнамент располагается на тулове (Рис. 61, 19).

IV тип. Плошки-курильницы на поддоне. Большинство плохо сформованы, асимметричны; две плошки выделяются тщательностью отделки и наличием орнамента.

Гончарная керамика резко выделяется из общей массы тщательной отделкой, хорошим обжигом, красным или оранжевым цветом. Во всех прохоровских памятниках Южного Башкортостана обнаружено несколько десятков гончарных сосудов. Формы сосудов разнообразны, и их можно сгруппировать в пять типов.

I тип. Простые горшки высотой от 19 до 30 см с широким плоским днищем. Большинство из них имеет четко выраженный нависающий венчик, у двух сосудов оформление венчика аналогично лепной посуде. Пропорции этого типа сосудов различны. Большая их часть имеет приземистые формы, широкое горло, несколько сосудов вытянутых пропорций.

II тип. Горшки средних размеров (высота 16 – 25 см) с одним или двумя ушками на тулове. В ушках проделаны сквозные отверстия по вертикальной оси, видимо, для подвешивания сосудов.

III тип. Одноручные кувшины, высота их 23 – 31 см, пропорции вытянуты (Фото 25).

IV тип представлен одним сосудом – флягой из могильника Старые Киишки (курган 20, погребение 7) [Садыкова, 1962б. Табл. XII, 7].

V тип. Сосуды маленьких размеров, по-видимому, ритуального назначения, как и лепные курильницы и горшочки. Два из них представляют собой обычные горшочки высотой около 10 см, формы остальных различны: один – в виде пиалы, второй – высокая мисочка с узким дном, третий – низкая плоская, изготовленная из придонной части разбитого горшка.

В трех погребениях Старокиишкинского могильника найдены курильницы, изготовленные из камня. Одна из них – в виде плоской с боковой ручкой-ушком и сквозным отверстием – вырезана из талькового камня [Садыкова, 1962б. Табл. IV, 5], две другие – из мела: одна – в виде ладьи, а вторая – кубкообразной формы [Садыкова, 1962б. Табл. VIII, 12].

В курганах сосуды встречаются как в мужских, так и в женских погребениях в различных сочетаниях. Чаще захоронение сопровождается 1 – 2 сосудами, реже 3 – 5. Во многих погребениях сосуды вообще отсутствуют. В одной могиле обнаружены «тальковые» и гончарные сосуды, бытовая и ритуальная керамика. Курильницы-плоские и курильницы на поддоне в основном встречены в женских погребениях, маленькие ритуальные горшочки – чаще в мужских могилах.

Общество племен савромато-сарматской культуры, как и их западных и восточных соседей – скифских, сако-массагетских и скифо-сибирских племенных объединений, находилось на стадии разложения первобытнообщинных отношений, формирования государственных объединений. Имущественное и социальное расслоение кочевников ярко проявилось в дошедших до наших дней грандиозных погребальных сооружениях с большим количеством высокохудожественных ювелирных изделий.

Всемирную известность получили скифские «царские» курганы Северного Причерноморья, такие, как Солоха, Чертомлык, Куль-Оба, Толстая могила и др. Не меньшую славу приобрели Пазырыкские, Башадарские и Туэктинские курганы Алтая, Бесшатырские курганы Семиречья, курган «Аржан» в Минусинской котловине и, конечно же,

курган «Иссык» близ г. Алма-Аты с его «золотым» человеком.

Среди савромато-сарматских древностей Южного Урала и Нижнего Поволжья также исследовались сравнительно большие курганы, достигавшие высоты 2 – 3 м и более. Несмотря на богатые находки, их все-таки нельзя было сопоставить с курганами скифской и сако-массагетской кочевой знати. Это давало многим исследователям основание полагать, что социальное расслоение в среде Урало-Поволжских номадов не приобрело еще столь ощутимых масштабов, как в Причерноморье, Средней Азии, Казахстане и на Алтае, и что савромато-сарматские племена находились на более низкой ступени экономического, общественного и культурного развития по сравнению со своими западными и восточными соседями. Опровергнуть это устоявшееся мнение было возможно лишь поисками и раскопками подобных «царских» курганов на Южном Урале. Это обстоятельство и предопределило в значительной степени раскопки Филипповских курганов, которые давно были известны археологам и выделялись своими внушительными размерами.

Филипповский могильник расположен в междуречье Урала и Илека в открытой степи, в 100 км западнее г. Оренбурга. Он насчитывал более 30 земляных курганов разной величины диаметром от 10 до 120 м, высотой от 0,5 до 7 м. В течение пяти полевых сезонов (1986 – 1990) экспедицией Института истории, языка и литературы УрО РАН (ныне УИЦ РАН) под руководством А.Х. Пшеничнюка было исследовано 17 курганов. Особенно выделяется центральный курган № 1, датирующийся началом IV в. до н.э. По пышности погребального обряда, богатству сопровождающего инвентаря этот курган с полным основанием следует причислить к разряду «царских», что позволяет по иному трактовать многие аспекты истории и культуры древних номадов Южного Урала [Пшеничнюк, 1989; 2001; Pshenichniuk, 2000].

Большинство исследованных курганов представляло собой семейные усыпальницы, сооруженные из дерева и земляных блоков. В каждой могиле было захоронено не менее 3 – 4 человек, а зачастую и больше. Несмотря на неоднократные ограбления курганов, дошедший до нас сопровождающий материал богат и разнообразен. Он представлен вооружением и конским снаряжением, украшениями и предметами женского туалета, глиняной, деревянной и металлической посудой.

Вооружение типично для кочевников скифского времени Евразии. Это двухлезвийные железные мечи и кинжалы с прямым навершием и дуговид-

Рис. 62. Раннесарматская (прохоровская) культура. Звериный стиль в искусстве. Образ оленя. Филипповские курганы (Оренбургская обл.).

Рис. 63. Раннесарматская (прохоровская) культура. Звериный стиль в искусстве. Образ верблюда. Филипповские курганы (Оренбургская обл.).

ным или бабочковидным перекрестием, лук со стрелами с бронзовыми трехлопастными наконечниками, реже копья с массивными железными наконечниками. В ряде случаев ножны и сами мечи инкрустированы золотом. Особо выделяются парадные меч и кинжал-акинак из Филипповского кургана № 1. Рукоять меча обмотана золотой проволокой, а клинок украшен впаянными золотыми полосками, изображающими сильно стилизованные головы оленей. Рукоять и клинок акинака украшен золотыми

головками грифонов (Рис. 66, 1). В этом же кургане найдены остатки конской сбруи, богато украшенной золотыми бляшками, накладками, наконечниками ремней с изображением птиц и животных.

Женские украшения и предметы туалета немногочисленны. Это бронзовые дисковидные зеркала, золотые и серебряные височные подвески, ожерелья.

Разнообразна по форме, материалу и функциональному использованию посуда Филипповских

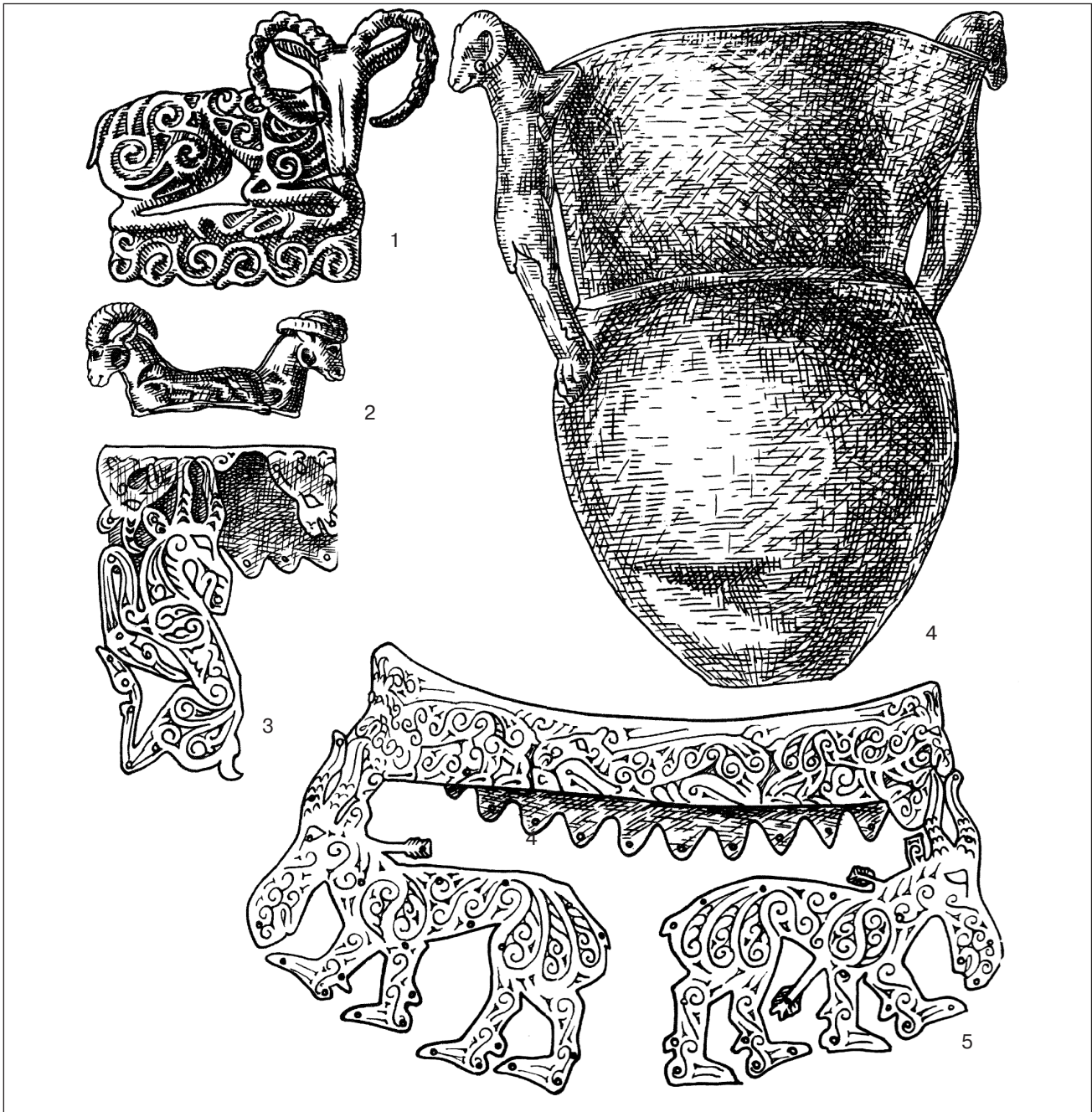

Рис. 64. Раннесарматская (прохоровская) культура. Звериный стиль в искусстве. Образы барана и сайгака. Филипповские курганы (Оренбургская обл.).

курганов: глиняные лепные и гончарные горшки и фляги, бронзовые котлы, серебряные и золотые кувшины и ритоны, деревянная посуда. Особо следует остановиться на характеристике деревянной посуды. До недавнего времени находки деревянной посуды, вернее, ее остатков, были чрезвычайно редки в сарматских памятниках. Лишь после раскопок Филипповских, а затем Переволочанских курганов на юго-востоке Башкортостана стало возможным

говорить о широком использовании племенами раннесарматской культуры деревянной утвари.

Особенно богатый набор остатков деревянной посуды обнаружен в центральном Филипповском кургане. В основном это золотые оковки посуды, обнаруженные в тайнике 1, которых насчитывалось около 350 экз.

О размерах и форме сосудов можно судить по сохранившимся на дне могил (курганы 1, 3, 14) отпечаткам днищ и стенкам сосудов, а большей час-

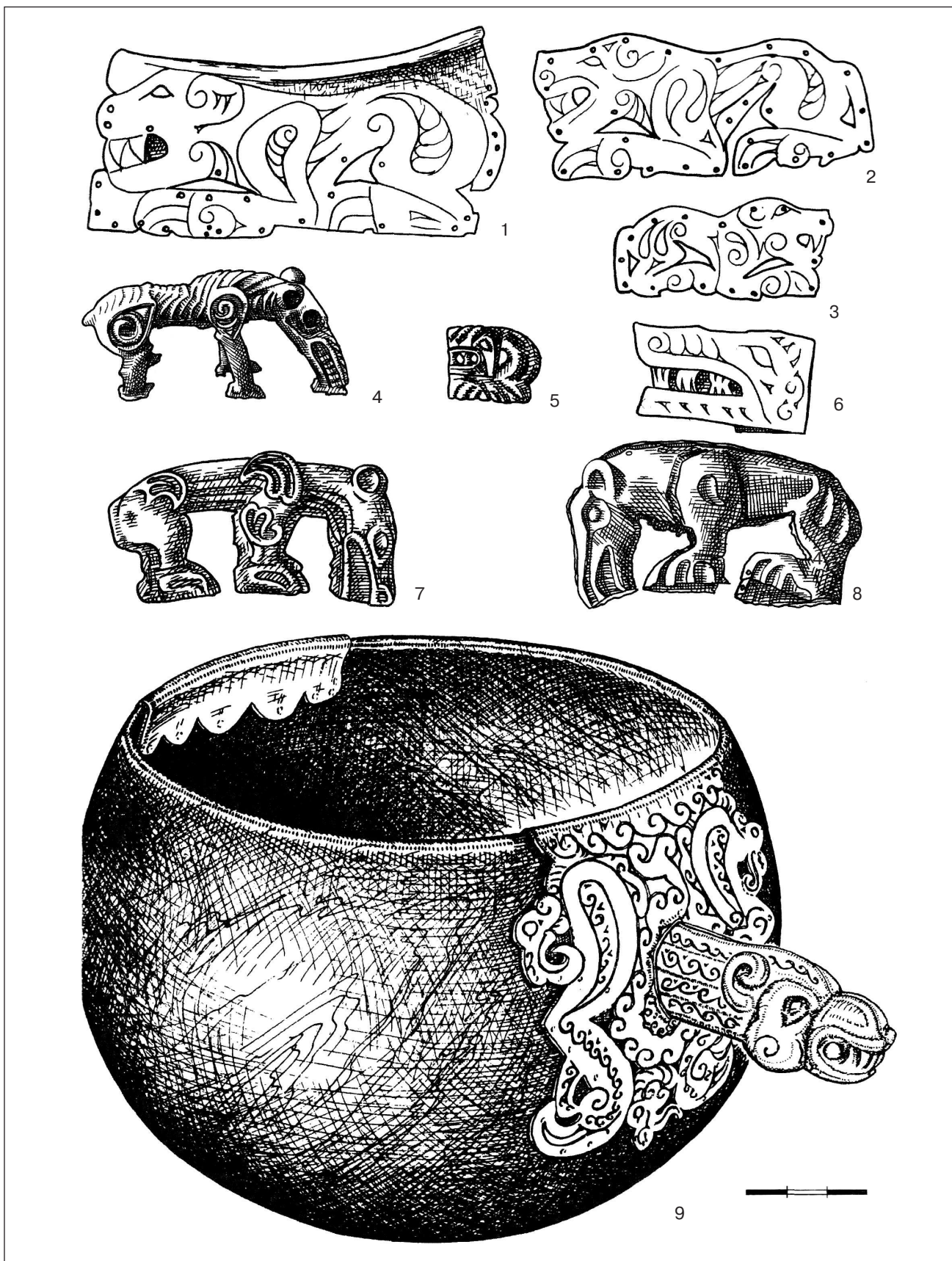

Рис. 65. Раннесарматская (прохоровская) культура. Звериный стиль в искусстве. Образ хищника. Филипповские курганы (Оренбургская обл.).

тью — по форме и размерам металлических оковок и ручек. Судя по ним, деревянная посуда из Филипповки была чрезвычайно разнообразна как по форме и размерам, так и по назначению. Часть сосудов выполнена в виде стилизованных фигур животных. Например, большой сосуд в виде фигуры медведя: ручка выполнена в виде выступающей объемной головы животного, хвост — в виде оковки треугольной формы. Вся поверхность ручки и оковки орнаментирована S-видными завитками, выполненными тонкой гравировкой. Чаша стояла на 4х ножках в виде объемных ног медведя, также оббитых золотыми листами. Диаметр чаши примерно 29 см, высота вместе с ножками 20,2 см. Или другой сосуд — в виде фигуры лошади, также оббитый двумя оковками. Одна оковка изображает переднюю часть фигуры животного, другая — заднюю. Обе части фигуры изображены на горизонтальной поверхности. В «передней» оковке в центре вырезано отверстие, в которое вставлена ручка в виде реалистически исполненной объемной головы и шеи лошади. Аналогично исполнена еще одна чаша в виде фигуры хищника кошачьей породы (Рис. 65, 8), а также маленький сосудик, использующийся как ковшик или черпачок, с длинной изогнутой ручкой в виде грифона (Рис. 66, 4). Судя по количеству парных оковок, разнообразных ручек сосудов, большую часть среди них составляли невысокие круглодонные чаши (миски) диаметром от 9 — 10 до 20 — 23 см без каких-либо ручек. Не менее 8 сосудов такого типа были снабжены горизонтальными ручками, составляющими с оковками одно целое. Несколько сосудов имели форму низких чаш диаметром 28 — 30 см, часть небольших сосудов была снабжена вертикальными ручками в виде объемной фигуры животного (хищника). По форме и размерам они напоминают современные кружки. Встречены сосудики, представляющие собой небольшие ковшики или черпачки, с ручкой в виде фигуры грифона или змеи.

К числу редких находок относится посуда, изготовленная из драгоценных металлов — золота и серебра. Среди парадной посуды из тайника Филипповского кургана 1 выделяется кувшин, изготовленный из высокопробного золота. Кувшин с высоким горлом, с двух сторон припаяны ручки в виде полых фигурки горного барана-архара с подогнутыми передними ногами и повернутой назад головой (летащий в стремительном прыжке). Задние ноги архара идут поверх лапы хищника, льва или тигра. Высота кувшина 23 см (Рис. 64, 4). Вместе с кувшином найдены два серебряных ритона — бокалы для вина. Один имеет колоколовидную форму, поверхность его украшена рельефным орнаментом в виде цветка

лотоса в основании и мягкими горизонтальными каннелюрами по тулову. Второй ритон состоит как бы из двух частей: верхней, в виде конусообразного бокала высотой 14 см, и нижней — скульптурного изображения протомы (головы) быка с подогнутыми передними ногами. Все эти сосуды находят ближайшие аналогии среди предметов искусства Ахеменидского Ирана.

Одной из характернейших черт культуры ранних кочевников огромной территории евразийских степей является широкое распространение предметов, выполненных в так называемом зверином стиле. В значительной мере этот стиль присущ и искусству лесостепных и даже лесных племен раннего железного века. Достаточно обратиться к материалам таких известных археологических культур, как ананьинская, кара-абызская, среднедонская, тагарская и др. И все-таки именно в культуре древних кочевников искусство звериного стиля нашло свое наиболее полное воплощение, и получило обобщение — скифо-сибирский звериный стиль.

До недавнего времени искусство звериного стиля в савромато-сарматских памятниках Урало-Поволжья было представлено сравнительно бедно. Так, в сводке известного сарматоведа К.Ф. Смирнова, составленной в середине 70-х гг. прошлого века, их насчитывалось не более 150. За последние три десятилетия количество их увеличилось не более, чем в 2 раза. В Филипповском могильнике насчитывается около 500 предметов, выполненных в зверином стиле [Пшеничнюк, 2000; 2001; Pshenichniuk, 2000].

Искусство звериного стиля Филипповки нашло свое выражение на различных предметах: посуде, вооружении, конской сбруе, украшениях. Материал так же разнообразен: золото, серебро, бронза, кость, дерево, но в подавляющем большинстве это золотые оковки стенок и ручек деревянной посуды. Бесспорное первое место среди изображаемых персонажей принадлежит оленю (Рис. 62). Фигуры оленей изображены на многих оковках и ручках деревянной посуды, на бляшках-накладках, на оружии. И, конечно же, это 26 фигур оленей, вырезанных из дерева и обложенных золотыми и серебряными листами (Фото 17). Все они найдены в кургане 1: 8 в тайнике I, 13 в тайнике II и 5 во входном коридоре в могилу. Все скульптуры объемные, исполнены в одной позе — спокойно стоящие на четырех ногах с поднятой головой (Рис. 62, 2). У многих фигур сохранились подставки в виде деревянной планки, оббитой серебром. Для всех фигур характерна как реалистичность, так и значительная стилизация и гиперболизация отдельных частей фигуры. В первую очередь это относится к рогам, которые сильно стилизова-

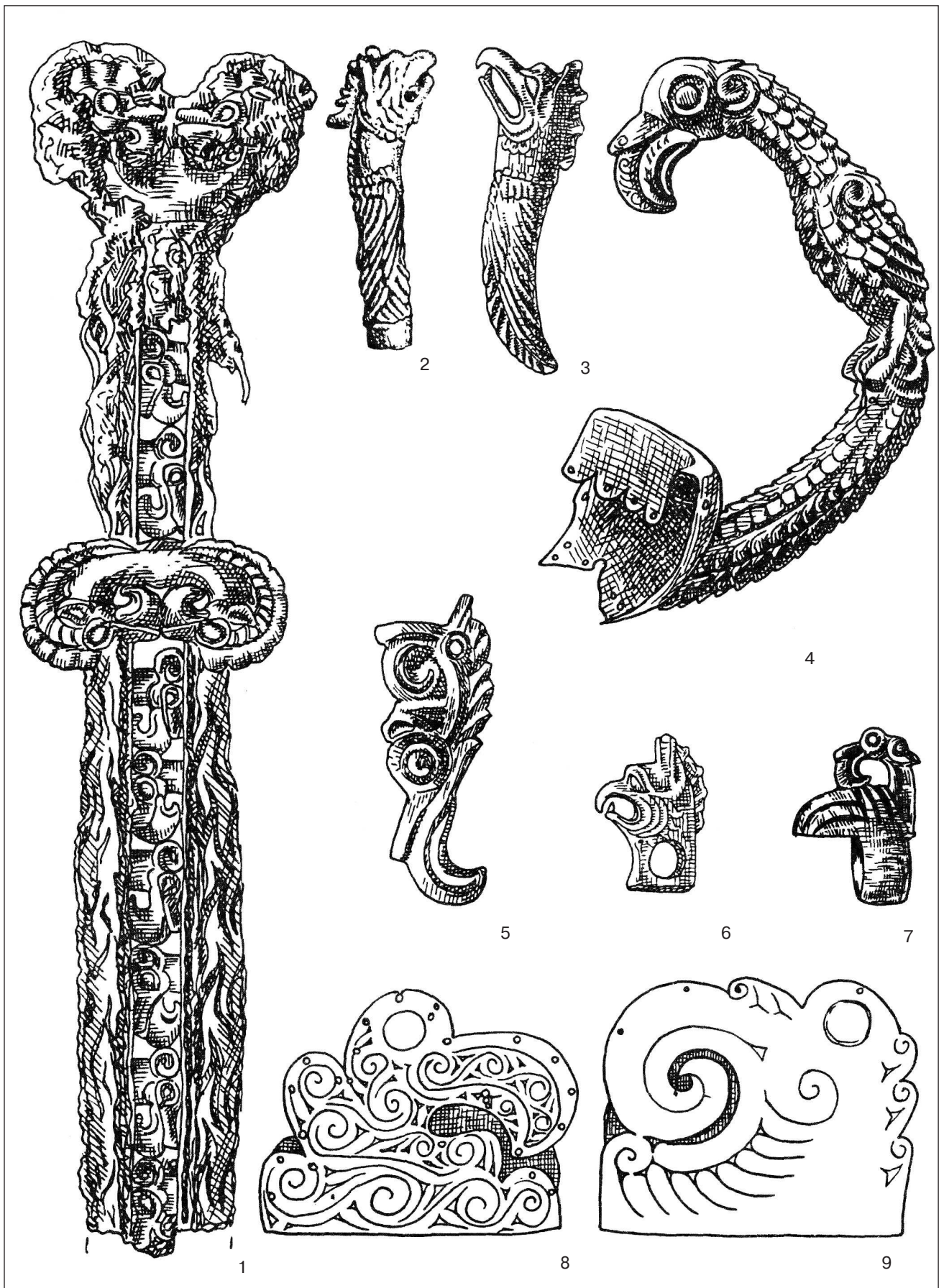

Рис. 66. Раннесарматская (прохоровская) культура. Звериный стиль в искусстве. Образ хищной птицы. Филипповские курганы (Оренбургская обл.).

ны, а размеры их (высота и ширина) зачастую составляют половину всей фигуры. В целом нарушены фактически все основные пропорции фигур: непомерно длинная голова, толстые и короткие ноги, длинные уши. Туловища оленей орнаментированы различными рельефными завитками, прямыми и наклонными линиями, подчеркивающими мышцы и шерстный покров животного. Деревянная основа многих скульптур из тайника II, особенно тех, что найдены во входном тамбуре, довольно хорошо сохранилась и раскрывает технологию их изготовления и орнаментации. Первоначально вырезались отдельные части фигуры: туловище, рога, ноги, подставка. Части скреплялись между собой с помощью пазов и деревянных штырей, иногда дополнительно рога крепились гвоздями и проволокой. Орнамент, глаза, детали морды вырезались по дереву острым резцом в виде глубоких треугольных в сечении борозд. Затем фигура с помощью бронзовых гвоздей обшивалась золотыми или серебряными листами толщиной 0,2 – 0,3 мм, и чеканом с тупым концом выдавливался орнамент по вырезанному в дереве рельефу. В зависимости от расположения рогов по отношению к туловищу все скульптуры оленей делятся на две разновидности: однолопастные – туловище и рога выполнены в одной плоскости и двухлопастные – рога прикреплены перпендикулярно туловищу.

Однолопастные скульптуры с лицевой стороны оббиты золотыми листами, с тыльной – серебряными. Высота их от 40 до 49 см, длина туловища 21 – 25 см, высота рогов 20 – 25 см (Рис. 62, 1 – 2). Двухлопастных скульптур – 10, все они с обеих сторон обложены золотыми листами, имеют деревянные подставки; высота 50 – 54 см, дл. 30 – 45 см, высота рогов 21 – 26 см.

Назначение этих уникальных скульптур неизвестно. Вероятно, можно говорить о поклонении древних южноуральских номадов этому грациозному животному, о его обожествлении. Позы и приемы изображения оленей разнообразны. Олень является культовым животным потомков южноуральских кочевников-башкир [Илимбетова, 2009]. Как уже отмечалось, все деревянные оббитые золотом и серебром фигуры стоят в спокойной позе с поднятой головой. В аналогичной позе изображены олени на ряде оковок деревянных сосудов. Поза у всех оленей, изображенных на бляшках-накладках, – лежа с подогнутыми ногами, голова покоится на передних ногах. Весьма характерно для многих оковок изображение оленя с гордо вытянутой шеей, с опущенной на грудь головой; туловище непропорционально короткое, сильно стилизовано, своеобразно переходит в заброшенную за спину заднюю

ногу. Основное внимание в этих фигурах сосредоточено на изображении головы и рогов. Редкими экземплярами представлены оковки с изображениями оленей с повернутой назад головой, свернувшись, в стремительном прыжке, с вывернутым крупом или только головы животного. Довольно часты на оковках парные изображения оленей: голова к голове, головами в противоположные стороны, стоящие друг за другом. В целом для всех изображений оленей Филипповки следует отметить такую характерную черту, как особый акцент на рога животного. Характерна также «горбоносость» оленей. Подчас затруднительно определить, кто изображен на том или ином рисунке, – олень, лось, сайгак или косуля?

Видное место среди изображаемых персонажей Филипповки занимает двугорбый верблюд (Рис. 63, 1 – 5). Фигура или только голова верблюда изображены на оковках стенок и ручек деревянных сосудов, на бронзовых навершиях из насыпи кургана; сцена противоборства двух верблюдов изображена на прямоугольных накладках из тайника II и на бронзовых бляхах, найденных в дромосе. Две фигуры верблюда изображены на золотой подставке полусферической формы из тайника II (Рис. 63, 5). Для всех без исключения изображений верблюдов характерна своеобразная «агрессивность» – оскаленная пасть и вздернутый хохолок.

Среди изображений копытных животных заметное место занимает горный козел или баран – архар. Это 20 массивных накладок из тайника II, накладка или ручка сосуда из этого же тайника в виде двух противостоящих скульптурных фигурок животных, с большой тщательностью исполненные ручки золотого кувшина в виде летящей фигуры архара (Рис. 64, 1, 2, 4).

Единичными экземплярами представлены оковки с изображениями сайгака (Рис. 64, 3, 5) и косули. Редки изображения лошади. Лошадь в статической позе изображена на двух одинаковых оковках со сценой охоты.

Значительное количество среди изображаемых персонажей занимают хищники. С определенной долей условности их можно разделить на две группы: хищники кошачьей и псовой пород. Последние представлены в основном в виде объемных фигур, являвшихся вертикальными ручками деревянных сосудов (Рис. 65, 4, 7 – 8). Хищники кошачьей породы частью изображены на плоских оковках сосудов – иногда в виде вырезанной фигуры, а чаще нанесены путем чеканки или гравировки (Рис. 68, 1 – 3).

Большое место в “зверином стиле” Филипповки занимают изображения грифонов (Рис. 66). В по-

давляющем большинстве изображена только голова грифона, полностью фигура птицы представлена всего на 2-х предметах – ручках сосудов (ковшей?). Изображения выполнены с разной степенью реалистичности. В одних случаях изображения очень схематичны, намечены лишь изогнутый клюв и глаз. Зачастую подобные головки грифонов венчают завитки оленьих рогов. Часть предметов в виде фигуры или головы грифона выполнена с большой долей реалистичности – раскрытый хищный клюв, выраженный гребешок, четко проработанные перья. С особой тщательностью выполнены грифоны на воинской амуниции из дромоса: акинаках, разделителях и наконечниках ремней, наконечниках псалий. На нескольких оковках сосудов имеются реалистичные изображения рыбы.

Достаточно распространен в ювелирных изделиях Филипповки мотив, известный под термином «сцена терзания» – нападение хищника на копытное животное. Подобных сцен не менее 20. Выделяются 2 основных сюжета:

1. На 10 горизонтальных ручках-ушках деревянных чаш глубоким рельефом изображена сцена, на которой хищник кошачьей породы (тигр) заглатывает голову оленя. Близка к ним по манере исполнения ручка-ушко, в виде волка держащего в пасти голову барана.

2. Как сцену терзания можно трактовать, по-видимому, сюжеты на небольших чашах (кружках) с вертикальной ручкой. Ручка выполнена в виде объемной фигуры хищника, похожего на волка, который как бы вгрызается в ветвистые рога оленей, изображенных на оковке стенок сосуда.

«Звериный стиль» Филипповки – наиболее яркая и представительная часть искусства ранних кочевников Южного Урала в целом – имеет много общего с искусством древних кочевых культур как запада, так и востока. Это проявляется в наборе персонажей животных (олень, архар, косуля, пантера, волк и т.д.), манере и отчасти технике изображения (сочетание реалистичности и стилизации, гиперболизация отдельных частей фигуры, орнаментация с помощью различных завитков, спиралей, «запятых»). В то же время есть все основания говорить о своеобразии и оригинальности «звериного стиля» Филипповки. Прежде всего следует отметить, что коллекция ювелирных изделий Филипповки, по крайней мере, ее основная часть, является не набором случайных предметов, собранных, как некоторые исследователи полагают, путем обмена и торговли с южными цивилизациями или в результате военных набегов, а представляет собой единое целое. Деревянная посуда, украшенная золотом из тайника I, безусловно, составляет единый «сервис».

Это особенно хорошо прослеживается в стилистике и технологии, в наборе персонажей и изображаемых сюжетах. Налицо полное преобладание изображений оленя. Притом для всех оленей характерна такая особенность, как удлиненная горбоносая морда. Эта же особенность присуща и всем деревянным оленям из обоих тайников и тамбура. Накладки из тайника II роднят с золотыми украшениями деревянной посуды опять-таки изображения оленей, технология и орнамент в виде S-видных завитков. Один и тот же сюжет – противоборство двух верблюдов – изображен на золотых накладках из тайника II и на бронзовых, видимо, подпружных бляхах их дромоса. Единая манера прослеживается в многочисленных изображениях грифонов из тайника I и на предметах вооружения и конского снаряжения.

Другой характерной чертой «звериного стиля» Филипповки является статичность изображения, почти полное отсутствие динамизма и экспрессии, даже в «сценах терзания». Элемент борьбы, схватки в этих сценах отсутствует. Здесь, скорее, фиксируется органичное соединение двух животных различного вида: травоядного животного и хищника. В очень спокойной, статичной позе дана сцена охоты: и сайгаки, и сам всадник (охотник) изображены как бы застывшими. Создается впечатление, что и в сценах терзания, и в сцене охоты древний мастер старался изобразить не реальную картину борьбы животных или охоты, а создать схему или обобщенный образ, посвященный этим сюжетам.

«Звериный стиль» Филипповского кургана, как, собственно, и других памятников скифского времени, является отражением мировоззрения древних кочевников, философским осмыслением своей связи с окружающим миром и космическим пространством. Единство и своеобразие стиля дают полное основание говорить о наличии у южноуральских номадов своей мастерской или собственной школы по производству ювелирных изделий. Были, вероятно, у древних кочевников Южного Урала и свои ремесленные центры, и мастерские по изготовлению оружия, конского снаряжения, украшений и т.д. Эту мысль наглядно иллюстрируют как однотипность большинства изделий, так и их своеобразие и оригинальность, характерные именно для Урало-Поволжского региона. Особенно это касается предметов вооружения.

Безусловно, часть предметов ювелирного искусства Филипповки имеет импортное происхождение. К их числу, в первую очередь, следует отнести серебряные ритоны, золотой и, возможно, серебряный кувшины, имеющие многочисленные аналогии в памятниках южных и юго-восточных цивилизаций.

«Золото» Филипповского центрального кургана, а также огромная могильная яма, мощная деревянная надмогильная конструкция, внушительных размеров сам земляной курган – все это вместе свидетельствует о высоком социальном положении погребенных в этом кургане. Принадлежность их к родоплеменной военной аристократии очевидна. Вполне вероятно, что захороненные в центральном кургане люди сочетали в одном лице и военно-административную, и религиозную власть. Одним из свидетельств принадлежности погребенных к жреческому сословию является сопровождение их дорогостоящей посудой, что как раз характерно для служителей культа.

Результаты исследований Филипповских курганов имеют не просто важное, но и принципиальное значение, и не только для сарматской археологии, но и истории всего кочевого скифо-сибирского мира евразийских степей. Кроме того, это ценнейший материал для решения многих вопросов, связанных с датировкой и периодизацией, происхождением и формированием раннесарматской (прохоровской) культуры, этнокультурными контактами и взаимосвязями сармат. Полученные данные позволяют также поставить этот курган в один ряд со знаменитыми скифскими и сакскими «царскими» курганами Причерноморья, Средней Азии, Казахстана и Алтая. А это означает, что есть все основания считать, что южноуральские кочевые племена находились на той же стадии социально-экономического развития, что и их западные и восточные соседи, говорить о едином степном скифо-сако-сарматском (скифском) мире от Монголии на востоке до Дуная на западе.

СРЕДНЕСАРМАТСКАЯ (СУСЛОВСКАЯ) КУЛЬТУРА (II В. ДО Н.Э. – I В. Н.Э.)

Среднесарматская культура представлена самой малочисленной группой памятников, по сравнению с другими периодами ранних кочевников Южной Башкирии. Причем это касается не только количества памятников, но и масштабов их исследования. На всей территории юга Башкирии известно всего несколько могильников, в которых выявлены захоронения среднесарматской культуры (Рис. 67).

Самым большим среди них является Уметбаевский могильник, насчитывающий 30 курганов, 13 насыпей содержит могильник Юрматы II. Большинство памятников состоит из 1 – 3 курганов. Все курганы земляные, небольших размеров, диаметром

в среднем 10 – 12 м, высотой 40 – 60 см, в редких случаях высота насыпи достигает 1 м. Подавляющее большинство курганов содержит по одному погребению, лишь изредка встречаются курганы с 2 – 3 могилами.

Все могильные ямы простой конструкции, размером в среднем 200 – 220 x 60 – 80 см, глубиной 50 – 80 см. Лишь в редких случаях глубина могил превышает 1 м. Две могилы (Уметбаево) имели подквадратную форму, костяки в них лежали по диагонали (Рис. 68, 1 – 2). За исключением одной могилы (Уметбаево, курган 12), где вместе захоронены подросток и ребенок, все остальные погребения индивидуальные. Положение костяков обычное – на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. В двух случаях зафиксирована так называемая «атакующая поза» (Чумарово, курган 5, погребение 3; Уметбаево, курган 19) – одна из ног костяка согнута в коленном суставе. Полностью преобладает южная ориентировка костяков. Из 31 погребения, где удалось установить ориентировку костяков, 21 ориентирован головой на юг, шесть – на юго-восток или юго-запад, по одному – на запад, восток, северо-восток и северо-запад. В одной из могил (Кара-Тал I, курган 3) отсутствовал череп костяка, остальные кости скелета лежали в анатомическом порядке.

Изредка в заполнении могильных ям встречаются остатки дерева, видимо, от перекрытия (четыре случая). В девяти могилах, как правило, у ног костяка находились остатки заупокойной пищи в виде костей мелкого рогатого скота.

Погребальный инвентарь беден, особенно по сравнению с предшествующими савроматским и раннесарматским периодами. Основную категорию находок составляет глиняная посуда. В небольшом количестве представлено оружие, еще меньше предметов украшения и орудий труда.

Керамическая посуда встречена в 19 погребениях, по 1 – 2 сосуда в могиле, всего 22 экз. Почти вся посуда лепная, темно-серого или темно-коричневого цвета, в большинстве грубоватой обработки, без заметных примесей. По форме выделяются четыре типа:

I тип (12 экз.). Горшки небольших размеров, высотой в среднем 10 – 15 см, с низким горлом и плавным переходом в тулово средней раздутости (Рис. 68, б). Семь горшков имеют округлые днища, остальные пять – плоскодонные. Лишь один сосуд (Уязыбашево, курган 5, погребение 3) орнаментирован. Орнамент расположен по тулову в виде мягких вертикальных резных полос.

II тип (2 экз.). Низкие открытые чаши. Одна из них плоскодонная, вторая – круглодонная, с двумя

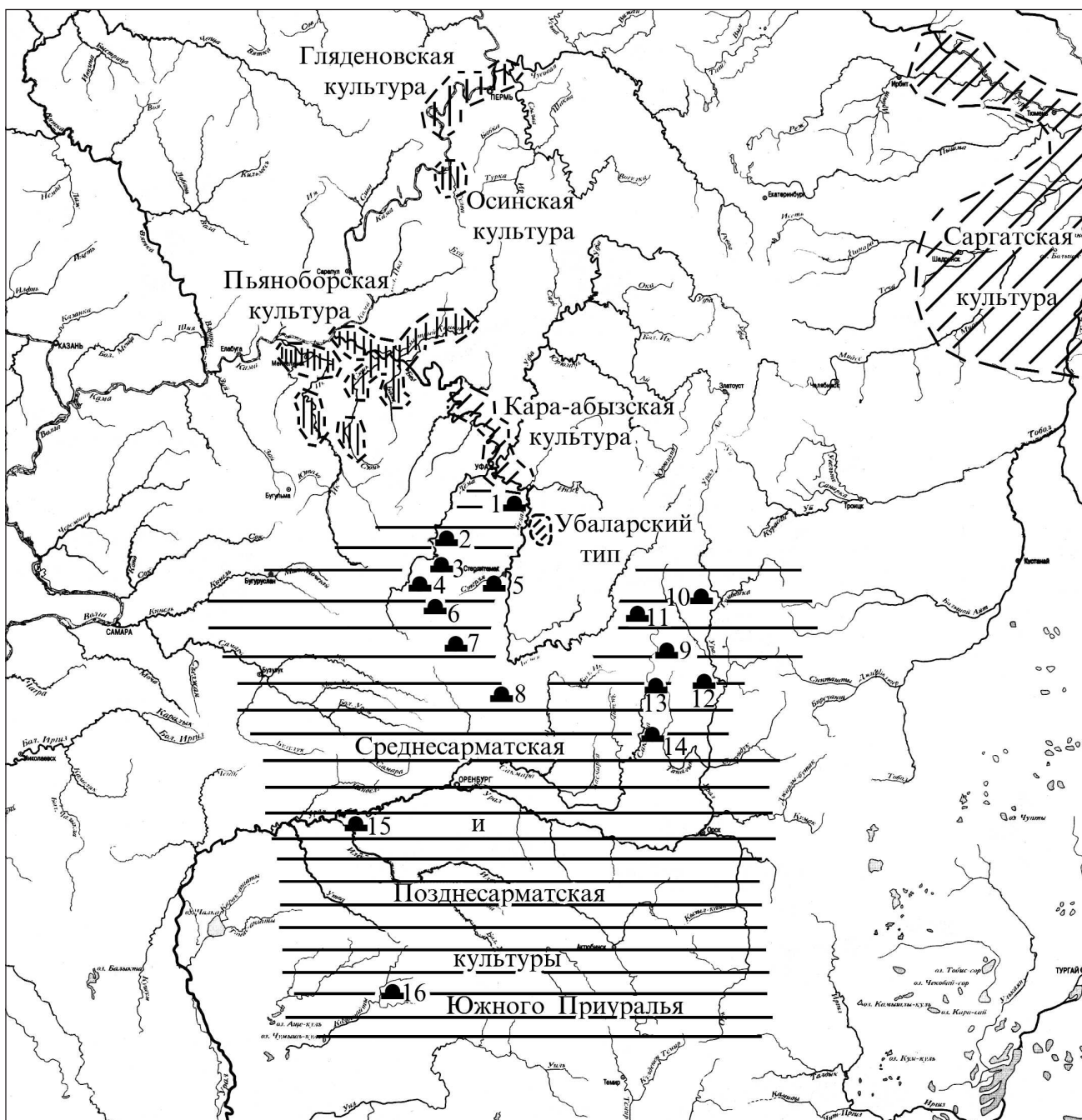

Рис. 67. Карта археологических культур и памятников среднесарматского и позднесарматского периода.

треугольными выступами-ушками по венчику (Уметбаево).

III тип (6 экз.). Плоскодонные и круглодонные кувшины с одной ручкой (Рис. 68, 5, 7). Два из них (Уметбаево, курган 2, раскопки М. Х. Садыковой) изготовлены на гончарном круге, темно-серого цвета, тщательно обработаны. Один орнаментирован по шейке двумя зонами мягких горизонтальных желобков (в верхней части два желобка, а в нижней три), второй – с высоким горлом, тонкостенный,

тщательно залощен, орнаментирован в месте перехода горла в тулово резным зигзагом, от которого вниз по тулову опускаются параллельные линии, нанесенные мелкими косыми насечками [АКБ, 1976. Табл. 10, 3 – 4].

IV тип. Два горшка с выступами-ушками на плечиках.

Оружие в среднесарматских могилах представлено небольшим количеством наконечников стрел и железными кинжалами. Кинжалы встречены в

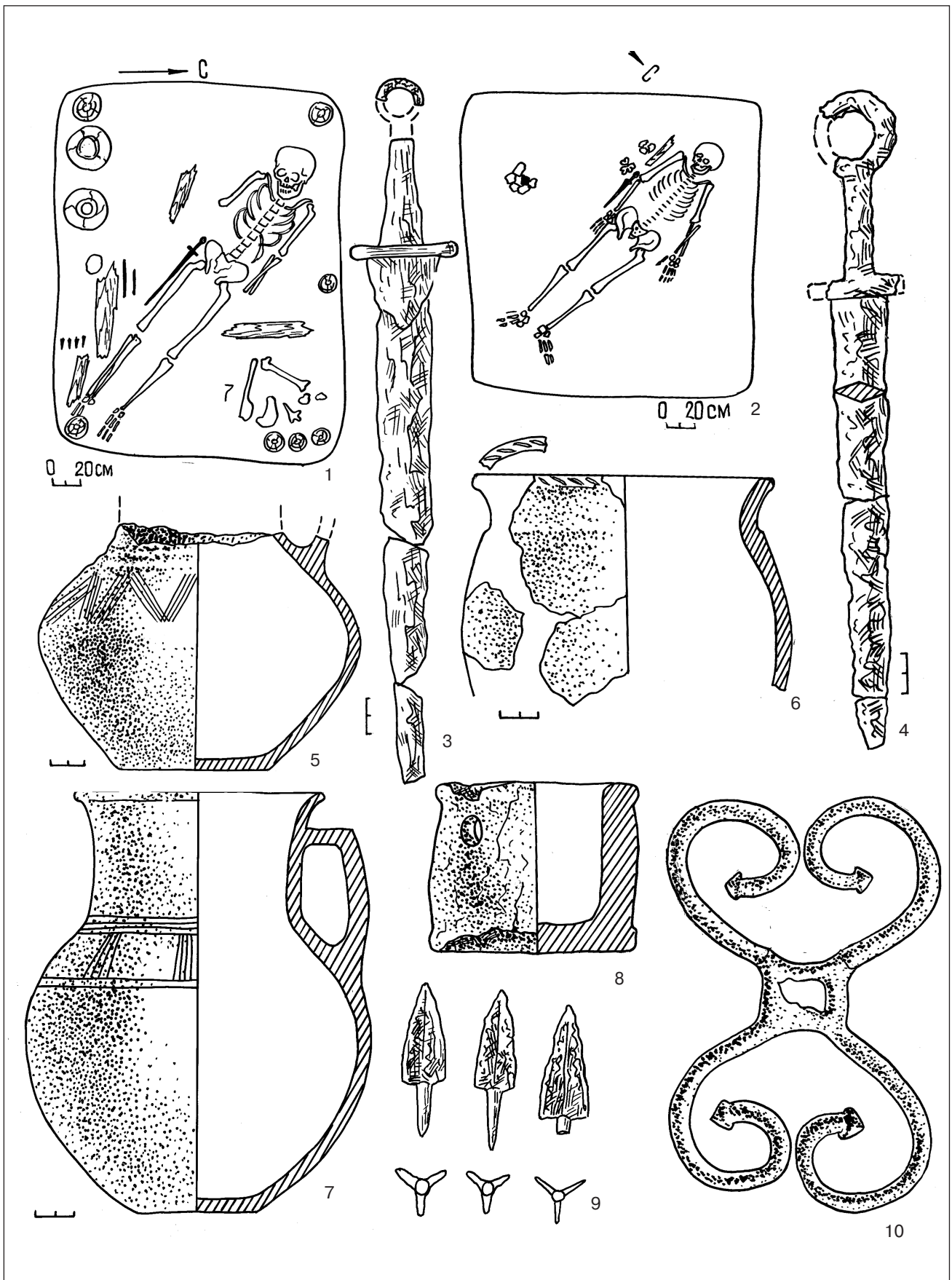

Рис. 68. Среднесарматская (суловская) культура. Погребальный обряд и материальная культура.
 1 – 2 – диагональные погребения в квадратных могильных ямах; 3 – 4 – железные кинжалы; 4 – 7 – керамические сосуды;
 8 – керамическая курьльница; 9 – железные наконечники стрел; 10 – бронзовый псалий (Красный Яр, Оренбургская обл.).

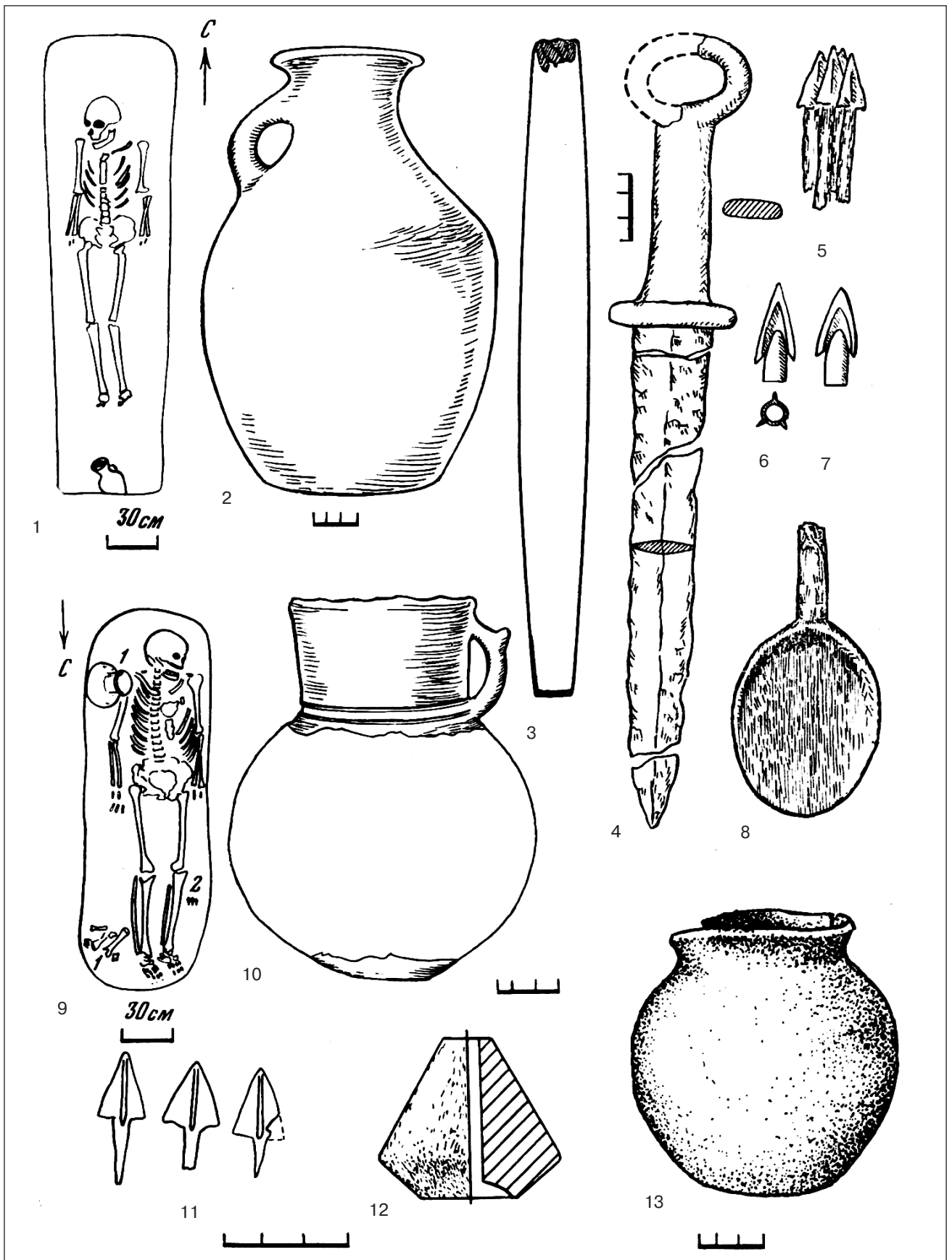

Рис. 69. Среднесарматская (сусловская) культура. Погребальный обряд и материальная культура.
 1, 9 – погребения в простых могильных ямах; 2 – гончарный кувшин, 10, 13 – керамические сосуды, 3 – каменный оселок;
 4 – железный кинжал; 5 – 7, 11 – железные и бронзовые наконечники стрел; 8 – костяная ложка; 12 – керамическое пряслице
 (Чумарово, Стерлитамакский р-н).

шести погребениях по одному экземпляру. Все они двулезвийные, длиной 30 – 40 см вместе с рукоятью, с прямыми перекрестиями. Три кинжала имеют кольцевые навершия, а у трех других они не сохранились, по-видимому, они имели такую же форму (Рис. 68, 3, 4).

Наконечники стрел обнаружены в семи могилах. В двух из них (Уметбаево) находилось лишь по одному бронзовому трехлопастному наконечнику треугольной формы с внутренней втулкой. В остальных пяти могилах все стрелы (70 экз.) однотипны – железные черешковые с маленькой трехлопастной головкой (Рис. 68, 9). Более половины из них (44 экз.) происходит из погребения 3 кургана 5 Чумаровского могильника. В одной могиле (Юрматы II, курган 6) встречены плохо сохранившиеся железные удила.

Из предметов украшения найдены лишь мелкие стеклянные бусы в двух погребениях (Уязыбашево, курган 3, погребение 2; Азнаево, курган 1) и одно височное колечко из бронзовой проволоки (Уязыбашево, курган 3, погребение 2). В Чумаровском кургане 7 найдена костяная ложечка с обломанной ручкой (Рис. 69, 8) и глиняное биконическое пряслице (Рис. 69, 12), в кургане 3 Уязыбашевского могильника – железный нож.

Этим и ограничивается перечень находок в погребениях среднесарматского времени.

ПОЗДНЕСАРМАТСКАЯ КУЛЬТУРА (II – IV ВВ. Н.Э.)

В южных районах Башкирии известно 10 курганных могильников позднесарматской культуры: три из них находятся в Приуралье, семь – в зауральских районах (Рис. 67).

Могильники невелики по размерам. Лишь в двух зауральских группах насчитывалось 10 (IV группа у пос. Комсомольский) и 12 (Темясово) насыпей: могильник Леканды представлен всего одним курганом, в остальных – по 2 – 5 курганов. Большая часть памятников (7) сооружена на месте более древних курганных могильников эпохи бронзы или савроматской культуры. Иногда позднесарматские захоронения впущены в эти насыпи. На всех известных могильниках раскопано 35 курганов и выявлено 37 погребений. Все насыпи курганов земляные, небольших размеров (Рис. 70, 2). Лишь несколько курганов имели высоту около 1 м. В III Бекешевском могильнике раскопан один «длинный» курган (№ 4). Длина его составила 40 м, ширина 7 м при высоте 40 см. Под ним выявлено одно по-

гребение, располагавшееся в северо-восточной части (Рис. 70, 1). Два длинных кургана исследованы в IV группе у пос. Комсомольский. В нескольких случаях в могильниках наряду с обычными полусферическими насыпями находились очень низкие расплывшиеся курганы, по форме приближающиеся к квадрату, с неглубокой, но широкой впадиной в центре. В диаметре такие курганы достигают 22 м (VI группа у пос. Комсомольский) и даже 50 м (II Сибай, курган 5).

подавляющее большинство погребений одиночные. Коллективные захоронения встречены в основном в одном могильнике – в Темясово. Во всех шести исследованных курганах этого памятника выявлено по одному погребению. Лишь два из них оказались индивидуальными, остальные – коллективные. В двух могилах было захоронено по два покойника: два взрослых (курган 5), взрослый и ребенок (курган 7). В погребении кургана 3 было захоронено семь, а в кургане 4 – шесть человек. Парное погребение выявлено также в кургане 4 IV курганной группы у пос. Комсомольский. В могиле подквадратной формы находилось два взрослых костяка, лежавших параллельно друг другу.

Изредка в заполнении могил встречаются угольки (четыре случая). В шести могилах обнаружены кусочки мела или меловая посыпка дна могильной ямы. Лишь в двух погребениях найдены кости животных – остатки ритуальной пищи.

Характерным обычаем для позднесарматских племен являлась искусственная деформация головы. Деформированные черепа зафиксированы у 13 исследованных костяков. По всей вероятности, число погребенных с деформированными черепами было намного больше. Многие костяки имели плохую сохранность, особенно детские и подростковые, и визуально определить форму черепа не представлялось возможным. Хорошо сохранившиеся черепа взрослых погребенных в большинстве случаев имели четко выраженные следы искусственной деформации. Например, в IV могильнике у пос. Комсомольский у шести костяков из восьми черепа были деформированы, в могильнике Каратал – у трех из четырех погребенных.

Сопровождающий инвентарь позднесарматских погребений несколько богаче и разнообразнее, по сравнению с предшествующим среднесарматским периодом. Основную категорию находок составляет керамика, сравнительно часты предметы украшений, малочисленны орудия труда и вооружение. Глиняная посуда встречена в 19 погребениях (всего 36 сосудов), от одного до трех в могиле. Часть из них представлена обломками, форма не восстанавлива-

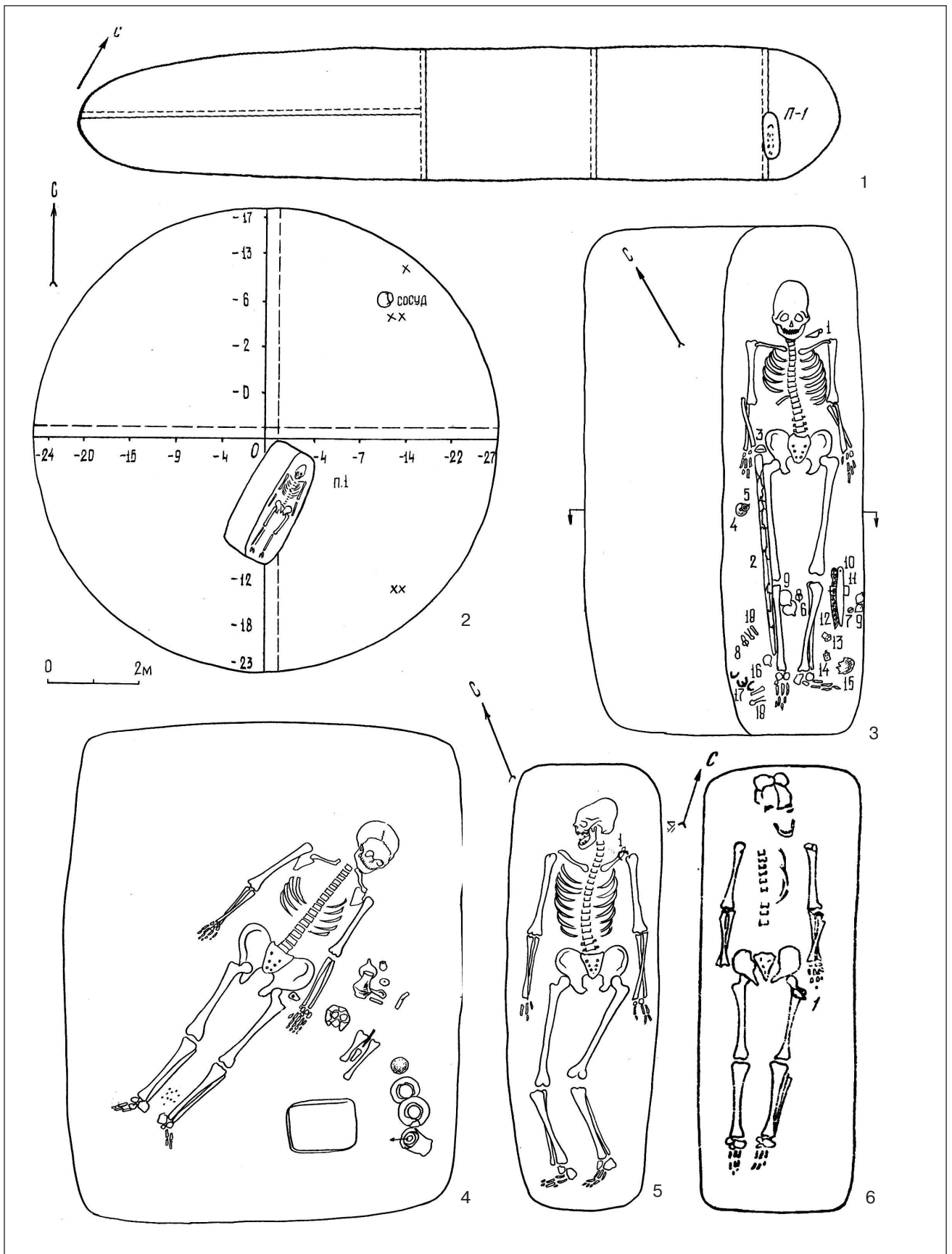

Рис. 70. Позднесарматская культура. Погребальный обряд.

1 – длинный курган (Бекешеве III) Баймакский р-н); 2 – курган с индивидуальной подбойной могилкой; 3 – погребение в подбойной могилке; 4 – диагональное погребение; 5 – 6 – погребения в простых могильных ямах (Красный Яр, Оренбургская обл., Кара-Тал I).

ется. Остальные сосуды по форме и технологии изготовления подразделяются на шесть типов.

I тип (8 экз.). Круглодонные, реже плоскодонные неорнаментированные горшки с низким сравнительно широким горлом и туловом средней раздутости. Цвет темный, в тесте примесь песка, дресвы, обжиг слабый. Высота в среднем 15 – 18 см. Один сосуд этого типа (IV Комсомольский, курган 6) украшен по плечикам четырьмя сосцевидными выступами, расположенными в один ряд.

II тип (6 экз.). Плоскодонные, грубо сформованные горшки сравнительно больших размеров (Рис. 71, 26). Один из них (Темясово, курган 1) имеет узкое высокое горло, остальные – низкие широкие горла и слабо раздутое тулово. Один сосуд (IV Комсомольский, курган 8, погребение 1) орнаментирован по наружному срезу венчика косыми насечками.

III тип (6 экз.). Лепные плоскодонные кувшины. Цвет темно-серый, обработка более тщательная, по сравнению с горшками. Пять кувшинов имеют высокие узкие горла, четкий переход в тулово средней раздутости (Рис. 71, 25, 27). Шестой кувшин (Уязыбашево, курган 4) имеет конусообразную форму, наибольший диаметр тулова приходится на придонную часть, ручка кувшина полуовальскообразной формы, выполнена в виде стилизованной фигуры животного.

IV тип (6 экз.). Лепные маленькие горшочки без орнамента, высотой 9 – 12 см, с округлым или плоским дном.

V тип (3 экз.). Ритуальные сосудики-курильницы кубической формы. Две из них найдены в погребении кургана 3 IV Комсомольской группы: одна в виде четырехугольной стопки с отверстием в одной из стенок, вторая также четырехугольной формы на поддоне. Третья курильница встречена в кургане 7 Темясовского могильника [Пшеничнюк, Рязанов, 1976. Рис. 1, 8]. В насыпе кургана 1 II Сибайского могильника найдена маленькая круглодонная чашечка с широким устьем и сквозным отверстием у дна, также, видимо, относящаяся к категории курильниц (Рис. 71, 22 – 23, 28).

VI тип. Гончарные сосуды. Все они тщательно отделаны, краснокирпичного цвета. В двух могилах найдены только обломки, а в четырех – целые сосуды. Из них три кувшина с одной ручкой, плоскодонные, с невысоким узким горлом, плавно переходящим в тулово средней раздутости. По форме и фактуре они аналогичны гончарным кувшинам, встречающимся в погребениях прохоровской культуры. Два гончарных сосуда найдены в кургане 3 Темясовского могильника. Один в виде небольшой плоско-

донной чашечки с суженным низеньким горлом, второй – кувшинообразной формы, но без ручки [Пшеничнюк, Рязанов, 1976. Рис. 3, 9, 11].

Предметы украшений распределяются среди исследованных памятников неравномерно. Подавляющее большинство из них происходит из одного могильника – Темясовского. Первое место среди предметов украшений этого памятника занимают бусы. Большинство из них составляют мелкие гешировые (лигнитовые) бусы дисковидной формы и стеклянный бисер желтого, белого, зеленого и голубого цветов (Рис. 71, 9). В основном бусы находились в области шеи и груди костяков и являлись, очевидно, ожерельями. Небольшое количество бус, как правило, крупных и однотипных, найдено у кистей рук – вероятно, браслеты.

В шести погребениях встречены бронзовые зеркала, которые подразделяются на три типа.

I тип (3 экз.). Китайские зеркала в виде плоских дисков, украшенных на оборотной стороне рельефным арочным орнаментом, образующим восьмиугольник, вокруг которого идут концентрические круги. Внешний круг выполнен в виде штампованных прямоугольников. В центре зеркала имеют полусферный выступ-ушко. Зеркало из Темясовского кургана 3 массивное, тщательно отделано, орнамент выполнен очень четко [Пшеничнюк, Рязанов, 1976. Рис. 3, 1]. Так же тщательно выполнено зеркало из кургана 3 IV Комсомольской группы, диаметр его 13,5 см (Рис. 71, 24). Зеркало из Темясовского кургана 4 маленькое, диаметр его всего 7,8 см, орнамент выполнен небрежно, возможно, представляет собой подражание китайским образцам [Пшеничнюк, Рязанов, 1976. Рис. 16].

II тип (2 экз.). Круглые, слегка выпукло-вогнутые диски, без орнамента, диаметр 6,8 см (Кар-Тал I, курган 1) и 7,7 см (Темясово, курган 7) [Пшеничнюк, Рязанов, 1976. Рис. 1, 18].

III тип представлен одним зеркалом из Темясовского кургана 5. Это грубо откованный выпукло-вогнутый диск диаметром 11,3 см с округлым коротким выступом-ручкой [Пшеничнюк, Рязанов, 1976. Рис. 1, 75].

Распространенными находками в позднесарматских могильниках являются фибулы (Рис. 71, 8, 15). Они встречены в 10 погребениях (14 экз.). Большинство фибул – бронзовые лучковые, с подвезанным приемником. В коллективном погребении кургана 3 Темясовского могильника встречена шарнирная фибула ромбической формы римского производства (Рис. 71, 7).

Возле четырех костяков Темясовского могильника найдены калачикообразные серьги со стеклян-

ными цветными вставками (Рис. 71, 2–3). Одна подобная сережка встречена в кургане 1 могильника Кара-Тал I. В Темясовских курганах найдено шесть бронзовых перстней-печаток с рельефным изображением птиц или животных, мелкие штампованные бляшки-нашивки различной формы, два бронзовых колокольчика (Рис. 71, 5–6, 18).

Вооружение в исследованных позднесарматских могильниках представлено лишь тремя мечами. Два из них происходят из курганов IV группы у пос. Комсомольский. Оба меча железные, двулезвийные, без навершия и перекрестия, плохой сохранности, длиной примерно 80–85 см. Возле одного меча (курган 5) лежал круглый халцедоновый диск с отверстием в центре, являвшийся навершием рукояти меча. Подобное оформление рукояти меча довольно широко распространено у позднесарматских племен [Хазанов, 1971. С. 16. Табл. XIII, 1, 4]. Третий меч (Альмухаметово, курган 9, погребение 1) однолезвийный, также без навершия и перекрестия, представлен обломками. В этом же впускном погребении найдены костяные накладки лука, четыре концевых и три срединных, также часто встречаемые в позднесарматских памятниках [Хазанов, 1971. С. 30–31. Табл. XVII]. Ни в одном из поднесарматских погребений не встречены наконечники стрел.

В четырех погребениях обнаружены остатки уздечных наборов в виде удиц, пряжек, наконечников ремней, бляшек. Удила однотипны – железные, двусоставные с дополнительными кольцами (Рис. 71, 19). Кольца удиц из кургана 2 II Сибайского могильника бронзовые, также плоские в сечении ремни повода к ним прикреплялись с помощью серебряных пластинчатых обойм (Рис. 71, 10). В этом же погребении найдены три бронзовых наконечника ремня, две пряжки с прямоугольными щитками, две серебряные грушевидные обоймы, являвшиеся, вероятно также, принадлежностями конской узды.

В трех могилах (Чумарово, курган 2; Уязыбашево, курган 1; IV Комсомольский, курган 6) найдены оселки. Все они изготовлены из серого песчаника, больших размеров, прямоугольные в сечении (Рис. 71, 12–14).

Очень редки в погребениях предметы, которые можно причислить к категории орудий труда. Это железные ножи, встреченные в 10 погребениях, как правило, плохой сохранности, однолезвийные, небольших размеров, с прямой спинкой. В шести женских (?) могилах найдены глиняные пряслица. Все они однотипны – биконические, с удлиненной верхней частью, больших размеров (Рис. 71, 20). В женском погребении 2 кургана 8 IV Комсомольской группы найдены железные пружинные ножни-

цы. В погребении Лекандинского кургана в ногах костяка лежали бронзовые щипчики.

Материалы исследованных курганных могильников Южной Башкирии со всей очевидностью свидетельствуют о принадлежности их к соответствующим периодам савроматской и сарматской культур. Все категории и типы вещевого материала, элементы погребального обряда даже в самых мелких деталях находят многочисленные аналогии в савроматских и сарматских памятниках Нижнего Поволжья, особенно Оренбуржья и Северо-западного Казахстана.

Общность материальной культуры и погребального обряда савроматских и сарматских памятников на обширной территории Урала и Поволжья не исключает своеобразия и особенностей отдельных групп памятников и даже могильников, что проявляется, как отмечает М.Г. Мошкова, в доминировании или отсутствии отдельных признаков, характерных для культуры в целом [Мошкова, 1972. С. 72]. В этом плане ранние кочевники Южного Башкортостана не являются исключением, им также присуще определенное своеобразие. Притом и сами по себе памятники Южного Башкортостана не представляют полного единства: могильники зауральских районов по ряду признаков отличаются от приуральских.

Вопрос о сложении савроматской культуры подробно и всесторонне рассмотрен в работах К.Ф. Смирнова. Основными слагающими ее компонентами он считает племена срубной и андроновской культур, обитавшие на этой территории в эпоху бронзы [Смирнов, 1957]. Южные районы Башкирии также были заселены в эпоху бронзы срубными (на западе) и срубно-алакульскими (на востоке) племенами [Сальников, 1967; Морозов, Пишеничнюк, 1978]. Вполне вероятно, что формирование савроматской культуры охватывало в определенной степени и южные районы Башкортостана. К сожалению, материалов для такого утверждения очень мало. Единственным памятником, относящимся ко времени формирования савроматской культуры (VIII – VII вв. до н.э.), так называемому переходному периоду, являются Елбулак-Тамакские курганы VII – VI вв. до н.э. Следует отметить, что памятники этого времени малочисленны и в других районах савроматской территории, особенно на Южном Урале [Смирнов, 1977а. С. 151]. И пока это трудно объяснить. Ссылка на слабую изученность этого региона выглядит неубедительной. Например, в зауральских районах Башкирии исследовано около 50 курганных могильников и среди них не выявлено ни одного погребения раннесавро-

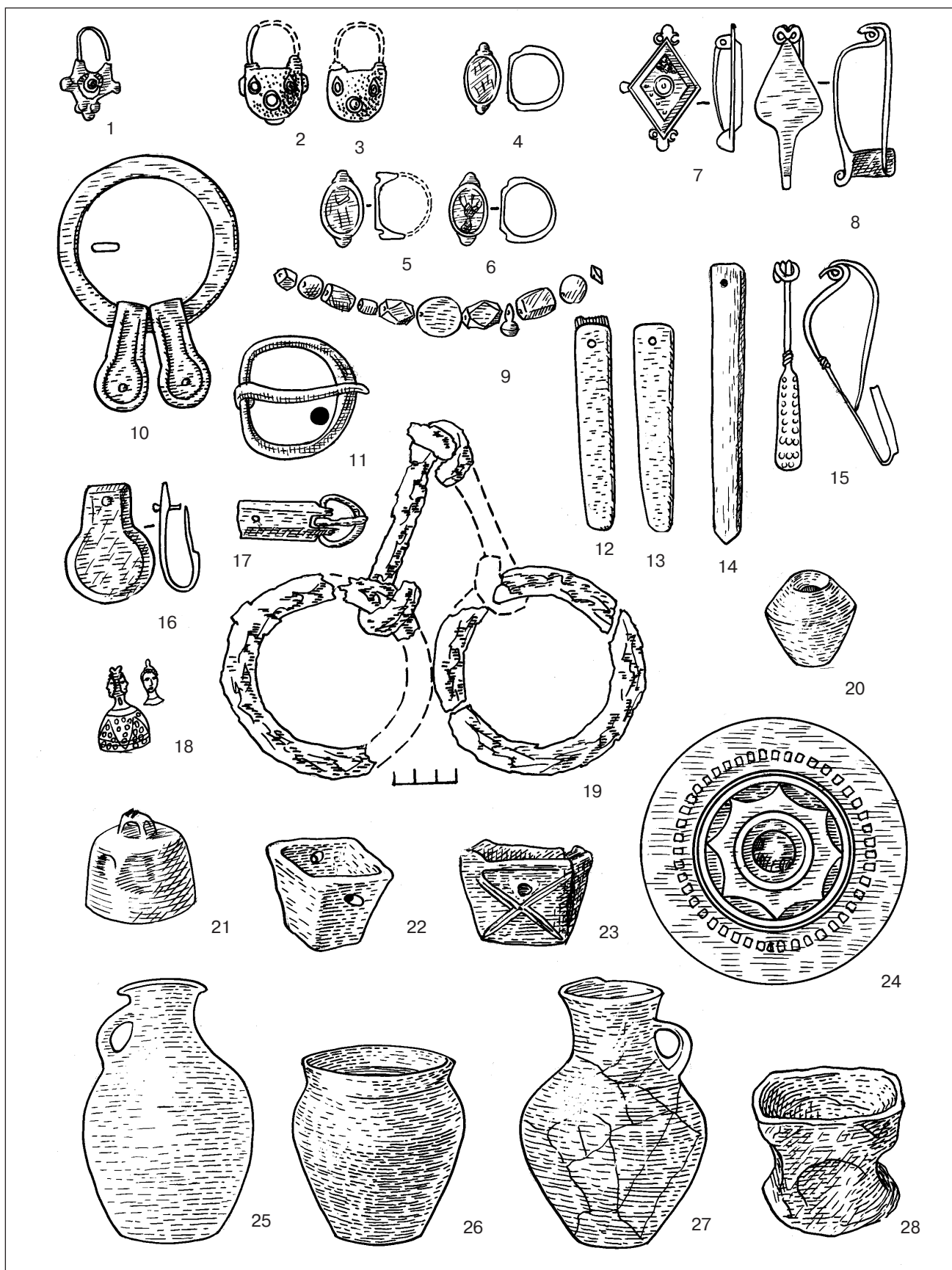

Рис. 71. Позднесарматская культура. Погребальный инвентарь.

1 – 3 – височные подвески; 4 – 6 – перстни; 7 – 8, 15 – фибулы; 9 – бусы; 10, 16, 19 – детали узды; 11, 17 – поясные пряжки; 12 – 14 – каменные оселки; 18, 21 – подвески-колокольчики; 20 – глиняное пряслице; 22, 23, 28 – глиняные курильницы; 24 – бронзовое зеркало; 25 – 27 – глиняные сосуды.

матского времени. Погребений эпохи бронзы, срубно-алакульского типа [Морозов, Пшеничнюк, 1978] и позднесавроматского времени, встречено в большом количестве. Малочисленность памятников так называемого «переходного» периода невозможно объяснить и несовершенством методов определения хронологии памятников. Погребальные комплексы VIII – VII вв. до н.э. достаточно хорошо известны по другим территориям и характеризуются целым рядом специфических предметов вооружения и конского снаряжения, присущих только этому периоду [Тереножкин, 1974; Халиков, 1977; Иессен, 1953] и совершенно не представленных в рассматриваемых памятниках. Можно предположить, что ранние этапы формирования савроматской культуры происходили в основном в более южных, степных районах, наиболее приспособленных для возникновения кочевого скотоводства [Артамонов, 1977. С. 9]. В VI – V вв. до н.э. началось, по-видимому, активное освоение кочевниками новых территорий, в том числе их продвижение далеко на север, в лесостепные районы Зауралья. На этой территории кочевники вступили в непосредственный контакт с оседлыми племенами Зауралья.

Как было показано выше, подавляющее большинство исследованных погребений ранних периодов охватывает время с конца VI по III в. до н.э., особенно это характерно для восточных (зауральских) районов. Судя по имеющимся археологическим данным, в конце VI – V в. до н.э. в южно-уральских степях происходит своеобразный «демографический взрыв». Именно к этому периоду относится сооружение многочисленных курганных могильников кочевников и формирование основных характерных черт савроматской культуры.

Уральские горы не являлись сколько-нибудь серьезной преградой для контактов древнего населения. Для эпохи бронзы наблюдается тесное переплетение зауральских алакульских и приуральских срубных элементов [Сальников, 1967. С. 226 – 229]. Типично срубные сосуды встречаются в Зауралье, и наоборот, сосуды с характерными алакульскими чертами известны в памятниках приуральских районов. Материальная культура и погребальный обряд могильников ранних кочевников также указывают на прочные экономические, этнические и культурные связи зауральских и приуральских племен на протяжении всего периода савромато-сарматской культуры. В то же время нетрудно заметить и определенные различия между памятниками этих территорий, о которых частично уже говорилось выше.

Прежде всего следует указать на чисто количественные различия. В приуральских районах на об-

ширной территории выявлено всего 15 памятников, главным образом, одиночных курганов.

В Зауралье известно 28 курганных могильников, сосредоточенных на сравнительно ограниченной территории. Часть из них насчитывает более 10 курганных насыпей. Зауральские могильники в отличие от приуральских, представляющих собой простые земляные курганы небольших размеров, характеризуются мощными погребальными сооружениями: большие насыпи, использование камня при их возведении, внушительные деревянные камеры различных конструкций, дромосы, подбой, широкое применение огненного ритуала. Все эти черты сближают памятники Башкирского Зауралья с такими известными курганными могильниками Восточного Оренбуржья и Северо-западного Казахстана, как Орские [Смирнов, 1977а], Ново-Кумакские [Мошкова, 1962], Илекские [Смирнов, 1975; Кадырбаев, Курманкулов, 1976; 1977] и особенно Аландские [Мошкова, 1972], расположенными в непосредственной близости от Башкирского Зауралья. Но основные различия приуральских и зауральских памятников савроматского времени проявляются, как уже говорилось, в керамике и ориентировке погребенных. Для приуральских могильников характерна широтная (западная) ориентировка погребенных и грубая плоскодонная керамика. В этом отношении памятники приуральских районов Башкортостана полностью аналогичны могильникам савроматской культуры Западного Оренбуржья и Нижней Волги. В памятниках савроматского времени зауральских районов, наряду с плоскодонными сосудами и широтной ориентировкой, довольно значителен процент погребений с круглодонной тальковой керамикой и южной ориентировкой костяков, причем на севере данной территории эти элементы полностью преобладают, например, в Альмухаметовском и Давлетшинском могильниках. Круглодонная керамика с примесью талька и южная ориентировка погребенных – это те признаки, которые начиная с IV в. до н.э. полностью доминируют в могильниках ранних кочевников Южного Урала (прохоровская культура). Появление уже в конце VI – V в. до н.э. типично «прохоровских» черт придает памятникам Зауралья определенное своеобразие.

Происхождение круглодонной, богато орнаментированной керамики с примесью талька связано с оседлыми лесостепными племенами Зауралья, что убедительно и аргументировано доказано в работах К.Ф. Смирнова [Смирнов, 1964] и М.Г. Мошковой [Мошкова, 1974. С. 35 – 38].

В процессе формирования прохоровской культуры более активная роль принадлежала, очевидно, кочевым савроматским племенам. Осваивая новые лесостепные районы Зауралья, кочевники вступили, по-видимому, на территорию, уже заселенную местными оседлыми племенами, и частично ассимилировали их. Участие лесостепного зауральского населения в формировании прохоровской культуры следует понимать, видимо, не столько как продвижение оседлых зауральских племен на запад, сколько как их ассимиляцию кочевым савроматским населением и вовлечение затем в походы на запад.

При характеристике культуры ранних кочевников Южного Урала исследователи постоянно подчеркивают тесные связи с южными и юго-восточными районами, особенно с сако-массагетским миром Приаралья [Смирнов, 1957; 1964; Мошкова, 1974; Вишневецкая, Итина, 1971]. Материалы савроматских и раннесарматских памятников Башкирского Зауралья также находят довольно многочисленные южные параллели. Многие элементы погребального обряда — каменная обкладка насыпи кургана, прямоугольные и шатровые деревянные надмогильные сооружения, дромосы, захоронения на уровне древней поверхности, огненный ритуал — находят почти тождество в таких могильниках сакской культуры Приаралья, как Тагискен и Уйгарак [Вишневецкая, Итина, 1971; Толстов, Итина, 1965; Вишневецкая, 1973]. Подробно эти связи проанализированы М.Г. Мошковой на материалах Аландских курганов Северо-восточного Оренбуржья [Мошкова, 1972. С. 72 — 78]. Об этом же свидетельствует и вещевой материал из курганов Башкирского Зауралья. Так, например, бронзовое зеркало с бортиком по краю и ушком-петелькой в центре, ладьевидный жертвенник на четырех ножках из кургана 2 у пос. Целинный находят прямые аналогии в сакском могильнике Уйгарак [Вишневецкая, 1973. Табл. II, 9; IV, 6; XV, 15]. Обломок шейки гончарного красноглиняного сосуда из кургана 1 III Ивановской группы, гончарные сосуды из погребения 13 кургана 1 Сибайской I группы [Мажитов, Пшеничнюк, 1977. Рис. 2, 9 — 10], как и гончарная керамика других сарматских памятников Южного Урала, безусловно, имеют среднеазиатское происхождение. [Мошкова, 1963. С. 30; 48. С. 279 — 281; Смирнов, 1964; 1977. С. 174]. О связи с сако-массагетским миром говорят и бронзовые черешковые наконечники стрел, очень редкие в савроматских памятниках [Смирнов, 1966. С. 61 — 64] и характерные для памятников Казахстана и Средней Азии [Акишев, Кушаев, 1963. С. 118 — 120; Кадырбаев, 1966. Рис. 66; Литвинский, 1972. С. 99 — 100; Вишневецкая, 1973. С. 91 — 94; Акишев, 1973. С. 49].

В последние годы в трех пунктах Юго-восточного Башкортостана выявлены так называемые курганы с усами, тесно связанные своим происхождением с тасмолинской культурой центрального Казахстана [Кадырбаев, 1966]. Появление их в этих районах, бесспорно, связано с проникновением (походами) центральноказахстанских саков на север. Связи сакских и савроматских племен носили двусторонний характер. Активное влияние и проникновение савроматов в сакскую среду бесспорно [Смирнов, 1964. С. 278 — 281; Вишневецкая, Итина, 1971. С. 203]. В то же время, по-видимому, более активной была инфильтрация сакских племен на север, особенно на ранних этапах савроматской культуры. Как представляется, значительная близость савроматской культуры Южного Урала и саков Приаралья объясняется не только общей срубно-андроновской основой [Вишневецкая, Итина, 1971. С. 207] и этнокультурными контактами, но и непосредственным участием сакских племен в формировании савроматской культуры. В известной мере об этом свидетельствуют многие типы вещевого материала (сосуды с носиком-сливом, бронзовые черешковые наконечники стрел, зеркала с бортиком и ушком-петелькой на обороте, жертвенники ладьевидной формы на четырех ножках) и элементы погребального обряда (каменный панцирь, четырехугольные и шатровые деревянные погребальные камеры, захоронения на древней поверхности, сожжение деревянных камер), характерные для савроматских памятников Южного Урала конца VI — V в. до н.э., распространение которых в сакских памятниках относится к VII — VI вв. до н.э.

В более поздний период связи савроматских и сакских племен, возможно, носили характер циклических меридиональных перекочевок, как это прослеживается по материалам средневековья [Кузеев, 1971. С. 21 — 23]. В этой связи представляет интерес погребение с типичными для прохоровской культуры Южного Урала чертами, выявленное на плато Устюрт, далеко за пределами савромато-сарматской территории [Ягодин, 1978]. Наиболее тесными связями южноуральских кочевников с приаральскими саками были в ранний период. В V — IV вв. до н.э. большее значение, по-видимому, приобретают контакты с северными соседями, оседлыми племенами Зауралья. Результатом этих контактов и явилось сложение к концу V — началу IV в. до н.э. основных черт прохоровской культуры. Среди памятников Юго-восточного Башкортостана не известно ни одного погребения развитой прохоровской культуры. Примерно на рубеже IV — III вв. до н.э. все известные могильники прекращают свое существование.

Подобная картина характерна и для могильников Восточного Оренбуржья. Эти факты, как отмечает М.Г. Мошкова, свидетельствуют об отходе сарматского населения на запад [Мошкова, 1972. С. 72]. Чем были вызваны столь серьезные перемещения, сказать трудно. Здесь могли отразиться два обстоятельства. Во-первых, судя по известным памятникам, население Южного Урала (юго-восток Башкирии, восточные районы Оренбургской обл. и прилегающие районы Казахстана) в V – IV вв. до н.э. становится довольно многочисленным. Характер погребальных памятников этого периода указывает на определенную привилегированность южноуральских кочевников, которая, по всей вероятности, выражалась во владении многочисленными стадами скота. Экстенсивное скотоводческое хозяйство могло быстро исчерпать пастбищные возможности этого региона. Во-вторых, определенной, а возможно, и решающей причиной переселения могли явиться какие-то природно-климатические изменения, например, засуха. Вполне вероятно, что именно с продвижением на запад, в Приуралье, и освоением новых территорий зауральскими племенами связано возникновение таких памятников, как Старокиишкинский и Бишунгаровский могильники. Оба памятника расположены в лесостепных районах Центрального Башкортостана, севернее основных районов обитания савроматских и раннепрохоровских племен.

Могильники охватывают как раз тот хронологический отрезок времени, III – II вв. до н.э., который не представлен в восточных районах. К этому же времени относятся расположенные далеко на севере, почти в устье р. Агидель (Белой), Атасовские курганы [Васильев, 1973]. Появление сарматских памятников в «некочевнических» районах в какой-то мере подтверждает наше предположение об определенных природно-климатических изменениях в этот период. Об этом же говорят и поселения с так называемой гафурийской керамикой, появление которых на правом берегу р. Агидель (Белой) так или иначе связано с продвижением зауральского населения [Пшеничнюк, 1973. С. 232; 1976. С. 29 – 31; Мошкова, 1974. С. 50 – 51].

Связь населения, оставившего Старокиишкинский и Бишунгаровский могильники, с Зауральем и более южными районами очевидна. Об этом красноречиво свидетельствует прежде всего керамический материал: сосуды типично прохоровских типов с примесью талька в тесте и резной орнаментацией и посуда гончарного производства. Вполне возможно, что эти могильники, расположенные, кстати, на незначительном расстоянии один от другого, явля-

лись одним из центральных некрополей южноуральской прохоровской культуры на позднем ее этапе. Судя по количеству погребенных в курганах людей, население, оставившее памятники, было довольно многочисленным.

В Приуралье сарматские племена вступили в непосредственный контакт с местным (оседлым) населением кара-абызской культуры, занимавшим территорию правобережья среднего течения р. Белой [Пшеничнюк, 1973. С. 231 – 232]. В целом эти контакты носили, очевидно, мирный характер, что нашло свое отражение в памятниках как кара-абызской, так и сарматской культур [Пшеничнюк, 1976]. В среднесарматский период на всей территории Южного Урала, судя по памятникам, население было очень малочисленным, что не без основания связывается с перемещением сарматских племен в поволжские и заволжские степи [Смирнов, 1977б. С. 73]. Из зауральских памятников Башкортостана к этому периоду можно отнести лишь несколько очень невыразительных погребений могильника Кара-Тал I. В западных районах Башкортостана погребений среднесарматской культуры несколько больше. Судя по керамическому материалу, в этот период меняется направление этнокультурных связей. На первый план выступают связи с западными нижеволжскими районами, в отличие от предшествующего периода, когда полностью преобладала ориентация на юг и восток. Сероглиняные, тщательно изготовленные, по-видимому, на гончарном круге кувшины из Елембетовских курганов [АКБ, 1976. Табл. 10, 3 – 4] находят прямые аналогии в курганах Нижней Волги [Синицын, 1959. Рис. 23, 11; 37, 7; Синицын, 1960. Рис. 36, 8; 39, 7; Смирнов, 1959, рис. 26, ; 1960, рис. 6, 13]. Очень близки к нижеволжским и сосуды из Уязыбашевских курганов [Шилов, 1975. Рис. 12, 1, 4].

Позднесарматский период на юге Башкортостана представлен ненамного богаче. Причем могильники поздних сармат выявлены в основном в зауральских районах. Погребальный обряд и вещевой материал исследованных памятников в целом обычны для позднесарматской культуры. В то же время прослеживается и некоторое своеобразие башкирских памятников, проявляющееся прежде всего в наличии в могилах красноглиняных гончарных сосудов, очень близких к импортной керамике прохоровского периода, связанной своим происхождением с среднеазиатскими цивилизациями. Следовательно, можно говорить о возобновлении традиционных этнокультурных связей южноуральских сармат с населением южных и юго-восточных районов. Об этом же свидетельствуют и находки в

погребениях бронзовых зеркал китайского происхождения, в распространении которых важную роль сыграли, очевидно, среднеазиатские племена [*Пшеничнюк, Рязанов, 1976. С. 146 – 147*]. В этой связи представляется весьма перспективным мнение А.С. Скрипкина о значительном среднеазиатском компоненте в формировании позднесарматской культуры [*Скрипкин, 1976*]. Незначительная часть позднесарматского населения приблизительно в III в. н. э. переселилась на правобережье среднего течения р. Агидель (Белой), где вступила в тесные этнические контакты с местными, по-видимому, финно-угорскими племенами, оставив такие своеобразные памятники, как Салиховские и II Ахмеровские курганные могильники.

Памятники послесарматского времени V – VII вв. на всей территории расселения сармат очень малочисленны [*Засецкая, 1968. С. 60*]. На юге Башкортостана в последние годы выявлено несколько курганных захоронений указанного времени, но они дали материал так называемого кушнаренковско-караякуповского типа (например, II Красногорские курганы; раскопки М.Ф. Обыденнова), не имеющий ничего общего с поздними сарматами. Исчезновение памятников сарматской культуры по времени совпадает с эпохой Великого переселения народов, вызванного экспансией гуннских племен. Предполагается, что большая часть позднесарматского населения была вовлечена в завоевательные походы гуннов на запад. Вполне вероятно, что какая-то часть сарматского населения была вынуждена уйти на север от основной магистрали движения гуннских племен. На это указывает появление в конце IV – V вв. больших курганных могильников так называемого турбаслинского типа в Центральном Башкортостане [*Мажитов, 1959; Пшеничнюк, 1968*]. Не связывая непосредственно происхождение этих курганов с сарматской культурой, отметим, что в погребальном обряде (северная ориентировка), керамике и в антропологическом типе погребенных этих памятников довольно отчетливо прослеживаются типично сарматские черты. Это обстоятельство свидетельствует, по-видимому, об определенном участии сарматских племен в формировании населения, оставившего памятники турбаслинского типа.

Ранние кочевники создали в степях Южного Урала модель существования, оптимальную с экономической и экологической точек зрения, позволяющую с наибольшей выгодой использовать ресурсы сложного для жизни степного ландшафта. Маршруты кочевков, средства передвижения, жилища и прочая материальная культура, а также воен-

ное дело и формы мирного существования с соседями – все эти достижения ранних кочевников послужили мощным фундаментом для их потомков – башкир.

НАСЕЛЕНИЕ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ПРЕДУРАЛЬЯ

АНАНЬИНСКАЯ КУЛЬТУРА VIII – III вв. до н.э.)

В середине XIX в. под г. Елабугой (Татарстан) был открыт знаменитый впоследствии Ананьинский могильник (по названию с. Ананьино). Изучение материалов этого памятника положило начало изучению ананьинских древностей. Поначалу этот могильник был единственно известным в своем роде.

В 70-е гг. XIX в. стали известны памятники, которые получили в науке того времени название «костеносных» городищ. В культурном слое этих поселений содержалось большое количество костей животных. Долгое время «костеносные» городища и Ананьинский могильник рассматривались как автономные памятники. Впервые мысль об их взаимосвязанности высказал известный русский археолог А.А. Спицын. Впоследствии его взгляд возобладал, и эти две категории памятников стали рассматриваться в рамках единой Ананьинской культуры.

Незначительные исследования на территории Башкортостана были проведены в послереволюционный период (20 – 30-е гг. XX в.). Краеведом М.И. Касьяновым в окрестностях д. Курмантау (Гафурийский район РБ) был открыт ряд поселений, относящихся к ананьинской культуре. В силу ряда обстоятельств многое из открытого в тот период осталось неизвестным научной общественности, хотя упрекнуть исследователей в безграмотности нельзя. Примером тому может служить открытый в 20-е гг. стерлитамакским исследователем С.М. Смирновым могильник ананьинской культуры у хутора Чандар (Нуримановский район РБ). Несмотря на существование отчета о полевых работах (хранится в архиве ИИМК РАН в г. Санкт-Петербурге) и коллекции в фондах Стерлитамакского краеведческого музея, это открытие так и осталось невостребованным.

В дальнейшем исследования ананьинских памятников были продолжены лишь в послевоенный период. Эти исследования связаны с именем московского археолога А.В. Збруевой. Ею был

исследован ряд могильников и городищ, относящихся к эпохе раннего железного века. В частности, на территории Башкортостана ею были исследованы памятники в окрестностях д. Курмантау (Гафурийский район РБ), давшие значительный материал по эпохе переходной от бронзы к раннему железному веку. Работы А.В. Збруевой дали толчок для полевых исследований ананьинских древностей по всему Урало-Поволжью.

Благодаря подвижничеству директора Башкирского краеведческого музея (ныне Национальный музей РБ) Р.Б. Ахмерова, в 50-е гг. XX в. был открыт ряд памятников ананьинской культуры на территории г. Уфы (могильники Правая Белая, Ново-Уфимский и по ул. Трактовой) [Ахмеров, 1952; 1959].

В 60 – 70-е гг. XX в. этапными для региона Урало-Поволжья стали полевые исследования в зонах затопления Куйбышевской и Нижнекамской ГЭС. В ходе обследований чаши водохранилищ были открыты и исследованы десятки новых памятников ананьинской культуры, в том числе и в низовьях р. Агидель (Белой). В 60 – 80-е гг. XX в. на территории Башкортостана были открыты и исследованы такие памятники, как могильники Таш-Елга (Янаульский район РБ), Старший Шиповский (Иглинский район РБ), городища Ново-Кабановское и Тра-Тау (Краснокамский район РБ), Аначевское (Илишевский район РБ) и др. Исследование ананьинских памятников на территории Башкортостана в этот период связано с именами Н.А. Мажитова, А.Х. Пшеничноку, В.А. Иванова и других исследователей.

Уже в момент открытия и начального исследования Ананьинского могильника среди ученых не было единодушного мнения по поводу датировки и интерпретации материалов памятника. Предпочтение отдавалось двум основным точкам зрения: первой, создателями Ананьинского некрополя были скифы.; вторая связывала их с культурами Западной Сибири и Алтая. По поводу датировки разногласия исследователей сводились к эпохе переходной от бронзового века к раннему железному.

С открытием «костеностных» городищ и объединением их А.А. Спицыным в единую ананьинскую культуру среди археологов развернулась дискуссия по поводу правомерности такого образования. В ходе этой дискуссии были затронуты вопросы датировки, происхождения и распространения памятников ананьинской культуры. Основным оппонентом А.А. Спицына выступал П.А. Пономарев, который проводил раскопки на Ананьинском могильнике и ряде «костеностных» городищ. П.А. Пономарев считал, что городища оставлены первобытными племенами охотников и рыболовов, а могильники типа Ананьино – носителями более развитой культуры. Его взгляды основывались дей-

ствительно на разительном несовпадении материалов этих памятников. В могильниках большое количество бронзовых украшений, оружия, орудий труда, предметов костюма, часто выполненных с применением сложных технологических приемов – и культурный слой городищ, где преобладали обломки костей животных и лепных глиняных сосудов.

Конец разногласиям положило детальное исследование финского археолога А.М. Тальгрена. В 1919 г. им была издана монография, где на имеющемся к тому времени материале приводились доказательства единства могильников типа Ананьино и «костеностных» городищ [Tallgren, 1919]. Также финский исследователь определил основу, на которой сложилась ананьинская культура, – местное население эпохи бронзы. Основной ареал распространения культуры – Нижнее Прикамье. Основное направление внешних культурных связей – Скифия. Внимание финского ученого к ананьинской проблематике не было случайным – он определялся интересом к происхождению финноязычных народов.

Единственным оппонентом А.М. Тальгрена оставался М.Г. Худяков, верный ученик П.А. Пономарева. Он вплоть до 30-гг. XX в. считал невозможным признать правомерность выделения ананьинской культуры. Однако ему не удалось полностью обосновать свои взгляды – его научная деятельность была оборвана советскими карательными органами.

Взгляды П.А. Пономарева и М.Г. Худякова не получили дальнейшего развития в историографии. Исследование А.М. Тальгрена стало фундаментом для развития взглядов на ананьинские древности в советской археологии.

В 50-е гг. в среде советских археологов развернулась оживленная дискуссия по поводу происхождения ананьинской культуры. Различные исследователи предлагали в качестве предков разные культурные образования эпохи бронзы – от абашевской культуры Поволжья (А.П. Смирнов, К.В. Сальников) до культур Зауралья и Западной Сибири (П.П. Ефименко, О.Н. Бадер). Такой разброс мнений легко объясняется разнообразием самого материала ананьинских памятников. Черту под этими разногласиями подвела А.В. Збруева в своей обобщающей работе [Збруева, 1952]. В монографии автор продолжила и развила взгляды А.М. Тальгрена о сложении ананьинской культуры в Нижнем Прикамье на основе местных племен эпохи бронзы. Большой ареал распространения ананьинских памятников объясняет их разнообразие и разнонаправленность связей. Точка зрения А.В. Збруевой на происхождение ананьинской культуры была поддержана и развита в работах казанского археолога А.Х. Халикова. Основной базой фор-

мирования ананьинского населения он считал племена приказанской культуры, которые занимали обширную территорию в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье, включая низовья и среднее течение р. Белой. Свои взгляды автор изложил в итоговом труде по ананьинской культуре, вышедшем в 1977 г. [Халиков, 1977]. Помимо вопроса о происхождении культуры, А.Х. Халиков значительное место в работе посвятил рассмотрению материальной культуры. На основе ее анализа он выделил девять локальных (территориальных) групп ананьинской культуры. Также им было выделено три хронологических периода существования ананьинских древностей: раннеананьинский (VIII – VII вв. до н.э.), среднеананьинский (VI – V вв. до н.э.) и позднеананьинский (IV – III вв. до н.э.). Таким образом, к концу 70-х гг. взгляды А.А. Спицына и А.М. Тальгерена получили дальнейшее развитие. В это время наметились тенденции, получившие развитие уже в последующий период. Это, в первую очередь, взгляд на ананьинскую культуру как на крупное многообразное и многокомпонентное образование со сложной историей происхождения и существования.

Эта тенденция наиболее четко проявилась в 80-е гг. В 1983 г. выходит труд С.В. Кузьминых, посвященный развитию металлургии бронзы в Урало-Поволжье в эпоху раннего железного века [Кузьминых, 1983]. Кроме вопросов развития металлургического производства, ее автор затрагивает и вопросы этнокультурного характера. На основе анализа бронзовых изделий, в первую очередь кельтов, С.В. Кузьминых выделяет два очага металлургического производства в ареале ананьинской культуры: западный, или аозинский (по одноименному могильнику), расположенный преимущественно в Среднем Поволжье, и восточный, или ананьинский, дислоцированный в Прикамье. Обращая внимание и на другие культурные отличия, автор предлагает по отношению к ананьинским древностям употреблять термин «общность», подразумевая таким образом, многокомпонентность данного образования и его культурное разнообразие. Подобный взгляд уже высказывался ранее. Еще в 1964 г. на IV Уральском археологическом совещании В.Ф. Геннингом и Н.И. Совцовой было применено понятие общность для ананьинских древностей. В своем докладе они показывали, что памятники, имеющие культурную близость к ананьино, занимают обширную территорию на северо-востоке Европы, но не являются культурно идентичными.

Вопрос о выделении в рамках ананьинской общности самостоятельной ахмыловской культуры в Среднем Поволжье рассматривает ряд поволжских археологов (В.С. Патрушев, Г.А. Архипов и др.).

В пользу существования двух вариантов ананьинской культуры – восточного и западного – вы-

сказался и уфимский археолог В.А. Иванов. В своих работах он показывает, что предполагаемые ранее как основа формирования бельского варианта ананьинской культуры, выделенного А.Х. Халиковым, памятники типа курмантау таковыми не являются [Иванов, 1982]. Несмотря на свой «бронзовый облик» и близость памятникам маклашеевского этапа приказанской культуры, эти памятники датируются VIII – VI вв. до н.э., то есть эпохой раннего железного века, и являются синхронными ананьинским.

Таким образом, В.А. Ивановым был выявлен уникальный культурный феномен. Население с материальной культурой характерной для эпохи бронзы, жило в эпоху раннего железного века. Иными словами, здесь мы имеем дело с культурными изолятами, проживавшими в среднем течении р. Агидель (Белой), которые сохранили древнейшие традиции и остались в стороне от технологического прогресса (т.е. им была неизвестна металлургия железа). В.А. Ивановым были прослежены также факты, говорящие о существовании непосредственных контактов носителей культуры курмантау и ананьинской общности.

Важным вкладом в исследование по ананьинской культурно-исторической области является работа В.Н. Маркова [Марков, 2007]. На основе анализа поселенческой и погребальной керамики им были выделены три керамических комплекса: гребенчато-шнуровая керамика, распространенная преимущественно в бассейне рр. Вятки и Ветлуги; сложношнуровая керамика Среднего и Верхнего Прикамья и постмаклашеевская керамика Нижнего Прикамья. По концепции В.Н. Маркова, эти комплексы маркируют культурные образования, которые имеют различное происхождение, территорию и историческую судьбу. В настоящее время за ареалом распространения ананьинских древностей закрепился термин «ананьинская культурно-историческая область» [Чижевский, 2008]. Особого мнения придерживается С.Н. Коренюк. Он отстаивает точку зрения о невозможности выделения каких-либо вариантов в ананьинской культуре [Коренюк, 2000. С. 113].

Ананьинская культурно-историческая область состоит из нескольких групп, имеющих различные генетические истоки. Наиболее крупная из них – группа, сформировавшаяся на позднебронзовой маклашеевской основе [Марков, 2007. С. 62], то есть являющаяся местным, автохтонным образованием.

Значительно меньше представлена группа так называемого классического ананьино с ее сосудами, украшенными ямочно-шнуровым орнаментом. Происхождение этой группы неясно. Аторы выводят шнуровую керамику либо со Среднего Урала, либо с таежной зоны Зауралья и Западной Сибири.

Однозначно, эта группа выглядит инородной и определенно является пришлым населением, происхождение которого связано с южнотаежной зоной Урала и Западной Сибири.

Наименее представительной является группа с так называемой гребенчато-шнуровой керамикой. Носители этой керамики, по мнению большинства исследователей, сформировались в бассейне Печоры и Вычегды на основе племен лебязской культуры [Марков, 2007. С. 63].

Основной территорией распространения ананьинских древностей являются участок Средней Волги от устья Ветлуги до южной границы Татарстана и участок Камы от ее устья до Перми с низовьями р. Агидель (Белой). Группа населения гребенчато-шнуровой керамики около VI до н.э. распространяется в бассейне рр. Вятки и Ветлуги и проникает в верховья Камы, занимая, таким образом, северную часть ананьинского ареала, преимущественно в лесной и таежной зонах (Рис. 54).

Основная масса носителей ананьинских (постмаклашеевских) древностей связана с лесостепной территорией. Наиболее ранние памятники сосредоточены в бассейне Средней Волги. Затем в период VI – V вв. до н.э. постепенно происходит миграция населения на восток в бассейн Камы. К V в. до н.э. ананьинские мигранты достигают устья р. Агидель (Белой) и поднимаются вверх по течению, вплоть до окрестностей современной д. Курмантау (Гафурийский район РБ) и распространяются по ее притокам. К этому периоду относятся могильники Таш-Елга, Чандар, могильники в г. Уфе, Старший Шиповский и Охлебининский, а также поселения Воронки и Черниковское в Уфе, Касьяновское и Воскресенское в Гафурийском районе РБ.

Постмаклашеевское население, занимая бассейн р. Агидель (Белой), встретилось здесь с родственной им группой – носителями керамики типа курмантау. Это население проживало очень разрежено по правому берегу р. Агидель (Белой). Вероятно, мигранты не встретили со стороны местного населения сильного противодействия. Во всяком случае, на поселениях культуры курмантау не зафиксировано каких-либо следов разрушений. Более того, есть свидетельства совместного нахождения керамики обоих типов в культурном слое поселений (Воронки, стоянка им. Касьянова).

Носители «классической» шнуровой керамики достигают бассейна р. Агидель (Белой), видимо, значительно позже, продвигаясь вслед за постмаклашеевским населением. Могильники этой группы неизвестны. Ими оставлены лишь поселения: Ново-Биктово, Бирское II, Камышино II (Рис. 57). Южной границей их распространения становится территория Бирского района РБ.

В III в. до н.э. граница между потомками постмаклашеевского населения и носителями шнуровой керамики устанавливается по правому берегу р. Белой до устья р. Сюнь. Здесь исследованы городища с преобладанием в культурных слоях позднешнуровой керамики (Ново-Кабановское, Тра-Тау, Аначево). В целом, выходцы из ареала ананьинской культурно-исторической области занимали правый, лесостепной берег р. Агидель (Белой). Ананьинских памятников на левом, остепненном берегу р. Агидель (Белой) нет. Здесь уже в VI – V вв. до н.э. фиксируются памятники ранних кочевников савроматской культуры (Рис. 54).

Выше уже упоминалось, что начиная с самого раннего этапа изучения ананьинских древностей у исследователей не возникало сомнений об их существовании на рубеже бронзового и железного веков. Об этом достаточно ярко говорит обилие орудий труда из бронзы и незначительное количество изделий из железа (Рис. 72). В связи с этим логичным было определять нижнюю дату ананьинских древностей по верхней дате предшествующих памятников эпохи бронзы. Первоначально в 50 – 60-е гг. XX в. этот рубеж обозначался VII в. до н.э. [Збруева, 1952. С. 7,29] Впоследствии А.Х. Халиков удревнил эту дату до VIII в. до н.э. [Халиков, 1977. С. 23]. В.Н. Марков в своей работе показал, что раннеананьинские материалы начали складываться в IX в. до н.э. [Марков, 2007. С. 44].

Изначально все исследователи исходили из трехчленной периодизации ананьино: ранний, средний и поздний период. Менялись лишь конкретные рубежи периодов. В настоящее время добавлен еще один этап и приняты следующие хронологические рамки периодов. Первый период определяется в пределах IX – VIII – конца VIII вв. до н.э. [Марков, 2007. С. 44]. В это время в Среднее и Нижнее Поволжье проникает технология изготовления железных изделий и тем самым открывается новый исторический этап в истории Волго-Уральского населения. В районе впадения Камы в Волгу на основе маклашеевского населения начинается формирование новой культуры. Этот этап хорошо хронологизируется кавказским импортом, нередко встречающимся в погребениях. Вероятно, связями с Кавказом можно объяснить быстрое распространение железодельных технологий в среде прикамского населения. В Среднем Прикамье в этот период формируется ананьинский компонент со шнуровой керамикой.

Второй этап датируется VIII – VII вв. до н.э. [Марков, 2007. С. 44]. В этот период прерываются связи Средней Волги и Прикамья с Кавказом и появляются импортные изделия, имеющие происхождение из скифо-савроматской, скифо-сибирской и сакской культурных областей. В то же время начи-

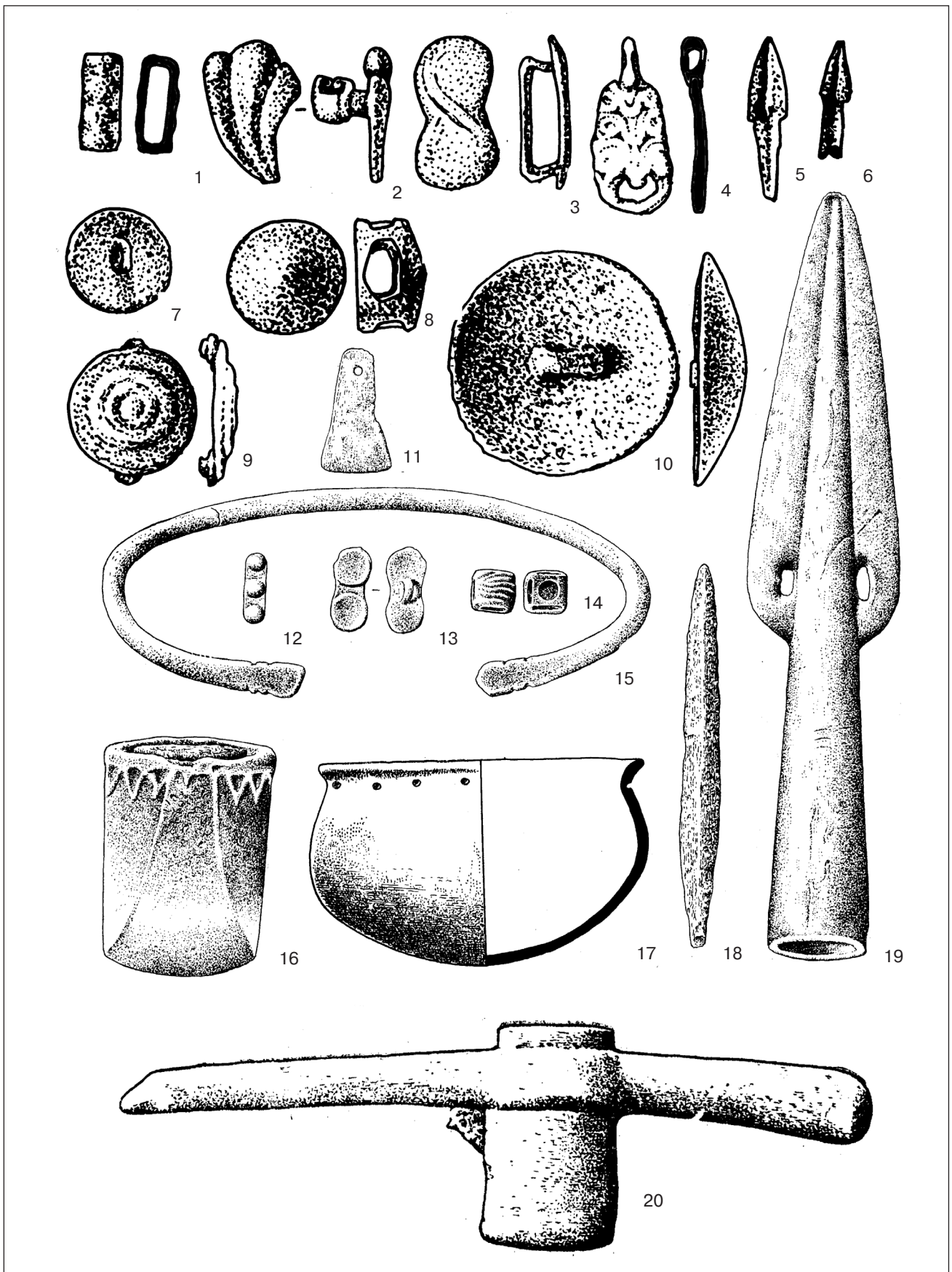

Рис. 72. Ананьинская культура. Погребальный инвентарь.

1 – 4 – бронзовые украшения; 5 – 6 – бронзовые наконечники стрел; 7, 9 – 10 – бронзовые бляшки; 8, 14 – бронзовые распределители ремней; 11 – 13 – бронзовые детали пояса; 15 – бронзовая гривна; 16 – бронзовый кельт; 17 – глиняный сосуд; 18 – костяной наконечник стрелы; 19 – бронзовый наконечник копья; 20 – бронзовый клевец.

нается продвижение носителей шнуровой керамики в Волго-Камье, где они вступают в тесное взаимодействие с населением постмаклашеевского облика. К этому периоду относится формирование в бассейне Вычегды и Печоры третьей составляющей ананьинской культурно-исторической области — культуры гребенчато-шнуровой керамики [Чижевский, 2008. С. 24.].

Третий этап ананьинской культуры приходится на кон. VII — VI — V вв. до н.э. [Марков, 2007. С. 44]. Этот период характеризуется волной миграций. Ананьинское население по каким-то причинам начинает покидать территорию своего формирования. На запад уходит группа населения со Средней Волги, выделяемая в акозинскую (ахмыловскую) культуру. На территорию Прикамья с севера начинают проникать носители гребенчато-шнуровой керамики. В то же время постмаклашеевское население практически полностью покидает район Нижней Камы.

Четвертый, заключительный, этап датируется VI — V — IV — III вв. до н.э. В этот период центр ананьинской культурно-исторической области смещается на восток на Среднюю Каму и Нижнюю Белую. Формируется так называемый нижнебельский вариант ананьинской культуры, который дал начало последующим культурам лесостепного Предуралья.

В пределах Башкортостана известно 16 ананьинских селищ, 16 городищ и 5 могильников.

Наиболее ранние поселения ананьинского времени представлены неукрепленными поселениями. Часть селищ расположена на возвышенностях (Камышино II, Воронки), часть — на низких речных террасах (Бирское II, Черниковское). Для первых характерно наличие мощных зольных отложений в культурном слое, например, на селище Воронки (г. Уфа) толщина зольных отложений достигает 1 м. Такие характеристики отвечают сезонным поселениям зимнего периода — зимникам. Поселения, расположенные невысоко над уровнем воды, как правило, отличаются небольшим культурным слоем. Многие из них в настоящее время уничтожены речными водами (например, Черниковское селище в г. Уфе). Подобные селища можно считать остатками летников — летних сезонных поселений.

С ананьинцами связано появление в Предуралье первых укрепленных поселений — городищ, расположенных на высоких крутых мысах речных террас. С трех сторон городище имело естественную защиту: глубокие овраги, реки или болота, а с напольной стороны его укрепляли валами и рвами (Рис. 73).

Для наиболее ранних ананьинских городищ свойственны площадки прямоугольной формы,

курганообразные или прямые валы с отношением ширины к длине 1:1 — 1:2, тогда как для возникших позднее поселков характерны треугольные площадки и дуговидные насыпи валов с отношением более чем 1:2. Курганообразные валы характерны только для ранних городищ Средней Волги, а дуговидные в раннее время — для Средней Волги и Нижней Камы и Белой, позже они были распространены повсеместно [Ванчиков, 1992].

Остатки жилищ на поселениях встречаются крайне редко. На территории Башкортостана известна лишь частично разрушенная постройка с городища Тра-Тау (Краснокамский район). На одном из поселений в Пермской области (Концгорское селище) выявлены остатки наземного деревянного жилища размером 42 x 46 м. По его продольной оси располагались девять очагов. В этом коллективном доме могло проживать одновременно несколько родственных семей [Збруева, 1952. С. 27, 148, 209.]. Строили ананьинцы дома и меньших размеров. Такие жилища площадью 40 — 85 кв. м зафиксированы на поселениях Курган I и Казанка (Татарстан). При их сооружении вырывались удлиненные котлованы глубиной 30 — 40 см, с наружной стороны которых вкапывались столбы, в пазы их вставлялись бревна. Возможно, что дома имели беспотолочное двускатное перекрытие. По продольной оси жилища на земляном полу располагалось несколько очагов, обычно это были простые костры [Халиков, 1977. С. 12 — 13.].

Керамика ананьинских поселений представлена тремя основными группами: постмаклашеевская, сложношнуровая и гребенчато-шнуровая. В основу разделения керамики положен орнамент. Именно он является наиболее четким индикатором при выделении групп керамики. Основная масса ананьинской посуды имеет очень близкие формы, большинство посуды представлено лепными глиняными сосудами горшковидной формы. Горшки имеют, как правило, широкое горло, плавно переходящее в раздутье тулово шаровидной или овальной формы. Дно сосудов круглое. Орнамент, как правило, располагается в зоне перехода горлышка в тулово.

Постмаклашеевская керамика представлена горшками с шаровидным туловом и высокой горловиной, имеющими резкий переход от тулова к венчику. Орнамент большинства сосудов — поясок ямок в области шейки. Ямки расположены равномерно либо сгруппированы по 3 и более. С внутренней стороны сосуда ямки образуют «жемчужину». Ямочный орнамент часто дополняется резными либо прочерченными линиями, либо насечками, изредка шнуровым или гребенчатым штампом (Рис. 74, 1 — 2, 4 — 6). К концу существования ананьинской культуры переход от шейки к тулову

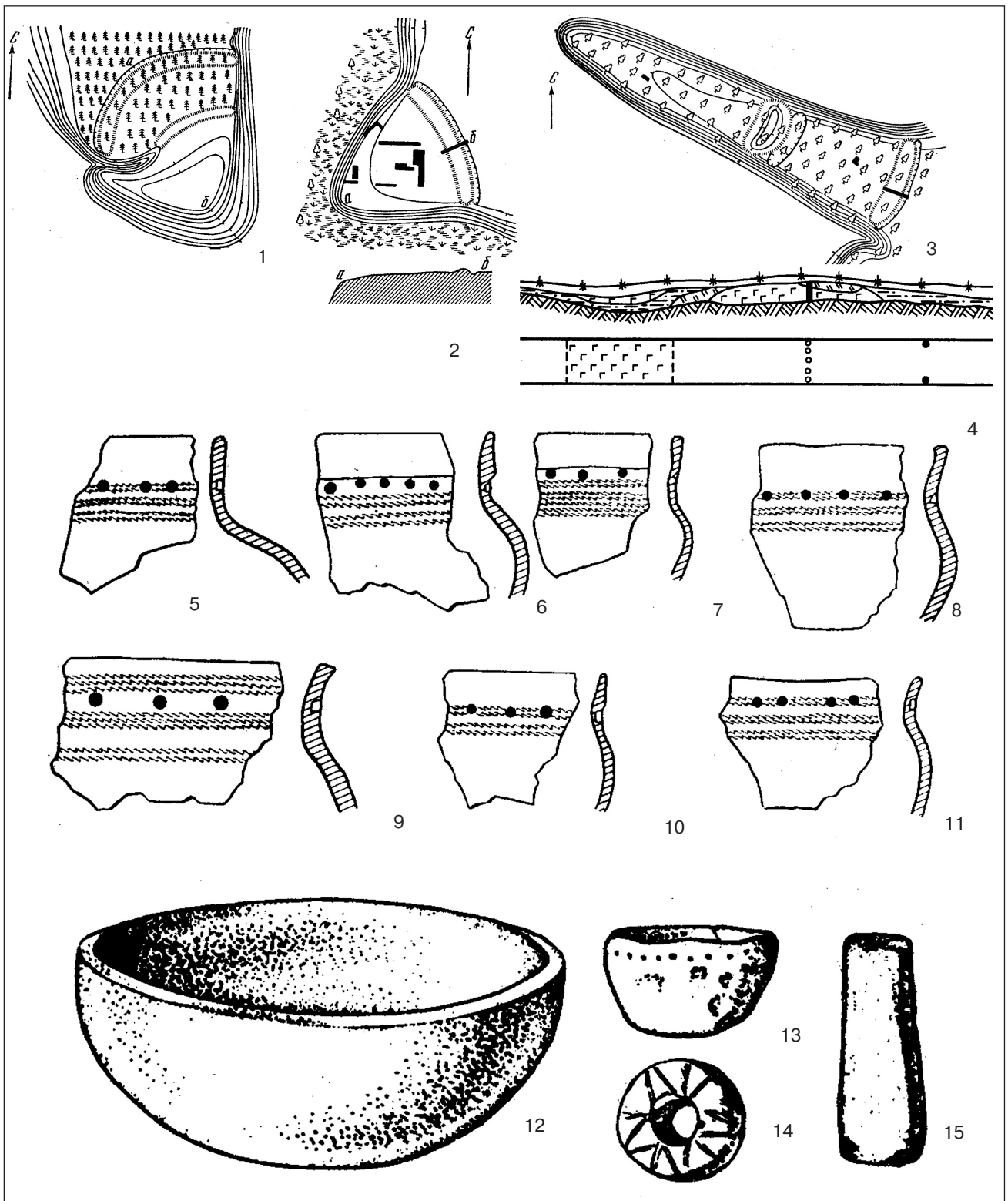

Рис. 73. Ананьинская культура. Планы и инвентарь поселений.
 1 – Старая Мушта; 2 – Новокабановское; 3 – Трикольское; 4 – разрез вала Трикольского городища; 5 – 15 – керамический инвентарь Новокабановского городища.

становится плавным и сильно обедняется разнообразие орнамента. В глине сосудов содержится смесь песка или, реже, толченой раковины.

Шнуровая, или сложношнуровая, керамика характеризуется широкогорлыми горшками и широкими чашами. Орнамент составляется исключительно из оттисков шнура, скомпонованного в несколько рядов, дополненных узорами из волнообразных, наклонных и перекрещивающихся линий, треугольников и ромбов (Рис. 74, 3, 7 – 9). К четвертому этапу культуры орнамент значительно обедняется: сокращается количество рядов до 2 – 3, появляются ямки, исчезают дополнительные элементы (Рис. 71, 5 – 11). Примесью в глине сосудов служит толченая раковина.

Гребенчато-шнуровая керамика представлена сосудами чашевидной и горшковидной формы с низким или высоким горлом, переходящим в тулово со слабовыпуклыми плечиками. Орнамент состоит из гребенчатых и шнуровых отпечатков в виде наклонных, вертикальных, перекрещивающихся и зигзагообразных линий.

Наиболее ранние ананьинские памятники, выделяемые исследователями в локальный вариант или в отдельную археологическую культуру, находятся на Средней Волге. В конце VI в. до н.э. они прекращают свое существование – начинается продвижение ананьинских племен на север и восток. К этому времени относятся обнаруженные на территории Башкортостана первые ананьинские могильники – Таш-Елга (Янаульский район), Старший Шиповский (Иглинский район), могильники у разъезда Правая Белая и на улице Верхняя Аульная в г. Уфе, имеющие большое сходство с нижекамскими памятниками. Захоронения представляют собой неглубокие простые могильные ямы прямоугольной формы, в которых погребенные лежали вытянуто на спине. Сопровождающий инвентарь состоит из сосудов, бронзовых гривен, бронзовых втульчатых наконечников копий с прорезным пером, бронзовых втульчатых топоров-кельтов, различных бронзовых украшений и изредка бронзовых кельцов (Рис. 72).

Довольно значительный процент мужских погребений ананьинской культуры сопровождался боевым оружием, имеющим аналогии в южных степных культурах. Для ананьинской общности характерны два типа «воинских» погребений: могилы с кинжалом, боевым топором и другим оружием, сопровождающиеся пышным инвентарем и исключительным погребальным обрядом и могилы, отличающиеся от остальных, «не воинских» погребений мужчин лишь присутствием кинжала или боевого топора.

Первая группа зафиксирована лишь на ранних могильниках VIII – VI вв. до н.э. Степень изучен-

ности последних не позволяет анализировать планиграфию могильников и провести корреляцию набора оружия погребений. Можно лишь констатировать факт существования на раннем этапе ананьинской общности высокого социального ранга, носитель которого удостоивался исключительного погребального обряда.

Второй тип погребений встречается на протяжении всего периода существования ананьинской культуры. Если принять предложение А.Х. Халикова о том, что боевой топор и кинжал помещены в могилу как символы ранга погребенного, то отдельно найденные в могиле либо боевой топор, либо кинжал должны также содержать в себе определенный символ. Вероятнее всего предположить, что это обозначение социального положения чуть ниже рангом, чем когда погребение содержит оба вида оружия (Ананьинский могильник). Конкретную роль этих людей на основании имеющейся информации определить трудно. Определения «племенной вождь» и «военачальник рода» можно высказывать лишь с большой долей предположения. Отметим лишь тот факт, что боевое оружие, найденное в ананьинских могильниках, за редким исключением, – импорт или подражания ему. Это подчеркивается также тем, что знаменитые ананьинские парадные секиры ни разу не найдены в погребальных комплексах. Таким образом, можно предположить, что предметы, символизирующие ранг рассматриваемой категории погребенных с точки зрения их сородичей, по возможности должны были быть импортными. Вероятно, предметы, изготовленные в собственной среде, не обладали для древних должным престижем.

В целом, материалы могильников ананьинской общности соответствуют слабо дифференцированному эгалитарному обществу. Подавляющее большинство погребений совершено с инвентарем, определяющим социально-хозяйственную роль индивида. Мужские погребения сопровождаются оружием, чаще охотничьим, реже боевым. Женские могилы содержат в основном предметы украшений и детали костюма. Из бытовых предметов встречаются лишь ножи как столовые приборы и пряслица. Какой-либо хозяйственной специализации среди мужчин и женщин не прослеживается.

Некрополи ананьинской общности формировались как родовые кладбища. Большое значение рода подчеркивается также остатками больших жилищ. Судя по их размерам, они служили пристанищем для большой семьи. Наличие большого количества очагов внутри жилища, возможно, показывает начало процесса обособления малых семей внутри большесемейных групп.

В советской историографии правилом хорошего тона считалось упоминать о существовании в эпоху

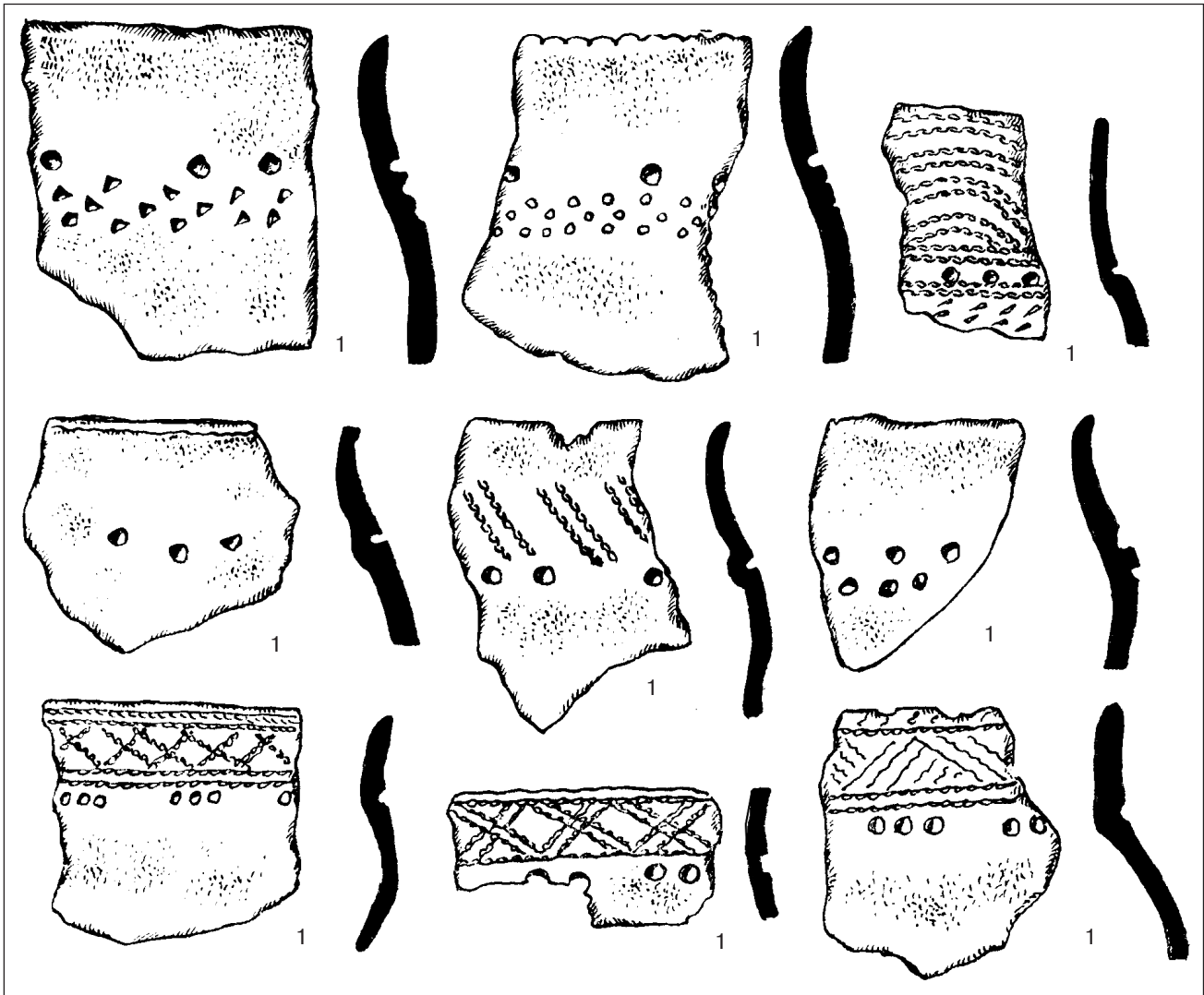

Рис. 74. Ананьинская культура. Керамика поселений.

раннего железа племенных союзов. Временем их формирования считался ананьинский период, причиной – угроза со стороны степного кочевого населения. Однако анализ вооружения и оборонительных сооружений городищ ананьинской общности показал, что лесостепное население могло вполне эффективно противостоять южным соседям. Более того, исходя из логики развития степного кочевнического общества, номады не стремились к военным конфликтам в лесостепной зоне. Этот регион служил им, скорее, надежным тылом. Существование племенных союзов и, более того, самих племен пока остается не более чем гипотетическим предположением.

Тем не менее, появление укрепленных поселений и большое количество оружия в мужских погребениях показывает, что в эпоху раннего железного

века в среде лесных и лесостепных племен происходят значительные социальные изменения, которые требуют объяснения. Следует заметить, что аналогичные изменения происходят и в степной зоне. По сравнению с эпохой бронзы количество оружия в могильниках увеличивается в несколько раз. Дело здесь не только в освоении новой технологии – черной металлургии. Скорее, социальные процессы, вызвавшие резкое возрастание военизации древних обществ, подстегнули распространение предметов вооружения из железа. Достаточно вспомнить, что в начальные периоды существования ананьинской общности оружие (наконечники стрел, наконечники копий, кинжалы, топоры) изготавливались из бронзы и в масштабах, не сравнимых с предшествующей эпохой. Однозначного ответа на поставленный вопрос в современной литературе пока нет.

Возможно, разгадка этого феномена кроется в анализе хозяйственных изменений, произошедших в начале эпохи раннего железного века.

Население, составляющее ананьинскую общность, занимало в основном лесостепную и южную кромку лесной зоны. Поселения и могильники приурочены к крупным рекам с обширными поймами. Наиболее эффективным в данных природных условиях являлось комплексное хозяйство, т.е. включающее в себя различные виды деятельности. Археологические памятники позволяют заключить о существовании в ананьинской среде скотоводства, земледелия или сложного собирательства, охоты и рыболовства. Характер первой отрасли реконструируется по «кухонным остаткам» — фрагментам костей животных, находимых в культурных слоях поселений. Мясной рацион населения северного ареала ананьинской общности (лесная зона) состоял из конины и говядины, значительно меньше использовалась свинина и баранина. В южном ареале (лесостепь) в рационе питания преобладала свинина и конина [Петренко, 1984. С. 129].

Кости диких животных составляют значительно меньший процент, нежели кости домашних животных. Здесь также прослеживаются различия между лесом и лесостепью. Северное лесное население охотилось в основном на пушного зверя (бобра, куницу, белку). Объектом охоты являлся также медведь, лось и северный олень. Южное (лесостепное) население больше внимания уделяло мясному направлению в охотничьей отрасли. Основными объектами охоты были медведь, лось и косуля. Пушной зверь (бобр, куница, заяц) также представлял интерес для лесостепного охотника. В целом археологические материалы свидетельствуют, что «население ананьинских поселений... располагало значительно большим количеством ценной пушнины» [Петренко, 1984. С. 127].

По сравнению с предшествующей эпохой бронзы, в ананьинское время резко возрастает роль охоты, особенно на пушного зверя. Этим можно объяснить и большое количество импортных изделий в ананьинских могильниках. Вероятно, пушнина являлась основным объектом меновой торговли между оседлым лесостепным и кочевым населением. В этой ситуации социальный статус и престижность занятия охотой должна возрасти. Этот вывод подтверждается тем, что основной набор инвентаря в мужских погребениях — принадлежности охотника: лук и колчан со стрелами, копье и топор. Мужчину в иной мир отправляли как охотника, показывая этим преимущество этого занятия над остальными.

Возможно, здесь кроется причина резкого возрастания военизации лесных и лесостепных обществ. Появление на юге в степях мобильного населения, создавшего спрос на пушнину и могу-

щего дать взамен продукты производства южных земледельческих цивилизаций, вполне мог вызвать «охотничий бум» в ранее изолированных лесных сообществах.

С другой стороны, появление такого легко отчуждаемого «богатства», как пушнина, могло вызвать внутренние конфликты в оседлых коллективах. Это, в свою очередь, вынудило строить укрепленные поселки для защиты родового имущества от жадных соседей.

Анализ расположения поселений, приведенный выше, позволяет приблизительно реконструировать образ жизни ананьинского населения. В зимний период предпочитали занимать труднодоступные, укрепленные самой природой места, позднее дополненные искусственными преградами (стенами, рвами, эскарпами и т.п.). Зима — это период интенсивного охотничьего сезона на пушного зверя и, соответственно, накопления родового богатства. Следовательно, наиболее опасное время на предмет военных набегов. Номады в этот период, как показывают многочисленные исследования, уходили на юг к границам земледельческих государств. Поэтому они не могли представлять угрозы для обитателей лесных городищ.

Летом население переселялось в низменные места, на невысокие берега рек, стариц и озер. Летние поселки не укреплялись, хотя именно в этот период номады предпочитали подкочевывать к северной границе степи. Вероятно, в этот период происходил обмен между охотниками и номадами. Вполне вероятно, что в это время устанавливалось своеобразное перемирие для обеспечения процветания «пушного бизнеса».

Наиболее дискуссионным для лесостепного Приуралья является вопрос о существовании земледелия в эпоху раннего железного века. Имеются факты находок зерен сельскохозяйственных растений на памятниках ананьинской общности. В Ананьинском могильнике найдены семена конопли, в одном из жилищ Осинского городища (Пермский край) — зерне злаков. На территории Башкортостана в глиняном сосуде на Новокабановском городище содержались остатки пшеницы-полбы. Орудия труда, которые могут быть отнесены к земледельческим, крайне редки и примитивны. Обработка урожая, т.е. помол зерна, мог производиться с помощью каменных терочников. В целом, эти предметы характеризуют ананьинское земледелие как мотыжное, которое в условиях лесостепного Приуралья не могло быть основной отраслью хозяйства. Можно также предположить, опираясь на этнографические параллели, что земледелие было непрестижным, вспомогательным сектором ананьинского хозяйства.

Расположение большинства ананьинских поселений на крупных реках, несомненно, предполагает занятие рыболовством. Об этом также свидетельствуют находки острог и костей рыб на ананьинских поселениях.

Обилие в могильниках ананьинской общности металлических предметов предполагает существование собственной металлообработки. Как было установлено С.В. Кузьминых, в ананьинскую эпоху в Приуралье существовал собственный центр цветной металлургии со своими источниками сырья и оригинальными формами бронзовых изделий. К сожалению, пока в литературе отсутствует информация об исследованных производственных металлургических объектах, поэтому вопрос об особенностях ананьинского бронзолитейного производства остается открытым.

К концу V в. до н.э. ананьинский металлургический очаг переживает сильнейший кризис, связанный с истощением источников сырья. Нехватка металлических орудий могла подорвать всю экономику ананьинских коллективов, базировавшихся на промысле пушного зверя. Возможно, этот кризис стал одной из причин ухода ананьинцев из первоначального ареала. В поисках новых источников сырья ананьинское (постмаклашеевское) население продвигается в бассейн р. Агидель (Белой). Здесь, как свидетельствуют археологические материалы, местное население — носители курмантауского варианта маклашеевской общности — активно использовало имеющиеся источники медных руд. Одним из таких центров бронзолитейного производства являлись поселения возле горы Курмантау (Гафурийский район РБ). Именно сюда, достаточно далеко на юг от своей родины, проникают ананьинские переселенцы и осваивают новые рудные базы. Параллельно идет процесс освоения железа как основного материала для изготовления орудий. В итоге, на рубеже V — IV вв. до н.э. культура ананьинского населения, наиболее далеко продвинувшегося на юг вдоль р. Агидель (Белой), переживает значительную трансформацию. Ананьинская миграция в бассейн Белой дает толчок для нового витка этногенеза. Здесь, в лесостепном Прибелье, из нескольких этнических групп складывается новое культурное образование, которое получило в литературе название кара-абызской культуры.

На севере ареала ананьинской общности процесс образования новых культур шел более плавно. Новые образования начинают археологически фиксироваться только на материалах III — II вв. до н.э. Здесь в лесном Прикамье на ананьинской основе складываются пьяноборская и гляденовская культуры.

КАРА-АБЫЗСКАЯ КУЛЬТУРА (V В. ДО Н.Э. — IV В. Н.Э.).

Кара-абызские древности попали в поле зрения науки достаточно рано. Однако их осмысление и объединение в одну культуру произошло значительно позже. Ранее других в литературе стали известны городища Уфимское, Кара-Абызское и Бирское. Все они расположены на крупных реках (Уфа и Агидель (Белая)) вблизи населенных пунктов. Благодаря своему расположению на крутых живописных мысах, были хорошо известны местному населению и носили название Чертовых. Поэтому часто попадали в поле зрения и всех заезжих исследователей. Первые научные описания городищ относятся к XVIII в. [*Паллас*, 1786. С. 13; *Рычков*, 1770. С. 140 — 142, 148 — 149]. В XIX веке все три памятника неоднократно фигурируют в работах известного уфимского краеведа Р.Г. Игнатъева. В свою очередь, работы Р.Г. Игнатъева привлекли внимание к городищам столичных археологов-профессионалов. В 1894 г. На городище Кара-Абыз были произведены раскопки Ф.Д. Нефедовым [*Нефедов*, 1899]. В 1898 г. на Бирском городище — А.А. Спицыным [*Спицын*, 1898. С. 58].

Однако более внимательно к древностям эпохи раннего железа на территории Башкортостана профессионалы стали относиться после исследований В.В. Гольмстен. В 1910 — 1912 гг. московский археолог В.В. Гольмстен произвела раскопки Уфимского (Чертова) городища и могильника, а также Охлебининского II городища и могильника [*Гольмстен*, 2003]. Основным интерес был вызван к материалам, полученным на Уфимском могильнике.

Следующий этап изучения кара-абызских древностей был связан с деятельностью Уральской Археологической экспедиции АН СССР, организованной Музеем антропологии и этнографии АН СССР (ныне Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН), во главе с А.В. Шмидтом. В 1928 г. экспедиция проводила исследования на территории Башкортостана. Работы велись совместно с Башкирской экспедицией АН СССР и финансировались правительством БАССР. В этот период были исследованы городища Кара-Абыз и Чандар (Соколиный камень) и селище Воронки. Участником этой экспедиции был М.И. Касьянов — сотрудник музея Южного Приуралья в г. Уфе (ныне Национальный музей РБ), ранее открывший ряд памятников эпохи раннего железа на горе Курмантау (Гафурийский район), селище Воронки в г. Уфе и памятники у х. Чандар (Нуримановский район РБ). Знакомство с этими объектами позволило А.В. Шмидту объединить их в уфимскую культуру [*Шмидт*, 1929].

Через двадцать с лишним лет выходит работа А.В. Збруевой [Збруева, 1952], где древности, аналогичные Уфимскому могильнику, отнесены к позднему этапу существования ананьинской культуры. Однако о предположении А.В. Шмидта включить Уфимский могильник в особую культуру автор монографии не упоминает. Более того, никак не обосновывается и принадлежность некрополя к ананьинской общности. Вероятно, отсутствие новых материалов с территории Башкирии, с одной стороны, и очевидная схожесть материалов Уфимского и поздних захоронений ананьинских могильников, с другой, снимали эту необходимость. Заслуживает А.В. Збруевой является определение даты Уфимского некрополя – IV – III вв. до н.э., что не потеряло своего значения и по сей день.

Несколько иначе на древности раннего железа Центрального Башкортостана взглянул А.П. Смирнов. В своей работе он говорит об уфимской или кара-абызской культуре, которая представляется ему как вариант ананьинской [Смирнов, 1957. С. 28]. Практически на протяжении полувека Уфимский могильник у Чертова городища являлся единственным, хорошо документированным некрополем эпохи раннего железа в Башкирском Приуралье, поэтому каких-либо обоснованных аргументов к выделению башкирских лесостепных материалов в самостоятельную культуру, отличную от хорошо известных ананьинской и пьяноборской, практически не было.

Ситуация резко меняется с началом научной деятельности А.Х. Пшеничнюка. Материалы, полученные им в 60 – 70-е гг. XX в., до сих пор являются базовыми для исследователей, обращающихся к кара-абызской проблематике. За сравнительно короткий срок им был открыт и исследован ряд опорных для лесостепного Приуралья памятников: Охлебининский, Биктимировский и Шиповский могильники. Значительное расширение источниковой базы дало ему возможность выпустить монографическую работу, посвященную кара-абызской культуре [Пшеничнюк, 1973]. С этого момента вопрос о правомерности выделения кара-абызских древностей в самостоятельную культуру больше не поднимался. В своей работе А.Х. Пшеничнюк разработал хронологию и периодизацию культуры, систематизировал вещевой комплекс, решил вопросы о происхождении и исторической судьбе населения, оставившего эту культуру. В дальнейшем автор ввел в научный оборот большинство своих полевых материалов, уточнил некоторые аспекты, касающиеся хронологии древностей, типологии поселенческих материалов, уровня социального развития и этнической принадлежности носителей культуры.

Отдельные стороны кара-абызской культуры были рассмотрены в монографических исследова-

ниях, касающихся военного дела [Иванов, 1984], животноводства [Петренко, 1984] и антропологии [Акимова, 1968].

В 90-е гг. XX в. исследование кара-абызских древностей было возобновлено В.В. Овсянниковым. Основные работы проводились на Шиповском комплексе памятников. В результате были получены новые материалы, уточняющие хронологические рамки культуры, иллюстрирующие связи древнего населения с окружающим миром и расширяющие знания о погребальной обрядности кара-абызского населения. Предварительные результаты исследований были опубликованы в монографии [Овсянников и др., 2007]. В ходе неоднократных разведочных выездов был открыт ряд новых поселенческих памятников кара-абызской культуры [Овсянников, Пшеничнюк, 2007].

В V в. до н.э. в лесостепное правобережье среднего течения р. Агидель (Белой) начинает проникать постмаклашеевское население – выходцы из ананьинской культурно-исторической области. Здесь иммигрировано местное население – носители курмантауского варианта маклашеевской общности. Малочисленность последнего и, хотя и дальше, но родство способствовали мирному протеканию этого процесса. Часть поселений, основанная носителями типа курмантау (Бирское, Курмантаевское), впоследствии перекрывается ранне-кара-абызскими слоями.

В период с кон. IV по сер. III вв. до н. э. в правобережье среднего течения р. Белой начинают проникать группы пришлого зауральского населения. Одновременно ранние кочевники осваивают степное левобережье р. Агидель (Белой). В результате взаимодействия различных по происхождению, уровню хозяйственного и социального развития групп населения в Центральном Башкортостане складывается уникальная культура, впитавшая как традиции лесного оседлого населения, так и южного полукочевого и кочевого. В первую очередь это отразилось в разнообразии керамического материала на кара-абызских памятниках, обилии южных импортов и подражаний, различии топографии памятников и в погребальном обряде.

В результате этих процессов складывается несколько территориальных групп населения, связанных общностью материальной культуры, единым хозяйственным типом, близкими этнографическими признаками, но имеющими и некоторые отличия (Рис. 58).

Поселения кара-абызской культуры располагаются преимущественно на высоких мысах. Городища занимают большую площадь и имеют, как правило, значительную мощность культурного слоя. Самым большим по площади является II Охлебининское (Ак-Таш) городище (с. Охлебинино

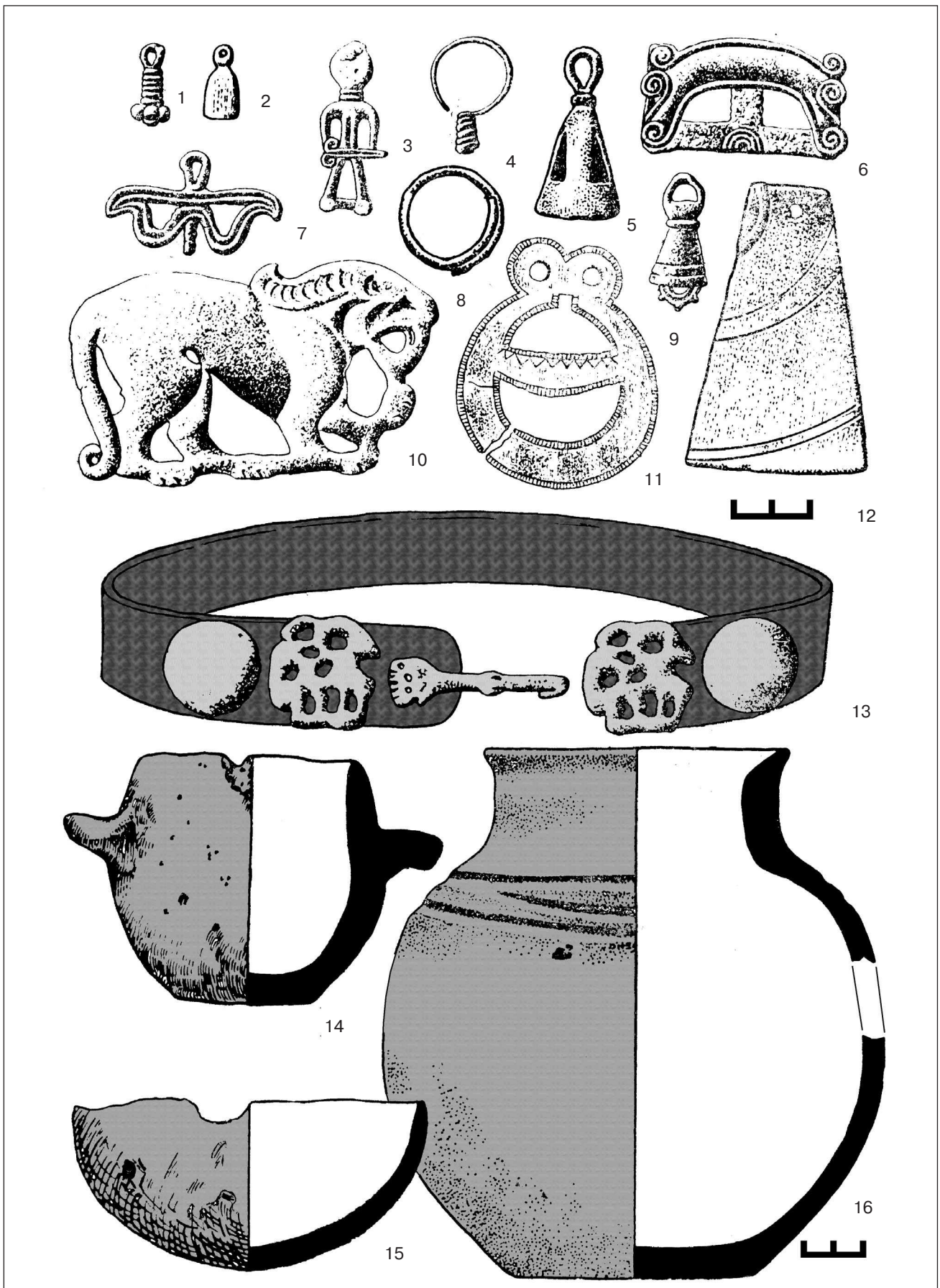

Рис. 75. Кара-абызская культура. Гафурийский тип. Погребальный инвентарь.
 1 – 13 – Шиповский могильник; 1 – 12 – бронза; 14 – 16 – глина; 13 – реконструкция женского пояса.

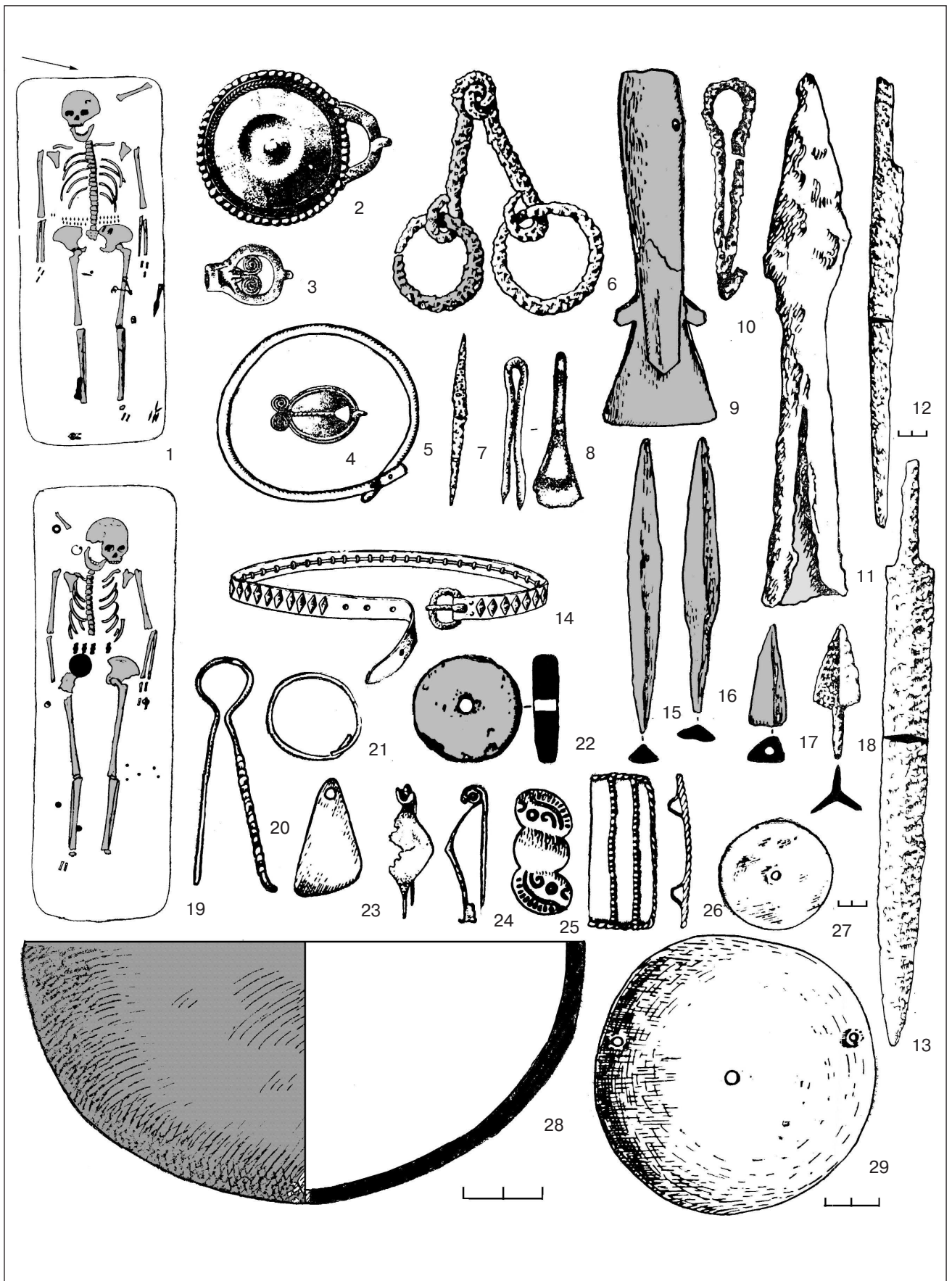

Рис. 76. Кара-абызская культура. Планы и инвентарь грунтовых погребений.

1 – 29 – Шитовский могильник; 2 – 5, 7 – 8, 20 – 21, 23 – 27, 29 – бронза; 6 – 7, 10 – 13, 18 – железо; 9, 15 – 17 – кость; 22, 28 – глина; 14 – реконструкция мужского пояса.

Иглинского района Башкортостана), площадь которого составляет более 200 тыс. кв. м. Культурные слои поселений богато насыщены керамикой, костями животных и другими находками. Остатки жилищ на них не обнаружены. Керамика круглодонная, чашевидной или горшковидной формы, содержит в глине примесь дресвы, песка и толченой раковины. Орнамент расположен по верхней части сосудов и состоит из ряда крупных ямок, глубоких насечек или вдавлений. Иногда этот узор дополнен отпечатками гребенчатого штампа или насечек.

Могильники кара-абызской культуры являются крупнейшими в Волго-Камском регионе. Так, Охлебининский могильник занимает площадь около 50 тыс. кв. м, Новый Уфимский (г. Уфа) — не менее 140 тыс. кв. м, Шиповский грунтовый — примерно 64 тыс. кв. м. Судя по произведенным подсчетам, только на Охлебининском могильнике захоронено не менее 10 тыс. человек.

Захоронения на могильниках, как и в ананьинскую эпоху, совершались в простых грунтовых ямах прямоугольной формы (Рис. 76). Исключение составляют погребения Охлебининского могильника, на котором могилы вдоль стенок обложены крупными камнями (Рис. 77). Для мужских погребений кара-абызской культуры характерны предметы вооружения и конского снаряжения, для женских — предметы украшений (Рис. 78). В могилах часты сосуды и кости животных (конечности овец и свиней). В женских погребениях с рубежа нашей эры пояс лежат на костяке или рядом с ним, а нагрудные украшения находятся в ногах.

Благодаря работам А.Х. Пшеничнюка хронология и периодизация кара-абызской культуры разработана достаточно четко. Всего им выделено 4 этапа: IV — III вв. до н.э.; III — II вв. до н.э.; II в. до н.э. — II в.н.э.; II — IV вв. н.э. Основная масса погребений на грунтовых кара-абызских могильниках принадлежит к 3-ему и 4-му этапам. Опираясь на эти исследования, можно предварительно разделить погребения на ранние (III хронологическая группа) и поздние (IV хронологическая группа). Погребальный обряд обеих групп захоронений по многим показателям различен. Поэтому далее их описание дается отдельно.

подавляющее большинство захоронений является индивидуальным. В могильных ямах простой конструкции с ровным дном, отвесными стенками и имеющими в плане подпрямоугольную или трапециевидную форму.

В большинстве погребений, где восстанавливается положение умершего, костяки лежат вытянуто на спине. Лишь в одном случае есть отклонения от ортодоксального положения: у погребенного была согнута правая нога. Необходимо отметить, что большинство костяков не сохранилось ввиду

особенностей грунта, поэтому часто положение умершего и его ориентировка определялась по отдельным сохранившимся костям (чаще всего — костям черепа и зубам) или по расположению вещей. Наибольшая часть костяков в определенных погребениях ориентирована на запад и на запад — юго-запад. В остальные стороны света ориентировано по 1 — 3 погребения.

В погребениях встречены кости животных. В одном случае это челюсть лошади (?), в другом — кости мелкого рогатого скота (овцы или козы). В большинстве захоронений предметы одежды и украшения лежат так, как носились при жизни. В одном случае скопление бронзовых украшений одежды находилось в ногах погребенного. В одном погребении на дне могилы в ногах погребенного встречено небольшое углистое пятно.

Наиболее часто встречающимся предметом являются железные ножи. Как правило, ножи встречаются в области пояса, нередко в комплексе с бронзовыми круглыми бляшками, являющимися, вероятно, деталями украшения ножен. Ножи равномерно распространены по всем половозрастным группам (Рис. 77, 1).

Большая часть *наконечников стрел* изготовлена из кости. Железные наконечники встречаются в единичных экземплярах. Наконечники в ненарушенных погребениях располагаются кучкой, в ногах слева от погребенного. Остатков и деталей колчана не зафиксировано (Рис. 77, 2).

Наконечники копий в большинстве случаев положены слева от умершего, острием к ногам либо к голове. В некоторых случаях наконечник копья лежит перпендикулярно к костяку и длинным стенкам могилы. Таким образом, какого-либо канона в направлении острия копья не прослеживается. Соблюдается лишь одна закономерность — копье укладывалось слева от умершего в районе бедренных костей. Судя по расположению наконечников, древко копий предварительно ломалось (Рис. 77, 3).

В нескольких погребениях найдены так называемые боевые ножи — длинные (до 40 см) однолезвийные клинки. Во всех случаях без исключения клинки лежат снаружи правого бедра. В большинстве случаев на клинках сохранялись бронзовые наконечники ножен. В трех погребениях клинок в ножнах сопровождался бронзовой портупейной пряжкой. Вероятно, клинки клялись в могилу не пристегнутыми, но так, как они носились при жизни, о чем свидетельствует единообразие в их расположении (Рис. 76, 12).

Железные удила всегда расположены в области ног. Какие-либо другие предметы (пряжки, накладки и другая гарнитура) отнести к узде не удастся (Рис. 77, 4).

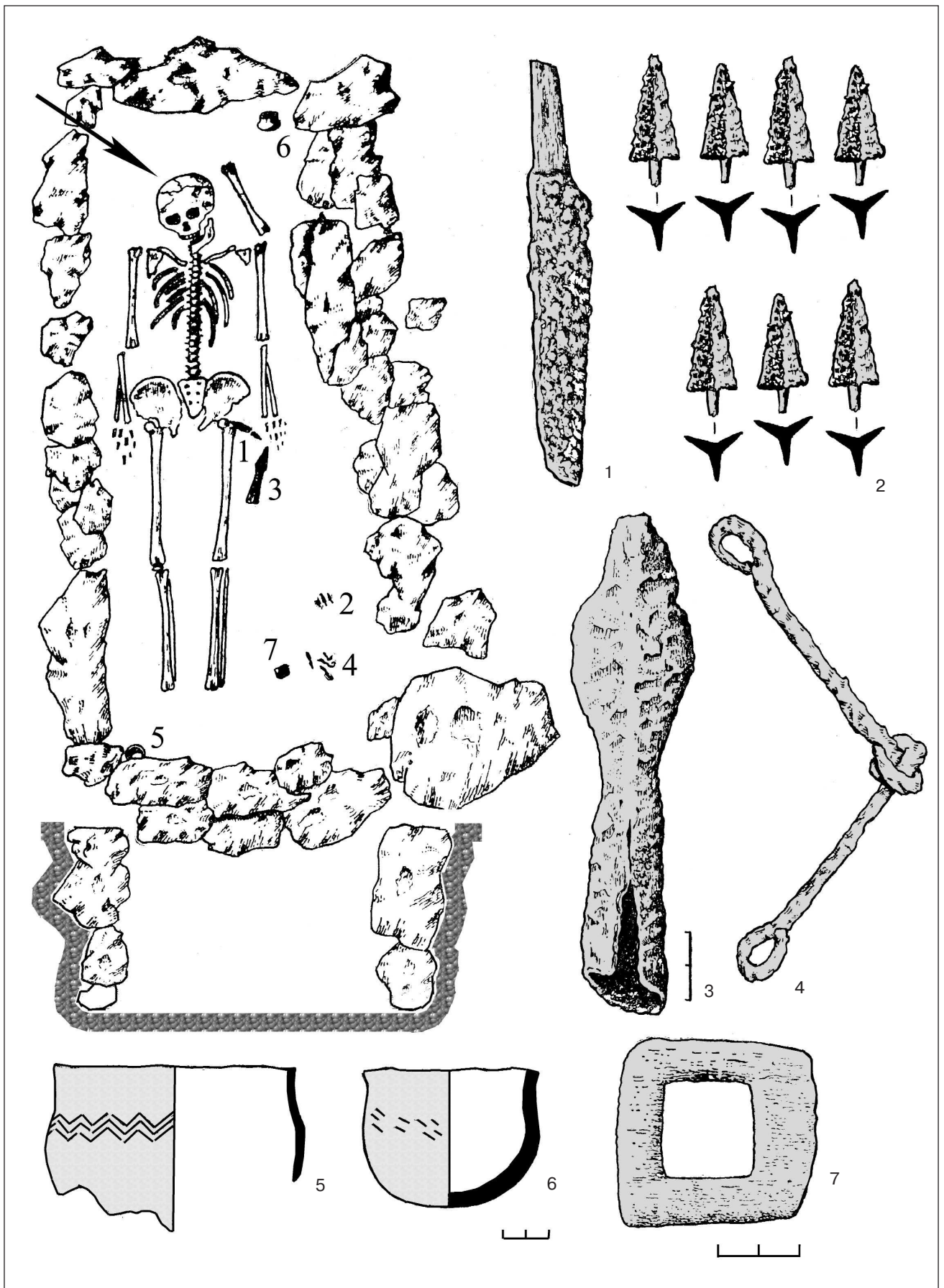

Рис. 77. Кара-абызская культура. Комплекс мужского погребения Охлебининского могильника.
 1 – 4 – железо; 5 – 6 – глина; 7 – кость.

Детали поясных наборов. Это бронзовые, костяные и железные пряжки, бронзовые бляхи, застежки и накладки, а также железные крючки (Рис. 76, 2). Следы кожи на них встречаются крайне редко. Поясные наборы найдены в захоронениях как с женским, так и мужским инвентарем. Во всех случаях поясные наборы встречены в районе поясницы погребенного. Детали пояса, как правило, лежат так, как он носился при жизни. Делать заключения о застегнутости/рассстегнутости пояса в ряде случаев очень сложно. Это связано с плохой сохранностью органических материалов, в том числе и костных, а также сильной коррозированностью железных застежек. Лишь в одном случае можно с большой долей уверенности говорить о расстегнутом поясе.

Бусы чаще всего находятся в составе ожерелий в области шеи умершего. В нескольких случаях, как правило, в детских или мужских погребениях, встречены отдельные бусины.

Пряслица в большей части погребений лежали у плеча или головы слева или справа (Рис. 76, 22).

В погребениях с мужским инвентарем у умерших найдены по две бронзовые пряжки. Это говорит об их принадлежности к обуви (Рис. 76, 3).

Трапециевидные подвески с отверстием, вырубленные из бронзовых зеркал, как правило, встречаются попарно (от одной до четырех). Они служили украшением женской одежды. Определить их место на одежде сложно из-за нестандартности их расположения в погребении. В одном случае они встречены с поясным набором, в другом — в составе других бронзовых украшений, лежавших в кучке в ногах погребенного. В большинстве же захоронений они лежат отдельно (Рис. 76, 23; 78, 3).

Могила позднего периода сосредоточены достаточно плотно. В их расположении можно выделить ряды. Подавляющее большинство могильных ям врезано в материковый слой и отличается хорошей сохранностью костного материала.

Несмотря на плотное расположение могильных ям, наблюдаются четкие ряды; хорошо различимы границы семейных участков, не заполненные погребениями. Не зафиксировано ни одного нарушения могильной ямы друг другом, что говорит о наличии каких-то надмогильных сооружений и о небольшом хронологическом разрыве между погребениями.

Основная часть могильных рядов располагается по линии запад — восток. Могильные ямы в этих рядах ориентированы по линии север — юг с небольшими отклонениями. С юго-востока к ним примыкают ряды погребений, вытянутые по линии юго-запад — северо-восток. Могильные ямы в них соответственно ориентированы по линии северо-запад — юго-восток. Немногочисленные могильные ямы, выбивающиеся из этого правила, расположены вне рядов погребений. Нередко это детские

погребения. Это обстоятельство позволяет четче определять территории родовых участков на плане раскопа.

В заполнении могильных ям следов перекрытий, гробов, колод или других деревянных конструкций не обнаружено. В нескольких случаях на дне могильных ям под скоплением бронзовых вещей или под костяками прослежены следы органики, похожей на кору. Поскольку над костяком и вещами подобный органический глен отсутствовал, можно сделать заключение, что умерших укладывали на подстилку из коры, а перекрытие сверху отсутствовало.

Подавляющее большинство погребений является одиночным.

В меридионально ориентированных могильных ямах погребенные были уложены головой на север. В могильных ямах, ориентированных по линии СЗ — ЮВ, во всех случаях, доступных для определения, погребенные уложены головой на северо-запад. Малочисленны погребения, где костяки ориентированы головой на северо-восток и юго-запад. Таким образом, в поздней группе погребений наиболее представительными являются захоронения с северной и северо-западной ориентировкой.

Большая часть погребенных уложена на спину с вытянутыми ногами.

Большинство (около 70%) поздних погребений является потревоженным или разрушенным полностью. Практически ни в одном случае могильные ямы не нарушены, в ряде случаев зафиксированы части скелета, сдвинутые с первоначального положения, но сохранившие анатомический порядок. Эти факты говорят о том, что большинство погребений нарушено в древности. Объяснить это только как ограбление могил с целью получения ценных вещей можно только на материале тех погребений, которые не содержат ни вещей, ни следов костяка, либо содержащих разбросанные кости человека и обломки вещей. Однако этим трудно объяснить факты разрушения только верхней части скелета или только грудной клетки. При этом вещи, даже достаточно ценные, часто оставлены нетронутыми. Во многих погребениях верхняя часть скелета практически полностью отсутствует, изредка попадаются кости в заполнении либо на краю могильной ямы. При этом вещи, лежавшие в ногах, не тронуты. В этом плане показательны захоронения, где разрушению подверглась только грудная клетка, все вещи находились на своих местах. В ряде погребений еще на уровне могильного пятна точно над грудной клеткой фиксировался «грабительский вкоп». Таким образом, прослеживается обряд частичного или полного разрушения могилы. Это напоминает обряд обезвреживания умершего, встречающийся у ряда народов Евразии. С этой точки зрения выглядит

логичным преимущественное разрушение груди и верхней части туловища, где, по представлениям многих народов, располагается душа.

Сопровождающий инвентарь. В 12% погребений встречены кости животных. Эту категорию находок можно разделить на две группы. В первой группе погребений нахождение костей животных можно связать с обрядом помещения в могилу поминальной пищи. Как правило, это отдельно лежащие кости, в большинстве случаев — мелкого рогатого скота (овцы?). В одном случае это кости рыбы. В большей части погребений поминальная пища положена справа у головы погребенного.

Во второй группе погребений кости животных представлены небольшими трубчатыми костями мелкого животного (зайца?), лежащими обособленно в комплексе с пряслицами, ножами, шильями и пряжками. Судя по характеру залегания, эти вещи находились в какой-то емкости из органического материала (сумочке, мешочке и т.п.). Такие комплексы встречены только в захоронениях взрослых, причем, судя по остальному инвентарю, это были как мужчины, так и женщины. Вероятно, кости использовались как амулеты-обереги и носились в отдельных мешочках, подвешенных к поясу.

В погребении 255 Шиповского могильника в комплексе с наконечниками стрел найдены несколько обработанных лучевых костей гуся (определение к.б.н. Р.М. Сатаева). На одном конце этих костей имеются сверленные отверстия. Вероятно, амулеты находились в колчане или были подвешены к нему снаружи.

Наиболее распространенной находкой являются железные ножи. В большинстве погребений ножи найдены в области пояса, изредка — в области головы, у правой или левой ноги. Ножи встречаются в захоронениях всех половозрастных категорий.

В 19,3% погребений встречены наконечники стрел. Как правило, они располагаются компактно в районе костей ног остриями в сторону стоп. Вероятно, стрелы помещались в могилу в колчане, однако никаких следов от них или деталей из металла или кости не зафиксировано.

Из 10% погребений происходят глиняные пряслица. В большинстве погребений пряслица положены в районе черепа. Реже пряслица входят в своеобразный комплекс вещей, о котором писалось выше.

К менее распространенным предметам относятся железные шилья и наконечники копий. Первые происходят из 2,15% погребений, их клали в могилу у головы покойного, у ног или на грудь. Копья найдены в 3,6% погребений. Они укладывались возле правой руки покойного острием к голове или к ногам. Судя по положению наконечников, древки копий не ломались. Если это предположение верно,

то длина древка не превышала 90 — 100 см (Рис. 76, 7, 11).

В 5,4% погребений найдены глиняные сосуды. В погребениях находилось по одному сосуду. Все они находились в изголовье (Рис. 76, 28).

Среди украшений и деталей костюма наиболее часто встречаются железные пряжки. Они встречены в 15,7% погребений. В большинстве случаев пряжки использовались как поясные. Также они найдены в комплексе с ножами, пряслицами и костями-амулетами. Здесь железные пряжки служат застежками для каких-то поясных сумочек или мешочков.

Бронзовые пряжки встречены в 7,9% погребений. Во всех случаях бронзовые пряжки найдены в районе пояса — вероятно, служили поясными застежками.

В 10% погребений найдены ожерелья из бус либо отдельные бусины. В подавляющем большинстве случаев бусы найдены в области груди и шеи.

Височные подвески различных форм встречены в 13,2% погребений. Во всех случаях подвески найдены в области черепа, то есть там, где они носились при жизни (Рис. 78, 1).

Бронзовые браслеты происходят из 7,5% погребений. Во всех случаях (за исключением нарушенных погребений) браслеты найдены на костях предплечья одной либо обеих рук погребенных. Бронзовые перстни и гривны были найдены на умерших там, где они могли носиться при жизни.

В 6,1% погребений найдены остатки поясов, украшенных накладками. В шести случаях четко фиксируется обычай класть пояс поверх умершего, чаще всего его клали в области талии. В одном случае пояс был вытянут вдоль погребенного, в другом — брошен в ногах (Рис. 76, 14).

В пяти погребениях в ногах костяков зафиксировано скопление бронзовых подвесок и пронизок, составляющих, скорее всего, остатки какого-то украшения неясного характера. Возможно, эти подвески являлись принадлежностью женского костюма и украшали низ одежды. В пользу последнего свидетельствует то, что эти украшения найдены в комплексе с традиционными женскими атрибутами (пряслица, височные подвески и т.д.). Аналогичный обряд встречен и на других памятниках кара-абызской культуры. По мнению А.Х. Пшеничнюка, подобные скопления мелких украшений в ногах погребенных являются остатками отдельно положенной одежды, украшенной бронзовыми подвесками [Пшеничнюк, 1973. С. 178].

Таким образом, большинство украшений и деталей костюма попадали в могилу одетыми на умершего и являлись его личными вещами. Исключение составляют пояса, которые клались в расстег-

нотом виде поверх покойника, и положенная в ногах одежда.

Заслуживает отдельного рассмотрения выделенный нами комплекс вещей, в который входят, в разных сочетаниях, железные пряжки, ножи, шилья, пряслица и косточки-амулеты. Состав этих комплексов различен, но они четко выделяются своим обособленным положением в могиле. Эти предметы чаще всего лежат кучкой в стороне от костяка или в области бедер. В сопровождении мужского инвентаря часто встречаются комплексы, состоящие из ножа и пряжки, дополняющиеся иногда либо бронзовой пронизкой, либо шилом, либо костью животного. В мужских захоронениях эти комплексы чаще всего встречаются лежащими в области бедер. Вероятно, мужчины на поясе носили нож в ножнах, пристегивающихся железной или бронзовой пряжкой. Иногда ножны украшались бронзовой пронизкой, а их содержимое дополнялось шилом или костью-амулетом. Аналогичные ножны встречены в некрополях мазунинской культуры, здесь также вместе с ножом встречается шило и бронзовая обойма-пластина [Останина, 1997. С. 69].

В женских погребениях в этот комплекс входят, как правило, пряслице, шило либо нож, кость-амулет и иногда железная пряжка. Эти вещи в большинстве случаев лежат в головах умерших, в одном — на бедрах, в другом — у правой руки. Вероятно, этот комплекс вещей находился в каком-либо мешочке типа кисета. При жизни он мог носиться на поясе, в могилу же его могли положить отдельно от умершего.

На основании материала Охлебнинского и Биктимировского II могильников был реконструирован костюм кара-абызской женщины (Рис. 78). О материале и форме головного убора данных не имеется, но можно отметить, что к нему или прямо к волосам прикреплялись височные кольца. На шею надевалось несколько ниток бус, иногда и бронзовая гривна. Богато украшалась верхняя одежда. На плечи, рукава пришивались различные бронзовые обоймочки, пронизки и мелкие выпуклые круглые бляшки. От плеч к поясу в виде «портупей» спускались широкие кожаные ремни, покрытые гофрированными пластинками вперемежку с круглыми бляшками, которые оканчивались трапециевидными подвесками или бляхами с изображением животных. Поверх одежды носился широкий кожаный пояс, украшенный бронзовыми накладками с изображением зверей и одной-двумя крупными круглыми бляхами. К поясу крепились различные подвески. Низ одежды был обшит ремнем с обоймами и круглыми бляшками. Остатков обуви не сохранилось.

Кара-абызская культура является наиболее ярким феноменом Приуралья эпохи раннего желе-

за. Одним из составляющих этой яркости является искусство, дошедшее до нас в том числе и через зооморфную пластику. Большинство предметов кара-абызского искусства происходит из закрытых комплексов, что, с одной стороны, позволяет определить хронологическую позицию вещей, а с другой — ограничивает анализ предметами утилитарного назначения (принадлежности костюма). Культурное литье кара-абызской культуры нам неизвестно.

Предметы кара-абызского искусства неоднократно становились объектом различных исследований. Непосредственно искусству посвящены работы К.И. Корепанова, много лет занимавшегося семантикой предметов искусства и реконструкцией на этой основе мировоззрения древнего населения [Обыденнов, Корепанов, 2002].

В последние годы, благодаря исследованиям Шиповского, Ново-Уфимского и Охлебнинского могильников, были получены новые образцы кара-абызской зооморфной металлопластики. Особенно интересные находки были сделаны в Шиповской III группе курганов. В зооморфной кара-абызской пластике отчетливо выделяются группы, объединенные по степени близости стилевых, хронологических и культурных особенностей.

Стилистическая группа I включает поясные бляхи и бляхи-нашивки на одежду. На предметах встречаются изображения оленей, льва и львиного грифона (Рис. 75). Все бляхи изготовлены в технике одностороннего рельефного литья. Эту группу объединяет реалистичность изображений. Наиболее многочисленными в ней являются поясные бляхи с изображением оленя (Рис. 80, 1, 2).

Иконография изображений оленей очень стабильна. Все они изображены в стоячей позе, концы ног соединены прямой перемычкой. Рога ветвистые, на ряде блях окончания рогов изображены в виде голов грифонов. На всех фигурках под головой показана шерстяная опушка, напоминающая бороду (Фото 32).

Фигурки различаются по степени проработки деталей. Наиболее четкое изображение имеют экземпляры из Биктимировского III и случайная находка с территории Шиповского могильников. При осмотре остальных блях создается впечатление, что они являются более грубыми копиями. У наиболее поздней по времени бляхи (Охлебнинский могильник) изменены также пропорции изображения; не зная исходной формы, это животное даже сложно идентифицировать.

Точные аналогии этой группы изображений за пределами Южного Приуралья не известны. В целом мотив оленя является одним из основных в зверином стиле Северной Евразии. Не случайно фигурку из Булычевки, найденную еще до 1913 г., включали в обобщающие работы и по сибирскому

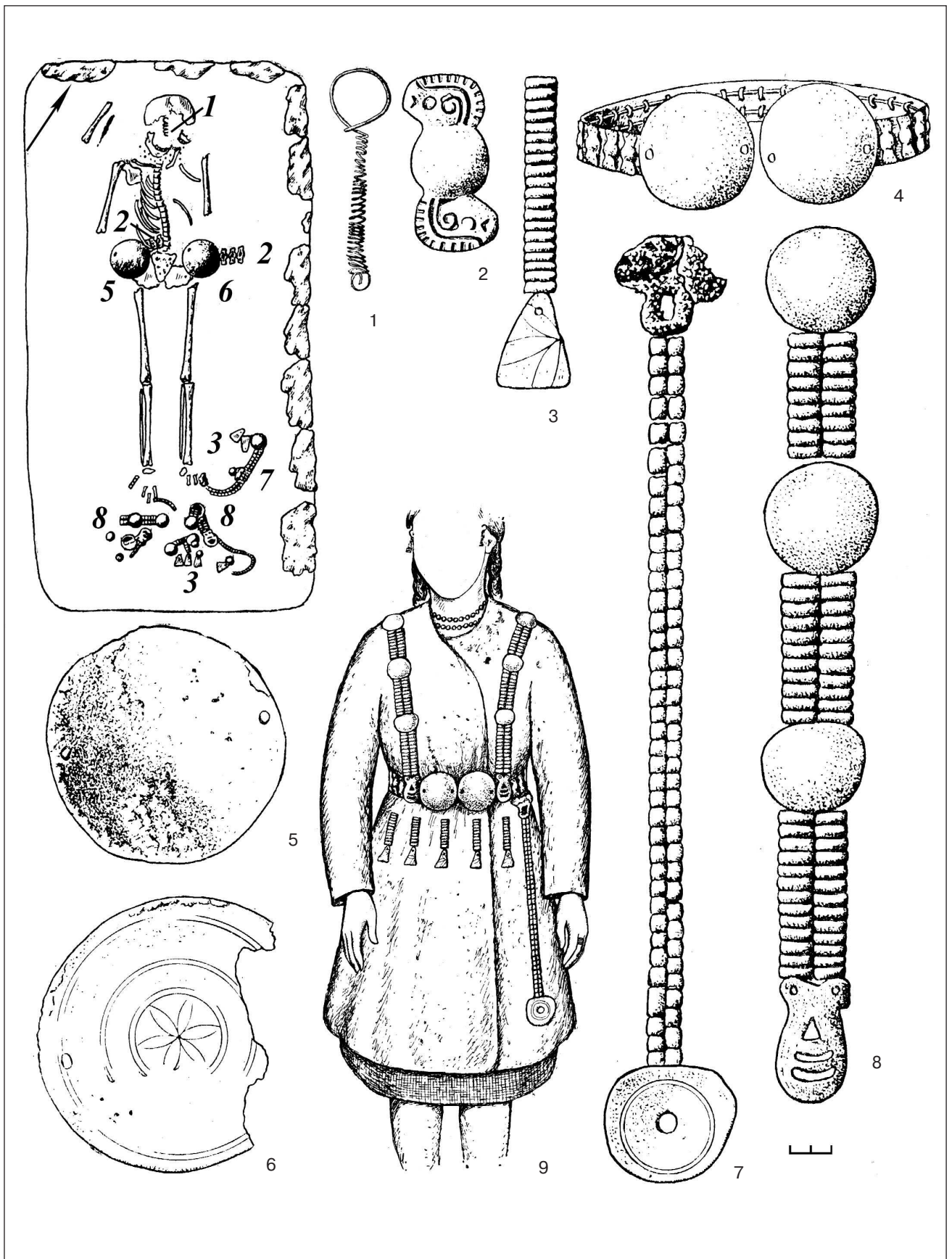

Рис. 78. Кара-абызская культура. Комплекс женского погребения Охлебининского могильника.
 1 – 3, 5 – 8 – бронза; 4 – бронза, кожа; 9 – реконструкция женского костюма.

звериному стилю, и по савромато-сарматскому искусству. Наибольшую схожесть кара-абызские олени обнаруживают с фигурками из Минусы и Енисейской губернии. Их сближает стоячая поза, перемычка у ног, рога в виде грифонов и длинная линия, подчеркивающая бедро. Последняя деталь характерна и для изображения хищников в памятниках Южной Сибири.

Более определенно можно проследить происхождение бронзовой бляшки с фигурой львиноголового грифона, происходящей из Шиповского I курганного могильника (Рис. 75). Львиный грифон является довольно распространенным персонажем среди предметов Сибирской коллекции Петра I. В подобном же стиле изображены кошачьи хищники из Южной Сибири. Е.В. Переводчикова связывает появление этого фантастического существа в скифо-сибирском искусстве с ахеменидским влиянием. Таким образом, появление мотива оленя и львиного грифона в кара-абызской пластике можно связать с южносибирским миром, при этом образ оленя привился на кара-абызской почве и получил дальнейшее развитие, а львиный грифон, судя по имеющимся материалам, остался кратким эпизодом.

По своим стилистическим особенностям в группу I включена бляшка с головой льва, найденная в слое Воскресенского городища. Однако по происхождению она стоит особняком от изображений своей группы. Практически идентичные бляшки происходят из Берестняговского могильника чернолесской культуры и Нимфейских курганов V в., до н.э. Подобная по композиции бляшка известна также в материалах Ананьинского могильника (Збруева, 1952. Табл. XXXIII, 1). Таким образом, эта группа изображений также связана со скифским искусством, но уже не с восточным, а с западным его ареалом. В кара-абызский мир это изображение могло попасть через ананьинскую культуру. В последней известны как находки оригиналов, так и местные реплики подобных изображений.

Основная масса предметов этой группы происходит из ранних, IV – III вв. до н.э., комплексов кара-абызской культуры. Бляшка с головой льва может быть датирована и рубежом V – IV вв. до н.э. Наиболее поздней, как уже говорилось, является бляшка с оленем из Охлебининского могильника: она найдена в комплексе III – II вв. до н.э. Изображения кошачьих не получили распространения в среде кара-абызского населения, зато фигуры оленей были достаточно популярны и использовались как детали женских поясных наборов. Можно предположить, что часть бляшек с оленями изготовлена местными мастерами. Первоначально основой для отливки являлись привозные экземпляры. При вторичной отливке некоторые детали изображения

терялись, а на наиболее поздней по времени отливке первоначальные черты практически не прослеживаются.

Стилистическая группа II объединена не только стиливыми моментами, но и мотивом изображения. В эту группу входят металлические изделия с профильным изображением медведей и медведеподобных хищников. Это поясные крючки, нашивные бляшки и перстень (Рис. 80, 4, 6).

Первыми по численности в группе являются поясные крючки, их учтено 6. На четырех из них изображен медведь в стоячей позе с опущенной головой. Эта поза является общераспространенной среди медвежьих изображений Северной Евразии. Она происходит от наиболее раннего образа медведя, встречающегося на оружии скифо-сибирского круга VIII – VII вв. до н.э., в том числе и в Приуралье. Здесь этот образ был воспринят ананьинским населением, через них получил развитие в среднедонской культуре и далее попал к европейским скифам. По мнению В.И. Гуляева, мотив медведя гораздо ближе к стилю восточных областей европейской части СССР, нежели к стилю собственно скифскому.

Два крючка из Шиповских I курганов и Охлебининского могильника демонстрируют значительную близость среднедонским изделиям (Рис. 75). Оформление самого крючка в виде стилизованной головы грифона является маркером среднедонских изделий. Кара-абызские крючки отличаются более слабой проработкой деталей, что указывает на их вторичность. Восточнее Урала подобные изделия не известны. Скорее всего, они являются наследием ананьинской культуры.

Другие два изделия отличаются простотой формы самого крючка и несколько иным стилем изображения медвежьей фигуры. Один из них изготовлен из бронзы, другой – из железа. Они выполнены в более реалистичной манере и по стилю близки изображениям медведя на нижеописанных изделиях. Все крючки найдены в комплексах IV – III вв. до н.э.

Пятый крючок найден в Шиповских III курганах, происходит из комплекса III – II вв. до н.э. Сам крючок изготовлен из железа, а щиток – из бронзы. На нем изображены две протомы медведей, обращенных в противоположные стороны. Когти показаны длинными параллельными линиями, тело орнаментировано завитками и кружками. Этот крючок по стилю очень близок к группе изображений медведя, описанных ниже.

Особняком стоит крючок из Охлебининского могильника. По стилю и форме он практически полностью соответствует вышеописанным экземплярам, но животное здесь изображено другое. Скорее всего, это лошадь, изображенная в той же позе, что и медведи. Учитывая, что это изделие про-

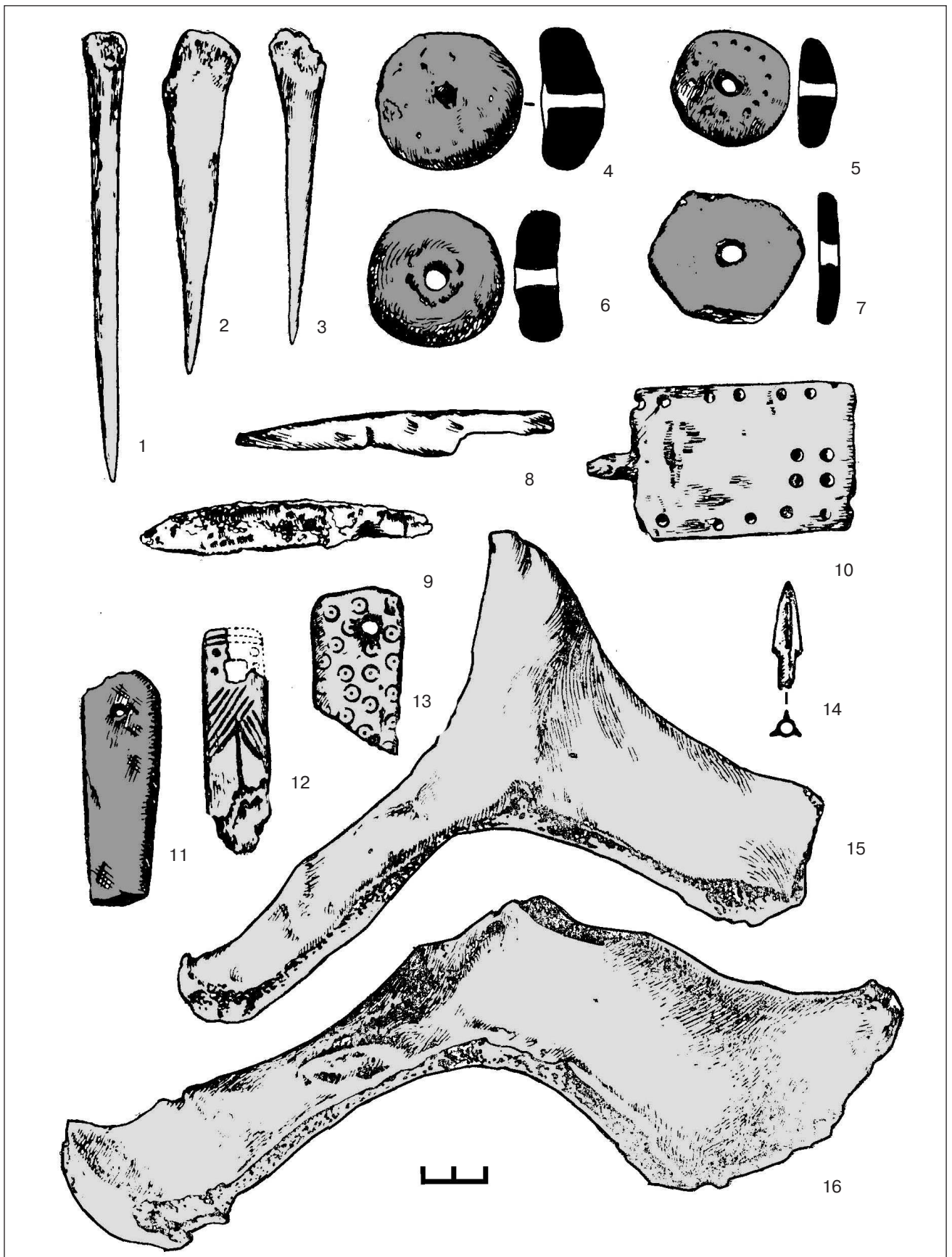

Рис.79. Кара-абызская культура. Поселенческий инвентарь.

1 – 17 – Шиповское городище; 1 – 3, 10, 12 – 13, 15 – 16 – кость; 4 – 7 – глина; 8 – 9 – железо; 11 – камень; 14 – бронза.

исходит из более позднего комплекса (не ранее II в. до н.э.), можно предположить возможность применения хорошо известной технологии изображения к новым веяниям в кара-абызском искусстве.

Изображения медведя также встречены на 5 нашивных бляшках и перстне. На двух бляшках из Уфимского могильника изображены парные фигуры медведей, обращенных мордами друг к другу. Эти изделия датируются IV – III вв. до н.э. Антителическая композиция является одной из традиционных в скифском искусстве, однако медведи в такой позе больше нигде не встречаются. Единственным намеком на происхождение этого образа является бляшка с изображением птиц из Усть-Полуя, на которую ссылалась еще А.В. Збруева.

Другие 2 бляшки найдены в одном комплексе Шиповских III курганов (III – II вв. до н.э.). Это парные изделия с одинаковым сюжетом. На них изображены протомы медведей, обращенных в разные стороны. Одна из бляшек была покрыта толстым слоем краски с обеих сторон (Рис. 80, б).

Все эти изделия объединяют такие детали, как способ передачи ушей, когтей и орнаментация тела животного завитками. Сюда же относится и поясной крючок с медвежьими протомами. По манере изображения когтей и ушей к этим изделиям близки бляшка со стоящей фигурой медведеобразного хищника из Уфимского могильника и перстень из Шиповских III курганов.

К этой группе изображений примыкает подвеска, найденная в одном комплексе с медвежьими бляшками-протомами. Она представляет собой композицию, аналогичную бляшкам, но изображающая совсем других, трудно идентифицируемых животных. На обоих изображениях присутствует грива, у левого животного выделены рожки, у правого – округлое ухо. Форма морды и лап аморфна. Скорее всего, это травоядные. В целом образ напоминает тяни-толкая из детской сказки К. Чуковского. Подобные композиции из животных, причем тоже травоядных, происходят с территории Западной Сибири (Рис. 80, в), (Фото 32, 3).

Таким образом, медвежьё изображения распадаются на две неравные группы. Два поясных крючка наследуют ананьинско-среднедонские традиции. Остальные изделия, если и имеют общие черты с ананьинским искусством, то только из-за общего источника заимствования – скифо-сибирского искусства. В кара-абызской среде вырабатывается собственная «медвежья» иконография, характерной ее чертой является двухфигурная композиция. Подобное решение «медвежьей» темы в памятниках, близких территориально к ареалу кара-абызской культуры, не встречается.

В кара-абызских комплексах позднее II – I вв. до н.э. подобные изображения не встречены. Одна-

ко близкая традиция изображения медведей зафиксирована на двух бляшках мазунинской культуры. Одна из них найдена в погребении 72 Усть-Сарапульского могильника вместе с поясной накладкой типично кара-абызской формы [Арматынская, 1986. Рис. 4, 9 – 10]. В целом материал могильника датируется IV – V вв. Вторая происходит из погребения 21 Красноярского могильника. По характеру инвентаря могильник относится к переходному пьяноборско-мазунинскому периоду. Благодаря этим находкам можно предположить, что в кара-абызской среде данный мотив изображений не исчез, а продолжал развиваться. Возможно, исследование поздних кара-абызских памятников позволит заполнить эту достаточно большую хронологическую лауну.

Стилистическая группа III включает в себя небольшое количество предметов, объединенных единым стилем и технологией изготовления. Если предметы групп I и II выполнялись посредством литья с заранее нанесенным на основу орнаментом, то у изделий III группы вначале отливалась из бронзы пластинчатая основа, на которую затем напаивалась бронзовая проволока. Она составляла основной орнаментальный мотив изображений, представленный двойными и одинарными спиральями. Изображения животных в этой группе крайне стилизованы, хорошо узнаваемым является только мотив оленя. Олень изображен на 5 поясных бляхах и одной подвеске. Поясные бляхи происходят из комплексов IV – III вв. до н.э. На всех изделиях олень изображен в той же позе, что и изделия группы I. Рога изображены шестью вытянутыми в ряд спиральями, копыта – тройными дугами. Тело оленя напоминает S-видный завиток, обрамленный псевдочервочным орнаментом, ноги соединены одной перемычкой. В целом иконография изображения этих оленей сближается с группой I. Назначение стилизованных блях то же, что и оленных блях I группы.

Подвеска, происходящая из более позднего комплекса Биктимировского могильника, являлась частью украшения одежды. На ней сохраняются те же орнаментальные мотивы. Она отличается более мелкими размерами и укороченными рогами. Практически идентичная бляшка с оленем встречена в комплексе находок у д. Екатериновка Пермской области. Благодаря этому становится ясно, что на биктимировской подвеске утеряна часть рогов. Находка двух практически идентичных изделий, к тому же разделенных значительным расстоянием, говорит о направлении трансформации образа оленя на втором хронологическом этапе кара-абызской культуры.

Три бляшки-нашивки содержат изображения парных протом животных, обращенных в разные стороны (Рис. 78, б). Одна из них сломана, в результате осталось только одно животное. Так же, как и

в случае с оленями, животные крайне стилизованы. По компоновке эти изображения можно сравнить с протомами медведей на поясном крючке из группы II. При сравнении с остальными кара-абызскими фигурками медведей угадываются некоторые общие черты: опущенная вниз морда, четко выделенные круглые уши, глаз и нос. Лапы оформлены аналогично оленьим. Таким образом, можно сделать вывод, что здесь речь идет о стилизованных изображениях медведя.

Третьей составляющей группы III являются бронзовые поясные крючки. Их учтено 4 экземпляра. На первый взгляд, в оформлении этих застежек ничего зооморфного не просматривается. Однако при сравнении со среднедонскими и ананьинскими крючками с изображениями фантастического зверя сама собой напрашивается прямая аналогия. На кара-абызских крючках разинутая пасть зверя передана двумя одинарными спиралями, а глаза и остальная часть морды – двумя двойными спиралями (Фото 32, 4). Все крючки происходят из раннекара-абызских комплексов IV – III вв. до н.э. В аналогичной манере стилизована голова хищника из Котловского могильника.

Стиль изображения и технология изготовления этих предметов являются сугубо местными. Способ передачи зооморфных изображений с помощью спиралей прослеживается уже на ананьинских парадных секирах. Мотив двойной спирали довольно часто присутствует на ананьинских накладках. Предметы этой группы происходят лишь из наиболее ранних кара-абызских комплексов, в ряде погребений они встречены с наиболее ранними предметами II группы. В комплексах III – II вв. до н.э. они не найдены, однако эти же мотивы встречены на пьяноборских и азелинских изделиях.

Стилистическая группа IV объединяет реалистичные изображения животных южносибирского происхождения. Эти предметы появляются на второй хронологической стадии кара-абызской культуры (III – II вв. до н.э.), наиболее полно они представлены в Биктимировском и Охлебнинском могильниках, а также в Шиповских II курганах. Все предметы изготовлены путем односторонней отливки, изображение рельефное. В эту группу входят поясные пряжки, накладки, подвески и зеркало.

Наиболее массовое распространение в среде кара-абызского населения получили бронзовые поясные накладки с асимметричным изображением двух головок животных, так называемая «двухлучевая свастика» (Рис. 76, 25). Интерпретация этих изображений в литературе различна. А.Х. Пшеничнюк определяет их как лошадей, а К.И. Корепанов называет их горными козлами. Однако при знакомстве с материалами Южной Сибири можно обратить внимание на широкое распространение накладок с изо-

бражением птицевидных грифонов, по компоновке аналогичных кара-абызским экземплярам.

Изображения «двухлучевой свастики» связаны в подавляющем большинстве именно с грифонами. Более того, практически идентичная кара-абызским накладка встречена в Новочекино 2 в Барабинской лесостепи. Подобная компоновка с изображением голов лошадей или горных козлов неизвестна.

Накладки с грифонами входят в состав всех женских поясов из комплексов III – II вв. до н.э. В поясной набор входят, как правило, 10 – 20 и более накладок. Фактически они являются визитной карточкой кара-абызской культуры, также они встречаются и на пьяноборских могильниках. Обломок накладки с грифоном встречен в кургане XX Старо-Киешкинского могильника прохоровской культуры. Наиболее поздние накладки встречены в мазунинских памятниках. В целом, близкие по компоновке изделия распространены в степной и лесостепной зоне Северной Азии. Приуральские экземпляры являются наиболее западными представителями этого комплекса изображений.

Вторыми по встречаемости изделиями являются бронзовые поясные бляшки с многофигурной композицией, которая с той или иной долей вероятности поддается расшифровке. На одной из пряжек фигуры животных выглядят вполне определенно. В центре расположена свернувшаяся фигура травоядного, окруженная четырьмя хищными птицами. Хотя эти пряжки синхронны накладкам с грифонами, но в одних комплексах они не встречены. Пряжки со сценой терзания – атрибут мужских погребений, накладки – женских. Остается добавить, что точных аналогий этим пряжкам не найдено. Пряжка с мотивом копытного животного, окруженного хищниками, известна в составе случайных находок из Муновского (Пьяноборского II) могильника. Изделия с подобной композицией имеются в Сибирской коллекции Петра I и в коллекции музея Метрополитен в США. Один экземпляр происходит из закрытого комплекса Садового кургана в Ростовской области. Здесь в центре круглых блях изображено травоядное, окруженное хищными животными. Датируются изделия среднесарматским временем. Это говорит о том, что анализируемая композиция была распространена в скифо-сарматском мире, а кара-абызские пряжки являются одним из ранних ее отражений.

Для лировидной подвески с оленем и зеркала с двумя животными (зайцы или косули) также не удалось отыскать аналогии, тогда как бронзовая накладка с рыбой может быть сопоставлена с изображениями рыб из коллекции Филипповского кургана и Сибирской коллекции Петра I.

Появление этой группы изображений в памятниках кара-абызской культуры можно связать с

Рис. 80. Кара-абызская культура. Предметы звериного стиля.
1, 3, 4 – поселение Курмантай; 3, 5 – 6 – Шиповский могильник.

приходом в Приуралье населения, оставившего Шиповские II курганы. Вероятнее всего, это зауральское население было родственно той группе, которой оставлены Шиповские I курганы.

Сюжеты, привнесенные новым населением, получили большое распространение в среде приуральского населения. Это, в первую очередь, уже упоминавшиеся накладки с грифонами. Позднее в состав женских поясных наборов включаются бронзовые пряжки, являющиеся стилизованными репликами застежек со сценой терзания. Также немалое распространение получили реплики лировидных подвесок.

Эти копии значительно отличаются от оригиналов. У пряжек и подвесок общим является лишь абрис, а изображение животного заменено набором различных геометрических фигур и значков. Аналогичная ситуация происходит и с грифоновидными накладками. Изображение на них постепенно теря-

ет первоначальный смысл и становится сильно схематизированным. В Приуралье дериваты накладок с грифонами бытуют дольше остальных зооморфных изделий. Наиболее поздние образцы доживают до IV в. н.э., в том числе и в качестве материала для изготовления бляшек с ушком.

Стилистическая группа V является самой малочисленной, в нее входят 2 пряжки из Охлебининского могильника. На одной из них изображен медведь в распластанной позе (вид сверху). Рамка другой украшена небольшими головками медведей, также изображенными в ракурсе вида сверху. Подобное изображение медведя не характерно для кара-абызской культуры, местное население изображало медведя в профиль. Находки подобных пряжек – свидетельство контактов носителей кара-абызской и пьяноборской культур. В памятниках последней пряжки с медведями встречены в более значительном количестве. Такая трактовка образа

медведя связана с территорией кулайской культуры. Контакты пьяноборского населения с кулайским несомненны. Эполетообразные застезки пьяноборской формы неоднократно встречены в памятниках Нижнего Приобья.

Особенностью кара-абызской пластики, как уже неоднократно отмечалось, является наличие копий, которые имеют четкие отличия от оригиналов, причем исходной формой копирования всегда были изделия I и IV групп, т.е. предметы, по стилю наиболее близко стоящие к скифо-сибирскому искусству. Можно выделить несколько приемов такого тиражирования. Первый — это получение копии нужного предмета с оригинала. Отсюда предметы с размытыми, стертыми деталями, но в точности повторяющие контуры и объем образца. Именно таким образом были изготовлены многие оленные бляхи, некоторые их бронзовых крючков и, возможно, бляшка с медведеобразным хищником. Другой способ — это изготовление изделия с тем же животным и сохранением общего абриса, но без соблюдения размера, объема и с сильной схематизацией изображения. Так были копированы накладки с грифонами, лировидные подвески, пряжки со сценой терзания. Эти два приема можно объединить в одну технологическую традицию. По какой-то причине мастер отказывался от самостоятельного переосмысления этих изделий и предпочитал грубые и простые приемы. Сейчас трудно понять причину этого явления. Во всяком случае, отсутствие технологических навыков не являлось причиной этого. Бронзолитейное дело кара-абызской культуры имело давние традиции и было хорошо развито. Возможно, здесь присутствует сакральный момент. В погребении девочки (9 — 12 лет) в Шиповской III курганной группе был найден наряд, богато украшенный бронзовыми изделиями, в том числе и зооморфными. Часть вещей из набора (бляшки с протомами медведей) имела следы длительного употребления, другая же была изготовлена непосредственно перед погребением (лировидные подвески и подвески-гориты), с них даже не были сбиты литники. Возможно, таким быстрым и простым способом изготавливались вещи, необходимые для погребения. Таким образом, эту технологию нельзя рассматривать как самостоятельную. Она существовала для каких-то определенных случаев и к искусству имела опосредованное отношение.

Напротив, вполне самостоятельными и оригинальными являются стиль и технология стилистической группы III. Здесь след скифского влияния тускнеет. Образы скифского искусства (олень, медведь, фантастический хищник) изображаются в совершенно иной манере. Их отличает сильная стилизация, детали тел животных переда-

ются только одним орнаментальным мотивом — спиралью.

Эта традиция сосуществует, развиваясь параллельно, с технологическими приемами, присущими группам I, II и IV. Оба технологических приема появляются в Приобье спонтанно и практически одновременно.

Поскольку группа III несет в себе яркие черты ананьинской эстетики (псевдоверевочное обрамление, спиральный орнамент, геометричность), вряд ли можно сомневаться, что данная группа изображений отражает вкусы той части кара-абызского населения, которая вела свое происхождение от носителей ананьинской культуры. В пользу этого может быть использован стиль украшений пьяноборской культуры, несомненно, родственной кара-абызской. Здесь также распространен псевдоверевочный орнамент, спирали, геометрические фигуры. Отличает пьяноборский стиль от кара-абызского одно — отсутствие, за немногими исключениями (несколько пряжек с головами медведей), зооморфной пластики. Таким образом, не получив импульса извне, в пьяноборском искусстве не появился свой звериный стиль. Ананьинский субстрат кара-абызской культуры, наоборот, подвергся сильнейшему воздействию со стороны населения, для которого зооморфные образы являлись неотъемлемой частью мироощущения.

Этим населением, несомненно, являлся гафурийский компонент кара-абызской культуры. Вместе с их переселенческими волнам в Приуралье проникают ранние образы скифо-сибирского звериного стиля. На наш взгляд, не случайно, что, несмотря на общий сибирский облик зооморфных мотивов I, II, IV стилистических групп, так и не удалось найти идентичных аналогий этим изделиям. Эта группа изображений сформировалась в определенной этнической среде, которая граничила с ареалом распространения скифо-сибирского звериного стиля и творчески его перерабатывала. Перейдя Урал и оказавшись в ином этническом окружении, эти группы населения вынуждены были трансформировать и свое мироощущение, что отразилось и на зверином стиле. Материальной основой и полигоном для развития звериных образов на новой почве явились наборные пояса, которые стали непременным атрибутом женского костюма. Впоследствии женские поясные наборы стали визитной карточкой всех прикамских культур эпохи средневековья.

Уже в наиболее ранних (IV — III вв. до н.э.) кара-абызских поясных наборах используются оленные бляхи, зооморфные крючки и изображения медведей. Вероятно, из-за желания соблюсти ритуал в женские погребения попадает немалое количество этих изделий. Даже возникает необходимость производить копии, если не в массовом, то значи-

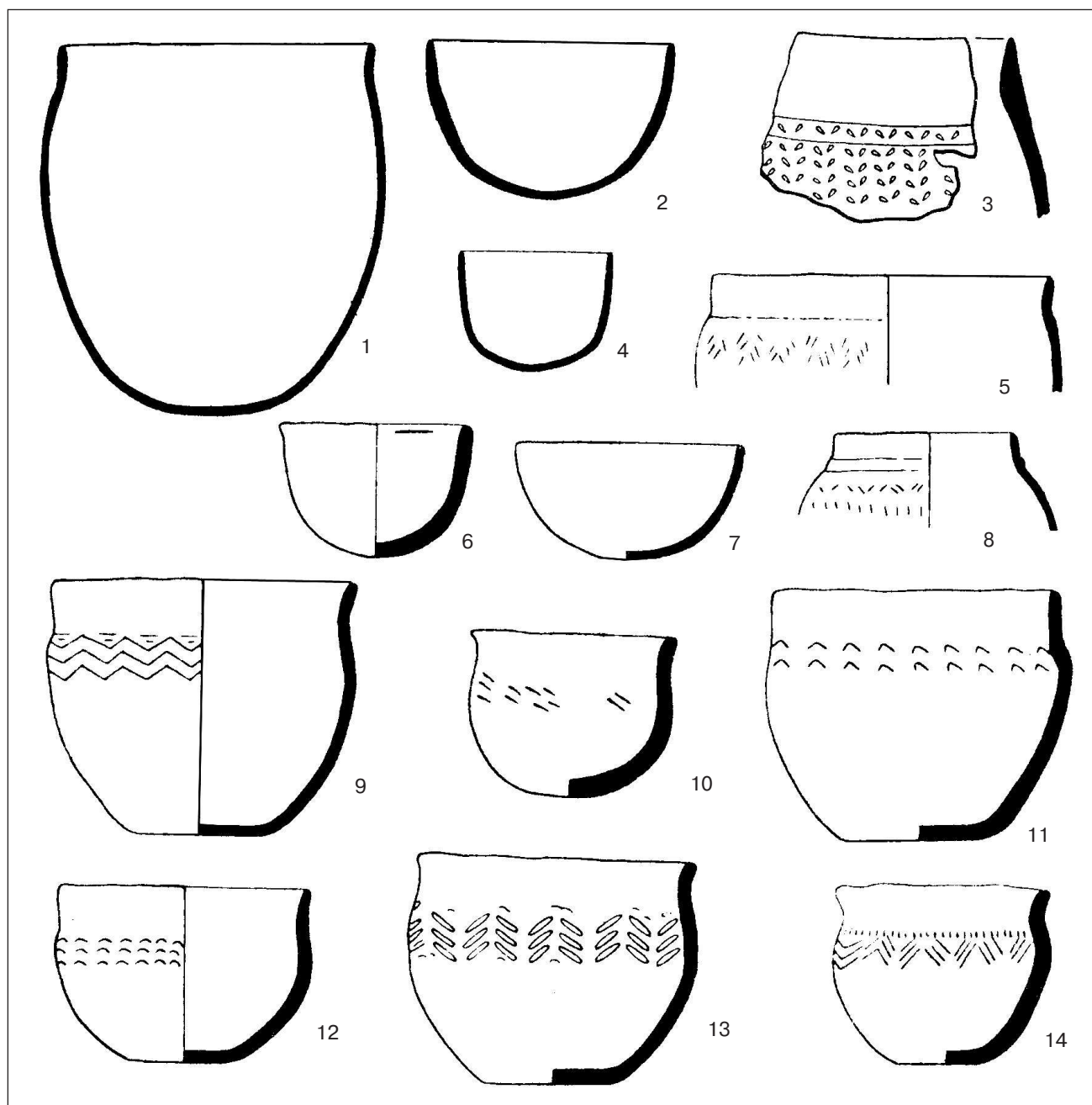

Рис. 81. Убаларский тип. Керамическая посуда (по В.Ф. Генингу).

тельном количестве. Этот процесс можно увязать с «гафурийцами» Шиповских I курганов.

Следующий хронологический этап (III – II вв. до н.э.) связан с появлением населения, оставившего Шиповские II курганы, а вместе с ним и новой «моды». Женские костюмы начинают богато украшаться металлом в стиле группы IV. Появляются так называемые «портупеи», пояс буквально увешивают металлом. Накладки с грифонами составляют по 1 – 2 десятка и более в наборе. Здесь действительно можно говорить о массовом производстве.

Характерно, что на женских костюмах отсутствуют изделия со сценами терзания. Возможно, здесь проявляются определенные ограничения, связанные с ритуальными особенностями. Вообще, предметы со сложной композицией являлись принадлежностью исключительно мужского костюма. Реплики этих пряжек попадали в женские погребения только после соответствующей «цензуры».

Продолжает существовать и развиваться «медвежий» стиль. Сохраняется его основное отличие от

ананьинских и среднедонских изделий — парное изображение фигур медведей. На этом этапе затухает (во всяком случае, пропадает из женского костюма) стиль III. Единственная деталь в составе второй степенной части костюма найдена в Биктимировском могильнике. Вероятно, вещи этого стиля вытесняются или переходят в другую сферу, но продолжают существовать и развиваться. Об этом говорит находка оленя в стиле III в святилище из Пермской области и продолжение традиции этого стиля в более поздних прикамских памятниках. В единственном экземпляре представлен стиль I в Охлебининском могильнике. В дальнейшем образ оленя исчезает из кара-абызского искусства.

С рубежа III — II вв. до н.э. в погребениях зооморфные элементы женского костюма начинают упрощаться и деградировать. Третий хронологический этап «переживает» лишь сильно упрощенный и схематизированный стиль IV. Наряду с увяданием зооморфных мотивов, в кара-абызском искусстве происходит и их трансформация. Появляется образ лошади, не получивший дальнейшего развития. Фигурка двух травоядных из Шиповских III курганов указывает на тот же процесс. Фактов, подтверждающих дальнейшее развитие этих образов, нет.

Однако некоторые обстоятельства позволяют надеяться на их обнаружение. О IV хронологическом периоде (II — IV вв. н.э.) можно судить в значительной степени по исследованиям на грунтовой части Шиповского и по данным небольшого раскопа X Охлебининского могильников. Грунтовые погребения Шиповского могильника, в отличие от подкурганых, содержат незначительное число зооморфной пластики (стилизованные накладки с грифонами). Здесь отсутствуют женские погребения с богатыми поясными и портупейными наборами II и III хронологических этапов, тогда как в курганной части этого некрополя и на Охлебининском могильнике такие захоронения не редкость. Таким образом, не следует ожидать богатого материала и от поздней (II — IV вв. н.э.) грунтовой части Шиповского могильника. Поэтому логично предположить возможность наличия богатых женских погребений в неисследованной поздней части Шиповских курганов и Охлебининского могильника.

В целом, создается впечатление, что ананьинский субстрат кара-абызской культуры не ощущал внутренней потребности в создании звериных образов. Зауральские зооморфные мотивы, попав в постананьинское окружение, постепенно «девальвировались». Творчески был переосмыслен и развит лишь мотив медведя, но без последних исследований Шиповских III курганов и этот факт был бы неизвестен. Поэтому со всей определенностью можно заключить, что ведущей силой в формировании и

развитии кара-абызского звериного стиля являлся гафурийский компонент.

Необходимо подчеркнуть, что кара-абызское искусство сыграло большую роль, для Приуралья в целом. Многие образы и стилевые приемы, получившие развитие на кара-абызской почве, перешли в последующие культуры. В первую очередь это касается стилистической группы III. Предметы, изготовленные в подобном стиле, в немалом количестве встречаются у населения бассейна Камы и Вятки. Образ медведя кара-абызского звериного стиля перешел по наследству мазунинскому населению, сохранив характерную черту — парное изображение. Вероятно, с кара-абызским наследием связано преобладание в башкирском варианте мазунинской культуры подвесок с изображением медведей, причем поза этих фигурок напоминает кара-абызские и принципиально отличается от «жертвенной» позы медведей син-хронных находок на Гляденовском костыше.

Сама «концепция» применения предметов звериного стиля как магической части женского костюма в Приуралье впервые была «опробована» в кара-абызской культуре. Несомненно, что богатые женские поясные наборы ломоватовской и неволинской культур имеют свои семантические корни в кара-абызском материале.

Таким образом, история кара-абызского искусства является примером духовного взаимодействия поволжско-приуральского населения (каковыми были потомки ананьинцев) и зауральско-сибирского (так называемых «гафурийцев»). Этот процесс, в свою очередь, являлся одним из этапов включения территории Приуралья в круг сибирского звериного стиля, частью которого, несомненно, является и знаменитый пермский звериный стиль.

Общественное устройство кара-абызского населения практически никак не освещено в современной литературе. Имеется лишь небольшая статья А.Х. Пшеничникова, где автор на материале поселений делает вывод о сокращении населения культуры и концентрации его на нескольких городищах. Однако последние разведочные исследования в Иглинском и Уфимском районах РБ расширили источниковую базу по поселениям кара-абызской культуры. Новые данные не подтверждают предположения о сокращении населения на рубеже эр. Напротив, они свидетельствуют о расцвете и демографическом росте в этот период. Таким образом, второй и третий хронологические этапы (III в. до н.э. — II в. н.э.) можно считать периодом расцвета кара-абызской культуры. Большинство городищ, селищ и погребений на могильниках относятся именно к этому периоду.

Структура расселения кара-абызского населения выглядит следующим образом. В каждой терри-

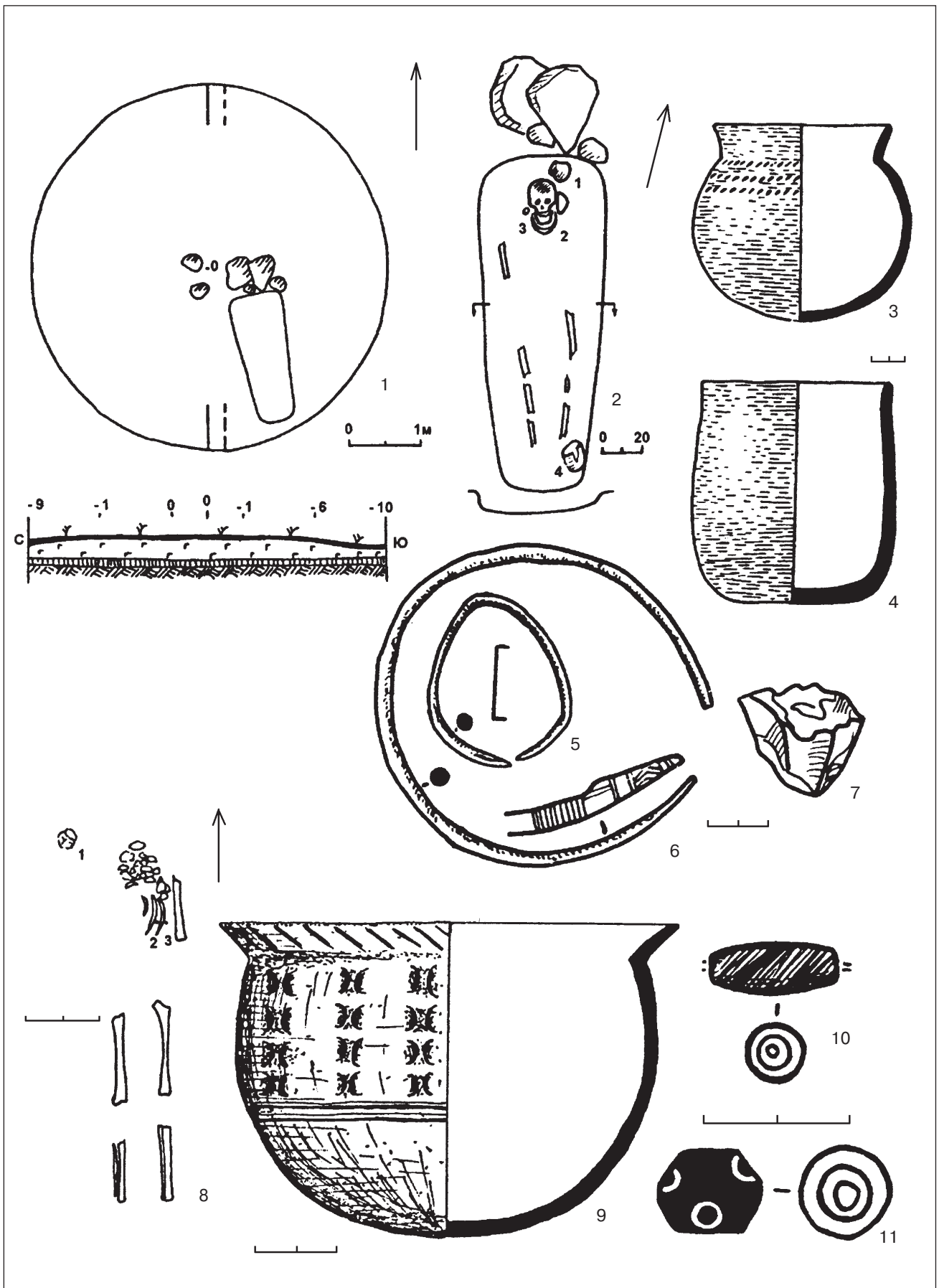

Рис. 82. Памятники Месягутовской лесостепи. Погребальные памятники.
 Могильник Кадырово IV. 3 – 4, 9 – глина; 5 – 6 – бронза; 7 – реальгар; 10 – 11 – стеклянная паста.

ториальной группе содержится поселение-зимник. Оно не обязательно являлось укрепленным (Шиповское и Охлебининское II городища в кара-абызское время не имели укреплений). Были и хорошо укрепленные зимники (Акбердинское II, Уфимское (Чертово), Уфимское IV, Кара-Абыз, Биктимировское, Бирское городища). Все найденные могильники располагались возле зимников.

Имелись также так называемые городища-убежища, т.е. укрепленные поселения с незначительным культурным слоем (Охлебининское III, Акбердинское I, Нагаевское I). Летом население перемещалось в открытые поселения, расположенные возле водных источников. Таких поселений известно немного (Дудкинское, Блохинское, Миловское селища). Во-первых, такие поселения быстро размываются, если расположены у крупной реки. Во-вторых, методика поиска таких поселений предполагает сплошную шурфовку, т.к. подъемный материал, как правило, на многих поселениях отсутствует. Вероятно, таковые поселения могли располагаться также на небольших речках и ручьях. Поэтому их нахождение – дело будущего.

Сейчас довольно сложно определить, какой структуре могла соответствовать территориальная группа (1 зимник, 1 могильник, 1 городище-убежище, 2 – 3 летника). Скорее всего, небольшой родовой группе, состоящей из нескольких десятков человек. Пока исследователи не располагают данными по кара-абызским жилищам и по демографии могильников.

Некоторую информацию о структуре кара-абызского общества дает анализ планиграфии могильников. Наиболее полную картину дает Шиповский могильник, где сплошным раскопом вскрыта значительная площадь (около 2 000 кв. м.). Исследованные погребения довольно четко делятся на участки, видимо, родовые или большесемейные. Как правило, родовой участок отделен от соседних пустым безмогильным пространством (от 3 до 10 м). На этой «нейтральной» территории часто встречаются детские захоронения, реже захоронения взрослых, как правило, с бедным инвентарем либо безынвентарные.

Внутри участка погребения сгруппированы в ряды. Как правило, время заполнения участка укладывается в одно столетие, т.е. на протяжении 3 поколений. Можно с большой долей вероятности утверждать, что люди, похороненные в одном ряду, были современниками и принадлежали к 2 поколениям.

На основании этого на Шиповском могильнике были выделены территориально-хронологические группы погребений. Показательно, что одновременно использовалось не более 2 участков. По мере заполнения захоронения переносились на другие

участки. Хронологически близкие погребения не нарушают друг друга. Случаи нарушения ранних могил поздними фиксируются только между захоронениями, датированными с разницей более чем в 100 лет.

Состав и количество погребального инвентаря в погребениях примерно одинаковы. Они подчеркивают резкую половозрастную градацию кара-абызского общества. Для мужчин характерно оружие, как правило, охотничье (колчан со стрелами и копье), резе боевое (кинжол), и принадлежности костюма. Юноши и пожилые мужчины часто погребались без оружия.

В ранний период (IV – III вв. до н.э.) немногочисленные погребения с оружием четко делятся на три категории: погребения с наконечниками стрел, погребения с копьем и наконечниками стрел, погребения с мечом (кинжалом) и наконечниками стрел. Последняя категория представлена лишь в погребении 1 из Ново-Уфимского могильника, где были найдены более 40 бронзовых наконечников стрел сарматского типа, железный меч раннепрохоровского типа и шейная бронзовая гривна, обернутая золотой фольгой, также имеющая аналогии в прохоровских древностях; а также в погребении 31 Биктимировского могильника, где были найдены однолезвийный клинок, аналогичный лезвию из погребения 4 кургана 13 Старокиишкинского могильника прохоровской культуры, и бронзовые наконечники стрел. К этому перечню можно добавить комплекс из разрушенного погребения Ново-Уфимского могильника, куда входят железный меч позднепрохоровского типа, золотая шейная гривна, бронзовые наконечники стрел и бронзовая бляшка, а также неопубликованные материалы погребений Охлебининского могильника, где найдены мечи и кинжалы позднепрохоровского типа.

Отличительной чертой последней категории является полное соответствие комплексу вооружения, распространенному только в среде кочевников – носителей прохоровской культуры. Воинский характер этой категории погребений подчеркивается тем фактом, что копье, несомненно, местное оружие, являвшееся также охотничье-промысловым орудием, отсутствует в этих комплексах.

Таким образом, несмотря на малочисленность исследованных погребений IV – II вв. до н.э., четко выделяется слой погребений, носящих исключительно воинский характер (третья категория). Влияние прохоровцев на раннекара-абызское население, в том числе и на комплекс вооружения, не раз подчеркивалось исследователями. Однако погребения, содержащие вооружение, характерное исключительно для кочевнического воина-профессионала, остались незамеченными, хотя этот факт

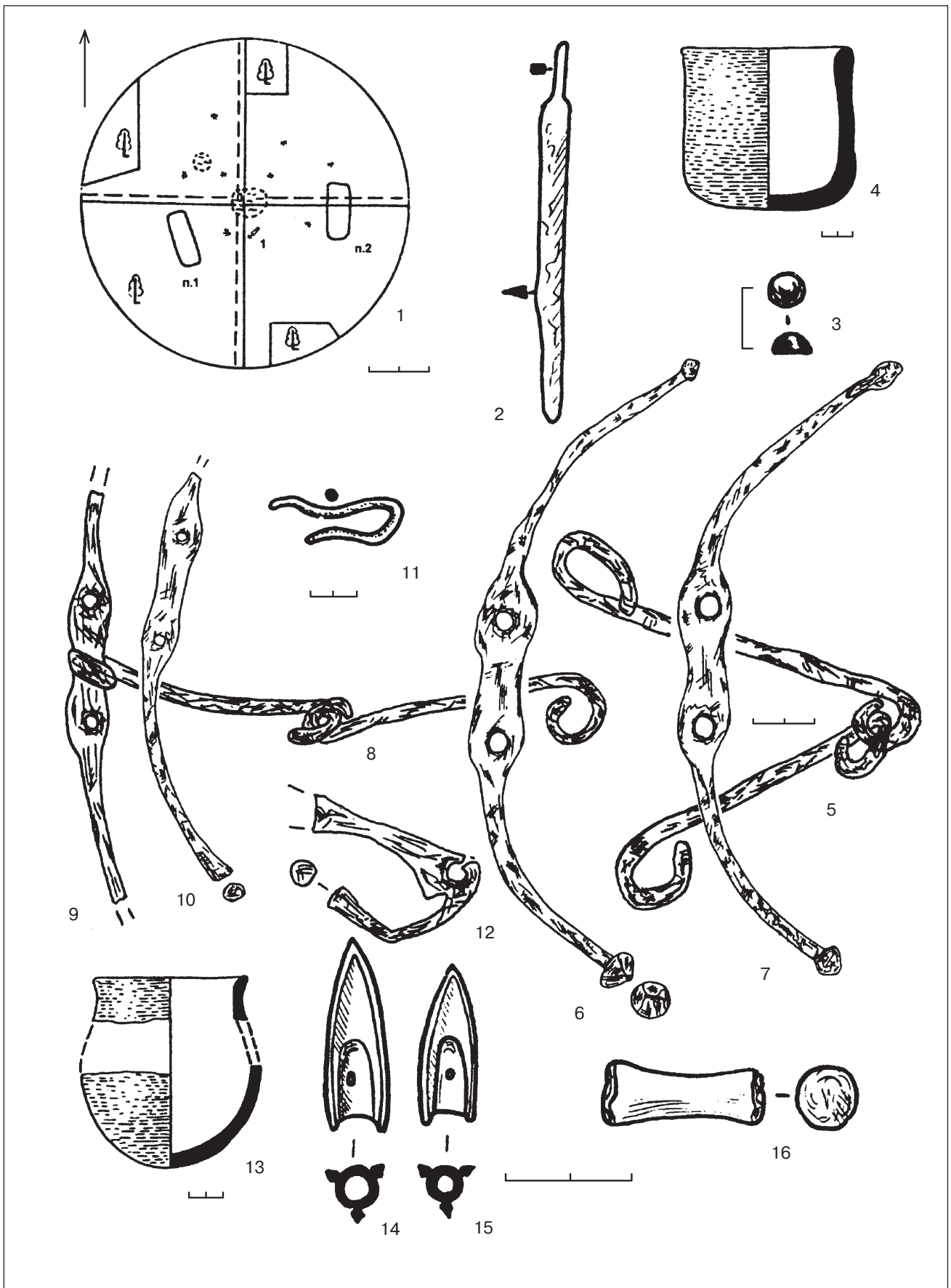

Рис. 83. Памятники Месягутовской лесостепи. Погребальные памятники.
 Могильник Кадырово VI/1. 4, 13 – глина; 3, 14 – 15 – бронза; 2, 5 – 7, 8 – 10 – железо; 16 – кость.

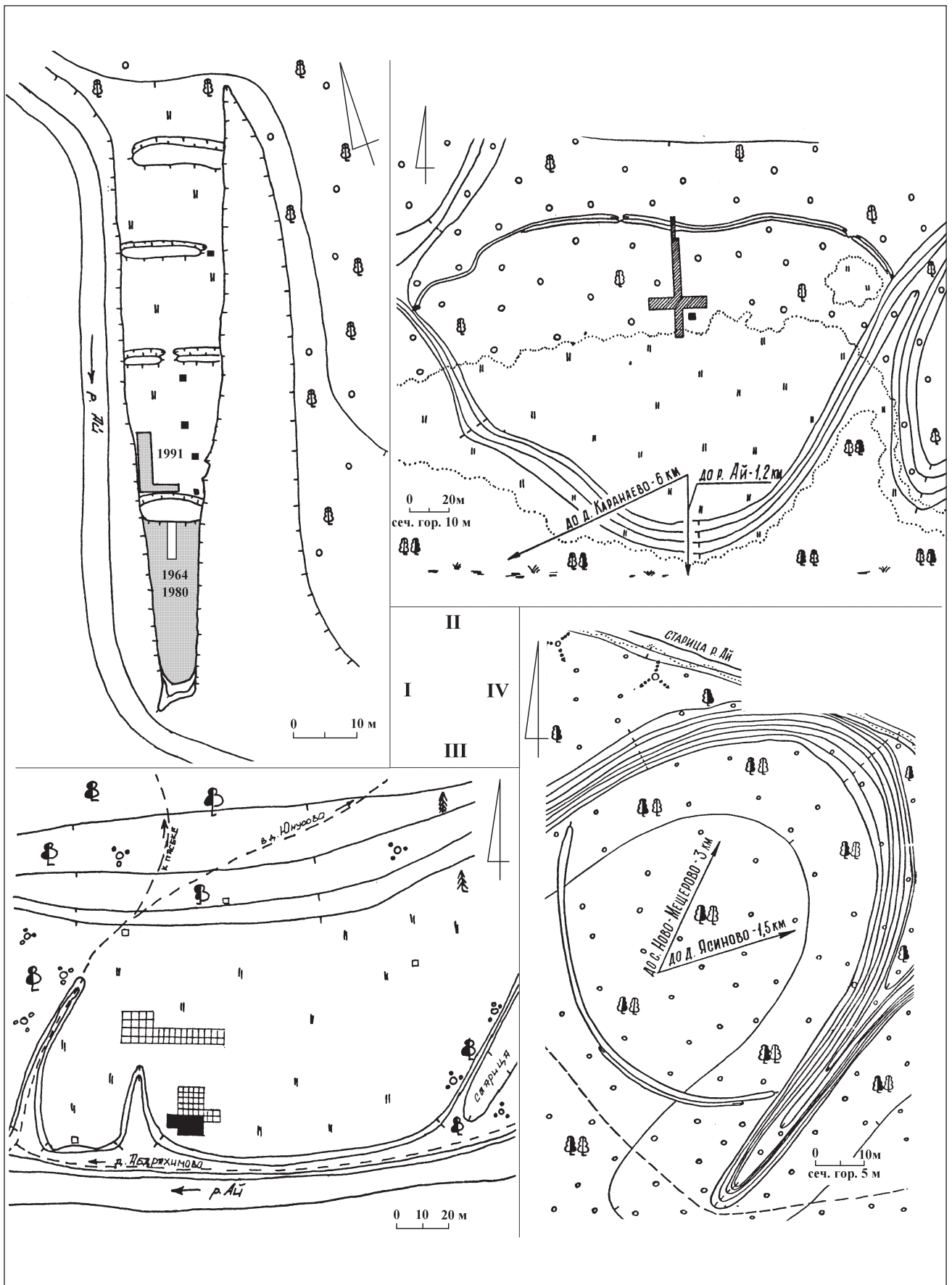

Рис. 84. Памятники Месягутовской лесостепи.

1 – Торжалинское городище; 2 – Гумеровское городище; 3 – Юнусовское поселение; 4 – Ясиновское городище.

довольно необычен для лесных древностей как предшествующего этапа, так и последующих. Такое точное «копирование» вооружения номадов произошло благодаря тесным контактам носителей кара-абызской и прохоровской культур. Под влиянием последних какой-то слой кара-абызского населения, скорее всего, это были люди, имевшие непосредственное отношение к войне, полностью перенимают комплекс боевых средств кочевника. Этот факт примечателен также тем, что именно в этот период происходит знакомство лесостепного населения Приуралья с длинным кавалерийским клинком, который у номадов европейских степей известен эпизодически еще в скифо-савроматское время (владение им предполагало определенные профессиональные навыки).

Женские погребения различаются в основном по составу украшений. Здесь погребения девочек и пожилых женщин также не отличаются обилием украшений. Наибольшее количество металлических деталей одежды и украшений содержат погребения молодых и зрелых женщин. Это гривны, браслеты, серьги, ожерелья из бус, перстни. Видимо, особую символическую нагрузку нес кожаный пояс с поясной бляхой-зеркалом и бронзовыми поясными зооморфными накладками (Рис. 81). Количество накладок в погребениях различно, видимо, их число имело сакральное значение.

В целом кара-абызское общество выглядит слабо дифференцированным и эгалитарным, где социальный статус человека определялся в рамках половозрастных групп. Каких-либо привилегированных наследственных групп в кара-абызском обществе не прослеживается.

В расогенетическом отношении кара-абызское население было тесно связано с предшествующим ананьинским. Сравнительный анализ антропологических данных показал, что серия черепов кара-абызской культуры занимают промежуточное место между сериями пьяноборских и раннесарматских черепов. Это говорит об активных межэтнических контактах кара-абызского и раннесарматского населения вплоть до семейно-брачных отношений [Юсупов, 1992. С. 56].

Судьба кара-абызского населения пока остается малоизученной страницей в истории Башкортостана. Ранее большинство исследователей поддерживало тезис о формировании мазунинских древностей на основе пьяноборских и кара-абызских культур. Последние исследования Шиповского могильника выявили погребения начала IV в. н.э., содержащие в том числе и некоторые предметы мазунинского облика. Остальной материал погребений показывает, что вплоть до начала IV в. н.э. этнографический облик кара-абызского населения не подвергался рез-

ким трансформациям и считать это население предковым для мазунинской культуры неправомерно.

Новые разведочные исследования на территории Иглинского и Уфимского районов РБ и г. Уфы показывают, что большинство кара-абызских поселений перекрывается слоями с керамикой убаларско-имендяшевского типа II – V вв. н.э. (Рис. 84). Среди этого массива керамики нередко встречаются и кара-абызские реминисценции. На этой основе возможно предположение о трансформации или ассимиляции части кара-абызского населения носителями убаларско-имендяшевского типа.

В целом, кара-абызскую культуру можно расценивать как уникальное образование, в рамках которого впервые на территории Южного Урала была апробирована система, совмещающая в себе черты оседлой и кочевой культур. Не будет преувеличением сказать, что кара-абызским населением был выработан в основных чертах способ культурно-хозяйственного освоения лесостепной части Приуралья, который впоследствии был унаследован их потомками-башкирами.

Расовый уралоидный тип, свойственный кара-абызскому населению, характерен и для части башкир. Поэтому носители кара-абызской культуры с большой долей вероятности могут являться одним из компонентов, на основе которого сформировался башкирский народ.

НАСЕЛЕНИЕ МЕСЯГУТОВСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Ранее для айских памятников Месягутовской лесостепи была предложена общая датировка в пределах рубежа V – IV вв. до н.э., или нач. IV в. до н.э. по рубеж IV – III вв. до н.э., или нач. III в. до н.э. [Савельев, 1998. С. 52, 70, 74 – 75], т.е. все время их существования укладывалось в сто – сто с небольшим лет. Полученные новые материалы и анализ всего комплекса материальной культуры данного населения позволили несколько скорректировать датировки. Самые ранние и наиболее многочисленные памятники относятся примерно к сер. – втор. пол. IV в. до н.э. Наиболее поздним комплексом на сегодняшний день является курган 2 могильника Дуван-Мечетлино, время его сооружения – пер. пол. – сер. III в. до н.э. Комплексы, датирующиеся временем ранее середины IV в. до н.э., на территории Месягутовской лесостепи в настоящее время неизвестны. Отдельные находки более раннего времени они свидетельствуют об освоении скотоводческим населением данной территории уже в V в. до н.э.

В настоящее время в Месягутовской лесостепи известно более полутора десятков могильников айского населения, всего в них исследовано 37 курганов. Общее количество курганов в этих могильниках — около 90, т.е. раскопано около половины известных насыпей. Все они расположены вдоль поймы р. Ай, причем большая часть находится на ее правом берегу. Расстояние между крайними могильниками (Юкаликулево II на юге, Азангулово III на севере) составляет около 50 км, занимают они южную и центральную части лесостепи. Наиболее северным айским погребением является грунтовое захоронение на площадке Юнусовского поселения [Савельев, 1998. С. 18 — 19]. Ввиду достаточно слабой изученности территории и значительного числа известных могильников можно предполагать, что их реальное количество в 2 — 3 раза больше, а ареал распространения — несколько шире. Возможно, что курганы около д. Абдуллино и Кзылбаево также принадлежат айскому населению.

Погребальные памятники айского населения представлены в основном курганными могильниками и одиночными курганами, также известно погребение на площадке поселения. Все они расположены на возвышенных местах вдоль поймы р. Ай, в основном на краю надпойменной террасы высотой не более 5 — 10 м над уровнем воды. В некоторых случаях могильники располагались намного выше: Кадырово I — на вершине коренной террасы высотой около 100 м и почти отвесными склонами, Кадырово VI — на ровных площадках на склоне горы, причем высота от уровня воды составляет не менее 50 — 60 м. Также на ровных площадках склонов, по краю широких и глубоких балок, расположены могильники Старо-Халилово II и III. Особенностью всех трех последних памятников является их значительное, до 300 и более метров, удаление от русла реки.

Насыпи могильников Старо-Халилово II — III, Кадырово I и IX, в отличие от остальных, вытянуты цепочками (расстояние между крайними курганами Кадырово IX более 200 м), расположенными, как правило, перпендикулярно руслу реки. Часто курганы в могильниках расположены бессистемно, занимая большую площадь (Кадырово VI/1, VI/2, Азангулово I — II и др.), причем 12 небольших курганов могильника Азангулово I, расположенного на слабо выраженном мысу высокой надпойменной террасы, занимают площадку размером не менее 100 x 150 м. Иным видом пространственной организации могильников является скопление нескольких курганов на хорошо выделенном в рельефе участке надпойменной террасы. Примером этого можно назвать

могильник Кадырово IV, в котором 4 насыпи расположены по всей площади небольшого подквадратного мыса. Организующим центром могильника является самый крупный курган, возведенный в середине мыса. Практически аналогичны организация Ново-Мещеровского могильника и особенности расположения Гумеровского II кургана. Одиночные курганы располагались в целом аналогично могильникам, но иногда они размещались на ровных участках террас, совершенно не выделенных в рельефе.

В настоящее время практически все айские могильники залесены, но в середине — второй половине I тыс. до н.э. лес отсутствовал, а ландшафт Месягутовской лесостепи отличался намного большей оstepненностью.

Курганы айского населения различны по своим функциям, разделяются на собственно погребальные и жертвенно-поминальные (меморативные), не содержащие человеческих захоронений [Савельев, 1998. С. 53].

Со времени начала археологического изучения территории Месягутовской лесостепи различными исследователями к айским было отнесено 28 поселенческих памятников, причем только некоторые из них обследовались с необходимой полнотой, а культурная принадлежность определялась по одному — двум наиболее броским и ярким признакам. Как было показано ранее, следствием этого стало значительное завышение числа айских поселений [Савельев, 1998. С. 31 — 41]. Данное положение связано с крайне слабой изученностью эпохи раннего железа Месягутовской лесостепи, сильным отличием айских древностей от приуральских материалов и отсутствием особого интереса к этим памятникам.

В ходе изучения коллекций керамики всех поселений, традиционно относимых к айским, выяснилось, что 5 памятников (Айское, Гумеровское I, Кадыровское I, Кульметовское II и Сельзегутовское селища) не содержат интересующих нас материалов. Позже было установлено, что Багышковское поселение, исследовавшееся экспедицией ИИиА УрО РАН под руководством А.Ф. Шорина, первоначально также включенное в общую сводку айских памятников [Савельев, 1998. С. 33], отнесено к ним ошибочно.

Кроме этого, для части поселенческих памятников, содержащих материалы нескольких эпох, было значительно завышено количество айской керамики. Так, например, по данным А.И. Лебедева, в коллекции керамики из раскопок Абдуллинского городища 11 сосудов (6,04%) относятся к гороховским, хотя в действительности их только 2, что соот-

ветствует 1,1% [Савельев, 1998. С. 32]. Также завышено содержание айской керамики для Большеустьикинского поселения (17,8%, по А.И. Лебедеву, 1 фрагмент, по данным автора) и Гумеровского I городища (5 сосудов (35,7%), по А.И. Лебедеву, 2 сосуда (14,3%), по данным автора). Причиной этого является один и тот же недочет: к айской причислялась вся керамика, имевшая в тесте тальковую примесь (на всех 3 рассматриваемых памятниках присутствует керамика, близкая петрогромской, характерной особенностью которой является тальковая примесь).

Учитывая вышесказанное, к айским с той или иной долей вероятности может быть отнесено 23 поселенческих памятника: 2 городища, 20 поселений и 1 местонахождение.

Практически все айские поселения расположены в долине р. Ай на участке от д. Ибраево (Нижне-Ибраевское поселение) на юге до д. Абдуллино (одноименные городище и стоянка) на севере, что составляет около 100 км по прямой и примерно соответствует северной и южной границам Месягутовской лесостепи. Единственный памятник, находящийся вне пределов данной экологической ниши (в таежной зоне, в 20 км западнее границ лесостепи) — Усть-Айская стоянка, расположенная на правом берегу р. Уфа, напротив устья Ая на границе с современной Свердловской областью [Савельев, 1998. С. 39].

Абсолютное большинство известных айских поселений приурочено к правобережью Ая и только 4 памятника находятся на его левом берегу (Абдуллинское и Турналинское городища, Кутушевское I селище и Месягутовское IV поселение).

Несомненно, реальное количество айских поселений на левобережье Ая было намного большим, однако зафиксированная диспропорция (левобережье — 4 памятника, правобережье — 19) отражает, вероятно, определенные особенности расселения айских племен. Эта закономерность ранее отмечалась и С.М. Васюткиным [Васюткин, 1996. С. 82]. Возможно, это связано с различиями геоморфологического строения берегов: правый — высокий, с хорошо выраженными террасами, левый — более низкий, хорошо выраженных террас мало, часто пойма, постепенно повышаясь, переходит в сырты Дуванской гряды. Однако нахождение поселения Месягутово IV, расположенного на мысу низкой, не более 3 — 4 метров, террасы над затапливаемой поймой, позволяет предполагать использование айским населением и таких невысоких участков.

Только один памятник (Махмутовское селище), предположительно относимый к айским [Савельев,

1998. С. 36, 41], расположен на правобережье р. Юрюзань, почти на границе с Уфимским плато.

Расположение айских поселений достаточно разнообразное. Практически все они находятся на высоких (от 5 — 6 до 20 м) береговых террасах, как правило — мысовидных участках или слабых изгибах террас, иногда — при впадении небольших ручьев (Большеустьикинское). Часто площадка памятника ограничивалась с одной или двух сторон глубокими оврагами или балками. Очень наглядно это выражено на Турналинском городище, расположенном на узком и длинном (30 x 180 м) мысу высотой от уреза воды около 30 метров, отделенном от остальной террасы очень узким и глубоким оврагом (Рис. 83, I). Подобную же стрелку (20 — 30 x 80-100 x 15) занимает и Ново-Мухаметовское селище [Обыденнов, 1991. С. 88; Савельев, 1998. С. 88; 29. С. 36 — 37]. Мыс, на котором расположено Ясиновское городище, с одной стороны ограничен, как и на Турналах, глубокой и очень узкой балкой, хотя она и не использовалась в целях обороны (Рис. 83, IV).

В то же время для поселений использовались не только мысы, но и достаточно прямые участки террас, как, например, на Абдуллинском городище, подтреугольная площадка которого отделена от остальной террасы только двумя глубокими оврагами (Рис. 83, II). Площадка Месягутовского III поселения планиграфически совершенно не выделяется от окружающей местности, что вместе со слабой насыщенностью слоя может свидетельствовать только о кратковременном использовании памятника.

В некоторых случаях для поселений выбирались узкие площадки террас, ограниченные с тыльной стороны холмами или коренными террасами (Большеустьикинское, Юнусово, Месягутовская ст. и т.д.). Несомненно, такое расположение памятников связано с необходимостью защиты от главенствующих ветров.

Среднее течение р. Ай представляет собой широкую, хорошо разработанную пойменную долину шириной до 1 км. Вся пойма иссечена многочисленными меандрами проток существующих и древних заболоченных старичных озер. Причудливо извиваясь по пойме, русло реки приближается то к одному, то к другому коренному берегу. Именно в этих местах и расположено большинство айских поселений (Месягутовская стоянка, Месягутово III, Юкаликулево I, Юнусово, Большеустьикинское и т.д.). Во всех этих случаях места поселений находятся как бы у края широких пойменных участков, и поныне используемых местным населением в качестве сенокосных угодий и высокопродуктивных пастбищ

(Рис. 83, III). Возможно, именно изменение русла реки привело к тому, что некоторые поселенческие памятники в настоящее время отстоят от воды на значительном расстоянии.

Таким образом, можно уверенно говорить, что общей закономерностью для айских поселенческих памятников является приуроченность к долине Ая (в основном – правобережью) в пределах лесостепной зоны. Разведочные работы в других частях Месягутовской лесостепи и на территории юга Красноуфимской лесостепи свидетельствуют об отсутствии подобных памятников.

Определяя тип айских поселений, необходимо предварительно остановиться на вопросе культурной и хронологической принадлежности месягутовских городищ, однозначно связываемых исследователями с I тыс. до н.э. Всего таких городищ 4 – Турналинское, Гумеровское, Ясиновское (Ново-Мещеровское), Абдуллинское. Позже было сделано заключение о возведении фортификационных сооружений Абдуллинского, Гумеровского и частично Турналинского городищ в эпоху средневековья.

Обращает на себя внимание тот факт, что оба айских городища (Турналы, Ясиново) – простейшие мысовые, в то время как большая часть синхронных зауральских (гороховских, частично воробьевских и иткульских) имеет очень сложные фортификации. Укрепления, традиционно соотносимые с т.н. гороховской АК, «превосходят все уральские сложностью фортификаций» [Борзунов, Новиченков, 1988. С. 98]: замкнутые, часто ломаные линии валов и рвов, башнеобразные выступы, двратные укрепления и т.д.

Основная масса айских поселенческих памятников представляла собой открытые неукрепленные селища с тонким (не более 0,2 – 0,4 м) или даже невыраженным культурным слоем. При сравнении с саргатскими поселениями Зауральской лесостепи и Западной Сибири очень наглядно видна бедность и маломощность поселенческих памятников Месягутовской лесостепи. Так, например, мощность культурного слоя саргатских поселений на Иртыше в среднем составляет 0,5 – 0,7 м, на Тоболе – 0,6 – 0,7 м и только на Ишиме – 0,3 – 0,5 м, однако и этот показатель выше. То же относится и к насыщенности культурного слоя: отмечая ее незначительную величину, Л.Н. Корякова, как пример минимума, приводит данные по городищу Горная Бития – 2 – 3 фрагмента на 1 кв.м, что почти в 20 раз превышает показатели даже по Юнусовскому поселению.

Более всего с последним и в целом с остальными месягутовскими памятниками сближается Речкинское I селище (Курганская область, левый берег То-

бола), в едином слое которого встречена саргатская, воробьевская и гороховская керамика (92 сосуда). Для селища характерна разреженная застройка (в раскопе площадью 792 м² исследовано 1 жилище, 4 хозяйственные ямы и, возможно, 3 канавы) – объекты раннего железного века занимают около 11% вскрытой площади, и крайне незначительная (не более 0,45 м) мощность культурного слоя.

Материалы из раскопок Юнусовского поселения разнокультурны, они представлены в основном айской, иткульской и т.н. «трансформированной» (по В.А. Борзунову) керамикой, а также небольшим количеством смешанной айско-иткульской с сохранением традиционной для айского типа орнаментальной схемы. Ценность данного памятника для исследования системы местообитания и жизнеобеспечения айского населения в том, что его двукомпонентность и в то же время синхронность позволяют на сравнительном фоне ответить на многие вопросы и скорректировать выводы, сделанные по другим айским поселениям.

Соотношение разнокультурной керамики эпохи раннего железа в раскопах Юнусовского поселения следующее: иткульская – 80 сосудов, «трансформированная» – 33 сосуда, айская – 39 сосудов.

Высокая плотность иткульской керамики свидетельствует о сравнительно прочной оседлости этого населения; значительно более низкая плотность керамики айского типа является следствием лишь незначительного вливания пришлого айского населения в автохтонную иткульскую среду, подтверждением чему служит и небольшой комплекс смешанной айско-иткульской керамики. Низкая плотность керамики айского типа в целом по исследованным частям поселения может быть объяснена только кратковременным или сезонным использованием айским населением периферийной площади иткульского поселка.

К сожалению, по материалам раскопанной части Юнусовского поселения сложно судить о том, каким населением в эпоху раннего железа был основан памятник, что связано как с относительно тонким культурным слоем, так и с планиграфически различной локализацией чужеродных этнокультурных групп. Однако можно предположить, во-первых, процессы смешения пришлого и автохтонного населения были недолговременны или эпизодичны и, во-вторых, существование самого иткульского поселка было более длительным.

Таким образом, абсолютное большинство известных айских поселенческих памятников относится к типу кратковременных или сезонных стоянок с незначительным или даже невыраженным

культурным слоем. Ясиновское городище предварительно может быть отнесено к типу убежищ. Бедность культурного слоя Турналинского городища также не позволяет рассматривать его в качестве базового поселения.

Несмотря на относительно прочную оседлость населения иткульской культуры, на Юнусовском поселении не выявлено следов каких-либо жилых или хозяйственных построек. То же самое относится и к айской части памятника: отсутствуют не только остатки жилищ, но даже и хозяйственные ямы, очаги и другие небольшие объекты.

На остальных айских памятниках Месягутовской лесостепи жилища и прочие объекты также либо отсутствуют (Абдуллинское городище), либо их крайне мало. Так, на наиболее полно исследованном айском памятнике – Турналинском городище к рассматриваемому времени относится 4 хозяйственные ямы и, возможно, 2 жилища. От первого жилища, расположенного на второй площадке городища и сильно разрушенного береговой эрозией, сохранилась часть слабо заглубленного в материк (0,1 – 0,2 м.) котлована овальной формы размерами 2,5 x 1 м. Второе жилище (по нумерации Н.А. Мажитова, № 6), предположительно относящееся к эпохе раннего железа, было исследовано на площадке цитадели в непосредственной близости к валу. За остатки жилища было принято углубление культурного слоя в материке на 8 – 10 см. Размеры пятна 3,2 x 3,1 м. В заполнении, кроме мелких костей животных, ничего не найдено. Котлован подквадратной формы, ориентирован стенками по сторонам света.

Возможно, что в рассматриваемое время жилища существовали и на Ясиновском городище, поскольку, по данным Н.А. Мажитова, открывшего памятник, на площадке городища, заросшей лесом, много мелких и больших впадин, которые, по-видимому, являются остатками жилищ-полуземлянок. На остальных айских памятниках жилища не зафиксированы, что, возможно, связано как с их недостаточным изучением, так и с кратковременным существованием.

Методологической основой для изучения жизнеобеспечения населения и границ освоенной территории являются данные по хозяйственно-культурному типу и вмещающему ландшафту, а также признание того, что айское население не являлось автохтонным для рассматриваемой территории, будучи генетически и культурно связанным с восточными предгорьями Урала и Тоболо-Ишимской лесостепью.

Данных для реконструкции хозяйственно-культурного типа айского населения Месягутовской лесостепи крайне мало, и, в первую очередь, это связано не с недостаточной изученностью территории, а со спецификой самих поселенческих памятников, их «эфемерностью», смешанностью и крайней бедностью культурного слоя.

Следствием общей бедности и небольшой мощности культурного слоя айских поселений является либо отсутствие, либо незначительный объем остеологических коллекций. Также следует иметь в виду, что отсутствуют чистые остеологические коллекции, относящиеся к памятникам только АТ, поскольку такие памятники пока не известны.

Всего в нашем распоряжении есть коллекции с 3 поселенческих памятников, в той или иной степени содержащих айские материалы, – с городища Турналы, Месягутовского III и Юнусовского поселений.

Турналинское городище. Реконструкция содержания костей в культурном слое, вероятно, должна быть следующей: мелкий рогатый скот – около 50%, лошадь – около 40%, крупный рогатый скот – в пределах 10%, что является ярким свидетельством именно кочевнического скотоводства.

Месягутовское III поселение. Со всего раскопа (452 м², керамика относится к неволинской археологической культуре эпохи раннего средневековья (основная масса) и группам Ай-1 и Ай-2 эпохи раннего железа) происходит 6 костей, все они определены: мелкий рогатый скот – 3/1, лошадь – 2/1, крупный рогатый скот – 1/1. Какие-либо выводы на таком скудном материале делать невозможно, но состав коллекции, также как и особенности самого памятника, ярко свидетельствуют о кочевнической направленности хозяйства его населения.

Юнусовское поселение. Насыщенность культурного слоя эпохи раннего железа костным материалом невелика – со всего II штыка происходит 89 костей, из них 34 неопределимые. Согласно определениям П.А. Косинцева, видовой состав следующий: крупный рогатый скот – 7/2, лошадь – 29/5, мелкий рогатый скот – 1/1, свинья (?) -1/1, лось – 5/3, косуля – 12/4 т.е. по костям: крупный рогатый скот – 12,7%, лошадь – 52,7, мелкий рогатый скот – 1,8, свинья (?) – 1,8, лось – 9,1, косуля – 21,8%. Соответственно по домашним животным (69,1% от всех костей): крупный рогатый скот – 18,4%, лошадь – 76,3%, мелкий рогатый скот и свинья (?) – по 2,6%; по диким (30,9% от всех костей): косуля – 70,6%, лось – 29,4%.

Оценивая в целом видовой состав животных, кости которых определены, можно сделать вывод о

скотоводческо-охотничьем укладе жителей поселка, свойственном для северной лесостепи и южнолесной предгорной и низкогорной зон Зауралья. Сравнивая данные по Юнусовскому поселению с составом стада у населения саргатской культуры, видно резкое отличие айских материалов даже от памятников северного ареала последней: костей крупного рогатого скота и мелкого рогатого скота — меньше, а лошади — больше.

Данные раздельно по раскопам Юнусовского поселения могут быть интерпретированы как реальные различия в хозяйственно-культурном типе жителей разных частей поселка. Хотя небольшой объем выборки позволяет делать только предварительные заключения, уклад иткульского населения поселка может быть оценен как комплексный охотничье-скотоводческий, характерный для северолесостепной и южнолесной зон и идентичный однокультурным памятникам Зауралья.

Более сложен вопрос реконструкции хозяйственного уклада айского населения поселка. Osteологические данные полностью подтверждают ранее сделанный вывод о высокой мобильности айского населения и кратковременности или сезонности функционирования этой части поселка. Кости лося и косули, ввиду их многочисленности, могут быть интерпретированы как кухонные остатки от основного для лесостепи промыслового вида. Большой процент костей дикого животного одного вида, отличающегося от доминирующего на соседней площадке, выглядит несколько инородным. Возможно, что перед нами промысловая стоянка кочевого скотоводческого населения Месягутовской лесостепи.

В целях определения особенностей хозяйства населения Месягутовской лесостепи в эпоху раннего железа необходимо сравнить приведенные выше данные с osteологическими данными крупнейшего и наиболее хорошо исследованного в рассматриваемом регионе Юкаликулевского I поселения (по раскопкам 1978 г. и 1985 г.). Поселение, в целом черкаскульско-межовское, доживает, по мнению М.Ф. Обыденнова, до VII — VI вв. до н.э., причем именно это население и явилось основой сложения для айского [Обыденнов, 1991. С. 58 — 59].

Оценивая специфичность хозяйства населения Месягутовской лесостепи в эпоху раннего железа, следует отметить резкие отличия osteологических коллекций с рассматриваемых памятников (в данном случае — Юнусово) и привлекаемого для сравнения Юкаликулевского поселения: в 2 и более раз снижается удельный вес крупного рогатого скота, почти в 2 раза увеличивается количество костей ло-

шади, практически исчезают кости свиньи. Те же принципиальные отличия прослеживаются и по диким животным: на памятниках раннего железа полностью исчезают кости северного оленя, бобра и прочих пушных животных, удельный вес костей косули и лося увеличивается почти в 3 раза. В целом, в раннем железном веке в Месягутовской лесостепи по сравнению с эпохой бронзы, количество костных остатков диких животных возрастает в 2 раза.

Отмеченные изменения в хозяйстве населения региона эпохи раннего железа полностью соответствуют закономерностям, характерным для синхронных культур зауральско-западносибирской лесостепи.

Таким образом, osteологические данные свидетельствуют о сосуществовании в пределах Месягутовской лесостепи в середине I тыс. до н.э. как минимум двух различных хозяйственных укладов: степного кочевнического и северолесостепного охотничье-скотоводческого, при этом первый характерен для айских памятников, второй — для иткульских. Также можно говорить о существенной доле охоты на крупных копытных у кочевого айского населения.

Несмотря на значительный объем исследований, проведенных на айских поселениях и могильниках, какие-либо предметы, относящиеся к хозяйственной деятельности, крайне немногочисленны. В распоряжении исследователей имеются только 28 пряслиц, 1 костяной тупик для выделки сыромятных кож с пос. Юнусово и 1 керамический скребок из фрагмента баночного сосуда, происходящий из кургана 12 Азангуловского курганного могильника.

При этом к иткульскому комплексу Юнусовского поселения относятся каменный молот, глиняные грузила, фрагменты сопел, капли меди, куски шлака, ошлакованные фрагменты керамики и т.д. Это свидетельствует о разнообразных хозяйственных занятиях жителей этой части поселка и значительных различиях в укладах айского и иткульского населения в пределах одного поселения.

Привлекая для сравнения данные по саргатским и гороховским поселениям Зауралья и Западной Сибири, можно также увидеть значительное несоответствие с синхронными и культурно близкими материалами Месягутовской лесостепи: практически везде присутствуют многочисленные и разнообразные орудия труда, и их количество на одном памятнике измеряется отнюдь не единицами.

Бедность айских (а также наиболее южных зауральских и притобольских) памятников может являться следствием только крайне незначительного времени использования площадок памятников и

минимальности хозяйственных операций, осуществляемых на них. Это свидетельствует о сильных кочевнических традициях в хозяйственном укладе населения Месягутовской лесостепи и, вероятно, наличии у них стационарных, «базовых» поселений, но они либо до сих пор не известны, либо находились вне рассматриваемой территории.

Данный вмещающий ландшафт в целом можно характеризовать как весьма благоприятный для ведения комплексного лесостепного хозяйства, сочетающего в себе скотоводство, земледелие, промысловую охоту как на крупных копытных, так и на пушного зверя, собирательство и рыболовство. Действительно, эколого-ресурсный потенциал этой сравнительно небольшой территории (не более 8000 км²) достаточно высок: обширные степи, луга на пойменных участках, широколиственные и хвойные леса, значительные водные ресурсы и т.д.

В этих условиях можно было бы предположить наличие у населения Месягутовской лесостепи в IV – III вв. до н.э. комплексного хозяйства типа саргатского, кара-абызского и, в первую очередь, башкирского, хорошо известного по этнографическим данным.

Башкирское население плотно обжило не только собственно лесостепную зону региона и заселило большую часть Красноуфимской лесостепи, но также таежные Уфимское и Белокатайское плато, широтное течение Ая, районы Айско-Кигинского междуречья и Айско-Юрюзанского водораздела, т.е. ареал его расселения на северо-востоке Башкирии отнюдь не ограничивался Месягутовской лесостепью, но и включал все прилегающие территории. Более того, последняя не являлась «башкирским анклавом» с четкими границами, а входила без каких-либо разрывов в общую территорию расселения башкирского этноса, имея прочные родственные, культурные и хозяйственные связи с Южным и Пермским Приуральем, всей горно-лесной зоной Южного Урала, Южным и Средним Зауральем (см. работы Р.Г. Кузеева, С.Н. Шитовой и др.). Башкирское население вело здесь комплексное, хорошо адаптированное к вмещающему ландшафту всего северо-восточного региона хозяйство с единым годовым циклом использования всех территорий.

При сравнении башкирского населения и население эпохи раннего железа становится очевидно несоответствие вмещающего ландшафта, его эколого-ресурсного потенциала и хозяйственного уклада племен, населявших территорию в середине – второй половине I тыс. до н.э. (номадическое скотоводство с незначительными элементами промысловой

охоты). Отсутствие адаптации к территории проживания и малое использование ее потенциала могут свидетельствовать только о чужеродности данного человеческого коллектива по отношению к ландшафту.

Судя по башкирской этнографии, айлинцы (айле) Месягутовской лесостепи, сложились из групп кочевников, «оторвавшихся в силу различных причин от разных родов, племен и племенных объединений. Не будучи между собой связаны ни исторически, ни тем более этнически, они составили конгломерат представителей различных родовых и племенных организаций», который позднее превратился в «территориальное племя». При этом каждое родовое подразделение, даже проживавшее в одной деревне, хоронило умерших на своих кладбищах, которые могли находиться друг от друга на значительном расстоянии. Только со временем представители всех аймаков (родоплеменных групп) одной деревни стали хоронить на общем кладбище, но и при этом «территория кладбища делилась соответственно количеству аймаков на несколько частей». Более того, и сами аймаки не всегда являлись родственными подразделениями, образовавшимися при разрастании рода или распаде племени. Так, например, в д. Асылгужино (крайний восток Месягутовской лесостепи) в один аймак входили аргаяшские башкиры, учалинские башкиры и переселенцы из Казахстана, жившие в качестве припущенников.

Вероятно, фиксируемые на территории Месягутовской лесостепи признаки ассимиляции являются отражением сложных и крайне динамичных этнокультурных процессов в лесостепном Зауралье, приведших к консолидации саргатской общности. Действительно, все имеющиеся данные свидетельствуют не об изолированности или оторванности населения Месягутовской лесостепи от Зауралья, а о принадлежности его и в культурном, и в хозяйственном отношении к единому зауральскому лесостепному миру. Можно сказать, что население долины Ая было только небольшой частью единого народа, освоившего близкую в экологическом отношении сопредельную территорию.

Анализ погребального обряда, вещевого набора и керамики, а также соотношение всего комплекса данных с хронологией позволяют разделить айские древности на две культурно-хронологические группы.

К первой относятся 10 погребальных комплексов, характеризующихся общей простотой обряда, захоронением умерших в прямоугольных могильных ямах средней глубины головой на север с отклонениями до северо-запада. Площадь могильных ям

малая и средняя. Два погребения совершены на древнем горизонте. Особенностью данной группы является крайняя бедность погребального инвентаря и практически полное отсутствие следов использования огня в погребальном обряде. Датируются эти погребения IV в. до н.э., вероятно, его серединой — второй половиной. Чистые поселенческие памятники, которые могут быть связаны с данной группой погребений, отсутствуют. Везде, за исключением Юнусовского поселения, встречаются только разрозненные фрагменты или отдельные развалы, часто культурный слой этого времени не выражен, что может быть связано с существованием только кратковременных стоянок.

Вторая группа включает в себя 16 погребений и, вероятно, все или большую часть из 15 кенотафов и жертвенно-поминальных комплексов. Погребения в основном совершены в неглубоких, малых по площади, овальных и прямоугольных, в том числе и прямоугольно-трапециевидных, могильных ямах. Головой погребенные ориентированы на север с отклонением до северо-запада и северо-востока. Известны курганы с 2 и 3 погребениями. Для всех курганов характерно присутствие различных следов огня: угольки в насыпи и (или) в могильной яме, прокалы в центре кургана и над могильной ямой, костер в заполнении могильной ямы, зольники и кострища под насыпью. Часто под насыпью находились камни, в т.ч. и крупные речные валуны светлых тонов. Хронологически вторая группа погребений относится к сер. — второй пол. IV в. до н.э. — первой пол. — сер. III в. до н.э., но в основной массе их датировка укладывается в IV в. до н.э. Наряду с кратковременными стоянками известно 2 памятника с хорошо выраженным культурным слоем — Юнусовское поселение и Турналинское городище.

Данные статистического анализа и распределение типов погребального обряда комплексов Месягутовской лесостепи однозначно свидетельствуют о тесных связях оставившего их населения с зауральским лесостепным миром. Компонентами его формирования, как было показано выше, являлись кочевники Южного Зауралья, иткульское население восточных предгорий Урала и саргатское население южной лесостепи Приишимья, интегрированное в сакский мир Северного Казахстана и имеющее сакские корни. Близость по отдельным элементам погребального обряда прослеживается и с предшествующими памятниками сакского типа Южного Зауралья.

Эта многокомпонентность и в то же время компактность, однородность и практически одновременность всех составляющих культуры (погре-

бальный обряд, вещевой инвентарь, керамика) айского населения позволяют считать, что оно сформировалось в едином центре. Несомненно, что Месягутовская лесостепь искомой территорией являться не может. Как уже отмечалось выше, подобная многокомпонентность в Зауральской лесостепи была характерна только для т.н. «челябинской группы» курганов. Именно эта территория находилась на стыке ареалов распространения степных кочевников, населения саргатской общности и иткульской культуры.

Ключевые моменты взаимодействия зауральских номадов с автохтонным населением лесостепи и горно-лесной зоны и реконструкции этнокультурной обстановки в Зауральской лесостепи в середине I тыс. до н.э. заключаются в следующем.

В VII — VI вв. до н.э. кочевниками сакского круга началось общее освоение и обживание западно-сибирской и зауральской лесостепи. Крайними северо-западными пределами их распространения явились степь, лесостепь и предгорья Зауралья, причем наиболее северные памятники расположены в районе современного г. Челябинска и иткульском ареале (озера Аргазы, Иртяш, Иткуль, Исетское). Фактически номады стимулировали формирование иткульского металлургического очага и определили направления его развития.

К сер. I тыс. до н.э. происходят упрочение и стабилизация связей очага с зауральскими номадами, которые переходят на использование иткульского металла. Именно к V — IV вв. до н.э. относится активное расселение в Южном Зауралье кочевников савромато-сарматского облика и распространение их памятников узкой полосой вдоль предгорий вплоть до иткульских металлургических центров. Активный процесс их ассимиляции привел как к формированию в степи т.н. «раннесарматского талькового керамического комплекса» (связанного, вероятно, с широким распространением экзогамных браков), так и оседанию части кочевников в лесостепной и предгорной зонах. Свидетельством тому является появление иткульских погребений, наследующих многие черты сакского и савромато-сарматского погребального обряда (каменные оградки и скопления у торца могильных ям, неглубокие овальные могильные ямы, западная, северо-западная и даже южная (!) ориентировки погребенных, кремация на стороне) и большого количества курганов в районе современного Челябинска, причем часть керамики из этих погребений типично иткульская.

Ко второй половине I тыс. до н.э. (судя по памятникам Месягутовской лесостепи, примерно к

сер. IV в. до н.э.) относится начало проникновения саргатского населения южной лесостепи Приишимья на территорию иткульского металлургического очага. Это документируется, с одной стороны, находками на ранних саргатских памятниках Приишимья керамики, сопоставимой с гафурийской посудой, и медных изделий (наконечники стрел с городища и могильника Ак-Тау), состав металла которых аналогичен иткульскому; с другой — появлением северных ориентировок и саргатской керамики, аналогичной приишимской, в поздних (IV — III вв. до н.э.) курганах Челябинской группы.

Все эти факты свидетельствуют о формировании на юго-восточных и восточных окраинах иткульского металлургического очага в сер. — второй пол. I тыс. до н.э. некоего смешанного, «пограничного» этнокультурного образования с различным возрастом субстратных слоев (сакское «бобровское», иткульское, саргатское Приишимское и савромато-сарматское южнозауральское население). Поскольку данное образование находилось в зоне прямых экономических интересов кочевников Южного Зауралья, являясь в целом их составной частью и, вероятно, агентом во взаимоотношениях с металлургическими центрами очага, контакты между обеими группами населения были достаточно тесными. Наряду с этим нарастал процесс обособления данной группы лесостепного населения (вероятно, одной из причин являлась значительная территориальная оторванность образования от основного ареала расселения кочевников не менее 100 — 150 км), что фиксируется по изменению главенствующих ориентировок на северные, трансформации керамического комплекса и выработке устойчивых типов погребального обряда. Также шло формирование тесных «горизонтальных» связей в пределах лесостепной зоны, при этом какое-то время частично сохранялись и старые «вертикальные» связи с кочевниками, что приводило к обогащению материальной культуры и ее яркой степной окраске. Вероятно, данные изменения относились ко втор. пол. — кон. IV в. до н.э. Приблизительно, территория, занимаемая этим населением, может быть ограничена с запада предгорьями и горно-лесной зоной Урала, с севера — широтным течением Исети или несколько южнее, с востока — границей Зауральского пенеплена, с юга — р. Уй.

Таким образом, в результате крайне динамичных процессов к кон. IV в. до н.э. в лесостепной зоне восточных предгорий Урала сформировалось устойчивое культурное образование, которое может рассматриваться как крайний западный вариант саргатской историко-культурной общности. Судя

по разнообразию типов погребального обряда, процессы этнокультурной нивелировки находились только в начальной стадии. В целом обе группы населения Месягутовской лесостепи своим происхождением были связаны именно с этой территорией и этим культурным образованием.

Проникновение части зауральского населения в Месягутовскую лесостепь, вероятно, связано с расширением их освоенной территории и возросшей потребностью в пастбищных угодьях. Как уже отмечалось, айское население использовало далеко не весь потенциал Месягутовской лесостепи, не было к нему адаптировано, а большинство известных айских поселенческих памятников являются остатками кратковременных скотоводческих стоянок. Это позволяет рассматривать Месягутовскую лесостепь как летовочную территорию для населения крайней западной части лесостепного Зауралья. Именно в это время она была подвержена сильному остепнению и, вероятно, могла рассматриваться как дальняя периферия степного кочевого мира, а облесенность гор Южного Урала была значительно меньшей, что не позволяет рассматривать их в качестве «демаркационных лесов».

По данным А.Д. Таирова, территория Месягутовской лесостепи была конечным пределом одного из ответвлений (маршрут Челябинск — Чебаркуль — Миасс — Златоуст — Сатка — Месягутово — Караидель) старого караванного пути Бухара — Троицк, и, следовательно, горы были проходимы не только через Уральскую седловину, находящуюся севернее, но и по системе долин в районе современных транспортных артерий, связывающих Челябинск и Уфу. Более того, и по этнографическим, и по археологическим материалам реконструируется «трансуральский путь», связывающий верховья Миасса, юг Месягутовской лесостепи и устье р. Сим в Приуралье и игравший важную роль как в расселении башкирских племен, так и в проникновении гафурийского компонента в среднебельскую лесостепь. Магистральное значение верхнего течения р. Ай, истоки которой находятся в непосредственной близости к лесостепи Зауралья, приводило к тому, что близкородственное башкирское население проживало как в южной части Месягутовской лесостепи, так и в лесостепи вдоль восточных предгорий Урала, на территории современных Аргаяшского и Чебаркульского районов Челябинской области, Учалинского и части Абзелиловского районов Башкортостана. При этом территориальная оторванность месягутовского населения не приводила к его изоляции или обособлению от Зауралья, поскольку эти ареалы были достаточно тесно взаимосвязаны.

Крайне малое количество археологических материалов с территории горно-лесной зоны между лесостепью среднего течения р. Ай и верховьями р. Миасс, связано с ее «транзитностью», что предполагает наличие только кратковременных стоянок, различных святилищ, писаниц, отдельных погребений и т.д.

Начальный этап функционирования «трансуральского пути» и, соответственно, включение Месягутовского лесостепного острова и его южного горного обрамления в ойкумену Степи, по имеющимся материалам, могут быть отнесены еще к VII – VI вв. до н.э. Об этом свидетельствует находка вблизи Юкаликулевекого I поселения бронзового кинжала с крышевидным прорезным перекрестьем и овальным валиком (подвижная обойма-?) на сохранившейся части рукояти, аналогии которому известны в степях Северного Казахстана. К V в. до н.э., вероятно, использование данного участка горно-лесной зоны Южного Урала и Месягутовской лесостепи стало более активным, что было связано с резким увеличением пришлого скотоводческого населения на крайнем западе лесостепного Зауралья. К этому времени относятся найденный на р. Нила возле Катав-Ивановска клад ахеменидских блюд, которые попали туда, по мнению К.Ф. Смирнова, не без участия савроматов, и, возможно, каменные жертвенники с поселения Юкаликулево I [Обыденнов, 1991. С. 58, 77]. В лесостепном Приуралье свидетельством функционирования магистрали, связывавшем Зауралье, Приуралье и Месягутовский лесостепной остров, может являться находка у д. Бахмутино на р. Уфа бронзового кинжала с бабочковидным перекрестьем. Все это однозначно говорит о проникновении зауральского населения уже в V в. до н.э. внутрь горно-лесной зоны Южного Урала, на территорию Месягутовской лесостепи, и возможности его выхода в Приуральскую лесостепь.

Таким образом, в рамках I тыс. до н.э. можно наметить несколько этапов освоения зауральским кочевым населением Месягутовского лесостепного острова, тесно связанных с функционированием «трансуральского пути» и сложением иткульского металлургического очага. Начальный этап, как отмечалось выше, в целом может быть датирован VII – VI – V вв. до н.э., причем к его концу, вероятно, произошло усиление этого процесса. Количество памятников (как правило, случайные находки, клады, возможно, отдельные погребения), относя-

щихся к этому этапу, постепенно будет возрастать, но общее их количество вряд ли будет большим. Примерно с сер. IV в. до н.э., а может быть, и с несколько более раннего времени, в островную лесостепь начинают проникать группы зауральских кочевников, оседавших в предгорной лесостепи северной части Южного Зауралья. Со второй половины IV в. до н.э. лесостепной остров по среднему и нижнему течению р. Ай активно используется одной из групп зауральского лесостепного населения с метисным характером материальной культуры и погребальной обрядности.

При всей автономии разнородных групп зауральского лесостепного населения, освоивших данную территорию, фиксируется постепенная нивелировка керамического комплекса и погребального обряда населения групп, проникших в Месягутовскую лесостепь. Во многом, вероятно, это явилось следствием и динамичных этнокультурных процессов в лесостепном Зауралье, т.е. на территории постоянного обитания и той, и другой групп. Фактически айские памятники Месягутовской лесостепи отражают процесс формирования из различных этнокультурных компонентов на территории предгорной лесостепи северной части Южного Зауралья наиболее западного ареала саргатской историко-культурной общности, что может свидетельствовать только о полицентричном (при определенной доле пришлого саргатского населения) формировании последней.

Начавшись как сезонное, маятникообразное, освоение территории Месягутовской лесостепи постепенно усиливалось, приводя, вероятно, к большей оседлости, что фиксируется значительным количеством курганов и возросшей мощностью культурного слоя поселений. Благоприятные экологические условия IV – нач. III в. до н.э. этого лесостепного острова (значительно более сухой, по сравнению с современным, климат и широкие открытые пространства) к сер. III в. до н.э. сильно меняются. Повышенная изменчивость температурных показателей, частая и резкая смена теплых и холодных периодов, что особенно отражалось на территории, окруженной со всех сторон лесом, привели к тому, что зауральское население перестало использовать островную Месягутовскую лесостепь в качестве пастбищных угодий. Более поздние памятники этого населения, вероятно, локализованы исключительно на территории лесостепного Зауралья.

ПЬЯНОБОРСКАЯ КУЛЬТУРА
(II В. ДО Н.Э. – ПЕРВ. ПОЛ. III В. Н.Э.)

История изучения пьяноборских памятников началась с конца XIX в., когда в 1880 г. П.П. Пасынков пожертвовал коллекцию древних вещей, собранных в с. Пьяный Бор (ныне с. Красный Бор Республики Татарстан), Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Небольшие раскопки П.А. Пономарева в 1881 г., А.А. Спицына в 1887 – 1888 гг. и Ф.Д. Нефедова в 1894 г. позволили установить принадлежность этих находок к I и II Пьяноборским могильникам [*Спицын*, 1893. С. 135; *Нефедов*, 1899. С. 61 – 62]. В 1898 г. А.А. Спицыным были произведены раскопки I и II Нырғындинских могильников, а уже в 1901 г. он опубликовал материал о коллекции вещей из вышеперечисленных могильников и ввел в научный оборот термин «пьяноборская культура» [*Спицын*, 1901. С. 7, 50]. Именно в этой работе А.А. Спицын высказал мнение, что памятники пьяноборского типа являются непосредственным продолжением культуры Ананьинского могильника, заложив основу в изучении пьяноборской культуры и определив ее место в системе археологических культур Волго-Камья.

В 30 – 50-е гг. XX в. история изучения пьяноборских, гляденовских, мазунинских, бахмутинских памятников связана с именами А.В. Шмидта, М.Г. Худякова и А.П. Смирнова [*Шмидт*, 1928; *Шмидт*, 1929; *Худяков*, 1933. *Смирнов*, 1952; *Смирнов*, 1957]. С 1954 г. работает Удмуртская археологическая экспедиция под руководством В.Ф. Генинга. Были продолжены раскопки I и II Нырғындинских могильников, полностью исследован могильник Чеганда II, вскрыты значительные площади на городище Чеганда I [*Агеев*, 1992. С. 5]. В 60 – 80-е г. рост источниковой базы по пьяноборской проблематике увеличился, особенно за счет проведения широкомасштабных охранно-спасательных археологических работ в зоне строительства Нижнекамской ГЭС. В 1968 г. была организована Нижнекамская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР. В ее работе принимали участие специализированные подразделения – Башкирский, Татарский и Удмуртский археологические отряды Нижнекамской экспедиции.

В 1970 г. В.Ф. Генинг предложил заменить наименование «пьяноборской» археологической культуры на «чегандинскую», по наиболее изученному им могильнику и городищу у с. Чеганда [*Генинг*, 1970. С. 8 – 9]. За термином «пьяноборская» исследователь предложил сохранить более широкое значение в качестве наименования пьяноборской этно-

культурной области (ЭКО), включающей в себя все археологические культуры рубежа нашей эры (чегандинская, кара-абызская, гляденовская) в Западном Приуралье [*Генинг*, 1988. С. 29]. Новый термин “чегандинская археологическая культура” был поддержан удмуртскими археологами, но не прижился в научных школах Башкортостана и Татарстана.

Р.Д. Голдина относит к пьяноборской (чегандинской) культуре также и памятники более поздней мазунинской культуры, реанимируя, таким образом, этнокультурные и хронологические построения М.Г. Худякова [*Худяков*, 1933].

Ареал распространения памятников пьяноборской культуры занимает в основном бассейны Средней Камы, Нижней и Средней Белой в пределах современных районов северо-запада Башкортостана, северо-востока Татарстана и юга Удмуртии. Точные границы ареала пока не определены. Западная граница распространения памятников пьяноборской культуры проходит в районе нижнего и среднего течения р. Ик. Северная группа памятников расположена на правом берегу р. Камы от устья р. Ик до устья р. Березовка (левые притоки камы). Восточная граница культуры проходит в пределах устья р. Быстрый Танып (правый приток р. Агидель (Белой) и г. Дюртюли. Южные памятники выявлены в верховьях малых притоков левобережья Белой – р. Сюнь, База, Куваш. Таким образом, территория распространения памятников пьяноборской культуры с запада на восток составляет около 120 км, а с севера на юг – 90 км (Рис. 67).

В настоящее время известно около 200 памятников пьяноборской культуры – городищ, селищ, могильников и кладов. Следует отметить неравномерность археологического изучения различных типов памятников. Так, например, известно 32 могильника, на которых исследовано более 2 тыс. погребений. Поселенческие памятники (городища и селища) исследованы значительно меньше.

Наиболее значительными из раскопанных могильников пьяноборской культуры на территории Башкортостана являются Камышлы-Тамакский (100 погр.; Мажитов, Пшеничнюк, 1968), Кушелевский III (324 погр.; Агеев, Мажитов, 1985, 1986), Ново-Сасыкульский (415 погр.; Васюткин, Калинин, 1986), Юлдашевский (131 погр.; Пшеничнюк, 1986), Кипчаковский (154 погр.; Зубов, 2007), Уяндыйский I (58 погр.; Генинг, 1971; Пшеничнюк, 1986), Старо-Киргизовский (51 погр.; Васюткин, 1986) и др; на территории Удмуртии – Афонинский (215 погр.; Ключева, Ютина, 1979. С. 180 – 181; Ютина, 1980. С. 182), Нырғындинский I и II (268 и 308 погр. соот-

ветственно; Генинг, Одинцов, 1968; Ашихмина, Генинг, Голдина, 1970), Чегандинский II (220 погр.; Генинг, 1971); на территории Татарстана – Деуковский II (48 погр.; Казаков, Старостин, Халиков, 1972), Меллятамакский I (35 погр.; Старостин, 1978), Икский (27 погр.; Ашихмина, Ключева, 1984; Арматынская, 1988).

Таким образом, на всех пьяноборских могильниках исследовано более 2 200 погребений, больше половины расположены на территории Башкортостана.

Следует отметить существенный «перекок» в археологических раскопках, при которых могильники исследованы значительно больше, нежели поселения. В целом, подобное явление наблюдается при изучении многих археологических культур разных эпох. Погребальные материалы, по сравнению с поселенческими, являются более яркими и эффектными. Использование вещевого инвентаря из погребений дает больше возможностей для хронологизации памятников и использования этих материалов в этнокультурных построениях. Сравнительно малое количество изученных поселений (городищ и селищ) безусловно сказывается на восприятии материальной культуры пьяноборских племен, особенно это касается хозяйственной сферы жизнедеятельности лесостепного населения, условно называемого пьяноборским.

Более или менее значительные раскопки проводились на 12 городищах. Наиболее полно изучены городища Чеганда I (Генинг, 1971), Тойгузинское II (Бугров, 2006). Достаточно широкие площади изучены на городищах в правобережье р. Агидель (Белой) – Новокабановском, Старонагаевском («Тра-Тау») и на Юлдашевском («Петер-Тау») городище в устье р. Сюнь, на левом берегу Белой. На Новомедведевском I, Такталачукском, Подгорно-Байларском II городищах производились разрезы валов, на Ильчебаевском – ограниченные разведочные раскопки площадок; часть площадки Подгорно-Байларского I городища была вскрыта при исследовании Подгорно-Байларского курганного могильника [Казаков, 1978. С. 121].

Пьяноборские селища практически не подвергались целенаправленным исследованиям. В 1969 г. проводились рекогносцировочные раскопки на разрушаемых участках Деуковского III (24 кв м²) и Деуковского II (28 кв м²) селищ; тогда же на Деуковском IV селище была заложена траншея площадью 12 кв м², не давшая находок [Казаков, Старостин, 1970. С. 30 – 35]. Большинство более или менее значительных по площади пьяноборских неукреплен-

ных поселений исследовались попутно, в ходе работ на памятниках более ранних или поздних периодов.

В научной литературе, посвященной проблемам этнической истории Западного Приуралья в раннего железного века, утвердилась концепция о формировании ряда археологических культур (пьяноборской, кара-абызской, гляденовской) на базе общей ананьинской культурной основы и в связи с этим принадлежности их к родственным группам населения. Только гафурийско-убаларская группа памятников рассматривается исследователями единодушно как пришлая, не имеющая местных корней.

Автохтонным населением Волго-Камья и Приуралья, по крайней мере начиная с эпохи раннего железного века, большинство исследователей традиционно считает финно-угорские, а точнее, пермские племена. С этим населением связывают памятники ананьинской культуры VII – III вв. до н.э., [А.В. Збруева, 1952]. Отметим, что заключительный этап ананьинской культуры (III в. до н.э.) был определен по памятникам, которые впоследствии были объединены в кара-абызскую культуру [Пшеничник, 1973]. Генетическая преемственность ананьинской культуры с последующей, пьяноборской рассматривалась в работах многих авторов. В окончательном варианте эта концепция о сложении пьяноборской культуры на базе ананьинских племен Нижнего Прикамья утвердилась в работах В.Ф. Генинга.

Новые материалы и исследования последних лет, полученные в ходе археологических работ и частично введенные в научный оборот, дают возможность вновь обратиться к давно, казалось бы, решенным вопросам происхождения и формирования археологических культур Западного Приуралья послеананьинского времени.

Вопрос о происхождении пьяноборской культуры окончательно не решен. Проблема осложняется тем, что в предыдущее время население Прикамья, оставившее памятники ананьинского круга, не может считаться основным предшественником пьяноборского этноса, поскольку между заключительной фазой ананьино (IV в. до н.э.) и ранними пьяноборскими памятниками (II в. до н.э.) определенно существует хронологический пробел. Хотя сложно отрицать, что в какой-то мере позднеананьинское население Нижнего Прикамья влилось в пьяноборье как субстратный элемент.

Выявленную хронологическую лауну между заключительным этапом ананьинской культуры и временем начала формирования пьяноборской, с одной стороны, а также установленный С.В. Кузьминых [Кузьминых, 1983. С. 180] факт распада ананьинского очага металлообработки в IV в. до н.э., с

другой, позволили В.А. Иванову и Б.Б. Агееву рассматривать кара-абызскую культуру в качестве одного из основных компонентов в формировании материальной культуры пьяноборских племен [Иванов, 1985. С. 95 – 96; Агеев, 1992. С. 105 – 106]. По вопросам происхождения и формирования кара-абызской культуры у исследователей не возникает особых расхождений. Однако существуют принципиальные моменты, на которых необходимо остановиться более подробно, особенно в контексте высказанной уфимскими исследователями версии о возможности кара-абызского компонента в формировании культуры пьяноборья.

По концепции А.Х. Пшеничнюка, кара-абызская культура сформировалась на базе двух компонентов: местного (бельский вариант ананьинской культуры) и пришлого (гафурийские племена) при доминирующей роли местного населения. В то же время автор выделяет и «чистые» кара-абызские памятники, население которых было отеснено «гафурийцами» к северу, где пришлый компонент не фиксируется [Пшеничнюк, 1973. С. 239]. По В.Ф. Генингу, только эти памятники и можно включить в понятие кара-абызской культуры [Генинг, 1988. С. 47 – 65]. Памятники с фиксируемым пришлым компонентом В.Ф. Генинг объединяет в гафурийско-убаларскую археологическую культуру [Генинг, 1988. С. 68 – 126]. Этническую принадлежность населения, оставившего памятники севернее г. Уфы, все исследователи единодушно связывают с ананьинским этносом и, соответственно, с пермскими языками финно-угорской языковой общности [Генинг, 1988. С. 63; Пшеничнюк, 1973. С. 239].

Именно эту среднебельскую группу населения, вынужденную мигрировать на северо-запад, не без внешнего воздействия гафурийских племен и, возможно, в связи с процессами демографического характера, Б.Б. Агеев и В.А. Иванов рассматривают как основу в формировании пьяноборской культуры, в которой приняли участие и потомки позднеананьинских племен Нижнего Прикамья.

Таким образом, на сегодняшний день существуют две концепции по поводу сложения (формирования) пьяноборской культуры.

Согласно ставшему традиционным положению этнической истории племен, населявших Приуралье в эпоху раннего железного века, население пьяноборской культуры сложилось на базе ананьинских племен Нижнего Прикамья [Генинг, 1970. С. 173; Генинг, 1988. С. 44]. По второй версии, намеченной В.А. Ивановым и детализированной Б.Б. Агеевым, на раннем этапе в формировании пьяноборской культуры приняли участие потомки

позднеананьинских племен Нижнего Прикамья и раннекара-абызское население среднего течения р. Агидель (Белой) при решающей роли среднебельских племен [Иванов, 1985. С. 95 – 96; Агеев, 1992. С. 104 – 106], т.е. бельского варианта опять же ананьинской культуры.

Данные картографирования по поселениям и отсутствие могильников IV – III вв. до н.э. позволили Б.Б. Агееву исключить возможность преемственности пьяноборья и нижнекамского варианта ананьина. Традиции орнаментации пьяноборской керамики автор связывает с раннекара-абызской средой, равно как и прототипы ряда предметов из погребений Уфимского и Биктимировского могильников [Агеев, 1992. С. 105].

В этой связи становится понятной близость по многим признакам антропологических материалов из пьяноборских могильников и серии черепов из Биктимировского могильника [Акимова, 1968. С. 35].

В данном контексте интересны данные по краниологическому материалу ананьинского Луговского могильника (70 черепов) [Трофимова, 1941а; 1941б; 1951] и пьяноборского могильника Чеганда II (22 черепа) [Акимова, 1961]. Анализ серий черепов из этих могильников выявил настолько большие различия между луговскими (монголоидный тип) и чегандинскими (европеоидный тип), что, по мнению М.С. Акимовой, ни о какой генетической связи между этими группами населения говорить не приходится. Причем различия прослеживаются не только на мужских, но и на женских черепках по тем же признакам и направлениям [Акимова, 1961, С. 133]. Данный научный факт весьма обескуражил В.Ф. Генинга: «результаты антропологического материала чегандинской культуры явились совершенно неожиданными, в какой-то мере прямо противоположными тому, что дает анализ археологических материалов» [Генинг, 1970. С. 173]. Исследователь предположил, ссылаясь на М.С. Акимову [Акимова, 1961. С. 133 – 134], что «в отдельные времена в состав местных племен вливались небольшие группы монголоидного населения» [Генинг, 1970. С. 175], вследствие чего население ананьинской культуры в Нижнем Прикамье по антропологическому составу было весьма неоднородным [Генинг, 1970. С. 174].

Следует отметить, что выше приведенные две версии сложения пьяноборской культуры различаются в частности, но имеют общий подход: формирование пьяноборской археологической культуры происходило на базе ананьинского (среднебельского или нижнекамского) этноса и неразрывно связано с ним генетически. Не отрицая полностью пра-

вомерность этих выводов и принимая во внимание позицию уфимских исследователей (В.А. Иванов, Б.Б. Агеев) как наиболее перспективную и аргументированную. Материалы последних полевых исследований автора дают некоторые основания предполагать наличие зауральского компонента в сложении пьяноборской доминанты [Зубов, 2004; Зубов, 2007].

После А.В. Шмидта, который первым ограничил территорию распространения пьяноборской культуры течением р. Камы и определил ее место в общей схеме культур Прикамья [Агеев, 1992. С. 4], М.Г. Худяковым в 1933 г. была представлена периодизация пьяноборской культуры, которую он датировал II в. до н.э. – V в. н.э., внутри этого периода он выделил три последовательных этапа. Первый этап, по его мнению, соответствовал эллинистической эпохе (II – I вв. до н.э.) и был представлен материалами Уфимского могильника. Второй этап, соответствующий эпохе Римской империи, датирован им I – III вв. н.э. Третий этап, соответствующий эпохе Великого переселения народов, представлен памятниками IV – V вв. н.э. [Худяков, 1933. С. 16]. Периодизация М.Г. Худякова в целом была поддержана А.П. Смирновым, который определил начало первого этапа III веком до н.э. Н.А. Мажитов [Мажитов, 1968. С. 53 – 57] датировал в рамках III в. до н.э. – I в. н.э., все памятники пьяноборской культуры: (II, III Уфимские, Охлебнинский, Шиповский, I, III Биктимировские могильники), которые были объединены А.Х. Пшеничнюком в кара-абызскую культуру [Пшеничнюк, 1964. С. 93 – 100; Пшеничнюк, 1968. С. 59 – 104; Пшеничнюк, 1973. С. 162 – 243].

Вопросы хронологии пьяноборской (чегандинской) культуры были подробно проанализированы в ряде работ В.Ф. Генинга [Генинг, 1962. С. 13 – 25; Генинг, 1970. С. 88 – 93; Генинг, 1988. С. 36 – 44]. В целом пьяноборскую культуру В.Ф. Генинг датировал III в. до н.э. – II в. н.э., выделив в ее истории четыре последовательные стадии: А (III – нач. II вв. до н.э.), Б (кон. II – I вв. до н.э.), В (I в. н.э.), Г (I – II вв. н.э.). Такая датировка археологической культуры долгое время оставалась доминирующей. Новые материалы полученные в ходе исследований 70-х гг. прошлого века позволили Б.Б. Агееву с большой степенью доказательности уточнить нижнюю дату пьяноборской культуры и ограничить ее концом II в. до н.э. [Агеев, 1976б. С. 12; Агеев, 1976а], что, собственно, не вызвало и возражений у В.Ф. Генинга, допускавшего вероятность “омоложения” культуры на столетие [Генинг, 1988. С. 39]. Отсутствие в пьяноборских могильниках комплексов III в. до н.э. Б.Б. Агеев делал на основе сочетания бронзо-

вых восьмеркообразных и кольцевых пряжек, количественного соотношения бронзовых и железных наконечников стрел и анализа импортных античных бус. Верхняя дата была определена автором III в. н.э. по находкам античных фибул II – III вв. н.э. в материалах Ново-Сасыкульского могильника. [Агеев, 1992. С. 55 – 57]. По периодизации Б.Б. Агеева, пьяноборская культура в своем развитии делится на две стадии: конец II в. до н.э. – I в. н.э., и – II–III вв. н.э. [Агеев, 1992. С. 79]. По сути, Б.Б. Агеев подтвердил периодизацию М.Г. Худякова исключив из нее лишь третий этап IV – V вв. н.э., как относящиеся к азелинской и мазунинской культурам. Следует отметить, что в последних работах ижевских исследователей вновь положения М.Г. Худякова и А.П. Смирнова о существовании пьяноборской культуры вплоть до V в. н.э. Мазунинская археологическая культура, выделенная в свое время В.Ф. Генингом [Генинг, 1967] и исследованная Т.И. Останиной [Останина, 1997], относится ими к мазунинскому этапу пьяноборской (чегандинской) культуры [Голдина, 1999. С. 225 – 226].

Известны два типа пьяноборских поселений – укрепленные городища и неукрепленные селища. Неукрепленные поселения располагаются поблизости от воды, преимущественно на первых надпойменных террасах Камы, Агидели (Белой) и их притоках или на возвышениях в пойме. Городища преимущественно относятся к типу мысовых. Обычно такие поселения располагались на краях речных террас с крутым склоном или на мысах, образованных двумя оврагами; а с другой стороны площадка защищалась рвом и полукольцевым валом. Иногда система укреплений достигала двух и более валов. В некоторых случаях фиксируется вал, перекрывающий стрелку мыса, полого спускающуюся к подошве.

Из 45 известных на сегодняшний день пьяноборских городищ 11 представляют собой укрепленные площадки с замкнутой кольцевой фортификацией. Городища с использованием кольцевых валов имеются практически на всей территории рассматриваемой археологической культуры. В низовьях р. Белой городища с подобной системой защиты представлены Андреевским и Уяндыкским [Генинг, 1971. С. 125, 132]. На северо-восточной окраине распространения памятников пьяноборской культуры на р. Березовке расположены Якимковское I и II городища [Генинг, 1971. С. 136]. Андреевское и Якимковское II относятся к группе одноплощадочных мысовых городищ с замкнутой кольцевой фортификацией; Уяндыкское и Якимковское I – к двух- или трехплощадочным мысовым городищам с замкну-

той кольцевой фортификацией, дополненной поперечными линиями укреплений, расположенными эшелонированно с напольной стороны [Бугров, 2006. С. 117]. Дополнительная внешняя поперечная линия укреплений на Уяндыкском городище зафиксирована А.Х. Пшеничнюком в 1968 г. [Пшеничнюк, 1986. С. 31].

В литературе имеются расхождения по вопросу о количестве пьяноборских городищ с замкнутой

кольцевой фортификацией. В.Ф. Генинг насчитывает 11 таких памятников, из них один (Нырғында I на правом берегу Камы) относит к пьяноборским с оговорками [Генинг, 1970. С. 17]. Восемь городищ имеют только кольцевые укрепления, три – кольцевые с дополнительными поперечными валами. В.А. Иванов сокращает число городищ с кольцевой фортификацией до пяти [Иванов, 1984. С. 53. Табл. VII], ссылаясь на результаты разведок 1968 – 1974 гг.

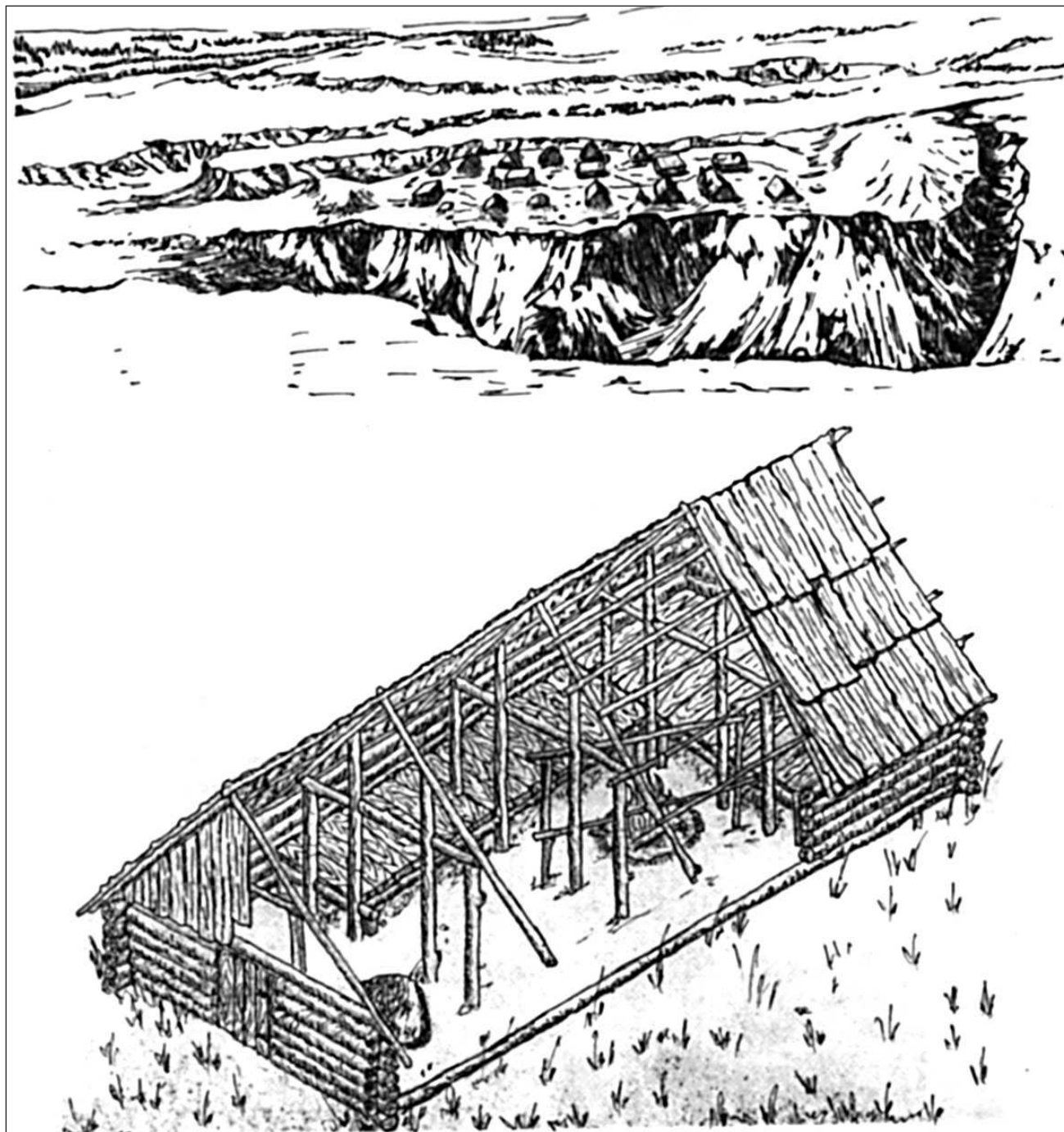

Рис. 85. Пьяноборская культура. Реконструкция поселка и жилища по материалам городища Чеганда II (по В.Ф. Генингу).

По утверждению исследователя на Новомедведевском I, Андреевском и Уяндыкском городищах кольцевых укреплений ему «не удалось выявить», но при этом отмечается, что памятники сильно повреждены [Иванов, 1978. С. 173 – 175]. Кольцевой вал Юлдашевского городища он относит к мазунинскому времени [Иванов, 1982. С. 201; Иванов 1984. С. 56 – 57], что вызывает определенные сомнения. К примеру, Т.И. Останина определяет кольцевые валы Юлдашевского и Андреевского городищ как пьяноборские, использовавшиеся в мазунинское время [Останина, 1997. С. 90]. Якимковские I и II городища завершают «список исключенных» на основании их значительной удаленности и принадлежности «в большей степени к бассейну Камы» [Иванов, 1978. С. 176]. По мнению Д.Г. каких либо убедительных аргументов для сокращения В.А. Ивановым числа городищ с кольцевыми укреплениями не существует [Бугров, 2006. С. 118]. Сооружение кольцевых валов в большей степени свойственно населению раннего железного века лесостепного и горно-лесного Зауралья (воробьевские, баитовские, иткульские, гороховские типы памятников, саргатская культура) [Борзунов, Новиченков, 1988. С. 95 – 98; Могильников, 1992. С. 286, 297; Таиров, 2000. С. 73]. Именно поэтому Д.Г. Бугров сделал вывод о принадлежности второй фортификационной «линии развития» к зауральским традициям строительства полукольцевых и замкнутых кольцевых укреплений [Бугров, 2006. С. 119 – 121]. Такой подход подтверждает некоторые предположения о восточных мигрантах, основанные на других свидетельствах, в частности на материалах погребального обряда Кипчаковского I курганно-грунтового могильника [Зубов, 2004; 2007]. В то же время доказательная база такого рода построений слишком мала для однозначных выводов.

Вполне вероятно, что на земляных валах были сооружены дополнительные деревянные сооружения в виде частокола или палисада. Площадки городищ имели сравнительно небольшие размеры. По данным Б.Б. Агеева, известно 45 городищ пьяноборской культуры [Агеев, 1983. С. 15 – 16; Агеев, 1992. С. 84]. Более половины укрепленных поселений по площади не превышают 8 тыс кв. м. И только 3 городища имеют площадь около 10 тыс кв. м, 4 – 15 тыс кв. м и еще 3 городища – от 30 до 40 тыс. кв. м. Принято считать, что пьяноборские городища в большинстве своем являлись временными военными лагерями или краткосрочно существовавшими форпостами, не рассчитанными на сколько-нибудь длительную осаду.

Средняя величина культурного слоя колеблется в пределах 30–50 см, достигая в некоторых местах 1,5 и более метров.

Из раскопок на городище Чеганда I обнаружены достоверные остатки девяти жилищ [Генинг, 1970. Рис. 3; Генинг, 1971. С. 59 и сл.]. Дома располагались на узкой вытянутой площадке городища в два ряда, образуя улицу (Рис. 85). Жилища представляли собой прямоугольные наземные деревянные срубы размерами 4,5 – 5 x 11 – 12 м (Рис. 85). Таким образом, площадь этих домов была в среднем 50–60 кв. м. Пол жилищ слабо углублен в землю за счет планировки, утаптывания пола и более интенсивного накапливания культурного слоя за пределами жилища.

Внутри всех жилищ в центральной части находились очаги-кострища. В трех случаях зафиксировано по два очага, но В.Ф. Генинг предположил их одновременность и использование только одного очага. Хозяйственные ямы внутри жилищ не зафиксированы. Между домами располагались ямы-кладовки и производственные сооружения. Определение назначения ям на территории поселения крайне затруднено, но, скорее всего, именно в них хранились запасы продуктов. По расчетам В.Ф. Генинга, весь поселок городища Чеганда I состоял в среднем из 20 – 25 единовременных жилищ [Генинг, 1971. С. 69].

Для погребального обряда пьяноборской культуры характерны грунтовые могильники с труположением на спине в неглубоких подпрямоугольных ямах простой конструкции (Рис. 86, 87) Кладбища пьяноборских племен обычно располагались не вдалеке от городищ или селищ. Достоверная связь с поселениями установлена для шести могильников.

Количество погребений на полностью исследованных могильниках различно. К примеру, Юлдашевский могильник содержал 131 погребение, Ныргында II – 268 погр., III Кушулевский – 324 погр., Ново-Сасыкульский – 415 погр. (из 418 исследованных погребений три датируются в пределах VI – IX вв. н.э. и относятся, судя по сопровождающему инвентарю, к памятникам так называемых кушнаренковского и кара-якуповского типов) [Васюткин, Калинин, 1986. С. 122]. На могильнике Чеганда II было исследовано 220 погребений, но В.Ф. Генинг предполагал, что общее количество захороненных могло достигать 300 – 400 человек за счет разрушенных погребений по береговой линии. В то же время известны небольшие по количеству погребений могильники – Деуковский II (48 погр.), Меллятамский I (35 погр.).

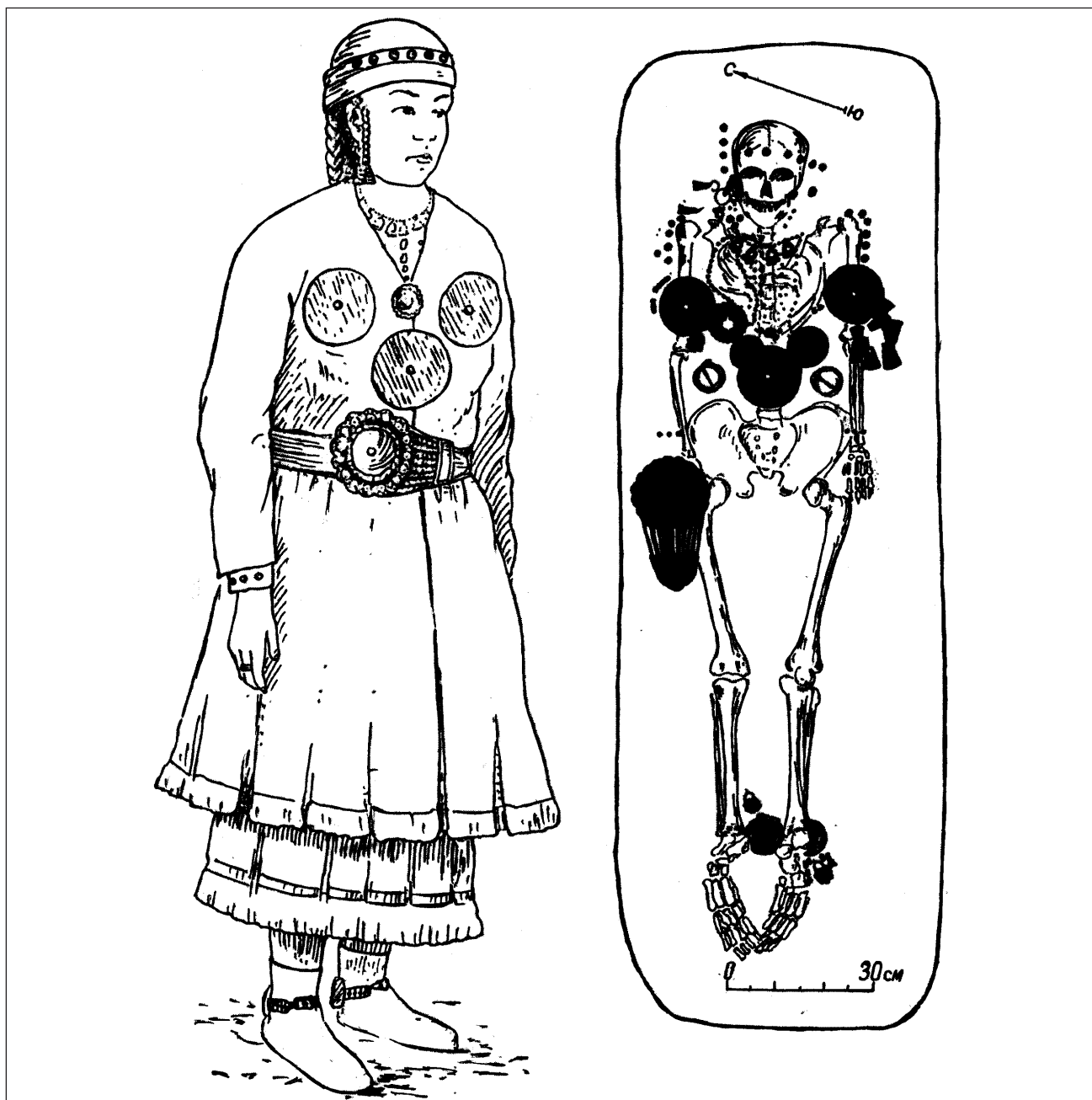

Рис. 86. Пьяноборская культура. Реконструкция женского костюма по материалам могильника Чеганда II (по В.Ф. Генингу).

В расположении погребений на могильниках существовал определенный порядок. На всех крупных могильниках выявлены группы погребений, которые свидетельствуют, по мнению Б.Б. Агеева, о принадлежности их к большим патриархальным семьям [Агеев, 1976а. С. 58 – 67; Агеев, 1976б. С. 138 – 145]. Хотя погребения на кладбищенских площадках расположены достаточно плотно друг к другу, случаи нарушения одной могилы другой чрезвычайно редки. В некоторых могильниках исследователи отмечают ряды в расположении могил.

На всех могильниках преобладают индивидуальные захоронения. Парные и коллективные захоронения встречаются редко, менее 5% от всех исследованных захоронений.

По данным Б.Б. Агеева, парные захоронения в пьяноборских могильниках встречены в 73 случаях [Агеев, 1992. С. 20], т.е. не более 3% от общего числа всех захоронений. Интересно отметить, что подавляющее количество парных захоронений происходит из Ново-Сасыкульского могильника (46 погр.),

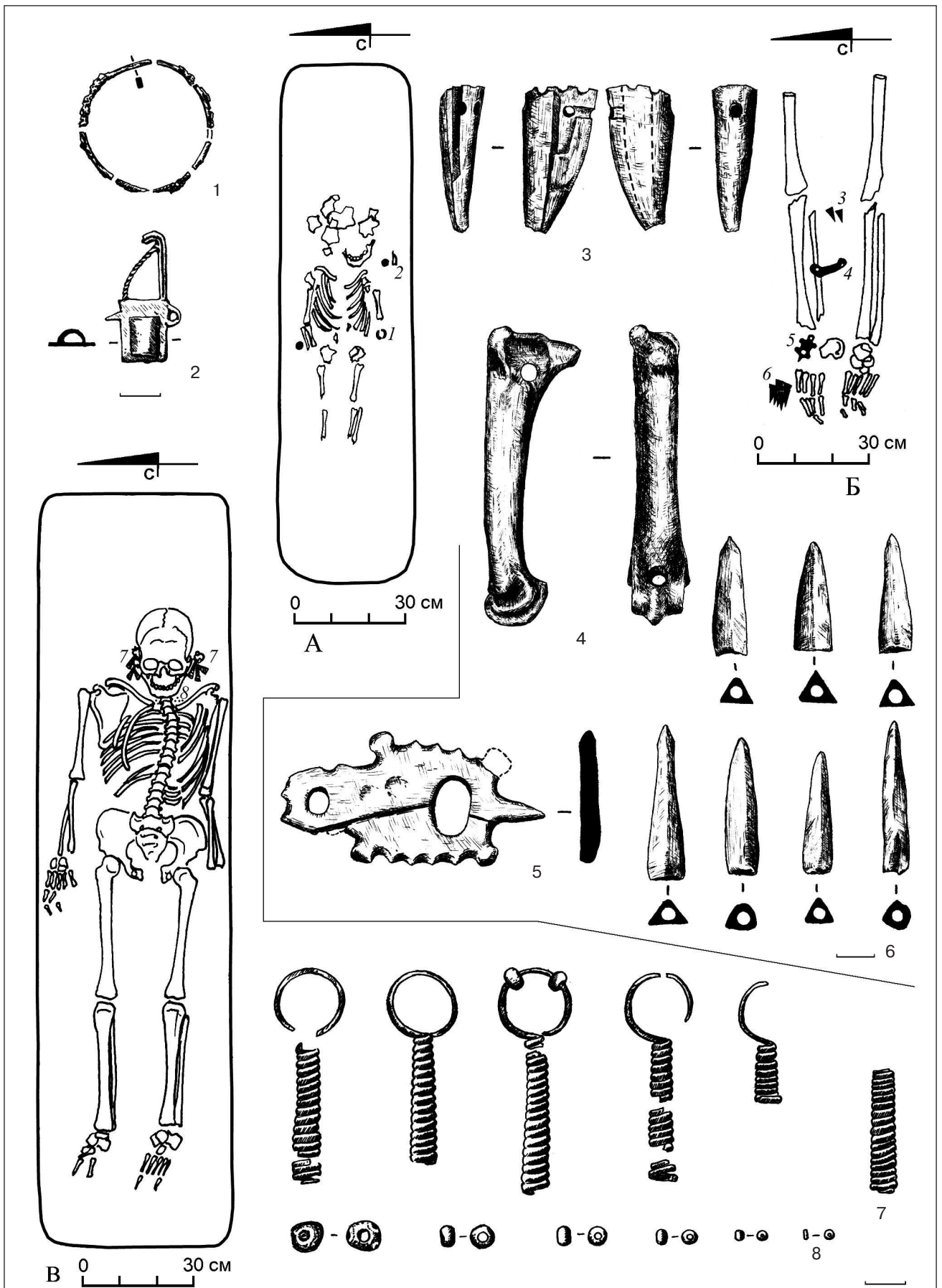

Рис. 87. Пьяноборская культура. Погребения и инвентарь.
 1 – 8 – Китчаковский I курганно-грунтовый могильник.

что составляет 11% от всех исследованных (415 погр.) на указанном некрополе погребений.

Захоронений, содержащих в одной могиле три костяка (менее 1% от общего числа всех известных захоронений), еще меньше. Таковые выявлены по одному погребению на Камышлы-Тамакском, III Кушулевском, Юлдашевском, два – на Кипчаковском и пятнадцать – на Ново-Сасыкульском могильниках. В трех погребениях Ново-Сасыкульского и одном Чиатавского могильников было по четыре костяка. По одному погребению с пятью костяками известно на III Кушулевском, Ново-Сасыкульском, I Уяндыкском и Юлдашевском могильниках. Два захоронения с шестью захороненными выявлены на Ново-Сасыкульском и Юлдашевском могильниках. Коллективное захоронение I Уяндыкского могильника содержало 11 костяков [Агеев, 1992. С. 20].

Обращает на себя внимание Ново-Сасыкульский могильник, парные и коллективные погребения на котором в количественном отношении значительно превосходят все остальные могильники, – практически 16% от всех пьяноборских захоронений. Такое число коллективных захоронений можно связать с расположением памятника на южных рубежах ареала пьяноборской культуры, граничивших с воинственными кочевыми племенами. Такое явление могло явиться следствием военной напряженности в регионе, особенно на заключительном этапе существования пьяноборской культуры, во II – сер. III в. н.э.

Как уже отмечалось, могильные ямы имеют в основном прямоугольную форму со слегка закругленными углами, в основном ненамного превышают рост человека (Рис. 87). При этом размеры и глубина могил различны, зависели от возраста погребенных и, видимо, социального положения. Богатые могилы обычно глубже и больших размеров. Иногда в погребениях фиксируются фрагменты остатков дерева от гробовищ. Во многих захоронениях, главным образом, в местах скопления бронзовых предметов, сохранились остатки древесной коры как под костяком, так и поверх него. По всей вероятности, умерших хоронили завернутыми в луб (флоэму).

Положение костяков в могилах на территории всей культуры одинаковое – умерших укладывали вытянуто на спине. Различно только положение рук. Преобладают захоронения с вытянутыми вдоль тела руками. В некоторых случаях руки слегка согнуты в локтях и кисти сложены на таз. Такое положение рук, по мнению В.Ф. Генинга, больше характерно для женских захоронений [Генинг, 1970. С. 26].

Встречаются захоронения, когда лишь одна, правая или левая, рука согнута в локте.

На пьяноборских могильниках зафиксированы единичные случаи, когда погребенные лежали скорченно на боку, руки согнуты в локтях, кисти лежат около лица (Чеганда II (6 погр.), Ныргында II (2 погр.), Чиатавский (1 погр.), Старо-Киргизовский (1 погр.), Ново-Сасыкульский (6 погр.) могильники). Вполне вероятно, что такие захоронения могли принадлежать к определенной социальной категории общества – патриархальным рабам.

Следует отметить крайне малое количество детских захоронений на могильниках. Особенно редки погребения детей до 4 – 5 лет, хотя детская смертность была очень высокой. В.Ф. Генинг и Б.Б. Агеев приводят сообщение З.П. Соколовой о захоронениях грудных детей у обских угров в колыбельках на дереве [Соколова, 1975. С. 231]. Видимо у племен пьяноборской культуры существовал близкий этому обряд захоронения детей. Интересно отметить, что аналогичный обряд захоронения грудного ребенка зафиксирован в башкирской легенде «Бала карга» [БНТ. Т. 2]/

Интересен факт нахождения на могильниках отдельно захороненных черепов. В двух могильных ямах Меллятамакского I могильника из костных антропологических останков были выявлены только черепа. Захоронение пяти черепов в небольшой овальной яме было зафиксировано на III Кушулевском могильнике. При этом на ряде памятников были выявлены захоронения, в которых кости людей лежали в анатомическом порядке, но без голов. Два таких погребения было исследовано на Камышлы-Тамакском и по одному – на Икском и Старо-Киргизовском могильниках; в пяти парных погребениях Ново-Сасыкульского могильника. В материалах Кипчаковского могильника из раскопок 2006 г. было выявлено коллективное погребение трех мужчин без голов. Практически все погребенные из указанных памятников сопровождалась вещами, а в погребении 79 Камышлы-Тамакского могильника на месте черепа были помещены височные подвески [Мажитов, Пшеничнюк, 1968. С. 57]. При этом интересен зафиксированный факт, когда на груди мужского скелета из погребения 53 Кипчаковского могильника был выявлен череп человека. Все это наводит на мысли о существовании в среде населения камско-бельско-икского междуречья в эпоху раннего железного века обычая использования человеческих голов в качестве военных трофеев.

Здесь, наверное, будет уместным вспомнить о широком использовании скальпирования поверженных врагов североамериканскими индейцами,

повествование Геродота об использовании скифами скальпов в качестве показателя воинской доблести. Яркой иллюстрацией вышесказанному может также послужить изображение сцены боя на большой костяной пластине из кургана 2 Орлатского могильника Самаркандской области, хронологически синхронного с памятниками пьяноборской культуры. На верхней части пластин изображен всадник, на груди коня которого прикреплен отрубленный кропоточащая голова человека.

Видимо можно предположить, что захороненные люди без голов — это жертвы враждебных родоплеменных группировок, а отдельно погребенные головы принадлежат соплеменникам: они возвращены силой оружия или выкуплены, скорее, даже обмененные на такие же трофеи с целью упокоения на родовом кладбище.

В ориентировке костяков даже на одном могильнике наблюдается большое разнообразие, которое, может иметь и сезонные отличия [Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985]. Преобладающими ориентировками в могильниках пьяноборской культуры являются восточное и северное направления. В меньшей степени покойников укладывали головой в юго-западный и южный сектор: очень мало, ориентированных на запад. Следует отметить, что на многих могильниках присутствуют по два основных направления ориентировок. К примеру, на Юлдашевском могильнике преобладающими направлениями являются восточная (61%) и северная (30%), на Камышлы-Тамакском могильнике 48,1% костяков лежали головой на север, северо-запад и северо-восток и 41,8% — на юго-восток [Агеев, 1992. С. 22]. Вполне очевидно, что различия в ориентировках определены принадлежностью захороненных к разным родоплеменным группам.

За редким исключением, все взрослые захоронения сопровождаются вещевым комплексом. Характерны большая устойчивость в наборах погребального инвентаря и четкое его деление в зависимости от пола погребенного. В женских могилах — это, как правило, украшения и принадлежности туалета (Рис. 86), в мужских — вооружение, остатки конского снаряжения и поясная гарнитура (Рис. 88). Как и в погребениях ряда других культур, очень редки орудия труда. К ним можно отнести, кроме ножей, глиняные пряслица, проколки, шилья и некоторые другие категории вещей. Следует отметить практически полное отсутствие глиняной посуды в погребениях и крайне редкое нахождение остатков жертвенной пищи. На всех могильниках культуры известно 49 случаев находок керамических сосудов [Агеев, 1992. С. 23], из которых 34 сосуда (более 60%)

происходят из Ново-Сасыкульского могильника. Без учета материалов Ново-Сасыкульского могильника (уже отмечались его особое значение и неординарность) пьяноборские погребения, содержащие керамику, не достигают и 1%. В то же время в погребениях Охлебининского могильника кара-абызской культуры могилы с глиняной посудой составляют 38% общего количества исследованных могил, а элементы ритуальной жертвенной пищи — 42%.

В большинстве случаев вещи в могилах лежат по отношению к погребенному в таком порядке, как они носились при жизни. По сопровождающему инвентарю погребения четко делятся на мужские и женские. В женских погребениях представлены в основном украшения и детали одежды. К ним относятся бусы, гривны, серьги, перстни и браслеты. Значительно количество каменных, стеклянных и пастовых бус импортного производства. Бронзовые гривны присутствуют обычно в поздних погребениях второй стадии (II — III вв. н.э.) пьяноборской культуры. Серьги листовидной формы изготавливались из тонкого медного листа; значительно реже аналогичные серьги из серебра и золота. Большим типологическим разнообразием отличаются бронзовые перстни. Б.Б. Агеевым было выделено 15 типов из 75 экземпляров всех пьяноборских перстней [Агеев, 1992. С. 44 — 45]. Браслеты преимущественно изготовлены из бронзы (2/3) и железа (1/3). Типологически они делятся на пластинчатые и многовитковые, от 3 до 9 витков.

Наиболее часто в женских погребениях встречаются спиральновитые и литые конусовидные височные подвески, преимущественно из бронзы. Есть отдельные экземпляры из серебра и золота. Иногда особенно литые подвески находят в мужских погребениях.

Особой категорией вещей, маркирующих пьяноборскую культуру, являются «эполетообразные» поясные застёжки. Бывшие на раннем этапе в употреблении преимущественно у мужского населения они становятся исключительно женской на поздней стадии развития деталью поясной гарнитуры верхней одежды. Многими исследователями формообразующие изменения эполетообразных застёжек рассматриваются в рамках этно-хронологических изменений всей пьяноборской культуры и, таким образом, строятся предельные схемы датирования [Генинг, 1970; Лаптева, 1994]. Интересно отметить, что эполетообразные застёжки являлись характерной особенностью башкирского женского костюма [Руденко, 2006. С. 152 — 153].

В мужских захоронениях находят преимущественно предметы вооружения, конского снаряже-

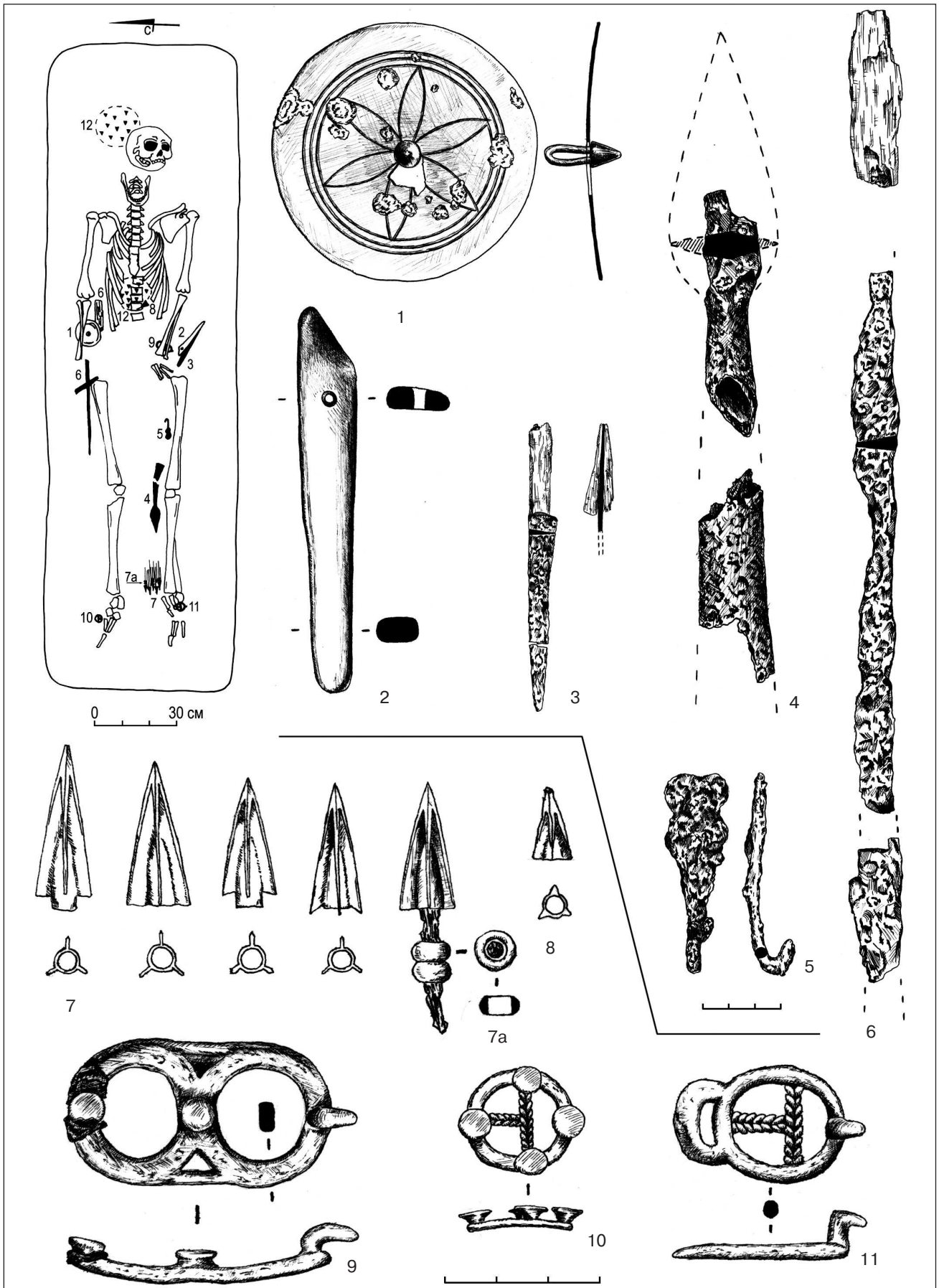

Рис. 88. Пьяноборская культура. Погребения и инвентарь.
 1 – 11 – Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник.

ния и элементы поясной гарнитуры. В большинстве своем к предметам вооружения относятся бронзовые, железные и костяные наконечники стрел. Остатков луков не найдено, но известны три находки (одна в Старо-Киргизовском и две в Кипчаковском могильниках) миниатюрных бронзовых моделей луков (подвесок—оберегов), позволяющие говорить о существовании так называемых «скифских» луков [Зубов, 2004а]. Наконечники стрел изготавливались из железа, бронзы и кости. Большое распространение имели железные копья и однолезвийные кинжалы, которые ряд исследователей относит к типу боевых (полевых) ножей режуще-колющего типа [Иванов, 1984. С. 18 — 19; Зубов, 2007б. С. 131]. К специализированному оружию следует отнести рубяще-колющее оружие — мечи и палаши. Предметы защитного вооружения крайне редки. В Кипчаковском могильнике был обнаружен единственный на сегодняшний момент наборный пластинчатый железный шлем и несколько панцирных пластин из двух погребений.

Предметы конского снаряжения в могильниках пьяноборской культуры достаточно редки, представлены железными удилами (трэнзелями), а также железными, бронзовыми и костяными псалиями. Подпружные пряжки изготовлены преимущественно из кости.

Хозяйство пьяноборцев было, вероятно, многоотраслевым, сочетающим производящие и присваивающие отрасли. Его экономическую основу составляло развитое, вероятно, полукочевое (пастушечье-отгонное) скотоводство, занятию которым благоприятствовали природные условия лесостепи. Кости домашних животных составляют 80 — 90% остеологических коллекций. К сожалению, археозоологические материалы пьяноборских памятников не обработаны, поэтому пока невозможно привести статистические данные. С уверенностью можно говорить лишь о преобладании в составе домашнего стада лошадей. Значительно меньшую долю поголовья стада составляли крупный и мелкий рогатый скот, а также свиньи.

Доля костей диких животных не велика. Имеются факты нахождения костей лося и медведя. В составе амулетов находят клыки и коренные зубы волка и лисицы. Достаточно много костей пушных зверей (куницы, бобра, зайца). Интересно, что в Кипчаковском курганно-грунтовой могильнике выявлены кости двух особей кулана — животного степной зоны.

Охота в системе хозяйственной деятельности стояла на втором месте и являлась, скорее всего, важным подспорьем в пополнении пищевых запав-

сов, особенно в зимний период. Немалое значение имела добыча пушных зверей, мех которых шел на изготовление зимней одежды и был предметом обмена с южными народами. Несомненно, жившее на берегах рек и пойменных озер пьяноборское население занималось рыболовством. Об этом свидетельствуют находки костей рыб на поселениях. Малочисленность находок предметов рыболовной снасти — всего 3 рыболовных крючка [Агеев, 1992. С. 50] — не может свидетельствовать о малой доле рыболовства в хозяйстве. В этих целях вполне могли использоваться сети, бредни, вятери и другие рыболовные снасти, не сохранившиеся до наших дней.

Земледелие, очевидно, играло в хозяйстве подсобную роль. О зерновых культурах, возделываемых пьяноборским населением, мы пока не имеем сведений. Те немногочисленные железные предметы, расцениваемые как наконечники мотыг [Генинг, 1970. С. 96], весьма вероятно, могут относиться к деревообрабатывающим орудиям — теслам.

Наиболее многочисленной категорией находок из поселенческих материалов являются остатки керамической посуды. Посуда в основном представлена горшками и чашами с округлым или слегка уплощенным дном. В глиняном тесте в значительном количестве присутствует толченая раковина речных моллюсков.

Металлургическое производство у населения пьяноборской культуры было развито слабо. Памятники этого времени, особенно поселения, крайне бедны железными вещами.

Бронзолитейное производство, которое было довольно хорошо освоено в предшествующее время, получило свое дальнейшее развитие. В основном, из меди и бронзы изготавливались многочисленные предметы украшений. Из отходов металлургического производства среди поселенческого материала можно отметить лишь обломки литейных форм и литников, сплески меди и т.п. Не известно, каким образом добывалась медь, но при огромном количестве изделий из меди и бронзы, найденных на пьяноборских памятниках трудно представить, что все сырье было привозным.

Среди пьяноборских вещей сравнительно немногочисленны изделия из кости. Из этого материала изготавливали наконечники стрел, шилья-проколки, рукоятки ножей и шильев. Иногда из кости делались псалии для конского снаряжения. Кожа широко применялась в быту пьяноборского населения. В материалах могильников известны кожаные пояса, сапоги и женские головные уборы.

Одежда шилась, вероятно, из кожи, меха и ткани. Фрагменты шерстяной ткани (репса) были

обнаружены под эполеообразной застежкой в погребении 1 Кипчаковского могильника во время раскопок 2006 г. Для изготовления тканей употреблялись, очевидно, какие-то примитивные ткацкие станки, остатки которых пока не обнаружены. Прядение ниток производилось при помощи веретен с насадными керамическими пряслицами, которые в большом количестве обнаружены на поселениях.

Развитая для своего времени экономика, прежде всего скотоводство, обусловила формирование сложной социальной структуры населения. Крупные размеры отдельных погребальных камер, большое количество вещевого инвентаря указывают на существование социальной дифференциации, в частности на процесс обособления родоплеменной аристократии.

Анализ погребального обряда позволил Б.Б. Агееву выделить большесемейные группы в пьяноборском обществе [Агеев, 1992. С. 90 – 100] и предположить значительное имущественное и социальное расслоение населения пьяноборской культуры. Вслед за В.Ф. Генингом он указывает на возможность существования союза пьяноборских племен. Необходимо отметить, что любой союз имеет политическую подоплеку, смысл которой на археологическом материале неуловим. В этой связи кажется более обоснованным говорить о пьяноборской соплеменности, учитывая отмеченные Б.Б. Агеевым отдельные скопления памятников, составляющие девять групп. Вполне возможно, что эти группы памятников сформированы по родоплеменной принадлежности. Расположение памятников отдельными группами для эпохи раннего железного века в Прикамье известно в гляденовской культуре, в которой Ю.А. Поляковым было выделено восемь локальных групп, представляющих, по его мнению, племенные территории [Поляков, 1967. С. 201 – 202]. В этом случае становятся понятными различия ориентировки погребенных и некоторые различия в деталях женского костюма.

Таким образом пьяноборская культура сформировалась на базе потомков позднеананьинских племен Нижнего Прикамья и раннекара-абызского населения Средней Белой, которые сыграли, видимо, решающую роль в этногенезисе пьяноборского населения. На втором этапе развития культуры (II – III вв. н.э.) пьяноборские племена испытали сильное воздействие позднекара-абызского населения. Об инфильтрации кара-абызского населения свидетельствуют материалы Юлдашевского и Ново-Сасыкульского могильников, в материалах которых обнаружены типично кара-абызские женские пояса с накладками противлежащими головами грифонов [Агеев, 1992. С. 106].

Материалы Ново-Сасыкульского могильника позволяют предположить еще один юго-восточный импульс к изменениям в жизни пьяноборцев, обусловленный пришлой этнической группировкой, связанной с пьяноборским этносом. Судя по всему, политическая напряженность на южных окраинах региона распространения пьяноборской культуры вызвало переселение части населения за Каму. Вполне возможно, что эти события были связаны с военной миграцией части зауральско-западносибирского населения, оставившего впоследствии памятники писеральско-андреевского типа [Гришанков, Зубов, 2009]. О сложных политических событиях писал в свое время В.Ф. Генинг, указывающий на многочисленные позднепьяноборские клады II – III вв. н.э., выявленные на правом берегу Камы.

Генетически с пьяноборьем связаны азелинская и мазунинская культуры. Эта связь прежде всего прослеживается в сходстве бронзовых украшений, керамическом материале и в элементах погребального обряда. Материалы удмуртских памятников (Тарасовский, Афонинский, Ныргындинский II могильники) свидетельствуют о смене пьяноборской культуры мазунинской. Однако, по мнению Б.Б. Агеева, нет основания рассматривать мазунинские комплексы IV – V вв. как позднюю стадию пьяноборской культуры [Агеев, 1992. С. 108].

ИСТОРИЧЕСКИЙ БАШКОРТОСТАН В ГУННСКУЮ ЭПОХУ

РАННИЕ ГУННЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Гунны, загадочный и в то же время широко известный в истории народ, сыграли большую роль в истории народов Центральной Азии, Сибири, Восточной и Западной Европы, в том числе Южного Урала. Многими историками и лингвистами признается их важная роль в древнейших этапах формирования тюркских народов, в том числе башкир. Судя по историческим преданиям, некоторые башкирские племена свое происхождение связывали с гуннами, конкретно с именем их вождя Валамира (Баламир). [Мажитов, 1973. С. 98]. Валамира выбрали башбугом (князем) гунны в 374 г. н.э. Собрал войско, он двинулся в поход на запад, покорив в 375 г. готов и к 378 г. подошел к границам Римской империи [Бичурин, 1950. С. 48].

По мнению большинства исследователей, гунны имели преимущественно тюркское происхождение. Эта версия была поддержана целым рядом зарубежных ученых, занимающихся изучением истории гуннов. Согласно гипотезе французского ученого Жозефа де Гиня (Joseph de Guignes), гунны могут быть по происхождению тюрками или прототюрками [de Guignes, Histoire generale des Huns, des Turcs, des Mongoles, et des autres Tartares occidentaux 1756 – 1758]. Эту версию поддержал О. Менхен-Хельфен (O. Maenchen-Helfen) в своих лингвистических исследованиях [Otto J. Maenchen-Helfen. The World of the Huns: Studies in Their History and Culture. University of California Press, 1973]. Английский ученый Питер Хизер (Peter Heather) считает гуннов так называемой «первой группой тюрков», которая вторглась в Европу [Peter Heather, «The Huns and the End of Roman Empire in Western Europe», *The English Historical Review*, Vol. 110, No. 435, February

1995, p. 5]. Турецкий исследователь Кемаль Джемаль подтверждает эту версию фактами сходства названий и имен в тюркских и гуннских языках, это также подтверждается схожестью гуннской и тюркской системы управления племенами. Данную версию поддерживает также исследователь Дьюла Немет (Gyula Nemeth) [«Europe: The Origins of the Huns», on The History Files, based on conversations with Kemal Cemal, Turkey, 2002]. Уйгурский исследователь Тургун Алмаз находит связь между гуннами и современными уйгурами, живущими в Китае. Однако и сегодня среди ученых продолжают существовать разные точки зрения по вопросам происхождения гуннов, их языковой принадлежности. Эту проблему не следует считать окончательно решенной.

Как видно из трудов древнего историка Аммиана Марцелина образ жизни и нравы гуннов сближали их с кочевыми тюрками: «Они кочуют как скитальцы на своих телегах; их телеги – их жилища, там сидят их жены... Они способны выносить всяческие неудобства и лишения... и не умеют готовить хорошую пищу. Гунны как будто приросли к своим некрасивым, но крепким лошадям и делают свои обыкновенные дела, не слезая с них, сидя верхом, покупают и продают, едят и пьют, на общественных собраниях они также не слезают с лошадей. Они ловки, и лошади у них быстры. В сражениях с криком бросаются на врага, построившись клиньями» [Аммиан Марцелин. История. Т. III. С. 236]. К тому же гунны, как и другие тюркские племена, поклонялись Богу Неба – Тенгри, которому они три раза в год совершали жертвоприношение [Безертинов, 2001. С. 16].

Мощный союз племен гуннов возник в III веке до н.э. в Забайкалье и в монгольских степях. Возвышение гуннов над соседними народами связано с

именем хана Модэ (Мете). Исторические документы сохранили интересные сведения о нем.

Модэ обладал сильной волей и изворотливостью ума. Родился он в ханской семье. Отец, желая оставить трон любимому младшему сыну, с детства отдал Модэ заложником соседним враждебным племенам. Узнав о неблагоприятном поступке отца, Модэ украл коня и вернулся в свою страну. Хан, обрадованный храбростью и мужеством сына, поставил его во главе племени, насчитывающего 10000 человек. Модэ тотчас же организовал войско, обучил его стрельбе из лука, джигитовке и военной дисциплине [Мажитов, 1973. С. 98]. Опираясь на свое войско, устроив расправу над своим отцом и братьями, подчинил всех гуннов своей власти и приступил к завоевательным походам против соседних народов и государств.

Модэ завоевал обширные пространства Восточного Туркестана, на востоке достиг полуострова Ляодун и создал гуннскую державу, которая изначально была многонациональной и многоязычной. О силе этого государства свидетельствует факт признания власти гуннов со стороны Китая, платившего гуннам регулярную дань [Мажитов, Султанова, 1994. С. 77]. Но к сер. I в. н.э. внутренние распри и освободительные войны тюрков саяно-алтайского региона привели к развалу гуннского государства на «северные» и «южные» владения с двумя шаньюями (титул правителя скорее всего китайского происхождения — *авт.*).

События, происходившие в степях глубинной Азии, громким эхом отозвались в степях Евразии. Народы, оказавшиеся на пути активных военных действий, стремились спастись движением на запад и север. Этот многогранный процесс народов, начавшегося во II — I вв. н.э., значительно усилился в начале первого тысячелетия новой эры. Это было началом Великой эпохи переселения народов, апогей которой приходится на IV — V вв. н.э.

Еще во II в. д.н.э. в степях Южного Урала и Поволжья стали происходить сложные исторические процессы, серьезно изменившие весь облик культуры местных скотоводческих племен. Эти перемены, следует полагать, были связаны с образованием в Центральной Азии державы гуннов, их завоевательными походами.

На территории Южного Урала в указанное время перестали функционировать кладбища племен прохоровской культуры, состоявшие из больших земляных курганов и сложных могил (склепы с дромосами) вместо них широкое распространение получили небольшие земляные курганы, насыпанные над простыми мелкими могилами. Появились моги-

лы в форме квадратных ям, где умерших хоронили диагонали головой на юг (Скрипкин, 1990. С. 179 — 188). Стены таких могил могли быть традиционно бревенчатыми, но наряду с этим прослеживаются случаи обкладки их лубками (Имангулово, Оренбургье).

Инвентарь курганов, по сравнению с предшествующим периодом, сравнительно беден и состоит из глиняных сосудов, наконечников стрел, кинжалов и мечей, рукояти которых заканчиваются кольцевым навершием (Рис. 68).

Новым являлся также обычай деформации головы путем наложения в детском возрасте тугой широкой повязки вокруг лба. В результате голова приобретала удлиненную форму. Такие удлиненные черепа обнаружены в ряде курганов Южного Урала II — I вв. до н.э. (Мечетсай, Темясово) [Смирнов, 1976. С. 190], они широко распространены на территории Нижнего Поволжья, притом часть из них имела примесь монголоидного типа [Том, Фирштейн, 1970. С. 95 — 103].

Такие серьезные изменения в культуре были вызваны уходом в II — I вв. до н.э. значительной части сако-дахо-массагетских племен из степей Южного Урала и Поволжья в Северное Причерноморье, где до сих пор жили собственно скифские племена. В результате разгрома скифов пришлыми с востока кочевыми племенами, складывается сарматская культура, означавшая наступление новой исторической ситуации.

Что же послужило причиной ухода на запад сако-дахо-массагетских племен? Очевидно, их (причин) было несколько, но главная из них — было возвышение государства гуннов в Центральной Азии. На археологическом материале, четко прослеживается появление на границе лесов и лесостепей Сибири, Урала и Поволжья сотен памятников нового типа с вещами, характерными для южных народов, что свидетельствует о вторжении с юга новых групп населения. Происходило, таким образом, новое смешение народов (племен), языков и культур, и в этом процессе самой активной движущей силой выступили кочевые племена — выходцы из Центральной Азии. Под влиянием гуннов в степях Южной Сибири, Казахстана, Южного Урала, Средней Азии и Поволжья получили широкое распространение монголоидные элементы в антропологическом типе, а также тюркские языки. В письменных источниках скотоводческие племена этих регионов стали упоминаться под новым собирательным именем — усунь; под ними понимаются потомки сако-массагетских племен, смешавшихся с пришлыми гуннами.

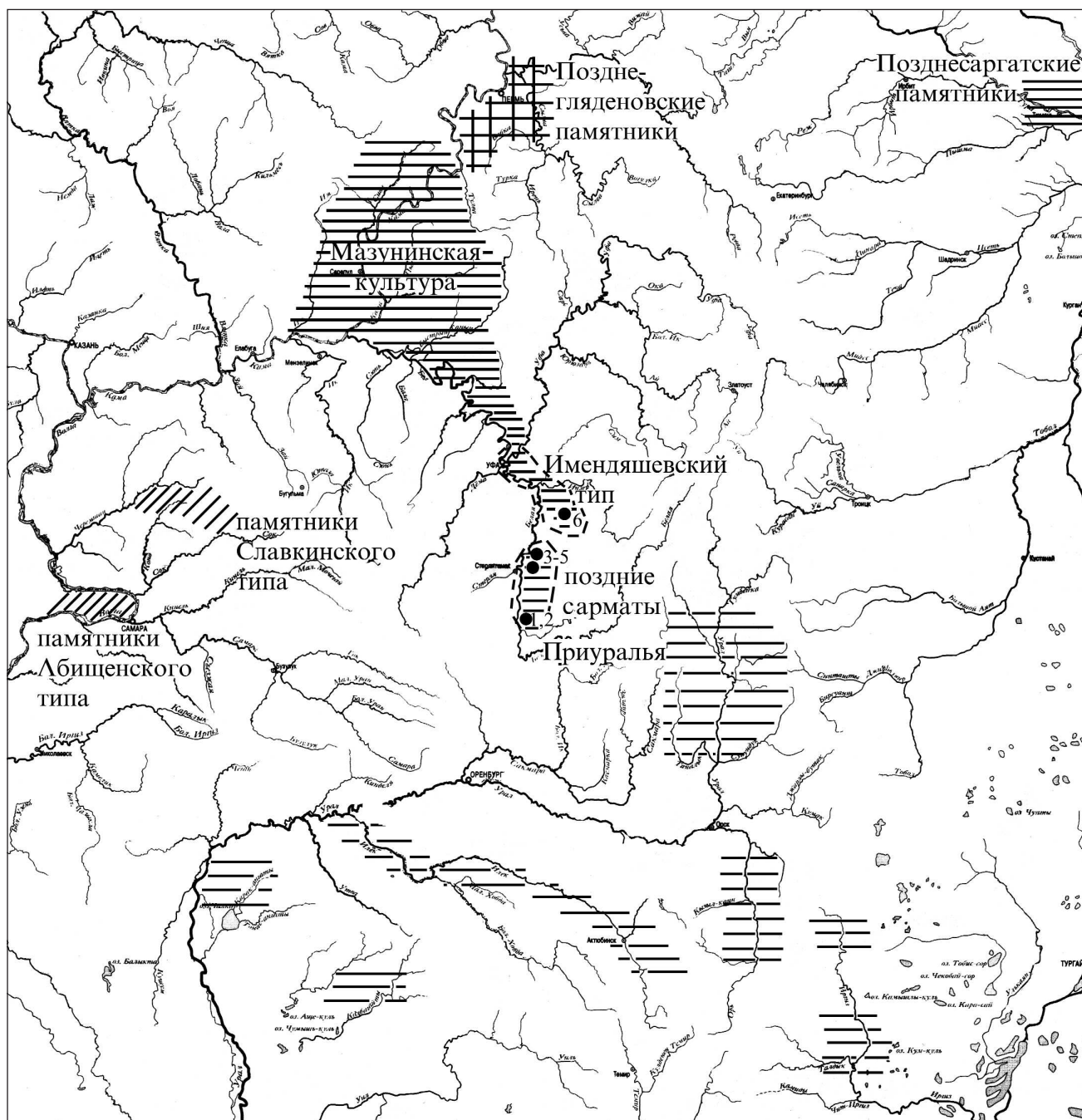

Рис. 89. Карта культур и памятников гуннского периода.

1 – Камбулатово, 2 – Дербенево, 3 – Салихово, 4 – Ахмерово II, 5 – Нижне-Арметово, 6 – Имендяшево, 7 – Уфа II.

Мода на удлиненную голову в евразийских степях также распространилась под активным влиянием тюркоязычных кочевых племен Центральной Азии, для которых она, по-видимому, считалась традицией. Об этом свидетельствуют упоминания в древнейших письменных источниках о том, что центрально-азиатские кочевники голову ребенку удлиняют путем накладывания на нее деревянных дощечек. Отметим, что число деформированных черепов в курганах населения Южного Урала, Казах-

стана, Сибири и Поволжья особенно возросло в V – X вв., когда здесь уже господствовали тюркоязычные племена [Бернштам, 1951. С. 199, 200].

Если о гуннах на Южном Урале II в. до н.э. – I в. н.э. можно говорить на основании лишь косвенных данных, то уже во II в. н.э. о них имеются упоминания в письменных источниках. Например, римский историк I в. н.э. Дионисий знает гуннов, которые жили между Уралом и Северным Каспием. Это же сведение подтверждает известный римский историк

II в. Клавдий Птолемей: в его время передовые отряды гуннов в своем движении на запад достигли районов Северного Причерноморья [Латышев, 1948. С. 254].

Несмотря на политическую активность, гунны в сако-усуньской среде Казахстана, Южной Сибири и Южного Урала, по мнению многих историков, составляли численное меньшинство, и здесь со временем верх одержали местные скотоводческие племена [Бернштам, 1951. С. 79].

Заметной совместной акцией гуннов (группа юэчжей) и местных сако-усуньских племен явился их совместный поход во II в. до н.э. через Среднюю Азию в Бактрию, завершившийся установлением там господства кочевых племен. Как показало недавнее открытие сокровищ бактрийских царей I в. до н.э. — I в. н.э., взяв политическую власть над обширной страной с развитой городской культурой, цари — бывшие кочевники не забыли обычаи и мировосприятие своих предков. Это видно по кочевническому способу захоронения умерших в сопровождении многочисленных золотых предметов (украшений головных уборов, одежды, обуви и т.д.), значительная часть которых сохранила черты, характерные для искусства кочевников степей Евразии предыдущих веков. Не менее характерна следующая деталь: представители царствующей династии Бактрии, подобно сакам V — IV вв. до н.э., носили роскошные наряды, украшенные от 6 до 9 — 10 тысяч золотых предметов [Сарианиди, 1983]. Учитывая отмеченные параллели в культуре, исследователи не без оснований полагают, что в походах юэчжей в Бактрию активное участие могли принять и представители сако-массагетской этнической среды [Скрипкин, 1990. С. 119 — 208].

Значительным результатом активности гуннов в степях Казахстана и Средней Азии явилось возвышение государства Кангюй, объединившего земли по Средней и Нижней Сырдарье и Северному Приаралью [Байпаков, 1990. С. 10, 11]. Первые сведения китайских авторов об этом государстве появились во II в. н.э., хотя, по мнению ученых, оно сложилось еще в III в. до н.э. Основное его население составляли местные сако-усуньские скотоводческие племена, но находившиеся в зависимости от гуннов. Источники сообщают, что престол в Кангюе часто занимали представители либо прогуннской, либо прокитайской ориентации [Бичурин, 1950. С. 153 — 170]. Об экономической и политической мощи Кангюя этого времени свидетельствовало также появление десятков крупных и сотен мелких городов-крепостей, окруженных мощными стенами. С этого момента Кангюй взял под свой контроль этнокуль-

турные и торговые связи племен южноуральского региона с народами Средней Азии. Археологический материал указывает, что от активности интересов Кангюя на северных границах зависели темп и характер развития политической и культурной жизни населения Южного Урала.

По свидетельствам древнекитайских историков первых веков нашей эры Кангюй вывозил в виде дани из страны Янь дорогие меха. В них говорится, что «Кангюй лежит почти в 2000 ли от Давани (современный Коканд — *авт.*) на северо-запад», а «в 2000 ли от Кангюя на северо-запад лежит государство Яньцай, которое имеет до 100000 войска и в обычновениях сходствует с Кангюем. Оно прилегает к великому озеру, имеющему отлогие берега. Это есть северное море». По единодушному мнению современных комментаторов, древнекитайские историки под этим северным морем подразумевали Каспийское море [Бичурин, 1950. С. 150]. Таким образом, страна Яньцай включала сако-усуньско-гуннские земли по Северному Прикаспию.

Севернее стран Яньцай и Кангюй находилось «владение (читай «страна» — *авт.*) Янь. Она состояла в зависимости от Кангюя, которому «подать платит кожами зверьков мышины породы» [Бичурин, 1950. С. 229]. Такой страной, богатой пушниной, на севере от Кангюя мог быть только Южный Урал. Учитывая зависимое положение населения, Южный Урал этого времени можно рассматривать как северную окраину обширного государства Кангюй.

Культура племен Южного Урала первых веков нашей эры (I — III вв.) носит явно смешанный характер: в ней четко видны черты, характерные для гунно-усуньских памятников юга, с одной стороны, и потомков местных дахо-массагетских племен предшествующих веков, с другой.

Об этом говорят материалы таких памятников, как Темясовские курганы на берегу р. Сакмара. Здесь, под невысокими земляными насыпями, обнаружены большие глубокие могилы с коллективными захоронениями, где встречаются необычные для Южного Урала вещи: массивные литые серебряные, так называемые «китайские» зеркала, бронзовые колокольчики, в том числе с изображением двуликого человека, перстни-печати с изображениями на щитке фигур зайца (?) и других животных, бусы, фибулы, красноглиняные гончарные сосуды центрально — или среднеазиатского происхождения (Рис. 71). Учитывая, что в этих погребениях нет вещей местного производства, можно предположить, что в них погребены люди, имевшие более южное происхождение.

С собственно гуннскими племенами связаны находки типа Кызыл-Адыр. Они происходят из погребения II – IV вв. в пещере близ с. Кызыл-Адыр Оренбургской области и состоят из бронзового котла, железных наконечников стрел, костяных накладок лука, меча и ряда других предметов. Среди них особенно интересными являются бронзовый котел и железные наконечники стрел, в основание перьев которых насаживались костяные бусины с отверстиями, издававшие неприятный звук при полете [Засецкая, 1982. С. 54 – 77, 151 – 161]. Подобные стрелы были взяты на вооружение гуннами в годы правления уже упомянутого шаньюя Модэ. Свистящие звуки сотен, тысяч таких стрел, слившись воедино, издавали такой устрашающий вой, что противник заранее впадал в панику. Эти вещи – типично центральноазиатские их появление на Южном Урале свидетельствует о пребывании здесь гуннского населения. Кстати, с движением гуннов на запад исследователи также единодушно связывают распространение на территории Казахстана и Южного Урала литых серебряных зеркал, подобных темясовским. Котлы гуннского типа встречены и в других пунктах Южного Урала.

Но основную часть памятников II – IV вв. составляют небольшие земляные курганы над простыми могилами, где умерших хоронили согласно традиционному для дахо-массагетских племен предшествующих веков обряду и характерным набором вещей. Сюда можно отнести плоско- и круглодонные сосуды ручной лепки, кинжалы, остатки мясной пищи в виде костей лошади или овцы и другие детали. Эти материалы дают нам ясно понять, что на рубеже и в первые века нашей эры в степной и предгорной зонах Южного Урала не произошло полной смены населения. Но под воздействием новых условий их культура подверглась значительным изменениям: в их памятниках часто встречаются серебряные китайские зеркала, изменилась ориентация погребенных с южной на северную. Эти изменения непременно отражают развитие представлений южноуральских племен о смерти человека и его жизни в загробном мире. Новыми элементами культуры являются также четко зафиксированные случаи использования гробов и почти повсеместное распространение обряда деформации головы [Пшеничнюк, 1983. С. 120 – 125]. Пути их проникновения очевидны: в ходе длительного совместного проживания на одной общей территории с гунно-усуньскими племенами в крае создавались условия для смешанных браков, что привело к изменению состава населения. Качественные изменения происходили и в языке (усилились центральноазиатские тюркские

элементы). Это заимствование тюркизмов у соседей считалось не только нормальным, но и престижным явлением, так как гунны-усуни занимали господствующее положение среди местных племен.

Таким образом, эпоха рубежа и первых веков нашей эры на Южном Урале ознаменовалась его входением в состав политических образований гуннов и усуней, где самым значительным было государство Кангюй. Учитывая близость культуры, а также подтвержденные письменными источниками даннические отношения с Кангоем, Южный Урал этого времени можно рассматривать как окраину этого огромного государства. Последнее подразумевает, что внутри общества южноуральских племен существовали основные социальные институты (слои населения), характерные для этого очень развитого и сильного государства.

Многочисленные археологические памятники свидетельствуют о том, что в IV в. шел активный процесс оседания скотоводов Южного Урала степного происхождения. В пользу этого говорит появление здесь серии сильно укрепленных городов. Таковыми прежде всего являются городище Уфа II (в центре современной Уфы) и Имендяшевское городище на р. Зилим (Рис. 89, б). Характерными для этих городищ являются невысокие широкоголовые сосуды с плоским дном, аналогичные сосудам из Тураевских курганов Республики Татарстан. Кроме того на Имендяшевском городище обнаружены следы прямоугольных бревенчатых домов, слабо углубленных основанием в землю. Жилища имели небольшие размеры – 5,5 x 5 м, видимо, в них жила небольшая (малая) семья. Такие семьи составляли самую низшую общественную ячейку и выполняли функции основной хозяйственной единицы (т.е. вели самостоятельные хозяйства). Но родовые традиции еще были сильны, они особенно проявлялись в общественной жизни: отправление различных культовых обрядов, праздников и, очевидно, в самосознании – принадлежности к конкретному народу, роду и племени.

В этой связи важно подчеркнуть, что оба названных городища существовали до IX – X вв., когда в письменных источниках появляются первые упоминания о башкирах, расселившихся по Южному Уралу. Такое непрерывное развитие культуры обитателей указанных городищ дает возможность для предположения, что дахо-массагеты и слившиеся с ними гунны рубежа нашей эры (II в. д.н.э. – III в. н.э.) в дальнейшем сыграли важную роль в формировании башкирского этноса и языка.

Пребывание на Южном Урале воинственных гуннов и других степняков-кочевников II – IV вв.

н.э. в корне изменили культуру местных племен, условно именуемых в научной литературе «ананьинцами», появившихся здесь еще до нашей эры (VIII – II вв.). Еще Геродот, имея в виду ананьинские племена, писал, что в далеком лесном крае, расположенном к северо-востоку от черноморских скифов живут фиссагеты – многочисленное и своеобразное племя. Живут они охотой. В тех же краях по соседству с ними обитают люди по имени иирк [Геродот, 1972. С. 192]. Племена иирков С.И. Руденко, как и тиссагетов Геродота, связывал с предками древних башкир [Руденко, 2009. С. 304].

Как бы то ни было, начавшийся в предшествующие века активный процесс смещения и ассимиляции местных племен со стороны пришельцев положил начало образованию в бассейне р. Агидель (Белой) принципиально нового этноса, ядро которого составили пришлые из южных степей кочевые племена тюркской языковой принадлежности

ВНЕШНИЙ ВИД И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК ГУННОВ

Существуют определенные стереотипы в интерпретации внешнего облика гуннов, который большинству исследователей представляется как монголоидный. Так, палеоантропологический анализ позволил Д. Тумэну прийти к выводу, что краниологическая хуннская серия, рассмотренная им, принадлежит к монголоидному североазиатскому антропологическому типу. Сравнительный анализ этой серии с сериями эпохи бронзы (культура плиточных могил) средневековья и современности Монголии позволил автору говорить об их значительном расовом сходстве [Тумэн, 1985]. Эти данные достаточно хорошо соотносятся с краниологическими материалами из могильников хунну Забайкалья, а также Ноин Улы. В большинстве своем они были также отнесены к монголоидному североазиатскому (южносибирскому, байкальскому) антропологическому типу [Дебец, 1948. С. 120 – 123; Гохман, 1960. С. 166; Мамонова, 1979. С. 204 – 207; Могильников, 1992. С. 272]. С.Г. Кляшторный и Д.Г. Савинов приводят в своих работах эстампы, снятые венгерским антропологом З. Токачем с барельефной группы «Кони топчут сюнну», находящейся на мраморе гробницы Хо Цюй-бина и посвященной триумфу над варварами гор Цилян (между 121 и 117 гг. до н.э.). У поверженных сюнну монголоидные лица [Кляшторный, 2002. С. 130 – 132; 2005. С. 25 – 26; Кляшторный, Савинов, 1998]. Кроме того, в склепах эпохи Хань в окрестностях города

Сиани среди статуй армии императора резко выделяются монголоидные воины-всадники, которые составляли большую часть кавалерии Поднебесной.

Фактическое отсутствие краниологических определений из погребальных комплексов гуннов Восточной Европы времен Аттилы было заменено интерпретацией исследователями имеющихся письменных данных. Так, известное сообщение Аммиана Марцелина о том, что «члены тела у гуннов мускулистые и крепкие, шеи толстые, чудовищный и страшный вид, до старости они живут без бороды, безобразны, похожие на скопцов...», дало основание Н.В. Пигулевской говорить о гуннах европейских как о монголоидах [Пигулевская, 1941. С. 34 – 36]. В подтверждение монголоидности гуннов, прибывших в Восточную Европу, И.П. Засецкая дополнительно приводит сведения Клавдия Клавдиана о безобразной внешности и постыдных на вид телах гуннов, а также описание Аттилы, данное Иорданом: «...Аттила был низкорослым, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединой, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом (кожи)...» [Засецкая, 1994. С. 154; Н.В. Пигулевская, С. 155].

Если взглянуть на географию задействованных в этих исследованиях комплексов, то оказывается, что все они находятся в восточной и северо-восточной частях Монголии и Забайкалья (бассейн р. Селенга). Самые западные из них расположены на востоке Центральной Монголии (Батценгель – Сомон, Тэбш-уул) [Могильников, 1992. С. 255. Рис. 15], то есть они находятся в той части региона, который с древнейших времен и до эпохи бронзы и скифского времени был заселен палеосибирским населением монголоидной расы. Однако уже и внутри этой группы Г.Ф. Дебецом зафиксирован случай европеоидной примеси (могильник Ургун-Хундуй) [Там же. С. 272]. Европеоидные черепа в хуннских могильниках Найман Толгой и Эрдэнэ Мандал были выявлены Тибором Тотом, при этом в ряде случаев монголоидность в них фиксировалась как некоторое влияние [Toth, 1967. P. 382 – 383; Toth, 2000. P. 213 – 217]. Примечательно, что эти могильники, изученные венгерско-монгольской экспедицией под руководством Иштвана Эрдели, занимают крайне западное (юго-западное) положение среди исследованных памятников хунну, для которых имеются антропологические определения. К сожалению, исследователи сегодня располагают весьма ограниченными антропологическими данными из Западной Монголии и особенно более южных регионов – Внутренней Монголии, Ордоса и провинций северо-западного Китая.

Рис. 90. Реконструкция воинов гуннской эпохи.
Старо-Муштинский курганный могильник (по Г.Н. Гарустовичу).

Вероятнее всего, полоса расового деления, установившаяся в древнейший период по срединной части Монголии, продолжала сохраняться на протяжении всего периода существования империи хунну. Ситуация стала меняться в эпоху поздней Хань, когда пределы Принаньшанья и Гансюйского (Хэсийского) коридора покидают вначале юэцжи, а затем и значительная часть хуннов. Вероятнее всего, с первых веков новой эры, с вторжением восточно-

монголоидных племен сяньби, происходит активная монголоизация Ордоса и западных областей Монголии, на что указывают и данные антропологии [Вэй Цзиен, 2004. Р. 289 – 319].

Изображения сюнну времени Хань указывают на то, что действительно какая-то часть населения империи хунну имела монголоидный облик. Думается, не случайно, весьма осторожно говоря об антропологическом облике хунну и возможной их

монголоидности, С.И. Руденко в одном ряду с гуннами упоминает и восточномонгольские племена дунху [Руденко, 1962. С. 177].

Однако существуют и иные изображения сюнну и северных варваров. Почему-то большинство исследователей — приверженцев монголоидности сюнну не упоминает о портретных вышивках из ноинулинских курганов 6 и 25. Принимая во внимание, что основа вышивки — станковая ткань — могла быть импортирована в Монголию из Китая или Туркестана, остается большая доля вероятности, что портреты, вышитые совершенно другими (шерстяными) нитями, изготовлены на месте. К хуннскому происхождению этих вышивок склонялся и автор раскопок С.И. Руденко [Руденко, 1962. С. 106]. Образы носят явно персонифицированный характер. Антропологический облик мужчины с пышными усами, густыми бровями, волнистыми волосами, широким разрезом, возможно, светлых глаз, высоким прямым выступающим в верхней части и слегка приплюснутым ниже переносицы носом, широким и высоким подбородком не вызывает сомнения в своей европеоидности (вероятно, кавказоидный тип). Портрет другого мужчины с высоким удлиненным лицом, широкими глазами, несколько скошенным подбородком, высоким выступающим приплюснутым от середины переносицы носом производит впечатление некоего смешанного антропологического типа (центральноазиатская европеоидность с налетом монголоидности), очень похожего на тип определенной части североазиатского населения. Вышивка на драпировке из кургана № 6 изображает двух стоящих возле коней мужчин. С.И. Руденко особо отмечает непропорциональность изображения — большие (относительно лошадей) длинноголовые человеческие фигуры [Там же. С. 106 — 108. Табл. LX — LXIII]. Особо выделяются большие носы и широкие глаза. На головах шапки кочевнического (скифо-сакского) вида. Нечто подобное можно увидеть на портретных изображениях на золотой пластине-застежке из Сибирской коллекции Петра I, найденной в Забайкалье или Монголии [Золотые олени..., 2002. С. 61]. Учитывая то, что культура носителей общности «ордосских бронз», к материалам которой относится эта застежка, легла в основу культуры хуннов, данное сопоставление будет вполне уместным. Двое мужчин с пышными усами, высокими черепами и высокими утолщенными в нижней части носами на этой пластине, очень близки по внешнему облику первому ноинулинскому. Сидящий в профиль мужчина (женщина?) имеет удлиненное лицо, широкие глаза, высокий слегка уплощенный нос и немного

скошенный подбородок. Его облик, передающий некую азиатскую европеоидность с монголоидным налетом, очень схож с обликом мужчины на второй портретной вышивке из Ноин Улы. Другие изображения лиц, которые встречаются на металлопластике «ордосских бронз», демонстрируют, как правило, антропологические особенности европеоидного облика (большие грацильные головы, длинный выступающий нос, широкие глаза). Думается, это сходство неслучайно и дает основание полагать, что наряду с монголоидным населением в державу хунну входили кочевники особого европеоидного облика, включающего кавказоидное и некое микшированное центральноазиатское население, имеющего монголоидную и вероятно североазиатские примеси.

Определенным аргументом в пользу значительной доли европеоидности гуннов является то, что северные хунну, покинувшие Монголию, на своем пути в Европу более чем на столетия (с 90-х г. I в. н.э. до сер. II в.н.э) задержались в Синьцзяне, где, вероятно, не только переняли традицию деформации черепов, но и получили дополнительную долю европеоидности за счет взаимодействия с местным кавказоидным сармато-аланским населением. Имеются определенные сведения об облике среднеазиатских белых гуннов-эфталитов, составивших, возможно, половинную долю всех гуннских мигрантов, которые приводятся в одной из работ Л.Н. Гумилева. Говоря о хуннах вообще и «белых хуннах» в частности, автор указывает на то, что одной из древнейших составных частей хуннов являлись племена бади и байди — «белых ди», или динлинов. «Тип племен ди характерен для древних хунну, лишь позднее вобравших в себя монголоидную примесь. Он характеризуется сочетанием широких скул и выступающего носа. Последний считался даже отличительным признаком хуннов, и когда Ши Минь издал повеление предать смерти до единого хуна в государстве... и погибло много китайцев с возвышенными носами». Этот тип зафиксирован в барельефе эпохи Хань, изображающем битву хуннов с китайцами. Впоследствии он вошел как основная составная часть в уйгурскую народность, представители которой на китайских рисунках изображаются как люди с толстым носом, большими глазами, сильно развитой растительностью на лице и теле, бородой, начинающейся под нижней губой, пышными усами и густыми бровями. Ныне потомки их уцелели в Нань-Шане — провинция Ганьсу, то есть на своей прародине [Гумилев, 1959. С. 138 — 139]. Обращает внимание — сходство этого описания с приведенными выше портретными

ми особенностями. Достаточно точной иллюстрацией приводимого антропологического облика являются изображения эфталитских вождей на монетах эфталитов, приводимые Ш. Уйфальви и Т.А. Трофимовой в связи с иллюстрацией традиции деформации черепа у населения азиатских гуннов. На них особо бросаются в глаза массивные головы изображенных. При этом «длинноголовость» существует сама по себе и объясняется не столько наличием кольцевой деформацией затылочной части, но и массивным выступающим носом, большими ушами и скошенным подбородком.

Близок к описанному портрету облик Аттилы на серебряном медальоне (фалере), обнаруженном в Актюбинской области в 1958 г. в междуречье Ори и Илека при невыясненных обстоятельствах (возможно раскопки (?)) краеведом А.А. Павленко. Изображенное в позднеантичной традиции профильное изображение бородатого мужчины обрамляет латинская надпись АТТИЛА — REX (Аттила-царь). Надписи по краям ограничивают хорошо различимые изображения в виде трехконцевой вихреобразной свастики. Данный изобразительный сюжет хорошо известен специалистам как тамговый знак, встречающийся на предметах или памятниках, относящихся к позднесарматскому времени [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 9, 61; Скрипкин, 1984. Рис. 13, 15; Яценко, 2001. Рис. 6, 92, 113; 13; 14; 18, 2, 3; 2, 4, III]. Длинная борода, неприбранные (косматые, волнистые) волосы явно выдают варварский облик изображаемого. Отнесение этого медальона к определенному периоду затруднено. Однако данное изображение Аттилы фактически аналогично его портретному оттиску на итальянской памятной медали о разрушении города Акдидеи первой трети XVI в., хранящейся во Французской национальной библиотеке [Бувь-Ажан, 2003. С. 96 — 97]. Многое в связи с этой находкой остается непонятным. Можно только предположить, что художники-медальеры нач. XVI в. для создания образа гуннского вождя имели какой-то конкретный изобразительный аналог, который копировался либо с позднеримской фалеры, либо с раннесредневековой фрески или гравюры. Фалеры имели достаточно большое распространение именно в позднеримский и византийский периоды [Искусство этрусков..., 1982. Рис. 319а; 341а, г, д; Byzantine Art..., 1985. Fig. 8, 9, 95]. В этой связи неслучайным является появление этих находок на Урале в постгуннский период. Подобная находка медальона с изображением тетрархов была найдена в уфимских курганах турбаслинской культуры [Сунгатов, 1998. Рис. 14, 17]. Другая каменная фалера была обнаружена в Мокинском

могильнике близ Перми. Изображение лица на орской фалере имеет явное портретное сходство с изображениями Аттилы на известных позднеримских фалерах. На орской фалере изображенный имеет массивную голову (с угадывающейся затылочной деформацией, вытянутой вперед и удлиненной книзу лицевой частью, особо выделяется длинный опущенный вниз нос с выраженной горбинкой, глубоко посаженные глаза и хорошо профилированные бровные дуги). Подобная профилировка лица до деталей напоминает облик мужчины из кургана 4 гунно-сарматского могильника III в. н.э. Соленый Дол (раскопки И.Э. Любчанского), скульптурная реконструкция которого была выполнена А.И. Нечвалодой.

На медальонном портрете Аттилы особенным образом подчеркнута пышная европеоидная волосяная растительность на голове и лице изображенного. Данные о характерной пышности волосяного покрова можно соотнести лишь с одной антропологической деталью, которая приводится в описании Аммиана Марцелина: «...Головы покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги — козьими шкурами...» [История татар..., 2002. С. 397]. Следует напомнить, что для монголоидной расы характерно отсутствие волосяного покрова на теле, зачастую даже в паховой зоне.

В этой связи Я.А. и Г.С. Федоровы справедливо заметили, что описание внешнего облика гуннов Аммиана Марцелина вряд ли может свидетельствовать об их монголоидности, так как «приводя описание внешности и характера гуннов, он не упоминает ни об их скуластости, ни об их узких глазах» [Федоров, Федоров, 1978. С. 47].

Действительно, описания Аммиана Марцелина и Иордана в большей степени подчеркивают неприглядный и безобразный облик гуннов, хотя важной деталью во внешнем облике Аттилы является его большая голова. Если проанализировать ситуацию, то бесспорным окажется тот факт, что хунны-гунны явились новой, в отличие от предшествующей юэчжийско-сармато-аланской, волной наиболее восточных кочевников Азии. К этому следует добавить необычную традицию уродовать лицо ребенка при рождении, дабы ликвидировать лицевое оволосение, а также широкое распространение обычая черепной деформации, которая также существенно искажает антропологический облик.

Впервые на возможность соотнесения раннегуннского населения с позднесарматской культурой указали Я.А. и Г.С. Федоровы. Приводя данные В.П. Шилова и В.В. Гинзбург из памятников поздних сарматов, которые оставлены населением с раз-

нообразными антропологическими типами, иногда с монголоидной примесью, они относят их к числу памятников гуннской эпохи [Гинзбург, 1959; Федоров, Федоров, 1978. С. 47 – 48; Шилов, 1959].

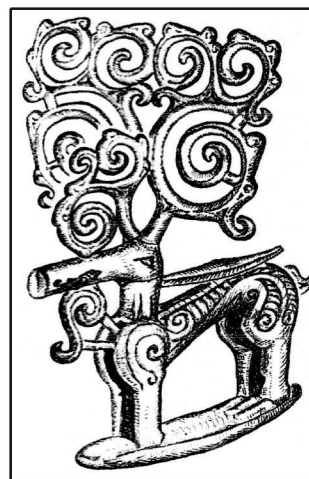

Несмотря на то, что внутри позднесарматского населения существовали какие-то локальные варианты, включавшие местные комбинации признаков, по мнению М.А. Балабановой, в целом поздние сарматы обладали морфологическим комплексом, который можно диагностировать как тип южных европеоидов («длинноголовые европеиды»). Он сочетает массивную долихокранную (длинно-головую) высокосводчатую мозговую коробку с высоким, широким и резко профилированным в горизонтальной плоскости и ортогнатным (уплощенным) в вертикальной части лицом. Глазницы крупные, широкие и высокие, нос и носовые кости высокие, сильно выступающие [Балабанова, 1998. С. 64 – 65; 2000. С. 125].

Фактически аналогичную характеристику (брахицефальный (высокоголовый) тип с широким, высоким и уплощенным лицом) вновь прибывшего танаисского населения, носителей новых палео-иранских имен и позднесарматских погребальных традиций, дает М.М. Герасимова и другие антропологи. При этом ими отмечается монголоидная метисация среди черепов с искусственной деформацией от незначительной ее доли до явно монголоидных с

высоким и широким плоским лицом. Отмечается также тенденция к большей монголоизации непосредственно к времени Руги и Аттилы IV – V вв. н.э. [Герасимова, 1965. С. 256; Герасимова и др., 1987. С. 62 – 82], что в определенной мере подтверждает мнение Л.Н. Гумилева об установлении монголоидности у гуннов на самом позднем этапе [Гумилев, 1989. С. 73]. Данное положение ярко подтверждается материалами из курганов 4 и 5 могильника Каменный Амбар, который относится к гуннскому времени V в. н.э. Если женщина имела достаточно типичный урало-алтайский метисированный облик, схожий с женщиной из Соленого Дола, то мужчина демонстрировал яркий центральноазиатский монголоидный антропотип.

Таким образом, приведенных данных вполне достаточно для предположения, что наряду с монголоидными кочевниками Маньчжурии, Восточной Монголии и Забайкалья империя хунну включала кочевое европеоидное население Центральной и Западной Монголии и Северного Китая, большая часть которого, вероятнее всего, была впоследствии вытеснена вначале в пределы Синьцзяна, а чуть позже изгнана в пределы Средней Азии и порог Восточной Европы своими восточными кочевыми соседями – сяньби.

РАННИЕ ЭТАПЫ РАСОГЕНЕЗА И ЭТНОГЕНЕЗА БАШКИРСКОГО НАРОДА

АНТРОПОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Расогенез — длительный историко-биологический процесс формирования комплекса расовых признаков на конкретной географической территории, происходящий под воздействием природно-климатических факторов с последующей выработкой адаптивно-приспособительных признаков. В этнической антропологии при изучении расогенетических процессов включаются также факторы миграции, метисации, эпохальной изменчивости, географической изоляции и т.д.

Исследование расогенетических процессов на Южном Урале начинается с эпохи бронзы, и мы имеем дело с населением с уже сформировавшимися не только расовыми, но и, возможно, этническими признаками. В связи с этим исследуемый регион начиная с эпохи бронзы предстает не как объект изучения первичного очага расообразования, а как территория, на которой пересекались исторические судьбы многих этнических образований с уже сложившимися расовыми типами, где происходило формирование антропологического типа населения, прежде всего под воздействием таких социально-обусловленных факторов, как миграция и метисация.

Говоря о расогенезе башкир, мы имеем в виду историческую динамику изменчивости антропологических признаков в регионе, которая предполагает временную преемственность тех или иных расовых типов начиная с конкретного этапа в истории Южного Урала. Конечный результат расогенетических процессов представлен в настоящее время сочетанием в лице одного народа нескольких расовых типов, имеющих самостоятельное происхождение и, если можно так выразиться, «исторический возраст». Это позволяет говорить, что отдельные расовые типы среди башкир являются представителями далеких физических предков народа.

Следует особо подчеркнуть, что выделение этого этапа не подразумевает начало этнической истории народа, а может говорить лишь об историческом возрасте того или иного расового типа в его составе, который выступает в качестве компонента в его общей антропологической характеристике.

Этногенез — это предьстория народа, происходящая при участии отдельных составляющих; представляет собой процесс вызревания самосознания и этнонима. Этногенез считается завершенным и знаменует начало этнической истории с момента возникновения отличного от других народов самоназвания и этнического самосознания.

Этническая история народа, видимо, начинается с того момента, когда в конкретный исторический период в регионе начинают смыкаться языковые, культурные и антропологические характеристики носителей этнического заряда, в результате чего расогенетические и этнические процессы протекают в дальнейшем в одном направлении — формируется будущий этнос со всеми его характеристиками. Не будет преувеличением, сказать, что расогенетические корни башкир уходят в очень древние антропологические пласты предшествующего ему населения, которое можно рассматривать не только как одного из физических предков народа, но и как один из компонентов в его этнической истории.

В связи с этим палеоантропологические материалы являются одним из важнейших источников при изучении этно— и расогенетических процессов на Южном Урале. Наиболее ранние останки человека на Южном Урале обнаружены Г.И. Матюшиным в 1967 г. в ходе раскопок мезолитической стоянки на левом берегу р. Белой, чуть севернее г. Давлеканово в Центральной Башкирии [Матюшин, 1976]. Костяк взрослого мужчины лежал на правом боку в скорченном положении и был присыпан охрой, ориентировка северо-западная. Скелет лежал под очагом

неолитического времени и датируется эпохой мезолита – начала неолита (9 – 8,5 тыс. до н.э.) Судя по реконструкции лица, сделанной по черепу М.М. Герасимовым, давлекановский человек характеризовался признаками одного из вариантов древних европеоидов южного происхождения (Рис. 18).

В эпоху неолита, энеолита погребений и останков человека на Южном Урале не обнаружено. В следующую эпоху – бронзы – освоение Южного Урала идет более активными темпами, о чем свидетельствуют многочисленные памятники II тыс. до н.э.

* * *

Палеоантропологические материалы этого времени из могильников абашевской (Чуракаевский могильник), срубной (Ново-Балтачевский, Тартышевский могильники), андроновской (Тартышевский могильник) культур были впервые изучены и опубликованы М.С. Акимовой [Акимова, 1968]. По результатам своих наблюдений она сделала вывод о неоднородности населения Приуралья в эпоху бронзы. Для населения срубной и андроновской культур был характерен резко выраженный европеоидный тип. Абашевцы выделялись несколько смягченным европеоидным типом со слабо выступающим носом [Там же. С. 8 – 15].

В настоящий момент имеется большой палеоантропологический материал эпохи бронзы, в основном из курганных могильников срубной культуры из центральных и южных районов современного Башкортостана. В связи с этим ниже будет дано описание новых материалов в сопоставлении с опубликованными материалами М.С. Акимовой.

Основным материалом для исследования послужили имеющиеся в антропологических фондах Института истории, языка и литературы УНЦ РАН серии черепов эпохи бронзы, собранные с 1970-х гг. археологическими экспедициями Института. Кроме того, использованы коллекции черепов, переданные археологами Башгосуниверситета и Башгоспединститута.

Сравнительный материал использован в основном из публикаций М.С. Акимовой. Также привлечены опубликованные данные по антропологии соседних регионов – Оренбуржья, Поволжья, Казахстана и Средней Азии.

Суммарная серия срубников Южного Приуралья, состоящая из 50 мужских черепов, в целом характеризуется выраженной матуризованностью. Население региона в эпоху бронзы имело мощное

физическое развитие, о чем говорит резко выраженный костный рельеф черепной коробки и длинных костей скелета.

Черепная коробка длинная, среднеширокая, по указателю долихокранный. Преобладают овоидные формы черепной коробки. Высота черепа большая как от порионов, так и точки базион. Лицевой скелет резко профилирован на обоих уровнях горизонтальной плоскости. Клыковые ямки глубокие с четкими контурами. Нос резко выступает к линии профиля лица, высота и ширина носовых костей средние, переносье высокое. Орбиты средневысокие, прямоугольной формы.

В вертикальной плоскости лицевой скелет ортогнатный, среднеширокий, умеренно высокий, надбровные дуги ярко выражены.

В целом, весь комплекс признаков укладывается в характеристику широко распространенного среди населения культур степной бронзы Восточной Европы протоевропеоидного расового типа, близкого к «кроманьонскому в широком смысле слова». Тип этот был впервые описан Г.Ф. Дебецом и определен этим термином из-за сходства черепов населения европейских степей II тыс.н.э. с верхнепалеолитическими материалами Западной Европы [Дебец, 1948. С. 65].

Краниология локальных групп срубников Южного Урала. Сравнительный анализ краниологических признаков в сериях позволяет говорить о территориальных различиях срубников Южного Урала в XVIII – XII вв. до н.э.

Выделяются однородностью распределения краниометрических признаков серии черепов срубников бассейна р. Демы из Центральной Башкирии. Это материалы, полученные из Старо-Ябалаклинского, Петряевского, Чишминского курганных могильников. Сюда же можно включить черепа из Ново-Ябалаклинского могильника. Для населения, оставившего эти могильники, характерны крупные размеры черепной коробки и лицевого скелета, его резкая профилированность, очень высокое переносье, резко выступающие к линии профиля носовые кости.

Население срубной культуры северо-запада Башкирии (Тартышево, Ново-Баскаково) отличается длинноголовостью, широколицестью. У них чуть ли не самые низкие среди остальных групп лицо и носовые кости. В отличие от срубников Центральной Башкирии, у северо-западных более профилирован лицевой скелет и гораздо сильнее выступают носовые кости к линии профиля

Южные (Санзяпово, Старо-Яппарово) и юго-западные группы (Качкиново) срубного населения

**СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ КРАНИОМЕТРИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ
МУЖСКИХ СЕРИЙ ЧЕРЕПОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО УРАЛА**

№ по Мартину	Старые Ябалаклы (18)	Чишмы (5)	Новые Ябалаклы (2)	Петряево (10)	Качкиново (3)	Санзяпово (3)	Старо-Яппарово (2)	Тартышево (2)	Ново-Баскаково (5)	Срубники (суммарно)
1	188.2	188.0	185.0	188.1	195.3	193.0	182.0	183.5	191.8	188.3
8	140.0	138.2	136.0	140.0	135.7	145.0	146.0	139.0	138.0	139.8
17	140.0	139.5	131.0	136.5	137.0	140.5	138.0	144.5	138.3	138.4
9	99.5	198.2	97.0	98.1	95.0	98.0	101.0	97.0	99.2	98.1
5	106.8	103.5	106.0	102.0	109.5	106.0	106.0	105.0	108.0	105.9
40	99.1	93.0	96.0-	97.8	105.0	105.0	102.0	99.5	101.0	99.8
45	138.2	136.0	139.5	135.2	133.0	137.0	140.0	137.0	133.5	136.6
48	71.5	74.0	68.5	71.9	70.5	72.0	73.0	68.5	66.0	70.3
51	44.8	45.0	46.0	44.1	47.0	41.0	43.5	42.1	43.6	44.1
52	33.0	33.8	33.5	33.1	34.0	32.0	31.0	30.0	31.7	32.5
55	53.3	53.6	53.0	52.7	53.7	52.0	51.5	54,0	51.3	52.8
54	24.7	25.6	26.5	25.3	24.3	21.7	23.5	25.7	25.6	24.8
SS	5.7	4.7	6.2	4.4	4.1	5.0	5.0	4.5	5.2	5.0
SC	8.5	7.0	8.6	7.9	6.9	8.5	9.2	8.7	9.1	8.3
77	137.2	138.6	138.7	137.0	131.3	136.9	138.1	138.0	134.4	136.7
zm	126.8	127.6	124.9	124.7	126.89	124.9	127.2	126.0	125.3	126.0
72	86.8	86.4	85.0	85.0	86.5	85.7	88.0	84.5	86.0	86.0
32	82.8	79.2	77.5	80.6	80.0	76.3	79.0	82.0	83.4	80.1
751	35.0	33,6	38.0	34.0	38.5	30.5	33.5	39.5	33.0	35.1

Условные обозначения (признаки по Мартину): 1 – продольный диаметр, 8 – поперечный диаметр, 17 – высота черепа (ba-b), 9 – наименьшая ширина лба, 5 – длина основания лица, 40 – длина основания лица, 45 – скуловой диаметр, 48 – верхняя высота лица, 51 – ширина орбиты (от tf), 52 – высота орбиты, 55 – высота носа, 54 – ширина носа, SS – симметрическая высота, SC – симметрическая ширина, 77 – назо-малярный угол, zm – зиго-максиллярный угол, 72 – общелицевой угол, 32 – угол наклона лба (na-b), 751 – угол выпячивания носа

Южного Урала отличаются от всех остальных иным сочетанием признаков. Бросается в глаза необычная длинноголовость (гипердолихокrania), сочетающаяся с самым узким и высоким среди срубников этого региона лицевым скелетом и такими же носовыми костями.

Для них характерны также резкая профилированность лицевого скелета на уровне точки назион (131,3) и сильно выступающие носовые кости (38,5), уступающие по величине лишь северо-западным срубникам из Тартышево (39,5).

Предварительный морфологический анализ краниологических серий мужского населения срубной культуры Южного Урала позволяет говорить о некоторых различиях по территории их расселения.

Выяснилось, что для срубников северо-западных лесостепных районов характерны низколицность, низкая высота носовых костей при средней ширине лица и резком выступании носа.

Южные группы выделяются гипердолихокранией с самой узкой среди срубников Южного Урала черепной коробкой. У них высокое, резко профилированное лицо, узкие и высокие носовые кости.

Срубники центральных районов Башкирии, расселенные в бассейне р. Демы, отличаются более однородным составом и занимают по краниологическим данным промежуточное место между южными степными и северо-западными лесостепными группами.

Анализ географической изменчивости краниометрических признаков позволяет выявить некоторые закономерности в их вариации по территории расселения срубного населения. Так, результаты картографирования показывают отчетливое увеличение у мужского населения ширины носа с юга на север, которое сочетается с уменьшением высоты лица в том же направлении. В то же время нетрудно заметить удлинение черепной коробки с севера на юг, где она достигает максимальной величины у срубников из могильников Качкиново и Санзяпово.

Анализ коэффициентов суммарных расстояний. Между мужскими группами срубников Южного Урала проведен суммарный анализ по 19 признакам. На основе матрицы коэффициентов суммарных расстояний построены дендрограммы методом попарной взвешенной группировки. В анализ включена и объединенная серия мужских черепов срубного населения.

Из всех краниологических серий, как видно по коэффициентам суммарных расстояний, пожалуй, лишь срубники центральных районов Башкирии, в частности Старо-Ябалаклинская и близкая к ней Петряевская выборки, дают более-менее равные ко-

эффициенты со всеми сериями. В то же время можно заметить, что по комплексу признаков они гораздо больше отличаются от южных групп, нежели от северо-западных.

Наиболее близкими к серии черепов из Старых Ябалаклов оказались черепа из Петряево, Чишмов и Ново-Баскаково. Наиболее удаленными оказались серии черепов из Качкиново и Санзяпово.

Необходимо подчеркнуть, что выделяется близостью между собой срубное население Центральной Башкирии.

Южные группы срубников из Качкиново и Санзяпово не обнаруживают какой-либо близости ни с одной серией черепов срубного населения Южного Урала. Это дает возможность в предварительной форме говорить о самостоятельных путях формирования разных групп срубников Башкирии и возможности выделения локальных краниологических вариантов среди древних скотоводов Южного Урала.

Если усреднить все суммарные расстояния каждой выборки от остальных серий, то получим следующую картину:

Старые Ябалаклы	0.461 (0.051)
Петряево	0.471 (0.102)
Ново-Баскаково	0.660(0.270)
Чишмы	0.777 (0.301)
Старо-Яппарово	0.786(0.384)
Тартышево	0.796 (0.390)
Новые Ябалаклы	0.855 (0.444)
Санзяпово	0.024 (0.600)
Качкиново	1.113(0.687)

Судя по величинам представленных коэффициентов, Старо-Ябалаклинская и Петряевская группы срубников менее всего отличаются от всех остальных групп. В этом отношении к ним близки серии черепов срубного населения из Чишмов и северо-западные группы из Ново-Баскаково и Тартышево.

Различия между группами увеличиваются с севера на юг и достигают максимума у южных и юго-западных групп из Санзяпово и Качкиново. Эти серии черепов более всего отличаются от остальных антропологически, в то время как у срубников центральных районов Башкирии проявляется больше сходства с северо-западными, нежели с южными.

Сказанное подтверждают также и коэффициенты суммарных расстояний каждой серии черепов от объединенной серии всех срубников Южного Урала (коэффициенты даны выше в скобках).

Суммарная выборка (усредненный антропологический тип срубников Южного Урала) обнаружи-

вает наибольшие аналогии среди населения эпохи бронзы, оставившего Старо-Ябалаклинский и Петряевский могильники (0,051 и 0,102). Полученные данные могут говорить, во-первых, о том, что население этих групп являлось, вероятнее всего, носителями наиболее распространенного среди срубников Южного Урала антропологического типа. Это был несколько грацилизированный вариант протоевропеоидной расы. Во-вторых, величины коэффициентов могут указывать на исключительную близость и, возможно, общее происхождение основной массы срубного населения бассейна р. Демы в Центральной Башкирии.

Остальные северо-западные и центральные группы также обнаруживают относительно малые коэффициенты суммарных расстояний при сравнении с обобщенной серией черепов региона.

Наиболее удаленными от суммарной выборки, как и в предыдущих случаях, оказываются самые южные и юго-западные группы из Санзяпово и Качкиново, что может указывать на несколько иное происхождение этой группы срубного населения и, возможно, различные пути заселения Южного Урала в эпоху бронзы.

Кластерный анализ. На основе матрицы суммарных расстояний построена дендрограмма, отражающая в какой-то степени морфологическую близость мужских серий черепов срубников Южного Урала. В анализ включена и суммарная выборка.

Уровни кластеризации в коэффициентах суммарных различий оказались значительно растянутыми — от 0,05 до 1,31, что уже может указывать на неоднородность исследуемого материала.

На дендрограмме довольно отчетливо выделены 4 кластера. Первый, самый большой кластер объединил 4 серии черепов с наиболее плотными связями от 0,05 до 0,25. Все они происходят с бассейна р. Демы в Центральной Башкирии. В этот же кластер вошла и суммарная серия срубников Южного Урала. Самыми близкими оказались Старо-Ябалаклинская и суммарная выборки, к ним последовательно присоединились серии черепов из Петряево и Чишмов. Можно говорить об общности происхождения срубного населения, оставившего эти три могильника. Необходимо учитывать, что данные серии черепов наиболее многочисленные.

Во второй кластер объединились серии черепов северо-западных срубников из Ново-Баскаково, Тартышево и группа из Новых Ябалаклов.

В третий кластер вошли две группы, расселенные в более южных районах. Это серии черепов из Санзяпово и Старо-Япарово.

Совершенно самостоятельную ветвь на дендрограмме образовала юго-западная, самая гиперморфная, долихокранная серия черепов юго-западных срубников из Качкиново.

Из всех кластеров наиболее близкими оказались два, объединившие центральных и северо-западных срубников.

Таким образом, в результате проведенных сравнительно — морфологического, суммарного, а затем и кластерного анализов мужских выборок срубного населения Южного Урала можно сформулировать некоторые выводы.

Срубное население Южного Урала в эпоху бронзы было европеоидным, без признаков монголоидной примеси. В то же время территориально и антропологически оно было неоднородным. Наибольшие различия фиксируются между южными, юго-западными степными и более северными лесными группами. Население срубной культуры центральных районов Башкирии отличается компактностью расселения и однородностью своего антропологического состава.

Северные и центральные группы представляют собой два различных варианта протоевропеоидного, «кроманьонского в широком смысле слова» антропологического типа. Один — низко-широколицый, матуризованный, другой — несколько грацилизированный тип.

Южные группы срубников, выделяющиеся среди остального населения гипердолихокранностью, более узким и высоким лицом, скорее всего, относятся к одному из вариантов древней восточно-средиземноморской расы.

Выделение среди срубников Южного Урала нескольких антропологических комплексов, сгруппированных в соответствии с их географической локализацией, позволяет, с одной стороны, говорить о самостоятельном происхождении этих комплексов, а с другой — может указывать на различия во времени и путях заселения Южного Урала древними индоевропейцами.

Южные группы срубников в отличие от центральных выделяются более однородным антропологическим составом. Довольно сильно смешанной представляется центральная группа срубников из Петряево, где наряду с протоевропеоидами встречаются и средиземноморцы.

Не исключено, что петряевская группа — это далеко ушедшая на север группа южного происхождения, вошедшая в тесную взаимосвязь со срубниками Центральной Башкирии.

Характеристика женского населения срубной культуры Южного Урала Женский материал оказал

ся, к сожалению, гораздо худшей сохранности и малочисленной мужского. В анализ удалось включить только 5 небольших серий черепов женского населения древних скотоводов Южного Урала. Это серии черепов из Старых Ябалаклов, Петряево, Качкиново, Санзяпово и суммарная серия, включающая 22 черепа.

Морфологически, судя по средним показателям краниологических признаков и их дисперсиям, женский материал выглядит довольно однородным. Размах вариации признаков в сериях не очень велик, во всяком случае, меньше, чем у мужчин.

На женском материале гораздо четче выявляется географическая изменчивость признаков черепной коробки, ширины и высоты лица, высоты переносья и угла выступания носа с севера на юг. Можно заметить, что происходит не просто количественное изменение признаков внутри одного типа, а наблюдается территориальное изменение антропологического типа среди женщин и переход от того же выявленного у мужчин протоевропеоидного к древнему средиземноморскому расовому комплексу.

В женском материале срубников прослеживается та же динамика изменения признаков по территории расселения. Как и у мужчин, женская выборка черепов юго-западных срубников из Качкиново оказалась самой гиперморфной среди женского населения, с наибольшим продольным и высотным диаметрами черепной коробки. У них самое высокое и широкое лицо, которое сочетается с резкой его профилированностью на уровнях горизонтальной плоскости. В этой же серии женских черепов фиксируется наибольший угол выступания носовых костей к линии профиля. Видимо, юго-западная группа срубников из Качкиново представляет собой самостоятельную часть срубного населения Южного Урала со своим специфичным краниологическим комплексом признаков южного происхождения.

В целом, можно констатировать, что в женских сериях черепов срубного населения прослеживается тот же антропологический тип, который был выделен у мужчин.

Суммарный анализ по методу Пенроуза. Для получения более четкого представления о степени различия или сходства между женскими сериями по комплексу признаков подсчитаны коэффициенты суммарных расстояний по 19 признакам. В скобках указана степень удаленности каждой выборки от суммарной серии женских черепов срубников. Судя по коэффициентам, различия между женскими группами выражены меньше, чем среди мужского населения. Об этом говорят и усредненные суммарные расстояния каждой выборки от всех остальных.

Петряево	0,515 (0,130)
Старые Ябалаклы	0,557 (0,60)
Санзяпово	0,653 (0,309)
Качкиново	0,839 (0,590)

Как и в случае с мужскими, женские выборки срубников из Центральной Башкирии (Петряево, Старые Ябалаклы) оказались наименее удаленными от остальных серий черепов.

Эти же серии максимально близки морфологически к объединенной выборке женского населения, что повторяет результаты суммарного анализа мужских выборок.

Результаты изучения палеоантропологии срубного населения позволяют говорить, что антропологический тип срубников, расселившихся в XVI – XIII вв. до н.э. в бассейне р. Демы, являлся более распространенным и даже доминирующим среди скотоводов эпохи бронзы не только Южного Урала, но, возможно, всей срубной культурно-исторической общности.

Серии женских черепов из южных районов Башкирии резко отличаются от остальных групп, в частности от центральных, и оказываются наиболее удаленными от суммарной выборки. Среди женского населения фиксируются те же краниологические комплексы, которые были выделены у мужчин и охарактеризованы как варианты протоевропеоидной и древней средиземноморской рас.

Кластерный анализ наглядно иллюстрирует результаты, вытекающие из показателей суммарного анализа женских серий черепов.

Построенная на основе матриц коэффициентов суммарных расстояний дендрограмма в целом повторяет пространственную структуру взаимосвязей мужских групп срубников. Среди женщин выделилось 3 группы.

Первый кластер, как и у мужчин, образовали женские серии черепов срубного населения Центральной Башкирии (Петряево, Старые Ябалаклы). Сюда же вошла и женская объединенная серия черепов. На дендрограмме выделились две самостоятельные ветви южных срубников из Санзяпово и юго-западных из Качкиново. Бросается в глаза очень низкий уровень ответвления женских черепов из Качкиново, что указывает на существенные различия их краниологического типа от остальной массы женского населения срубной культуры Южного Урала. Самостоятельное ответвление на дендрограмме женских серий черепов южных срубников говорит о сложности их антропологического состава.

Видимо, южные и юго-западные срубники относятся к различным вариантам средиземноморской расы и на Южный Урал проникали различными путями.

Резюмируя изучение женских серий черепов срубников Южного Урала, можно сказать следующее.

Женское население срубной культуры Южного Урала характеризовалось признаками большой европеоидной расы без монголоидной примеси. Можно говорить об их антропологическом составе, отражающем ту же степень дифференциации, которая была обнаружена среди мужчин.

Женское население центральных районов Башкирии, как и мужское, характеризуется наиболее распространенным среди срубников региона прото-европеоидным антропологическим типом.

Южные группы женского населения срубной культуры Южного Урала характеризуются чертами древней средиземноморской расы. Серия женских черепов из Качкиново, как и мужских, выделилась среди остальных групп своей гиперморфностью и резкой профилированностью лицевого скелета.

Результаты исследования серий черепов эпохи бронзы показывают, что, несмотря на общность материальной культуры и погребального обряда, срубники выделяются неоднородностью антропологического состава по всей территории их расселения на Южном Урале. Полученная картина может отражать различные пути миграции скотоводов эпохи бронзы на территорию Башкирии и сложность процессов расогенеза населения срубной культурно-исторической общности.

К.В. Сальников по материалам археологических находок выделил в свое время три группы срубников на Южном Урале: северобашкирскую, южнобашкирскую и оренбургскую. Границу между первыми двумя группами проводил чуть южнее г. Уфы, подчеркивая тем самым разные пути заселения этих районов. Если заселение северобашкирского района происходило с запада, с территории лесостепного среднего Поволжья, то южнобашкирские и оренбургские степи обживались срубниками, иммигрировавшими, скорее всего, с юго-запада — с Нижнего Поволжья [Сальников, 1967].

Антропологические материалы населения срубной культуры, с одной стороны, подтверждают выводы К.В. Сальникова, а с другой, показывают, что генезис срубной культуры был гораздо более сложным процессом, происходившим на Южном Урале в ходе взаимодействия различных групп скотоводов эпохи бронзы, заселивших территорию Башкирии в разное время и различными путями.

Выделение в антропологическом составе срубников Южного Урала древнего средиземноморского комплекса признаков указывает на их связи не только с западом, с Поволжьем, но и с южными регионами — Казахстаном и Средней Азией. Преобладание в расовом типе срубников протоевропеоидного, «кроманьонскому» в широком смысле слова» расового типа, по сравнению со средиземноморским, позволяет предположить, что основу антропологического состава населения срубной культуры Южного Урала составляли северные и южные европеоиды с переходными формами.

Место срубников Южного Урала в системе срубной историко-культурной общности. Для определения места антропологического типа срубников Южного Урала в системе расовых типов населения степей Евразии в эпоху бронзы, а также выяснения их связей и возможных путей формирования антропологического состава привлечены опубликованные к настоящему времени палеоантропологические материалы по населению срубной, андроновской и абашевской культур от Украины до Минусинской котловины. Используются также данные по палеоантропологии более раннего, чем срубное, населения Поволжья, Казахстана, Средней Азии. В частности, в сравнительный анализ включены данные по населению катакомбной, ямной, полтавкинской культур Нижнего Поволжья, культуры росписной керамики III тыс. до н.э. из Центрального Копет-Дага, тазабагыябской культуры с территории Древнего Хорезма и ряд других [Гинзбург, Трофимова, 1972; Алексеев, Гохман, 1984; Шевченко, 1986].

Привлечение широкого круга материалов объясняется рядом причин. Современное состояние наших представлений о срубной культурно-исторической общности все более убеждает, что антропологию локальных вариантов этой общности, их специфику невозможно в полной мере изучить в отрыве от всего массива индоиранских кочевников того времени.

Данные археологии свидетельствуют в пользу участия абашевцев, полтавкинцев, древних ямников, посткатакомбников в формировании населения обширной срубной культурно-исторической общности. Если прямая генетическая связь между ними и оспаривается, то различная степень их участия в формировании срубного населения, многокомпонентность ее культуры находит все больше сторонников среди археологов [Горбунов, Морозов, 1985; Сальников, 1972; Шевченко, 1985; 1986 и др.]. При этом нельзя не заметить, что генезис срубной культуры и формирование ее расового состава боль-

шинство археологов и антропологов традиционно связывает с Нижне-Волжским регионом.

Межрегиональный анализ мужских серий черепов. Сравнительный морфологический анализ краниометрических признаков обобщенной серии срубников Южного Урала с синхронными материалами со всей территории срубной культурно-исторической общности показал, что по основным антропологическим параметрам срубники Южного Урала укладываются в комбинацию признаков, характерную для населения Нижнего Поволжья. Размеры черепной коробки, ширина и высота лица, размеры орбит и носовых костей срубников Южного Урала и Поволжья практически идентичны!

Примерно в такой же степени морфологически близкими к срубникам Южного Урала оказываются материалы из Среднего и лесостепного Поволжья. Причем население Нижнего Поволжья и Башкирии в эпоху бронзы было самым широколицым, уступая в этом лишь полтавкинцам (137,0), у которых, кстати, больше, чем в других группах, выступают и носовые кости (37,8).

Корреляционный анализ. Для получения общего представления о локализации сравниваемых выборок рассмотрены корреляционные поля, составленные по различным признакам. Использовано соотношение таких признаков, как продольный диаметр черепа и угол выступания носа к линии профиля, продольный диаметр и верхняя высота лица. Эти признаки довольно четко разделяют представителей протоевропеоидной и древней средиземноморской рас. Для корректировки результатов использовано также соотношение верхней высоты лица со скуловым диаметром и шириной носа.

Анализируемые выборки с территории Южного Урала и соседних регионов образовали на корреляционных полях в основном три локальные группы.

Первая группа — самая многочисленная, сюда вошли срубное население Центральной Башкирии из Старых Ябалаклов, Петряево, Чишмов, а также суммарная серия срубников Южного Урала. Из соседних регионов рядом с этими группами локализируются срубники Нижнего Поволжья, лесостепного Поволжья и полтавкинцы. Во вторую группу вошли серии черепов срубников северо-запада Башкирии из Тартышево, Ново-Баскаково и Ново-Ябалаклинская группа с бассейна р. Демы. Между ними рассредоточились выборки черепов позднемного населения и суммарные выборки ямников Калмыкии и Кривой Луки с астраханского правобережья Волги. Здесь же располагается смешанное срубно-андроновское население из Западного Казахстана

(Тасты-Бутак), Южного Приаралья (Кокча 3), андроновцы Минусинской котловины.

Третья группа — немногочисленная, состоит из южных срубников Санзяпово, Качкиново, энеолитического населения из Кара-Депе (Туркмения) и срубников левобережья Волги.

Примерно такая же картина получается при рассмотрении корреляции угла выступания носа и продольного диаметра. Таким же образом выделяются 3 относительно компактные группы: срубников юга Башкирии, Приднепровья, Кара-Депе; срубников Центральной Башкирии, Поволжья, правобережья Днепра и полтавкинцев; группа из северо-западных срубников Башкирии, древних ямников, смешанного срубно-андроновского населения из Тасты-Бутак, Кокча 3, андроновцев Минусинской котловины.

В соответствии с географической локализацией наметились также три территориальные группы срубников южноуральского региона: южные, центральные и северо-западные. По отношению к ним определились два направления взаимосвязей: западное, прежде всего с Нижним и Средним Поволжьем, полтавкинцами; и южное — с Приаралем, Туркменией, Минусинским краем.

Для количественной характеристики направлений и силы связей проведен анализ коэффициентов суммарных расстояний по методу Пенроза-Кнуссмана в модификации А.Г. Козинцева.

Между суммарной мужской серией срубников Южного Урала и материалами с других территорий, включая также материалы по населению андроновской, абашевской, тазабагыбской и других культур эпохи бронзы и более раннего времени, подсчитаны коэффициенты обобщенных расстояний.

В анализ включены 19 признаков [номера по Мартину: 1, 8, 17, 9, 5, 40, 45, 48, 51; 52, 55, 54, 77, Zm, 72, 32, 75 (1)].

Полученные коэффициенты распределились в порядке возрастания различий от суммарной серии срубников Южного Урала следующим образом:

1. Нижнее Поволжье	— 0,89
2. Полтавкинцы	— 0,114
3. Лесостепное Поволжье	— 0,182
4. Абашевцы из Пепкино	— 0,256
5. Андроновцы Минусинской котловины	— 0,321
6. Тазабагыб (Кокча 3)	— 0,387
7. Древние ямники	— 0,403
8. Срубники правобережья Днепра	— 0,414

9. Срубники левобережья Днепра	– 0,483
10. Кара-Депе	– 0,920
11. Тасты-Бутак	– 0,923

Наиболее близким к суммарной серии срубников Южного Урала оказалось население этой же культуры с Нижнего Поволжья. Затем идут полтавкинцы и срубники лесостепного Поволжья. Величины коэффициентов обобщенных расстояний между этими группами, как между собой, так и со срубниками Южного Урала, указывают на высокую степень морфологического сходства, не исключая и генетического родства населения всего региона. Примерно в такой же степени близки к срубникам Южного Урала и абашевцы из Пепкино.

Остальные группы более удалены от суммарной серии срубников. Очень большими оказались различия с энеолитическим населением из Кара-Депе и срубно-алакульским из Тасты-Бутак.

Промежуточными по степени удаленности от срубников Южного Урала оказались андроновцы Минусинской котловины, население тазабагыбской культуры из Кокча 3, древние ямники и срубное население Приднепровья.

Графическое изображение дает наглядное представление о соотношении суммарных расстояний между объединенной выборкой срубников Южного Урала с другими группами эпохи бронзы.

Археологами общепризнано западное происхождение срубников Южного Урала. По керамике, погребальному обряду исследователи уверенно проводят аналогии, предполагающие генетическое родство между южноуральскими и средневожскими срубниками [Сальников, 1967; Горбунов, Морозов, 1991].

Некоторые разногласия вызывает лишь вопрос о роли абашевского населения в формировании срубников Приуралья и Поволжья. Срубники, видимо, не поддерживали таких тесных связей с местными абашевцами, как, например, с населением алакульской культуры. Если в лесостепях Поволжья абашевский компонент образует органический сплав в ходе сложения срубной культуры, то в степях Приуралья и Нижнего Поволжья уже незаметно его формирующее начало [Мерперт, Качалова, Васильев, 1985. С. 20 – 23]. Полтавкинцы Поволжья, по мнению большинства археологов, явились генетической основой для срубников [Кривцова-Гракова, 1955; Сальников, 1967. С. 224; Мерперт, Качалова, Васильев, 1985. С. 20 – 23; Горбунов, Морозов, 1985].

Имеющиеся антропологические данные также не исключают абашевское население из процесса расогенеза срубников. А.В. Шевченко, исследовавший Старо-Ябалакинский могильник, считает, что матуризованность срубников, их гиперморфность в сочетании с низколичностью и малой высотой черепной коробки объясняются в основном связями с абашевским населением.

Таким образом, суммарная выборка срубников Южного Урала обнаруживает преобладающее влияние западных форм на краниологический тип. Наиболее близким к ним оказались срубное население Нижнего Поволжья и полтавкинцы. Суммарный анализ в то же время не исключает возможности участия абашевского населения в расогенезе срубников. Обобщенно срубники Южного Урала характеризуются протоевропеоидным краниологическим типом, наиболее распространенным в степях Восточной Европы во II тыс. до н.э. Судя по всему, среди последних преобладал тип, очень близкий по своему происхождению к краниологическому типу срубно-полтавкинского населения Нижнего Поволжья.

В целом, анализ объединенной серии мужских черепов срубного населения Южного Урала позволил выявить лишь общий характер взаимосвязей срубников региона. Однако это, кроме генетического вектора, не дает возможности говорить об антропологическом составе и слагающих компонентах населения срубной культуры Южного Урала. Для выяснения вопроса проводится исследование материала по отдельным памятникам.

Население срубной культуры Южного Урала и соседних регионов. В исследование включено 10 мужских и 5 женских краниологических серий срубников Южного Урала, включая и суммарную. Суммарная выборка в данном случае будет служить ориентиром, по которому будет определяться степень сходства или различия изучаемых групп как между собой, так и с наиболее распространенными среди срубников Южного Урала антропологическими типами.

Рассмотрены также суммарные расстояния отдельных серий черепов мужского срубного населения Южного Урала в сравнении с соседними регионами

Старые Ябалаклы. Наиболее четко выявляются связи со срубниками Нижнего Поволжья (0,153), полтавкинцами (0,199). Чуть дальше отстоят от старо-ябалаклинцев срубники лесостепного Поволжья и пепкинцы. Наиболее удаленными оказались серия черепов энеолитического населения из Южной Туркмении (Кара-Депе), срубно-андроновского – из

Западного Казахстана (Тасты-Бутак) и срубников Украины. Андроновцы Минусинской котловины и тазабагыбцы заняли промежуточное положение (Рис. 1).

Петряево. Величины коэффициентов суммарных расстояний указывают то же направление взаимосвязей, которое было выявлено у староябалаклинцев. Это свидетельствует о близости центральных групп Башкирии и общности происхождения их антропологического типа (Табл. 1. Рис. 1).

Чишмы, Новые Ябалаклы. Обе серии с бассейна р. Демы дают очень большие коэффициенты суммарных расстояний с энеолитом Кара-Депе, тазабагыбцами из Кокча 3, срубно-андроновцами из Тасты Бутак и андроновцами Минусинской котловины. Это, на первый взгляд, исключает прямые генетические связи между этими группами и срубниками Центральной Башкирии. Коэффициенты суммарных расстояний в обеих сериях выравниваются лишь при сравнении их со срубниками Поволжья, полтавкинцами и абашевским населением из Пепкино. Но и в этом случае коэффициенты получаются более 0,5, что также затрудняет определение их генетических взаимосвязей.

Антропологический тип в этих сериях, видимо, смешанного происхождения, хотя в его основе лежит тот же протоевропеоидный тип, обнаруживающий аналогии в виде одного из вариантов среди населения Поволжья.

Качкиново, Санзяпово. Серии черепов южных и юго-западных срубников Башкирии, судя по коэффициентам суммарных расстояний, не обнаруживают достаточно явных аналогий с большинством палеоантропологических серий окружающих регионов ни в более ранних, ни в синхронных срубной культуре памятниках. Все коэффициенты получились более 0,7; не меньшие различия и со срубниками Южного Урала. Это может указывать на специфику антропологического типа срубников юга Башкирии и самостоятельных путей его формирования, не связанного с местным населением.

Старо-Яппарово. Срубное население бассейна р. Демы, между центральными и южными срубниками Южного Урала, обнаруживает близость с краниологическим комплексом андроновцев Минусинской котловины и оказывается равноудаленным от срубников Нижнего Поволжья, полтавкинцев, древних ямников. Не исключено, что эта группа срубников Башкирии, как и старо-ябалаклинская, несет в своем облике некоторые следы взаимодействия с населением андроновской культуры.

Тартышево, Ново-Баскаково. Северо-западные группы срубников также не отличаются однородно-

стью. Ново-баскаковская серия черепов заметно сближается с палеоантропологическими материалами срубников Нижнего и лесостепного Поволжья, полтавкинцами. Равноудалена от андроновцев Минусы, тазабагыбцев из Кокча 3. Наиболее удалены от этой группы южноуральских срубников срубники Украины, энеолитическое население из Кара-Депе, древние ямники.

Полученные коэффициенты суммарных расстояний говорят о сложности формирования антропологического типа северо-западных срубников, происходившего с участием нескольких компонентов.

Другая группа северо-западных срубников Южного Урала из Тартышево дает примерно ту же картину взаимоотношений с населением соседних регионов. Однако различия серии черепов из Тартышево с другими группами почти вдвое больше. Обнаруживается в какой-то степени некоторое сближение краниологического комплекса признаков с полтавкинцами, срубниками Нижнего Поволжья.

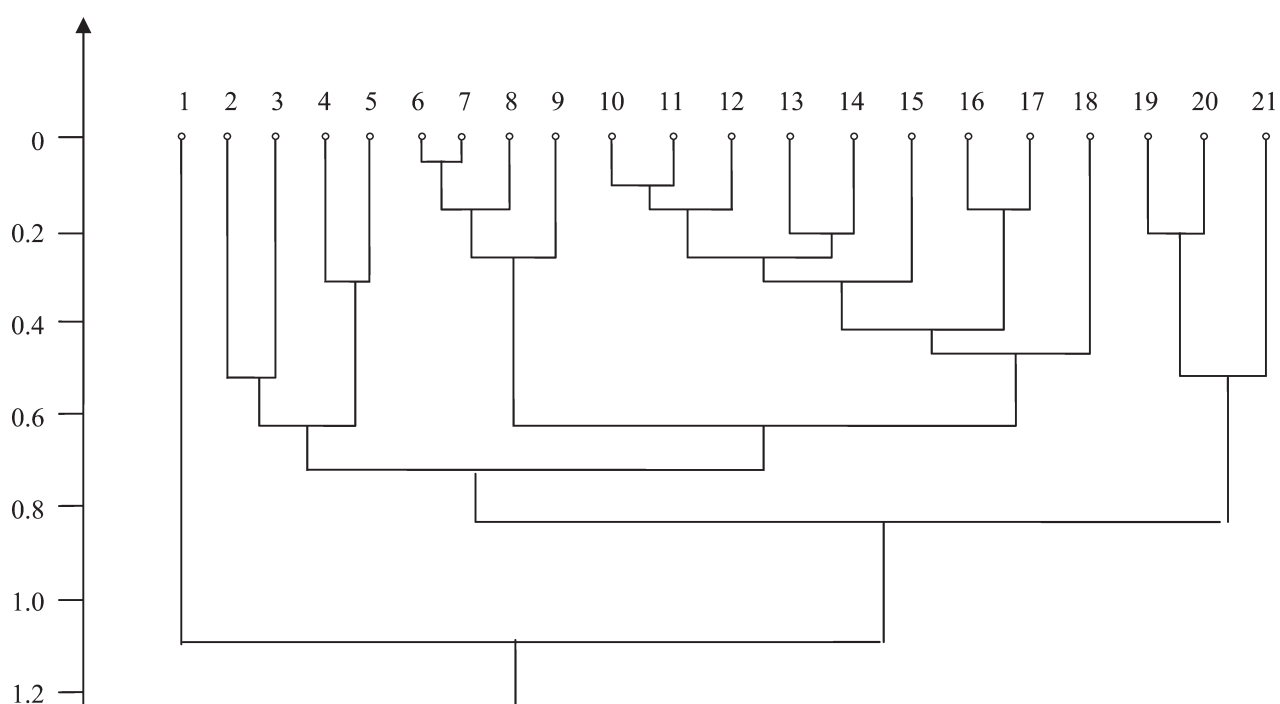
Кластерный анализ. На основе матрицы суммарных расстояний проведена кластеризация материала, включающая 21 палеоантропологическую серию, 10 из которых представляют население Южного Урала.

Кластерный анализ подтверждает неоднородность антропологического типа населения Башкирии в эпоху бронзы. Южноуральские срубники образовали на дендрограмме несколько самостоятельных кластеров, которые объединились в соответствии с их географической локализацией. Это может указывать на компактность расселения срубников на территории Южного Урала.

Самую плотную и, пожалуй, крупную ветвь дендрограммы составил 2-й кластер. Сюда вошли выборки черепов срубников преимущественно из Центральной Башкирии. Это группы с бассейна р. Демы: серия черепов из Старых Ябалаклов, объединившаяся с суммарной выборкой всех срубников Южного Урала. К ним присоединились последовательно материалы из Петряево и Чишмов (Рис. 1).

Южные группы из Санзяпово и Старо-Яппарово различаются между собой больше, но и они образовали самостоятельный кластер, куда вошли также материалы по срубному населению Украины с лево- и правобережья Днепра.

Наиболее сложным по своему составу оказался третий кластер, куда вошли срубники северо-запада Башкирии и почти всего Поволжья. Основу его составили серии черепов срубников Нижнего Поволжья и полтавкинцев. К ним присоединилась северо-западная группа срубников Башкирии из Ново-Ба-

Кластерный анализ мужских серий черепов эпохи бронзы Южного Урала и соседних регионов
(по матрице CR2)

Условные обозначения:

1 – Качкиново; 2 – Санзяпово; 3 – Старо-Яппарово; 4 – Левобережье Днепра; 5 – Правобережье Днепра; 6 – Старые Ябалаклы; 7 – срубники Южного Урала (суммарно); 8 – Петряево; 9 – Чишмы; 10 – Нижнее Поволжье; 11 – полтавкинцы; 12 – Ново-Баскаково; 13 – Лесостепное Поволжье; 14 – Пепкино; 15 – Новые Ябалаклы; 16 – андроновцы Минусинской котловины; 17 – древние ямники (Кривая Лука); 18 – Тартышево; 19 – Кара-Депе; 20 – Тасты-Бутака; 21 – Кокча III

скаково. Самостоятельную пару внутри кластера образовало население срубной и абашевской культур лесостепного Поволжья, которое объединяется с предыдущей парой с Нижнего Поволжья. Это в какой-то мере соответствует представлениям о взаимосвязях населения Поволжья в эпоху бронзы. Ново-ябалаклинская группа присоединяется к этим ветвям. Другую пару внутри кластера образовали выборки черепов андроновцев Минусинской котловины и древних ямников астраханского правобережья Волги. К этой паре подключилась серия черепов северо-западных срубников из Тартышево.

Полученная картина говорит о сложности и многокомпонентности антропологического состава северо-западных срубников Башкирии, который отражает основные этапы заселения Южного Урала в эпоху бронзы. Выявляется довольно сильная взаимосвязь антропологического типа северо-западных срубников Южного Урала с населением Поволжья, которое, в свою очередь, также не отличалось однородностью.

Заслуживает внимания тот факт, что на дендрограмме самостоятельную группу образовали серии черепов древнейшего населения Туркмении, Хорезма и Казахстана. Это не исключает общности их антропологической основы. Энеолитическое население из Кара-Депе оказалось антропологически близко к срубно-андроновскому населению Казахстана из Тасты Бутака, чем к населению с территории Древнего Хорезма из Кокча 3.

Необходимо отметить, что, как и в предыдущих случаях, серия юго-западных срубников из Качкиново на межрегиональном уровне анализа образовала самостоятельную ветвь, наиболее удаленную от всего срубного населения. Суммарное расстояние оказалось более 1,0, что указывает на большие различия краниологического комплекса мужских черепов из Качкиново и окружающего населения эпохи бронзы. Следует обратить внимание на эту группу срубников, которая не обнаруживает каких-либо аналогий в своем антропологическом типе во всей массе сравнительного материала. Поэтому пока трудно говорить что-либо определенное о связях и про-

исхождении этой группы срубного населения Южного Урала. Судя по археологической датировке, это одна из поздних групп срубного населения региона, появившаяся в конце пер. пол. II тыс. до н.э. Данные показывают, что это одна из наименее смешанных групп населения эпохи бронзы, представляющая собой один из вариантов древней средиземноморской расы.

Для завершения межрегионального анализа требуется рассмотрение взаимосвязи краниологического типа женского населения срубной культуры Южного Урала с антропологическим типом других групп женщин срубной культурно-исторической общности.

Межрегиональный анализ женского населения срубной культуры Южного Урала. Анализ суммарной выборки женщин Башкирии в эпоху бронзы дает следующие результаты.

Как и в мужском материале срубной культуры, наиболее близкими к обобщенной серии черепов женского населения Южного Урала оказались выборки черепов женщин из Центральной Башкирии: коэффициент суммарных расстояний с черепами из Старых Ябалаклов составил – 0,06, из Петряево – 0,130.

Наиболее удаленной оказывается женская серия юго-западных срубников из Качкиново: коэффициент равен – 0,59. Эта же серия довольно сильно отличается и от всех остальных женских групп Южного Урала.

При сопоставлении с женскими группами соседних регионов наиболее близкой к женщинам Южного Урала оказывается суммарная женская серия черепов катакомбников Калмыкии – 0,195. Далее по степени близости идут женщины из срубно-алакульского могильника Хабаровное и энеолитического могильника Кара-Депе.

От женской серии срубников Башкирии также резко отличаются выборки черепов древнеямного и ямно-катакомбного времени из Калмыкии и с астраханского правобережья Волги (Кривая Лука).

Женское население андроновцев Минусинской котловины и древних хорезмийцев из Кокча 3 занимает по отношению к женщинам Южного Урала эпохи бронзы промежуточное положение.

Морфологически в суммарной женской выборке черепов с Южного Урала и катакомбников Калмыкии почти совпадают основные параметры черепной коробки. Однако, как видно из сравнительной таблицы, лицевой скелет у женщин Южного Урала гораздо крупнее, более профилирован в горизонтальной плоскости на уровне точки назион.

По степени профилированности суммарная женская серия черепов из Башкирии оказывается более близкой к женщинам срубной культуры этого же времени с территории Казахстана и Древнего Хорезма. Это позволяет говорить о смешанном происхождении краниотипа суммарной женской серии черепов срубников Башкирии, обнаруживающего по ряду признаков связи как с югом, так и с западом. Можно сказать, что коэффициенты суммарных расстояний обобщенной женской выборки срубников Южного Урала с женщинами соседних регионов позволяют наметить составляющие компоненты их краниологического типа, что более четко проявляется при анализе коэффициентов суммарных расстояний отдельных женских групп срубников Южного Урала с женщинами соседних регионов.

Краниология женского населения срубной культуры Южного Урала и соседних регионов. Старые Ябалаклы. Женская выборка из Старых Ябалаклов дает минимальные коэффициенты суммарных различий с женским населением культуры расписной керамики из Кара-Депе и катакомбной культуры Калмыкии. Далее по степени близости идет женское смешанное срубно-андроновское население Западного Казахстана из Хабаровного и еще более смешанное из Кокча 3.

В связи с изложенным следует подчеркнуть, что старо-ябалаклинский материал дает более тесные связи не с синхронными материалами, а с более древним населением культуры расписной керамики из Кара-Депе, с юга Туркмении, и с суммарной выборкой катакомбников Калмыкии. Как видно по результатам анализа, у женщин из Старых Ябалаклов преобладают связи не с Поволжьем, а с югом, с территорией Средней Азии и Казахстана.

Петряево. Эта выборка с бассейна р. Демы дает также очень ровные коэффициенты суммарных расстояний с югом, с женщинами Древнего Хорезма (Кокча 3) и Казахстана (Хабарное). В такой же степени, как и староябалаклинская выборка, петряевская серия удалена от женской серии черепов катакомбников Калмыкии. Другими словами, направление связей этой выборки совпадает со старо-ябалаклинской. Женщины этой части срубного населения Южного Урала выглядят все же более однородными по антропологическому составу и с несколько четче выраженным южным направлением расогенетических связей.

Южные группы женского населения срубной культуры дают иную картину взаимосвязей с соседями. Серии женских черепов из Санзяпово Качкиново дают наибольшие расстояния как с ямниками, так и с катакомбниками Нижнего

Поволжья. Исключение составляет лишь суммарная выборка женщин катакомбной культуры Калмыкии, с которыми они в какой-то степени сближаются, но не настолько, чтобы можно было говорить об их генетической близости. К сожалению, отсутствие материалов по женскому населению срубной культуры с территории Украины лишает возможности сопоставления. В то же время женская серия черепов из Санзяпово так же, как и мужские серии черепов, сближается с наиболее южными группами из Кара-Депе и Кокча 3.

По срубникам северо-запада Башкирии краниологический материал по женской части населения отсутствует. Поэтому можно ограничиться заключением, что по коэффициентам суммарных расстояний женское население срубников Южного Урала дает достаточно равную степень удаленности с суммарной серией катакомбников Калмыкии, далее — со срубно-андроновским населением Западного Казахстана, с энеолитическим из Кара-Депе и смешанным срубно-андроновским по типу населением из Кокча 3, с территории Южного Приаралья. Нельзя не обратить внимание, что древнейшее женское население ямной культуры с правобережья низовьев Волги оказывается чрезвычайно близким с женскими группами тазабегьябцев Древнего Хорезма, энеолита Кара-Депе и срубно-андроновцев Казахстана из Хабаровного.

Таким образом, кластерный анализ суммарных расстояний между женскими выборками населения срубной культуры Южного Урала и соседних регионов показал, что они распределились на дендрограмме примерно так же, как и мужские.

Основу дендрограммы составило женское население срубников Центральной Башкирии: Старые Ябалаклы, суммарная южноуральская и Петряево. К этому кластеру на разных уровнях присоединилось срубно-андроновское население Западного Казахстана из Хабаровного и Тасты Бутак.

Серия женских черепов с юга Башкирии и Санзяпово объединилась с суммарной серией катакомбников Калмыкии и андроновцами Минусинской котловины.

Юго-западная группа женщин населения срубной культуры Башкирии из Качкиново и энеолит Кара-Депе дали на дендрограмме самостоятельные ветви.

Таким образом, на дендрограмме получается та же картина различий в антропологическом типе срубного населения юга и центра Башкирии.

Разделение женского населения срубников Южного Урала на два различающихся, по всей ве-

роятности, по происхождению массива хорошо видно и на представленных графиках. Выделились те же две группы: из Центральной Башкирии — Старые Ябалаклы, Петряево, с южных, юго-западных районов — Качкиново, Санзяпово.

Результаты изучения палеоантропологии населения срубной культуры Южного Урала позволяют сформулировать некоторые выводы.

Население срубной культуры Южного Урала, являясь органической частью срубной культурно-исторической общности, имеет некоторые особенности расогенеза, которые объясняются их локализацией в центре Евразии и расогенетическими связями не только с западом, но и с южными районами.

Выявленная исследователями неоднородность антропологического состава срубного населения в степях Восточной Европы подтверждается материалами с территории Южного Урала. Гетерогенность населения выявилась как на региональном, так и на локальном уровнях — внутри субрегионов.

Выделение в составе срубного населения Южного Урала территориально различающихся краниологических комплексов подразумевает их различное происхождение и различные пути проникновения в регион.

Наиболее сложным по составу представляется срубное население северо-запада Башкирии. Наряду с довольно сильными связями с Нижним и Средним Поволжьем начиная с полтавкинского времени, выявляется компонент, связанный с населением Древнего Хорезма. Не исключается участие абашевского компонента в формировании населения Южного Урала эпохи бронзы.

Центральная группа срубного населения Башкирии из Старых Ябалаклов и Петряево — компактная группа с общей расогенетической основой и наиболее яркими связями с Нижним и Средним Поволжьем. Компонент, связанный с населением Древнего Хорезма, менее выражен по сравнению с андроновским и абашевским. Основным компонентом антропологического типа этой группы срубников является протоевропеоидный, генетически связанный с населением Нижнего и Среднего Поволжья и уходящий корнями в среду полтавкинского населения.

Женское население центральной группы срубников Башкирии — видимо, потомки более ранних индоевропейских групп, освоивших Южноуральский регион, близких по антропологическому типу и происхождению с энеолитическим населением

культур росписной керамики юга Туркмении и Древнего Хорезма.

Не исключена возможность, что освоение Южного Урала в эпоху энеолита и ранней бронзы шло с юга: с территории Передней Азии и Юго-восточного Прикаспия по Арало-Каспийскому междуморью. Следы антропологического типа этого населения заметны в женской выборке Старо-Ябалаклинского могильника и мужской выборке наиболее северных групп срубников Башкирии из Ново-Баскаково.

Южные срубники Башкирии из Санзяпово и Качкиново — наиболее гиперморфные, гипердолохокранные, с относительно высоким, резко профилированным лицом. Аналогий их антропологическому типу в окружающем материале не обнаруживается. У мужчин проявляется, и то очень слабо, взаимосвязь с антропологическим типом срубников Украины, населением Древнего Хорезма из Кокча 3. Выявляются их резкие различия с андроновцами, срубниками Поволжья, древними ямниками и абашевцами. У женщин наблюдается та же картина резких различий с андроновцами, древним населением Поволжья, за исключением суммарной выборки катакомбников Калмыкии, энеолита Кара-Депе, тазабагыябцев из Кокча 3. Направление этих связей более характерно для самой южной выборки срубного населения Башкирии из Санзяпово.

Срубное население юга и юго-запада Башкирии из Санзяпово и Качкиново — одно из поздних групп на Южном Урале. Оно наиболее однородно по антропологическому составу и, видимо, не вступало во взаимодействие с местным населением. По краниологическому типу они являются представителями одного из вариантов древней средиземноморской расы, мигрировавшими, скорее всего, из западных ареалов распространения срубной культуры. Вопрос о происхождении их физического типа и его месте среди населения II тыс. до н.э. Восточной Европы и Средней Азии остается открытым.

По отношению к срубникам Южного Урала весь сопоставляемый материал распался, в свою очередь, на несколько групп, видимо, связанных общностью происхождения. Наиболее компактной группой с высоким уровнем генетических связей является население Поволжья, куда вошли полтавкинцы, срубники Нижнего и лесостепного Поволжья.

Другую группу древнего населения образовали носители ямной культуры, андроновцы Минусинской котловины, абашевцы из Пепкинского кургана и срубно-андроновское население из Кокча 3.

Отдельную группу составили серии черепов энеолитического населения культуры росписной керамики из Кара-Депе на Центральном Копет-Даге и

срубно-андроновское население из Западного Казахстана (Тасты Бутак).

Выборки черепов срубного населения, полученные из курганных могильников лево- и правобережья Днепра, образовали следующую группу.

Спецификой каждой из этих групп является сближение или, наоборот, резкое удаление от той или иной группы срубников Южного Урала, что может указывать на их расогенетические связи.

В антропологическом отношении территория Южного Урала в эпоху бронзы была заселена населением, характеризовавшимся различными вариантами протоевропеоидной и древней средиземноморской рас.

Таким образом, слагающими компонентами населения срубной культуры Южного Урала являлись следующие антропологические типы:

а) матуризованный, низко-широколицый вариант протоевропеоидного, «кроманьонского в широком смысле слова» антропологического типа (западные европеоиды), характерного для собственно срубников и полтавкинцев; он фиксируется в центральных и северо-западных районах современной Башкирии;

б) грацилизированный вариант протоевропеоидной расы (восточные протоевропеоиды), характерный для андроновцев; прослеживается в бассейне р. Демы в центральных и более южных районах — Новые Ябалаклы, Старо-Яппарово;

в) восточный вариант древней средиземноморской расы: Ново-Баскаково, Старые Ябалаклы, Петряево;

г) западный вариант древней средиземноморской расы; представлен на юге, юго-западе Башкирии — Санзяпово, Качкиново;

д) тип, связанный с абашевцами; прослеживается частично на черепах из курганов Старо-Ябалаклинского и Петряевского могильников.

Наиболее древними группами, заселившими Южный Урал, возможно, еще в энеолите и эпоху ранней бронзы, были древние восточно-средиземноморцы. Более поздние группы — западные средиземноморцы.

В эпоху энеолита и ранней бронзы миграции древних средиземноморцев-скотоводов с южных регионов Средней Азии происходили по Каспийско-Аральскому междуморью в двух направлениях: на север — в предгорья Южного Урала (первичное заселение) и на запад — в Нижнее Поволжье. Поволжские группы, осваивая бассейн Волги до границы лесов, вторичным путем с запада заселили Приуралье. Взаимодействие этих волн древних скотоводов и обусловило своеобразие материальной культу-

ры и антропологического состава населения Южного Урала в эпоху бронзы.

Подводя итоги, можно сказать, что расогенетические связи населения Южного Урала эпохи бронзы с южными регионами нашли отражение в различных вариантах древней средиземноморской расы. Эти связи не прерывались и в последующее время, в частности в эпоху раннего железа. Обращает на себя внимание тот факт, что на некоторых разрушенных черепах эпохи бронзы довольно четко прослеживаются признаки местной уральской расы. Это указывает на связи населения степной и лесной

зон Южного Урала в эпоху бронзы. Вызывает интерес, что и среди современных башкир большая часть женского населения характеризуется признаками местной уральской расы. Среди башкирского мужского населения довольно четко фиксируются варианты понтийского типа южного происхождения. Это указывает на древнейшие истоки процессов этно- и расогенеза биологических предков башкирского народа, происходивших в среде древних скотоводов Южного Урала.

АНТРОПОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

В эпоху раннего железа в Приуралье исследователями выделяется несколько археологических культур. В Прикамье наиболее широкое распространение получает ананьинская культура, на основе которой в кон. I тыс. до н.э. формируется пьяноборская и гляденовская культуры. Южнее, в лесостепной зоне, по правому берегу р. Белой получает развитие кара-абызская культура (V в. до н.э. — II в. н.э.). Судя по черепам, извлеченным из этих памятников, население в тот период было смешанного происхождения, включало представителей местной уральской расы и различных вариантов европеоидной расы. Эти материалы были изучены М.С. Акимовой и изложены в монографии «Антропология древнего населения Приуралья». Там же приводится описание сарматских черепов из курганного могильника Старые Кишки из Кармаскалинского района РБ [Акимова, 1968].

Антропологическое изучение сарматов Южного Урала началось в первое десятилетие XX в. с описания скелетов из Прохоровских курганов Оренбуржья С.И. Руденко [Руденко, 1918]. В 1936 г. выходит работа Г.Ф. Дебеца по антропологии сарматов. В фундаментальной работе «Палеоантропология СССР» он дает подробную характеристику сарматов и выделяет саратовскую и астраханскую их группы [Дебец, 1936].

Ценный вклад в изучение сарматской проблемы внес В.В. Гинзбург, исследовавший антропологический материал разновременного могильника у с. Калиновка, где на основе изучения 72 черепов сарматов он приходит к выводу, что основной тип на всем этом периоде в VIII в. оставался европеоидным, которому он дает название «степной» [Гинзбург, 1959]. Причем в пределах этого европеоидного типа Гинзбург В.В. выделяет еще 5 антропологических типов: протоевропеоидный, андроновский,

средиземноморский, среднеазиатского междуречья и переднеазиатский.

Сарматские черепа с территории Западного Казахстана были изучены В.В. Гинзбургом и Б.В. Фирштейн. Здесь также все черепа, за исключением 2 женских, относятся к европеоидному типу [Гинзбург, Фирштейн, 1958]. При этом большая часть черепов оказалась с чертами андроновского типа, а часть — средиземноморского типа и типа среднеазиатского междуречья.

Н.М. Глазковой и В.П. Чтецовым были опубликованы сарматские черепа из северных районов Волгоградской области, морфологически близкие к брахикранным черепам Астраханской области, а также материалам из Прохоровских курганов в Приуралье [Глазкова, Чтецов, 1960]. Т.С. Кондукторова ввела в научный оборот краниологический материал по сарматам и савроматам из раскопок К.Ф. Смирнова 1956 — 1959 гг. на территории Оренбургской области [Кондукторова, 1962]. На этом материале вновь доказывается генетическое родство савромато-сарматских племен, участие в их этногенезе населения андроновской культуры Казахстана. Она опубликовала также краниологический материал по сарматам Украины, где обнаружилась близость сарматов Украины с сарматами Нижнего Поволжья и Саратовской области.

Обобщающей работой по сарматологии, весомой как по объему материала, так и по поставленным вопросам, является работа Б.В. Фирштейн «Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении» [Фирштейн, 1970]. В этой работе автор, используя материал из 159 черепов и сопоставляя его с опубликованными данными, дает научно обоснованную картину расселения, антропологическую характеристику, расогенез сарматов не только Нижнего Поволжья, но и всего сарматского мира по всей территории их расселения от Алтая до Украины.

Первой работой по сарматам Южного Приуралья явилось исследование М.С. Акимовой посвященное серии черепов из Старо-Киешкинских курганов [Акимова, 1968].

Формирование антропологического состава сарматов на раннем этапе их развития в Приуралье.

К моменту сложения сарматской культуры савроматский мир разделяется на две большие конфедерации: поволжскую и южноуральскую. Западная, поволжская, область савроматов (савроматы Геродота) развивалась в тесном контакте со скифами, позволявшими последним проходить через свою территорию к савроматам Южного Урала. Восточная же группа савроматов, в среде которых постепенно выделился мощный союз верхних аорсов, развивалась под влиянием соседей из степей Казахстана, сако-массагетских племен Приаралья и Семиречья, что не могло не отразиться впоследствии как на культуре, так и антропологическом типе сарматов.

По мнению большинства археологов, центром формирования раннесарматской культуры явились степи Оренбуржья и Южного Урала во главе с верхними аорсами, которые были ядром этой культуры на ее раннем, прохоровском этапе.

Видимо, прохоровский этап сарматской культуры складывается уже в недрах савроматского мира на Южном Урале, так как наиболее характерные черты культуры, погребального обряда ранних сарматов (подбойно-катакомбные могилы, южная ориентировка погребенных и др.) прослеживаются и у савроматов. Это не было прямым продолжением савроматской культуры, а ее развитием, т.к. у ранних сарматов появляются совершенно новые элементы в культуре, что говорит о возможном усложнении состава раннесарматских племен, вероятно, вследствие притока новых кочевых групп с востока и западноказахстанских степей. Например, круглодонная посуда, наиболее характерная для ранних сарматов, была распространена в северных и центральных районах Казахстана примерно в это же время и даже чуть раньше.

О самостоятельном развитии сарматской культуры на Южном Урале говорит и то, что в IV в. до н.э. погребения прохоровского типа на Южном Урале преобладают количественно, чем таковые в Поволжье. Археологами также показано, что основные черты погребального обряда, традиционная керамика, в частности круглодонная посуда Поволжья IV в. до н.э. — приуральского происхождения. Следовательно, в IV в. до н.э. в Поволжье в среду савроматского населения проникает не только культура, но и отдельные раннесарматские племена. На Юж-

ном Урале на археологическом материале А.Х. Пшеничнюком также четко прослеживается тесная взаимосвязь савроматских и сарматских групп [Пшеничнюк, 1983]. В одних и тех же могильниках и даже отдельных курганах и погребениях савроматские вещи и традиции сочетаются с типично «прохоровскими», например, в Булатовском, Альмухаметовском курганном могильниках круглодонная керамика сочетается с савроматским инвентарем, шатровыми конструкциями из дерева в могиле [Там же]. К.Ф. Смирнов, изучая памятники поздне-савроматского и раннепрохоровского времени VI — III вв. до н.э., называет их «савромато-сарматскими», указывая на общее происхождение [Смирнов, 1975].

Таким образом, генетическое родство савроматских и сарматских племен в настоящее время не вызывает у археологов особого сомнения.

Формирование савроматской культуры на Южном Урале было более сложным процессом. Археологами собрано в настоящее время достаточно данных, показывающих участие племен степной бронзы в генезисе савроматской культуры. К.Ф. Смирнов не без оснований пишет, что появление западной ориентировки в погребальном обряде савроматов Южного Приуралья, культ огня и некоторые другие черты материальной культуры являются прямым наследием срубно-андроновского населения и особенно андроновцев оренбургских степей и Казахстана [Там же].

Восточные черты (казахстанские, сибирские, среднеазиатские) в культуре савромато-сарматских племен в Приуралье выступают довольно ярко в течение всего периода их развития, что К.Ф. Смирнов объясняет генетическим родством степных племен восточных районов Евразии. Таким образом, признавая генетическое родство савроматских и сарматских племен, а савроматских — с частью племен эпохи бронзы, а именно с андроновцами, логично предположить, что в антропологическом облике сарматов Южного Приуралья должен прослеживаться в той или иной степени комплекс признаков, характерных для племен эпохи бронзы.

Первой работой по антропологии сарматов Приуралья явилось, как было сказано выше, описание скелетов С.И. Руденко из Прохоровских курганов [Руденко, 1918]. Но в силу малочисленности антропологического материала — 1 мужской и 3 женских черепа — и неразработанности краниологической методики исследования материалы Прохоровских курганов имеют больше археологическое значение.

С.И. Руденко писал тогда, что черепа характеризовались овальной, короткой и в то же время широ-

кой формой, по указателю были брахикранными. Лоб узкий, лицевой скелет средневысокий, широкий, без признаков прогнатии, с выраженными клыковыми ямками, со значительным межглазничным расстоянием и выпуклой спинкой носа [Там же]. Из этого описания вытекает, что черепа были европеоидны, хотя, как отметил Г.Ф. Дебец, не могут быть отнесены к андроновскому варианту прото-европеоидной расы [Дебец, 1948; 1953].

В результате последующих исследований на основе обширных и значительных по объему материалов с территории Казахстана, Южного Урала, Поволжья было доказано, что сарматские племена, при всей их кажущейся однотипности, представляют в своей массе неоднородное население и среди них можно выделить несколько отдельных групп. Г.Ф. Дебец, изучая сарматские черепа с Западного Казахстана, подчеркивал, что население «скифо-сарматского» времени Казахстана складывается из 2 компонентов [Дебец, 1948]. Первый — наиболее ярко прослеживаемый андроновский компонент, второй — высоколицый компонент без четких признаков монголоидности, обнаруженный, кроме этого, в бассейне р. Урал, не очень ясного происхождения. Возможно, это было результатом взаимодействия с древним населением Средней Азии, а конкретней — Семиречья. Еще Г.Ф. Дебецом были выделены группы Астраханского края и Саратовского Заволжья. Если серия сарматских черепов Астраханского края характеризовалась брахикранией, т.е. короткоголовостью, то материал Саратовского Заволжья отражал краниологический комплекс населения эпохи степной бронзы с длинной черепной коробкой [Там же]. Это предположение в дальнейшем подтвердилось и другими исследователями. Т.С. Кондукторова, исследовавшая краниологические серии сарматов из раскопок К.Ф. Смирнова 1956 — 1959 гг. в районах Оренбургской области (1 древнеямный череп, 8 савроматских, 9 сарматских и 4 кочевнических черепов), приходит к выводу, что для савроматов Оренбуржья характерен андроновский компонент, нежели срубный, а сарматские черепа по своим морфологическим особенностям наиболее близки к сарматам Саратовского Заволжья как по крупным размерам черепа и развитию костного рельефа, так и по отдельным размерам, отличаясь лишь несколько большим черепным указателем [Кондукторова, 1962]. Это подтверждает и М.М. Герасимова на примере черепа из Гумаровского кургана, который по своему строению также более близок к андроновским черепам.

Таким образом, если в Саратовском Заволжье основную часть населения сарматского времени составляли потомки андроновцев, то в Южном Приуралье для сарматов характерен тип более короткоголовый, менее массивный, близкий к типу Среднеазиатского междуречья (черепа из Прохоровских и Урал-Сайских курганов).

Для сарматов Оренбуржья генетическая связь с андроновцами также несомненна, хотя они и отличаются от серии Саратовского Заволжья некоторой брахикранныостью.

Из раннесарматских памятников на территории Башкирии в антропологическом отношении изученным является Старо-Киишкинский курганный могильник, который являлся как бы северной границей распространения сарматской культуры на Южном Приуралье, хотя в последние годы были открыты сарматские памятники в среднем и нижнем течении р. Белой: Салиховские, II Ахмеровские и Атасовские курганы.

Раскопки Старо-Киишкинского могильника велись М.Х. Садыковой в 1957 — 1958 г. и 1960 г. и датированных ею III — II вв. до н.э. [Садыкова, 1962]. Антропологический материал, исследованный М.С. Акимовой, включает 19 мужских черепов, 12 женских и 3 детских черепа [Акимова, 1968].

По черепному указателю серия, в целом, брахикранная, лоб среднеширокий, угол наклона лба умеренный, лицо широкое, низкое у мужчин и несколько выше у женщин. По лицевому указателю серия относится к категории низколицых. По углам вертикальной профилировки серия ортогнатная, в горизонтальной плоскости профилирована довольно четко, но с небольшой уплощенностью на отдельных черепках. Клыковая ямка средней глубины. Орбиты широкие и низкие. Носовые кости выступают довольно резко, хотя встречаются черепа со слабым углом выступания носа. Европеоидность здесь налицо, хотя незначительная примесь монголоидности не исключается.

При сравнении с краниологическими сериями с территории Оренбуржья, Западного Казахстана и Поволжья особой разницы между сравниваемыми группами нет. Отмечается лишь небольшая разница в черепном указателе, высоте мозговой коробки, размерах лица. Рассматриваемая серия черепов из Старо-Киишкинского курганного могильника наиболее близка к астраханской группе сарматов, выделенной Г.Ф. Дебецом. Они сближаются брахикранныостью, одинаковой шириной лица, небольшой высотой лица и черепа. Это сходство позволяет предположить, что движение сарматских племен на

территории Башкирии происходило, вероятнее всего, с юга.

В то же время в таких курганах Южного Урала, как Сибайские и Муракаевские, прослеживается прямая связь со Старо-Кишкинскими курганами как по обряду захоронения, так и типу могил. Наряду с этим нельзя не отметить замечание К.Ф. Смирнова о некотором своеобразии сарматских памятников Башкирии, что объясняется тесным контактом сарматских кочевых групп с местным оседлым населением (возможно, полукошевым) кара-абызской культуры [Смирнов, 1975]. Это же подтверждает А.Х. Пшеничнюк на археологическом материале, исследуя вопрос о населении Центральной Башкирии на рубеже нашей эры [Пшеничнюк, 1983].

К.Ф. Смирнов отмечает также связи сарматов Приуралья не только с Поволжьем, но и с Зауральем и Западной Сибирью, приводя аналогии и обнаруживая сходство в вооружении, посуде, украшениях и формах погребального обряда. Отсюда следует, что, говоря об автохтонном развитии раннесарматской культуры в Приуралье, нельзя не учитывать и того, что она развивалась в контакте с другими местными и соседними племенами, испытывая, возможно, при этом и их влияние, что придавало раннесарматской культуре некоторую специфичность на территории современной Башкирии.

В плане формирования антропологического состава ранних сарматов Приуралья интересны результаты исследования В.В. Гинзбургом серий черепов из Калиновского могильника в Нижнем Поволжье [Гинзбург, 1959]. Материал охватывает период от эпохи бронзы до позднесарматского времени. В.В. Гинзбург отмечает, что в древнее население Нижнего Поволжья уже с эпохи бронзы вливаются группы из районов Приуралья и Казахстана, среди которых наиболее четко выделяется комплекс андроновского антропологического типа. В.В. Гинзбург пишет об общности расогенеза сарматов Заволжья и Приуралья, в основе которых лежит единый европеоидный антропологический тип, представленный в Приуралье и Западном Казахстане андроновским типом [Там же]. Говоря о степени изученности археологии и антропологии сарматов Приуралья, можно выделить следующие общие моменты.

Происхождение ранних сарматов Приуралья в целом автохтонное и было тесно связано с предшествующим савроматским населением.

В основе антропологического типа сарматов Приуралья лежит европеоидный тип без заметных примесей монголоидности, близкий к типу сарматов астраханской группы.

В более южных районах Приуралья (Оренбургье) доминирующую роль в формировании расового типа сарматов сыграл европеоидный андроновский компонент.

Роль андроновского типа в сложении физического типа ранних сарматов постепенно снижается в направлении к северу Приуралья (Старо-Кишкинские курганы) и в направлении Волгоградского Заволжья (Калиновский могильник).

Наряду с локальными различиями обнаруживаются довольно тесные связи в культуре и антропологическом типе ранних сарматов разных районов, что указывает на общность их этно- и расогенеза.

К антропологии савромато-сарматского населения Южного Урала.

В результате активных археологических исследований на территории Южного Урала в 1960 – 1980 гг. накоплен огромный материал по всем периодам развития сарматской культуры в регионе. Большинство этих памятников проанализировано и систематизировано в обстоятельной монографии А.Х. Пшеничнюка [Пшеничнюк, 1983]. В результате раскопок получен также и палеоантропологический материал, позволяющий представить расовый тип ранних кочевников региона. Черепа не всегда хорошей сохранности, т.к. многие курганы были еще в древности потревожены грабителями. Обработанный материал, несмотря на свою малочисленность, позволяет все же в какой-то степени осветить некоторые вопросы динамики изменения антропологического типа ранних кочевников Приуралья почти на всем протяжении развития этой культуры с момента ее формирования до первых веков до н.э. Приводятся результаты исследования только мужских черепов.

Савроматский период (VII – IV вв. до н.э.). Савроматские курганные памятники обнаружены как в Приуралье, так и Зауралье. Анализируемые черепа характеризуют зауральскую группу савроматов. Материал получен в результате раскопок А.Х. Пшеничнюком в 1975 г. 1977 г. Альмухаметовских курганов в Абзелиловском районе РБ на левом берегу р. Большой Кизил. Было вскрыто 20 курганов [Пшеничнюк, 1983].

В большинстве случаев для погребенных характерна западная ориентировка костяков. В погребальном обряде прослеживается культ огня, под насыпью курганов имеются следы деревянных сооружений, когда-то представлявших собой, видимо, шатрообразную погребальную камеру.

Исследовано три мужских черепа. Морфологически они довольно крупные, с хорошо выраженными надбровными дугами, сосцевидными отростками

ми. Костный рельеф выражен особенно сильно на затылочных костях. Черепа по указателю мезо-брахиокранные. Лицевой скелет относительно широкий (139,3), верхняя высота лица средняя (68,6). Носовые кости к линии профиля выступают сильно (35,0), однако при этом лицевой скелет слегка уплощен, что более выражено на уровне точки назион (141,7) [Табл. 1]. В целом, черепа европеоидные, скорее всего, смешанного происхождения, т.к. с хорошо выраженными европеоидными чертами обнаруживается и монголоидная примесь.

К сожалению, материал по предшествовавшим савроматам населению отсутствует. Так, между самыми поздними памятниками срубной культуры и наиболее ранними савроматскими существует огромный временный разрыв почти в пять столетий, который археологически пока не заполнен. Так, самыми ранними савроматскими памятниками на Южном Урале являются Елбулак-Тамакские курганы, датируемые VII – VI вв. до н.э. Подобные курганы раннесавроматского «переходного» и болеранного периода встречаются на Южном Урале очень редко, что затрудняет объяснить демографическую ситуацию в конце II и начале I тыс. до н.э. Сравним савроматов с населением эпохи бронзы.

Материалы эпохи бронзы Приуралья представлены в основном сериями черепов населения срубной культуры. Срубно-алакульский материал отсутствует. К.Ф. Смирнов и другие археологи предполагают, что савроматская культура генетически восходит к срубной и андроновской культурам [Смирнов, 1975].

Первые палеоантропологические материалы эпохи бронзы были опубликованы М.С. Акимовой [Акимова, 1968]. Изученные ею 7 черепов из курганов Тартышево II и Ново-Балтачево принадлежали населению срубной культуры северо-западной Башкирии. В связи с плохой сохранностью материала и ее малочисленностью М.С. Акимова ограничилась включением их расового типа в рамки широко распространенного в степях Восточной Европы резко выраженного европеоидного типа.

Богатый материал дал Старо-Ябалаклинский могильник населения срубной культуры. Исследованная А.В. Шевченко и Р.М. Юсуповым серия черепов из 18 мужских и 12 женских черепов показала, что срубное население Приуралья является наиболее гиперморфным широколицым среди срубников европейской части Российской Федерации [Шевченко, Юсупов, 1991]. В генезисе срубного населения Приуралья, по мнению исследователей, большую роль сыграло взаимодействие потомков ямников и полтавкинцев с пришлыми с запада

гипоморфными группами, близкими по типу к срубному населению Украины.

Новые материалы по срубному населению Приуралья, полученные из могильников Петряево, а также с юга Башкирии из Качкиновских, Санзяповских, Акназаровских курганов, несколько расширяют представления об антропологическом составе и расогенетических связях срубников Южного Урала. Исследованные группы отличаются от материалов Старо-Ябалаклинского могильника, что говорит о неоднородности антропологического состава срубного населения в регионе.

Антропологически основная масса срубного населения Приуралья (могильники Старые Ябалаклы, Петряево) относилась к широко распространенному в степях Евразии протоевропеоидному расовому типу, отличающемуся от андроновского его варианта более длинной мозговой коробкой, относительно высоким лицом.

Однако на юге Башкирии среди срубного населения (Качкиново, Санзяпово, Акназарово) нами был выделен несколько иной комплекс признаков: очень большой продольный диаметр черепной коробки сочетался с относительно узким, резко профилированным лицевым скелетом. Это дало возможность отнести его к одному из вариантов древней средиземноморской расы, обнаруживающей некоторые аналогии среди населения эпохи бронзы юга Узбекистана, Туркмении и Юго-западного Приуралья, что вскрывает не только западные, но и южные связи срубного населения Южного Приуралья.

Череп савроматов из Альмухаметовских курганов при сравнении с черепами срубников оказываются более короткими, широкими, увеличивается ширина лица, несколько уплощается лицо. Сопоставление с андроновцами Казахстана [Исмагулов, 1970] показало, что савроматы Южного Урала несколько ближе к ним, но отличаются все же и от андроновцев больше, чем последние от срубников Приуралья. У тех и других лицевой скелет уже и выше, иное соотношение размеров черепа. Следовательно, даже если формирование савроматского населения происходило на Южном Урале, то в этом процессе активное участие приняли какие-то пришлые группы иного, чем срубное население, происхождения.

Проанализированы синхронные и более ранние материалы с территории Поволжья, Казахстана и Средней Азии. В анализ вошли опубликованные данные по сакам Казахстана и Приуралья, усуням Семиречья и Восточного Казахстана, срубникам

Нижнего Поволжья, а также андроновцам Казахстана.

Первичное рассмотрение материалов на корреляционном поле по признакам профилированности лицевого скелета и размеров лица позволяет сделать некоторые выводы. Савроматы Башкирии по этим признакам вписались в круг сакских и усуньских групп, с одной стороны, и андроновского населения Казахстана и Южной Сибири, с другой. Эта локализация довольно устойчиво сохраняется при корреляционном анализе и других наборов признаков.

Срубники Башкирии и Нижнего Поволжья образовали на графике самостоятельное скопление, причем срубники Южной Башкирии отошли от основной массы и заняли обособленное положение, в какой-то степени сближаясь с населением эпохи бронзы более южных регионов.

Таким образом, можно предположить, что монголоидный компонент в расовом типе савроматов Приуралья имеет южное – юго-восточное происхождение и, возможно, связан с сако-усуньскими группами VII – IV вв. до н.э.

Сравнительный анализ отдельных краниологических признаков не противоречит этому (Табл. 1). По целому ряду признаков савроматы Башкирии занимают промежуточное положение между сако-усуньскими группами и срубно-андоновским населением Приуралья и Казахстана, сближаясь больше с саками Приуралья VII – V вв. до н.э.

Суммарный анализ, проведенный по комплексу из 16 признаков (11 линейных и 5 угловых размеров) по формуле Пенроза-Кнуссмана, выявляет примерно ту же картину. Если между савроматами и срубниками Башкирии и Нижнего Поволжья коэффициенты суммарных расстояний оказались довольно большими (0,566; 0,596; 0,686), то при сопоставлении савроматов Южного Урала с усунями Семирежья (0,457) и андроновцами Казахстана (0,464) они гораздо меньше.

Таким образом, в результате анализа савроматского материала с синхронными и более ранними материалами можно сделать заключение, что антропологический тип савроматов Южного Урала формировался, скорее всего, в процессе метисации и культурного взаимодействия европеоидного населения, близкого по своему типу к андроновцам Казахстана и сако-усуньским группам Семирежья и Юго-западного Приуралья. Антропологический тип срубного населения Южного Урала и Поволжья в расовом типе савроматов ощущается в гораздо меньшей степени, что исключает их прямое генетическое родство. Выявляемую археологическую преемственность материальной культуры, погребаль-

ного обряда у савроматов и срубников, видимо, можно объяснить широким распространением и устойчивостью индоевропейской культурно-языковой общности в степях Евразии, начиная с эпохи бронзы, которая по каким-то причинам к пер. пол. I тыс. до н.э. сместилась в более южные регионы. В VII – V вв. до н.э. в лице савроматов, возможно, мы застаем уже обратное движение населения с юга и юго-востока на Южный Урал, но уже с иным антропологическим типом, с заметными включениями монголоидных признаков, носители которого были представлены среди саков и усуней. Следовательно, можно предположить, что индоевропейская и, в частности, индоиранская общность к пер. пол. I тыс. до н.э. включала не только протоевропеоидов и древних средиземноморцев, но и группы населения смешанного происхождения, отчасти монголоидного облика, Алтайского и Притяньшаньского региона. Савроматы Южного Урала, видимо, и представляют собой одну из таких смешанных групп, не потерявших своих южных связей и в последующие этапы развития сарматской культуры.

Раннесарматский (прохоровский) период (IV – II вв. до н.э.). Раннесарматский (прохоровский) период считается переходным этапом от савроматских памятников к сарматским. Эта дата в какой-то степени условна и, по мнению А.Х. Пшеничнюка, отражает эволюционную ступень в развитии материальной культуры индоевропейской общности на Южном Урале [Пшеничнюк, 1983]. Им выделена целая группа памятников VI – III вв. до н.э., сочетающих в себе черты савроматской и прохоровской культур. В этом отношении интересны могильники Башкирского Зауралья, в погребальном комплексе которых в сопровождающем инвентаре наиболее ярко сочетаются савромато-сарматские традиции.

На Южном Урале по данным А.Х. Пшеничнюка, было исследовано 30 курганных могильников, включающих 58 курганов, в результате раскопок которых вскрыто 246 погребений [Там же].

В большинстве случаев ориентировка погребенных меридиональная, южная. Для керамики характерна богатая орнаментация, круглодонность. Продолжает сохраняться культ огня, устройство деревянных сооружений над погребенными. Могильные ямы с подбоями встречаются чаще.

Нами исследовано 5 мужских черепов, полученных Б.Б. Агеевым в ходе раскопок Ново-Мурапталовских курганов, расположенных на границе с Оренбургской областью [Агеев, 1974]. Морфологически черепа очень выразительные, с хорошо выраженным костным рельефом, мощным надбровьем и надбровными дугами. По усредненным

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ КРАНИОМЕТРИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ
МУЖСКИХ СЕРИЙ ЧЕРЕПОВ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

№ по Мартину	Признаки	Савроматы	Сарматы			
			Ранние		Средние	Поздние
		Альмухаметово (3)	Ново-Мураптагово (5)	Старые Кишки (17)	Уметбаево (3)	Кара-Тал (1)
1	Продольный диаметр	186.5	182.2	182.1	186.0	186.0
8	Поперечный диаметр	150.5	151.0	150.1	141.0	134.0
8:1	Черепной указатель	80.5	82.8	82.6	76.0	72.0
17	Высота черепа (ba-b)	139.0	134.3	130.9	129.5	149.0
5	Длина основания черепа	108.5	100.6	100.3	100.0	117.0
9	Наименьшая ширина лба	99.7	98.4	97.4	98.0	100.0
9:8	Лобно-черепной указатель	70.3	64.7	64.9	69.6	74.0
40	Длина основания лица	102.5	97.0	-	95.0	107.0
48	Верхняя высота лица	68.6	68.7	68.8	70.3	77.0
45	Скуловой диаметр	139.3	139.7	137.9	130.5	143.0
52	Высота орбиты	32.6	33.2	33.0	33.0	38.0
SS	Симотическая высота	5.3	5.1	4.4	4.6	5.8
SC	Симотическая ширина	6.3	9.1	8.3	9.7	9.8
SS:SC	Симотический указатель	84.5	55.0	55.6	58.2	59.0
DS	Дакриальная высота	11.9	13.1	11.9	10.6	14.1
DC	Дакриальная ширина	19.5	23.9	20.7	17.1	25.5
DS:DC	Дакриальный указатель	60.6	54.9	57.1	61.6	54.0
32	Угол наклона лба (па-b)	83.0	81.0	82.9	79.0	74.0
72	Общелицевой угол	88.3	87.7	86.3	86.3	88.0
77	Назо-малярный угол	141.7	141.7	141.9	140.8	136.4
zm'	Зиго-максиллярный угол	127.0	130.1	131.7	135.3	136.4
751	Угол выступания носа	35.0	31.7	30.4	28.3	23.0

показателям, черепная коробка умеренно длинная, широкая, по указателю приближается к брахикрании.

Лицо среднеширокое, высота небольшая (139,7; 68,7). Лицевой скелет на верхнем и нижнем уровнях горизонтальной плоскости умеренно профилирован, с сильно выступающими в линии профиля носовыми костями (141,7; 130,1; 31,7). В вертикальной плоскости черепа в целом ортогнатные. Переносье высокое, клыковые ямки резко очерчены, глубокие.

Комплекс признаков сарматских черепов из Ново-Мурапталовских курганов в целом укладывается в характеристику большой европеоидной расы. На отдельных черепках все же нельзя не отметить монголоидную примесь, на которую указывают умеренная профилированность лицевого скелета и угол выступления носа. Необходимо при этом подчеркнуть тенденцию к ослаблению европеоидных признаков у ранних сарматов, по сравнению с савроматами.

На Южном Урале из синхронных Ново-Мурапталовским исследованы расположенные к северу от них Старо-Кишкинские курганы, откуда также получен краниологический материал. Могильник, по мнению археолога М.Х. Садыковой, действовал не более 1,5 столетия в IV – II вв. до н.э. и характеризует наиболее поздние этапы развития прохоровской культуры на Южном Урале [Садыкова, 1962]. Черепа из этого могильника были в свое время изучены и опубликованы М.С. Акимовой [Акимова, 1968].

Сравнение мужских черепов из этого могильника с материалами из Ново-Мурапталово показывает их близость, доходящую по большинству признаков до идентичности! (Табл.1). Так, у обеих групп сарматов практически одинаковое строение черепной коробки, одна и та же высота лица, орбит. В лицевом скелете в целом повторяются величины линейных и угловых размеров. Расогенетическое единство населения, оставившего эти могильники, не вызывает сомнения, что позволяет говорить об относительной устойчивости антропологического типа сарматского населения в этот период и широком его распространении в Приуралье.

Близость антропологического типа ранних сарматов Южного Урала подтверждается и корреляционным анализом, отраженным на графике. Серии черепов из Старых Кишкков и Ново-Мурапталово располагаются по соотношению углов профилированности лица, носа и высотных размеров лицевого скелета рядом. На какой основе мог формироваться антропологический тип ранних сарматов Приуралья? Известно, что мощным субстратом, на котором получило дальнейшее развитие археологическая

культура древних индоевропейцев Южного Урала, были савроматские племена.

Изменения, возникшие в среде ранних кочевников на савроматском этапе их развития отразились в какой-то степени и на расовом составе населения Южного Урала в IV – II вв. до н.э. Но это, видимо, коснулось больше материальной и духовной культуры населения того времени, т.к. основной расовой тип, сформировавшийся в VII – V вв. до н.э., сохранился и достаточно четко прослеживается на прохоровском этапе.

Это позволяет говорить об относительной стабильности антропологического состава населения Южного Приуралья в VII – II вв. до н.э., а отсюда, в какой-то степени, и о единстве савроматского и раннесарматского населения. Возможно, к IV в. до н.э. возникли серьезные изменения в идеологии и мировоззрении ранних кочевников, т.к. они, судя по археологическим материалам, изменения коснулись прежде всего погребального обряда (смена ориентировки погребенных, изменения в конструкции могил, появление иных культовых вещей). На физическом типе населения IV – II вв. до н.э. это проявилось в укорочении длины черепной коробки, небольшом уплощении лицевого скелета на нижнем уровне и уменьшении угла выступления носа. Отсюда можно говорить, что в IV – II вв. до н.э. в среду савромато-сарматского населения продолжает вливаться монголоидная примесь. Для выяснения ее происхождения необходимо привлечь сравнительные материалы.

Данные суммарного анализа показывают, что из синхронных памятников наиболее близкими к сарматам Приуралья по комплексу признаков оказываются саки Приаралья IV – II вв. до н.э., а затем сарматы Оренбуржья и Западного Казахстана. Причем минимальный коэффициент различий с саками Приаралья IV – II вв. до н.э. обнаруживается у прохоровцев Южного Урала из Старых Кишкков (0,139); у расселенных южнее сарматов из Ново-Мурапталово коэффициент так же мал и составляет 0,202. С сарматами Оренбуржья получается обратная картина. К ним ближе по комплексу признаков Ново-Мурапталовская группа (0,168), чуть дальше отстоят от них сарматы из Старых Кишкков (0,237). В целом, по результатам суммарного анализа сарматы Южного Урала хорошо вписываются по своему расовому типу в антропологический состав населения степей Оренбуржья, Западного Казахстана и Саратовской области IV – II вв. до н.э.

В то же время необходимо отметить, что, несмотря на близкий антропологический тип сарматов Евразийских степей, южно-уральские сарматы об-

ладают рядом особенностей: территориальная однородность их антропологического типа (коэффициент различий составил всего 0,091), а также их наибольшая среди сарматов других регионов близость к сакам Приаралья IV – II вв. до н.э. (0,139). (Южнее и ближе расположенные к Приаралью сарматы Оренбуржья и Западного Казахстана при сравнении с саками дают большие коэффициенты различий (0,332 и 0,186).

Кластерный анализ также подтверждает вышележащее. Ранние сарматы Башкирии образовали самостоятельный кластер между собой и саками Приаралья IV – II вв. до н.э. Высокую степень морфологического сходства показали сарматы Западного Казахстана и Саратовской области. Сарматы Оренбуржья образовали самостоятельную ветвь и присоединились к этим двум кластерам. Усуни Семиречья и Восточного Казахстана также выделяются в отдельную ветвь (Рис. 1).

Таким образом, выявляемая еще в VII в. до н.э. связь ранних кочевников Южного Урала с усунями и сакскими племенами Приаралья не только сохраняется, но и, возможно, активизируется к кон. I тыс. до н.э. Этими связями, вероятно, и объясняется тенденция к брахикефализации у прохоровцев Южного Урала, а также некоторое увеличение монголоидной примеси, выразившееся в некотором ослаблении профилированности лица на нижнем уровне и уменьшении угла выступания носа.

Антропологический тип раннесарматских кочевых групп генетически связан с расовым типом населения предшествующего савроматского населения. На раннем этапе сарматской культуры стабилизируется антропологический и, возможно, этнический состав населения Южного Приаралья.

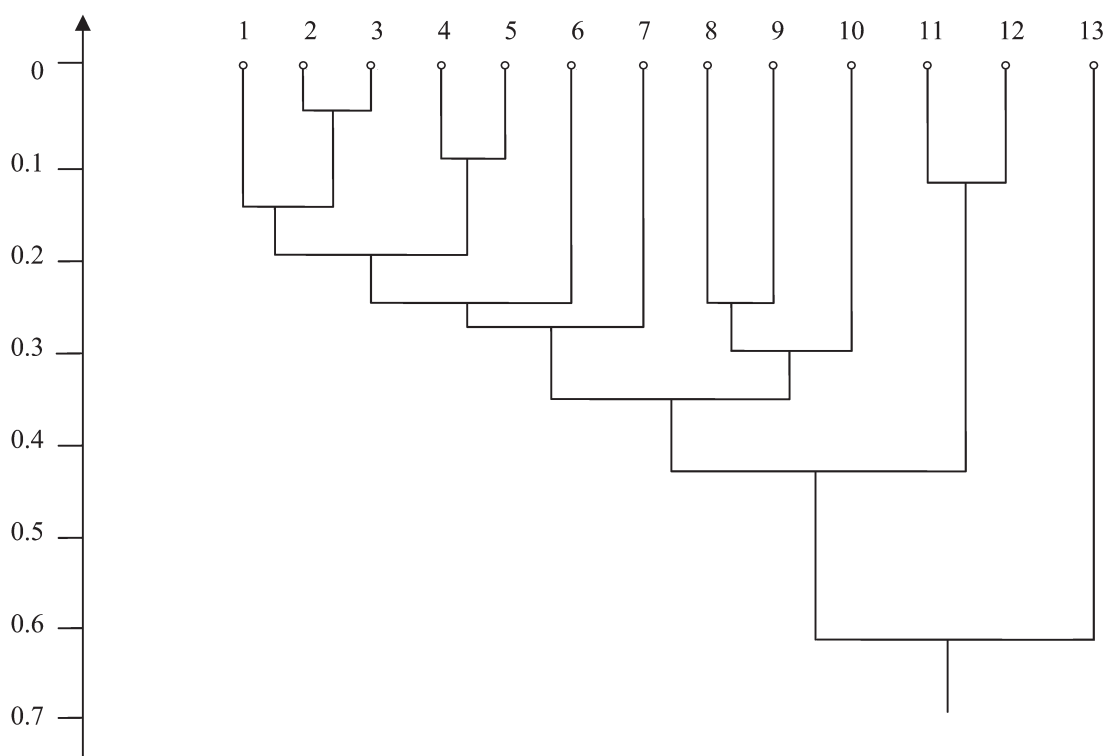
Изменения в материальной культуре ранних сарматов, видимо, шли параллельно с внедрением в сарматскую среду родственных индоиранских групп сако-усуньского происхождения из районов Приаралья и Семиречья. С ними, скорее всего, и связано некоторое ослабление европеоидных черт прохоровцев по сравнению с савроматами.

Ранние сарматы Приуралья и Оренбуржья антропологически оказываются наиболее близкими, что позволяет объединить их в один ареал развития прохоровской культуры. Влияние антропологического типа срубного и андроновского населения резко ослабевает как в Приуралье, так и в Оренбуржье. Андроновский компонент продолжает в виде субстратного компонента сохраняться у ранних сарматов Западного Казахстана и Саратовской области.

Среднесарматский период (II в. до н.э. – I в. н.э.). На данном этапе сарматская культура характеризу-

ется относительно редкой заселенностью южноуральских степей, некоторыми изменениями в культуре. На территории юга современной Башкирии исследовано всего 8 могильников суловской культуры. В процессе раскопок 29 курганов изучено 34 погребения [Смирнов, 1975; Пшеничнюк, 1983]. Уменьшение количества сарматского населения на этом этапе К.Ф. Смирнов объясняет перемещением центра аорских племен на запад, в Поволжье и Задонские степи, что, возможно, было обусловлено ростом могущества и расцветом причерноморских племен. Возможно, было и обратное движение на восток, т.к. культурные центры Средней Азии являлись для сарматов Приуралья тем же, что и античные города Северного Причерноморья. В антропологическом отношении суловский этап гораздо беднее материалом, нежели предыдущий, поэтому привлечем данные по соседним регионам. В.В. Гинзбург и Б.В. Фирштейн изучили черепа из Западного Казахстана, из района рр. Большой и Малый Узень (раскопки И.В. Синицына 1948 – 1952 гг.) и из кургана у с. Калмыково недалеко от г. Уральска (раскопки Т.Н. Сениговой 1953 г.) [Гинзбург, Фирштейн, 1958].

Анализ черепов показывает, что основной тип населения оставался европеоидным, но уже с заметным сдвигом в сторону типа Среднеазиатского междуречья. В.В. Гинзбург и Б.В. Фирштейн относят их мезокраниуму к «андроновскому варианту». В этом отношении западно-казахстанская группа, как и на прохоровском этапе, больше тяготеет к типу сарматов Саратовского Заволжья, нежели к астраханской группе. В Калиновском могильнике В.В. Гинзбург к среднесарматскому этапу относит 26 черепов, характеризующихся мезокранными по указателю черепами с мало наклонным лбом, среднеразвитым надпереносьем и надбровными дугами. Он относит их к европеоидному типу, который В.В. Бунак называет степным. Из 26 черепов при индивидуальном анализе 5 черепов оказались андроновского типа, 4 – средиземноморского, 1 череп явно смешанный, близкий к южносибирскому [Гинзбург, 1959]. Особенностью населения суловской культуры является проникновение обычая искусственной деформации черепов. Из данных В.В. Гинзбурга следует, что, хотя основной антропологический тип на этом этапе оставался близким к типу населения прохоровской культуры, на рубеже происходит миграция и внедрение новых племен, возможно, среднеазиатского происхождения, на что указывает как раз появление искусственно деформированных черепов, а обычай этот, как известно, довольно широко был распространен в южных районах Средней Азии. Проник-

Кластерный анализ мужских серий черепов эпохи раннего железа Южного Урала и соседних регионов (по матрице CR2)

Условные обозначения:

1 – саки Приаралья (IV – II вв. до н.э.); 2 – Старые Кишки (ранние сарматы Башкирии); 3 – Ново-Мурапталово (ранние сарматы Башкирии); 4 – сарматы Западного Казахстана; 5 – сарматы Саратовской области; 6 – сарматы Оренбургской области; 7 – саки Казахстана (VII – IV вв. до н.э.); 8 – Уметбаево (средне-сарматское время Башкирии); 9 – Туз-Гыр (Юго-западное Приаралье); 10 – саки Приаралья (VII – V вв. до н.э.); 11 – Усуни Семиречья; 12 – Усуни Восточного Казахстана; 13 – Альмухаметово (савроматы Башкирии)

новение монголоидного компонента В.В. Гинзбург увязывает с гуннами, что указывает и К.Ф. Смирнов [Смирнов, 1975]. Б.В. Фирштейн, исследовавшая антропологический материал с Нижнего Заволжья, также отмечает неоднородность сарматов на среднем этапе и появление обычая искусственной деформации. Деформированные черепа отнесены ею к большой европеоидной расе, но большая ширина лица, а также на границе малых и средних величин угол средней части лица указывает на монголоидную примесь. Из монголоидных черепов один близок к уральскому типу, а другой – к южносибирскому [Фирштейн, 1970]. Таким образом, монголоидная примесь продолжает наслаиваться и на среднем этапе развития сарматской культуры.

В Приуралье из памятников среднесарматского периода наиболее крупным является Уметбаевский курганный могильник, включающий более 30 курганов. Исследуемые 3 черепа населения среднесарматского времени происходят из этого могильника, раскопанного в 1962 – 1973 гг. М.Х. Садыковой,

Н.А. Мажитовым и Б.Б. Агеевым [Садыкова, 1962; Агеев, 1974; Мажитов, Султанова, 1994].

В погребальном обряде продолжают бытовать подкурганые, в большинстве случаев одиночные захоронения. Сохраняется южная ориентировка костяков, остатки деревянных конструкций в могилах. Погребальный инвентарь беден, представлен, в основном, сероглиняной керамикой, которая становится более разнообразной (археологи выделяют 4 типа керамики). Оружия также мало.

По мнению А.Х. Пшеничнюка, в этот период меняется направление этнических связей, в первую очередь, в сторону Нижнего Поволжья [Пшеничнюк, 1983]. Случаев искусственной деформации голов на этом этапе в Приуралье не зарегистрировано.

В антропологическом типе населения также происходят существенные изменения. Если на савромато-раннесарматском этапе у населения прослеживался единый, в основном, европеоидный антропологический тип с небольшой монголоидной примесью, то к рубежу эр можно говорить об изме-

нении антропологического типа. Черепная коробка на среднесарматском этапе удлиняется, сужается (186,0 и 141,0), что по указателю дает долихокранную форму черепа. Точно также довольно резко сужается и несколько удлиняется лицо, лоб становится более покатым, уменьшается угол выступания носа и профилированность лицевого скелета на уровне зигомассиллярных точек. В данном случае сочетание узкого, но высокого лица с ослабленной ее профилированностью и средним углом выступания носа может указывать на метисное происхождение данного комплекса признаков, но с иными компонентами, чем те, которые участвовали в формировании сарматов Приуралья в предыдущее время. Одним из компонентов мог быть долихокранный, узко-высоколицый тип южного происхождения. Не исключено также, что население суловской культуры входило в непосредственный контакт с местными полукочевыми группами населения кара-абызской культуры в среднем течении р. Белой. По целому ряду признаков черепа из Уметбаевских курганов занимают промежуточное положение между прохоровцами и серией черепов населения кара-абызской культуры из Биктимировского могильника. Возможно, взаимодействие с ними и привело к довольно резкому изменению антропологического типа сарматского населения к рубежу эр (Табл. 1). По крайней мере, археологически довольно четко фиксируются контакты сарматов с населением кара-абызской культуры.

По коэффициентам суммарных расстояний мужские черепа из Уметбаево оказываются близкими опять-таки к сакам Казахстана и Приаралья. Затем по степени близости идут сарматы Западного Казахстана и Саратовской области, а также ранние сарматы Приуралья из Старых Киишков и население кара-абызской культуры. Причем черепа из Уметбаевских курганов оказываются по комплексу признаков более удаленными от ранних сарматов из Ново-Мурапталово, чем от населения кара-абызской культуры, что не исключает биологических контактов с последними.

Сопоставление Уметбаевских черепов с черепами оседлого лесного населения пьяноборской культуры из Камышлы-Тамакского могильника, наоборот, исключает какую-либо степень сходства с ними. Коэффициенты суммарных расстояний получаются очень большими.

Кластеризация коэффициентов суммарных расстояний между черепами эпохи раннего железа с территории Башкирии дает следующую картину. Ранние сарматы объединились между собой и савроматами. Среднесарматские черепа из Уметбаево

присоединились, хотя и на большом расстоянии, не к сарматам, а к серии черепов населения кара-абызской культуры.

При кластеризации данных суммарного анализа сарматских материалов с сериями черепов населения эпохи бронзы черепа из Уметбаевских курганов присоединяются к савроматам и ранним сарматам Южного Урала. Срубные материалы образуют самостоятельный кластер. Наконец, на общей дендрограмме сарматские черепа из Уметбаево присоединяются к общему кластеру, образованному ранними сарматами Приуралья, саками Приаралья, Казахстана и сарматами Оренбуржья, Западного Казахстана и Саратовской области.

Следовательно, на основе имеющегося сравнительного материала можно сделать вывод, что антропологический тип сарматского населения Приуралья к рубежу эр сформировался в процессе наслоения на местную раннесарматскую основу пришлого, возможно, приаральского, населения с участием местных групп носителей кара-абызской культуры.

Оседлое население пьяноборской культуры, представленное серией черепов из Камышлы-Тамакского могильника, не участвовало в расогенезе сарматов. На это указывает как сравнительный морфологический анализ краниологических данных, так и величины коэффициентов суммарных расстояний между ними и сериями черепов сарматов, достигающие огромных величин — больше единицы. С черепами из Уметбаевских курганов коэффициент суммарных расстояний равен 0,804, что также исключает какую-либо степень морфологического сходства.

Таким образом, анализ сарматских черепов рубежа нашей эры показывает дальнейшее усложнение их антропологического состава. Монголоидная примесь, по сравнению с предшествующим прохоровским этапом, усиливается.

Кроме пришлых групп южного происхождения, в расогенез сарматов включаются местные племена населения кара-абызской культуры. Расогенетические процессы в лесной и степной полосе в этот период шли, видимо, самостоятельно, о чем говорят существенные различия между сарматами и населением пьяноборской культуры.

Позднесарматский период (II — IV вв. н.э.). По данному этапу на Южном Урале изучено 10 курганных могильников, 7 из которых находятся в зауральских районах современной Башкирии. В ходе раскопок 35 курганов этого времени вскрыто 37 погребений [Пшеничнюк, 1983]. Для позднесарматских погребений характерна северная ориентировка погребений

бенных, инвентарь в погребениях становится богаче, довольно часто в могилах встречается красноглиняная гончарная керамика, традиции изготовления которой уходят в Среднюю Азию. Широкое распространение в этот период получает обычай искусственной деформации головы.

По данным Б.Ф. Фирштейн, искусственная деформация головы зафиксирована в более чем 80% случаев позднесарматских погребений в Нижнем Поволжье [Фирштейн, 1970].

В Калиновском могильнике В.В. Гинзбург отметил искусственную деформацию головы у 50% погребенных [Гинзбург, 1959]. Причем деформированные черепа оказались разных антропологических типов. В то же время на эти черепа падает наибольший процент монголоидных особенностей. Обычай прижизненной деформации головы, скорее всего, среднеазиатского происхождения. Так, искусственно деформированные черепа обнаружены еще в V – III вв. до н.э. в Ферганской долине, в V – IV вв. до н.э. в Туркмении и в III – I вв. до н.э. в Казахстане [Гинзбург, Трофимова, 1972.].

На Южном Урале также в 13 случаях из 37 черепа поздних сарматов несут следы искусственной деформации. В нашем распоряжении имеются лишь по одному мужскому и женскому позднесарматскому черепу, полученные А.Х. Пшеничником в ходе раскопок в 1973 г. курганной группы Кара-Тал I в Баймакском районе РБ [Пшеничник, 1983].

Мужской череп из курганного могильника Кара-Тал I вследствие деформации не включен в межгрупповой анализ. Череп крупный, с очень высокой, длинной, среднеширокой мозговой коробкой. Лицо высокое, скуловой диаметр большой. В то же время при таких, казалось бы, монголоидных признаках лицевой скелет резко профилирован на уровне точки назион, переносье очень высокое, но широкое. Носовые кости к линии профиля выступают нерезко.

Сравнение черепа из Кара-Тал I с некоторыми синхронными сериями черепов с искусственной деформацией не нашло ему аналогий ни в саратовской, ни в волгоградско-астраханской группах поздних сарматов, ни в материалах Кенкольского катакомбного могильника в Киргизии. Череп из Кара-Тал превосходит все эти материалы почти по всем параметрам. Он гораздо крупнее, лицевой скелет выше и гораздо шире, гораздо уплощенной, носовые кости выступают слабее. Другими словами, исследуемый череп на фоне сравнительного материала выглядит со значительной монголоидной примесью.

Говорить что-либо о происхождении этого типа на Южном Урале пока затруднительно. Однако не-

сомненен пришлый характер населения, принесшего с собой обычай искусственной деформации головы и иной антропологический облик. Различия черепов из Кара-Тал I и Поволжья могут говорить, что в формировании позднесарматского населения приняли участие различные по антропологическому типу группы населения, среди которых обычай искусственной деформации головы получил широкое распространение.

К концу IV – началу V вв. позднесарматские памятники постепенно исчезают. По времени это совпадает с эпохой Великого переселения народов, когда на страницы истории вступают гуннские племена.

Таким образом, антропологический тип савроматского населения Южного Урала с самого начала их появления в регионе был связан с населением более южных районов. Расогенез савроматов происходил, в основном, с участием двух расовых типов: первый близок к андроновскому варианту протоевропеоидной расы, второй обнаруживает аналогии среди смешанного в расовом отношении сако-усуньского населения Семиречья и Приаралья.

Активное участие сакских племен Приаралья в формировании савроматской культуры Приуралья показано и на археологических материалах.

Роль местного срубного населения в формировании антропологического типа савроматов практически не ощущается, хотя это не исключает их принадлежности к единой культурно-языковой общности.

Расогенез ранних сарматов в Приуралье тесно связан с предшествующим савроматским населением. Для сарматского населения Приуралья в IV – II вв. до н.э. характерна его однородность на всей территории расселения. Южные связи с Приаральем сохраняются и упрочиваются.

На всем протяжении развития сарматской культуры на Южном Урале население постоянно испытывало давление родственных кочевых групп южного происхождения, которые внесли ряд изменений в культуру и монголоидную примесь. Это достаточно четко улавливается начиная с савроматской культуры и постепенно нарастает до первых веков н.э.

К кон. I тыс. до н.э. заметно проявляется культурное взаимодействие местных кара-абызских племен с населением сарматской культуры, что отразилось и на расовом типе последних. На этом же этапе довольно резко усиливается монголоидный компонент в антропологическом составе сарматов.

На антропологическом материале не обнаруживаются контакты индо-иранских кочевников Приу-

ралья с оседлым финно-угорским населением пьяноборской культуры лесной полосы Южного Урала.

В первых веках н.э. приток населения с монголоидными признаками в Приуралье и степи Поволжья и Оренбуржья усиливается. Внедряется обычай искусственной деформации головы. Аналогий искусственно деформированным черепам Приуралья не обнаруживается в Поволжье и других регионах. Предположительно, его истоки можно связать с древним населением юга Средней Азии и Туркмении либо с опосредственным влиянием гуннов.

На позднесарматском этапе основной европеоидный расовый тип сарматов постепенно размывается, происходит его смена гиперморфным, резко долихокранным типом смешанного европеоидно-монголоидного происхождения.

Связи населения Южного Урала с Приаральем, наметившиеся в эпоху бронзы, получают свое полное выражение как в культурном, так и антропологическом отношении на всем протяжении развития сарматской культуры в Приуралье.

Если в эпоху бронзы расогенетические связи в регионе больше определяли урало-поволжские контакты срубного населения, то в эпоху раннего железа доминирующее значение в этно- и расогенезе населения Южного Урала и степного Оренбуржья начинает иметь, скорее всего, южное направление связей, в первую очередь, с сако-суньским миром Приаралья и Семиречья.

Новые материалы по соматологии, краниологии башкир, а также сравнение их с палеоантропологией края указывают на участие древних савромато-сарматских племен в ранних этапах этно- и расогенеза населения Южного Урала, в том числе башкир.

Проведенные среди башкир в 1963 – 1965 гг. и 1967 г. антропологические исследования Института антропологии МГУ под руководством М.С. Акимовой позволили на материалах изучения 1250 башкир выделить по соматологическим признакам (цвет кожи и волос, форма и размеры лица, черепной коробки, строение носа, глаз и т.д.) четыре антропологических типа: субуральский, понтийский, светлый европеоидный и южносибирский. По мнению М.С. Акимовой, наиболее древними среди башкир являются представители субуральского типа темно пигментированного понтийского типа южного происхождения. Происхождение понтийского типа она связывает с древними сармато-аланскими племенами эпохи раннего железа, которые вошли в состав современных башкир [Акимова, 1974].

Краниологические материалы по башкирам юго-восточных, юго-западных и горных районов Башкортостана, а также башкир Пермского края

подтверждают эти данные и обнаруживают их близость с палеоантропологическими материалами савромато-сарматских памятников из Альмухаметово, Ново-Мурапталово, Старые Киишки и синхронных памятников Оренбуржья и Средней Азии [Юсупов, 1991; 2002; 2008]. Это позволяет предположить, что расогенетические корни башкир могут восходить к древнему населению края эпохи раннего железа.

При анализе археологического материала обращают на себя внимание элементы сходства в обустройстве погребальной камеры и надмогильных сооружений у древнего дотюркского савромато-сарматского населения и современных башкир. К ним можно отнести такие, как укладывание покойника не на дно могилы, а в подбое – специально вырубленной нише на уровне дна южной стороны могилы. Так же, как и древнее население, башкиры дно подбоя устилают камышом, сухой травой, корой липы, мелом и лишь потом кладут на него покойника. Подбой закрывают досками, камнями, саманом, уложив сверху можжевельник для отпугивания злых сил и духов. Можжевельник почитался и в древнем сако-массагетском мире. Над могилой башкиры ставили деревянные срубы, которые свидетельствуют о бытовании в глубокой древности у них наземных форм выставления трупов внутри срубов с целью отделения мягких тканей покойника грызунами и птицами и погребения в дальнейшем уже чистых костей в землю. Срубные конструкции обнаруживаются во всех крупных сарматских курганах, таких как Прохоровка, Переволочан, Филипповка и др. В фонетике башкирского языка имеются специфические фонемы *h*, *з*, *с*, *к*, и другие, которые являются очень древними и обнаруживаются в языке не только алтайских тюрков, но и современных туркмен, таджиков, иранцев. Немало гидронимов, например, Сок, Сакмар, Сурень, Уршак и др., содержат ираноязычную, сакскую основу.

Этноним *башкорт*, интерпретируемый в большинстве случаев как «главный волк» на тюркской основе, в более раннее время, видимо, имел ираноязычную основу в форме «бачагург», где «бача» – «потомок, ребенок, дитя», а «гург» – «волк». Другой вариант этимологии этнонима башкорт можно вывести также из ираноязычной основы «бачгурд», где «бача» – «потомок», а «гурд» – «богатырь».

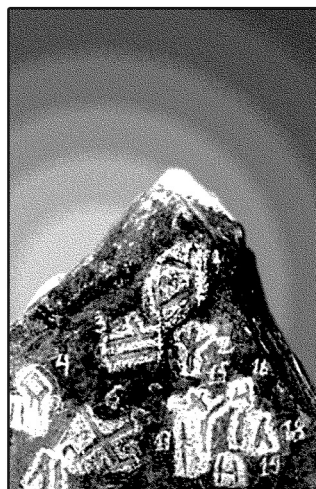

Не менее древнюю и, скорее всего, индо-иранскую основу имеет другой этноним, распространенный в прошлом среди башкир – *иштяк*. Этимология этнонима «иштяк» подробно изложена в работе венгерского ученого Рона-Таша [Рона-Таш, 1987], который предполагал финно-угорское или тюркское происхождение этнонима, являвшего самоназвани-

ем части башкирских племен, либо так называли их казахи и другие народы. По нашему мнению, этноним «иштяк» так же, как и этноним «башкорт», имеет очень древнее происхождение и уходит своими корнями в сако-массагетский мир эпохи раннего железа. Скорее всего, этноним «иштяк» (по-казахски «истяк») и сами башкирские своим происхождением восходят к одному из древнейших племен Южного Урала того времени – дахам, или дакам. Отсюда можно допустить, что «иштяк» является в своей основе тюркизированной формой названия древних племен Южного Урала – хешдеков, или хешдаков. В этом случае термин «хешдак», или «хешдах», будет переводиться с иранского как «род-

ственник», «потомок», «родня великих, могучих дахов, даков», где «хеш» – родня, потомок, а «дах», «дак», «дау» – великий (иран.).

Таким образом, материалы по антропологии, погребальному обряду, этнонимии современных башкир позволяют говорить о древности исторических корней современных тюркоязычных башкир на Южном Урале. Можно предположить, что они берут свое начало из глубин обширного мира савромато-сарматских и сако-массагетских кочевников. Это дает возможность включить последних в качестве одного из мощных компонентов ранних этапов этногенеза и расогенеза башкир.

ДРЕВНЕЙШИЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

БАШКИРСКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Судя по данным археологии и антропологии, башкиры как народ сложились на территории Исторического Башкортостана. Ядро этноса составили местные племена. Поэтому логично, что язык древнейших предков башкир сложился также на этой территории. В науке существует несколько точек зрения на происхождение башкирского этноса и его языка. Наиболее распространенными являются тюркская и угорская теория происхождения башкир и их языка. В последние годы получила распространение и индоиранская теория.

Первые сведения о тюркоязычности башкир содержатся в трудах средневековых авторов. Наиболее ценные сведения даны первым тюркологом из тюрков М. Кашгари в его «Дивану лугат-ит Тюрк». В данном словаре он перечислил башкир в числе двадцати «основных тюркских народов», язык которых был близок, по его мнению, с такими языками, как кыпчакский, огузский, киргизский и др. [*Kashgari*, 2005, p. 23].

Из российских исследователей сторонниками тюркского происхождения башкир и их языка были П.И. Рычков, Т. Мюллер, И.Г. Георги, М.В. Флоринский и др. М.В. Флоринский отмечал, что в пользу тюркоязычности башкир говорит их тюркский язык [*Янгузин, Хисамитдинова*, 2007].

Тюркоязычность башкир подчеркивал известный тюрколог С.Е. Малов, который считал башкирский язык одним из древних языков. Он возводил его ко времени проживания на территории Исторического Башкортостана племен тиссагетов, савроматов и иириков за пять веков до н.э. С.Е. Малов также писал о том, что на западе обитания тюрков до сер. I тысячелетия до н.э. существовали две языковые группы: хазаро-булгарско-чувашская и башкиро-татарско-кипчакско-мишарская [*Малов*, 1952].

Не подвергал сомнению тюркоязычность башкир известный этнолог С.И. Руденко, который считал башкирский язык тюркским и относил время его формирования к нач. I тысячелетия н.э. Он пишет: «Язык, на котором говорило большинство населения Башкирии к I тысячелетию, был уже, по всей вероятности, древний башкирский, ассимилировавший неизвестные нам пока местные языки». Продолжая свою мысль о языке башкир, С.И. Руденко отмечал, что «сложное историческое прошлое башкир, особенно со времени так называемого Великого переселения народов, не могло не отразиться в какой-то мере... и на языке башкир. Однако ни контакт с северными финно-угорскими племенами, ни проникновение на территорию Башкирии гуннских, позднее татаро-монгольских, казахских племен, ни взаимосвязи с калмыками и, наконец, позднейшее проникновение с запада таких народностей, как казанские татары и мишари, коренным образом не изменили ни физического типа, ни языка, ни быта башкир» [*Руденко*, 2006. С. 298 – 304]. С.И. Руденко проводил очень важную мысль о том, что на уже сложившийся язык башкирского этноса не могли кардинально влиять ни языки контактирующих этносов, ни диалекты и говоры вошедших в состав башкирского народа родов и племен. Как он писал, «язык башкир обогащался словарным фондом, в основном сохраняя с давних пор уже установившийся свой грамматический строй» [*Руденко*, 2006. С. 304].

Тюркская теория происхождения башкир и их языка получила развитие и в трудах выдающегося башкироведа Дж.Г. Киекбаева. В частности, еще в работах 50 – 60-гг. XX в., посвященных башкирской топонимии и диалектологии, он, выделяя те или иные фонетические особенности, рассматривал их в контексте развития башкирского или шире – тюркских языков [*Киекбаев*, 1958; *Киекбаев*, 1972.]. Рас-

смаывая специфические звуки и другие явления башкирского языка, Дж. Г. Киекбаев доказывает на большом фактическом материале, в отличие от сторонников заимствования, что они являются результатом развития собственно башкирского или шире — тюркских языков. В частности, специфические башкирские звуки *h* и *ç*, по его мнению, более древние, чем общетюркский *ç*, который является результатом закономерного перехода *h* через *ç* в звук *ç*, более легкий для произношения.

Интересные выводы по праистории башкирского языка содержатся в работах Н.А. Баскакова, который в своей классификации относил его к булгаро-кыпчакской группе западнохуннских тюркских языков. В то же время, как он справедливо отмечал, башкирский язык по некоторым своим особенностям обнаруживает близость с языками восточнохуннской группы, с носителями которых у башкир были общие моменты как в этногенезе, так и этнической истории [Баскаков, 1960].

На тюркоязычность древних башкир указал, опираясь на материалы этнонимии и диалектологии, крупнейший этнолог Р.Г. Кузеев [Кузеев, 1978].

Ряд исследователей, сравнивая систему согласных, глагольную систему, лексические особенности башкирского языка с языком памятников древнетюркской письменности, доказали их тесную связь [Гарипов, 1979; Тенишев, 1980; Ахметов, 1978; Хисамитдинова, 1989].

Интересные замечания по древней истории, о классификационных особенностях башкирского языка содержатся в шестом томе «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков». Авторы данной работы, опираясь на глоттохронологическую классификацию, сделали вывод о том, что «башкирский язык, скорее всего огузский в своей основе, подвергся неоднократной кипчакизации: в домонгольскую эпоху, в золотоордынский период и, наконец, в относительно позднее время со стороны татарского и казахского языков» [СИГТЯ, 2006. С. 816 — 817]. Таким образом большинство исследователей башкирского этноса и его языка склоняется к тюркской теории происхождения.

В то же время еще со средневековья существует угорская теория происхождения башкир и башкирского языка. Основателями теории башкиро-мадьярского родства, т.е. угорского происхождения башкир и их языка являются венгерские монахи, побывавшие в регионе Урало-Поволжья и оставившие в истории весьма любопытные замечания о средневековых башкирах и их языке. В частности, один из монахов, Юлиан, писал, что «они [башкиры] весьма внимательно слушали его, так как язык у них

совершенно венгерский: и они его понимали и они их» [Янгузин, Хисамитдинова, 2007. С. 12]. Католический миссионер В. Рубрук, посетивший Золотую Орду в 1253 г., отмечал, что «язык паскатири [башкир. — Авт.] и венгров — один и тот же» [Янгузин, Хисамитдинова, 2007. С. 13].

Из русских исследователей сторонником финно-угорского происхождения башкир и башкирского языка были историки В.Н. Татищев и Н.М. Карамзин. В частности, В.Н. Татищев отмечал, что башкиры упоминаются у Птолемея как «паскатиры», что этот «народ был великим», что они являются потомками древних финноязычных сармат — «сущие сарматы». Что же касается языка башкир, то о нем В.Н. Татищев писал следующее: «понеже они закон магометов с татары приняли и язык их употреблять стали, за татар уже почитаются. Однако в языке от прочих татар много разнятся, что не всяк ис татар их разуметь может» [Татищев, 1962. С. 252]. Что касается Н.М. Карамзина, то в первом томе его «Истории государства Российского» в главе «О славянах и других народах, составивших государство Российское» написано, что башкиры живут между Уралом и Волгой, что язык у них сначала был венгерский, лишь позже он стал тюркским: «надобно думать, что они приняли его от своих победителей и забыли собственный в долговременном общении с татарами» [Карамзин, 1989. С. 250]. О родстве башкир и мадьяр, о тождестве их языков писали Д.А. Хвольсон, И.Н. Березин, В.И. Филоненко и др. [Хвольсон, 1869. С. 85,105; Янгузин, Хисамитдинова, 2007. С. 15 — 16].

Интересно отметить, что башкирский ученый М.И. Уметбаев также был сторонником угорского происхождения башкир. Он писал, что башкиры являются коренным народом Южного Урала, а по этнической принадлежности являются уграми [Уметбаев, 1984. С. 39 — 59]. В советское время вопрос об угорском происхождении башкир и их языка подняла Н.П. Шастина. Она писала, что «под баскарт надо понимать башкиров... между средневековыми башкирами Приуралья и венграми существует племенное родство. Под напором кочевых народностей часть башкир ушла на запад и осела в Венгрии, оставшиеся же башкиры смешались с тюрками и монголами, потеряли свой язык и... дали совсем новую этническую народность, называющуюся также башкирами» [Шастина, 1957. С. 211].

Как уже отмечалось выше, в последние годы появилась теория иранского происхождения башкир и их языка. Однако, если учесть, что современных сторонников угорской теории происхождения башкир и их языка уже практически нет, а среди сторон-

ников иранской теории нет серьезных исследований, то можно считать, что тюркоязычность предков башкирского этноса не вызывает сомнения. Действительно, по всем параметрам язык башкир с древнейших времен был тюркским. Об этом свидетельствуют языковые реконструкции как на материале тюркских, так и алтайских языков. Учитывая, что реконструкция пратюркского состояния тюркских языков, в том числе и башкирского, блестяще выполнена в шеститомной коллективной монографии «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», то в данном издании для выяснения специфики древнейшего этапа в формировании башкирского языка внимание обращается к более ранней, алтайской, эпохе, т.к. башкирский язык в составе тюркских языков входит в алтайскую семью.

РЕКОНСТРУКЦИИ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Алтайские языки – семья языков¹, включающая тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки (часть исследователей объединяет их под именем материковых алтайских языков), а также корейско-японскую семью. Таким образом, современные алтайские языки занимают практически непрерывную полосу от Турции на западе до Японии на востоке и от побережья Восточно-Сибирского моря на севере до Хорасана и Синьцзяна на юге. Общее число говорящих на языках алтайской семьи свыше 380 млн. чел. [2004]. Алтайская семья является подгруппой ностратической макросемьи, внутри которой характеризуется особой близостью с уральской и дравидийской семьями. Вместе с ними она относится к восточно-ностратическим языкам.

Предположение об особой близости алтайских языков с уральскими (гипотеза урало-алтайской семьи языков существует с XVIII в.) спорно и, в принципе, может сниматься в рамках ностратической теории; ряд специфических схождения уральских и алтайских языков в области лексики, словообразовательных моделей, а также типологии может

¹ Понятие языковой семьи принадлежит к базовым понятиям сравнительно-исторического языкознания и основано на следующих представлениях.

Между словом и значением нет необходимой связи (А. Мейе), т.е. в общем случае знак языка является символьным. Тогда однотипное сходство внешних оболочек при относительном тождестве значений большого количества знаков между разными языками – т.е. когда гипотеза о случайном совпадении неприемлема – означает, что эти знаки в разных языках суть отображения одного и того же набора знаков. Если эти знаки относятся к «малопроницаемым» подсистемам языка – т.е. когда гипотеза о массивном заимствовании неприемлема, – то следует считать, что рассматриваемые языки являются отображениями одного и того же языка. Этот глубинный уровень, который может быть построен как язык-посредник, содержащий глубинные формы, из которых по непротиворечивому набору правил могут быть построены формы представленных языков, называется праязыком данной группы языков, а группа называется родственными языками или языковой семьей. Общепринятая к настоящему моменту интерпретация такой ситуации – историческая, т.е. генетически родственными языками называются те два или несколько языков, которые представляют собой результаты различных линий эволюции одного и того же языка, существовавшего раньше и тем самым являющегося для этих языков праязыком.

Применение стандартной методики сравнительно-исторического исследования позволяет для любой группы родственных языков построить общую «глубинную» языковую систему, из которой по строгим правилам будут выводиться явления реально представленных языков. Эта глубинная система и есть язык-основа, праязык данной языковой семьи. Единственное историческое объяснение возможности построения такой «основы» – наличие в прошлом определенной общности людей, которая пользовалась этой системой для общения между собой, а впоследствии постепенно разделялась на группы, между которыми коммуникация ослабевала, вследствие чего языковые изменения, происходившие с течением времени, по-разному затрагивали язык общения внутри этих групп и не были общими для всех них. Разумеется, время от времени происходили и обратные процессы: общение между некоторыми из этих групп усиливалось, и постольку, поскольку внутригрупповые языки еще не полностью утратили взаимопонимательность, некоторые языковые изменения могли захватывать ранее уже отдельные группы; могли образовываться локальные койнэ со смешанными чертами, которые впоследствии при благоприятных условиях приобретали полный набор сфер употребления и также могли становиться основным языком для вновь создававшихся общностей, а впоследствии – «праязыком» для разделившихся групп носителей. Вся эта проблематика и связанные с ней проблемы методов реконструкции праязыка и установления структуры генеалогического древа языков изложена в СИГТЯ [200]2 и СИГТЯ [2006]. Для нас важно, что компаративистская процедура принципиально способна справиться с задачей восстановления определенных частей праязыковой системы, в частности праязыкового лексикона, что позволяет использовать результаты сравнительно-исторического языкознания для исторических импликаций.

Реконструкция лексикона праязыка открывает возможность выяснения особенностей образа жизни носителей этого праязыка. В некоторых случаях можно сказать, что предположительные носители некоторого праязыка могли или не могли быть носителями некоторой культуры или жить в некоторой географической области. Это можно сделать на основе анализа реконструированной лексики исходя из простого предположения: если в таком-то праязыке реконструируется слово, например, для плуга, значит, носители этого праязыка говорили о плугах и скорее всего имели их. Проблемы и методы, связанные с реконструкцией значения праязыкового слова, изложены, в частности, А.В. Дыбо [1996]. Методы построения «признаковой базы» для описания сравниваемых семантических полей в родственных языках и для последующей реконструкции значений в лексической группе пралексикона были предложены еще в 1960-е гг. в работах Н.И. Толстого и его учеников. Кроме того, на основании реконструированного лексикона можно выявить древние заимствованные слова, что позволяет делать выводы о ранних контактах между народами и об областях, в которых эти контакты происходили. Таким образом, сравнительно-историческое языкознание, при использовании данных смежных исторических дисциплин позволяет с определенной степенью вероятности, говорить о палеокультуре, прародине и древних межэтнических связях исследуемых языковых семей.

объясняться сходной средой обитания и многочисленными контактами на разных хронологических уровнях. В последнее время в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» проводилась работа по проекту «Статус древнейших урало-алтайских языковых отношений». При составлении древнейшего урало-алтайского корпуса учитывались сближения, как уже фигурировавшие в отечественной и зарубежной литературе (в частности, у Б. Коллиндера, Г. Рамстедта и В.М. Иллич-Свитыча), так и этимологии, предложенные недавно участниками проекта (причем старые сближения подвергались тщательной проверке и корректировке с учетом последних достижений в алтаистике и уралистике, поэтому не все из этих сближений были включены в список). Одним из главных результатов явилось обнаружение большого количества сепаратных урало-алтайских параллелей, которые можно с надежностью отнести ко времени до распада праалтайского и прауральского. Это может свидетельствовать об ареальном сохранении утраченных в других семьях элементов праязыкового (ностратического) наследия, о контактах между алтайским и уральским протоэтносамы и даже о соответствующем языковом союзе (хотя для обоснования последней гипотезы необходимы также грамматические данные). Предметная область, охватываемая значениями соответствующих слов, весьма широка. Среди них представлены термины родства ('сын, детеныш', 'старшая сестра/тетя'), названия частей тела и выделений ('волосы', 'бровь', 'голова', 'нос/рот/морда', 'щека/ухо', 'губа', 'кулак', 'палец', 'рука', 'кровь', 'ключица/горло', 'грудь', 'бок', 'живот', 'легкие/пузырь', 'лодыжка', 'колени'), базовые глаголы и термины элементарной физиологии ('идти', 'ползти / проталкиваться', 'тошнить', 'глотать', 'слепой'). Общность основ такого рода вряд ли можно считать контактным наследием, так что можно констатировать выявление целой серии аргументов в пользу древнего алтайско-уральского родства. С другой стороны, многие параллели, обнаруженные на уровне праалтайского и прауральского, включают специфическую культурную лексику, характер которой не позволяет исключить контактное происхождение этих параллелей. Однако, как бы то ни было, параллели подобного рода существенно дополняют картину и позволяют судить о культурной специфике древнейшего урало-алтайского ареала. Такая, потенциально контактная, лексика характеризует прежде всего особенности природного окружения на соответствующей территории (несколько видов снега и наста, болота, хвойные (в том числе кедр) и мелколиственные

(береза, осина) деревья, стада диких копытных, лесные по преимуществу и водоплавающие птицы, комары), а также род занятий контактирующих популяций (рыболовство – ср. термины для рыболовных снастей и частей тела промысловых рыб; охота с собаками – ср. наличие названия сворки – и с помощью ловушек, собирательство); в качестве одного из видов пищи восстанавливается мясной суп, также глагол «готовить пищу»; одежда, по преимуществу кожаная (терминология ткачества, по-видимому, не восстанавливается, соответствующую лексику более надежно считать терминологией плетения), имеется общее название рукава, вообще общая терминология обработки кожи; названия деревянной посуды; из области «магической» деятельности обнаружено название заклинания, название волшебства вообще и два наименования душ/духов. Конечно, о точной локализации и о временной привязке этого состояния на настоящем уровне исследованности речь не идет.

Распад алтайской семьи датируется приблизительно VI тыс. до н.э. (по глоттохронологическим данным – в среднем 16 совпадений в 100-словном списке Сводеша); при этом с определенностью выделена японско-корейская ветвь, распад которой на японско-рюкюскую и корейскую ветви датируется III тыс. до н.э. (25 совпадений в 100-словном списке Сводеша). По-видимому, между этими датами находится распад «материковой» алтайской семьи (как их еще называют, языков внутреннего круга), тюркско-монгольско-тунгусо-маньчжурской (около 20 совпадений в 100-словном списке).

Впервые гипотеза о существовании семьи, включающей тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, была высказана в 1730 г. Ф. Страленбергом (Швеция – Россия). Возникновение научной алтаистики связано прежде всего с именами Б.Я. Владимирцова (Россия), Г. Рамстедта (Дания), Н.Н. Поппе (СССР – США), Е.Д. Поливанова (СССР), В.Л. Котвича (Польша), М. Рясанена (Финляндия), в разное время разрабатывавших алтайскую гипотезу с позиций сравнительно-исторического языкознания. Так, Г. Рамстедт (несколько раньше Е.Д. Поливанов, еще, в 1920-е гг.) обосновал родство не только тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, но и корейского. Впоследствии Р. Миллер (США) выдвинул, а С.А. Старостин (СССР – Россия) обосновал принадлежность к той же семье японского языка. В настоящее время в позитиве алтаистики имеются построенная и несколько раз пересматривавшаяся сравнительно-историческая фонетика. В этой связи, кроме уже названных, нужно упомянуть имена В.М. Иллич-Свитыча, В.И. Цинциус, З. Гомбоца (Венгрия), М. Пеллио (Франция), Дж. Стрита

(США), ряд разработок по отдельным вопросам реконструкции морфологической системы – работы И.В. Кормушина (СССР – Россия), и значительно разработанный корпус лексических этимологий исследования Л. Лигети, А. Рона-Таша (Венгрия), К.Г. Менгеса (Германия – США – Австрия), Д. Шинора (США), Т. Текина (Турция), М. Рясянена (Финляндия), С. Мартина (США). Последняя по времени полная версия алтайской реконструкции на различных языковых уровнях представлена в публикации 2003 г. (С.А. Старостин, А.В. Дыбо, О.А. Мудрак).

Тем не менее на современном этапе ряд исследователей продолжает считать родство алтайских языков недоказанным (критике подвергается в первую очередь сравнение языков внутреннего круга, в основном тюркских и монгольских), оставляя за алтайской общностью лишь ареальный и типологический статус. Основные претензии противников родства алтайских языков вызывает введенная в алтайское сравнение лексика: утверждается, что все алтайские лексические сопоставления могут быть объяснены одновременными заимствованиями и что общими для алтайских языков оказываются как раз слова, по своему значению относящиеся к «проницаемым» частям лексической системы. Здесь требуют упоминания прежде всего имена Дж. Клосона (Англия), Г. Дерфера (Германия), А.М. Щербака (Россия) и Ю. Янхунена (Финляндия). Реальная основа такого воззрения состоит в следующем. Компаративистской процедуре в алтайских языках действительно приходится сталкиваться с фактором многократно возобновлявшихся тесных контактов между тюрками, монголами и тунгусо-маньчжурами, вследствие которых лексика любого материкового алтайского языка полна заимствований из других алтайских языков. Использование японского и корейского лексического материала при сопоставлении алтайских языков значительно повысило его надежность, уменьшая вероятность объяснения лексических совпадений ранними контактами. Таким образом, главная задача, стоящая перед современной алтаистикой, – построение максимально полной концепции алтайского праязыка и последующего развития и взаимоотношений алтайских языков путем последовательного, глубокого и строгого применения методик сравнительно-исторического языкознания.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Фонологические системы современных алтайских языков характеризуются рядом общих свойств. Что касается консонантизма обычны ограничения на встречаемость фонем в позиции начала слова (т.е. фонологическая система анлаута оказывается редуцированной по отношению к системе внутри слова), тенденция к ослаблению в начальной позиции, ограничения на сочетаемость фонем и тенденция к открытому слогу. Шумные взрывные противопоставлены обычно по силе-слабости или по звонкости-глухости; глоттализация не встречается. Отсутствуют фонологически релевантные поствелярные (увулярные в тюркских языках – аллофоны велярных при гласных заднего ряда). Для вокализма большинства алтайских языков характерен сингармонизм различных типов; сингармонистические системы реконструируются, по крайней мере, для пратюркского и прамонгольского языков. Соответственно, обычны большие системы гласных. В части языков имеются долгие гласные, а также восходящие дифтонги (в тунгусо-маньчжурских, некоторых тюркских языках; для монгольских языков следует предполагать наличие восходящих дифтонгов для некоторого периода развития исходя из явления перелома гласных). Эти системы являются развитием следующей системы фонем, восстанавливаемой для праалтайского языка.

Общеалтайская консонантная система к настоящему времени реконструируется следующим образом²:

<i>p'</i>	<i>p</i>	<i>b</i>	<i>m</i>				
<i>t'</i>	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>n</i>	<i>s</i>	<i>z-</i>	<i>r</i>	<i>l</i>
<i>č'</i>	<i>č</i>	<i>ž</i>	<i>ń</i>	<i>š</i>	<i>-j-</i>	<i>ř</i>	<i>l'</i>
<i>k'</i>	<i>k</i>	<i>g</i>	<i>ŋ</i>				

Следует отметить, что **z* и **j* находятся в дополнительном распределении: **z* только в анлауте, **j* только в середине слова.

Эта система — результат абстракции над следующей системой соответствий (табл. 1).

Особые соответствия позволяют восстановить ряд сочетаний согласных вида: смычный + смычный, сонант + смычный, смычный + сонант, сонант + сонант. Отметим, что в сочетаниях вида: *-jC-*, *-wC* – первый элемент при изменении от праязыка к языкам-потомкам обычно вел себя как глайдовый элемент нисходящего дифтонга, который он образовывал с предшествующим гласным (отсюда, в частности, тунгусо-маньчжурские нисходящие дифтонги).

² Здесь и далее информация по реконструкции праалтайского состояния приводится по EDAL, 22 – 135.

Таблица 1

ПАлт.	ПТМ	ПМонг.	ПТюрк.	ПЯп.	ПКор.
*p'-	*p-	*h-, *j-	*0- (*h-), *j-	*p-	*p-
*p'	*p	*h, b / -b	*p	*p	*p
*p-	*p-	*b-, h-	*b- (*p-)	*p-	*p-
*p	*b	*b	*b	*p	*p
*b-	*b-	*b-	*b-	*p- / b[a, ə, Vj]	*p-
*b	*b	*h / [*R]b, *b[Vg] / -b	*b	*p / [*iV, *j]w	*b / -p
*m-	*m-	*m-	*b-	*m-	*m-
*m	*m	*m	*m	*m	*m
*t'-	*t-	*t- / ĉ[i]	*t- (*d-)	*t-	*t-
*t'	*t	*t / ĉ[i] / -d	*t	*t	*t
*t-	*d- / ž (i,)	*d- / ĉ[i]	*d-	*t- / d[i, ə]	*t-
*t	*t	*d / ĉ[i]	*t	*t	*r / -t
*d-	*d-	*d- / ž [i]	*j-	*d- / t [V + *p', *r', *k', *č']	*t-
*d	*d	*d / ž [i]	*d	*t / [*iV, *j]j	*r / -t
*n-	*n-	*n-	*j-	*n-	*n-
*n	*n	*n	*n	*n	*n
*r	*r	*r	*r	*r, *t	*r
*l-	*l-	*l-, n-	*j-	*n-	*n-
*l	*l	*l	*l	*r	*r
*s-	*s-	*s-	*s-	*s-	*s-, h-
*s	*s	*s	*s	*s	*s
*z-	*s-	*s-	*j-	*s-	*s-
*č'-	*č-	*č-	*č-	*t-	*č-
*č'	*č	*č	*č	*t	*č
*č-	*ž-	*d- / *č[i]	*d-	*t-	*č-
*č	*s	*č	*č	*s	*č
*ž-	*ž-	*ž-	*j-	*d-	*č-
*ž	*ž	*ž	*j	*j	*č
*ň-	*ň-	*ž-	*j-	*m-	*n-
*ň	*ň	*j, n	*ň	*n, *m	*ň
*r	*r	*r	*r	*r / t[i, u]	*r
*l'-	*l-	*d- / ž [i]	*j-	*n-	*n-
*l'	*l	*l	*λ	*s	*r
*š-	*š-	*s- / *č[*A]	*s- / *č[*A]	*s-	*s-
*š	*š	*s	*s	*s	*s
*j	*j	*j, h	*j	*j, *0	*j, *0
*k'-	*x-	*k-	*k-	*k-	*k-
*k'	*k/x	*k, g[Vh] / -g	*k	*k	*k, h
*k-	*k-	*k-	*g-	*k-	*k-
*k	*k	*g / -g	*k, g[Vr]	*k	*0, h / -k
*g-	*g-	*g-	*g-	*k-	*k-
*g	*g	*h, g[Vh] / -g	*g	*k[*iV] 0	*0, h / -k
*ŋ-	*ŋ-	*0-, *j- / g[u] / n[a, o, e]	*0-, *j-	*0-/*n-(*m[i,])	*n-
*ŋ	*ŋ	*ŋ, n, m, h	*ŋ	*n, *m	*ŋ, 0

Таблица 2

Соответствия праалтайских гласных (по: EDAL 103)

ПАлт.	ТМ	ПМонг.	ПТюрк.	ПЯп.	Ср.-кор.
*a-a	a	a	a (Pa- / Pa-)	a	a
*a-e	a	a [i]	a-, i	ə	a
*a-i	a	a [e]	e [a]	i	a [i]
*a-o	a	a [i, e]	o (ja, aj)	a	ǎ [o]
*a-u	a	a [u]	a	u	a [u]
*e-a	e	a [e]	a (a) [e]	a	a
*e-e	e	e (ja-)	e (eR; ja-)	ə	a [i, ɛ]
*e-i	e	e [i]	e (eR; ja-)	i	i [i, a]
*e-o	e	a [e, Pü/Pö, üP/ö P]	a [e]	ə[a]	ǎ [u]
*e-u	e	e [a, Po, oP]	e [a, a]	u	u [a]
*i-a	i	i	i [i]	a	a
*i-e	i	e [i]	e (eR)	i	i [i]
*i-i	i	i (Pe)	i	i	i
*i-o	i	i	i	i [ə]	u [i]
*i-u	i	i	i [i]	u	i [i]
*o-a	u	u	o	a	ǎ [u]
*o-e	u	ö [ü, o]	ö [o]	ə	i [u]
*o-i	u	ö	ö [o]	u	u
*o-o	u	u	o	ə	ǎ
*o-u	u	u	o	u	ǎ [u]
*u-a	u	a [u]	u [o]	a	a
*u-e	u	u [ü, ö]	ü	ua (Pa-)	i [a]
*u-i	u	ü [ö]	ü [u]	u	u [i]
*u-o	u	u	u	ə	u [i]
*u-u	u	u	u	u	u
*i,a-a	ia (Si)	a	ia, ja [e]	a	ǎ (Pa, aP)
*i,a-e	i	i [a, e]	ia, ja	ə	i [(j) ə]
*i,a-i	ia (Si)	i [e]	ia, ja [e]	i	ǎ [(j) ə]
*i,a-o	u	e	ia, ja, pa	a	ǎ [u]
*i,a-u	u	a, u	e, a, Pa	u	u [(j) ə]
*i,o-a	u	a, u	ia, ja, pa	a	u [ǎ]
*i,o-e	u	e, ö	e, a, Pa	ə [u]	u [jə]
*i,o-i	u	i [e, ö]	ia, ja, pa	i	u [ǎ]
*i,o-o	i	ö [ü, u]	o [u]	ə[a]	i, (j) ə
*i,o-u	ia (Si)	e [i, u]	u [o]	u	ǎ [u, jə]
*i,u-a	u	u [i]	i	a	a
*i,u-e	ü, Pu	ö [ü, u]	ü, iR [ö]	u [ə]	(j)a [u]
*i,u-i	i (Pu-)	ö [ü, u]	ü [ö]	i	i (i, u)
*i,u-o	ü	u	u [o]	u [ə]	(j)a [u]
*i,u-u	u	i [u, ü, ö]	i	u	u (i, i)

Что касается праалтайского вокализма, восстанавливается десингармонистическая система *i, *e, *u, *o, *a с тремя дифтонгами, встречающимися только в первом слоге (*iu, *io, *ia). В результате воздействия вокализма непервого слога на вокализм первого слога возникают куда более богатые системы в праязыках отдельных алтайских групп.

Эта реконструкция довольно приближительна прежде всего из-за перестроек, вызванных многократным развитием и устранением сингармонизма разных типов в языках-потомках. Для праалтайского пока восстанавливается десингармонистическое состояние.

Имеется также ряд специфических изменений под влиянием смежных согласных и целых вокально-консонантных комплексов, например, праалт. *epu, *ewu > тунг.-маньчж. *ebu, монг. *ebü, *öye, тюрк. *ipü, *ibü; праалт. *iwe > монг. *iye; праалт. *awi > тунг.-маньчж. *iba, тюрк. *äbi (> äv) и др. Сочетания гласных с последующим j (нисходящие дифтонги) в монгольских языках бесследно теряют глайдовый элемент, а в тюркских в основном дают i-образные рефлексии по языкам.

В алтайских языках практически отсутствует фонологически значимое силовое ударение: для большинства тюркских и монгольских языков описывается морфонологически связанное силовое ударение. Для языков корейско-японской ветви характерны системы с музыкальным ударением; реконструируется праалтайско-японская система тонов. В отдельных тюркских языках (главным образом, Южная Сибирь) отмечены тоновые и фонационные просодические различия. Для праалтайского языка пока реконструируется система уровневых тонов, дающая разные рефлексии в языках-потомках в связи с праязыковым фонологическим противопоставлением гласных по долготе — краткости:

Таблица 3

ПАлт	ПТМ	ПТю	ПМонг	ПКор	ПЯп
*ṽ	*ṽ	*ṽ	*V	*ṽ	*ṽ
*ṽ	*ṽ	*ṽ	*V	*ṽ	*ṽ
*ṽ	*ṽ	*ṽ	*V	*ṽ	*ṽ
*ṽ	*ṽ	*ṽ	*V	*ṽ	*ṽ

Таким образом, в корейско-японской ветви от праалтайской просодии остается только тоновое противопоставление, а в тюркском и монгольском — только долготное, но отраженное в зависимости от древней тональной характеристики.

Общие тенденции в фонетическом изменении алтайских языков — склонность к установлению сингармонизма различных типов, сложные позиционные изменения, редукция фонологической системы в анлауте, компрессия и упрощение сочетаний,

приводящие к уменьшению длины корня. Это вызывало резкое увеличение количества омонимичных корней, что компенсировалось сращением корней с аффиксальными элементами. В результате для массы аффиксальных образований трудно выделить какую-нибудь семантику аффикса; создается даже впечатление, что основное лексическое значение несет вовсе не корень, а аффикс. Это, в свою очередь, затрудняет выделение праоснов, установление их значений и сопоставление их в рамках алтайской теории.

В области морфологии для алтайских языков характерна агглютинация суффиксального типа. Имеются, однако, и определенные типологические различия. Так, если западные тюркские языки являются классическим примером агглютинативных и почти не имеют фузии, то в монгольской морфологии можно найти массу фузионных процессов, а также не только морфонологические, но и морфологические распределения аффиксов, т.е. явное движение в направлении флексии или даже полисинтетизма. Восточные тюркские языки, попавшие в сферу монгольского влияния, также развивают мощную фузию.

Грамматические категории имени в алтайских языках материковой ветви — число, принадлежность, падеж (таков порядок следования аффиксов в тюркской словоформе; в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках аффиксы принадлежности следуют за падежными). Для аффиксов числа характерны большое разнообразие и тенденция к нанизыванию в пределах одной словоформы нескольких показателей множественного числа с последующим склеиванием их в один; многие показатели обнаруживают (полное или частичное) материальное сходство с суффиксами разнообразных коллективных имен, от которых, по-видимому, и происходят. Легкий переход значения аффикса от деривационного собирательного к грамматической множественности связан с характером употребления множественного числа в алтайских языках: оно выражается лишь в маркированном случае; в частности, широко распространено употребление единственного числа при числительных. Для праалтайского, по-видимому, следует восстанавливать большое число аффиксов собирательности с разнообразными оттенками значений. Следующие аффиксы могут в принципе претендовать на роль праалтайских показателей множественного числа:

а) ПАлт. *-t'-: ПТМ *-ta(n)/*-te(n) (в основном в маньчжурском), ПМонг. -d, ПТюрк. *-t, ПЯп. *ta-ti, ПКор. *-ti-r.

б) ПАлт. *-larV: ПТМ *-l, ПТюрк. *-lar, ПМонг. *-nar, ПЯп. *-ra.

В японском этот аффикс обозначает прежде всего ассоциативную множественность, в монгольском и тунгусо-маньчжурском — множественное число обозначений живых существ. Во всяком случае, можно предполагать первоначальное семантическое распределение показателей.

Афф. **-řV* мог первоначально обозначать парную множественность, ср. наличие у многих тюркских лексем на **-ř* алтайских параллелей на **-n* (ПТюрк. **kökü-ř* 'грудь', ПЯп. **koko-ro* 'сердце' vs. ПМонг. **kökö-n*, ПТМ **kuku-n* 'грудь' и под.). Отсюда можно предположить первоначальную оппозицию «сингулярного» **-nV* vs «дуальный» **-řV*, «плюральный» **-tV* и «ассоциативный» **larV*. По всей видимости, эти аффиксы в праалтайском, как и в большинстве современных языков алтайской семьи, носили необязательный характер, употребляясь только в случаях, когда требовалось подчеркнуть числовое значение, что сближает выражение множественного числа со сферой действия «категории определенности» (отметим, что рефлексом сингулярного **-n* в корейском может быть показатель темы *-n*):

kok'e* 'грудь, -и' (неопр.) : **kok'e-nV* 'одна грудь': **kok'e-řV* 'две груди' : (kok'e-tV* 'много грудей') (опр.);

**ına* 'брат, братья' (неопр.) : **ına-nV* 'один брат' : **ına-řV* 'два брата' : **ına-tV* 'много братьев' : **ına-larV* 'братья и их семьи/друзья' (неопр.).

Во всех существующих алтайских языках представлены довольно развитые падежные системы, восходящие к общему прототипу. Большая их часть включает именительный падеж с нулевым показателем; форма с нулевым падежным показателем используется также при многих послелогах (но в части монгольских и тунгусо-маньчжурских языков она не совпадает с именительным, сохраняя конечный *-n* основы, усекаемый в подлежащей позиции). Показатели винительного падежа в общем совпадают для тюркских и монгольских языков (видимо, можно реконструировать аффикс **-igi*), но в тунгусо-маньчжурских языках аффикс винительного падежа другого происхождения (**-ba*; отметим невозможность использования в тунгусо-маньчжурских языках формы винительного для выражения определенности, в отличие от тюркского и монгольского).

Падежные аффиксы, выводящиеся для праалтайского состояния (значения восстанавливаются приблизительно):

Номинатив *0*: ТМ **0*; ПЯп. *0*; ПКор. *0*; ПМонг. *0*; ПТюрк. *0*.

Аккузатив **be*: ТМ **ba* / **be*; ПЯп. *wo*

Партитив **ga*: ТМ партитив/определенный аккузатив **ga*; др.-яп. посессив *ga*; (?) ср.-кор. аккузатив *-y-r* (**-g-* выпадает регулярно, но источник *-r* неясен); (?) ПМонг. определенный аккузатив **-γ*; ПТюрк. определенный аккузатив субстантивной парадигмы склонения *-(I)g*.

Генитив **-ñV*: ПТМ **ñi*; др.-яп. по; ср.-кор. *-ñ*; ПМонг. **-n*; ПТюрк. **-ñ*.

Датив/локатив **du/*da*: ТМ датив **-du*, локатив *-da*; др.-яп. атрибутив/локатив *-tu*; ПМонг. датив/локатив *-da/-du-r*, атрибутив *-du*; др.-тюрк. локатив/аллатив *-tA/-dA*.

Датив/инструменталь **-nV*: др.-яп. датив/локатив *ni*; ПТюрк. инструменталь *-(I)n*.

Датив/директив **-kV*: ТМ директив **-k*; ПТюрк. датив *-kA*.

Комитатив/локатив **IV*: ТМ локатив **-la*, пролатив **-l*; ПМонг. комитатив **-luγa*; ПТюрк. комитатив *-ll*, *-llg*; ПКор. инструменталь/латив *-ro*.

Комитатив/экватив **-č'a*: др.-яп. комитатив *-to*; ПМонг. аллатив *-ča*; терминатив *ča(γa)*; ПТюрк. экватив/пролатив *-čA*.

Аллатив **-gV*: ТМ аллатив **-g*; ПМонг. **-(γ)a*; др.-тюрк. директив *-gA-rU*; ср.-кор. датив *-'əi*.

Директив **-rV*: монг. директив *-ru*; др.-тюрк. директив *-gA-rU*; кор. латив *-ro*.

Инструменталь/аллатив **-žV*: ТМ инструменталь **-ži*, элатив **gī-ži*; др.-яп. аллатив *ju /juo*; (?) ПТюрк. терминальный латив **(j)A*.

Формальная реконструкция аффиксов всех этих падежей несколько затемняется происходившими в языках процессами на стыке аффиксов принадлежности и падежа с последующими аналогическими перераспределениями. Имеется также масса общих показателей с локализационными, направлятельными и подобными значениями, частично задействованных по языкам в именных парадигмах, частично проявляющихся в наречных образованиях. Эти показатели имеют склонность присоединяться друг к другу и к падежным аффиксам «основных» падежей, первоначально для выражения оттенков локализационно-направительных значений; затем тонкие различия стираются и возникают этимологически сложные падежные показатели. Иногда возникают явления, сходные с падежной серией (в некоторых тюркских языках *-da* — показатель локатива и латива, *-dan*, где *-n* может связываться с показателем родительного падежа, — показатель аблатива), но сколько-нибудь полной серийной системы нигде не наблюдается. Для выражения сложных локализационно-направительных значений предпочитают послеложные конструкции (где послелоги по происхождению — в основном падежные формы имен с локализуемыми значениями).

Имеются основания для восстановления в праалтайском двух типов склонения — именного и местоименного. Местоименный тип характеризуется прежде всего наращением в косвенной основе элемента *-n* (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки). Кроме того, тюркский и монгольский материал позволяет восстановить, по крайней мере, два местоименных падежных аффикса, отлич-

ных от именных: -I аккузатива (определенного) и - (i)A датива.

Личные местоимения материковых алтайских языков обнаруживают существенные системные совпадения (ср. различие прямой (*bi-*) и косвенной (*m-*) основ у местоимений 1-го лица); но основа местоимения 2-го лица в монгольских языках (**t' - > *č-*) отличается от тюркской и тунгусо-маньчжурской (*s-*). В монгольских и тунгусо-маньчжурских языках различаются инклюзивные и эксклюзивные местоимения 1-го лица мн. числа. На праалтайский уровень выводимы следующие местоименные основы.

1 л. **bi*, множ. **ba ~ *bu* (косв. **mi-n-*, **ma-n- ~ *mu-n-*); ПТюрк. **bi*, косв. **bän-*, множ. **bi-ř*; ПМонг. **bi*, **min-*; множ. **ba*, **man-*; ПТМ **bi*; множ. **bu*, **mü-n-*; ПКор. **uri* 'мы'; ПЯп. **ba-* 'я, мы'.

Еще одна местоименная основа первого лица **ŋa* восстанавливается на основании сопоставления монгольской косвенной основы ед.ч. в местных падежах **na-d-*, **na-m-*, ПКор. **nà* и ПЯп. **a-*.

2 л. **si*, множ. **su* (косв. **si-n-*, **su-n-*): ПТюрк. **si*, косв. **sän-*; ПТМ **si*, множ. **sü*; ПЯп. **si* 'ты' (др.-яп.).

Кроме того, восстанавливается более маргинальная основа 2-го л. **na*: ПКор. **nà*; ПЯп. **ná*, и, возможно, ПТюрк. окончание 2 л. категории принадлежности **-ŋ* (но заднеязычный характер носового неясен).

Изолированная ПМонг. местоименная основа 2 л. : ед.ч. *či*, множ. *ta*, — должна восходить к ПАлт. **t'i*, множ. **t'a*. Она не находит параллелей в других алтайских языках, но, судя по наличию параллелей в других языках ностратической макросемьи (ПИЕ **iŋ*, ПУр. **ti-*), является архаичным.

Притяжательные местоимения являются производными от личных; в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках имеются возвратно-притяжательные местоимения. Указательные местоимения совпадают формально и семантически в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках (**sV*, **kō*, **la*, **o* ближний деиксис, **č'a*, **e*, **i*, **t'a* (**t'e*) дальний деиксис); в тюркских другая система (имеются три степени дальности, в части языков, например, в башкирском и татарском, эта система инновационно достраивается до выражения четырех степеней). Восстанавливается по крайней мере два вопросительных неодушевленных (неличных?) местоимения с неясным различием в значениях (**k'a(j)* 'какой', **ŋiV* 'что'); общего одушевленного (или личного) вопросительного местоимения пока не обнаружено. В монгольских языках имеется особая категория местоглаголий (этимологически — глаголы, производные от указательных и вопросительных местоимений); к этой же категории следует относить отрицательный глагол *e-*, общий для монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Выражение грамматической принадлежности в корейско-японской группе отсутствует. Аффиксы принадлежности в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках восходят к постпозитивным личным местоимениям, а в тюркских образуют особую систему (возможно, также восходящую к личным местоимениям, но, в отличие от названных языков, явно не к тем, которые существовали как независимые личные местоимения на пратюркском уровне); особый аффикс принадлежности 3-го лица *-ni*, не сводимый к местоимениям 3-го лица, возводится к праалтайскому состоянию. В монг. и тунг.-маньчж. языках аффиксы принадлежности 1-го лица мн. числа различают, как и личные местоимения, инклюзивность и эксклюзивность. Во всех трех материковых семьях форма принадлежности 3-го лица используется для выражения определенности.

Личное спряжение — явление, не слишком характерное для алтайских языков. Оно полностью отсутствует (и не наблюдается в древних памятниках) в японском и корейском (как функциональную замену ему часто рассматривают категорию вежливости), довольно очевидно является новообразованием в монгольских языках [Рорре, 1955, 251]. В тунгусо-маньчжурских языках в маньчжурском личное спряжение отсутствует, в прочих языках аффиксы личного спряжения те же самые, что и посессивные, т.е. энклитические формы личных местоимений [Benzing, 1956, 129]. Фактически остаток древнего спряжения можно усматривать только в пратюркской глагольной системе. Для пратюркского периода распада явно восстанавливаются две серии личных показателей, распределенных морфологически. Одна серия — это попросту постпозитивно расположенные личные местоимения в номинативе (по-видимому, еще явные клитики, а не аффиксы, в руническом тюркском, ср. также современный тувинский), другая совпадала бы с посессивными аффиксами, если бы не окончание 1 л. мн. ч. *-k*, не слишком хорошо объяснимое внутритюркскими развитиями (см. Щербак, Глагол 34) и засвидетельствованное с древнеуйгурского. Общая картина развития этой серии окончаний по тюркским языкам заставляет предполагать системное вытеснение окончания *-k* посессивным окончанием *-mIz* в различных группах языков; окончание *-k* не находит себе алтайских, но находит ностратические параллели (ср. одно из окончаний 1-го. лица в уральских языках и **g* в составе прямой формы местоимения 1-лица в ПИЕ).

Числительные алтайских языков обнаруживают меньшую общность и более сложные соотношения, чем, например, индоевропейские, что может быть обусловлено относительно большей древностью семьи. Вот то, что удается восстановить.

1: **b̄juri*: ПТю **bir*, ПЯп **pitə* (ср. еще ПМонг. **būri* 'весь. каждый', ПКор. **p̄ir̄i*- 'сначала').

2: **t̄jubru*: др.-булгар. *tvir-em* 'второй, следующий', чув. *te^wb̄ar*, *te^wb̄arew* 'другой, следующий' (< *taber*, *taberew* под влиянием *p̄ə^wrre* 'один', *p̄ə^wrem* 'первый'); ПМонг. **ziwr-in* ~ **ziur-in* 'две'; ПТМ **zube-* 'два'; ПКор. **tu^wurh* (= **tuburh*) 'два'. Другой возможный кандидат на это значение в праалтайском: ПМонг. **kojar* 'два', **kori-n* 'двадцать', ПТМ **xori-n* 'двадцать' и, возможно, сюда же тюрк. **Kirk* 'сорок', если его объяснять как редупликат **Kir-kir* ('20'+ '20') (? ПА **k̄ijra*). Тюрк. **ek(k)i* 'два', видимо, восходит к порядковому значению «другой, следующий», < ПА **p̄^wiok^we*: ПМонг. *(*h*)*ekire* 'близнецы' (возможно, из тюрк.), ПКор. **p̄eki-* 'следующий', ПЯп. **p̄aka* 'другой'.

(?) 3: **η̄ju(č)*: ПМонг. **gu-rban* 'три', **gu-č̄in* 'тридцать', ПТюрк. **o-tuř* 'тридцать' (= ПМонг. **gu-č̄in*), ПЯп. **mi-*; ПТюрк. **üč* 'три'.

4: **t̄oj(r)V*: ПТМ **du-ki* '4-й', *duji(n)* '4'; ПЯп. **də-*; ПТюрк. **d̄ör-t*, ПМонг. **d̄ör-ben* 'четыре', **d̄ö-č̄in* 'сорок'.

5: **t^wab-*: ПТМ **tu-ŋga*, ПМонг. **tab-un* 'пять', **tab-in* 'пятьдесят', ПКор. **t̄a-* 'пять'. Другой возможный кандидат на это значение – ПЯп. **itu-* 'пять', возможно связанное с дунайско-булгар. ехтема 'пятый' и, возможно, с тюрк. **ell̄i* 'пятьдесят', ср. *ettig* в словаре Ценкера I, 8 (см. Мудрак 2005). ПТюрк. **b̄ejl-ek* 'пять' – инновация неясного происхождения.

6: **ñur-*: ПТМ **ñu-ñu-*, ПЯп. **mu-*; ПМонг. **žir-gu-* 'шесть', **žir-an* 'шестьдесят', ср.-кор. *ja-(sis)* 'шесть'. Тюрк. **alt̄i* – инновация неясного происхождения.

7: **nadi-*: ПТМ **nada-n*, ПЯп. **nana-*; ПТюрк. **jet-ti*; ПКор. **nir-(kür)*.

8: **žab-*: ПТМ **žap-kun*, ПЯп. **da-*. Тюрк. **sekiř* – инновация неясного происхождения.

9: **k^wegVnV*: ПТМ **xegün*, ПЯп. **k̄əkənə-*. Тюрк. **tokur* – инновация.

10: **č̄iōbe*: ПТМ **žuba-n*, ПЯп. **t̄əwə*; ПМонг. **žayu-n* 'сто'. Или: **p^wVbV* > ПТюрк. **ō-n* '10', ПМонг. **ha-r-ban* '10', **ha-na* 'все', орок. *p̄ōwo* 'связка в 10 белок', нан. *poā* 'набор', ПЯп. **-pə* (*-pua*) 'сотня' (в композитах – названиях сотен).

100: **ž̄iō̄o* > ПКор. **jár(h)* 'десять', ПТюрк. **ž̄iř* 'сто', маньчж. *žiri*, *žirun* 'очень много', ПЯп. **d̄ärə-* '10000'.

1000: два возможных варианта, **miñga*: ПМонг. **miñgan* = ПТюрк. **biñ*, ПТМ **ñamā* '100' (регулярная метатеза), ПЯп. **miñtiū* '100', и, возможно, ср.-кор. *ma^wñān* 'сорок' (< 'много?'); или **č̄iūmi*: ПЯп. **ti* 'тысяча', ПКор. **č̄im̄in* 'тысяча', тюрк. **Tümen* '10000' и ПМонг. *č̄öt* 'весь, полностью, целиком'.

В материковых алтайских языках находят лишь две исконно глагольные формы: повелительное наклонение (в форме чистой основы) и желательное наклонение (на *-su*; в тюркском отразившееся, в частности, в форме условного наклонения). Прочие финитные формы этимологически представляют собой различные отглагольные имена, стоящие в предикатной позиции, или оформленные аффиксами предикативности (обычно выражают лицо и число). Показатели этих отглагольных имен (играющие ныне роль видо-временных и совершаемостных) обнаруживают значительное материальное сходство, однако их первоначальная семантика и употребление сильно затемнены внутрисистемными изменениями. Монгольские и тунгусо-маньчжурские языки предпочитают аналитическое выражение совершаемостей с помощью вспомогательных глаголов, совпадающих по исходной семантике, но не этимологически. Категория залога в алтайских языках является скорее словообразовательной; при общей структурной близости она сохраняет мало материально тождественных показателей. Для тюркских и тунгусо-маньчжурских языков характерно включение в глагольную парадигму категории отрицания, но показатели ее не совпадают. Вот основные восстанавливаемые для праалтайского состояния показатели глагольных категорий.

ПАлт. **jV* 'деепричастный показатель': ПТюрк. **-(j)a*, ПМонг. **-γa*, ПКор. *-a/-ə*, ПЯп. **-i* (Vovin 1997, 5);

ПАлт. **-p^wV* 'деепричастие предшествования', см. Ramstedt 1952, 122-124; ПТюрк. **-p*, ПМонг. **-ba(j)*, ПТМ **-p̄l* (Benzing 143), ПЯп. **-(m)pa*;

ПАлт. **-rV* 'неопределенный презенс или аорист': ПТюрк. **-r*; ПМонг. **-ra/-re*; ПТМ **-ra* 'аорист глаголов 1-го класса'; ПКор. *-r* неопределенный презенс/будущее время; ПЯп. **-r-u* глагольный атрибутив (ср. Vovin 1997, 4);

ПАлт. **-t^wV* 'прошедшее время': ПТюрк. **-t-* 'претерит', ПКор. *-t-* 'претерит/регрессив', ПЯп. **-t-* 'претерит' (см. Ramstedt 1952, 115-117, Vovin 1997, 7).

Для праалтайского восстанавливается два отрицательных слова, преобразовавшиеся по языкам в глагольные показатели отрицания: **ma* (маньчж. *u-me*, ср.-кор. *tō-t*, тюрк. **-ma-*) и **āni* (чув. *an*, ПТМ **ān-*, ср.-кор. *an-*, яп. **na-*, **-an-*).

III. Из словообразовательных моделей в алтайских языках, обнаруживающих большое число материальных совпадений, кроме уже упоминавшихся залоговых/фазовых аффиксов, например, **-b-* пассив/каузатив, **-n-* интранзитив/рефлексив, **-č̄-* реципрок, **-ř-* транзитив/каузатив, **-s-* дезидератив/инхоатив, отметим отглагольные имена на **-m*, **-n* и **-k*; умень-

шительные на *-č' и *-ń и общий продуктивный суффикс, образующий прилагательные (*-k'i).

Алтайские языки довольно сходны синтаксически, что, скорее всего, определяется их агглютинативностью. Это языки номинативного строя с преобладающим порядком слов SOV и препозицией определения. В тюрк., монг. и тунг.-маньчж. встречаются изафетные конструкции с посессивным показателем при определяемом слове. Применяется в основном бытийный способ выражения обладания (т.е. «у меня есть», а не «я имею»), кроме монгольских, где обладание выражается с помощью особого прилагательного на *-taj* (типа «я есмь лошадный»; прилагательные обладания и необладания есть и в других материковых алтайских языках, но не для предикатной позиции). Часто говорят об «алтайском типе сложноподчиненного предложения»; это связано с явным предпочтением, оказываемым алтайскими языками абсолютным конструкциям с глаголом в нефинитной форме, перед придаточными предложениями.

V. Ряд исследователей, как упоминалось выше, считает родство алтайских языков недоказанным (критика такого рода относится к сравнению языков внутреннего круга, в основном, тюрко-монгольскому), оставляя за алтайской общностью лишь ареальный и типологический статус. Основные претензии вызывает введенная в алтайское сравнение лексика: утверждается, что все алтайские лексические сопоставления могут быть объяснены разновременными заимствованиями и что общими для алтайских языков оказываются как раз слова, по своему значению относящиеся к «проницаемым» частям лексической системы. При внимательном рассмотрении традиционного корпуса алтайских сближений оказывается, что в него действительно просочилось довольно много старых межъязыковых заимствований. Следует, однако, подчеркнуть, что при самом суровом отборе остается достаточно много безупречных сопоставлений, позволяющих настаивать на генетическом характере алтайской общности. Укажем здесь не менее чем тройные сближения в следующих тематических классах лексики (если значение слова в какой-либо из языковых групп совпадает с восстановленным для праалтайского состояния, оно опускается):

Соматические термины: 1. **k'il*- 'толстый волос': ТМ **xil-ŋa*, Мо **kil-ga-sun*, Тю **kilk* (башк. *кыл*), ПКор. **kār(h)*- 'волос, конский волос', ПЯп. **kai* 'волос'; 2. **gede*- 'затылок': ТМ **gedemuk*, Мо **gežige*, Тю **gedin* 'задняя сторона' (каз. *кеин*), ПЯп. **kita* 'северная сторона'; 3. **t'ölu* 'голова, темя': Тю. **tuluŋ*

'висок, коса' (башк. *толом*), Мо **tolugai* 'голова', ТМ **tölpöŋi* 'темя'; 4. **k'üju* 'ухо, слышать': ТМ **xul*- 'слышаться', **xul-pun* > **xujpun* 'ушная серьга', Мо **kul-ga* 'внутреннее ухо', Тю **kul-ga-k* (башк. *колак*), ПКор. **kui* 'ухо', ПЯп. **ki-k*- 'слышать'; 5. **k'ioŋa*- 'спинка носа': ТМ **xoŋo-kto*, Мо **koŋ-si-ŋar*, Тю **koŋir* (башк. *кишерек* 'ноздры'), ПКор. **koh* 'нос', ПЯп. **kan-k*- 'нюхать, обонять'; 6. **žaži*- 'скула': ТМ **žaži-kta*, Мо **žaži-ŋur* 'жевательная область щеки', Тю **čajnak/jajnak* 'подбородок' (диссимиляция двух аффрикат) (башк. *яңак* 'щека'); 7. **boku*- 'гортань, надгортанный хрящ': ТМ **bukse* 'хрящ', Мо **bagal*- 'горло', Тю **bokur-dak* 'кадык' (башк. *боғарзак*); 8. **mójno* 'шея': Тю **bojin* (башк. *муйын*), Мо **tundaya* 'холка лошади', ТМ **moŋ-ga-n*, ПКор. **mjə-k*, ПЯп. **nəmpV*; 9. **siyre*: ТМ **sigde* (< **sir-de* < **siyr*-) 'грудные позвонки животного', Мо **seyer* < **siyer* (под действием раннего перелома) 'верхняя часть позвоночника', Тю **sijr-t* 'спина животного' (башк. *һырт*), ПКор. **harí*, ПЯп. **sá-* / **sə-* 'спина'; 10. **sagrз*: ТМ **sogdon* (< **sagru*-) 'спина', Мо **sayari* 'круп животного, кожа на крупе', Тю **sagri* 'id.' (башк. *һауыр*); ПКор. **həŋ'ur* 'сброшенная кожа'; 11. **beilke*: ТМ **belge* 'лоно, колени' (на которые сажают детей), Мо **belke-ŋu-sun* 'поясница', Тю **bə:jl* > **bə:l* 'id.' (башк. *бил*); 12. **eŋt*: ТМ **etu-ge* 'ключица', Мо **eŋet* 'ключица, передняя часть плеча человека', Тю **ägin* 'плечо, ключица' (каз. *уйн*); 13. **kòk'è-n/r* 'грудь': Тю. **gökür* (башк. *күкрәк*), Мо. **kökön*, ТМ **kuxu-n*, ПКор. **kokäi-* (ср.-кор. *kokäijaj* 'сердцевина'), ПЯп. **kəkərə* 'сердце'; 14. **siŋra*-: ТМ **sira*- 'двойная кость голени/предплечья', Мо **siyira* 'обе голенные кости, две кости в копыте жвачных животных', Тю **siŋrak* 'id.' (башк. *сырак*); 15. **k'oli*: ТМ **xül-kse* 'рукав', Мо **köl* 'нога, leg', Тю **kol* 'верхняя часть руки, arm' (башк. *кул*), ПКор. **kū-təri* 'лодыжка', букв. «голова ноги», ПЯп. **kuru-(n)-pusi* 'лодыжка'; 16. **p'aliŋa* 'ладонь': ТМ **faliŋa*, Мо **halika*, Тю **aŋa* (< **aŋa*; башк. *ая*); 17. **niŋdruka* 'кулак': ТМ **ŋurka/žurka*, Мо **nidurga*, Тю **jiŋdruk* (башк. *йозрок*), ПЯп. **ninkir-* 'хватать, держать в руке'; 18. **perŋu-* 'большой палец': ТМ **feruŋun*, Мо **herekei*, Тю **ärnek* ~ **parŋak* (башк. *бармак*) 'палец'; 19. **i'üře* 'колени': Тю. **dür* (башк. *тез*), Мо. **türej* 'голеннице', ТМ **türē-kse* 'голеннице', ПКор. **təri* 'нога'; 20. 26. **t'op'u-k*- 'коленная чашечка': ТМ **tof-gi-*, Мо **toji-g*, Тю **topik* (башк. *тубык*), ПЯп. **tu(m)pu-*; 21. **poker-* 'почки': ТМ **fuŋin* 'внутренности', Мо **böyere*, Тю **bögür* (башк. *бөйөр*), ПКор. **pür*, ПЯп. **pünküri* 'testiculi'; 22. **k'iül'nu-* 'пупок': ТМ **xulenŋu* < **xulen-gu*, Мо **köjil-sü* (< **kölil-*), Тю **kün* < **künj* (башк. *кен-дек*).

Названия лиц: 1. **eme* 'женщина': ТМ **eme* 'самка, мать', Мо **eme*, Тю **äme* 'самка, мать' (башк. *инә*), ПКор. **ámh*, ПЯп. **mía*; 2. **edi* 'хозяин': ТМ **edín*, Мо **ežin*, Тю **edi* (башк. *эйә*); 3. **et'i-ke* 'старший родственник': ТМ **etike-j* 'старик, свекор', Мо **ečige* 'отец',

Тю **äte-ke* 'дядя, папа' (башк. *әтәй*), ПКор. **atā* 'мужчина', ПЯп. **tətə*, **ti* 'отец; дядя'; 5. **ek'a* 'старшая родственница': ТМ **ekej/keke* 'старшая сестра', Мо **eke* 'мать', Тю **äke*, **äke-či* 'старшая сестра' (башк. *әкәбрат*), ПКор. **kjə-čip* 'женщина', ПЯп. **kaka* 'мать'; 6. **āk'a* 'старший брат/дядя', ТМ **axi*, Мо **aka*, Тю **āka* (башк. *аҫај*); 7. **apuči* 'старший свойственник': Тю. **abuč-ka* 'муж, старик' (башк. *абышка*), Мо. **abisu-n* 'жена старшего брата (по отношению к жене младшего брата)' (башк. *анһын*), ТМ **abusı* 'муж старшей сестры'; 8. **neju* 'свойственница': Тю. **jänge* 'жена старшего брата' (башк. *еңгә*), Мо. **naga-či* 'брат матери', ТМ **neju-* 'младший родственник', ПКор. **nü'ü* 'сестра (мужчины)'; 8. **ok'e* 'младшая родственница': ТМ **uxe* 'жена младшего брата/дяди', Мо **ökin* 'дочь', Тю **öke* 'младшая сестра/брат' (чагат. *öke*); 9. **kuji* 'ребенок': ТМ **kujā*, Мо **köjün* < **köjün* 'ребенок, девочка', Тю **güj* 'девушка-рабыня' (башк. *көң*); 10. **dagi* 'инородец, чужак': ТМ **dagu-r* 'друг, представитель союзного рода', Мо. **dajin* < **dajin* 'враг', Тю. **jagi* 'враг' (башк. *яу*), ПКор. **tōi* 'варвар', ПЯп. *(*d*)*iküsà* 'воин, война'.

Части тела животных и т.п.: 1. **k'üudorgV* 'хвост': ТМ **xürgü*, Мо **kudurga*, Тю **kudruk* (башк. *көйрөк*), ПКор. **s-körı*; 2. **nıju* 'шерсть': ТМ **nıja-* 'шерсть, пух', Мо **noŋga-sun*. Тю. **juj* (башк. *йөн*), ПЯп. **nıniá* 'ткань'; 3. **omur-* 'яйцо': ТМ **utu-ka* < **utur-ka*, Мо **ömde-yeŋ* < **ömre-*, Тю **jumur-tka* (под влиянием контаминации с **jumur* 'круглый'; башк. *йомортка*).

Метеоявления: 1. **ŋera* 'свет, светить': ТМ **ŋeri* 'свет', Мо **naran* 'солнце', Тю **jar-in* 'утро' (башк. диал. *ярын* 'завтра; в будущем году'), ПКор. **nár* 'солнце, день, погода', ПЯп. **ärı-* 'рассвет, заря'; 2. **giöjñi* 'рассвет, дневной свет': Тю. **gün* 'солнце, день' (башк. *көн*), Мо. **gegeye* < **geye* 'рассвет, дневной свет'; ТМ **giañat* 'рассвет, заря', ПКор. **küi* 'рассвет', ПЯп. **ka(i)* 'день, период времени'. 3. **diülü-* 'теплый': ТМ **dül-* 'пригревать', Мо **dula-yan*, Тю **jili-g* (башк. *йылы*), ПЯп. **dü* 'теплая вода'; 4. **zali* 'ветер': Тю. **jel* (башк. *ел*), Мо. **salki*, ТМ **sal-di-*, ПКор. **sar-*; 5. **k'edö* 'ветер, туман': Тю. **kad* 'буря' (башк. *кай*), Мо. **küdeñ* 'туман', ТМ **xediün* 'ветер', ПЯп. **kəti* 'восточный ветер'; 6. **küre* 'осень; дождь, буря': Тю. **gür* (башк. *көз*), Мо. **kura* 'дождь', ТМ **kure-* 'буря'. 7. **mıñja* 'туман, дождь': Тю. **bunar* (башк. *монар*), Мо. **mañan*, ТМ **meñ-* / **miñ-* 'мгла', ПКор. **mah* 'дождливый сезон'. 8. **p'iağe* 'дождь': Тю. **jag-* 'идти (о дожде)' (башк. *яу-, яуын*), Мо. **ağa-* 'ливень', ТМ **pigi-n* 'буря', ПКор. **pi* 'дождь'; 8. **pöru* 'идти (о снеге, дожде)': Тю. **bora-* (башк. *бура-* 'места (о снеге)'), Мо. **borıya* 'ливень', ТМ **pura-* 'слякоть', ПКор. **pora* 'буря', ПЯп. **pür-* 'идти (о дожде, снеге)'; 9. **nioje* 'холодный': Тю. **jeñ* 'шуга, наледь' (башк. диал. *диң, дим* (Дим, Ай, сев-зап., ср.-ур.), *зим* (сев-зап.); Мо. **ziñ-de-* 'страдать от холода', ТМ **ñeñde-* /

**ñuñde-* 'ясный, морозный'; 10. **tuja* 'холод, мороз': Тю. **doj* 'мороз' (башк. *туң*), Мо. **dayara-* 'заморозить', ТМ **dojota* 'мороз'; 11. **k'irma* 'снег, иней': Тю. **kira-* (башк. *қырау*), Мо. **kirmag*, ТМ **xima-ñsa*.

Ландшафт и т.п.: 1. ПАлт **siáfi* 'земля, песок; болото': пратюрк. **siař* 'болото, солончак' (башк. *һаз*); прамонг. **siraŋu* 'почва, пыль'; тунг.-маньчж. **siru-* 'песок'; кор. **hǎrk* 'земля-почва'; праяп. **situ* 'болотистое место'; 2. ПАлт **māro* 'песок, каменистая почва, болото': пратюрк. **bōr* 'почва, глина, мел' (башк. *бур*); прамонг. **mara-* 'солонцы'; тунг.-маньчж. **mar-* 'марник, болото'; кор. **mòr(ŋ)ái* 'песок', *màtmǎrǎ-* 'грубая, каменистая (почва)'. праяп. **mana-n-kua* 'песок'; 3. ПАлт **kiuto* 'песок, земля': пратюрк. **kum* 'песок' (башк. *көм*); прамонг. **kumaki* 'земля-почва; песчинки, пылинки'; тунг.-маньчж. **küme* 'морской берег, пляж; холм, возвышенность'; 4. ПАлт **sájV* 'галька, мелкое место': пратюрк. **saj* 'мелкое место в реке, покрытое камешками; сухое русло, покрытое камешками; сезонно пересыхающая река; река' (башк. *һай*); прамонг. **sajir* 'каменистое русло реки, галька', тунг.-маньчж. **saj-* 'песчаная насыпь'; кор. **sǎi-m* 'источник, неглубокий колодец'; праяп. **sái* 'отмель'; 5. ПАлт **kiažurV* 'песок, солончак, земля': пратюрк. **kajir* 'песчаная, рыхлая почва; почва; галька; солончак' (башк. *кайырсақ*); прамонг. **kužir* 'солончак'; тунг.-маньчж. **kužur-* 'заваливать землей'; 6. ПАлт **iđl'i* 'камень': пратюрк. **diäl* 'камень' (башк. *тау*); прамонг. **čilayu* 'камень'; тунг.-маньчж. **žola* 'камень'; кор. **tōrh* 'камень'; праяп. *(*d*)*isi* 'камень'; 7. ПАлт **k'iaře* 'холмистая степь, возвышенность': пратюрк. **Kir* 'плато, возвышенность, холмистая степь, пустыня; отдельно стоящая гора; вершина горы; равнина; край, берег' (башк. *кыр*); прамонг. **kira* 'гребень горы, возвышенности'; тунг.-маньчж. **xīari-* 'осыпь, обрыв'; 8. ПАлт **goblu* 'долина': пратюрк. **Köl* 'долина реки; овраг' (башк. *кул* 'лог, ложбина'); прамонг. **gowl* 'река, долина реки; центр'; тунг.-маньчж. **gola* 'середина русла реки; долина между горами, седловина'; кор. **kōr* 'долина'; праяп. **kura* 'глубокая долина'; 9. **buk'e-* 'остров': ТМ **buka-čan*, Мо **buka* 'канал', Тю **bük* 'роща у проточной воды, мокрый луг, холм' (тур. *bük* 'заросли кустарника вдоль русла реки'); 10. **čioberV* 'соль; горький, кислый': Тю. **dür* (башк. *тоз*), Мо. **dabusu*, ТМ **žujar-*, ПКор. **čjar-*, ПЯп. **túra-*.

Время: 1. **dilo* 'год': ТМ **dila-ča* 'солнце', Мо **žil*, Тю **jil* (башк. *йыл*), ПКор. **tolč* 'год, годовщина', ПЯп. **təsi* 'год'; 2. **ānu* 'луна; год': Тю. **ān* (башк. *ай*), Мо. **oj*, ТМ **añja* 'год'; 3. **č'iaċ'e* 'время', Тю. **čiaċ* 'время, пора' (башк. *сак*), Мо. **čag*; ТМ **čik-*; Кор. **čak*. Яп. **taki*; 4. **niār[à]* 'молодой; весна, лето', Тю. **jār* 'весна, лето' (башк. *яз*), Мо. **nirai*; ТМ **ñar-gu-*; Кор. **ñjərí-m*. Яп. **nátu*. 5. **ül'be* 'полночь, полдень', Тю. **dül* 'полдень' (башк. *тош*), Мо. **düli*; ТМ **dolba*; Яп. **duà*, **duà-rü*.

Пространственное положение и размеры: 1. *ēna(kV) 'середина, ширина', Тю. *ēn 'ширина' (башк. иң), Мо. *eñ; ТМ *(x)ene-kū; Кор. *ānh; 2. *k'īāre 'край', Тю. *kīr 'отдельно стоящая гора; вершина горы; степь, равнина' (башк. кыр 'поле'); Мо. *kīra; ТМ *xiāra-; 3. *sajri- 'выдаваться, распространяться': Тю. *ser- 'настилать, раскладывать' (тур. ser- 'растягивать'), Мо. *sar(b)aji-; ТМ *sara-; Кор. *sjə-.; 4. *dágá- 'близко': Тю. *jāgu- 'приближаться, близкий' (тур. yavuk), Мо. *daya-ri-; ТМ *daga; Кор. *ta(h)-. Яп. *dánká-; 5. *ulu 'большой, много; хороший', Тю. *ulug 'большой, великий, взрослый, крупный' (башк. оло), Мо. *olon; ТМ *ule-; Кор. *ōr-; 6. *bèdùg- 'толстый': Тю. *bedü-k 'большой, крупный; высокий' (башк. бейек), Мо. *bediyün; ТМ *burgu-; Кор. *pīri-; Яп. *pūtūa-.; 7. *ñijč'i 'тонкий, узкий; короткий': Тю. *jiñč-ge 'тонкий' (башк. нескә), Мо. *žižig; ТМ *nisi-; Яп. *mīnsiká-; 8. *k'óp' 'быть полным, целым, весь', Тю. *kōp 'много' (башк. күп), Мо. *kōb-čīn; ТМ *xup-; Кор. *kōp-. Яп. *kūrā-pa-; 9. *turi 'лицо': Тю. *dūr 'вид, форма, порода' (башк. тор 'вид'), Мо. *dūri; ТМ *duru-n; Яп. *tura.

Атрибуты: 1. *aja- 'хороший': Тю. *aja- 'почитать; беречь, жалеть' (башк. ая-), Мо. *aja; ТМ *aja, *aju-; 2. *gujře- 'красивый, любить': Тю. *güřel 'красивый' (тур. güzel), Мо. *goju; ТМ *gužej; Кор. *kò'í-, Яп. *kuà-p-; 3. *ēka 'плохой, слабый': Тю. *ek- 'уменьшаться, быть недостаточным; обычный; недостаток' (башк. иге), Мо. *egel; ТМ *eke; Яп. *āk-; 5. *kak' 'злой': ТМ *kaxi, Мо. *kaki- 'злиться', Тю. *kaki-/kaki- (тур. kakt-); 6. *ñonji 'прямой, правильный': Тю. *ōñ-ed- 'настраивать (инструмент); лечить' (каз. оңде-), Мо. *üne-; ТМ *ñunje; Яп. *ūtā-; 7. *kèč'á 'косой': Тю. *kač- 'косой' (тур. kaçık), Мо. *keče; ТМ *kečeri-; Кор. *kjəčh, Яп. *kántūa; 8. *niūtā 'теплый; мягкий, нежный', Тю. *jim-łčak 'мягкий' (башк. йомшак), Мо. *notu-; ТМ *ñetu-; Яп. *nātiā; 9. *niāl'i 'сырой, незрелый, свежий': Тю. *jāl 'свежий, сырой' (башк. йәш), Мо. *nilayū; ТМ *ñ(i)ali-; Кор. *nār; 10. *k'ét'ò 'твердый', Тю. *kāt 'твердый' (башк. каты), Мо. *kata-; ТМ *(x)etu-; Кор. *kūt-, Яп. *kátá-.

Цветообозначения: 1. *k'īūru 'красный; коричневый, темный': Тю. *Kīr-il 'красный' (башк. кызыл), Мо. *küre- (*kūri-) 'бурый'; ТМ *xuri- 'серый'; Кор. *kūri 'медь', Яп. *kūrā- 'темный'; 2. *l'ip'ú 'темно-красный, фиолетовый': Тю. *(j)ip- 'фиолетовый, бордовый' (караим. ипкин), Мо. *žibi; ТМ *līpe-; Яп. *nūtra-; 3. *lioga 'зеленый, темный': Тю. *jagīř 'бурый' (тур. yağız), Мо. *nogoyan; ТМ *l'og-; Кор. *nò-ná-, Яп. *nā. 4. *č'īdli 'серый, светлый': Тю. *čāl 'серый, седой' (башк. сал), Мо. *čil- /čel-; ТМ *čolka. 5. *siājri 'белый; желтый': Тю. *siāriř 'желтый; белый' (башк. һары), Мо. *sira 'желтый'; ТМ *siarū-; Кор. *hāi-, Яп. *sirūa-; 6. *iāk'V 'светлый, белый': Тю. *(i)āk 'белый' (башк. ақ), Мо. *jagayān; ТМ *ixere; Кор. *ikīr-, Яп. *áká-; 7. *obri 'белый, светлый; рассвет', Тю. *ūriū 'белый; рассвет'

(як. уруң), Мо. *ōwr; ТМ *(x)oru-; 8. *šāka 'белый', Тю. *čakīr 'светло-серый, серовато-голубой' (башк. шағыр), Мо. *čagayān; ТМ *šāk-.

Глаголы модальные, фазовые, состояния и под.: 1. *er-ke- 'воля, душа': ТМ *er-ge-n 'душа, дыхание, жизнь', Мо. *er-ke 'сила', Тю. *är-k 'воля, мощь' (башк. ирк); 2. *t'ōro- 'быть слабым, голодным, не мочь': Тю. *tōr- 'отощать, проголодаться' (башк. диал. торма 'голодный'), Мо. *tura-; ТМ *turku- / *turke-; Яп. *tārə-; 3. *kúbé 'желать, надеяться, нравиться', Тю. *güb- 'надеяться; быть гордым' (башк. көйәз 'гордый'), Мо. *kōw-, *kūw-, *köye-r; ТМ *kub- / *kebe-; Яп. *kuámprə-; 4. *k'ūse- 'желать', Тю. *küse- 'желать, хотеть' (башк. күһә-); Мо. *küse-; ТМ *xüse; Яп. *kəs-; 5. *p'èro- 'желать, надеяться', Тю. *er- (башк. иркә 'балованный, изнеженный', ирмәк 'забава, потеха'); Мо. *(h)eye-re- (< *here-re-); ТМ *per-; Кор. *pārā-; Яп. *pār-; 6. *kimo- 'намереваться, решать, устраивать': Тю. *kim- 'желать, намереваться; убеждать' (сиб.-тат. қымын- 'намереваться', башк. диал. (Кызыл) қымын 'настойчивый'), Мо. *kima-; ТМ *kim-; Яп. *kimá-; 7. *ōlu 'быть, становиться; приходиться', Тю. *ol-ur-, *ol(u)-tur- 'сидеть, пребывать' (башк. ултыр-), Мо. *ol-; ТМ *ō-; Кор. *ō-; 8. *k'ōru- 'уменьшаться, убывать': ТМ *xuru-mi 'короткий', Мо. *koru-, Тю. *kōr(a)- 'уменьшаться, убывать' (башк. диал. кураныс 'недостаточно'), Мо. *koru-; Кор. *korh-; 9. *tole- 'быть спокойным': Тю. *dōle- (тур. dōle-n- 'успокоиться', dōle-k 'спокойный, вялый'); Мо. *dōli-gen 'тихий, спокойный'; ТМ *dulu-m 'спокойный'.

Глаголы движения: 1. *gajra- 'ходить': ТМ *gajran- > *gīran- 'ходить, шагать', Мо. *gar- 'выходить', Тю. *geř- 'ходить, бродить' (башк. гуз-), Яп. kātí 'ходьба'; 2. *p'ēta- 'шагать, ходить': Тю. *āt- 'шагать' (башк. атла-, азым 'шаг'), Мо. *(h)ada-; ТМ *pete-; 3. *āja- 'идти, ходить': Тю. *aj- 'бродить; вертеться' (башк. әйлән-), Мо. aja-n 'поход'; ТМ *āj- 'быстро передвигаться'; Яп. ājūt- 'ходить, гулять'; 4. *dōre- 'идти, ходить, приближаться': Тю. *jorī- / jūri- 'ходить' (башк. йөрө-); Мо. *dūrbe-; ТМ *dūrē-; Яп. dər-; 5. *gājlo- 'приходить; идти': Тю. *gejl- 'приходить' (башк. кил-); Мо. *kalu- 'приближаться'; ТМ *kal- 'приближаться'; Кор. ká-, Яп. kə-; 6. *īre- 'приходить, входить': Тю. *e:r- 'достигать' (башк. иреу-); Мо. *ire-; ТМ *ī-; Яп. *itá-r-; 7. *ži- 'приходить': Тю. *jet- 'достигать' (башк. em-); Мо. *žid-kū-; ТМ *ži-; 8. *ñēni- 'идти вниз, прочь', Тю. *ēn- 'спускаться, идти вниз' (башк. иң-); Мо. *neyū- 'странствовать, кочевать'; ТМ *ñene- 'идти, ходить'; Кор. nāñ(ā-) 'идти, двигаться вперед'; Яп. in- 'уходить'; 9. *p'ok'e- 'падать, опускаться': ТМ *puxe- 'скатиться сверху'; Мо. *(h)ōke- 'опускаться', Тю. *ōk- 'падать, склоняться' (чув. ўк-); 10. *t'ār- 'проходить сквозь, через', Тю. *top- 'проходить сквозь' (ккалп. топул- 'вторгаться'); Мо. *tawul-; ТМ *tap; Яп. *tāpər-; 11. *žugi- 'перевозить; нести (на спине)': ТМ *žuge-, Мо. *žöye-, Тю. *jū- 'нагружать' (башк. йөк); МКор. čī-;

12. **tiāl'ke-* 'переливаться через край': ТМ **tilka-*, Мо **čilka-* 'плескаться', Тю **d(i)āl-* 'переливаться через край, разливаться' (башк. *ташы-*).

Глаголы физического воздействия: 1. **k'ási-* 'урезать': Мо **kasu-* 'убавлять, урезывать', **kasu-yur* 'стамеска', Тю **käs-* 'резать' (башк. *күç-*); ТМ (*x*)*asu-*; Кор. *kàsk-* / *kàsk-*. Яп. *kínsú*; 2. **č'àlù-* 'острый, резать', Тю. **čal-* 'ударять, бить, закалывать; косить' (башк. *салы-*); Мо. **čali* 'острый'; ТМ **čalu-*; Яп. *tùrù(n)ki* 'меч'; 3. **kìro-* 'резать, размельчать': Тю. **kir-* 'ломать, разрушать; скрести, брить' (башк. *кыр-*); Мо. *kira-*; ТМ *kire-*; Яп. *kir-*; 4. **mōli-* 'резать на куски', Тю. *bōl-* 'делить, отделять' (башк. *бүл-*); Мо. *mōli-*; ТМ *mol-*; Кор. *māř-*; 5. **tel-p'i-* 'дырявить(ся)': ТМ **del-ki-* / *del-pe-*, Мо **del-be-*, Тю **del-* 'продырявливать' (башк. *тиу-*); Яп. *timrə-*; 6. **tok'i-* 'касаться': ТМ **dux-* 'бить, колотить', Мо **toki-ja-* 'встречаться, совпадать, случаться', Тю **dokun-* 'трогать' (тур. *dokun-*, тат. *тукын-*); 7. **t'ók'ù* 'бить, стучать, ударять': Тю. **toki-* 'бить, ударять' (башк. *тукы-л-да-*; *тукмак* 'колотушка'); Мо. **tog-si-*; ТМ **tokta-*; Кор. *thi-*; Яп. *túk-*; 8. **žugdV-* 'бить, ударять': Тю. **jod-* 'уничтожать, разрушать' (башк. *йом-*); Мо. **žod-*; ТМ **žugd[u]-*; 9. **p'ā'ā-* 'бить, ударять': Тю. *at-* 'бросать, стрелять' (башк. *ат-*); Мо. *(*h*)*atalga* 'долото'; ТМ **pāt(i)-*; Кор. *pat-*; Яп. *pàtā-k-*; 10. **t'ep'V-* 'пинать': ТМ **tep-te-*, Мо **teye-*, Тю **tep-* 'топтать, пинать' (башк. *тйр-*); (?) Кор. *tjap-*.

Элементарная физиология: 1. **t'òri-* 'рождаться': ТМ **tur-ku-* 'появляться, возникать', Мо **töre-* 'рождаться', Тю **töre-* 'размножаться, рождаться, происходить' (башк. *туралгәле* 'доношенный'); Яп. *tùrù-(m)p-* 'спариваться'; 2. **oli-* 'умирать': ТМ **ol-bu-* 'быть голодным, истощенным', Мо **öl-*, Тю **öl-* 'умирать', **öl-tür-* 'убивать' (башк. *үл-*, *үлтөр-*); 3. **tīri-* 'хорошо жить': ТМ **dirga-* 'жить в достатке; объедаться', **dirā-mi* 'толстый', Тю **dīri-* 'жить' (башк. *тере* 'живой'), Мо **čira-g:* ордос. *čirak* 'qui est en bon état, fort, solide' (пример: *notre bétail a passé le mauvais saison en bon état*) DO 708, халха *царигтай* 'бодрый, здоровый; упитанный, тучный (о скоте)'. 3. **žoi-p-* 'есть': ТМ **žep-*, Мо **žoyag* 'трапеза', Тю **žāi-* 'есть' (башк. *e-*); Кор. *čā-*; 4. **kòk'è-* 'сосать': ТМ **koxe-*; **xoken/koken* 'грудь', Мо **kòke-*, Тю **göküz,* *gökrek* 'грудь' (башк. *күкрәк*); Кор. *kokāi-*; Яп. *kəkərə* 'сердце'; 5. **mìdk'è-* 'глотать': Тю. **bōk-* 'насыщаться, наедаться' (башк. *бүк*); Мо. **teke-* 'сосать; двигать челюстями'; ТМ **тохе-* 'набрать в рот воды'; Кор. *tək-* 'есть, пить'; Яп. *tākā-nāp-* 'кормить'; 6. **šìp'ù-* 'сосать, держать во рту': Тю. *sip-* 'жадно глотать, пить залпом' (башк. *һемерү*); Мо. **siyü-*; ТМ **šupa-*; Кор. *sp-ār-*; Яп. *sip-*; 7. **p'ič'i-* 'пить, лить': Тю. **ič-* 'пить' (башк. *эс-*); Мо. *(*h*)*ečüg-le-* 'делать возлияния духам'; ТМ **pīče-* 'брызгать'; 8. **tāl-* 'лизать': ТМ **dala-* 'лакать, есть (о животном)', Мо **doluça-* 'лизать', Тю **dāla-* 'кусать' (башк. *тала-*); 9. **nīumi-* 'зажмуриться': ТМ **nīmi-* 'зажмурить глаза, сжать губы', Мо **žimü-ji-*, Тю **jüm-*

/jum- 'закрывать (глаза, рот)' (башк. *йом*); 10. **siuču-* 'испражняться; понос': Тю. **sič-* 'испражняться', **sičkan* 'понос' (башк. *сыскан* 'колики у лошадей'); Мо. **čiči-*, **čiča-ga*; ТМ *sosa-*; Кор. *čičii-* 'страдать поносом'; 11. **šīk'i* 'моча', **šīk'-di-* 'мочиться': Тю. **šīk* 'моча', **šīd-* 'мочиться' (чув. *шяк,* *шяр-*, башк. *һейе-*); Мо. **siye-*; ТМ **šixē-n* 'моча'; Кор. **stōŋ* 'испражнения', Яп. *sitə* 'моча'.

Чувственное восприятие: 1. **kara-* 'смотреть, наблюдать': Тю. **karak* 'зрачок' (башк. диал. *карак*): Мо. **kara-*; ТМ **kara-* 'беречь, защищать; наблюдать'; Кор. *kārm-* 'хранить'; 2. **gōre-* 'видеть; понимать, узнавать': Тю. **gōr* (= *gōr-s?*) 'глаз', **gōr-* 'видеть' (башк. *күз,* *күр-*); Мо. **gori* 'надежда'; ТМ **gur-* 'взглядывать мельком; понимать'; Кор. **kāri-* 'стремиться, думать о ком-л.'; 3. **tuju-* 'слушать, воспринимать': Тю. **duj-* 'слышать, чутя, замечать' (башк. *той*), Мо. *duyul-*; ТМ **duja* 'шум'; Яп. **tua-p-* (Caus.) 'спрашивать'; 4. **k'ūjlu-* 'слышать': Тю. **kul-kak* 'ухо' (башк. *колак*), Мо. **kul-ki* 'внутреннее ухо'; ТМ **xūl-di-*, **xul-bu-* 'раздаваться, слышаться', Кор. **k'ūi* 'ухо'; Яп. *ki-k-*; 5. **al'i-* 'слышать': Тю. **elit-* 'слышать' (башк. *ишет*), Мо. **al-da-r* 'слава, почет'; ТМ **ala-* 'объяснять, рассказывать'; Кор. **ār-* 'знать'; 6. **sāri-* 'чувствовать, замечать', Тю. **seř-* 'чувствовать, понимать, воспринимать' (башк. *һүз-*); Мо. **seri-* 'просыпаться; замечать'; ТМ **sā-* 'знать'; Кор. **sari-* 'быть осторожным, беречься'; Яп. *sir-* 'знать'.

Ментальная деятельность: 1. **siōje-* 'считать, рассчитывать': Тю. *sā(j)-* 'считать, думать' (башк. *һан* 'число'), Мо. **siyü-* 'судить, проверять'; ТМ **sū-* 'отмечать'; Кор. **hjäi-* 'считать'; 2. **sāba-* 'делать знаки, считать, полагать', Тю. *sāb* 'слово, речь' (тур. *sav*), Мо. **sayam* 'предлог, уловка'; ТМ *sabi-* 'знак, предзнаменование; пометать, делать зарубки; планировать', Яп. **sāmpāk-* 'разрешать, судить'; 3. **ēbžo-* 'видеть, понимать', Тю. **ō(j)-* 'думать, понимать', **ō-g* 'мысль' (башк. *ой-рә-н-* 'учиться'), Мо. **ūže-* 'видеть'; ТМ **eže-* 'понимать, запоминать'; 4. **ējV* 'думать, понимать': Тю. **āŋ* 'разум, ум', **āŋ-la-* 'понимать; слышать, различать' (башк. *аң,* *аңла-*); Мо. **aŋuda-la-* 'искать, рыться в чем-л.'; ТМ **eŋē-* 'заглядывать, разведывать'; Яп. *этә-р-* 'думать'; 5. **gūno-* 'думать': Тю. **kun-* 'быть внимательным; печалиться' (башк. *конт* (диал.) 'внимание, старание, прилежание', *конар* 'польза, толк'); Мо. **guni-* 'грустить'; ТМ **gūn-* 'думать; сказать'; Кор. **kinŋ-* 'заботиться, присматривать'; Яп. *кәнә-т-* 'любить, желать'; 6. **siāk'ā-* 'думать, волноваться', Тю. *siāk-* 'думать, размышлять, скучать' (башк. *һағын-*), Мо. **seke-* 'приходить в себя'; ТМ **siak-* 'отзываться'; Кор. *skāi-* 'просыпаться'; Яп. *sākā-si* 'умный, мудрый'; 7. **čīŋu-* 'слушать, соображать', Тю. **dīŋla-* / **dīŋle-* 'слушать; размышлять, обдумывать' (башк. *тыңла-*); Мо. **čīŋla-*; ТМ **žīŋ-* 'понимать'; Яп. **tūNkā-* 'сообщать'; 8. **t'erk'o-* 'думать': Тю. **terke-* 'исследовать, обдумывать,

расследовать' (башк. диал. (Аргаяш) *мурғә-* 'смотреть, наблюдать'); Мо. **tariki* 'мозг, ум'; ТМ **terge-* 'думать, сомневаться'; 9. **miuti-* 'знать, верить': Тю. **büt-* 'верить' (башк. диал. *ботоу* 'амулет'), Мо. **mede-* 'верить'; ТМ **mute-* 'уметь'; Кор. **mit-* 'знать'; 10. **ilkV-* 'надеяться, верить': Тю. **ılan-* 'верить, доверять' (башк. *ышан-*), Мо. **ilga-* 'различать'; ТМ **ilkV-* 'надеяться, пытаться'; 11. **gufje-* 'любить': Тю. **gürel* 'красивый' (тур. *güzel*); Мо. **goju* 'красивый'; ТМ **guzej* 'красивый'; Кор. **kò'i-*, Яп. **kuà-p-*; 12. **sebe-* 'любить, веселиться': Тю. *seb-* 'любить' (башк. *һөй-*), Мо. **sebki-* 'отдыхать'; ТМ **sebže-* 'веселиться'; Кор. **sipi-* 'желать, хотеть', Яп. **sua(m)pa-p-* 'развлекаться, веселиться'; 13. **kòlé-* 'бояться, расстраиваться': Тю. **kòl-* 'пугаться, расстраиваться; ревновать' (чув. *кўле-*), Мо. **kuli-*; ТМ **kul-*; Яп. **kəə-*; 14. **t'ik'V-* 'бояться, ненавидеть': Тю. **tik-* (тур. *tiksin-*), Мо. **čikul* 'гнев'; ТМ **tixu-n/l-* 'сердиться'; 15. **l'ēgi-* 'ненавидеть, чувствовать отвращение': Тю. **jigren-* 'испытывать отвращение' (башк. *ерән-*), Мо. **žig-*; ТМ **lēgi-*; Яп. **nikù-*; 16. **sōjk'i-* 'ругать': Тю. **sōk-* 'ругать, бранить' (башк. *һүк-*), Мо. **sögeye-* 'ругать, винить'; ТМ **sujKu-*; Яп. **sikar-*; 17. **t'iaru-* 'ругать': Тю. **tərK-* 'упрекать, ругать' (башк. *мурғә-*), Мо. *tarki-*; ТМ *turē-*.

ПАЛЕОКУЛЬТУРА И ПРАРОДИНА АЛТАЙЦЕВ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

Название «алтайские языки» указывает на предполагаемую прародину семьи. Действительно, относительно «материковой» ветви (к которой первоначально и применялось название алтайской семьи) анализ общей лексики показывает, что такое предположение близко к истине. Во всяком случае, анализ лексики природного окружения, восстанавливаемой для праалтайского состояния, указывает на границу лесной и степной зон.

Обычная проблема с исследованием в рамках направления 'Woerter und Sachen' состоит в том, что реконструкция «картины мира» часто приводит исследователей на весьма зыбкую почву. При реконструкции внешней оболочки праязыковых лексических единиц используются жесткие критерии различения между генетически обусловленными и типологически естественными признаками. При реконструкции семантики эти критерии значительно более смутны. Так, если получилась, например, «палеокультурная реконструкция» для праиндоевропейского, то ее вряд ли абсолютно верифицирует обнаружившееся сходство с «картиной мира» «примитивных народов». Напротив, если в ней не обнаруживается никаких существенных особенностей, в высшей степени вероятно, что это — не реконструированная «картина мира» индоевро-

пейцев, а сконструированная (согласно представлениям исследователя) система типологически естественных архетипов. В силу этого очевидно, что такая работа должна быть значительно более продуктивна, если ведется на типологически организованном материале.

С появлением этимологического словаря алтайских языков в распоряжении исследователей оказалось по крайней мере два достаточно тщательно проработанных и, главное, полных прото-лексикона для сходным образом датированных по периоду распада праязыков (VI — V тыс. до н.э. для праалтайского и V — IV тыс. до н.э. для праиндоевропейского), что дает возможность сопоставлять эти прото-лексиконы по семантическим областям, существенным для прародин и палеокультур предполагаемых носителей обоих праязыков. Поэтому работа по сбору и анализу праалтайской «культурной лексики» велась в сопоставлении с соответствующими данными по индоевропеистике.

Еще один момент состоит в том, что оказалось важным рассмотреть не только диагностические для рассматриваемой проблематики слова праязыка, но весь корпус соответствующих лексических полей для более или менее целостного представления материала.

Собранные материалы дают уникальную возможность, впервые в истории алтаистических исследований, построить гипотетическую, но целостную картину палеокультуры носителей праалтайского языка.

Результаты по палеокультурно значимым разделам лексикона следующие.

Ландшафт в языке праалтайцев был представлен не очень высокими горами, пологими склонами, по-видимому, предгорьями (при наличии также скал и осыпей). Восстанавливается несколько терминов, обозначающих «переходить через горный перевал». В значительном количестве представлены слова для долин и степей. Степи при этом достаточно засушливые и пыльные, по-видимому, с невысокими сопками. Имеется много терминов для обозначения небольших быстрых речек с отмелями и перекатами, но есть и слова для обозначения больших рек, рефлекс которых обнаруживают семантическое варьирование между значениями «большая река» и «море». Можно говорить также о наличии названий для островов и наводнений (последние, в принципе, могут указывать на сезонный разлив больших рек). Не удается получить надежную реконструкцию слова со значением «море» для праалтайского. Тунгусо-маньчжурское название моря может быть возведено к общеалтайскому названию волны, а общий корео-японский термин для моря восходит к исходному значению «брод». Аналогичное развитие имеется, например, в древнегре-

ческом, где соответствующее слово исторически объясняется как развитие исходного значения «водный путь».

Следует подчеркнуть, что сопоставление с соответствующим лексическим полем в праиндоевропейском, скорее всего, свидетельствует, что степь должна быть исключена из регионов, заселенных праиндоевропейцами периода распада. Для них более характерны довольно высокие горы с большим количеством различных типов скал и острых или больших камней. Иногда эти горы покрыты лесом. Имеются слова для узких проходов, ущелий, пещер, обрывов и пропастей, холмов, речных долин, заливных лугов. Реки (с бродами) определенно мельче, чем у праалтайцев (практически полностью отсутствует семантическое варьирование между рекой и морем); ср. здесь же существенно более слабую функцию рыболовства в индоевропейской экономике (выражающуюся значительно меньшим количеством наименований для частей тела рыбы, видов рыб и орудий рыболовства). Но, возможно, у них было поблизости море или большое озеро с песчаным берегом.

Климат прародины алтайских народов, по-видимому, был более холодным и сухим, чем у праиндоевропейцев. На это указывает существенно большее количество слов со значением «замерзать», «холодный». Имеются слова, обозначающие одновременно «ясная погода» и «холодная погода». Отмечены термины для «пыльной бури». Но и для праалтайского, и для праиндоевропейского, по-видимому, следует реконструировать членение года минимум на четыре сезона (если не на пять, как в пратунгусо-маньчжурском, где отдельно выделяются ранняя (период таяния снега) и поздняя (период цветения) весна), с холодной снежной зимой.

Что касается флоры, характерной для зоны проживания праалтайцев, то прежде всего следует отметить достаточно большое число названий для хвойных деревьев. Показательным здесь является наличие термина для *Pinus Siberica*. Имеются небольшое количество широколиственных деревьев (в основном, дубы), и значительное разнообразие узколиственных (рябина, тополь, ива, ольха) и подлесок, состоящий из разных типов орехоплодных и ягодных растений, цветущих кустов и грибов. Если добавить к этой картине ряд терминов для диких злаков, конопли и полыни, то можно предположить, что прародина алтайских народов находилась в пограничной зоне южной тайги и степи. Следует отметить, что для надежно реконструируемой индоевропейской флоры характерны и хвойные (виды сосен и елей), и значительное разнообразие широколиственных (бук, граб, клен, вяз), узколиственных (рябина, ясень, береза, ольха) деревьев, также растения подлеска с орехами и ягодами. Трудно свя-

зать это с конкретной климатической зоной, но отсутствие вечнозеленых растений (кроме хвойных, как тис и можжевельник), возможно, говорит о том, что прародину индоевропейцев не следует относить слишком далеко на юг. Весь список растений производит впечатление горного леса где-то в умеренной зоне (Балканы?)¹. Индоевропейские названия трав (белена, чемерица, марь, дягиль, сныть, папоротник) скорее указывают на лес, чем на степь.

В праалтайском языке восстанавливается достаточно разнообразная система названий диких животных. Существует весьма подробная половозрастная терминология для диких копытных, что показывает важность роли охоты в жизни праалтайцев. Восстанавливается много названий для разных видов оленей, лося. Отмечен и термин для дикого верблюда. Характерное отличие от индоевропейского списка: в праиндоевропейском при значительном количестве названий диких копытных (хотя половозрастная терминология для диких практически отсутствует, что может указывать на меньшую роль охоты) нет названия верблюда, но имеются термины для диких быков, которых определенно нет в праалтайском.

В обоих праязыках имеется значительное количество обозначений крупных и средних хищников. В определении географического положения прародины алтайцев важным является термин для росомахи. Интересно, что, в то время как индоевропейские названия крупных хищников хорошо сохраняют семантику по рефлексам, праалтайские названия крупных хищников обычно дают разные рефлексы в дочерних подгруппах, с колебанием между медведем, волком и тигром – скорее всего, это связано с табуированием. Точные значения названий пушных зверей не удастся восстановить ни для праиндоевропейского, ни для праалтайского из-за большого разнообразия значений рефлексов. Любопытно, что для праалтайского реконструируются два названия для обезьяны (NB, что ПИЕ название обезьяны, скорее всего – семитское заимствование).

Выше уже говорилось о более разнообразной «рыбной» терминологии в праалтайском. Так называемый «критерий лосося» в настоящее время признается менее существенным для определения прародины индоевропейцев, поскольку соответствующее слово (**laks-*) в праязыке могло означать и

¹ Ср. похожее заключение в P. Friedrich, 167: «The widely ramifying and comparatively regular reflexes [of tree names – A.D.] suggest that the speakers of the Common Slavic period lived in an ecological zone similar or identical to that of the PIE, and that, since the Common Slavic period, the speakers of the various Slavic dialects have for the most part continued to occupy such an area». Это определенно указывает на Балканы, но Фридрих далее почему-то рассуждает о «the Ukraine or the Cossack steppe».

«форель», но в праалтайском обнаруживается большое количество названий для лососевых рыб.

Охотничья и рыболовная терминология развита в праалтайском гораздо сильнее, чем в праиндоевропейском, что указывает на меньшую важность этих занятий для индоевропейской экономики.

Ядром праалтайской экономики, по-видимому, было сезонное пастбищное скотоводство (ср. наличие термина «загон для скота», отсутствующего в ПИЕ). Имеются названия для коров, овец, коз и свиней, однако половозрастная терминология является общей для всех видов скота. Имеется слово для лошади и несколько терминов, связанных с верховой ездой. Роль земледелия была менее существенна, хотя имеется ряд названий для культурных злаков. Основным инструментом, вероятно, являлся род мотыги (возможно, использовавшийся также для выкапывания диких корнеплодов, что практиковалось позже сибирскими народами). Основным родом хозяйственной деятельности для праиндоевропейцев, возможно, были земледелие и хорошо развитое оседлое скотоводство. По-видимому, были специфические инструменты для вспашки. Имеется название для сена (отсутствует в праалтайском), что может указывать на зимнее стойловое содержание скота (в противоположность смене пастбищ у праалтайцев). В праиндоевропейском восстанавливается терминология коневодства, но не верховой езды. Основными видами скота были, по-видимому, коровы (для которых терминология более развита, чем в праалтайском), козы, овцы, свиньи.

Номадные черты явно значительно более определенно выделяются в праалтайском лексиконе. Сюда относятся термины, связанные с верховой ездой, многочисленные глаголы, означающие «запаковывать» и «распаковывать», более подробная терминология частей упряжи. Колесо для праалтайского, в отличие от праиндоевропейского, не реконструируется. Праалтайское транспортное средство, видимо, представляло собой волокушу. Отметим более развитую в праалтайском терминологию, связанную с плаванием на лодках и/или плотах.

Существенных различий в кулинарной терминологии обоих праязыков не наблюдается. В пище праалтайцев наличествуют как молочные и мясные блюда (в том числе молочные алкогольные напитки), так и кушанья, приготовленные из злаков, — примерно в той же пропорции, что и у праиндоевропейцев. Видимо, праалтайцам, в отличие от последних, было неизвестно бортничество.

В названиях одежды можно видеть, что, в отличие от праалтайского, в праиндоевропейском реконструируются только неопределенные названия для верхней одежды и обуви. В праалтайском терминология более дифференцирована и содержит, на-

пример, названия чего-то вроде штанов или наколенников¹ (одежды, удобной для верховой езды), а также меховой одежды.

Языковой материал позволяет восстанавливать наличие ранних стадий обработки металлов, возможно, бронзы, для обоих праязыков, что пока плохо согласуется с глоттохронологической датировкой их распада.

По-видимому, на праалтайском уровне можно восстанавливать некоторые термины, связанные с прядением и ткачеством. В этом отношении праалтайский практически не отличается от праиндоевропейского.

Восстанавливаются два типа праалтайского жилища: переносное с решетчатыми (плетеными) стенками и покрытием из кож и стационарное — полуземлянка со входом через дымовое отверстие и, возможно, со вторым входом через коридор с дверью. Жилище, возможно, было круглым или многоугольным (отсутствует регулярная полисемия «внутренний угол» / «часть дома»), не имело комнат (внутреннее пространство при этом, вероятно, поразделялось на несколько частей с различным функциональным статусом). Вспомогательные помещения представляли собой нечто вроде лабазов для хранения продуктов или вещей. Отсутствует специальное слово для крытых помещений для скота, однако имеется несколько слов для загонов. Отсутствуют слова для клановых поселений и для внутренней структуры поселений. Имеются некоторые термины для укрепленных поселений. Не зафиксированы названия для дома правителя или храма. Отметим, что индоевропейское жилище было определенно не круглым (при наличии регулярной полисемии «внутренний угол» / «часть дома»), возможно, прямоугольным, многокамерным, но вряд ли многосемейным; реконструируется название кланового поселения со многими домами. Названия построек включают наименования многих деревянных деталей, возможно, столбов, подпирающих крышу. Это вряд ли была полуземлянка (как в праалтайском); отсутствует также название дымового отверстия. Восстанавливаются названия вспомогательных строений, в частности хлева (отсутствует в праалтайском), нет названий переносного жилища. Неясно, были ли ПИЕ поселения уличного или площадного типа, но какой-то тип структуры там присутствовал. Некоторые термины относятся к укрепленным поселениям; есть названия для дома правителя или вождя, для круглого храма.

Термины родства в праалтайском указывают на патрилокальность, а некоторые особенности (коле-

¹ Ср. Schrader-Nehring I 512 — 513: в погребениях даже Северной Европы в эпоху бронзы отсутствуют штаны, они появляются только в эпоху железа.

бания между терминами кровного родства и родства по браку) могут указывать на наличие кросс-кузенного брака или обмена сестрами. Имеются термины для со-жен, что указывает на наличие полигамии. При этом хорошо видно, что термины родства и свойства в праиндоевропейском свидетельствуют о патрилокальности, но не о кросс-кузенном браке (вопреки Гамкрелидзе – Иванову); в ПИЕ отсутствуют слова со значением «со-жена».

Среди имущественной терминологии в обоих праязыках присутствуют термины обмена и торговли. Любопытно, что только в праалтайском реконструируется расчлененная система производной терминологии дарения, в индоевропейских языках все названия даров производны от глаголов со значением «давать» (см. Venveniste).

Из оружия в праалтайском хорошо восстанавливаются термины для каких-то типов стрел и луков, колчанов. Имеются термины для копья и остроги. Нет специализированного термина для меча (только какие-то типы ножей). Для праиндоевропейского не находят общих названий для лука и стрелы; восстанавливаются названия каких-то типов топоров, мечей и копий.

Что касается религиозной терминологии праалтайцев, то следует отметить наличие целого ряда слов для названий шаманов, духов и религиозных церемоний. Показательно наличие корня **таса* – 'поститься' (распространенная шаманская практика). Это существенно отличается от ситуации в праиндоевропейском (ср. хотя бы разветвленный праиндоевропейский пантеон).

Полученные результаты, конечно, должны быть верифицированы данными палеозоологии, палеоботаники, исторической географии и археологии. Перспективным может оказаться также сравнение полученных данных с картинами палеокультуры носителей прауральского и прасемитского языков.

Лексика материальной культуры и природного окружения – одна из опор, на которой можно строить лингвистические основания этнического и географического отождествления праязыка. Другая такая опора – древние языковые контакты, выявление заимствований на праязыковом уровне. К настоящему времени такие контактные гипотезы в какой-то степени обоснованы для двух областей: контактов алтайцев с уральцами и контактов алтайцев с древними китайцами. В обоих случаях, однако, наиболее вероятен не собственно праязыковой контакт, а контакты уже разделенных к тому времени диалектных областей праалтайского.

На основании собранного корпуса прауральско-праалтайских сближений были выделены сближения, которые с большой долей вероятности являются не ностратическими, а контактными (этимологические аналоги этих слов не представлены в других

ностратических языках, прауральское и праалтайское слова практически идентичны по семантике и звуковому облику). Выделенный корпус контактной лексики оказался сравнительно небольшим (порядка 20 слов). Среди этих сближений в алтайской лексике присутствуют практически исключительно такие слова, которые имеют рефлекс лишь в западно-алтайских языках (в тюркских, тунгусо-маньчжурских и монгольских). Предположительно, это может свидетельствовать о том, что контактов между праалтайцами и прауральцами в VI тыс. до н.э. не было, они начались лишь в V – IV тыс. до н.э. между прауральцами и празападно-алтайцами после отделения корейцев и японцев.

Кроме того, исследовались языковые контакты праалтайцев с их потенциальным южным соседом – древнекитайским языком. Сейчас при наличии достаточно полного корпуса праалтайских лексических реконструкций, с одной стороны, и достигшей значительного объема сино-тибетской и даже синокавказской базы данных, с другой – можно значительно более обоснованно судить об исконности алтайских и китайских реконструируемых лексем, наличии параллелей к ним в родственных языках или их изолированности – и значит, возможно, заимствованном характере. Эту работу провел С.А. Старостин – автор последних по времени версий древнекитайской и синотибетской реконструкций. Анализ древнекитайско-алтайских параллелей дал, в частности, весьма нетривиальный результат: ряд древнекитайских слов, до сих пор не нашедших себе параллелей в синотибетской семье, весьма вероятно, является древними заимствованиями из алтайских языков. Фонетические и семантические особенности слов позволяют относительно точно определить источник заимствования: это, по-видимому, уже отделившаяся от общеалтайского, но еще не распавшаяся корейско-японская ветвь, что датирует китайские контакты приблизительно третьим тысячелетием до н.э. и позволяет связывать их с археологическими данными послепалеолитских культур. Лексическая семантика потенциальных заимствований имеет по преимуществу культурный характер (в частности, это скотоводческие термины, например, названия козы и свиньи, а также некоторые типы зерновых); с другой стороны, о характере контактов много говорит, например, тот факт, что алтайские наименования носа и уха послужили источником для древнекитайских глаголов со значением «отрезать нос» и «отрезать уши». Уточнение полученных данных может дать еще более интересные результаты.

Следует подчеркнуть, что представленные результаты в совокупности являются новыми, фактически первой апробацией методов компаративистской семантической реконструкции в области

лексики конкретного словаря на алтайском языковом материале. В силу этого дальнейшие исследования могут, конечно, сильно изменить выстроенную выше картину. Сам по себе корпус сепаратных урало-алтайских сближений составлен впервые, поэтому и его фронтальный анализ с точки зрения этнокультурных импликаций не имеет прямых аналогов (не говоря уже о том, что систематическое изучение реконструированной лексики в этом плане вообще еще недостаточно развито в историческом языковедении). Применение ареального метода в компаративистике также еще не получило широкого распространения, и проделанная работа представляет собой один из первых опытов его апробации на современном уровне знаний. Инновационный характер этимологической и историко-фонетической составляющей исследования обусловлен не только наличием новых урало-алтайских сопоставлений, но и тем, что многие из использованных элементов алтайской и уральской реконструкции сами по себе являются нововведениями. Важно в данном случае верифицировать саму возможность подобного подхода к реконструированной лексике – в принципе, ничто не мешает предположить, что при определенной степени разработанности историко-лингвистического описания «сканирование» древней этнокультурной картины с учетом внешних связей языковой семьи возможно на любом конкретном материале.

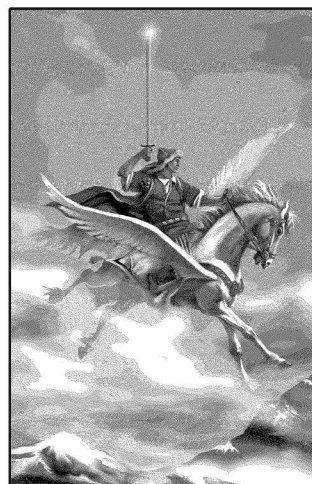
Проведенная реконструкция позволяет сделать следующие выводы.

В VI в. до н.э., т.е. в эпоху раннего железа, башкирский язык в составе тюркских языков входил в большую алтайскую, а по мнению некоторых тюркологов, в урало-алтайскую семью языков. Как показывает лексический материал, соматические термины, названия лиц, в том числе термины родства, названия частей тела животных, ландшафта, метеоявлений, времени, пространства, атрибутов, элементарной физиологии, а также основные глаголы, связанные с жизнедеятельностью человека, в башкирском языке имеют параллели в языках, входящих в алтайскую группу.

В IV – III вв. до н.э. происходит распад алтайской семьи на тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки. Судя по лексике, основные особенности лексического фонда башкирского языка к данному времени сложились, т.к. его основной словарный фонд имеет параллели в большинстве тюркских языков;

В конце I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э. происходит распад тюркского праязыка на западную и восточную ветви. Исторически это связано с расколом гуннов на северных и южных. В это же время происходит отделение болгарской подгруппы из пратюркского языка. Чуть позже, а именно в IV – V вв. н.э., происходит распад других, т.е. огузской, карлукской и кыпчакской, общностей. Очевидно, в это время, т.е. в I – IV вв. н.э., происходит отпочкование и башкирского языка.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНИХ БАШКИР

БАШКИРСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС «УРАЛ-БАТЫР» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

БАШКИРСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС «УРАЛ-БАТЫР»

Эпос «Урал-батыр» является крупнейшим эпическим произведением в башкирском фольклоре. Он состоит из 4,5 тыс. стихотворных строк. Известный собиратель башкирского фольклора М.А. Бурангулов в 1910 г. от двух башкирских сказителей записал два варианта эпоса, которые были им объединены в один текст. Первоначальные записи не сохранились, и сегодня имеется единственный полный вариант эпоса. Зафиксировано еще 6 вариантов эпоса «Урал-батыр»: один прозаический и один вариант в виде предания, все остальные — краткие пересказы содержания эпоса, сохранившиеся в других эпических произведениях [Котов, 2006]. Текст эпоса на башкирском языке был впервые опубликован в 1972 г. и выдержал множество изданий в различных редакциях и переводах на русский и другие языки. Большинство ученых считает эпос древнейшим и исходным в системе героических эпосов башкирского народа. О мифологической основе эпоса «Урал-батыр» писали многие (Н.А. Киреев, А.И. Харисов, М.М. Сагитов, А.С. Мирбадалева, А.А. Петросян, Д.Ж. Валеев, А.М. Сулейманов, Г.Б. Хусаинов, Ф.А. Надршина, Р.Ф. Резяпов, З.Г. Аминев и другие) исследователи.

Детальный анализ эпоса «Урал-батыр» позволил выявить структуру сюжета, отражающую разновременные мифологические пласты эпического произведения [Котов, 1997]. В частности, был сделан вывод о том, что не все подвиги Урала соответствуют мифологической основе эпоса. Описание событий в стране хана Катила, например, является более поздней вставкой. Это же показывает и сравнение с другими вариантами эпоса «Урал-батыр». Также поздней вставкой является часть, повествующая о подвигах детей Урала по отверзанию и прокладыванию

рек. Основным подвигом Урал-батыра является сражение с дивами/змеями за обладание живой водой и осушение вод мирового потопа — создание суши — Уральских гор.

Таким образом, сюжетная канва мифа в эпосе с участием Урала делится на две части: детство и отрочество в родительском доме, с одной стороны, и мироустроительные подвиги героя в ходе путешествия за живой водой — с другой. Начавшийся еще в родительском доме разлад между братьями в ходе путешествия за живой водой получил законченную форму: младший брат, Урал, стал защитником и повелителем мира Света и Добра, а коварный старший брат, Шульган, выступил на стороне Зла и Тьмы в лице змей — драконов. В неравной схватке с ними Урал-батыр с помощью крылатого коня Акбузата и своих сыновей побеждает чудовищ, складывает из них горы и осушает воды всемирного потопа. Добравшись до родника с живой водой, Урал-батыр от старика-предка узнает сокровенную мудрость — историю предков и закон вечного круговращения Жизни и Смерти, что изменяет полностью его самого и его помыслы. Он орошает живой водой созданную им землю для того, чтобы она жила вечно. Последним подвигом Урала стала его попытка окончательно победить силы Зла. Пытаясь выпить воды бездонного озера, где укрылись дивы и змеи во главе с Шульганом, он погибает — чудовища поразили его изнутри.

Перед смертью он оставляет ряд наказов, призванных установить порядок и мир среди людей, и в качестве главного — наказ о необходимости юношам проходить обряд испытания. Из этого понятно, что мифологической основой эпоса «Урал-батыр» является миф инициации (посвящения) культурного героя — батыра Урала и его старшего брата и противника Шульгана. Само содержание этого мифа отно-

сится к наиболее архаическим пластам мифологии — к так называемым «близнечным» мифам. Ученые считают, что они служили на самых ранних этапах истории человека разумного основой его мировосприятия [Золотарев, 1964. С. 296; Кабо, 1986. С. 148]. Архаическая мифологическая основа, по нашему мнению, не является единой по содержанию и состоит из различных мифов.

Самым древним является миф о двух водоплавающих птицах, олицетворяющих солнце и луну. Эта мифологема связана с прауральским космогоническим мифом о двух ныряющих за землей птицах [Напольских, 1990]. Они являются, очевидно, создателями земли и жизни. Миф отражает первый этап космогенеза. На него наложен не менее древний близнечный миф урало-алтайских народов о двух братьях-демиургах: младший брат создает землю, животных, людей, а старший брат все делает наоборот: создает ямы, болота, горы — портит поверхность земли. Кроме того, посредством волшебного посоха он протыкает землю и делает вход в подземный мир, из которого выходят на поверхность подземные гады, лягушки и другие вредные животные. В конечном итоге старший брат становится повелителем подземного мира, в то время как младший превращается в небесного бога. В уральской традиции посохом владеет чаще небесный бог и он же делает им отверстие в земле, а в алтайской — хтонический [Сагалаев, 1991. С. 36 — 37]. В южноуральском мифе совмещаются оба варианта: посохом сначала владеет Урал, но портит поверхность земли, делая в ней отверстие посохом и выпуская подземные воды и их обитателей змей-дивов, Шульган, который хитростью завладел волшебным посохом. В результате Шульган становится повелителем подземного мира, а младший брат Урал — создателем и божеством «верхней» половины мироздания. Это второй этап космогонии. Параллелизм образа небесного крылатого коня солнечной птице — лебедь и функциональное пересечение образа коня с чудесным оружием космогонического творения — громовой дубиной-посохом, свидетельствуют о наложении в глубокой древности двух мифологических традиций. Одна связана с почитанием водоплавающей птицы (утка, лебедь, гусь) как символа верхнего мира и образа солнца, а другая — с почитанием коня с той же символикой. Первая со всей очевидностью относится к уральскому миру, а вторая тяготеет к более южным, степным народам, скорее всего, индоевропейского или тюркского происхождения.

С образом коня связана еще одна мифологема. Основным содержанием ее является осушение вод мирового моря/океана, причем двумя способами.

Первый из них заключался в том, что крылатый конь Акбузат иссушает воды моря там, где он проскочит, что явно связано с его небесно-соляной символикой. Вместе с тем, в башкирском фольклоре крылатый конь (Акбузат) стойко ассоциируется с подземным миром; его украл и спрятал в озере (Шульган) или пещере (Шульган-Таш) хан Шульган (см. эпос «Акбузат»). Конь обитает в озере Шульган или Аслыкуль (см. эпосы «Заятуляк и Хыухалу», «Акхак кола», «Кара Юрга», предания об озере Шульган) [БНТ. Т. 1; т. 2]. Второй способ связан уже с победой героя-всадника над гигантским дивом-змеем, из искромсанных кусков которого складывается гора. Этот мотив повторяется в эпосе неоднократно в связи с победой над каждым заметным персонажем хтонического плана. Эта гора всегда разделяет море посередине, что указывает на то, что она символ центра мира или *мировой горы*. Данный сюжет соединяется с другим: отвержение речных вод, сокрытых в недрах (мировой) горы, образованной из порубленной на куски аждахи, которая рассекается/раскалывается героем (Уралом или его сыновьями) с помощью волшебного оружия. Прямой аналогией этому мифологическому сюжету является миф *Вала* в ведийской мифологии.

Космогонический миф в Ригведе и древнеиндийской традиции можно представить в виде следующей картины. В водах первоначального океана плавают изначальный холм, являющийся одновременно и мировым змеем. Все пребывало еще в не расчлененном хаотическом единстве. Откуда-то появляется герой Индра, который разрушает гору-змея и освобождает скрытые внутри него живительные силы — воду, дающую жизнь = напиток бессмертия — Сому и свет-солнце в образе бурой коровы или богини зари Ушас. Точно также основным содержанием подвига Урал-батыра является добывание солнечной девы (Хумай) и крылатого белого коня (Акбузата), а также сражение с дивами-змеями за обладание живой водой и, в конечном итоге, осушение вод мирового потопа — создание суши [Котов, 2000. С. 28 — 29; 2006. С. 230]. Космический холм-гора обретает опору и одновременно происходит разделение мира на две сферы. Упорядочивается движение светил [Кейпер, 1986. С. 85 — 86, 98 — 102]. В результате победы Индры над драконом боги разделяются на старых и новых, асуров и дэвов, асуры низводятся в *нижний мир* и превращаются в хтонических богов и существ, как, например, Варуна — хозяин вод мирового океана. Этот сюжет повторяется в мифе о пахтании океана. Здесь также противостоят старые и молодые боги, которые в стремлении добыть напиток бес-

смертия создают космос из хаотической субстанции вод, из которых выходят божества, божественные предметы, небесные светила и устанавливается их движение. Из вод выходит чудесный конь и происходит в ходе окончательного сражения разделение на небесных и подземных богов [Темкин, Эрман, 2000. С. 31, 32 – 33, 111 – 116].

Индоиранский космогонический миф является вариантом *акватического* мифа, повествующего о создании космоса из вод мирового океана. Данное прямое сходство мифологической картины в последней части (битва с дивами и осушение потопа, деяния детей – отверзание рек) эпоса «Урал-батыр» и в индийской мифологии можно объяснить только общими истоками. Причем южноуральский вариант мифа, несомненно, архаичнее, так как он сохраняет двойственное отношение к образу змея-дракона, что связано с тотемной характеристикой этого хтонического персонажа на ранней стадии развития демонологии, известной по материалам эпохи ранней бронзы (III – II тыс. до н.э.) в Средней Азии [Сарианиди, 1986].

Причем тот факт, что в данном сюжете отверзания рек участниками выступают в большинстве вариантов дети Урал-батыра, может косвенно свидетельствовать о явно вторичной редакции героического мифа уже в рамках эпической циклизации под влиянием индоиранской традиции. Об этом же свидетельствует содержание отрывка, посвященного описанию уничтожению царства падишаха Катилы, где центральное место занимает ритуальное сражение с фантастическим быком злого повелителя. Этот мотив широко представлен в мифологической традиции индоевропейцев «героического века», соответствующего времени сложения собраний гимнов Ригведы, греческих мифов о подвигах героев (Ясона, Геракла, Тесея), т.е. эпохе бронзового века. Это предположение подтверждает погребальный обряд, фиксируемый в южноуральском регионе на памятниках абашевской общности [Горбунов, 1977. С. 15], а также описание в эпосе «Урал-батыр» человеческих жертвоприношений, имевших место у индоевропейских племен в III – II тыс. до н.э. [Шилов, 1987]. Принимая во внимание явно ритуальный характер поединка с быком и его сходство с ритуалами, известными в крито-микенской общности, а также у древних скотоводов эпохи раннего металла Евразии [Грязнов, 1978], можно определить время сложения основного мифологического собрания, положенного в основу эпоса, эпохой бронзового века (III – II тыс. до н.э.). Причем в эпосе «Урал-батыр», по сравнению, например, с эпосом о Гильгамеше, образ Урал-батыра

отражает другой, более архаический этап социальных (родовых) отношений, «когда личность, индивидуум обретают силу в коллективе, в заботах о его судьбе» [Петросян, 1982. С. 34]. Для датировки кодификации эпоса многое может сказать и тот факт, что по сюжету эпоса «Урал-батыр», как и в индоиранской и тюркской мифологиях, происходит соперничество между двумя героями (божествами), один из которых (Шульган) остается пешим и вооружен посохом-жезлом, а другой – это всадник с волшебным мечом из булата (Урал-батыр). Посох в качестве оружия или символа власти можно сравнить с дубиной, копьем или булавой, то есть оружием и символом эпохи камня и раннего металла [Дергачев, 2004. С. 339]. Меч появляется в бронзовом веке, в начале эпохи раннего железного века становится основным оружием. В целом они имели сходную символическую функцию (орудия космогонического творения), а их соперничество говорит о том, что речь идет о периоде их сосуществования, когда металлическое оружие делало непобедимым их обладателей. Последнее было дополнительным стимулом к сакрализации предметов вооружения. К этому времени относится и широкое распространение всадничества как качественно нового социального явления, возникшего в недрах кочевого скотоводства. Очевидно, из среды южноуральских скотоводов-кочевников широко распространились среди индоевропейских, финно-угорских и тюркских народов представления о подводном божестве Шульгане-Шуликуне [Ахметьянов, 1978. С. 10 – 16; Толстой, 1995. С. 270 – 279], что указывает на период активных контактов предков этих народов еще в эпоху существования традиционной мифологии [Котов, 2006. С. 292]. Из этого можно сделать вывод, что текст о героических деяниях Урал-батыра уже существовал и был центральной реалией в духовных представлениях южно-уральского населения в III – II тыс. до н.э. Еще более древней должна быть мифологическая основа эпоса, или южноуральский героический миф.

Действительно, в основу эпоса были положены мифы о первопредке, культурном герое, демиурге, которые обычно относятся к наиболее архаичному мифологическому пласту [Мелетинский, 1979. С. 186]. Это подтверждается и смысловым содержанием мифологического ядра, которое сопоставимо с обрядами инициации, причем очень архаическими, поскольку подвиги главного героя нередко были связаны с подземным миром [Кабо, 1986. С. 143]. Эти представления были свойственны прежде всего для охотников каменного века [Пронн, 1986. С. 352 – 353]. При этом глубокая архаика мифоло-

гической основы эпоса проявляется и в способе передачи текста: двоичная структура мировосприятия [Алексеев, 1976. С. 45 – 46] и линейная структура пространства [Топоров, 1972], а также зооморфность мифических образов. Если принять во внимание, что основные сюжеты этих мифов и действующие в них образы находят параллели в мифах урало-алтайских (восточная ветвь ностратической сверхсемьи) и народов Приморья и Китая (сюжеты проглатывания рыбой/змеем, добывание напитка бессмертия, протыкание посохом земли – создание входа в подземный мир, озеро-родник с живой водой, похищение/освобождение героем солнца, культ водоплавающей птицы, солнечного оленя, змей, сбивание лишнего солнца), то необходимо признать, что сложение этих мифов, скорее всего, относится ко времени существования единой палеоевра-

зийской общности этих народов, то есть к эпохе (верхнего) палеолита [Котов, 1995. С. 32 – 33]. Очевидно, эти мифы были объединены в единый миф достаточно рано. Об этом говорит сходство структуры, отдельных персонажей и их функций мифологической основы эпосов «Урал-батыр» и «Акбузат» со структурой и семантикой изобразительных композиций в палеолитических пещерных святилищах Шульган-таш (Каповая) и Игнatieвская (Ямазаташ) [Котов, 2001]. Древний героический миф в эпоху бронзы (в III – II тыс. до н.э.) подвергся определенной литературной обработке, и в него была добавлена часть, повествующая о подвигах героя-первопредка Урала в стране хана Катилы и деяния детей Урала, в результате чего миф превратился в героический эпос.

БАШКИРСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В плане отражения ранних этапов формирования и развития духовной культуры предков башкир огромное значение имеют произведения устного народного творчества. Архаические мотивы в той или иной степени сохранены во многих жанрах фольклора, однако особо выделяются в этом плане мифологические легенды, эпос, обрядовый фольклор, сказки.

При рассмотрении фольклорных материалов учитываются специфика историзма произведений устной словесности, роль традиции в бытовании фольклорных жанров, и такое важное свойство, как многослойность «текстов», т.е. способность фольклора аккумулировать историко-культурную информацию, относящуюся по своему идеологическому содержанию к разным эпохам [Пронн, 1998. С. 5].

Мифологические воззрения и отголоски древних общественных отношений наиболее сконцентрированно представлены в эпических сказаниях «Урал-батыр», «Акбузат» отчасти в «Заятуляке и Хыухылу»; среди них, безусловно, главенствующее место принадлежит эпосу «Урал-батыр».

«Урал-батыр» — *кубаир* (героическая песнь/эпос) с мифологической основой. В нем представлен широкий спектр древних воззрений, уходящих своими корнями в недра первобытнообщинного строя.

Это произведение отчетливо сохранило в себе отголоски архаических «близнецных» мифов, основанных на дуалистических воззрениях древних людей. Хотя герои эпоса — братья Шульган и Урал не представлены близнецами¹, их деяния в определенной степени аналогичны образу и поступкам

близнецов из мифов и эпических сказаний других народов (сюжеты о братьях-соперниках, антагонистах). Близнецы часто изображались существами, выступающими в качестве родоначальников, или культурных героев [Иванов, 1991. С. 174].

Антагонистическое начало несет в себе Шульган: от начала и до конца эпического повествования он остается воплощением зла в противовес Уралу — носителю добра и благодати. Отрицательное в характере Шульгана проявляется еще в детстве, когда он в нарушение родительского запрета — выпил живой звериной крови, хранимой в ракушках (с этого эпизода начинается основная конфликтная ситуация произведения). Вкусив живой крови, Шульган как бы приобщается к миру животных, становится их «побратимом». В этом акте, возможно, нашел отражение далекий отголосок мифов, где наличествует мотив родства между близнецами и животными. Не случаен, видимо, и содержащийся в прозаической версии эпоса мотив превращения Шульгана в медведя после того, как он нарушил запрет родителей². Худшие черты Шульгана, его хищническая сущность ярче всего проявляются в эпизодах, где он устраивает потоп, замышляет убить брата и жениться на Хумай.

Линия поведения Урала, отмеченная с самого начала эпического повествования как положительная (верность родительскому наказу, уговаривание брата не прикасаться к ракушке с кровью), остается неизменной до конца. Грани его благородства представлены в эпосе во всем многообразии и наиболее

¹ В фольклоре встречаются случаи, когда в одном и том же произведении главных персонажей называют то близнецами, то старшим и младшим братьями (например, братья Ахсар и Ахсартаг из осетинского эпоса).

² Превращенный в зверя Шульган вскоре тонет в озере и гибнет. Героические деяния совершает Урал [БНТ. Т. 3, 1988. С. 33 — 431. Согласно научной литературе, выпадение из сюжетного повествования действий одного из близнецов воспринимается как ослабление, зачастую полное исчезновение идеи антагонизма, обусловленной переосмыслением, трансформацией близнецных представлений на более поздних этапах общественного развития. [Иванов, 1991. С. 176].

ярко высвечиваются в тех строках, в которых рассказывается о последнем великом подвиге богатыря и гибели во имя жизни других, во имя бессмертия Природы.

События в «Урал-батыре» происходят в фантастическом мире, где герои — персонажи, наделенные сверхчеловеческой силой, совершают свои великие или неблагоприятные дела. При этом, согласно природе мифологического эпоса, фантастика трактуется как реальность, реальность эпического мира.

В пространственно-временных представлениях создателей сказания обнаруживаются архаические пласты и последующие, более поздние, наслоения в развитии мифологического сознания.

Эпос сохранил отголоски древнейших мифов о «первотворении», космической модели Вселенной в ее трихотомическом варианте — о небесном, земном и подземном/подводном мирах, мировой горе; о роли культурных героев в мироустроительстве и т.д.

Отражением мифологического мирозерцания является ярко выраженный антропоморфизм — очеловечивание Природы. Солнце и Луна здесь изображены как жены повелителя птиц Самрау. А его дочери, Хумай и Айхылу, могут менять свой облик и превращаться в прекрасных девушек. Даром человеческой речи обладают птицы, животные, демонические существа.

Солнце и Луна как антропоморфные «персонажи» эпоса в целом пассивны, но не безучастны. Так, затмение Солнца наступает, когда случается беда с Хумай (ее проглатывает оборотень — Заркум). Меняется лик Луны в связи с неудачным браком дочери. Вот что по этому поводу говорит своему сыну Айхылу:

«Я дитя, рожденное Луной,
Озаряющей светом темную ночь,
У матери любимым ребенком была.
Когда Шульган стал мужем мне,
Мать моя скрыла свой лик,
Печаль покрыла ее лицо,
Родимые пятна появились на нем.
И день ото дня меняется ее лик,
Меркнут ее лучи, стыдится позора [моего].
Хотя [Солнце] и соперница ей,
Лишь светом солнца лучится теперь»
[БНЭ. С. 350]

В этих строках зафиксированы следы древнейших этиологических мифов, объясняющих причины солнечного затмения, а также происхождения пятен на Луне. В других жанрах подобная трактовка этиологического мотива не встречается.

Отголоски этиологических мифов слышны и в следующем эпизоде:

Умер батыр Урал, говорят,
.....
В небе падучая звезда
Весть Хумай подала [БНЭ. С. 366].

Как видно, в представлениях древних, причины падения звезд связывались с кончиной первопредков. И сегодня некоторые пожилые люди, когда видят падающую звезду, говорят: «Кто-то умер». Мотив проглатывания (в эпосе глотателем изображен Заркум) связывается также с космогоническими представлениями [Аминев, 2005. С. 75 — 76].

Примечательны и сведения о том, что Солнце и Луна подарили своим дочерям «в качестве приданого» небесных коней — Акбузата и Харыса.

Мифические птицы, животные и особенно демонические существа активны, и эпические герои с ними постоянно контактируют, зачастую борются.

Глубоко архаичны мотивы человеческих жертвоприношений (захоронение заживо, утопление, сожжение), посвященных духу предков, небу-Тенгри и другим божествам.

Чрезвычайно интересны реалии эпоса, связанные с концептом крови (*кан*). В виде осколка, одной — двумя фразами донесены до нас древнейшие универсальные представления, согласно которым кровь считалась воплощением души [Евсюков, 1998. С. 26]. Об этом свидетельствует эпизод разговора одного из сыновей Урал-батыра с незастывающей кровью рабов падишаха Катилы, некогда уничтоженных Урал-батыром:

«Вот ты, оказывается, какая кровь!
Тебя, оказывается, пролил мой отец,
Отцу моему, по имени Урал,
Оказывается, объявили войну.
Не потому ли не остываешь, кровь,
Что рука батыра коснулась тебя?
[Не потому ли] не успокаиваешься ты?¹
Раз ты — грязная кровь,
Ворон тебя не пьет, не впитывает земля,
Пенишься, не сохнешь ты,
Постоянно мучаешься ты».
После того, как я это сказал
Кровавая [лужа], озером закипев,
Брызнула на белый камень,
[Который был] от кровавого озера в стороне,
Начала колыхаться кровь,
О тайне своей поведала [мне]:

¹ В оригинале: «Не потому ли не успокаивается ваша душа?» [БНЭ, 1977. С. 135].

« Когда твой дед Катил
 Пленил нас, батыров четырех,
 Мы по его приказу вступили в бой,
 Потому и превратились в злодейскую кровь;
 Кровь нашу не впитывает земля,
 Солнце не иссушает нашу кровь.
 Воронов просим мы –
 Но и они нашей крови не пьют;
 Разрывается у нас душа!
 К своему отцу Уралу поезжай,
 О нашем горе ему расскажи:
 Пусть способ найдет, как нас воскресить,
 Чтобы сделать соратниками себе,
 Мужами, способными в битву идти»
 [БНЭ. С. 345 – 346].

В мотиве исцеления батыров силой чудодейственной воды, принесенной священным Вороном, запечатлены следы архаических мифов о воде как первооснове всего сущего (в данном случае второе рождение персонажей).

Символика крови, воды в фольклоре, ритуалах неоднозначна. В «Урал-батыре» обращает на себя внимание еще один эпизод, когда раненая лебедушка (Хумай) с помощью магического действия – смазывания кровью из большого крыла перьев, выпавших из здорового и бросая их на землю, вызывает к себе своих «сородичей» – трех лебедей, и те уносят птицу в царство Самрау. Этот мотив, хотя в целом и ясен его сакральный смысл, пока четкой трактовке не поддается. Однако невольно приходит на ум расхожее выражение «зов крови» (баш. – *кан тарта*). Разумеется, речь не идет о прямой идентификации. Вероятно, в выражении «зов крови» и действиях Хумай находит отражение явление симпатической магии.

Так от начала до конца в русле различных мифологических представлений разворачиваются события эпоса.

Тема Жизни и Смерти, Бессмертия, которая органически переплетена с другой важнейшей темой – темой Добра и Зла, занимает в «Урал-батыре» центральное место. Поставленная в философском плане во вступительной части эпоса, она раскрывается и аргументируется в остальных его частях через действия и поступки героев, в их размышлениях. Особенно большую идейную нагрузку мировоззренческого толка несут в себе вопросы юного Урала, заданные отцу в момент наказания им Шульгана за нарушение запрета, а также «слова» старого Ворона «о необходимости» («целесообразности») Смерти. Смерть трактуется в эпосе по-разному:

1) как нечто постоянное, данное свыше, неведомое и невидимое:

«Злодейка по имени Смерть
 Невидима для глаз,
 Незаметен ее приход –
 Такое это существо»¹ [БНЭ. С. 71];

2) как состояние, вызванное болезнями, старением (эпизод, в котором рассказывается о черных делах в царстве Катилы, где убивают людей, еще не испытавших болезней, приводящих к смерти. Представления о смерти как о естественном процессе, наступающем в результате старения, лежат в подтексте слов старика, осуждающего своего брата за злодеяния: «*Одряхлел, и Смерть* потому раньше других подкралась к нему»);

3) результат физического действия враждебных сил (прерванная жизнь) – в эпосе фигурирует как «видимая смерть» (Урал: «Когда прибрали к рукам своим пленников дивы одного за другим, Смерть пред глазами моими предстала»).

Но, как бы ни была осознана неотвратимость Смерти, люди испокон веков мечтали о продлении жизни, о бессмертии, что нашло отражение в фольклоре многих народов. Достаточно вспомнить мотив тщетного бегства героя от грозившей смерти в легендах тюркоязычных народов: туркмен, узбеков, каракалпаков, казахов и башкир – о «Коркудате» [Жирмунский, 1974. С. 544 – 545; БНПЛ, 2002. С. 216 – 217]. Страх перед смертью, желание избежать ее загнали и родителей Урала – Янбирде и Янбике – на необитаемый остров, с четырех сторон омываемый морем. Однако и здесь их не оставляет мысль о возможности смерти. На вопрос Урала, можно ли найти и уничтожить Смерть, Янбирде сообщает сыну о некоем Живом роднике – источнике бессмертия:

«На земле падишаха-дива,
 Сказывают, есть родник,
 Человек, воду испив из него,
 никогда не умрет, говорят.

Смерти будет неподвластен, говорят!» [БНЭ. С. 71 – 272].

Вскоре становится известно и то, что дорогу к Живому роднику знает раненая лебедушка Хумай. Глубоко символичная деталь. Она свидетельствует о том, что Живой родник и Лебедушка/Солнечная дева, олицетворяющие жизненные начала, имеют одинаковую степень значимости для развития эпического сюжета. Отныне все устремления главного героя будут направлены на уничтожение Смерти, поиски Воды бессмертия и невесты (Характерный

¹ В оригинале: *януар* – зверь/тварь

для древней эпической традиции мотив богатырского сватовства в кубаире не акцентирован, однако по поступкам героев – их женитьбе – нетрудно догадаться о его наличии). Старик Янбирде, огорченный тем, что не успел разузнать от лебедушки местонахождение живого источника, отправляет своих сыновей на поиски Родника бессмертия, в сторону, куда улетела птица. Фактически с этого момента начинается динамичное, поступательное развитие событий эпоса.

В поисках бессмертия Урал лицом к лицу сталкивается со Смертью. Она предстает перед ним то в образе огромного быка, то великанов, то в виде змей, дивов и потопа. Это – видимая Смерть (*Күзгә күренгән үлем*), но, как было сказано, существовала и невидимая Смерть (*Күз йәшергән үлем*). В мифопоэтическом сознании башкир, судя по эпосу, и видимая, и невидимая смерть обладали чертами живого существа, характеризующегося антропоморфными и зооморфными признаками.

В сказании главное место отведено описанию героических подвигов Урал-батыра. Через все произведение красной нитью – лейтмотивом проходят слова-рефрены Урала о желании отыскать и истребить Смерть («Из страны я ушел своей, чтобы избавить от Смерти людей»). В то время как коварный Шульган вступает в сговор с чудовищами, творит злодеяния, Урал, преодолевая невероятные трудности, уничтожает дивов и змей, дарует людям свободу, с помощью Хумай и крылатого коня Акбузата добывает Живую воду. Там, где на своем коне прошел батыр, образовались высокие горы, у подножья которых расселились люди. Урал сам не выпил добытую им Живую воду, а разбрызгал ее вокруг себя, и иссохшая Природа ожила, зазеленела и стала бессмертной. Он погибает вследствие злодеяний Шульгана, но не исчезает бесследно, а превращается в Урал-тау. Как известно, очищение земли от нечисти, создание природных объектов – типичные деяния культурного героя, демиурга. Следует сказать и том, что с именем Урал-батыра связана не нашедшая отражения в эпосе легенда, в которой герой тоже выступает в качестве мироустроителя, уничтожающего лишнее Солнце [БНТ. Т.2: ПЛ. С. 31].

В эпосе культурными героями изображены и сыновья Урал-батыра. В этом качестве отчасти представляет и его любимая жена Хумай («Если волосы разовью, лучами всю землю залью»), она и родоначальница («...вывела там [на Урале] птенцов, белых лебедей расплодила...»). Чертами героя-мироустроителя наделен чудесный конь богатыря – Акбузат, описанию которого посвящены лучшие

строки произведения. Сделав главным в действиях и поступках положительных героев и персонажей мотив созидания, творцы великого сказания воспели гимн Добру, гимн Жизни. Вот почему гибель главного героя и желание Хумай остаться в птичьем облике не воспринимаются как трагедия с безысходным концом. Сэсэнны с огромным тактом, проявляя исключительную мудрость, преподнесли мысль о неизбежности, необходимости Смерти, дали понять, в чем смысл Жизни и подлинное бессмертие человека. Об этом с потрясающей философской глубиной вещает когда-то успевший приложиться к Живой воде безымянный старец, несчастье которого заключается в том, что он обречен жить вечно:

«Мир – это сад,
[Все] живое в этом саду
Из поколения в поколение растет.
Одни оправдывают свой рост,
Другие позорят [этот сад],
А между тем [все они] украшают сад
в разные цвета,
Все это – растения и цветы.
То, что мы смертью считаем,
Что злом привыкли называть –
Это есть вечный порядок.
И в саду слабые растения
Или отжившие свой век
Выдергивают и очищают [сад],
На гибель обрекая их.
Не ищите бессмертия себе,
Не пейте из Живого родника:
На свете остается [лишь] то,
Что составляет мира красоту,
Что украшает наш сад, –
Имя ему добро.
В небо воспарит добро,
В воде не утонет добро,
В огне не сгорит добро,
Говорят о добре,
Оно превыше всех дел
И людям и тебе самому
Станет источником вечного бытия» [БНЭ.

С. 361 – 362].

Урал-батыр, поняв таинство Жизни и Смерти, в своем предсмертном обращении к сыновьям и соплеменникам призывает их к добрым делам, напоминает о том, что в мире, кроме Добра, есть Зло, с которым нужно бороться:

«Народ мой, вот что я скажу,
К вам обращаюсь, дети мои!
В лужах, озерах и впадинах –
Всюду дивы будут водиться,

Зло они будут творить,
 Проникать во внутренности к вам.
 Коварство дивов [тех]
 Постигнет всех вас,
 Все погибнете от него,
 Не пейте воду из озер,
 Не подвергайте опасности себя,
 Подчинившись дивам [тем]».
 [БНЭ. С. 364 – 365]

.....

«Пусть имя ваше будет Добро,
 Предназначение – Человек,
 Злу не давайте дорогу вовек,
 Пусть мир и добро пребудут вовек!» [БНПЛ.
 С. 331].

Слова старика, обреченного жить вечно, и предсмертное завещание Урала, звучащие в унисон, являются программными. В них сконцентрирована основная идея эпоса, его мировоззренческая суть.

Эпос «Урал-батыр» многослоен, и, как справедливо указывают исследователи, традиционный текст его, дошедший до наших дней, претерпел в процессе устного бытования немало изменений, обрастая новыми наслоениями, образами и мотивами [Сагитов, 1981. С. 8; Мирбадалева, 1977. С. 22].

В художественно-опосредованной форме в его пластах наряду с явлениями мировоззренческого порядка можно обнаружить и реалии общественной жизни (эпический социум), характерные для первобытно-родового строя. (Люди не имеют своего добра, не знают огня, едят сырое мясо, пьют кровь; существует понятие *йола* – обычаев, неписаных законов родового общества, подчинение которым обязательно, не случайно слово *йола* в тексте употреблено многократно — (14 раз); древние формы брака: групповой («ребенок не знал своего отца, отцы не знали своих детей»); предусматриваемый обычаями, но не до конца упорядоченный брак — женитьба для ниспослания зародыша ребенка (*кот*).

Весьма интересен представленный в эпосе мотив выбора девушкой жениха. Этот мотив в данном произведении встречается дважды. Первый раз в эпизоде, в котором описывается картина майдана,

где вот-вот должен совершиться акт человеческих жертвоприношений в царстве падишаха Катилла. Среди егетов, выстроенных в ряд, дочь Катилла отмечает Урала и в знак выбора дарит ему яблоко¹, однако Урал отказывается идти во дворец.

Оскорбленный тем, что Урал не последовал за дочерью во дворец, грозный Катил обвиняет егета в нарушении обычаев его страны, на что Урал отвечает:

«Не знаю того, кого падишахом зовут,
 Не знаю обычая резать людей.
 Мне видеть и слышать [о таком] —
 Сколько ни странствовал я —
 Нигде на земле не пришлось.
 О том, что такое бывает, не знал,
 С чужими обычаями не знаком.
 Злодейку по имени Смерть
 Ищу я, чтобы убить.
 Обычаев [таких] не боюсь,
 И Смерти я не страшусь.
 Не только человека, но даже птенца,
 Если Смерть [к ним] придет
 И руку над ним занесет,
 Я Смерти их не отдам.
 Сложив руки не буду стоять.
 Я повременю,
 Все обычаи узнаю твои,
 А потом все, что думаю я,
 Выскажу тебе» [БНЭ. С. 287].

В плане раскрытия внутренней сути героя эпоса этот эпизод весьма показателен. Здесь проявляются главные ценностные качества Урала — его благородство, целеустремленность, вызывавшие расположение, симпатию окружающих. Не случайно, когда расвирепевший Катил повелевает привести огромного быка для боя с Уралом, призвав своих батыров уничтожить чужеродца, перепуганные люди «слезы проливали», а дочь падишаха стала умолять отца не губить егета.

В последующих эпизодах личностные качества егета проявляются в его героических поступках: покорении быка, уничтожении батыров-злодеев Катилла, избавлении людей от насилия. Высоко оценив богатство Урала, его исполинскую силу, самый

¹ Истоки мотива дарения яблока, известного в устном творчестве многих народов, весьма архаичны: как свидетельствуют фольклорные материалы, его глубинные корни восходят к тотемическим воззрениям древних людей. Изучение башкирских народных сказок, эпоса, песен, пословиц, поговорок, загадок показывает, что яблоня и ее плоды в сознании носителей фольклора закреплены как понятия, символизирующие женское начало в жизни, идею плодородия. Например, в сказке «Козуля и яблоня», примыкающей к этимологическим легендам, ни сосна, ни береза, ни ольха не позволяют козуле лечь под ними и окотиться, в качестве дерева-покровителя выступает лишь дикая яблоня, то есть она как бы участвует при рождении новой жизни, пусть даже животной (хотя в мифологическом сознании миры особо не разграничиваются). Не случайно, видимо, и то, что ассоциации образов яблони и яблока с женским началом запечатлены в метафоризированной форме в загадке: «Алһыу битле кыз үсте, дөп итеп ергә төштө» («Выросла румяноликая девушка и со звуком "дюп" на землю упала»).

Примечательна также пословица «Алма ағасынан алыс төшмәй» («Яблоко от яблони недалеко падает» — в смысле, каковы родители, таковы и дети), где мы снова встречаемся с образами плодоносящего дерева и плода.

старый из людей, собравшихся на майдане, советует батыру жениться на дочери падишаха, мотивируя это тем, что именно ради любви к нему она взбунтовалась, подняла голос против отца.

Урал-батыр и в данной ситуации проявляет благородство, внемля совету аксакала, который говорил от имени всех. Сыграв свадьбу и пожив с женой несколько дней, батыр снова отправляется в путь в поисках Живого родника.

В той части эпоса, где повествуется о женитьбе Урала во второй раз, мотив выбора жениха девушкой отсутствует. Богатырские деяния и благородные поступки героя в стране змей царя Кахкахи вызывают чувство восхищения у людей. Аксакалы сватают Уралу девушку по имени Гулистан, «рожденную от батыра-отца, вскормленную молоком красавицы-матери», и он женится на ней. Целесообразность женитьбы мотивируется необходимостью продолжения рода («От батыра родится батыр...»).

И снова безболезненное расставание молодых, которое, по мнению исследователей, свидетельствует о временах, когда семейно-брачные отношения в обществе еще не были устоявшимися.

Мотив выбора жениха девушкой в исследуемом эпосе достаточно ярко проявляется в тех эпизодах произведения, в которых описывается пребывание Урала и его брата Шульгана в стране царя птиц Самрау, где герои встречаются с Хумай — Солнечной девой-Лебедью. В тот момент, когда наступает время выбора жениха, Солнечной девой ставится условие: Урал и Шульган должны укротить небесного крылатого коня Акбузата, снять с его седла булатный меч. При этом весьма примечательна деталь: вызвав Акбузата, Хумай предоставляет право выбора батыра своему коню. Это свидетельствует о том, что Хумай и Акбузат в свете древнейших мифологических воззрений являются разными проявлениями единой сущности, единого образа — Солнца (Солнце — крылатый конь, Солнце — птица). В эпосе они наделены человеческими качествами: Акбузат — «говорящий» конь, Хумай — лебедь, способная превращаться в лучезарную девушку.

Получив от девушки право на выбор жениха для нее, Акбузат усложняет условия испытания батырства: прежде чем поймать его (коня), егет должен поднять и взметнуть в небо камень в семьдесят батманов («Кто хочет батыром стать, Кто хочет меня получить, Пусть вот так силу испытает свою»).

Когда люди нашли такой камень, снова в действие вступает Хумай. По ее воле первым испытывает силу и терпит неудачу (позор) Шульган, вышедший на майдан вторым Урал с космической масштабностью справляется с задачей («Бросил камень в небе-

са, Камень стрелой полетел, говорят»), в результате он получает Акбузата и право жениться на Хумай. Узнавание внутренней сути Урала, его ценностных качеств, то есть испытание героя на духовную прочность Солнечная дева осуществила ранее также через постановку трудной задачи — найти и привести во дворец похищенную дивами сестру Айхылу — Лунную деву. Не упускала она из своего поля зрения и Шульгана (антипода Урала) с его коварными замыслами и неблагоприятными поступками.

В эпосе «Урал-батыр» имеется и другая сюжетная линия, где обнаруживается мотив сватовства. Она (эта линия) связана с именами Шульгана и Айхылу, роль которой характеризуется пассивностью. В первый раз ее замуж за Шульгана выдает царь дивов Азрака, во второй (также за Шульгана) — отец Самрау.

Как видно, в «Урал-батыре», имеющем ярко выраженную мифологическую основу, органически совмещены фантастические и связанные с жизнью людей реалистические представления, которые раскрыты согласно жанровой природе мифологического эпоса. Нетрудно заметить, что представления о ценностных качествах жениха определены соразмерно узловым линиям эпоса — проблемам мироустройства, жизни и смерти, решение которых осуществляется идеальным героем — батыром, обладающим невероятной физической силой и высоким благородством. Именно эти качества героя в образе Урала оценены как высшая степень достоинства егета, претендующего на семейно-брачные отношения.

Отголоски эпического социума отражены, повидимому, и в описании «черных дел» в царстве Катилы.

В прозаической версии эпоса имеется одна весьма интересная деталь, которую можно было бы трактовать как реликт из области быта древнего человека (охотника), представленная в сцене убийства детей девятиглавого дива ударом подвешенного на дереве камня: «...Урал подвесил на суку ближнего вяза камень величиной с лошадиную голову, (...) дети дива собрались вокруг загадочного большого камня, подвешенного на длинной веревке к суку вяза. Один из них, забавы ради, толкнул камень, тот откатнулся в сторону и сбил шалуна с ног. Рассерженный детеныш дива поднялся и с такой силой хватил по камню, что тот отлетел в сторону и на обратном пути разможил ему голову» [БНТ. Т.3: БС. С. 36 — 37].

Художественное «воспроизведение» важнейших категорий бытия — времени и пространства в эпосе «Урал-батыр» осуществлено согласно законам поэтики жанра. Будучи героическим сказани-

ем с мифологической основой, эпос, естественно, содержит в себе прежде всего «реалии» мифологического пространства и времени, которые гармонично сосуществуют с элементами эмпирического.

Отголоски времен первотворения слышны с начальных строк эпоса, где описывается «место одно, куда никто не ступал ногой, где старик по имени Янбирде с Янбикою, старухой своей... жизни семя заронили». В эпосе мотив первотворения в явном виде не отражен, о нем можно судить только по деталям текста, где сохранились элементы мифа о сотворении суши (острова) из первозданного океана/моря (окруженность суши с четырех сторон морем, числовое обозначение, символизирующее четыре стороны света: север-юг, запад-восток). Становится ясно, что это место – территория первотворения, где обитают первопредки, на что недвусмысленно указывают имена стариков (Янбирде – *дарующий жизнь*, Янбике – *женщина, вмещающая душу*). Покоящийся на водах и окруженный ими со всех сторон остров как территория первотворения фигурирует в мифах многих народов мира.

Большую семантическую наполненность имеют пространственные названия, носящие мифологическую окраску: одни из них содержат в себе положительную информацию (*кош иле – край птиц* как олицетворение божественного небесного мира), другие – отрицательную (*дейеүзәр ере/иле – земля дивов, йылан иле – край змей – символы враждебного человеку нижнего мира*). Промежуточный, средний мир по отношению к верхнему – нижний мир. В эпосе земной и подземный миры строго не разграничены. Место обитания дивов, змей – земля, гора, склоны гор, ложбины, озера. Низменности, водоемы в мифологическом сознании с позиции среднего мира – объекты нижнего мира.

По-видимому, как образ Мировой горы фигурирует гора, что выше облаков, и где находится царство повелителя птиц – Самрау. (Вообще, в сознании древних предков башкир как мировая ось, центр Вселенной закрепились сами Уральские горы, что нашло яркое отражение в изречении «Урал – ерзең кендеге» – («Урал пуп земли».) В эпосе образование Уральских гор связывается с именем Урал-батыра: они образовались там, где проезжал на своем Акбузате эпический герой («Дорога Урала – высокая гора, могила Урала – славная гора»).

Примечательны упомянутые в кубаире названия Каф-тау (*Кафтау*-мифическая гора, часто встречающаяся в сказках, ассоциируется с дальними землями) и Кут-тау (*Коттау* – благодатная гора, даю-

щая жизненную силу). Названия сохранили следы древних верований, связанных с почитанием гор. Кут-тау, как и Живой Родник, находится во владениях падишаха дивов. Предназначение Урал-батыра – освобождение благодатных мест от нечисти, враждебных сил во имя сохранения жизни на земле.

Условность эпического пространства часто подчеркивается типовыми формульными выражениями с компонентом *бер* (один, одна, одно): озеро одно (*бер күл*), место одно, окруженное горами (*тау ураткан бер ер*) и т.п.

Однако к концу эпического повествования в кубаире появляется реальная география, топонимические названия, связанные с конкретной территорией Южного Урала: Уральские горы, реки Идель, Яик, Сакмар, Нугуш, озеро Шульган, где расселяются потомки Урал-батыра. Это – глубоко семантизированное пространство, свидетельствующее об освоенной с древних времен этнической территории. Не случайно и то, что до сих пор в памяти народа живы мифы, легенды, поверья, связанные с древними представлениями о духах первопредков, об издавна освоенной территории. Рассказывая о пещере Шульган-таш (Каповой), на стенах которой сохранились рисунки эпохи палеолита [Матюшин, 1996. С. 21 – 22], пожилые люди упоминают поверье о том, что время от времени у входа в пещеру появляется белый всадник или конь Акбузат на склоне горы, что над Шульган-ташем. Считали, что это – дух Акбузата, и в старину приносили в его честь жертвы, читали молитвы [БХИ. Т.1: ЙФ. С. 9]. В этих рассказах стариков запечатлены не только отголоски эпоса «Урал-батыре», но и сказания «Акбузат», в частности, поверье о том, что Акбузат – священный тулпар, сохраняющий жизненное начало (*кот*) коней, вышедших из озера Шульган.

Сопоставив мифологические образы эпических сказаний «Урал-батыр» и «Акбузат» с изображениями пещеры Шульган-таш и исходя из того, что в основу «Урал-батыра» положен миф инициации культурного героя, эпицентром которого является родник живой воды и озеро Шульган-Таш, археолог В.Г. Котов утверждает о том, что пещера Шульган для предков башкир являлась культовым центром, где совершались обряды посвящения и возрождения природы начиная с эпохи каменного века [Котов, 2006. С. 351].

Повествование в «Урал-батыре» передано в основном в стихотворной форме. Чередование поэтических строк с прозаическими наблюдается только «во вступительной части произведения, [где] сохранились наиболее древние пласты эпоса» [Мирбадалева, 1977. С. 12]. Здесь уместно вспомнить выска-

зывание крупнейшего знатока мифологии и эпических песнь-сказаний Е.М. Мелетинского: «Смешанная стихотворная и прозаическая форма... — черта архаическая» [Мелетинский, 1968. С. 18].

Примечательно и то, что силлабический стих «Урал-батыра» имеет (с очень небольшими отклонениями) семисложный размер, который академик Ф.Е. Корш считал самой древней формой стиха тюркоязычных народов, «достоянием пратурецкого племени» [Корш, 1909. С. 15].

Обращает на себя внимание малочисленность устаревших слов в «Урал-батыре». К моменту письменной фиксации эпоса (она очень поздняя — 1910 г.¹, записан сэзэном Мухаметшой Бурангуловым от сэзэнов Габита Аргынбаева и Хамита Альмухаметова) архаизмы, замененные новыми словами в процессе длительного устного бытования, видимо, были уже утрачены.

Часто употребляемые в тексте концепты «народ» (*халык*), «страна/край» (*ил*, по-русски звучит: *иль*) воспринимаются как относительно поздние наслоения по сравнению со словами «род» (*ырыу*), соплеменники (*ырыузаштар*), «земля отцов» (*атайзар торган ер*, *ата-эсэ ер-һыуы* — земля — вода отцов и матерей).

При этом нельзя не заметить одну весьма существенную особенность повествовательного начала эпоса: ему не свойственен натянутый историзм, бытовизация. Историческое осмысление действительности через мифологические образы передано с исключительной тонкостью, глубиной. Небесный конь Акбузат спускается на определенную территорию, создает природные объекты и остается там, в конкретном пространстве занимается мироустройством главный герой эпоса алып — исполин Урал, культурный герой, демиург.

В целом, сюжетное построение, художественно-поэтические средства «Урал-батыра» подчинены единому эпическому стилю, характеризуются традиционностью, устойчивостью.

Следует отметить, что многие образы и мотивы кубаира «Урал-батыр» созвучны с образами и мотивами эпических сказаний других народов. В научной литературе имеется целый ряд интересных высказываний о сходстве отдельных элементов башкирского кубаира с мотивами шумерского эпоса о Гильгамеше, герой которого отправляется в путь в поисках бессмертия [Петросян, 1975, Валеев, 1989. С. 45 — 48], священного писания зороастрийцев

«Авеста», где противоборствуют братья Ахура Мазда и Ангро-Майнью, олицетворяющие борьбу добра и зла [Мажитов, Султанова, 1994. С. 71 — 75; Рязанов, 2000. С. 22 — 24; Баимов, 2006. С. 125 — 148], а также сказаний тюркско-монгольских народов [Рязанов 2000. С. 35 — 38; Сулейманов 2000, С. 226 — 231] (схватка богатырей с чудовищами, очеловеченный образ коня; женитьба богатырей на одной из дочерей небесного бога [Суразаков, 1985. С. 49]; белобородый старец, встречающийся с героями на развилке дорог, образ которого, на наш взгляд, восходит к древним представлениям о добром хозяине-духе местности и т.д.).

Заслуживает внимания вывод Р.Н. Баимова, изучившего в сравнительном плане реалии «Авесты» и городища Аркаим: «... рассмотренные особенности городищ Вар «Авесты» и Аркаима наших дней позволяет сказать, что контактные (возможно, и генетические) взаимосвязи протобашкир Южного Урала с иранскими (арийскими) племенами уходят в мифологическую плоскость, приобретая реальные черты уже во II — I тысячелетиях до нашей эры» [Баимов, 2005. С. 72]. Сравнительное изучение башкирского эпоса «Урал-батыр» с «Авестой», а также древнеиндийскими памятниками «Рамаяна», «Махабхарата» дало возможность ученому сделать вывод об общности образной системы и концептуальной близости этих произведений, выдвинуть гипотезу о едином хронологическом срезе (историческом периоде их зарождения/возникновения) [Баимов, 2006. С. 135].

Общеизвестно, что образ одного из главных персонажей эпоса — Хумай («богиня плодородия, хранитель младенцев») распространен в фольклоре тюрко-монгольских и ираноязычных народов.

Крупный знаток карело-финского эпоса В.Я. Евсеев в свое время обратил внимание на сюжетное сходство эпизода борьбы Урала с мотивами карельской, ижорской и эстонской рун о громадном быке [Евсеев, 1987. С. 8].

Нельзя не заметить типологическую созвучность некоторых мотивов башкирского эпоса с мотивами древнегреческих мифов (младенческие подвиги Геракла и героическое детство сыновей Урал-батыра, битвы Геракла с чудовищами), элементами англосаксонского эпоса «Беовульф» (уничтожение людоеда Гренделя, схватка с драконом).

Конечно, в эпосах в том числе башкирских, сходные мотивы получают своеобразную интерпретацию, оформляются в контексте культурных традиций того или иного этноса. В этом плане достаточно вспомнить эпические сюжеты, в которых обнаруживается наибольшее сходство, — сказания о Гильгаме-

¹ Сравните: имеющие фольклорную основу древнегреческая «Песнь о Хильдебранде» письменно зафиксирована в начале IX в., англосаксонская, или древнеанглийская эпическая поэма «Беовульф» — в конце X в., древнескандинавская «Эдда» — в конце XIII в. // Волков, Волкова, 2000; Мелетинский. 1968. С. 5.

ше и Урал-батыре. Если герой шумерского эпоса отправляется в путь в поисках бессмертия для себя, герой башкирского кубаира ищет «живую воду» не для личного бессмертия, а ради вечной жизни на земле.

Кроме специфических черт в трактовке основной идеи, немало своеобразного и в характерных реалиях этих сюжетов.

Созвучность образов и мотивов «Урал-батыра» с образами и мотивами мирового фольклора, в особенности с «Авестой» и эпосом о Гильгамеше, свидетельствует о том, что духовная культура предков башкир зародилась в глубокой древности и развивалась в русле общечеловеческой культуры. Показательно то, что в башкирском эпосе сохранился архаический пласт этой культуры, и последующие наслоения не разрушили его.

По единому мнению исследователей, логическим продолжением эпоса «Урал-батыр» является «Акбузат». Герой эпоса Хаубан представлен правнуком Урала, продолжающим благородные дела своих предков. С помощью Акбузата и волшебного меча, некогда принадлежавшего первоначально Урал-батыру, Хаубан разрушает подводное царство Шульгана, освобождает людей от неволи, женится на дочери падишаха и возвращается на землю.

Эпос имеет ярко выраженную мифологическую основу со значительной долей поздних наслоений, касающихся эпическо-сказочного социума. Древнейшие мифологические воззрения вложены прежде всего в образ Акбузата. В этом образе аккумулярованы разные, в то же время тесно связанные между собой представления, возникшие на основе почитания коня как священного животного. Просматриваются отдаленные следы мотивов: а) *конь* — *солнце* (Акбузат — небесный крылатый тулпар, подаренный Урал-батыру Хумай-дочерью Солнца; в рассматриваемом эпосе коня герою отдает в награду водяная красавица, образ также солнечного происхождения («девушка, сотворенная из лучей»); б) *человек-коконь* (обладает даром человеческой речи, в действиях тесно слит с героем, а когда отлучается, как связующее звено оставляет волосинки из гривы или хвоста — деталь, также имеющая символическое значение); в) *конь* — *создатель природных объектов* (суши, гор); г) Акбузат — покровитель скота, *хранитель жизненной силы породы лошадей (мал кото)*. Появление таких представлений объясняется значением, которое имели животные на ранней стадии человечества, когда они еще резко не отделялись от человеческого коллектива — ни в его синхроническом состоянии (включение животных в социальную иерархию, помещение священных животных на

вершине иерархической лестницы), ни в диахроническом аспекте (идея происхождения того или иного рода от животного предка), ни онтологически (представления о животных как особой ипостаси человека).

Роль животных оставалась важной и в последующие этапы общественного развития. Хотя верования с течением времени в связи с изменениями жизненных условий и ослабевали, видоизменялись, архаичные мотивы народной памяти (в устно-поэтическом творчестве, обрядах, декоративно-прикладном искусстве, наскальной живописи) сохранились.

Главенствующее место в иерархии животных, особенно у кочевых и полукочевых народов, принадлежало коню. По образному выражению Г.Д. Гачева, конь кочевника — космос, его единство, божество, увешанное всеми атрибутами бытия и мироздания [Гачев, 1998, С. 67]. (В этом плане достаточно вспомнить описание коня и его снаряжения в «Урал-батыре» и «Акбузате».) [БНЭ. С. 334 — 335, 376 — 377].

Главное ценностное качество лошади/коня для кочевника, да и вообще для человека — движение, одоление пространства. Стремительный бег скакуна создает ощущение полета, а всадник ассоциируется с птицей, что нашло отражение в присловье «Конь мой — крылья мои» («Атым — канатым»). По словам Г.Д. Гачева, «человек верхом — уже член неба, верха мира: от земли и ее тяготений он уже освобожден, опосредован конем» [Гачев, 1998, С. 68]. Вот почему в эпосе и богатырских сказках разных народов конь неразрывно связан с героем-богатырем, опоэтизирован, возвеличен, почитаем.

Архаичные мотивы мифопоэтического сознания древних отражены и в образе дочери подводного царя Нэркэс, которая способна менять свой облик, превращаться из одного состояния в другое — то золотая утка, то лучезарная девушка. Судя по эпосу, ее «век нескончаем, старость не берет», т.е. она имеет божественную природу [Котов, 2006, С. 246].

Архаичен также мотив предбрачного единоборства богатырской девы с парнем — богатырем, однако в данный эпос он, по-видимому, привнесен под влиянием других сюжетов, связанных с выбором жениха. Не случайно в «Акбузате» единоборства, как такового, нет, о нем только упомянуто («...Яика, деда твоего, в единоборстве одолела я»).

В целом, образ Нэркэс неоднозначен. Это достаточно четко просматривается в диалогах водяной девы с Хаубаном и с отцом своим — падишахом Шульганом. Тон ее разговора с земным парнем при

первой встрече, когда она, существо потустороннего мира, находилась в облике золотой утки, и в последующих эпизодах, особенно к концу поэтического повествования (уже в облике девушки), весьма различен. В отдельных эпизодах образ становится лиричным, психологически осязаемым (Нэркэс отцу: «Тепло его (Хаубана) рук /До сих пор у меня в груди. /Если польется его кровь, /Знай, мое тело судорога сведет»); она же Хаубану в финальной сцене эпоса: «Как только увидела тебя, / Всем сердцем полюбила, /Но не посмела сказать) [БНЭ. С. 387; 417].

Некоторая противоречивость в суждениях Нэркэс относительно возможности жизни земных и неземных существ в условиях отрыва их от естественной среды обитания объясняется, по-видимому, изменением отдельных воззрений в сознании носителей фольклора, а скорее всего, влиянием на эпос других сходных сюжетов. На наличие их указывает и образ земной девушки Айхылыу, введение которого в канву эпоса выглядит несколько искусственно. Когда ослабевает та или иная вера в мифопоэтическом сознании людей, в фольклорных «текстах» появляются «рационализаторские» нововведения (в данном случае нереализованная задумка хозяев подводного мира женить Хаубана на Айхылыу).

Следует отметить, что разностадиальных наслоений в эпосе «Акбузат» немало. Если одни из них выражены не совсем четко, о чем было сказано вначале, другие широко развернуты, прозрачны. Последнее проявляется в изображении борьбы Хаубанбатыра с Масем-ханом. Образ героя сказания более ярко раскрывается именно в его земных деяниях, направленных на освобождение людей от притеснителей. При этом он неразрывно связан с Акбузатом — символом вечного жизнеутверждающего движения.

В эпическом сказании «Заятуляк и Хыухылу», как и в эпосе «Акбузат», разработан традиционный фольклорный мотив — мотив женитьбы земного егета на дочери подводного владыки (падишаха). Герой сказания Заятуляк, замороженный красотой лучезарной водяной девы Хыухылу, опускается на дно озера, женится, но, будучи не в силах перенести разлуку, возвращается на землю с женой и ее приданым — табуном лошадей. Конец повествования в разных вариантах описывается по-разному — трагичен или благополучен.

События в сказании разворачиваются в эпическо-сказочном плане. В той части сказания, где описывается земная жизнь главного героя и других персонажей, изображение событий построено на конфликте Заятуляка и шестерых его братьев. Важным моментом произведения, своеобразной отправной

точкой действия персонажей является эпизод, когда Самар-хан объявляет сыновьям о том, что им пора «из лука стрелять, верхом на коне скакать, [ловчих] птиц на дичь выпускать, свое умение показать. [БНЭ. С. 418].

Не вдаваясь в подробности развития сюжета, отметим следующее: удача Заятуляка на охоте, затем в конных скачках вызывает зависть у братьев. Опозоренные своей неудачей, они решают избавиться от него. Однако, согласно эпическим традициям, герою в момент экстремальной ситуации приходит на помощь чудесный конь — крылатый тулпар, обладающий даром человеческой речи. Предупрежденный конем Заятуляк покидает родную (летовку) яйляу и оказывается у озера Асылыкуль.

По древним воззрениям, место у реки, озера — пограничная зона между земным и потусторонним (своим и чужим) мирами. На этой «необычной» территории и встречает Заятуляк лучезарную водяную девушку, сидящую на камне у берега, расчесывая золотым гребнем свои волосы длиною в шестьдесят обхватов (*колас*). Влюбленный с первого взгляда егет, ухватившись за волосы Хыухылу, погружается в подводное царство. Весьма значителен при этом поэтический диалог-соствязание между героями сказания, в котором проявляется неотступная решительность Заятуляка. Герою не нужны никакие дары Хыухылу, не страшны угрозы — ради нее он готов пожертвовать всем дорогим, что у него есть: белым соколом, серым тулпаром и даже родителями. Готовность егета умереть ради нее смягчает сердце Хыухылу: погружение земного парня в подводный мир свершается с согласия водяной девы.

Вводя Заятуляка в белую войлочную юрту, стоящую посреди луга, что на дне озера Асылыкуль, Хыухылу говорит: «Егет мой, ты добился своего: отныне я твоя, а ты — мой». Далее сказание гласит: «Долгое время Хыухылу держала у себя Заятуляка, не показывая ни матери, ни отцу». В этой весьма примечательной детали белая юрта, по-видимому, символизирует сакральную «территорию», на которой закладывалось начало семейно-брачных отношений.

Поступок самой Хыухылу, самостоятельно, без ведома отца решившейся на установление семейно-брачных отношений, трактуется как своеобразное отражение отголосков древних форм брака, зародившихся в недрах матриархата [Галин, 2003. С. 107].

Показательно поведение отца Хыухылу. Узнав однажды о том, что в юрте дочери находится Заятуляк, этот грозный владыка подводного мира не совершает пагубных для егета действий, дает согласие на замужество дочери, позже — на возвращение Заятуляка вместе с женой на Балкантау, при выходе из

озера дарит им скот. Касаясь эпизода выхода скота из озера в качестве приданого, А.Н. Киреев справедливо полагает, что в этой сцене отражается мотив зарождения собственности одновременно с возникновением семьи [Киреев, 1970. С. 82].

Сказание «Заятуляк и Хыухылу», несмотря на свой сравнительно небольшой объем, информативно насыщено. В нем нашли художественное отражение как мифологические воззрения, так и явления, характерные для реальной действительности разных эпох. На фоне относительно поздних бытовых явлений, изображенных в сказании, порою просматриваются отголоски (следы) древнейших обрядов, связанных с переводом юношей и девушек в возрастную класс взрослых мужчин и женщин посредством испытания их силы, ловкости. Весьма примечательны в этом плане эпизоды сказания, когда отец Заятуляка одаривает сына-победителя подарками: в первый раз – поясом, украшенным драгоценными камнями, во второй – луком и стрелой. После победы на скачках Заятуляк получает имя батыра. Все эти действия, а также их вещественные атрибуты, будучи обрядовыми, глубоко символичны: в контексте данного сюжета они служат знаками, которые свидетельствуют о признании нового статуса эпического персонажа – юноши, перешедшего в новый жизненный цикл. Третье испытание (скачки) – реликт обряда посвящения героя в богатыри. Правда, сакральный смысл этих действий современные информанты не знают.

Ретроспективный взгляд требуется и для понимания мотива отказа Заятуляка от родителей. Его смысл можно понять, если попытаться рассмотреть данный мотив с позиции героя, вступившего в конфликт с общиной (отчим домом), и с точки зрения общественных отношений той далекой эпохи, «когда семья и понятия «отец» и «мать» только что начали оформляться, когда к отчому дому еще не было тех чувств, которые выработались позже» [Киреев, 1970. С. 78].

Следует отметить один интересный вариант, где фигурирует сцена встречи Заятуляка с матерью после возвращения на землю. Согласно этому варианту, героя сказания с радостью встречают те, которые помнили его, в том числе и одна старая-престарая женщина. Однако Заятуляк, как и многие другие, ее не узнает. Тогда из груди женщины стало сочиться молоко, и брызги каснулись лица Заятуляка, после чего сын узнал в женщине свою мать. Сказителем этот акт трактуется как знак, посланный Богом («Хорай Тәғәлә әшкәртеп, Заятүләкте таныткан инәһен») [Надршина, 1992. С. 14], что, очевидно, является поздним привнесением в сказание.

Мотив встречи сына с матерью глубоко содержателен. Его трудно воспринимать только как элемент, внесенный в сюжет лишь для показа продолжительности времени пребывания героя в подводном царстве (период старения матери). Важный смысл заложен в «образ» материнского молока, в его символику, через которую выражены архаические представления древних тюрков, согласно которым «герой, вкусивший материнское молоко, воспринимается как существо вновь рожденное, причем рожденное в новом качестве. Кроме того, материнское молоко служило знаком родства, символом рода» [Традиционное..., 1988. С. 133].

В целом, в сказании «Заятуляк и Хыухылу» немало яркой, информативно насыщенной символики: Балкантау как символ священной, родной земли; черный всадник (падишах подводного царства), олицетворяющий темный мир; желтый цвет (желтизна на лице героя – символ увядания от тоски по Балкантау) и т.п.

Многозначительны и запреты, представленные в данном эпическом сказании. Согласно фольклорной традиции, нарушение героем запрета, как правило, приводит к нежелательным, порою пагубным последствиям. В результате нарушения первого запрета – оглянувшись не вовремя назад, Заятуляк потерял часть скота, выходящего из озера, а нарушение второго запрета привело к трагическим событиям. По возвращении на землю Заятуляк – согласно воле сородичей становится ханом вместо умершего отца (братья в борьбе за престол перебили друг друга). Занятый делами Заятуляк не заметил, как настал назначенный Хыухылу срок возвращения на Балкантау (не задерживаться в кочевье отца больше сорока дней).

Конец повествования изложен в стиле восточных романических сказаний: когда Заятуляк примчался на гору Балкан, возлюбленная была уже мертва (шел сорок первый день). Тогда Заятуляк копьём вырывает могилу для Хыухылу, закалывает себя и падает бездыханным рядом с любимой.

Как уже было сказано, имеются и варианты с благополучной концовкой (возлюбленные живут счастливо и умирают обычной смертью). Разноплановость финала сказания А.Н. Киреев связывал с общественными явлениями, нашедшими отражение в действиях и поступках главного героя. Трагический финал отдельных вариантов сказания, по мнению ученого, обусловлен непоследовательностью действий героя в борьбе за создание семьи (его возврат в покинутую ранее общину) [Киреев, 1970. С. 86 – 87].

Видимо, более верна точка зрения А.С. Мирбадалевой, которая в описании трагического финала в некоторых вариантах сказания видит влияние традиционного романического эпоса [Мирбадалева, 1977. С. 41].

При изучении эпического сказания «Заятуляк и Хыухылу» не следует забывать о том, что это сказание, несмотря на обилие в нем деталей бытового характера, в целом имеет мифологическую основу. Кроме того, оно тесно связано с эпосом «Акбузат», который, в свою очередь, является логическим продолжением эпоса «Урал-батыр». Мифические события, происходящие в этих эпических сказаниях, приурочены к конкретной территории – географии Южного Урала. В связи с этим в названных произведениях в той или иной форме присутствует этногенетический мотив [Надршина, 2003. С. 23, 40, 56; Котов, 2006. С. 250], а также прославление родной земли. Касаясь гидронимических, топонимических названий, Р.Н. Баимов также подчеркивает их этническую привязанность. «Если башкиры изначально не жили бы на этих землях – на Урале, Агидели, Шулгане, Нугуше, Яике, Сакмаре..., а где-нибудь в другом месте, в эпосах они прославляли бы не Урал, а свои земли, горы и реки, воспевали бы героев своей родной земли» [Баимов, 2006. С. 141].

В «Заятуляке и Хылхылу» тема родины, переданная понятиями «земля-вода» (*ер-һыу*), «место рождения» (*тыуган ер*), «родина» (*тыуган ил*), гора Балкан (*Балкантау*) – одна из узловых. Как выражение мировоззренческого, духовного начала, она тесно переплетена с другой – темой создания семьи.

Вообще, в башкирском фольклоре образу Земли-Воды (*Ер-һыу*) как символу родной земли (родины) уделено одно из центральных мест, о чем свидетельствуют кубаиры, песни и многочисленные пословицы.

Особый интерес вызывает эпическое сказание «Узак и Тузак – потомки балабашняков»¹ (малых печенегов), в котором раскрытие образа Ер-Хыу осуществлено в связи с древнейшими космогоническими представлениями, нашедшими отражение в строках:

Тело Земли-Воды – Человек,
Земля-Вода – двойник (пара) Человека [досл. пер. наш – Ф.Н.].

В этих предельно лаконичных строках запечатлены отголоски одного из архаических космогонических мифов о происхождении Вселенной, в частности о докосмическом гигантском существе – первочеловеке, тело которого якобы дало начало всем стихиям (кости – земля, голова – небосвод, глаза – звезды, волосы – леса, дыхание – ветер... Как известно, антропоморфизированная модель мира отчетливо выражена в индо-иранской, китайской мифологиях. Ср. образы Пуруши и Пань-Гу).

В эпосе «Узак и Тузак» мотив *Земля-Вода – Человек* не развернут. Не развернут и другой архаический мотив *Земля-Вода – двойник Человека*, мотив, довольно четко выраженный в мифах алтайцев. Это объясняется, вероятно, тем, что в содержании эпоса значительное место занимают поздние наслоения мировоззренческого плана. Кроме того, образ Ер-Хыу (Земли-Воды) в сказании олицетворяет не только обожествленную природу, но и родную землю/родину:

«Земля-Вода – биение сердца моего,
Земля-Вода – мой основной двойник.
[Земля-Вода] – лик (наследие) отца моего,
Земля-Вода – моих рук сила и опора» [Пер. наш – Ф.Н.].

Чтобы передать великий глубокий смысл понятия Ер-Хыу, сэсэн, создавая эпос о судьбе своего племени, обратились к исторической памяти предков, используя при этом мотивы древних мифов, готовые поэтические формулы и образы из традиционного фольклора. В данном случае соединение традиционного и нового было естественным в силу того, что связь человека с природой является постоянной реальностью, и ранние философские воззрения, размышления о земле-воде снова стали актуальными, приобретая в новых условиях новые оттенки.

В эпосе «Узак и Тузак» информативным представляется сведение, связанное с одним из эпизодов погребального обряда. Оно зафиксировано в одной

¹ Здесь название сказания ("Узак менән Тузак – балабашняк ярысығы") дается согласно архивной записи [НА УНЦ РАН, Ф.3, оп. 73, д. 68, лл. 91-105]. Под этим же заглавием текст опубликован в ж. "Агидель" (1982. № 4. С. 122 – 125). Одним из сюжетобразующих компонентов сказания является мотив рождения одного ребенка вместо ожидаемых близнецов, наречение этого ребенка двумя именами – Узак, Тузак. Исходя из этого, в последующих публикациях, подготовленных М.М. Сагитовым, фигурирует название Узак-Тузак – последний из рода балабашняков (пер. Газима Шафикова) [Башкирский фольклор, 1986; БНТ, т.1, 1987. С. 239 – 247].

При более глубоком изучении текста выясняется, что в башкирском народном творчестве когда-то существовал эпос о двух братьях – близнецах – антагонистах, в образе которых олицетворялось одно из дуалистических начал – идея противопоставления добра злу, что нашло отражение даже в семантике имен. На мысль о том, что в ранней версии эпоса фигурировали образы двух братьев- близнецов, наталкивают и следующие строки: "В те края, где Узак обитал, где Тузак проживал (...) объявились люди какого- то другого племени" [БНТ, т.1, 1987. С. 247].

Примечателен и тот факт, что в угоду содержанию названия сказания не было изменено ни сказителем, хорошо знающим природу фольклора Рашимом Ахтаровым (д. Юнус Мечетлинского района), ни фольклористом Нигматом Шункарковым (имена без дефиса, с союзом и). См. подробнее: Надршина, 1999. С. 74 – 78, 87 – 88. Там же опубликован текст сказания с некоторыми уточнениями (на башк., русск., англ. яз.) [Узак и Тузак, 1999. С. 79 – 86, 89 – 91].

фразе: «Неподалеку от крутояра, над рекой, на возвышенном месте, рядом с могилой матери вырыл Узак могилу (досл. *сокор-яма*) и похоронил отца головой к истоку реки» [*«Ватандаш»*. С. 85].

Своей высокой художественностью, характером стиха, идеей о вечности (о вечном круговороте) жизни эпос «Узак и Тузак — потомки балабашняков» перекликается с эпосом «Урал-батыр».

Мифологические воззрения, представленные в произведениях несказочной прозы, также неоднородны и разноплановы. Одни из них сохраняют следы тотемических воззрений, культа животных, птиц и растений; другие — антропоморфических, анимистических; третьи — демонологических (низшая мифология). В объяснении происхождения родов и родовых названий носители фольклора часто опираются на традиционные воззрения, от которых «веет» глубокой архаикой.

Отголоски тотемических воззрений, культа животных и птиц наиболее определенно проявляются в этногенетических и этнонимических легендах мифологического характера.

Чудесными родоначальниками (первопредками) башкирских племен, и родов выступают: Волк («Потомки рода волков»¹), Медведь («Происхождение от медведя»), Конь («Откуда пошел род Баштая — головного стригунка» / «Тарпан человеческий»), Лебедь («Племя Юрматы»), Ворона («Причуды вороны» и демонологические существа — Черт («Шайтанский род»), Шурале — Леший («Род потомков шурале»). Связанные с образами шайтана и шурале этногенетические легенды — явление более позднего порядка. Характерным в содержании легенд о чудесной родоначальнице является исполнение в момент экстремальной ситуации магического действия, благодаря которому животное, птица, или демоническое существо превращаются в красивую девушку. Если происхождение родового подразделения «определяется» по мужской линии, в качестве необычного «мужа» выступает чаще медведь, якобы имеющий человеческие черты (представление о том, что это животное когда-то было человеком). Отметим, мотив чудесного превращения (оборотничества), отраженный в фольклоре многих народов мира, — не чужеродное явление в системе тотемических воззрений, а «гносеологическая сторона этих верований» [*Кривелев*, 1979. С. 218].

Среди этногенетических мифов — легенд особенно широко известны сюжеты о мифическом вол-

ке-родоначальнике и волке-предводителе, покровителе. Эти мотивы, истоки которых восходят к мифологии тюрков и монголов, в башкирских генеалогических легендах настолько определенно выражены, что отразились как одна из гипотез в этимологизации этнонима *башкорт* — самоназвания народа («Потомство волков», «Башкорт кайзан килеп сыккан» — «О происхождении башкир»). Примечательны также некоторые сказочные сюжеты, перекликающиеся с легендами о волке — чудесном родоначальнике: «Сын волка Сынtimer-пехлеван», башкирский и татарский варианты сказки «Белый волк» [БНТ, Т. 3: БС. С. 159 — 170; 268 — 272; ТНС. С. 161 — 175]. Последний сюжет интересен тем, что зверь-оборотень, помощник сказочного героя, выступает в качестве хозяина земли, леса.

В теснейшей связи с легендами о волке-родоначальнике находятся повествования о волке-предводителе, чудесном покровителе. В них рассказывается о приходе предков башкир на Урал во главе с их мифическим предводителем «откуда-то с юга», «с турецкой стороны», «со стороны Алтая», «со стороны Аравии», подчеркивается священность зверя-хранителя земли, предка-благодетеля, с помощью которого люди нашли свою родовую территорию, священное, благодатное место для жизни (*котло урын*).

Большинство таких сюжетов построено на объяснении этнонима «*башкорт*». Бытующие в разных вариантах эти легенды имеют примерно одинаковую концовку типа: «...С тех пор наши предки стали называться «башкорттар», т.е. людьми, пришедшими за главным волком. В древности волка звали «корт»². Башкорт — значит «головной волк». Вот откуда произошло слово «башкорт» — башкир («Происхождение башкир»).

Мотив почитания древними предками башкир волка, весьма ярко выраженный в легендах, доста-

² В связи с названием «корт» небызынтересны некоторые сходные явления в творчестве других народов, свидетельствующие о наличии древних этнокультурных связей между ними. В караевском и балкарском эпосе происхождение одного рода нартов, например, этимологизируется с тотемистическим именем Схуртук, который расшифровывается: С-хурт-укъ, хурт (волк) — сын племени Со. [*Меремкулов*, 1980. С.180].

Имя родоначальника нартов Уархаг в осетинском эпосе созвучно с названием волка на древнем осетинском языке, а современная форма «бираегъ» (волк). По мнению В.И.Абаева, заимствована из тюркского или сакского языков, относится к категории табуированных слов [*Абаев*, 1965. С.90].

Архаическое слово «хорт» — волк встречается также в фольклорной лексике славянских народов, в частности, в заговорах, которые в древности были «словесным сопровождением языческого заклинательного обряда» [*Рыбаков*, 1981. С. 134]. Вполне вероятно, что это слово «хорт», значение которого не знают даже исполнители заклинательных формул, перешло в славянские языки от тюркских.

³ Эпитет *сивый/синий* подчеркивает «священность» волка, вызывая ассоциацию со цветом священного неба — Кюк — Тенгри (Күк — Тәңре).

¹ Легенды и их названия здесь и далее даются по книге: БНТ, т. 2, 1987. Сведения, взятые из других источников, указаны особо. Тексты на башкирском языке опубликованы в кн.: БХИ, т. II, 1997.

точно отчетливо проявляется в материалах по археологии и этнографии: серебряные монеты с изображением волка, найденные экспедицией Н.А. Мажитова в могильнике вблизи дер. Ишимбай Салаватского района Башкортостана [Мажитов, 1968. С. 144 – 145], наличие в родоплеменной системе родовых подразделений с названием «волк» [Кузеев 1974. С. 190]; игриша «Сивый /синий волк» («Күк бүре»³) [Илимбетов, 1971. С. 225]; ношение талисманов и амулетов из волчьих зубов и когтей – оберегов от сглаза; обрядовые действия, связанные с определенными поверьями. Весьма примечателен в этом отношении текст, в котором запечатлен эпизод сжигания волчьих сухожилий в случаях пропажи чьего-либо имущества. И заклинательная формула – обращение исполнителей обряда (обычно это старухи) к духу чудесного предка – волка:

«Волк, волк, волчок!

Горе обрушилось на мою голову

Иди же мне навстречу,

К моим глазам, полным слез.

Волк, волк, волчок!

Конь мой в руках вора –

Пусть высохнет он в пути –

Это проклятье в мыслях моих.

Волк, волк, волчок!

Найди же мне вора,

Не погуби верного! –

В этом моя просьба». [Надришина, 1986. С. 64].

Следует сказать и о том, что еще в XVIII – XIX вв. волостные старшины Юго-восточного Башкортостана носили с собой знак с изображением волчьей головы как символ административной власти [Очерки, 1956. С.31] – свидетельство долговечности традиций: данные об изображении золотой волчьей головы на тюркских знаменах известны по китайским источникам [Бичурин, 1950. С. 229]. «Китайские авторы, считают понятия «тюркский хан» и «волк» синонимами, видимо, опираясь на воззрения самих тюркских ханов», – пишет Л.Н. Гумилев [Гумилев, 1993. С. 23]. В этой связи невольную ассоциацию вызывает башкирская народная загадка о волке: «Ана бара хан, ауызы-морону кан» – «Вон, идет хан, рот его полон крови» (кан – кровь). [БХИ. Т.9: Й. 122 б.].

Тема священного волка широко известна не только в тюрко-монгольском мире, но и в фольклоре многих нетюркских народов (легенды о Реме и Ромуле, вскормленных волчицей; о происхождении гирпинских родов, которые под предводительством пришли на новые земли и т.д.). Акад. В.А. Гордлевский был склонен считать, что повествования о священном волке, традиционные для тюрко-монголь-

ских народов, были занесены в Европу кочевыми тюркскими племенами [Гордлевский, 1961. С. 497].

Представления древнейших предков башкир о собаке сложились и развивались в единой системе мифологических воззрений о «чудесном» волке – родоначальнике и «волке-предводителе». Отмечая единую мировоззренческую основу повествований о «чудесном» волке, нельзя не заметить и особенности в сюжетных типах, мотивах. Исследования показали, что в некоторых легендах, где раскрывается мотив животное-предводитель, волк и собака выступают как взаимозаменяемые или слабо разграничиваемые существа (записи конца XIX в.).

Мотив собака-предок, весьма ярко выраженный в этногенетических преданиях некоторых тюрко-монгольских народов, в башкирских легендах дошел до нас в довольно отдаленном звучании. Отголоски его сохранило топонимическое предание «Этимгэн» («Вскормленный собакой», буквально «Сосавший собаку»), в котором происхождение названия селения объясняется жизненным случаем: некие родители, у которых умирали дети, своего новорожденного ребенка приложили к груди кормящей собаки, благодаря чему дитя выжило, и затем от него пошло потомство. Можно предположить, что в основе этого сюжета лежат древние представления о чудесном родоначальнике. Возможно, основатели деревни Этимгэн (другие названия – Абсялямово, Малый аул) некогда связывали свое происхождение с легендой о чудесной прародительнице-собаке. Такая мысль кажется правомерной, если иметь в виду устойчивость мотива животное-кормилица в фольклорной традиции многих народов (достаточно вспомнить сюжеты легенд о мальчике, вскормленном волчицей). С течением времени, когда утратились первоначальные верования, само топонимическое название могло послужить поводом для создания предания, о котором шла речь выше.

Обращает на себя внимание и наличие родового подразделения «этимген» в этнонимической системе башкир-айлинцев [Кузеев, 1974]. С. 196].

Легендарные предания о ребенке, вскормленном собакой, встречаются и у других тюркоязычных народов. По свидетельству С.М. Абрамзона, у киргизских родов теелес и мюркют бытовали аналогичные башкирскому преданию рассказы «Итэмгэн», построенные также на описании обряда [Абрамзон, 1971. С. 287]. В записях Г.Н. Потанина, название «итэмгэн» фигурирует как этноним ветви киргизского рода [Потанин, 1881. С. 425].

Имеются и другие факты, свидетельствующие о том, что в древности собака считалась почитаемым животным. По данным этнографических материа-

лов, первая белая рубашонка малыша называлась «*кәсәк күлдәге*» («рубашка щенка»), а когда малыш вырастал из нее, в нее обряжали щенка, приговаривая при этом: «Пусть наш ребенок растет сильным (досл. «эт йәнле» — «с душой собаки»), неприхотливым». Аналогичный обряд отмечен у татар, (Г. Юсупов), казахов (Е. Турсунов), киргизов (С. Абрамзон), каракалпаков (К. Есбергенов) и др. По справедливому замечанию исследователей, надеванием рубашки на кутенка некогда подчеркивалась принадлежность потомства к тотему собаки.

В этой связи весьма характерны древнейшие легенды о происхождении киргизов от красной собаки и сорока девушек, рассказы монголов о предке-собаке. Данный мотив своеобразно отражен и в записанной нами среди курганских башкир сказке-легенде, повествующей о некоем старике Нухе, имевшем трех дочерей, одна из которых могла превращаться из человека в собаку и наоборот. Оставшись в облике девушки, она, однако, сохранила некоторые черты животного («лаять во сне по-собачьи»). Изложенное в полусказочной форме повествование завершается в стиле жанров несказочной прозы, объясняя в реалистическом тоне происхождение самодийцев: «Есть народ по прозванию самоид [самодеды]. Их род распространился от дочери-собаки старика Нуха» [*НА УНЦ РАН*. Ф. 3. Оп. 65. Д.5, Л.16]. Информативный потенциал небольшого по объему рассказа высок: с одной стороны, сведения о древних воззрениях, с другой — отголоски этнокультурных связей башкир с самодийцами. Согласно исторической литературе, передвижение на север предков самодийцев, живших в Южной Сибири, началось в кон. I — нач. II тыс. н. э., а отдельные родовые ветви (камаслинцы, карагасы) еще в XVI — XVIII вв. оставались в Южной Сибири и предгорьях Саян, тесно общаясь с тюркскими народами. По мнению В.И. Васильева, и территория Приуралья в прошлом (VI — IX вв.) была местом проживания некоторых этнических групп самодийцев. [Васильев, 1980. С. 60 — 61]. Трудно приурочить фольклорный материал о передвижении предков самодийцев к конкретному периоду (к кон. I — нач. II в. или IV — IX вв. н.э.). Примечательно то, что информант преклонного возраста сохранил в своей памяти сведения далекой старины, касающиеся историко-культурных связей башкир с самодийцами.

Мировоззренческий аспект сюжетов, связанных с образом собаки, достаточно четко проявляется на примере башкирских и татарских легенд о постройке Казани, — топонимического предания «Волчья река» («*Бүреле йылғаһы*»), где собака выступает как жертвенное животное, заменяющее человека.

В основе этого мотива, по-видимому, лежат древние представления о том, что когда-то собака была человеком. Такие воззрения существовали среди народов Северной Азии: у манси, хантов, эвенков, якутов, нивхов, орочей [Лукина, 1990]. Следы аналогичных представлений просматриваются в фольклорно-этнографических материалах киргизов. Наделив собаку человеческими качествами отражено в разных поверьях и запретах, встречающихся у башкир и поныне. Это: «нельзя пинать собаку — проклянет», «когда переезжаешь в другое жилище, не оставляй собаку и кошку — получишь их проклятье» и т.п.

Как и у многих других народов, у башкир вою собаки придавалось сакральное значение; считалось также, что это животное — всевидящее существо (имеет четыре глаза), способно отгонять нечистую силу. Об этом свидетельствуют отдельные легенды и целый ряд суеверных рассказов («Гора черного щенка», «Черный щенок»). Отмечается также некоторая неоднородность представлений: с одной стороны, собака — почитаемое животное, с другой — демоническое существо (представление о переселении души покойника в собаку, фразеологизм «этән тыуган» — «родился от собаки» с отрицательной коннотацией). Причина противоречивости в воззрениях объясняется не только изменениями в общественной жизни и эволюционными процессами в сознании людей. Возможно, сказалась и неоднородность воззрений представителей родовых ветвей, входящих в состав башкирских племен (башкирского этноса).

Весьма интересны сюжеты, связанные с образами почитаемых животных: оленя, коня и медведя.

Легенды об олене-предводителе, отмеченные еще в трудах древних авторов (Приске, Иордан), а также известные у тюркоязычного племени хун, однотипны по сюжетике с башкирскими легендами о волке-предводителе (внезапное появление перед заблудившимися людьми чудесного животного и его внезапное исчезновение после нахождения благодатного места для обитания). В башкирских легендах, записанных в наше время («Айна и Гайна», «Гайнинцы», «Толбуйцы»), традиционный мотив нахождения родовой территории с помощью оленя раскрыт несколько своеобразно, в рамках другой сюжетной коллизии: будущий основатель рода Гайна и его брат Айна прибывают на берега реки Тол вблизи нынешней Перми верхом на белом олене. Постоянным местом жительства гайнинцев (Гайны, и его потомков) становится та территория, где наступил на раскаленную землю олень, ударом копыт освободив из-под земли Солнце, похищенное и

спрятанное демоническим существом (диковинная волосатая старуха с обвисшими грудями) («Айна и Гайна»). Согласно другой версии, оленя заезживает волосатая старуха – хозяйка местности. Герой избивает чудовищную старуху, та превращается в красивую девушку, на которой он женится («Тулуайцы»); по третьей версии, Гайна-батыр, убив аждаху (дракона), вызволил Солнце из подземелья, повесил его на рога оленя, перенес через реку Тол. Далее следует примечательная деталь: «Каждый день жди меня в это время», – сказала Солнце и поднялось в небо. Гайна ждал Солнце, и оно каждый день в одно и то же время восходило над землей. Так, ежедневно ожидая Солнце, Гайна незаметно для себя привязался к этим местам, решил не покидать их, там и обосновался. Отсюда распространился род гайнинцев. Гайнинцы – самые первые / главные башкиры» («Гайнинцы»).

Обратив внимание на лексическое выражение образа Тулуа, а также на название гидронима «Тол», Кирей Мэргэн высказал предположение о наличии финно-угорского компонента в легендах о происхождении башкир-гайнинцев. При этом он опирался на исследования Н.Ф. Мокшина, в которых отражены наименования женских божеств в верованиях мордвы и марийцев, среди которых фигурирует и название божества огня, созвучное с именем мифического персонажа башкирской легенды: Ср.: *Тулуа* (баш.), *Тол-ава* (морд.) и *Тул-ава* (мар.) [БЛ. С. 164; Мокшин, 1967. С. 245].

Отдельные мотивы башкирских легенд о гайнинцах имеют определенное сходство с мотивами карело-финского эпоса «Калевала». Таким, на наш взгляд, является мотив похищения Солнца и Луны злобной ведьмой Лоухи (48 и 49 руны) [Калевала. С. 259 – 267]. Обращает на себя внимание и имя одного из трагических персонажей эпоса – девы Айно (руна 4-я) [Калевала. С. 37 – 42], хотя действие этого персонажа и не связано с мотивом освобождения Солнца.

В целом, текстологическое изучение материала свидетельствует о том, что легенды о происхождении гайнинцев, в которых тесно переплетены этногенетические и космогонические мотивы, донесли следы древнейших воззрений. В этих легендах просматриваются не только сходства на уровне фольклора финно-угорских народов, а целый их конгломерат.

Наряду с широко известными в тюрко-монгольском мире сюжетами о животном-предводителе, в упомянутых башкирских легендах обнаруживается созвучие с легендами маринданитов, с гиляцкими мифами о матери Вселенной – полуолене-полу-

женщине с солнцами на рогах. Есть некоторое сходство на уровне мотива с сюжетами о голубом олене (лосе) и Солнце из мифологии славянских, самодийских народов. В сюжетах легенд о гайнинцах отражены следы «близнечных» мифов о братьях/о брате и сестре – родоначальниках.

О наличии культа оленя свидетельствуют бытующие и поныне поверья и обычаи, связанные с верой в магическую силу оленьих рогов. Записанное в конце прошлого века на севере-востоке Башкортостана (Мечетлинский район) поверье, например, сохранило редкостную информацию об одном обряде, в совершении которого в целях «регулирующего деторождения» применялась освященная оленьим рогом вода.¹ Не менее интересны и другие обычаи касаться руками оленьих рогов перед уходом на охоту, отправлением в путь и т.п. [Надршина. 2006. С. 97 – 98].

Сакральность легенд, поверий, их архаичность подтверждается и данными археологии. Весьма примечательны сведения А.Х. Пшеничнюка относительно находок из Филипповского могильника: «Для оленей Филипповки, – пишет он, – характерен акцент на изображение рогов животного. Зачастую рога занимают большую площадь, чем изображение самой фигуры оленя». Далее следует не менее важное высказывание ученого: «...Олень, безусловно, был одним из самых высокопочитаемых (священных) животных в среде ранних (древних) кочевников Южного Урала. Вполне допустима версия, что древние кочевники считали оленя тотемом, воспринимая его как прародителя или предка» [Пшеничнюк, 2002. С. 163].

Башкирские легенды о чудесном коне – родоначальнике и предводителе представляют собой новые версии легенд о волке-родоначальнике («Род Баштая – главного стригунка»), отчасти являются дальнейшим развитием традиционного мотива о волке-предводителе («Аулы Ямаш и Юмаш»).

Сюжетные типы, связанные с образом коня, многообразны. Древнейшими являются мотивы легенд, в которых конь выступает в качестве хранителя (носителя) масти особенных лошадей, некогда якобы вышедших из подводного мира («Йылкы сыккан куль» – «Озеро, из которого вышли кони»); создателя природных объектов («Караидель») и легенды о мифических крылатых конях-тулпарах («Горный склон Түрат»). Весьма интересны анало-

¹ В тех случаях, когда было желательным рождение в семье мальчика, предварительно прокипяченной белой тряпочкой протирали олений рог (он обычно как оберег прикреплялся в доме над дверью, раньше устанавливался в юрте), затем ополаскивали ее. После воду, в которой полоскали тряпочку, давали пить женщине, хотевшей иметь сына.

гии из фольклора других народов, свидетельствующие о древности традиции почитания коня. Роль лошади в жизни человека была так велика, что практически нет ни одного народа, который не возводил бы ее в культ.

Легенды башкир, в которых запечатлены культовые представления, связанные с образом медведя, («Происхождение от медведя», «Откуда медведи», «Камни батыра и медведя») по основным мотивам (медведь-родоначальник; первый медведь — человек, чудесно превращенный в медведя; хозяин подземного мира) медведи», также созвучны легендам многих народов мира, а некоторые из них даже близки текстуально.

Сходные явления обнаруживаются не только в фольклоре, но и в предметах материальной культуры, изобразительном искусстве (изображения медведя в пещерах Франции, разложенные в определенном порядке медвежьи кости в пещерах Германии, петроглифы Скандинавии, Урала, Восточной Сибири); верованиях, обычаях и обрядах («медвежьи праздники» — («Айыгутуй») с ритуальными танцами; запреты употреблять слово «медведь», замена его подставными названиями: у башкир — *тайыш-табан* (косопалый), *бабай*, *олатай* (дедушка), у якутов — *эһэ* (дедушка), *тытаагы* (таежный), у алтайцев-теленгитов — *абаай* (старший брат мужа или жены, родич), у хакасов-качинцев — старик, дед, отец (Н.А. Алексеев). Отголоски тотемических воззрений особенно четко выражены в верованиях восточных алтайцев и тувинцев. Они считают медведя тотемным животным (Л.П. Потапов). Говоря о древности башкирских «айыгутуй» («медвежьих праздников»), А.Н. Киреев связывал их истоки с тотемическими воззрениями [Киреев, 1976. С. 45]. Справедливость такого мнения подтверждается многими этнографическими данными [Руденко, 2006; Нагаева, 1981. С. 79]. Так, в рассказе жительницы поселка Миндяк Учалинского района РБ Мархабы Гиззатуллиной «Дедушка медведь» говорится о том, что людям, которые считают своим родоначальником медведя (*айыу аймагы* — родовое подразделение медведь) запрещается есть медвежье мясо. Когда была крайняя нужда, охотники обращались к «дедушке Медведю», чтобы он разрешил охотиться: «Дедушка Медведь, дети мои мучаются от голода, разреши им, безвинным, еще не причащенным к обрядам, вкусить мясо своих «родичей!» В рассказе М. Гиззатуллиной описывается и медвежий праздник, пляски с надеванием шкуры медведя [«Ватандаш», 2002. № 6].

Важные сведения об архаических воззрениях содержат этногенетические мотивы, связанные с об-

разом медведя (рождение мальчика от «брака» женщины и медведя), отраженные в сказках (например, «Айыуголак» — «Медвежье ухо»). Они справедливо оценены сказковедами как тотемические [Мингажитдинов, 1971. С. 302].

В плане отражения древних воззрений вызывают большой интерес легендарные сюжеты, рассказы-поверья, обряды, ритуальные танцы, в которых нашел отражение культ птиц. Согласно материалам, птицами, якобы обладающими чудесными действиями, у башкир были утка, журавль, лебедь, грач, беркут и кукушка. Кроме мотивов этногенетического порядка, когда речь шла о чудесных родоначальниках, в том числе лебеде, в легендах птицы выступают в роли: 1) демиургов, культурных героев (утка и селезень — создатели острова, земли; журавль — Млечного пути — *кош юлы*; *ворона* — птица, которая сотворила землю, раздобыла для людей огонь у Солнца, научила их говорить); 2) зооморфных хозяев — духа местности (утка и селезень; мотив о зооморфном духе является дальнейшим развитием древних воззрений об утке-демиурге); 3) чудесных покровителей людей (журавль, ласточка, грач; мотив «оставленного на поле брани новорожденного ребенка вскормил грач» примыкает к сюжетам о животных, птицах-родоначальниках); 4) вещунов (журавль, кукушка; «необычайность» последней раскрывается и в этиологических повествованиях, согласно которым первая кукушка — женщина, разлученная с возлюбленным и превратившаяся в силу магического действия слова в птицу).

Изучение семантики праздников «грачиный пир» («Каргатуй»), или «Грачиная каша» («Карга буткаһы»), «кукушкин чай» («Кәкүк сәйе»), сопровождаемых обрядовой трапезой, песнями, плясками, играми, а также ритуальных танцев «Кукушка», имитирующих жертвоприношения, подтверждает мнение о древнейших мифологических корнях мотивов, сохранившихся в легендах.

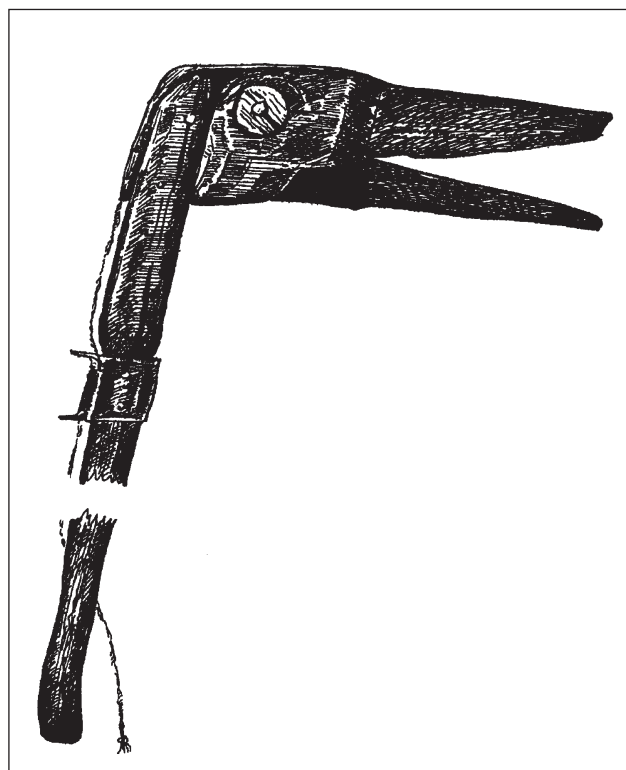
Примечательно бытование в прошлом среди юго-восточных башкир ритуальных журавлиных плясок как средства «отпугивания» врага, «отвода» беды. Современные информанты эти обрядовые танцы помнят весьма смутно, в общих чертах: расположение танцующих мужчин в полукруг или по кругу, наличие в их руках пластин из древесной коры (чаще — липы), которыми танцующие хлопывали в ладоши, издавая подражательные звуки. Согласно другому варианту, тонкие деревянные пластины привязывались к большому или указательному пальцам танцующих. Приподнятая и слегка согнутая рука напоминала голову птицы, сжимание и разжимание пальцев, пощелкивание ими —

клюв. Это – весьма интересные реалии, напоминающие древнейшие легенды африканских племен, которые в борьбе со свирепыми журавлями использовали трещотки, а также ритуальные маски [Шмаль, 1989]. Аналогичный мотив находит отражение и в мифопоэтической традиции античной Греции. А если учитывать все реалии мифов о журавлях, то регион их распространения значительно расширится (Малая Азия, Причерноморье, Кавказ, Индия, Китай). Указывая на сходные явления, нельзя утверждать, что причиной перекликающихся мотивов являются заимствования. Скорее всего, здесь проявляется историко-типологическая общность.

В процессе исследования этнографические материалы особенно ценными оказались в тех случаях, когда в легендах тот или иной архаический мотив выражен крайне слабо. Свидетельство тому – повествования, связанные с образом орла (беркута). Изучение системы этнонимии, различных поверий, а также привлечение фольклорных материалов родственных народов дали возможность выяснить историческую основу почитания этой птицы: в древности в представлениях предков башкир беркут считался птицей-родоначальницей (далекий отголосок мотива сохранился в песне-предании «Седой беркут – белое плечо» [Дияров, С. 28 – 31].

То же самое можно сказать о журавле-родоначальнике: башкиры племени усерген считают журавля своим первопредком; среди башкир рода тиляу во время свадеб и празднеств выводили «журавля-маску» для участия в увеселениях. Ритуальные танцы с элементами театрализации и ряжения исполнялись так: один из присутствующих на празднестве изображал журавля, накрывшись вывернутой наизнанку белой шубой (тулупом) и держа в руках «журавлиную голову», прикрепленную к «шее» (палке) и в полусогнутом положении исполнял танец на мелодию «Сыңрау торна». Сделанная из дерева «журавлиная голова» выставлялась через рукав, другой рукой танцующий подергивал веревочку, которая прикреплялась к голове журавля. При подергивании «клюв» то раскрывался, то закрывался (см. рис.). Согласно поверьям, участие почитаемой родовой птицы в важнейших событиях в жизни людей способствовало жизнестойкости рода, его благополучию в будущем¹ [Надршина, 2006. С. 120].

Отголоски мифологических воззрений предков башкир сохранены также в легендах, поверьях и обрядах, связанных с образом змей. Особо почитаемым был белый змей, который запечатлелся в соз-

«Журавлиная голова», используемая башкирами во время ритуальных танцев

нании народа как хранитель подземных богатств и символ плодородия. Судя по народным рассказам, белый змей (его считали царем змей) – существо редко встречающееся встреча с ним, якобы, выпадает только счастливому человеку. Однако, если человек не знает заклинания (арбау), которое он должен произнести при встрече, на свист белого змея будто бы мгновенно собираются змеи и насмерть жалят человека [Надршина, 2006. С. 138 – 139].

Проблема отражения культа растений в башкирском фольклоре специально не изучена, однако можно говорить о ее наличии с уверенностью. Об этом свидетельствует, например, легендарный мотив, отраженный в шежере племени кыпсак [БШ, 1960. С. 93 – 95], предание-легенда о происхождении этнонима «кумырык» («Как возникли деревни на реке Инзер», 2-я версия). Названные сюжеты однотипны: младенцев находят под дуплом или корнями сваленного дерева; дети вырастают и становятся родоначальниками, т.е. деревья выступают как чудесные покровители (отголосок тотемических мифов).

Мотив «дерево-покровитель» отражен также в упомянутой нами сказке «Козуля и волк» (дикая яблоня-покровитель). В сказках интересны и другие мотивы: рождение героя или героини от съеденных их матерями половинок чудесного яблока [БНТ.

¹ Сведения об обряде «вывод журавля» (торна сыгару) и ритуальный предмет – «голова журавля» получены от Фаниса Шарафутдинова, уроженца с. Сораман Учалинского района РБ. Ритуальный предмет хранится в Музее археологии и этнографии.

Т. 3: БС. С. 386]; появление богатыря на свет от съеденного зерна [Там же. С. 75].

В синкретическом единстве с тотемическими воззрениями развивались и антропогонические, анимистические представления, зарождение и развитие которых были обусловлены жизненными условиями древних людей, уровнем их мышления, историко-культурными и религиозными факторами.

Следы анимистических воззрений достаточно ярко выражены в космогонических легендах. Основу таких легенд составляют сюжеты о небесных светилах и природных явлениях. Они сохранили черты очень древних мифологических представлений об их связи с животными и людьми земного происхождения. Так, согласно легендам, пятна на Луне – вечно гонящиеся друг за другом косули и волк (по другим вариантам – девушка с коромыслом); созвездие Большая Медведица (Етегэн) – семь девушек-красавиц, которые при виде царя дэвов в испуге прыгнули на вершину горы и оказались на Небе, или же – семь волков («Два зверя на Луне», «Луна и Зухра», «Семизвездие – семь девушек»); Полярная звезда – железный кол (Тимерказык), а две соседние с Етегэн звезды – две лошади (Бузат, Хары ат), привязанные к железному колу. Но волки не могут догнать лошадей, так как с рассветом и лошади, и волки должны исчезнуть. Аналогичные представления имеются у многих тюрко-монгольских народов. Г.Н. Потанин отмечал, что основанием для рождения подобных мифов служили отчасти наблюдения за видимым движением светил и звезд на небесном своде, как бы стремящихся догнать друг друга, подобно охотнику [Потанин, 1881. С. 135]. В то же время в этих мотивах своеобразно отразились взгляды народов, занимающихся охотой и скотоводством.

Для космогонических легенд обычна также антропоморфная трактовка образов небесных светил. В одних легендах Луна олицетворяет мужское начало («Девушка и месяц», «Луна и Зухра»), в других – женское («Девушка на луне»); двоякую ипостась имеет и Солнце. Мужская ипостась Луны особенно ярко выражена в легенде «Девушка и месяц», записанной в XIX в. М.В. Лоссиевским. В ней рассказывается о девушке, которая пришла в лунный вечер за водой и залюбовалась сиянием Месяца. Заметив на берегу торчащую из-под песка огромную кость, должно быть, богатырскую, воскликнула: «Какой могучий батыр был! и, взглянув на месяц, невольно продолжала вслух: – Если бы у меня был такой прекрасный муж, как месяц, я непременно родила бы ему такого же батыра», и Месяц взял тогда девушку себе в жены. Вот и стоит она в небе с коромыслом и ведрами». Мотив «пятна на Луне – девушка с коро-

мыслом», раскрытый в данной сюжетной ситуации, отличается оригинальностью, представляет большую информативную ценность в плане отражения архаических воззрений (антропоморфизация небесного тела).

Широкою известностью имеет мотив «пятна на луне – гонимая падчерица» («Луна и Зухра»), раскрытый на фоне более поздних явлений. По-видимому, далекие предки башкир Луну считали добрым божеством: в упомянутой легенде месяц выступает как живое существо, избавляющее человека от тягостей жизни. Такого характера легенды широко известны многим тюрко-монгольским, а также финно-угорским народам Поволжья [БНТ. Т. 2: ПЛ. С. 481 – 482].

Сходство проявляется не только в основном мотиве, но и в сюжетной структуре, мотивировке действий героев. Кроме образа гонимой девушки, в отдельных вариантах башкирских, чувашских, якутских легенд однотипны и отрицательные персонажи, т.е. те, кто обижал девушку: у башкир – пэри, в чувашских рассказах – колдуны, в якутских – каменные люди [Гурвич, 1948]. Совпадения в фольклоре разноязычных народов могут быть результатом многовековых культурных контактов; параллели в сюжетах, мотивах родственных народов – следствием генетической общности.

В легендах с образом гонимой падчерицы мужская ипостась Луны не акцентирована. Возможно, в представлениях носителей фольклора это значение образа закрепилось как общеизвестная символика, явление, само собой разумеющееся.

Среди известных нам мифов-легенд сравнительно редкостным является рассказ «Девушка на Луне», в котором Луна несет в себе женское начало, о чем свидетельствует обращение девочки-сиротки к небесному светилу: «Луна – матушка, возьми меня к себе!» Интересно и то, что в поднятии девушки в небо принимает участие и звезда/солнце (выступают как покровители). Несколько необычным является мужская ипостась Солнца в контексте аналогичных повествований, хотя в целом образ солнца, символизирующего мужское начало, не чужд произведениям устного народного творчества. Достаточно вспомнить сюжеты, в которых наличествует мотив чудесного зачатия девушки от солнечных лучей, который отмечается в фольклоре разных народов, в том числе башкирского («Племя тангауров»). Архаический мотив вводится в этногенетические легенды, чтобы, по-видимому, подчеркнуть необычность своего рода, родового подразделения.

О долговечности древних воззрений, связанных с очеловечиванием Солнца, Луны, свидетельствуют

и материалы обрядового фольклора (например, произносимые, глядя на небо, детские заклички типа: «Дядя холод [Луна], уходи, Тетя Солнце, приходи» [БНТ. Т. 2]. Вера в волшебную силу Луны, в ее мощь, запечатлена в обрядах, связанных с лечением разных болезней; при каждом новолунии обращались к месяцу со словами мольбы о благополучии.

Архаичностью мотива отличается мифологическая легенда о двух Солнцах на небосводе и метком стрелке Урал-батыре, упорядочившем космос: поразив стрелой лишнее солнце, Урал избавляет людей от страданий, из обломков Солнца возникают Луна и Уральские горы («Как возникли Луна и Уральские горы»). Хотя в повествовании немало поздних наслоений, мифологема и некоторые реалии сюжета проявляют сходство с древнейшими азиатскими мифами (легенды о метких стрелках И, Хадо, Оадзымы, Эрхий-Мэргэн), а также мифами североамериканских индейцев (повествование о Койоте) [Юань КЭ, 1987. С. 404 – 409; Евсюков 1988. С. 20 – 22].

Характер мировоззрения древнего человека отражен и в легендах, объясняющих происхождение Земли и земных объектов, особенности рельефа. Древнейшей пласт среди них представлен мифом – легендой о добычании земли водоплавающей птицей со дна первичного океана. Согласно легенде, землю сотворили утки, вынося ил со дна безбрежного водного пространства и слепляя из него острова в большую земную твердь («Две утки, сотворившие остров»).

Сравнительно недавно стало известно о наличии еще одной мифологической легенды о сотворении земли вороной. Этот миф, по словам информанта М. Гизатуллиной, бытует среди башкир родов кубалаяк (*кубаллак* – бабочка), кубалаяк-теляу, тамьян. Мотив творения в нем передан весьма лаконично и своеобразно: «Раньше Хозяин огня и Хозяин воды жили в постоянной драке. Ворона старалась примирить их, но – бесполезно. Ворона с досады, рассердившись, взяла да н...ла на них. Так образовалась наша земля–почва» [Ватандаш, 2002. № 6. С. 165].

Весьма интересно также сообщение информанта о том, что Ворона была близнецом Хумай, т.е. она изображена как мифическая птица. Рассказы Мархабы Гизатуллиной о чудесной вороне информативно насыщены, в них переплетаются мотивы космогонических и этногенетических мифов: «В Казаккулово и в других аулах, есть родовые подразделения ворона (карға), ворона стала черной из-за того, что перья ее обгорели, когда она доставала для людей Солнце». (Значит, ворона и Хозяйка-огня? По представлению хакасов, Умай и От идже (Хозяйка

огня) – сестры) [Потанов, Бутанаев; цит. по: Напольских, 1990. С. 22]. Мотив «птицы-творца» широко известен в фольклоре многих народов, его генетические корни исследователями гипотетически связываются с эпохой палеолита, его верхним пределом – IX – VIII в. до н.э. [Напольских. С. 14].

Во время фольклорных экспедиций неоднократно записывались фрагменты космогонических легенд о том, что земля держится на огромном быке и большой щуке (или просто рыбе), и будто бы движения этого быка вызывают землетрясение [Надршина, 1984, 1986].

Аналогичные легенды имеются и у других тюркоязычных народов (например, у казахов, киргизов) [Потанин, 1916. С. 114]. Монголы отождествляли землю с быком [Шахнович, 1971. С. 160]. С башкирской легендой перекликается удмуртская легенда «Музьем ош» («Бык в земле»), в которой землетрясение объясняется движением мифического животного [Верещагин, 1889. С. 135]. Следы почитания щуки (легенды о кокшагском царе щуке с короной) отмечены у марийцев [Акиорин, 1980. С. 23]. Возникновение подобных легенд обуславливалось древним образным мышлением, связанным с трудовой деятельностью людей эпохи родового строя.

Происхождение гор (холмов, скал) в башкирских легендах нередко связывается с мифологическими сюжетами о чудесных великанах – алпах («Мусектау», «Двугорье Алпа-кум»). Топонимические легенды о происхождении гор от великанов-алпов бытуют наряду с такими сказками-легендами, как сказка «Алп-батыр», герой которой рождается из расщелины горы [БНТ. Т.3: БС. С. 43-45]. С этой сказкой тесно связано легендарное предание, в котором отражены мотивы «башкиры – потомки рода Алыпов», «Семь полян, образовавшихся от следа семи шагов Алып – становище семи башкирских родов» («Потомство рода Алыпов»).

Ареал распространения мотива «горы возникают из песка (глины), выпавшей из обуви великана» широк: от Балтийского моря до Кавказских гор и далее – на восток. Этот мотив известен также фольклору народов стран Западной Европы [Лаугасте, Норманн, 1959. С. 606; Барак, 1963. С. 29 – 40].

Согласно легендам и поверьям, реки, озера, горы и камни наделены сверхъестественной силой, а также свойствами, присущими человеку. Так, например, реки «спорят», «ревнуют», «обижаются», «сердятся» («Спор двух Инзеров», «Агидель и Яик», «Агидель и Караидель», «Калым Урала»); озера при несправедливых поступках человека меняют цвет («Бузарган»), «опровергая» кровавые столкновения, «брезгую крови» покидают свое привычное место и

располагаются в другом («Канлыкул» – «Окровавленное озеро»); камни скатываются с вершины горы, «стремясь к людям» (сюжеты, связанные с одной из версий легенды «Киленташ» – «Невесткин камень» и особенностями рельефа Олотау – Большой горы близ с. Ташлы Альшеевского района РБ). Башкирские легенды о спорах соседних рек имеют близкие сюжетные параллели в русских, украинских, белорусских и казахских легендах о спорах и соперничестве рек («Вазуза и Волга», «Волга и Кама», «Днепр и Десна», «Днепр и Сож», Волга и Западная Двина», «Дон и Шат», «Или и Каратал»). Вероятно, такие легенды башкир и других народов, поэтически ярко истолковывающие особенности русла, течения, окружающего горного или степного пейзажа, а вместе с тем легендарно осмысливающие возникновение местных рек, имеют не только типологическое сходство, но и сложную генетическую связь, которую могли получить в относительно недавнее время. В некоторых же башкирских легендах о реках, например, в легенде «Калым Урала», их древняя сюжетная основа затемнена социально-бытовыми мотивами явно позднего происхождения.

В большинстве случаев события, изображенные в мифологических легендах, зачастую происходят в глубокой древности: в космосе, в безбрежном водном пространстве, в подводном мире. Сохранились сюжеты, в которых ретроспективность подчеркнута выражениями типа: «Случилось это в незапамятные времена. Тогда еще не было ни звезд, ни Млечного пути» («Кош юлы» – «Дорога птиц»); «В стародавние времена земля была величиной с ложку, а небо – с чашку» («Семизвездие Етегэн – ковш великана») и т.п.

В целом ряде легенд сохранились отголоски де-монологических представлений.

С древним народным верованием в существование зооморфных и антропоморфных духов хозяев гор и озер связано возникновение легенды о духах-хозяевах в облике селезня и утки, которые обитали на горном озере Югомаш-горы («Югомаш-гора»), легенды о хозяйке озера в облике девушки («Озеро водяного»). Повествуется в них о том, как исчезновение (гибель) мифических хозяев горы и озера повлекло за собой уменьшение горы, высыхание озера.

В некоторых сюжетах водяной (*һыу эйәһе*) представлен как существо мужского пола, хозяин стада многочисленных подводных коней («Йылкы сыккан күл» – «Озеро, откуда вышли лошади»). Современные рассказчики и слушатели обычно слабо дифференцируют понятия *һыу эйәһе* (хозяин

воды), *һыу инәһе* (мать воды), *һыуһылыу* (водяная красавица, русалка).

Веря в существование хозяев – духов природы, башкиры старались не вызывать их гнева, а наоборот, заручиться их расположением и поддержкой (отсюда жертвоприношения, украшение деревьев разноцветными кусками материи во время праздников, исполнение обрядовых действий на лоне природы, бросание обломков красивых камней, монет в водоемы и т.п.). Имеются редкостные сюжеты, в которых сохранились мотивы человеческого жертвоприношения духам земли в разных хронологических срезах (легенда к мелодии «Азамат», содержащая архаический мотив в «чистом» виде; башкирские и татарские легенды о постройке Казани, где в жертву приносится уже не человек, а животное) [Надршина, 2006. С. 175 – 176].

В целом, для мировоззрения башкир, в котором положительные реалистические представления совмещались с мифологическими воззрениями, было характерно очеловечивание, одухотворение предметов и явлений природы, а если посмотреть на материал шире с привлечением реалий из произведений других жанров, например, эпоса, можно сделать вывод о том, что почитаема была вся природа.

Изучение различных аспектов мифологических воззрений, отраженных в произведениях сказочной прозы, показывает их теснейшую взаимосвязь. Собранные воедино и рассмотренные в системе легенды с мифологической основой позволяют говорить о том, что они донесли отголоски архаического времени, когда существовал монистический взгляд на мир.

Легенды, основанные на древних воззрениях, проявляют различного рода сходства с мифами и легендами других народов. Целый ряд мотивов носит универсальный характер. Национальное своеобразие выражается в сюжетике, реалиях.

В составе произведений сказочной прозы имеется несколько топонимических преданий – информаций, происхождение которых связывается с событиями гуннской эпохи (II – IV вв. н.э.). Они записаны фольклористом Н.Д. Шункаровым в 1965 г. от известного сээна Мугалляма Шайхаттаровича Мирхайдарова, жителя с. Аскароро Абзелиловского района. (Топонимические названия, упомянутые в «текстах», относятся к этому району:). В рассказе информанта сведения о приходе гуннов на Урал переданы так: «Однажды сюда, нарушив закрытую границу, внезапно вторглись гуннские тюрки. Вторглись и напали на башкир, живших в горах. Впоследствии гора, на которой случилась беда, где были

потери, стала называться Беда-гора (Бәлә-каза тауы).

Происхождение названий других близлежащих гор связывается с последующими событиями (случаями): «Когда башкиры, заставив отступить, погнав гуннских тюрков, кобылицы, брошенные гуннами, остались на тебеневке — рыли снег копытами, добывая корм. Отсюда название места — «Гора, где рыли [снег] кобылицы» (Бейәһака тауы). Чтобы приручить кобылиц, оставленных бежавшими гуннами, стали сыпать соль. Отсюда и произошло название «Гора, где сыпали соль» (Тозкойган) [*НА УНЦ РАН*. Ф. 3. Оп. 47. Д. 3. Л. 420].

Поскольку в самих названиях топонимических преданий лексически не отражен этнический компонент (гуннский мотив — в содержании), трудно судить о степени достоверности информации, в то же время невозможно и игнорировать ее прежде всего из-за того, что о башкирско-гуннских отношениях рассказывается не только в преданиях, но и в эпических сюжетах. Например, в сказаниях «Миней-батыр и Шулган-батша», «Конгур-буга» (досл. «Бурый бык») есть сведения об изгнании гуннских тюрков с Урала башкирами с батыром по имени Миней [*БНЭ*. С. 455 — 473].

Нельзя также не учитывать специфику фольклорного процесса, который реализует себя через жизнь фольклорной традиции в определенном социальном и этническом континууме, на синхронном и диахронном уровнях. В функции традиционной народной культуры (а фольклор — одна из ее ипостасей) входит не просто сохранение историко-культурной информации, но и ее воспроизведение в социально-регулятивных целях: «традиция предполагает активность, длительность (континуитет), деятельность, многократность передачи и воспроиз-

ведения...» [*Чистов*, 1986. С. 181]. Передача из поколения в поколение сведений о жизненно важных явлениях, общественно значимых событиях была заботой мудрых, внимательных к истории аксакалов обусловленной характером их мировидения. Этим и объясняется устойчивость традиций, сохранность отголосков глубокой старины в народной памяти. Упомянутые нами выше предания о гуннском приходе на Урал — тому свидетельство. Вполне возможно, что они наслоились в фольклорную картину мира позже, но не выпали, не оторвались от единого культурно-исторического пространства.

О пребывании гуннов на Южном Урале известно по историческим источникам. Кроме того, зафиксированы предания о генетических связях башкир с гуннами [*Мажитов*, 1973. С. 98; *Кузеев*, 1974. С. 269]. В литературе также освещается вопрос о генетических связях предков башкир с гуннами [*Кузеев*, 1974. С. 16].

Жанровый состав башкирского фольклора богат. Здесь обращено внимание в основном, на жанры, в которых наиболее отчетливо сохранились следы архаических воззрений древнейших предков башкир. Эстетическим началом таких жанров, как легенда, предание, является установка на достоверность. В этом смысле к ним близко стоит и эпос. В фантастической форме элементы реальности отражены также в сказках. Рассмотренные в определенном ракурсе материалы фольклора свидетельствуют об их большом научно-познавательном значении их. Сюжеты, мотивы произведений устного народного творчества донесли до нас огромную информацию о мифологических воззрениях, о реалиях действительности. Историзм фольклора обобщенный, типизированный.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данные археологии, антропологии, фольклора и языкознания со всей очевидностью свидетельствуют о существовании на Южном Урале непрерывной культурной традиции с периода глубочайшей древности до современности.

Заселение Южного Урала человеком началось 30 тыс. лет назад. Суровые климатические условия не позволяли человеку круглогодично оставаться в регионе. Все исследованные памятники эпохи палеолита являются остатками временных охотничьих стоянок. Вместе с тем наблюдается существование периодичности и регулярности в появлении древнейших человеческих коллективов на Южном Урале. Пещерные святилища с полихромной живописью и с культом медведя использовались человеком более или менее регулярно на протяжении длительного периода. В этот период начинают формироваться наиболее ранние космогонические представления южноуральских охотников, которые легли затем в основу представлений о сотворении мира, изложенных в башкирском эпосе «Урал-батыр».

В период мезолита на территории Башкортостана появляется постоянное население. Археологически прослеживается существование нескольких общностей, пока имеющих неясные черты. К началу неолита складывается общество охотников-рыболовов с устойчивой структурой. Оформляется цикл сезонного передвижения человеческих общин: горно-лесная зона — предгорья — лесостепь. Изменения затрагивают не только материальную сферу, но и духовную. Священные обряды перемещаются из темного пространства пещер на открытые площадки рядом с величественными скалами. Теперь пещеры, глубокие реки и озера представляются как вход в потусторонний мир, куда уходят умершие. Это явление четко прослеживается по дошедшим до нас наскальным рисункам — писаницам. Именно в этот период родился образ Шульгана — властителя подземного мира.

К концу неолита на территории Исторического Башкортостана появляются признаки производящего хозяйства — скотоводства. Прослеживаются две традиции: — одна связана с разведением мелкого рогатого скота, заимствованного из районов Восточного Прикаспия, другая — с содержанием крупного рогатого скота, характерного для культур Северного Причерноморья. Имеются также слабые намеки на начало процесса одомашнивания лошади — коренного обитателя приуральских степей.

Археологические признаки и границы культур этого периода нечетки. Индивидуальные отличия отдельных памятников порой резки и трудно сопоставимы с соседними. Заселенность региона довольно редкая; вряд ли можно говорить о сложении каких-либо устойчивых этнических общностей. В этот период только начинают складываться общее мировоззрение и, возможно, язык.

К началу эпохи бронзы на Южном Урале, как и на всем континенте, завершается формирование основных природно-ландшафтных зон: горно-лесной, южнотаежной, лесостепной и степной. Уже в начале этой эпохи начинают выделяться две основные культурно-хозяйственные области, в результате взаимодействия которых впоследствии складывается уникальная культура башкирского народа.

На севере региона в лесной и лесостепной зонах формируется уклад оседлого населения — наследников культур каменного века, основой существования которых являлось комплексное хозяйство, где поначалу главную роль играла охота. На юге — в степной зоне — на основе пришлого населения (абашевская и синташтинская культуры) распространяется образ жизни, основанный на пастушестве. Стержнем экономики степных обществ надолго становится скотоводство. В недрах древних скотоводческих сообществ рождается культура всадничества, широкое распространение получает почитание коня. В этот период происходит также освоение подземных богатств края. В поздний бронзовый век на Южном Урале складывается мощный металлургический центр с собственной рудной базой и оригинальными формами изделий. На этом этапе взаимодействие южного (степного) и северного (лесного) населения археологически прослеживается слабо.

На рубеже эпох бронзы и раннего железа Южный Урал переживает жесточайший кризис. Степное население покидает регион, степь пустеет. Основная масса населения уходит на юг, в Среднюю Азию; а другая часть — на север, к южной кромке лесов. В лесных культурах финального этапа бронзового века (маклашеевская и межовско-черкаскульская культуры) прослеживается сильное влияние степных народов (срубная и алакульская культуры). В первую очередь это проявилось в орнаменте глиняной посуды и женских украшениях. Далекие отголоски бронзового века фиксируются и в эпосе «Урал-батыр».

Следовательно, эта эпоха оставила свои следы и в культуре башкирского народа.

Антропологическая характеристика этой эпохи позволяет выделить два основных типа — ураловидный и европеоидный (понтийский), которые впоследствии становятся одними из основных у современного башкирского народа.

Вновь территория Башкортостана начинает заселяться лишь в VII — VI вв. до н.э. В степной зоне формируется мощное кочевое объединение, имевшее предгосударственную социальную структуру (прохоровская культура). В лесостепной складывается оригинальная культура, впитавшая в себя элементы предшествующих лесных сообществ и степного кочевого населения (кара-абызская культура).

Для периода раннего железного века характерно тесное взаимодействие населения всех ландшафтных зон. Существование в регионе сильного союза кочевых племен стимулировало развитие хозяйственных, культурных, военных и других связей. На рубеже эр лесостепная и степная зоны региона превращаются в густо населенные территории. В этот период начинает действовать торговый путь, ставший впоследствии ответвлением знаменитого Шелкового пути.

К концу эпохи раннего железного века степные культурные элементы все глубже проникают на север, в лесостепь. Памятники кочевого населения этого периода фиксируются уже в районе современной Уфы, через Месягутовскую лесостепь и долину р. Чусовой они проникают на территорию Кунгурской лесостепи (ныне Пермский край). Эти события дали толчок новому витку этногенетических процессов в регионе, которые в конечном счете привели к формированию башкирского народа.

Археологическое изучение региона в совокупности с данными антропологии показывает постоянное проживание на территории Южного Урала определенной доли автохтонного населения. Непрерывность традиции прослеживается уже со времени мезолита.

Южный Урал в историческом аспекте всегда выступает как транзитная территория, связывающая западные и восточные регионы Северной Евразии и испытывающая постоянное влияние с юга. В результате этого большую роль в формировании культурного облика края, несмотря на сохранение определенного автохтонного ядра, играло и пришлое население. Своеобразие региона предопределило и мозаичность археологических культур Южного Урала.

SUMMARY

A HISTORY OF THE BASHKIR PEOPLE IN 8 VOLUMES

Conclusion to Volume One

Data provided by archaeology, physical anthropology, folklore and linguistic studies all testify to a continuous cultural tradition in the Southern Urals since the most ancient antiquity up to Modern times.

Man has started settling the Southern Urals within the last 30,000 years. Harsh climate conditions had not allowed men to dwell in the region all around the year. All the historical relics of the Paleolithic epoch are but remnants of temporary hunting camps. Yet one observes a beginning periodicity and regularity in the first ancientmost appearance of human collectives here. Cave sanctuaries with polychromous wall paintings and the bear cult had been rather regularly employed by man during considerable spaces of time. During that historical period most early cosmogonical notions of South Ural hunters began shaping which subsequently made the basis of the world's origins narrated in the Bashkirs' epic saga *Ural – Batyr*.

The Mesolithic times saw the appearance of a stationary population on Bashkortostan territory. From an archaeological point of view we can observe the formation of several human communities having as yet unclear features. By the start of the Neolithic epoch there forms a community of fishers and hunters with a stable structure. A cycle of «forest-mountain zone – mountain vicinities – forest steppe» forms itself. Changes concern both material and spiritual spheres. Sanctuary rites move from dark space of caverns onto open-air sites by or near monumental cliffs. By now caverns, deep rivers and lakes appear as if entrances to the nether World where the deceased go to. This phenomenon is succinctly traced by the *pisanitsas* or rock paintings. It is in that period that the image of *Shulgen* – Lord of the subterranean world had been born.

Some tokens of animal husbandry i.e. the production mode of life make their start by the end of the Neolithic on the terrain of historical Bashkortostan. Two traditions here can be traced. One is associated with small stock breeding peculiar to the cultures of the Northern Pontic steppe zones. Also found are some feeble hints at the start of the horse domestication process which had been an endemic of the lower Urals prairies.

The archeological features and bounds of relevant cultures of the period in question are not clear-cut. The individual differences of certain relics of culture are at times abrupt and hard to be juxtaposed with their kin. The population density of the region is fairly

small. It is hardly probable for any stable ethnical communities to be shaped at that period. Common world outlook and perchance language are only beginning to form during the historical times researched.

By the beginnings of the Bronze Age in the South Urals as was the case in Eurasia at large the principal geographic and landscape zones of mountainous forests, Southern taiga, forest-steppe and steppe ones terminate their formation. At the beginning of that epoch already two principal cultural and economic areas start shaping themselves and subsequently the unique culture of the Bashkir people takes its start as the result of an interaction of the two.

In the North of the Bashkir Land in the forest and forest-steppe zones sedentary population's mode of life who were heirs to the archaeological cultures of the Stone Age was being formed. The base of their subsistence economy was many faceted, hunting playing major part here at first. In the South, in the steppe zone spreads the production type based on pastoralism, bearers of which had been the incoming intruding population of the *Abashev* and *Sintashta* cultures. The economic pivot of the steppe communities had for long been maintained by animal husbandry. The horse-rider or cavaliers' culture and the horse worship come to life within the ancient animal husbandry communities. That epoch also saw the beginnings of man's tapping of this land's rich natural resources. During the Late Bronze Age a mighty centre of non-ferrous metallurgy takes its shape in the South Urals having its own ore deposits base and original contours of items produced. From the archeologist's viewpoint at this historical stage one can discern but a feeble interaction of the Southern (steppe) and Northern (forest) population.

A most violent crisis had hit the South Urals at the transition point of the Bronze and early Iron Ages. The steppe population deserts from the region, the steppe growing empty. The bulk of the population migrates down South to Central Asia, another part of them moving North to the southern edge of the woods there. A strong influence of the steppe peoples (the *Log* and *Alakul* cultures) is being traced in the forest cultures of the final years of the outgoing Bronze Age (the *Maklashev* and *Mezhov-Cherkaskul*) cultures.

Primarily that had been reflected in the way the clay pottery was ornamented and in females' decorations. Distant reverberations of the Bronze Age are found also in the *Ural Batyr* epic saga. *Ergo* that

historical epoch has left its traces in the Bashkir people's culture as well.

The anthropological characteristics of that epoch allow of two major types to be singled out, *viz.* the Uraloid and the Pontic-European ones which subsequently were to become one of the principal anthropological types of the present-day Bashkir populace.

The territory of Bashkortostan begins to be peopled anew in the VII – VI –th centuries BC only. A powerful nomadic congregation is formed in the steppe zone having a pre-state social structure (the *Prokhorov* culture). In the forest-steppe zone there shapes a peculiar culture which had imbued elements of a nomadic steppe population (the *Kara-Abyz* culture).

A close interaction of the populace of all landscape zones is peculiar for the period of the Early Bronze Age. The existence of a mighty union of nomadic tribes in the region had stimulated the development of economic, cultural, military and other ties. At the boundary of the New and Old eras the steppe-forest and steppe zones here turn into densely populated areas. A trading route that later on turned into an offshoot of the famed Silk Road started functioning during that time.

By the close of the Early Iron Age the elements peculiar to the steppe culture enter the forest-steppe in

the North all the more. The historical relics of that period's nomadic population became located at the spot of the modern City of Ufa, across the *Mesyagut* forest-steppe and the *Chusovaya* River valley they find their way onto the *Kungur* forest-steppe terrain which is now the Perm District of the RF. Those events had given an impetus to a new spiral of the ethnogenetic process in the region that ultimately led to the shaping of the Bashkir nation.

The archaeological study of this land alongside the data furnished by physical anthropology demonstrates a permanent sojourn at the South Urals territory of a certain share of an indigenous population. The tradition has been in its continuity since the Mesolithic times already.

The South Urals in a historical perspective has always acted as a territory of transition linking the Northern Eurasia's Western and Oriental regions, experiencing a continuous influence from the South. That is why regardless of persistence of a certain autochthonous nucleus, major part has always been and is now played by an intrusive population when shaping this land's cultural image. This peculiarity of the region has been reflected also in the multiplicity and mosaics of the archaeological cultures of the Southern Urals.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абаев, 1965 – *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. М., 1965.

Абрамзон, 1971 – *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.

Абрамова, 1984 – *Абрамова З.А.* Ранний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР. М., 1984.

Абрамова, 1987 – *Абрамова М.П.* Подкумский могильник. – М., 1987.

Аванесова, 1991 – *Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент, 1991.

Авеста. – Авеста в русских переводах / Ред. И.В. Рак. СПб. 1998.

Агапов, 1976 – *Агапов С.А.* Деревянные погребальные сооружения срубной культуры на территории Куйбышевской области // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.

Агафий. – *Агафий* О царствовании Юстиниана. М., 1996.

Агеев, 1976а – *Агеев Б.Б.* К хронологии могильника Чеганда II // СА. № 3, 1976.

Агеев, 1976б – *Агеев Б.Б.* К вопросу о большесемейных группах в пьяноборской культуре // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976.

Агеев, 1976в – *Агеев Б.Б.* К вопросу о нижней дате пьяноборской культуры // Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. Уфа, 1976.

Агеев, 1983 – *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. ... канд. ист. наук. Москва, 1983.

Агеев, 1992 – *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа, 1992.

Агеев, 1974 – *Агеев Б.Б.* Раскопки в южных районах Башкирии // АО – 1973. М., 1974.

Агеев, 1978 – *Агеев Б.Б.* Раскопки в Стерлибашевском районе Башкирии // АО-1977. М., 1978.

Агеев, 1989 – *Агеев Б.Б.* Таласовский курган срубной культуры на юге Башкирии // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989.

АКБ, 1976 – Археологическая карта Башкирии. М., 1976.

Акбулатов и др. 1983 – *Акбулатов И.М., Обьденнов М.Ф.* Научный отчет о разведочных археологических работах, проведенных летом 1983 года в среднем течении реки Белой и в окрестностях города Уфы. Уфа, 1983 / Архив ИА РАН.

Акимова, 1961 – *Акимова М.С.* Антропологический состав населения пьяноборской культуры. Вопросы антропологии. № 8. Москва, 1961.

Акимова, 1968 – *Акимова М.С.* Антропология древнего населения Приуралья. Москва, 1968.

Акимова, 1968 – *Акимова М.С.* Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.

Акимова, 1969 – *Акимова М.С.* Этногенез башкир по данным антропологии // Научная сессия по этногенезу башкир: Доклады и сообщения. Уфа, 1969.

Акимова, 1971 – *Акимова М.С.* Этногенез башкир по данным антропологии // АЭБ. Т. 4. Уфа, 1971.

Акимова, 1974 – *Акимова М.С.* Антропологические исследования в Башкирии // Антропология и геогеография. М, 1974.

Акишев, 1973 – *Акишев К.А.* Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.

Акишев, Кушаев, 1963 – *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины р.Или. Алма-Ата, 1963.

Акиорин, 1980 – *Акиорин В.А.* Историко-генетические связи финно-угорских племен по данным мифологии // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып.2. Йошкар-Ола, 1980.

Алаева, 2008 – *Алаева И.П.* Погребальные памятники алакульской культуры степной зоны Южного Зауралья в эпоху поздней бронзы // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. М.–Магнитогорск–Новосибирск, 2008.

Алексеев и др., 1990 – *Алексеев В. П.,* Аскарлов А.А., Ходжайов Т.К. Историческая антропология Средней Азии (палеолит – эпоха античности). Ташкент, 1990.

Алексеев, 1969а – *Алексеев В.П.* Краниологические материалы к этногенезу башкирского народа // Научная сессия по этногенезу башкир: Доклады и сообщения. Уфа, 1969.

Алексеев, 1969б – *Алексеев В.П.* Происхождение народов Восточной Европы: (Краниологические исследования). М., 1969.

Алексеев, Гохман, 1984 – *Алексеев В.П., Гохман И.И.* Антропология азиатской части СССР. М., 1984.

Алексеев, Дебец, 1964 – *Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия: Методика антропологических исследований. М., 1964.

Алексеева, 1975 – *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12, 1975.

Алекшин, 1986 – *Алекшин В.А.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л., 1986.

Алтайские этимологии – Алтайские этимологии. Л., 1984.

Амброз, 1966 – *Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР // САИ Д1-30. М., 1966.

Амброз, 1981 – *Амброз А.К.* Восточноевропейская и среднеазиатская степи V – пер. пол. VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1981.

Амброз, 1989 – *Амброз А.К.* 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. – М., 1989.

- Амброз*, 1971 – *Амброз А.К.* Проблемы ранне-средневековой археологии Восточной Европы // СА. № 2, 1971.
- Амброз*. 1971a – *Амброз А.К.* Проблемы ранне-средневековой археологии Восточной Европы // СА. № 3, 1971.
- Аминев*, 2005 – *Аминев З.Г.* Космогонические воззрения древних башкир. Уфа, 2005.
- Аммиан Марцелин*, 1906 – *Аммиан Марцелин.* История. Вып. 1. – Киев, 1906.
- Аммиан Марцелли*, 2003 – *Аммиан Марцеллин.* Римская история. СПб. 2003.
- Андреев*, 1992 – *Андреев Ю.В.* «Город» и природная среда – антитеза или единство? (укрепленные и неукрепленные поселения Эгейского мира) // Социально-пространственные структуры в стадийной характеристике культурно-исторического процесса. Тез. межрегион. конф., 1992.
- Андроновская культура*, 1966 – *Андроновская культура.* Памятники западных областей // САИ. Вып. В 3-2., 1966.
- Антипина*, 2004 – *Антипина Е.Е.* Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М., 2004.
- Антипина, Лебедева*, 2005 – *Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю.* Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. № 4, 2005.
- Античные государства.* 1984 – *Античные государства Северного Причерноморья.* // Археология СССР. – М., 1984.
- Аристей.* – *Аристей* из Проконнеса. Фрагменты из поэмы «Аримаспея» // Фрагменты ранних греческих философов / Ред. А.В. Лебедев. М. 1989.
- Аристов*, 1904 – *Аристов Н.А.* Этнические соотношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим источникам // Русский Антропологический журнал. № 1, 2, 1904.
- Аркаим*, 2002 – *Аркаим: некрополь* (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск, 2002.
- Арма тынская*, 1986 – *Арма тынская О.В.* Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986.
- Арриан*, 1993 – *Арриан Флавий.* Поход Александра. М. 1993.
- Арский*, 1974 – *Арский Ф.Н.* Страбон. М., 1974.
- Артамонов*, 1977 – *Артамонов М.И.* Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977.
- Артамонов*, 1962 – *Артамонов М.И.* 1962. История хазар. – Л., 1962.
- Археология Южного...*, 2006 – *Археология Южного Урала.* Степь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». – Челябинск, 2006.
- Ахмеров*, 1951 – *Ахмеров Р.Б.* Уфимские погребения VI–VIII веков нашей эры. – КСИИМК, вып. 40, 1951.
- Ахмеров*, 1952 – *Ахмеров Р.Б.* Археологические памятники Башкирии ананьинского времени. // КСИИМК. Вып.48. М., 1952.
- Ахмеров*, 1955 – *Ахмеров Р.Б.* Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии. // КСИИМК, вып. 59, 1955.
- Ахмеров*, 1959 – *Ахмеров Р.Б.* Новый Уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени. // СА. № 1, 1959.
- Ахмеров*, 1970 – *Ахмеров Р.Б.* Уфимские погребения IV–VII веков н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. – М., 1970.
- Ахметьянов*, 1978 – *Ахметьянов Р.Г.* Мифологические образы Евразии в фольклоре народов Поволжья // Фольклор народов РСФСР. – УфаЮ 1978.
- Ашихмина*, 1985 – *Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985.
- Багаутдинов*, 1984 – *Багаутдинов Р.С.* Погребения с сожжениями среднего и позднего бронзового века в Поволжье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.
- Багриков, Сенигова*, 1986 – *Багриков Г.И., Сенигова Т.Н.* Открытие гробниц в Западном Казахстане // Известия АН КазССР. Сер. общ. науки. № 2. – Алма-Ата, 1986.
- Бадер и др.*, 1980 – *Бадер О.Н., Выборнов А.А.* Саузовская II стоянка в устье р. Белой и некоторые проблемы неолита – энеолита Приуралья // Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев, 1980.
- Бадер*, 1961 – *Бадер О.Н.* Третье Ново-Ильинское поселение // ОКВАЭ. – М., 1961.
- Бадер*, 1962 – *Бадер О.Н.* Следы палеолита на Южном Урале // АЭБ. Т. 1. Уфа, 1962.
- Бадер*, 1963 – *Бадер О.Н.* Древнейшая история Прикамья: доклад по опубл. работам ... докт. ист. наук. М., 1963.
- Бадер*, 1964 – *Бадер О.Н.* Палеолит Урала и заселение севера // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.
- Бадер*, 1965 – *Бадер О.Н.* Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М., 1965.
- Бадер*, 1973 – *Бадер О.Н.* Новые памятники позднего и древнего палеолита в Башкирии // Археология и этнография Башкирии. т. V, 1973.
- Бадер, Матюшин*, 1973 – *Бадер О.Н., Матюшин Г.Н.* Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале // Советская археология, 1973.
- Бадер, Смеловская*, 1971 – *Бадер О.Н.* Смеловская II – палеолитическая стоянка в степях Южного Урала // МИА, 1971.
- Бадер*. 1961a – *Бадер О.Н.* Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // ОКВАЭ. – М., 1961.

- Баимов*, 2005 – *Баимов Р.Н.* Великие лики и литературные памятники Востока. Уфа: Гилем, 2005. С.72, 2005.
- Баимов*, 2006 – *Баимов Р.Н.* История башкирской литературы и ее истоки (на башк.яз.) // Агидель. №9, 2006.
- Байбурин*, 1983 – *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- Балабанова*, 1998 – *Балабанова М.А.* Некоторые краниологические особенности поздних сарматов с искусственной деформацией головы // Вопросы краеведения: Материалы VI и VII краеведческой конференции. Вып. 4–5. – Волгоград, 1998.
- Балабанова*, 2000 – *Балабанова М.А.* Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. – М., 2000.
- Бараг*, 1963 – *Бараг Л.Г.* «АСІЛКІ» белорусских сказок и преданий // Русский фольклор. Т.8. М.; Л., 1963.
- Барцева и др.*, 1972 – *Барцева Т.Б., Вознесенский Г.А., Черных Е.М.* Металл черняховской культуры // МИА. № 187, 1972.
- Баскаков*, 1981 – *Баскаков Н.А.* Алтайская семья языков и ее изучение. – М., 1981.
- Бахшиев*, 2009 – *Бахшиев И.И.* Проблемы межкультурных контактов населения эпохи бронзы Башкирского Зауралья (по материалам поселенческих памятников) // Феномен Евразийства в материальной и духовной культуре этнологии и антропологии башкирского народа, Уфа-Сибай, 2009.
- Башкирский фольклор*, 1986. – Башкирский фольклор. Исследования последних лет. Уфа, 1986.
- Башкиры-гайнинцы...*, 2008 – Башкиры-гайнинцы Пермского края: история, этнография, антропология, этногеономика. Уфа, 2008.
- Башкорт легендалары*, 1969 – Башкорт легендалары / Төз. Кирэй Мәргән, Марат Мингажетдинов. Инеш мәкәлә, авт. М.Мингажетдинов, Ж.Соләймәнов. Өфө, 1969.
- Бейсенов, Варфоломеев*, 2008 – *Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В.* Могильник Бегазы. Центральный Казахстан в бегазы-дандыбаевскую эпоху. Алматы, 2008.
- Бернштам*, 1951 – *Бернштам А.Н.* Очерки истории гуннов. – Л., 1951.
- Бибииков*, 1950 – *Бибииков С.И.* Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала (Экспедиционные исследования ИИМК АН СССР и Областного Челябинского музея) // Советская археология. 1950.
- Бикбулатов и др.*, 2002 – *Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф.* Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002.
- Бичурин*, 1950 – *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950.
- БНПЛ*, 2002. – Башкирские народные предания и легенды. Уфа, 2002.
- БНТ, т.1*, 1987. – Башкирское народное творчество. Т.2: Эпос. Уфа, 1987.
- БНТ, т.2*, 1987. – Башкирское народное творчество. Т.2: Предания и легенды. Уфа, 1987.
- БНТ, т.3*, 1988. – Башкирское народное творчество. Т.3: Богатырские сказки. Уфа, 1988.
- БНЭ*, 1977. – Башкирский народный эпос. М., 1977.
- Бобринский, Васильева*, 1998 – *Бобринский А.А., Васильева И.Н.* О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998.
- Богачев*, 1998 – *Богачев А.В.* Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв. – Самара, 1998.
- Богачев*, 2000 – *Богачев А.В.* Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв. // Автореф. дис. ... доктора ист. наук. – СПб., 2000.
- Богданов*, 2004 – *Богданов С.В.* Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург, 2004.
- Богданов, Котов*, 2008 – *Богданов С.В., Котов В.Г.* Верхнепалеолитическая стоянка Лабазы I (Оренбургская область) // Уфимский археологический вестник, 2008.
- Боже*, 2005 – *Боже В.С.* Минко Николай Кириллович // Челябинская область: Энциклопедия. Т. 4. Челябинск, 2005.
- Боковенко*, 1974 – *Боковенко Н.А.* Типология бронзовых зеркал // СА. № 4, 1974.
- Большов*, 2003. – *Большов С.В.* Средневожская абашевская культура (по материалам могильников). Йошкар-Ола, 2003.
- Борзунов В.А., Новиченков Н.Н.* 1988 – *Борзунов В.А., Новиченков Н.Н.* Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск, 1988..
- Борзунов, Новиченков*, 1988 – *Борзунов В.А., Новиченков Н.Н.* Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. ВАУ. Вып. 19. Свердловск, 1988.
- Боталов и др.*, 1996 – *Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б.* Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996.
- Боталов*, 1991 – *Боталов С.Г.* О соотносимости хронологических схем для различных регионов степей и лесостепей Евразии // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул, 1991.
- Боталов*, 1993 – *Боталов С.Г.* Большекараганский могильник II–III вв. н.э. // Кочевники Урало-Казахстанских степей. – Екатеринбург, 1993.
- Боталов*, 1994 – *Боталов С.Г.* Эпоха средневековья Урало-Ишимского междуречья II–XIV вв. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 1994.

- Боталов*, 1995 – *Боталов С.Г.* Тюркские кочевники Урало-Иртышья // Культура степей Евразии второй половины I тыс. н.э. – Самара, 1995.
- Боталов*, 2000 – *Боталов С.Г.* Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья. Т. 2. – Челябинск, 2000.
- Боталов, Бисембаев*, 2002 – *Боталов С.Г., Бисембаев А.А.* Новые материалы по истории гуннов Западного Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. – Уральск, 2002.
- Боталов, Гуцалов*, 2000 – *Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.* Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. – Челябинск, 2000.
- Боталов, Любчанский*, 1992 – *Боталов С.Г., Любчанский И.Э.* О локализации Гуннии в II–IV вв. н.э. // Проблемы краеведения северных регионов Казахстана. Тезисы докладов. – Кустанай, 1992.
- Боталов, Полушкин*, 1996 – *Боталов С.Г., Полушкин Н.А.* Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V веков // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск, 1996.
- Бочкарев*, 1993 – *Бочкарев В.С.* Концептуальные основы хронологии эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. СПб., 1993.
- Бочкарев*, 2002 – *Бочкарев В.С.* Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // История татар с древнейших времен в 7-ми томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002.
- Бронзовый век*, 2001 – Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.
- Бувье-Ажан*, 2003 – Бувье-Ажан М. Аттила. – М., 2003.
- Бугров Д.Г.* 2006 Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2006. 219 с.
- Булычев*, 1902 – *Булычев Н.И.* Древности из Восточной России. Вып. I. СПб, 1902.
- Булычев*, 1904 – *Булычев Н.И.* Древности из Восточной Европы. Вып. 2. СПб, 1904.
- Бутанаев*, 1973 – *Бутанаев В.Я.* Культ Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. М., 1973.
- БХИ, т. I*, 1995 – Башкорт халык ижады. Т.1: Йола фольклоры. Өфө, 1995.
- БХИ, т. II*, 1997 – Башкорт халык ижады. Т.2: Риүәйәттәр, легендалар». Өфө, 1997
- БХИ, Т. IX*, 2007 – Башкорт халык ижады. Т. IX: Йомактар. Өфө, 2007.
- БШ*, 1960 – Башкирские шежере / Сост., пер. текстов, введ. и коммент. Р.Г. Кузеева. Уфа, 1960.
- Валеев*, 1989 – *Валеев Д.Ж.* Нравственная культура башкирского народа: Прошлое и настоящее. Уфа, 1989.
- Ванчиков*, 1992 – *Ванчиков В.В.* Памятники ананьинского времени бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992.
- Варфоломеев*, 1991 – *Варфоломеев В.В.* Саргаринские могильники Сары Арки // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа, 1991.
- Васильев В.Н.* 1995 – *Васильев В.Н.* Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н.э. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Уфа, 1995.
- Васильев и др.*, 1985а – *Васильев, И.Б., Иванов, В.А. Обыденнов, М.Ф.* Итоги исследований стоянки им. М.Я. Касьянова в Гафурийском районе БАССР // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.
- Васильев и др.*, 1985б – *Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П.* Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Васильев и др.*, 1999 – *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье // Древние индо-иранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1999.
- Васильев и др.*, 2003 – *Васильев В.Н., Заднепровский Ю.А., Морозов Ю.А.* Новые материалы по эпохе бронзы юго-восточного Башкортостана // Уфимский археологический вестник. Вып. 4. Уфа, 2003.
- Васильев*, 1973 – *Васильев И.Б.* Сарматский курган на северо-западе Башкирии // СА. № 4, 1973.
- Васильев*, 1975 – *Васильев И.Б.* Абашевские памятники Куйбышевского Заволжья // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Вып. V. Куйбышев, 1975.
- Васильев*, 1975 – *Васильев И.Б.* Памятники бронзового века в окрестностях г. Куйбышева // Самарская Лука в древности. Куйбышев, 1975.
- Васильев*, 1980 – *Васильев В.И.* Проблемы этногенеза северосамодийских народов // Этногенез народов Севера. – М., 1980.
- Васильев*, 1980 – *Васильев В.И.* К вопросу об участии самодийского этнического компонента в этногенезе башкир // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978-1979. Тез. докл. Уфа, 1980.
- Васильев, Горбунов*, 1975 – *Васильев И.Б., Горбунов В.С.* Бирское поселение // СА. №4, 1975.
- Васильев, Иванов*, 1979 – *Васильев И.Б., Иванов В.А.* О южной границе предананьинской общности // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
- Васильев, Федоров*, 1994 – *Васильев В.Н., Федоров В.К.* Раскопки курганов у пос. Сара // АО-1993. М., 1994.
- Васюткин*, 1986 – *Васюткин С.М.* Салиховский курганный могильник конца IV–V вв. в Башкирии // СА. № 2, 1986.
- Васюткин*, 1996 – *Васюткин С.М.* Изучение раннего железного века Южного Приуралья. Учебное пособие. Элиста, 1996.

Верещагин, 1889 — *Верещагин Г.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб, 1889.

Ветров, 2006 — *Ветров В.М.* Проблемы сходства в технике изготовления и орнаментации сосудов ранних керамических комплексов северной Евразии // *Современные проблемы археологии России*. Том 1. Мат-лы Всерос. археол. съезда. Новосибирск, 2006.

Византийские историки. — Византийские историки (Менандр, Дексипп, малх и др.) / Ред. Сп. Де-стунис. СПб. 1860.

Викторова, 1960 — *Викторова В.Д.* Из истории населения юго-западной Башкирии в эпоху бронзы. // *Из истории Урала*. Свердловск, 1960.

Викторова, 1962 — *Викторова В.Д.* Археологические исследования по рр. Реж и Нице // *ВАУ*. Вып. 2. Свердловск, 1962.

Викторова, Морозов, 1993 — *Викторова В.Д., Морозов В.М.* Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // *Кочевники урало-казахстанских степей*. — Екатеринбург, 1993.

Виноградов и др., 1996 — *Виноградов Н.Б., Костюков В.П., Марков С.В.* Могильник Солнце-Талика и проблема генезиса федоровской культуры бронзового века в Южном Зауралье // *Новое в археологии Южного Урала*. Челябинск, 1996.

Виноградов и др., 1997 — *Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я.* Сарматы и гибель «Великой Скифии» // *ВДИ*. №3, 1997.

Виноградов и др., 2002 — *Виноградов Н.Б., Епимахов А.В., Костюков В.П.* Памятники древней и средневековой истории г.Челябинска и его ближайших окрестностей // *Челябинск неизвестный*. Вып. 3. Челябинск, 2002.

Виноградов, 1983 — *Виноградов Н.Б.* Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983.

Виноградов, 1993 — *Виноградов Н.Б.* Археологическая карта Курганской области. Т. 1. Курган, 1993.

Виноградов, 1998 — *Виноградов Н.Б.* Новые материалы для реконструкции облика одежды алакульских женщин (по результатам изучения могильника Кулевчи VI) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Вып. VI. М.—Магнитогорск, 1998.

Виноградов, 2003 — *Виноградов Н.Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.

Виноградов, 2004 — *Виноградов Н.Б.* Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации // *Памятники археологии и древнего искусства Евразии*. М., 2004.

Виноградов, 2005 — *Виноградов Н.Б.* Памятники петровского типа в Южном Зауралье и Северном Казахстане: культурная атрибуция и внутренняя периодизация // *Археология Урала и Западной Сибири*. Екатеринбург, 2005.

Виноградов, 2005б — *Виноградов Н.Б.* Металлопроизводство и синташтинская проблема // *Вест-*

ник ЧГПУ. Сер.1: Исторические науки. Вып. 2. Челябинск, 2005.

Виноградов, 2007 — *Виноградов Н.Б.* Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 2007.

Виноградов, Мухина, 1985 — *Виноградов Н.Б., Мухина Н.А.* Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // *Древности Среднего Поволжья: межвузовский сб.* Куйбышев, 1985.

Вишневская, 1973 — *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н.э.: По материалам Уйгарака. М., 1973.

Вишневская, Итина, 1971 — *Вишневская О.А., Итина М.А.* Ранние саки Приаралья // *Проблемы скифской археологии*. М., 1971.

Волков, Волкова, 2000 — *Волков А.М., Волкова З.Н.* Беовульф. Англосаксонский эпос. М., 2000.

Выборнов и др., 1982 — *Выборнов А.А., Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф.* Поселение Бачки-Тау II — новый памятник неолита-энеолита Нижнего Прибелья // *Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла*. — Куйбышев, 1982.

Выборнов и др., 1984 — *Выборнов А.А., Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Поселение Сауз I в устье реки Белой // *Эпоха меди юга Восточной Европы*. — Куйбышев, 1984.

Выборнов, 1992 — *Выборнов А.А.* Неолит Прикамья. — Самара, 1992.

Выборнов, 2008 — *Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. — Самара, 2008.

Выборнов, Обыденнов, 1983 — *Выборнов А.А., Обыденнов М.Ф.* Стоянки Кюнь II в Нижнем Прибелье // *Древние памятники на территории Восточной Европы*. Воронеж, 1983.

Вэй Цзиен, 2004 — *Вэй Цзиен*, Ней тен гу ти чунь сианбей му цзи де. Фа сиен юянцзиу (Обнаружение и изучение сяньбийских захоронений на территории Внутренней Монголии). — Пекин, 2004.

Габуев, 1999 — *Габуев Т.А.* Ранняя история алан. Владикавказ, 1999.

Габуев, 2000 — *Габуев Т.А.* Происхождение алан по данным письменных источников // *ВДИ*. № 3, 2000.

Габяшев, 1978 — *Габяшев Р.С.* Русско-Азиебейская стоянка // *Древности Икско-Бельского междуречья*. — Казань, 1978.

Гавритухин, 1996 — *Гавритухин И.О.* К изучению ремесленных гарнитур Поволжья VI — VII вв. // *Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* — Самара, 1996.

Гадло, 1979 — *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV — X вв. — Л., 1979.

Гайдученко, 2000 — *Гайдученко Л.Л.* Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита —

бронзы // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.

Гайдученко, 2003а – *Гайдученко Л.Л.* Календарные сроки начала строительства круглоплановых поселений эпохи средней бронзы в Южном Зауралье // Человек в пространстве древних культур. Мат. всеросс. науч. конф. Челябинск, 2003.

Гайдученко, 2003б – *Гайдученко Л.Л.* Новый источник получения массовой информации об особенностях питания населения древности // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода. Челябинск, 2003.

Гайдученко, *Зданович*, 2000 – *Гайдученко Л.Л.*, *Зданович Д.Г.* Расчеты величин биомассы и поедаемой массы копытных в археологических исследованиях бронзы // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.

Галин, 2004 – *Галин С.А.* Башкирский народный эпос. Уфа, 2004.

Гамкрелидзе, *Иванов*, 1984 – *Гамкрелидзе Т.В.*, *Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1 – 2. Тбилиси, 1984.

Гарустович, 2000 – *Гарустович Г.Н.* Погребения переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Башкирском Зауралье // УАВ. 2, 2000.

Гарустович, *Котов*, 2007 – *Гарустович Г.Н.*, *Котов В.Г.* Таналыкское I поселение // Уфимский археологический вестник. Вып. 6 – 7. Уфа, 2007.

Гарустович, *Минеева*, 2003 – *Гарустович Г.Н.*, *Минеева И.М.* Из истории археологических исследований в Башкортостане: Вера Владимировна Гольмстен // Уфимский археологический вестник. Вып. 4. Уфа, 2003.

Гачев, 1988 – *Гачев Г.* Национальные образы мира. М., 1988.

Гей, *Бажан*, 1997 – *Гей О.А.*, *Бажан И.А.* Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). – М., 1997.

Генинг В.Ф. 1965 Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры. ВАУ. Вып. 7. Ижевск.

Генинг В.Ф. 1962 Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // Вопросы археологии Урала. Вып. 4. Свердловск., 1962.

Генинг В.Ф. 1970 История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. ВАУ. Вып. 10. Ижевск, 1970.

Генинг В.Ф. 1971 История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II. ВАУ. Вып. 11. Ижевск, 1971.

Генинг В.Ф. 1988 Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. Москва, 1988.

Генинг В.Ф. 1993 Большие курганы лесостепного Притоболья (IV–II вв. до н.э.) // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.

Генинг В.Ф., 1977. – *Генинг В.Ф.* Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. № 4, 1977.

Генинг и др., 1992 – *Генинг В.Ф.*, *Зданович Г.Б.*, *Генинг В.В.* Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. I. Челябинск, 1992.

Генинг, 1959 – *Генинг В.Ф.* Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. – Казань, 1959.

Генинг, 1963 – *Генинг В.Ф.* Азелинская культура. III–V вв. // ВАУ. Вып. 5, 1963.

Генинг, 1967 – *Генинг В.Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ, вып. 7, 1967.

Генинг, 1971 – *Генинг В.Ф.* Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971.

Генинг, 1972 – *Генинг В.Ф.* Южное Приуралье в III–VII вв. (Проблема этноса и его происхождение) // Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972.

Генинг, 1977 – *Генинг В.Ф.* Памятники у с. Кушнареново на р. Белой (VI–VII вв. н.э.) // Исследование по археологии Южного Урала. – Уфа, 1977.

Генинг, 1979 – *Генинг В.Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. № 158, 1979.

Генинг, 1988 – *Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988.

Генинг, *Совцова*, 1967 – *Генинг В.Ф.*, *Совцова Н.И.* О западно-сибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности // Труды IV УАС. Пермь, 1967.

Генинг, *Старостин*, 1972 – *Генинг В.Ф.*, *Старостин П.Н.* Кумысские стоянки и могильники // ОНКАЭ. Вып. 1. М., 1972.

Герасимов, 1949 – *Герасимов М.М.* Основы становления лица по черепу. М., 1949.

Герасимова и др., 1987 – *Герасимова М.М.*, *Рудь Н.М.*, *Яблонский Л.Т.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. – М., 1987.

Герасимова, 1965 – *Герасимова М.М.* Антропологическая характеристика черепов из грунтовых погребений Танаиса // Древности Нижнего Дона. – М., 1965.

Геродот. – 1972 – *Геродот.* История. Л. 1972.

Гинзбург и др., 1952 – *Гинзбург В.В.*, *Дебец Г.Ф.*, *Левин М.Г.*, *Чебоксаров Н.Н.* Очерки по антропологии Казахстана // КСИЭ. Вып. 16, 1952.

Гинзбург, 1959 – *Гинзбург В.В.* Этногенетические связи населения Сталинградского Заволжья: Антропологические материалы Калиновского могильника // МИА. № 60. Т. I, 1959.

Гинзбург, *Трофимова*, 1972 – *Гинзбург В.В.*, *Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

Гинзбург, *Фирштейн*, 1958 – *Гинзбург В.В.*, *Фирштейн Б.В.* Материалы антропологии древнего населения Западного Казахстана // СМАЭ. Т. XVIII, 1958.

- Гиришман, 1981* – Гиришман Р. Иран и миграции индо-ариев и иранцев // Этнические проблемы Центральной Азии в древности. М., 1981.
- Глазкова, Чтецов, 1960* – Глазкова Н.М., Чтецов В.П. Палеоантропологические материалы Нижне-волжского отряда // МИА. №78, 1960.
- Гмыря, 1995* – Гмыря Л.Б. Страна гуннов у каспийских ворот. – Махачкала, 1995.
- Горбунов и др., 1990* – Горбунов В.С., Денисов И.В., Исмагилов Р.Б. Новые материалы по эпохе бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1990.
- Горбунов и др., 2001* – Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н. Тюбяк: поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа, 2001.
- Горбунов, 2007* – Горбунов Ю.В. О вкладе К.В.Сальникова в изучение абашевской металлургии и металлообработки на Южном Урале // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Мат-лы. межд. конф. Уфа, 2007.
- Горбунов, 2008а* – Горбунов Ю.В. Металлопроизводство у племен уральской абашевской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып XX1. М.-Магнитогорск-Новосибирск, 2008.
- Горбунов Ю., 2008б* – Горбунов Ю.В. Металлопроизводственная деятельность племен уральской абашевской культуры в Южном Приуралье // автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008.
- Горбунов, 1976* – Горбунов В.С. Классификация абашевских памятников Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа 1976.
- Горбунов, 1977* – Горбунов В.С. История племен абашевской культуры в бассейне р. Белой / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1977.
- Горбунов, 1981* – Горбунов В.С. Работа экспедиции Башкирского пединститута // Археологические открытия 1980 года. М., 1981.
- Горбунов, 1985* – Горбунов В.С. Некоторые проблемы эпохи бронзы лесостепной полосы Приуралья // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.
- Горбунов, 1986* – Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа, 1986.
- Горбунов, 1989а* – Горбунов В.С. Жилищные комплексы I Береговского поселения // Поселения срубной культуры. Воронеж, 1989.
- Горбунов, 1989б* – Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев, 1989.
- Горбунов, 1992а* – Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа, 1992.
- Горбунов, 1992б* – Горбунов В.С. Могильник бронзового века Ветлянка IV // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.
- Горбунов, 1992в* – Горбунов В.С. Проблемы реконструкции основ хозяйства населения Волго-Уралья в эпоху бронзы. – Уфа, 1992.
- Горбунов, 1996* – Горбунов В.С. Проблемы генетической преемственности абашевской и срубной археологических культур // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тамбов, 1996.
- Горбунов, 2006* – Горбунов В.С. Срубная общность Восточной Европы. Уфа, 2006.
- Горбунов, 2006* – Горбунов В.С. Срубная общность Восточной Европы. Уфа, 2006.
- Горбунов, Горбунов, 2006а* – Горбунов В.С., Горбунов Ю.В. Свидетельства металлургии и металлообработки на поселении Тюбяк // Эпоха металла Восточной Европы (история исследований, публикации). Воронеж, 2006.
- Горбунов, Горбунов, 2006б* – Горбунов В.С., Горбунов Ю.В. Преемственность и традиции абашевской металлургии и металлообработки в Приуралье // Наследие М.Акмуллы: взгляд через века. Мат-лы межд. науч.-практ. конф. БГПУ. Уфа, 2006.
- Горбунов, Морозов, 1985* – Горбунов В.С. Морозов Ю.А. Периодизация срубной культуры Приуралья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Горбунов, Морозов, 1991* – Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991.
- Горбунов, Морозов, 1991* – Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991.
- Горбунов, Обыденнов, 1978* – Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Курганы срубной культуры у д. Старо-Яппарово на р. Дема // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж, 1978.
- Гордлевский, 1961* – Гордлевский В.А. Что такое «босый волк?» // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. М., 1961.
- Гохман, 1966* – Гохман И.И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966.
- Гохман, 1973* – Гохман И.И. Роль андроновского компонента в формировании южносибирской расы // СЭ. № 2, 1973.
- Гохман, 1960* – Гохман И.И. Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища // Тр. БКНИИ СО АН СССР. Вып. 3. – Улан-Удэ, 1960.
- Грантовский, 1970* – Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Грантовский, 1998* – Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998.
- Григорьев и др., 2007* – Григорьев С.А., Тидеман Е.В., Петрова Л.Ю. Стратиграфическая ситуация на поселении эпохи поздней бронзы Мочище I в Южном Зауралье // Известия ЧНЦ. Вып. 2 (36), 2007.
- Григорьев и др., 2008* – Григорьев С.А., Васина Ю.В., Ивасько Л.В., Котов В.Г. Создание музея мегалитов на острове Веры // Достояние поколений., 2008.
- Григорьев, 1999* – Григорьев С.А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999.

- Григорьев*, 2000а – *Григорьев С.А.* Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. I. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000.
- Григорьев*, 2000б – *Григорьев С.А.* Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. – Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000.
- Григорьев*, 2002 – *Григорьев С.А.* История изучения эпохи бронзы Южного Зауралья // История археологии Южного Зауралья: Учеб. пособие. Челябинск, 2002.
- Гринин*, *Кортаев*, 2009 – *Гринин Л.Е.* Социальная макроэволюция: генезис и трансформация Мир-Системы. М., 2009.
- Гришаков В.В.*, *Зубов С.Э.* 2009 Андреевский курган в системе археологических культур Восточной Европы. Казань, 2009.
- Грязнов*, 1978 – *Грязнов М.П.* Бык в обрядах и культурах древних скотоводов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М.1978.
- Грязнов*, 1927 – *Грязнов М.П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. Вып. 2. Л., 1927.
- Губайдуллина*, 1981 – *Губайдуллина А.Р.* Отчет о полевых исследованиях Южно-Уральского палеолитического отряда за 1981 г. // Архив РАН, 1981.
- Гугуев*, *Безуглов*, 1990 – *Гугуев В.К.*, *Безуглов С.И.* Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобяковского городища на Дону // СА. № 2, 1990.
- Гумилев*, 1959 – *Гумилев Л.Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестник древней истории. № 1 (67), 1959.
- Гумилев*, 1989 – *Гумилев Л.Н.* Хунну в Азии и Европе // Вопросы истории. № 6, 1989.
- Гумилев*, 1993 – *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1993.
- Гумилев*, 1960 – *Гумилев Л.Н.* Хунну. Срединная Азия в древние времена. – М., 1960.
- Гумилев*, 1992 – *Гумилев Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. – М., 1992.
- Гурвич*, 1948 – *Гурвич И.С.* Космогонические представления и пережитки тотемистического культа у населения Оленекского района // Советская этнография. №3, 1948.
- Гуцалов*, 1992 – *Гуцалов С.Ю.* Ярусные погребения Илека и проблема сложения савроматской культуры // Маргулановские чтения (тезисы). Петропавловск, 1992.
- Гуцалов*, 1997 – *Гуцалов С.Ю.* Курган раннескифского времени на Илеке (препринт доклада). Челябинск, 1997.
- Гуцалов*, 2000 – *Гуцалов С.Ю.* Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII-I вв. до н.э.: Дисс. на соиск. ...к.и.н. Том I. Уфа, 2000.
- Давыдова*, 1996 – *Давыдова А.В.* Иволгинский археологический комплекс // Археологические памятники сунну: Иволгинский могильник. – СПб. – Вып. 2. Т. 2, 1996.
- Дандамаев*, 1977 – *Дандамаев М.А.* Данные вавилонских документов VI-V вв. до н.э. о саках // ВДИ. №1, 1977.
- Дандамаев*, 1985 – *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
- Данукалова и др.*, 2000 – *Данукалова Г.А.*, *Яковлев А.Г.*, *Котов В.Г.* Возраст, биостратиграфия и археология озерных отложений вторых надпойменных террас рек Южного Предуралья // Геологический сборник № 1, 2000.
- Данукалова*, 2007 – *Данукалова Г.А.* Стратиграфия квартера Предуралья // Материалы Всерос. научного совещания «Геологические события неогена и квартера России: современное состояние стратиграфических схем и палеогеографические реконструкции». М., 2007.
- Дебец и др.*, 1952 – *Дебец Г. Ф.*, *Левин М. Г.*, *Трофимова Т. А.* Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // СЭ. № 1, 1952.
- Дебец*, 1948 – *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР // ТИЭ. Т. 4, 1948.
- Дебец*, 1953 – *Дебец Г.Ф.* К палеоантропологии Урала // КСИЭ. Вып. 18, 1953.
- Дегтярева*, 2006 – *Дегтярева А.Д.* Металлические орудия труда синташтинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 7. Тюмень, 2006.
- Демкин*, 1999 – *Демкин В.А.* Реконструкция содержимого глиняных сосудов из курганных захоронений // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
- Денисов*, *Исмагилов*, 1989 – *Денисов И.В.*, *Исмагилов Р.Б.* I Санзяновский могильник срубной культуры на юге Башкирии // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989.
- Дергачев*, 2004 – *Дергачев В.А.* Культурная функция скипетров и модель их возможной археологизации (по данным гомеровского эпоса) // Археолог: детектив и мыслитель: Сб. статей, посвящ. 77-летию Льва Самойловича Клейна. – СПб., 2004.
- Дергачев*, *Бочкарев*, 2002 – *Дергачев В.А.*, *Бочкарев В.С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев, 2002.
- Дервянко и др.*, 2001 – *Дервянко А.П.*, *Петрин В.Т.*, *Гладышев С.А.*, *Зенин А.Н.*, *Таймагамбетов Ж.К.* Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СА РАН, 2001.
- Дитмар*, 1973 – *Дитмар А.Б.* Рубежи Ойкумены. М., 1973.
- Дияров*, 1988 – *Дияров Карим.* Мелодии седого Урала. Уфа, 1988.
- Дмитриев*, *Сальников*, 1941 – *Дмитриев П.А.*, *Сальников К.В.* Гор. Уфа – ст. Ишимбаево // Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг. М.-Л., 1941.

Доватур и др., 1982 – *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

Древняя история... – Древняя история Южного Зауралья / Мосин В.С., Григорьев С.А., Таиров А.Д., Боталов С.Г. – в 2-х тт. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. – Т. 1: Каменный век. Эпоха бронзы. 2000. – 532 с.

Дыбо, 1997 – *Дыбо А.В.* К культурной лексике праалтайского языка // Балто-славянские исследования. М., 1997.

Дыбо, 2006 – *Дыбо А.В.* Монгольские названия деревьев в алтайском словаре // Трофим Алексеевич Бертагаев. К 100-летию со дня рождения. Элиста, 2006.

Дыбо, 2007 – *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. М., 2007.

Евдокимов, 1975 – *Евдокимов В.В.* Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол // СА. № 4, 1975.

Евдокимов, 1983 – *Евдокимов В.В.* Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

Евдокимов, Поваляев, 1989 – *Евдокимов В.В., Поваляев Н.Л.* Оценка численности населения эпохи бронзы Кустанайского Притоболья по экологическим параметрам // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989.

Евдокимов, Усманова, 1990 – *Евдокимов В.В., Усманова Э.Р.* Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурно-исторической общности из Центрального Казахстана) // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990.

Евсеев, 1987 – *Евсеев В.Я.* О типологических и других сходствах в эпике финно-угорских и тюркских, восточно-славянских, кавказских народов // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1987.

Евсюков, 1988 – *Евсюков В.В.* Мифы о Вселенной. Новосибирск.

Евтюхова, 1961а – *Евтюхова О. Н.* К истории изучения абашевской культуры в Среднем Поволжье // МИА. № 97, 1961.

Евтюхова, 1961б – *Евтюхова О.Н.* К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры // МИА. № 97, 1961.

Елизаренкова, Топоров, 1995 – *Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.* Мир вещей по данным Ригvedы // Ригведа. Мандалы V – VIII. М., 1995.

Епимахов и др., 2005 – *Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. № 4, 2005.

Епимахов, 1995 – *Епимахов А.В.* Погребальные памятники синташтинского времени (архитектурно-планировочное решение) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Мат. конф. Ч. V. Кн. 1. Челябинск, 1995.

Епимахов, 1996 – *Епимахов А.В.* Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения средней бронзы Устье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996.

Епимахов, 2002 – *Епимахов А.В.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск, 2002.

Епимахов, 2003 – *Епимахов А.В.* Об абашевском «наследии» в культурах поздней бронзы Урала // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Мат-лы. межд. науч. конф. Чебоксары, 2003.

Епимахов, 2003 – *Епимахов А.В.* Анализ тенденций социально-экономического развития населения Урала эпохи бронзы // РА. № 1, 2003.

Епимахов, 2004а – *Епимахов А.В.* К вопросу о «деградации» колесничного комплекса в период поздней бронзы в Южном Зауралье (по материалам могильника Николаевка II) // Вестник ЧГПУ. Серия 1: Исторические науки. № 2. Челябинск, 2004.

Епимахов, 2004б – *Епимахов А.В.* Могильник эпохи бронзы Солончанка IА и вопрос интерпретации одиночных синташтинских курганов // Археологический альманах. № 15. Псаии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004.

Епимахов, 2005 – *Епимахов А.В.* Ранние комплексы общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск, 2005.

Епимахов, 2006 – *Епимахов А.В.* О факторах культурогенеза населения Южного Урала эпохи бронзы // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2006.

Епимахов, 2007 – *Епимахов А.В.* Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиоуглеродных датировок // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII. М.–Магнитогорск–Новосибирск, 2007.

Епимахов, 2008 – *Епимахов А.В.* Финал бронзового века в Южном Зауралье // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. Т. I. М., 2008.

Епимахов, 2009 – *Епимахов А.В.* Модели освоения территории по данным сплошного археологического обследования (эпоха бронзы Южного Зауралья) // Этнос, общество, цивилизация: II Кузеевские чтения. Мат. Междунар. конф., посвященной 80-летию Р. Г. Кузеева. Уфа, 2009.

Епимахов, Епимахова, 2002 – *Епимахов А.В., Епимахова М.Г.* Поселение поздней бронзы Каменная Речка III // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4. Тюмень, 2002.

Епимахов, Епимахова, 2004 – *Епимахов А.В., Епимахова М.Г.* Новые материалы по алакульскому костюму // Вестник ЧГПУ. Серия 1: Исторические науки. № 2. Челябинск, 2004.

Епимахов, Епимахова, 2006 – *Епимахов А.В., Епимахова М.Г.* Абашевские памятники Южного Зауралья // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзо-

вого века: сб. статей, посвященный 60-летию Владимира Степановича Горбунова. Уфа, 2006.

Епимахов, Ражев, 2003а – Епимахов А.В., Ражев Д.И. Тафокомплекс и социальная реальность (по материалам синташтинских памятников) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 2. Челябинск, 2003.

Епимахов, Ражев, 2003б – Епимахов А.В., Ражев Д.И. Тафокомплекс и социальная реальность: постановка проблемы // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003.

Епимахов, Чечушков, 2006 – Епимахов А.В. Чечушков И.В. Евразийские колесницы: конструктивные особенности и возможности функционирования // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006.

Ермолаева, 1987 – Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987.

Ефименко, Третьяков, 1961 – Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // МИА. № 97, 1961.

Ефимова, 1981 – Ефимова С.Г. К краниологии раннего железного века Волго-Камья // ВА. Вып. 67, 1981.

Ефимова, 1991 – Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991.

Железчиков и др., 1986 – Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М., 1986.

Жирмунский, 1974 – Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.

Житинев, 2007 – Житинев В.С. Верхний палеолит бассейна реки Ай (Южный Урал): перспективы исследования // XVII Уральское археологическое совещание. Мат-лы науч. конф. Екатеринбург, 2007.

Житинев, 2007а – Житинев В.С. Пещера Ключевая (р. Юрюзань, Южный Урал): новые материалы позднепалеолитического времени // XVII Уральское археологическое совещание. Мат-лы науч. конф. Екатеринбург-Сургут, 2007.

Зайков и др., 2005 – Зайков В.В., Юминов А.М., Дунаев А.Ю. и др. Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4, 2005.

Зайцева и др., 2001 – Зайцева Г.И., Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А. и др. Археологическая и радиоуглеродная хронология памятников скифского времени Нижнего Поволжья и Южного Урала // XV УАС. Оренбург, 2001.

Запорожченко, Черемисин, 1997 – Запорожченко А.В., Черемисин А.В. Аримаспы и грифы: изобразительная традиция и индоевропейские параллели // ВДИ. № 1, 1997.

Засецкая, 1968 – Засецкая И.П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА, №2, 1968.

Засецкая, 1978 – Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи // СА. № 1, 1978.

Засецкая, 1982 – Засецкая И.П. Погребения у села Кызыл-Адыр в Оренбургской области // Древние памятники культуры на территории СССР. – Л., 1982.

Засецкая, 1986 – Засецкая И.П. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южноуральских степях // АС ГЭ. Вып. 27. – Л., 1986.

Засецкая, 1994 – Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху IV–VI вв. – СПб., 1994.

Збруева, 1952 – Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / МИА. Т. 30. Москва, 1952.

Збруева, 1958 – Збруева А.В. Могильник Метев-Тамак // КСИИМК, вып. 72, 1958.

Збруева, 1960 – Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. №80. М., 1960.

Збруева, Тихонов, 1970 – Збруева А.В., Тихонов Б.Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии. М., 1970.

Збруева, Тихонов, 1970 – Збруева А.В., Тихонов Б.Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии. М., 1970.

Збруева, Тихонов, 1970 – Збруева А.В., Тихонов Б.Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии. М., 1970..

Зданович и др., 2003 – Зданович Г.Б., Батанина И.М., Левит Н.В. и др. Археологический атлас Челябинской области. Вып. 1. Степь-лесостепь. Кизильский район. Челябинск, 2003.

Зданович и др., 2006 – Зданович Г.Б., Гаврилюк А.Г., Малютина Т.С. Некрополи укрепленного поселения Аркаим: Александровский IV // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург., 2006.

Зданович и др., 2007 – Зданович Г.Б., Малютина Т.С., Зданович Д.Г. Материалы по исследованию ранних этапов синташтинской культуры (укрепленное поселение Аландское) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной). Курган, 2007.

Зданович, 1973 – Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАУ. Вып. 12. Свердловск, 1973.

Зданович, 1975 – Зданович Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

Зданович, 1979 – Зданович С.Я. Саргаринская культура – заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане. Автореф. канд. дис. к.и.н. М., 1979.

Зданович, 1984 – Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века урало-ка-

захстанских степей // *Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск, 1984.

Зданович, 1988 — *Зданович Г.Б.* Бронзовый век урало-казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988.

Зданович, 1989 — *Зданович Г.Б.* Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // *Взаимодействие кочевых народов и древних цивилизаций*. Алма-Ата, 1989.

Зданович, 1995 — *Зданович Г.Б.* Аркаим. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // *Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия*. Челябинск, 1995.

Зданович, 1997 — *Зданович Г.Б.* Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // *РА*. № 2, 1997.

Зданович, 1997 — *Зданович Д.Г.* Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997.

Зданович, 2002 — *Зданович Г.Б.* Урало-казахстанские степи в эпоху средней бронзы. Автореф. дисс. д-ра. ист. наук. Челябинск, 2002.

Зданович, 2002 — *Зданович Д.Г.* Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. — Челябинск, 2002.

Зданович, 2004 — *Зданович Г.Б.* Могила «учителя» или образ горы в культуре «Страны городов» // *Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала*. Челябинск, 2004.

Зданович, 2005 — *Зданович Д.Г.* Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.

Зданович, *Батанина*, 2007 — *Зданович Г.Б.*, *Батанина И.М.* Аркаим — Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск, 2007.

Зданович, *Зданович*, 2005 — *Зданович Г.Б.*, *Зданович Д.Г.* Проблема освоения Евразийских степей в бронзовом веке и «Страна городов» Южного Зауралья // *Археология Урала и Западной Сибири*. Екатеринбург, 2007.

Зданович, *Малютина*, 1996 — *Зданович Г.Б.*, *Малютина Т.С.* Абашевская культура и синташтинский очаг культуругенеза // *Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии*. Тамбов, 1996.

Золотарев, 1964 — *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. — М., 1964.

Золотые олени... 2002 — *Золотые олени Евразии*. — СПб., 2002.

Зубков и др., 2002 — *Зубков В.С.*, *Наглер А.*, *Кайзер Э.* Каменноложская группа курганов могильника Подсуханыха ЙЙ // *Степи Евразии в древности и средневековье*. I. СПб., 2002.

Зубов, 1998 — *Зубов С.Э.* К проблеме этнокультурной интерпретации памятников андреевско-писеральского типа // *Исследования П.Д. Степанова и*

этнокультурные процессы древности и современности: *Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию П.Д. Степанова*. Самара, 1998.

Зубов, 2000 — *Зубов С.Э.* Реконструкция женского костюма по материалам Кипчаковского могильника // *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма): Тезисы докладов III Международной археологической конференции (14–18 марта 2000 г.)* — Самара. — С. 44–51, 2000.

Зубов, 2004а — *Зубов С.Э.* География и хронология подвесок в виде скифского лука // *Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция*, г. Волгоград, 1–5 ноября 2004 г.: *Тезисы докладов*. Волгоград, 2004.

Зубов, 2004б — *Зубов С.Э.* Проблемы этнической дивергенции пьяноборского этноса // *Вопросы археологии Урала и Поволжья*. Вып. 2. — Самара: «Самарский университет» — С. 267–279, 2004.

Зубов, 2007а — *Зубов С.Э.* Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // *Уфимский археологический вестник*. Вып. 8. — Уфа. — С. 72–88, 2007.

Зубов, 2007б — *Зубов С.Э.* Ранние палаши Волго-Уралья // *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология*. Челябинск, 2007. С. 124–133.

Зуев, 2004 — *Зуев В.Ю.* Раскопки кургана Прохоровка-2 в Оренбуржье // *Археологические экспедиции за 2003 год*. СПб., 2004.

Иванов, 1984 — *Иванов В.А.* Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. Москва, 1984.

Иванов, 1985 — *Иванов В.А.* О времени функционирования могильников эпохи раннего железа в Приуралье // *Древности Среднего Поволжья*. Куйбышев, 1985.

Иванов, 2003 — *Иванов В.А.* Городище Серенькино — памятник пьяноборской культуры в низовьях реки Белой // *Уфимский археологический вестник*. Выпуск 4. Уфа, 2003.

Иванов, 1977 — *Иванов В.А.* Некоторые предварительные замечания о хронологии и периодизации культуры курмантау // *Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья*. Куйбышев, 1977.

Иванов, 1978 — *Иванов В.А.* Население нижней и средней реки Белой в ананьинскую эпоху: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1978.

Иванов, 1982 — *Иванов В.А.* Проблема культуры курмантау // *Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа*. Уфа, 1982.

Иванов, 1984 — *Иванов В.А.* Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М., 1984.

Иванов, 1991 — *Иванов В.В.* Близнечные мифы // *Мифы народов мира*. Т.1, 1991.

- Иванов*, 1996 – *Иванов В.А.* Ананьинская культура // Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996.
- Иванов*, 1996 – *Иванов В.И.* Бронзовый век евразийской степи. Его место в системе ландшафтно-климатических изменений голоцена и в историческом процессе // Древности-Донских степей в системе восточно-европейского бронзового века. Волгоград, 1996.
- Иванов*, 2003 – *Иванов В.А.* Башкортостан в эпоху Великого переселения народов // История Башкортостана с древнейших времен до 60 гг. XIX в. Уфа, 2003.
- Иванов, Круглов*, 2003 – *Иванов В.А., Круглов Е.А.* К вопросу о пребывании древних ариев на Южном Урале // Рукопожатие через Гималаи. Уфа, 2003.
- Иванчик*, 1989 – *Иванчик А.И.* О датировке поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнеского // ВДИ. №1, 1989.
- Игнатъев*, 1883 – *Игнатъев Р.Г.* Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883.
- Иессен*, 1953 – *Иессен А.А.* К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. Вып.18, 1953.
- Известия древних...1896–1900* – Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. / Сост. Латышев В.В. Т. 1. – СПб.
- Илимбетов*, 1971 – *Илимбетов Ф.Ф.* Культ волка у башкир (к этимологизации этнонима «башҫорт») // Археология и этнография Башкирии. Т.IV. Материалы научн. сессии по этногенезу башкир, май 1969 г. Уфа, 1971.
- Иллич-Свитыч*, 1984 – *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. I: Введение. Сравнительный словарь. *b – k*. М., 1971; II: Сравнительный словарь. *l – dz*. М., 1976; III: Сравнительный словарь. *p – q*. М., 1984.
- Иордан*. 1997 – *Иордан*. О происхождении и деятельности гетов. СПб. 1997.
- Искусство этрусков...1982* – Искусство этрусков и Древнего Рима. / Авт. текста Ю.Д. Колпинский, Н.Н. Бритова. – М., 1982.
- Исмагил и др.*, 2009 – *Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С.* Николаевские курганы («Елена») на р. Стерля в Башкирии. Уфа., 2009.
- Исмагил*, 1998 – *Исмагил Р.* Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели // УАВ. Вып. 1. Уфа, 1998.
- Исмагилов*, 1979 – *Исмагилов Р.Б.* Исследования Стерлитамакского краеведческого музея // АО – 1978. М., 1979.
- Исмагилов*, 1988 – *Исмагилов Р.Б.* Погребение 3 Большого Гумаровского кургана и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. Вып. 29, 1988.
- Исмагилов*, 1992 – *Исмагилов Р.Б.* Новое погребение эпохи раннего железа на Илеке // Маргула-
- новские чтения (материалы конференции). Ч.1. М., 1992.
- Исмагилов*, 1996 – *Исмагилов Р.Б.* «Сарматское окно» в Европу // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа, 1996.
- Исмагулов*, 1970 – *Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970.
- Исследования в области... – Исследования в области этимологии алтайских языков.* Л., 1979.
- История Башкортостана – История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX в.* Т. 1. Уфа. 2004.
- История Самарского...*, 2000. – История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
- История Самарского... 2000а – История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней.* Каменный век. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000.
- История татар...2002* – История татар с древнейших времен. Т. 1. – Казань, 2002.
- Исхаков, Измайлов*, 2000 – *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар. – Казан, 2000..
- Итина*, 1954 – *Итина М.А.* К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов // СЭ. № 3, 1954.
- Итина*, 1977 – *Итина М.А.* История степных племен Южного Приуралья. М. , 1977.
- Итоги биоэстратиграфических...*, 1977 – Итоги биоэстратиграфических, литологических и фаунистических исследований плиоцена и плейстоцена Волго-Уральской области. Сб. ст. Уфа, 1977.
- Итоги изучения...*, 1985 – Итоги изучения разрезов плейстоцена Башкирии с остатками элѐфантид. Отв. ред. В.Л. Яхимович. Уфа., 1985.
- Кабо*, 1987 – *Кабо В.Р.* Первоначальные формы религии // Религии мира. – 1986. М., 1987.
- Кадырбаев*, 1966 – *Кадырбаев М.К.* Памятники Тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Кадырбаев*, 1977 – *Кадырбаев М.К.* Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана // СА. № 3, 1977.
- Кадырбаев*, 1977 – *Кадырбаев М.К.* Каменные алтари-жертвенники из северо-западного Казахстана // СА. № 3., 1977.
- Кадырбаев, Курманкулов*, 1976 – *Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.* Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р.Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.
- Кадырбаев, Курманкулов*, 1977 – *Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.* Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977.
- Кадырбаев, Курманкулов*, 1992 – *Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.* Культура древних скотоводов и ме-

таллургов Сары-Арки (по материалам северной Бетпак-Далы). Алма-Ата, 1992.

Казаков, 1978 – Казаков Е. П. Подгорно-Байларский курганный могильник // Древности Икско-Бельского междуречья. – Казань, 1978.

Казаков, 1979 – Казаков Е. П. Памятники черкакульской культуры в восточных районах Татарии // СА. №1, 1979.

Казаков, 1996 – Казаков Е. П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. – Самара, 1996.

Казаков, 1998 – Казаков Е. П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). – Самара, 1998.

Калевала, 1956 – Калевала: Карельские руны, собранные Э.Леннротом перевел с финского А.И.Бельский. М., 1956.

Калинина, 2007 – Калинина И. В. Мезолитический субстрат в орнаментальной традиции обских угров // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург-Сургут, 2007.

Каргалы, том II, 2002 – Каргалы, том II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. М., 2002.

Каргалы, том III. 2004 – Каргалы, том III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археологические исследования. М., 2004.

Касьянов, 1938 – Касьянов М. И. Раскопки в деревне Чубук-Каран // газета «Красная Башкирия», № 236, 1938.

Касьянов, 1939 – Касьянов М. И. Древние могильники у деревни Чубук-Каран // «Красная Башкирия», № 40, 1939.

Качалова, 1985 – Качалова Н. К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно историческая общность. Куйбышев, 1985.

Кейпер, 1986 – Кейпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. – М., 1986.

Киекбаев, 1996 – Киекбаев Дж. Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. Уфа, 1996.

Кипарисова, 1960 – Кипарисова Н. П. О культурах лесного Зауралья // СА, 1960.

Киреев, 1970 – Киреев А. Н. Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970.

Кирей Мэргэн, 1976 – Кирей Мэргэн [Киреев А. Н.]. Наблюдения над обрядовым фольклором башкирского народа (на башк. яз.). Уфа, 1976.

Клейн, 1993 – Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб., 1993.

Клюева, Ютина, 1979 – Клюева Г. Н., Ютина Т. К. 1979. Исследования памятников железного века в

Удмуртской и Татарской АССР // АО – 1978. Москва, 1979.

Кляшторный, 1994 – Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. – СПб., 1994.

Кляшторный, 1998 – Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Пазырыкская узда. К предьстории хунно-юэчжейских войн // Древние культуры Центральной Азии. – СПб., 1998.

Кляшторный, 2002 – Кляшторный С. Г. Гунны на востоке // История татар с древнейших времен. Т. 1. – Казань, 2002.

Кляшторный, 2005 – Кляшторный С. Г. Степные империи. Рождение, триумф, гибель // Степные империи древней Евразии. – СПб., 2005.

Ковалевская, 1979 – Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ. Вып. Е1-2, 1979.

Ковалевская, 1984 – Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. – М., 1984.

Кожомбердиев, 1960 – Кожомбердиев И. К. Могильник Акчи-Карасу в долине Кетмень-Тюбе // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1960.

Коишевский, 1948 – Коишевский Б. А. Итоги археологического изучения Баширской АССР // Историко-археологический сборник. М., 1948.

Колев, 2000 – Колев Ю. И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Комар, 2000 – Комар А. В. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2000.

Кондратенко, 1994 – Кондратенко А. П. Западные хунны (опыт этно-исторической идентификации) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. – Кемерово, 1994.

Кондукторова, 1962 – Кондукторова Т. С. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // ВА. №11, 1962.

Коновалов, 1976 – Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1976.

Корда, 1971 – Корда И. И. Следы каменного века в г. Магнитогорске // Советская археология, 1971.

Коренюк, 2000 – Коренюк С. Н. Некоторые проблемы изучения ананьинской культуры // Российская археология достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000.

Кореняко, 1982 – Кореняко В. А. О погребениях времени перехода от бронзы к железу в приуральских степях // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982.

Кормушин, 1984 – Кормушин И. В. Системы времен глагола в алтайских языках. – М., 1984.

Корочкова, 2003 – Корочкова О. Н. О некоторых аспектах алакульско-федоровского взаимодействия в лесостепном Зауралье // Человек в пространстве

- древних культур. Мат. всеросс. науч. конф. Челябинск., 2003.
- Корочкова*, 2004 – *Корочкова О.Н.* К обсуждению термина «андроновская общность» // Проблемы первобытной археологии Евразии. М., 2004..
- Корочкова*, *Стефанов*, 1999 – *Корочкова О.Н.*, *Стефанов В.И.* О некоторых особенностях погребальной практики населения алакульской культуры в Зауралье // XIV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Челябинск, 1999.
- Корш*, 1909 – *Корш Ф.Е.* Древнейший народный стих турецких племен. СПб., 1909.
- Корякова и др.*, 1991 – *Корякова Л.Н.*, *Стефанов В.И.*, *Стефанова Н.К.* Проблемы методики исследования древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Свердловск, 1991.
- Корякова и др.*, 2007 – *Корякова Л.Н.*, *Берсенева Н.А.*, *Епимахов А.В.* и др. Предварительные результаты исследований в микрорайоне Каменный Амбар (эпоха бронзы) // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург-Сургут, 2007.
- Корякова*, 1988 – *Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
- Корякова*, 1984 – *Корякова Л.Н.* Поселения саргатской культуры // Древние поселения Урала и Западной Сибири. ВАУ. Вып. 17. Свердловск, 1984.
- Корякова*, *Сергеев*, 1986 – *Корякова Л.Н.*, *Сергеев А.С.* Географический аспект хозяйственной деятельности населения азиатской культуры // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск, 1986.
- Косарев*, 1976 – *Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1976.
- Косарев*, 1981 – *Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М. 1981.
- Косарев*, 1991 – *Косарев М.Ф.* Древняя история Западной Сибири. Человек и природная среда. М., 1991.
- Косинцев*, 1998 – *Косинцев П.А.* Костные остатки животных из Чистобяжского и Хрипуновского могильников // Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.
- Косинцев*, 2000 – *Косинцев П.А.* Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.
- Косинцев*, 2001 – *Косинцев П.А.* Комплекс костных остатков домашних животных из поселений и могильников эпохи бронзы Волго-Уралья и Зауралья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат. междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001.
- Косинцев*, 2004 – *Косинцев П.А.* Типология археозоологических комплексов и модели животноводства у древнего населения юга Западной Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В. И. Цалкина. – М., 2004..
- Костюко и др.*, 1995 – *Костюков В.П.*, *Епимахов А.В.*, *Нелин Д.В.* Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). – Самара, 1995.
- Котвич*, 1962 – *Котвич В.* Исследование по алтайским языкам. – М., 1962.
- Котов*, 1997 – *Котов В.Г.* Мифология Южного Урала. К вопросу о реконструкции хтонических культов. Уфа, 1997.
- Котов*, 2000 – *Котов В.Г.* Южно-уральский пласт индоарийской мифологии // Этноты и культуры на стыке Азии и Европы. – Уфа, 2000.
- Котов*, 2001 – *Котов В.Г.* Палеолитическое святилище в пещере Шульган-Таш и мифология Южного Урала // Проблемы первобытной культуры. Уфа., 2001.
- Котов*, 2001а – *Котов В.Г.* Почитание пещерного медведя по данным пещеры Заповедная // Проблемы первобытной культуры. Уфа, 2001..
- Котов*, 2004 – *Котов В.Г.* Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская) // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа, 2004.
- Котов*, 2004а – *Котов В.Г.* Научный отчет о разведочном обследовании в Баймакском, Бурзянском, Мелеузовском и Кугарчинском районах Республики Башкортостан в 2003. Уфа. / Архив автора, 2004.
- Котов*, 2006 – *Котов В.Г.* Башкирский эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы. Уфа, 2006.
- Котов*, 2008 – *Котов В.Г.* Истоки культа медведя на Урале по данным палеолитического святилища в пещере Заповедная на Южном Урале // Урал-Алтай: через века в будущее. Мат-лы III всерос. тюркологич. конф., посв. 110-летию Н.К.Дмитриева (Уфа, 27 – 28 июня 2008 года). Т. II. Уфа, 2008.
- Котов*, 2008а – *Котов В.Г.* Костяная индустрия мустьерской стоянки Новобелокатайская на северо-востоке Башкортостана // УАВ, 2008.
- Котов*, 2009 – *Котов В.Г.* К вопросу о первоначальном заселении Южного Урала // Феномен Евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа. Мат-лы Всерос. научно-практич. конф. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009.
- Котов*, *Савельев*, 2001 – *Котов В.Г.*, *Савельев Н.С.* Новый палеолитический памятник в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник, 2001.
- Крамарев*, 2003 – *Крамарев А.И.* Характеристика погребальных сооружений срубной культуры Южного Средневековья // Вопросы Археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003.
- Кривцова-Гракова*, 1947 – *Кривцова-Гракова О.А.* Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. Вып. XVII, 1947.

- Кривцова-Гракова, 1955 – Кривцова-Гракова О.А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. № 46, 1955.
- Крижевская, 1968 – Крижевская Л.Я.* Неолит Южного Урала. – Л., 1968.
- Крижевская, 1977 – Крижевская Л.Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. – Л., 1977.
- Круглов, 2005 – Круглов Е.А.* Этнокультурные контакты античной Анатолии и Урало-Камского региона Евразии. Уфа, 2005.
- Крупнов, 1970 – Крупнов Е.И.* Об историческом аспекте в изучении материальной культуры // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- Крутских, Шорин, 1984 – Крутских Н.А., Шорин А.Ф.* Черкаскульские могильники в Челябинской области // СА. №4, 1984.
- Крывелев, 1979 – Крывелев И.А.* К вопросу о типологии религиозных верований // Проблемы типологии религиозных верований. М., 1979.
- Крюгер, 1993 – Крюгер О.О.* Арриан и его труд «Поход Александра» // Арриан. Поход Александра. М., 1993.
- Күбәләктәр ..., 2002. – Күбәләктәр һақлаған мирас (на башк.яз.) // «Ватандаш». № 6. 2002.*
- Кузеев, 1957 – Кузеев Р.Г.* Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957.
- Кузеев, 1971 – Кузеев Р.Г.* Урало-аральские связи в конце I тыс. н.э. и история формирования башкирской народности // АЭБ. Т.IV. Уфа, 1971.
- Кузеев, 1974 – Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974.
- Кузеев, 1974 – Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М.
- Кузеев, 1978 – Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа, Уфа, 1978.
- Кузеев, Пшеничник, 1984 – Кузеев Р.Г., Пшеничник А.Х.* Новое открытие пещерной живописи на Южном Урале (предварительные итоги) // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984.
- Кузнецов, 1990 – Кузнецов В.А.* Погребение III в. из Кисловодска // СА. № 2, 1990.
- Кузьмина, 1974 – Кузьмина Е.Е.* Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы // В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
- Кузьмина, 1977 – Кузьмина Е.Е.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
- Кузьмина, 1992 – Кузьмина О.В.* Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара, 1992.
- Кузьмина, 1994 – Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
- Кузьмина, 1997 – Кузьмина С.А.* Позднепалеолитическая стоянка Смеловская 2 на Южном Урале // Пещерный палеолит Урала. Мат-лы Межд. Конф. Уфа, 1997.
- Кузьмина, 2000 – Кузьмина Е.Е.* Первая волна миграции индоиранцев на юг // ВДИ. №4, 2000.
- Кузьмина, 2003 – Кузьмина Е.Е.* Абашево, Синташта и происхождение индоиранцев // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Мат-лы. межд. науч. конф. Чебоксары, 2003.
- Кузьмина, 2008 – Кузьмина Е.Е.* Арии – путь на юг. М., 2008.
- Кузьмина, 2008 – Кузьмина Е.Е.* Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе, 2008.
- Кузьмина, Ластовский, 1995 – Кузьмина О.В., Ластовский А.А.* Стоянка Красный Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. – Самара, 1995.
- Кузьминых, 1983 – Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. Москва, 1983.
- Кузьминых, 1981 – Кузьминых С.В.* Металлообработка срубных племен Закамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.
- Кузьминых, 1983 – Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983.
- Куклина, 1985 – Куклина И.В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
- Куприянова, 2008 – Куприянова Е.В.* Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск, 2008.
- Кучма, 1979 – Кучма В.В.* Византийские военные трактаты VI-X вв. как исторический источник // ВВ. Т. 40, 1979.
- Кызласов, 1958 – Кызласов Л.Р.* Этапы древней истории Тувы // ВМУ. Историко-филологическая серия. № 4, 1958.
- Кызласов, 1960 – Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М., 1960.
- Кюннер, 1961 – Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961.
- Лавров, 1981 – Лавров Л.С.* Бобры Палеоарктики. Воронеж, 1981..
- Лаврушин, Спиридонова, 1995 – Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А.* Геологическая история зоны евразийских степей в последние 10000 лет // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. – Челябинск, 1995.
- Лаврушин, Спиридонова, 1999 – Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А.* Основные геолого-палеоэкологические события конца позднего плейстоцена и голоцена на восточном склоне Южного Урала // Природные системы Южного Урала. Челябинск, 1999.
- Лагодовская, 1943 – Лагодовская Е.Ф.* Археологические памятники Башкирии от древнейших вре-

- мен до начала нашей эры // Архив УНЦ РАН. Уфа, 1943.
- Лагусте, Норманн*, 1959 – *Лагусте Е., Норманн Е.* Эстонские народные сказания о Калевипоэге (на эст.яз., резюме – на русск.). Таллин, 1959.
- Лантева*, 1994 – *Лантева Т.А.* Эполетообразные застезки Прикамья // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск: изд-во Удмуртского университета. – С.128-155, 1994.
- Латышев*, 1948 – *Латышев В.В.* Известия древних авторов о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 1, 1948.
- Лебедева*, 2005 – *Лебедева Е.Ю.* Археоботаника и изучение земледелия эпохи бронзы в Восточной Европе // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Сб. статей. Вып. 4. М., 2005.
- Левина*, 1966 – *Левина Л.М.* Керамика и вопросы хронологии памятников джетыясарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1966.
- Левина*, 1993 – *Левина Л.М.* Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-Асар, Косасар и Толпак-Асар // Низовья Сырдарьи в древности. Джетыясарская культура. Вып. III. Ч. 1. – М., 1993.
- Левина*, 1996 – *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. – М., 1996.
- Левина, Галиева*, 1993 – *Левина Л.М., Галиева З.С.* Археолого-ландшафтные исследования с применением дистанционных методов // Низовья Сырдарьи в древности. Джетыясарская культура. Вып. V. Ч. 2. – М., 1993.
- Левит, Батанина*, 2004 – *Левит Н.В., Батанина И.М.* Новое на карте «Страны городов» // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004.
- Литвинский*, 1972 – *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Литвинский*, 1978 – *Литвинский Б.А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. Ч. IV. – М., 1978.
- Лубо-Лесниченко*, 1975 – *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. – М., 1975.
- Лукина*, 1990 – *Лукина Н.Ф.* Мифы, предания и сказки хантов и манси. М., 1990.
- Лукьяшко*, 1999 – *Лукьяшко С.И.* Предскифский период на Нижнем Дону. Азов, 1999.
- Ляхницкий*, 2008 – *Ляхницкий Ю.С.* Сокровище палеолита. Уфа., 2008.
- Ляхницкий, Солодейников*, 2004 – *Ляхницкий Ю.С., Солодейников А.К.* Результаты исследования рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой) группой ВСЕГЕИ в 2001-2004 гг. // Уфимский археологический вестник. Вып. 5, 2004.
- Kcelinskij, Kirokov*, 1999 – *Kcelinskij V. E., Kirokov V.N.* Hohlenmalerei im Ural. Kapova und Ignatievka. Jan Thorbecke Verlag, 1999.
- Магидович, Магидович*, 1982 – *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. Т. I. М., 1982.
- Мажитов и др.*, 2007 – *Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н.* Средневековый город Башкорт (Уфа II) // Вестник академии наук Республики Башкортостан. Т. 2. № 3, 2007.
- Мажитов и др.*, 2008 – *Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н.* Город Башкорт – средневековая столица Башкортостана // Сокровища древней Уфы. – Уфа, 2008.
- Мажитов, Пшеничнюк*, 1968 – *Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х.* Камышлы-Тамакский могильник. АЭБ. Т. III. Уфа, 1968.
- Мажитов*, 1959 – *Мажитов Н.А.* Курганский могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.
- Мажитов*, 1968 – *Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. – М., 1968.
- Мажитов*, 1968 – *Мажитов Н.А.* Башкирская археология (на башк.яз.). Уфа, 1968.
- Мажитов*, 1972 – *Мажитов Н.А.* Работы в южной Башкирии // АО-1971. М., 1972.
- Мажитов*, 1973 – *Мажитов Н.А.* Тайны древнего Урала. Уфа, 1973.
- Мажитов*, 1977 – *Мажитов Н.А.* Южный Урал VII – XIV вв. – М., 1977.
- Мажитов, Пшеничнюк*, 1977 – *Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х.* Курганы раннесарматской культуры в южной и юго-восточной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
- Мажитов, Султанова*, 1994 – *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994.
- Мажитов, Султанова*, 1994 – *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994.
- Малов*, 1951 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951.
- Малютина, Зданович*, 2004 – *Малютина Т.С., Зданович Г.Б.* Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. № 4, 2004.
- Мамонова*, 1979 – *Мамонова Н.Н.* Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // III Международный конгресс монголоведов. Т. III. – Улан-Батор, 1979.
- Мамонтов*, 1980 – *Мамонтов В.И.* О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье // СА. № 1, 1980.
- Мандельштам*, 1978 – *Мандельштам А.М.* К восточным аспектам истории ранних кочевников в Средней Азии и Казахстане // КСИА. № 151, 1978.
- Марков*, 1988 – *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Марков*, 2007 – *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань, 2007.
- Массон*, 1976 – *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.

- Массон*, 2000 — *Массон В.М.* Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб., 2000.
- Матвеев и др.*, 2007 — *Матвеев А.В., Волков Е.Н., Костомарова Ю.В.* Материалы новых раскопок Хрипуновского могильника // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной). Курган, 2007.
- Матвеев*, 1998 — *Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.
- Матвеев*, 2000 — *Матвеев А.В.* Лесостепное Зауралье во II—I тыс. до н. э.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2000.
- Матвеев*, 2005 — *Матвеев Ю.П.* О векторе распространения «колесничных» культур эпохи бронзы // РА. № 3, 2005.
- Матвеев, Аношко*, 1999 — *Матвеев А.В., Аношко О.М.* К вопросу о палеодемографии алакульской культуры Зауралья // Экология древних и современных обществ. Тюмень, 1999.
- Матвеева и др.*, 2003 — *Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е.* Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск, 2003.
- Матвеева*, 1963 — *Матвеева Г.И.* Памятники эпохи бронзы на р. Деме. // Из истории Башкирии. Уфа, 1963.
- Матвеева, Васильев*, 1972 — *Матвеева Г.И., Васильев И.Б.* Новые памятники срубной культуры в Башкирии. // СА, № 3, 1972.
- Материалы по истории* — Материалы по истории сюнну (по китайским источникам), 1973. Вып. 2. — М., 1973.
- Матюшин*, 1982 — *Матюшин Г.Н.* Энеолит Южного Урала. — М., 1982.
- Матюшин*, 1959 — *Матюшин Г.Н.* Памятники каменного века на территории БАССР. Уфа, 1959.
- Матюшин*, 1975 — *Матюшин Г.Н.* Давлеканово IV — новое поселение эпохи бронзы в Южном Приуралье // КСИА, № 142, 1975.
- Матюшин*, 1976 — *Матюшин Г.Н.* Мезолит Южного Урала. М., 1976.
- Матюшин*, 1978 — *Матюшин Г.Н.* Некоторые итоги изучения каменного века на Урале // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Приуралья. Уфа, 1978.
- Матюшин*, 1979 — *Матюшин Г.Н.* Некоторые вопросы первоначального заселения Урала и Сибири // КСИА, 1979.
- Матюшин*, 1996 — *Матюшин Г.Н.* Древнейшее наследие Южного Урала // История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа, 1996.
- Матющенко*, 1974 — *Матющенко В.И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Томск, 1974.
- Медведев*, 1990 — *Медведев А.П.* Сарматы и лесостепь. — Воронеж, 1990.
- Медникова*, 2003 — *Медникова Н.Б.* Антропология абашевской культуры // Доно-донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж, 2003.
- Мелетинский*, 1968 — *Мелетинский Е.М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.
- Мелетинский*, 1979 — *Мелетинский Е.М.* Палеоазиатский мифологический эпос. — М., 1979.
- Мелюкова*, 1962 — *Мелюкова А.И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // СА. № 1, 1962.
- Мелюкова*, 1964 — *Мелюкова А.И.* Вооружение скифов // САИ Д1-4, 1964.
- Меремкулов*, 1980 — *Меремкулов В.Н.* Кавказско-тюркские фольклорные связи // Литературоведение и история. Ташкент, 1980.
- Мерперт и др.*, 1985 — *Мерперт Н.Я., Качалова Н.К., Васильев И.Б.* О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Мерперт*, 1954 — *Мерперт Н.Я.* Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. № 42, 1954.
- Мерперт*, 1958 — *Мерперт Н.Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА, 61. М., 1958.
- Мерперт*, 1961 — *Мерперт Н.Я.* Абашевские курганы Северной Чувашии // МИА. № 97, 1961.
- Мерперт*, 1967 — *Мерперт Н.Я.* Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Поволжье. Казань, 1967.
- Мерперт, Пряхин*, 1979 — *Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д.* Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979.
- Мильков*, 1977 — *Мильков Ф.Н.* Природные зоны СССР. М., 1977.
- Мингажетдинов*, 1971 — *Мингажетдинов М.Х.* Этногенетические мотивы в башкирских сказках // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971.
- Мирбадалева*, 1977 — *Мирбадалева А.С.* Башкирский народный эпос // Башкирский народный эпос. М., 1977.
- Могильников*, 1992 — *Могильников В.А.* Гороховская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука — С. 283-291, 1992.
- Могильников*, 1992 — *Могильников А.В.* Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука — С. 292-311.
- Могильников*, 1972 — *Могильников В.А.* К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории Урала. — М., 1972.
- Могильников*, 1992 — *Могильников В.А.* Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1992.
- Мокшин*, 1967 — *Мокшин Н.Ф.* Отражение матриархата и периода распада первобытнообщинного строя в религиях некоторых народов Поволжья (мордва, марийцы). Труды МКАЭН. Т. IV. М., 1967.

- Моргунова*, 1994 – *Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Памятники древнейшей культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994.
- Моргунова*, 1995 – *Моргунова Н.Л.* Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского Междуречья. – Оренбург, 1995.
- Моргунова*, 1999 – *Моргунова Н.Л.* Курганы у с. Уранбаш на Каргалинских рудниках // АПО. Вып. 3. Оренбург, 1999.
- Моргунова, Порохова*, 1989 – *Моргунова Н.Л. Порохова О.И.* Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности. Воронеж, 1989.
- Морозов*, 1977 – *Морозов Ю.А.* История племен срубной культуры Бельско-Уральского междуречья. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1977.
- Морозов*, 1982 – *Морозов Ю.А.* Энеолитические памятники Приуралья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев, 1982.
- Морозов*, 1982а – *Морозов Ю.А.* Срубные памятники Приуралья (вопросы периодизации и хронологии) // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982.
- Морозов*, 1983 – *Морозов Ю.А.* Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища племен Южного Урала. Уфа, 1983.
- Морозов*, 1984 – *Морозов Ю.А.* Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы. – Куйбышев, 1984.
- Морозов*, 1984а – *Морозов Ю.А.* Могильник эпохи бронзы у села Верхнетавлыкаево // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.
- Морозов*, 1986 – *Морозов Ю.А.* Памятники энеолита и бронзы в низовьях реки Белой // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.
- Морозов*, 1989 – *Морозов Ю.А.* Чишминское поселение срубной культуры на р. Уршак // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989.
- Морозов*, 1990 – *Морозов Ю.А.* Реконструкция жилищ срубной культуры на Южном Урале // Сабатиновская и срубная культуры. Днепропетровск, 1990.
- Морозов*, 1993 – *Морозов Ю.А.* Хронология погребальных памятников срубной культуры Южного Приуралья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.
- Морозов*, 1995 – *Морозов Ю.А.* Историография вопроса переходного периода от эпохи бронзы к культурам ранних кочевников южно-уральских степей // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995.
- Морозов*, 2001а – *Морозов Ю.А.* Грунтовые могильники срубной культуры Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 3. Уфа, 2001.
- Морозов*, 2001б – *Морозов Ю.А.* Усмановский комплекс памятников срубной культуры в Башкирском Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.
- Морозов*, 2003 – *Морозов Ю.А.* Находки бронзолитейного производства на поселении Азануй в верховьях реки Белой // Уфимский археологический вестник. Вып. 4, 2003.
- Морозов, Нигматуллин*, 1976 – *Морозов Ю.А., Нигматуллин Р.А.* Исследование памятников эпохи бронзы в Башкирии // АО 1975 г. М., 1976.
- Морозов, Нигматуллин*, 1998 – *Морозов Ю.А., Нигматуллин Р.А.* Этнокультурные связи срубных племен Приуралья в эпоху развитой бронзы. Уфа, 1998.
- Морозов, Нигматуллин*, 2003 – *Морозов Ю.А., Нигматуллин Р.А.* Погребальные памятники срубной культуры бассейна реки Дема (Башкирское Приуралье). Уфа, 2003.
- Морозов, Пиеничнюк*, 1978 – *Морозов Ю.А., Пиеничнюк А.Х.* Новые памятники срубной культуры в южной Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа, 1978.
- Морозов, Рутто*, 1995 – *Морозов Ю.А., Рутто Н.Г.* Исследования новых могильников эпохи бронзы в Башкирском Приуралье // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Уфа, 1995.
- Морозов, Чаплыгин*, 2006 – *Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С.* Новый вид погребальной камеры в Николаевском могильнике эпохи бронзы // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века. Уфа, 2006.
- Морозов, Чаплыгин*, 2007 – *Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С.* Памятники срубной культуры на территории Стерлитамакского района Республики Башкортостан // В центре Евразии. Стерлитамак, 2007.
- Мосин*, 2000 – *Мосин В.С.* Раздел 1. Каменный век / Древняя история Южного Зауралья. Том I. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000.
- Мосин, Никольский*, 2008 – *Мосин В.С., Никольский В.Ю.* Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. Екатеринбург., 2008.
- Мочалов*, 2004 – *Мочалов О.Д.* Ранние кубковидные сосуды эпохи бронзы в Поволжье и на Урале // РА. № 2, 2004.
- Мочалов*, 2008 – *Мочалов О.Д.* Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара, 2008.
- Мошкова*, 1960 – *Мошкова М.Г.* Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. № 78. Москва, 1960.
- Мошкова*, 1962 – *Мошкова М.Г.* О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. Вып. 89. Москва, 1962.
- Мошкова*, 1963 – *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д – I – 10. Москва, 1963.
- Мошкова, Генинг*, 1972 – *Мошкова М.Г., Генинг В.Ф.* Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памят-

ники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. Москва, 1972.

Мошкова, 1962 – *Мошкова М.Г.* Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // МИА. № 115, 1962.

Мошкова, 1963 – *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ Д1-10. М., 1963.

Мошкова, 1972 – *Мошкова М.Г.* Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972.

Мошкова, 1974 – *Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.

Мошкова, 1984 – *Мошкова М.Г.* Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифское время. – М., 1984.

Мошкова, 1989 – *Мошкова М.Г.* Позднесарматская культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М., 1989.

Мошкова, 2007 – *Мошкова М.Г.* Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV в. н.э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (погребальный обряд) // РА. № 37, 2007.

Мошкова, *Генинг*, 1972 – *Мошкова М.Г.*, *Генинг В.Ф.* Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА, Вып.153. М., 1972.

НА УНЦ РАН. – Научный архив УНЦ РАН

Нагаева, 1981 – *Нагаева Л.И.* Танцы восточных башкир. М., 1981.

Надршина, 1986 – *Надршина Ф.А.* Память народа (на башк.яз.). Уфа., 1986.

Надршина, 1992 – *Надршина Ф.А.* Духовные сокровища (Рухи хазиначар). Уфа, 1992.

Надршина, 1999 – *Надршина Ф.А.* Узак и Тузак – потомки балабашняков. Исторические корни эпоса // Ватандаш, № 1, 1999.

Надршина, 2003 – *Надршина Ф.А.* Великое творение народа // Урал-батыр. Башкирский народный эпос (на башк., русск. и англ. яз). Уфа, 2003.

Надршина, 2006 – *Надршина Ф.А.* Память народная (исторические корни и жанровые особенности башкирских народных преданий и легенд). Изд. 2-е, доп. Уфа, 2006.

Надршина, 1984, 1986 – *Надршина Ф.А.* Материалы фольклорных экспедиций (Баймакский и Абзелиловский районы Башкортостана, 1984, 1986 гг.).

Напольских, 1990 – *Напольских В.В.* Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении Земли. Новосибирск, 1990.

Напольских, 1997 – *Напольских В.В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск.

Нейхардт, 1982 – *Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.

Нелин, 2004 – *Нелин Д.В.* Шибяево I: поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник ЧГПУ. Сер. 1: Исторические науки. Вып. 2. Челябинск, 2004.

Немировский, 1986 – *Немировский А.И.* Рождение Клио. Воронеж, 1986.

Неолит Северной..., 1996 – Неолит Северной Евразии. – М., 1996.

Нефедов, 1899 – *Нефедов Ф.Д.* Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1894 г. // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. III. М., 1899.

Нехорошев, *Гиря*, 2004 – *Нехорошев П.Е.*, *Гиря Е.Ю.* Некоторые итоги исследований верхнепалеолитической стоянки в пещере Кульюрт-Тамак (Южный Урал) // Уфимский археологический вестник. Вып. 5, 2004.

Нечаева, 1961 – *Нечаева Л.Г.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. – Л. 1961.

Нигматуллин, 1978 – *Нигматуллин Р.А.* Работы Уфимского Дворца пионеров // АО – 1977. М., 1978.

Николаев, 1984 – *Николаев Р.В.* Хуннская экспансия и связанные с ней этнокультурные процессы в Сибири // Проблемы археологии Евразии. – Кемерово, 1984.

Новожинов, 1994 – *Новожинов В.А.* Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. Алматы, 1994.

Норманская, 2008 – *Норманская Ю.В.* Этимологии названий снега в сибирских (уральских и тюркских) языках // Сборник статей всероссийской конференции «Подвижники сибирской филологии: В.А. Аврорин, Е.И. Убрятова, В.М. Надеяев». Новосибирск, 2008.

Обыденнов и др., 2001 – *Обыденнов М.Ф.* *Горбунов В.С.*, *Муравкина Л.И.*, *Обыденнова Г.Т.*, *Гарустович Г.Н.* Тюбьяк: поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа, 2001.

Обыденнов, *Корепанов*, 2001 – *Обыденнов М.Ф.*, *Корепанов К.И.* Человек в искусстве Урала, Прикамья и Среднего Поволжья (эпоха каменного века – середина II тыс. н.э.). Уфа, 2001.

Обыденнов, 1978 – *Обыденнов М.Ф.* Нижнебельские стоянки эпохи раннего металла // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. – Йошкар-Ола, 1978.

Обыденнов, 1979 – *Обыденнов М.Ф.* Археологическая экспедиция Башкирского государственного университета. Уфа, 1979.

Обыденнов, 1981 – *Обыденнов М.Ф.* Культура населения Южного Урала в конце бронзового века. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1981.

Обыденнов, 1986а – *Обыденнов М.Ф.* Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа, 1986.

Обыденнов, 1986б – *Обыденнов М.Ф.* Тайна Уфимских холмов. Уфа, 1986.

- Обыденнов*, 1990 – *Обыденнов М.Ф.* Изучение эпохи поздней бронзы Волго-Камья. Уфа, 1990.
- Обыденнов*, 1991 – *Обыденнов М.Ф.* Древние памятники северо-восточной Башкирии. Уфа, 1991.
- Обыденнов*, 1996 – *Обыденнов М.Ф.* Сведения о находках металлических изделий бронзового века на Южном Урале // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа, 1996.
- Обыденнов*, 1997 – *Обыденнов М.Ф.* У истоков уральских народов: история, культура, экономика, искусство. Уфа, 1997.
- Обыденнов*, 1998 – *Обыденнов М.Ф.* Межовская культура. Уфа, 1998.
- Обыденнов, Гарустович*, 1986 – *Обыденнов М.Ф., Гарустович Г.Н.* Жилище эпохи поздней бронзы Старо-Кабановского II поселения // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.
- Обыденнов, Домрачева*, 2005 – *Обыденнов М.Ф., Домрачева М.Е.* Очерки истории экономики и палеодемографии Урало-поволжского региона в древности. Уфа, 2005.
- Обыденнов, Корепанов*, 2002 – *Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И.* Искусство Урала и Прикамья. Уфа, 2002.
- Обыденнов, Миннигулова*, 1985 – *Обыденнов М.Ф., Миннигулова Ф.М.* Древнее искусство Башкирии. Уфа, 1985.
- Обыденнов, Обыденнова*, 1992 – *Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара, 1992.
- Обыденнов, Обыденнова*, 1996 – *Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Памятники бронзового века Южного Урала. Уфа, 1996.
- Обыденнов, Шорин*, 2005 – *Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф.* Черкаскульская культура. Уфа, 2005.
- Обыденнова и др.*, 1985 – *Обыденнова Г.Т., Рутто Н.Г., Исмагилов Р.Б.* Акназаровский курганный могильник срубной культуры // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.
- Обыденнова*, 1985 – *Обыденнова Г.Т.* Памятники срубной культуры Волго-Бельского междуречья. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1985.
- Обыденнова*, 2001 – *Обыденнова Г.Т.* Историография периодизации срубной культурно-исторической общности // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.
- Обыденнова*, 2002 – *Обыденнова Г.Т.* Очерк истории Урало-Поволжской археологии первой половины XX столетия. Уфа, 2002.
- Обыденнова*, 2007 – *Обыденнова Г.Т.* Бронзовый век Урало-Поволжья в исследованиях второй половины XX века (1970-1990 гг.) // Формирование и взаимодействие Уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Уфа, 2007.
- Овсянников*, 1995 – *Овсянников В.В.* Нагаевские курганы // Наследие веков (Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане). Вып. 1. Уфа, 1995.
- Овсянников и др.*, 2007 – *Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н.* Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа, 2007.
- Овсянников*, 1999 – *Овсянников В.В.* К характеру этнокультурных контактов в лесостепном Приуралье в позднесарматскую эпоху // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. – Челябинск, 1999.
- Овсянников, Пшеничнюк*, 2007 – *Овсянников В.В., Пшеничнюк А.Х.* Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан. Уфа., 2007.
- Овчинникова, Кабанова*, 1999 – *Овчинникова Н.В., Кабанова Е.В.* Исследование кургана срубной культуры в Бугурусланском районе Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург, 1999.
- Останина*, 1997 – *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997.
- Останина*, 1997 – *Останина Т.И.* Население среднего Прикамья в III–V вв. н.э. Ижевск, 1997.
- Очерки по истории ...*, 1956 – *Очерки по истории Башкирской АССР*. Т. 1. ч. 1. Уфа, 1956.
- Очерки сравнительной...*, 1972 – *Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков*. Л., 1972
- Павлов*, 1996 – *Павлов П.Ю.* Палеолитические памятники Северо-Востока европейской части России. Сыктывкар, 1996.
- Паллас*, 1786 – *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Кн. I, ч. II. СПб., 1786.
- Памятники срубной...*, 1993 *Памятники срубной культуры*. Саратов, 1993.
- Панченко*, 1986 – *Панченко Д.В.* Геродот и становление европейской литературной утопии // Проблемы античного антиковедения. М.; Л., 1986.
- Пастушенко*, 1998 – *Пастушенко И.Ю.* Об этнокультурной принадлежности «тураевцев» // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Ч. 1. – Екатеринбург, 1998.
- Петренко и др.*, 2003 – *Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р.* Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2003.
- Петренко*, 1984 – *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.
- Петренко*, 2003 – *Петренко А.Г.* Исследования остеологических материалов из древнейших археологических памятников Среднего Поволжья и Предуралья методами естественных наук, анализ проблем становления животноводческих основ в крае // Археология и естественные науки Татарстана. Книга 1. Казань, 2003.
- Петренко*, 2004 – *Петренко А.Г.* К истории появления животноводческих основ в среднем Поволжье и Предуралье // Новейшие археологические ис-

следования в России: К столетию со дня рождения В. И. Цалкина. М., 2004.

Петрин и др., 1993 – *Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф.* Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). – Новосибирск, 1993.

Петрин и др., 1990 – *Петрин В.Т., Широков В.Н., Чаиркин С.Е.* Древнее святилище во 2-й Серпиевской пещере на Южном Урале // Семантика древних образов. Новосибирск, 1990.

Петрин, 1992 – *Петрин Т.В.* Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. – Новосибирск: ВО «Наука», 1992.

Петрин, 1992 – *Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.

Петрин, Смирнов, 1977 – *Петрин В.Т., Смирнов Н.Г.* Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала // Археологические исследования на Урале и Западной Сибири. Свердловск, 1977.

Петрова, 2004 – *Петрова Л.Ю.* Поселение эпохи бронзы Лебяжье VI (публикация материалов охранных раскопок) // Вестник ЧГПУ. Сер. 1: Исторические науки. Вып. 2. Челябинск, 2004.

Петросян, 1975 – *Петросян А.А.* Предисловие // Героический эпос народов СССР. Т.1. М., 1975.

Петросян, 1982 – *Петросян А.А.* История народа и его эпос. – М., 1982.

Пигулевская, 1941 – *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР // Труды Института востоковедения. Т. XLI. – М.; Л. 1941.

Питулько, 1991 – *Питулько В.В.* Проблемы переходных этапов по археологическим материалам приполярной зоны // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. СПб., 1991.

Плетнева, 1982 – *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М., 1982.

Полосьмак, 1990 – *Полосьмак Н.В.* Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблемы происхождения сюннской культуры // Китай в эпоху древности. – Новосибирск., 1990.

Порохова, 1989 – *Порохова О.И.* Срубно-алакульское Покровское поселение в Западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа., 1989.

Потанин, 1916 – *Потанин Г.Н.* Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки // Живая старина. Вып. 2 – 4., 1916.

Потанин, вып.2, 1881 – *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып.2. СПб., 1881.

Потанин, вып.4, 1881 – *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып.4. СПб., 1881.

Потапов, 1972 – *Потапов Л.П.* Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // ТС, 1972.

Потапов, 2002 – *Потапов В.В.* Об одной группе погребений из Саратовского Поволжья // Степи Евразии и средневековье. I. СПб., 2002.

Потемкина, 1969 – *Потемкина Т.М.* Раскопки у села Раскатиха на реке Тоболе // Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып.4. Челябинск, 1969.

Потемкина, 1975 – *Потемкина Т.М.* Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол // СА. № 1, 1975.

Потемкина, 1979 – *Потемкина Т.М.* О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье // СА. № 2, 1979.

Потемкина, 1984 – *Потемкина Т.М.* Роль абашевцев в процессе развития алакульской культуры // Эпоха бронзы Восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 1984.

Потемкина, 1985 – *Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.

Праслов, 2008 – *Праслов Н.Д.* Современное состояние и перспективы изучения раннего палеолита Русской равнины // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Мат-лы межд. конф. (Краснодар – Темрюк, 1-6 сентября 2008 г.). Ростов-на-Дону, 2008.

Прокопий Кесарийский. – Прокопий Кесарийский. Война с персами. Тайная история. СПб, 2001.

Пропп, 1984 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Л. 1984.

Пропп, 1998 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки // Пропп В.Я. Морфология сказки. М. 1998.

Пряхин и др., 2001 – *Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю.* Доно-волжская абашевская культура. Воронеж, 2001..

Пряхин, 1976 – *Пряхин А.Д.* Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.

Пряхин, 1977 – *Пряхин А.Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.

Пряхин, 1980 – *Пряхин А.Д.* Абашевская культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980.

Пряхин, 1981 – *Пряхин А.Д.* Абашевская культурно-историческая общность в советской историографии // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981.

Пряхин, Халиков 1987 – *Пряхин А.Д., Халиков А.Х.* Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

Пшеничнюк, 1964 – *Пшеничнюк А.Х.* Биктимировский могильник. АЭБ. Т. II. Уфа, 1964.

Пшеничнюк, 1968 – *Пшеничнюк А.Х.* Охлебининский могильник. АЭБ. Т. III. Уфа., 1968.

Пшеничнюк, 1973 – *Пшеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры). АЭБ. V. Уфа, 1973.

Пшеничнюк, 1976 – *Пшеничнюк А.Х.* Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976.

- Пшеничнюк*, 1981 – *Пшеничнюк А.Х.* Некоторые вопросы общественного развития племен кара-абызской культуры // *Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала*. Уфа, 1981.
- Пшеничнюк*, 1986 – *Пшеничнюк А.Х.* Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях Белой // *Археологические работы в низовьях Белой*. – Уфа: БФАН СССР, 1986.
- Пшеничнюк*, 1968 – *Пшеничнюк А.Х.* Научный отчет о результате археологических исследований за 1968 год // *Архив УНЦ РАН*. Уфа, 1968.
- Пшеничнюк*, 1968а – *Пшеничнюк А.Х.* Уфимские курганы // *АЭБ*. Т. III. Уфа, 1968.
- Пшеничнюк*, 1973 – *Пшеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // *АЭБ*. Т. V. Уфа, 1973.
- Пшеничнюк*, 1976а – *Пшеничнюк А.Х.* Направление и характер связей племен кара-абызской культуры // *Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа: Препринты докладов и сообщений*. Уфа, 1976.
- Пшеничнюк*, 1976б – *Пшеничнюк А.Х.* Шиповский комплекс памятников // *Древности Южного Урала*. Уф, 1976..
- Пшеничнюк*, 1978 – *Пшеничнюк А.Х.* Памятники эпохи бронзы в Башкирском Зауралье // *Древние культуры Поволжья и Приуралья*. Труды КГПИ. Т. 21. Куйбышев, 1978.
- Пшеничнюк*, 1983 – *Пшеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
- Пшеничнюк*, 1989 – *Пшеничнюк А.Х.* Раскопки «царского» кургана на Южном Урале: Препринт доклада. Уфа, 1989.
- Пшеничнюк*, 2000 – *Пшеничнюк А.Х.* Деревянная посуда из погребений ранних кочевников Южного Урала // *УАВ*. Вып. 2. Уфа, 2000.
- Пшеничнюк*, 2001 – *Пшеничнюк А.Х.* Филипповские курганы в центре скифского мира: Открытие и исследования // *Золотые олени Евразии*. СПб., 2001.
- Пшеничнюк*, 2002 – *Пшеничнюк А.Х.* Олени древних курганов // *Ватандаш*. №8, 2002.
- Пшеничнюк, Рязанов*, 1976 – *Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш.* Темясовские курганы позднесамарского времени на юго-востоке Башкирии // *Древности Южного Урала*. Уфа, 1976.
- Пьянков*, 2005 – *Пьянков И.В.* Аристей: путешествие к исседонам // *Исседон*. Т. 3. Екатеринбург, 2005.
- Рязанов*, 2000а – *Рязанов Р.* Сходства и общности эпоса «Урал батыр» с алтайским эпосом // *Сулейманов А., Рязанов Р.* Архаический эпос башкирского народа (на башк. яз.). Уфа, 2000.
- Рязанов*, 2000б – *Рязанов Р.Ф.* Урал батыр и «Авеста» // *Сулейманов А., Рязанов Р.* Архаический эпос башкирского народа (на башк. яз.). Уфа, 2006.
- Рамstedт*, 1957 – *Рамstedт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. – М., 1957.
- Ранний палеолит...2008* – *Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Материалы междунар. конф. (Краснодар – Темрюк, 1-6 сентября 2008 г.)*. Ростов-на-Дону, 2008.
- Рафикова*, 2001 – *Рафикова Я.В.* К вопросу о погребальных памятниках эпохи поздней бронзы магнитогорского района // *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация*. Самара, 2001.
- Рафикова*, 2008 – *Рафикова Я.В.* Совместные погребения эпохи поздней бронзы на Южном Урале: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008.
- Руденко*, 1918 – *Руденко С.И.* Описание скелетов из Прохоровских курганов / *Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской губернии эпохи раннего и позднего эллинизма // *Материалы по археологии России*. №37, 1918.
- Руденко*, 1955 – *Руденко С.И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л. 1955.
- Руденко*, 1962 – *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.–Л. 1962.
- Руденко*, 1962а – *Руденко С.И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.; Л. 1962.
- Руденко*, 2006 – *Руденко С.И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006.
- Рудковский*, 1989 – *Рудковский И.В.* Типы зонирования в андроновском орнаменте // *Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана*. Караганда, 1989.
- Рутто*, 1987 – *Рутто Н.Г.* К вопросу о срубно-алакульских контактах // *Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала*. Уфа, 1987.
- Рутто*, 2000 – *Рутто Н.Г.* Историко-культурные процессы поздней бронзы в Бельско-Уральском междуречье (срубно-алакульские взаимосвязи). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Уфа, 2000.
- Рутто*, 2003 – *Рутто Н.Г.* Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа, 2008.
- Рыбаков*, 1981 – *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981.
- Рындина, Дегтярева*, 2002 – *Рындина Н.В. Дегтярева А.Д.* Энеолит и бронзовый век М., 2002.
- Рычков*, 1770 – *Рычков Н.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770.
- Рычков*, 1887 – *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.
- Савельев*, 1997 – *Савельев Н.С.* Научный отчет об археологической разведке в Баймакском районе Республики Башкортостан в 1996 г. (Баишевский микрорайон). Уфа. / *Архив автора*, 1997.
- Савельев*, 1998 – *Савельев Н.С.* Население Месягутовской лесостепи в V-III вв. до н.э.: Культурно-хронологическая принадлежность памятников айского типа. Уфа, 1998.

- Савельев*, 2004 – *Савельев Н.С.* Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987-2000 годах. Уфа, 2004.
- Сагалаев*, 1991 – *Сагалаев А.М.* Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск, 1991.
- Сагитов*, 1981 – *Сагитов М.* Поэзия народного духа // Урал-батыр. Башкирский народный эпос. Уфа, 1981.
- Садыкова*, 1962а – *Садыкова М.Х.* Сарматские памятники Башкирии // МИА. №115, 1962.
- Садыкова*, 1962б – *Садыкова М.Х.* Сарматский курганный могильник у дер.Старые Кишки // АЭБ. Т.1. Уфа, 1962.
- Сальников*, 1966 – *Сальников К.В.* Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время // СЭ. № 5. Москва, 1966.
- Сальников*, 1940 – *Сальников К.В.* Андроновский курганный могильник у с. Федоровки // МИА. № 1, 1940.
- Сальников*, 1948 – *Сальников К.В.* К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья // Первое Уральское археологическое совещание. Доклады научных конференций Молотовского гос. ун-та. Вып. 1-4. Молотов, 1948.
- Сальников*, 1952 – *Сальников К.В.* Южно-Уральская археологическая экспедиция // КСИИМК. Вып. 45, 1952.
- Сальников*, 1952а – *Сальников К.В.* Курганы на озере Алакуль // МИА. № 24. М., 1952.
- Сальников*, 1954 – *Сальников К.В.* К вопросу о происхождении ананьинской культуры // СЭ. №4, 1954.
- Сальников*, 1954а – *Сальников К.В.* Абашевская культура на Южном Урале // СА. № XXI, 1954.
- Сальников*, 1956 – *Сальников К.В.* Исетские древние поселения // СА. Т. XXV. М., 1956.
- Сальников*, 1959 – *Сальников К.В.* Некоторые сведения об эпохе бронзы южной Башкирии // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.
- Сальников*, 1962 – *Сальников К.В.* К истории древней металлургии на Южном Урале // АЭБ. Т. 1. Уфа, 1962.
- Сальников*, 1964 – *Сальников К.В.* Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // ВАУ. Вып. 6. Свердловск, 1964.
- Сальников*, 1964а – *Сальников К.В.* Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Башкирии // АЭБ, т. II. Уфа, 1964.
- Сальников*, 1967 – *Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Сарианиди*, 1986 – *Сарианиди В.И.* Змеи и драконы в глиптике Бактрии и Маргианы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. – М., 1986.
- Сарианиди*, 1989 – *Сарианиди В.И.* Храм и некрополь Тия-Тепе. – М., 1989.
- Свеженцев*, *Шербакова*, 1997 – *Свеженцев Ю.С.*, *Шербакова Т.И.* Радиоуглеродные даты палеолитических памятников Урала // Пещерный палеолит Урала. Мат-лы Межд. Конф. Уфа, 1997.
- Сериков и др.*, 2008 – *Сериков Ю.Б.*, *Корочкова О.Н.*, *Кузьминых С.В.* и др. Бронзовый век Урала: новые перспективы // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. Т. I. М., 2008.
- Сериков*, 2000 – *Сериков Ю.Б.* Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
- Синицын*, 1946 – *Синицын И.В.* К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // СА. Вып. VIII, 1946.
- Синицын*, 1959 – *Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951 – 1953 гг.) // МИА. № 60. М., 1959.
- Синицын*, 1960 – *Синицын И.В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954 – 1955 гг.) // МИА. № 78. М., 1960.
- Синюк*, 1996 – *Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
- Скорый*, 1999 – *Скорый С.С.* Киммерийцы в Украинской Лесостепи. Киев, 1999.
- Скрипкин*, 1990 – *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.
- Скрипкин*, 1976 – *Скрипкин А.С.* К вопросу о происхождении позднесарматской культуры // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа: Препринты докладов и сообщений. Уфа, 1976.
- Скрипкин*, 1977 – *Скрипкин А.С.* Фибулы Нижнего Поволжья // СА. № 2, 1977.
- Скрипкин*, 1982 – *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия во II–IV вв. (Некоторые проблемы исследования) // СА. № 2, 1982.
- Скрипкин*, 1984 – *Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. – Саратов, 1984.
- Смирнов*, 1952 – *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. Москва, 1952.
- Смирнов*, 1957 – *Смирнов А.П.* Железный век Башкирии // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. МИА, № 58. М, 1957..
- Смирнов*, 1957а – *Смирнов К.Ф.* Проблема происхождения ранних сарматов // СА, 1957.
- Смирнов*, 1959 – *Смирнов К.Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. № 60. М., 1959.
- Смирнов*, 1960 – *Смирнов К.Ф.* Быковские курганы // МИА, № 78. М., 1960.
- Смирнов*, 1964 – *Смирнов К.Ф.* Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Смирнов*, 1966 – *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов // МИА. № 101, 1966.
- Смирнов*, 1975 – *Смирнов К.Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975.
- Смирнов*, 1977а – *Смирнов К.Ф.* Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
- Смирнов*, 1977б – *Смирнов К.Ф.* Ранние кочевники Южного Урала // АЭБ. Т.4. Уфа, 1977.

- Смирнов, Кузьмина, 1977 – Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Смолин, 1928 – Смолин В.Ф. Абашевский могильник в Чувашской Республике (Очерк археологических раскопок в 1925 году). Чебоксары, 1928.
- Соболевский, 1960 – Соболевский С.И. История греческой литературы. Т.3. М., 1960.
- Соколова, 1975 – Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды у народов Сибири в XIX – начале XX века. Москва, 1975.
- Сорокин, 1961 – Сорокин С.С. Древние скотоводы Ферганских предгорий // Исследования по археологии СССР. – Л.
- Сорокин, 1962а – Сорокин В.С. Жилище поселения Тасты-Бутак // КСИА. Вып. 91, 1962.
- Сорокин, 1962б – Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. № 120. М., 1962.
- Спицын, 1893 – Спицын А.А. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГ. Т.1. М., 1893.
- Спицын, 1901 – Спицын А.А. Древности бассейна рек Оки и Камы // МАР. Спб. №25, 1901.
- Спицын, 1898 – Спицын А.А. Краткий отчет о произведенных членом Императорской Археологической комиссии Спицыным в 1898 г. раскопках // Дело Императорской Археологической комиссии об археологических розысканиях члена Комиссии А.А. Спицына в губерниях: Вятской, Уфимской и Казанской и Пермской. Архив ИИМК. Фонд 1 № 63, 1898.
- Срубная КИО, 1985 – Срубная культурно историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Старостин, 1991 – Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. – М. 1991.
- Степанов, 1973 – Степанов П.Д. Воинские трофеи в погребениях Андреевского кургана Мордовской АССР // КСИА. Москва 1973. Вып. 136.
- Степанов, 1980 – Степанов П.Д. Андреевский курган. Саранск, 1980.
- Стефанов, 1996 – Стефанов В.И. Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Тр. музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 1996.
- Стефанов, 2009 – Стефанов В.И. О культурной принадлежности Большого Синташтинского кургана // РА. № 1, 2009.
- Стефанов, Епимахов, 2006 – Стефанов В.И., Епимахов А.В. Синташтинский III (малый) курган: некоторые подробности и новые сюжеты // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
- Стефанов, Корочкова, 2000 – Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург, 2000.
- Стефанов, Корочкова, 2006 – Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург, 2006.
- Стоколов, 1962 – Стоколов В.С. Курганы эпохи бронзы у с. Степного // Краеведческие записки. Вып. 1. Челябинск, 1962.
- Стоколов, 1969 – Стоколов В.С. Научный отчет 1969 г. // Архив УНЦ РАН. Уфа, 1969.
- Стоколов, 1972 – Стоколов В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М. 1972.
- Стоянов, Фролов, 1962 – Стоянов В.Е. Фролов В.Н. Курганные могильники у д.Воробьево // ВАУ. Вып.4. Свердловск, 1962.
- Стоянов, 1962 – Стоянов В.Е. Сайгатинский могильник на Средней Каме // ВАУ. Вып. 4, 1962.
- Страбон, 1964 – Страбон. География в 17 кн. Л. 1964.
- Сулейманов, 2000 – Сулейманов А.М. К проблеме сходства «Манаса» и башкирского эпоса // Башкирский фольклор. Вып. IV. Уфа, 2000.
- Сунгатов, 1995 – Сунгатов Ф.А. Погребальные комплексы Дежневского и Ново-Турбаслинского могильников (по материалам раскопок 1989–1992 гг.) // Курганы кочевников Южного Урала. – Уфа, 1995.
- Сунгатов, 1998 – Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура. – Уфа, 1998.
- Сунгатов, Бахшиев, 2008 – Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И. Поселение эпохи поздней бронзы Олаир. Уфа, 2008.
- Сунгатов, Сафин, 1995 – Сунгатов Ф.А., Сафин Ф.Ф. Исследование курганных могильников в Зауралье в 1991 г. // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1. Уфа, 1995.
- Суразаков, 1985 – Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. М. 1985.
- Тавризян, 2001 – Тавризян М.В. Сейминско-турбинский феномен как социально-политическое явление // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. I. Березняки, 2001.
- Таиров, 2000 – Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск. Т.2, 2000.
- Таиров, 1993 – Таиров А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до н.э. // Кочевники урало-казахстанских степей. – Челябинск, 1993.
- Таиров, 2003 – Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II – I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. – Челябинск, 2003.
- Таиров, 2007 – Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII-VI вв. до н.э. Челябинск, 2007.
- Талицкая, 1952 – Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. // МИА, № 27, 1952.
- Талицкая, 1957 – Талицкая И.А. Список археологических памятников в Башкирии и прилегающих районах // МИА, № 58, 1957.

- Темкин, Эрман*, 2000 – *Темкин Э., Эрман В.* Мифы древней Индии. – М., 2000.
- Тереножкин*, 1974 – *Тереножкин А.И.* Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. Киев, 1974.
- Тереножкин*, 1976 – *Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- Терехова и др.*, 1997 – *Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.
- Терехова, Чемякин*, 1983 – *Терехова Л.М., Чемякин Ю.П.* Новый могильник раннего железного века в Челябинской области // История и культура сарматов. Саратов, 1983.
- Тихонов*, 1960 – *Тихонов Б.Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА, № 90, 1960.
- Ткачев*, 1996 – *Ткачев В.В.* К вопросу о генезисе некоторых экстраординарных черт в алакульском погребальном обряде // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. I. Оренбург, 1996.
- Ткачев*, 2002а – *Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч.1. Тюмень, 2002.
- Ткачев*, 2002б – *Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 2. Тюмень, 2002.
- Ткачев*, 2003 – *Ткачев В.В.* Начало алакульской эпохи в Урало-Казахстанском регионе // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана, 2003.
- Ткачев*, 2003 – *Ткачев В.В.* Памятники абашевской культуры в степном Приуралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Мат-лы межд. науч. конф. Чебоксары, 2003.
- Ткачев*, 2006 – *Ткачев В.В.* Степное Приуралье на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Челябинск, 2006.
- Ткачев*, 2007а – *Ткачев В.В.* Андроновская культурно-историческая общность: дефиниция и содержание // XVII Уральское археологическое совещание. Мат. науч. конф. Екатеринбург – Сургут, 2007.
- Ткачев*, 2007б – *Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.
- Ткачев, Хаванский*, 2006 – *Ткачев В.В., Хаванский А.И.* Керамика синташтинской культуры. Орск – Самара, 2006.
- ТНС*, 1986 – Татарские народные сказки. Казань, 1986.
- Толстов, Итина*, 1965 – *Толстов С.П., Итина М.А.* Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена) // СА, № 2, 1965.
- Толстой*, 1995 – *Толстой Н.И.* Проблемы реконструкции древнеславянской духовной культуры // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.
- Традиционное ...*, 1988 – Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988.
- Трофимова*, 1941а – *Трофимова Т.А.* Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье. КСИИМК. Вып. IX. Москва, 1941.
- Трофимова*, 1941б – *Трофимова Т.А.* Черепа из Луговского могильника. Тр. института антропологии. Вып. VI. Москва, 1941.
- Трофимова*, 1951 – *Трофимова Т.А.* Антропологический состав населения Прикамья и Приуралья. МИА. № 22. Москва, 1951.
- Трофимова*, 1952 – *Трофимова Т.А.* Антропологические материалы из аланского могильника возле Стерлитамака в Башкирии // КСИЭ. Вып. 17, 1952.
- Тумэн*, 1985 – *Тумэн Д.* Антропологическая характеристика хунну Монголии // Древние культуры Монголии. – Новосибирск, 1985.
- У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн*, 1990 – *У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн.* Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Туньсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. – Новосибирск, 1990.
- Удальцова*, 1968 – *Удальцова З.В.* Мировоззрение Аммиана Марцелина // ВВ. Вып.28. 1968.
- Узак и Тузак*, 1999 – *Узак и Тузак* – потомки бабашняков // Ватандаш, №1. 1999.
- Усачук*, 2003 – *Усачук А.Н.* Трасологический анализ псалиев могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
- Усачук*, 2005 – *Усачук А.Н.* Каменноамбарские псалии (трасологический анализ) // Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн.1. Челябинск, 2005.
- Усманова*, 1987 – *Усманова Э.Р.* К вопросу о бигитализме в погребальном обряде племен андроновской общности Сары-Арки // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального Казахстана. Караганда, 1987.
- Усманова*, 2005 – *Усманова Э.Р.* Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда – Лисаковск, 2005.
- Усманова, Логвин*, 1998 – *Усманова Э.Р., Логвин В.Н.* Женские наконечники украшений Казахстана (эпоха бронзы). Лисаковск, 1998.
- Федоров, Федоров*, 1978 – *Федоров Я.А., Федоров Г.С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. – М., 1978.
- Федорова-Давыдова*, 1964 – *Федорова-Давыдова Э.А.* К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в южном Приуралье // АЭБ, т. II. Уфа, 1964.
- Федорова-Давыдова*, 1969 – *Федорова-Давыдова Э.А.* Памятники эпохи бронзы на р. Кинделе // Экспедиция ГИМ. М., 1969.
- Федорова-Давыдова*, 1973а – *Федорова-Давыдова Э.А.* К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. 1973.
- Федорова-Давыдова*, 1973б – *Федорова-Давыдова Э.А.* Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья // Проблемы археологии Урала и Сибири. М 1973..

- Фирштейн*, 1970 – *Фирштейн Б.В.* Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Антропологические данные о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л. 1970.
- Фролов*, 1991 – *Фролов Э.Д.* Факел Прометея. Л. 1991.
- Хабарова*, 1993 – *Хабарова С.В.* К вопросу об обряде сожжения в алакульской погребальной традиции (по материалам могильника Ермак-4) // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Тез. докл. Томск, 1993.
- Хабдулина*, 1994 – *Хабдулина М.К.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алма-Аты, 1994.
- Хабдуллина*, *Зданович*, 1984 – *Хабдуллина М.К., Зданович Г.Б.* Ландшафтно-климатические колебания Полоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Ишимского междуречья, 1984.
- Хазанов*, 1963 – *Хазанов А.М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4, 1963.
- Хазанов*, 1971 – *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Халиков*, 1962 – *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа / Железный век Марийского края. (Труды МАЭ, т. II). Йошкар-Ола, 1962.
- Халиков*, 1961 – *Халиков А.Х.* Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. № 97, 1961.
- Халиков*, 1969 – *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
- Халиков*, 1977 – *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII – VI вв. до н.э.). М., 1977.
- Халиков*, 1980 – *Халиков А.Х.* Приказанская культура // САИ. Вып. 131-24. М., 1980.
- Халиков*, 1987 – *Халиков А.Х.* Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств // От доклассовых обществ к раннеклассовым. – М., 1987.
- Халяпин*, 1998 – *Халяпин М.В.* Курганы срубной культуры у с. Свердлово // АПО. Вып. II. Оренбург, 1998.
- Халяпин*, *Богданов*, 1999 – *Халяпин М.В., Богданов С.В.* Погребальные памятники эпохи бронзы с территории оренбургского Приуралья // АПО. Вып. III. Оренбург, 1999.
- Халяпина*, 2000 – *Халяпина О.А.* Картографический и формально-типологический анализ поселений эпохи поздней бронзы из Западного Оренбуржья // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.
- Хеннинг*, 1961 – *Хеннинг Р.* Неведомые земли. Т.1. М., 1961.
- Хотинский и др.*, 1982 – *Хотинский К.А., Немкова В.К., Сурова Т.Г.* Главные этапы развития растительности и климата Урала в голоцене // Археологические исследования севера Евразии. – Свердловск, 1982.
- Хохлов*, 2009 – *Хохлов А.А.* О происхождении и дальнейшем развитии физического типа носителей синташтинско-потаповского круга культур // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Сб. науч. трудов к 70-летию Г.Б.Здановича. Челябинск, 2009.
- Худяков*, 1933 – *Худяков М.Г.* Древности Камы по раскопкам А.А. Спицина в 1898 г. // Материалы ГАИМК. Вып. 2. Ленинград, 1933.
- Худяков*, 1996 – *Худяков Ю.С.* Хунны в Саяно-Алтае // 100 гуннской археологии. Номадизм. Прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. (Тезисы докладов). – Улан-Удэ, 1996.
- Цейтлин*, 1975 – *Цейтлин С.М.* К геологии палеолитической стоянки Урта-Тубе (Мысовая) в Восточной Башкирии // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
- Чаплыгин*, 2004 – *Чаплыгин М.С.* К вопросу об интерпретации одиночных погребений на правом боку в могильниках срубной культуры Волго-Уральского региона // Уфимский археологический вестник. Вып. 5, 2004.
- Чемякин*, 2000 – *Чемякин Ю.П.* Коркино I // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000.
- Чемякин*, *Епимахов*, 2004 – *Чемякин Ю.П., Епимахов А.В.* Материалы по конской упряжи периода поздней бронзы Зауралья // Археологический альманах. № 15. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004.
- Чернай*, 1985 – *Чернай И.Л.* Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита – бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.
- Чернецов*, 1953 – *Чернецов В.Н.* Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35, 1953.
- Черных и др.* 2000 – *Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б.* Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология М., 2000.
- Черных и др.*, 2002 – *Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В.* Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. № 1, 2002.
- Черных*, 1964 – *Черных Е.Н.* О металле абашевской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964.
- Черных*, 1966 – *Черных Е.Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
- Черных*, 1970 – *Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172. М., 1970.
- Черных*, 1978 – *Черных Е.Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. № 4, 1978.
- Черных*, 1983 – *Черных Е.Н.* Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

- Черных*, 1984 — *Черных Е.Н.* Общность культур валиковой керамики Евразии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
- Черных*, 1989 — *Черных Е.Н.* Металл и древние культуры: узловые проблемы исследований // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989.
- Черных*, 1996 — *Черных Е.Н.* Каргалинский горно-металлургический комплекс на Южном Урале // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть 1. Уфа, 1996.
- Черных*, 1997 — *Черных Е.Н.* Каргалы: забытый мир. М., 1997.
- Черных*, 2007 — *Черных Е.Н.* Каргалы. Т.V: Феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М., 2007.
- Черных*, 2008 — *Черных Е.Н.* Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнографии и антропологии. 2008. № 3 (35), 2008.
- Черных, Исто*, 2002 — *Черных Е.Н., Исто К. Дж.* Начало эксплуатации Каргалов: радиоуглеродные даты // РА. № 2. 2002.
- Черных, Кузьминых*, 1989 — *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
- Чижевский*, 2008 — *Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового — раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань, 2008.
- Чистов*, 1986 — *Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор. Л., 1986.
- Членова*, 1977 — *Членова Н.Л.* О природе черкаскульской культуры // VII УАС: Тезисы. М., 1977.
- Членова*, 1981 — *Членова Н.Л.* Связи культур Западной Сибири и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. М., 1981. *Членова*, 1983. — *Членова Н.Л.* Предыстория «торгового пути» Геродота // СА. №1. 1983.
- Членова*, 1988 — *Членова Н.Л.* О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стел и «отделившихся скифах» // КСИА. Вып. 194. 1988.
- Чугунов*, 2000 — *Чугунов К.В.* Бронзовые наколенники стрел скифского времени Тувы // Мироззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000.
- Шарапова*, 2000 — *Шарапова С.В.* Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья (Опыт статистического анализа) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ижевск, 2000.
- Шахнович*, 1971 — *Шахнович М.И.* Первобытная мифология и философия. Л., 1971.
- Шевченко, Юсупов*, 1991 — *Шевченко А.В., Юсупов Р.М.* Краниологические материалы из Старо-Ябалаклинского могильника // Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991.
- Шелов*, 1972 — *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. — М., 1972.
- Шилов*, 1959 — *Шилов В.П.* Калиновский курганный могильник // МИА. № 60. 1959.
- Шилов*, 1975 — *Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Шилов*, 1987 — *Шилов Ю.А.* Человеческие жертвоприношения и антропоморфные символы в причерноморских курганах 3-2 тыс. до н.э. // Религиозные представления в первобытном обществе. ТД. — М. 1987.
- Широков и др.*, 2005 — *Широков В.Н., Волков Р.Б. Нестерова Г.М.* Палеолит и мезолит Урала. Учебное пособие. Екатеринбург, 2005.
- Широков и др.*, 1996 — *Широков В.Н., Косинцев П.А., Волков Р.Б.* Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.
- Широков*, 1995 — *Широков В.Н.* Древнее искусство уральских пещер. Екатеринбург, 1995.
- Широков, Волков*, 2001 — *Широков В.Н., Волков Р.Б.* Каменные орудия стоянки Богдановка I (Южный Урал) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург, 2001.
- Шмидт*, 1929 — *Шмидт А.В.* Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук // Хозяйство Башкирии. № 9. Уфа, 1929.
- Шокуров*, 1970 — *Шокуров А.П.* Материалы к археологической карте нижнего течения р. Белой и среднего течения р. Ик // Древности Башкирии. М., 1970.
- Шокуров, Бадер*, 1960 — *Шокуров А.П., Бадер О.Н.* Палеолитическое местонахождение на р. Белой // Вопросы геологии восточной окраины Русской платформы и Южного Урала. Вып. 5. 1960.
- Шокуров, Киктенко*, 1978 — *Шокуров А.П., Киктенко С.Н.* Стоянка Муллино-2 // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. Уфа, 1978.
- Шорин*, 1989 — *Шорин А.Ф.* К проблеме датировки черкаскульских и межовских памятников // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытнообщинного строя. Свердловск, 1989.
- Шорин*, 2001 — *Шорин А.Ф.* О двух новых вариантах неолитической керамики Козловского и боборыкинского типов по материалам Кокшаровского холма. // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. — Тюмень, 2001.
- Шорин, Нохрина*, 2000 — *Шорин А.Ф., Нохрина Т.И.* Погребальный обряд энеолитического населения Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск, 2000.
- Шталь*, 1989 — *Шталь И.В.* Эпические предания Древней Греции. Гераномехия: Опыт типологической жанровой реконструкции. М. 1989.
- Щелинский и др.* 2007 — *Щелинский В.Е., Кулаков С.А.* Богатыри (Синяя Балка) — раннепалеоли-

тическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове // Российская археология. № 3. 2007.

Щелинский и др., 2008 – *Щелинский В.Е., Додонов А.Е. (†), Байгушева В.С., Кулаков С.А., Симакова А.Н., Тесаков А.С., Титов В.В.* Раннепалеолитические местонахождения на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Мат-лы межд. конф. (Краснодар – Темрюк, 1 – 6 сентября 2008 г.). Ростов-на-Дону, 2008.

Щелинский, 1997 – *Щелинский В.Е.* Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала. Мат-лы Межд. Конф. Уфа, 1997.

Щербакова, 1986 – *Щербакова Т.И.* Палеолит Южного и Среднего Урала. Автореф. дис....канд. ист. наук. Л. 1986.

Шукин, 1986 – *Шукин М.Б.* Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев, 1986.

Элиаде, 1994 – *Элиаде М.* Священное и мирское. М. 1994.

Эрдели, 1967 – *Эрдели И.М.* Извлечение из хроники венгерского анонима // ВАУ. Вып. 7. 1967.

Юань Кэ, 1987 – *Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. М., 1987.

Юсупов, 1989а – *Юсупов Р.М.* Антропология населения срубной культуры Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989.

Юсупов, 1989б – *Юсупов Р.М.* К вопросу расогенетических связей Южного Урала и Приаралья в эпоху раннего железа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989.

Юсупов, 1989в – *Юсупов Р.М.* Краниология башкир. Л., 1989.

Юсупов, 1991а – *Юсупов Р.М.* Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. Уфа, 1991.

Юсупов, 1991б – *Юсупов Р.М.* К вопросу происхождения расового типа савроматов Южного Приуралья / Древние цивилизации Южного Урала. Уфа, 1991.

Юсупов, 1992 – *Юсупов Р.М.* Об уралоидном компоненте в антропологическом типе башкир // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992.

Юсупов, 2006 – *Юсупов Р.М.* Этнология башкир на рубеже тысячелетий (демография, история, этнонимия) // Проблемы этногенеза и этнической истории башкирского народа. Уфа, 2006.

Ютина, 1980 – *Ютина Т.К.* Раскопки Афонинского могильника // АО–1979. Москва, 1980.

Яблонский и др., 1994 – *Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л.*

Раскопки курганных могильников Покровка-1 и Покровка-2 в 1993 г. // КЛИ. Вып.2. 1994.

Ягодин, 1978 – *Ягодин В.Н.* Сарматский курган на Устюрте // КСИА, вып.154. М., 1978.

Яминов, Савельев, 1999 – *Яминов А.Ф., Савельев Н.С.* Баишевский археологический микрорайон // XIV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Челябинск, 1999.

Яминова, 1999 – *Яминова С.А.* История археологической мысли по проблемам бронзового века Южного Урала (60–90-е годы XX века). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Уфа, 1999.

Яценко, 1993 – *Яценко С.А.* Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV вв. н.э. (по данным письменных источников) // Петербург. археол. вест. № 6. – С. 83–88, 1993.

Яценко, 2001 – *Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М., 2001.

Adams, 1997 – *Adams D.Q., Mallory J.P.* (ed.). Encyclopedia of Indo-European culture. Chicago, 1997.

Altaic Religious..., 1990 – *Altaic Religious Beliefs and Practices* (Proceeding of the 33rd Meeting of the Permanent International Altaistic Conference). Budapest. 1990.

Altheim, 1960 – *Altheim F.* Xoyhoi bei Ptolomaeus // Omaginlui C.Paicoviciu Bucuresti. 1960.

Benveniste, 1970 – *Benveniste E.* Le vocabulaire des institutions indo-européennes. I. Economie, parenté, société. II. Pouvoir, droit, religion. Paris.

Bolton, 1962 – *Bolton J.D.P.* Aristaeus of Proconnesus. Oxford. 1970.

Bulling, 1960 – *Bulling A.* The decoration of mirrors of the Han period. A cronology. Ascona (Ar. As. Supplementum). XX. 1960.

Byzantine Art, 1985 – *Byzantine Art in the Collections of Soviet Museums.* Leningrad. 1985.

Clauson, 1965 – *Clauson G.* Turkish and Mongolian horses and use of horses: An etymological study // CAJ. (Proceedings of the VII-th meeting of the Permanent International Altaistic Conference 29 Augustus – 3 September, 1964). 1965.

Collinder, 1952 – *Collinder B.* Uralaltaisch // UAJb 24. 1952.

Das Graberfeld..., 1984 – *Das Graberfeld der hunno-sarmatischen Zeit von Korel; Tuva, Sud-sibirien* // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archaologie. – Munchen: Verlag C.H. Beck. – Bd. 25. 1984.

D_bo, 2008 – *D_bo A.* Baz_otsu bitki adlar_n_n Ana Tьrkze Arketipleri ve Ana Altayca Kцkleri // VI. Uluslararası Turk Dilinin Kurultayı. Ankara 2008.

Dybo, 2006 – *Dybo A.V.* Indoeuropeans and Altaians through the linguistic reconstruction // Kinship in the Altai World. Proceedings of the 48th PIAC. Wiesbaden. 2006.

Frank, 1993 – *Frank A.G.* Bronze Age World System Cycles // Current Anthropology. Vol. 34. № 4. 1993.

Friedrich, 1979 – *Friedrich P.* Indoeuropean names of trees. Chicago.

- Gayduchenko*, 2002 – *Gayduchenko L.L.* Organic Remains from Fortified Settlements and necropolis of the «Country of towns» // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Regional Specifics in Light of Global Models/ ed. by K. Jones-Bley, D. G. Zdanovich. Vol. II (Journal of Indo-European Studies. Monograph Series 45). Washington. 1979.
- Gening*, 1995 – *Gening V.* Volkerwanderungseitliche Kriegergraber aus Tuzaevo im Uralvorland // Eurasia Antiqua, Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Band I. 1995.
- Koryakova, Epimakhov*, 2007 – *Koryakova L., Epimakhov A.V.* The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Age. Cambridge. 2007.
- Logvin*, 2002 – *Logvin V.N.* The Cemetery of Bestamak and the Structure of the Community // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Regional Specifics in Light of Global Models/ ed. by K. Jones-Bley, D. G. Zdanovich. Vol. II (Journal of Indo-European Studies. Monograph Series 45). Washington. 2002.
- Maench-Helfen*, 1945 – *Maench-Helfen P.* Huns and Hjiung-nu // Byzantion, n. s. XVII. 1945.
- Manchen-Helfein*, 1973 – *Manchen-Helfein O.* The World of Huns. – L. 1973.
- Menges*, 1965 – *Menges K.G.* Zu einigen uralaltaisch-tocharischen Wurtbeziehungen // Orbis 14. 1965.
- Miller*, 1971 – *Miller R.A.* Japanese and the other Altaic languages. – Chicago, 1971.
- Mudrak*, 2008 – *Mudrak O.A.* Kamchukchee and Eskimo Glottochronology and Some Altaic Etymologies Found in the Swadesh List. // Аспекты компаративистики-III. М. 2008.
- Panyushkina*, 2008 – *Panyushkina I.* Calendar Age of Lisakovsky Timber Attributed to Andronovo Community of Bronze Age in Eurasia / Panyushkina I., B. J. Mills, E. R. Usmanova, Li Cheng. // Radiocarbon. Vol. 50. № 3, 2008.
- Poppe*, 1960 – *Poppe N.* Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen, 1. Wiesbaden, 1960.
- Privat*, 2002 – *Privat K.* Preliminary report of paleodietary analysis of human and animal remains from Bol'shekaragansky kurgan 25 // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн.1. Челябинск, 2002.
- Pshenichniuk*, 2000 – *Pshenichniuk A.* The Filippovka Kurgans at the Heart of the Eurasian Steppes // The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. The State Hermitage, Saint Petersburg, and the Archaeological Museum, Ufa. The Metropolitan Museum of Art, New York, 2000.
- Ramstedt*, 1957 – *Ramstedt G.J.* Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Lautlehre. Helsinki, 1957.
- Redei*, 1986–1989 – *Redei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986-1989.
- Rödsönen*, 1955 – *Rödsönen M.* Uralaltaische Wortforschungen. Helsinki, 1955. *Sauvageot A.* Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques. Budapest
- Rödsönen*, 1959 – *Rödsönen M.* Über die Lederbearbeitung der uralaltaischen Völker. UAJb XXXI. 1959.
- Ryna-Tas*, 1961 – *Ryna-Tas A.* Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen? // Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker: Protokollband der XII. Tagung der Permanent International Altaic Conference in Berlin. Berlin. 1961.
- Ryna-Tas*, 1972 – *Ryna-Tas A.* Dream, magic power and divination in the Altaic world. AOH 25. 1972.
- Schrader, Nehring*, 1917–1928 – *Schrader O., Nehring A.* Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, I–II. Berlin – Leipzig.
- Sinor*, 1962 – *Sinor D.* Some Altaic names for bovines. AOH 15. 1962.
- Sinor*, 1965 – *Sinor D.* Notes on the Altaic equine terminology // CAJ. 1965.
- Starostin*, 2003 – *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* The etymological dictionary of Altaic languages. Leiden, Brill. 2003.
- Starostin*, 2007 – *Starostin S.A.* The eldest contacts: Proto-Altaic loanwords in Old Chinese. // Prehistory of South-East Asia. Geneve, 2004. / Старостин С.А. Труды по языкознанию. М. 2007.
- Sulimirski*, 1970 – *Sulimirski T.* The Sarmations. – New-York; Washington. 1970.
- Tallgren*, 1919 – *Tallgren A.M.* L'ïroque dite d'Ananino dans la Russe orientale // SMYA. XXXI. 1919.
- Tekin*, 1981 – *Tekin T.* Notes on some Altaic harnessing terms. CAJ 25. 1981.
- Toth*, 1967 – *Toth T.* Some problems in the Palaeoanthropology of Northern Mongolia // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest. 1967.
- Toth*, 2000 – *Toth T.* 2000. New data of the Palaeoanthropology of Northern Mongolia // Archaeologica expeditions in Mongolia. – Budapest.

ПЕРЕЧЕНЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

- Абдуловское III поселение (бронза)
Агаповка II, поселение (бронза)
Аитовское поселение (бронза)
Айдос, стоянка (эпоха камня)
Айская, стоянка (эпоха камня)
Акбердинские курганы (РЖВ)
Акбердинское II городище
Акбердинское городище
Акбутинская, пещерная стоянка
Акбутинская стоянка
Акжар, курганы (РЖВ)
Аландское, укрепленное поселение (бронза)
Алакульский могильник (бронза)
Александровский IV могильник (бронза)
Альмухаметовские курганы
Ананьинский могильник (РЖВ)
Аначевское городище (РЖВ)
Андреевское, укрепленное поселение
Аркаим, укрепленное поселение (бронза)
Атышская, пещерная стоянка (эпоха камня)
Байсланташ, пещерная стоянка (эпоха камня)
Байсланташ, пещерная стоянка (эпоха камня)
Балатукая, пещерная стоянка (эпоха камня)
Бекешевские IV курганы (РЖВ)
Береговское I поселение (бронза)
Берсуат (Ягодный Дол), укрепленное поселение
Биккуловское I, поселение (бронза)
Биккуловское II, поселение (бронза)
Биктимировский I могильник
Биктимировский III, могильник
Биктимировское городище
Бирский могильник (РЖВ)
Бирское (Чергово) городище (РЖВ)
Бис-Оба, курганы
Биш Уба I, курганы
Бишунгаровские курганы (РЖВ)
Богдановка, стоянка (эпоха камня)
Боголюбовский курган (РЖВ)
Большекараганский, могильник (бронза)
Бустанаевское городище (Кала-Тау)
Воронки, селище (РЖВ)
Воскресенские курганы (бронза)
Воскресенское городище (РЖВ)
Горново, местонахождение (эпоха камня)
Горновское, местонахождение (эпоха камня)
Горный, поселение (бронза)
Гумарово, курганы
Гумеровская II, стоянка (эпоха камня)
Гумеровские I, курганы
Гумеровский II, курган
Гумеровский III, курган
Гумеровское I, городище
Давлекановский могильник (бронза)
Давлеканово, стоянка (эпоха камня)
Демский могильник (бронза)
Дербеневские курганы
Долгий Ельник
Долина I, местонахождение (эпоха камня)
Долина II, местонахождение (эпоха камня)
Дудкино I, стоянка (эпоха камня)
Елбулак-Тамак курганы
Елимбетовские курганы
Журумбай, укрепленное поселение
Заповедная, пещерное святилище (эпоха камня)
Игнatieвская (Ямазы-таш), пещерное святилище и стоянка (эпоха камня)
Идрисовская, пещерная стоянка (эпоха камня)
Ильмурзино, стоянка (эпоха камня)
Ильмурзино, стоянка (эпоха камня)
Исиней, укрепленное поселение
Исмагиловское поселение (бронза)
Исхаковское городище (Кала-Тау)
Каменный Амбар (Ольгино), укрепленное поселение
Каменный Амбар-5, могильник
Камышинское II, городище (РЖВ)
Камышное II, поселение (бронза)
Кара Тал, курганы (РЖВ)
Карабалыкты II, стоянка (эпоха камня)
Карабалыкты VII, (Урта-Тубе, Мысовая)
Касьяновское городище (РЖВ)
Комсомольские I, курганы (РЖВ)
Коноплянка, укрепленное поселение
Кульюрт-Тамак, пещерная стоянка (эпоха камня)
Кызал-Яр 4, местонахождение (эпоха камня)
Кызыл-Яр 2, стоянка-мастерская (эпоха камня)
Кясыяновское городище (РЖВ)
Лабазы I, стоянка (эпоха камня)
Лебедевка, курганы
Леканды, курганы
Макан, курганы (РЖВ)
Максютовский грот, стоянка (эпоха камня)
Мало-Кизильский могильник (бронза)
Малый Липовый X, стоянка (эпоха камня)
Матраевские II, курганы (Алтын-Уба)
Миловка I, стоянка (эпоха камня)
Миловка II, стоянка (эпоха камня)
Миловское III, селище (бронза)
Муллино, местонахождение (эпоха камня)
Муновский (Пьяноборский II), могильник (РЖВ)
Мурадымовское, поселение (бронза)
Мысовая, стоянка (эпоха камня)
Навес, стоянка (эпоха камня)
Нагаевское I, городище (РЖВ)
Нагаевское II, городище (РЖВ)
Нагайбакское, городище (Городок)
Ново-Балтачевский могильник (бронза)
Новобелокатайская стоянка (эпоха камня)
Ново-Кабановское городище (РЖВ)
Новые Ябалаклы, курганы
Островская (им. М.В. Талицкого), стоянка (эпоха камня)
Охлебининский могильник (РЖВ)
Охлебининское II, городище (Ак-Таш) (РЖВ)
Охлебининское III, городище (РЖВ)
Париж, укрепленное поселение (бронза)
Переволочанские I, курганы
Переволочанские II, курганы
Петряевский могильник (бронза)
Прохоровка, курганы (РЖВ)
Родники, укрепленное поселение
Романовка II, стоянка (эпоха камня)

Романовка III, стоянка (эпоха камня)
 Романовка VIII, стоянка (эпоха камня)
 Рятамакские курганы
 Сабакты III, стоянка (эпоха камня)
 Сарым-Саклы, укрепленное поселение
 Сарыташ Iв, местонахождение (эпоха камня)
 Сауз, стоянка (эпоха камня)
 Селек, укрепленное поселение
 Сибайские I, курганы (Бишуба) (бронза)
 Сибайские II, курганы (РЖВ)
 Симбирка I, поселение (бронза)
 Синташта, могильник (бронза)
 Синташта, укрепленное поселение (бронза)
 Синташта II (Левобережное), укрепленное поселение
 «Скала Большевик», стоянка (эпоха камня)
 Смеловская I, пещерная стоянка (эпоха камня)
 Смеловская II, пещерная стоянка (эпоха камня)
 Старо-Киишкинские курганы (РЖВ)
 Старо-Муштинское городище (Кыз-Кала-Тау)
 Старо-Ябалаклинский могильник (бронза)
 Старо-Яппаровский могильник (бронза)
 Сюнь 1, стоянка (эпоха камня)
 Сюнь 2, стоянка (эпоха камня)
 Табулдинское, местонахождение (эпоха камня)
 Табынское городище (РЖВ)
 Таналык, поселение (бронза)
 Ташбулатово I (Карабалыкты X), стоянка (камень)
 Таш-Елгинский могильник (РЖВ)
 Таш-Елгинское городище (РЖВ)
 Темясовские I, курганы (РЖВ)
 Тра-Тау, городище (РЖВ)
 Уметбаевские курганы (РЖВ)
 Урняк, поселение (бронза)
 Устье, укрепленное поселение
 Усть, Сарапульский могильник (РЖВ)
 Уфимское (Чертово) городище
 Уязыбашево курганы (РЖВ)
 Филипповские курганы (РЖВ)
 Хрящевка, курганы (РЖВ)
 Целинные I, курганы (РЖВ)
 Целинные III, курганы (РЖВ)
 Целинные курганы (РЖВ)
 Целинный II, курган (РЖВ)
 Целинный, курган (РЖВ)
 Чебаркуль IV, стоянка (эпоха камня)
 Черниковское, селище (РЖВ)
 Черняки, курганы (бронза)
 Чубук-Каранский могильник (бронза)
 Чумаровские I, курганы (РЖВ)
 Чумаровские II, курганы (РЖВ)
 Шаншар, курганы (РЖВ)
 Шиповский, курганно-грунтовый могильник (РЖВ)
 Шиповское городище (Рамазанка) (РЖВ)
 Шульган-Таш (Капова) пещера (эпоха камня)
 Шульган-Таш (Каповая), пещерное святилище и стоянка (эпоха камня)
 Юрматинские I, курганы (РЖВ)
 Юрматинские V, курганы (РЖВ)
 Юрматинские VI, курганы (РЖВ)
 Янгелька, стоянка (эпоха камня)
 Янгельская, стоянка (эпоха камня)

СОКРАЩЕНИЯ

АКБ – Археологическая карта Башкирии. М., 1976.
 АПБ – Археологические памятники Башкортостана. Уфа, 1996.
 АО – Археологические открытия
 АПО – Археологические памятники Оренбуржья
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 АЭБ – Археология и этнография Башкирии
 БГОМ – Башкирский государственный объединенный музей
 БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
 БГУ – Башкирский государственный университет
 БЛ – Башкирская литература
 БНПЛ – Башкирские народные предания и легенды
 БНТ – Башкирское народное творчество
 БНЭ – Башкирский народный эпос
 БФАН СССР – Башкирский филиал АН СССР
 БХИ – Башкорт халык ижады
 БШ – Башкирские шежере
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 ВДИ – Вестник древней истории
 ВМУ – Вестник Московского университета
 ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
 ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук
 ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук
 ИЭРиЖ УрО РАН – Институт экологии растений и животных УрО РАН
 КПАБ – Каталог памятников археологии Башкирской АССР, открытых в 1972-1980 годы (Уфа, 1982)
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 ЛАИ ЧелГУ – Лаборатория археологических исследований Челябинского государственного университета
 МИА – Материалы и исследования по археологии
 НАВ – Нижневолжский археологический вестник
 НА УНЦ РАН – Научный архив УНЦ РАН
 ПАБ – Памятники археологии Башкирской АССР, открытые в 1981-1986 годы: Каталог. Уфа, 1988.
 РА – Российская археология
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 СЭ – Советская этнография
 ТИЭ АН СССР – Труды института этнографии АН СССР
 ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
 ЧОКМ – Челябинский областной краеведческий музей
 УАВ – Уфимский археологический вестник
 УАС – Уральское археологическое совещание
 УрГУ – Уральский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово Президента Республики Башкортостан М.Г. Рахимова	5
Приветственное слово академика Российской академии наук А.П. Деревянко.	6
От редакционной коллегии (<i>М.М. Кульшарипов</i>)	7
Предисловие к I тому (<i>В.В. Овсянников</i>)	11

ИСТОРИЧЕСКИЙ БАШКОРТОСТАН

Историко-географические и природно-климатические условия Южного Урала (<i>А.В. Псянчин</i>)	15
---	----

ДРЕВНЕЙШИЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО НАРОДА

Исторический Башкортостан в эпоху камня	23
Палеолит (<i>В.Г. Котов</i>)	23
Ранний и средний палеолит	23
Верхний палеолит	33
Культовые памятники эпохи палеолита	44
Мезолит (<i>В.Г. Котов</i>)	54
Эпоха неолита и энеолита (<i>В.С. Мосин</i>)	64
Исторический Башкортостан в бронзовом веке.	87
Синташтинская культура (<i>А.В. Епимахов</i>)	90
Алакульская культура (<i>А.В. Епимахов</i>)	105
Срубная культура (<i>Ю.А. Морозов</i>)	123
Культуры позднего и финального бронзового века на Южном Урале (<i>М.Ф. Обыденнов</i>)	147
Черкаскульская культура	147
Межовская культура	149
Маклашеевская культура	153
Исторический Башкортостан в раннем железном веке	168
Общая характеристика эпохи (<i>В.К. Федоров</i>)	168
Исторический Башкортостан в свете античной традиции (<i>Е.А. Круглов</i>)	170
Культура ранних кочевников (<i>А.Х. Пшеничниук</i>)	173
Савроматская культура (VII – IV вв. до н.э.)	174
Раннесарматская (прохоровская) культура (IV – II вв. до н.э.)	180
Среднесарматская (суловская) культура (II в. до н.э. – I в. н.э.)	201
Позднесарматская культура (II – IV вв. н.э.)	205

Население лесостепной зоны Предуралья	213
Ананьинская культура (<i>В.В. Овсянников</i>)	213
Кара-абызская культура (<i>В.В. Овсянников</i>)	223
Население Месягутовской лесостепи (<i>Н.С. Савельев</i>)	245
Пьяноборская культура (<i>С.Э. Зубов</i>)	255
Исторический Башкортостан в гуннскую эпоху	268
Ранние гунны на Южном Урале (<i>М.М. Кульшарипов, Н.А. Мажитов</i>)	268
Внешний вид и антропологический облик гуннов (<i>С.Г. Боталов</i>)	273

РАННИЕ ЭТАПЫ РАСОГЕНЕЗА И ЭТНОГЕНЕЗА БАШКИРСКОГО НАРОДА

Антропология населения в эпоху бронзы (<i>Р.М. Юсупов</i>)	281
Антропология населения в эпоху раннего железа (<i>Р.М. Юсупов</i>)	296

ДРЕВНЕЙШИЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Башкирский язык в системе алтайских языков (<i>А.В. Дыбо, Ф.Г. Хисамитдинова</i>)	313
--	-----

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНИХ БАШКИР

Башкирский героический эпос «Урал-батыр» как исторический источник (<i>В.Г. Котов</i>)	335
Башкирский фольклор как исторический источник (<i>Ф.А. Надршина</i>)	339
Заключение (<i>В.В. Овсянников</i>)	361
Summary	363
Библиография	365
Перечень археологических памятников	394
Сокращения	395

CONTENTS

Words of greeting by <i>M.G. Rakhimov</i> , President of the Republic of Bashkortostan	5
Words of greeting by <i>A.P. Derevyanko</i> , Academician, Russian academy of Sciences	6
Foreword (<i>M. Kulsharipov</i>)	7
Foreword to Volume One (<i>V.Ovsyannikov</i>)	11

THE HISTORICAL BASHKORTOSTAN

The Southern Urals, Historical and Geographical Condition. Surroundings. Natural and Georaphic (<i>A. Psyanchin</i>)	15
---	----

THE ANCIENTMOST STAGES OF BASHKIR PEOPLE'S HISTORY

The Historical Bashkortostan in the Stone Age	23
Palaelithics (<i>V. Kotov</i>)	23
Early and Middle Stone Age.	23
Upper Palaelithics	33
Cult relics of the Stone Age	44
Mesolithics (<i>V. Kotov</i>)	54
The Neolithic and Aeneolithic epochs (<i>V. Mosin</i>)	64
The Historical Bashkortostan in the Bronze Age	87
The Syntashta archaeological culture (<i>A. Yepimakhov</i>)	90
The Alaqlu culture (<i>A. Yepimakhov</i>)	105
The timber Grave culture (<i>Y. Morozov</i>)	123
Archaeological cultures of the Late Bronze Age in the South Urals (<i>M. Obydyonov</i>)	147
The Ccherkaskul' culture	147
The Mezhev culture	149
The Maklashev culture	153
The Historical Bashkortostan in the Early Iron Age	168
The Generalities (<i>V. Fyodorov</i>)	168
Historical Bashkortostan in the light of antique tradition (<i>Y. Krouglov</i>)	170
The Early Nomads' culture (<i>A. Pshenichnyuk</i>)	173
The Sauromath culture (VII – IV centuries BC)	1740
The early Sarmatian (Prokhorovka) culture (IV – II centuries BC)	180
The mid Sarmatian (Suslovka) culture (II century BC – I century AD)	201
The late Sarmatian culture (II – IV centuries AD)	205

The AnteUrals forest-steppe zone population	213
The Ananyino culture (VIII – III centuries BC)(<i>V. Ovsyannikov</i>)	213
The Qara-Abyz culture (V century BC – IV century AD)(<i>V. Ovsyannikov</i>)	223
The Myasagut forest-steppe population (<i>N. Savelyev</i>)	245
The Pyanobor archeological culture (<i>S. Zoubov</i>)	255
The Historical Bashkortostan in the Huns' Epoch.	268
Early Huns in the South Urals (<i>N. Mazhitov; M. Kulsharipov</i>)	268
The looks and anthropological features of the Huns (<i>S. Botalov</i>)	273

EARLY STAGES OF THE BASHKIR PEOPLE'S RACIAL AND ETHNIC GENESIS

Physical Anthropology of the Population in the Bronze Age (<i>R. Yusupov</i>)	281
Physical Anthropology of the Population in the Early Iron Age (<i>R. Yusupov</i>)	296

THE MOST ANCIENT STAGE OF THE FORMATION OF THE BASHKIR LANGUAGE

The Bashkir Language in the Altaic Stock of Languages (<i>A. Dybo, F. Khisamitdinova</i>)	313
--	-----

ANCIENT BASHKIRS' MYTHOLOGICAL BELIEFS

The Bashkir Heroic Epic «Ural-Batyr» as a historical source (<i>V. Kotov</i>)	335
The Bashkir Folklore as a Historical Source (<i>F. Nadyrshina</i>)	339
Conclusion (<i>V. Ovsyannikov</i>)	361
Summary (<i>Translated by Sh. Nafiqoff</i>)	363
List Of References	365
The Archeological Relics Inventory	394
List of Abbreviations	395

История башкирского народа : в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов ; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. – М. : Наука, 2009. – 400 с.: ил. – ISBN 978-5-02-037008-1.

Т. I. – 2009. – ISBN 978-5-02-037010-4 (в пер.)

Первый том «Истории башкирского народа» посвящен древнейшим этапам истории Южного Урала – территории, где происходило формирование башкирского народа. В книге последовательно описано складывание исторического ландшафта в эпоху камня, бронзы и раннего железа; освещены основные этнокультурные процессы. Книга построена на основе археологических источников с привлечением широкого круга антропологических, фольклорных и лингвистических материалов.

Научное издание

ИСТОРИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА

в семи томах

I том

Утверждено к печати Ученым советом Института истории, языка и литературы
Уфимского научного центра Российской академии наук

Зав. редакцией	<i>Н.Л. Петрова</i>
Редакторы	<i>Г.В. Шевцова, М.М. Леренман, Л.Р. Габитова</i>
Оформление и верстка	<i>С.М. Ефименко</i>
Корректор	<i>Ф.А. Каримова</i>

Подписано в печать 12.12.2009. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 46,5 + 1,4 вкл.

Тираж 10000 экз. Заказ № 2.0167.09.

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых файлов на Государственном унитарном предприятии
Республики Башкортостан «Уфимский полиграфкомбинат».
450001, г. Уфа, пр. Октября, 2.

Фото 1. Эпоха палеолита. Шульган-таш (Капова) пещера. Изображение носорога в зале Рисунков

Фото 2. Эпоха палеолита. Шульган-таш (Капова) пещера. Изображение лошади в зале Рисунков

Фото 3. Эпоха палеолита. Местонахождение Кызыл-Яр IV. Рубило из яшмы

Фото 4. Эпоха палеолита. Местонахождение Кызыл-Яр IV. Нуклеус из яшмы

Фото 5. Эпоха неолита. Стоянка Кушулево. Каменные наконечники стрел

Фото 6. Синташтинская культура. Бронзовый наконечник копья

Фото 7. Синташтинская культура. Костяные панцирные пластины

Фото 8. Синташтинская культура. Костяные псалии

Фото 9. Срубная культура. Николаевские курганы.
Глиняный сосуд

Фото 11. Алакульская культура. Березовские V курганы.
Медная бляха в виде свастики

Фото 13. Срубно-алакульский тип. Селивановские II курганы. Парное погребение

Фото 10. Срубная культура. Николаевские курганы.
Детское погребение

Фото 12. Синташтинская культура. Ново-Петровские курганы. Серебряный перстень

Фото 14. Срубная культура. Николаевские курганы.
Золотые височные подвески

Фото 15. Срубная культура. Николаевские курганы. Наконечники стрел

Фото 16. Срубная культура. Николаевские курганы. Бронзовые серпы

Фото 17. Раннесарматская культура. Филипповские курганы. Деревянная скульптура оленя, обложенная золотом (раскопки А.Х. Пшеничнюка)

Фото 18. Раннесарматская культура. Филипповские курганы. Сбруйная бляха (раскопки А.Х. Пшеничнюка)

Фото 19. Раннесарматская культура. Филипповские курганы. Оковка закраины деревянного сосуда с изображением всадника (раскопки А.Х. Пшеничнюка)

Фото 20. Раннесарматская культура. Филипповские курганы. Оковка закраины деревянного сосуда с изображением рыбы (раскопки А.Х. Пшеничнюка)

Фото 21. Раннесарматская культура. Филипповские курганы. Полусферический предмет с изображением животных (раскопки А.Х. Пшеничнюка)

Фото 22. Раннесарматская культура. Филипповские курганы. Медальон с изображением иранского божества (раскопки Л.Т. Яблонского)

Фото 23. Раннесарматская культура. Филипповские курганы. Костяная ложечка (раскопки Л.Т. Яблонского)

Фото 24. Раннесарматская культура. Альмухаметовские курганы. Бронзовое зеркало

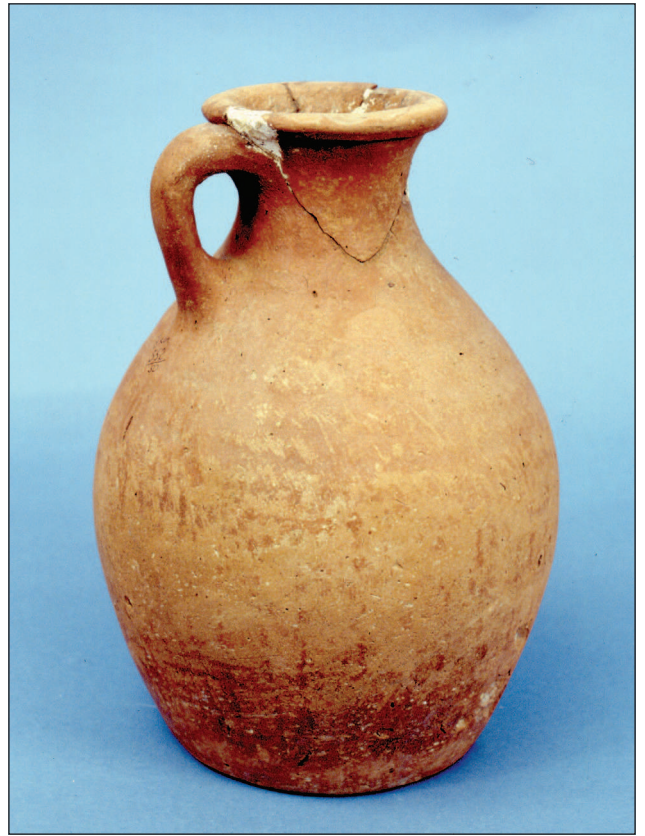

Фото 25. Раннесарматская культура. Бишунгаровские курганы. Гончарный хорезмийский сосуд

Фото 26. Раннесарматская культура. Переволочанские курганы. Бронзовый котел

Фото 27. Раннесарматская культура. Филипповские курганы. Костяная фигурка всадника

Фото 28. Раннесарматская культура. Переволочанские курганы. Золотые обкладки сосуда

Фото 29. Раннесарматская культура. Сибайские II курганы. Каменный жертвенник

Фото 30. Раннесарматская культура. Железные акинати. Случайные находки

Фото 31. Раннесарматская культура. Переволочанские курганы. Глиняные курильницы

Фото 32. Кара-абызская культура. Бронзовые изделия

Фото 33. Антропологический тип населения Южного Урала в эпоху мезолита. Давлеканово. Реконструкция М.М. Герасимова

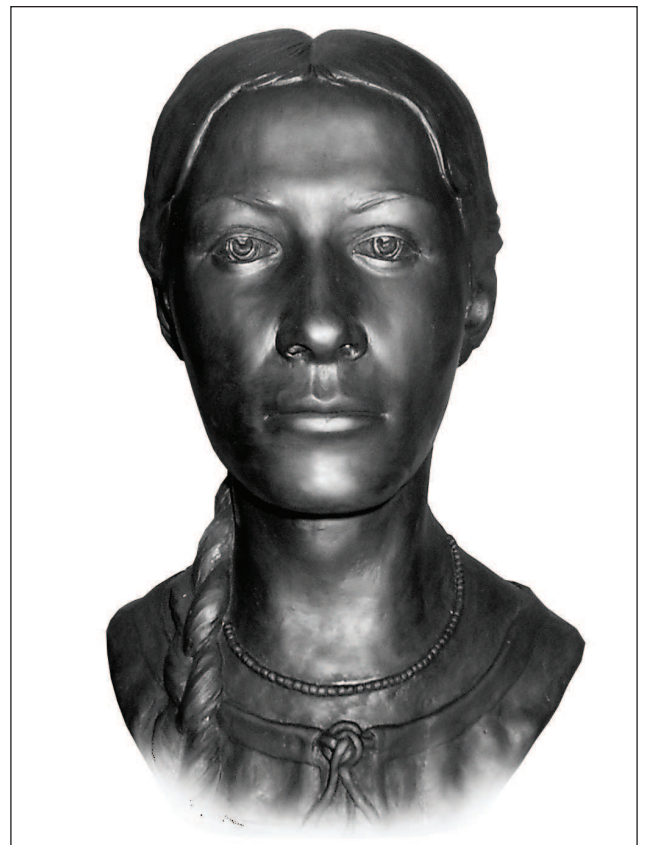

Фото 34. Антропологический тип населения Южного Урала в эпоху бронзы. Селивановские II курганы (Абзелиловский район). Реконструкция А.И. Нечвалоды

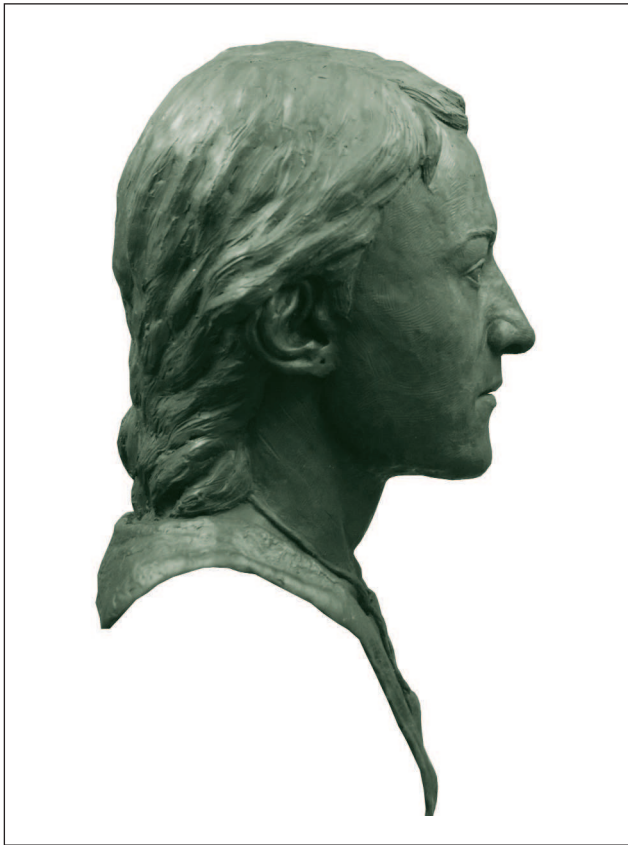

Фото 35. Антропологический тип населения Южного Урала в эпоху бронзы. Хусаиновские курганы (Давлекановский район). Реконструкция А.И. Нечвалоды

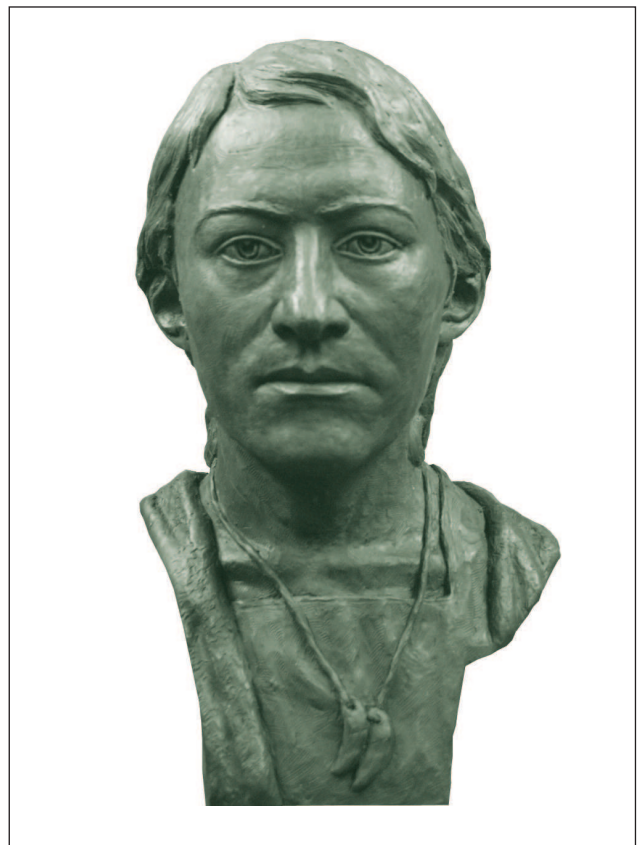

Фото 36. Антропологический тип населения степной части Южного Урала в VII в. до н.э. Гумаровские курганы. Реконструкция Т.С. Балуевой

Фото 37. Антропологический тип населения степной части Южного Урала в IV-III вв. до н.э. Филипповские курганы (Оренбургская обл.). Реконструкция Т.С. Балуевой

Фото 38. Антропологический тип населения степной части Южного Урала в IV-III вв. до н.э. Филипповские курганы (Оренбургская обл.). Реконструкция Т.С. Балуевой

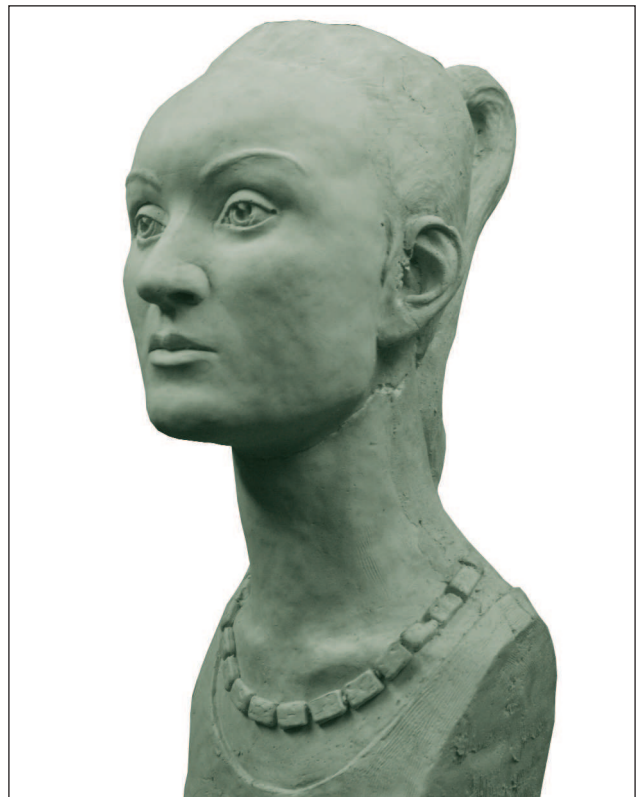

Фото 39. Антропологический тип населения степной части Южного Урала в II-IV вв. до н.э. Селивановские курганы (Абзелиловский р-н). Реконструкция А.И. Нечволоды

Фото 40. Антропологический тип населения степной части Южного Урала в III вв. н.э. Могильник Солёный Дол (раскопки И.Э. Любчанского). Реконструкция: антропологическая – А.И. Нечволода; внешний вид – С.Г. Боталов; фото – С.М. Арканов